II / 707
т. 2

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ИЗДАНІЕ

А. МЮНСТЕРА

ТОМЪ ВТОРОЙ

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

Д II
707

44940
п

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ИЗДАНІЕ

А. МЮНСТЕРА

ТОМЪ ВТОРОЙ

СТО ПОРТРЕТОВЪ

GALERIE DE PORTRAITS

DES CÉLÉBRITÉS RUSSES

PUBLIÉE PAR

A. MUNSTER

TOME SECOND

CENT PORTRAITS

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ЛИТОГРАФІЯ А. МЮНСТЕРА
Вас. Ост. 2 лин. № 7
1869.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 23 іюля 1869 года.

ПОГАШЕНО
Государственная публичная историческая библиотека
67325
ГПИБ России
10000892

Предлагая на судъ публики I и II томы «Портретной Галереи Русскихъ Дѣятелей», мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу этого изданія. Цѣль, съ которой мы приступали къ нему, состояла въ томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое портреты лицъ, замѣчательныхъ въ Россіи своею дѣятельностію на разныхъ поприщахъ. Такое собираніе, изъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, иногда весьма рѣдкихъ, представляло значительныя затрудненія и требовало особеннаго терпѣнія и точности, особенно при составленіи вѣрныхъ копій съ портретовъ и автографовъ дѣятелей минувшей эпохи. При этомъ, считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ изъявить искреннюю признательность Императорской Академіи Наукъ, Управленію Имп. Публичной Библіотеки, Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и другимъ вѣдомствамъ, которыя постоянно оказывали полное содѣйствіе къ успѣшному выполненію нашего многосложнаго труда. Затрудненія, встрѣченныя нами при отысканіи точныхъ копій съ лучшихъ портретовъ нашихъ дѣятелей, замедлили ходъ нашего изданія, а вслѣдствіе того замедлился и срокъ выпуска II-го тома. Не можемъ быть судьями въ томъ, на сколько исполненіе нашего труда, въ художественномъ и литературномъ отношеніи, удовлетворяетъ своей цѣли,—но, съ другой стороны, намъ пріятно заявить, что изданіе Портретной Галереи, осчастливленное покровительствомъ Высочайшихъ Особъ, встрѣтило вообще сочувствіе просвѣщенной публики и было также пріобрѣтено гимназіями и другими учебными заведеніями. Все это, подкрѣпляя надежду на успѣхъ нашего дѣла, даетъ возможность продолжать изданіе Галереи и выпустить впослѣдствіи III-й томъ. Какъ историкъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ заносить на страницы исторіи дѣла замѣчательныхъ личностей, въ память и назиданіе потомству, такъ и съ тою же цѣлію—увѣковѣчиваетъ ихъ черты живописецъ.—Оба они, историкъ и живописецъ, стремятся къ одному: удовлетворить благородной потребности каждаго любящаго свою родину. При осуществленіи этой мысли, мы стремились къ достиженію возможной полноты, изящества въ исполненіи и дешевизны. Портреты литографированы на камнѣ лучшими нашими художниками. Текстъ составленъ — большею частю—М. Д. Хмыровымъ и имѣетъ двоякій характеръ: къ портретамъ дѣятелей уже умершихъ Г. Хмыровъ составилъ краткія біографіи, а къ портретамъ дѣятелей еще живыхъ присоединены справочныя свѣдѣнія о каждомъ.

А. Мюнстеръ.

ВО ВТОРОМЪ ТОМѢ

ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЕРЕИ

РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ПОМѢЩЕНЫ ПОРТРЕТЫ

1) АЙВАЗОВСКАГО, И. К., профессора морской живописи. 2) АКСАКОВА, К. С., писателя. 3) АКСАКОВА, С. Т., писателя. 4) БАСИНА, П. В., профессора исторической живописи. 5) БАТЮШКОВА, К. Н., писателя. 6) БЕНЕДИКТОВА, В. Г., поэта. 7) БОГДАНОВИЧА, И. Ѳ., писателя. 8) БАРАТЫНСКАГО, Е. А., поэта. 9) БОРТНЯНСКАГО, Д. С., композиста и преобразователя русскаго богослужебнаго пѣнія. 10) БРУНИ, Ѳ. А., профессора исторической живописи. 11) БРЮЛЛОВА, К. П., живописца. 12) БУНЯКОВСКАГО, В. Я., вице-президента И. Ак. Наукъ. 13) БУЯЛЬСКАГО, И. В., доктора медицины и хирургіи 14) БѢЛИНСКАГО, В. Г., писателя-критика. 15) БЭРЪ, (фонъ), К. М., естествоиспытателя. 16) ВЕНЕВИТИНОВА, Д. В., писателя. 17) ВИЗИНА, (фонъ), Д. И. писателя. 18) ВОЛКОВА, Ѳ. Г., основателя русскаго театра. 19) ВОСТОКОВА, А. Х., писателя филолога. 20) ГЛИНКИ, М. И., музыкальнаго композитора. 21) ГНѢДИЧА, Н. И., писателя. 22) ГОГОЛЯ-ЯНОВСКАГО, Н. В., писателя. 23) ГОНЧАРОВА, И. А., писателя. 24) ГРАНОВСКАГО, Т. Н., профессора Моско. университета. 25) ГРИБОѢДОВА, А. С., писателя. 26) ГРОТА, Я. К., ординарнаго академика. 27) ГУБЕРА, Э. И., писателя. 28) ДАВЫДОВА, Д. В., писателя. 29) ДЕЛЬВИГА, барона А. А., писателя. 30) ДЕРЖАВИНА, Г. Р., писателя. 31) ДМИТРЕВСКАГО, И. А., артиста. 32) ДОБРОЛЮБОВА, Н. А., писателя. 33) ДРУЖИНИНА, А. В., писателя. 34) ЕГОРОВА, А. Е., живописца. 35) ЖУКОВСКАГО, В. А. поэта. 36) ЗАГОСКИНА, М. Н., писателя. 37) ЗАУЕРВЕЙДА, А. И., баталическаго живописца. 38) ЗОТОВА, В. Р., писателя и журналиста. 39) ИВАНОВА, А. А., живописца. 40) КАВЕЛИНА, К. Д., критика по части русскаго права и исторіи. 41) КАНТЕМИРА, князя А. Д., писателя. 42) КАПНИСТА, В. В., писателя. 43) КАРАМЗИНА, Н. М., исторіографа. 44) КАТКОВА, М. Н., писателя и публициста. 45) КЕППЕНА, П. И., статистика и этнографа. 46) КИПРЕНСКАГО, О. А., живописца. 47) КНЯЖИНА, Я. Б.. драматическаго писателя. 48) КОЗЛОВА. И. И., поэта. 49) КОКШАРОВА, Н. И., доктора минералогіи и геогнозіи. 50) КОЛЬЦОВА, А. В., поэта. 51) КОСТОМАРОВА, Н. И., ученаго писателя. 52) КРАЕВСКАГО, А. А., литератора. 53) КРАССОВСКАГО, А. Я., ординарнаго профессора акушерства. 54) КРЫЛОВА, И. А., баснописца. 55) КУЛИБИНА, И. П., механика-самоучки. 56) ЛАЖЕЧНИКОВА, И. И., писателя. 57) ЛЕРМОНТОВА, М. Ю. поэта. 58) ЛОМОНОСОВА, М. В., писателя. 59) МАЙКОВА, А. Н., поэта. 60) МАРТОСА, И. П., ваятеля. 61) МАРТЫНОВА, А. Е., комика. 62) МЕЙ, Л. А., писателя. 63) НАДЕЖДИНА,Н. И., писателя. 64) НЕВОЛИНА, К. А., писателя юриста. 65) НЕКРАСОВА, Н. А., поэта. 66) НИКИТИНА, И. С., писателя. 67) НОВИКОВА, Н. И., писателя и журналиста. 68) ОСТРОВСКАГО, А. И., драматическаго писателя. 69) ОСТРОГРАДСКАГО, М. В., математика. 70) ПЕТРОВА, О. А., опернаго актера. 71) ПИРОГОВА, хирурга и педагога. 72) ПИСЕМСКАГО, А. Ѳ., писателя. 73) ПОГОДИНА, М. П., исторіографа. 74) ПОЛЕВАГО, Н. А., писателя. 75) ПОЛОНСКАГО, Я. П. писателя. 76) ПУШКИНА, А. С., поэта. 77) РУБИНШТЕЙНА, А. Г., піаниста-композитора. 78) САВИЧА, А. Н., астронома и геодезиста. 79) СОМОВА, О. И., доктора математики и астрономіи. 80) СОСНИЦКАГО, И. И., артиста. 81) СТРУВЕ, В. Я., астронома. 82) СУМАРОКОВА, А. П., писателя. 83) ТАТИЩЕВА, В. Н., исторіографа. 84) ТОНА, К. А., профессора и ректора архитектуры. 85) ТУРГЕНЕВА, И. С., писателя. 86) УСТРЯЛОВА, Н. Г., академика по русской исторіи. 87) УТКИНА, Н. И., профессора гравированія. 88) ХЕМНИЦЕРА, И. И., баснописца. 89) ХЕРАСКОВА, М. М., писателя. 90) ХМЕЛЬНИЦКАГО, Н. И., драматическаго писателя. 91) ХОМЯКОВА, А. С., писателя. 92) ЧЕБЫШЕВА, П. Л., доктора математики и астрономіи. 93) ШАХОВСКАГО, князя А. А., драматическаго писателя. 94) ШЕБУЕВА, В. К.. профессора исторической живописи. 95) ШЕВЧЕНКИ, Т. Г., поэта. 96) ЩЕПКИНА, М. С., артиста. 97) ЩЕРБИНЫ, Н. Ѳ., писателя. 98) ЯЗЫКОВА, Н. М., писателя. 99) ЯКОВЛЕВА, А. С., артиста. 100 ѲЕДОТОВА, П. А., художника-жанриста.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Съ Фотогр. Деньера.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

Иванъ Айвазовскій

J. AIVAZOVSKY.

Съ фотографіи Бергнера.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Ptg.

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

Константинъ Аксаковъ.

C. AKSAKOW.

съ Фотогр. Бергнера, въ Москвѣ

Imp. Lith. de A. Munster, (Editeur)

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С.П.Б.

AKSAKOW.

Съ Фотограф. Деньера.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur). St. Pbg.

Изданіе А. Мюнстера С.П.Б.

P. BASSIN.

Съ гравюры Галактіонова

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) S^t P.

Изданіе А. Мюнстера В. О. 2 лин. №7.

C. BATIOUCHEKOV.

съ Фотогр. Львицкаго.

Imp. Lith. de A Munster (Editeur)

Изданіе Лит А Мюнстера С.П.Б.

W. BENEDICTOW.

Съ портр. И. П. Библіот.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur). St.Ptg.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В.О. 2 л. 7

Ипполитъ Богдановичъ.

J. BOGDANOWITSCH.

Съ кар. рис. Афонасьева

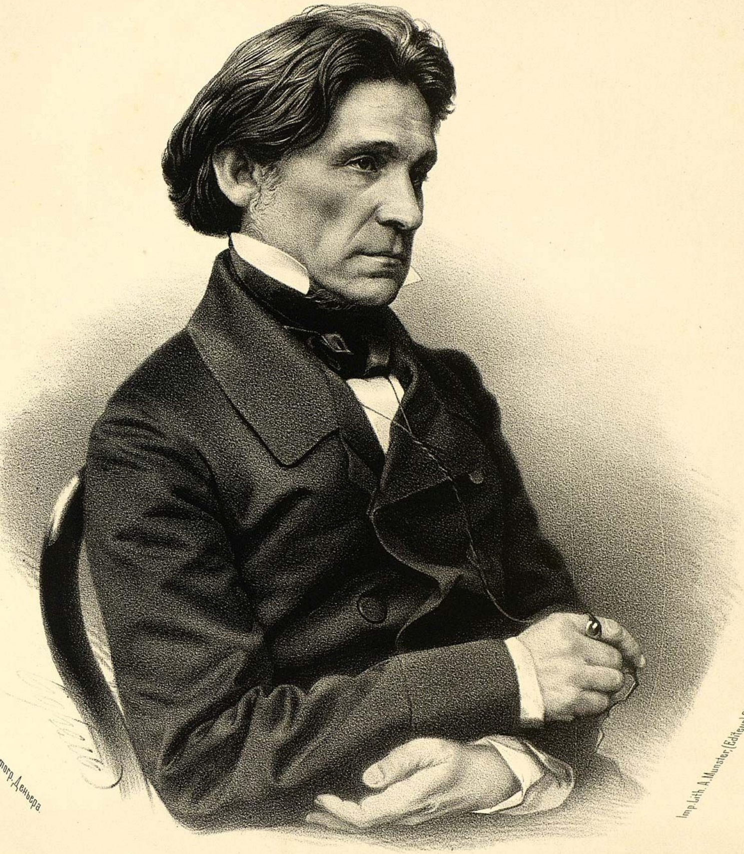
Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St P.

Изданіе А. Мюнстера, С.П.Б. В.О. 2 л. 7.

Бортнянскій

D. BARTNIANSKY.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Съ Фотогр. Деньера

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur) St. Pbg.

Изданіе А. Мюнстера СПБ.

Ф. Бруни.

BRUNI.

Съ Фотогр. Деньера.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

В. Буняковскій

V. BUNJAKOWSKY.

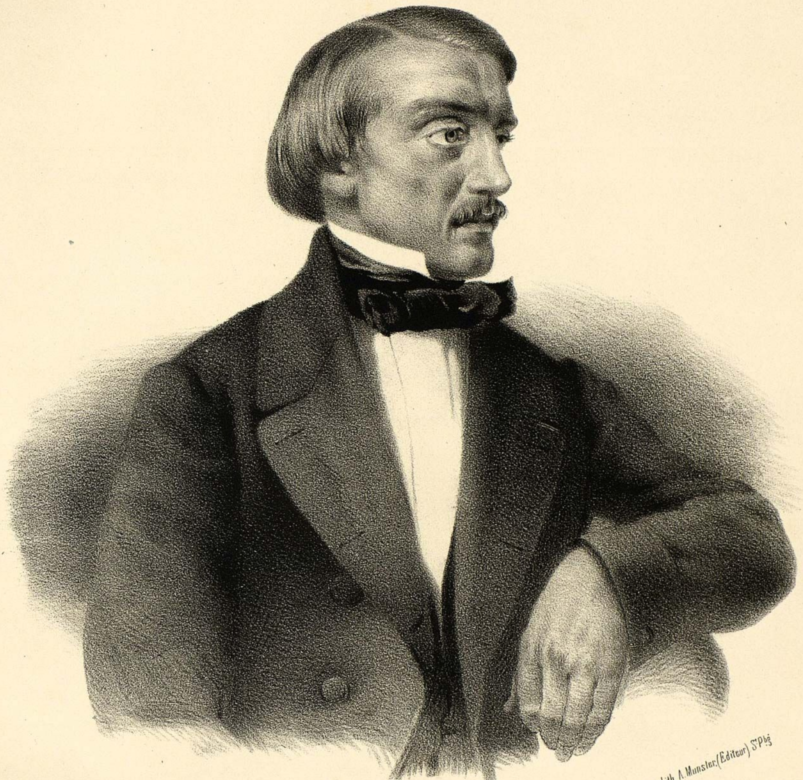

Съ Фотографіи

Лит. А. Мюнстера

Илья Буяльскій

E. BOUIALSKI.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg.

Изданіе А. Мюнстера СПБ.

В. Бѣлинскій

W. BIELINSKY.

Съ Фотогр. Рандела.

Imp. Lith. A. Munster) Éditeur).

Изданіе А. Мюнстера, С.П.Б.

К. М. Бэръ.

C. BAER.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе Лит. А. Мюнстера. С.ПБ.

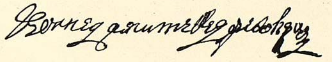
D. VON WIZIN.

Съ гравюры Лосенкова.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) StP.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В.О. 2 л. 7.

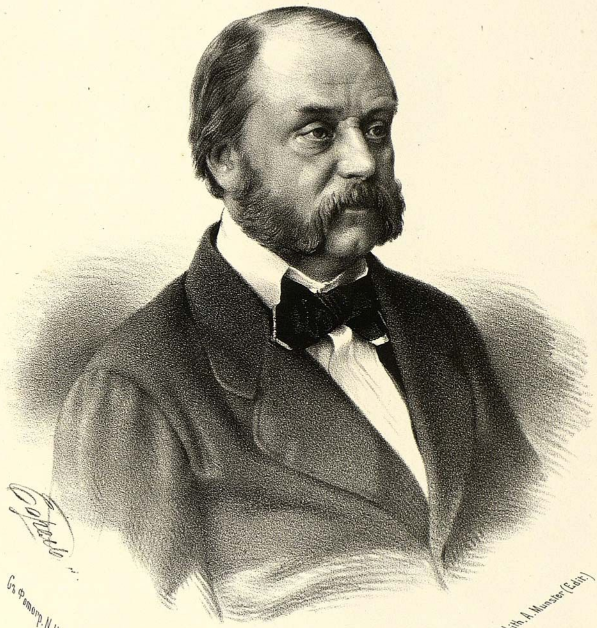
F. WOLKOW.

Изданіе А. Мюнстера.

Михаилъ Глинка

M.CLINKA.

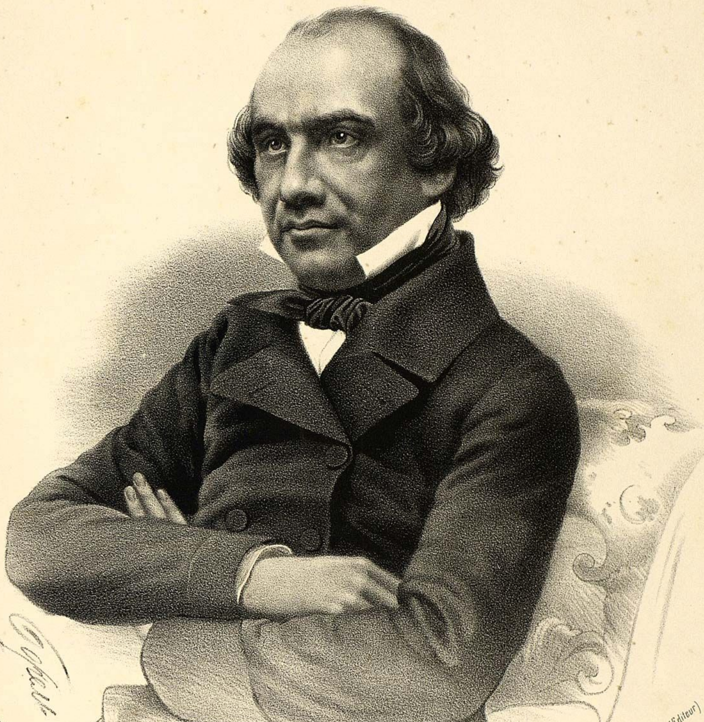
Съ Фотогр. N.N.

Imp. Lith. A. Munster (Edit.)

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С.П.Б. В.О. 2 л. 7.

И. Гончаровъ

J. GONTSCHAROW.

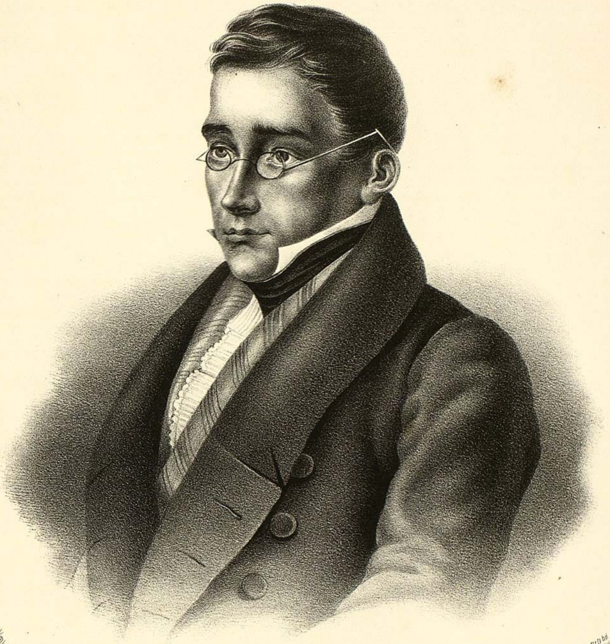
Съ Фотографіи Даутендея

Imp. Lith. A. Munster (Editeur)

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

Т. Грановскій

T. GRANOVSKY.

Съ гравюры Уткина

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Изданiе А. Мюнстера, С. П. Б.

A. GRIBOEDOW.

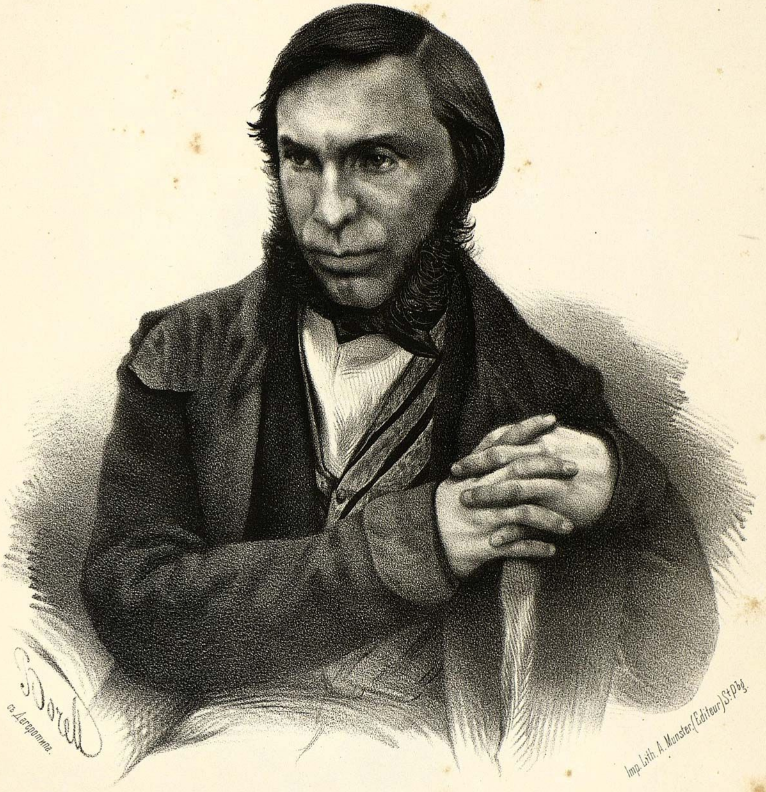
Съ Фотографiи N. N

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Изданiе А. Мюнстера, СПБ.

Я Гротъ

J. GROT.

съ Дагеротипа

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

E. HUBER.

1814 + 1847.

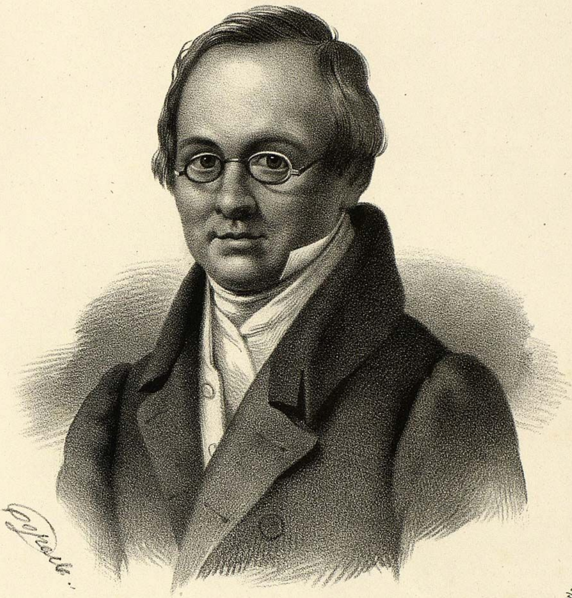
Съ карт. наход. въ И. П. Библiот.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) SᵗP.

Изданiе А. Мюнстера, С. ПБ. В. О. 2 л. №7.

Денисъ Давыдовъ

D. DAVYDOW.

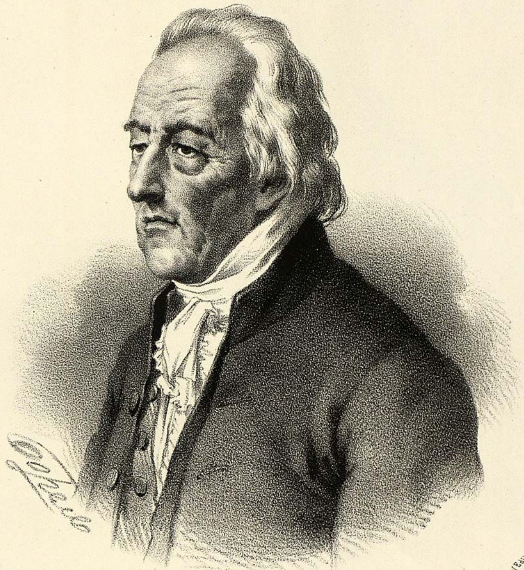
Съ карандашн. пор.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) S.P.

Изданіе А. Мюнстера С.П.Б. В.О. 2 л. N.7.

Баронъ Антонъ Дельвигъ

BARON A. DELWIG.

Съ рисунка N. N

Imp. Lith. A. Munster (Edit.).

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В. О. 2 л. 7. С. П Б.

Ив. Дмитревской

J DMITREWSKY.

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

N. DOBROLIOUBOW.

Съ Фотогр. Деньера С.П.Б.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера. С.П.Б.

Александръ Дружининъ

A. DROULININE.

съ пастельн. рисунка.

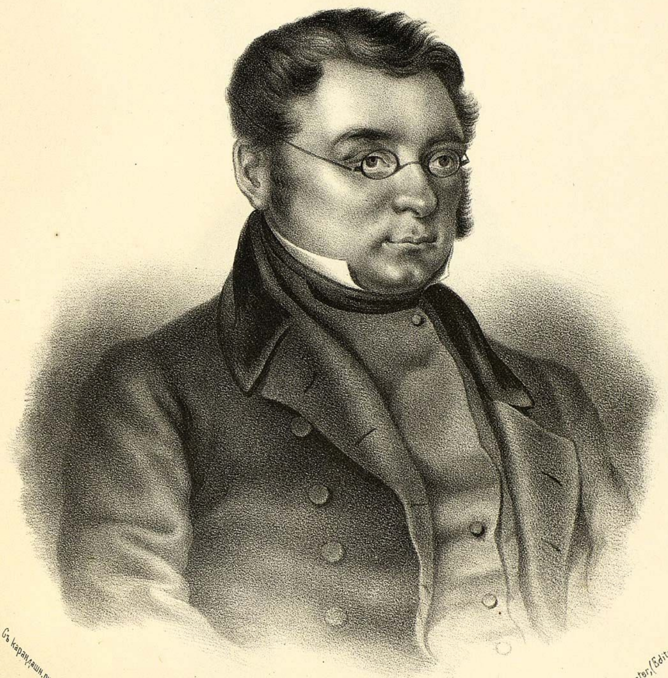
Imp. Lith. A. Münster (Editeur)

Изданіе Лит. Мюнстера СПБ.

Алексей Егоровъ

A. EGOROW.

†

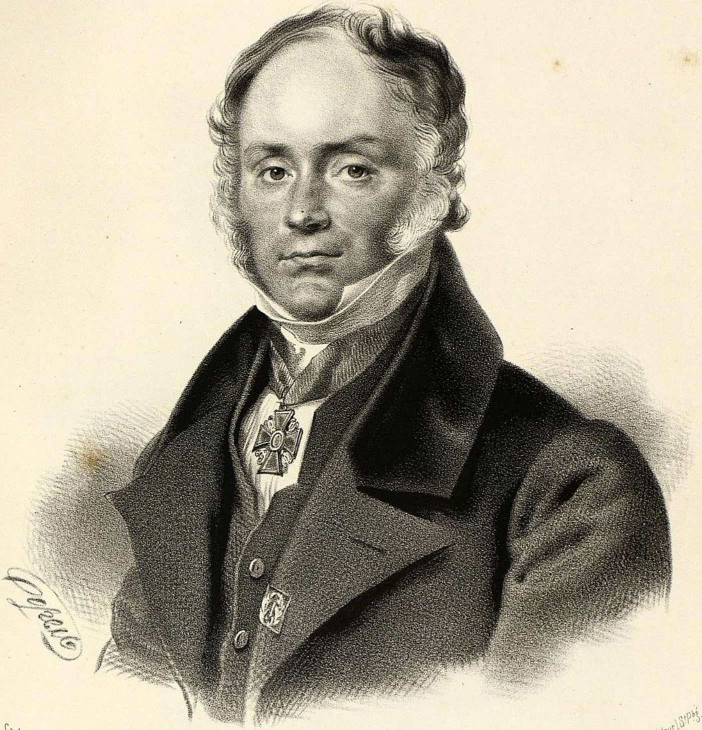
Съ карандаш. рисунка.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur).

Изданіе А. Мюнстера, СПб.

М. Н. Загоскинъ

M. SAGOSSKIN.

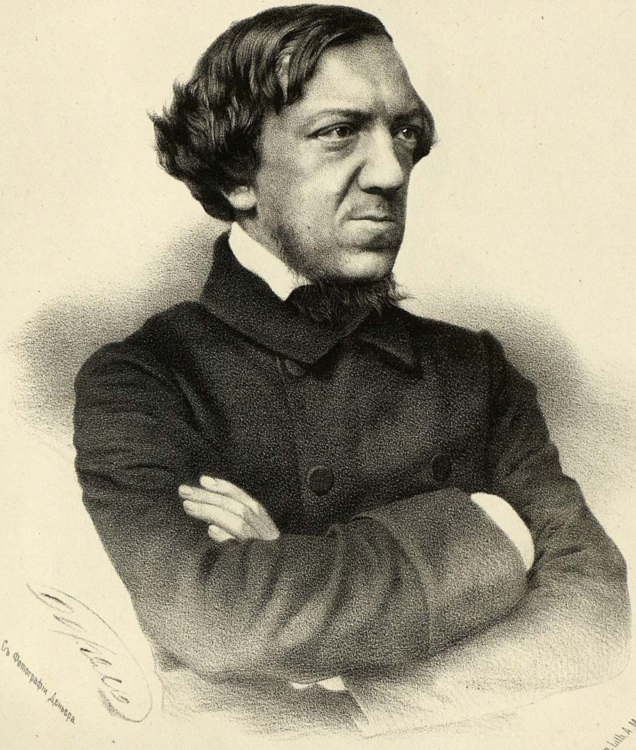
Съ Акверел. Крюгера

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur) St Pbg.

Издано Лит. А. Мюнстера С.П.Бур.

А. Зауервейдъ

A. SAUERWEID.

Съ Фотографіи Деньера.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur), St Pbg.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

Владиміръ Зотовъ

W. SOTOW.

Съ Фотографіи.

Imp. Lith. A. Münster (Editeur) St. Petbg.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

Александръ Ивановъ

A. IVANOW.

†

Imp. Lith. A. Munster (Editeur)

Издание Лит. А. Мюнстера, С.П.Б.

C. KAWÉLINE.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В. О. 2 л. 7. С. П.

A. KANTEMIR.

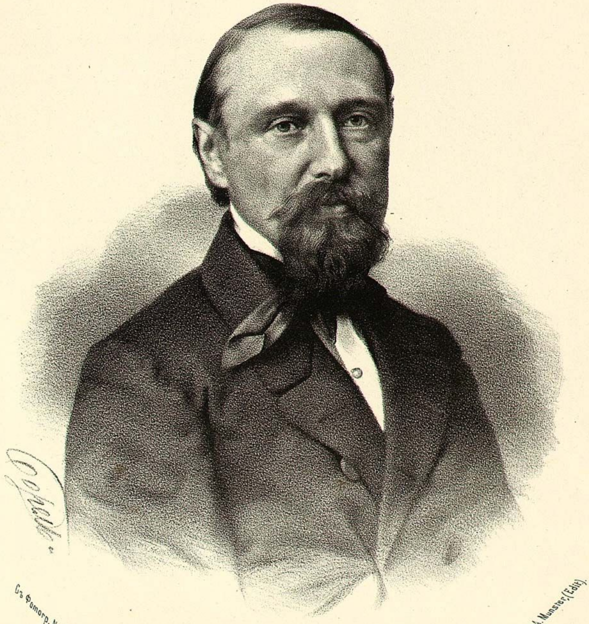

Съ гравюры N. N.

imp. Lith. A. Munster (Editeur) St P.

Изданіе А. Мюнстера, В. О. 2 л. 7.

B. KAPNIST.

Съ Фотогр. N. N.

Imp. Lith. A. Munster (Edit).

Изд. А. Мюнстера С.П.Б. В.О. 2 л. 7.

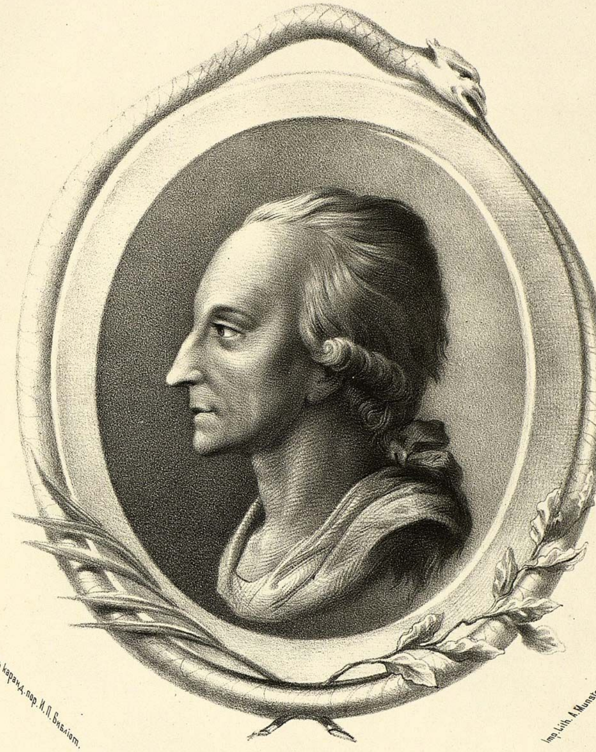
M. KATKOW.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur)

Изданіе А. Мюнстера. С.П.Б.

P. KOEPPEN.

Съ каранд. пор. И. П. Библіот.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) S^t P.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С.П.Б. В.О. 2 л. 7.

Яковъ Княжнинъ.

J. KNIAJNINE.

Съ Фотогр. Левицкаго С.П.Б. 1865.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Изданіе А. Мюнстера, С.П.Б.

Н. Кокшаровъ

N. KOKSCHAROW.

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur).

Алексѣй Кольцовъ

A. KALTZOW.

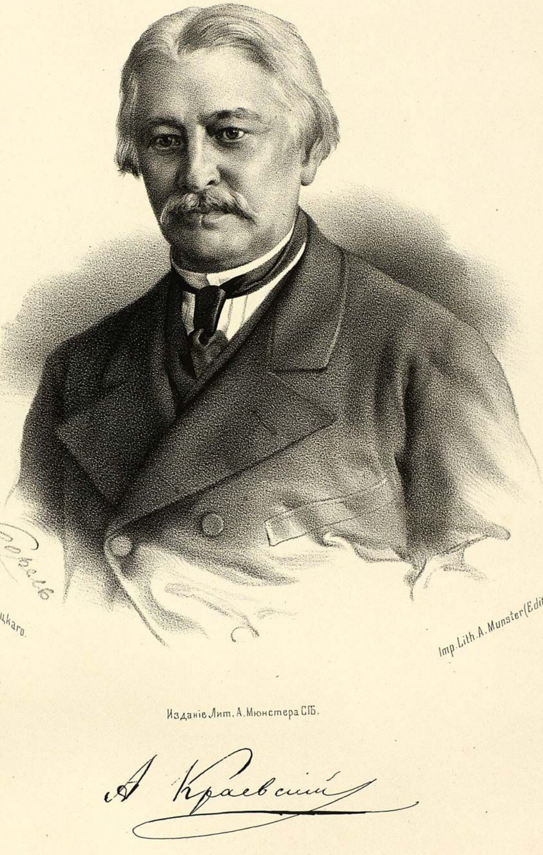

Съ фотогр. N.N.

Imp. Lith. A. Munster (Edit.)

Изданіе Лит. А. Мюнстера В. О. 2 л. 7. СПБ.

N. KOSSTOMAROW.

Съ Фотогр. Левицкаго.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера СПБ.

А Краевскій

A. KRAYEWSKY.

Съ фотографіи N.N.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur) St.P.b.

Изданіе А. Мюнстера С. Петербур.

Профессоръ А. Красовскій

A. KRASSOWSKY.

Изданіе А. Мюнстера.

Иванъ Кулибинъ

J. KULIBIN.

Съ фотогр. Левицкаго

Imp. Lith. A. Munster (Edit.)

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В.О. 2 л. 7. С.П.Б.

J. LAJETSCHNIKOV.

Съ Фотограф.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg.

Изданіе А. Мюнстера С.П.Б.

А. Майковъ

A. MAYKOW.

Съ Фотогр. Деньера

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg.

Изданіе А. Мюнстера. СПБ.

А. Мартыновъ

A. MARTYNOFF.

Съ Фотографіи.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе А. Мюнстера С.П.Б.

Л. Мей

L. MEY.

Съ гравюры Н.И.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) StP.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С.П.Б. В.О. 2 л. №7.

Николай Надеждинъ

N. NADEJDINE.

Imp Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg.

Съ Дагерротипа Флейнгауза.

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

К. Неволинъ

C. NÉVOLIN.

Съ Фотографіи Худож. Деньера

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

N. NEKRASSOW.

Съ фотогр. Деньера

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе А. Мюнстера, С.П.Б.

Иван Никитин

I. NIKITINE.

Изданіе А. Мюнстера.

Николай Новиков

N. NOVIKOW.

Съ Фотогр. Деньера.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

A. OSTROVSKI.

Съ Фотогр. Деньера

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе Лит. А. Мюнстера. СПб.

Михаилъ Остроградскій

M. OSTROGRADSKI.

Съ Фотографіи Щетинина

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur).

Изданіе А. Мюнстера.

О. Петровъ

J. PETROW.

Съ фот. Левицкаго

Imp. lith. A. Munster (Editeur).

Изданiе Лит. А. Мюнстера СПБ.

Н. Пироговъ

N. PIROGOFF.

Съ Фотогр. Академ. Гоха и К°

Imp. Lith. de A. Munster (Editeur)

Изданіе Лит. А. Мюнстера. С.П.Б.

A. PISSEMSKY.

Съ Фотограф. Бергнера.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

Михаилъ Погодинъ

M. POGODINE.

съ рисунк. Аванасьева.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

N. POLEVOI.

Съ Фотографіи Деньера

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) S^tPbg

Изданіе Лит. Мюнстера.

А. Г. Рубинштейнъ

A. RUBINSTEIN.

Фотогр. Закарьина, быв. Шпак.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С. П. Б. В. О. 2 л N.7.

А. Н. Савичъ

A. SAVITSCH.

Съ Фотогр. N. N.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

О. И. Сомовъ

J. SOMOW.

Съ Фотограф. Деньера.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St Pbg

Изданіе А. Мюнстера, СПБ.

Иванъ Сосницкій

J. SOSNITZKY.

Съ Фотографіи Левицкаго.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur), S.P.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

В. Струве.

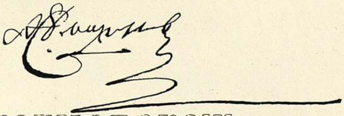
W. STRUVE.

Съ гравюры И N.

Imp. lith. A. Munster, Edit.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С.ПБ. В.О. 2 л. 7.

A. SOUMAROKOW.

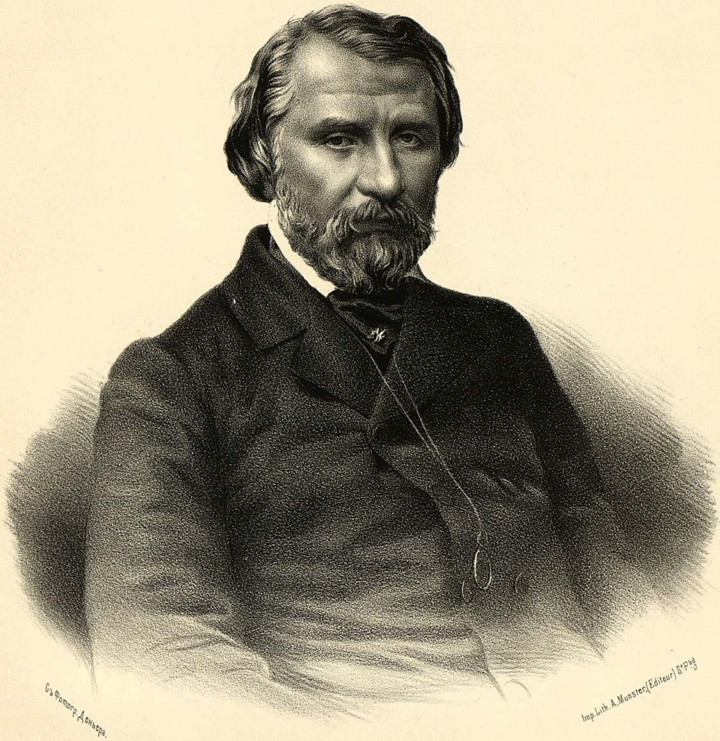

Съ каранд. рис. N. N.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В. О. 2 л. 7. С. П. Б.

B. TATISCHTSCHEV.

Съ Фотогр. Деньера.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur) St Pbg

Изданіе Лит. А. Мюнстера СПБ.

Ив. Тургенев

J. TOURGUÉNEW.

Съ фотографіи Деньера.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

N. OUSTRIALOV.

Съ гравюры N.N.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера В. О. 2 л 7. СПБ.

Иванъ Хемницеръ

J. CHEMNITZER.

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С. П. Б. 80 2 л.

М. Херасков

M. CHERASKOW.

Съ Акварел. Соколова

Imp. Lith. A. Munster (Editeur) St. Pbg.

Изданіе А. Мюнстера С.П.Б.

N. KHMELNITZKY.

Изданіе А. Мюнстера, СПб.

A. KHOMIAKOFF.

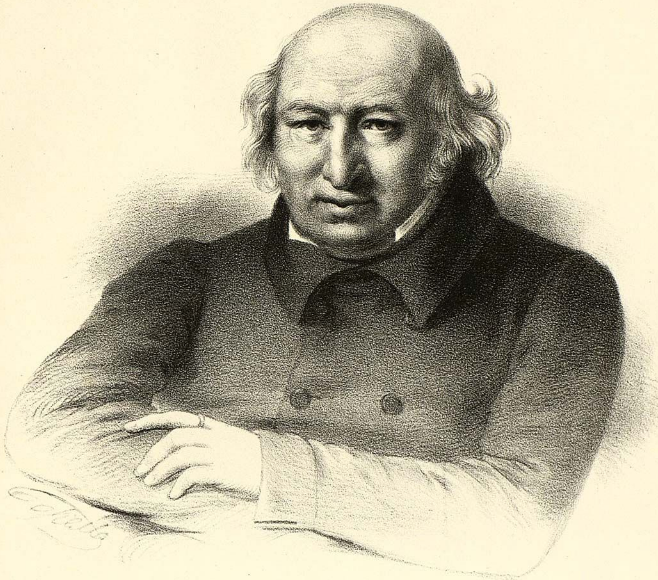
Съ Фотогр. Деньера

Imp. Lith. A. Münster (Éditeur). St Pbg

Изданіе Лит А. Мюнстера. СПБ.

П. Чебышевъ

P. TCHEBICHEF.

Съ рисунка Афанасьева.

Imp. Lith. A. Munster (Edit.).

Изданіе Лит. А. Мюнстера, В. О. 2 л. 7.

Шаховской.

PRINCE

A. SCHAHOVSKOY.

Съ картин. наход. въ Имп. Акад. Худож.

Imp. Lith. A. Munster, (Editeur). St Pbg

Изданіе Лит. А. Мюнстера, СПБ.

B. CHÉBOUIEFF.

Изданіе Лит. А. Мюнстера. С.П.Б.

Николай Щербина

N. CHTCHERBINA.

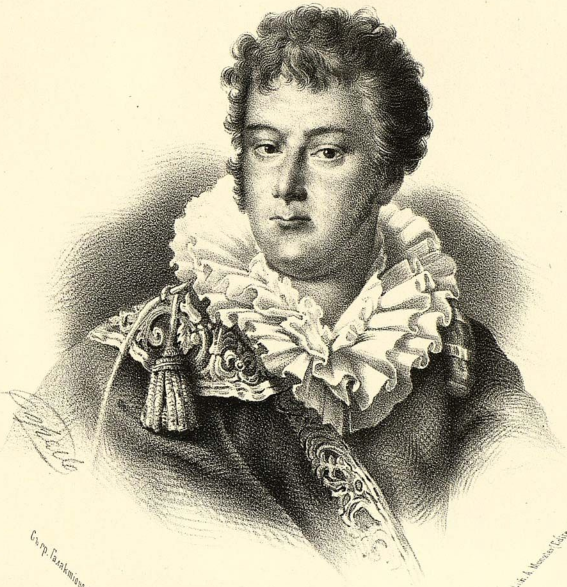
Съ рис. снят. съ натур. Хрынковымъ

Imp. Lith. A. Munster. (Editeur)

Изданіе Лит. А. Мюнстера.

Н. Языковъ.

N. YAZYKOW.

Съ гр. Галактіонова.

Imp. Lith. A. Munster (Editeur).

Изданіе Лит. А. Мюнстера, С.П.Б. В.О. 2 л. № 7

A. JAKOWLEW.

II
707

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ИЗДАНІЕ

А. МЮНСТЕРА

ТОМЪ ВТОРОЙ

СТО БІОГРАФІЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи А. Мюнстера В. О. 2 л. № 7.
1869

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 23 іюля 1869 года.

ГПИБ России
10000964

ОГЛАВЛЕНІЕ

II-го ТОМА

БІОГРАФІЙ

стр.

1) **Айвазовскаго**, И. К., профессора морской живописи *(Д. В. Л.)* . . . 77
2) **Аксакова**, К. С., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . . . 23
3) **Аксакова**, С. Т., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . . . 5
4) **Басина**, П. В., профессора исторической живописи *(Д. В. Л.)* . . . 120
5) **Батюшкова**, К. Н., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 225
6) **Бенедиктова**, В. Г., поэта *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 262
7) **Богдановича**, И. Ѳ., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . 241
8) **Баратынскаго**, Е. А. поэта *(Л. Е. Б.)*. 70
9) **Бортнянскаго**, Д. С., компониста и преобразователя русскаго богослужебнаго пѣнія *(М. Д. Хмыровъ)* . . 198
10) **Бруни**, Ѳ. А., профессора исторической живописи . 62 *(В. В. Т)*. . . . .
11) **Брюллова**, К. П. ,живописца *(М. Д. Хмыровъ)*. . . 6
12) **Буняковскаго**, В. Я., вице-президента И. Ак. Наукъ *(В. А. Р.)* . . . 51
13) **Буяльскаго**, И. В., докторъ медицины и хирургіи . 58
14) **Бѣлинскаго**, В. Г., писателя-критика *(М. Д. Хмыровъ)* 23
15) **Бэръ** (фонъ), К. М., естествоиспытателя *(Н. К. С.)*. 275
16) **Веневитинова**, Д. В., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . 35
17) **Визина** (фонъ), Д. И. писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . . 7
18) **Волкова**, Ѳ. Г., основателя русскаго театра *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 250
19) **Востокова**, А. Х., писателя филолога *(М. Д. Хмыровъ)* 81
20) **Глинки**, М. И., музыкальнаго композитора *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 9
21) **Гнѣдича**, Н. И., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 233
22) **Гоголя-Яновскаго**, Н. В., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* 45
23) **Гончарова**, И. А., писателя *(А. Е. П.)*. . . . 80
24) **Грановскаго**, Т. Н., профессора Москов. университета *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 47
25) **Грибоѣдова**, А. С., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . 31
26) **Грота**, Я. К., ординарнаго академика. 53
27) **Губера**, Э. И., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* 25
28) **Давыдова**, Д. В., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . 229
29) **Дельвига**, барона А. А., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* 199
30) **Державина** Г. Р., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 187
31) **Дмитревскаго**, И. А., артиста *(М. Д. Хмыровъ)* . . 91
32) **Добролюбова**, Н. А., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . 33
33) **Дружинина**, А. В., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . . 73
34) **Егорова**, А. Е., живописца *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 61
35) **Жуковскаго**, В. А. поэта *(М. Д. Хмыровъ)* . . 101
36) **Загоскина**, М. Н., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 211
37) **Зауервейда**, А. И., баталическаго живописца *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 66
38) **Зотова**, В. Р., писателя и журналиста 287
39) **Иванова**. А. А., живописца *(П. Н. Петровъ)*. . . 257
40) **Кавелина**, К. Д., критика по части русскаго права и исторіи *(А. Е. П.)*. . . . 68
41) **Кантемира**, князя А. Д., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* 221

стр.

42) **Капниста**, В. В., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 176
43) **Карамзина**. Н. М., исторіографа *(М. Д. Хмыровъ)* . 121
44) **Каткова**, М. Н., писателя и публициста. 289
45) **Кеппена**, П. И., статистика и этнографа *(М. Д. Хмыровъ)* 64
46) **Кипренскаго**, О. А., живописца *М. Д. Хмыровъ)* . 280
47) **Княжнина**, Я. Б.. драматическаго писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 180
48) **Козлова**, И. И., поэта *)М. Д. Хмыровъ)*. 140
49) **Кокшарова**, Н. И., доктора минералогіи и геогнозіи. . . . 79
50) **Кольцова**, А. В., поэта *(М. Д. Хмыровъ)* 40
51) **Костомарова**, Н. И., ученаго писателя *(А. Е. П.)* . 69
52) **Краевскаго**, А. А., литератора. 290
53) **Крассовскаго**, А. Я., ординарнаго профессора акушерства *(М. Ц. Р)* . . . 57
54) **Крылова**, И. А., баснописца *(М. Д Хмыровъ)* . , . 41
55) **Кулибина**, И. П., механика-самоучки *(М. Д. Хмыровъ)* 38
56) **Лажечникова**, И. И., писателя. 294
57) **Лермонтова**, М. Ю. поэта *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 36
58) **Ломоносова**, М. В., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . 14
59) **Майкова**, А. Н., поэта. 240
60) **Мартоса**, И. П., ваятеля *(М. Д. Хмыровъ)* 88
61) **Мартынова**, А. Е., комика *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 11
62) **Мей**, Л. А., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* 27
63) **Надеждина**, Н. И., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . . 237
64) **Неволина**, К. А., писателя юриста *(М. Д, Хмыровъ)* 49
65) **Некрасова**. Н. А., поэта 292
66) **Никитина**, И. С., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 27
67) **Новикова**, Н. И., писателя и журналиста *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 16
68) **Островскаго**, А. И., драматическаго писателя . . . 291
69) **Остроградскаго**, М. В., математика *(М. Д. Хмыровъ)* 50
70) **Петрова**, О. А., опернаго актера 286
71) **Пирогова**, хирурга и педагога 294
72) **Писемскаго**, А. Ѳ., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . 267
73) **Погодина**, М. П., исторіографа . . , ... 292
74) **Полеваго**, Н. А., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . 18
75) **Полонскаго**, Я. П. писателя *(А. Е. П.)* 261
76) **Пушкина**, А. С., поэта *(М. Д. Хмыровъ)* 142
77) **Рубинштейна**, А. Г., піаниста-композитора *(А. Е. П.)* 285
78) **Савича**, А. Н., астронома и геодезиста *(А. Е. П)* . 67
79) **Сомова**, О. И., доктора математики и астрономіи *(А. И. С)* . . . 56
80) **Сосницкаго**, И. И., артиста.. 90
81) **Струве**, В. Я., астронома *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 277
82) **Сумарокова**, А. П., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . 215
83) **Татищева**, В. Н., исторіографа *(М. Д. Хмыровъ)* . . 206
84) **Тона**, К. А., профессора и ректора архитектуры *(П. Н. Петровъ)*. . . 259
85) **Тургенева**, И. С., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 269
86) **Устрялова**, Н. Г., академика по русской исторіи. . . 54

стр.

87) **Уткина,** Н. И., профессора гравированія *(М. Д. Хмыровъ)*. 244

88) **Хемницера,** И. И., баснописца *(М. Д, Хмыровъ)*. . 254

89) **Хераскова,** М. М., писателя *(М. Д. Хмыровъ)*. . . 183

90) **Хмельницкаго,** Н. И., драматическаго писателя *М. Д). Хмыровъ)* 59

91) **Хомякова,** А. С., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . 251

92) **Чебышева,** П. Л., доктора математики и астрономіи 59

93) **Шаховскаго,** князя А. А., драматическаго писателя *(М. Д. Хмыровъ)* . . . . , . . 93

стр.

94) **Шебуева,** В. К., профессора исторической живописи *(М. Д. Хмыровъ)*. 21

95) **Шевченки,** Т. Г. поэта *(М. Д. Хмыровъ)* 29

96) **Щепкина,** М. С., артиста *(М. Д. Хмыровъ)*. . . . 74

97) **Щербины,** Н. Ѳ., писателя *(Н. К. С)* 284

98) **Языкова,** Н. М., писателя *(М. Д. Хмыровъ)* , . . 12

99) **Яковлева,** А. С., артиста (*М. Д. Хмыровъ*). . . . 85

100) **Ѳедотова,** П. А., художника-жанриста (*М. Д. Хмыровъ*) 22

Предлагая на судъ публики I и II томы «Портретной Галереи Русскихъ Дѣятелей», мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу этого изданія. Цѣль, съ которой мы приступали къ нему, состояла въ томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое портреты лицъ, замѣчательныхъ въ Россіи своею дѣятельностію на разныхъ поприщахъ. Такое собираніе, изъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ, иногда весьма рѣдкихъ, представляло значительныя затрудненія и требовало особеннаго терпѣнія и точности, особенно при составленіи вѣрныхъ копій съ портретовъ и автографовъ дѣятелей минувшей эпохи. При этомъ, считаемъ пріятнымъ для себя долгомъ изъявить искреннюю признательность Императорской Академіи Наукъ, Управленію Имп. Публичной Библіотеки, Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и другимъ вѣдомствамъ, которыя постоянно оказывали полное содѣйствіе къ успѣшному выполненію нашего многосложнаго труда. Затрудненія, встрѣченныя нами при отысканіи точныхъ копій съ лучшихъ портретовъ нашихъ дѣятелей, замедлили ходъ нашего изданія, а вслѣдствіе того замедлился и срокъ выпуска II-го тома. Не можемъ быть судьями въ томъ, на сколько исполненіе нашего труда, въ художественномъ и литературномъ отношеніи, удовлетворяетъ своей цѣли,—но, съ другой стороны, намъ пріятно заявить, что изданіе Портретной Галереи, осчастливленное покровительствомъ Высочайшихъ Особъ, встрѣтило вообще сочувствіе просвѣщенной публики и было также пріобрѣтено гимназіями и другими учебными заведеніями. Все это, подкрѣпляя надежду на успѣхъ нашего дѣла, даетъ возможность продолжать изданіе Галереи и выпустить впослѣдствіи III-й томъ. Какъ историкъ считаетъ своимъ непремѣннымъ долгомъ заносить на страницы исторіи дѣла замѣчательныхъ личностей, въ память и назиданіе потомству, такъ и съ тою же цѣлію—увѣковѣчиваетъ ихъ черты живописецъ.—Оба они, историкъ и живописецъ, стремятся къ одному: удовлетворить благородной потребности каждаго любящаго свою родину. При осуществленіи этой мысли, мы стремились къ достиженію возможной полноты, изящества въ исполненіи и дешевизны. Портреты литографированы на камнѣ лучшими нашими художниками. Текстъ составленъ — большею частію—М. Д. Хмыровымъ и имѣетъ двоякій характеръ: къ портретамъ дѣятелей уже умершихъ Г. Хмыровъ составилъ краткія біографіи, а къ портретамъ дѣятелей еще живыхъ присоединены справочныя свѣдѣнія о каждомъ.

А. Мюнстеръ.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

АКСАКОВЪ, Сергѣй Тимофѣевичъ, русскій писатель. родился 20 сентября 1791 года въ Уфѣ, и, не смотря на болѣзненное свое сложеніе, по четвертому году сталъ понимать грамоту, на осьмомъ зналъ наизусть и декламировалъ стихи Карамзина, Дмитріева и др., а на десятомъ, въ исходѣ 1800 года; отданъ въ Казанскую гимназію, причемъ едва не умеръ съ горя отъ разлуки съ матерью, страстно его любившею. Встрѣтивъ въ надзирателѣ гимназіи В. П. Упадышевскомъ и преподавателяхъ И. И. Запольскомъ и Г. И. Карташевскомъ достойныхъ руководителей, Аксаковъ учился хорошо, вынесъ изъ гимназическаго курса все, что было возможно, и въ исходѣ 1805 года, какъ одинъ изъ лучшихъ гимназистовъ, поступилъ съ соклассниками своими въ Казанскій университетъ, при самомъ его учрежденіи. Въ качествѣ студента, Аксаковъ, объ-руку съ занятіями научными, развивалъ свои литературныя и артистическія наклонности, принадлежалъ къ дружескому кружку студентовъ, издававшему рукописный журналъ «Аркадскіе пастушки», самъ, въ томъ же 1805 году, написалъ для этого журнала реторическое стихотвореньице «Къ соловью», потомъ, когда устроилась студенческая труппа, дѣятельно подвизался въ первыхъ роляхъ пьесъ Коцебу, и въ мартѣ 1807 года кончилъ университетскій курсъ, получивъ аттестатъ, въ которомъ, по-собственнымъ словамъ Аксакова, «были прописаны успѣхи его даже въ такихъ наукахъ, какія онъ зналъ только по наслышкѣ». Послѣ перваго отдыха на родинѣ, Аксаковъ, въ исходѣ 1807 года, пріѣхалъ въ Москву, тутъ всю зиму любовался игрою извѣстнаго тогда артиста Плавильщикова, и весною 1808 года пересилился въ Петербургъ, гдѣ, поступивъ на службу переводчикомъ коммиссіи составленія законовъ, чуть не попалъ въ общество петербургскихъ мистиковъ-мартинистовъ, деспотически управляемое тогда извѣстнымъ А. Ѳ. Лабзинымъ, но предпочелъ познакомится и сойтись ближе съ А. С. Шишковымъ, въ домѣ котораго онъ часто встрѣчалъ Н. С. Мордвинова, И. Л. Кутузова, И. И. Дмитріева, князя А. А. Шаховскаго, князя С. А. Ширинскаго-Шихматова (впослѣдствіи іеромонахъ Аникита), Висковатова и другихъ представителей тогдашняго литературнаго славянофильства. Кромѣ этого кружка, Аксаковъ сблизился съ знаменитымъ актеромъ Шушеринымъ, у него узналъ хорошо старика актера Шумскаго, а также звѣзду петербургской сцены Яковлева, и познакомился съ писателями Ильинымъ, Гнѣдичемъ, Языковымъ. Въ 1812 году Аксаковъ перебрался въ Москву, гдѣ онъ, занятый стихотворнымъ переводомъ (для Шушерина) Лагарповой трагедіи «Филоктетъ», сошелся съ литераторами Кокошкинымъ, Ивановымъ, Мерзляковымъ, Каченовскимъ, Глинкой, Шатровымъ, Вельяшевымъ-Волынцевымъ, Николевымъ— и окончательно посвятилъ себя литературѣ. Нашествіе Наполеона удалило Аксакова въ деревню, откуда онъ не ранѣе 1814 года пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ, мастерскимъ чтеніемъ стиховъ, понравился Державину, тутъ же познакомился съ Загоскинымъ, и только въ исходѣ 1815 года возвратился въ Москву, гдѣ въ 1816 году издалъ своего «Филоктета» и женился на О. С. Заплатиной, а затѣмъ четыре года пробылъ въ деревнѣ. По возвращеніи въ Москву, Аксаковъ началъ помѣщать стихи и разныя статейки въ «Вѣстникѣ Европы»; въ 1821 году напечаталъ свой переводъ *10-й сатиры Буало* и былъ выбранъ въ члены московскаго общества любителей россійской словесности, но въ томъ же году снова уѣхалъ въ деревню, гдѣ оставался до 1826 года. Прибывъ тогда въ Москву, Аксаковъ нашелъ здѣсь старыхъ своихъ пріятелей Кокошкина, Загоскина, князя Шаховскаго, познакомился вновь съ водевилистомъ Писаревымъ и композиторомъ Верстовскимъ; въ 1827 году занялъ должность цензора, вмѣстѣ съ отправленіемъ которой переводилъ мольеровы комедіи «Скупой» и Школа мужей», игранныя, но не напечатанныя, помѣщалъ разныя статьи — преимущественно о театрѣ—въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина, «Атенѣ» Павлова, «Галатеѣ» Раича, «Молвѣ» Надеждина; въ 1832 году принялъ на себя завѣдываніе послѣднею, причемъ особенно подвергался журнальнымъ нападкамъ Полеваго, но заслужилъ уваженіе Пушкина; въ 1834 году получилъ мѣсто инспектора межеваго училища, преобразовалъ это заведеніе, названное тогда Константиновскимъ межевымъ институтомъ, сдѣланъ его директоромъ, но въ 1839 году вышелъ въ отставку. Познакомившись около этого времени съ Гоголемъ, Аксаковъ скоро оцѣнилъ автора «Ревизора», сдружился съ нимъ внималъ его совѣтамъ и ему первому читалъ еще ненапечатанныя главы своей *Семейной Хроники*, восхищавшія Гоголя. Начало «Семейной Хроники» было напечатано въ Московскомъ Сборникѣ 1846 года и обратило на себя вниманіе только знатоковъ. Публика же познакомилась съ истиннымъ талантомъ Аксакова не ранѣе какъ по выходѣ, въ 1847 году, его *Запи-*

сокъ объ уженьѣ, перепечатанныхъ потомъ въ 1854 и 1859 годахъ. Второе сочиненіе Аксакова: *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи* вышло въ 1852 году и, не смотря на кажущуюся спеціальность свою, было издаваемо еще два раза: въ томъ же 1852 и въ 1857 годахъ. Напечатавъ въ «Москвитянинѣ» 1853 года *Біографію Загоскина*, а въ «Москвитянинѣ» 1854 года статью *Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ*, Аксаковъ издалъ въ 1855 году *Разсказы и воспоминанія охотника*, которыя потребовали новаго изданія не далѣе какъ въ 1856 году, когда Аксаковъ уже представлялъ публикѣ *Семейную Хронику* — торжество своего авторскаго таланта. Твореніе это, съ наслажденіемъ читавшееся во всѣхъ концахъ Россіи, какъ-бы дополнилось въ 1858 году другимъ, тогоже автора: *Дѣтскіе годы Багрова-внука*, имѣвшимъ успѣхъ, какъ и первое. Въ томъ же 1858 году вышли въ свѣтъ *Разныя сочиненія* Аксакова, помѣщавшіяся въ разныхъ журналахъ 1856—1858 годовъ, подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ: *Литературныя и театральныя воспоминанія*. Но *Разныя сочиненія* — не были встрѣчены подобно прежнимъ произведеніямъ Аксакова, даже подверглись порицанію: находили, что авторъ слишкомъ много говоритъ о самомъ себѣ, черезъ чуръ покланяется каждой своей строкѣ... Послѣднимъ произведеніемъ Аксакова, напечатаннымъ при жизни его, была; *Встрѣча съ мартинистами*, помѣщенная въ 1-й книжкѣ «Русской Бесѣды» 1859 года. Въ томъ же году Аксакова не стало. Онъ умеръ, 30 апрѣля, въ Москвѣ, искренно оплакиваемый массою своихъ почитателей. Тѣло его погребено въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ. Талантъ Аксакова, хотя развившійся въ лѣтахъ зрѣлыхъ, поражаетъ живостью описаній и прелестью разсказа. Природа, въ особенности Оренбургскаго края; охота, въ разныхъ ея видахъ; наконецъ старинный бытъ степныхъ русскихъ дворянъ — нашли въ Аксаковѣ вѣрнаго воспроизводителя-художника. Критика еще не высказала рѣшительнаго мнѣнія о литературномъ значеніи Аксакова. Но «смерть его — справедливо замѣчаетъ одинъ изъ біографовъ Аксакова — была встрѣчена съ сожалѣніемъ всѣми, безъ различія взглядовъ, потому что *литература теряла въ немъ благороднаго, независимаго дѣятеля*».

БРЮЛЛОВЪ, Карлъ Павловичъ, русскій историческій живописецъ. Родился 12 декабря 1799 года въ Петербургѣ и, одержимый сильною золотухою, долго не вставалъ на ноги, а по выздоровленіи, еще въ раннемъ дѣтствѣ, долженъ былъ, въ угоду отцу своему, художнику недюжинному, чертить, подъ руководствомъ родительскимъ, человѣчковъ и лошадокъ, не вычертивъ условленнаго количества которыхъ, онъ нерѣдко лишался завтрака или обѣда. Школа такого рода, при врожденномъ дарованіи ребенка, приготовила въ немъ великаго художника — и Брюлловъ, отданный отцомъ въ академію художествъ, скоро оставилъ за собою не только сверстниковъ, но и старшихъ себя, вслѣдствіе чего тогда же сдѣлался предметомъ зависти и неизбѣжной спутницы ея — клеветы. Первая программа, *Нарцисъ*, исполненная Брюлловымъ въ настоящій ростъ, обратила на себя общее вниманіе академіи, одинъ изъ профессоровъ которой, А. И. Ивановъ, ближайшій наставникъ Брюллова и отецъ знаменитаго А. А. Иванова, даже не будучи богатымъ, хотѣлъ пріобрѣсти для себя первое произведеніе Брюллова, оставленное однако за академіею и донынѣ хранящееся въ залахъ ея. Программа, за которую Брюлловъ получилъ большую золотую медаль, имѣла сюжетомъ: *Авраамъ угощаетъ трехъ ангеловъ* — и, выказывая полное обладаніе изящнимъ рисункомъ, а также неподражаемый колоритъ съ благородствомъ композиціи, передѣлывалась Брюлловымъ, по свидѣтельству Рабуса, до *осьми* разъ, что и замѣтно при первомъ взглядѣ на слой красокъ этой картины: такова была строгость Брюллова къ самому себѣ!... Въ 1822 году Брюлловъ кончилъ академическій курсъ и, на иждевеніи общества поощренія художниковъ, былъ отправленъ въ Италію, гдѣ вскорѣ изумилъ всѣхъ знатоковъ необыкновенной точностью своей копіи съ *Аѳинской школы* Рафаэля, — копіи, по поводу которой говорили, что «когда произведеніе Раѳаэлово совершенно упадетъ прахомъ со стѣны Ватикана, тогда и сами итальянцы придутъ въ нашу академію, взглянутъ на *второе произведеніе Рафаэля*, явившееся изъ-подъ кисти Брюллова». За *Аѳинскою школою* послѣдовалъ цѣлый рядъ портретовъ, этюдовъ, акварелей, рисунковъ, картинокъ масляными красками и всѣмъ извѣстныхъ произведеній, каковы: *Итальянское утро и полдень*, *Дѣти графа Витгенштейна съ нянею-итальянкою*, наконецъ, увлекательной красоты *Вирсавія*, *вступающая*, *съ помощію прислужницы своей арабки*, *въ ванну*, — картина, которую самъ художникъ, на этотъ разъ недовольный собою, прорвалъ пущеннымъ въ нее сапогомъ. Но, создавая всѣ эти образчики высокаго искуства, Брюлловъ жилъ въ Римѣ такъ стѣтсненно, что напр. А, Н. Львовъ нашелъ его тамъ безъ копѣйки денегъ, въ жалкой гостинницѣ, хозяину которой онъ же, Львовъ, заплатилъ долгъ Брюллова, узнавшаго объ этомъ, по свойственной ему безпечности, только нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Гораздо болѣе денежныхъ вопросовъ занимало Брюллова стремленіе къ совершенству, далекость отъ котораго казалась многимъ тѣмъ очевиднѣе, что знаменитый тогда въ Римѣ историческій живописецъ Каммучини, оракулъ мѣстныхъ художниковъ, относился о Брюлловѣ очень небрежно, говоря, что «этотъ pittore russo способенъ только на маленькія вещи». Узнавъ стороною о такомъ отзывѣ Каммучини, Брюлловъ немедленно нанялъ огромную мастерскую, заперся въ ней — и черезъ 11 мѣсяцевъ весь Римъ заговорилъ о новомъ чудѣ явившемся въ улицѣ св. Клавдія. Каммучини тоже изъявилъ желаніе взглянуть на чудо и просился въ мастерскую Брюллова, гдѣ хранилось оно, но, вмѣсто доступа, получилъ отвѣтъ хозяина мастерской: «не стоитъ затрудняться, тамъ маленькая вещь». — Вслѣдъ за тѣмъ эта маленькая вещь явилась на публичную выставку — и Каммучини, вмѣстѣ со всѣми, впервые увидѣлъ *Послѣдній день Помпеи*, всемирно-знаменитое произведеніе Брюллова, оконченное въ 1833 году и написанное на холстѣ вышиною въ 7 ¾ и шириною въ 10 ¼ арш., произведеніе, которое Вальтеръ Скоттъ, просидѣвшій передъ нимъ цѣлое утро, назвалъ *эпопеею*. Торжество Брюллова было полное. Получивъ кучу привѣтственныхъ посланій со всѣхъ концовъ Европы, почетную золотую медаль отъ Парижеской академіи и, 27 ноября 1834 года, орденъ св. Анны 3-го класса отъ Императора Николая I, Брюлловъ, написавшій между тѣмъ, въ Миланѣ, еще историческую картину *Инесъ-де-Кастро*, оставилъ Италію, проѣздомъ чрезъ Одессу былъ чествованъ пышнымъ обѣдомъ у князя Воронцова и 26 декабря 1835 года прибылъ въ Москву, гдѣ тотчасъ же подарилъ лисью шубу свою пріѣхавшему съ нимъ слугѣ. Въ Москвѣ, Брюлловъ, окружаемый вниманіемъ художниковъ Тропинина,

Витали, Дурнова, Рабуса, Тюрина и другихъ, написалъ портреты: А. А. Перовскаго, у котораго онъ останавливался, и графа Толстаго; набросалъ красками эскизъ: *Нашествіе Гензерика на Римъ*, восхищавшій всѣхъ и въ томъ числѣ А. С. Пушкина; нарисовалъ карандашемъ эскизъ *Взятіе Божіей Матери на небо*, потомъ написалъ тотъ же сюжетъ красками; за тѣмъ превосходно изобразилъ *Гадающую Свѣтлану* — и оставилъ Москву, одушевленный желаніемъ создать, по мысли князя Д. В. Голицына, картину Москвы въ 1812 году: «Я такъ полюбилъ Москву, говорилъ Брюлловъ, прощаясь съ москвичами, что напишу ее при восхожденіи солнца и изображу возвращеніе ея жителей на разоренное врагами пепелище». Въ Петербургѣ ожидалъ Брюллова тріумфъ академическій. 11 іюня 1836 года академія художествъ угощала своего знаменитаго питомца роскошнымъ обѣдомъ и, въ виду *Послѣдняго дня Помпеи*, пировала съ Брюлловымъ до вечера. Петербургская дѣятельность Брюллова, не смотря на недостатокъ удобствъ климатическихъ, продолжала обличать многосторонній талантъ художника и наполнила мастерскую его новыми произведеніями, между которыми пользуются заслуженную извѣстностью: *Ангелъ Пери*, *Распятіе Христа* (въ с. петербургской лютеранской Петропавловской церкви), *Св. Троица* (въ Сергіевской пустыни подъ Петербургомъ), *Божія Матерь, несомая ангелами на небо* (въ с. петербургскомъ Казанскомъ соборѣ), *Іисусъ во гробѣ* (въ домашней церкви графа Адлерберга); *Марія между одалисками*, *Прогулка султанскихъ женъ*, *Пробужденіе малютки*, эскизъ *Невинность покидаетъ землю*, портреты *Крылова*, *Кукольника*, *князя Оболенскаго*, *г-жи Бекъ*, *князя Голицына*. *княгини Салтыковой* и др. — Въ 1842 году Брюллову было поручено расписывать плафонъ Исакіевскаго собора — и Брюлловъ, въ жару вдохновенія, говорилъ ученикамъ: «мнѣ тѣсно, я бы теперь расписалъ небо! я изобразилъ бы на немъ всѣ религіи народовъ, которыя существовали отъ сотворенія міра, и торжество надъ всѣми христіанской». Но весною 1844 дали знать Брюллову, что живопись въ Исакіевскомъ куполѣ будетъ замѣнена изваяніями — и извѣстіе это сразило Брюллова: больной духомъ, блѣдный, измученный, онъ потерялъ аппетитъ, задумчиво сидѣлъ въ креслахъ, съ плачемъ говоря короткимъ знакомымъ: «Меня Богъ наказываетъ за мою гордость. Я вообразилъ себѣ, что я второй Микель Анжело, что я воздвигну себѣ безсмертный памятникъ, я — ничтожный червякъ!... куполъ.., была моя вся жизнь... я никогда этого болѣе не чувствовалъ, какъ теперь... легче умереть сто разъ, чѣмъ отказаться отъ купола». Это состояніе духа Брюллова было доведено кѣмъ-то до свѣдѣнія высшаго начальства и въ 1845 году куполъ былъ возвращенъ Брюллову, который, проводя дни на лѣсахъ, вечеромъ создавалъ великолѣпныя акварели, нарисовалъ чернымъ карандашемъ извѣстную *Діану на крыльяхъ ночи* и уже набрасывалъ эскизы задуманной имъ *Осады Пскова*. Однако давняя болѣзнь въ сердцѣ, усилившаяся пребываніемъ въ Петербургѣ и работами въ сыромъ недостроенномъ соборѣ, оторвала Брюллова отъ Исакіевскаго купола и заставила его, въ 1849 году искать пособія за границею, гдѣ онъ посѣтилъ Брюссель, пробылъ нѣкоторое время въ Испаніи и совсѣмъ было поправился на островѣ Мадерѣ, но съ пріѣздомъ, въ 1850 года въ Римъ снова сталъ разнемогаться и 11 іюня 1852 года умеръ въ виллѣ Манчіани, почти скоропостижно, на 53 году жизни. Тѣло Брюллова погребено на такъ называемомъ Monte Testaccio, иновѣрческомъ кладбищѣ римлянъ. — Въ мастерской Брюллова остались: эскизъ *Снятіе со креста*; недоконченный портретъ *г. Абазы*; начатая картина *Бахусъ съ вакханкою*; картина *Затмѣніе солнца*. въ видѣ поцѣлуя солнца съ луною; недоконченная *Дѣвушка сидящая въ лѣсу*; начатая женская голова; начатый портретъ *князя Мещерскаго* и маленькій эскизъ съ портрета *А. Н. Демидова*. — К. П. Брюлловъ былъ не великъ ростомъ, почти малъ, но плечистъ, кисти рукъ его, необыкновенно малыя, отличались короткими, круглыми пальцами; во всѣхъ пріемахъ замѣчалась какая-то оригинальная небрежность; говорилъ онъ бѣгло и увлекательно. «Всѣ черты Брюллова — пишетъ дама, дружески съ нимъ знакомая — были необыкновенны и правильны; а профиль могла напомнить только голову Аполлона на античныхъ камеяхъ. Волосы бѣлокурые, курчавые, красивыми кольцами окружали лицо. Лобъ высокій, открытый; на немъ былъ отпечатокъ творческой его силы и геніальнаго соображенія; глаза и брови придавали всей физіономіи необыкновенное выраженіе. Невозможно повѣрить, чтобы голубые глаза могли владѣть такимъ быстрымъ и глубокимъ взглядомъ ... Носъ былъ нѣсколько римскій, но въ совершенной пропорціи съ остальными правильными чертами лица. Ротъ, какъ онъ говорилъ самъ, припоминая свои юные годы жизни въ Италіи, былъ un arc d'amore, и точно: верхняя губа обрисовывала чрезвычайно вѣрно изображеніе лука, а пріятность его улыбки, кажется, никакой поэтъ, никакой живописецъ, не будетъ умѣть передать». — Всегда настроенный поэтически, Брюлловъ весь проникался своими работами и, рисуя образа, былъ одушевленъ истинно-религіознымъ чувствомъ, которое замѣчалъ и понималъ, напр. А. Е. Егоровъ, постоянно, въ этихъ случаяхъ, говаривавшій Брюллову: «батюшка, Карлъ Павловичъ, каждый мазокъ твоей кисти — хвала Богу». Самъ Брюлловъ, принимавшій короткихъ знакомыхъ своихъ въ мастерской, бывалъ заставаемъ сидящимъ со сложенными руками передъ рисуемою картиною, о которой онъ тутъ же, едва поздоровавшись съ посѣтителями, начиналъ рѣчь, говоря, напр. по поводу изображенія св. царицы Александры: «она должна стремиться въ небо: voyez comme ces rayons de lumière la pompent» и т. п. — Значеніе Брюллова въ исторіи русскаго искуства велико. «Брюлловъ былъ геній — справедливо замѣчаетъ одинъ изъ писавшихъ о немъ художниковъ — и какъ геній смотрѣлъ на искуство съ новой точки зрѣнія, до него бывшей неизвѣстною, сообразной вѣку и требованіямъ его. Онъ показалъ новый путь, по которому идетъ молодое поколѣніе, не смотря на отчаянное сопротивленіе и брань стараго».

ВИЗИНЪ (фонъ), Денисъ Ивановичъ, русскій писатель. Родился 3 апрѣля 1745 года въ Москвѣ и по третьему году отнятый отъ кормилицы смыслилъ уже столько, что на вопросъ отца: «грустно тебѣ, другъ мой?» отвѣчалъ: «А такъ грустно, батюшка, что я и тебя, и себя теперь же вдавилъ бы въ землю». На пятомъ году ребенка начали учить грамотѣ, потомъ отецъ заставлялъ его читать церковныя книги, толковалъ ему священную исторію, причемъ, однаждый, разсказомъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, привелъ сына въ слезы, вину которыхъ сконфуженный ребенокъ сложилъ сначала на зубную боль, но потомъ признался, что «плакалъ отъ сожалѣнія». Въ 1754 году фонъ-Визинъ былъ записанъ въ семеновскій полкъ солдатомъ и, от-

пущенный до возраста для обученія наукамъ, въ 1755 году отданъ въ гимназію московскаго университета, гдѣ латинскимъ учителемъ былъ господинъ, который, вмѣсто всякаго преподаванія, довольствовался тѣмъ, что, собственно ради экзаменовъ, надѣвалъ камзолъ съ *четырьмя* пуговицами, для означенія числа *спряженій*, а на кафтанѣ имѣлъ *пять* пуговицъ, указывавшихъ число *склоненій*, и, при вопросѣ экзаминатора, брался за надлежащую пуговицу кафтана или камзола, чѣмъ самымъ подсказывалъ ученику надлежащій отвѣтъ. Въ этой же гимназій фонъ-Визинъ получилъ золотую медаль единственно за то, что на вопросъ инспектора: въ которое море течетъ Волга? онъ, — не подражая товарищамъ, направлявшимъ Волгу одинъ въ Черное другой въ Бѣлое море, — отвѣчалъ съ чистѣйшимъ простодушіемъ: *не знаю!* — По переходѣ своемъ изъ гимназіи въ университетъ, фонъ-Визинъ, въ 1759 году, въ числѣ десяти лучшихъ студентовъ, былъ повезенъ университетскимъ директоромъ въ Петербургъ, гдѣ представлялся тогдашнему куратору университета И. И. Шувалову, видѣлъ дворецъ, сочтенный фонъ-Визиномъ *жилищемъ существа выше смертнаго*, наконецъ, восхищался игрою знаменитыхъ актеровъ Волкова и Дмитревскаго. — Остальные три года пребыванія своего въ университетѣ фонъ-Визинъ посвятилъ преимущественно изученію языковъ, прилежно слушалъ логику, преподаваемую Шаденомъ, самъ началъ переводить стихами Вольтерову «Альзиру», наконецъ, въ 1761 году, принялся за переводъ съ нѣмецкаго басенъ Голберговыхъ, подъ руководствомъ профессора Рейхеля, который «своею ироніею — замѣчаетъ Шевыревъ — и своимъ умѣньемъ схватывать неразумную сторону жизни, могъ имѣть отчасти вліяніе на нравственное развитіе нашего геніальнаго комика». Въ 1762 году фонъ-Визинъ кончилъ университетскій курсъ, объявленъ студентомъ и пожалованъ въ сержанты, но, уклоняясь отъ военной службы, просилъ о причисленіи себя къ иностранной коллегіи, въ которую представилъ опыты переводовъ своихъ съ трехъ языковъ и былъ принятъ переводчикомъ капитанъ-поручичья ранга. Коллежская служба фонъ-Визина началась отправленіемъ его, въ декабрѣ 1762 года, съ Екатерининскою лентою къ герцогинѣ Мекленбургской и порученіемъ заѣхать изъ Мекленбурга въ Гамбургъ, откуда русскій посланникъ графъ Мусинъ-Пушкинъ взялъ съ собою фонъ-Визина въ Швериыъ, а потомъ прислалъ его въ Петербургъ съ одобрительнымъ аттестатомъ. Въ Петербургѣ, фонъ-Визинъ продолжалъ заниматься служебными переводами, за которые не разъ получалъ похвалу отъ канцлера графа М. Л. Воронцова, и, между дѣломъ, написалъ въ 1763 году не только разныя мелкія стихотворенія, но также извѣстную комедію свою *Бригадиръ*. Въ 1764 году фонъ-Визинъ, по приглашенію И. П. Елагина, перешелъ на службу въ придворное вѣдомство, съ чиномъ титулярнаго совѣтника и жалованьемъ по 500 р. въ годъ, а вскорѣ затѣмъ имѣлъ случай познакомить съ *Бригадиромъ* А. И. Бибикова и графа Гр. Гр. Орлова, которые доложивъ объ авторѣ Императрицѣ, доставили фонъ-Визину возможность лично прочесть *Бригадира* Государынѣ въ эрмитажѣ, послѣ чего тоже чтеніе повторилось у наслѣдника престола, затѣмъ въ кабинетѣ графа Н. И. Панина—и о *Бригадирѣ* заговорилъ весь Петербургъ. Въ томъ же 1764 года фонъ-Визинъ издалъ *Жизнь Сифа царя Египетскаго*, переводъ съ нѣмецкаго, и перевелъ съ французскаго поэму Битобе *Іосифъ* напечатанную позже. — Въ 1765 году фонъ-Визинъ, по порученію Елагина, изготовилъ для ежегоднаго торжества академіи свои стихи, вмѣсто дурныхъ Сумароковскихъ, но на торжествѣ, по разнымъ интригамъ — и, между прочимъ, секретаря Елагина, тогдашняго писателя В. В. Лукина, врага фонъ-Визинова, — читаны были стихи Г. Н. Теплова, вслѣдствіе чего, Елагинъ утѣщалъ фонъ-Визина, говоря: «пожалуй, оставь; пускай Тепловъ дурачится». Въ 1766 году фонъ-Визинъ издалъ книгу *Торгующее Дворянство, противоположенное дворянству военному*, съ прибавленіемъ Юстіева *Разсужденія* о томъ же, переводъ съ французскаго: а въ 1768 году онъ уже писалъ къ своимъ, что ему «жить у Елагина несносно становится», почему, напечатавъ въ 1769 году англійскую повѣсть *Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность*, переводъ съ французскаго, фонъ-Визинъ, въ 1770 году, перешелъ снова въ иностранную коллегію, подъ начальство графа Н. И. Панина, который немедленно наименовалъ даровитаго автора *Бригадира* своимъ секретаремъ и доставилъ ему чинъ надворнаго совѣтника. Съ возвращеніемъ въ прежнее мѣсто служенія счастіе фонъ-Визина упрочилось тѣмъ существеннѣе, что графъ Панинъ, получивъ въ 1773 году, въ день свадьбы Наслѣдника престола, питомца своего, 8412 душъ, раздѣлилъ половину этого дара между своими секретарями, причемъ на долю фовъ-Визина пришлось 1180 душъ. Вслѣдъ затѣмъ, фонъ-Визинъ взялся быть стряпчимъ молодой вдовы, дочери богатаго купца Роговикова, имѣвшей процессъ съ своимъ дядею, — и сладилъ дѣло, женившись на своей прекрасной довѣрительницѣ, бракъ съ которою доставилъ ему возможность, какъ выражается князь Вяземскій въ запискахъ своихъ о фонъ-Визинѣ, «быть съ людьми дома и въ гостяхъ, хорошо ѣсть и хорошо кормить». Въ числѣ частыхъ посѣтителей гостепріимнаго фонъ-Визина находились тогда писатели Державинъ, Богдановичъ, Княжнинъ, актеръ Дмитревскій—и въ ихъ-то кружкѣ фонъ-Визинъ давалъ волю острому языку своему, задѣвшему какъ-то самаго князя Потемкина, который принудилъ остряка, подъ предлогомъ болѣзни жены своей, взять въ 1777 году отпускъ за границу. Представившись королевско-польскому двору въ Варшавѣ, фонъ-Визинъ проѣхалъ Германію, побывалъ въ Парижѣ, занесъ всѣ событія этого путешествія въ интересныя *Письма* свои и, въ исходѣ 1778 года, возвратился въ Петербургъ, гдѣ 21 мая 1779 годя получилъ чинъ канцеляріи совѣтника, а въ 1782 году написалъ знаменитѣйшую комедію свою *Недоросль*, игранную въ первый разъ 24 сентября того же года въ Петербурѣ, а напечатанную тамъ же только въ 1783 году. Успѣхъ комедіи *Недоросль* былъ блистателенъ. «Ее — пишетъ митрополитъ Евгеній — много разъ играли сряду на публичномъ и придворномъ театрахъ, и въ доказательство успѣха ея можно замѣтить, что многіе, почувствовавъ себя въ роли *Простаковыхъ*, тогда же отпустили изъ домовъ своихъ *Вральмановъ* и другихъ недостойныхъ воспитателей. Имена ролей комедіи сей сдѣлались по всей Россій нарицательными людямъ имъ подобнымъ». — Говорятъ, что даже князь Потемкинъ, нѣкогда оскорбленный фонъ-Визинымъ, сказалъ автору *Недоросля* послѣ перваго представленія его комедіи: «*Умри теперь, Денисъ, или хоть больше ничего уже не пиши: имя твое безсмертно будетъ по одной этой піэсѣ*». Пораженный въ 1783 году, смертью благодѣтеля своего, графа Н. И. Панина, фонъ-Визинъ сталъ чаще и чаще жаловаться на головныя боли и, въ 1784 году оставилъ службу, съ чиномъ статскаго совѣтника, пенсію въ 3 тыс. рублей и намѣреніемъ ѣхать

въ Италію, для того чтобы развлечься. Исполнивъ это намѣреніе, фонъ-Визинъ возвратился въ Москву совершенно больной, безуспѣшно лечился тутъ электризаціей, а въ половинѣ 1786 года долженъ былъ опять ѣхать для пользованія въ Вѣну, откуда жена привезла его уже не владѣющаго рукою, ногою и почти безъ языка. Совсѣмъ тѣмъ, фонъ-Визинъ не переставалъ сохранять — или показывать — веселое расположеніе духа, на шутки отвѣчалъ шутками, въ 1788 году вторично напечаталъ въ Москвѣ повѣсть *Сидней и Силли*, даже задумывалъ издавать журналъ, подъ названіемъ: *Другъ честныхъ людей или Стародумъ, періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ*, но вскорѣ лишился возможности заниматься и, написавъ въ 1791 году дрожащею рукою *размышленіе о кончинѣ князя Потемкина*, умеръ, 1 декабря 1792 года, въ Петербургѣ, на 48 году отъ рожденія. Тѣло его погребено на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской лавры. — Денисъ Ивановичъ фонъ-Визинъ, первый прозаикъ своего времени, отличался пылкимъ, бѣглымъ умомъ, щедростію, услужливостію, откровеннымъ нравомъ, пріятнымъ обхожденіемъ и остротою, за которую страдалъ неоднократно; нѣжно любилъ своихъ, особенно жену; употреблялъ силу свою въ пользу нуждавшихся; помнилъ благодѣянія, осмѣивалъ порокъ. — Кромѣ выше указанныхъ сочиненій и переводовъ фонъ-Визина, изданы слѣдующіе его труды: 1) въ 1763 году *Любовь Кариты и Политора*, повѣсть, переводъ съ французскаго; 2) въ 1770 году, *Слово на выздоровленіе Его Императорскаго Высочества великаго князя Павла Петровича;* 3) въ 1777 году, *Слово похвальное Марку Аврелію*, сочиненіе Томаса, переводъ съ французскаго; 5) въ 1803 году, *Письмо о планѣ Россійскаго Словаря, предположенномъ Россійскою академіею;* 4) въ 1798 году, *Исповѣданіе или чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ;* 6) въ 1806 году, *Каллисѳенъ*, греческая повѣсть; 7) *Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ.* Изъ стихотвореній фонъ-Визина извѣстны: 8) *Посланіе къ слугамъ моимъ, Ванькѣ и Петрушкѣ Шумиловымъ;* 2) *Лисица кознодѣй*, басня; 2) *Матюшка-разнощикъ*, долго остававшееся не напечатаннымъ, какъ и *Опытъ придворной грамматики* фонъ-Визина, — злая и остроумная сатира на нравы того времени.

ГЛИНКА, Михаилъ Ивановичъ, русскій композиторъ. Родился 20 мая 1804 года, Смоленской губерніи Ельнинскаго уѣзда въ с. Новоспасскомъ, имѣніи отца его, отставнаго капитана Ивана Николаевича Глинки, и первые три или четыре года жизни провелъ почти безвыходно въ жарко-натопленной комнатѣ бабки своей по отцу, хворой старушки, принявшей на себя первоначальное воспитаніе внука. Со смертію бабки, 4-хъ-лѣтній Глинка поступилъ въ вѣдѣніе матери своей Евгеніи Андреевны (рожденная Глинка), подъ руководствомъ которой началъ знакомиться съ свѣжимъ воздухомъ, потомъ попалъ на руки гувернантки-француженки, затѣмъ началъ брать уроки рисованія у нанятаго его отцомъ архитектора, и усердно читалъ книгу: «О странствіяхъ вообще», изданную въ царствованіе Екатерины II, а по осьмому году, онъ, какъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи, «съ жадностію вслушивался въ колокольный звонъ, отличалъ трезвонъ каждой церкви (въ Орлѣ) и усердно подражалъ ему на мѣдныхъ тазахъ». Музыкальное чувство ребенка развилось рѣшительно съ 1814 или 1815 года, когда 11-ти-лѣтній Глинка, въ домѣ отца своего, иногда приглашавшаго доморощеный оркестръ одного изъ жениныхъ братьевъ, впервые услышалъ квартетъ Крузеля съ кларнетомъ: «Эта музыка, говоритъ самъ Глинка, произвела на меня новое, непостижимое и восхитительное впечатлѣніе; я оставался цѣлый день потомъ въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, былъ погруженъ въ неизъяснимыя, томительно-сладкія ощущенія, и на другой день, во время урока рисованія, былъ разсѣянъ». Та же разсѣянность продолжалась и въ другіе дни, вслѣдствіе чего учитель рисованія укорительно замѣтилъ ученику, что онъ все думаетъ о музыкѣ, — и ученикъ, не отвергая этаго, съ покорностію отвѣчалъ учителю: » что же дѣлать? Музыка душа моя!» — Съ той поры будущій композиторъ, при каждомъ появленіи доморощеныхъ музыкантовъ, вмѣсто того чтобы танцовать, бралъ въ руки скрипку или флейту и, самоучкою, посредствомъ тоники или доминанты, поддѣлывался подъ оркестръ, особенно любя слушать русскія пѣсни, которыя, въ переложеніи на 2 флейты, 2 кларнета, 2 валторны и 2 фагота, эти же доморощеные музыканты разыгрывали обыкновенно во время ужиновъ. Вслѣдъ за тѣмъ ребенка, уже страстнаго къ музыкѣ, начали учить игрѣ на фортепіано, чтенію нотъ, игрѣ на скрипкѣ — и 12-ти-лѣтній Глинка, не смотря на механическое преподаваніе этихъ предметовъ, производившееся выписною изъ Петербурга гувернанткою и первымъ скрипачемъ изъ оркестра дяди, дѣлалъ быстрые успѣхи. «Хотя я любилъ музыку почти безсознательно, говоритъ о томъ времени самъ Глинка, однакожъ очень хорошо помню, что предпочиталъ піэсы, кои были доступнѣе тогдашнимъ моимъ музыкальнымъ понятіямъ. Оркестръ вообще я любилъ болѣе всего, а изъ оркестровыхъ піэсъ, послѣ русскихъ пѣсенъ, предпочиталъ увертюры: *Ma tante Aurore* Боэльде, *Lodoiska* Крейцера, *Les deux aveugles* Мегюля. Эти двѣ послѣднія охотно я игралъ на фортепіано, равно какъ нѣкоторыя сонаты Штейбельта, въ особенности рондо: *L'orage*, которое исполнялъ довольно опрятно. Чехъ Гировецъ мнѣ вовсе не нравился...». Въ 1817 году Глинка былъ привезенъ родителями въ Петербургъ и отданъ въ новооткрытый тогда благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, музыкальное образованіе Глинки шло объ руку съ научнымъ: успѣвъ взять три урока у знаменитаго піаниста Фильда, вскорѣ уѣхавшаго въ Москву, Глинка учился нѣкоторое время у ученика Фильдова Омана, потомъ усовершенствовалъ механизмъ и стиль своей игры подъ руководствомъ Цейнера, далѣе развивалъ то и другое подъ вліяніемъ Карла Мейера, причемъ учился на скрипкѣ у Бема и, въ тоже время, — получалъ похвальные листы на пансіонскихъ экзаменахъ 1819, 1820 и 1821 гг., а въ 1822 году, въ день выпуска изъ пансіона, публично выполнилъ амольный концертъ Гуммеля и, вскорѣ же, съ честію сыгралъ первое соло этого концерта передъ самимъ Гуммелемъ. Къ тому же 1822 году относятся первые опыты музыкальнаго творчества Глинки — варіаціи для фортепіано на тему (C-dur) изъ оперы Вейгля: *Швейцарское семейство*, варіаціи для арфы и фортепіано на тему (Es-dur) Моцарта и вальсъ для фортепіано (F-dur), написанные въ угоду одной «молодой барынѣ красивой наружности». Въ 1823 году Глинка провелъ четыре мѣсяца на кавказскихъ минеральныхъ водахъ, по возвращеніи въ Петербургъ взялъ нѣсколько уроковъ контрапункта у извѣстнаго тогда теоретика Фукса и, въ концѣ того же года, при посѣщеніи роднаго пепелища, практически занимался инструментовкою, изу-

чая ее на дядиномъ оркестрѣ, который, за время пребыванія Глинки въ Петербургѣ, значительно усовершенствовался и уже весьма удовлетворительно исполнялъ увертюры Керубини, Мегюля, Моцарта, Бетговена и симфоніи Гайдна. Въ 1824 году Глинка, уступая желанію отца, «съ трудомъ удовлетворявшаго издержкамъ своего сына на уроки музыки и языковъ», опредѣлился на службу по вѣдомству путей сообщенія, но уже не могъ брать уроковъ у любимаго учителя своего Карла Мейера, который откровенно сказалъ даровитому ученику: «vous avez trop de talent pour que je vous-donne des leçons; venez en ami tous les jours et nous ferons de la musique ensemble». Въ 1825 году Глинка написалъ въ Петербургѣ первое allegro сонаты D-moll для фортепіано съ альтомъ, романсъ: *Моя арфа* (слова Бахтурина) и романсъ *Не искушай меня безъ нужды* (слова Баратынскаго), а проѣздомъ чрезъ Смоленскъ — варіаціи для фортепіано на итальянскій, тогда модный, романсъ: Benedetta sia la madre (E-dur) и кантату для пролога на кончину Императора Александра I и воцареніе Императора Николая I. Въ 1826 году Глинка положилъ на музыку *Свѣтитъ мѣсяцъ на кладбище* и *Бѣдный пѣвецъ* (слова Жуковскаго), въ 1827 году написалъ романсы: *le Baiser*, *Горько, горько мнѣ* и нѣсколько театральныхъ отдѣльныхъ сценъ для пѣнія съ оркестромъ, а въ 1828 году началъ учиться композиціи у итальянца Замбони, написалъ серенаду, два квартета, нѣсколько романсовъ и, вслѣдствіе непріятностей по службѣ, вышелъ въ отставку. Познакомившись около этого же времени съ княземъ С. Голицынымъ, барономъ Дельвигомъ, Глинка, въ 1828 и 1829 годахъ, положилъ на музыку стихи Дельвига: *Ахъ ты ночь ли, ноченька; Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили; Не осенній частый дождичекъ*, и стихи князя Голицына: *Забуду-ль я* и *Разочарованіе*. Въ 1829 году Глинка и князь Голицынъ издали «Музыкальный Альбомъ», включившій въ себѣ почти всѣ романсы и пѣсни, даже нѣкоторыя фортепіанныя піэсы, до того времени написанныя Глинкою, а съ осени 1829 по весну 1830 годъ Глинка, не смотря на развивавшіеся недуги свои, выучилъ септуоръ Гуммеля, упражнялся въ этюдахъ Крамера, Мошелеса, принимался иногда за Баха, написалъ романсъ *Голосъ съ того свѣта*, квартетъ (F-dur) для струнныхъ инструментовъ, шесть контральтовыхъ этюдовъ для одной изъ своихъ сестеръ и маленькій курсъ географіи для другой. Въ 1830 году, Глинка, вмѣстѣ съ знаменитымъ впослѣдствіи теноромъ Ивановымъ, поѣхалъ за границу и три года прожилъ въ Италіи, гдѣ, лѣчась и страдая, сблизился со всѣми тамошними музыкальными знаменитостями и написалъ нѣсколько рондо, каватинъ и варіацій на разныя темы. Лѣтомъ 1833 года Глинка оставилъ Италію, проѣздомъ чрезъ Вѣну слушалъ оркестры Ланнера и Штрауса, въ Берлинѣ бралъ уроки музыкальной теоріи у извѣстнаго профессора Дена, тамъ же написалъ романсы: *Дубрава шумитъ* (слова Жуковскаго) и *Не говори, любовь пройдетъ* (слова Дельвива), потомъ арранжировалъ для фортепіано *Соловья* Алябьева, но, оторванный отъ занятій вѣстію о смерти отца своего, въ апрѣлѣ 1834 года возвратился въ Россію, прямо въ деревню, а лѣтомъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ, квартируя съ Павловымъ, авторомъ извѣстныхъ впослѣдствіи повѣстей, положилъ на музыку слова Павлова: *Не называй ее небесной* и задумывалъ русскую оперу *Марьина роща*, нѣсколько отрывковъ которой уцѣлѣли въ извѣстной оперѣ Глинки *Жизнь за царя*. Сюжетъ для этой послѣдней оперы, подъ названіемъ *Иванъ Сусанинъ* былъ присовѣтованъ Глинкѣ В. А. Жуковскимъ, который самъ хотѣлъ писать либретто будущей оперы и, для пробы, сочинилъ стихи извѣстнаго тріо въ эпилогѣ: *Ахъ, не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному*, — но, отвлекаемый занятіями съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, поручилъ писаніе либретто тогдашнему литератору, барону Розену, какъ извѣстно, выполнившему порученіе Жуковскаго весьма неудачно. Вступленіе въ бракъ, въ апрѣлѣ 1835 года, не помѣшало Глинкѣ трудиться надъ композиціею и оркестрировкою новой оперы, которая, вслѣдствіе посѣщенія самимъ Государемъ одной изъ генеральныхъ репетицій ея, получила названіе, вмѣсто *Ивана Сусанина*, *Жизни за Царя* и, посвященная Высочайшему имени, была впервые представлена въ Петербургѣ, 27 ноября 1836 года. «Милая и безцѣнная маминька, писалъ Глинка на другой день представленія: вчерашній вечеръ совершились наконецъ желанія мои, и долгій трудъ мой былъ увѣнчанъ самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Публика приняла мою оперу съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ, актеры выходили изъ себя отъ рвенія». Обязанный успѣхомъ оперы какъ собственному генію, такъ и таланту тогдашней пѣвицы Воробьевой, Глинка получилъ отъ Государя перстень и, мѣсяцъ спустя, былъ назначенъ капельмейстеромъ пѣвческаго корпуса, при чемъ, въ 1837 году, онъ уже задумывалъ и частію писалъ новую оперу *Русланъ и Людмила*, присовѣтованную ему княземъ А. А. Шаховскимъ, а въ 1838 и 1839 гг. дважды посылался въ Малороссію набирать сопрановъ и альтовъ для придворнаго хора. Въ два слѣдующіе года Глинка написалъ не мало романсовъ и другихъ музыкальныхъ піэсъ, навѣянныхъ вліяніемъ дружескаго кружка, душою котораго былъ К. П. Брюлловъ, но, между этими художественными мелочами, подвигалась, хотя медленно, и работа *Руслана и Людмилы*, оконченная почти черезъ пять лѣтъ послѣ ея начала. 27 ноября 1842 года новая опера Глинки была представлена въ первый разъ — и до великаго поста 1843 года выдержала съ успѣхомъ 32 представленія, доставившія композитору до 3 тыс. руб. сер. однихъ *разовыхъ*. Зиму съ 1843 на 1844 г. Глинка провелъ въ прежнемъ кружкѣ художниковъ-артистовъ, къ которымъ присоединились Рубини, Тамбурини и Віардо-Гарсія, а лѣтомъ 1844 года онъ уѣхалъ въ Парижъ, тамъ жилъ до мая 1845 года, участвуя въ концертахъ Берліоза, и оттуда прибылъ въ Испанію, гдѣ оставался два года. «Мнѣ въ Испаніи такъ хорошо, писалъ Глинка въ іюлѣ 1846 года, что мнѣ кажется, будто я здѣсь родился». Написавъ въ Испаніи *Аррагонскую хоту* (Jota aragonese), одно изъ лучшихъ и оригинальнѣйшихъ произведеній своихъ, Глинка, по желанію больной матери, въ іюлѣ 1847 года пріѣхалъ въ деревню, тутъ создалъ нѣсколько романсовъ, — напр. *Милочка*, *Ты скоро меня позабудешь*, и въ мартѣ 1848 года отправился въ Варшаву, гдѣ лѣчился нѣсколько мѣсяцевъ, занимаясь, между прочимъ, и не совсѣмъ хорошимъ оркестромъ князя-намѣстника. Весною 1849 года Глинка опять пріѣхалъ въ Варшаву и тутъ, подъ вліяніемъ страсти къ одной миловидной полькѣ, жилъ два года, въ теченіе которыхъ сочинилъ романсы. *О милая дѣва*, *Адель*, *Мери*, *Палермо* (иначе *Финскій заливъ*), написалъ, по порученію начальства, выпускной хоръ (B-dur) для дѣвицъ Смольнаго монастыря, передѣлалъ попурри испанскихъ мелодій: Recuerdos de Castilla, но, огорченный смертью матери, въ 1851 году, возвратился въ Петербургъ. Здѣсь, въ 1852 году, Глинка *впервые* услышалъ самъ свою *Комаринскую*, исполненную въ фи-

лармоническомъ концертѣ, тогда же написалъ *Первоначальную польку*, а въ маѣ — снова уѣхалъ за границу, прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тулузѣ и весь 1853 годъ въ Парижѣ, откуда вызвало его только объявленіе войны съ Франціею. Возвратившись, весною 1854 года, въ Петербургъ, Глинка, по просьбѣ друзей, принялся за составленіе своей автобіографіи, потомъ образцово инструментовалъ Aufforderung zum Tanze Вебера, а въ концѣ года началъ заниматься музыкальнымъ образованіемъ контральта русской оперной труппы Д. М. Леоновой, для предполагаемаго концерта которой, несостояшагося за смертію Императора Николая I, Глинка оркестрировалъ свои піэсы: *Ночной смотръ*, *Не называй ее небесной*, *Ходитъ вѣтеръ у воротъ*, *Коса* и, по собственному выраженію его, «устроилъ» кантату изъ *Молитвы* Лермонтова. Въ 1855 году Глинка, по приглашенію Дена, собиралъ для музыкальнаго отдѣленія Берлинской королевской библіотеки всѣ сочиненія свои и, 7 апрѣля, писалъ къ В. П. Энгельгардту: «Предполагаемъ сдѣлать оперу *Двумужница*, или *Волжскіе разбойники*. Сюжетъ уже въ ходу», а 3 іюля увѣдомлялъ сестру: «Я сдѣлалъ музыкальную программу всей оперы и, кажется, уже у меня кое-что шевелится въ воображеніи». Въ *Двумужницу* же долженствовали войти и отрывки, предназначавшіеся для задуманной прежде, но оставленной, оперы *Тарасъ Бульба*. Однако и *Двумужница*, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ — и особенно болѣзни композитора —, была оставлена, но Глинка, стремясь духомъ изъ «ненавистнаго» ему Петербурга, все-таки не оставлялъ своихъ занятій и одушевленный мыслію *гармонизировать* русскія церковныя мелодіи, обратился къ музыкѣ духовной, выписывалъ изъ *Обихода* интересовавшія его молитвы, наконецъ, въ теченіе того же 1855 года положилъ на три голоса *эктенію* обѣдни и *Да исправится*, выполненныя съ большимъ успѣхомъ въ великій постъ 1856 года монашествующей братіею петербургской Сергіевой пустыни. За тѣмъ, изготовилъ *Торжественный польскій*, игранный, по Высочайшему повелѣнію, на всѣхъ дворцовыхъ балахъ при торжествѣ коронаціи, Глинка, въ апрѣлѣ 1856 года, въ послѣдній разъ оставилъ Петербургъ и поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, подъ руководствомъ ученаго теоретика Дена, онъ написалъ *двѣ фуги* въ такъ называемыхъ церковныхъ или греческихъ тонахъ и еще въ январѣ 1857 года присутствовалъ на парадномъ концертѣ у короля, а нѣсколько дней спустя его уже не стало: онъ умеръ 3 (15) февраля 1857 года, въ Берлинѣ, на 53-мъ году жизни. — Тѣло его, привезенное въ Россію, погребено на новомъ кладбищѣ Александроневской лавры, подъ монументомъ, на которомъ, выше надписи, изсѣчена нотная строка изъ Жизни за царя, съ словами: *Славься, славься святая Русь*. «Глинка — замѣчаетъ статейка Современника — былъ человѣкъ увлекающійся, страстный, настоящій артистъ, и когда божественный глаголъ касался его чуткаго слуха, онъ дѣлался истинно вдохновеннымъ... Въ обыкновенномъ состояніи, терзаемый мелочными житейскими непріятностями, заботами и хлопотами, онъ былъ раздражителенъ, капризенъ, мнителенъ и причудливъ. Онъ тогда быстро и часто мѣнялъ свои мнѣнія и взгляды, подчинясь настроенности своего духа, совершенно покоряясь минутнымъ впечатлѣніямъ». — «Его высокій музыкальный талантъ — сказано въ той-же статейкѣ — признанъ всѣми; онъ пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность. Листъ, Мейерберъ, Берліозъ отдавали ему справедливость; всѣ наши отличные музыкальные авторитеты единогласно признали за нимъ первенство. Имя Глинки проникло въ самые глухіе и отдаленные углы Россіи, вмѣстѣ съ его мелодическими, задумчивыми или страстными звуками». — «Глинка — добавляетъ къ этому В. Стасовъ — создалъ національную русскую оперу, національную инструментальную музыку, національное русское скерцо (его «Комаринская» и проч.), русскій національный романсъ, — ему хотѣлось создать національную гармонію, до сихъ поръ недостающую мелодіямъ нашей церкви». — Въ лѣтописяхъ русскаго музыкальнаго міра М. И. Глинка, безспорно, занимаетъ первое мѣсто.

МАРТЫНОВЪ, Александръ Евстаѳьевичъ, знаменитый русскій комикъ, родился 12 іюля 1816 года, въ Петербургѣ. Отецъ его, бѣдный воронежскій дворянинъ, завѣдывалъ дѣлами дома Екатерины Александровны Сухозанетъ. Е. А. цѣнила труды честнаго бѣдняка, не рѣдко съ участіемъ распрашивала его о сынѣ, который нравился ей, какъ забавный, острый ребенокъ. — Ея-то протекціи обязанъ молодой Мартыновъ поступленіемъ въ театральную школу. Это случилось въ 1827 году, когда большая часть опредѣлявшихся въ школу, безъ всякаго разбора была назначаема по хореграфической части. Мартыновъ, подобно талантливому предшественнику своему Дюру, также попалъ къ знаменитому Дидло, воспѣтому Пушкинымъ. Будущій комикъ оказалъ такіе успѣхи въ танцовальномъ искусствѣ, что знаменитый хореграфъ поставилъ его въ первую пару. По смерти Дидло, въ 1837 году, Мартыновъ, съ-дѣтства любившій живопись, поступилъ ученикомъ къ декоратору Конопи, у котораго усердно и успѣшно занимался три года. Потерявъ и Конопи, Мартыновъ, исполненіемъ — на одномъ изъ школьныхъ спектаклей — роли лакея въ пьесѣ «Знакомые незнакомцы» обратилъ на себя вниманіе директора театровъ А. М. Гедеонова, которымъ рѣшительно былъ подвинутъ къ занятіямъ драматическимъ искусствомъ. Въ 1832 году Мартыновъ дебютировалъ на сценѣ Большаго театра, въ фарсѣ »Филатка и Мирошка» и былъ награжденъ дружными рукоплесканіями зрителей. Замѣченный публикою, онъ, съ каждой новой ролью, становился извѣстнѣе. Въ 1835 году Мартыновъ вышелъ изъ школы — и въ теченіе первыхъ лѣтъ сценической карьеры своей занималъ второстепенныя роли, получая самое ничтожное содержаніе, которымъ однако дѣлился еще съ отцомъ, обремененнымъ большою семьею. — Впослѣдствіи, самъ Мартыновъ не однажды разсказывалъ о томъ тяжеломъ времени, когда онъ и одинъ изъ товарищей его, живя вмѣстѣ, попеременно чистили другъ другу сапоги, причемъ оба они, за неимѣніемъ денегъ на покупку сальной свѣчи, не рѣдко разучивали роли при лунномъ свѣтѣ. Впослѣдствіи, когда Мартыновъ сталъ любимцемъ публики, положеніе его улучшилось, ему назначено 1,400 р. сер. жалованья, по 4 р. разовыхъ и половинный бенефисъ. Довольный этомъ содержаніемъ, Мартыновъ женился, но съ постепеннымъ увеличеніемъ семьи его увеличивались и нужды, уже неудовлетворявшіяся получаемыми имъ деньгами. Не смотря на такое стѣсненное положеніе, Мартыновъ не жаловался и не хлопоталъ о прибавкѣ къ своему содержанію — до того времени, пока значительное усиленіе оклада г. Самойлова, задѣвъ артистическое самолюбіе Мартынова, вынудило его напомнить о себѣ г. Гедеонову. «Я никогда бы не сталъ васъ безпокоить этимъ, сказалъ онъ, потому что я доволенъ вниманіемъ и милостями ко мнѣ Государя и про-

жилъ бы кое-какъ съ тѣмъ что получаю; но если вы нашли нужнымъ возвысить жалованье Самойлова, за что же забыли меня?» Г. Гедеоновъ обѣщалъ и, въ 1859 году, выхлопоталъ Мартынову 1,600 р. сер. жалованья, 35 р. за спектакль и полный бенефисъ. Съ этимъ содержанiемъ генiальный артистъ бодро продолжалъ скользкое сценическое поприще и совершенствуясь постепенно, сдѣлался тѣмъ, какимъ знаетъ его вся Россiя. Само собою разумѣется, что стремленiе къ сценической правдѣ, одушевлявшее Мартынова, требовало постоянной наблюдательности, неутомимаго изученiя типовъ; — требовало громадной работы, которая и не прошла Мартынову даромъ. Наживъ себѣ чахотку, развивавшуюся съ годами, Мартыновъ, лѣтомъ 1858 и весною 1859 г. ѣздилъ заграницу, по возвращенiи откуда чувствовалъ себя какъ-бы лучше, — вслѣдствiе чего, весною 1860 года, онъ предпринялъ поѣздку по внутреннимъ губернiямъ, игралъ въ Воронежѣ, Одессѣ, Харьковѣ. Поѣздка эта окончательно разстроила здоровье Мартынова: кашель его усилился, начались припадки апатiи, — и 16 августа 1860 года Мартыновъ умеръ, на 45-мъ году жизни. «Горе, большое горе! писалъ А. Н. Островскiй, свидѣтель кончины его; нашего Мартынова нестало. Безъ страданiй, угасая день за день, онъ скончался какъ ребенокъ... съ Мартыновымъ я все потерялъ на петербургской сценѣ.» Сентября 4 тѣло Мартынова привезено въ Москву. Артисты тамошняго театра встрѣтили за заставою прахъ искренно уважаемаго собрата. Въ Петербургъ тѣло привезено 11 сентября, а 13 совершилась заупокойная литургiя въ Знаменской церкви при громадномъ стеченiи народа. По выносѣ изъ церкви, народъ выпрягъ лошадей изъ погребальной колесницы и везъ гробъ на себѣ до самаго Смоленскаго кладбища. Поровнявшись съ Александринскимъ театромъ, колесница была обвезена кругомъ его. На кладбищѣ, П. И. Григорьевъ товарищъ Мартынова произнесъ полное чувства стихотворенiе. — Съ Мартыновымъ русская сцена теряла лучшаго своего представителя. Ступивъ на театральные подмостки въ то время, когда еще свѣжи были рутинныя преданiя старой школы, когда ходить и говорить на сценѣ по-человѣчески рѣшался не всякiй, Мартыновъ понялъ, что время напыщеннаго декламаторства и статуйныхъ позъ прошло невозвратно — и первый показалъ на сценѣ русскiе типы помѣщика, купца, крестьянина, чиновника. Великiй мастеръ глубоко и вѣрно передавать самые разнообразные характеры съ ихъ тончайшими оттѣнками, онъ не забывалъ чертъ, присущихъ человѣку вообще. Оттого-то Мартыновъ не могъ не быть понятенъ всякому. — Разсказываютъ, напримѣръ, что извѣстный Лаблашъ хохоталъ, глядя на игру Мартынова. Чему вы смѣетесь, спросили его: развѣ вы понимаете? — «По-русски — ни слова, отвѣчалъ онъ: но я понимаю Мартынова». Такая оцѣнка иностранцемъ игры русскаго артиста всего лучше характеризуетъ талантъ незабвеннаго Мартынова, роли котораго едва-ли найдутъ себѣ достойныхъ исполнителей.

ЯЗЫКОВЪ, Николай Михайловичъ, русскiй писатель. Родился въ 1806 году, въ Симбирской губернiи, на берегу Волги и, въ 1818 году, 12-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, былъ привезенъ въ Петербургъ, для опредѣленiя въ Горный корпусъ. Тутъ эстетическое чувство, до сихъ поръ безсознательно волновавшее поэтическую душу юноши, получило ясный, опредѣленный видъ — и Языковъ началъ писать стихи, но съ такимъ увлеченiемъ, что, охладѣвъ къ математическимъ наукамъ, главному предмету корпуснаго образованiя, не могъ продолжать курса и, въ 1822 году, оставилъ корпусъ. Цѣлый годъ послѣ этаго Языковъ оставался въ Петербургѣ безъ всякихъ регулярныхъ занятiй, а въ 1823 году, благодаря рекомендательнымъ письмамъ А. Ѳ. Воейкова, перваго изъ литераторовъ замѣтившаго талантъ Языкова, отправился въ Дерптъ — слушать курсъ въ тамошнемъ университетѣ. Съ того же 1823 года начали печататься стихотворенiя Языкова, въ одномъ изъ которыхъ: *Мои пенаты* — поэтъ такъ опредѣлилъ свои стремленiя, и настоящiя и грядущiя:

> Я не ищу фортуны,
> Ни почестей мiрскихъ;
> Труды, безвѣстность, струны —
> Блаженство дней моихъ.

Вскорѣ по прибытiи своемъ въ Дерптъ, молодой Языковъ, обласканный В. А. Жуковскимъ, проводившимъ тогда лѣтнее время на одной изъ дерптскихъ дачъ, очутился между земляками, во множествѣ стекавшимися искать образованiя въ дерптскомъ университетѣ и, въ ихъ кругу, быстро началъ созрѣвать талантъ Языкова, не замедлившiй обратить на себя вниманiе славнаго Пушкина. Удаленный тогда на житье въ Псковскую деревню Михайловское, Пушкинъ приглашалъ къ себѣ Языкова особымъ посланiемъ, начинающимся такъ:

> Издревле сладостный союзъ
> Поэтовъ межъ собой связуетъ.
> Они жрецы единыхъ музъ,
> Единый пламень ихъ волнуетъ.
> Другъ другу чужды по судьбѣ
> Они родня по вдохновенью.
> Клянусь Овидiевой тѣнью,
> Языковъ, близокъ я тебѣ!

Поспѣшивъ на дружескiй призывъ Пушкина, Языковъ прiѣхалъ въ Михайловское, гдѣ провелъ съ Пушкинымъ все лѣто 1826 года, — и потомъ съ удовольствiемъ вспоминалъ объ этомъ времени въ слѣдующихъ стихахъ:

> Пѣвецъ Руслана и Людмилы!
> Была счастливая пора,
> Когда такъ веселы, такъ милы,
> Неслися наши вечера!

Даже няню Пушкина, часто бывавшую собесѣдницею обоихъ поэтовъ, Языковъ воспѣлъ въ двухъ стихотворенiяхъ, изъ которыхъ особенно трогательно послѣднее, начинающееся такъ:

> Я отыщу тотъ крестъ смиренный,
> Подъ коимъ, межъ чужихъ гробовъ,
> Твой прахъ улегся изнуренный
> Трудомъ и бременемъ годовъ.
> Ты не умрешь въ воспоминаньяхъ
> О свѣтлой юности моей,
> И въ поучительныхъ преданьяхъ
> Про жизнь поэтовъ нашихъ дней.

По возвращенiи въ Дерптъ, Языковъ посвятилъ описанiю лѣта въ Михайловскомъ извѣстное стихотворенiе *Тригорское* и продолжалъ упражнять свой талантъ, который, касаясь самыхъ разнообразныхъ предметовъ — отъ подвиговъ древнихъ русскихъ героевъ до игры въ свайку, отъ тризны на могилѣ Олега до студенческой пирушки —, производилъ и элегiи, напр. *Скажи, воротился ли ты? Не улетай, не улетай* и др., но вообще отличался не столько богатствомъ мыслей, сколько художественной обработкой языка. Съ другой стороны, всѣ дерптскiя произведенiя Языкова, запечатлѣвались преимущественно явле-

ніями жизни, окружавшей тогда поэта, жизни, богатой только пирушками, гуляньями, неясными порывами любви къ безыменнымъ красавицамъ и т. п. Самъ Языковъ, по временамъ, не могъ не чувствовать пустоту такой жизни и въ 1829 году, собираясь, послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, ѣхать на родину, онъ писалъ:

Тамъ, вольный родины пѣвецъ,
Я просвѣтлѣю жизнью новой,
И гордо брошу свой лавровый,
Виномъ забрызганный вѣнецъ.

Съ 1829 года Языковъ поселился въ Москвѣ, гдѣ поступилъ на службу въ межевую канцелярію. Гостепріимная Москва радушно обласкала поэта, уже гремѣвшаго своими разгульными стихотвореніями, уже дружнаго и съ Пушкинымъ, и съ Баратынскимъ, и съ Дельвигомъ, изъ которыхъ послѣдній посвятилъ Языкову особый сонетъ, исполненный радушныхъ, но не совсѣмъ сбывшихся предсказаній. Съ своей стороны, Языковъ восхищаясь Москвою, восклицалъ:

Я здѣсь — да здравствуетъ Москва!
Вотъ небеса мои родныя;
Здѣсь наша матушка Россія
Семисотлѣтняя жива —

и, проводя время въ кружкѣ московскихъ литераторовъ, представителями котораго были тогда Пушкинъ и Баратынскій, онъ начиналъ знакомиться съ новыми понятіями объ истинной поэзіи, дѣйствительномъ подвигѣ художника, существенно-прекрасномъ на землѣ и т. п. Лучшимъ плодомъ тогдашняго образа мыслей Языкова было стихотвореніе его: *Поэту*, написанное въ 1831 году — такими стихами:

Иди ты въ міръ — да слышитъ онъ пророка, —
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ;
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ!...

Но такъ какъ порывистость чувства и отсутствіе ясно-сознаннаго убѣжденія составляли отличительную черту всѣхъ вообще поэтовъ Пушкинской эпохи, то и въ послѣднемъ изданіи произведеній Языкова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, за стихотвореніемъ *Поэту* почти непосредственно слѣдуетъ стихотвореніе *Кубокъ*, рисующее такую картину:

Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ; душѣ угодны,
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой...

Въ исходѣ 1831 года Языковъ заболѣлъ такъ, что долженъ былъ оставить службу и уѣхать въ деревню, гдѣ онъ отдыхалъ и лѣчился лѣтъ восемь, въ теченіе которыхъ, именно въ 1833 году, вышло первое изданіе его стихотвореній, въ 2-хъ частяхъ. Но въ деревнѣ Языковъ писалъ мало и, кромѣ *Посланія къ Давыдову*, не произвелъ ничего, что было бы достойно таланта, какимъ обладалъ онъ. Въ 1839 году болѣзнь Языкова усилилась и ему присовѣтовали ѣхать за границу, гдѣ онъ, въ 1840 году, пользовался морскими купаньями въ Ниццѣ, въ 1841 году лѣчился у престарѣлаго врача въ Ганау, а съ 1843 года дышалъ воздухомъ Рима, гдѣ жилъ тогда и Гоголь. Но заграничная поѣздка не принесла никакой пользы больному поэту: Языковъ всюду одинако страдалъ мучительнымъ недугомъ, томился тяжелою скукою и изнывалъ въ тоскѣ по отчизнѣ, воспоминаніе о которой выразилось особенно ярко въ стихотвореніи его *Къ Рейну*, написанномъ въ 1840 году, въ Ниццѣ, и обильномъ прекрасными стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Я Волжанинъ — тебѣ привѣты Волги нашей
Принесъ я. Слышалъ ты объ ней?
Великъ, прекрасенъ ты. Но Волга больше, краше,
Великолѣпнѣе, пышнѣй,
И глубже, быстрая, и шире, голубая!
. . . .
. . . . . . Тебѣ привѣтъ заздравный,
Ея, властительницы водъ,
Обширныхъ русскихъ водъ, простершей ходъ свой славный,
Всегда торжественный свой ходъ
Между холмовъ, и горъ, и доловъ многоплодныхъ
До темныхъ Каспія зыбей!
Привѣты и ея притоковъ благородныхъ,
Ея подручницъ и князей:
Тверцы, которая безбурными струями
Лелѣетъ тысячи судовъ,
Идущихъ пестрыми, красивыми толпами,
Подъ звучнымъ пѣніемъ пловцовъ;
Тебѣ привѣтъ Оки поемистой, дубравной,
Въ раздольѣ муромскихъ лѣсовъ
Текущей царственно, блистательно и плавно,
Въ виду почтенныхъ береговъ — и т. д.

Въ 1844 году Языковъ, больной какъ и прежде, возвратился изъ-за границы въ Москву, съ намѣреніемъ видоизмѣнить свою прежнюю музу, о чемъ онъ тогда же, въ *Посланіи къ князю Вяземскому*, выражался такъ:

Пора за дѣло мнѣ! Вину и кутежу
Уже не стану, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу.
Потѣхи юности удалой
Некстати были бъ мнѣ; неюному челу
Некстати рѣзвый плющъ и роза...
Пора за дѣло! въ добрый путь!

Видоизмѣненная муза Языкова заявила себя прекрасными стихотвореніями: *Землетрясеніе*, *Сампсонъ*, *На объявленіе памятника Карамзину*, — но эти же стихотворенія были и лебединою пѣснію поэта. Лѣтомъ 1846 года Языковъ рѣшился попробовать лѣченіе холодною водою, удачно пользовался имъ на дачѣ въ Сокольникахъ, а съ переселеніемъ въ городъ, простудился, ѣздя, зимою, въ водолѣчебное заведеніе, заболѣлъ нервною горячкою и умеръ 26 декабря 1846 года, на 41-мъ году жизни. Тѣло его погребено въ московскомъ Даниловѣ монастырѣ. — Пѣвецъ Волги, вина и дружбы, Н. М. Языковъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ плеядѣ поэтовъ, современныхъ Пушкину, — но этимъ и ограничивается все его значеніе въ русской литературѣ, не имѣвшей въ Языковѣ своего Анакреона. «Въ натурѣ Языкова — говоритъ одинъ изъ его критиковъ — были, конечно, нѣкоторые задатки хорошаго развитія; но у него мало было внутреннихъ силъ для разумнаго поддержанія своихъ добрыхъ инстинктовъ. Онъ погубилъ свой талантъ, воспѣвая пирушки да побранивая нѣмецкую нехристь, тогда какъ онъ могъ обратиться къ предметамъ гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ. Такъ, впрочемъ, погибъ не одинъ онъ: участь его раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ поэты Пушкинскаго кружка. У всѣхъ ихъ были какіе-то неясные

идеалы, всѣмъ имъ виднѣлась «тамъ, за далью непогоды», какая-то блаженная страна. Но у нихъ не доставало силъ неуклонно стремиться къ ней. Они были слабы и робки...». Дѣйствительно, общій недостатокъ поэтовъ Пушкинскаго кружка заключался, по выраженію того же критика, «въ стремительномъ порывѣ чувства, не находившаго себѣ поддержки въ просвѣщенной мысли». Кромѣ изданія 1833 года, стихотворенія Языкова, избранныя, въ числѣ 56, самимъ авторомъ, были напечатаны въ 1844 году, а всѣ вмѣстѣ, и въ хронологическомъ порядкѣ, изданы въ 1858 году г. Перевлѣсскимъ, который включилъ въ свое изданіе и всѣ статьи, писанныя по поводу стихотвореній Языкова.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, русскій писатель. Родился въ 1711 году, архангельской губерніи холмогорскаго уѣзда, куростовской волости, въ деревнѣ Денисовской, отъ отца-рыбака Василья Дороѳеева, и съ 10-ти до 15-ти лѣтняго возраста ѣзжалъ съ отцомъ на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное море, даже въ Сѣверный океанъ, достигая иногда 70 град. широты, а въ зимніе вечера, по собственной склонности къ ученію, хаживалъ къ своему приходскому дьячку, у котораго перенялъ знаніе грамоты. Съ этого времени, молодой рыбакъ пристрастился къ чтенію книгъ, разумѣется, духовныхъ, и сблизился со многими сосѣдними книжниками, принадлежавшими къ сектѣ безпоповщинской, мнѣнія которой сталъ раздѣлять и Ломоносовъ. Это раскольничество будущаго писателя продолжалось около двухъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ Ломоносовъ добровольно возвратился къ православію, а затѣмъ, напавъ на славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго и краткую ариѳметику, изданную для учениковъ с. петербургской навигаціонной школы, плѣнился этими книгами, неоднократно перечитывалъ ихъ и, еще позднѣе, былъ приведенъ въ совершенный восторгъ Псалтирью, переложенною въ стихи Сvмеономъ Полоцкимъ, наставникомъ царя Ѳеодора Алексѣевича. Узнавъ однако, что Сvмеонъ Полоцкій давно уже умеръ, а стихотворному искусству можно научиться только въ академіи московской или кіевской, Ломоносовъ рѣшился бѣжать подъ сѣнь одного изъ этихъ святилищъ науки и, тайкомъ отъ отца, присоединился къ рыбному каравану, отправлявшемуся въ Москву. Достигнувъ послѣдней, Ломоносовъ, черезъ одного земляка-приказчика, былъ принятъ въ услуженіе къ какому-то заиконоспасскому монаху и, между дѣломъ, началъ ходить въ академическую школу, гдѣ скоро успѣлъ въ латинской грамматикѣ, поступилъ въ высшіе классы, сталъ учиться по-гречески, дошелъ, въ шесть лѣтъ, до піитическаго и риторическаго класса и, къ удивленію наставниковъ, постоянно былъ первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ. Въ 1734 году Ломоносовъ, понуждаемый желаніемъ имѣть лучшихъ руководителей, явился въ кіевскую академію, но, найдя въ Кіевѣ только іезуитизмъ и уніатскія стремленія, немедленно возвратился въ Москву, откуда, въ 1735 году въ числѣ избранныхъ учениковъ, былъ отправленъ школьнымъ начальствомъ въ с. петербургскую академическую гимназію, для дальнѣйшаго образованія и приготовленія къ занятію академическихъ должностей.— По прибытіи Ломоносова въ Петербургъ, его тотчасъ же посадили учиться нѣмецкому языку, потомъ начальнымъ основаніямъ философіи и математикѣ, познакомясь съ которыми, Ломоносовъ не замедлилъ обнаружить «отмѣнную склонность и способность» къ опытной физикѣ, химіи и минералогіи. Въ концѣ 1736 года, Ломоносовъ и два другіе студента, по сношенію академическаго начальства съ саксонскимъ бергратомъ Генкелемъ, были отправлены для предварительнаго горнаго образованія въ Марбургъ, съ тѣмъ, чтобы, выслушавъ тамъ курсы, продолжать свои занятія въ Фрейбергѣ у Генкеля и сдѣлать экскурсіи во Францію, Англію и Голландію. — Славою Марбурга и представителемъ европейской учености XVIII вѣка былъ тогда профессоръ Христіанъ Вольфъ, подъ руководствомъ котораго Ломоносовъ слишкомъ два года слушалъ всеобщую математику, алгебру, астрономію, физику, оптику, механику, архитектуру военную и гражданскую, логику, метафизику, нравственную философію, политику, права естественное и народное, географію и хронологію. Признавая Ломоносова даровитѣйшимъ изъ своихъ слушателей, Вольфъ послѣдовательно сообщалъ петербургской академіи о успѣхахъ его въ наукахъ и нѣмецкомъ языкѣ, а въ іюлѣ 1739 года далъ Ломоносову аттестатъ, въ которомъ выражалъ твердую надежду, что Ломоносовъ, слушавшій у него математику, физику и философію, будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ Россіи. Съ этимъ аттестатомъ Ломоносовъ отправился въ Фрейбергъ, тамъ около года изучалъ металлургію, помогая въ занятіяхъ командированному туда Минихомъ петербургскому академику Юнкеру, и оттуда же прислалъ въ Петербургъ знаменитую оду свою *На взятіе Хотина*, писанную ямбами, и съ восхищеніемъ читанную при русскомъ дворѣ, который, бывъ доселѣ знакомъ только съ тяжелою просодіею Тредіаковскаго, изумленно внималъ слѣдующему, прекрасному началу оды Ломоносова:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто, ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
Далече дымъ въ поляхъ крутится.

По возвращеніи своемъ въ Марбургъ, Ломоносовъ выслалъ въ Петербургъ новую оду, впервые писанную тоническимъ размѣромъ и, 6 іюня 1740 году, женился въ Марбургѣ на Елизаветѣ Христинѣ Цильхъ, дочери умершаго члена городской думы, а въ маѣ 1741 года, испуганный грозящею нуждою, скрылся изъ Марбурга, покинувъ жену и новорожденную дочь, дорогою, близь Дюссельдорфа, попался прусскимъ вербовщикамъ, былъ ими записанъ въ солдаты и подъ карауломъ приведенъ въ Везель, но бѣжалъ отсюда, едва-едва спасся въ Голландію и 8 іюля 1741 года явился въ Петербургъ, не совсѣмъ благосклонно принятый академіею, вовсе неожидавшею такого скораго возвращенія лучшаго изъ посланныхъ ею учениковъ. Ломоносовъ не унывалъ и, пользуясь воцареніемъ Императрицы Елисаветы, написалъ пылкую оду, въ которой, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующіе гармоническіе стихи:

О слава женъ во свѣтѣ славныхъ,
Россіи радость, страхъ враговъ,
Краса Владѣтельницъ державныхъ!
Всякъ кровь свою пролить готовъ
За многія твои доброты
И къ подданнымъ твоимъ щедроты.
Твой слухъ плѣнилъ и тѣхъ людей,
Что странствуютъ среди звѣрей,
Что съ лютыми пасутся львами;
За честь твою возстанутъ съ нами.

Изготовивъ еще двѣ оды — на дни рожденія и тезоименитства новообъявленнаго наслѣдника престола — Ломоносовъ привелъ въ порядокъ минеральный кабинетъ при кунсткамерѣ и въ 1742 году утвержденъ адъюнктомъ академіи, а въ 1743 году выписалъ изъ Марбурга жену и дочь, послѣ чего, продолжая ежегодно представлять Императрицѣ сладкозвучныя оды, онъ, въ 1746 году получилъ званіе профессора академіи; въ 1748 году издалъ «Сокращенную Реторику», первую на русскомъ языкѣ; въ 1749 году напечаталъ свое первое похвальное слово Императрицѣ Елисаветѣ, публично произнесенное въ академическомъ засѣданіи и бывшее, по словамъ митрополита Евгенія, «такимъ примѣромъ панегирическаго краснорѣчія, съ которымъ тогда нечего было россіанамъ сравнять, или, по крайней мѣрѣ, нечего было предпочесть ему». Пожалованный за это похвальное слово дачею Коровалдай на Финскомъ заливѣ, Ломоносовъ въ 1751 году написалъ слово о пользѣ химіи и тогда же былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, съ назначеніемъ членомъ академической канцеляріи, а въ 1752 году сочинилъ, въ видѣ письма къ тогдашнему временщику Ив. Ив. Шувалову, «остроумнѣйшую эпистолу» *О пользѣ стекла*, вслѣдствіе чего, 14 декабря того же года, состоялся сенатскій указъ «о позволеніи профессору Ломоносову завесть фабрику для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру, стеклярусу и другихъ галантерейныхъ вещей, съ привилегіей на 30 лѣтъ». — Митрополитъ Евгеній добавляетъ, что Ломоносовъ, тогда же взявшись «составить огромную, какой нигдѣ еще не бывало мозаическую картину, длиною въ 12, а шириною въ 8 футовъ, на которой должно было представить Полтавское сраженіе, такъ чтобы люди напереди видны были почти во весь естественный ростъ», приступилъ къ этой работѣ съ одними только русскими людьми и матеріалами — и кончилъ ее съ небольшимъ въ два года. Занятія мозаикою немѣшали однако Ломоносову написать, въ 1753 году, разсужденіе *О явленіяхъ воздушныхъ, отъ електрической силы происходящихъ*, и приступить, въ 1754 году, къ собранію записокъ для россійской исторіи — дѣло, въ которомъ нѣмецкая партія Байера и Миллера до того перечила Ломоносову, что онъ, въ томъ же 1754 году писалъ къ покровителю своему Ив. Ив. Шувалову: «Всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашимъ отеческимъ представительствомъ переведенъ я былъ въ другой корпусъ; а лучше всего въ иностранную коллегію, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести отечеству; а особливо имѣя случай употреблять вспоможеніе архивы къ продолженію россійскія исторіи». Въ 1755 году Ломоносовъ издалъ первую русскую *Грамматику* и произнесъ въ академическомъ собраніи прекрасный *Панегирикъ Петру Великому;* въ 1756 году написалъ и издалъ разсужденіе *О происхожденіи свѣта* и опредѣлялъ степень замерзанія воды Сѣвернаго океана; въ 1757 году составилъ записку *О рожденіи металловъ отъ трясенія земли*, а въ 1759 году *О большей точности морскаго пути*, причемъ изобрѣлъ телескопы ночнозрительный съ подводнымъ и тогда же, ссорясь съ извѣстнымъ А. П. Сумароковымъ, писалъ къ Шувалову: «не могу преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. *Въ Трудолюбивой*, такъ называемой, *Пчелѣ* напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредіаковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣлать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ. Тредіаковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ *Пчелу*, Таубертъ далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть Ваше Превосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не преставая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ». Въ 1760 году Ломоносовъ принялъ начальство надъ академическою гимназіею и университетомъ, окончилъ двѣ пѣсни поэмы *Петръ Великій* и книгу *Краткій россійскій лѣтописецъ;* въ 1761 году дѣлалъ *наблюденія явленія Венеры на солнцѣ* и около того же времени принятъ въ сочлены академіями стокгольмскою и болонскою; въ 1762 году подалъ проэктъ о возможности достигнуть отъ Шпицбергена чрезъ Сѣверной полюсъ въ Восточное море; въ 1763 году наименованъ почетнымъ членомъ Россійской академіи художествъ и издалъ *Сокращеніе Металлургіи*, большею частію переведенное съ нѣмецкаго, изъ сочиненій Шлиттера, но дополненное двумя прибавленіями: *о воздухѣ въ рудникахъ* и *о слояхъ земныхъ;* въ 1764 году написалъ трагедію *Тамира и Селимъ* и трагедію *Демофонтъ*, а 4 апрѣля 1765 году умеръ въ С. Петербургѣ, на 54 году жизни, сказавъ другу своему Штелину: «жалѣю только, что покидаю недовершеннымъ задуманное мною для пользы отечества, приращенія наукъ и возстановленія упавшихъ дѣлъ академическихъ: оно умретъ со мною». — Тѣло Ломоносова погребено на кладбищѣ Александроневскаго монастыря, гдѣ надъ могилою его сооруженъ графомъ Мих. Ил. Воронцовымъ великолѣпный мраморный памятникъ, съ русскою и латинскою надписями. — Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, оставившій отъ брака съ Елизаветою Цильхъ одну дочь Елену, выданную за придворнаго библіотекаря Константинова и названную, въ надписи на памятникѣ ея, *единою дочерью единаго Ломоносова*— былъ роста высокаго, сложенія крѣпкаго, имѣлъ силу почти атлетическую, такъ что однажды не только одолѣлъ трехъ напавшихъ на него матросовъ, но снялъ съ нихъ платье; отличался веселымъ и, вмѣстѣ, вспыльчивымъ нравомъ, страстію къ наукѣ, стремленіемъ къ открытіямъ, любилъ выпить и не отказывался благодѣтельствовать; въ обращеніи былъ мужиковатъ съ низшими и, въ семействѣ суровъ, равныхъ презиралъ, Тредіаковскаго преслѣдовалъ единственно за его дурной русскій слогъ и, самъ неизъятый отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ предразсудковъ, охотно подсмѣивался надъ духовными, даже писалъ на нихъ сатиры, напр. *Гимнъ бородѣ*, начинающійся такъ:

Если кто не взраченъ тѣломъ
Или въ разумѣ не зрѣломъ;
Если въ скудости рожденъ,
Либо чиномъ не почтенъ;
Будешь взраченъ и разсуденъ,
Знатенъ чиномъ и не скуденъ,
Для великой бороды:
Таковы ея плоды!
Борода предорогая,
Жаль, что ты не крещена, и проч.

Какъ писатель, Ломоносовъ слишкомъ извѣстенъ — и нѣтъ нужды исчислять неоспоримыя права его на безсмертіе въ исторіи русскаго слова. Даже Сумароковъ, истый врагъ Ломоносова, печально шелъ за гробомъ своего совмѣстника и потомъ отозвался о Ломаносовѣ, что:

Онъ нашихъ странъ Малгербъ, онъ Пиндару подобенъ.

Поэтическій талантъ Ломоносова отвергается многими, начиная съ Пушкина, который не признавалъ Ломоносова поэтомъ. Но могъ ли бы не-поэтъ заключить въ одномъ двустишіи полную

и прекрасную картину ночнаго неба, какъ сдѣлалъ это Ломоносовъ въ слѣдующемъ началѣ своего *Вечерняго размышленія о величествѣ Божіемъ:*

Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!

Неужели съумѣлъ бы Ломоносовъ, не будучи поэтомъ, такъ обратиться къ человѣку въ своемъ *Утреннемъ размышленіи о величествѣ Божіемъ:*

Возмогъ ли ты, хотя однажды,
Велѣть ранѣе утру быть
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождемъ прохладнымъ напоить

Не обличаетъ ли поэтическаго таланта, напр., такое переложеніе Ломоносовымъ одного мѣста изъ псалмовъ Давидовыхъ:

Не уповай никто во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человѣки —
И нѣсть спасенія отъ нихъ!

Заслуги Ломоносова русскому слову и русской наукѣ всегда цѣнились и цѣнятся высоко. Уважая ихъ, Императоръ Павелъ I, въ 1796 году, выключилъ изъ подушнаго оклада и освободилъ отъ рекрутчины сына родной сестры Ломоносова, холмогорскаго крестьянина Петра Головина, съ дѣтьми и потомствомъ. Въ 1834 году Ломоносову воздвигнутъ памятникъ на соборной площади г. Архангельска. Въ послѣднее время, 7 апрѣля 1865 года, вся Россія праздновала столѣтіе памяти Ломоносова, сочиненія котораго, впервые изданныя всѣ вмѣстѣ въ 1778 году, издавались потомъ много разъ и донынѣ составляютъ необходимую принадлежность каждаго собранія русскихъ книгъ, даже самаго скуднаго.

НОВИКОВЪ, Николай Ивановичъ, русскій писатель, журналистъ и знаменитый поборникъ просвѣщенія. Происходилъ изъ старинныхъ русскихъ дворянъ и родился, 26-го апрѣля 1744 года, московской губерніи бронницкаго уѣзда въ с. Тихвинскомъ, Авдотьино тожъ, отъ брака статскаго совѣтника и бывшаго ахтырскаго воеводы Ивана Васильевича Новикова съ Анною Ивановною, прежняя фамилія которой неизвѣстна. Несмотря на достаточное состояніе отца, имѣвшаго семьсотъ душъ, молодой Новиковъ получилъ въ домѣ родительскомъ образованіе самое поверхностное, которое ограничилось уроками сельскаго дьячка, а потомъ находился въ числѣ воспитанниковъ гимназіи при московскомъ университетѣ, но, въ 1760 году, исключенъ за лѣность и нехожденіе въ классы —вмѣстѣ съ знаменитымъ впослѣдствіи Потемкинымъ и другими 70-ю учениками. Записанный, въ исходѣ 1761 года, рядовымъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, 17-ти-лѣтній Новиковъ, въ январѣ 1762 года былъ привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ на дѣйствительную службу, а 28 іюня того же года, въ день воцаренія Императрицы Екатерины II, онъ, находясь въ караулѣ при полковой канцеляріи, стоялъ на часахъ у моста, чрезъ который надлежало слѣдовать Государынѣ, и первый отдалъ военную честь новой Самодержицѣ, за что тогда же произведенъ въ унтеръ-офицеры. Послѣ того Новиковъ продолжалъ полковую службу еще около пяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ, съ помощію чтенія, успѣлъ пріобрѣсти много знаній и въ 1767 году, когда въ Москвѣ открылась знаменитая коммиссія о составленіи проэкта новаго уложенія, Новиковъ, вмѣстѣ съ другими избранными гвардейцами, былъ прикомандированъ къ этой коммиссіи для письмоводства. Занятія Новикова въ этой коммиссіи, заключавшіяся въ составленіи дневныхъ записокъ по 7-му изъ 19-ти отдѣленій ея (именно по отдѣленію *О среднемъ родѣ людей*) и въ веденіи журналовъ общихъ собраній депутатовъ, сдѣлали его извѣстнымъ Императрицѣ, которой онъ не разъ читывалъ свои журналы. По закрытіи коммиссіи въ 1768 году, Новиковъ вышелъ въ отставку съ чиномъ арміи поручика и, рѣшительно посвятивъ себя литературѣ, съ 1769 года началъ издавать въ Петербургѣ еженедѣльный журналъ *Трутень*, въ 1771 году былъ избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ «Вольнаго Россійскаго Собранія», тогда же учрежденнаго въ Москвѣ кураторомъ тамошняго университета И. И. Мелиссино, а съ 1772 года, вмѣсто «Трутня», прекратившагося въ 1770 году, но перепечатаннаго впослѣдствіи еще два раза (въ .... и 1865) затѣялъ новый журналъ: «Живописецъ». Этотъ журналъ издававшійся потомъ еще *шесть* разъ (въ 1773, 1775, 1781, 1793, 1829 и 1864 гг.), заслужилъ общее сочувствіе читающей публики и удостоился сотрудничества самой Императрицы Екатерины II, которой онъ и былъ посвященъ. — Въ томъ же 1772 году Новиковъ напечаталъ *Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*, посвященный Наслѣднику престола, и въ предисловіи къ этому замѣчательному труду сказалъ: «Не тщеславіе получить названіе сочинителя, но желаніе оказать услугу моему отечеству къ сочиненію сея книги меня побудило». Въ 1773 году Новиковъ, издатель, уже извѣстный публикѣ, и литераторъ, приглашаемый въ эрмитажныя собранія Императрицы, выпустилъ въ свѣтъ I часть *Древней россійской Идрографіи* и началъ печатаніе *Древней русской вивліоѳики*, донынѣ не потерявшей своего историческаго достоинства, а въ 1774 году онъ, вмѣстѣ съ извѣстною княгиней Е. Р. Дашковою, предпринялъ и продолжалъ еженедѣльное изданіе *Кошелекъ*, которое, по цѣли своей «быть насмѣшникомъ французолюбцевъ», возбудило неудовольствіе французскаго посла при русскомъ дворѣ, сдѣлалось, какъ говорили потомъ, предметомъ дипломатическихъ переговоровъ и, подвергшись запрещенію, заставило самаго Новикова на время уѣхать изъ Петербурга. — Въ 1775 году Новиковъ неожиданно для самаго себя присоединился къ братству масоновъ «Великой провинціальной ложи», члены которой, «собравшись къ нему въ домъ, предварительно, какъ-бы постороннимъ образомъ, говорили ему о своемъ обществѣ и, не взявъ обѣта въ скромности, прочли ему принятіе и противъ всякаго его ожиданія поздравили его членомъ своего общества», о чемъ и самъ Новиковъ, впослѣдствіи, при допросѣ его извѣстнымъ Шешковскимъ, показывалъ такъ: «я вступилъ въ общество не по собственному исканію или побужденію, но по приглашенію, сколько могу упомнить, въ 1775 году, и то на такихъ условіяхъ, чтобы не дѣлать никакой присяги и обязательства, чтобы мнѣ открыть третій градусъ напередъ, и ежели я найду что противное совѣсти, то чтобы не считать меня въ числѣ масоновъ». — Избраніе такого рода, сдѣланное людьми, принадлежавшими къ образованнѣйшему слою общества того времени, уже само по себѣ рекомендуетъ тогдашнюю извѣстность Новикова, который, съ 1777 года, началъ издавать въ Петербургѣ ежемѣсячный журналъ *Утренній свѣтъ*, назначенный въ пользу петербургскихъ училищъ екатерининскаго и александровскаго, основанныхъ мѣстными масонами «Великой провинціальной ложи» или, что тоже самое, «Общества елагинской системы». — Оставаясь и въ теченіе всего 1778 года из-

дателемъ «Утренняго Свѣта» въ Петербургѣ, Новиковъ, въ началѣ 1779 года, переселился съ своимъ изданіемъ въ Москву, гдѣ онъ немедленно вошелъ въ тѣсныя сношенія съ масонами московскихъ ложъ — ложи-матери «Латоны», «Свѣтоноснаго треугольника», «Блистающей звѣзды», «Святаго Моисея», «Девкаліона» — и сблизился съ германскимъ ученымъ Ив. Гр. Шварцомъ, тоже только что пріѣхавшимъ тогда въ Москву, для службы въ университетѣ. Оба одинаково исполненные неуклоннаго стремленія къ добру, оба филантропы и мистики, Новиковъ и Шварцъ съ перваго же свиданія стали друзьями: «въ одно утро, — разсказываетъ самъ Новиковъ — пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ Ив. Григ. Шварцъ». Найдя въ глубоко-образованномъ и религіозно-настроенномъ Шварцѣ горячаго сочувственника пропагандѣ истиннаго просвѣщенія и, слѣдовательно, человѣка по-сердцу, Новиковъ открылъ Шварцу мысль свою составить «Дружеское ученое общество» и пригласилъ его къ участію въ этомъ дѣлѣ, а самъ, съ 1 мая 1779 года, принялъ на себя, по контракту, десятилѣтнее содержаніе московской университетской типографіи и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», къ которымъ онъ, въ 1780 году, присоединилъ *Экономическій магазинъ*. Окончательное, хотя негласное, образованіе «Дружескаго ученаго общества» совершилось въ 1781 году, когда Новиковъ, уже матеріально вспомоществуемый многими именитыми москвичами, напр. П. А. Татищевымъ, князьями Н. и Ю. Н. Трубецкими, княземъ А. А. Черкасскимъ, княземъ А. И. Вяземскимъ, В. В. Чулковымъ и друг., успѣшно распространялъ разныя вновь переводимыя книги полезнаго или назидательнаго содержанія и печаталъ *Московское ежемѣсячное изданіе*, а Шварцъ, еще съ 1779 года утвержденный инспекторомъ открытой, по проекту его, «Педагогической семинаріи» при университетѣ, издавалъ *Московскую нѣмецкую газету* и учредилъ, при университетѣ же, «Собраніе университетскихъ питомцевъ» для упражненій въ сочиненіяхъ и переводахъ. Въ 1782 году, Новиковъ началъ издавать журналъ *Вечернюю Зарю* и тогда же, съ назначеніемъ графа Зах. Гр. Чернышева главнокомандующимъ въ Москву, благородныя усилія Новикова и Шварца, не смотря на недоброжелательство къ послѣднему университетскаго куратора Мелиссино, не только вознаградились дозволеніемъ Шварцу учредить при университетѣ «Филологическую или переводческую семинарію», но увѣнчались оффиціальнымъ открытіемъ «Дружескаго ученаго общества», послѣдовавшимъ 6 ноября, въ домѣ П. А. Татищева и въ присутствіи самаго графа Чернышева, правитель канцеляріи котораго, Сем. Ив. Гамалея, и адъютантъ, Ив. Петр. Тургеневъ — сдѣлались ревностнѣйшими членами общества, такъ же какъ и новоопредѣленный въ Москву совѣтникъ уголовной палаты Ив. Вл. Лопухинъ. Дѣла общества, благодаря указу 15 января 1783 года, дозволявшему заведеніе вольныхъ типографій, сразу пошли такъ хорошо, что имъ не мѣшала даже отставка Шварца, вытѣсненнаго изъ университета врагомъ своимъ Мелиссино. Но со смертію Шварца, въ февралѣ 1784 года, «Дружеское ученое общество» преобразовалось въ «Типографическую компанію», а когда, въ августѣ того же года, умеръ графъ Чернышевъ, Новикову пришлось испытать первыя непріятности отъ коммиссіи народныхъ училищъ и, по Высочайшему повелѣнію, прекратить начатое печатаніе «Исторіи іезуитовъ». — Въ 1785 году «Типографическая компанія» подверглась обвиненіямъ въ масонствѣ, вслѣдствія чего преемнику Чернышева графу Я. А. Брюсу Высочайше повелѣно: книги, изданныя Новиковымъ, освидѣтельствовать и лавку его запечатать, а самаго Новикова испытать въ законѣ Божіемъ московскому архіепископу Платону, который, исполнивъ повелѣнное, въ январѣ 1786 года, всеподданнѣйше доносилъ Екатеринѣ: «Какъ предъ престоломъ Божьимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая Государыня Императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что *молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіяне таковые, какъ Новиковъ*». Отдѣлавшись, на этотъ разъ, только отобраніемъ и уничтоженіемъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ найденныхъ въ опечатанной лавкѣ, Новиковъ бодро продолжалъ стоять во главѣ «Типографической компаніи», дѣйствія которой во многомъ облегченныя новымъ московскимъ главнокомандующимъ П. Д. Еропкинымъ, особенно расширились съ 1787 года, когда премьеръ-маіоръ Григ. Макс. Походяшинъ, тронутый рѣчью Новикова о несчастіяхъ голодавшаго въ тотъ годъ народа, произнесенною въ одномъ изъ засѣданій компаніи, тутъ же предложилъ въ распоряженіе оратора все достояніе свое — болѣе милліона рублей. Употребленіе этого капитала, начатое покупкою хлѣба для безденежной раздачи бѣднымъ, продолжалось въ видахъ внѣшней дѣятельности Новиковскаго общества, предметами которой были: частная благотворительность, устройство больницъ, аптекъ, заведеніе школъ и типографій, изданіе и распространеніе учебниковъ и книгъ духовнаго содержанія, покровительство литературнымъ трудамъ, образованіе наставниковъ и проч. — 1 мая 1789 года окончился срокъ десятилѣтнему контракту Новикова съ московскою университетскою типографіею, передача которой другому лицу была заблаговременно предписана слѣдующимъ рескриптомъ Императрицы Екатерины, отъ 17 октября 1788 года, на имя московскаго главнокомандующаго Еропкина: «Петръ Дмитріевичъ! Подтверждаемъ и теперь прежнее наше повелѣніе, чтобы университетская типографія, по истеченіи срока, на содержаніе поручику Новикову не была отдаваема; о чемъ вы кураторамъ московскаго университета объявите». Сдавъ типографію, съ переходомъ которой въ другія руки прекратились «Экономическій магазинъ» и «Дѣтское чтеніе», издававшіеся при «Московскихъ Вѣдомостяхъ», Новиковъ, какъ кажется, содѣйствовалъ заграничному путешествію молодаго Карамзина, знакомаго ему еще съ 1785 года, а самъ, въ качествѣ человѣка опаснаго, подвергся стѣснительному надзору весьма ограниченнаго князя А. А. Прозоровскаго, который, въ 1790 году, смѣнилъ въ Москвѣ Еропкина. — Частныя донесенія этого Прозоровскаго Императрицѣ, а также заграничныя письма нѣкоего барона Шрейдера къ самому Новикову, имѣвшія цѣлью компрометировать послѣдняго и задерживаемыя правительствомъ, имѣли результатомъ командированіе, въ 1791 году, графа А. А. Безбородко и извѣстнаго Н. П. Архарова въ Москву, какъ-бы для прогулки, на самомъ же дѣлѣ — для слѣдствія надъ Новиковымъ и другими мартинистами, — которое однако, благодаря прямому, честному направленію графа Безбородко, производимо не было. — Но, въ 1792 году, когда французская революція достигла извѣстныхъ размѣровъ и простыя, церемоніальныя сношенія московскихъ масоновъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, главою прусскихъ теософовъ, дали поводъ правительству серьезно заподо-

Государств. публичная историческая библиотека

зрить Новикова, всегда, какъ и всѣ масоны, отличавшагося преданностію къ «извѣстной особѣ», т. е. къ Наслѣднику престола Павлу Петровичу, — Новиковъ, 21 апрѣля, былъ арестованъ въ своемъ Тихвинскомъ, привезенъ въ Москву и, послѣ краткаго допроса княземъ Прозоровскимъ, отправленъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ, тамъ вторично допрошенъ извѣстнымъ Шешковскимъ и, приговоренный къ смерти, по милосердію Императрицы осужденъ на 15-ти-лѣтнее заключеніе въ томъ самомъ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ содержался и трагически погибъ принцъ Иванъ Антоновичъ Брауншвейгъ-Беверн-Люнебургскій. Заключеніе Новикова, добровольно раздѣленное другомъ и домашнимъ врачемъ его Багрянскимъ, продолжалось до самаго воцаренія Императора Павла I, который, 9 ноября 1796 года, велѣлъ освободить почтеннаго узника, призвалъ его къ себѣ, обласкалъ и отпустилъ въ Тихвинское. Полагали, что Новиковъ будетъ сдѣланъ директоромъ московскаго университета; но когда этого не случилось, а всѣ сострадальцы Новикова были щедро награждены, то говорили, что Новиковъ самъ напортилъ себѣ какимъ-то свободнымъ словомъ, сказаннымъ Государю. — Во всякомъ случаѣ, благородная дѣятельность Новикова уже не возобновлялась, хотя онъ не былъ прочь вспомнить старину и, въ 1805 году, предлагалъ, на торгахъ, за содержаніе университетской типографіи 11,000 рублей въ годъ, что однако не состоялось. Съ того времени, Новиковъ почти не выѣзжалъ изъ Тихвинскаго, гдѣ онъ, раздѣляя уединеніе съ своими дѣтьми, вдовою Шварца и другомъ Гамалеею, умеръ 31 іюля 1818 года, на 75-мъ году жизни, искренно оплаканный боготворившими его крестьянами. — Тѣло Новикова погребено въ самой церкви села Тихвинскаго, противъ клироса. Николай Ивановичъ Новиковъ, оставившій отъ брака съ Анною Егоровною Римскою-Корсаковою сына, неимѣвшаго потомства, и двухъ дочерей, соединялъ съ обширною начитанностію свѣтлый, проницательный умъ, твердую волю, нѣжное сердце, прямыя, безукоризненно честныя правила и нравъ, кротость и добродушіе котораго ярко выражались на замѣчательно-характеристическомъ лицѣ Новикова, — по крайней мѣрѣ, судя по портрету его, писанному съ натуры извѣстнымъ Боровиковскимъ, въ 1797 году. — Подвижническая дѣятельность Новикова на пользу просвѣщенія соотечественниковъ и страданія, которымъ подвергся онъ, конечно, не умрутъ ни въ исторіи, ни въ преданіи — и каждый образованный русскій, зная, чѣмъ для предковъ его былъ Новиковъ, всегда будетъ хранить благоговѣйную признательность къ почтенной памяти этаго глубоко-гуманнаго русскаго дѣятеля.

ПОЛЕВОЙ, Николай Алексѣевичъ, русскій писатель. Принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ посадскихъ семействъ г. Курска, но родился, 22 іюня 1796 года, въ г. Иркутскѣ, гдѣ отецъ его, пайщикъ русской американской компаніи, занимался тогда выдѣлкою морскихъ котовъ и имѣлъ собственный фаянсовый заводъ. — Шестилѣтнимъ ребенкомъ Полевой выучился у старшей сестры своей чтенію, а у товарища дѣтства, Титова, письму; осьми лѣтъ началъ постоянно читать вслухъ: матери — романы, отцу — Библію и Московскія Вѣдомости; десяти лѣтъ онъ уже велъ домашнюю контору отца, читалъ безъ разбора всѣ русскія книги, попадавшіяся ему подъ-руку, заучивалъ наизусть цѣлыя статьи изъ «Русскаго Вѣстника» и декламировалъ «Россіаду» Хераскова, наконецъ, въ подражаніе «Московскимъ Вѣдомостямъ», издавалъ для самаго себя рукописную газету *Азіатскія Вѣдомости*, а въ подражаніе «Московскому Меркурію» — рукописный же журналъ *Другъ Россіи*, написалъ драму *Бракъ царя Алексѣя Михайловича*, трагедію *Бланка Бурбонская*, интермедію *Петръ Великій въ храмѣ безсмертія*, сочинялъ *Путешествіе по всему свѣту* и т. д. «Если надо — говоритъ самъ Полевой — выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и «Вѣстника Европы», до хронологическихъ чиселъ и Библіи, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы; но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить». Въ маѣ 1811 года Полевой впервые оставилъ Иркутскъ и, по порученію отца, отправился въ Москву, гдѣ, на досугѣ, слушалъ лекціи въ университетѣ, раза по три въ недѣлю посѣщалъ театръ, читалъ и покупалъ книги, сочинялъ трагедіи, повѣсти и романы. Пріѣздъ отца прекратилъ этотъ полезный досугъ: сочиненія юноши Полеваго были сожжены его родителемъ, который, запретивъ сыну даже чтеніе книгъ, готовился приняться съ нимъ за коммерческія дѣла, но 26 августа 1812 года, въ самый день бородинской битвы, долженъ былъ, со всѣмъ семействомъ, удалиться изъ Москвы, вскорѣ же занятой французами. Убѣжищемъ семейства Полевыхъ сдѣлался тогда Арзамасъ, откуда отецъ и сынъ, въ декабрѣ 1812 года, поѣхали въ Петербургъ, окончили тутъ старые счеты съ американской компаніей и, съѣздивъ за семействомъ въ Арзамасъ, переселились въ Курскъ, а лѣтомъ 1813 года, отецъ и сынъ отправились на Донъ — дѣлать сахаръ и ромъ изъ арбузовъ и торговать рыбою, но ни то ни другое имъ не удалось. Возвратившись въ Курскъ, 17-тилѣтній Полевой поступилъ въ контору къ одному богатому купцу и тогда же, т. е. въ 1814 году, началъ систематически заниматься русской грамматикой, по руководству Соколова, перенялъ у одного плѣннаго итальянца Наполеоновой арміи произношеніе французскихъ буквъ, а у одного стараго богемца, практиковавшаго въ Курскѣ уроками музыки, выучился нѣмецкой азбукѣ. Въ 1815 году молодой Полевой снова ѣздилъ въ Иркутскъ и жилъ тамъ съ годъ, продолжая занятія языками у разныхъ случайныхъ учителей, а въ 1816 году онъ окончательно усѣлся въ Курскѣ, откуда, въ 1817 году, прислалъ въ «Русскій Вѣстникъ», издававшійся тогда С. Н. Глинкою, статейку о посѣщеніи Курска Императоромъ Александромъ — первый печатный трудъ Полеваго, подписанный его именемъ, но съ начала до конца передѣланный издателемъ «Русскаго Вѣстника». — Сообщая публикѣ, уже въ 1841 году, о собственномъ «пересочиненіи отъ первой строчки до послѣдней» этой статейки Полеваго, самъ С. Н. Глинка говоритъ: «Я не зналъ тогда Николая Алексѣевича (Полеваго), слѣдственно и не могъ объ немъ судить; но теперь съ удивленіемъ вспоминаю, что тогда въ перѣ его не было даже и искры той парящей мысли, которая впослѣдствіи поставила его на чреду почтенныхъ нашихъ писателей. Въ упомянутой статьѣ Н. А. я видѣлъ только младенческое, ученическое, не видалъ даже и намека того слога, изъ котораго самъ заимствую одушевленіе на западѣ жизни моей». — Спустя мѣсяцъ послѣ напечатанія первой статейки, Полевой, при благодарственномъ письмѣ, препроводилъ въ «Русскій Вѣстникъ» стихи на проѣздъ чрезъ Курскъ князя Барклайде-Толли, тоже съ начала до конца пересочиненные Глинкою,

а въ 1818 году двѣ статьи Полеваго — *Замѣчаніе на статью о Волосѣ* и переводъ *Шатобріанова описанія Маккензіева путешествія по сѣверной Америкѣ* — были напечатаны Глинкою уже безъ всякой передѣлки и 6 января 1819 года Полевой, въ засѣданіи Курскаго библейскаго общества, съ большимъ успѣхомъ читалъ свое стихотвореніе, снискавшее автору похвалу всѣхъ членовъ и знакомство съ извѣстнымъ архипастыремъ Евгеніемъ, впослѣдствіи митрополитомъ кіевскимъ. Продолжая собственными усиліями свое образованіе, Полевой, въ 1820 году оставилъ навсегда Курскъ и перебрался въ Москву, завѣдывать отцовскимъ водочнымъ заводомъ; лѣтомъ 1821 года, по дѣламъ отца, ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ впервые увидѣлъ Грибоѣдова и Жуковскаго, познакомился съ Булгаринымъ и Гречемъ, особенно же былъ обласканъ издателемъ «Отечественныхъ Записокъ» П. П. Свиньинымъ, который, въ 1822 году, представилъ россійской академіи составленныя Полевымъ *Таблицы русскихъ спряженій*, — трудъ, стяжавшій составителю большую серебряную медаль отъ академіи. Въ томъ же 1822 году Полевой потерялъ отца, сдѣлался старшимъ въ многочисленномъ семействѣ, приписался въ московское купечество, и усердно продолжая дѣло на своемъ водочномъ заводѣ за Сухаревою башнею, едва ли не усерднѣе занимался науками, причемъ имя Полеваго чаще и чаще стало появляться подъ стихами и прозою, въ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ. Осенью 1824 года Полевой, уже женатый, былъ приглашаемъ къ постоянному участію въ издаваемыхъ Булгаринымъ журналахъ, но отъ такого участія отказался и при № 87 Московскихъ Вѣдомостей того же года публиковалъ, что съ 1825 года будетъ періодически выходить въ Москвѣ *Московскій Телеграфъ, журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, издаваемый Николаемъ Полевымъ*. Эта публикація надѣлала много шума, особенно въ литературныхъ кружкахъ, сбиравшихся сразу подорвать журналиста-самоучку, въ которомъ публика видѣла только купца и, съ этой точки зрѣнія, находила намѣреніе Полеваго издавать журналъ — страннымъ и дикимъ. Выискивались однако и болѣе человѣчные литераторы, готовые служить начинающему дѣятелю нѣкоторыми полезными совѣтами. Однимъ изъ такихъ литераторовъ былъ, напр., Глинка, съ изумленіемъ узнавшій, что будущій издатель «Телеграфа» и авторъ статейки о посѣщеніи Курска Императоромъ Александромъ, писанной всего 7 лѣтъ назадъ, — одно и тоже лицо. «Я пожелалъ, пишетъ самъ Глинка, чтобы новый издатель у меня побывалъ, предполагая, что по многолѣтнему опыту въ повременномъ изданіи, сообщу ему что-нибудь; но онъ у меня не былъ и хорошо сдѣлалъ: по выходѣ первой книжки «Телеграфа» я увидѣлъ, что мнѣ надобно будетъ учиться въ той области словесности, въ которую онъ вступилъ съ быстрою, свѣжею и живою мыслію». Дѣйствительно, «Телеграфъ» былъ въ то время явленіемъ замѣчательнымъ. Вполнѣ знакомя русскую публику съ умственнымъ направленіемъ современнаго западно-европейскаго міра, «Телеграфъ» сообщалъ своимъ читателямъ критическіе обзоры лучшихъ произведеній иностранной литературы, приводилъ цѣлые отрывки изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ авторовъ, знакомилъ русскую публику съ не-русскими открытіями и изобрѣтеніями, отвелъ на своихъ страницахъ просторное мѣсто статьямъ о торговлѣ, промышленности, мануфактурахъ, политической экономіи; первый изъ всѣхъ русскихъ журналовъ началъ помѣщать въ каждомъ № своемъ критику и библіографію всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ и замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ книгъ; наконецъ, по выраженію одного изъ тогдашнихъ зоиловъ, «разсуждалъ обо всемъ — съ высшихъ философическихъ взглядовъ, до ленточки на дамскомъ башмачкѣ» — и дѣлалъ это во исполненіе предисловія къ «Телеграфу», гдѣ главнымъ достоинствомъ литературнаго журнала поставлялось: «сыскать скользкую дорожку, которая вьется между излишнею важностью и ничтожною легкостью». Успѣхъ «Телеграфа» былъ блистательный, не смотря на нападки завистливыхъ журналистовъ, поставлявшихъ въ вину «Телеграфу» именно его *всезнайство*, которымъ Полевой, вспомоществуемый дѣльными сотрудниками, умѣлъ щеголять ловко, но осторожно, а потому и удачно. Самъ Полевой, до 1827 года, помѣстилъ въ «Телеграфѣ» нѣсколько небольшихъ своихъ статей повѣствовательнаго содержанія и по части отечественной исторіи; въ 1827 году, покончившемъ существованіе водочнаго завода Полевыхъ, въ «Телеграфѣ» явилась статья издателя *Взятіе Азова*, отрывокъ изъ русской исторіи по образцу Барантовой «Исторіи герцоговъ Бургундскихъ», а въ 1828 году Полевой напечаталъ въ «Телеграфѣ» историческую повѣсть *Симеонъ Кирдяпа*. Тогда же избранный въ число дѣйствующихъ членовъ московской практической коммерческой академіи, Полевой, лѣтомъ 1828 года, составилъ и читалъ на академическомъ актѣ *Рѣчь о невещественномъ капиталѣ*, а съ наступленіемъ 1829 года сталъ издавать, въ 6 томахъ, *Повѣсти и литературные отрывки* изъ прошедшихъ лѣтъ «Телеграфа», въ № 12 котораго за тотъ же 1829 годъ онъ напечаталъ свой замѣчательный *Разборъ Исторіи государства Россійскаго*, а съ № 13 сталъ вести особый отдѣлъ, подъ названіемъ: «*Новый Живописецъ общества и литературы*, отдѣлъ, по самому воспоминанію о «Живописцѣ» Новикова, обратившій на себя вниманіе публики, особенно стариковъ. Въ исходѣ 1829 года Полевой объявилъ подписку на 12 томовъ своей *Исторіи русскаго народа* и вслѣдъ затѣмъ издалъ первый томъ этого далеко не дюжиннаго труда, замѣчательнаго какъ первая попытка отрѣшиться отъ устарѣвшихъ и нерѣдко ошибочныхъ взглядовъ Карамзина. — Начавъ 1830 годъ отдѣльнымъ прибавленіемъ къ «Телеграфу» *Новаго Живописца*», Полевой напечаталъ въ альманахахъ этого года: «Радугѣ» — повѣсть *Краковскій замокъ*, въ «Денницѣ» — повѣсть же *Сохатый*, лѣтомъ издалъ второй томъ «Исторіи русскаго народа», а съ осени сталъ обогащать «Телеграфъ» своими зрѣлыми критиками, рядъ которыхъ открылся замѣчательнымъ разборомъ «Исторіи Малой Россіи», соч. Бантышъ-Каменскаго. Въ 1831 году Полевой помѣстилъ въ «Денницѣ» разсказъ *Постоялый дворъ*, т. е. первую главу своего историческаго романа *Клятва при гробѣ Господнемъ*, издалъ третій томъ «Исторіи русскаго народа» и сталъ печатать отдѣльно «Новаго Живописца», а въ 1832 году онъ украсилъ «Телеграфъ» своими *разборами сочиненій Державина, Жуковскаго и романовъ Виктора Гюго*, издалъ первыя три части *Клятвы при гробѣ Господнемъ*, читалъ на актѣ коммерческой академіи *Рѣчь о купеческомъ званіи и особенно въ Россіи*, и съ конца года, въ «Телеграфѣ», добавленномъ, вмѣсто «Новаго Живописца», *Камеръ-Обскурою*, началъ печатать отрывки изъ своей *Русской исторіи для первоначальнаго чтенія*. — Въ 1833 году Полевой издалъ четвертый томъ «Исторіи русскаго народа» и четвертую часть «Клятвы при гробѣ Господнемъ», читалъ на актѣ коммерческой академіи новое сочиненіе

свое *Кузьма Миничъ Сухорукій, избранный отъ всея земли русской человѣкъ*, началъ печатаніе «Русской исторіи для первоначальнаго чтенія» въ 4-хъ частяхъ, наконецъ, рядомъ съ мечтательными повѣстями *Блаженство безумія* и *Живописецъ*, помѣстилъ въ «Телеграфѣ»: *Разборъ сочиненій Пушкина*, оставшійся неоконченнымъ; археологическую статью: *Древнѣйшая княжеская гробница въ московскомъ Кремлѣ;* фантастическій разсказъ *Рапсодія* и письмо къ неизвѣстной дамѣ, объясняющее Шекспировъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь». Въ четырехъ начальныхъ №№ «Телеграфа» 1834 года Полевой напечаталъ третью мечтательную повѣсть свою *Эмма* и *Разборъ Торквато Тассо, Кукольника*, а № 5-мъ окончилъ десятилѣтнее изданіе «Телеграфа», который, при всѣхъ литературныхъ достоинствахъ своихъ, не могъ состязаться съ огромными средствами восходившаго тогда на горизонтѣ русской журналистики новаго свѣтила — «Библіотеки для Чтенія». — Прекративъ «Телеграфъ», служившій переходнымъ звеномъ отъ журналистики временъ Карамзина къ нынѣшней, Полевой, въ томъ же 1834 году, издалъ пятый томъ «Исторіи русскаго народа» и, особо, подъ заглавіемъ *Мечты и жизнь*, три мечтательныя повѣсти свои изъ «Телеграфа», къ которымъ прибавленъ вновь только *Разсказъ солдата*, а въ 1835 году напечаталъ шестой томъ «Исторіи русскаго народа» и, съ іюля мѣсяца, принялъ на себя редакцію тогда же начатаго Авг. Семеномъ изданія: *Живописное обозрѣніе*, вмѣстѣ съ которымъ выходило въ свѣтъ и переводимое Полевымъ съ французскаго *Путешествіе вокругъ свѣта*, составленное Дюмонъ-Дюрвилемъ. — Въ 1836 году Полевой явился въ Петербургъ, гдѣ извѣстный книгопродавецъ Смирдинъ, видя стѣсненное положеніе Полеваго, свелъ автора «Исторіи русскаго народа» съ редакторомъ «Библіотеки для Чтенія» Сенковскимъ — и Полевой, противъ своихъ литературныхъ и всякихъ убѣжденій, согласился быть сотрудникомъ Сенковскаго, которому онъ, кромѣ ряда статей по отдѣлу критики и библіографіи, прислалъ изъ Москвы статьи: *Избраніе на царство царя Михаила Ѳедоровича, Христофоръ Колумбъ, Новый годъ въ Москвѣ, Пушкинъ.* Но такъ какъ Сенковскій позволялъ себѣ передѣлывать и добавлять критико-библіографическія статьи Полеваго, то Полевой, съ декабря 1837 года, отказался сотрудничать въ «Библіотекѣ для Чтенія», тѣмъ болѣе, что литературнымъ трудамъ его открывалось тогда новое поприще, блистательно начатое *Гамлетомъ*, который, бывъ переведенъ Полевымъ съ англійскаго, въ январѣ 1837 года украсилъ собою бенефисъ Мочалова въ Москвѣ и съ того времени сдѣлался необходимою принадлежностію репертуара какъ московскаго, такъ и петербургскаго театровъ. — Къ 1838 году Полевой, по приглашенію Смирдина, переселился изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ немедленно приступилъ къ ежемѣсячному изданію «Сына Отечества» и, въ январѣ же, поставилъ на петербургскую сцену своего *Уголино*, а въ 1839 году издалъ, подъ названіемъ *Очерковъ русской литературы*, два тома прежнихъ критическихъ статей своихъ, напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» *Письмо о драматическихъ сочиненіяхъ* и *О тоническомъ размѣрѣ стиховъ*, помѣстилъ въ первомъ томѣ изданія «Сто русскихъ литераторовъ» повѣсть *Дурочку* и статью *Обозрѣніе бумагъ найденныхъ по смерти Петра Великаго въ кабинетѣ его*, наконецъ, началъ печатать въ «Репертуарѣ», рядъ драматическихъ пьэсъ, каковы: *Дѣдушка русскаго флота, Елена Глинская, Иголкинъ, купецъ новгородскій*, изъ которыхъ первая заслужила автору богатѣйшій бриллiантовый перстень отъ Императора Николая I. — Въ 1840 году Полевой поставилъ на петербургскую сцену *Парашу Сибирячку* и, лѣтомъ, отстранился отъ «Сына Отечества», а въ 1841 году, издавъ четвертый и послѣдній томъ своей «Русской исторіи для первоначальнаго чтенія», принималъ участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ», возобновленномъ С. Н. Глинкою, и писалъ библіографическія статьи въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ 1842 году Полевой помѣстилъ въ «Русской Бесѣдѣ» замѣчательную историческую статью: *Прокопій Ляпуновъ;* для изданія, подъ названіемъ «Капитолій», написалъ краткую *Жизнь Суворова;* для новаго, компактнаго, изданія сочиненій пѣвца Фелицы изготовилъ *Жизнь Державина;* въ «Библіотекѣ для Чтенія» перешедшей уже подъ другую редакцію, печаталъ сочиняемый имъ обще съ Булгаринымъ романъ *Счастье лучше богатырства.* Въ 1843 году Полевой помѣстилъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» пьэсу: *Ломоносовъ;* въ 1844 году издалъ романъ: *Аббадона*, въ 4-хъ частяхъ; въ 1845 году началъ писать *Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра I*, въ одномъ томѣ, и приготовилъ къ печати *Столѣтіе Россіи отъ 5 сентября 1745 года* (день рожденія князя Кутузова-Смоленскаго) *по 5 сентября 1845 года*, въ двухъ томахъ, а съ января 1846 года приступилъ къ изданію «Литературной Газеты», но, сраженный нервическою горячкою, умеръ 22 февраля того же года, въ Петербургѣ, на 50-мъ году дѣятельной и полезной жизни. — Николай Алексѣевичъ Полевой былъ роста довольно высокаго, худощавъ, говорилъ довольно скоро, причемъ мускулы лица его не переставали двигаться, а самъ онъ безпрерывно поправлялъ пальцами свои небольшія золотыя очки. — Соединяя съ умомъ живымъ, яснымъ, проницательнымъ, глубину мысли, правильность взгляда, жажду знаній, любовь къ труду, стремленіе учиться и учить, — Полевой отличался дѣятельностію неутомимою, писалъ въ разныхъ родахъ и, хотя не достигъ ни въ одномъ особенно высокой степени, но оставилъ во всѣхъ слѣды несомнѣннаго дарованія, и опыты не дюжиннаго достоинства. Кромѣ указанныхъ выше статей и сочиненій, Полевымъ изданы при жизни: *Византійскія легенды: Іоаннъ Цимисхій*, въ 2-хъ частяхъ (1841 г.); *Россійская Вивліоѳика* (1841 г.); *Драматическія сочиненія и переводы*, въ 4-хъ частяхъ (1842 — 1843); *Повѣсти Ивана Гудошника*, въ 2-хъ частяхъ (1843); *Были и небылицы* (1843); *Иванушка дурачекъ*, русская сказка (1843); *Исторія Петра Великаго*, въ 4-хъ частяхъ (1843); *Исторія Суворова* (1844); *Повѣсть о великой битвѣ Бородинской* (1844); *Русскіе полководцы* (1845). По смерти Полеваго напечатаны, въ 3-мъ томѣ «Новоселья» (1846), двѣ статьи его: *Тимонъ Аѳинянинъ*, вольные отрывки изъ драматической повѣсти Шекспира, *Отрывки изъ завѣщанія книгопродавца сыну*, а въ 1848 году издана *Исторія Наполеона*, въ 5-ти частяхъ, — послѣдній трудъ Полеваго, дописанный, по плану автора, братомъ его, К. А. Полевымъ, которому принадлежитъ вторая половина пятаго тома. — Всего — не считая статей, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, — напечатано Полевымъ до *семидесяти* томовъ обыкновенной величины. «Что, еслибы — говоритъ о Полевомъ одинъ изъ его біографовъ — при этой необыкновенной дѣятельности, при этомъ примѣрномъ трудолюбіи, разнообразіи и гибкости дарованій и многосторонней начитанности, онъ получилъ въ юности

классическое образованіе, съ большею осмотрительностію почерпалъ изъ источниковъ иноземныхъ, менѣе увлекаясь наружнымъ блескомъ идей, обратилъ свои способности на одинъ предметъ и сосредоточилъ свой талантъ на одномъ или немногихъ трудахъ? Нѣтъ сомнѣнія, онъ тогда сталъ-бы на ряду съ нашими отличнѣйшими и образцовыми писателями». — Извѣстный всей Россіи, какъ писатель даровитый и многосторонній, Н. А. Полевой съ 1829 года былъ членомъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта; въ 1831 году, какъ членъ комитета первой московской выставки, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, дававшимъ ему права потомственнаго почетнаго гражданства, и тогда уже носилъ званія: члена-корреспондента с.-петербургской академіи наукъ, члена совѣта московской практической коммерческой академіи и дѣйствующаго члена состоящаго при этой академіи общества любителей коммерческихъ знаній, и наконецъ, дѣйствительнаго члена ученыхъ обществъ: московскаго исторіи и древностей россійскихъ, московскаго любителей россійской словесности, московскаго испытателей природы, с.-петербургскаго вольнаго экономическаго, с.-петербургскаго любителей россійской словесности и казанскаго любителей отечественной словесности.

ШЕБУЕВЪ, Василій Козмичъ, русскій историческій живописецъ. Родился 2 апрѣля 1777 года, въ Кронштадтѣ, и по волѣ родныхъ, замѣтившихъ въ немъ художническія наклонности и природное дарованіе, отданъ въ ученики академіи художествъ, гдѣ занимался примѣрно, былъ награждаемъ серебряными медалями за рисованіе, а за произведеніе картины: *Смерть Ипполита*, изъ Расиновой трагедіи «Федра», получилъ вторую золотую медаль. По окончаніи академическаго курса, Шебуевъ, 14 декабря 1797 года, наименованъ художникомъ 14 класса, 1 января 1798 года зачисленъ пансіонеромъ академіи, съ порученіемъ занимать мѣсто помощника при профессорѣ натурнаго класса и, вскорѣ послѣ того, окончилъ огромную картину *Полтавская битва*, впослѣдствіи подаренную Императоромъ Николаемъ I-мъ Полтавскому кадетскому корпусу, а затѣмъ писалъ миѳологическія фигуры на зеркалахъ Михайловскаго дворца — трудъ, удостоенный всемилостивѣйшимъ подаркомъ отъ Императора Павла I. Въ 1803 году Шебуевъ былъ отправленъ въ Римъ, для усовершенствованія въ исторической живописи, тамъ нарисовалъ картонъ и написалъ картину *Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи* (въ ростъ), пропавшую на дорогѣ изъ Италіи, потомъ сочинилъ, но, къ сожалѣнію, не докончилъ, двѣ большія, сложныя картины: *Крещеніе кіевлянъ св. В. К. Владиміромъ* и *Христосъ, приведенный, съ двумя разбойниками, предъ судилище*, вообще же — съ жаромъ истиннаго художника изучалъ искусство и произведенія великихъ мастеровъ, направившія къ лучшему собственный взглядъ и манеру Шебуева. Возвратясь въ Россію, въ 1807 году, Шебуевъ сочинилъ и произвелъ въ живописи оконченный эскизъ для огромной картины *Взятіе Божіей Матери на небо*, которая и написана надъ главнымъ входомъ въ с. петербургскій Казанскій соборъ, украшенный еще тремя большими картинами Шебуева (на столбахъ, поддерживающихъ куполъ), изображающими событія изъ жизни святителей церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. По окончаніи и освященіи Казанскаго собора въ 1811 году, Шебуевъ, награжденный орденомъ св. Владиміра 4 класса, былъ избранъ наставникомъ рисованія къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ и великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ, въ этомъ званіи произвелъ для образцовъ этюдамъ ихъ высочествъ многіе художественные рисунки, между прочимъ, изображающіе *Божію Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ*, а также окончилъ картонъ *Чадолюбіе* для Павловскаго дворца и, за ревностные труды свои, въ разное время получилъ отъ Императора Александра I и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, шестнадцать брилліантовыхъ перстней и золотую табакерку, кромѣ пенсіона за обученіе ихъ высочествъ рисованію. Бывъ потомъ долгое время директоромъ шпалерной мануфактуры, Шебуевъ послѣдовательно получалъ академическія званія профессора, ректора и заслуженаго ректора, причемъ постепенно повышался чинами, а за художественную дѣятельность свою награждался денежными и другими подарками, какъ напримѣръ, за написаніе плафона въ царскосельской придворной церкви, сверхъ назначенной цѣны, онъ пожалованъ значительною денежною суммою и возведенъ въ почетное званіе Императорскаго живописца, съ содержаніемъ по 1000 руб. сер. въ годъ. — Долговременная, слишкомъ 50-ти лѣтняя, художественная дѣятельность Шебуева выразилась многими истинно-мастерскими произведеніями, изъ которыхъ, кромѣ перечисленныхъ выше, извѣстны: запрестольный образъ въ петербургской домовой церкви князя А. Н. Голицына, изображающій *Вѣнчаніе Пресвятой Дѣвы въ небесахъ;* образъ *Тайной вечери*, для тифлисскаго собора, оставленный, по Высочайшему повелѣнію, въ залахъ академіи; образъ *св. Димитрія Ростовскаго*, для графини А. А. Орловой-Чесменской; многіе образа для иконостаса церкви въ Карсунѣ, имѣніи князя П. В. Лопухина; тоже для соборныхъ церквей Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и церкви академіи художествъ; запрестольный образъ въ церкви училища правовѣдѣнія; нѣсколько походныхъ иконостасовъ; картины и эскизы для работъ въ Исаакіевскомъ соборѣ; картина: *Иголкинъ, купецъ новгородскій*, находящаяся въ академіи художествъ; наконецъ, множество эскизовъ и картинъ, преимущественно священныхъ, писанныхъ Шебуевымъ для разныхъ частныхъ лицъ. — Награжденный, въ званіи директора шпалерной мануфактуры, орденомъ св. Анны 2 класса съ Императорскою короною, Шебуевъ 30 іюня 1846 года былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 2 января 1848 года, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія службы Шебуева, на квартиру послѣдняго прибылъ, въ сопровожденіи должностныхъ членовъ академіи, Его Императорское Высочество президентъ академіи художествъ, который, вручивъ Шебуеву монаршій даръ: золотую табакерку, украшенную брилліантовымъ шифромъ Имени Его Величества, извѣстилъ заслуженнаго ректора, что по изготовленіи приношенія отъ академіи, будетъ назначенъ день празднованія юбилея Шебуева. День этотъ наступилъ 16 апрѣля того же 1848 года и торжествовался роскошнымъ обѣдомъ въ Брюловской залѣ академіи художествъ, передъ которымъ юбиляру была поднесена, отъ имени академіи и членовъ ея, золотая ваза на серебряномъ пьедесталѣ, съ надписью: *Василію Козмичу Шебуеву, въ память полувѣковой пользы, принесенной художествамъ въ Россіи*. — Послѣдними работами Шебуева были: произведеніе большихъ образовъ для Благовѣщенской церкви конно-гвардейскаго полка, писаніе небольшаго образа *Положеніе во гробъ*, отдѣланнаго съ тщательностью молодаго художника, и составленіе, при содѣйствіи И. В. Буяльскаго, атласа рисунковъ къ

полному курсу анатоміи для художниковъ. Окончивъ все это, Шебуевъ умеръ 18 іюня 1855 года, въ Петербургѣ, на 79 году дѣятельной и полезной жизни. — «Шебуева — говорилось въ академической рѣчи, произнесенной конференцъ-секретаремъ 16 апрѣля 1848 года — называли русскимъ Пуссеномъ; но подобное прпименованіе показываетъ лишь степень уваженія къ Шебуеву, и нисколько не характеризуетъ его искусства. Его дарованія и искусство своеобразны, оригинальны; заимствованія могли быть, но они скрыты такъ, какъ скрытъ прозаикъ Карамзинъ въ прозаикѣ Пушкинѣ.... Наши профессоры, Брюловъ, Бруни и всѣ, кто въ теченіе пятидесятилѣтъ получилъ образованіе въ академіи художествъ, по всѣмъ художествамъ обязаны успѣхами своими школѣ, а школа обязана Шебуеву и Егорову болѣе, нежели кому либо другому.... Заслуги двухъ профессоровъ, Шебуева и Егорова, незабвенны! Они утвердили школу на основаніи прочномъ».

ѲЕДОТОВЪ, Павелъ Андреевичъ, русскій художникъ-жанристъ. Родился въ 1815 году, въ Москвѣ, отъ бѣднаго чиновника, ветерана Екатерининскихъ временъ, и въ 1826 году былъ отданъ въ московскій кадетскій корпусъ, гдѣ, за успѣхи въ наукахъ и хорошее поведеніе, въ 1830 году сдѣланъ унтеръ-офицеромъ, въ 1832 году фельдфебелемъ, а въ 1833 году кончилъ курсъ первымъ ученикомъ, вслѣдствіе чего имя его внесено на мраморную доску, хранящуюся въ такъ называемой Тронной залѣ корпуса, — бывшаго Головинскаго дворца. — Выпущенный, въ 1833 году, прапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ, Ѳедотовъ, при всѣхъ требованіяхъ тогдашняго служебнаго формализма, умѣлъ находить время для своего любимаго занятія — рисованья, въ которомъ онъ, еще въ первые годы корпуснаго воспитанія успѣлъ настолько, что могъ дѣлать довольно схожіе портреты своихъ учителей и товарищей. Года черезъ три-четыре службы въ полку, Ѳедотовъ началъ посѣщать вечерніе классы академіи художествъ, гдѣ онъ, «выслушивая сужденія и мысли каждаго», усердно рисовалъ носы, ножки, уши, руки, причемъ, дома, продолжалъ рисовать портреты и дотого набилъ руку въ изображеніи, водяными красками, личности и фигуры великаго князя Михаила Павловича, что къ 1838 году экземпляры этого изображенія, на осьмушкахъ веленевой бумаги, охотно покупались у Ѳедотова продавцами картинъ и эстамповъ, особенно же магазиномъ Дациаро. Въ 1843 году Ѳедотовъ оставилъ службу и, уволенный въ отставку съ чиномъ капитана и нѣкоторою пенсіею изъ суммъ государственнаго казначейства, совершенно посвятилъ себя живописи. Думая сначала сдѣлаться живописцемъ военныхъ сценъ, Ѳедотовъ годъ или два занимался приготовительными трудами этого рода, и произвелъ нѣсколько замѣчательныхъ эскизовъ, изъ которыхъ особенно памятны друзьямъ Ѳедотова: ***Французскіе мародеры въ русской деревнѣ***; ***Переходъ егерей въ бродъ черезъ рѣку, на маневрахъ***; ***Вечернія увеселенія въ казармахъ по случаю полковаго праздника*** и ***Казарменная жизнь*** — эскизъ, задуманный послѣ пересматриванія картинъ Гогарта. Но не живопись военныхъ сценъ была настоящимъ призваніемъ Ѳедотова: съ его образованіемъ, талантомъ и взглядомъ на искусство болѣе согласовался жанръ — и на немъ-то остановился Ѳедотовъ, эскизы котораго въ этомъ родѣ были расхвалены знаменитымъ Брюловымъ. Трудясь неутомимо, зачастую въ нетопленой квартирѣ и въ проголодь послѣ 15-ти копѣечнаго кухмистерскаго обѣда, Ѳедотовъ бодро шелъ по избранному имъ пути и послѣ испытанія своихъ силъ въ эскизѣ *Старость художника*, художественно изображавшемъ предполагаемое будущее самаго Ѳедотова — явился на академическую выставку 1847 года съ мастерскими произведеніями: ***Послѣдствія пирушки*** и ***Горбатый женихъ***. Къ этимъ произведеніямъ, на выставкѣ 1848 года, продолжавшейся три года, прибавилась новая картина Ѳедотова *Сватовство* — и Ѳедотовъ получилъ званіе академика, а 3 декабря 1850 года, ему, въ прибавокъ къ пенсіи изъ государственнаго казначейства, повелѣно производить изъ академіи, на счетъ суммы для ободренія художниковъ (отпускаемой изъ кабинета Его Величества), по триста рублей серебромъ въ годъ, — «какъ во уваженіе его дарованій, такъ и потому, что онъ, при исполненіи картинъ избраннаго имъ рода живописи, долженъ имѣть значительные расходы на наемъ людей и пріобрѣтеніе другихъ необходимыхъ при работѣ вещей». — Обезпеченный, такимъ образомъ, въ средствахъ, по крайней мѣрѣ, на первыя потребности нероскошнаго художническаго быта, Ѳедотовъ съ новымъ рвеніемъ принялся за трудъ и, кромѣ весьма удачнаго эскиза ***Вдовушка***, произвелъ цѣлый рядъ прелестнѣйшихъ рисунковъ à la Gavarni, большая часть которыхъ раздавалась самимъ художникомъ кому попало. Въ 1851 году Ѳедотовъ, вызванный семейными обстоятельствами, отправился въ Москву, откуда, недѣли черезъ двѣ, писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей: «мои картинки производятъ фуроръ и мы здѣсь помышляемъ устроить маленькую выставку изъ моихъ эскизовъ и конченныхъ работъ. Новымъ знакомствамъ и самымъ радостнымъ, теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Въ участи моего отца и сестры-вдовушки первыя лица города приняли участіе; съ Божіей помощью, я надѣюсь, что ихъ обезпечатъ навсегда. Я рѣшаюсь полѣниться еще немножко, потому что въ этой суматохѣ нельзя работать. Каюсь здѣсь кстати: моя стихотворная бездѣлушка (объясненіе картины «Сватовство») ходитъ по рукамъ, и меня часто заставляютъ ее читать. Знаю, что вы меня выбраните по пріѣздѣ; ну да ужъ дѣлать нечего». Но такъ какъ семейныя обстоятельства родныхъ Ѳедотова были и оставались печальными, то Ѳедотову приходилось помогать этому горю копировкою и распродажею собственныхъ эскизовъ, — чѣмъ и занимался онъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, гдѣ, весною 1852 года уже обдумывалась имъ новая картина: *Возвращеніе институтки въ родительскій домъ*. Этой картинѣ не суждено было осуществиться на самомъ дѣлѣ, потому что Ѳедотовъ, заболѣвъ въ іюнѣ 1852 года разстройствомъ умственныхъ способностей, тяжело страдалъ около 5 мѣсяцевъ и, 14 ноября, умеръ въ петербургской больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, на 38 году жизни. — Тѣло его погребено на петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ, неподалеку отъ ранней могилы извѣстной сценической артистки Асенковой. — «Наружность Ѳедотова — пишетъ біографъ и сослуживецъ его — въ послѣдніе годы жизни, была привлекательна особеннымъ выраженіемъ энергіи, постоянства и смѣлости, написанныхъ на его лицѣ: сложенъ онъ былъ крѣпко и, какъ самъ выражался, *суковато*. Силою физическою онъ никогда не хвастался, но во время послѣдней болѣзни могъ выдергивать изъ стѣнъ гвозди своими руками. Голова у него была маленькая и превосходно сформированная въ своей верхней части; обиліемъ волосъ П. А. не могъ похвастаться. Въ взглядѣ его и усмѣшкѣ проявлялось много свѣтлаго, спокойнаго, но довольно

размашистаго юмора. Одѣвался онъ бѣдно и небрежно, но не неряшливо. Онъ нравился многимъ, и долженъ былъ нравиться, ибо нельзя было видѣть Ѳедотова и не подумать о нравственной силѣ, рѣзко отражавшейся во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ». — Соединяя съ быстрымъ, гибкимъ умомъ глубокую впечатлительность, даръ наблюдательности, оригинальное краснорѣчіе и способность поэтическую, Ѳедотовъ, кромѣ живописи, занимался музыкою, любилъ пѣть съ гитарою, писалъ стихи, много читалъ, вдохновлялся Гомеромъ въ русскомъ и Аристофаномъ въ французскомъ переводахъ, уважалъ фонъ-Визина, восхищался Лермонтовымъ, страстно любилъ Крылова, но былъ холоденъ къ Пушкину и Гоголю, чаще же и охотнѣе всего предавался созерцанію природы и наблюденію людей, изучаемыхъ имъ ежедневно, во всѣхъ фазахъ и проявленіяхъ житейскаго быта. Какъ художникъ, Ѳедотовъ оставилъ образцы работъ, «которыхъ характеромъ — говоритъ конференцъ-секретарь академіи художествъ — были юморъ, разительно выраженный, ясное выполненіе сюжетовъ, вѣрное выраженіе чувствъ и страстей, долженствовавшихъ одушевлять лица, имъ изображаемыя, и, наконецъ, окончательность въ отдѣлкѣ какъ фигуръ, такъ и постороннностей. Кисть его была пріятна, эффектъ правдивый и неусиленный, но естественный. Впослѣдствіи Ѳедотовъ сталъ въ рядъ весьма замѣчательныхъ отечественныхъ талантовъ, особенно въ своемъ родѣ, въ которомъ не имѣлъ предшественниковъ. Взглядъ глубокій на природу и человѣка, желаніе выставить его слабую и достойную осмѣянія сторону, средствами искусства, отмѣчали его произведенія. Онъ былъ бы нашъ Гогартъ, художникъ-исполнитель, обѣщавшій пойти далѣе этого знаменитаго англійскаго живописца».

АКСАКОВЪ, Константинъ Сергѣевичъ, русскій писатель, сынъ автора «Семейной хроники». Родился 29 марта 1817 года, оренбургской губерніи бугурусланскаго уѣзда въ селѣ Аксаковѣ, и первые годы провелъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, при родителяхъ, съ которыми, въ 1826 году, пріѣхалъ въ Москву, гдѣ до 15-лѣтняго возраста воспитывался дома, обязываясь всѣми свѣдѣніями въ русскомъ языкѣ и русской словесности единственно своему отцу. Въ 1832 году Аксаковъ поступилъ въ московскій университетъ; въ 1835 году окончилъ университетскій курсъ кандидатомъ и въ 1838 году поѣхалъ за границу, но не пробылъ тамъ болѣе полугода. Посвятивъ себя вполнѣ ученой и литературной дѣятельности, Аксаковъ не думалъ вступать ни въ какую службу, жилъ безотлучно въ домѣ отца, печаталъ въ журналахъ «Телескопѣ», «Молвѣ« и «Московскомъ Наблюдателѣ», какъ оригинальныя, такъ и переводныя — преимущественно изъ Шиллера и Гете — стихотворныя статьи; съ изданіемъ «Московскаго Сборника» 1846 года заявилъ свое участіе въ немъ статьею «О Православіи», а въ 1847 году, тремя большими критическими статьями подъ псевдонимомъ *Имрекъ*, и въ томъ-же 1847 году, за разсужденіе свое: *Ломоносовъ въ исторіи русской словесности и русскаго языка*, — получилъ отъ университета степень магистра. Въ 1848 году Аксаковъ напечаталъ драму «Освобожденіе Москвы», игранную въ Москвѣ 14 декабря 1850 года, въ бенефисъ Леонидова, но на другой же день снятую со сцены. Въ 1852 году, Аксаковъ, уже истый поборникъ славянофильской пропаганды, помѣстилъ въ «Московскомъ Сборникѣ» статью *О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности*, вызванную вопросомъ о родовомъ бытѣ; въ 1856 году издалъ брошюрку *О русскихъ глаголахъ*, а также комедію *Князь Луповицкій, или пріѣздъ въ деревню*, и съ того же года сдѣлался дѣятельнымъ сотрудникомъ главнаго и лучшаго славянофильскаго органа, недолго существовавшаго подъ именемъ «Русской Бесѣды», гдѣ печатались до 1860 года слѣдующія болѣе замѣчательныя произведенія Аксакова: рядъ статей объ «Исторіи Россіи» Соловьева и статьи *О русской литературѣ*, *О богатыряхъ князя Владиміра*, *О Бѣлевской библіотекѣ*, *О русской грамматикѣ Буслаева*. Въ 1858 году Аксаковъ былъ избранъ въ члены общества любителей россійской словесности, вслѣдствіе чего началъ принимать постоянное участіе въ его дѣйствіяхъ и въ 1860 году издалъ I выпускъ *Опыта русской грамматики*, но, ослабленный болѣзнію, долженъ былъ искать цѣленія въ другомъ климатѣ, поѣхалъ за границу и, 6 декабря, умеръ на островѣ Зантѣ. Тѣло его погребено въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ. — Статьи К. С. Аксакова, разсыпанныя въ разныхъ журналахъ, имѣютъ большой интересъ, хотя воззрѣнія автора нерѣдко впадаютъ въ странныя крайности. Такъ, личность царя Ивана IV Грознаго представляется К. С. Аксакову исключительно *артистическою*, всецѣло увлекавшеюся собственными фантазіями и только потому незнавшею ни въ чемъ мѣры; личность Ильи Муромца, богатыря временъ Владиміровыхъ, почему-то кажется Аксакову *типомъ* русскаго крестьянскаго сословія; въ русскихъ земскихъ соборахъ до-Петровскаго періода Аксаковъ усиливается видѣть и показать какія-то *общія вѣча* русской земли и проч. Впрочемъ, по сознанію благопріятной Аксакову замѣтки о немъ въ январьской книжкѣ «Современника» 1861 года, «его славянофильскія убѣжденія были до того упорны и тѣсны, что отъ нихъ отрекались даже люди его партіи». Но изучающіе русскую исторію знаютъ, что Аксаковъ первый обратилъ вниманіе науки на постоянное разъединеніе между землею и государствомъ, проходящее чрезъ весь древне-русскій бытъ, — знаютъ, что Аксакову же принадлежитъ безпристрастная и до сихъ поръ лучшая оцѣнка такого капитальнаго труда, какъ «Исторія Россіи« г. Соловьева. «Константинъ Аксаковъ — сказалъ о немъ г. Костомаровъ въ своей университетской рѣчи — не оставилъ послѣ себя ни историческихъ повѣствованій, ни большихъ изслѣдованій, ни даже трудолюбивой обработки источниковъ; онъ по русской исторіи писалъ мало, но въ немногихъ его статьяхъ, разсѣянныхъ въ періодическихъ изданіяхъ, сохранились животворныя мысли, свѣтлые взгляды, которые не напрасно высказаны для науки, и будутъ служить путеводными нитями для дальнѣйшихъ изслѣдованій надъ важнѣйшими сторонами нашего прошедшаго».

БѢЛИНСКІЙ, Виссаріонъ Григорьевичъ, русскій писатель-критикъ. Родился въ 1811 году, пензенской губерніи, въ г. Чембарѣ, гдѣ и росъ въ домѣ отца своего, уѣзднаго штабъ-лекаря, человѣка грубаго, неразвитаго, который нерѣдко бранивалъ, даже бивалъ малютку-сына, чѣмъ самымъ скоро уничтожилъ въ немъ чувство родства и навсегда поселилъ какой-то ужасъ передъ необузданной семейной властью. Въ 1823 году Бѣлинскій былъ отданъ отцомъ въ Чембарское уѣздное училище, и тутъ немедленно обратилъ на себя вниманіе ревизовавшаго тогда училище И. И. Лажечникова, который, строго, даже — какъ самъ онъ говоритъ — «при-

дирчиво» экзаменуя 12-ти лѣтняго ученика, такъ остался доволенъ экзаменуемымъ, что расцѣловалъ его и подарилъ ему книжку, съ приличною собственноручною надписью. Въ теченіе двухъ-лѣтней бытности своей въ училищѣ, Бѣлинскій, по свидѣтельству училищнаго смотрителя Грекова, «гулялъ часто одинъ, не былъ сообщителенъ съ товарищами, не вмѣшивался въ ихъ игры и находилъ особенное удовольствіе за книжками, которыя доставалъ, гдѣ только могъ». Въ августѣ 1825 года, Бѣлинскій, по просьбѣ отца своего, былъ принятъ въ пензенскую гимназію, но въ февралѣ 1829 года, не окончивъ курса, вычеркнутъ изъ списковъ «за нехожденіе въ классъ». «Надобно, однакожъ, сказать, свидѣтельствуетъ одинъ изъ тогдашнихъ учителей будущаго критика, что Бѣлинскій, не смотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ западало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ своимъ пылкимъ умомъ; еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ внѣ гимназіи. Бывало, проэкзаменуйте его, какъ *обыкновенно* экзаменуютъ дѣтей, — онъ изъ послѣднихъ; а поговорите съ нимъ дома по-дружески, даже о точныхъ наукахъ, онъ первый ученикъ. Учителя словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами, но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы». — Въ томъ же 1829 году Бѣлинскій уѣхалъ изъ Пензы въ Москву, гдѣ въ 1830 году поступилъ въ университетъ, но учился не столько изъ лекцій, сколько изъ книгъ и журналовъ, причемъ пробовалъ писать стихи и повѣсти, неудачныя подобно гимназическимъ опытамъ его въ томъ же родѣ; сочинилъ грамматику, но плохую, а въ 1832 году создалъ драму — блѣдную, безцвѣтную, хотя горячую, живо затрогивавшую крѣпостной вопросъ. Убѣдясь въ недостаткахъ своей драмы, Бѣлинскій упалъ духомъ, перестaлъ посѣщать университетъ и, въ 1833 году, совершенно оставилъ его, снабженный такою аттестаціею: «способностей слабыхъ и нерадивъ». — Но не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1834 году «малоспособный и нерадивый юноша» напечаталъ въ «Молвѣ» блистательную статью свою: *Литературныя мечтанія, Элегія въ прозѣ* — и съ-разу заявилъ себя критикомъ смѣлымъ, сильнымъ, даровитымъ, самостоятельнымъ. Затѣмъ Бѣлинскій, не переставая сбивать литературные кумиры съ ихъ ветхихъ пьедесталовъ, сдѣлался предметомъ криковъ, толковъ, негодованія, которые, впрочемъ, только давали возможность рости самостоятельности Бѣлинскаго, какъ критика. Въ 1835 году Бѣлинскій, не прекращая своего участія въ «Молвѣ», сдѣлался ревностнымъ сотрудникомъ «Телескопа» гдѣ онъ, уже въ 1836 году, помѣстилъ чрезвычайно-замѣчательную статью о критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ «Московскаго Наблюдателя», журнала, основаннаго въ Москвѣ съ цѣлію противоборствовать петербургской «Библіотекѣ для чтенія». Съ паденіемъ «Телескопа» въ 1836 году Бѣлинскій, жившій единственно трудомъ литературнымъ, лишался всѣхъ средствъ къ существованію, но былъ спасенъ извѣстнымъ Н. В. Станкевичемъ, который, собирая около себя тѣсный кружокъ даровитыхъ личностей въ родѣ Т. Н. Грановскаго, вѣрно оцѣнилъ пылкій, оригинальный умъ Бѣлинскаго и присовѣтовалъ издателямъ «Московскаго Обозрѣнія» поручить Бѣлинскому отдѣлъ критики и библіографіи въ своемъ журналѣ. Осенью 1836 года, Бѣлинскій, уже поклонникъ господствовавшихъ въ кружкѣ Станкевича идей Гегеля, поѣхалъ въ деревню къ одному изъ своихъ пріятелей, прожилъ тамъ съ годъ и тамъ же впервые испыталъ чувство любви, — не увѣнчанное однако бракомъ, какъ предполагалось. По возвращеніи своемъ въ Москву, Бѣлинскій съ 1838 года принялъ на себя редакцію «Московскаго Наблюдателя» и, въ этомъ журналѣ, явился ревностнымъ распространителемъ гегелизма, противъ идеалистики котораго въ тоже время и въ той же Москвѣ возставалъ литературный кружокъ Огарева, отличавшійся направленіемъ болѣе реальнымъ. Разногласіе между обоими кружками нерѣдко доходило до ссоры, но Бѣлинскій, хотя раздражительный отъ природы и болѣе чѣмъ всѣ друзья Станкевича боровшійся съ Огаревымъ, все-таки старался сообщить критическимъ статьямъ «Наблюдателя» характеръ примиряющій — и «Наблюдатель» началъ терять подписчиковъ, а затѣмъ прекратился вовсе, не смотря на появленіе въ немъ даже такихъ критическихъ статей, какова статья Бѣлинскаго: *Гамлетъ, драма Шекспира, и Мочаловъ, въ роли Гамлета.* — Снова стѣсняемый нуждою, Бѣлинскій задумалъ переселиться въ Петербургъ и, 18 февраля 1839 года, писалъ къ И. И. Панаеву: «Мнѣ надо чѣмъ нибудь жить, чтобъ не умереть съ голоду; въ Москвѣ нечѣмъ мнѣ жить: въ ней, кромѣ любви, дружбы, добросовѣстности, нищеты и подобныхъ тому непитательныхъ блюдъ ничего не готовится. Мнѣ надо ѣхать въ Питеръ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Прибѣгаю къ вашему ко мнѣ расположенію, къ вашей ко мнѣ дружбѣ, — похлопочите объ устроеніи моей судьбы». Цѣлію Бѣлинскаго было попасть въ постоянные сотрудники возобновлявшихся тогда, подъ редакціею г-на Краевскаго, «Отечественныхъ Записокъ», краемъ желаній — получать 3 тысячи рублей асс. въ годъ. Достигнуть того и другаго Бѣлинскій, конечно, могъ бы, какъ критикъ, уже составившій себѣ почетную извѣстность. «Этотъ человѣкъ, говоритъ о Бѣлинскомъ одинъ изъ его біографовъ, быстро шелъ впередъ, и развитіе его критики до 1840 года замѣчательно тѣмъ, что, годъ отъ году, его воззрѣнія проникались живыми интересами жизни и стремились объяснить публикѣ значеніе литературы въ ея образованіи и жизненныхъ интересахъ». Исполненіе просьбы Бѣлинскаго Панаеву, пріостановленное самимъ Бѣлинскимъ, сбылось въ октябрѣ 1839 года, когда Бѣлинскій, къ горю московскихъ друзей своихъ, переселился въ Петербургъ, гдѣ Булгаринъ, при первой же встрѣчѣ съ нимъ и Панаевымъ, тихонько сказалъ Панаеву: «Такъ это бульдогъ-то, котораго выписали изъ Москвы, чтобы травить насъ?» Въ Петербургѣ началось съ 1840 года всѣмъ извѣстное сотрудничество Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», которое съ 1841 года поставило критическій отдѣлъ послѣднихъ самымъ виднымъ мѣстомъ журнала, а съ 1842 года уже показывало въ самомъ Бѣлинскомъ дѣятеля публичнаго, оставившаго далеко за собою всѣхъ своихъ предшественниковъ на поприщѣ русской критики. Сотрудничество Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» продолжалось до 1846 года — и оно-то, главнымъ образомъ, сокрушило физическія силы геніальнаго критика, вынуждаемаго, за весьма умѣренную плату, трудиться ежемѣсячно надъ разборомъ и оцѣнкою всякой всячины, иногда по осьми часовъ къ ряду не класть пера... «Одинъ разъ, пишетъ Панаевъ, я засталъ его (Бѣлинскаго) ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающаго правою рукою. — Что съ вами? спросилъ я. — «Рука отекла отъ писанья... Я часовъ 8 сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ

быть, это отчасти и правда; но взгляните, ради Бога, сколько мнѣ книгъ присылаютъ... и какія еще книги — посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадательныя книжонки. И я долженъ непремѣнно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!» При всемъ томъ, Бѣлинскій, еще въ Москвѣ подружившійся съ Кольцовымъ, а въ Петербургѣ сблизившійся съ Гоголемъ и Тургеневымъ, не переставалъ заявлять изъ Петербурга несочувствіе свое идеямъ появившихся тогда въ Москвѣ славянофиловъ, самый органъ которыхъ «Москвитянинъ» до того не нравился Бѣлинскому, что въ одномъ изъ писемъ своихъ къ пріятелю, Бѣлинскій говоритъ: «Я получилъ отъ Грановскаго письмо — онъ проситъ меня прочесть статью его, помѣщенную въ «Москвитянинѣ» и сказать свое мнѣніе. Скажите, пожалуйста, Грановскому, что друзьямъ въ такихъ неприличныхъ мѣстахъ свиданія не назначаютъ». — Весною 1846 года Бѣлинскій, истомленный работою, рѣшился отдохнуть въ Москвѣ, откуда, лѣтомъ, отправился съ М. С. Щепкинымъ въ южныя губерніи и, безъ особенной пользы своему здоровью, осенью 1846 года возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ, не смотря на совершенное отсутствіе средствъ къ существованію, уже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ редакціею «Отечественныхъ Записокъ». Къ счастію Бѣлинскаго, въ Петербургѣ былъ задуманъ тогда новый журналъ «Современникъ», редакція котораго не только предложила Бѣлинскому постоянное сотрудничество, по отдѣлу критики, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; но вызвалась обезпечить въ денежномъ отношеніи леченіе Бѣлинскаго за границею, предписанное врачами. Отправившись за границу весною 1847 года, Бѣлинскій, свѣжѣе прежняго, возвратился въ Петербургъ къ осени, съ наступленіемъ которой болѣзнь его возобновилась, силы начали упадать, что продолжалось всю осень и зиму 1847 года, а 26 мая 1848 года Бѣлинскій угасъ, 38 лѣтъ отъ роду. Немногіе друзья проводили бѣдный гробъ его на Волково кладбище. — В. Г. Бѣлинскій былъ средняго роста, худощавъ, блѣденъ, съ неправильными, но строгими и умными чертами лица, тупымъ носомъ, большими сѣрыми, выразительными глазами, не очень свѣтлыми волосами, падавшими на лобъ, и бородою, отрощенною въ послѣдніе мѣсяцы жизни. Характеристика Бѣлинскаго, какъ человѣка, всего виднѣе выражается въ слѣдующихъ строкахъ письма его къ Панаеву, отъ 18 февраля 1839 года: «Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій, или голодная смерть — у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденіе псамъ. Что дѣлать — я такъ созданъ». Произведенія Бѣлинскаго всѣмъ извѣстны. Оцѣнка же дѣятельности его и ея значенія въ будущемъ — еще рановременны. Но пока, безъ сомнѣнія, неоспоримо, что «Бѣлинскій, съ небольшимъ кружкомъ дѣятелей, между которыми онъ сдѣлался центромъ, былъ замѣчательнымъ и первымъ фактомъ той самостоятельности, которой достигла русская мысль и русская критика». — Прекрасно изображенъ В. Г. Бѣлинскій въ слѣдующихъ стихахъ Н. А. Некрасова:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы наивные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли:
Кипѣлъ, горѣлъ и быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ —
И мы тебя почтили въ добрый часъ.
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ;
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!
И съ дерева невѣдомаго плодъ,
Безпечные, безпечно мы вкушаемъ.

ГУБЕРЪ, Эдуардъ Ивановичъ, русскій писатель. Родился 1 мая 1814 года въ саратовской нѣмецкой колоніи Усть-Залихѣ, и проводя дѣтство въ замкнутой семьѣ отца своего, мѣстнаго пастора, на четвертомъ году, по собственной охотѣ, началъ учиться читать и писать, причемъ обнаруживалъ такую склонность къ риѳменнымъ созвучіямъ, что уже пяти лѣтъ спрашивалъ отца: дѣйствительно ли латинскіе метры Виргилія можно считать стихами? а на седьмомъ году — самъ сочинялъ стихи и переписывалъ ихъ въ тетрадку, заглавіемъ которой было: «Полное собраніе сочиненій Эдуарда Губера, издать послѣ моей смерти». — Въ 1823 году, съ переводомъ Губерова отца на консисторіальную службу въ Саратовъ, 9-ти-лѣтній Губеръ началъ учиться у своего отца языкамъ греческому и латинскому, въ апрѣлѣ 1824 года сталъ брать первые уроки русскаго языка у мѣстнаго грамотѣя В. Я. Волкова, а четыре мѣсяца спустя, въ августѣ 1824 года, выдержалъ пріемный экзаменъ и поступилъ въ саратовскую гимназію, не задолго передъ тѣмъ основанную и тогда процвѣтавшую подъ дирекціей ученаго Миллера. Въ гимназіи Губеръ скоро сдѣлался любимцемъ учителя русской словесности Ѳ. П. Волкова, который, любя поощрять старательныхъ и способныхъ учениковъ даже подарками книгъ изъ собственной, разумѣется, скудной библіотеки, замѣтилъ недюжинность Губера, тщательно собиралъ всѣ сочиненьица будущаго поэта, и между ними сохранилъ разборъ Державинской «Оды на смерть Мещерскаго», — разборъ, проникнутый вліяніемъ нѣкоего Фесслера, ученаго мистика, то католика, то протестанта, посѣщавшаго домъ отца Губерова. — Самъ будущій поэтъ тоже начиналъ тогда наполнять тетрадку, озаглавленную: «Опыты въ стихахъ и прозѣ Эдуарда Губера», — и тутъ, рядомъ съ *Разсужденіемъ о безсмертіи души*, являлись одно за другимъ стихотворныя *Посланія къ друзьямъ*, *Мысли надъ гробомъ*, даже дума *Георгій московскій*, — произведенія, написанныя въ 1828 — 1830 гг. и, въ сущности, слабыя, но, по внѣшней отдѣлкѣ стиха, удовлетворительныя для 14 — 16 лѣтняго гимназиста, недавно ознакомившагося съ русскимъ языкомъ. Въ 1830 году 16-ти-лѣтній Губеръ оставилъ Саратовъ и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ выдержалъ пріемный экзаменъ въ университетъ и въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, но поступилъ въ послѣдній, благодаря кому-то, обратившему вниманіе на фамилію Губера, отецъ котораго, въ то самое время, ознаменованное повсемѣстною холерою, отличался подвигами самоотверженія въ Саратовѣ. Принятію Губера въ институтъ содѣйствовалъ также В. А. Жуковскій, къ которому Губеръ былъ направленъ саратовскою знакомою своею, баронессою Гоймъ, женщиною, воспитанною въ духѣ Екатерининскаго вѣка, подругою Карамзина, Дмитріева, Воейкова и самаго Жуковскаго. Переписки съ этою баронессою Губеръ не прерывалъ и находясь въ институтѣ, гдѣ онъ, по свидѣтельству товарищей, «занимался менѣе другихъ предметовъ собственно-инженерными науками и математикою, которая была ему не по душѣ». Но литературные опыты Губера непрерывались и первый изъ нихъ, стихотворный, былъ напечатанъ въ «Сѣверномъ Меркуріи» 1831 года, послѣ чего Губеръ, по совѣту саратовскаго совоспитан-

ника и друга своего Г. Я. Тихменева, долго не являлся въ печати. Въ 1834 году Губеръ окончилъ курсъ и, вмѣстѣ съ 40 другими воспитанниками, былъ выпущенъ на службу прапорщикомъ, причемъ въ спискѣ и приказахъ именованъ не Губеромъ, а по какой-то ошибкѣ — Губертомъ. — Къ 1835 году у Губера было отдѣлано уже до 25 стихотвореній, которыя онъ готовился издать отдѣльною книжечкою, съ посвященіемъ институтскому товарищу своему А. И. Бахметьеву, и даже отдалъ процензуровать А. В. Никитенко, — но изданіе не состоялось. Тогда же, быть можетъ, Губеръ предлагалъ кое-что въ «Библіотеку для Чтенія» и предлагаемое не было принято, вслѣдствіе чего возникли «непріятности» между Губеромъ и Сенковскимъ, упоминаемыя біографомъ перваго, г. Тихменевымъ. Впрочемъ, кромѣ стихотворной дѣятельности, у Губера нашлась и другая: дядя его академикъ Шмидтъ доставилъ племяннику работу въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара, по поводу которой Губеръ сошелся съ Н. И. Гречемъ и бывалъ у него каждый четвергъ. «Этотъ день, писалъ Губеръ къ сестрѣ своей, для меня самый пріятнѣйшій въ недѣли тѣмъ болѣе, что у него (Греча) собираются также всѣ знаменитые русскіе поэты и литераторы и трактуютъ по большей части о поэзіи и литературѣ, судятъ о новостяхъ и т. д.» — Посѣщая по четвергамъ Греча, Губеръ посвящалъ остальное время чтенію нѣмецкихъ философовъ, трудился надъ переводами изъ денегъ, изучалъ и переводилъ Гетева «Фауста», наконецъ, нерѣдко отсутствовалъ изъ Петербурга по службѣ, напр. цѣлое лѣто 1835 года провелъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ, между инженерными работами, не оставлялъ подготовлять себя къ занятію обѣщанной ему должности адъюнктъ-профессора русской словесности при институтѣ. — Въ исходѣ 1835 года Губеровъ переводъ «Фауста» былъ представленъ въ цензуру, но не пропущенъ ею, — и Губеръ разорвалъ свою рукопись, плодъ пятилѣтнихъ трудовъ. А. С. Пушкинъ, тогда же свѣдавшій объ этомъ, посѣтилъ огорченнаго поэта, съ которымъ до того вовсе не былъ знакомъ, и Губеръ, приведенный въ восторгъ вниманіемъ къ нему Пушкина, поспѣшилъ отдать ему неожиданный визитъ, а затѣмъ, — между Пушкинымъ и Губеромъ завязались литературныя отношенія, основанныя на томъ, что Губеръ далъ обѣщаніе начать вторично переводъ «Фауста» и не иначе заходить къ Пушкину, какъ принося съ собою отрывокъ новаго перевода. Занятый этимъ трудомъ, Губеръ рѣшительно подчинился вліянію Пушкина, но скоро, вмѣстѣ со всею Россіею, долженъ былъ оплакивать потерю великаго поэта — и вылилъ скорбь свою въ стихахъ, начинавшихся такъ:

Я видѣлъ гробъ его печальный,
Я видѣлъ въ гробѣ блѣдный ликъ,
И въ тишинѣ, съ слезой прощальной,
Главой на трупъ его поникъ!
Но пусть надъ лирою безгласной
Порвется тщетная струна,
И не смутитъ тоской напрасной
Его торжественнаго сна.

Эти стихи ходили тогда по рукамъ, читались даже въ аристократическомъ кругу и обратили на себя вниманіе главноуправляющаго путями сообщенія, графа Толя, который, призвавъ къ себѣ Губера, объявилъ, что «ему очень пріятно имѣть въ числѣ своихъ подчиненныхъ такого даровитаго человѣка». Такая похвала, безъ сомнѣнія, льстила самолюбію Губера, въ въ томъ же 1837 году писавшаго къ одному изъ своихъ друзей: «мое небо — литературная слава. Семилѣтнимъ мальчишкой я кропалъ стихи и думалъ о поэзіи, думалъ прославиться. Слава — единственная женщина, за которой я усердно ухаживаю; не знаю, обратитъ ли она вниманіе на страстнаго любовника, на несчастнаго обожателя, или отвергнетъ»... Послѣдняго, по крайней мѣрѣ, въ то время, не случилось: 23-хъ лѣтній Губеръ, обласканный Пушкинымъ, не только сдѣлался необходимостью тогдашняго литературнаго кружка, но даже самъ сталъ какъ-бы центромъ, около котораго вращались именитыя личности въ родѣ графа Н. А. Апраксина, князя Д. П. Салтыкова, графа А. С. Уварова и т. п. Посѣщая Н. В. Кукольника, К. П Брюллова, графа Ѳ. П. Толстаго и, чаще всего, домъ П. Н. Всеволожской, Губеръ сошелся съ И. А. Крыловымъ, отъ котораго, на юбилейномъ обѣдѣ его въ 1838 году, получилъ листокъ изъ лавроваго вѣнка, поднесеннаго знаменитому баснописцу. Уже въ 1838 году Губеръ началъ постоянное сотрудничество въ «Современникѣ» и «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду», тогда же напечаталъ въ «Новогодникѣ» Кукольника первую главу оригинальной поэмы своей — и вмѣстѣ автобіографіи — *Антоній*, а въ 1839 году вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и немедленно поступилъ гражданскимъ чиновникомъ въ канцелярію графа Клейнмихеля, преемника графа Толя. Съ 1840 года Губеръ, должно быть, примирившійся съ Сенковскимъ, взялъ на себя постоянное сотрудничество въ Библіотекѣ для Чтенія, по отдѣлу критики, съ жалованьемъ по 6 тыс. рублей въ годъ, кромѣ гонорарія въ 200 рублей за каждый печатный листъ, — и началъ свѣтскую жизнь, безпрерывно посѣщалъ или аристократическіе салоны, или маскарады, особенно ему нравившіеся, а въ 1842 году, совершенно оставилъ службу и на лѣто долженъ былъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, уѣхать въ орловскую деревню одного изъ своихъ пріятелей. Тотъ же родъ жизни Губеръ продолжалъ и три слѣдующіе года, по истеченіи которыхъ, въ 1845 году, явился въ печати сборникъ сочиненій его, доказывающій, что истинною основою поэзіи Губера было недовольство самимъ собою и окружающимъ. «Это вѣчное плаканье, говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ Губера, не только несносно, оно отвратительно. Нигдѣ не видно ни борьбы, ни негодованія, ни силы: всюду безпомощное покорство, общія фразы о неудовлетворительности жизни, всюду вялое, плаксивое безсиліе». Бѣлинскій, критикъ дѣльный и глубокій, отозвался о книжкѣ Губера такъ: «Въ его стихотвореніяхъ мы увидѣли хорошій обработанный стихъ, много чувства, еще болѣе неподдѣльной грусти и меланхоліи, умъ и образованность, но, признаемся, очень мало замѣтили поэтическаго таланта, чтобъ не сказать — совсѣмъ не замѣтили его». Вслѣдъ за изданіемъ этихъ стихотвореній Губеръ написалъ еще поэму *Прометей*, а затѣмъ бросилъ занятія и цѣлыя ночи просиживалъ у Дюссо или блуждалъ въ маскарадахъ, чѣмъ окончательно уничтожилъ свое здоровье. А такъ какъ для поддержки послѣдняго требовались денежныя средства, то Губеръ, въ исходѣ 1846 года, снова предложилъ сотрудничество свое Сенковскому, принялъ приглашеніе писать фельетоны въ преобразованныхъ тогда С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и послалъ въ редакцію возобновлявшагося «Современника» стихотвореніе *У люльки*, едва ли не положительнѣйшее изъ всѣхъ туманныхъ произведеній Губера, но, по обстоятельствамъ, отъ редакціи независѣвшимъ, тогда не напечатанное. Послѣднее стихотвореніе Губера *Ave*

Марія было написано 28 марта 1847 года, а 5 апрѣля, Губеръ, придя, по обыкновенію, обѣдать къ П. Н. Всеволожской, удивилъ хозяйку своимъ разстроеннымъ видомъ, причемъ на вопросъ ея: что съ нимъ? отвѣчалъ: «нечего спрашивать! чего тутъ, когда *околѣваю!*» — и уже не выходилъ изъ дома Всеволожской, въ которомъ, послѣ 5-ти дневныхъ страданій, умеръ 11 апрѣля, окруженный друзьями. Тѣло его погребено на с. петербургскомъ Волковомъ кладбищѣ. — Э. И. Губеръ былъ средняго, почти высокаго роста, съ широкими плечами, крупными чертами лица, толстымъ носомъ, такими же губами, длинными темно-русыми, постоянно разбросанными, волосами, выразительными глазами, нависшими бровями, густыми черными бакенбардами, всегда небрежно одѣтый, угрюмый, но выражавшійся метко и рѣзко, порою дивившій друзей почти школьническими выходками. — Но друзья Губера до сихъ поръ вспоминаютъ съ любовью о теплотѣ души его и художественной натурѣ, и если вѣрить одному изъ этихъ друзей, г. Лонгинову, то «Губеръ много содѣйствовалъ тому, что въ нѣкоторыхъ гостиныхъ заговорили, хоть отчасти, по-русски». — Къ чести же Губера относится и слѣдующее обстоятельство: получивъ однажды приказаніе распорядиться экзекуціею какого-то нашалившаго воспитанника, Губеръ лаконически возразилъ начальнику: «не умѣю!» — и не пошелъ на экзекуцію, вслѣдъ за которою, на порученіе того же начальника изложить хорошимъ слогомъ одну бумагу, — порученіе, сопровождавшееся ироническимъ вопросомъ: это умѣете? — Губеръ весьма хладнокровно отвѣтствовалъ: «*это* умѣю; а *того* не умѣю». — Г. Тихменевъ, сынъ друга Губерова, взялъ на себя трудъ собрать все написанное Губеромъ и, въ 1860 году, издалъ въ 3-хъ томикахъ «Сочиненія Э. И. Губера», изъ внимательнаго знакомства съ которыми вытекаетъ слѣдующее, дѣйствительно, справедливое заключеніе одного критика: «Ни русская природа, ни русская жизнь, ни русскіе интересы не коснулись души Губера, и хотя онъ, какъ благонамѣренный человѣкъ, любилъ свое второе отечество, любовь эта была привязанностью головною, холодною». Поэтому-то Губеръ никогда не займетъ мѣста даже между второстепенными русскими поэтами.

МЕЙ, Левъ Александровичъ, русскій писатель. Родился 13 февраля 1822 года, въ Москвѣ, отъ брака отставнаго чиновника Александра Ивановича Мея съ Ольгою Ивановною Шлыковою, и воспитывался въ московскомъ дворянскомъ институтѣ, откуда онъ въ 1835 году, за отличные успѣхи въ наукахъ, переведенъ въ Царскосельскій лицей. Выпущенный изъ лицея въ 1841 году, съ чиномъ 10-го класса, Мей тогда же поступилъ на службу въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора и напечаталъ въ «Маякѣ» первое свое стихотвореніе *Гванагани;* въ 1846 году былъ младшимъ чиновникомъ секретнаго стола, а 30 января 1849 года вышелъ въ отставку. Рѣшивъ посвятить себя литературѣ, Мей, въ томъ же 1849 году, помѣстилъ въ «Москвитянинѣ» драму *Царская невѣста*, а въ 1850 году издалъ особою книжкою стихотворное переложеніе извѣстнаго *Слова о полку Игоревѣ*, но 18 марта 1852 года снова поступилъ на службу, съ опредѣленіемъ инспекторомъ 2-й московской гимназіи, и 16 апрѣля 1853 года получилъ чинъ коллежскаго ассессора, а три мѣсяца спустя переведенъ инспекторомъ же во 2-ю одесскую гимназію. — По вторичномъ выходѣ въ отставку, Мей, въ 1854 году, напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» драму *Сервилія*; въ 1856 году помѣстилъ въ «Библіотеку для дачъ» разсказъ *Охота* и выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе *Слова о полку Игоревѣ*; въ 1857 году издалъ самъ свои *Стихотворенія*, часть которыхъ, озаглавленная названіемъ *Цвѣты*, выбрана и напечатана редакціею «Русскаго Слова»; въ 1860 году окончилъ пяти-актную драму *Псковитянка*, помѣщенную въ «Отечественныхъ Запискахъ»; въ 1861 году собралъ всѣ *Сочиненія и переводы* свои, тогда же изданныя Печаткинымъ, и 16 мая 1862 года умеръ въ Петербургѣ, на 41-мъ году жизни, диктуя повѣсть для «Моднаго Магазина», донынѣ издаваемаго г-жею Мей. — Тѣло Мея погребено на с. петербургскомъ Митрофаньевскомъ кладбищѣ. — Многочисленныя и разнородныя стихотворенія Мея, являвшіяся, большею частію, разновременно и одиноко, а потому самому едва ли оцѣненныя надлежащимъ образомъ, касались такого множества предметовъ, которое не позволяло поэту ни заключиться въ какой нибудь избранной сферѣ, ни сосредоточиться на воспроизведеніи какихъ либо извѣстныхъ типовъ. «Г. Мей — говорилъ печатно одинъ изъ его критиковъ — то ищетъ вдохновенія въ древнемъ классическомъ мірѣ, то откликается пѣсней старому русскому быту; то возсоздаетъ библейскія сказанія, то переводитъ новыхъ европейскихъ поэтовъ; одно стихотвореніе все проникнуто нѣгой и страстью Востока, другое говоритъ языкомъ новаго, утонченнаго чувства, въ третьемъ, наконецъ, слышатся русская удаль и родная кручина. Не всѣ струны, затронутыя г. Меемъ, звучатъ одинаково полно и стройно; не на все съ равнымъ сочувствіемъ отзывается его муза». Во всякомъ случаѣ, Мей принадлежитъ къ числу весьма замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ — и исторія русской литературы, конечно, не забудетъ въ немъ того, кто старался и нерѣдко успѣвалъ усвоивать русскому слову и восточныя поэмы, и еврейскія пѣсни, и пѣсни Анакреона, кто умѣлъ даже эпическую сторону русскаго народнаго быта изображать въ картинахъ, подобныхъ слѣдующей, заимствованной изъ эпической пьэсы Мея *Хозяинъ*:

На кровати крѣпко спитъ сѣдой старикъ:
Видно пересыпалъ хмѣлемъ пуховикъ!
Крѣпко спитъ — не слышитъ сонный старина,
Что во снѣ лепечетъ сонная жена.
Душно ей, неловко возлѣ старика;
Свѣсилась съ кровати полная рука;
Губы раскраснѣлись, словно корольки;
Кинули рѣсницы тѣнь на полщеки;
Одѣяло сбито, свернуто въ комокъ;
Съ головы скатился шелковый платокъ;
На груди сорочка ходитъ ходенемъ,
И коса сползаетъ по плечу ужомъ.
А за печкой кто-то нехотя ворчитъ:
Знать другой хозяинъ по ночамъ не спитъ.

Женатый съ 1850 года на дочери тульскаго помѣщика Софьѣ Григорьевнѣ Полянской, Л. А. Мей потомства не оставилъ.

НИКИТИНЪ, Иванъ Савичъ, русскій писатель. Родился 21 сентября 1826 года въ Воронежѣ, отъ отца мѣщанина, имѣвшаго свой воскобѣлильный заводъ, и до шестилѣтняго возраста жилъ на полной свободѣ, бѣгая въ звѣздныя лѣтнія ночи къ старику, заводскому караульщику, который, подъ сводомъ голубаго неба, тѣшилъ ребенка сказками. Ознакомленный, такимъ образомъ, съ міромъ фантастическимъ, Никитинъ, 6-ти лѣтъ, началъ учиться читать у сапожника, а когда ему минуло семь лѣтъ, былъ отданъ отцомъ въ уѣздное духовное училище

и тутъ пробылъ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ, съ 9-ти лѣтняго возраста, предался со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ чтенію книгъ, каковы напр. «Мальчикъ у ручья» Коцебу, «Луиза или подземелье ліонскаго замка» г-жи Радклифъ и т. п. Двѣнадцати лѣтъ Никитинъ перешелъ изъ училища въ семинарію, въ классы словесности, посѣщая которые, онъ началъ знакомиться съ произведеніями отечественныхъ писателей, читалъ Пушкина, восхищался стихотвореніемъ Кольцова «Лѣсъ», наконецъ, самъ попробовалъ написать стихотвореніе. Этотъ первый опытъ музы молодаго семинариста заслужилъ одобреніе профессора семинаріи Чехова — и писаніе стиховъ сдѣлалось для Никитина совершенною необходимостью, ради которой онъ, даже съ переходомъ въ классъ философіи, зачастую убѣгалъ въ уголъ пустой комнаты, на сѣнникъ, на чердакъ, и тамъ, въ уединеніи отъ людей, вполнѣ отдавался своему любимому занятію. Но въ томъ же классѣ философіи застигъ 17-ти лѣтняго Никитина упадокъ состоянія его отца — и сынъ, не кончивъ курса, оставилъ семинарію, а въ 1844 году завелъ постоялый дворъ, какъ средство существовать безъ чужой помощи и содержать одинокаго отца. Живя, съ этихъ поръ, только вдвоемъ съ больнымъ отцомъ своимъ, въ совершенномъ отчужденіи отъ общества и безвыѣздно въ Воронежѣ, молодой Никитинъ принялся за охоту по степи, рѣкамъ и озерамъ, во время которой онъ гулялъ съ книгою въ рукахъ, но преимущественно услаждался собственной поэзіей, о чемъ самъ онъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній своихъ, разсказываетъ такъ:

Задумчивый пѣвецъ, въ пустынѣ неизвѣстной,
Неопытной рукой я струны пробуждалъ.—
И пѣсни грустныя, какъ лучшій даръ небесный,
Какъ драгоцѣнный кладъ, таилъ и сберегалъ.

Я пѣлъ святой Руси величіе и славу,
Роднаго Сѣвера высокую судьбу,
И радостей своихъ минутную забаву,
И пламенныхъ страстей печальную борьбу, — и проч.

Это и подобныя пѣснопѣнія, налаженныя Никитинымъ — версификаторомъ, безспорно, искуснымъ — съ готовыхъ образцовъ Пушкина, Лермонтова, Майкова, Тютчева и друг., не показывались авторомъ никому до самаго 1849 года, когда Никитинъ, почьему-то совѣту, сталъ почитывать творенія свои многимъ. Не ограничиваясь этимъ, Никитинъ, въ 1850 году, прислалъ въ редакцію «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» анонимныя стихотворенія *Лѣсъ* и *Дума*, отличающіяся, какъ и всѣ его стихотворенія, перекомпоновкою заимствованнаго содержанія въ безукоризненный метръ и удовлетворительныя риѳмы собственнаго изобрѣтенія; но редакція, найдя присланные стихи хорошими, объявила, что печатать ихъ безъ имени автора, ей неизвѣстнаго, она не можетъ. — Послѣ этого Никитинъ еще года съ четыре продолжалъ писать и показывать друзьямъ свои пѣснопѣнія, а въ ноябрѣ 1853 года онъ снова препроводилъ въ редакцію «Воронежскихъ Вѣдомостей» стихотворенія *Русь*, *Съ тѣхъ поръ, какъ міръ нашъ необъятный* и *Поле*, къ которымъ приложилъ письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «въ настоящее время, не считая нужнымъ скрывать свое имя, я осмѣливаюсь обратиться къ вамъ (редактору) съ подобною же просьбою (о напечатаніи стиховъ). Вотъ причины моей новой просьбы: — я увѣренъ, что онѣ не покажутся вамъ смѣшными... Я здѣшній мѣщанинъ. Не знаю, какая непостижимая сила влечетъ меня къ искусству, въ которомъ, можетъ быть, я ничтожный ремесленникъ! Какая непонятная власть заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь, въ то время, когда горькая дѣйствительность окружаетъ жалкою прозою мое одинокое, незавидное существованіе. Скажите, у кого мнѣ просить совѣта и въ комъ искать теплаго участія? Кругъ моихъ знакомыхъ слишкомъ ограниченъ и составляетъ со мною рѣшительный контрастъ во взглядахъ на предметы, въ понятіяхъ и желаніяхъ. Быть можетъ, мою любовь къ поэзіи и мои грустныя пѣсни вы назовете плодомъ раздраженнаго воображенія и смѣшною претензіею выйти изъ той сферы, въ которую я поставленъ судьбою. Рѣшеніе этого вопроса я предоставляю вамъ и, скажу откровенно, буду ожидать этого рѣшенія не совсѣмъ равнодушно: оно покажетъ мнѣ — или мое значеніе, или одну ничтожность; мое нравственное «*быть или не быть*». — Редакторъ «Воронежскихъ Вѣдомостей», принявъ участіе въ авторѣ этого задушевнаго письма, напечаталъ стихотвореніе *Русь*, перепечатанное потомъ въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», — и Никитинъ, радушно встрѣченный воронежскимъ обществомъ, съ новымъ одушевленіемъ забряцалъ на своей переимчивой лирѣ и, вдобавокъ къ прежнимъ, сложилъ одно за другимъ рядъ гладкихъ, правильныхъ по формѣ, стихотвореній, каковы: *Я помню счастливые годы; Задумчивый пѣвецъ; Поэту;* пѣсня *Зашумѣла, разгулялась; Старикъ-другоженецъ; Зимняя ночь въ деревнѣ; Наслѣдство; Моленіе о чашѣ; Сладость молитвы; Ночлегъ извощиковъ; Ссора; Измѣна; Утро на берегу озера; Жена ямщика; Отецъ и дочь; Купецъ на пчельникѣ.* Эти и другія произведенія Никитина, находя своихъ поклонниковъ, нашли и своего мецената, графа Д. И. Толстаго, который, въ 1856 году, издалъ *Стихотворенія Ивана Никитина*, не выбросивъ изъ нихъ ни патріотическихъ, ни даже метафизическихъ пьесъ, хотя отсутствіе тѣхъ и другихъ могло бы только лучше зарекомендовать начинающаго автора и критикѣ, и публикѣ. Журнальные отзывы о новоизданныхъ «Стихотвореніяхъ» Никитина, различествуя между собою болѣе тономъ, нежели воззрѣніемъ, очевидно согласовались въ главномъ: «Отечественныя Записки» замѣчали, что «еслибъ г. Никитинъ обратилъ побольше вниманія на жизнь, его окружающую, онъ сильнѣе дѣйствовалъ бы на читателя»; «Русскій Вѣстникъ» съ покровительственною мягкостію намекалъ, что всѣ произведенія Никитина суть только искусныя копіи, и благодушно спрашивалъ: «не правда ли, что у новаго воронежскаго поэта, совсѣмъ иной складъ рѣчи и стиха, чѣмъ у Кольцова? что его прекрасное описаніе нѣсколько холодно? что у него, если угодно, больше внѣшней отдѣлки, но меньше своего, оригинальнаго, самобытнаго? что, однимъ словомъ, г. Никитинъ далеко не замѣнитъ намъ Кольцова»?; «Современникъ» на-прямки призналъ Никитина не болѣе, какъ ловкимъ версификаторомъ, умѣющимъ, при случаѣ, страдать чужими страданіями; даже «Сѣверная Пчела» привѣтствовала произведенія Никитина какъ «попытки молодаго дарованія». Что касается большинства смыслящей публики, оно, едва ли съ голоса критики, опредѣлило это дарованіе такъ: «у г. Никитина есть искусство подбирать прекрасныя риѳмы и составлять звучные стихи; но поэтическаго таланта въ немъ не замѣтно. Не замѣтно также, по его стихотвореніямъ, простолюдинъ онъ или дворянинъ, купецъ или помѣщикъ, но видно, что онъ начитался нашихъ поэтовъ, стихи которыхъ и передѣлываетъ въ своихъ пьесахъ». — Въ 1858 году Никитинъ напечаталъ поэму *Кулакъ*, по прочтеніи которой публика приготовилась ожидать отъ автора чего-то въ будущемъ, а журналы расщедрились на со-

вѣты поэту, причемъ даже «Атеней», признавшій *Кулака* однимъ изъ «лучшихъ литературныхъ явленій послѣдняго времени», не оставилъ замѣтить: «Очерки, силуэты лицъ, вполнѣ удаются г. Никитину; но какъ скоро онъ задумаетъ рѣзче ихъ обозначить, глубже заглянуть въ душу своихъ героевъ, то тотчасъ же или увлечется подражаніемъ извѣстнымъ идеаламъ, или вдается въ лиризмъ». — Въ 1860 году Никитинъ вторично издалъ свои *Стихотворенія*, многія изъ которыхъ были значительно, хотя безъ надобности, передѣланы противъ изданія 1856 года, а другія, какъ напр. патріотическія и метафизическія, вошедшія въ то изданіе, совсѣмъ выброшены въ новомъ. — Это пожертвованіе цѣлою кучею плавныхъ и гладкихъ, хотя холодныхъ, стиховъ заявляло само собою, что процессъ эстетически-литературнаго образованія Никитина, подвигаясь впередъ, продолжалъ еще совершаться. Но надеждамъ на будущее Никитина, если и питались онѣ кѣмъ нибудь, не было суждено исполниться, потому что Никитинъ, всегда слабый и болѣзненный, умеръ 16 октября 1861 года, въ Воронежѣ, всего 35-ти лѣтъ отъ рода. Тѣло его погребено на одномъ кладбищѣ съ тѣломъ Кольцова. — Значеніе И. С. Никитина въ исторіи русской литературы не можетъ быть важнымъ: версификаторъ по преимуществу, Никитинъ представляетъ не болѣе какъ отрадное явленіе въ томъ быту, среди котораго онъ выросъ, жилъ и умеръ. О самобытности и оригинальности поэтическаго таланта Никитина — и говорить нечего: ихъ не было. Въ этомъ отношеніи, Кольцовъ остается единственнымъ и сравнивать съ нимъ Никитина — излишне, хотя послѣдній не былъ прочь подражать Кольцову, какъ видно это изъ слѣдующаго, едва ли не лучшаго между всѣми, стихотворенія Никитина, — стихотворенія, отысканнаго уже послѣ смерти автора:

СТАРОСТА.

Что не туча темная
Въ ясный день плыветъ,
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плеча позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ;
Въ сапоги-то новые,
Мѣра ржи войдетъ!

Онъ идетъ по улицѣ —
Безъ метлы мететъ:
Курица покажется —
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль да съ поклонами
Мужики идутъ,
Ребятенки малые
Ко дворамъ ползутъ.

Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладитъ усъ да бороду,
Да на людъ глядитъ.

На небѣ ни облачка;
Вѣтерокъ-отъ спитъ;
Солнце землю-матушку,
Что огнемъ, палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь —
Стонетъ все гумно;
Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужиковъ равно.

Староста надумался:
«Молоти дружнѣй!»
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ
Мужиковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то велъ разумную,
Дѣло толковалъ
Дура-баба плюнула
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость,
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не съ плеча:
Староста не выпуститъ
Слова съ горяча.

На скирды посматривалъ,
Поглядѣлъ на рожь —
Поглядѣлъ и вымолвилъ:
«Умолотъ хорошъ!».

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ,
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

«Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣбъ пошлю»...
— Не грѣшно ли, батюшка»? —
«Нѣтъ, коли велю!»

Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ —
Безъ метлы подмелъ.

На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
Весело гумно:
Потомъ обливается
Каждое зерно.

ШЕВЧЕНКО, Тарасъ Григорьевичъ, поэтъ малой россійской Украйны. Родился, 25 февраля 1814 года, кіевской губерніи звенигородскаго уѣзда въ с. Моринцахъ, отъ крѣпостнаго крестьянина помѣщика Энгельгардта и на 9-мъ году возраста потерялъ нѣжную мать, а на 11-мъ нажилъ себѣ злую мачиху, отъ преслѣдованій которой былъ отданъ отцомъ въ домъ къ мѣщанину Губскому, гдѣ онъ скоро выучилъ букварь. Лишившись, въ 1825 году, и отца, — который, какъ-бы пророчески, говорилъ передъ смертію: «синові Тарасу изъ мого хозяйства нічого не треба; — вінъ не буде абиякимъ чоловікомъ: зъ его буде або щось дуже добре, або велике ледащо; для его мое наслідство або нічого не буде значить, або нічого не поможе». — 11-ти-лѣтній Шевченко пріютился у приходскаго дьячка Бугорскаго, горькаго пьяницы, которому онъ служилъ школяромъ — *попихачемъ*, т. е. безотвѣтнымъ, рабски покорнымъ существомъ, обязаннымъ выполнять всѣ хозяйскія требованія и прихоти. Въ этой новой школѣ Шевченко прошелъ часословъ и псалтирь, потомъ, переселясь къ священнику Нестеровскому, выучился писать, но почему-то опять переселился къ Бугорскому, которымъ и бывалъ посылаемъ отчитывать «усопшія крѣпостныя души», получая, въ видѣ поощренія, десятую копѣйку съ платы за каждаго отчитаннаго покойника. — Тяжкую двухлѣтнюю жизнь свою у Бугорскаго самъ Шевченко, въ *Посланіи къ А. О. Козачковскому*, изображаетъ такъ:

Давно те діялось. Ще въ школі,
Таки въ учителя-дяка,

Гарненько вкраду пятака,
(Бо я було трохи не голе —
Таке убоге) та й куплю
Паперу аркушъ; изроблю,
Маленьку книжечку, — хрестами
И везерунками зъ квітками
Кругомъ листочки обведу,
Та й списую Сковороду
Або «три царіе со дари»,
Та самъ собі, у бурьяні,
Шобъ не почувъ хто, не побачивъ,
Виспівую одинъ та плачу....

Бѣжавъ отъ Бугорскаго въ сосѣднее мѣстечко Лысково, 14-тилѣтній Шевченко попалъ къ маляру-діакону, три дня таскалъ у него на гору ведрами воду и растиралъ на желѣзномъ листѣ краску мѣдянку, а въ четвертый — бѣжалъ еще разъ, въ с. Тарасовку, къ маляру-дьячку, который, по осмотрѣ лѣвой руки Шевченка, призналъ его неспособнымъ къ малярству, вслѣдствіе чего Шевченко перешелъ въ с. Хлѣбновку, гдѣ мѣстный маляръ держалъ его недѣли двѣ, но потомъ посовѣтовалъ ему исходатайствовать себѣ видъ на прожитіе. Съ этою просьбою бѣдный мальчикъ явился къ Энгельгардтову управляющему, который, поговоривъ съ нимъ, нашелъ его бойкимъ и, вмѣсто выдачи вида, взялъ къ себѣ въ услуженіе, а въ 1829 году рекомендовалъ Шевченко самому помѣщику, въ должность *казачка.* «Баринъ мой, разсказываетъ самъ Шевченко, былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ и таскалъ за собою въ обозѣ меня, для сидѣнья въ передней, подаванья трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ». Служа казачкомъ, Шевченко старался употреблять свободное время на подмалевку или копировку лубочныхъ картинъ — и найденный за такою работою однажды ночью, при горящей свѣчѣ, будущій поэтъ-художникъ былъ жестоко наказанъ своимъ помѣщикомъ: «онъ — разсказываетъ самъ Шевченко — съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ — не за мое искусство, нѣтъ! (на искуство онъ не обратилъ вниманія), — а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ». Въ 1832 году, 18-ти-лѣтній Шевченко, по собственной неотступной просьбѣ, былъ законтрактованъ помѣщикомъ мастеру живописнаго цеха Ширяеву и на 4 года отправленъ въ Петербургъ, гдѣ онъ, въ свѣтлыя весеннія ночи, тайкомъ отъ своего хозяина, бѣгалъ въ Лѣтній садъ копировать статуи, и тутъ впервые посѣщенный музою, тутъ же познакомился съ художникомъ Ив. Макс. Сошенко, который посовѣтовалъ ему пробовать акварелью портреты съ натуры. Пробы эти были такъ удовлетворительны, что на нихъ обратилъ вниманіе и самъ Энгельгардтъ: «однажды — пишетъ Шевченко — помѣщикъ увидѣлъ мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые награждалъ меня иногда цѣлымъ рублемъ серебра». Въ 1838 году Сошенко представилъ Шевченка конференцъ-секретарю академіи художествъ Григоровичу, съ просьбою: освободить рождающійся талантъ отъ крѣпостной зависимости. Просьба эта была передана Григоровичемъ В. А. Жуковскому, который, предварительно условившись съ помѣщикомъ Шевченка въ выкупной цѣнѣ, предложилъ К. П. Брюллову снять съ себя портретъ и, съ помощью графа М. Ю. Віельгорскаго, разыгралъ портретъ въ лоттереѣ, доставившей 2500 руб. асс. Этими деньгами, 22 апрѣля 1838 года, была куплена свобода Шевченка, который съ того же дня началъ посѣщать классы академіи художествъ и сдѣлался любимымъ ученикомъ Брюллова, а въ 1840 году издалъ уже своего *Кобзаря*, книжку стихотвореній, не только восхитившихъ всю Малороссію, но встрѣченныхъ радушно всѣми столичными критиками, находившими даже излишнимъ переводить для своихъ читателей такое, напр., изображеніе Кобзаря въ стихотвореніи *Тарасова ночь:*

На роспутти Кобзарь сыдыть,
Та на кобзи грае;
Кругомъ хлопци, та дивчата,
Якъ макъ расцвитае.
Грае Кобзарь, прыспивуе,
Вымовля словамы,
Якъ москали, орда, ляхы
Былись съ козакамы, —

или слѣдующія, прекрасно выраженныя, размышленія поэта въ стихотвореніи *Наймичка:*

Оттаке-то на сімъ світі
Роблять людямъ люде!
Того вяжуть, того ріжуть,
Той самъ себе губить...
А за віщо? Святий знае!
Світъ, бачця, широкий,
Та нема въ немъ прихилитись
Въ світі одинокимъ.
Тому доля запродала
Одъ краю до краю,
А другому оставила
Те, де заховають.
Де жъ ті люде, де жъ ті добрі,
Що сердце збіралось
Зъ ними жити, іхъ любити?
Пропали, пропали!...

Въ 1841 году Шевченко издалъ второе поэтическое твореніе свое *Гайдамаки*, въ которомъ онъ увлекательными стихами повѣствуетъ о томъ, какъ

Гомоніла Украіна;
Довго гомоніла,
Довго, довго кровъ степами
Текла — червоніла.
Текла — текла, та й висохла...
Степи зеленіють;
Діди лежять, а надъ ними
Могили синіють.
Та що съ того, що високі?
Ніхто ихъ не знае,
Ніхто щиро не заплаче,
Ніхто не згадае.
Тілько вітеръ тихесенько
Повіе надъ ними,
Тілько роса ранесенько
Слезами дрібними
Іхъ умие. Зійде сонце
Осушить, пригріе;
А унуки? імъ байдуже,
Жито собі сіють.

По выпускѣ своихъ «Гайдамаковъ», Шевченко продолжалъ тереться въ пѣтербургскомъ литературно-художественномъ кругу, былъ знакомъ съ И. Н. Скобелевымъ, былъ дружески принятъ въ семействѣ графа Ѳ. П. Толстаго и въ 1844 году получилъ званіе свободнаго художника, а потомъ ѣздилъ по Малороссіи, запасаясь сюжетами для новыхъ картинъ и стихотвореній. — Но въ 1847 году надъ Шевченкомъ стряслась бѣда: компрометтированный, по од-

ному дѣлу, онъ былъ лишенъ званія художника, выписанъ въ рядовые и посланъ на службу въ Оренбургскій край, гдѣ его сначала держали въ Оренбургѣ, потомъ перевели въ Орскую крѣпость, оттуда назначили въ дальнюю и трудную экспедицію по Аральскому морю, а съ 1850 года поселили въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. — Извѣстно, что въ это время Шевченко не покидалъ своей музы и, написавъ, подъ псевдонимомъ *Дармограя*, для «Отечественныхъ Записокъ» *Княгиню*, а для «Русскаго Вѣстника» *Матроса*, велъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи свой любопытный *Дневникъ*, частію напечатанный въ «Основѣ» 1862 года. — Въ 1857 году, Шевченко, благодаря хлопотамъ своихъ столичныхъ друзей и особенно графини А. И. Толстой, получилъ увольненіе отъ военной службы и радостно спѣшилъ въ Петербургъ, подъ сѣнь академіи художествъ, но въ Нижнемъ-Новгородѣ остановленъ до весны 1858 года, когда Шевченкѣ, обрадованному въ Нижнемъ свиданіемъ съ М. С. Щепкинымъ, нарочно ѣздившимъ для этого изъ Москвы, дозволено было явиться въ Петербургъ. Этою милостію Шевченко пользовался недолго: посѣтивъ, въ 1859 году, свою родину и родныхъ, онъ, въ 1860 году напечаталъ новое изданіе *Кобзаря*, а 25 февраля 1861 года, въ самый день 47-й годовщины своего рожденія, умеръ, почти внезапно, въ Петербургѣ, чѣмъ какъ-бы оправдалъ свое поэтическое предчувствіе, сказавшееся слѣдующими стихами:

Охъ вы, думы мои, думы!
Свѣты мои, дѣти!
Я ростилъ васъ — на кого же
Васъ покину въ свѣтѣ?
Въ Украину вы идите,
Въ нашу Украину,
Подъ плетнями, сиротами, —
Я же — здѣсь загину...

Тѣло Шевченка, предварительно погребенное на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ, было потомъ отвезено въ кіевскую губернію и тамъ схоронено между г. Каневымъ и с. Пекарями, въ очаровательной мѣстности, наберегу Днѣпра. — Т. Г. Шевченко, всю жизнь стремившійся сдѣлаться семьяниномъ и, не смотря на неоднократное сватовство, до конца остававшійся холостымъ, принадлежитъ къ числу оригинальнѣйшихъ типовъ, какъ человѣкъ, и къ разряду замѣчательнѣйшихъ дарованій, какъ писатель. Гордость Малороссіи, Шевченко всегда найдетъ сочувствіе и въ сердцѣ Великорусса, понимающаго дѣло. «Онъ — говоритъ о Шевченкѣ одинъ изъ великорусскихъ критиковъ его «Кобзаря» — поэтъ совершенно народный, такой, какого мы не можемъ указать у себя. Даже Кольцовъ нейдетъ съ нимъ въ сравненіе, потому что складомъ своихъ мыслей и даже стремленіями иногда отдаляется отъ народа. У Шевченка, напротивъ, весь кругъ его думъ и сочувствій находится въ совершенномъ соотвѣтствіи со смысломъ и строемъ народной жизни. Онъ вышелъ изъ народа, жилъ съ народомъ, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни былъ съ нимъ крѣпко и кровно связанъ». Въ Шевченкѣ, дѣйствительно, нельзя не видѣть простолюдина, насквозь прочувствовавшаго коловратную исторію своей родины, но цѣльно сохранившаго всю свѣжесть отеческихъ вѣрованій и преданій. «Поэтому-то, добавляетъ другъ Шевченка г. Кулишъ, и самъ Шевченко, съ его самобытнымъ умомъ и талантомъ, съ его глубокимъ чувствомъ, съ его побѣдоносною силою слова, такъ дорогъ каждому представителю какой бы то ни было народности».

Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ, русскій писатель. Родился 4 января 1795 года отъ брака достаточнаго смоленскаго помѣщика Сергѣя Ивановича Грибоѣдова, съ Настасьею Ѳедоровною, по отцу тоже Грибоѣдовою, и получалъ начальное образованіе въ домѣ родительскомъ — сперва подъ руководствомъ матери своей, женщины весьма просвѣщенной, потомъ же подъ наблюденіемъ иностранныхъ гувернеровъ, изъ которыхъ первымъ былъ извѣстный ученый и энциклопедистъ Петрозилiусъ, а вторымъ Богд. Ив. Іонъ. Пятнадцати лѣтъ Грибоѣдовъ уже говорилъ на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, и читалъ въ подлинникѣ латинскихъ классиковъ, особенно Плавта и Теренція, а съ 1811 года поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета, гдѣ онъ, постоянно сопровождаемый наставникомъ своимъ Іономъ, слушалъ публичныя лекціи профессоровъ Гейма, Сохацкаго, Рейнгарда, Шлецера и посѣщалъ частныя собранія у профессора Буле, читавшаго желающимъ философію, политику и эстетику. — Въ тоже время Грибоѣдовъ нерѣдко писалъ стихи, большею частью сатиры или эпиграммы, и однажды, въ началѣ 1812 года, прочелъ Іону, да еще одному товарищу, отрывокъ изъ задуманной имъ комедіи, которая постепенно развивалась въ воображеніи автора и, съ годами, созрѣла въ «Горе отъ ума». — Выдержавъ экзаменъ на степень кандидата этико-политическаго отдѣленія, Грибоѣдовъ, 26 іюля 1812 года, вслѣдствіе призывнаго манифеста къ защитѣ отечества, вступилъ корнетомъ въ формированный графомъ Салтыковымъ московскій гусарскій полкъ, изъ котораго, по смерти графа Салтыкова, перемѣщенъ въ иркутскіе гусары и съ ними все время отечественной войны, а также заграничныхъ походовъ 1813 и 1814 годовъ, бездѣйственно простоялъ въ Литвѣ, гдѣ онъ познакомился съ княземъ А. А. Шаховскимъ, особенно сблизился съ Ст. Никит. Бѣгичевымъ, адъютантомъ генерала Кологривова, командовавшаго тогда кавалерійскими резервами, и перевелъ съ французскаго, стихами, небольшую комедію *Молодые супруги*. Въ 1815 году Грибоѣдовъ привезъ эту комедію въ Петербургъ, тутъ сошелся съ Н. И. Хмѣльницкимъ, Н. И. Гречемъ, А. А. Жандромъ, — и 15 сентября того же года *Молодые супруги* были впервые разыграны на петербургской сценѣ, въ бенефисъ актрисы Семеновой, между тѣмъ какъ самъ Грибоѣдовъ уже помѣщалъ театральныя статьи въ «Сынѣ Отечества», издававшемся тогда Н. И. Гречемъ. Въ мартѣ 1816 года Грибоѣдовъ вышелъ въ отставку и зажилъ великосвѣтскою петербургскою жизнью, но скоро охладѣлъ къ ней и, въ 1817 году, опредѣлился на службу въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ губернскаго секретаря. Въ этомъ же 1817 году, Грибоѣдовъ, усердно занимавшійся изученіемъ греческаго языка, написалъ игривое стихотвореніе *Лубочный театръ*, направленное противъ М. Н. Загоскина, и вводя, по примѣру французскихъ писателей, трудъ общими силами для театра, вмѣстѣ съ П. А. Катенинымъ передѣлалъ съ французскаго 3-хъ актную комедію *Студентъ*, не напечатанную и не игранную, вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ перевелъ съ французскаго Бартову комедію *Притворная невѣрность*, впервые представленную на петербургскомъ театрѣ въ февралѣ 1817 года; наконецъ, пособилъ князю А. А. Шаховскому и Н. И. Хмельницкому сочиненіемъ четырехъ сценъ для комедіи перваго *Своя семья*. — Въ 1818 году Грибоѣдовъ, опредѣленный секретаремъ къ персидской миссіи, съ производствомъ въ титулярные совѣтники, отправился въ

Таврисъ, гдѣ вскорѣ снискалъ особое благоволеніе персидскаго наслѣднаго принца Аббаса-Мирзы и въ 1819 году, не смотря на ревностное, съ своей стороны, убѣжденіе переселившихся въ Персію русскихъ армянъ возвратиться въ предѣлы Россіи, получилъ отъ шаха орденъ Льва и Солнца 2-й степени. Совсѣмъ тѣмъ, глухая жизнь въ полудикомъ Таврисѣ, даже при занятіяхъ персидскимъ языкомъ, до того не удовлетворяла Грибоѣдова, что онъ, въ исходѣ 1820 года, уже просилъ или сбирался просить увольненія, какъ видно это изъ слѣдующихъ строкъ собственноручнаго письма Грибоѣдова къ кому-то, отъ 17 ноября: «... plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où, loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savoit. J'ai préféré vous dire la vérité, au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs auxquels personne ne croit. (Чѣмъ просвѣщеннѣе человѣкъ, тѣмъ полезнѣе можетъ онъ быть своему отечеству. И именно для пріобрѣтенія средствъ къ просвѣщенію, испрашиваю я увольненія или отзыва моего изъ этаго грустнаго царства, гдѣ, вмѣсто того чтобы научиться чему-нибудь, забываешь все, что зналъ до сихъ поръ. Я предпочелъ сказать вамъ правду, не прикрываясь разстройствомъ здоровья или обстоятельствъ — общими мѣстами, которымъ никто не вѣритъ). Но пока письмо Грибоѣдова достигало своей цѣли, прошелъ весь 1821 годъ, въ теченіе котораго Грибоѣдовъ, на досугѣ, занялся своею безсмертною комедіею, едва ли однако побужденный къ тому соннымъ видѣніемъ въ кіоскѣ, какъ повѣствовалъ когда-то Ѳ. В. Булгаринъ.... Получивъ 3 января 1822 года чинъ коллежскаго ассессора, а еще черезъ мѣсяцъ переводъ свой чиновникомъ по дипломатической части къ главнокомандующему въ Грузіи генералу Ермолову, Грибоѣдовъ немедленно перебрался изъ Тавриса въ Тифлисъ и здѣсь, въ томъ же 1822 году, кончилъ «Горе отъ ума», значительно передѣланное въ слѣдующемъ 1823 году, когда Грибоѣдовъ, уволенный въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ, лично посѣтилъ Москву — и по рельефнѣйшимъ типамъ московскаго общества исправилъ многіе первородные недостатки своей комедіи. Съ того же времени, комедія Грибоѣдова въ тысячѣ списковъ облетала Россію, заучивалась наизусть, цѣлыми стихами переходила въ поговорки, — но не издавалась до 1833 года, если не считать болѣе раннимъ изданіемъ рѣдкій экземпляръ «Горя отъ ума», находящійся въ Императорской публичной библіотекѣ и не помѣченный ни годомъ, ни мѣстомъ печати. — Между тѣмъ, самъ Грибоѣдовъ, возвратясь изъ Москвы въ Тифлисъ, въ маѣ 1824 года снова былъ уволенъ въ отпускъ за границу, но, неизвѣстно почему, остался и прожилъ около года въ Петербургѣ, гдѣ онъ, вмѣсто увлеченія свѣтскимъ обществомъ и удовольствіями столичной жизни, посвящалъ все время серьезнымъ занятіямъ правами, философіею, исторіею, науками политическими и финансовыми, наконецъ, поэзіею, плодами которой были: прекрасное стихотвореніе по поводу балета Русланъ и Людмила, тогда же напечатанное въ одномъ изъ №№ «Сына Отечества», и переводъ пролога къ Гетеву Фаусту, помѣщенный въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» (на 1825 годъ). — Въ 1825 году Грибоѣдовъ возвратился въ Тифлисъ и, участвуя въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ горцевъ, въ виду вершинъ Кавказа и непріятельскаго стана, написалъ прелестное стихотвореніе *Хищники на Чечемъ*, немедленно присланное въ Петербургъ и напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ». — Декабрьскія событія 1825 года, всполошившія всю Россію, отозвались и въ Тифлисѣ, откуда Грибоѣдовъ, въ началѣ 1826 года, былъ вызванъ въ Петербургъ, но, оставшись незапятнаннымъ въ мнѣніи Государя, получилъ, 8 іюня, чинъ надворнаго совѣтника и снова отправленъ въ Тифлисъ, передъ отъѣздомъ въ который онъ говорилъ Булгарину: «Время летитъ... Въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ раждаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать. Но я долженъ что-нибудь сдѣлать.... сдѣлаю!». Быть можетъ, подъ вліяніемъ этой-то жгучей мысли Грибоѣдовъ, по возвращеніи въ Тифлисъ, создалъ планъ романтической трагедіи *Грузинская ночь* и даже набросалъ нѣсколько сценъ вольными стихами съ риѳмами, сценъ, оставшихся изолированными, потому что Грибоѣдовъ, оторванный отъ своей трагедіи открытіемъ персидской кампаніи, долженъ былъ состоять безотлучно при главнокомандующемъ русскими войсками — и родственникѣ своемъ — генералѣ Паскевичѣ, въ свитѣ котораго онъ не разъ бывалъ подъ ядрами и однажды, для подавленія въ себѣ невольнаго чувства робости, до тѣхъ поръ не съѣзжалъ съ мѣста, обстрѣливаемаго непріятельскими баттареями, пока не сосчиталъ 124 выстрѣла къ ряду.— Произведенный, въ декабрѣ 1827 года, за отличіе, въ коллежскіе совѣтники, Грибоѣдовъ, въ воздаяніе особыхъ трудовъ при заключеніи славнаго для Россіи Тюркменчайскаго договора съ Персіею, былъ избранъ Паскевичемъ для представленія подлинниковъ самаго трактата Государю Императору, который 14 марта 1828 года милостиво принялъ вѣстника радости въ Петербургѣ и по-царски наградилъ Грибоѣдова, пожаловавъ ему: чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-го класса съ алмазными украшеніями, медаль за персидскую войну и 4000 червонныхъ. Въ апрѣлѣ того же 1828 года Грибоѣдовъ былъ облеченъ званіемъ полномочнаго министра при персидскомъ дворѣ, но, по какому-то тайному предвѣдѣнію, не радовался этому почетному назначенію, съ грустію говоря друзьямъ: «Тамъ (въ Персіи) моя могила! Чувствую, что не увижу болѣе Россіи!». Въ іюнѣ 1828 года Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга; въ іюлѣ, проѣздомъ черезъ Тифлисъ, помолвилъ жениться на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе и лично привелъ военный отрядъ изъ Гумровъ въ Ахалкалаки, послѣ чего весь августъ проболѣлъ въ Тифлисѣ лихорадкою, здѣсь же, въ сентябрѣ, вступилъ въ бракъ и отсюда, вмѣстѣ съ молодою женой, немедленно отправился въ столицу Персіи — Тегеранъ. «Какъ это все случилось! гдѣ я, что и съ кѣмъ!! писалъ онъ, изъ Эчміадзина, къ одному изъ своихъ друзей. Простительно ли мнѣ, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь броситься въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей, и все дальше отъ успокоенія души и разсудка! А независимость, которой я также былъ страшный любитель — исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ ни мило и утѣшительно дѣлить все съ прекраснымъ и воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно!! Всегда ли такъ будетъ!!». Въ Таврисѣ, гдѣ русское посольство должно было имѣть свое постоянное пребываніе, Грибоѣдовъ, до времени, оставилъ жену и прислугу, а самъ, съ остальною свитою, отправился далѣе въ Тегеранъ — представиться шаху съ его принцами и сдѣлать визиты персидскимъ министрамъ. Достигнувъ Тегерана въ декабрѣ 1828 года, Гри-

боѣдовъ спѣшилъ исполнить всѣ посольскіе обряды и скорѣе возвратиться къ женѣ въ Таврисъ. Но судьба судила иначе. При самыхъ первыхъ сношеніяхъ русскаго полномочнаго министра съ персидскими возникли важныя затрудненія по вопросу о возвращеніи на родину грузинскихъ плѣнницъ, томившихся въ персидскихъ гаремахъ, и персіяне, недовольные благопріятнымъ для плѣнницъ рѣшеніемъ своего шаха, болѣе и болѣе ожесточались на русскаго министра, хлопотавшаго за грузинокъ, какъ подданныхъ русскаго царя. Когда же Грибоѣдову были доставлены двѣ грузинки, отнятыя у одного знатнаго перса, тегеранская чернь взволновалась, съ воплями окружила русскій посольской домъ, била камнями въ окна, взобралась на крышу, проломала ее — и первымъ сразила пулями молочнаго брата Грибоѣдова, при видѣ чего Грибоѣдовъ съ ужасомъ и сокрушеніемъ вскрикнулъ: «посмотрите, посмотрите, злодѣи, они убили Александра!» Опасность становилась слишкомъ очевидною; русскіе казаки, грудью отстаивавшіе Грибоѣдова, валились одинъ за другимъ. «Посланникъ — пишетъ одинъ персъ, очевидецъ происшествія —, сложа руки на грудь, медленно прохаживался взадъ и впередъ и отъ времени до времени запускалъ руку въ волоса; чело его было обагрено кровью отъ удара камнемъ, нанесеннаго въ правую сторону головы. Онъ подошелъ ко мнѣ и произнесъ такимъ голосомъ, который охватилъ меня дрожью: «видно, они хотятъ убить насъ, Мирза!» Я могъ отвѣчать ему только утвердительнымъ знакомъ...» Черезъ нѣсколько минутъ, вмѣсто Грибоѣдова лежалъ — трупъ, пораженный нѣсколькими сабельными ударами въ правую грудь и немедленно выволоченный на дворъ для дальнѣйшихъ поруганій... Такъ погибъ, 30 января 1829 года, одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ писателей, незабвенный творецъ «Горе отъ ума». Тѣло Грибоѣдова, перевезенное впослѣдствіи въ Тифлисъ, погребено, согласно волѣ самаго поэта, въ монастырѣ св. Давида, всегда нравившемся Грибоѣдову, который, часто посѣщая это мѣсто, называлъ его не иначе, какъ «поэтическою принадлежностію Тифлиса». — Надъ могилою Грибоѣдова воздвигнутъ вдовою его памятникъ, на одной изъ сторонъ котораго начертано: *Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя?* — А. С. Грибоѣдовъ, не оставившій дѣтей отъ кратковременнаго брака съ княжною Н. А. Чавчавадзе, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ, умнѣйшихъ и, вообще, лучшихъ русскихъ людей своего времени. Поэтъ, лингвистъ, музыкантъ, министръ — Грибоѣдовъ, прежде всего, былъ человѣкъ, въ изящномъ значеніи этаго слова. «Съ Грибоѣдовымъ — пишетъ одинъ изъ знавшихъ поэта хорошо — благородный человѣкъ дѣлался лучше, благороднѣе. Его нѣжная привязанность къ другу, вниманіе, искренность, свѣтлыя, чистыя мысли, высокія чувствованія переливались въ душу, и зараждали ощущеніе новой, сладостной жизни. Его голосъ, взглядъ, улыбка, пріемы имѣли какую-то необыкновенную прелесть; звукъ его голоса проникалъ въ душу, убѣжденіе лилось изъ устъ». Какъ писатель, Грибоѣдовъ хорошо извѣстенъ всей Россіи, не перестающей ни читать, ни смотрѣть, ни заучивать наизусть «Горе отъ ума», — произведеніе, еще въ рукописи переписывавшееся тысячами грамотныхъ людей, потомъ издававшееся болѣе десяти разъ и навсегда ставшее народнымъ.

ДОБРОЛЮБОВЪ, Николай Александровичъ, русскій писатель. Родился, 24 января 1836 года, въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ и законоучителемъ мѣстнаго канцелярскаго училища. Подъ руководствомъ матери своей Зинаиды Васильевны — женщины умной, доброй и вліявшей на первоначальное развитіе сына гораздо болѣе, нежели занятый службою отецъ —, 3-хъ-лѣтній Добролюбовъ уже лепеталъ наизустъ нѣкоторыя басни Крылова, потомъ выучился читать и писать азбуку, а съ достиженіемъ 8-ми-лѣтняго возраста началъ брать уроки у кончившаго семинарскій курсъ студента Садовскаго, мѣсто котораго, всего черезъ два мѣсяца, занялъ семинаристъ философскаго класса М. А. Костровъ, женившійся впослѣдствіи на сестрѣ Добролюбова, Антонинѣ. Занятія Кострова съ Добролюбовымъ продолжались около 3-хъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ Добролюбовъ, уже достаточно ознакомленный съ началами языковъ латинскаго и греческаго, въ 1847 году поступилъ въ нижегородское духовное училище, а въ 1848 году переведенъ въ нижегородскую семинарію, гдѣ всѣ пять лѣтъ курса шелъ первымъ, начавъ съ класса словесности читать свѣтскіе журналы и вчитываться особенно въ завлекательныя статьи незабвеннаго Бѣлинскаго. Чтеніе такого рода, естественнымъ образомъ, расширило умственный кругозоръ юноши-семинариста, который, при всей своей, можно сказать, экзальтированной набожности, не могъ не почувствовать заранѣе всю узкость предлежавшаго ему пути и, не удовлетворяясь уже ни курсомъ семинаріи, ни даже перспективою курса духовной академіи, положилъ, во чтобы то ни стало, пожертвовать традиціями семьи, сословно привязанной къ духовному званію, и докончить свое образованіе въ одномъ изъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Это стремленіе, по счастію, не встрѣтившее рѣшительныхъ противорѣчій въ самой семьѣ юноши, осуществилось въ 1853 году, когда 17-ти-лѣтній Добролюбовъ, съ рекомендательнымъ письмомъ нижегородскаго архіерея къ ректору петербургской духовной академіи, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ однако онъ, не заявляя никакихъ претензій на званіе духовнаго академика, обратился прямо въ педагогическій институтъ и, послѣ экзамена, отлично выдержаннаго по всѣмъ предметамъ, — кромѣ математики, физики и французскаго языка, — былъ принятъ туда студентомъ филологическаго факультета. Но едва началъ Добролюбовъ свой, новый курсъ судьба посѣтила юношу тяжкими ударами: въ мартѣ 1854 года онъ потерялъ нѣжно-любимую мать, умершую родами, а пять мѣсяцевъ спустя — лишился и отца, оставившаго 8 человѣкъ дѣтей, малъ-мала меньше. «Чтожь это такое? — подумалось тогда Добролюбову» пишетъ лучшій изъ друзей его... «На что мнѣ и жизнь-то теперь, говорилъ впослѣдствіи самъ Добролюбовъ этому же другу; развѣ только для братьевъ и сестеръ; ну, для нихъ-то я еще лѣтъ пять-шесть поживу». Глубоко потрясенный — и нравственно, и физически — потерею родителей, особенно матери, Добролюбовъ, пересиливая горе, усердно слѣдилъ за лекціями профессоровъ и, на второмъ же году курса, принялся за основательное изученіе французскаго языка, для чего, по свидѣтельству одного товарища-очевидца, цѣлые два мѣсяца не выпускалъ изъ рукъ романа Сю «Mystères de Paris» (Парижскія тайны). О всемъ вообще институтскомъ періодѣ жизни Добролюбова, тотъ же товарищъ-очевидецъ разсказываетъ слѣдующее: «Добролюбовъ, при отличныхъ способностяхъ, владѣлъ какимъ-то особеннымъ тактомъ въ занятіяхъ. Довольствуясь записываніемъ лекцій въ аудиторіи, онъ никогда не терялъ времени на «*черную*» работу, т. е. на переписку, на

составленіе лекцій, на репетиціи, какъ большая часть студентовъ. Онъ читалъ, читалъ всегда и вездѣ, по временамъ внося содержаніе прочитаннаго (хотя онъ и безъ того хорошо помнилъ) въ имѣвшуюся у него толстую въ алфавитномъ порядкѣ писателей библіографическую тетрадь. Въ столѣ у него было столько разнаго рода замѣтокъ, рѣдкихъ рукописей, тетрадей, корректуръ, держа которыя въ первое время онъ заработывалъ себѣ копѣйку, — въ шкапѣ столько книгъ, что и ящикъ въ столѣ и полки въ шкапѣ ломились... Но что бы Добролюбовъ ни дѣлалъ, какимъ бы серьезнымъ и срочнымъ трудомъ не занимался, всегда онъ съ удовольствіемъ оставлялъ занятіе для живаго разговора, откровенной бесѣды, которыя, при его участіи, начинаясь литературою или профессорскими лекціями, всегда сводились на вопросы житейскіе...». Не мудрено, стало быть, если именно Добролюбовъ сдѣлался издателемъ и редакторомъ рукописной газеты «Слухи», которая, явившись въ институтѣ 1 сентября 1855 года, дошла до № 19 и замерла въ исходѣ того же года, по слѣдующимъ причинамъ: «Редакторъ «Слуховъ» — говорится въ № 13 — не имѣетъ даже *удобнаго мѣста* и удобнаго времени для изложенія на бумагѣ того, что онъ знаетъ. Апатическое молчаніе подписчиковъ, заставляя предполагать въ нихъ полное равнодушіе къ газетѣ, отнимаетъ бодрость у издателя и сообщаетъ ему самому небрежность въ этомъ дѣлѣ, которое сначала онъ хотѣлъ считать общимъ. Если это такъ продолжится, газета должна будетъ, съ концемъ нынѣшняго года, прекратиться». Почти одновременно съ изданіемъ «Слуховъ», Добролюбовъ пробовалъ себя въ беллетристикѣ и читалъ одному изъ товарищей нѣсколько начальныхъ главъ безъименнаго романа своего, гдѣ дѣло идетъ о воспитаніи двухъ мальчиковъ, барченка и пріемыша, и деспотическихъ отношеніяхъ перваго къ послѣднему; но романъ этотъ не пошелъ далѣе начальныхъ главъ: «N мнѣ положительно сказалъ — признавался Добролюбовъ тому же товарищу —, чтобы я не совался въ беллетристику, что я пишу не повѣсть, а *критику* на сцены, мною *придуманныя*». Этимъ отзывомъ мѣтко и вѣрно опредѣлялся родъ будущей литературной дѣятельности Добролюбова, который, не далѣе какъ въ 1856 году, при переходѣ съ третьяго институтскаго курса на четвертый и послѣдній, уже написалъ первую журнальную статью свою о *Собесѣдникѣ любителей русскаго слова*, напечатанную въ «Современникѣ» того же года. — Передъ выходомъ изъ института, Добролюбовъ затѣялъ вести подробный дневникъ, начатый 1 января и доведенный до 11 февраля 1857 года, — дневникъ, на внутренней сторонѣ обертки котораго рукою автора написано: «Прошу всѣхъ, кому попадется въ руки эта тетрадь, положить ее на мѣсто, не читая, потому что въ ней записалъ я нѣсколько тайнъ, не принадлежащихъ мнѣ и частію даже угаданныхъ мною», — а на страницахъ мелькаютъ замѣтки, въ родѣ слѣдующей: «(3 января)... Странное дѣло: нѣсколько дней тому назадъ я почувствовалъ въ себѣ возможность влюбиться; а вчера, ни съ того, ни съ сего, вдругъ мнѣ пришла охота учиться танцовать. Чортъ знаетъ, что это такое. Какъ бы то ни было, а это означаетъ во мнѣ начало примиренія съ обществомъ. Но я надѣюсь, что не поддамся такому настроенію; чтобы сдѣлать что нибудь, я долженъ не убаюкивать себя, не дѣлать уступки обществу, а напротивъ, держаться отъ него дальше, питать жолчь свою»; или — такой: «(8 января)... Жизнь меня тянетъ къ себѣ, тянетъ неотразимо. Бѣда, если я встрѣчу теперь хорошенькую дѣвушку, съ которой близко сойдусь, — влюблюсь непремѣнно и сойду съ ума на нѣкоторое время... И такъ вотъ она начинается, жизнь-то...». Выпущенный, въ томъ же 1857 году, изъ института, съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя гимназіи и обязательствомъ прослужить 8 лѣтъ по учебному вѣдомству, Добролюбовъ, благодаря содѣйствію профессоровъ Благовѣщенскаго и Срезневскаго (печатавшаго труды Добролюбова въ «Извѣстіяхъ» II отдѣленія академіи наукъ), избѣжалъ казеннаго педагогическаго поприща и, собственно для того, чтобы оставаться въ Петербургѣ, *зачислился* домашнимъ наставникомъ у князя Куракина, а въ маѣ 1858 года *причислился* репетиторомъ русской словесности къ бывшему 2 кадетскому корпусу, отъ котораго онъ, въ маѣ 1860 года, уволенъ въ 3-хъ мѣсячный заграничный отпускъ, но, за невозможностію возвратиться въ срокъ, просилъ и получилъ совершенное увольненіе, дозволившее ему пробыть за границею, и преимущественно въ Италіи, еще цѣлый годъ. Въ теченіе всего этаго времени Добролюбовъ былъ и оставался постояннымъ и усерднымъ сотрудникомъ «Современника», критическій и библіографическій отдѣлы котораго, наполняясь множествомъ неподписанныхъ статей Добролюбова, представляли русской публикѣ и подписанныя — литерами Н.—бовъ или (изъ Италіи) Н. Т—новъ —, памятныя всѣмъ читателямъ, статьи того же автора, какъ напримѣръ: *Темное царство* (разборъ сочиненій Островскаго), *Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами* (о Пироговѣ), объ *Обломовѣ* (Гончарова), о *Наканунѣ* (Тургенева), о *Маркѣ Вовчкѣ* и проч. Высказывалось ли въ этихъ статьяхъ *новое слово* критики — рѣчь о томъ впереди и принадлежитъ не нашему поколѣнію; но что всѣ статьи Добролюбова уважались знатоками дѣла, высоко цѣнились образованною русскою молодежью и съ увлеченіемъ читались всѣми смыслящими русскими людьми — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. — Разборъ сочиненій Достоевскаго, напечатанный, подъ названіемъ *Забитые люди*, въ сентябрьской книжкѣ «Современника» 1861 года, былъ послѣднимъ трудомъ Добролюбова, который, тогда же возвратясь изъ Италіи, умеръ 17 ноября 1861 года, въ Петербургѣ, на 26-мъ году жизни. — Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою Бѣлинскаго. — Съ умомъ гибкимъ, образованнымъ, и талантомъ критика, запечатлѣннымъ необыкновенною ясностью и простотою критической теоріи и взгляда, Н. А. Добролюбовъ соединялъ рѣдкую твердость убѣжденій и «смѣясь въ лицо глупцу, рѣзко отворачивался отъ негодяя». «Если не всѣ любили Добролюбова, говоритъ институтскій товарищъ его, не всѣ соглашались съ нимъ, то положительно говорю — всѣ его уважали. Смѣло можно сказать: всѣ мы, его товарищи, обязаны многимъ и многимъ Николаю Александровичу... Большая часть изъ насъ у него искали разъясненія на многіе вопросы, съ которыми не могли сами совладѣть. Много было рѣзкаго въ его приговорахъ; но эти убѣжденія *его* были *свои*, — этотъ пылъ, эта искренняя откровенность — были всегдашнею неизмѣнною принадлежностію благородной натуры незабвеннаго Добролюбова, горячо оскорблявшагося всѣмъ, что, по его убѣжденію, не было добро и правда...». Добролюбовъ преданно любилъ отчизну — и предпочелъ ее сладкому чувству любви къ одной итальянкѣ, которая соглашалась быть женою Добролюбова, но не въ Россіи. — Лучшая характеристика Добролюбова выражена имъ самимъ — въ слѣдующихъ его стихахъ:

Но безъ надеждъ и упованій
Я гордо снесъ мою печаль.
И безъ наивныхъ ожиданій
Смотря на жизненную даль,
На битву жизни вышелъ смѣло
И жизнь свободно потекла,
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царюющаго зла...

Всѣ сочиненія Добролюбова изданы въ 1862 году, въ 4-хъ томахъ. Читая эти томы, «становится ясно для каждаго, какъ много, съ небольшимъ въ четыре года, успѣлъ сдѣлать этотъ даровитый юноша, соединявшій съ силою таланта глубокое чувство гражданскаго долга, составлявшее основную, отличительную черту покойнаго и какъ писателя, и какъ человѣка».

Веневитиновъ, Дмитрій Владиміровичъ, русскій писатель. Родился 14 сентября 1805 года, въ Москвѣ, и, рано потерявъ отца, остался на рукахъ матери, умѣвшей благоразумно направить воспитаніе сына, чему не было помѣхи и со стороны средствъ, обезпеченныхъ болѣе нежели достаточнымъ состояніемъ Веневитиновыхъ. Когда будущему поэту было всего восемь лѣтъ, онъ попалъ на руки умнаго и образованнаго наставника Дорера, отставнаго капитана французской службы, съ нимъ прошелъ латинскую грамматику, потомъ принялся за римскихъ и французскихъ классиковъ, а подъ руководствомъ грека Бейля, приглашеннаго въ преподаватели по совѣту Дорера, скоро полюбилъ Софокла и Эсхила, самъ началъ переводить отрывки изъ «Прометея». Въ то же время, даровитый мальчикъ съ жадностію читалъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, съ любовію занимался музыкой, смѣлымъ карандашемъ набрасывалъ выразительныя головки, 14-ти лѣтъ уже не разставался съ Гораціемъ, изъ котораго извлекалъ первые свои стихотворные опыты, теперь утраченные, тогда же перевелъ стихами и отрывокъ изъ Виргиліевыхъ Георгикъ (Знаменія передъ смертью Цезаря), а 16-ти лѣтъ былъ развитъ на столько, что могъ гладкимъ, звучнымъ стихомъ написать маленькое посланіе *Къ друзьямъ* и перевести *Вѣточку*, Грессе, единственное стихотвореніе, заимствованное Веневитиновымъ изъ нелюбимой имъ французской литературы. 17-ти лѣтъ Веневитиновъ — вслѣдствіе особыхъ взглядовъ матери своей — впервые посѣтилъ театръ, произведшій на него глубокое впечатлѣніе, и началъ слушать лекціи въ московскомъ университетѣ, гдѣ блисталъ тогда Мерзляковъ, подъ вліяніемъ котораго Веневитиновъ тогда же перевелъ Макферсонову *Пѣснь Кольмы* и написалъ *Два отрывка изъ неконченной поэмы*, а на педагогическихъ бесѣдахъ, устроенныхъ Мерзляковымъ для всѣхъ желающихъ, «Веневитиновъ — говоритъ одинъ изъ біографовъ его — обращалъ на себя вниманіе, какъ своимъ яснымъ, глубокимъ умомъ, такъ и замѣчательной діалектикой своихъ доводовъ». Слушаніе Веневитиновымъ университетскихъ лекцій продолжалось два года, въ теченіе которыхъ онъ написалъ нѣсколько стихотвореній — *Къ друзьямъ на новый* (1823) *годъ*, *Отрывки изъ пролога*, *Смерть Байрона*, *Пѣснь грека*, *Любимый цвѣтъ*, — а по окончаніи курса — безъ труда выдержалъ экзаменъ, требовавшійся тогда, по указу 1809 года, для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ преимуществъ по гражданской службѣ, и вступая на поприще жизни самостоятельной, уже говорилъ въ *Посланіи къ Рожалину:*

Я молодъ, другъ мой, въ цвѣтѣ лѣтъ,
Но я извѣдалъ жизни море,
И для меня ужъ тайны нѣтъ
Ни въ пылкой радости, ни въ горѣ.

Опредѣлившись на службу въ Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Веневитиновъ не замедлилъ сблизиться съ И. В. Кирѣевскимъ, Кошелевымъ, Мальцовымъ, княземъ Одоевскимъ, Титовымъ, Шевыревымъ, Погодинымъ, въ кружкѣ которыхъ онъ, независимо отъ бесѣдъ съ музами, полюбилъ Шеллингову философію, сводящую все къ одному *внутреннему чувству*, и читалъ написанные подъ вліяніемъ ея прозаическіе отрывки свои: «*Скульптура, живопись и музыка*», «*Утро, полдень, вечеръ и ночь*», «*Анаксагоръ*», «*Платонъ и Анаксагоръ*». — Въ то же время, Веневитиновъ принималъ самое дѣятельное участіе въ изданіи «Московскаго Вѣстника», издателямъ котораго онъ предлагалъ «сразить въ конецъ треглавую петербургскую гидру: «Пчелу», «Архивъ» и «Сынъ Отечества», мира съ которыми, по его мнѣнію, быть не могло, но совѣтовалъ «быть осторожнѣе въ полемикѣ съ «Телеграфомъ», имѣвшимъ, въ его глазахъ, «особыя достоинства», а самъ все-таки оставался вѣренъ прежней Музѣ своей, къ которой, въ одномъ изъ *Сонетовъ* 1825 года, онъ обращался такъ:

О муза! я познала твое очарованье!
Я видѣлъ молній блескъ, свирѣпость ярыхъ волнъ;
Я слышалъ трескъ громовъ и бури завыванье:
Но что сравнить съ пѣвцомъ, когда онъ страсти полнъ!
Прости! питомецъ твой тобою погибаетъ
И, погибающій, тебя благословляетъ.

Въ 1826 году Веневитиновъ познакомился въ Москвѣ съ Пушкинымъ. Отзываясь о разборѣ первой пѣсни Онѣгина, написанномъ Веневитиновымъ, какъ протестъ противъ критики «Телеграфа», Пушкинъ говаривалъ: «это единственная статья, которую я прочелъ съ любовью и вниманіемъ. Все остальное — или брань, или переслащенная дичь». Между обоими поэтами скоро завязалась тѣсная дружба и Веневитиновъ успѣлъ привлечь Пушкина къ постоянному сотрудничеству въ «Московскомъ Вѣстникѣ», но, вопреки мнѣнію г. Анненкова, едва ли могъ имѣть какое нибудь литературное вліяніе на могучій, самобытный талантъ творца «Полтавы» и «Бориса Годунова». — Осенью 1826 года Веневитиновъ, страстно влюбленный въ женщину, превосходившую его и лѣтами и зрѣлостію, переселился въ Петербургъ, гдѣ открылось ему мѣсто въ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и тутъ дебютировалъ стихотвореніемъ *Новгородъ*, которое вылилось изъ поэтическаго пера Веневитинова въ проѣздъ автора черезъ знаменитую отчизну древнихъ новгородцевъ. Литературная дѣятельность Веневитинова въ Петербургѣ ограничилась нѣсколькими стихотвореніями — *На новый 1827 годъ*, *Жертвоприношеніе*, *Крылья жизни*, *Три участи*, *Жизнь*, *Къ моему перстню*, *Завѣщаніе*, *Утѣшеніе*, *Поэтъ и другъ* — и неожиданно пресѣклась раннею смертію поэта: при разъѣздѣ съ одного изъ петербургскихъ баловъ, Веневитиновъ схватилъ простуду, за нею нервную горячку и, черезъ недѣлю, 15 марта 1827 года, умеръ въ Петербургѣ, на 22 году жизни, написавъ слѣдующіе «*Послѣдніе стихи*»:

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Веневитиновъ обѣщалъ много, но успѣлъ занять мѣсто только

между второстепенными русскими поэтами, правда, — мѣсто почетное. Стихотворенія его не блещутъ поражающимъ талантомъ, но полны чувства. По смерти автора, они издавались три раза. Лучшее изданіе всѣхъ сочиненій Веневитинова сдѣлано въ 1862 году и принадлежитъ г. Пятковскому. — На плитѣ, покрывающей раннюю могилу Веневитинова въ московскомъ Симоновѣ монастырѣ, вырѣзано друзьями поэта: «*Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!*».

ЛЕРМОНТОВЪ, Михаилъ Юрьевичъ, русскій поэтъ. Родился въ 1815 году, въ Москвѣ, отъ брака тульскаго помѣщика Юрія Петровича Лермонтова съ Марьею Михайловною Арсеньевой, и лишившись матери на третьемъ году возраста, остался подъ призоромъ бабки своей, Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, которая любила внука болѣе жизни — и имѣла несчастіе пережить его. Съ этою бабкою, Лермонтову, возраставшему, при всѣхъ условіяхъ московскаго барства, въ кругу многочисленной аристократической родни, довелось, 10-тилѣтнимъ ребенкомъ, посѣтить кавказскія минеральныя воды — и величественная природа Кавказа неизгладимыми чертами запечатлѣлась въ памяти и воображеніи будущаго поэта, съ дѣтства замѣтнаго между своими сверстниками не дѣтски серьезнымъ, хотя живымъ, нравомъ. Благодаря такимъ особенностямъ послѣдняго, развитіе Лермонтова совершалось быстро: изъ собственноручныхъ его отмѣтокъ на принадлежавшихъ ему ученическихъ тетрадяхъ видно, что, въ 1827 году, онъ, будучи всего 12-ти лѣтъ, успѣлъ «во второй разъ полюбить», а въ 1828 году — уже «началъ *марать* стихи и какъ-бы по инстинкту переписывать и прибирать ихъ». Первыми образцами зарождавшейся музы Лермонтова были любимцы его Пушкинъ и Байронъ, въ подражаніе которымъ ребенокъ-поэтъ написалъ и *своего* «Кавказскаго плѣнника» и *своего* «Корсара», да написалъ такъ, что, напр., въ первомъ изъ этихъ — разумѣется, не напечатанныхъ — произведеній уже встрѣчаются такіе стихи:

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ — но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль.
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутить,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. — Лѣсъ молчитъ, и проч.

а второе, «Корсаръ», начинается слѣдующею строфою:

Друзья! взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня,
Моя давно увяла радость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ доли упованья!
Исчезло все! Одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.

Почти тогда же, т. е. около 1828 года, Лермонтовъ поступилъ въ московскій университетскій пансіонъ и началъ брать приватные уроки у извѣстнаго профессора А. Ѳ. Мерзлякова, а въ 1830 — 1831 гг. знавшіе Лермонтова видѣли въ немъ «неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительною насмѣшкою» — мальчика, который однако понималъ Пушкина, изучалъ Ламартина, былъ неразлученъ съ огромнымъ томомъ Байрона, оживлялъ собою сельское уединеніе московскихъ дамъ и дѣвицъ, влюблялся въ тѣхъ и другихъ, ревновалъ своихъ избранницъ и, на прощанье, писывалъ имъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

И такъ прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай! шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній разъ.

Кромѣ всего этого, тотъ же мальчикъ уже написалъ донынѣ прекрасное стихотвореніе *Ангелъ* и создалъ не только первоначальную редакцію своего извѣстнаго *Демона*, но также пятиактную трагедію *Испанцы*, романтическую драму *Странный человѣкъ* и просто драму *Два брата* — юношескія произведенія, въ пяти-стопныхъ, не всегда правильныхъ, ямбическихъ стихахъ безъ риѳмъ. — Въ 1832 году семнадцатилѣтній Лермонтовъ былъ привезенъ бабкою въ Петербургъ и, записанный 13 ноября, унтеръ-офицеромъ л.-гв. въ гусарскій полкъ, поступилъ въ гвардейскую юнкерскую школу, гдѣ онъ скоро сошелся со всѣми товарищами, въ особенности же съ извѣстнымъ впослѣдствіи беллетристомъ Вонлярлярскимъ, и въ 1833 году написалъ стихотворную повѣсть «Хаджи Абрекъ», а съ началомъ 1834 г. принялъ участіе въ рукописномъ школьномъ журналѣ, который онъ наполнялъ не подлежащими печати, но донынѣ многимъ извѣстными стихотвореніями, каковы, напр.: *Уланьша*, *Монго*, *Праздникъ въ Петергофѣ*, наконецъ, *Юнкерская молитва*. Въ исходѣ 1834 года Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты л.-гв. гусарскаго полка; въ 1835 году его *Хаджи-Абрекъ* явился напечатаннымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», съ подписью автора, а въ 1836 году Лермонтовъ уже переписалъ на-чисто свой *Маскарадъ*. Въ 1837 году — Высочайшимъ приказомъ 27 февраля, переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ и, отправившись на Кавказъ, участвовалъ въ экспедиціи за Кубанью, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, послѣ чего, Высочайшимъ приказомъ 11 октября 1837 года, снова возвращенъ въ гвардію и опредѣленъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, изъ котораго, въ началѣ 1838 года, переведенъ по прежнему въ лейбъ-гусары. До сихъ поръ извѣстность Лермонтова, какъ писателя, основанная преимущественно на рукописныхъ произведеніяхъ, ограничивалась небольшимъ кругомъ читателей и не распространялась въ публикѣ, не обратившей особеннаго вниманія на стихотвореніе Лермонтова *Бородино*, напечатанное, съ именемъ автора, въ «Современникѣ» 1837 года. — Но когда Лермонтовъ помѣстилъ въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1838 года свою *Пѣсню про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова*, — извѣстность его возрасла и упрочилась разомъ. Съ этаго времени публика радостно привѣтствовала каждое новое произведеніе молодаго поэта и, восхищаясь чудной думой его: *Печально я гляжу на наше поколѣнье*, украсившей № 1 «Отечественныхъ Записокъ» 1839 года, жадно читала въ томъ же журналѣ почти всѣ лучшія стихотворенія Лермонтова, а также разсказы его: *Бела*, *Фаталистъ*, *Тамарь*. Вскорѣ однако Лермонтовъ, уже любимецъ всей читающей Россіи, былъ застигнутъ новою бѣдою: поссорившись, 16 февраля 1840 года, на балѣ у графини Лаваль, съ барономъ Барантомъ, сыномъ французскаго посла при русскомъ дворѣ, Лермонтовъ, спустя два дня, дрался съ барономъ сначала на шпагахъ, потомъ на пистолетахъ, — и

за дуэль эту, хотя не имѣвшую кровавыхъ послѣдствій, подвергся аресту, слѣдствію и суду, на докладѣ котораго состоялась, 13 апрѣля 1840 года, слѣдующая Высочайшая конфирмація: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ». Вынужденный снова отправиться на Кавказъ, Лермонтовъ, только что приступившій тогда къ первому изданію своего знаменитаго романа *Герой нашего времени*, оставлялъ Петербургъ не совсѣмъ равнодушно и, дорогою къ Ставрополю, написалъ извѣстное стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто, какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную, и проч.

а по прибытіи къ мѣсту своего назначенія, онъ слѣдующимъ образомъ привѣтствовалъ стараго знакомца:

Тебѣ, Кавказъ суровый, царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Затѣмъ, пока русская публика покупала на расхватъ новоизданный романъ Лермонтова, самъ Лермонтовъ сбирался и ходилъ въ горы, въ экспедицію противъ чеченцевъ, одно изъ дѣлъ съ которыми превосходно описано имъ въ стихотвореніи *Валерикъ*. Въ концѣ 1840 года Лермонтовъ, успѣвъ получить временный отпускъ съ Кавказа, для свиданія съ престарѣлою бабкой, немедленно пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда, весною 1841 года, возвратился на Кавказъ и тамъ, 15 іюля того же года, умеръ смертью Пушкина, сраженный на дуэли, близъ Пятигорскаго кладбища, у подошвы горы Машукъ. — Причиною этой дуэли была, какъ извѣстно, язвительная шутка Лермонтова, оскорбившая одного изъ сослуживцевъ его, который вызвалъ и убилъ оскорбителя. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о смерти Лермонтова глубоко опечалило всю образованную Россію — и во всѣхъ концахъ ея невольно повторялись тогда вдохновенныя строки такъ рано отжившаго поэта:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордо головой....

«Лермонтовъ — говоритъ одинъ изъ его біографовъ — былъ далеко не красивъ собою и хотя, съ годами, физіономія его получила выразительность, а черные глаза сдѣлались особенно замѣчательными, однакожъ онъ все-таки оставался широкоплечимъ, невысокаго роста, юношей. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на этотъ недостатокъ и потому всегда колко и насмѣшливо относился въ обществѣ къ великосвѣтскимъ львамъ и постоянно напрашивался на дерзость» («Вѣкъ» 1862 г.). Какъ писатель, Лермонтовъ представляетъ изумительное явленіе ранней зрѣлости таланта, съумѣвшаго не только проводить одинъ и тотъ же типъ въ герояхъ всѣхъ произведеній своихъ, герояхъ, повидимому, разнообразныхъ, каковы Арбенинъ, Измаилъ-Бей, Мцыри, Орша, Арсеній, даже Демонъ, — но и самыя произведенія эти — сдѣлать лучшею автобіографіею. «Произведенія Лермонтова — его біографія», сказалъ нѣмецъ Боденштедтъ — и отзывъ этотъ такъ справедливъ, что его нельзя не предпочесть отзывамъ иныхъ, даже ученыхъ, русскихъ, напр. бывшаго профессора Шевырева, который видѣлъ въ Лермонтовѣ не больше, какъ искуснаго версификатора и ловкаго подражателя, далеко уступавшаго, не говоря уже о другихъ, и г. Бенедиктову, «поэту мысли» по преимуществу, какъ выражается о немъ Шевыревъ. Нельзя также не согласиться съ Боденштедтовымъ сравненіемъ Пушкина и Лермонтова: «Лермонтовъ, говоритъ Боденштедтъ, явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника, онъ съумѣлъ извлечь пользу, для себя и для народа, изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напр., *Вѣтка Палестины*, — невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности «*Казначейша*». Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этаго сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства у обоихъ были почти одинаковы, точно такъ же, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно» («Современ.» 1861 февр.). Что касается всѣми признаннаго вліянія Байрона на Лермонтова, оно вполнѣ вѣрно опредѣлено самимъ Лермонтовымъ, который поэтически сказалъ о себѣ:

Нѣтъ, я не Байронъ; я другой,
Еще невѣдомый избранникъ, —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Не менѣе вѣрно цѣнитъ Лермонтова и русская публика, быстро раскупавшая и раскупающая всѣ изданія его сочиненій. Первымъ изъ этихъ изданій явился *Герой нашего времени*, напечатанный, въ 2-хъ томикахъ, лѣтомъ 1840 года, а въ концѣ того же года вышли особымъ томикомъ и мелкія стихотворенія Лермонтова, «самыя безукоризненныя», какъ выразился о нихъ Бѣлинскій. «Этихъ трехъ томиковъ, замѣчаетъ г. Лонгиновъ, было достаточно для того, чтобы за Лермонтовымъ былъ признанъ титулъ перваго изъ современныхъ писателей и великаго поэта» («Рус. Вѣстн.» 1860 № 8). — Въ 1841 году *Герой нашего времени* изданъ вторично; въ 1842 году напечатаны, въ 3-хъ томахъ, всѣ прежнія и вновь открытыя стихотворенія и отрывки Лермонтова; въ 1843 году состоялось третье изданіе *Героя нашего времени;* въ 1844 году къ прежде изданнымъ стихотвореніямъ прибавленъ четвертый томъ; въ 1847, 1852 и 1856 годахъ выходили *Собранія сочиненій* Лермонтова, въ форматѣ смирдинской коллекціи русскихъ авторовъ; наконецъ, въ 1860 году г. Дудышкинъ началъ издавать *Сочиненія Лермонтова*, приведенныя въ порядокъ и дополненныя. Все это, вмѣстѣ съ открытіемъ и обнародованіемъ въ послѣднее время множества юношескихъ попытокъ Лермонтова и многихъ опытовъ изученія его сочиненій и жизни, сдѣланныхъ гг. М—къ, Шестаковымъ, Меринскимъ, Галаховымъ и друг., доказываетъ, что Лермонтовъ долго еще будетъ любимъ русскою публикою — и уже занялъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы.

КУЛИБИНЪ, Иванъ Петровичъ, русскій механикъ-самоучка. Родился 10 апрѣля 1735 года въ Нижнемъ-Новгородѣ и, принадлежа къ семьѣ посадскихъ, съ дѣтства былъ отданъ въ мучную лавку, для пріобрѣтенія навыка въ торговомъ дѣлѣ. Но, вмѣсто торговаго дѣла, мальчикъ и, потомъ, юноша-сидѣлецъ занимался выдумываніемъ и постановкою разныхъ замысловатыхъ флюгеровъ, меленокъ, толчей; сооружалъ на сосѣднемъ ручьѣ плотины и запруды; всматривался въ деревянный механизмъ домашнихъ стѣнныхъ часовъ; наконецъ, съ помощію одного ножа и неимовѣрнаго терпѣнія, самъ устроилъ точно такой же часовый механизмъ, который однако не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ трудившагося: часы не шли, — быть можетъ, отъ несоблюденія надлежащей круглоты колесъ и равномѣрности зубцовъ, выдѣланныхъ ручною работою. Тогда же кто-то изъ родичей весьма кстати подарилъ доморощеному механику-сидѣльцу часы, разбирая и собирая которые Кулибинъ такъ освоился съ ихъ механизмомъ, что могъ уже починивать всякіе испортившіеся часы и, разумѣется, сдѣлалъ себѣ изъ этаго нѣкоторую небездоходную практику. Усердно занимаясь послѣднею, Кулибинъ женился, обзавелся дѣтьми и, въ 1765 году, задумалъ дѣло, на совершеніе котораго у него не хватало собственныхъ матеріальныхъ средствъ. Дѣло это заключалось въ изобрѣтеніи часовъ, имѣвшихъ форму яйца и механизмъ чрезвычайно многосложный:» сіи удивительные часы, пишетъ сынъ самаго Кулибина, — представляютъ слѣдующее дѣйствіе: въ срединѣ яичка видишь за стекломъ маленькія царскія двери; двери растворяются; вдали гробъ Господень, по сторонамъ стоятъ вооруженные стражи. Приходитъ ангелъ, отваливаетъ камень отъ гроба, стражи упадаютъ ницъ отъ страха; тутъ, съ другой стороны, являются двѣ жены мvроносицы; куранты играютъ три раза (молитву) *Христосъ воскресе!* — и двери затворяются. Всѣ эти маленькія фигурки сдѣланы изъ серебра. Такое дѣйствіе повторяется каждый часъ. На другой сторонѣ яичка маленькій циферблатъ показываетъ часы и минуты. — Сверхъ того они играютъ маршъ и кантату, имъ же, Кулибинымъ, въ стихахъ сочиненную и на голосъ положенную. Машина эта заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 малѣйшихъ колесъ и прочихъ механическихъ частицъ». Для осуществленія всего этаго требовалась, разумѣется, не малая затрата денегъ, хотя бы, напр. на серебро для фигурокъ, — и Кулибинъ былъ такъ счастливъ, что нашелъ своего мецената въ зажиточномъ нижегородскомъ торговцѣ Михаилѣ Андреевичѣ Костроминѣ, который не только взялъ на себя всѣ расходы по замысловатому изобрѣтенію, но переселилъ къ себѣ самого изобрѣтателя, обезпечивъ ему, со всеѣ его, семьею квартиру и столъ. Работа Кулибина близилась уже къ совершенію, когда, лѣтомъ 1768 года, посѣтила Нижній-Новгородъ императрица Екатерина II, которой, между прочимъ, былъ представленъ и Кулибинъ, съ его неоконченными еще часами, какимъ-то григоріанскимъ телескопомъ, микроскопомъ и электрическою машиною, имъ же сдѣланными. Вслѣдъ за возвращеніемъ Государыни въ Петербургъ, сопутствовавшій ей графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, тогда директоръ академіи наукъ, сдѣлалъ письменный запросъ нижегородскому губернатору: не желаетъ ли Кулибинъ, для усовершенствованія себя въ художествахъ, опредѣлиться къ академіи? — и Кулибинъ, давъ письменно утвердительный отвѣтъ, самъ, уже съ готовыми часами и прочими своими издѣліями, 27 февраля 1769 года явился въ Петербургъ, гдѣ снова былъ представленъ Екатеринѣ и получилъ отъ ея щедротъ 1000 рублей, между тѣмъ какъ меценату Кулибина, Костромину, тогда же пожалована большая серебряная кружка, съ золотымъ на ней изображеніемъ императрицы и слѣдующею надписью:« Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская, жалуетъ сію кружку Михаилу Андрееву, сыну Костромину, за добродѣтель его, оказанную надъ механикомъ Иваномъ, Петровымъ сыномъ, Кулибинымъ, 1769 года апрѣля 1 дня». 1 января 1770 года, Кулибинъ вступилъ на службу при академіи наукъ съ, жалованьемъ на 300 рублей въ годъ, казенною квартирою, и обязанностію: «имѣть главное смотрѣніе надъ инструментальною, слѣсарною, токарною, столярною и надъ тою палатою, гдѣ дѣлаются оптическіе инструменты, термометры и барометры, чтобы всѣ работы съ успѣхомъ и порядочно производимы были, и дѣлать нескрытное показаніе академическимъ художникамъ во всемъ томъ, въ чемъ онъ самъ искусенъ». Въ заключеніи этаго условія было сказано, что, за выучку каждаго изъ академическихъ художниковъ дѣланію телескоповъ астрономическихъ трубъ, Кулибинъ имѣетъ получать въ награжденіе по 100 и болѣе рублей. — Съ ревностію принявшись служить академіи, Кулибинъ не далѣе какъ въ 1772 году уже задумался надъ газетнымъ вызовомъ ученыхъ англичанъ — «сдѣлать лучшую модель такому мосту, который бы состоялъ изъ одной дуги или свода безъ свай, и утвержденъ бы былъ концами своими только на берегахъ рѣки». Занятый такою задачею, Кулибинъ, уже въ 1773 году, собственными исчисленіями дошелъ до выводовъ, полученныхъ великимъ Эйлеромъ года два спустя, но еще не успѣвалъ побѣдить всѣхъ трудностей, отвлекаясь обязательнымъ дѣланіемъ телескопа, на которое ему, 15 января 1774 года, было отпущено 1000 рублей. За сдѣланіе этаго телескопа Кулибинъ, указомъ 16 января 1775 года, былъ выключенъ, съ дѣтьми, изъ подушнаго оклада — и, немедленно представивъ о намѣреніи своемъ приступить къ рѣшенію англійской задачи о мостовой модели, 19 января того же года получилъ 1000 рублей на необходимые матеріалы. Это пособіе не пропало втунѣ: 27 декабря 1776 года модель, длиною въ 14 саженъ, т. е. въ десятую долю настоящаго моста, собранная Кулибинымъ на академическомъ дворѣ, тутъ же была свидѣтельствована и «найдена доказательно вѣрною для произведенія въ настоящемъ размѣрѣ», что подтвердили подписомъ своимъ и всѣ свидѣтельствовавшіе, а именно: академики: Эйлеры, отецъ и сынъ; Сем. Котельниковъ; Ст. Румовскій; В. Л. Крафтъ; А. І. Лексель; адъюнкты: П. Иноходцевъ, Н. Фусъ и М. Головинъ. Труды Кулибина по изобрѣтенію и сдѣланію модели были награждены пожалованіемъ ему, 13 мая 1777 года, 2-хъ тысячъ рублей, послѣ чего онъ, 5 мая 1778 года, получилъ большую золотую (въ 34 зол.) медаль, съ надписью «достойному» для ношенія на шеѣ, на Андреевской лентѣ, и къ 29 декабря того же года, дню обычнаго академическаго торжества, изобрѣлъ и устроилъ «солнце и движеніе фигуры Аполлоновой» — для фейерверка, приготовленнаго къ тому же дню. Въ 1779 году Кулибинъ, по словамъ собственной его записки, «изобрелъ и здѣлалъ изъ частицъ зеркальныхъ стеколъ вогнутое зеркало, употребляемое въ фонарѣ, съ коимъ представленъ былъ Ея Императорскому Величеству въ Эрмитажѣ» и получилъ за это 800 рублей, а потомъ имъ же «изобретены для водоходства машинные суда, которыхъ опытъ, по Высочайшему Ея Величества повелѣнію, 8 ноября 1782 года, на р. Невѣ, генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ и всею, коллегіею опробованъ былъ», и заключался въ томъ, что «ма-

шинное судно шло противу воды, помощью той же воды, безъ всякой посторонней силы... и шло такъ скоро, что порожній яликъ съ двумя гребцами едва успѣвалъ плыть съ нимъ рядомъ». Награжденный за это полезное изобрѣтеніе выдачею 5000 рублей, Кулибинъ съ 1782 по 1786 годъ не переставалъ выдумывать и производить разныя замысловатыя штуки, къ которымъ принадлежатъ: настѣнный механическій приборъ для отпиранія и запиранія, прямо съ пола, верхнихъ оконъ въ дворцовыхъ залахъ; настольная механическая гора, въ 1½ арш. вышиною, съ музыкой внутри; такая же вѣтряная мельница, въ ¾ арш. вышиною, съ движущимися толчеями, ступами, пестиками, жерновами и проч., назначавшаяся, какъ и гора, для забавы великихъ князей Александра и Константина Павловичей, тогда маленькихъ; способъ освѣщенія обыкновенными зеркалами темныхъ переходовъ царскосельскаго дворца; «отмѣнной величины электрофоръ, особой и самой простой, малосложной конструкціи, изъ двухъ только частей»; электрофоры карманные; зажигательное стекло въ 3 сажени діаметромъ; термометръ безъ стекла, ртути и спиртовъ; водяныя мельницы невиданныхъ системъ; трехколесная самокатка и проч. На покрытіе недоплаченныхъ счетовъ по всѣмъ этимъ издѣліямъ, Кулибинъ, 3 іюня 1786 года, получилъ 4000 рублей, съ чѣмъ вмѣстѣ, какъ самъ онъ пишетъ, «объявлено ему было Великія Государыни Императрицы повелѣніе, чтобъ старался онъ болѣе въ новыхъ полезныхъ изобрѣтеніяхъ, при чемъ обѣщено было положить на опыты оныхъ каждогодную денежную сумму; въ чемъ усердствуя исполнять Высоко-Монаршую Ея Величества волю и ревнуя пріобретать пользу государству, но по неполученію на то обѣщанной суммы, изобреталъ и производилъ оныя опыты съ вольнонаемными мастеровыми людьми не малою частію на кредитъ разныхъ одолжителей». 22 іюля 1790 года Кулибину, на уплату его, долговъ выдано 2000 рублей, къ которымъ, 23 іюля 1791 года, за изобрѣтеніе комнатнаго несгараемаго фейерверка, пожаловано еще столько же, а 30 марта 1792 года, Кулибинъ, успѣвшій, между тѣмъ, исправить за 1200 рублей знаменитые часы князя Потемкина — одни съ павлиномъ, пѣтухомъ и совою, другіе съ слономъ —, былъ перемѣщенъ съ прежняго жалованья въ 300 рублей на новое, въ 1200 рублей съ сохраненіемъ казенной квартиры при академіи, и 22 ноября того же года, по представленію графа Ангальта, Эйлера, Нартова и другихъ, принятъ въ члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ 1793 году Кулибинъ удивилъ петербургскую публику перевозкою своей мостовой модели съ академическаго двора въ Таврическій садъ *неразобранною;* въ 1794 году доказательно опровергъ увѣренія германскаго механика Гейнгле, что изобрѣтенная послѣднимъ и рекомендуемая для употребленія въ Россіи самодвижущая машина будетъ имѣть безпрерывное дѣйствіе; въ 1795 году неоднократно требовался въ царскосельскій дворецъ — руководить установкою и показываніемъ выписнаго изъ заграницы Гершелева телескопа, «въ который изволила смотрѣть Ея Величество на лунное тѣло». 15 ноября 1796 года, т. е. черезъ 9 дней по воцареніи Императора Павла I, Кулибинъ получилъ Высочайшее повелѣніе поставить на фронтонѣ Зимняго дворца и имѣть въ своемъ смотрѣніи боевые астрономическіе часы, а затѣмъ принялся проэктировать разныя гидравлическія сооруженія и, между прочимъ, мостъ черезъ Неву, эстампъ котораго, 9 марта 1799 года, удостоенъ припечатанія на немъ Высочайшаго имени Государя Императора. Но изумительнѣйшіе образчики трудовъ Кулибина въ царствованіе императора Павла I относятся къ 1800 году, когда Кулибинъ, уже 65-ти-лѣтній старикъ, сдвинувъ силою своего геніальнаго соображенія 130-ти пушечный корабль «Благодать», остановившійся на стапелѣ и противостоявшій всѣмъ усиліямъ ученыхъ механиковъ, лично, безъ всякихъ машинъ, лѣсовъ и пособниковъ, влѣзалъ въ шпицъ Петропавловскаго собора, гдѣ, къ удивленію и ужасу знаменитаго архитектора Гваренги, собственноручно задѣлалъ разсохшіяся балки клиньями, закрѣпилъ винты на стычныхъ брусьяхъ, привинтилъ вновь желѣзныя полосы и привелъ все испорченное въ надлежащій порядокъ, о чемъ самъ же немедленно доложилъ Государю. Въ награду за все это, императоръ Павелъ, 5 января 1801 года, повелѣлъ производить Кулибину, кромѣ жалованья отъ академіи, еще по 1200 рублей въ годъ на содержаніе часовъ въ зимнемъ дворцѣ и тотчасъ же выплатить ему этотъ окладъ по расчету съ 15 ноября 1796 года. — Поздравивъ императора Александра съ восшествіемъ на престолъ, «при чемъ — замѣчаетъ самъ Кулибинъ — Всемилостивѣйше изволилъ (Государь) дважды поцѣловать во уста», старецъ-механикъ просилъ увольненія отъ службы и получилъ его 28 августа 1801 года, съ ежегодною пенсіею въ 3000 рублей и выдачами: 6000 рублей въ невозвратную ссуду, на уплату долговъ, да еще 6000 рублей заимообразно, на сдѣланіе пробнаго машиннаго судна для рѣки Волги, съ тѣмъ, чтобы сумма эта, въ теченіе 6-ти лѣтъ, вычиталась изъ пенсіона. Взысканный такими милостями, Кулибинъ, послѣ долгаго отсутствія, возвратился на родину, въ Нижній-Новгородъ, гдѣ онъ цѣлые три года неустанно трудился надъ своимъ судномъ, но, видя, что данной ему суммы на всѣ расходы недостаточно, въ 1804 году испросилъ еще 3000 рублей, подъ вычетъ же изъ своего пенсіона — и съ этими деньгами привелъ дѣло къ концу. Судно Кулибина, на испытаніи, произведенномъ губернскими властями 28 сентября 1804 года, «проходило съ грузомъ вверхъ противу теченія рѣки безъ лошадей и всякой посторонней силы, только помощію той же воды, на которой оно плыло въ одинъ часъ по 410 саженъ» — и, въ 1807 году, было сдано нижегородской городской думѣ, при чемъ съ Кулибина сложенъ долгъ казнѣ по займу, составлявшій тогда 6080 рублей 25 коп. — Впрочемъ, это изобрѣтеніе Кулибина не послужило ни къ чему, потому что судномъ его не занимался никто и оно скоро же было продано нижегородскою думою — и довольно дешево — на дрова, между тѣмъ какъ самъ Кулибинъ, обратившійся съ горя къ дѣланію искуственныхъ ногъ, придуманныхъ имъ еще въ 1791 году, лишился, въ пожарѣ 1813 года, двухъ своихъ домовъ, и, тщетно ходатайствуя о пособіи, дожилъ до того времени, когда французъ Пуадебардъ, въ 1814 году, получилъ привиллегію на введеніе по Волгѣ водоходныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, и, въ глазахъ забытаго Кулибина, обогатился на счетъ того же нижегородскаго купечества. Забытый Кулибинъ однако не бездѣйствовалъ и, въ томъ же 1814 году, представилъ проэктъ желѣзнаго трехъ-арочнаго моста черезъ Неву, на двухъ гранитныхъ быкахъ въ водѣ и двухъ фундаментахъ на берегу, — проэктъ, ставившій въ тупикъ всѣхъ петербургскихъ гидравликовъ того времени, начиная съ извѣстнаго Бетанкура, и потому не осуществленный. Послѣднимъ занятіемъ Кулибина, уже маститаго старца, было стремленіе устроить вѣчнодвижущійся снарядецъ (perpetum mobile), тайна котораго, какъ утверждаютъ, начинавшая даваться русскому механику, — осталась тайною, за смертію, постигшею

Кулибина, 30 іюня 1818 года, въ Нижнемъ-Новгородѣ, на 84 году жизни. — Тѣло его, сопровожденное до могилы всѣмъ ученымъ сословіемъ Нижняго-Новгорода, погребено на нижегородскомъ Петропавловскомъ единовѣрческомъ кладбищѣ, гдѣ, надъ прахомъ Кулибина, воздвигнутъ нижегородскимъ архіепископомъ Іаковымъ (Вечерковымъ) скромный памятникъ. — «Кулибинъ — пишетъ одинъ изъ знававшихъ его лично — былъ небольшаго роста и довольно худощавъ; лицо его, оттѣненное бѣлоснѣжною бородою, и въ преклонной старости было чрезвычайно благолѣпно; голосъ у него былъ тихій, рѣчь кроткая, но внушительная, походка медленная и величавая. Къ его наружности чрезвычайно какъ шла и его одежда: фіолетовое бархатное полукафтанье, черныя бархатныя же шаровары, опущенныя въ сапоги, и сверху нѣчто въ родѣ чуйки. Зимняя верхняя одежда его была опушена бобромъ. Въ отношеніи нравственномъ — онъ былъ чрезвычайно набоженъ, человѣколюбивъ и смиренъ сердцемъ; а оттого, не смотря на твердость и стойкость характера, въ высшей степени обходителенъ и любезенъ со всѣми, безъ различія званія и возраста. Жизнь онъ всегда велъ самую трезвую и умѣренную. Дѣятельность его превосходитъ всякое описаніе: онъ едва давалъ себѣ отдыха на нѣсколько часовъ въ сутки. По религіознымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ принадлежалъ къ старообрядству, и хотя ходилъ къ службамъ въ православныя церкви, но исповѣдывался и пріобщался въ церкви единовѣрческой». Бывъ женатъ три раза, И. П. Кулибинъ имѣлъ отъ всѣхъ браковъ 11 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшій, Семенъ, служилъ въ 1831 году статскимъ совѣтникомъ.

КОЛЬЦОВЪ, Алексѣй Васильевичъ, русскій поэтъ. — Сынъ воронежскихъ мѣщанъ Василья Петрова и Прасковьи Ивановой Кольцовыхъ, Алексѣй Васильевичъ родился 2 октября 1809 года, въ Воронежѣ, и первые годы жизни проводилъ, большею частію, на улицѣ, бѣгая босикомъ и играя въ бабки или свайку съ своими сверстниками, не то на глазахъ, не то за глазами отца, промышлявшаго продажею барановъ и мелкимъ торгашествомъ. Но такъ какъ этотъ отецъ былъ способенъ видѣть въ сынѣ только новую рабочую силу, то классическое образованіе будущаго поэта не пошло далѣе русской грамоты — и онъ, просидѣвъ въ училищѣ всего четыре мѣсяца, уже съ десятилѣтняго возраста сдѣлался сподручникомъ своего отца, сталъ ѣздить за нимъ въ степи, присутствовалъ при закупкѣ барановъ, даже навыкалъ промышлять ими. Совсѣмъ тѣмъ, узнавъ, съ одной стороны, грамоту, а съ другой — природу степи, 11-ти-лѣтній Кольцовъ, вдохновляемый поэтическимъ настроеніемъ своей натуры, не замедлилъ создать себѣ особое міросозерцаніе, углубляясь въ которое, онъ, тайкомъ отъ отца и домашнихъ, просиживалъ ночи за арабскими сказками или переводными французскими романами и жадно, хотя безъ всякаго разбора и выбора, переходилъ отъ одной книги къ другой. Когда же любознательному отроку случилось впервые наткнуться на какіе-то стихи, онъ не только сталъ перечитывать ихъ, но сѣлъ распѣвать подъ деревомъ въ своемъ саду, а потомъ, прислушиваясь къ этой, невѣдомой ему, плавности и размѣренности созвучій, захотѣлъ самъ подражать ей — и принесъ первый стихотворный опытъ свой воронежскому книгопродавцу, который, не одобривъ опыта, подарилъ юному автору печатный курсъ просодіи. Тогда Кольцову было около 16-ти лѣтъ, а по 18-му году онъ влюбился въ одну простую дѣвушку, которая, сдѣлавшись его сокровищемъ, душою его души, тогда же внушила ему слѣдующее выраженіе испытываемыхъ имъ чувствъ:

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя, —
Что̀ за трепетъ — огонь
Разольется въ душѣ!
Если взглянешь, душа,
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!
Если молвишь мнѣ что̀,
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои
Что̀ сказать не сыщу.

Но счастье Кольцова было непродолжительно: дѣвушка скоро умерла — и это первое, сильное горе вдругъ развило силы поэта, который, затаивъ въ сердцѣ прежнюю любовь къ погибшему ея, предмету невольно сталъ углубляться въ самаго себя, задумываться надъ жизнію, присматриваться къ людямъ и находить въ собственной душѣ отвѣты на все, что встрѣчалось ему въ окружающемъ. А если вспомнить, что окружающее Кольцова, исполненное самой тупой и грубой прозы, находилось въ прямомъ разладѣ со всѣмъ, чего могъ и долженъ былъ желать и искать поэтъ, то сдѣлается понятнымъ тотъ, повидимому, неуловимый процессъ, вслѣдствіе котораго Кольцовъ, по выраженію одного изъ своихъ біографовъ, «мгновенно возросъ для дѣятельности и въ самомъ себѣ нашелъ содержаніе для поэтическихъ звуковъ, которыми была полна его душа». — Многимъ, впрочемъ, Кольцовъ былъ обязанъ сближенію своему съ однимъ молодымъ воронежскимъ семинаристомъ, Серебрянскимъ: «болѣзненный, чахоточный, Серебрянскій, говоритъ едва ли не со словъ самаго Кольцова г. Катковъ, былъ человѣкъ съ музыкальною душою и, дѣйствительно, первый возбудилъ въ своемъ другѣ поэтическіе звуки». Получивъ образованіе схоластическое, Серебрянскій тѣмъ не менѣе былъ юноша замѣчательный, съ сердцемъ нѣжнымъ, умомъ воспріимчивымъ и рѣдкими дарованіями, чему можетъ служить доказательствомъ статья его *Мысли о музыкѣ*, напечатанная въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1838 года и потомъ помѣщавшаяся при изданіи стихотвореній Кольцова. Серебрянскій писалъ также и стихи, напр. поэму *Безсмертіе*, сохранившуюся въ недавно найденныхъ черновыхъ тетрадяхъ стихотвореній Кольцова, писанныхъ въ промежуткѣ времени отъ 1826 до 1839 годовъ. Вліяніе Серебрянскаго на Кольцова было таково, что послѣдній, правда, уже знакомый съ произведеніями Дмитріева, Жуковскаго и другихъ русскихъ писателей, могъ самъ, на 20-мъ или 21-мъ году жизни, слагать, напр., такіе стихи:

Я недоросль — я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли — посмѣюсь,
Съ прекраснымъ встрѣчусь — имъ плѣнюсь,
Съ несчастнымъ — отъ души поплачу,
И не стараюсь знать, что̀ значу. —

Не менѣе, если не болѣе, Серебрянскаго повліяла на поэтическое развитіе Кольцова и встрѣча его съ Н. В. Станкевичемъ, личностію, до сихъ поръ еще не уясненною, но которая, по всѣмъ извѣстіямъ о ней, дѣйствовала на всѣ другія личности обаятельно и заключала въ себѣ силу, способную, какъ выражается

г. Катковъ «приводитъ въ связь и согласіе самые разнородные элементы». Познакомившись съ Кольцовымъ въ Воронежѣ, Станкевичъ уже не терялъ изъ вида новообрѣтенное дарованіе и, во время поѣздокъ Кольцова, по торговымъ дѣламъ отца, въ Москву и Петербургъ, старался ввести самороднаго воронежскаго поэта въ кружки столичныхъ литераторовъ, а въ 1835 году принялъ на себя и первое изданіе стихотвореній Кольцова, которыя не только понравились публикѣ, замѣтившей особенно извѣстную *Пѣснь пахаря*, но заслужили и одобреніе критики, отозвавшейся, что «произведенія поэта-прасола дышатъ оригинальною свѣжестію мыслей и картинъ, словомъ сильнымъ и прекраснымъ, чувствомъ вѣрнымъ и истинно русскимъ» (Жур. мин. нар. просв. 1836, мартъ. с. 653). — Къ тому же времени относится и личное знакомство Кольцова съ В. А. Жуковскимъ, Н. В. Гоголемъ, княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, В. Г. Бѣлинскимъ — знакомство, окончательно разладившее поэта-прасола съ дѣйствительностію, окружавшею его въ Воронежѣ. «Кромѣ минутъ священнаго унынья, если были когда нибудь въ моей жизни прекрасныя минуты, которыя навсегда остались памятными мнѣ, то всѣ они даны мнѣ вами, княземъ Вяземскимъ и Жуковскимъ», писалъ самъ Кольцовъ князю Одоевскому, въ 1839 году, не высказывая договореннаго потомъ одною газетною статейкою, которая, между прочимъ, весьма справедливо замѣтила слѣдующее: «Изъ біографіи Кольцова видимъ, что онъ былъ въ сближеніи съ людьми сильными, богатыми, которые однакожъ не помогли ему выпутаться изъ труднаго положенія, допустили его ранoвременно умереть почти въ отчаяніи и не вывели его даже нравственно на тотъ путь, гдѣ пріобрѣлъ бы онъ новыя силы для борьбы съ жизнью. Въ Москвѣ и Петербургѣ ласкали его, дарили ему книги, какъ школьнику за успѣхи, и изъ простодушнаго поэта сдѣлали только недовольнаго судьбою человѣка» (Сѣв. Пчела 1856. № 127). Недовольство свое, изливавшееся то въ неподражаемыхъ пѣсняхъ, то въ безсвязныхъ думахъ, Кольцовъ старался топить въ воронежской «чайной» Гордѣя Павлова, которую онъ посѣщалъ почти ежедневно игутъ, за стаканомъ чая, или высказывалъ другу-половому, Дмирію Яремову, злое горе, или бралъ перо и писывалъ вдохновенныя строки, тщательно хранившіяся Яремовымъ, какъ священный завѣтъ друга. Къ безвыходной разладицѣ съ средою, въ которой вращался Кольцовъ, скоро присоединились плохія трговыя обстоятельства его отца — и поэту, уже начинавшему захнуть съ горя, приходилось таскаться по переднимъ секретрей, выслушивать грубости прокуроровъ, писать прошенія въ департаменты, строчить заискивающія посланія къ столичнымъ литераторамъ-покровителямъ.... Горька была жизнь поэта-прасола — и страдальчески кончилъ онъ ее, 19 октября 1842 года, въ Воронежѣ, лишенный, при послѣднихъ минутахъ, даже медицинской помощи, потому что домашнимъ его не на что было ни звать врача, ни купить лекарствъ. — Могила поэта, отмѣченная скромнымъ чугуннымъ памятникомъ съ четырьмя безграмотными надписями, находится на воронежскомъ Новомъ кладбищѣ, по правую сторону алтаря кладбищенской церкви св. Митрофана. - Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, умершій холостымъ на 34-мъ году жизни, принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ и, какъ писатель, обогатившій русскій поэтическій языкъ введеніемъ въ него простой русской рѣчи, онъ является въ исторіи русской литературы какъ бы пополнителемъ Пушкина и Гоголя. Но, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго, очевидно преувеличенному, Кольцовъ, уже по самому недостатку своего образованія, не можетъ быть признанъ первымъ истинно-русскимъ поэтомъ. Другое дѣло — русская пѣсня, родъ, въ которомъ Кольцовъ оставляетъ далеко за собою и холодноватаго Мерзлякова, и переслащеннаго барона Дельвига, и даже геніальнаго Пушкина. Истинный творецъ настоящей русской пѣсни, Кольцовъ былъ и останется навсегда превосходнымъ живописцемъ свѣтлыхъ и мрачныхъ сторонъ русскаго сельскаго быта, черты котораго, ярко обрисованныя въ жгучихъ, короткихъ стихахъ Кольцова, способныхъ произвести глубокое впечатлѣніе на каждаго мыслящаго читателя, особенно пригодны въ педагогическомъ отношеніи, — какъ удобнѣйшее средство легко и прочно знакомить русскихъ дѣтей съ русскою жизнію, въ ея коренныхъ, безпримѣсныхъ проявленіяхъ. Изображеніе простой русской женщины — также удалось Кольцову лучше, чѣмъ другимъ его предшественникамъ и многочисленнымъ подражателямъ. Стихотворенія Кольцова издавались нѣсколько разъ — и очень многія изъ нихъ очень многими съ-разу заучиваются наизусть, укладываясь сами собою даже въ небогатую память. Лучшій очеркъ жизни Кольцова сдѣланъ самимъ Кольцовымъ, который, въ пьэсѣ *Расчетъ съ жизнью*, посвященной В. Г. Бѣлинскому, говоритъ о себѣ такъ:

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ, —
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ:
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!

КРЫЛОВЪ, Иванъ Андреевичъ, русскій баснописецъ. Родился 2 февраля 1768 года, въ Москвѣ, и менѣе пяти лѣтъ спустя, былъ уже обреченъ на смерть извѣстнымъ самозванцемъ Пугачевымъ, въ войскахъ противъ котораго служилъ капитаномъ отецъ Крылова, Андрей Прохоровичъ, мужественно содѣйствовавшій коменданту Симонову въ отбитіи скопищъ Пугачева отъ Яицкаго города. Избѣгнувъ опасности неудачею Пугачева подъ Оренбургомъ въ 1772 году, семейство Крыловыхъ, по усмиреніи Пугачевскаго бунта, переселилось въ Тверь, гдѣ отецъ баснописца, переименованный въ коллежскіе ассессоры, получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго магистрата, а самъ будущій баснописецъ въ домѣ родительскомъ узналъ грамоту, въ пріязненномъ семействѣ Львовыхъ познакомился съ началами нѣкоторыхъ наукъ и языковъ, наконецъ, у француза, жившаго въ домѣ тверскаго губернатора, взялъ нѣсколько уроковъ французскаго языка. Дальнѣйшее развитіе этаго незатѣйливаго курса происходило дома, подъ надзоромъ и руководствомъ матери Крылова, Марьи Алексѣевны, «женщины, по отзыву самого Крылова, простой, безъ всякаго образованія, но умной

отъ природы и исполненной высокихъ добродѣтелей». Просьбами читать или переводить при ней, вслухъ, Марья Алексѣевна, сама неграмотная, до того заохотила сына къ чтенію, что скоро весь сундукъ пыльныхъ отцовскихъ книгъ — частію духовныхъ, частію историческихъ, также словарей — былъ перебранъ любознательнымъ юношей и за новымъ запасомъ умственной пищи надобно было обращаться къ знакомымъ, имѣвшимъ у себя книги. По смерти отца въ 1781 году, тринадцатилѣтній Крыловъ былъ опредѣленъ подканцеляристомъ въ калязинскій уѣздный судъ, въ исходѣ того же года перемѣщенъ канцеляристомъ въ тверскій магистратъ, а въ 1782 году привезенъ матерью въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ казенную палату, съ жалованьемъ по *двадцать четыре рубля въ годъ*, изъ которыхъ *два рубля* Крыловъ долженъ былъ ежегодно платить своей кухаркѣ и удѣлять что нибудь на посѣщеніе любимаго имъ театра. Но такъ какъ послѣднее повторялось часто, то и литературная дѣятельность Крылова началась немедленно: въ 1784 году, 16-ти-лѣтній Крыловъ уже сочинилъ и принесъ продавать типографщику Брейткопфу оперу *Кофейница*, за которую Брейткопфъ предложилъ автору *шестьдесятъ рублей* — сумма, принятая Крыловымъ не деньгами, но сочиненіями Мольера, Расина и Буало. — Довольный первымъ своимъ, успѣхомъ Крыловъ, въ 1785 году, написалъ трагедію *Клеопатра* и принесъ показать ее знаменитому актеру Дмитревскому, съ которымъ онъ познакомился у Я. Б. Княжнина; но Дмитревскій, взвѣсивъ каждый стихъ, съ благородною откровенностью объявилъ юному автору, что произведеніе его — никуда не годно. Точно также была забракована Дмитревскимъ и трагедія *Филомела*, сочиненная Крыловымъ въ 1786 году. О судьбѣ этой трагедіи самъ Крыловъ впослѣдствіи разсказывалъ такъ: «Въ молодости моей, я писалъ все, что ни попало, была бы только бумага, да чернила; я писалъ и трагедію (Филомела); она напечатана была въ россійскомъ Ѳеатрѣ, въ одномъ томѣ съ Вадимомъ Княжнина, съ которымъ вмѣстѣ и изчезла, да и радъ тому; въ ней ничего путнаго не было; это первыя давнишнія мои попытки». — Въ 1788 году Крыловъ потерялъ нѣжно-любимую мать и перешелъ изъ казенной палаты въ кабинетъ Ея Величества; въ 1789 году онъ, вмѣстѣ съ гвардіи капитаномъ Рахмановымъ, издалъ четыре части нравственно-критическаго журнала, подъ заглавіемъ *Почта Духовъ*, а въ 1790 году вышелъ въ отставку. — Въ 1792 году Крыловъ, вмѣстѣ съ Ал. Ив. Клушинымъ, издавалъ журналъ *Зритель*, цѣлью котораго, по словамъ Введенія къ этому журналу, было «чтобы порокъ, представляемый во всей гнусности, вселялъ отвращеніе, а добродѣтель, изображаемая во всей красотѣ, плѣняла собою читателя». Ко времени изданія *Зрителя* относится слѣдующій, позднѣйшій разсказъ самого Крылова: «Одну изъ моихъ повѣстей, которую уже набирали въ типографіи, потребовала къ себѣ Императрица Екатерина; рукопись не воротилась назадъ, да такъ и пропала» — изъ чего слышавшій этотъ разсказъ печатно заключаетъ, что «молодой умъ Крылова, вѣроятно, задѣлъ колкимъ перомъ своимъ такое лицо, которое Императрицѣ угодно было спасти отъ преслѣдованія сатиры». Въ 1793 году, Крыловъ, съ тѣмъ же Клушинымъ, приступилъ къ изданію *С. Петербургскаго Меркурія*, въ которомъ изъ прозаическихъ сочиненій Крылова помѣщены рѣчи: *Наукѣ убивать время* и *Ермалафиду*, будто бы «говоренныя въ собраніи молодыхъ людей»; изъ стихотворныхъ: ода, *На фейерверкъ, сожженый 15 сентября 1793 года на Царицынскомъ лугу;* ода *Къ счастію* и посланія: 1) *Утѣшеніе пятнадцати-лѣтней Анютѣ;* 2) *Мое оправданіе Анютѣ;* 3) *Къ другу моему А. И. Клушину;* 4) *Изображеніе Анеты;* 5) *Похищенные волосы въ перстень, къ Анетѣ;* 6) *Мой отъѣздъ, пѣсня къ Анетѣ*. Всѣ эти посланія были вызваны сильнымъ чувствомъ Крылова, который, или обращался къ предмету страсти своей съ хвалами такого рода:

Нужны ль розанамъ румяны,
Чтобы цвѣтъ имѣть багряный;
Иль бѣлилы для лилей,
Чтобъ казаться имъ бѣлѣй?
Трудъ не будетъ ли напрасный,
Свѣчку засвѣтить въ день ясный,
Чтобы солнышку помочь
Прогонять угрюму ночь?
Такъ уборы, пышность, мода,
Слабы всѣ передъ тобой,
Бывъ прекрасна, какъ природа,
Ты мила сама собой, —

или слѣдующимъ образомъ живописалъ любовь свою въ посланіи Клушину:

Жалѣй о мнѣ, мой другъ, жалѣй —
Одна мечта родитъ другую,
И всѣ — одна другой глупѣй —
Но что съ природой дѣлать станешь?
Ее, мой другъ, не перетянешь.
Быть можетъ, что когда нибудь
Мой духъ опять остепенится
Моя простынетъ жарка грудь
И сердце будетъ тише биться,
И страсти мнѣ дадутъ покой.
Зло, такъ какъ благо, здѣсь не вѣчно:
Я успокоюся, конечно;
Но гдѣ? — Подъ гробовой доской.

Въ томъ же 1793 году, влюбленный Крыловъ напечаталъ комическую оперу *Бѣшеная семья*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, затѣмъ кончилъ изданіе Меркурія, выѣхалъ изъ Петербурга неизвѣстно куда и тамъ написалъ 3-хъ актную комедію *Сочинитель въ прихожей*, напечатанную въ 1794 году, къ которому, кажется, относится и комедія *Пирогъ*, въ 2-хъ дѣйствіяхъ, игранная впослѣдствіи на разныхъ домашнихъ театрахъ, между прочимъ у А. Н. Оленина, но оставшаяся не напечатанною. Въ 1795 году Крыловъ добавилъ драматическія произведенія свои 5-ти актною комедіею *Проказники*, заявившею уже рѣшительный талантъ автора, а по вступленіи на престолъ Императора Павла I, сбирался ѣхать за границу съ княземъ С. Ѳ. Голицынымъ, который получивъ тогда назначеніе предводительствовать русскою арміею въ Австріи, вскорѣ же былъ удаленъ Государемъ на житье въ деревню, куда пріѣхалъ гостить и Крыловъ. Тутъ, въ селѣ Казацкомъ, подъ Кіевомъ, Крыловъ прожилъ у Голицына болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, именно в 1798 году, онъ, по желанію хозяина, старавшагося всячески веселить своихъ многочисленныхъ гостей, написалъ стихами шуточную 2-хъ актную трагедію *Трумфъ*, полную намековъ на тогдашнія, всѣмъ извѣстныя, событія въ мірѣ политическомъ, а потомъ не печатанную цѣлые полвѣка, но смѣшившую до-нельзя къ развитіемъ дѣйствія между нѣмецкими принцами Трумфомъ, Слюняемъ и русскою княжкою Подщипою съ прислужницею е Чернавкою, такъ и монологами, въ родѣ слѣдующаго привѣтствія Трумфа Подщипѣ:

Старофа-ль, ангель мой, прелесна мой княшонъ?
Для плапалушна шасъ, кахта мой пудешь шонъ,
Мой ноши весь не спитъ, и серса польна спотся;
Прелесна твой фикуръ на мой туша шифотся.

Куритъ ли трупка мой, изъ трупка твой пихтитъ,
Или мой кофе пилъ, тфой въ шашечка сититъ;
Фестѣ мой фидитъ тфой на поля и на пушка....

По воцареніи Императора Александра въ 1801 году, князь С. Ѳ. Голицынъ былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Ригу — и Крыловъ, поступивъ въ штатъ своего бывшаго Амфитріона въ с. Казацкомъ, велъ въ Ригѣ жизнь веселую, посѣщалъ лучшее общество города, игралъ въ карты и выигралъ до 70 тысячъ рублей, наконецъ, 31 декабря 1802 года, по ходатайству генералъ-губернатора, получилъ чинъ губернскаго секретаря, но въ 1803 году, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ, снова оставилъ службу и съ нимъ же поѣхалъ въ его саратовское имѣніе. Когда именно возвратился Крыловъ въ Петербургъ — неизвѣстно. Но въ 1805 году, перелистывая басни Лафонтена, Крыловъ занялся мыслію попробовать себя въ родѣ Лафонтеновомъ — и немедленно вылилъ въ русскую форму три граціозныя произведенія французскаго баснописца: 1) *Дубъ и трость;* 2) *Разборчивая невѣста;* 3) *Старикъ и трое молодыхъ*. Эти три басни, тогда же представленныя И. И. Дмитріеву, и заслужившія отзывъ послѣдняго, что Крыловъ «нашелъ, наконецъ, свой путь», были препровождены Дмитріевымъ, при лестномъ письмѣ, къ князю Шаликову, который и напечаталъ ихъ въ своемъ «Московскомъ Зрителѣ» 1806 года. Но, не останавливаясь еще на однѣхъ басняхъ, Крыловъ, около того же времени, упражнялся въ лирической поэзіи и переложилъ стихами *Псаломъ VI*, а въ 1807 году написалъ, по просьбѣ тогдашняго директора театровъ А. А. Нарышкина, 4-хъ актную волшебную оперу *Илья Богатырь;* потомъ читалъ въ домѣ графа Чернышева первыя три дѣйствія комедіи въ прозѣ *Лѣнивый*, оставшейся неоконченною; наконецъ, поставилъ на сцену двѣ комедіи въ прозѣ: *Модная лавка*, въ 3-хъ дѣйствіяхъ, и *Урокъ дочкамъ*, въ 1-мъ дѣйствіи — произведенія высокаго достоинства, зрѣлыя и глубоко-обдуманныя. Блистательная дѣятельность Крылова, какъ баснописца, началась съ 1808 года, когда Крыловъ, поступивъ на службу въ монетный департаментъ, гдѣ его немедленно произвели въ титулярные совѣтники, принялъ большое — едва ли не главное — участіе въ изданіи «Драматическаго Вѣстника», гдѣ онъ, въ теченіе одного 1808 года, помѣстилъ одну за другою слѣдующія басни: 1) *Ворона и лисица*; 2) *Лягушка и волъ;* 3) *Ларчикъ;* 4) *Левъ на ловлѣ;* 5) *Обезьяны;* 6) *Музыканты;* 7) *Парнасъ;* 8) *Пустынникъ и медвѣдь;* 9) *Оракулъ*; 10) *Волкъ и ягненокъ*; 11) *Стрекоза и муравей;* 12) *Орелъ и куры;* 13) *Муха и дорожные*; 14) *Слонъ на воеводствѣ;* 15) *Лисица и виноградъ;* 16) *Крестьянинъ и смерть*; 17) *Слонъ и Моська*. — Слава Крылова распространилась быстро. Знатнѣйшія лица петербургскаго общества, начиная съ графа А. С. Строганова, наперерывъ приглашали къ себѣ баснописца, съ восторгомъ слушали его геніальныя иносказанія, ввели Крылова въ чертоги Императрицы Маріи Ѳедоровны и расположили къ нему вниманіе Императора Александра, который повелѣлъ отпустить Крылову всю нужную сумму на изданіе его басень. Это изданіе, по времени первое, состоялось въ 1809 году и, кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ басень Крылова, заключило въ себѣ слѣдующія новыя басни: 1) *Два голубя;* 2) *Моръ звѣрей;* 3) *Пѣтухъ и жемчужное зерно;* 4) *Левъ и комаръ;* 5) *Роща и огонь;* 6) *Лягушки, просящія царя;* 7) *Левъ и человѣкъ*. — Въ 1810 году Крыловъ получилъ увольненіе изъ монетнаго департамента, а въ 1811 году, онъ, бывъ избранъ въ члены россійской академіи и составившейся тогда въ Петербургѣ, по желанію Державина, *Бесѣды любителей русскаго слова*, приступилъ къ новому изданію своихъ басень, которое, противъ прежняго, добавлено слѣдующими баснями: 1) *Огородникъ и философъ;* 2) *Гуси;* 3) *Оселъ и соловей;* 4) *Листы и корни;* 5) *Синица;* 6) *Откупщикъ и сапожникъ;* 7) *Вороненокъ;* 8) *Подагра и паукъ;* 9) *Квартетъ*; 10) *Крестьянинъ въ бѣдѣ*; 11) *Хозяинъ и мыши;* 12) *Волкъ и волченокъ;* 13) *Обезьяна;* 14) *Совѣтъ мышей;* 15) *Мѣшокъ*; 16) *Крестьянинъ и лисица;* 17) *Воспитаніе льва;* 18) *Свинья*. — 7 января 1812 года Крыловъ опредѣленъ въ открывшуюся тогда Императорскую публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря, при чемъ, указомъ 10 февраля, ему повелѣно выдавать, кромѣ жалованья, по 1500 рублей ежегодной пенсіи — и Крыловъ, ободренный этимъ знакомъ Высочайшаго вниманія къ его литературной дѣятельности, въ теченіе того же 1812 года написалъ басни: 1) *Червонецъ;* 2) *Орелъ и паукъ*; 3) *Ручей*; 4) *Лжецъ*; 5) *Котъ и поваръ*; 6) *Раздѣлъ*; 7) *Волкъ на псарнѣ*; 8) *Обозъ*; 9) *Ворона и курица*. — Въ 1813 году Крыловымъ написаны басни: 1) *Демьянова уха*; 2) *Лисица и сурокъ*; 3) *Волкъ и кукушка*; 4) *Заяцъ на ловлѣ*; 5) *Орелъ и пчела*; 6) *Щука и котъ*; 7) *Водолазы*; 8) *Крестьянинъ и змѣя*. — Въ 1814 году Крыловъ, «во уваженіе отличныхъ дарованій въ россійской словесности», былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассессора и къ числу прежде написанныхъ басень присоединилъ слѣдующія: 1) *Лягушка и Юпитеръ*; 2) *Прохожіе и собака*; 3) *Безбожники*; 4) *Крестьяне и рѣка*; 5) *Пожаръ и алмазъ*; 6) *Бумажный змѣй*; 7) *Тѣнь и человѣкъ*; 8) *Троеженецъ*; 9) *Любопытный*; 10) *Бочка*; 11) *Вельможа и философъ*; 12) *Чижъ и ежъ*; 13) *Добрая лисица*; 14) *Лань и дервишъ*; 15) *Клеветникъ и змѣя*. — Въ 1815 году вышло третье изданіе басень Крылова, добавленное слѣдующими новыми: 1) *Тришкинъ кафтанъ*; 2) *Туча*; 3) *Оселъ*; 4) *Мартышка и очки*; 5) *Левъ и барсъ*; 6) *Собачья дружба*; 7) *Крестьянинъ и работникъ*. — Въ 1816 году Крыловъ былъ повышенъ въ званіе библіотекаря Императорской публичной библіотеки и четвертое, тогда же вышедшее, изданіе басень своихъ, дополнилъ слѣдующими: 1) *Похороны*; 2) *Водопадъ и ручей*; 3) *Апеллесъ и осленокъ*; 4) *Орелъ и кротъ*; 5) *Волкъ и лисица*; 6) *Дерево*; 7) *Лебедь, щука и ракъ*; 8) *Собака*; 9) *Механикъ*; 10) *Прудъ и рѣка*: 11) *Крестьянинъ и разбойникъ*; 12) *Цвѣты*; 13) *Мірская сходка*; 14) *Скворецъ*; 15) *Волкъ и журавль*; 16) *Чижъ и голубь*; 17) *Хмѣль*; 18) *Мышь и крыса*; 19) *Госпожа и двѣ служанки*; 20) *Камень и червякъ*; 21) *Медвѣдь у пчелъ*; 22) *Конь и всадниковъ*; 23) *Зеркало и обезьяна*; 24) *Комаръ и пастухъ*; 25) *Рыцарь*; 26) *Крестьянинъ и топоръ*; 27) *Левъ и волкъ*; 28) *Собака, человѣкъ, кошка и соколъ*; 29) *Волкъ и пастухи*; 30) *Слонъ въ случаѣ*; 31) *Фортуна и нищій*; 32) *Лиса-строитель*; 33) *Напраслина*; 34) *Фортуна въ гостяхъ*. — Написавъ, въ 1817 году, къ дню празднованія годовщины открытія публичной библіотеки, *двѣ* басни 1) *Кукушка и горлинка*; 2) *Сочинитель и разбойникъ*; а въ 1818 году, къ дню торжественнаго собранія россійской академіи, еще три: 1) *Мотъ и ласточка*; 2) *Алкидъ* и 3) *Гребень*, Крыловъ, въ 1819 году, получилъ чинъ надворнаго совѣтника и вышедшее тогда же пятое изданіе басень своихъ, украсилъ слѣдующими новыми:

1) *Скупой и курица*; 2) *Двѣ бочки*; 3) *Охотникъ*; 4) *Пловецъ и море*; 5) *Крестьянинъ и змѣя*; 6) *Левъ и лисица*; 7) *Муравей;* 8) *Овцы и собаки*; 9) *Оселъ и мужикъ*; 10) *Медвѣдь въ сѣтяхъ*; 11) *Колосъ*; 12) *Мальчикъ и червякъ*; 13) *Пастухъ и море*; 14) *Мальчикъ и змѣя*; 15) *Пчела и муха*; 16) *Трудолюбивый медвѣдь*; 17) *Ягненокъ*. — Въ 1820 году Крыловъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-го класса, а также удвоеніемъ прежней его пенсіи въ 1500 рублей, и началъ было писать комедію въ стихахъ, но остановился на первыхъ двухъ сценахъ, о которыхъ впослѣдствіи говаривалъ: «незнаю куда онѣ дѣлись; ужъ не Фенюша ли (кухарка Крылова) ихъ прибрала?». — Тогда же — быть можетъ, вслѣдствіе объявленія, при пятомъ изданіи басень, о намѣреніи ихъ автора перестать писать — пріостановилась и баснописная дѣятельность Крылова, возобновившаяся не ранѣе 1823 года, когда Крыловъ, помѣстивъ въ «Полярной Звѣздѣ» новую басню *Крестьянинъ и овца*, сталъ продолжать свой достославный трудъ и въ 1824 году подарилъ соотечественниковъ баснями: 1) *Василекъ*; 2) *Кошка и соловей*; 3) *Двѣ собаки* и 4) *Рыбьи пляски*. — За этими баснями, въ шестомъ изданіи 1825 года, послѣдовали: 1) *Муха и пчела*; 2) *Богачъ и поэтъ*; 3) *Прихожанинъ*; 4) *Левъ состарѣвшійся*; 5) *Лисица и оселъ*; 6) *Мельникъ*; 7) *Ворона*; 8) *Булыжникъ и алмазъ*; 9) *Плотичка*; 10) *Паукъ и пчела*; 11) *Крестьянинъ и змѣя*; 12) *Котелъ и горшокъ*; 13) *Свинья подъ дубомъ*; 14) *Змѣя и овца*; 15) *Дикія козы*; 16) *Голикъ*; 17) *Соловьи*; 18) *Скупой*; 19) *Волкъ и мышенокъ*; 20) *Два мужика*; 21) *Котенокъ и скворецъ*. — Въ 1828 году Крыловъ, уже 60-тилѣтній старецъ, уважаемый всею грамотною Россіею, получилъ орденъ св. Анны 2-го класса; въ 1829 году создалъ вновь басни: 1) *Бритвы*; 2) *Бѣдный богачъ*; 3) *Пушки и паруса*, а въ 1830 году произведенъ въ статскіе совѣтники и, къ седьмому, тогда же вышедшему, изданію басень своихъ приготовилъ вновь слѣдующія: 1) *Крестьянинъ и лошадь*; 2) *Бѣлка*; 3) *Щука*; 4) *Кукушка и орелъ*; 5) *Левъ, серна и лисица*; 6) *Соколъ и червякъ*; 7) *Булатъ*; 8) *Купецъ*; 9) *Миронъ*; 10) *Крестьянинъ и лисица*; 11) *Оселъ*; 12) *Филинъ и оселъ*; 13) *Собака и лошадь*; 14) *Левъ*; 15) *Змѣя*; 16) *Волкъ и котъ*; 17) *Лещи*; 18) *Три мужика*. — Въ томъ же 1830 году Крыловъ участвовалъ въ маскарадѣ, данномъ великою княгинею Еленою Павловною, и, одѣтый Таліею, произносилъ стихи собственнаго сочиненія; въ 1833 году, онъ оживилъ довольно безжизненное «Новоселье» Смирдина новыми баснями: 1) *Пастухъ*; 2) *Бѣлка*; 3) *Мыши*; 4) *Лиса*; 5) *Волки и овцы*; 6) *Крестьянинъ и собака*; въ 1834 году къ 3-хъ тысячной пенсіи Крылова, «во уваженіе заслугъ, оказанныхъ отечественной словесности» прибавлено еще 3 тысячи рублей; и «Библіотека для Чтенія» украсилась новыми его баснями: 1) *Разбойникъ и извощикъ*; 2) *Левъ и мышь*, за которыми, въ 1835 году, написана имъ басня *Вельможа*, произнесенная самимъ авторомъ, въ придворномъ маскарадѣ 1836 года, гдѣ Крыловъ, костюмированный В. А. Каратыгинымъ, представлялъ старинняго русскаго *Кравчаго*. Въ томъ же 1836 году Крыловъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-го класса и напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» басню *Два мальчика*, а 2 февраля 1838 года торжественно праздновaнъ въ Петербургѣ 50-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности знаменитаго баснописца, пожалованнаго, при этомъ случаѣ, орденомъ св. Станислава 2-й степени со звѣздою. — Въ 1841 году, Крыловъ получилъ увольненіе отъ службы, съ сохраненіемъ всѣхъ пенсій, простиравшихся до 12-ти тысячъ рублей въ годъ, и, тогда же помѣстивъ въ изданіи «Сто Русскихъ Литераторовъ» послѣднюю басню *Кукушка и пѣтухъ*, въ 1843 году, осьмымъ изданіемъ, всѣхъ 198 басень своихъ, — кончилъ свое литературное поприще, а 9 ноября 1844 года и самую жизнь. Тѣло Крылова погребено на кладбищѣ Александро-Невской лавры. — И. А. Крыловъ, никогда не женатый, былъ роста высокаго, сложенія крѣпкаго, здоровья желѣзнаго, собою тученъ, лице имѣлъ доброе, выразительное, манеры лѣнивыя, характеръ безпечный, нравъ скромный, отчасти эгоистическій, даже мстительный, сердце не слишкомъ-то нѣжное и податливое на участіе къ ближнему, но волю твердую и до того непреклонную, что онъ, однажды, въ нѣсколько мѣсяцевъ, безъ всякихъ учителей, выучился греческому языку и могъ переводить гекзаметрами Одиссею, а въ другой разъ — съ помощію упорнаго, нѣсколько-недѣльнаго труда достигъ искуства фигурно разбрасывать надъ собою шары, какъ дѣлалъ это видѣнный имъ на улицѣ индѣйскій жонглеръ. — Соединяя съ умомъ яснымъ и гибкимъ, способности разносторонныя, Крыловъ, кромѣ геніальнаго обладанія отечественнымъ языкомъ, блиставшимъ въ сочиненіяхъ его всѣми изящными формами сильной народной рѣчи, зналъ языки французскій, итальянскій, греческій, и хорошо игралъ на скрипкѣ. — Въ образѣ жизни и одеждѣ, Крыловъ отличался замѣчательною неряшливостію, небрегъ о своемъ хозяйствѣ, держалъ всѣ вещи и самыя книги въ совершеннѣйшемъ безпорядкѣ, пыли и грязи; проводилъ время, большею частію, въ лежаніи на диванѣ съ неугасимою сигарою въ одной и глупѣйшимъ романомъ въ другой рукѣ; любилъ покушать и ѣлъ много, невоздержно. Литературная слава Крылова, какъ величайшаго русскаго баснописца, не умретъ, пока существуетъ русское имя. На басняхъ Крылова, изданныхъ, при жизни автора, до 10-ти разъ и продолжающихъ издаваться донынѣ, воспитывались и воспитываются на Руси цѣлыя поколѣнія, для которыхъ Крыловъ навсегда сталъ «дѣдушкою». Уваженіе къ имени и памяти Крылова выразилось какъ нельзя лучше громадною подпискою всей Россіи на сооруженіе ему бронзоваго монумента, который, бывъ исполненъ барономъ Клодтомъ, воздвигнутъ въ петербургскомъ Лѣтнемъ саду и носитъ на себѣ короткую, но краснорѣчивую надпись: *Крылову 1855 года*. Достоинство басень Крылова извѣстно: точность, сжатость, сила, образность выраженій, при глубоко-нравственной основѣ мыслей, — составляютъ ихъ неотъемлемый характеръ. Гдѣ, кромѣ басень Крылова, можно найдти, напримѣръ, такое, почти звукоподражательное, остихотвореніе соловьинаго пѣнья:

Тутъ соловей являть свое искуство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался...?

или — такое стихотворное изображеніе ручья, вдругъ наводненнаго грозовымъ ливнемъ:

Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы..:
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ!

Понятно, что съ этими и другими достоинствами, басни Крылова всегда будутъ доступны сердцу каждаго русскаго читателя или слушателя, особенно ребенка.

ГОГОЛЬ-ЯНОВСКІЙ, Николай Васильевичъ, русскій писатель. О времени и мѣстѣ рожденія Гоголя существуетъ нѣсколько разнорѣчивыхъ показаній. Одни біографы Гоголя годомъ его рожденія считаютъ 1808, другіе 1809; въ метрическомъ же свидѣтельствѣ, выданномъ уже въ 1821 году отцу Гоголя, коллежскому ассессору Василію Аѳанасьевичу Гоголю, время рожденія сына его Николая отнесено къ 20 марта 1810 года, между тѣмъ какъ самъ Н. В. Гоголь всегда праздновалъ годовщину рожденія своего 19 марта. Мѣстомъ рожденія Н. В. Гоголя одни біографы признаютъ полтавской губерніи, миргородскаго уѣзда, хуторъ Васильевку, Яновщина тожъ, другіе — сосѣднее съ Васильевкою село Сарачинцы. — О дѣтствѣ Гоголя извѣстно только, что онъ возрасталъ подъ руководствомъ матери своей Марьи Ивановны, рожденной Косяровской, и на глазахъ отца, человѣка остроумнаго и начитаннаго, который, группируя около себя все лучшее общество миргородскаго уѣзда, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ своимъ сосѣдомъ, отставнымъ министромъ юстиціи Дм. Прок. Трощинскимъ, и въ имѣніи, послѣдняго с. Кибинцахъ, устроилъ довольно порядочный домашній театръ, не мало способствовавшій и извѣстной сторонѣ развитія ребенка Гоголя. — Самымъ первымъ наставникомъ будущаго автора «Мертвыхъ душъ» былъ какой-то семинаристъ, послѣ уроковъ котораго Гоголь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, жилъ въ Полтавѣ, готовясь на дому у одного изъ мѣстныхъ учителей къ поступленію въ полтавскую гимназію, но, за смертію брата, въ гимназію, какъ кажется, отдаваемъ не былъ и прямо изъ дома родительскаго, уже въ маѣ 1821 года, поступилъ въ нѣжинскій лицей, своекоштнымъ пансіонеромъ, а годъ спустя перечисленъ въ казеннокоштные. — Въ лицеѣ Гоголь учился не бойко, особенно математикѣ и языкамъ, но былъ центромъ литературнаго кружка товарищей, режиссеромъ ихъ доморощенной театральной труппы и хранителемъ книгъ лицейской библіотеки, при выдачѣ которыхъ на прочтеніе, Гоголь собственноручно обертывалъ бумагою большой и указательный пальцы каждаго читателя-товарища. — Въ лицеѣ же Гоголь, отличнымъ выполненіемъ нѣкоторыхъ ролей, особенно старухъ, напр. Простаковой въ «Недорослѣ», обнаружилъ не дюжинныя сценическія дарованія, — и впервые пробовалъ себя какъ въ стихотворствѣ, написавъ пяти-стопными ямбами трагедію *Разбойники*, такъ и въ прозаическомъ родѣ — сочиненіемъ повѣсти *Братья Твердиславичи*, помѣщенномъ въ рукописномъ журналѣ «Звѣзда», ежемѣсячно выходившемъ въ лицеѣ, подъ редакціею самого Гоголя. По окончаніи, въ 1828 году, лицейскаго курса, Гоголь, съ аттестатомъ и правами на чинъ 14-го класса, уѣхалъ изъ Нѣжина къ матери, овдовѣвшей въ отсутствіе сына, и нѣкоторое время жилъ на родинѣ. Въ началѣ 1829 года Гоголь явился въ Петербургъ, гдѣ покушался было поступить на сцену, но, не выдержавъ установленной пробы, принялся за литературу и напечаталъ въ журналѣ «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» стихотвореніе *Италія*, послѣ чего, въ томъ же 1829 году, издалъ особо, подъ именемъ Олова, идиллію въ картинахъ *Гансъ Кюгельгартенъ*, написанную имъ еще въ лицеѣ, въ 1827 году. Критика на эту идиллію, помѣщенная Н. А. Полевымъ въ № 12 «Телеграфа» 1829 года, заставивъ автора сжечь всѣ нераспроданные экземпляры *Ганца Кюгельгартена* и навсегда отказаться отъ стихотворства, едва ли не была одною изъ не разгаданныхъ причинъ фантастической поѣздки Гоголя за границу, но не далѣе Гамбурга, по внезапномъ возвращеніи откуда Гоголь продолжалъ однако свою литературную дѣятельность и тогда же отдалъ П. П. Свиньину малороссійскую повѣсть *Бисаврюкъ, или вечеръ наканунѣ Ивана Купала*, напечатанную въ февральской и мартовской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1830 года. Въ томъ же 1830 году апрѣля 10 Гоголь поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ; 3 іюня утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора; 10 іюля сдѣланъ помощникомъ столоначальника, но, доставъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, близкому съ П. А. Плетневымъ, тогда инспекторомъ патріотическаго института, былъ, 10 марта 1831 года, уволенъ изъ департамента удѣловъ и опредѣленъ старшимъ учителемъ исторіи въ патріотическій институтъ, съ состояніемъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника, причемъ Плетневъ доставилъ Гоголю частные уроки въ домахъ А. В. Васильчикова и И. И. Балабина. Вслѣдъ за этимъ Гоголь, уже напечатавшій *Главу изъ историческаго романа* (съ подписью *OOOO*) въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты», изданномъ на 1831 годъ барономъ А. А. Дельвигомъ, сдѣлался лично извѣстенъ знаменитому другу послѣдняго, А. С. Пушкину, и далъ нѣсколько статей (*Учитель*, отрывокъ изъ малороссійской повѣсти; *Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи; Женщина*; *Успѣхъ посольства*, другой отрывокъ изъ малороссійской повѣсти) въ «Литературную Газету» Дельвига, а въ маѣ 1831 года представилъ Плетневу нѣсколько повѣстей, которыя составили тогда же напечатанный первый томъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, изданныхъ пасичникомъ Рудымъ Панькомъ» — заглавіе, придуманное Плетневымъ, въ огражденіе настоящаго имени автора отъ предубѣжденныхъ нападковъ литературныхъ партій. — Вторая часть тѣхъ же повѣстей явилась въ 1832 году, когда Гоголь, въ качествѣ автора «Вечеровъ на хуторѣ», былъ введенъ въ кругъ литераторовъ на обѣдѣ 19 февраля, данномъ по случаю переселенія книжнаго магазина Смирдина съ Мойки на Невскій проспектъ, и украсилъ Смирдинскій альманахъ «Новоселье» извѣстною повѣстью *О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ*. Объ-руку съ литературными трудами Гоголя шли педагогическіе, вознагражденные, 9 марта 1834 года, пожалованіемъ Гоголю брилліантоваго перстня. Въ томъ же 1834 году Гоголь помѣстилъ въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія статьи: *Планъ преподаванія всеобщей исторіи*; *Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи*; *О малороссійскихъ пѣсняхъ* — и, 24 іюля, былъ утвержденъ адъюнктомъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ с. петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ блистательно прочелъ свою вступительную лекцію *О среднихъ вѣкахъ*. Но дальнѣйшія лекціи Гоголя, по словамъ присутствовавшихъ на нихъ, «не отличались особеннымъ знаніемъ дѣла или новостью взгляда» и не были слышаны друзьями Гоголя, изъ которыхъ, напримѣръ Жуковскій и Пушкинъ, вмѣстѣ пріѣхавъ какъ-то въ университетъ, ждали и не дождались чудака-адъюнкта, хотя предувѣдомленнаго о днѣ и часѣ этаго посѣщенія. — Въ 1835 году Гоголь, продолжая занимать университетскую каѳедру, издалъ подъ общимъ заглавіемъ *Миргородъ, повѣсти, служащія продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*, въ 2-хъ частяхъ. Сюда, кромѣ напечатанныхъ прежде повѣстей,

вошли: *Старосвѣтскіе помѣщики*, *Тарасъ Бульба* и *Вій*. Послѣ *Миргорода*, въ томъ же 1835 году изданы, подъ названіемъ *Арабески*, *Разныя сочиненія Н. Гоголя*, тоже въ 2-хъ частяхъ, изъ которыхъ 1-я, не считая напечатаннаго прежде, заключала въ себѣ статьи: *Скульптура*, *живопись и музыка*; *Нѣсколько словъ о Пушкинѣ* и повѣсть *Портретъ*, а 2-я — статьи: *Жизнь*; *Шлецеръ*, *Миллеръ и Гердеръ*; *О картинѣ Брюллова*; *Плѣнникъ*; *Движеніе народовъ въ V вѣкѣ* и повѣсти: *Невскій проспектъ*; *Записки сумасшедшаго*. 5 декабря 1835 года, Гоголь уже писалъ къ М. П. Погодину: «Я раскланялся съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ уже — опять беззаботный казакъ. Неузнанный, я взошелъ на каѳедру, и, неузнанный, схожу съ нея. Но въ эти полтора года, года моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души». 1 января 1836 года, Гоголь, по случаю преобразованій въ университетѣ, дѣйствительно былъ уволенъ отъ должности адъюнкта, съ выдачею ему 800 руб. асс. годоваго оклада — и принялъ ревностное участіе въ изданіи Пушкинскаго «Современника», о чемъ самъ Гоголь, въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ Плетневу, свидѣтельствуетъ такъ: «Получивъ разрѣшеніе на изданіе «Современника», Пушкинъ уже хотѣлъ было отказаться. Грѣхъ лежитъ на моей душѣ: я умолилъ его. Я обѣщалъ быть вѣрнымъ сотрудникомъ.... Моя настойчивая рѣчь и обѣщаніе дѣйствовать его убѣдили». Въ «Современникѣ» 1836 года Гоголь помѣстилъ: повѣсть *Коляска*, критическую статью *О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 г.*; *Утро дѣловаго человѣка*, петербургскія сцены, и повѣсть *Носъ*, причемъ, по мысли, заимствованной у Пушкина, началъ, кончилъ и издалъ особо своего *Ревизора*, комедію, пользующуюся такимъ же почетомъ въ русской литературѣ, какъ «Бригадиръ» и «Недоросль» фонъ-Визина, «Ябеда» Капниста, «Горе отъ ума» Грибоѣдова. — Объ этомъ-то произведеніи своемъ, вотъ что писалъ Гоголь, въ апрѣлѣ 1836 года М. С. Щепкину, ставившему «Ревизора» въ Москвѣ: «Мочи нѣтъ. Дѣлайте что хотите съ моею пьесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама такъ же надоѣла, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святаго, когда я такъ дерзнулъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея.... Досадно видѣть противъ себя людей тому, кто ихъ любитъ, между тѣмъ, братскою любовью». — «Ѣду за границу, писалъ Гоголь Погодину нѣсколько дней спустя, — тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ». — Въ началѣ лѣта 1836 года Гоголь, дѣйствительно, уѣхалъ изъ Петербурга за границу и, основавшись въ Римѣ, началъ писать безсмертную поэму свою *Мертвыя души*, сюжетъ которой, такъ же какъ и «Ревизора», былъ заимствованъ имъ у Пушкина, шутя говорившаго о Гоголѣ своимъ домашнимъ: «Съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя». За то, извѣстіе о неожиданной смерти Пушкина поразило Гоголя до глубины души. «Ничего не говорю о великости нашей утраты, писалъ онъ къ другу, получивъ это роковое извѣстіе. Моя утрата всѣхъ больше.... Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ.... Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. *И теперешній трудъ мой* (Мертвыя души) *есть его созданіе*. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ». Продолжая заниматься этимъ трудомъ, Гоголь прислалъ въ «Современникъ» 1837 года исполненную поэзіи фельетонную статью: *Петербургскія записки 1836 года*, а въ 1839 году самъ ненадолго пріѣзжалъ изъ-за границы, похлопотать объ устройствѣ судьбы своихъ сестеръ, при чемъ, вслѣдствіе различныхъ столкновеній и непріятностей, разомъ лишился хорошаго расположенія духа — и поспѣшилъ возвратиться въ Римъ. Вторичный пріѣздъ Гоголя въ Россію относится къ исходу 1841 года, когда Гоголь, явясь въ Петербургъ печатать 1-й томъ «Мертвыхъ душъ», предсталъ своимъ старымъ друзьямъ уже мистикомъ, въ тонѣ и манерахъ котораго какъ будто высказывалось всѣмъ и каждому слѣдующее мѣсто письма Гоголя къ А. С. Данилевскому, писаннаго мѣсяца за два передъ тѣмъ: «Слушай! Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово и горе кому бы то ни было не слушающему моего слова!... О, вѣрь словамъ моимъ!... Властью высшею облечено отнынѣ мое слово.... Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнитъ мое слово... Прощай!... Молю Бога, да снидетъ на тебя хоть часть той свѣжести, которою объемлется душа моя, восторжествовавшая надъ болѣзнями хвораго моего тѣла» и проч. Самое изданіе 1-го тома «Мертвыхъ душъ» состоялось къ лѣту 1842 года и — выражаясь словами одного изъ тогдашнихъ критиковъ — «оживило погруженную въ апатію современную русскую литературу». «Большая часть журналовъ, пишетъ тотъ же критикъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ всѣ сродныя ей средства къ униженію перваго поэтическаго таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ — или просто отдаетъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей». Полемика по случаю «Мертвыхъ душъ» была самая оживленная и журнальные лагери воевали тѣмъ ожесточеннѣе, что къ исходу того же 1842 года издано полное собраніе всѣхъ сочиненій Гоголя, въ 4-хъ частяхъ, которое, включивъ въ себѣ и значительную передѣлку уже извѣстной повѣсти *Тарасъ Бульба*, и эпизодическій разсказъ *Римъ*, напечатанный въ «Москвитянинѣ» 1841 года, впервые представляло русской публикѣ слѣдующія произведенія Гоголя: въ 3-й части — повѣсть *Шинель*; въ 4-й, кромѣ новыхъ поправокъ «Ревизора», — комедію: *Женитьба*; драматическія сцены: *Тяжба*; *Лакейская сцена*; *Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи*; *Свѣтскія сцены*; *Игроки*. Пока все это съ жадностію читалось или смотрѣлось на сценѣ соотечественниками Гоголя, самъ Гоголь, снова уѣхавшій за границу, уже трудился надъ 2-ю частію «Мертвыхъ душъ» и, недовольный ни собою, ни своимъ трудомъ, болѣлъ тѣломъ, мучился духомъ, раздражался отъ каждой бездѣлицы, передѣлывалъ каждую строку, уничтожалъ цѣлыя главы терзавшей его 2-й части, съ нею переѣзжалъ изъ Рима то въ Ниццу, то въ Дюссель-

дорфъ; въ 1844 году, вопреки совѣтамъ лучшихъ своихъ, друзей задумалъ: часть суммы, выручаемой продажею его, сочиненій обратить на помощь «молодымъ талантливымъ людямъ воспитывающимся въ петербургскомъ университетѣ», но не нашелъ посредника, готоваго выполнить такое желаніе; въ 1845 году, кажется, по ходатайству Жуковскаго, получилъ отъ Высочайшихъ щедротъ пособіе по тысячѣ рублей серебромъ на три года; въ 1846 году прислалъ Погодину статью *Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ* (письмо къ Н. М. Языкову), немедленно помѣщенную въ «Москвитянинѣ» — и тогда же препроводилъ къ Плетневу, для напечатанія и поднесенія Ихъ Императорскимъ Величествамъ, *Выбранныя мѣста изъ переписки своей съ друзьями.* Этотъ продуктъ душевнаго и тѣлеснаго разстройства уже любимаго Россіею писателя былъ изданъ въ 1847 году — и на Гоголя отвсюду посыпались упреки, конечно, заслуженные, но еще болѣе раздражавшіе автора «Выбранныхъ мѣстъ», который, отписываясь на всѣ стороны, покончилъ тѣмъ, что сжегъ рукопись 2-й части «Мертвыхъ душъ» и къ лѣту 1848 года возвратился въ Россію. Живя съ этаго времени постоянно въ Москвѣ, за исключеніемъ кратковременной поѣздки зимою 1850 — 1851 годовъ въ Одессу, Гоголь уже не издавалъ ничего, но писалъ снова 2-ю часть «Мертвыхъ душъ» и еще что-то, сожженное имъ въ послѣдніе дни жизни его. «Жгли, батюшка, — разсказывалъ потомъ слуга Гоголя одному изъ московскихъ литераторовъ, — дня три жгли, все ночью; походятъ, походятъ здѣсь, пожгутъ; пойдутъ въ ту комнатку, тамъ пожгутъ. Одинъ разъ много что-то пожгли; я вошелъ къ нимъ, они и говорятъ мнѣ: *сжегъ, а теперь самому жалко стало, многіе бы за это спасибо сказали*... Ну, я, конечно, говорю: далъ бы Богъ здоровья, батюшка Ник. Вас., можетъ еще лучше напишете... Они посмотрѣли на меня, да только улыбнулись...». Смерть застигла Гоголя 21 февраля 1852 года, въ Москвѣ, на 44 году жизни, среди полнаго разстройства всѣхъ силъ и, быть можетъ, страданій добровольнаго голода. Чудный въ теченіе всей жизни, Гоголь и умиралъ чудно, съ упорствомъ отказываясь отъ употребленія всякихъ медицинскихъ средствъ. Тѣло его, отпѣтое въ церкви московскаго университета, котораго Гоголь считался почетнымъ членомъ, было сопровождаемо тысячами народа и несено студентами до самой могилы — на кладбищѣ московскаго Данилова монастыря. — Наружность Гоголя, всю жизнь остававшагося холостымъ, не отличалась красивостію, но свѣтилась выраженіемъ ума, мысли и какой-то худо-скрываемой ироніи, даже насмѣшливости. Манеры и привычки Гоголя обличали въ немъ человѣка весьма разсѣяннаго, не свѣтскаго, малоросса во всемъ значеніи этаго слова; нравственныя же черты — являли доброту глубокую, безкорыстную, готовую на всѣ матеріальныя пожертвованія, но не чуждую самолюбія, даже самопоклоненія. — Литературныя заслуги Гоголя извѣстны. Какъ юмористъ, онъ до сихъ поръ еще занимаетъ первое мѣсто между всѣми русскими писателями. Какъ глава натуральной школы — онъ навсегда останется однимъ изъ виднѣйшихъ представителей исторіи русской литературы. Въ виду подобныхъ заслугъ, Гоголю, какъ человѣку, нельзя не простить и изданіе «Выбранныхъ мѣстъ», очевидно не назначавшихся для печати, и «Авторскую исповѣдь» его, написанную въ отвѣтъ одному изъ дѣльнѣйшихъ критиковъ «Выбранныхъ мѣстъ». — Послѣднее слово о Гоголѣ, до сихъ поръ не высказанное, — принадлежитъ поколѣніямъ грядущимъ.

ГРАНОВСКІЙ, Тимоѳей Николаевичъ, профессоръ московскаго университета. Родился 9 марта 1813 года въ г. Орлѣ, но первые годы жизни проводилъ, большею частію въ с. Погорѣльцѣ, болховскаго уѣзда орловской губерніи, на рукахъ дѣда своего по отцу, человѣка, умѣвшаго изъ ничего составить себѣ порядочное состояніе, весьма начитаннаго и, въ старости, страстно привязаннаго къ любимому внуку. Подъ руководствомъ дѣда, Грановскій уже на пятомъ году возраста бойко читалъ священное писаніе, зналъ наизусть множество текстовъ и невольно приглядывался къ безчисленнымъ выпискамъ и замѣткамъ, снизу до верху покрывавшимъ внутреннюю сторону выбѣленныхъ стѣнъ дѣдовскаго дома. Съ этимъ же дѣдомъ, уже помѣшаннымъ, 6-ти-лѣтній внукъ ѣздилъ въ 1820 году на Кавказъ, а по смерти дѣда, въ 1823 году, Грановскій исподоволь началъ привязываться къ матери своей, Аннѣ Васильевнѣ, рожденной Чернышъ, женщинѣ рѣдкаго сердца и образцовыхъ свойствъ, много терпѣвшей отъ мужа, который предпочиталъ всему игру и вовсе не заботился о семействѣ. — Благодаря вліянію нѣжной, любящей матери — къ которому, какъ къ первоначальному источнику, Грановскій впослѣдствіи относилъ все, что было въ немъ хорошаго —, подроставшій ребенокъ не только не остался безъ ученія, хотя безсвязнаго и недостаточнаго, но лѣтъ съ десяти уже довольно бѣгло говорилъ по французски и по англійски, да кромѣ того успѣлъ перечитать: и все что было въ погорѣльцевской библіотекѣ, и кучи книгъ, добывавшихся черезъ прислугу у сосѣдей. Любознательно пожирая всю эту массу забытыхъ изданій, простиравшуюся отъ «Всемірнаго путешествователя» аббата Делапорта до Лесажевыхъ «Похожденій Жилблаза» включительно, отрокъ Грановскій съ особеннымъ увлеченіемъ зачитывался Вальтеръ Скоттомъ и въ твореніяхъ шотландскаго поэта узнавалъ тотъ средневѣковый міръ, изслѣдованіямъ котораго, со временемъ, долженствовали посвятиться лучшіе труды его собственной ученой дѣятельности. Въ 1826 году, 13-ти-лѣтній Грановскій былъ отвезенъ въ Москву и отданъ въ нѣмецкій пансіонъ Кистера, но взятый на лѣтнюю вакацію 1827 года онъ, по безпечности отца, прожилъ въ деревнѣ и часть зимы, а послѣ вакаціи 1828 года — уже не возвращался въ пансіонъ вовсе. Съ того времени началась бездѣйственная жизнь Грановскаго въ деревнѣ, жизнь, всегда тягостная юношамъ, какъ онъ, любознательнымъ и нерѣдко гибельная для натуръ пылкихъ, впечатлительныхъ и увлекающихся, къ какимъ по всѣмъ правамъ принадлежалъ и Грановскій. «Скука — пишетъ объ этомъ періодѣ жизни Грановскаго Кудрявцевъ — томила его; онъ рвался куда нибудь, бросался на всякій новый предметъ и ни на чемъ не могъ остановиться. То брался онъ за охоту и проводилъ за ней по нѣскольку дней; то и охота надоѣдала ему, и онъ хватался за первую попавшуюся ему книгу. Между прочимъ какъ-то подвернулась ему одна часть математики, алгебра или геометрія. Онъ тотчасъ присѣлъ за нее и безъ всякой посторонней помощи, просто отъ скуки, занялся изученіемъ этой почти совершенно новой для него науки». — Такъ шло и прошло время до января 1831 года, когда на семейномъ совѣтѣ Грановскихъ положено было опредѣлить недоучившагося юношу на службу и немедленно отправить его въ Петербургъ. Снабженный небольшимъ запасомъ денегъ отъ отца и еще меньшимъ собраніемъ старыхъ золотыхъ монетъ въ подарокъ отъ нѣжно-любимой матери, молодой Грановскій пустился въ путь, попалъ, дорогою, въ одинъ изъ

карантиновъ, учрежденныхъ по случаю тогдашняго холернаго времени, тутъ былъ до-чиста обыгранъ какимъ-то отставнымъ военнымъ, дѣйствовавшимъ, въ этомъ случаѣ, на-вѣрняка, — и не доѣхалъ бы до Петербурга безъ помощи неизвѣстнаго благодѣтеля, который, видя смущеніе юноши, жестоко наказаннаго за свою неосторожность, благородно предложилъ ему необходимую сумму денегъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Грановскій поселился у тетки своей, г-жи Бодиско, но потерялъ ее почти немедленно и остался на попеченіи мужа ея, благодаря покровительству котораго, онъ, не далѣе какъ въ апрѣлѣ 1831 года, былъ опредѣленъ на службу — и началъ ежедневно ходить въ департаментъ, гдѣ на него возложили переписку французскихъ бумагъ. Въ это-то время явилась у Грановскаго мысль поступить въ университетъ, мысль до того неотступная, что Грановскій не задумался подать въ отставку и уже началъ готовиться къ экзамену, — когда изъ деревни пришло извѣстіе о смерти его матери. Эта неожиданная потеря поражала Грановскаго тѣмъ болѣе, что съ нею, при обычной безпечности отца, онъ лишался единственныхъ и послѣднихъ средствъ къ существованію, которое хотя и поддерживалось добрымъ расположеніемъ къ Грановскому дяди его г. Бодиско, но тяжело ложилось на сердце самаго Грановскаго, не любившаго обязываться. Не смотря однако на всю затруднительность такого положенія, Грановскій рѣшился во чтобы то ни стало проложить себѣ дорогу къ университету, работалъ усердно — и въ сентябрѣ 1832 года, по выдержаніи надлежащаго экзамена, былъ принятъ въ число студентовъ юридическаго факультета с.-петербургскаго университета. Юридическій курсъ Грановскаго продолжался три года, въ теченіи которыхъ онъ, слушая лекціи профессоровъ, и переводилъ, втроемъ съ двумя товарищами, англійскій романъ Zohrabe the hostage Мерьера, первыя главы котораго были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1834 года; и пробовалъ собственныя поэтическія силы въ стихотвореніяхъ *Москва* и *Вопросъ и отвѣтъ*, напечатанныхъ только послѣ его смерти; и даже брался за «Фауста», о чемъ И. С. Тургеневъ свидѣтельствуетъ такъ: «Я смутно помню отрывокъ изъ драмы «Фаустъ», прочитанный мнѣ имъ (Грановскимъ) въ одинъ темный зимній вечеръ, въ большой пустой его комнатѣ, за шаткимъ столикомъ, на которомъ, вмѣсто всякаго угощенія, стоялъ графинъ воды и банка варенья». — Но юриста Грановскаго увлекала преимущественно литература историческая: «Довольно рано уже — пишетъ о Грановскомъ Кудрявцевъ — успѣлъ онъ познакомиться съ сочиненіями Баранта, Сисмонди, Тьера, Вильмена, Гизо и другихъ корифеевъ новой французской исторіографіи. Цѣня достоинство каждаго изъ нихъ, онъ впрочемъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми прочими Огюстену Тьери, котораго рѣдкій талантъ разсказа, въ высшей степени яснаго и занимательнаго, былъ ему гораздо симпатичнѣе». Въ іюнѣ 1835 года Грановскій кончилъ университетскій курсъ съ степенью кандидата и, мѣсяцъ спустя, поступилъ на службу секретаремъ 1-го отдѣленія гидрографическаго депо при морскомъ министерствѣ, съ чѣмъ вмѣстѣ, въ видахъ поддержанія скудныхъ средствъ своихъ и пріобрѣтенія возможности готовить куда нибудь жившаго съ нимъ младшаго брата — онъ принялся писать въ «Библіотеку для Чтенія» статьи историческаго содержанія, начавъ съ *Судьбы Евреевъ*, по Капфигу. — «Чуждый педантизма, исполненный плѣнительнаго добродушія, говоритъ о Грановскомъ Тургеневъ, онъ уже тогда внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе потомъ испытали. Отъ него вѣяло чѣмъ-то возвышенно чистымъ; ему было дано (рѣдкое и благодѣтельное свойство) не убѣжденьями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное въ душѣ другаго; онъ былъ идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этаго слова, — идеалистъ не въ одиночку. Онъ имѣлъ точно право сказать: «ничто человѣческое мнѣ не чуждо» и потому и его не чуждалось ничто человѣческое». Кѣмъ-то тогда же представленный Пушкину и обласканный великимъ поэтомъ, Грановскій нашелъ себѣ мецената въ лицѣ тогдашняго попечителя московскаго учебнаго округа, графа С. Г. Строганова, по представленію котораго онъ, въ 1836 году, былъ отправленъ за границу на счетъ министерства народнаго просвѣщенія и имѣлъ возможность прожить въ Германіи, большею же частію въ Берлинѣ, около 3-хъ лѣтъ. Въ теченіи этаго времени, Грановскій, кромѣ слушанія лекцій въ берлинскомъ университетѣ, занимался частнымъ образомъ латинскимъ языкомъ подъ руководствомъ Авг. Цумпта, а философіею съ Вердеромъ, преимущественно же посвящалъ время свое историческимъ упражненіямъ, которыя состояли въ разборѣ источниковъ, по системѣ и наставленіямъ знаменитаго профессора Ранке. Въ августѣ 1839 года Грановскій возвратился въ Москву и былъ опредѣленъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ, съ 1842 года назначенъ исправлять должность инспектора частныхъ учебныхъ заведеній Москвы, а въ 1845 году онъ окончилъ начатое имъ испытаніе на степень магистра историческихъ наукъ и, по защищеніи диссертаціи: *Юлинъ, Іомсбургъ и Винета*, — утвержденъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора. Сложивъ съ себя, въ 1847 году, исправленіе должности инспектора частныхъ учебныхъ заведеній Москвы, Грановскій, съ 1848 года, началъ исправлять должность ординарнаго профессора, а въ 1849 году, выдержалъ испытаніе на степень доктора публичною защитою диссертаціи: *Аббатъ Сугерій* — и былъ окончательно утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора. Сверхъ своихъ университетскихъ занятій, Грановскій три раза читалъ публичные курсы, изъ которыхъ послѣдній, назначенный въ пользу недостаточныхъ студентовъ, изданъ въ 1852 году подъ заглавіемъ: *Четыре историческія характеристики* (Тимуръ, Александръ Македонскій, Лудовикъ IX и Бэконъ). — Въ томъ же 1852 году Грановскій, въ день торжественнаго собранія университета, произнесъ рѣчь *О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи* и перевелъ, съ своими дополненіями, письмо Эдварса къ А. Тьери *О физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ* и ихъ *отношеній къ исторіи*. — Къ несчастію, научная дѣятельность Грановскаго, благотворная и внѣ стѣнъ университетскихъ, не была продолжительна: искренно любимый и уважаемый всѣми образованными соотечественниками, особенно же молодымъ поколѣніемъ едва ли не всей грамотной Россіи, Грановскій умеръ 4 октября 1855 года, въ Москвѣ, на 43-мъ году честной и полезной жизни. — Тѣло его погребено на московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ. — Значеніе Грановскаго въ исторіи русскаго развитія такъ извѣстно, что распространяться объ этомъ нечего. Для незнакомыхъ же съ личностію и характеристикою незабвеннаго профессора представимъ слѣдующіе отзывы о Грановскомъ С. М. Соловьева и И. С. Тургенева. Первый изъ нихъ, въ рѣчи, произнесенной на торжественномъ университетскомъ актѣ 1856 года, говорилъ такъ: «Грановскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей,

которыхъ, встрѣтясь съ ними разъ, нельзя забыть, сошедшись съ которыми, тяжело разстаться. Природа одарила его наружностію, какой долго ищутъ художники: лице его представляло рѣдкое соединеніе очертаній мужественной красоты съ выраженіемъ глубокомыслія и вмѣстѣ благодушія, сочувствія, которое влекло къ нему съ неотразимою силою; его легко было найти въ толпѣ, не справляясь, гдѣ онъ: въ ту сторону, гдѣ находился онъ, обращалось много глазъ, туда сильнѣе было движеніе. Теплое и разумное слово его ласкало человѣка, къ которому обращалось, было всегда желаннымъ, дорогимъ подаркомъ. Грановскій былъ щедръ на эти подарки, какъ самый общительный, сочувствующій человѣкъ; но съ этою щедростію соединялась большая разборчивость. Онъ принадлежалъ къ числу людей, мнѣніе которыхъ очень дорого цѣнится, и былъ судьею строгимъ при опредѣленіи нравственнаго благородства. Такіе люди, какъ Грановскій, заставляютъ многихъ внутренно охорашиваться; друзья и недрузья, прежде чѣмъ сдѣлать, прежде чѣмъ сказать что-нибудь, задавали себѣ вопросъ: «что скажетъ объ этомъ Грановскій?». — А вотъ и отзывъ И. С. Тургенева, изъ статьи его, посланной въ «Современникъ» на другой же день послѣ похоронъ Грановскаго: «Проникнутый весь наукой, посвятивъ себя всего дѣлу просвѣщенія и образованія, — онъ (Грановскій) считалъ самаго себя какъ-бы общественнымъ достояніемъ, какъ-бы принадлежностью всякаго, кто хотѣлъ образоваться и просвѣтиться... Къ нему, какъ къ роднику близь дороги, всякій подходилъ свободно и черпалъ живительную влагу изученія, которая струилась тѣмъ чище, чѣмъ самъ преподаватель меньше прибавлялъ въ нее своего. Свое, оригинальное въ его поученіи, было именно это благородное самоотреченіе — это отсутствіе личныхъ прихотей и умствованій. Онъ передавалъ науку, которую уважалъ глубоко и въ которую честно вѣрилъ, какъ самъ принималъ ее — не искажая ее, не силясь согнуть ее, если не въ систему, такъ въ дугу. Этой же добросовѣстностью въ передаваніи науки объясняется изящная красота его рѣчи; такъ свѣтъ, проходя чрезъ прозрачный кристаллъ, не измѣняяся въ существѣ своемъ, играетъ живыми красками». Грановскій, человѣкъ мысли и слова по преимуществу, писалъ и написалъ мало. Въ посмертномъ изданіи «Сочиненій» его, кромѣ указанныхъ выше, помѣщены: 1) *О родовомъ бытѣ древнихъ германцевъ*; 2) *Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ* и 3) *Критическія статьи*, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. — Товарищи и ученики Т. Н. Грановскаго собрали капиталъ на учрежденіе, въ память его, стипендіи, проэктъ устава которой Высочайше утвержденъ 27 августа 1857 года. Стипендія эта, въ количествѣ 300 рублей серебромъ, имѣетъ выдаваться, по выбору историко-филологическаго факультета, молодому человѣку, который, окончивъ курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, будетъ держать экзаменъ на ту или другую ученую степень при московскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету. При усиленіи капитала стипендіи Грановскаго дальнѣйшими пожертвованіями, она можетъ быть или выдаваема одному или, по усмотрѣнію факультета, раздѣлена двумъ лицамъ. — Женатый на Елизаветѣ Богдановнѣ Мильгаузенъ, Грановскій дѣтей не имѣлъ.

НЕВОЛИНЪ, Константинъ Алексѣевичъ, русскій писатель-юристъ. Родился въ 1806 году, въ вятской губерніи, былъ сынъ священника и окончилъ первоначальный курсъ наукъ въ вятской семинаріи, откуда поступилъ въ московскую духовную академію. Въ 1828 году, когда Неволину оставалось недолго до полученія академической степени, собственная Его Императорскаго Величества канцелярія отнеслась къ московскому митрополиту Филарету съ просьбою избрать нѣсколько лучшихъ воспитанниковъ академіи для того, чтобъ, по предварительномъ изученіи ими отечественнаго законодательства при II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и с. петербургскомъ университетѣ, отправить ихъ за границу для довершенія юридическаго образованія. Въ числѣ *пяти* избранниковъ митрополита Филарета былъ и Неволинъ, который, немедленно явившись въ Петербургъ, причисленъ, вмѣстѣ съ товарищами, во II отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и началъ обучаться: въ самомъ отдѣленіи — россійскому гражданскому законовѣдѣнію и законовѣдѣнію объ учрежденіяхъ, существующихъ въ россійской имперіи, а въ с. петербургскомъ университетѣ — римскому праву, греческой и латинской словесности, языкамъ нѣмецкому, англійскому и французскому. По выдержаніи съ отличнымъ успѣхомъ испытанія во всѣхъ вышеозначенныхъ наукахъ, Неволинъ, въ сентябрѣ 1829 года, отправленъ въ берлинскій университетъ на 3 года, для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ законовѣдѣніи, подъ надзоромъ посланника россійскаго двора и непосредственнымъ, по учебной части, руководствомъ знаменитаго профессора Савиньи, съ ежегоднымъ содержаніемъ по 700 прусскихъ талеровъ. Въ теченіе 3-хъ лѣтняго курса въ берлинскомъ университетѣ, Неволину и товарищамъ его надлежало слушать лекціи: энциклопедіи правъ вообще; философіи правъ; исторіи и теоріи государственнаго права — и обучиться правамъ: римскому, германскому, прусскому частному, германскому и прусскому въ совокупности, наконецъ, европейскому народному. Лѣтомъ 1830 года пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Берлинъ — собственно для бесѣды съ Савиньи — извѣстный графъ Сперанскій, который, найдя въ Берлинѣ только Неволина, на этотъ разъ, не отсутствовавшаго, какъ товарищи его, для путешествія по Германіи, сблизился съ молодымъ юристомъ и обласкалъ его, о чемъ самъ Неволинъ тогда же писалъ брату своему, священнику въ Вяткѣ: «Втеченіи осьми дней, я видѣлся съ нимъ (Сперанскимъ) ежедневно по одному или по два раза, и сіи времена свиданія принадлежатъ къ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни». Въ сентябрѣ 1832 года Неволинъ, предшествуемый самыми лестными отзывами берлинскихъ профессоровъ, возвратился изъ-за границы, и, поступивъ въ вѣдѣніе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, занимался при II отдѣленіи какъ чтеніемъ и изученіемъ составленныхъ сводовъ россійскихъ законовъ, такъ и чтеніемъ сводовъ привиллегій и законовъ Остзейскихъ губерній, сообразительно съ замѣчаніями мѣстныхъ губернскихъ комитетовъ. Въ январѣ 1834 года Неволинъ изъявилъ желаніе подвергнуться испытанію въ философско-юридическомъ факультетѣ с. петербургскаго университета на степень доктора законовѣдѣнія — и получилъ эту степень, публично защитивъ 8 февраля 1835 года диссертацію: *О философіи законодательства у древнихъ*, тогда же напечатанную особою брошюрою, корректуру которой просматривалъ и исправлялъ самъ графъ Сперанскій. Опредѣленный, вслѣдъ затѣмъ, профессоромъ въ кіевскій университетъ св. Владиміра по каѳедрѣ государственныхъ законовъ и энциклопедіи, Неволинъ открылъ курсъ вступительною рѣчью *О соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ*, напечатанною потомъ

въ XXXII ч. журнала министерства народнаго просвѣщенія, — и въ 1840 году издалъ въ Кіевѣ два огромные тома *Энциклопедіи законовѣдѣнія* — трудъ, необыкновенный по его важности и глубокой учености автора, а потому быстро подвинувшій преподаваніе законовѣдѣнія во всѣхъ русскихъ университетахъ и пріобрѣтшій автору знаменитое имя въ Россіи. Профессорство Неволина въ Кіевѣ, соединенное съ отправленіемъ обязанностей ректора, продолжалось до 1843 года, въ которомъ Неволинъ былъ переведенъ на каѳедру гражданскихъ законовъ въ с. петербургскій университетъ, гдѣ онъ, не далѣе какъ въ 1844 году, обогатилъ науку двумя новыми, обширными изслѣдованіями: *1) Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго* и *2) Списокъ русскихъ городовъ*, — тогда же напечатанными: первое — въ XLI ч. журнала министерства народнаго просвѣщенія, а второе — въ апрѣльской, ноябрьской и декабрьской книжкахъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1845 году Неволинъ былъ избранъ въ деканы юридическаго факультета и въ 1847 году издалъ особо *Програмы преподаванія дѣйствующихъ гражданскихъ и межевыхъ законовъ Россійской Имперіи*, помѣстивъ рядъ другихъ трудовъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ того же 1847 года, а именно: *Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II* — въ «актѣ с. петербургскаго университета»; *О словѣ гира у Константина Багрянороднаго* — въ «Финскомъ Вѣстникѣ»; *О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго* — въ ч. LV и LVI журнала министерства народнаго просвѣщенія. — Съ 1848 года Неволинъ, кромѣ университетской, занялъ еще двѣ каѳедры — Энциклопедіи и Исторіи россійскаго законодательства — въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и, тогда же представивъ академіи наукъ *Разборъ сочиненія Линовскаго* «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича», въ 1851 году напечаталъ изслѣдованіе *О преемствѣ великокняжескаго кіевскаго престола* (журн. мин. нар. просв. ч. LXIX) и статью *О рядной записи XIII вѣка* (записки имп. археологическаго общества, т. III), за которыми, въ томъ же 1851 году издалъ второе капитальное сочиненіе свое — *Исторію россійскихъ гражданскихъ законовъ* въ 3-хъ томахъ. Этотъ превосходный трудъ, составившій вѣнецъ дѣятельности Неволина, какъ писателя-юриста, былъ привѣтствованъ и оцѣненъ однимъ изъ даровитѣйшихъ юристовъ профессоровъ, г. Станиславскимъ, такъ: «Сочиненіе почтеннаго профессора (Неволина) обнимаетъ вполнѣ систему гражданскихъ законовъ, со всѣми ея подробностями, и раскрываетъ ихъ постепенное развитіе отъ начала государства, до того самаго времени, когда сочиненіе напечатано. При взглядѣ на этотъ колоссальный трудъ, читатель съ самаго уже начала пораженъ почтительнымъ удивленіемъ, которое все болѣе и болѣе возрастаетъ, по мѣрѣ слѣдованія за сочинителемъ по необъятному, а между тѣмъ дивно-стройному и превосходно-расположенному зданію. Сколько матеріаловъ надобно было собрать, изслѣдовать, взвѣсить и оцѣнить! Какое умѣнье потребно было для того, чтобъ изъ этихъ матеріаловъ создать гармоническое цѣлое!.... Тысячи самыхъ мелкихъ подробностей, подкрѣпленныя столь же многочисленными указаніями, или цитатами, были плодомъ изумительной дѣятельности ученаго профессора, умѣвшаго всѣ эти частности, посредствомъ глубокихъ ученыхъ соображеній и пріемовъ, привести въ стройную и безукоризненную систему». Въ 1852 году Неволинъ былъ прикомандированъ къ редакціи исправленія военно-уголовнаго устава и назначенъ членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, — но ученые труды его еще не кончились: въ «Извѣстіяхъ академіи наукъ» 1853 года онъ помѣстилъ замѣтку *О митрополитѣ Іоаннѣ II, какъ сочинителѣ посланія къ римскому архіепископу Клименту объ опрѣснокахъ*, а въ VIII книжкѣ «Записокъ Императорскаго русскаго географическаго общества» того же 1853 года напечаталъ обширное изслѣдованіе *О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XV вѣкѣ*, съ картою, — изслѣдованіе, которому, по важности и достоинству его, принадлежитъ третье мѣсто между всѣми сочиненіями Неволина. Затѣмъ Неволинъ не писалъ уже ничего болѣе. Разслабленный и трудами служебно-преподавательскими и давно таившимся въ немъ недугомъ, онъ, весною 1855 года, поѣхалъ лечиться въ Германію и, 6 октября того же года, умеръ въ Бриксенѣ (въ Тиролѣ), 49 лѣтъ отъ роду. — Тѣло его, привезенное изъ-за границы, погребено въ Петербургѣ. — К. А. Неволинъ, посвятившій всю жизнь труду и дѣлу на пользу науки, былъ типомъ добросовѣстнѣйшаго ученаго и, подаривъ соотечественниковъ небывалыми до него юридическими сочиненіями, сдѣлалъ имя свое почтеннымъ для каждаго просвѣщеннаго русскаго. «Какъ профессоръ, Неволинъ — по словамъ одного изъ его біографовъ, Андреевскаго — обладалъ замѣчательными достоинствами: непоколебимою справедливостью относительно своихъ слушателей и горячею къ нимъ любовью. Никакія просьбы, никакія связи, никакія стороннія отношенія не могли заставить Неволина сдѣлать несправедливость относительно его слушателя; онъ былъ въ этомъ отношеніи примѣрно-добросовѣстенъ; онъ всегда оставался вѣрнымъ своему убѣжденію, никогда не терялъ сознанія, что онъ профессоръ университета. Любовь его къ студентамъ, вполнѣ согласная съ его возвышеннымъ духомъ, не всегда была угадываема: по своей скромности, онъ рѣдко обнаруживалъ и это чувство». — «Значеніе Неволина въ нашей юридической литературѣ — говоритъ другой біографъ его — велико. Онъ не внесъ въ нее новыхъ взглядовъ, но положилъ для нихъ твердое основаніе. Значеніе это вообще опредѣляется тѣмъ, что труды Неволина останутся у насъ навсегда исходною точкою позднѣйшихъ юридическихъ изслѣдованій. За Неволинымъ остается заслуга перваго философско-юридическаго произведенія въ истинномъ значеніи этаго слова и, прибавимъ, до сихъ поръ единственнаго. За нимъ же остается заслуга составленія полной исторіи цѣлой отрасли русскаго права во всемъ ея пространствѣ». *Полное собраніе сочиненій* Неволина, со включеніемъ найденнаго въ его бумагахъ изслѣдованія *О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ*, издано, въ семи томахъ, профессоромъ с. петербургскаго университета г. Андреевскимъ.

ОСТРОГРАДСКІЙ, Михаилъ Васильевичъ, русскій математикъ. Родился 12 сентября 1801 года, полтавской губерніи, кобелякскаго уѣзда, въ д. Пашеной, принадлежавшей отцу его, и въ дѣтскомъ возрастѣ уже выказывалъ большую любознательность, забавляясь разсматриваніемъ мельницъ, измѣреніемъ глубины колодцевъ, опредѣленіемъ величины каждой изъ своихъ игрушекъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ пансіонѣ при полтавской гимназіи, но гимназическаго курса не кончилъ и въ 1816 году, по желанію родителей, оставилъ гимназію, для поступленія въ военную службу. Опредѣленный затѣмъ, по совѣту одного родственника, вольнослушающимъ въ харьковскій университетъ, Остроградскій жилъ у адъюнкта Ро-

буша, взявшаго на себя приготовить молодаго человѣка въ студенты, и хотя учился кое-какъ, неотступно прося отца записать его въ Кременчугскій пѣхотный полкъ, однако въ 1817 году получилъ званіе студента, въ 1818 году окончилъ курсъ, а въ 1819 году опять поступилъ въ тотъ же харьковскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы, на основаніи изданныхъ въ томъ году постановленій объ ученыхъ степеняхъ, получить степень кандидата. Эта степень скоро была присуждена Остроградскому какъ факультетомъ, такъ и совѣтомъ университета, но тогдашній министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ, не только не утвердилъ Остроградскаго въ степени кандидата, но велѣлъ отобрать у него и студенческій аттестатъ, выданный ему въ 1818 году, по мнѣнію князя Голицына, незаконно. Испытавъ такую неудачу, Остроградскій, уже сильно полюбившій математику, рѣшился ѣхать въ Парижъ, поучиться у знаменитыхъ французскихъ геометровъ, отправился туда въ 1822 году, тамъ, прилежнымъ посѣщеніемъ лекцій въ Сорбоннѣ, обратилъ на себя вниманіе корифеевъ парижской учености, а съ нѣкоторыми изъ нихъ даже сблизился, и въ 1825 году сдѣлался печатно извѣстенъ ученому міру, потому что Коши, въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ этаго года, отозвался объ Остроградскомъ, какъ о «русскомъ молодомъ человѣкѣ, одаренномъ большою проницательностью, весьма свѣдущемъ въ анализѣ безконечно-малыхъ, давшемъ новое доказательство его, Коши, формуламъ и обобщившемъ другія формулы, помѣщенныя въ 19-й тетради журнала политехнической школы». Въ 1826 году Остроградскій представилъ парижскому институту записку о распространеніи волнъ въ цилиндрическомъ сосудѣ (sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique), содержащую рѣшеніе одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ математической физики, и въ теченіе 1826 — 1827 учебнаго года былъ учителемъ математики въ коллегіумѣ Генриха IV, — должность, которую Остроградскій оставилъ только для того, чтобы возвратиться въ Россію, куда ученая извѣстность его, путемъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, дошла скоро. Въ 1828 году Остроградскій пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ, 17 декабря того же года, зачисленъ на службу и избранъ адъюнктомъ академіи наукъ, по части прикладной математики, а въ 1829 году началъ чтеніе на французскомъ языкѣ лекцій небесной механики, которое продолжалъ и въ 1830 году, когда его, уже въ званіи экстраординарнаго академика, послали съ ученымъ порученіемъ въ Парижъ. Здѣсь Остроградскій представилъ свой курсъ небесной механики парижскому институту, члены котораго Араго и Пуассонъ, обязательно разсматривавшіе этотъ трудъ Остроградскаго, отозвались о немъ съ большой похвалой. По возвращеніи изъ Парижа, Остроградскій, въ 1831 году получилъ званіе ординарнаго академика и издалъ на французскомъ языкѣ свой курсъ небесной механики, а затѣмъ блистательно продолжалъ свою академическую дѣятельность, 33 года которой онъ посвятилъ занятіямъ преимущественно аналитической механикой, математической физикой и интегральнымъ исчисленіемъ. Главнѣйшія пріобрѣтенія для науки отъ трудовъ Остроградскаго суть: рѣшеніе вопроса о распространеніи волнъ въ цилиндрическомъ сосудѣ; общіе интегралы уравненій вибрацій упругаго однороднаго тѣла; выводъ варіаціи частной производной; общая формула для варіаціи кратнаго интеграла; новый способъ интегрированія раціональныхъ дробей и опредѣленіе степени погрѣшности въ способѣ опредѣленныхъ квадратуръ. Кромѣ того, Остроградскій не однажды указывалъ и исправлялъ ошибки Лагранжа и Пуассона, развилъ обобщеніе въ началѣ возможныхъ перемѣщеній (principe des vitesses virtuelles), на которое указывали Фурье, Курно и Гауссъ, распространилъ на изопериметрическіе вопросы открытія Гамильтона и Якоби въ теоріи интегрированія уравненій динамики. — Труды Остроградскаго не оставались безъ вниманія правительства, которое поощряло даровитаго ученаго слѣдующими наградами: въ 1834 году — единовременною выдачею 1000 руб.; въ 1835 году — такою же выдачею 1500 руб.; въ 1837 году — подаркомъ по чину и единовременною выдачею 2500 руб., въ 1841 году — чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1843 году — перстнемъ съ вензелемъ Государя Императора; въ 1845 году — орденомъ св. Владиміра 3-го класса и бриллiантовымъ перстнемъ; въ 1848 году — брилліантовымъ перстнемъ съ вензелемъ Государя Императора; въ 1849 году — орденомъ св. Станислава 1-го класса; въ 1851 году — ежегодною прибавкою къ жалованью 285 руб. сер.; въ 1854 году — табакеркою съ вензелемъ Государя Императора; въ 1855 году — знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ; въ 1857 году — орденомъ св. Анны 1-го класса и въ 1859 году — чиномъ тайнаго совѣтника. — Перемѣщенный въ 1855 году на открывшуюся послѣ смерти П. Н. Фусса ваканцію ординарнаго академика по чистой математикѣ, Остроградскій, около того же времени, былъ избранъ парижскою академіею наукъ въ члены-корреспонденты, представилъ этой академіи двѣ записки, напечатанныя въ академическихъ отчетахъ (Comptes rendus) 1856 года и умеръ въ Петербургѣ, 20 декабря 1861 года, 60 лѣтъ отъ рода. — Въ М. В. Остроградскомъ Россія утратила ученаго, достигшаго своими важными изслѣдованіями въ математикѣ громкой европейской извѣстности. Неутомимый дѣятель на поприщѣ отечественнаго образованія, Остроградскій весьма много содѣйствовалъ распространенію математическихъ знаній въ Россіи, приготовилъ нѣсколько поколѣній профессоровъ, учителей, моряковъ, инженеровъ, артиллеристовъ, предсѣдательствовалъ въ комитетахъ, гдѣ обсуживались методы преподаванія математики въ кадетскихъ корпусахъ, составлялись программы и конспекты, производились экзамены кадетамъ и чтенія пробныхъ лекцій желающими занять учительскія должности. Любимымъ предметомъ самаго Остроградскаго была аналитическая механика. Какъ авторъ, Остроградскій извѣстенъ составленіемъ курса небесной механики (на французскомъ языкѣ), публичныхъ лекцій алгебраическаго анализа, читанныхъ въ морскомъ корпусѣ, руководства къ начальной геометріи для военно-учебныхъ заведеній, наконецъ, 48 записокъ, напечатанныхъ (по-французски) въ академическихъ мемуарахъ и бюллетенѣ. — Въ годъ смерти своей, Остроградскій носилъ званія: ординарнаго академика Императорской академіи наукъ; члена иностранныхъ академій: парижской, туринской, римской, американской и многихъ другихъ ученыхъ обществъ; доктора философіи Александровскаго университета; заслуженнаго профессора бывшаго главнаго педагогическаго института; профессора: въ офицерскихъ классахъ морскаго кадетскаго корпуса, въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія и въ училищахъ Михайловскомъ артиллерійскомъ и Николаевскомъ инженерномъ; главнаго наставника-наблюдателя по математическимъ наукамъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія.

БУНЯКОВСКІЙ, Викторъ Яковлевичъ, дѣйст-

вительный статскій совѣтникъ, вице-президентъ Императорской академіи наукъ, почетный членъ университетовъ с. петербургскаго и московскаго, и совѣта академическаго курса морскихъ наукъ. — Исторія математики и исторія развитія математическихъ наукъ въ Россіи, уже записали на своихъ страницахъ славное имя Виктора Яковлевича Буняковскаго; онъ родился 3 декабря 1804 года въ г. Барѣ, подольской губерніи, гдѣ въ это время былъ расположенъ конно-польскій уланскій полкъ, въ которомъ отецъ его, Яковъ Васильевичъ, служилъ въ чинѣ подполковника. Первоначальное образованіе Викторъ Яковлевичъ получилъ въ Москвѣ, гдѣ воспитывался съ сыномъ московскаго генералъ-губернатора графа А. П. Тормасова, бывшаго ратнаго сотоварища его отца. Въ 1820 году онъ былъ отправленъ съ сыномъ графа Тормасова за-границу, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ: первоначально бралъ приватные уроки въ Кобургѣ, потомъ въ Швейцаріи былъ студентомъ Лозанской академіи и наконецъ два года сряду въ Парижѣ, слушалъ въ Сорбоннѣ и въ Collége de France лекціи знаменитыхъ Коши, Ампера, Лакруа, Араго, Ге-Люссака и другихъ извѣстныхъ ученыхъ. Въ 1824 году онъ получилъ степени баккалавра и лиценціата, а въ 1825 году степень доктора математическихъ наукъ. Въ 1826 году Викторъ Яковлевичъ возвратился въ Петербургъ; въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ поступилъ на службу въ первый кадетскій корпусъ преподавателемъ математики въ высшемъ классѣ, а въ 1828 году избранъ адъюнктомъ Императорской академіи наукъ по части чистой математики. Въ 1831 году уволенъ, по прошенію, отъ должности преподавателя въ первомъ корпусѣ, но не переставалъ участвовать въ разныхъ коммисіяхъ по составленію программъ и конспектовъ для военно-учебныхъ заведеній, по экзаменамъ учителей и по разсмотрѣнію учебныхъ руководствъ; кромѣ того въ теченіи десяти лѣтъ былъ наставникомъ-наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ. Въ 1861 году Викторъ Яковлевичъ назначенъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ математическихъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1863 году, вслѣдствіе преобразованія этихъ заведеній, отчисленъ отъ означенной должности. Кромѣ того, въ теченіи своей службы, онъ преподавалъ въ разное время высшую математику и механику въ горномъ институтѣ, въ институтѣ путей сообщенія, въ с. петербургскомъ университетѣ и въ офицерскомъ классѣ при морскомъ корпусѣ, преобразованномъ въ послѣднее время въ академическій курсъ морскихъ наукъ; тамъ съ 1827 по 1864 годъ проявлялась въ особенности блистательная и плодотворная дѣятельность Виктора Яковлевича. Преподаваніе его не было простымъ выполненіемъ служебныхъ обязанностей, но составляло любимое его занятіе; Викторъ Яковлевичъ читалъ лекціи свои съ постоянно одинаковою энергіею, съ постоянною готовностью объяснить всякое затрудненіе своихъ слушателей, лекціи его всегда отличались изящностью и выработанностью по своему изложенію, отчетливостью и обдуманностью содержанія; въ числѣ учениковъ его мы встрѣчаемъ теперь людей начиная отъ заслуженыхъ адмираловъ до юныхъ мичмановъ; нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже сами заявить себя ученою дѣятельностью въ морской математической литературѣ, преподаваніемъ математическихъ наукъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ или, наконецъ, замѣчательными трудами по части гидрографіи. Преподовательская дѣятельность В. Я. Буняковскаго на пользу офицеровъ русскаго флота вѣроятно продолжилась бы еще надолго, еслибъ новыя служебныя занятія не отняли у него необходимаго на то времени. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 года Викторъ Яковлевичъ былъ утвержденъ въ званіи вице-президента академіи наукъ, и, вскорѣ послѣ того, по причинѣ увеличившагося числа его занятій, онъ долженъ былъ отказаться отъ профессуры. Учебный совѣтъ, желая выразить передъ любимымъ всѣми ученымъ и профессоромъ тѣ чувства благодарности и уваженія, которыми проникнут каждый кто пользовался его уроками и свѣтлыми познаніями, испросилъ разрѣшеніе управляющаго морскимъ министерствомъ предоставить В. Я. Буняковскому званіе почетнаго члена совѣта академическаго курса и, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, единодушно рѣшилъ отблагодарить его поднесеніемъ альбома съ фотографическими портретами бывшихъ его учениковъ и сослуживцевъ на учебномъ поприщѣ. За обѣдомъ, даннымъ въ честь Виктора Яковлевича въ конференцъ-залѣ морскаго корпуса, директоръ этого заведенія поздравилъ знаменитаго нашего ученаго съ Высочайшею милостью — арендою въ 1500 рублей на двѣнадцать лѣтъ, при чемъ прибавилъ, что Его Императорское Высочество генералъ-адмиралъ «выразилъ свое сожалѣніе, что не можетъ считать себя въ числѣ учениковъ Виктора Яковлевича, но, какъ шефъ морскаго корпуса и покровитель академическаго курса морскихъ наукъ, считаетъ себя его сослуживцемъ, и потому соизволилъ прислать свой фотографическій портретъ въ поднесенный Виктору Яковлевичу альбомъ.» — Заслуги и ученые труды Буняковскаго оцѣнены уже достойнымъ образомъ. Къ числу отдѣльно напечатанныхъ его сочиненій принадлежатъ: 1) Краткое изложеніе уроковъ о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи, преподаваемыхъ въ королевской политехнической школѣ А. Л. Коши, переводъ съ французскаго съ примѣчаніями переводчика. Коши былъ наставникомъ Виктора Яковлевича, и книга его остается до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ руководствъ для занимающихся высшимъ математическимъ анализомъ; она издана въ 1831 году. 2) Лексиконъ чистой и прикладной математики, томъ I, изданный въ 1839 году. Это капитальное предпріятіе Виктора Яковлевича, къ сожалѣнію, не доведено до конца. Нѣкоторыя изъ вошедшихъ сюда статей представляютъ хотя и сжатые, но полные и обстоятельные трактаты, какъ напримѣръ способъ каскадъ, непрерывныя дроби, дифференціальное исчисленіе, исчисленіе конечныхъ разностей, деривационное исчисленіе и проч. и проч. По математической физикѣ замѣчательны статьи о дрожаніи струнъ и въ особенности о теплотѣ. 3) Ариѳметика, руководство для гимназій, появилась въ свѣтъ въ 1844 году. 4) Основанія математической теоріи вѣроятностей, сочиненіе изданное въ 1846 году, составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ пріобрѣтеній сдѣланныхъ русскою математической литературой; въ немъ мы находимъ все, что выработано усиліями величайшихъ геніевъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій, а также и новыя объясненія трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ. 5) Программа и конспектъ ариѳметики для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. 6) Ариѳметика для военно-учебныхъ заведеній. 7) Программа и конспектъ начальной геометріи. 8) Параллельныя линіи и наконецъ 9) Опытъ о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи православнаго народонаселенія по возрастамъ; этотъ трудъ изданъ въ концѣ 1865-го года. Всѣ элементарныя сочиненія Виктора Яковлевича отличаются изящностью языка, ясностью изложенія и служатъ образцовыми сочиненіями этого рода. Число статей и вообще ученыхъ мемуаровъ, болѣе или менѣе обширныхъ, доставившихъ В. Я. Буняковскому европейскую

извѣстность, помѣщенныхъ въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ, весьма значительно; въ однихъ изданіяхъ академіи наукъ число ихъ простирается до шестидесяти. Имъ также придуманы нѣкоторые механическіе снаряды, какъ-то планиметръ-пантографъ, инструментъ для суммованія квадратовъ и подвижная пасхальная таблица. — Въ 1858 году Викторъ Яковлевичъ принималъ участіе въ трудахъ коммисіи для начертанія положенія объ эмеритальной кассѣ морскаго вѣдомства, служившаго примѣромъ къ составленію эмеритальныхъ кассъ въ другихъ вѣдомствахъ. Трудъ этотъ представляетъ одно изъ многочисленныхъ приложеній теоріи вѣроятностей къ вопросамъ общественной жизни, и принадлежитъ къ незабвеннымъ заслугамъ Виктора Яковлевича оказаннымъ наукѣ. Въ 1863 — 1864 года онъ участвовалъ въ разсмотрѣніи дѣйствій эмеритальной кассы за первое истекшее семилѣтіе. — «Плюшаровскій энциклопедическій лексиконъ» и «Энциклопедическій словарь», издававшійся въ 1861 — 1863 годахъ заключаютъ въ себѣ много математическихъ статей В. Я. Буняковскаго. По второму изъ нихъ онъ былъ редакторомъ математическаго отдѣла и статья его «Ариѳметика» вполнѣ достойна вниманія.

ГРОТЪ, Яковъ Карловичъ, *) ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, воспитывался въ Императорскомъ царскосельскомъ лицеѣ и при окончаніи курса въ 1832 году получилъ первую золотую медаль. Въ этомъ же году покойный князь В. П. Кочубей принялъ его на службу въ канцелярію комитета министровъ, гдѣ онъ состоялъ въ непосредственномъ вѣдѣніи барона М. А. Корфа, скоро оцѣнившаго знанія его и способности. Канцелярскія бумаги не могли удовлетворить жаждѣ его къ расширенію ученыхъ свѣдѣній. Свободное отъ службы время онъ употреблялъ на изученіе исторіи, римской литературы и англійскаго языка. Для послѣдняго онъ употребилъ ту же методу, которою воспользовался прежде, выучившись еще въ лицеѣ по-итальянски. Руководствуясь только учебниками, онъ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ могъ уже свободно писать и говорить по итальянски и прочелъ въ подлинникѣ Тасса, Метастазіо, Боккачіо и Манзони. Баронъ М. А. Корфъ назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ и, не желая разлучиться съ Гротомъ, перевелъ его въ свою канцелярію. Но чѣмъ болѣе открывалось ему выгодъ по гражданской службѣ, тѣмъ живѣе чувствовалъ онъ, что теряетъ изъ виду поприще, на которое всегда смотрѣлъ какъ на свое призваніе. Расширеніе знаній ученыхъ, филологическихъ и лингвистическихъ составляло единственную усладу его послѣ утомительныхъ трудовъ службы. Въ 1837 году онъ кончилъ переводъ стихами Байроновой поэмы *Мазепа*, который и былъ напечатанъ въ первой книжкѣ *Современника* на 1838 годъ. Съ того времени Гротъ восемь лѣтъ усердно участвовалъ въ этомъ изданіи. Сближеніе съ Плетневымъ и занятія съ нимъ довершили влеченіе чиновника къ трудамъ чисто умственнымъ. Гротъ готовъ былъ пожертвовать всею будущностью своею, лишь бы свободно предаться любимому дѣлу. Постоянный свидѣтель этой любопытной борьбы духа, Плетневъ представлялъ ему разныя непріятныя случайности, которыя могутъ послѣдовать для молодаго человѣка безъ средствъ отъ внезапной перемѣны его положенія. Но Гротъ оставался при своемъ намѣреніи. Между тѣмъ онъ успѣлъ овладѣть еще однимъ изъ новыхъ языковъ, выучившись по-шведски. Въ *Современникѣ* съ 1839 года начали появляться статьи его, касавшіяся литературы и исторіи финскаго и скандинавскаго Сѣвера. Всего замѣчательнѣе изъ переводовъ Грота съ шведскаго языка было его изданіе по-русски стихами поэмы Тегнéра: *Фритіофъ* (1841, Гельсингфорсъ), снабженное любопытными объясненіями древностей и миѳологіи скандинавскихъ народовъ. На переводъ *Фритіофа*, бывшій еще въ рукописи, обратилъ справедливое вниманіе Жуковскій, готовившійся, во время путешествія своего съ Государемъ Наслѣдникомъ, лично узнать Тегнера. Въ это время неожиданно рѣшилась судьба Грота согласно его давнему желанію. Случай свелъ его у издателя же *Современника* съ профессоромъ Александровскаго университета Соловьевымъ, который въ разговорѣ упомянулъ, что желаетъ оставить свою должность. Довольно было этихъ словъ, чтобы въ молодомъ искателѣ ученыхъ занятій возбудить желаніе достигнуть покидаемаго профессоромъ мѣста. Жуковскій вызвался представить переводчика *Фритіофа* графу Ребиндеру, министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго, исправлявшему должность канцлера Александровскаго университета. Министръ приведенъ былъ въ восхищеніе знаніями вообще и успѣхами въ шведскомъ языкѣ кандидата на профессорскую каѳедру; но какъ она не оглашена была еще вакантною, то онъ перемѣстилъ Грота въ свою канцелярію, предоставивъ на волю его жить здѣсь или въ Гельсингфорсѣ. Въ іюнѣ 1840 года онъ переселился въ столицу Финляндіи, гдѣ въ это время Александровскій университетъ праздновалъ двухсотлѣтній юбилей существованія своего. На это ученое торжество изъ прочихъ русскихъ университетовъ прибыли депутаты и въ ихъ числѣ Плетневъ, какъ ректоръ с.-петербургскаго университета. Ребиндеръ не замедлилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ дать новое образованіе каѳедрѣ русскаго языка въ Гельсингфорсѣ и готовился уже къ осуществленію составленнаго для этой цѣли проекта; но смерть въ томъ же году похитила его у Финляндіи. Его преемникъ графъ А. Г. Армфельтъ не оставилъ однакоже безъ исполненія новаго плана. Гротъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ Александровскаго университета по русской словесности и исторіи. — Ученая и литературная дѣятельность его получила здѣсь просторъ и движеніе. Въ одно и то же время онъ приготовлялъ лекціи, писалъ статьи о литературѣ, нравахъ и исторіи изучаемаго имъ края; переводилъ изъ шведскихъ классиковъ, болѣе и болѣе усвоивалъ навыкъ въ языкахъ шведскомъ и латинскомъ, изъ которыхъ на первомъ часто принужденъ былъ читать лекціи, а на другомъ производить экзамены. Ежегодно цѣлую половину низшихъ и среднихъ училищъ въ Финляндіи онъ обязанъ былъ обозрѣвать и подробно свидѣтельствовать, какъ преподаваніе русскаго языка, такъ и успѣхи въ немъ юношества. Не утомляясь и не ослабѣвая отъ столькихъ трудовъ, онъ приступилъ къ изученію еще двухъ языковъ, а именно польскаго и финскаго. Первый не представлялъ для него большихъ затрудненій, болѣе усилій требовалъ второй, не подходящій грамматическими формами своими ни къ одному изъ европейскихъ языковъ. Столь извѣстный дѣятельностью своею по этнографіи и лингвистикѣ докторъ Кастренъ предложилъ Гроту свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ изданія ученыхъ трудовъ Грота не прерывались. До начатія университетскихъ лекцій, онъ не устрашился труда, самаго утомительнаго. Вступая

*) Извлечено изъ напечатанной въ свое время академической записки покойнаго П. А. Плетнева, съ дополненіемъ свѣдѣніями за послѣдніе годы.

въ университетъ, онъ желалъ подробнѣе ознакомиться съ его прежнею жизнію. Для этого онъ терпѣливо прочелъ часть сохранившихся въ тамошнемъ архивѣ протоколовъ засѣданій совѣта. Составленную такимъ образомъ исторію Александровскаго университета помѣстилъ онъ въ книгѣ, имъ же задуманной и напечатанной въ 1842 году. Она составлена изъ сочиненій русскихъ и финляндскихъ литераторовъ: Грота, Плетнева, князя Одоевскаго, графа Соллогуба, епископа Францена, Кастрена, Рунеберга, Ленрота и Эмана, бывшихъ на университетскомъ юбилеѣ и оставившихъ ею воспоминаніе о событіи. Книга эта, «Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета» въ томъ же году была въ другой разъ издана Гротомъ на шведскомъ языкѣ. — Для основательнаго изученія Финляндіи и Швеціи со стороны языка, литературы, просвѣщенія, исторіи, миѳологіи и нравовъ этого края до сихъ поръ остаются необходимыми пособіями его статьи: «Знакомство съ Рунебергомъ», «Гельсингфорсъ», «О финнахъ и ихъ національной поэзіи», «О скандинавской миѳологіи» и множество другихъ, напечатанныхъ въ *Современникѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Особеннымъ уваженіемъ у насъ и въ Финляндіи всегда будетъ пользоваться его трудъ, на который посвятилъ онъ два года пребыванія своего въ Гельсингфорсѣ. При статсъ-секретаріатѣ великаго княжества давно занимались составленіемъ подробнаго шведско-русскаго лексикона. Въ 1846 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о печатаніи его подъ надзоромъ профессора Грота. Съ примѣрною добросовѣстностью занялся онъ этимъ дѣломъ, напечатавъ 1-ю часть въ томъ же году, а 2-ю въ слѣдующемъ. Въ составленіи лексиконовъ и грамматикъ онъ пріобрѣлъ необыкновенную опытность, побѣдивъ столько трудностей усвоеніемъ себѣ разнородныхъ языковъ безъ помощи наставниковъ. Такимъ образомъ издавна занимала его мысль упростить для иностранцевъ спряженія русскихъ глаголовъ. Онъ изложилъ ее въ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Современникѣ* и въ *Извѣстіяхъ* отдѣленія русскаго языка и словесности. — Въ исторіи русской литературы едва ли что можно найти основательнѣе и подробнѣе изслѣдованій его о жизни, сочиненіяхъ и участіи Державина въ повременныхъ изданіяхъ. Присоединивъ къ тому извлеченія свои изъ *Записокъ* княгини Дашковой, изданныхъ на англійскомъ языкѣ, онъ напечаталъ то и другое въ 1845 году въ *Современникѣ*. Въ сопровожденіи доктора Ленрота въ 1846 году онъ совершилъ поѣздку отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео, и въ слѣдующемъ году явилась его книга: *Переѣзды по Финляндіи*. Послѣ путешествія своего въ Швецію въ 1847 году, гдѣ особенно обращено было имъ вниманіе на Упсальскій университетъ и другія примѣчательности края, онъ вошелъ въ непосредственныя сношенія съ тамошними учеными и литераторами. Записки его объ этомъ путешествіи явились въ 1848 — 50 г. въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Сѣверномъ Обозрѣніи*, въ *Москвитянинѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Тогда же, по случаю выхода въ свѣтъ извѣстной книги князя Вяземскаго *фонъ-Визинъ*, профессоръ Гротъ въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* напечаталъ о ней критическія свои замѣчанія. Въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія помѣщены розысканія его: «Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ приписываемой ему хроники», «Извѣстія о петербургскомъ краѣ до Петра Великаго», «О судьбѣ плѣнныхъ шведовъ при Петрѣ Великомъ», «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка», и многія библіографическія статьи о сношеніяхъ Россіи съ Швеціею. — Въ 1849 году Гротъ, во время поѣздки въ Москву, сблизился съ извѣстнымъ нашимъ санскритологомъ и эллинистомъ Коссовичемъ, и подъ его руководствомъ приступилъ къ изученію санскритскаго и греческаго языковъ, изъ которыхъ послѣднимъ продолжалъ заниматься и послѣ. Между тѣмъ его озабочивало также изданіе пособія для облегченія финляндскому юношеству изученія русскаго языка и исторіи Россіи; вслѣдствіе того напечатаны имъ на шведскомъ языкѣ въ 1848 — 1851 г.: «учебникъ русскаго языка» для начинающихъ финляндцевъ, имѣвшій въ короткое время два изданія, и исторію Россіи до Петра Великаго въ двухъ частяхъ. Сверхъ того онъ, въ тоже время, издалъ для финляндскихъ училищъ на русскомъ языкѣ собраніе статей и стиховъ, въ разное время написанныхъ имъ для юношества. — Въ 1852 году отдѣленіе русскаго языка и словесности, издавъ «Опытъ областнаго великорусскаго словаря», обратилось къ нему для опредѣленія степени вліянія, какое скандинавскій языкъ могъ имѣть на составъ русскаго. Академія наукъ не могла не отличить въ *Извѣстіяхъ* II отдѣленія, сколько представляютъ занимательности, ясности и вѣрности замѣчанія профессора Грота на Областной словарь. При всей сухости предмета, онъ вносилъ въ свои указанія и соображенія особенную живость и развитіе. Знаніе шведскаго языка въ совокупности съ другими западными облегчило ему изученіе прочихъ языковъ скандинавскихъ, какъ-то: исландскаго, норвежскаго и датскаго. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тогда же избрало его въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ, а въ 1854 году послѣдовало его избраніе въ дѣйствительные члены академіи. За годъ до того онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для занятій съ Августѣйшими сыновьями нынѣ царствующаго Государя Императора по русскому языку и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, и въ тоже время ему предложена была каѳедра русской словесности въ высшихъ классахъ Императорскаго Александровскаго лицея. Въ 1857 году былъ онъ назначенъ наблюдателемъ надъ учебными занятіями Ихъ Императорскихъ Высочествъ — должность, которую онъ и занималъ до вступленія въ совершеннолѣтіе, въ сентябрѣ 1859 года, въ Бозѣ почившаго Наслѣдника и Великаго Князя Николая Александровича. Продолжая по возможности свою литературную дѣятельность и въ это время, Гротъ помѣщалъ въ *Извѣстіяхъ* отдѣленія русскаго языка и словесности филологическіе труды, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ его матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи словаря и изслѣдованія о законахъ русскаго ударенія. Съ 1859 года приступилъ онъ къ приготовительнымъ работамъ для критическаго изданія, по порученію академіи, сочиненій Державина и напечаталъ по этому же поводу рядъ статей въ академическихъ и другихъ изданіяхъ, вводя иногда въ кругъ своихъ изслѣдованій и предметы, только соприкасающіеся съ главной задачей, какъ-то матеріалы для исторіи Пугачевщины, переписку Сумарокова съ Шуваловымъ, біографію Ломоносова и проч. — Оставивъ въ 1862 году каѳедру при Александровскомъ лицеѣ и возвратясь изъ путешествія по Волгѣ, предпринятаго для главнаго труда его, Гротъ немедленно приступилъ къ печатанію по собраннымъ имъ богатымъ рукописнымъ матеріаламъ сочиненій Державина съ своими объясненіями и до настоящаго времени выпустилъ въ свѣтъ три первыхъ тома этого замѣчательнаго изданія.

УСТРЯЛОВЪ, Николай Герасимовичъ, тайный

совѣтникъ, докторъ философіи, академикъ по русской исторіи и древностямъ, заслуженный профессоръ, почетный членъ с.-петербургскаго университета, дѣйствительный членъ археографической коммиссіи, московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ, одесскаго общества исторіи и древностей; кавалеръ орденовъ: св. Владиміра 2-й ст., св. Анны 1-й ст. и св. Станислава 1-й ст.; — родился 4 мая 1805 года въ малоархангельскомъ уѣздѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ дома, а потомъ въ орловской гимназіи, гдѣ на выпускномъ актѣ, 15-ти лѣтъ, при многочисленной публикѣ читалъ свое стихотвореніе шестистопными ямбами *Сотвореніе міра.* Въ началѣ 1821 года поступилъ въ с.-петербургскій университетъ; по окончаніи курса наукъ, въ 1824 году опредѣлился въ канцелярію министра финансовъ и служилъ тамъ болѣе 6-ти лѣтъ по дѣламъ департамента внѣшней торговли, нерѣдко докладывая ихъ въ совѣтѣ министра. Между тѣмъ любовь къ наукѣ, въ особенности къ русской исторіи, увлекла его на другое поприще. — Въ 1827 году узнавъ, что въ 3-й с.-петербургской гимназіи назначенъ былъ конкурсъ, для избранія старшаго учителя исторіи изъ трехъ лицъ, желавшихъ получить это мѣсто, онъ явился четвертымъ конкурентомъ и въ присутствіи товарища министра народнаго просвѣщенія Д. Н. Блудова, ректора с.-петербургскаго университета и двухъ профессоровъ прочиталъ лекцію изъ шведской исторіи о Карлѣ XI и началѣ царствованія Карла XII съ такимъ успѣхомъ, что Блудовъ сказалъ окружавшимъ: C'est un proffesseur en grain! Утвержденный старшимъ учителемъ 3-й гимназіи, онъ чрезъ два года приглашенъ въ университетъ для преподаванія русскаго языка въ званіи лектора. — Съ сего времени начались его изданія иностранныхъ писателей-очевидцевъ XVI и XVII столѣтій, русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и польскихъ, обратившія на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ исторіи и просвѣщенной публики. Въ 1830 году, 25 лѣтъ отъ роду, онъ издалъ первый свой трудъ, въ переводѣ съ французскаго языка съ примѣчаніями, сочиненіе о Россіи *Маржерета;* въ 1832 году первые три тома *Сказаній современниковъ о Димитріи самозванцѣ*, гдѣ помѣщены московская лѣтопись Мартина Бера, записки Георга Паерле, Маржерета (2-е изданіе) и президента де-Ту; въ 1833 году *Сказанія князя Курбскаго* въ двухъ томахъ; въ 1834 остальные два тома *Сказаній современниковъ о Димитріи самозванцѣ*, заключающіе въ себѣ дневники Марины Мнишекъ и записки Маскѣвича. Каждое изъ этихъ изданій принято Императорскою фамиліею съ особеннымъ благоволеніемъ: шесть брилліантовыхъ перстней пожалованы автору Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Императрицею Александрою Ѳедоровною и великою княгинею Еленою Павловною; сверхъ того, при поднесеніи 2 тома Сказаній князя Курбскаго, награжденъ орденомъ св. Анны 3-й ст. «за полезные труды по части отечественной исторіи». Академія наукъ два раза присудила издателю Демидовскую премію; начальства морскаго кадетскаго корпуса въ 1832, главнаго педагогическаго института и Императорской военной академіи въ 1833 году пригласили его въ свои заведенія преподавателемъ русской и всеобщей исторіи, статистики и русскаго языка; публика же съ такою охотою читала Сказанія современниковъ и князя Курбскаго, что потребовались новыя изданія тѣхъ и другихъ: Современники Димитрія самозванца были напечатаны вторымъ изданіемъ въ 1837 году въ 5 частяхъ, третьимъ въ 1859 въ 2 томахъ; Князь Курбскій вторымъ изданіемъ въ 1842 году въ одномъ томѣ, съ дополненіемъ изъ литовской метрики. — По утвержденіи экстраординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ университетѣ въ 1834 году, Устряловъ обратилъ все вниманіе на тогдашній недостатокъ сколько нибудь сноснаго руководства и въ два года написалъ *Русскую исторію* въ 5 томахъ (1836 — 1838). Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, узнавъ объ этомъ трудѣ въ рукописи, съ Высочайшаго соизволенія въ январѣ 1836 года объявилъ конкурсъ и назначилъ за лучшее сочиненіе 10,000 рублей асс. Какъ въ опредѣленный срокъ не было представлено для состязанія ни одной учебной книги, между тѣмъ Устряловъ написалъ для гимназій *Начертаніе русской исторіи* (1839), а для уѣздныхъ училищъ *Руководство къ первоначальному изученію русской исторіи* (1840), и всѣ эти книги признаны министерствомъ удовлетворительными для предположенной цѣли, то въ апрѣлѣ 1843 года выдана автору премія въ 10,000 рублей асс. и сочиненія его введены руководствомъ въ гимназіи, семинаріи и уѣздныя училища. Съ тѣхъ поръ напечатано: *Русской исторіи* пять изданій; *Начертанія* десять изданій и *Руководства* одиннадцать изданій. Всѣ эти книги переведены на нѣмецкій языкъ: Исторія: Ustrialow, die Geschichte Russland's aus dem Russischen übersetzt von E. W. Stutgart und Tübingen, 1840 — 1843. Die Schlachten Russland's von 1700 bis 1831 mit 45 Schlachtenplänen und 1 Karte des russischen Reiches. Riga, 1857. Начертаніе: Grundriss der Geschichte Russland's für mittlere Lehranstalten, übersetzt von Brackel. Riga, 1841. Руководство: Anleitung zur ersten Erlernung der russischen Geschichte, übersetzt von Kuhlberg. Mitau, 1841. — Въ дополненіе къ V части русской исторіи издано въ 1847 году съ Высочайшаго дозволенія, по исправленіи рукописи Его Величествомъ собственноручно во многихъ мѣстахъ, *Историческое обозрѣніе царствованія Государя Императора Николая I.* Оно переведено — на польскій языкъ: Obraz historyczny panowania najjasniéjszego cesarza Mikolaja I. Dzielo M. Ustrjalowa, przelozone przez Kumelskiego. Warszawa, 1847. Другой переводъ, лучшій, П. Дубровскаго: Przeglad historyczny panowania najjasniejszego cesarza Mikolaja I. Przez M. Ustrjalowa. Przelozyl z jezyka rossyjskiego P. D. Warszawa 1847. На шведскій: N. Ustrialoff historisk öfversigt af Kejsar Nicolai 1 regering. Öfversättning frän Ryskan. Helsingfors, 1850. На французскій: Revue historique du règne de l'empereur Nicolas I. Traduit du russe par E. Babouchkine. St. Pétersbourg, 1851. На англійскій: An historical review of the reign of the emperor Nicolai I. Translated from the Russian of Ustriáloff by William Roberts. London, 1854. На нѣмецкій: Historische Uebersicht der Regierung Nicolaus I von Ustrialow. Uebersetzt von Alexander Andrejanoff. Mitau und Leipzig, 1855. — Для полученія ученой степени доктора философіи, Устряловъ въ 1836 году написалъ и защищалъ публично въ университетской залѣ диссертацію *О системѣ прагматической русской исторіи*, гдѣ изложилъ новый взглядъ, принятый имъ въ основаніе своихъ руководствъ, на удѣльное время, на западную Русь, на образованіе Литовскаго княжества, на отношенія Россіи къ Польшѣ, на Унію, и т. д. Эта диссертація такъ понравилась ученому академику и знатоку русской исторіи Кругу, что онъ не замедлилъ представить молодаго автора въ адъюнкты академіи наукъ по русской исторіи и древностямъ. Высочайше утвержденный въ семъ званіи съ 13 января 1837 года и вслѣдъ затѣмъ назна-

ченный ординарнымъ профессоромъ русской исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ, онъ оставилъ свои занятія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ военной академіи и посвятилъ все время исключительно университету и академіи наукъ. Въ университетѣ онъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета въ продолженіе 5 четырехлѣтій сряду до 1859 года; въ академіи же наукъ, кромѣ многихъ другихъ ученыхъ дѣлъ, занимается около 25 лѣтъ постоянно исторіею царствованія Петра Великаго. — Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія графа С. С. Уварова, 30 октября 1842 года Высочайше повелѣть соизволилъ: открыть Устрялову подлинныя дѣла и бумаги въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ кабинетѣ Его Величества, въ правительствующемъ сенатѣ, въ министерствахъ военномъ и морскомъ, съ правомъ дѣлать изъ нихъ извлеченія и выписки; а въ 1845 году изъявилъ Высочайшее соизволеніе: для пополненія собранныхъ матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго, посѣтить иностранные архивы въ Вѣнѣ, Амстердамѣ и Парижѣ. Въ Вѣнѣ князь Меттернихъ открылъ ему тайный государственный архивъ, гдѣ нашелъ онъ въ высшей степени замѣчательные документы о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, также многочисленныя донесенія резидента Плейера, жившаго въ Россіи болѣе 25 лѣтъ. Чрезъ два года графъ Уваровъ командировалъ его на три мѣсяца въ главный московскій архивъ, а въ 1850 году въ Воронежъ, Полтаву и Кіевъ, для собранія свѣдѣній о Петрѣ Великомъ. Въ 1853 году, для пополненія найденныхъ имъ матеріаловъ, послѣдовало вторично соизволеніе Государя Императора на поѣздку его въ Австрію и Францію; а въ 1856 году съ тою же цѣлію въ Пруссію, Австрію и Италію, преимущественно для розысканій о жизни царевича Алексѣя въ Эренбергѣ и Неаполѣ. — Чрезъ 7 лѣтъ послѣ открытія государственныхъ архивовъ, въ 1849 году Устряловъ представилъ управлявшему министерствомъ народнаго просвѣщенія, за болѣзнію графа Уварова, князю Ширинскому-Шихматову первый томъ *Исторіи царствованія Петра Великаго*, съ просьбою исходатайствовать соизволеніе Государя Императора на посвященіе сего труда, по несомнѣнной важности его, имени Его Величества; причемъ отмѣтилъ тѣ мѣста, которыя могли подлежать особому разрѣшенію цензуры. Государь повелѣлъ разсмотрѣть этотъ томъ графу Блудову. Чрезъ 4 мѣсяца графъ Блудовъ увѣдомилъ управлявшаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, что вслѣдствіе особой Высочайшей воли онъ докладывалъ Его Величеству о разсмотрѣнной рукописи: по мнѣнію его, сіе сочиненіе достойно быть украшено посвященіемъ Августѣйшему имени, и тѣ мѣста, на которыя указано, какъ могущія возбудить сомнѣніе цензуры, едва ли должны подлежать исключенію при напечатаніи книги, наиболѣе потому, что будучи помѣщены въ обширномъ ученомъ сочиненіи, они обратятъ на себя вниманіе только просвѣщеннѣйшаго и слѣдственно благоразумнѣйшаго класса читателей; но для этой цѣли не слѣдуетъ спѣшить изданіемъ перваго или даже первыхъ томовъ, которые могутъ быть еще исправлены и дополнены. Государь Императоръ, одобривъ мысли и замѣчанія графа Блудова, съ тѣмъ вмѣстѣ, дабы не стѣснять автора въ экономическихъ при изданіи сочиненія разсчетахъ, всемилостивѣйше повелѣлъ: Исторію Петра Великаго, по окончаніи оной или важнѣйшей части ея, напечатать на счетъ казны въ типографіи II отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Въ такомъ же смыслѣ отозвался графъ Блудовъ впослѣдствіи, чрезъ пять лѣтъ разсмотрѣвъ по Высочайшему повелѣнію II и III томы исторіи царствованія Петра Великаго, и наполнивъ рукопись множествомъ собственноручныхъ замѣчаній. — По докладу министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, 23 іюня 1855 года послѣдовало наконецъ всемилостивѣйшее соизволеніе Императора Александра Николаевича на изданіе въ свѣтъ первыхъ трехъ томовъ исторіи царствованія Петра Великаго. Болѣе года они разсматривались въ высшемъ цензурномъ комитетѣ, который разрѣшилъ ихъ напечатать безъ всякой перемѣны и исключенія. — Въ апрѣлѣ 1858 года изданы въ свѣтъ три тома съ портретомъ Петра Великаго, съкартами, планами и снимками: въ первомъ томѣ *Господство царевны Софіи;* во второмъ: *Потѣшные и азовскіе походы;* въ третьемъ: *Путешествіе и разрывъ съ Швеціею*. Въ 1859 напечатанъ шестой томъ: *Царевичъ Алексѣй Петровичъ* съ его портретомъ; въ 1864 четвертый въ двухъ частяхъ, съ портретомъ Карла XII, съ планами, картами и снимками, подъ заглавіемъ: *Битва подъ Нарвою и начало побѣдъ*. Шестой томъ переведенъ на французскій языкъ и напечатанъ въ Лейпцигѣ 1860, подъ заглавіемъ: Le procès du Tsarévitch Alexis Petrowitch, traduit du russe par C. de White. — Государь Императоръ, при поднесеніи Его Величеству трехъ первыхъ томовъ исторіи царствованія Петра Великаго, 17 апрѣля 1858 года всемилостивѣйше пожаловалъ автору орденъ св. Станислава 1-й ст.; а по представленіи IV тома, 12 апрѣля 1864 года Высочайше повелѣлъ министру народнаго просвѣщенія «объявить ему благодарность Его Величества за этотъ прекрасный трудъ».

СОМОВЪ, Іосифъ Ивановичъ, докторъ математики и астрономіи, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, ординарный профессоръ въ с.-петербургскомъ университетѣ и въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, членъ совѣта морской академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ — родился 1 іюня 1815 года въ с. Отрадѣ, клинскаго уѣзда московской губерніи. Отецъ предназначалъ его вначалѣ къ морской службѣ, и для приготовленія къ поступленію въ морской кадетскій корпусъ опредѣлилъ въ московскую губернскую гимназію; но молодой Сомовъ рано почувствовалъ влеченіе къ серіознымъ занятіямъ математическими науками, и для пріобрѣтенія въ нихъ познаній поступилъ въ московскій университетъ. По окончаніи университетскаго курса въ 1835 году, онъ былъ удостоенъ степени кандидата, и принялся за составленіе ученаго сочиненія, которое было имъ задумано еще на университетской скамьѣ. Въ этомъ обширномъ сочиненіи, изданномъ въ 1838 году, подъ заглавіемъ: «Теорія опредѣленныхъ алгебраическихъ уравненій высшихъ степеней», онъ собралъ и развилъ все, что въ то время было сдѣлано по этому предмету. Это сочиненіе, до сихъ поръ неутратившее своего значенія, тотчасъ-же по выходѣ своемъ въ свѣтъ заслужило одобреніе всѣхъ спеціалистовъ, и 23-хъ-лѣтній авторъ былъ награжденъ отъ академіи наукъ Демидовскою преміею; впослѣдствіи, за это же сочиненіе Сомовъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ, *по статуту*, какъ за произведеніе классическое. Желая обезпечить себя со стороны матеріальныхъ средствъ, онъ опредѣлился учителемъ математики въ московское коммерческое училище и потомъ въ дворянскій институтъ. Трудныя обязанности преподавателя не оторвали его отъ серіозныхъ ученыхъ занятій. Выдержавъ въ московскомъ университетѣ надлежащій

экзаменъ въ 1841 году, онъ публично защищалъ диссертацію: «Объ интегралахъ алгебраическихъ ирраціональныхъ дифференціаловъ съ одною перемѣнною» и получилъ степень магистра философіи. Въ это же самое время с.-петербургскій университетъ пригласилъ Сомова на открывшуюся въ ономъ ваканцію адъюнктъ-профессора. Воспользовавшись этимъ приглашеніемъ, онъ покинулъ Москву и переселился въ Петербургъ. Съ тѣхъ поръ начинается неутомимая его дѣятельность какъ на ученомъ, такъ и учебномъ поприщѣ въ нашей столицѣ, продолжающаяся и донынѣ. Онъ трудился какъ преподаватель во многихъ изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній, исполнялъ ученыя порученія различныхъ вѣдомствъ, писалъ руководства по тѣмъ или другимъ частямъ математики, и не покидалъ любимыхъ своихъ кабинетныхъ занятій, плодомъ которыхъ былъ длинный рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ ученыхъ сочиненій, доставившихъ ему извѣстность въ Россіи и за-границею. Не вдаваясь въ подробности столь разнообразной дѣятельности, укажемъ лишь на главнѣйшее въ ней. Въ званіи профессора университета, Сомовъ является опытнымъ педагогомъ, которому обязаны своимъ математическимъ образованіемъ многіе десятки преподавателей и ученыхъ, уже заявившихъ о себѣ ученому міру. Въ 1847 году онъ былъ повышенъ въ званіе экстраординарнаго, а въ 1857 — ординарнаго профессора. Кромѣ университета, онъ занимался преподаваніемъ чистой и прикладной математики въ пажескомъ корпусѣ (съ 1842 по 1849 г.), въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ (съ 1849 — 1862 г.), въ бывшихъ офицерскихъ классахъ морскаго кадетскаго корпуса и потомъ въ морской академіи, въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія (съ 1848 г.), въ которомъ, по преобразованіи этого заведенія въ 1864 году, избранъ въ ординарные профессоры аналитической механики. Нѣсколько лѣтъ онъ несъ на себѣ обязанности инспектора петербургскихъ частныхъ пансіоновъ и школъ. Изъ другихъ порученій, возлагавшихся на Сомова правительствомъ, упомянемъ о составленіи конспекта и учебника аналитической геометріи для военно-учебныхъ заведеній, на участіе въ коммиссіи для обзора морскихъ учебныхъ заведеній въ 1855 году, коммиссіи для пересмотра положенія объ эмеритальной кассѣ морскаго вѣдомства и проч. Академія наукъ, желая выразить свое уваженіе къ ученымъ заслугамъ Сомова, избрала его, въ 1857 году, въ свои члены-корреспонденты. Когда же, въ 1862 году, вслѣдствіе смерти нашего извѣстнаго математика М. В. Остроградскаго, въ академіи сдѣлалось свободнымъ кресло представителя по этой части, то академія предоставила это кресло Сомову, избравъ его въ ординарные академики. Право на такой почетъ доставили ему, независимо отъ поименованныхъ уже нами двухъ сочиненій, слѣдующіе ученые труды: 1) О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединахъ, неимѣющихъ двойнаго преломленія — сочиненіе, написанное въ 1847 году для полученія степени доктора математики и астрономіи и удостоенное Демидовской награды; 2) Основанія теоріи эллиптическихъ функцій — за которое авторъ въ третій разъ получилъ Демидовскую награду (1850); кромѣ того онъ помѣстилъ очень много статей по различнымъ вопросамъ высшей математики въ мемуарахъ, бюллетенѣ и запискахъ академіи наукъ, а также въ издаваемомъ въ Берлинѣ математическомъ журналѣ Креля и въ парижскихъ Nouvelles annales de mathématiques Терквема и Жероно. Изъ этихъ, нерѣдко весьма важныхъ по содержанію, сочиненій, особенное вниманіе заслуживаетъ записка объ алгебраическомъ уравненіи, коимъ опредѣляются весьма малыя колебанія системы матеріальныхъ точекъ (изд. въ 1859 году въ мемуарахъ академіи). Въ этомъ разсужденіи авторъ указалъ на одну важную ошибку Лапласа и Лагранжа и исправилъ относящійся къ этому предмету анализъ. Изданные профессоромъ Сомовымъ учебники суть слѣдующіе: 1) Аналитическая геометрія, составленная для спеціальнаго класса военно-учебныхъ заведеній; 2) Руководство начертательной геометріи для тѣхъ же заведеній; 3) Основанія аналитической геометріи двухъ измѣреній; 4) Начальная алгебра (вышла въ свѣтъ 2-мя изданіями). Два послѣднія сочиненія написаны по порученію морскаго кадетскаго корпуса, а алгебра вошла также въ употребленіе въ гимназіяхъ. За полезные ученые и педагогические труды свои Сомовъ удостоился получить нѣсколько Высочайшихъ поощреній и почетныхъ наградъ.

КРАССОВСКІЙ, Антонъ Яковлевичъ, ординарный профессоръ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней при с.-петербургской медико-хирургической академіи, начальникъ терапевтическаго женскаго отдѣленія, членъ акушерскаго общества въ Эдинбургѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ спеціалистовъ по акушерству и женскимъ болѣзнямъ не только въ Россіи, но и въ Европѣ, родился въ 1823 году въ Слуцкѣ, минской губерніи и въ гимназіи этого города получилъ первоначальное образованіе. — Окончивъ здѣсь гимназическій курсъ, Антонъ Яковлевичъ въ 1842 году прибылъ въ С.-Петербургъ для поступленія въ университетъ. — Любимымъ предметомъ молодаго человѣка въ гимназіи была математика, которой онъ и намѣревался посвятить себя исключительно, поступивъ въ университетъ по математическому факультету, но судьба измѣнила его предположеніе. По совѣту дяди своего А. Г. Караффы-Корбута, которому Антонъ Яковлевичъ весьма много обязанъ, онъ рѣшился отказаться отъ любимаго своего предмета и вмѣсто университета поступилъ въ медико-хирургическую академію. — Избравъ предметомъ своихъ занятій медицину, науку, къ которой, по его словамъ, онъ не имѣлъ особеннаго призванія, онъ долженъ былъ употребить много трудовъ и усилій, чтобы сродниться съ нею. И только необыкновенное трудолюбіе его и счастливыя способности одержали наконецъ верхъ надъ всѣми затрудненіями и, благодаря имъ, онъ и здѣсь скоро сдѣлался однимъ изъ наиболѣе подававшихъ надежду студентовъ. — Занимаясь въ теченіи пятилѣтняго пребыванія въ академіи съ одинаковымъ рвеніемъ всѣми преподаваемыми въ ней предметами, онъ, остававшееся ему свободное время, посвящалъ изученію иностранныхъ языковъ, препаровкѣ, а впослѣдствіи производству операцій на трупахъ, подъ руководствомъ профессора Пирогова. Вообще послѣдніе два года пребыванія своего въ академіи Антонъ Яковлевичъ особенно пристрастился къ хирургіи, что очень понятно, если вспомнить, что представителями хирургіи были въ то время: Пироговъ и Саломонъ. — Окончивъ курсъ въ 1848 году со степенью лѣкаря, Антонъ Яковлевичъ опредѣленъ былъ младшимъ ординаторомъ въ красносельскій военный госпиталь съ откомандированіемъ въ царскосельскій, по случаю свирѣпствовавшей тогда холеры. Постоянныя командировки, которымъ онъ подвергался въ теченіе перваго года своей службы, не пропали для него даромъ. — Служа при разныхъ военныхъ госпиталяхъ, подъ начальствомъ многихъ главныхъ докторовъ, онъ хорошо ознакомился съ разнообразными, не рѣдко противурѣчившими другъ другу, взглядами на науку и медицинскую администрацію

въ нашихъ госпиталяхъ, и выработалъ себѣ тотъ здравый взглядъ на медицину, который отличаетъ его какъ ученаго и какъ практическаго врача. — Не смотря на усиленныя занятія по службѣ при госпиталяхъ, онъ продолжалъ неутомимо заниматься наукой и въ 1849 году, въ сентябрѣ, онъ былъ прикомандированъ ко 2-му сухопутному госпиталю для окончательнаго приготовленія къ экзамену на степень доктора съ назначеніемъ ординаторомъ акушерской, женской и дѣтской клиникъ. — Съ этого времени, можно сказать, началось спеціальное образованіе Антона Яковлевича, какъ акушера, гинеколога и педіатра. 19-го апрѣля 1852 года онъ блистательно защищалъ свою диссертацію: «Meletemata quaedam de uteri ruptura», которою обратилъ на себя вниманіе и удостоенъ конференціею медико-хирургической академіи степени доктора медицины, затѣмъ получилъ назначеніе въ должность городоваго акушера, въ которой оставался до перваго отъѣзда за-границу и по возвращеніи оттуда снова занималъ ее до 1854 года. Въ 1854 году Антонъ Яковлевичъ выдержалъ экзаменъ на адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. — Въ то время уже репутація его, какъ отличнаго спеціалиста по этимъ предметамъ, распространилась въ Петербургѣ и доставила ему громадную практику, которую однакоже, изъ любви къ наукѣ, онъ оставилъ въ 1856 году, — такъ какъ въ это время получилъ Высочайшее соизволеніе отправиться на казенный счетъ, за-границу съ ученою цѣлью, съ содержаніемъ 1699 р. сер. въ годъ. — Поѣздка Антона Яковлевича за-границу не осталась безъ плодотворныхъ послѣдствій для медицинской науки вообще, а для акушерства и женскихъ болѣзней въ Россіи въ особенности. — Представленный имъ по возвращеніи отчетъ о своемъ путешествіи съ ученою цѣлью, съ присовокупленіемъ трехъ статей: 1) объ изслѣдованіи матки помощью маточнаго зонда; 2) о лѣченіи искривленій матки и 3) о предохранительномъ способѣ лѣченія разрыва промежности во время акта родовъ, помощью надрѣзовъ, свидѣтельствуютъ о многостороннихъ и неутомимыхъ трудахъ молодаго профессора, которымъ онъ посвящалъ всѣ минуты своего пребыванія за-границею, изучая предметъ свой, во всей его многосторонности, у знаменитыхъ европейскихъ авторитетовъ. — Въ числѣ благотворныхъ послѣдствій поѣздки Антона Яковлевича за-границу было введеніе въ Россіи многихъ новыхъ и усовершенствованіе старыхъ инструментовъ, употребляемыхъ при акушерскихъ операціяхъ, а равно и производства самыхъ операцій. — Собраніе этихъ инструментовъ можно видѣть частью въ недавно устроенномъ музеѣ, въ зданіи медико-хирургической академіи, отличающимся замѣчательною полнотою коллекцій, частью въ его акушерскомъ академическомъ кабинетѣ. Въ отчетѣ г. Крассовскаго въ особенности заслуживаетъ вниманіе относительное сравненіе образованія молодыхъ медиковъ у насъ и за-границей, отличающееся необыкновенною правильностью, ясностью и практичностью взгляда на этотъ столь важный предметъ. — По возвращеніи изъ за-границы въ 1857 году, по представленію конференціи, Антонъ Яковлевичъ назначенъ сперва исправляющимъ должность ординарнаго профессора, а въ 1860 году утвержденъ въ этой должности по каѳедрѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней, которую и занимаетъ до настоящаго времени. — Чтобы опредѣлить на сколько этотъ представитель каѳедры современенъ, на сколько онъ умѣетъ развить любовь въ молодомъ поколѣніи къ столь важнымъ и необходимымъ отраслямъ знанія для человѣчества, какъ акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, стоитъ только заглянуть на его теоретическія и клиническія лекціи. — По отзыву его слушателей (студентовъ и врачей), а всего болѣе тѣхъ, которые имѣли случай путешествовать за-границею, преподаваніе акушерскихъ и женскихъ болѣзней въ с.-петербургской медико-хирургической академіи поставлено Антономъ Яковлевичемъ на уровень съ преподаваніемъ въ лучшихъ заграничныхъ университетахъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по возможности, удовлетворяетъ большой практикѣ въ городѣ, гдѣ репутація его какъ врача и человѣка, привлекаетъ къ нему ежедневно громадную массу больныхъ. — Кромѣ отчета и нѣсколькихъ статей по части акушерства и женскихъ болѣзней, разбросанныхъ по періодическимъ медицинскимъ изданіямъ, наиболѣе достойны замѣчанія: Описаніе, на нѣмецкомъ языкѣ, оваріотоміи, операціи имъ первымъ произведенной въ Россіи и притомъ съ полнымъ успѣхомъ. — Операція эта послѣ него быстро распространилась въ Россіи. — Затѣмъ описаніе операціи кесарскаго сѣченія, составленное его ученикомъ д—ромъ Р. К. Бредовымъ, со смертельнымъ исходомъ для матери и благополучномъ для дитяти, свидѣтельствуетъ, что онъ первый произвелъ эту операцію въ стѣнахъ академіи. — Наконецъ, вышедшій недавно 1-й выпускъ курса практическаго акушерства съ отличными политипажами въ текстѣ, на сколько намъ, несвѣдущему въ медицинѣ, позволено судить, свидѣтельствуетъ о томъ, что Антонъ Яковлевичъ стремится быть полезнымъ не только своимъ слушателямъ, но и врачамъ, живущимъ въ различныхъ уголкахъ обширной Россіи и неимѣющимъ возможности гдѣ либо усовершенствоваться въ акушерствѣ. — Сочиненіе это, доказывающее неутомимую дѣятельность на своемъ поприщѣ, безспорно принесетъ пользу.

БУЯЛЬСКІЙ, Илія Васильевичъ, тайный совѣтникъ, докторъ медицины и хирургіи, и заслуженный профессоръ анатоміи, родился въ 1789 году, 26 іюля, въ Малороссіи, черниговской губерніи, новгородъ-сѣверскаго уѣзда, въ с. Ворабьевкѣ. Отецъ его, Василій Пименовичъ, былъ священникъ, происходилъ изъ свѣтскихъ дворянъ, и владѣлъ населеннымъ имѣніемъ. Дѣдъ и прадѣдъ Буяльскаго были запорожскіе казаки. Дѣдъ Пименъ Леонтіевъ отцемъ своимъ Леонтіемъ Васильевымъ изъ Запорожья былъ посланъ учиться въ кіевскую духовную академію, какъ единственное въ то время учебное въ томъ краѣ заведеніе, въ которой Пименъ Буяльскій окончилъ курсъ риторики; въ это время отецъ его на Запорожьи умеръ, а потому онъ остался на службѣ въ Малороссіи, и служилъ въ малороссійскомъ казацкомъ полку есауломъ. — Илія Буяльскій на восьмомъ году отданъ былъ въ новгородъ-сѣверское уѣздное училище, на десятомъ въ черниговскую семинарію, гдѣ кончилъ курсъ философіи. — Въ 1809 году, опредѣленъ въ московское отдѣленіе Императорской медико-хирургической академіи. — Въ 1810 году переведенъ въ с.-петербургское отдѣленіе оной академіи. Будучи еще студентомъ въ 1811 году, опредѣленъ помощникомъ прозектора анатоміи и служилъ три года. — Въ 1814 году, 24 іюля, по окончаніи публичнаго экзамена, утвержденъ лекаремъ 1-го отдѣленія и тогда же опредѣленъ прозекторомъ анатоміи. — Въ 1823 году, по выдержаніи экзамена и публично, 24 марта, защищенную диссертацію «De Anevrysmatibus» и за сдѣланныя имъ разнаго рода хирургическія операціи надъ больными, числомъ «210», утвержденъ докторомъ медицины и хирургіи; потомъ адъюнктомъ, и наконецъ профессоромъ анатоміи, гдѣ и прослу-

жилъ 30 годовъ. — Въ продолженіи 50 годовъ, онъ служилъ еще: консультантомъ при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ 32 года; въ академіи художествъ профессоромъ анатоміи 33 года; консультантомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній 30 годовъ; управлялъ с.-петербургскимъ хирургическихъ инструментовъ заводомъ 12 годовъ; адъюнктомъ клиники хирургической 5 годовъ. — Въ 1828 году издалъ «Анатомико-хирургическія таблицы о перевязываніи большихъ артерій», съ описаніемъ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ, которыя напечатаны по Высочайшему соизволенію и щедротами Императора Николая I. Въ 1852 году издалъ таковыя же таблицы «О вырѣзываніи и разбиваніи мочевыхъ камней» — оба изданія въ большой листъ, а гравюры въ натуральную величину. За эти сочиненія онъ получилъ три иностранные ордена: 1) отъ его королевскаго высочества гроссъ-герцога гессенскаго, командорскій орденъ Филиппа великодушнаго 1-й степени; 2) отъ его величества короля шведскаго командорскій орденъ Вазы; 3) отъ его величества короля нидерландскаго, командорскій крестъ люксенбургскаго ордена Дубовой короны. — Кромѣ вышесказанныхъ двухъ сочиненій онъ издалъ въ 1844 году 3) Краткую общую анатомію; въ 1860 году 4) Анатомическія записки для обучающихся живописи и скульптурѣ, и въ 1863 году 5) Фотографическіе рисунки артерій и венъ почекъ человѣческихъ. Кромѣ сего написалъ разныя медицинскія статьи по части анатоміи, патологіи, хирургіи, акушерства, гигіены и судебной медицины, числомъ девяносто, которыя можно читать въ военно-медицинскомъ журналѣ, въ запискахъ по части медицинскихъ наукъ, въ Другѣ Здравія, въ Сѣверномъ Муравьѣ, въ Экономическихъ Запискахъ, въ Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества, въ Прибавленіяхъ Библіотеки Медицинскихъ Наукъ, въ Отчетѣ общества русскихъ врачей, въ журналѣ московскаго общества испытателей природы, въ St. Petersburger Medicinische Zeitschrift, въ Популярной Медицинѣ доктора Хана, и наконецъ въ Медицинскомъ Вѣстникѣ. — Членъ девяти разныхъ россійскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ членомъ американскаго философическаго общества въ Филадельфіи, и кромѣ того членомъ медицинскаго совѣта. Россійскіе ордена имѣетъ: св. Анны 1-й степени съ короною, св. Станислава 1-й степени и св. Владиміра 3-й степени, также дворянскую бронзовую медаль 1812 года за пожертвованія, медаль за крымскую войну и знакъ отличія безпорочной службы за 40 годовъ. — По прошествіи 50-ти лѣтъ его медицинской службы, въ 1864 году, с.-петербургская Императорская медико-хирургическая академія, во уваженіе его ученыхъ заслугъ на поприщахъ врачебномъ — ученомъ и учебномъ, исходатайствовала Высочайшее разрѣшеніе, послѣдовавшее 3-го апрѣля, того же 1864 года, праздновать 50-ти-лѣтній юбилей многосторонней и полезной его дѣятельности, и въ память выбить — и выбита золотая медаль, по Высочайше утвержденному, 15 мая, рисунку.

ЧЕБЫШЕВЪ, Пафнутій Львовичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, докторъ математики и астрономіи, членъ: Императорской академіи наукъ, ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и артиллерійскаго комитета, ординарный профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета, почетный членъ Императорскаго московскаго университета и членъ-корреспондентъ: парижской академіи наукъ, ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ, парижскаго филоматическаго и лютихскаго королевскаго общества. — Родился 14 мая 1821 года въ имѣніи матери своей, сельцѣ Окатовѣ, калужской губерніи, боровскаго уѣзда и тамъ получилъ первоначальное образованіе. — Университетскій курсъ слушалъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ въ 1841 году степень кандидата философіи, а въ 1846 году степень магистра математики; затѣмъ пріѣхалъ на службу въ С.-Петербургъ и тутъ въ 1849 году получилъ степень доктора математики и астрономіи. Магистерская диссертація его подъ заглавіемъ: *Опытъ элементарнаго анализа теоріи вѣроятностей* напечатана въ Москвѣ, 1846 года, а докторская, подъ заглавіемъ: *Теорія сравненій* въ Петербургѣ, 1850 года; мемуары же его по различнымъ частямъ математики печатались въ изданіяхъ нашей академіи наукъ, въ математическихъ журналахъ Ліувилля и Крелля и въ сборникѣ, издаваемомъ въ Москвѣ обществомъ любителей математики.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ, Николай Ивановичъ, русскій драматическій писатель. — Прямой потомокъ знаменитаго малороссійскаго гетмана Богдана и сынъ доктора философіи кенигсбергскаго университета Ивана Пареѳньевича Хмельницкаго, еще въ 1726 году печатавшаго въ «Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ» свои латинскія диссертаціи («Объ основаніяхъ философическихъ», «О рабствѣ по закону естественному и по праву всенародному», «Опроверженіе на одно сочиненіе Шлегеля»), Н. И. Хмельницкій родился 11 августа 1789 года, въ Петербургѣ, и послѣ первоначальнаго воспитанія подъ руководствомъ литератора Н. Ѳ. Эмина, своего родственника, обучался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса наукъ въ 1808 году, Хмельницкій опредѣлился въ коллегію иностранныхъ дѣлъ переводчикомъ; въ томъ же году былъ откомандированъ, для иностранной переписки, къ главнокомандующему финляндскою арміею графу Буксгевдену; потомъ неоднократно посылался курьеромъ къ разнымъ иностраннымъ дворамъ, а въ 1811 году, вмѣстѣ съ переходомъ на службу въ министерство юстиціи, впервые попыталъ литературныя силы свои переложеніемъ, въ стихахъ, пяти-актной трагедіи *Зельмира*, изъ театра Белоа. — Въ 1812 году, съ обнародованіемъ манифеста 6 іюля, Хмельницкій, уже коллежскій ассессоръ, сталъ въ ряды с.-петербургскаго ополченія, гдѣ находился адъютантомъ сначала при генералѣ Кутузовѣ (впослѣдствіи фельдмаршалъ и князь Смоленскій), потомъ при баронѣ Меллерѣ-Закомельскомъ, преемникѣ Кутузова по званію начальника с.-петербургскаго ополченія, а въ 1813 году перемѣщенъ адъютантомъ же къ начальнику штаба польской арміи (Беннигсена) генералу Опперману (впослѣдствіи графъ) и, въ чинѣ подполковника, участвовалъ въ дѣлахъ при Донѣ и Дрезденѣ, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, въ блокадахъ Магдебурга и Гамбурга. Награжденный за свои подвиги орденами св. Владиміра 4-го класса съ бантомъ и св. Анны 2-го класса, Хмельницкій, въ теченіе всей кампаніи 1814 года употреблялся преимущественно для дипломатической переписки, а по окончаніи войны, состоялъ при графѣ Милорадовичѣ, съ назначеніемъ котораго с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, былъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и потомъ правителемъ канцеляріи. Въ этотъ періодъ служебной дѣятельности своей, Хмельницкій рѣшительно выступилъ на литературно-драматическое поприще, блистательно заявивъ себя публикѣ комедіею *Говорунъ*, въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланною съ

французскаго, изъ соч. Буасси, и игранною въ первый разъ 7 мая 1817 года, въ бенефисѣ Сосницкихъ. Три мѣсяца спустя, Хмельницкій, для бенефиса балетмейстера Валберха, изготовилъ свою вторую передѣлку *Шалости влюбленныхъ* (Les Folies amoureuses Реньяра), комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ; затѣмъ, для новаго бенефиса Валберха, 24 января 1818 года, написалъ *Сцену экзамена* въ комедіи князя Шаховскаго «Своя семья или замужняя невѣста»; наконецъ, къ бенефису Сосницкихъ 29 іюля того же года передѣлалъ изъ 5-ти-актной комедіи Коленъ д'Арлевиля комедію *Воздушные замки*, въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, — и успѣхъ новаго драматическаго писателя былъ упроченъ. «Воздушные замки», сдѣлавшись любимѣйшею пьэсою публики и достояніемъ всевозможныхъ частныхъ сценъ, игрались даже на домашнемъ театрѣ знаменитой въ то время артистки Е. С. Семеновой, при чемъ сама хозяйка исполняла роль Саши. Дальнѣйшая драматическая дѣятельность Хмельницкаго — уже необходимаго посѣтителя вечеровъ князя А. А. Шаховскаго, къ которому постоянно съѣзжались Пушкинъ, Грибоѣдовъ, А. Н. Бегичевъ, А. А. Жандръ, Лобановъ, Кокошкинъ, Катенинъ, Я. Н. Толстой, Барковъ, Всеволожскій, Александръ Бестужевъ (Марлинскій) и всѣ первоклассные артисты — выразилась цѣлымъ рядомъ пьэсъ, почти исключительно передѣлокъ съ французскаго, но передѣлокъ удачныхъ, блиставшихъ легкими, разговорными стихами, а потому всегда нравившихся публикѣ. Такъ, въ 1819 году, Хмельницкій поставилъ на сцену *Бабушкины попугаи* (Les Péroquets de la mère Philippe), оперу-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, — первый музыкальный опытъ извѣстнаго впослѣдствіи А. Н. Верстовскаго; 26 іюля 1820 года, въ бенефисѣ Сосницкихъ, играны двѣ новыя пьэсы Хмельницкаго: *Семь пятницъ на недѣлѣ или нерѣшительный*, комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланная съ французскаго, и *Карантинъ*, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, съ танцами; въ 1821 году Хмельницкій, вмѣстѣ съ Н. В. Всеволожскимъ, написалъ игривый водевиль *Актеры между собою или Первый дебютъ актрисы Троепольской*, въ 1-мъ дѣйствіи; потомъ, уже одинъ, передѣлалъ Мольерову комедію *Школа женщинъ*, и, для бенефиса Ежовой, перевелъ съ французскаго оперу-водевиль *Суженаго конемъ не объѣдешь*, въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, музыка Маурера; а въ 1822 году явились еще двѣ пьэсы Хмельницкаго: *Новая шалость или театральное сраженіе*, переводный опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, музыка Маурера, и *Новый Парисъ*, оригинальный водевиль въ 1-мъ дѣйствіи, написанный Хмельницкимъ для домашняго праздника В. А. Всеволожскаго, въ селѣ Рябовѣ. Около того же времени, Хмельницкій составлялъ и кончилъ проэктъ «О обращеніи частныхъ суммъ (до 700 тыс. руб.), лежавшихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и никѣмъ нетребуемыхъ болѣе 10 лѣтъ, *въ капиталъ для призрѣнія заслуженыхъ гражданскихъ чиновниковъ*» — проэктъ, Высочайше утвержденный въ 1823 году и доставившій составителю орденъ св. Владиміра 3-го класса. Перемѣстившись, въ исходѣ 1824 года, на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, Хмельницкій передѣлалъ изъ соч. Фавара *Греческія бредни или Ифигенія въ Тавридѣ*, забавный водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, никогда не игранный, но частію напечатанный въ альманахѣ «Талія» на 1825 годъ, и только въ 1826 году отдалъ на петербургскую сцену комедію *Свѣтскій случай*, а въ 1829 году впервые поставилъ на сцену Императорскаго театра, въ Москвѣ, водевиль *Новый Парисъ*. — Въ томъ же 1829 году Хмельницкій назначенъ смоленскимъ гражданскимъ губернаторомъ — и въ этомъ званіи явилъ себя дѣятелемъ истинно-полезнымъ. Найдя Смоленскъ еще не оправившимся отъ бѣдствій 1812 года, Хмельницкій исходатайствовалъ этому городу ссуду въ милліонъ рублей, слѣдствіемъ чего было: сооруженіе въ Смоленскѣ новой церкви Благовѣщенія, устройство публичнаго сада на Облоньѣ, снесеніе гребня соборной горы, препятствовавшей свободному сообщенію нагорной стороны съ заднѣпровскою, улучшеніе мостовыхъ, городской полиціи и пожарной команды, учрежденіе въ Смоленскѣ выставки мануфактурно-ремесленныхъ издѣлій — первой изъ губернскихъ, наконецъ, составленіе статистическаго описанія городовъ и уѣздовъ смоленской губерніи, съ агрономическою картою послѣдней, — труды, поднесенные Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ благополучно царствующему Государю), въ проѣздъ его черезъ Смоленскъ въ 1837 году, и награжденные пожалованіемъ Хмельницкому ордена св. Анны 1-го класса. Въ томъ же 1837 году Хмельницкій былъ переведенъ губернаторомъ въ Архангельскъ, но, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, оставилъ службу и, съѣздивъ, въ 1844 году, за границу, 8 сентября 1845 года умеръ въ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. — Н. И. Хмельницкій, хотя и не обладавшій талантомъ самостоятельнымъ, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду русскихъ писателей, посвящавшихъ труды свои театру. Не создавъ — за отсутствіемъ наблюдательности и увлеченіемъ рутиною — ни одного истинно-народнаго типа, Хмельницкій, легкостію, благозвучіемъ и, такъ сказать, остроуміемъ стиха, болѣе всѣхъ русскихъ сценическихъ писателей приближается къ Грибоѣдову. Почти всѣ пьэсы Хмельницкаго, по своему языку и внѣшней формѣ, не устарѣли еще до сихъ поръ, «а водевили его, какъ переводные, такъ и оригинальные — справедливо замѣчаетъ одинъ изъ некрологовъ 1845 года —, исполнены вкуса, благородства, остроумія, веселости, и принадлежатъ къ числу тѣхъ немногихъ водевилей русскихъ, которые не лишаютъ надежды, что и эта легкая, игривая форма драматической литературы, составляющая исключительную принадлежность французской націи, можетъ быть усвоена нашимъ языкомъ, если только возьмутся за дѣло люди съ талантомъ, подобнымъ таланту Хмельницкаго». — Первое изданіе всѣхъ сценическихъ произведеній Хмельницкаго, собранныхъ Аладинымъ, вышло въ 1829 году, въ двухъ томахъ, подъ названіемъ «Театръ Хмельницкаго». Въ 1849 году, т. е. ровно 20 лѣтъ спустя, А. Смирдинъ издалъ «Полное собраніе сочиненій Хмельницкаго», въ трехъ томахъ. Сюда, кромѣ вышесказанныхъ пьэсъ, вошли произведенія Хмельницкаго, какъ разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ, такъ и отысканныя въ посмертныхъ бумагахъ автора, а именно: 1) *Зиновій-Богданъ Хмельницкій*, историческое представленіе въ 5-ти картинахъ; 2) *Тартюфъ*, переводъ комедіи Мольера, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, печатавшійся отрывками въ «Невскомъ Альманахѣ»; 3) *Царское слово или сватовство Румянцова*, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, успѣшно игранная въ 40-хъ годахъ на сценѣ Александринскаго театра; 4) *Русскій Фаустъ или Брюсовъ кабинетъ*, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ; 5) *Оберъ-кохмейстеръ Фельдтенъ*, комедія-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи; 6) Нѣсколько сценъ изъ неконченой комедіи *Индіана;* 7) Сцены изъ комедіи-водевиля *Фойе большаго театра;* 8) Сцены изъ пяти-актной комедіи *Наши за границей;* 9) Сцены изъ комедіи *Арзамасскіе гуси*, помѣщен-

ныя въ театральномъ альманахѣ «Букетъ» на 1829 годъ; 10) *Мой мячикъ*, сатирическая игра избранными словами; 11) *Мундиръ*, поморскій разсказъ, напечатанный въ третьемъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ». — Извѣстно еще, что Хмельницкій передѣлалъ на русскіе нравы и частями читалъ друзьямъ комедію Дежутье «Les femmes»; но въ бумагахъ Хмельницкаго слѣдовъ этой комедіи не нашли.

ЕГОРОВЪ, Алексѣй Егоровичъ, русскій историческій живописецъ. — Сынъ невѣдомыхъ отца и матери, Егоровъ родился, 1776 года, въ какомъ-то инородческомъ улусѣ и изъ своего ранняго дѣтства запомнилъ только богатый шелковый халатъ, красные, шитые золотомъ, сапоги, да кибитку, въ которой его, 6-ти-лѣтняго ребенка, привезли откуда-то въ московскій воспитательный домъ. Отправленный скоро за тѣмъ въ Петербургъ, Егоровъ, 14 августа 1782 года, былъ сданъ въ училище при академіи художествъ — и здѣсь росъ богатыремъ, какъ въ отношеніи физической силы, дѣйствительно, выходившей изъ ряда, такъ и въ развитіи врожденнаго художническаго таланта, который, обнаруживаясь на самыхъ первыхъ порахъ необыкновенною вѣрностью взгляда и правильностью рисунка, обѣщалъ, подъ руководствомъ такого наставника, какимъ былъ извѣстный Угрюмовъ, принести самые утѣшительные плоды. По окончаніи академическаго курса въ 1797 году, Егоровъ, считавшійся первымъ рисовальщикомъ, былъ предназначенъ къ посылкѣ, на казенный счетъ, въ Италію и, въ ожиданіи своего отъѣзда изъ Россіи, рисовалъ картинки къ сочиненіямъ Эккартсгаузена и виньетки къ стихотвореніямъ Державина, весьма нравившіяся самому поэту. Такъ прошло время до 1803 года, когда Егоровъ, вмѣстѣ съ Шебуевымъ, отправился въ Римъ, гдѣ тоже скоро прослылъ искуснымъ рисовальщикомъ, сблизился съ Кановою, сошелся съ Каммучини и наполнилъ всѣ кварталы вѣчнаго города своими геркулесовскими подвигами. Пріобрѣтя въ Италіи огромную популярность и прозвище: отъ однихъ — *великаго русскаго рисовальщика*, а отъ другихъ — *русскаго медвѣдя*, Егоровъ, въ 1807 году, возвратился въ Петербургъ, здѣсь опредѣленъ учителемъ рисованія къ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и здѣсь же окончилъ въ 1814 году извѣстнѣйшую картину свою *Истязаніе Спасителя*, за которую признанъ профессоромъ исторической живописи. Около того же времени, Егоровъ, въ 28-ми дневный срокъ, произвелъ въ царскосельскій дворецъ аллегорическое изображеніе благоденствія міра, заключающее въ себѣ около девяноста фигуръ почти въ натуральный ростъ — и этимъ, кромѣ щедрой награды и громкой славы, заслужилъ наименованіе *знаменитаго*, данное Егорову самимъ Императоромъ Александромъ I. — Съ тѣхъ поръ, Егоровъ, занятый оффиціально исполненіемъ обязанностей профессора академіи художествъ, сосредоточился преимущественно на писаніи образовъ и до такой степени углублялся въ обдумываніе произведеній этаго рода, что на эскизахъ многихъ изъ нихъ бывало имъ самимъ подписываемо: «такого-то числа сію картину видѣлъ я во снѣ». — Эта односторонность художнической дѣятельности Егорова, нѣкогда притязавшаго на репутацію *русскаго Рафаэля*, — односторонность, разительно-противоположная, въ особенности, новому направленію, начавшемуся со времени появленія «Послѣдняго дня Помпеи» Брюллова, — быть можетъ, была причиною того, что, въ 1841 году, Императоръ Николай I уже не былъ доволенъ работами Егорова, еще въ сентябрѣ 1840 года оставившаго академическую службу. — Стушеванный, такимъ образомъ, новыми свѣтилами русскаго художническаго міра, Егоровъ, вдали отъ людской молвы, тихо переживалъ свою маститую старость и умеръ 10 сентября 1851 года, въ Петербургѣ, на 76-мъ году жизни, сказавъ многознаменательно: «догорѣла свѣча моя!» Тѣло Егорова погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, близъ могилы тестя его, извѣстнаго скульптора Мартоса, и неподалеку отъ могилы общаго ихъ учителя — Угрюмова. — Какъ человѣкъ, А. Е. Егоровъ, по выраженію одного изъ писавшихъ о немъ, былъ «отъ волоса до мозга и отъ ногтей до сердца русскій». Въ молодости, Егорова характеризовали физическая сила, молодечество, удаль; въ старости — разумная опытность и желѣзная твердость въ несчастіяхъ; всегда Егоровъ любилъ втайнѣ помогать неимущимъ и въ жизнь свою никого не обидѣлъ. — Какъ художникъ, Егоровъ не принадлежитъ къ числу первоклассныхъ: строгій подражатель великихъ образцовъ, глубоко-проникнутый вѣрою и духовно-библейскимъ міромъ, онъ черпалъ свои вдохновенія не изъ дѣйствительности и, уже по одному этому, не могъ создать никакой новой школы. Совсѣмъ тѣмъ, художническая дѣятельность Егорова, обнимающая цѣлое пятидесятилѣтіе, неоспоримо почтенна, потому что она, привнеся въ русское искуство основные художественные принципы великихъ итальянскихъ мастеровъ, подготовила такого представителя русскаго искусства, какъ Брюлловъ, и воспитала цѣлую плеяду такихъ художниковъ, какъ Басинъ, Завьяловъ, Марковъ, Шамшинъ, Молдавскій и многіе другіе. Въ этомъ отношеніи, имена Егорова и его сверстника Шебуева — не забудутся исторіею русскаго искуства. Съ другой стороны, произведенія Егорова, при всемъ ихъ однообразіи и, пожалуй, при всей ихъ рутинности, такъ многочисленны, прославлены и извѣстны, что имя ихъ творца долго еще будетъ произноситься съ уваженіемъ и въ Россіи, и въ Италіи. — Извѣстнѣйшія изъ произведеній Егорова суть: 1) въ залахъ академіи художествъ — *Истязаніе Спасителя*, *Сумеонъ Богопріимецъ*, *Св. Іеронимъ* (писанъ для гр. В. Г. Орлова), *Анна Пророчица*, *Іоаннъ Креститель*, а въ академической церкви — *Спаситель*, *Богоматерь* и, запрестольный, *Покровъ Божіей Матери*; 2) въ эрмитажѣ — два изображенія *Св. Семейства;* 3) въ петербургскомъ Казанскомъ соборѣ — *Сошествіе Св. Духа*, *Рождество Богоматери;* 4) въ петербургскомъ Преображенскомъ соборѣ — *Воскресеніе Христово*, *Господь Саваоѳъ;* 5) въ церкви Таврическаго дворца — *Спаситель*, *Богоматерь*, *Александръ Невскій*, *Праведная Елисавета*, *Великомученица Екатерина*, *Воздвиженіе честнаго Креста*, *Царскія двери*, *Архангелъ Гавріилъ*, *Архангелъ Михаилъ;* 6) въ церкви Главной Конюшни — *Спаситель*, *Богоматерь*, *Александръ Невскій*, *Праведная Елисавета*, *Царскія двери* (Благовѣщеніе и четыре Евангелиста); 7) въ церкви втораго кадетскаго корпуса (нынѣ военнаго училища) — *Святая Троица;* 8) въ церкви Александровскаго лицея — *Спаситель*, *Богоматерь*, запрестольный *Св. Троицы;* 9) въ церкви л.-гв. измайловскаго полка — *Святая Троица*, *Богоматерь*, *Архангелъ Гавріилъ;* 10) въ петербургской церкви Св. Екатерины — *Св. Татьяна;* 11) въ петербургской церкви Вознесенія — *Скорбящая Божія Матерь;* 12) въ сенатской церкви — *Спаситель*, *Богоматерь*; 13) въ церкви Патріотическаго Института — *Положеніе во гробъ;* 14) въ церкви александровской мануфактуры — *Александръ Невскій*, *Царь*

Константинъ; 15) въ церкви петергофскаго дворца — *Воскресеніе Христа*, *Царскія двери* (Благовѣщеніе, четыре Евангелиста и два Архангела); 16) въ церкви царскосельскаго дворца — *Спаситель*, *Богоматерь*, *двѣнадцать Пророковъ*, *двѣнадцать Апостоловъ*, *Саваоѳъ*, *Распятіе*, а въ Императорской комнатѣ — четыре барельфа, изображающіе *Благоденствіе мира;* 17) въ Новгородѣ — *св. Петръ*, *св. Павелъ*, *св. Дороѳей*, *св. Флоръ*, *св. Лавръ;* 18) въ церкви бывшихъ новгородскихъ поселеній графа Аракчеева — *Спаситель*, *Богоматерь*, *великомученица Екатерина*, *Преображеніе*, *Царскія двери* (Благовѣщеніе и четыре Евангелиста), *Тайная вечеря*, *Знаменіе Божіей Матери*, (запрестольный), *Александръ Невскій*, *св. Спиридонъ;* 19) въ Тифлисѣ — *Четыре евангелиста;* 20) въ Красноярскѣ — *Александръ Невскій*. Сверхъ того, не менѣе извѣстны написанные Егоровымъ: 21) для церкви г-жи Полтарацкой, въ Москвѣ, — *Спаситель*, *Богоматерь*, *Царскія двери;* 22) для графа Бенкендорфа — *Амуры, играющіе съ Сатиромъ;* 23) для г. Мосолова — *Воскресеніе Христа;* 24) для г. Величко — *Избіеніе младенцевъ*; 25) для князя Голицына — *Царскія двери*; 26) для графа Каподистрія — *Сюжетъ на текстъ*: «смиряйся яко отроча, таковыхъ бо есть царствіе Божіе»; 27) для графа Милорадовича *Купающаяся Вирсавія*; 28) для графа Аракчеева — *Св. Андрей Апостолъ*; 29) для г. Кусова — *Сюжетъ на текстъ*: «таковыхъ бо есть царствіе Божіе», *Св. Петръ и Павелъ въ темницѣ*. Нельзя не упомянуть и о слѣдующихъ произведеніяхъ Егорова, бывшихъ не задолго до смерти художника въ его мастерской и печатно расхваленныхъ журналами: 30) *Моленіе о чашѣ*; 31) *Адамъ и Евва*; 32) *Обрученіе Іосифа*; 33) *Пророкъ Даніилъ во рвѣ львиномъ*; 34) *Три Граціи;* 35) *Аллегорія искуства;* 36) *Купающіяся Нимфы*, 37) *Нимфа Аретуза*. Если же ко всему этому прибавить еще карандашные очерки *Семи дней творенія*, множество портретовъ и тысячи эскизовъ работы Егорова, разсѣянныхъ по рукамъ, то нельзя не согласиться, что Егоровъ, какъ художникъ-производитель, едва ли имѣетъ себѣ равнаго.

БРУНИ, Ѳедоръ Антоновичъ, извѣстный художникъ, по части исторической живописи, родился въ Москвѣ 23 іюня 1800 года. Отецъ его, родомъ швейцарецъ, проживъ долгое время въ Италіи, переселился потомъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Россію. Какъ замѣчательный художникъ, особенно въ плафонной живописи, онъ былъ сперва опредѣленъ реставраторомъ картинъ въ Царскомъ Селѣ, а потомъ состоялъ въ званіи придворнаго живописца. Артистическое дарованіе его отразилось и на сынѣ. Раннія способности Ѳедора Антоновича, и врожденная склонность къ живописи, побудили отца посвятить его исключительно искусству. На одиннадцатомъ году возраста Ѳ. А. помѣщенъ былъ пенсіонеромъ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I въ Императорскую с.-петербургскую академію художествъ. Послѣ предварительныхъ уроковъ, въ рисовальномъ и античномъ классахъ, Ѳ. А. Бруни поступилъ ученикомъ къ извѣстному представителю русской школы, заслуженному профессору В. К. Шебуеву. Рука объ руку съ К. П. Брюлловымъ, П. В. Басинымъ, Ѳ. И. Іорданомъ и А. Т. Марковымъ, извѣстнѣйшими изъ его товарищей, Ѳедоръ Антоновичъ, получивъ за совершенство въ рисункѣ серебряную медаль, окончилъ въ 1818 году академическое образованіе и былъ награжденъ 19 декабря званіемъ художника съ правомъ 14-го класса. Отличные успѣхи, оказанные въ академіи и признаки несомнѣннаго сильнаго дарованія, подтвержденнаго Шебуевымъ, побудили родителя Ѳ. А. отправить сына на свой счетъ, для усовершенствованія въ живописи, въ Италію. Посѣтивъ послѣдовательно всѣ главныя италіанскія города, чѣмъ либо замѣчательные по своимъ художественнымъ памятникамъ, Бруни повсюду собиралъ жатву. Онъ вдохновлялся въ галереяхъ Ватикана произведеніями Буонаротти, Санціо, Тиціана и Микель-Анжело; онъ изучалъ въ Пизѣ знаменитыхъ живописцевъ, Campo Santo; онъ удивлялся во Флоренціи Масаччіо, Леонардо-да-Винчи, въ церкви Santa Maria della Grazia Жіованни-да-Фіезоле, болѣе извѣстному въ исторіи искуствъ подъ именемъ Fra Angelico. Италія, гдѣ, кажется, съ самимъ воздухомъ впивается вдохновеніе, была для Ѳ. А. Бруни истиннымъ Элизіумомъ. Вникнувъ и изучивъ манеру лучшихъ мастеровъ Италіи, довершившую образованіе его вкуса, Ѳедоръ Антоновичъ, послѣ прекрасно исполненныхъ картинъ, которыми онъ, такъ сказать, дебютировалъ заграницей: портретовъ *княгини З. А. Волконской* (въ костюмѣ одного изъ главныхъ лицъ въ оперѣ Россини — Танкредъ), *Святой Цециліи*, написанной для княгини Косаткиной и *Святаго Семейства*, для князя Н. С. Гагарина; послѣ этихъ картинъ Бруни принялся за серьозное историческое произведеніе. Не имѣя еще полныхъ двадцати-двухъ лѣтъ, но уже сознавая свои силы, онъ началъ писать, по заказу князя Барятинскаго, *Смерть Камиллы, сестры Горація* въ pendant къ *Аттилію Регулу* — Каммучини; эта картина выставлена была въ Капитоліѣ и имѣла такой огромный успѣхъ, что Санъ-луккская академія, столь разборчивая въ своемъ избраніи, признала Ѳ. А. Бруни своимъ дѣйствительнымъ членомъ. — Впослѣдствіи, въ 1834 году, эта первая большая историческая картина Ѳ. А. Бруни была прислана имъ въ Петербургъ, и во вниманіе отличныхъ успѣховъ въ исторической живописи Ѳ. А., общимъ собраніемъ академіи 27-го сентября того же года, признанъ академикомъ, а самая картина пріобрѣтена для музея императорской с.-петербургской академіи художествъ. Вторымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Ѳ. А. Бруни, начатымъ вскорѣ послѣ *Смерти Камиллы*, была образцовая копія съ знаменитой колоссальной фрески Рафаэля, давшей собою названіе одной изъ залъ Ватикана (di Eliodore), *Изгнаніе Иліодора*, находящаяся въ с.-петербургской академіи художествъ. Къ этому же первому пребыванію Ѳ. А. Бруни въ Италіи относятся еще слѣдующія картины: *Вакханка, напояющая Амура*, которая была представлена Государю Императору уже оконченная въ 1841 году и пріобрѣтена для эрмитажа, по вторичномъ возвращеніи Бруни изъ Рима *Галатея*, копія съ Рафаэля находящаяся нынѣ въ с.-петербургской академіи художествъ, *Свиданіе Тасса съ сестрой своей Корнеліей*, отосланная въ Парижъ, *Божія Матерь съ младенцемъ Іисусомъ*, пріобрѣтенная для Эрмитажа, *Спящая Нимфа*, картонъ, изображающій *Крещеніе Ольги*, грудное изображеніе Св. Іоанна Крестителя, присланное на первую лотерею Общества поощренія художниковъ и доставшееся г. Молотилову; портретъ въ полный ростъ *Баронессы Меллеръ-Закомельской*, и начаты: четыре большіе образа, заказанные сенаторомъ Рахмановымъ, для церкви въ его имѣніи: *Богородица съ Спасителемъ на рукахъ*, пріобрѣтенная — тогда еще Наслѣдникомъ престола — нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, *Спаситель въ небѣ, окруженный облаками*, *Благовѣщеніе* и

Спаситель въ вертоградѣ, картина, извѣстная нынѣ подъ названіемъ *Моленіе о чашѣ*, и сдѣлавшаяся впослѣдствіи достояніемъ Императорскаго Эрмитажа, и наконецъ, незадолго до перваго его возвращенія въ Россію, начаты также рисунки изъ русской исторіи, числомъ тридцать, награвированные имъ на мѣди (à l'eau forte). Въ тридцатыхъ годахъ, Θедоръ Антоновичъ Бруни приступилъ къ исполненію своего знаменитаго произведенія: *Воздвиженіе мѣднаго змія Моисеемъ, въ пустынѣ*, которое поставило Θ. А. Бруни на первый планъ европейской извѣстности. Избранный въ члены Императорской академіи художествъ и вызванный по Высочайшему повелѣнію въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ съ К. П. Брюлловымъ, для преподаванія въ академическихъ классахъ, въ 1836 году, Θедоръ Антоновичъ отправилъ въ Россію только одинъ оконченный подмалевокъ *Воздвиженія мѣднаго змія*. Излишнимъ было бы говорить о томъ почетномъ пріемѣ, который сдѣлали члены академіи двумъ возвратившимся путешественникамъ, предназначеннымъ дать новое направленіе нашей живописи. Награжденный ужъ въ 1833 году, ноября 15, орденомъ св. Станислава 4-й (что нынѣ 3-й) степени, Θ. А. Бруни «*во уваженіе его талантовъ по живописи исторической*», былъ возведенъ, по Высочайшему повелѣнію, 27-го октября 1836 года, въ званіе профессора академіи художествъ, второй степени (въ одинъ день съ К. П. Брюлловымъ) и опредѣленъ въ должность же профессора при академіи, а черезъ три дня послѣдовала ему новая Монаршая милость: Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ 30 сентября совѣту академіи, повелѣно было *производить ему сверхъ академическаго жалованья еще по три тысячи рублей ассигнаціями изъ собственнаго кабинета Его Величества*. Въ продолженіе трехъ-лѣтняго пребыванія въ Петербургѣ, до 1839 года Θ. А. Бруни написалъ: копію съ знаменитой Мадоны Рафаэля, извѣстной подъ названіемъ Madonna d'Alba, которая была пріобрѣтена для Россіи за значительную сумму (98,000 р. с.); въ вознагражденіе за образцовый трудъ Θедоръ Антоновичъ удостоился получить отъ Его Величества десять тысячъ рублей ассигн.; образъ *Св. Михаила Архангела*, для церкви павловскаго кадетскаго корпуса; *Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ*, находящуюся у Θ. И. Прянишникова; *Тайную вечерю* для церкви св. Екатерины, въ Царскомъ Селѣ; *Покровъ Пресвятыя Богородицы* или *Явленіе Царицы Небесной, Андрею юродивому, въ влахернскомъ храмѣ*. Новая эта картина Бруни, картонъ которой удостоился полнаго Высочайшаго одобренія, была окончена художникомъ только во второе пребываніе его въ Италіи. Кромѣ этихъ упомянутыхъ картинъ, Θедоръ Антоновичъ Бруни написалъ образа *Четырехъ евангелистовъ* для большой церкви Зимняго дворца, *Св. царицу Александру* и *Св. великомученицу Екатерину*, въ царскосельскую придворную церковь св. Екатерины, и нѣсколько портретовъ. Въ 1838 году, Θедоръ Антоновичъ вторично отправился за границу, гдѣ, въ промежуткѣ 1839 — 40 годовъ, и окончилъ своего *Мѣднаго змія*. — Это громадное произведеніе, составляющее одно изъ великихъ и лучшихъ произведеній русской школы, имѣетъ 12 аршинъ длины и 8 вышины. Въ началѣ августа 1841 года, почти вслѣдъ за самимъ художникомъ, картина *Воздвиженія мѣднаго змія* прибыла въ Петербургъ и въ октябрѣ выставлена была для публики, по особымъ и исключительно раздаваемымъ билетамъ, въ одной изъ великолѣпныхъ залъ Императорскаго Зимняго дворца. Государь Императоръ, осмотрѣвъ это колоссальное произведеніе Θ. А. Бруни, «въ изъявленіе Высочайшаго своего благоволенія къ отличному его таланту» пожаловалъ художника, 21 октября, орденомъ св. Владиміра четвертой степени. Постройки, производимыя въ Исакіевскомъ соборѣ, для украшенія котораго, въ числѣ прочихъ художниковъ, былъ приглашенъ и Θедоръ Антоновичъ, дали ему еще бо̀льшія средства положить новый камень для образованія своей собственной, особенной школы, и картины, написанныя имъ для этого собора, вполнѣ подтвердили впослѣдствіи правильное, самобытное направленіе его таланта. Пробывъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, Θ. А. Бруни, въ началѣ декабря 1841 года, поѣхалъ въ третій разъ въ Италію, доканчивать свои двѣнадцать большихъ картоновъ для большаго и боковыхъ сводовъ Исакіевскаго собора. Еще за долго до появленія этихъ новыхъ произведеній Θ. А. Бруни въ Петербургѣ, дошла уже до насъ молва изъ Рима о томъ совершенствѣ, съ которымъ нашъ художникъ оканчивалъ картонъ за картономъ. Строгій стиль ихъ и превосходная композиція произвели, какъ и слѣдовало ожидать, новое глубокое впечатлѣніе на италіанскихъ художниковъ, и знаменитый римскій скульпторъ Тенеранни (ученикъ Торвальдсена) въ письмѣ своемъ, выражавшемъ полный и непритворный восторгъ, писанномъ къ конференцъ-секретарю с.-петербургской академіи художествъ, В. И. Григоровичу, спѣшилъ поздравить Россію съ новыми превосходными произведеніями искуства. Государь Императоръ, въ изъявленіе Своего благоволенія къ такимъ художественнымъ заслугамъ Θ. А. Бруни, пожаловалъ его, въ 1843 году, орденомъ св. Станислава второй степени. Въ іюлѣ 1845 года Бруни возвратился изъ Рима, съ двадцатью пятью картонами для огромныхъ картинъ. Картоны эти, выставленные сперва въ залахъ Императорскаго Зимняго дворца, а потомъ въ залахъ академіи художествъ, удостоились Высочайшаго одобренія и нѣкоторые изъ нихъ были отданы опытнѣйшимъ художникамъ для исполненія по нимъ фресокъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ самого Θ. А. Бруни. Въ числѣ произведеній живописи, украшающихъ Исакіевскій соборъ, кисти Θедора Антоновича Бруни принадлежатъ: на аттикѣ — 1) *Сотвореніе міра*, 2) *Всемірный потопъ*, 3) *Принесеніе жертвы Ноемъ Богу*, 4) *Умовеніе ногъ*, 5) *Врученіе Спасителемъ апостолу Петру ключей царствія небеснаго* и 6) *Явленіе Господа апостоламъ по воскресеніи;* въ полукругахъ надъ аттикомъ, — 7) *Творецъ, благословляющій все сотворенное* и 8) *Св. Духъ окруженный ангелами* и на плафонѣ собора, — 9) *Введеніе первороднаго Сына Божія во вселенную*, 10) *Второе пришествіе Сына Божія*, 11) *Пророцы на кости* и 12) *Солнце, луна и звѣзды съ группами ангеловъ*. За эти произведенія Θедоръ Антоновичъ Бруни, Всемилостивѣйше награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 1-й степени. Произведенный въ 1857 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Θедоръ Антоновичъ Бруни занимаетъ должности: ректора Императорской академіи художествъ по части исторической живописи и скульптуры и директора галлереи Эрмитажа. Въ 1861 году за отлично-усердную службу по академіи Всемилостивѣйше пожалованъ онъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й ст., а въ 1864 году тѣмъ же орденомъ украшеннымъ Императорскою короною; имѣетъ пожалованный отъ короля Италіи Виктора Эммануила II командорскій крестъ святыхъ Маврикія и Лазаря, на принятіе коего и ношеніе послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Въ 1864 году Высочайше назначено ему состоять при оберъ-гофмаршалѣ по художественной части, а въ 1866 году,

за смертію завѣдывавшаго работами мозаическаго отдѣленія Джюстіани Бонафеде, возложено на Ѳедора Антоновича главное управленіе этимъ отдѣленіемъ, вошедшимъ съ 1864 года въ составъ академіи. Какъ художникъ, пріобрѣвшій своими произведеніями извѣстность и заграницею, признанъ иностранными академіями: римскою Санъ-Лукскою — почетнымъ ея членомъ въ 1824 году и почетнымъ профессоромъ въ 1844 году, королевскою академіею художествъ въ Миланѣ членомъ по искуству, 10 декабря 1839 года. Артистическою конгрегаціею св. Іосифа (di terra Santa) достойнымъ виртуозомъ, 12 августа 1856 года; флорентинскою академіею художествъ профессоромъ 1-го класса, 7 сентября 1851 года; болонскою академіею художествъ почетнымъ членомъ, 3 февраля 1846 года. Въ настоящее время, нашъ извѣстный художникъ составилъ для Московскаго храма во имя Христа Спасителя восемь большихъ эскизовъ для 4-хъ парусовъ собора, съ изображеніемъ въ каждомъ по два сюжета, изображающіе четырехъ евангелистовъ — *Іоанна*, *Луку*, *Марка*, *Матѳія* и къ нимъ сюжеты: «Сошествіе Христа во адъ», «Преображеніе Господне», «Сошествіе Св. Духа», и «Вознесеніе Господне».

КЕППЕНЪ, Петръ Ивановичъ, русскій статистикъ и этнографъ. — Принадлежалъ къ фамиліи, происходящей изъ бранденбургскаго города Шведта (на Одерѣ), но родился, 19 февраля 1793 года, въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его, докторъ марбургскаго университета и бывшій лейбъ-медикъ гессенъ-кассельскаго двора, въ 1786 году вызванный Императрицею Екатериною въ Россію, управлялъ тогда медицинскою частью. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, молодой Кеппенъ въ 1806 году поступилъ въ губернскую чертежную, тутъ, подъ руководствомъ землемѣровъ, занимался межеваніемъ и изготовленіемъ плановъ и, въ тоже время, посѣщалъ приготовительный студенческій классъ харьковскаго университета, открытаго въ январѣ 1805 года. — Съ полученіемъ, 31 декабря 1809 года, перваго офицерскаго чина, Кеппенъ оставилъ чертежную и вступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ занимался преимущественно науками политическими и, отказавшись отъ предложенія занять мѣсто лаборанта при профессорѣ химіи, былъ, въ 1814 году, признанъ магистромъ правовѣдѣнія — за диссертцію «De reparatione damni per bellum illati» (О вознагражденіи вреда, причиненнаго войною), которая однако не была напечатана. Въ томъ же 1814 году Кеппенъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ почтовый департаментъ; въ 1816 году участвовалъ въ учрежденіи вольнаго общества любителей россійской словесности, съ секретаремъ котораго, А. А. Никитинымъ, занимался составленіемъ устава общества; въ 1817 году, при образованіи комитета по ученой части Императорскаго человѣколюбиваго общества, избранъ членомъ-секретаремъ и также составлялъ уставъ этаго учрежденія, напечатанный на языкахъ русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ, а въ 1818 году извлекъ изъ сочиненій академика Лерберга *Историческое изслѣдованіе о Югорской землѣ*, обратившее на себя вниманіе тогдашняго русскаго мецената, графа Н. П. Румянцова, по рекомендаціи котораго министръ внутренних дѣлъ, О. П. Козодавлевъ, немедленно сдѣлалъ Кеппена своимъ чиновникомъ особыхъ порученій, съ назначеніемъ его вторымъ редакторомъ издававшейся тогда отъ министерства «Сѣверной Почты». Но еще до вступленія въ эту послѣднюю должность, Кеппенъ, вообще склонный къ путешествіямъ и уже съ 1810 года начавшій объѣзжать Россію, изъявилъ желаніе побывать на водахъ кавказскихъ и, получивъ порученіе: обревизовать почтовыя станціи по бѣлорусскому тракту до Крыма съ Кавказомъ и обратно, въ 1819 году отправился по назначенію, посѣтилъ Крымъ, а въ бытность свою на Кавказѣ получилъ извѣстіе о смерти Козодавлева. «Обстоятельства и самый духъ времени перемѣнились, говоритъ, по этому случаю, Кеппенъ въ своей автобіографіи; настало время мистицизма, который мнѣ никогда не былъ понутру. Я рѣшился оставить службу для того, чтобы съ молодымъ, любознательнымъ человѣкомъ (Ал. Серг. Березинымъ) отправиться въ путешествіе по Европѣ». Между сборами къ этому путешествію, Кеппенъ сотрудничалъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія», издававшемся вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности, и напечаталъ тамъ: въ 1820 году разборъ «Обозрѣнія всѣхъ языковъ и нарѣчій», составленнаго О. П. Аделунгомъ, а въ 1821 году собственное «*Описаніе Туакской* (или Штеговой) *пещеры въ Крыму* и *Планъ города Ольвіи съ окрестностями*, снятый инструментально самимъ Кеппеномъ. За эти труды, Кеппенъ, 31 декабря 1821 года, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-го класса, а въ январѣ 1822 года, онъ, напутствованный благословеніемъ друга своего, кіевскаго митрополита Евгенія (Болховитинова), отправился за границу, гдѣ посѣтилъ Австрію, славянскія земли и Германію, при чемъ, кромѣ личнаго сотрудничества въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur» («Лѣтописи литературы»), Кеппенъ познакомился и сошелся: въ Вѣнѣ — съ оріенталистомъ Гаммеромъ, славистами Копитаромъ и Вукомъ Стефановичемъ, исторіографомъ барономъ Гормайромъ, Фридр. Шлегелемъ и др.; въ Карловицѣ — съ извѣстнымъ ученымъ, архіепископомъ Стефаномъ Стратемировичемъ, которому знаменитый Шлецеръ посвятилъ одну изъ частей своего «Нестора»; въ Прагѣ — съ славистами Іос. Добровскимъ, Шафарикомъ, Ганкою и др.; въ Гейдельсбергѣ — съ первостепенными учеными Крейцеромъ и Фоссомъ; въ Франкфуртѣ — съ знаменитымъ министромъ Штейномъ, врагомъ Наполеона; въ Геттингенѣ — съ корифеями германской учености: Петцомъ, Блуменбахомъ, Эйхгорномъ, Готфр Миллеромъ, Гереномъ и г-жею Родде, дочерью Шлецера; въ Касселѣ — съ братьями Як. и Вильг. Гриммъ; въ Готѣ — съ филологомъ Якобсомъ и географомъ Укертомъ; въ Веймарѣ — съ славнымъ Гете; въ Іенѣ — съ Океномъ и Эйхштедтомъ; въ Герѣ — съ Буссе, бывшимъ издателемъ «Journal von Russland»; въ Лейпцигѣ — съ эллинистомъ Германомъ и извѣстнымъ критикомъ Дан. Бекомъ (Beck); въ Галле — съ грамматикомъ Фатеромъ, романистомъ Лафонтеномъ, издателями «Энциклопедіи» Эршомъ и Грубером, минералогомъ Гофманомъ, Нимейеромъ и др.; въ Дрезденѣ — съ поэтами Тикомъ и Тидге, писательницей Элизой фонъ-деръ-Рекъ, археологомъ Беттигеромъ. композиторомъ Веберомъ; въ Берлинѣ — съ ученымъ Карл. Риттеромъ, эллинистомъ Бекомъ (Böckh), археологами Доровомъ и Гиртомъ, Вагеномъ, Боппомъ, ботаникомъ Линкомъ, геогностомъ Бухомъ, врачемъ Гуфеландомъ, ваятелемъ Раухомъ, геологомъ Эверсманомъ; въ Кенигсбергѣ — съ археологомъ Фойхтомъ и эллинистомъ Лобекомъ. — Не бывъ въ состояніи, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, проѣхать — по приглашенію ученыхъ: Летронна, Газе, Малтебренна и Рауль-Рошета — въ Парижъ, Кеппенъ, 9 апрѣля 1824 года, возвратился въ Россію и, награжденный за свой *Списокъ русскимъ*

памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи (изд. 1822 года въ Москвѣ) брилліантовымъ перстнемъ, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій къ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову, съ назначеніемъ дѣлопроизводителемъ временнаго комитета для составленія проэкта общаго устава учебныхъ заведеній и съ зачетомъ въ службу всего двухлѣтія, проведеннаго въ ученомъ путешествіи за границею. Милость эта приписывалась и тому обстоятельству, что Кеппенъ, обласканный въ Веймарѣ гроссъ-герцогинею Маріею Павловною, привезъ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ рекомендательное письмо отъ ея высочества. Какъ бы то ни было, Кеппенъ съ наступленіемъ 1825 года началъ издавать *Библіографическіе листы*, которыхъ до августа 1826 года вышло въ свѣтъ 725 столбцевъ in-4°, а въ 1826 году помѣстилъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» статью: *О выгодахъ и правахъ россійскихъ писателей* (см. № 7 с. 205-214) и напечаталъ въ Петербургѣ отдѣльно брошюрою: *Literaernotizen, betreffend die Magyarischen und Saechsischen Dialekte in Ungern und Siebenbürgen*, 32 стр. in-8. — Около того же времени, Кеппенъ, хотя и награжденный вторично брилліантовымъ перстнемъ, подвергся, по неосновательному доносу извѣстнаго педагога-мистика Магницкаго, суду духовно-ценсурнаго и училищнаго комитетовъ, но былъ оправданъ ими, и, прикомандированный къ правителю дѣлъ комитета по устройству учебныхъ заведеній, пользовался довѣріемъ министра народнаго просвѣщенія графа К. А. Ливена, М. М. Сперанскаго, Д. Н. Блудова и нѣкоторыхъ другихъ членовъ комитета. Въ 1827 году Кеппенъ, на иждивеніе канцлера графа Н. П. Румянцова, тогда уже умершаго, и при содѣйствіи А. Х. Востокова, началъ издавать *Собраніе словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи*, но, вслѣдъ за тѣмъ, по случаю назначенія Х. Х. Стевена главнымъ инспекторомъ шелководства въ Крыму, поспѣшилъ перейти на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, «дабы — говоритъ самъ Кеппенъ — имѣть возможность переселиться въ Крымъ въ качествѣ помощника главнаго инспектора». Въ чаяніи исполненія этаго желанія, Кеппенъ весь 1828 годъ сотрудничалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Зрителѣ», и только съ марта 1829 года «сталъ — какъ выражается самъ онъ — водворяться на южномъ берегу (Крыма), объѣзжая по должности каждогодно пространство находящееся между Волгою и Днѣстромъ». Въ 1830 и 1831 гг., Кеппенъ, служа въ Крыму, помѣщалъ въ «Сѣверномъ Муравьѣ» «Русскомъ Меркуріѣ» (Russisch Merkur) «Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ», свои статьи: *О винодѣліи на южномъ берегу Крыма, О разведеніи сарачинскаго пшена въ Кавказской области, Baktschisaray zur Zeit der Cholera, 1830, Объ успѣхахъ винодѣлія на южномъ берегу Крыма;* въ 1832 году издана въ Петербургѣ — и, за отсутствіемъ автора, съ большими погрѣшностями — книга Кеппена: *О винодѣліи и винной торговлѣ въ Россіи* (XXXI и 263 с. in-8, съ 4 табл.); въ 1833 году Кеппенъ, по порученію князя М. С. Воронцова, объѣзжалъ южную часть Таврическаго полуострова и, открывъ цѣлый, систематически-расположенный, рядъ укрѣпленій, очевидно временъ византійскихъ, задумалъ изданіе *Крымскаго сборника*, впослѣдствіи осуществленное; а въ 1834 году Кеппенъ, по приглашенію президента академіи наукъ, графа С. С. Уварова, возвратился въ Петербургъ, гдѣ тогда же принялъ на себя редакцію «Нѣмецкихъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей» и, въ ноябрьской книжкѣ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ помѣстилъ свою статью: *О шелководствѣ въ Россіи*. Издавъ, въ 1835 году, русскій адресъ-календарь на нѣмецкомъ языкѣ (Staats-Handbuch Russlands) и помѣстивъ, въ журналахъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ за 1836 годъ статьи: *О литературѣ словенскихъ народовъ, О волжскихъ болгарахъ*, а въ академическомъ бюллетенѣ замѣтку *Ueber Tumuli in Russland* (о курганахъ въ Россіи), Кеппенъ, въ январѣ 1837 года, поступилъ адъюнктомъ по части статистики въ Императорскую академію наукъ, которой членомъ-корреспондентомъ онъ состоялъ еще съ 29 декабря 1826 года, и, два мѣсяца спустя, былъ прикомандированъ къ V отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для обревизованія государственныхъ имуществъ въ таврической губерніи. Въ теченіе этой командировки, продолжавшейся годъ, Кеппенъ полтора мѣсяца состоялъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, въ поѣздкѣ Ея Высочества по Крыму; потомъ, при Высочайшемъ посѣщеніи Алупки, былъ представленъ княземъ Воронцовымъ Императору Николаю I и Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ благополучно царствующему Государю), отъ котораго, за поднесеніе тогда же изданнаго *Крымскаго Сборника*, получилъ брилліантовый перстень, наконецъ, въ имѣніи своемъ Карабагѣ, принималъ и угощалъ нѣсколько дней поэта В. А. Жуковскаго. По возвращеніи въ Петербургъ, академикъ Кеппенъ поступилъ въ начальники отдѣленія третьяго департамента министерства государственныхъ имуществъ (что нынѣ департаментъ сельскаго хозяйства), а потомъ въ члены ученаго комитета и центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, при чемъ онъ, неустанно трудясь для періодическихъ изданій академіи наукъ, и разныхъ министерствъ, въ 1844 году принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи Императорскаго русскаго географическаго общества, и, въ разные годы, «многократно объѣзжалъ Европейскую Россію отъ Чернаго моря и Терека, вверхъ до Бѣлаго и Онежскаго озера, и отъ Вятки и Астрахани на западъ до Нѣмана и Днѣстра». Объѣзды эти были тѣмъ полезнѣе для науки, что Кеппенъ, по свидѣтельству его автобіографіи, «постоянно отмѣчалъ въ своихъ дорожникахъ то, что, по его мнѣнію, въ археологическомъ, топографическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніи заслуживало вниманіе». Благодаря преимущественно этимъ отмѣткамъ, Кеппенъ, по собственному его сознанію, могъ составить *Этнографическую карту Европейской Россіи* — трудъ, доставившій имени Кеппена заслуженную извѣстность. Другая услуга Кеппена русской наукѣ заключается въ томъ, что ему, какъ выражается онъ, «удалось» — по вступленіи графа Д. Н. Блудова въ президенты академіи наукъ — привести въ исполненіе два важныя для статистики Россіи желанія: *Исчисленіе пространства по губерніямъ и уѣздамъ* и *Собраніе полныхъ списковъ населеннымъ мѣстамъ въ Имперіи*. Служебно-научные труды Кеппена не оставались безъ награды. Кромѣ *пяти* Высочайше пожалованныхъ брилліантовыхъ перстней и ордена св. Анны 3-го класса, Кеппенъ послѣдовательно получилъ: въ 1830 году — чинъ коллежскаго совѣтника; въ 1838 году — чинъ статскаго совѣтника; въ 1839 году — орденъ св. Владиміра 4-го класса; въ 1849 году — чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ 1852 году — 1000 р. с. на ученое путешествіе; въ 1855 году — подарокъ по чину; въ 1857 году — драгоцѣнную табакерку съ вензелемъ Государя Императора; въ 1859 году —

единовременно 1429 р. сер. — Въ томъ же 1859 году, по случаю празднованія, 29 декабря, пятидесятилѣтняго юбилея службы П. И. Кеппена, юбиляръ получилъ послѣднюю изъ пожалованныхъ ему наградъ — орденъ св. Владиміра 3-го класса, и имѣлъ случай видѣть общее сочувствіе къ нему многочисленныхъ сочленовъ его по разнымъ ученымъ учрежденіямъ и обществамъ. После этаго праздника, Кеппенъ прожилъ еще слишкомъ четыре года, но уже не писалъ для печати, и умеръ, 22 мая 1864 года, въ помѣстьѣ своемъ, въ Крыму, на 72 году жизни. — «Изданныя Кеппеномъ сочиненія по части русской статистики — говоритъ академическій некрологъ 1864 года — многочисленны и служатъ образцемъ добросовѣстности и точности обработки матеріаловъ. Трудолюбіе его и настойчивость въ собираніи статистическихъ данныхъ были по истинѣ удивительны. Многіе изъ его трудовъ останутся надолго незамѣнимыми и полезными. Всего имъ издано *болѣе 130 сочиненій*». — Лучшею характеристикою П. И. Кеппена, какъ человѣка и ученаго, служатъ, по нашему мнѣнію, слѣдующія, наводящія на размышленіе, слова его, искренно-высказанныя имъ въ отвѣтъ на привѣтствія, по случаю юбилейнаго празднества: «Богатыя мечты моей юности о пользѣ, которую я могу принести Россіи, говорилъ П. И. Кеппенъ, — Россіи, которой посвящена была вся моя жизнь — далеко не осуществились. Время и обстоятельства низвели меня изъ міра идеальнаго въ міръ вещественный; они показали мнѣ всю разность между надеждами и исполненіемъ. — Служа правдѣ, я, наконецъ, остановился на чистосердечномъ изложеніи убѣжденій и мнѣній, предоставляя другимъ принимать ихъ въ уваженіе или же оставлять безъ вниманія».

ЗАУЕРВЕЙДЪ, Александръ Ивановичъ, извѣстный русскій баталистъ. — Родился, 19 февраля 1783 года, въ С. Петербургѣ, гдѣ жилъ тогда его отецъ, выѣзжій въ Россію медикъ, сдѣлавшійся потомъ, по убѣжденію друзей, основателемъ петербургскаго нѣмецкаго театра, первоначально — любительскаго. Въ 1788 году Зауервейдъ-отецъ умеръ, оставивъ вдову, дочь и 5-лѣтняго сына попеченіямъ своего друга, лейбъ-медика Фрейганга, который, въ 1790 году, помѣстилъ ребенка Зауервейда въ классы при Академіи Наукъ. По окончаніи курса въ этихъ классахъ, будущій баталистъ, за отличное прилежаніе, получилъ золотую медаль и въ 1798 году, всего 15-ти лѣтъ отъ рода, вступилъ въ гражданскую службу, прямо на штатное мѣсто. Еще около 5 лѣтъ спустя, молодой Зауервейдъ былъ уже титулярнымъ совѣтникомъ и, приглашенный однимъ изъ своихъ друзей, испросилъ отпускъ за границу. Эта поѣздка совершенно измѣнила карьеру 20-ти лѣтняго чиновника. Посѣтивъ, между прочимъ, картинную галерею въ Дрезденѣ, титулярный совѣтникъ Зауервейдъ внезапно одушевился такою страстью къ искуству, что тутъ же рѣшилъ — посвятить всего себя художественному поприщу. Напрасно мать и сестра слали въ Дрезденъ письмо за письмомъ, стараясь вразумить юношу, какъ нерасчетливо покидать службу въ его лѣта и въ его чинѣ: будущій баталистъ пылалъ страстью къ искуству, сознавалъ въ себѣ талантъ — и былъ непоколебимъ. Уединенно началъ онъ трудиться, добывая насущный хлѣбъ дешевою продажею своихъ произведеній, но не замедлилъ обратить на себя вниманіе знатоковъ, которые огласили имя новаго художника въ газетахъ, — и восхищенная мать поспѣшила послать сыну прощеніе и благословеніе на дѣятельность, имъ самимъ избранную. — Послѣ 6-ти лѣтняго пребыванія въ Дрезденѣ, Зауервейдъ, съ сотнею скопленныхъ трудомъ луидоровъ въ карманѣ, пустился въ Парижъ и, совершая путешествіе это, большею частью, пѣшкомъ, благополучно прибылъ въ столицу Франціи, гдѣ тотчасъ же принялся добывать себѣ хлѣбъ произведеніемъ картинокъ, изображавшихъ сцены изъ русской народной жизни. Первымъ покупателемъ и цѣнителемъ этихъ картинокъ былъ графъ Коленкуръ, извѣстный министръ временъ первой имперіи, который, не смотря на свою обычную напыщенность и недоступность, искалъ лично узнать русскаго художника, сблизился съ Зауервейдомъ и пригласилъ его на житье въ свой домъ. Тутъ Зауервейдъ имѣлъ возможность познакомиться со многими дѣятелями той эпохи, а чрезъ нихъ нашелъ случай быть представленнымъ самому Наполеону, который, поручивъ Зауервейду писать портреты съ своихъ любимыхъ лошадей, велѣлъ отвести ему помѣщеніе въ Версали и часто приглашалъ его на блестящія охоты своего императорскаго двора. Между тѣмъ, политическія обстоятельства, смѣняясь одно другимъ, привели побѣдоносныхъ союзниковъ къ столицѣ Франціи — и Зауервейдъ, какъ очевидецъ, изобразилъ, въ большой картинѣ, «*Взятіе Парижа*», потомъ, какъ очевидецъ же, написалъ картину «*Ватерлооскаго сраженія*», съ которою отправился въ Лондонъ, тамъ былъ представленъ королю Георгу IV, познакомился со всею лондонскою знатью, но особенный привѣтъ и ласку нашелъ въ принцессѣ Шарлоттѣ Кобургской. — Обставившись, такимъ образомъ, въ Лондонѣ, Зауервейдъ, въ исходѣ 1816 года, встрѣтилъ здѣсь великаго князя Николая Павловича, который благосклонно предложилъ ему возвратиться въ отечество, гдѣ милостиво обѣщалъ занять его и вообще заботиться о немъ. Это лестное предложеніе понравилось Зауервейду тѣмъ болѣе, что подавало ему надежду еще разъ взглянуть на престарѣлую мать, — которая однако не дожила до радостнаго свиданія съ сыномъ. — Какъ бы то ни было, Зауервейдъ, весною 1817 года, прибылъ на русскомъ фрегатѣ изъ Лондона въ Петербургъ и, представленный Императору Александру I, немедленно опредѣленъ въ главный штабъ, съ чиномъ 8 класса и обязанностью производить картины батальнаго содержанія. Вскорѣ за тѣмъ, именно въ 1819 году, Зауервейдъ пожалованъ орденомъ св. Анны 3 класса; 12 іюля 1824 года получилъ орденъ св. Владиміра 4 класса; и около того же времени назначенъ преподавателемъ рисованія сыну великаго князя Николая Павловича, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. По воцареніи Императора Николая I, въ 1825 году, Зауервейдъ сдѣланъ первымъ живописцемъ при военно-топографическомъ депо главнаго штаба; въ 1827 году пожалованъ орденомъ св. Анны 2 класса и, 21 сентября, избранъ въ почетные вольные общники императорской академіи художествъ; а въ 1828 году, за написаніе большой картины «*Сраженія подъ Варной*», возведенъ въ званіе профессора 3-й степени императорской академіи художествъ, по классу живописи животныхъ. Должность эту Зауервейдъ, повышенный впослѣдствіи въ профессоры 2-й степени, дѣйствительно отправлялъ цѣлыя десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ образовалъ многихъ художниковъ, доставивъ имъ возможность собственнымъ трудомъ заработывать вѣрный хлѣбъ. Въ то же время, Зауервейдъ преподавалъ рисованіе всѣмъ дѣтямъ Императора Николая — и минуты, посвященныя этимъ урокамъ, всегда почиталъ счастливѣйшими въ своей жизни. Преданная привязанность Зауервейда къ его августѣйшимъ ученикамъ была такъ велика, что

ихъ радости были его радостями, и первая скорбь царскаго семейства, причиненная кончиною великой княгини Александры Николаевны, отравила последніе месяцы жизни Зауервейда, который, после 16-ти часовыхъ страданій отъ нервнаго удара, умеръ 25 октября 1844 года, въ Петербурге, на 62-мъ году деятельной жизни. Какъ человекъ, Зауервейдъ былъ уважаемъ всеми за свой ровный, честный, открытый нравъ и неподкупную любовь къ правде, съ которыми онъ соединялъ качества превосходнаго семьянина и друга всехъ техъ, кто нуждался въ его помощи или совете. Не оставляя по себе никакого состоянія, онъ, передъ смертью, говорилъ своей нежно-любимой жене: «Богъ и царская семья призрятъ тебя и нашихъ детей». — Какъ художникъ, Зауервейдъ занимаетъ почетное место между русскими баталистами. Число произведеній его не велико потому, что каждое изъ нихъ онъ отделывалъ самъ, не любя, въ этомъ случае, следовать примеру многихъ великихъ художниковъ, не обходившихся безъ положительной подмоги своихъ учениковъ. По мненію Зауервейда, картина теряла, если вся она, сначала до конца, не была произведеніемъ одной и той же кисти. Такой взглядъ на дело не допустилъ Зауервейда вполне закончить Высочайше порученныя ему работы по батальной живописи изъ періода войнъ 1813—1814 гг. Работы эти заключались въ сочиненіи и выполненіи *четырехъ* большихъ картинъ, изъ которыхъ первая, «*Сраженіе при Фершампенуазъ*», по эскизу Зауервейда и подъ руководствомъ последняго, выполнена ученикомъ его Вильвальдомъ и находится въ Зимнемъ дворце; две другія, «*Бой при Кульмъ*» и «*Битва подъ Лейпцигомъ*», предназначенныя тоже для Зимняго дворца, немного не кончены самимъ Зауервейдомъ, который готовилъ ихъ къ ближайшей художественной выставке; наконецъ, четвертая, «*Взятіе Парижа*», также совсемъ дорисована Зауервейдомъ, но, по его желанію, утвержденному Высочайшимъ соизволеніемъ, перенесена для окончательной отделки къ Вильвальду. — А. И. Зауервейдъ былъ женатъ дважды и отъ обоихъ браковъ оставилъ четверыхъ детей.

САВИЧЪ, Алексей Николаевичъ, известный современный русскій астрономъ и геодезистъ. Родился въ 1811 году, въ Сумскомъ уезде Харьковской губерніи, въ селе Белыводъ, где отецъ его имелъ небольшое поместье. Первоначальное образованіе получилъ въ Харькове въ частномъ пансіоне; потомъ былъ студентомъ въ Московскомъ Университете по физико-математическому факультету. Въ 1830 году А. Н. Савичъ окончилъ курсъ наукъ въ университете со степенью кандидата, а въ 1833 году удостоенъ степени магистра и по этому случаю написалъ разсужденіе, подъ заглавіемъ: «*Объ определеніи географической широты и долготы местъ.*» Въ 1834 году онъ отправился въ Дерптъ и тамъ находился около двухъ летъ, изучая практическую астрономію. Съ 1836 по 1838 годъ былъ членомъ экспедиціи, снаряженной отъ С. Петербургской Академіи Наукъ, для изследованія разности между уровнями Чернаго и Каспійскаго Морей. Въ 1839 году удостоенъ отъ Дерптскаго Университета степени доктора философіи и поэтому случаю написалъ разсужденіе, подъ заглавіемъ: «*Объ уровне Каспійскаго моря и о высоте главнейшихъ вершинъ Кавказскихъ горъ*. Въ 1840 году избранъ былъ С. Петербургскимъ Университетомъ въ экстраординарные профессоры по каѳедре Астрономіи и Геодезіи, а въ 1846 году утвержденъ въ должности ординарнаго профессора по той же каѳедре. Въ 1864 году А. Н. Савичъ удостоенъ званія Заслуженнаго Профессора. Кроме службы при университете А. Н. Савичъ преподавалъ астрономію и геодезію въ бывшемъ Педагогическомъ Институте, въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и въ бывшихъ офицерскихъ классахъ Морскаго корпуса (ныне Академическіе курсы морскихъ наукъ). Сверхъ сего А. Н. Савичъ въ 1842 году участвовалъ въ экспедиціи, имевшей целію: определеніе разности географической долготы между Пулковскою и Альтонскою обсерваторіями. Съ 1846 года онъ находился въ числе членовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ 1862 году избранъ экстраординарнымъ Академикомъ въ С. Петербургскую Академію Наукъ, въ которой до того состоялъ членомъ-корреспондентомъ, и съ этого-же года избранъ въ члены Германскаго Астрономическаго Общества и, наконецъ, почетнымъ членомъ Морскаго Ученаго Комитета. Учено-литературная деятельность А. Н. Савича заключалась въ следующемъ: Въ журнале «Современникъ», когда этотъ журналъ редактировалъ еще покойный П. А. Плетневъ, помещены статьи А. Н. Савича: «Обзоръ главнейшихъ астрономическихъ обсерваторій», — «Историческія сведенія о переменныхъ звездахъ». Въ журнале Министерства Народнаго Просвещенія помещены съ 1843 по 1855 годъ его статьи: «О массахъ планетъ», 1843 г. — «Известія о полномъ затменіи солнца въ 1842 г.», 1843 г. — «О градусныхъ измереніяхъ дугъ меридіана въ Индіи», 1851 г. — «Фотометрическія изследованія о сіяніи планетъ и звездъ», 1854 г. — Въ Библіотеке для Чтенія: — «Занятія по предметамъ звездной астрономіи В. Я. Струве», 1848 г.; — Въ Отечественныхъ Запискахъ за 1847 годъ: — «Опытъ общепонятнаго разсказа о томъ, какъ открыта новая планета Нептунъ». — Въ журнале Морской Сборникъ: — «О способе Дюнторна объ определеніи широты места на море», 1854 г. — «Описаніе главнейшихъ въ Россіи астрономическихъ обсерваторій». — «Историческое обозреніе знаменитейшихъ звездныхъ росписей», 1857 г. — «Обозреніе новейшихъ изследованій о физической географіи океановъ», 1857 г. — Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества: — «О распределеніи теплоты въ различныхъ слояхъ атмосферы по мере удаленія ихъ отъ земной поверхности». — Въ Запискахъ С. Петербургской Академіи Наукъ: — «О численныхъ величинахъ коэффиціэнтовъ, входящихъ въ формулы Лапласа и Бесселя, для определенія астрономическаго преломленія, и о вычисленіи земнаго преломленія», 1853 года; — «Объ элементахъ орбиты большой кометы, 1861 г.» — «Наблюденія надъ планетою Нептунъ». — «Наблюденія надъ планетою Марсъ въ ея противостояніе, 1862 г.» — «Воспоминаніе о В. Я. Струве» 1864 г., въ которомъ изложенъ біографическій очеркъ этого знаменитаго астронома, съ перечисленіемъ всехъ его сочиненій. — «Новыя изследованія надъ вычисленіями земнаго преломленія», 1867 г. — «Наблюденія надъ качаніями маятника въ северной части меридіана», 1866 г. — Въ Американскомъ журнале (Astronomical journal) напечатаны разныя наблюденія и замечанія, по части астрономіи, А. Н. Савича и статья его: «О вычисленіи орбитъ кометъ». — Въ астрономическомъ журнале Шумахера: — «О наблюденіи азимутовъ луны для изысканія географической долготы места». Въ Запискахъ Лондонскаго Королевскаго Астрономическаго Общества (Astr. Society): — «Объ определеніи орбитъ спутниковъ планетъ», 1851 г. Кроме перечисленныхъ статей, помещенныхъ въ разныхъ

русскихъ періодическихъ изданіяхъ, А. Н. Савичъ напечаталъ еще отдѣльными книгами слѣдующія свои сочиненія: «*Приложеніе Практической Астрономіи къ опредѣленію географическаго положенія мѣстъ*». Сочиненіе это переведено, съ дополненіями, на нѣмецкій языкъ и издано въ Гамбургѣ. — «*Приложеніе теоріи вѣроятности къ вычисленію астрономическихъ наблюденій и геодезическихъ измѣреній*» — «*Начала Математической Географіи и Космографіи*». Это сочиненіе имѣло два изданія, послѣднее въ 1859 году. — «*Начальныя основанія дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій*», 1861 г. Въ 1866 году исполнилось 25 лѣтъ преподавательской дѣятельности А. Н. Савича въ офицерскихъ классахъ Морскаго Корпуса, переименованныхъ за годъ передъ тѣмъ въ Академическій курсъ Морскихъ Наукъ. Всѣ почти изъ находившихся въ Кронштадтѣ и Петербургѣ учениковъ А. Н Савича, единодушно согласились отпраздновать двадцати пятилѣтній юбилей своего профессора, а отсутствующіе въ письмахъ выразили свое полное къ этому сочувствіе и желаніе участвовать въ подпискѣ на поднесеніе А. Н. Савичу альбома съ фотографическими карточками его учениковъ. День, въ который исполнилось 25 лѣтъ службы А. Н. Савича, приходился 23 января. Въ этотъ день и отпразднованъ юбилей въ конференцъ-залѣ Совѣта Академическаго Курса въ Морскомъ Корпусѣ.

КАВЕЛИНЪ, Константинъ Дмитріевичъ, критикъ по части русскаго права и исторіи. Родился въ 1818 году, 4-го ноября. Мать его была англичанка. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ дома. По окончаніи, въ 1839 году, курса наукъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата, К. Д. Кавелинъ провелъ почти три года безъ службы, готовясь къ экзамену на степень магистра. Въ это время онъ издалъ первую свою статью, передѣланную изъ кандидатской диссертаціи, за которую получилъ золотую медаль, — подъ заглавіемъ: «*О теоріяхъ владѣнія*». Въ этой статьѣ К. Д. Кавелинъ, разобравъ критически теоріи владѣнія знаменитыхъ германскихъ ученыхъ: Савиньи и Ганса и ихъ послѣдователей: Пухты, Тадена, Гассе, Рудорфа, Рау, Бетманъ, Гольвега и Морошкина, высказалъ свой взглядъ на владѣніе и свое мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ. Въ іюнѣ 1842 года К. Д. Кавелинъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи помощникомъ столоначальника, но въ 1844 году оставилъ службу въ Министерствѣ Юстиціи, выдержалъ экзаменъ на магистра гражданскаго законовѣдѣнія и поступилъ въ Московскій университетъ адъюнктомъ для преподаванія исторіи русскаго законодательства. Диссертація, представленная имъ на степень магистра, подъ заглавіемъ: «*Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ*», была въ свое время полнымъ критическимъ изслѣдованіемъ по этому предмету. Преподавая въ Московскомъ университетѣ исторію русскаго законодательства, К. Д. Кавелинъ написалъ въ 1846 году статью, подъ заглавіемъ: «*Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*», напечатанную въ № 1 Современника за 1847 годъ, и въ томъ же журналѣ «*Отвѣтъ Москвитянину*» на рецензію г. М. З. К., помѣщенную на эту статью во второмъ номерѣ «Москвитянина». Во время пребыванія своего въ университетѣ, К. Д. Кавелинъ написалъ еще нѣсколько критическихъ статей по части русской исторіи и права, а въ сентябрѣ 1848 года онъ оставилъ Московскій университетъ и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ редакторомъ городскаго отдѣленія въ хозяйственномъ департаментѣ. Въ августѣ 1850 года оставилъ министерство и принялъ на себя обязанности начальника воспитательнаго отдѣленія въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній; въ 1853 году занялъ должность начальника отдѣленія въ канцеляріи комитета министровъ. Въ маѣ 1857 года поступилъ въ С. Петербургскій университетъ на каѳедру россійскихъ гражданскихъ законовъ; съ сентября того-же года по апрѣль 1858 года состоялъ при покойномъ Государѣ Наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ преподавателемъ законовѣдѣнія. Вслѣдствіе усиленныхъ занятій здоровье К. Д. Кавелина разстроилось и онъ долженъ былъ въ 1859 г. отправиться лѣчиться заграницу, а въ ноябрѣ 1861 года оставилъ каѳедру въ С. Петербургскомъ университетѣ. Въ 1862 и 1863 годахъ К. Д. Кавелинъ, не состоя на службѣ, путешествовалъ по порученію министра народнаго просвѣщенія Т. С. Головнина за границей для изученія устройства учебныхъ заведеній Франціи, Швейцаріи и Германіи; а въ 1864 году поступилъ снова на службу по министерству финансовъ. Сочиненія К. Д. Кавелина изданы въ 1859 году въ Москвѣ въ четырехъ томахъ, К. Т. Солдатенковымъ и Н. Щепкинымъ. Въ это собраніе вошли названныя выше сочиненія и, кромѣ ихъ, критическія статьи числомъ до тридцати, разныя разсужденія, относящіяся къ народному быту, повѣрьямъ и праздникамъ, и мелкія статьи и рѣчи. Изъ критическихъ статей, девятнадцать помѣщены въ Отечественныхъ Запискахъ, начиная съ 1845 по 1856 годъ. Въ этихъ критикахъ разсмотрѣны слѣдующія сочиненія: «*Симбирскій Сборникъ*, *Валуева*», 1845 г., «*Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ*» Соловьева, 1845 г. «*Сборникъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ*» Валуева, 1845 г. «*О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси*» С. Соловьева, 1846 г. «*Изслѣдованія о русской правдѣ*» Н. Калачова, 1846 г. «*Историко-критическіе отрывки*» Погодина, 1846 г. «*Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи*» Погодина, 1846 г. «*Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета*», 1847 г. «*Изслѣдованія, относящіяся до древней русской исторіи*» Круга, 1848 г. «*Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси*» А. Тюрина, 1850 г. «*Архивъ*» Н. Калачова, 1850 г. «*Описаніе архива старыхъ дѣлъ*» Иванова, 1850 г. «*О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра I*» В. Шульгина, 1850 г. «*Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова*» П. Павлова, 1850 г. «*Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи*» К. Троцины, 1851 г. «*Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ*» С. Соловьева, 1851 г. «*Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*» Б. Чичерина, 1856 г., и друг. Девять критическихъ статей К. Д. Кавелина помѣщены въ Современникѣ съ 1846 по 1849 годъ: «*Взглядъ на русскую литературу по части русской исторіи*», 1846 г., «*Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ*», 1847 г. «*Исторія отношеній между русскими князьями*» С. Соловьева, 1847 г. «*О вотчинахъ и помѣстьяхъ*» Лакіера, 1848 г. «*Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649*

г.» И. Михайлова, 1848 г. «*Бытъ русскаго народа*» А. Терещенки, 1848 г., и друг. Кромѣ этихъ рецензій и критикъ были напечатаны, но не вошли въ собраніе его сочиненій, три рецензіи напечатанныя въ Отечественныхъ Запискахъ: «*Текстъ Русской Правды*» Н. Калачова; «*Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей*» Полѣнова; «*Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго*» К. Н. Оболенскаго, и двѣ рецензіи напечатанныя въ Современникѣ: «*Семисотлѣтіе Москвы*» Хавскаго, и «*Древній и нынѣшній Переяславль-Залѣскій*» С. Ростиславича. Сверхъ сего, въ собраніе сочиненій К. Д. Кавелина вошли слѣдующія его статьи и рѣчи: «Нѣкоторыя извлеченія изъ собираемыхъ въ Императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ этнографическихъ матеріаловъ о Россіи, съ замѣтками о ихъ многосторонней занимательности и пользѣ для науки»; — «Нѣсколько словъ о примѣтахъ»; — «О подрядахъ и поставкахъ»; «Соображенія о предметахъ занятій, цѣли и способахъ дѣйствія Императорскаго вольнаго экономическаго общества»; «Ремесленная Богадельня и вообще управленіе ремесленнымъ сословіемъ въ С.-Петербургѣ»; «Слуга», современный физіологическій очеркъ; «Петръ Васильевичъ Кирѣевскій»; «Александръ Андреевичъ Ивановъ», и три рѣчи: «Рѣчь, произнесенная гг. студентамъ С.-Петербургскаго университета въ 1857 г. предъ открытіемъ курса гражданскаго права»; «Рѣчь произнесенная на обѣдѣ въ Москвѣ 28 декабря 1857 г.» и «Рѣчь, произнесенная въ С. Петербургѣ на обѣдѣ 12 января 1858 г., въ память основанія Московскаго университета». Послѣ выхода полнаго собранія сочиненій К. Д. Кавелина, напечатаны имъ въ разныхъ изданіяхъ: «*Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законно-наслѣдованія и сравненіе теперешняго законодательства объ этомъ предметѣ съ римскимъ, французскимъ и прусскимъ*»; «*Взглядъ на русскую сельскую общину*»; «*О земскихъ учрежденіяхъ*»; «*Что есть Гражданское Право и гдѣ его предѣлы*»? Рядъ статей объ устройствѣ учебныхъ заведеній и о германскихъ и швейцарскихъ университетахъ; «*Дворянство и освобожденіе крестьянъ*»; издано особою брошюрой заграницею; «*Письма изъ деревни*»; «*Мысли и замѣтки о Русской Исторіи*» и разныя мелкія статьи.

КОСТОМАРОВЪ, Николай Ивановичъ, русскій ученый писатель и знаменитый поборникъ критическаго метода въ изслѣдованіяхъ по части русской исторіи. Родился въ 1817 году 4-го мая, въ острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ сперва въ одномъ изъ частныхъ московскихъ пансіоновъ, потомъ въ частномъ пансіонѣ въ Воронежѣ и наконецъ въ воронежской гимназіи. Всѣ почти эти заведенія, въ тѣ времена, не представляли благопріятныхъ условій для полученія хорошаго воспитанія. Въ 1836 году, Н. И. Костомаровъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ по словесному факультету. По окончаніи университета со степенью кандидата, Н. И. Костомаровъ провелъ нѣсколько лѣтъ безъ службы, живя большею частію въ Харьковѣ, исключая нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, которые проживалъ или въ маленькомъ имѣніи своей матери, или близъ Харькова. Въ эти годы, проведенные безъ службы, Н. И. Костомаровъ съ жаромъ занимался изученіемъ малороссійской народности и началъ писать на малороссійскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Въ 1838 году издалъ первыя свои драматическія сцены, подъ заглавіемъ: «*Савва Чалый*». Вслѣдъ за симъ, въ 1839 году, онъ напечаталъ свои стихотворенія подъ заглавіемъ: «*Украинскія баллады*»; а въ 1840 году издалъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ: «*Вітка*». Кромѣ того въ этомъ же году въ сборникахъ: «*Снѣпъ*» и «*Молодикъ*», издаваемыхъ Корсуномъ и Бецкимъ, Н. И. Костомаровъ помѣстилъ въ первомъ свою трагедію: «*Переяславська нічъ*» и переводы еврейскихъ мелодій изъ Байрона, а въ послѣднемъ историческія монографіи: *О Наливайкѣ и Князьяхъ Острожскихъ* и *Взглядъ на тогдашнюю малороссійскую литературу*. Въ тоже время Н. И. Костомаровъ занимался и исторіею вообще, и въ 1840 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра историческихъ наукъ. На слѣдующій годъ онъ представилъ диссертацію: «*О характерѣ уніи въ западной Россіи*»; но предъ самимъ защищеніемъ, эта диссертація не понравилась преосвященному Иннокентію, извѣстному нашему витіи, и вслѣдствіе этого г. министромъ народнаго просвѣщенія была уничтожена, а Н. И. Костомаровъ получилъ дозволеніе написать другую диссертацію, каковую скоро и представилъ, подъ заглавіемъ: «*Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи*», гдѣ доказывалъ важность для исторіи изученія народныхъ памятниковъ, съ цѣлію уразумѣть взглядъ народа на себя и на все его окружающее. Получивъ степень магистра, Н. И. Костомаровъ, въ 1844 году, навсегда оставилъ Харьковъ и поселился на Волыни, гдѣ принялся за изученіе тамошней народности и собралъ значительное число пѣсенъ, изъ которыхъ многія были напечатаны Мордовцовымъ въ его Сборникѣ, въ 1852 году. Въ тоже время Н. И. Костомаровъ занимался обозрѣніемъ мѣстностей, ознаменованныхъ событіями изъ эпохи гетмана Хмельницкаго, исторію котораго онъ началъ писать съ 1844 года. Въ 1845 году онъ поселился въ Кіевѣ и вскорѣ избранъ былъ единогласно тамошнимъ университетомъ на каѳедру русской исторіи. Съ 1848 по 1856 годъ жилъ онъ безвыѣздно въ Саратовѣ, гдѣ занимался, по возможности, русскою исторіею, а также мѣстною этнографіею. Съ 1856 по 1859 годъ онъ проживалъ то въ Петербургѣ, то за границею. Въ 1859 году С. Петербургскій университетъ пригласилъ его занять каѳедру русской исторіи, оставшуюся послѣ Н. Г. Устрялова вакантною. Кромѣ указанныхъ выше сочиненій Н. И. Костомаровымъ напечатаны еще слѣдующія: въ 1846 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» помѣщена его статья «*Мысли объ исторіи Малороссіи*», въ 1847 году издано отдѣльною книжкою въ Кіевѣ его сочиненіе подъ заглавіемъ «*Славянская Миѳологія.*» Съ 1848 по 1855 годъ литературная дѣятельность Н. И. Костомарова пріостановилось по независѣвшимъ отъ него причинамъ. Но за то послѣ этого времени не проходило ни одного года, въ который не было-бы что-нибудь напечатано изъ его сочиненій. Въ 1855 году онъ помѣстилъ въ Москвитянинѣ «*Гетманъ Свиговскій*», а въ 1856 году въ Современникѣ — «*Горе-Злочастіе*», древне-русское стихотвореніе и «*Миѳическое значеніе Горя-Злочастія*». — Въ этомъ же и въ 1857 годахъ въ Отечественныхъ Запискахъ напечатаны его монографіи: «*Борьба украинскихъ казаковъ съ Польшею до Богдана Хмельницкаго*». «*Богданъ Хмельницкій*» и рецензія Записокъ о Южной Руси — Кулиша. Въ 1857 же году въ Современникѣ напечатана его обширная монографія: «*Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ*» и «*Могильныя преданія*». Въ 1858 году были помѣщены Н. И. Костомаровымъ въ Отечественныхъ За-

пискахъ его монографіи: «*Бунтъ Стеньки Разина*», а въ Современникѣ — рецензія его на романъ Кулиша «*Чорна Рада*». Въ 1859 году изданы книгопродавцемъ Кожанчиковымъ отдѣльными книгами: «Богданъ Хмельницкій» и «Бунтъ Стеньки Разина». Въ томъ же году Н. И. Костомаровъ помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ: *Рецензію Архива Юго-западной Россіи* и *Замѣчанія по поводу брошюры: «Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ Сельское духовенство»*; — въ Современникѣ — «*Замѣчанія по поводу статьи г. Соловьева, напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ, о казакахъ*»; — въ Русскомъ Словѣ — «*Вступительную лекцію, читанную имъ въ С. Петербургскомъ университетѣ*», и въ Архивѣ Н. В. Калачева — «*Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?*»; рецензію книги Ламанскаго о Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи и «*Сынъ*» — разсказъ изъ временъ XVII вѣка, въ которомъ въ повѣствовательной формѣ представлены черты нравовъ, обычаевъ и домашняго быта русскихъ XVII вѣка. Въ 1860 году въ Современникѣ были помѣщены, его монографія: «*Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ*», «*Легенда о Кровосмѣсителѣ*» и «*Начало Руси*». Послѣдняя статья, гдѣ, въ противность общему мнѣнію о норманскомъ происхожденіи варяго-руссовъ, доказывается, что они пришли изъ Прусской Жмуди, возбудила оппозицію со стороны М. П. Погодина, который вызвалъ Н. И. Костомарова на публичный ученый поединокъ, состоявшійся 19 марта 1860 года въ залѣ С. Петербургскаго университета. Въ этомъ же году въ майской книжкѣ Русскаго Слова помѣщена его статья: *Русскіе инородцы (I. Литовское племя и отношенія его къ русской исторіи)*. Въ 1861 году въ журналѣ Основа помѣщена Н. И. Костомаровымъ его монографія: «*Гетманство Выговскаго*», изданная въ 1862 году отдѣльною книгою. Въ 1862 же году помѣщены его статьи: въ Основѣ — «*Правда Полякамъ о Руси*» и «*Правда москвичамъ о Руси*», «*О преподаваніи на южно-русскомъ языкѣ*», «*Іудеямъ*», «*Христіанство и Кріпацство*», «*Загадка*», «*Черты южно-русской исторіи*», и въ Отечественныхъ Запискахъ: «*Значеніе Великаго Новгорода въ исторіи Россіи*», «*Иванъ Сусанинъ*», «*Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ*». Кромѣ того, въ этомъ же году издана отдѣльною книгою его историческая драма: «*Кремуцій Кордъ*» и «*Лекціи по русской исторіи. Часть 1-я. Вступительная лекція и лѣтописи*». Въ 1863 году изданы книгопродавцемъ Кожанчиковымъ замѣчательное сочиненіе Н. И. Костомарова: «*Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада*» и его «*Историческія монографіи и изслѣдованія*». Въ этомъ послѣднемъ изданіи помѣщены: Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси; Черты народной русской исторіи; Двѣ русскія народности; Мистическая повѣсть о Нифонтѣ; Легенда о Кровосмѣсителѣ; Значеніе В. Новгорода въ исторіи Россіи; Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?; Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ; Иванъ Сусанинъ; Гетманъ Ив. Свирговскій; Гетманство Выговскаго; Бунтъ Стеньки Разина, и замѣчанія по поводу брошюры «Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ Сельское духовенство». Въ 1864 году появились новыя историко-критическія изслѣдованія Н. И. Костомарова: «*Кто былъ первый Лжедмитрій?*» и «*Ливонская война*». Послѣднее было помѣщено въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ этомъ же году въ приложеніяхъ къ мѣсяцеслову, издаваемому Академіею Наукъ, помѣщена обширная монографія Н. И. Костомарова: «*Куликовская битва*». Въ 1865 году напечатаны его историческія изслѣдованія: «*Южная Русь въ концѣ XVI вѣка*» и «*Повѣсть объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ въ 1612 году и избраніе царя Михаила*»; наконецъ въ 1866 году въ журналѣ Вѣстникъ Европы помѣщена обширная историческая монографія Н. И. Костомарова: «*Смутное время Московскаго государства*».

БАРАТЫНСКІЙ (правильнѣе Боратынскій), Евгеній Абрамовичъ, русскій поэтъ. Родился 19 февраля 1800 года, въ помѣстьѣ отца, генералъ-адъютанта Абрама Андреевича Боратынскаго, Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Вяжлѣ, пожалованномъ Абраму Андреевичу императоромъ Павломъ *). Мать поэта, Александра Ѳедоровна, урожденная Черепанова, была одна изъ лучшихъ воспитанницъ Смольнаго монастыря и, по выпускѣ оттуда, поступила фрейлиной къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. — Первоначальное дѣтское воспитаніе Евгеній Абрамовичъ получилъ дома, при матери. Онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ лишился отца. Первымъ дядькой его былъ италіянецъ Боргезъ, который умеръ, принявъ православную вѣру, и похороненъ въ оградѣ церковной села Вяжли. Къ нему относится посланіе: «*Дядькѣ италіянцу*», написанное поэтомъ, за двѣ недѣли до своей кончины, въ Неаполѣ. Лѣтъ двѣнадцати, — Баратынскій былъ помѣщенъ въ нѣмецкій пансіонъ въ С.-Петербургѣ, откуда, черезъ полгода, поступилъ въ пажескій корпусъ. Онъ сожалѣлъ впослѣдствіи, что не пробылъ долѣе въ нѣмецкомъ пансіонѣ, гдѣ только-что начиналъ говорить по нѣмецки. За незнаніемъ этого языка, онъ былъ помѣщенъ въ пажескомъ корпусѣ въ классъ, не соотвѣтствовавшій прочимъ его познаніямъ, и потому имѣлъ много свободнаго времени. Около 1815 года, онъ былъ исключенъ, вмѣстѣ съ другимъ пажемъ Х, изъ пажескаго корпуса, съ запрещеніемъ быть опредѣленными въ службу, развѣ, по желанію, въ военную рядовыми. Въ письмѣ къ Жуковскому, ходатайствовавшему за него, поэтъ входитъ въ подробности обстоятельствъ, навлекшихъ на него это строгое наказаніе. Изъ этого письма видно, что когда вступилъ онъ въ кругъ товарищей, бывшихъ не на лучшемъ счету въ заведеніи, нарушавшихъ правила корпусной дисциплины, въ чаду раздраженнаго ребяческаго воображенія, проступки ихъ представлялись Баратынскому не въ томъ свѣтѣ, въ которомъ онъ увидѣлъ ихъ впослѣдствіи. Заблужденія его въ эти школьническіе годы тягостно повліяли на судьбу его. Мысль о томъ, съ какою строгостью общественное мнѣніе могло поразить эти корпусныя проказы, тревожила его всю жизнь: «Я сто разъ былъ готовъ лишить себя жизни», пишетъ онъ къ Жуковскому; но глубокая привязанность его къ матери, материнская нѣжность ея къ нему, врожденныя теплота и благородство чувствъ, проявлявшіяся столько же въ его жизни, сколько въ произведеніяхъ поэзіи, возвратили бодрость душѣ его. До достиженія совершенныхъ лѣтъ для вступленія въ службу, Евгеній Абрамовичъ жилъ, частью у своей матери, частью у дяди, брата отца, адмирала Богдана Андреевича Боратынскаго (Смоленской губерніи, Бѣльскаго уѣзда),

(*) Въ запискахъ Вигеля: «Русскій Вѣстникъ» 1864 г. январь, т. 49, стр. 312, упоминается объ Абрамѣ Андреевичѣ Боратынскомъ.

въ сельцѣ Подвойскомъ, къ которому относится стихотвореніе, начинающееся стихами:

«Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцевъ,
«Дубравы мирныя, священный сердцу кровъ!»

Евгеній Абрамовичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, около 1818 года, опредѣляться въ службу (какъ самъ разсказывалъ, съ мадригаломъ въ карманѣ), и былъ опредѣленъ сначала рядовымъ въ гвардейскій егерскій полкъ, 1819 года. Онъ тогда познакомился съ барономъ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ. Меланхолическая прелесть и эллинская грація идиллической музы Дельвига, вполнѣ русской въ народныхъ его стихотвореніяхъ, такъ привлекательно облекавшей простонародный языкъ въ свойственныя ему поэтическія формы, не могли не возбудить глубокаго восторга въ душѣ Баратынскаго; взаимное уваженіе скрѣпило ихъ дружбу. Дельвигъ, котораго Баратынскій, въ поэмѣ «Пиры, называетъ:

«Мой братъ по музамъ и по лѣни,»

первый оцѣнилъ талантъ его. Дружба съ Дельвигомъ была величайшимъ утѣшеніемъ для Евгенія Абрамовича въ злополучіяхъ его молодости: «Ты помнишь-ли,» говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій къ нему:

«   съ какой судьбой суровой
«Боролся я, почти лишенный силъ?
«Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
«Надеждою возвышенной и новой:
«Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ;
«Дѣля досугъ межъ ими и тобою,
«Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
«И передъ ней унизился душою?»

Первыя стихотворенія поэта начали появляться около 1819 года; они были напечатаны Дельвигомъ безъ вѣдома его. Къ числу стихотвореній, появившихся въ этомъ году, принадлежитъ:

«Взгляните; свѣжестью младой,
«И въ осень лѣтъ она плѣняетъ,
«И у нея, летунъ сѣдой,
«Ланитныхъ розъ не похищаетъ;
«Самъ побѣжденный красотой,
«Глядитъ — и путь не продолжаетъ!»

Это стихотвореніе написано къ родной теткѣ поэта, Марьѣ Андреевнѣ Панчулидзевой, урожденной Баратынской, оно было напечатано 1819 года, «въ Благонамѣренномъ.» Въ томъ же году, «въ Сынѣ Отечества, помѣщено посланіе къ Дельвигу:

«Такъ, любезный мой Горацій,
«Такъ, хоть радъ, хотя не радъ,
«Но теперь я Музъ и Грацій
«Промѣнялъ на вахтпарадъ.»

Хотя новое литературное поприще, на которое вступалъ Баратынскій, улыбалось ему, однако онъ испыталъ тягостное впечатлѣніе, когда въ первый разъ увидѣлъ свои стихотворенія и свое имя напечатанными. Въ это же время, въ Петербургѣ, Евгеній Абрамовичъ познакомился съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, съ Кюхельбекеромъ, ближе чѣмъ съ прочими; но ни онъ, ни Дельвигъ не были посвящены въ тайны существовавшаго уже тогда политическаго общества, хотя Баратынскій со всѣмъ увлеченіемъ, свойственнымъ молодости, сочувствовалъ тому, что заключается великодушнаго въ обширномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ значеніи слова: «*свобода*». Вотъ нѣсколько стиховъ на эту тему, изъ импровизаціи его, на одномъ изъ ужиновъ этой молодежи:

«Съ неба чистая, золотистая
«Къ намъ слетѣла ты,
«Все прекрасное, все опасное
«Намъ пропѣла ты.»

Судьба рано разъединила его съ этими товарищами его первой молодости, какъ сказано имъ:

«Я братьевъ зналъ; но сны младые
«Соединили насъ на мигъ:
«Далече странствуютъ иные
«И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.»

Въ 1820 году, при производствѣ въ унтеръ-офицеры, Евгеній Абрамовичъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, расположенный въ укрѣпленіи Кюмени и окрестностяхъ его, въ Финляндіи. Въ командирѣ этого полка, полковникѣ Лутковскомъ, Евгеній Абрамовичъ нашелъ стариннаго пріятеля своего семейства, чрезвычайно къ нему расположеннаго, очень имъ любимаго и къ которому онъ тамъ еще болѣе привязался. Къ нему относится посланіе:

«Влюбился я, полковникъ мой,
«Въ твои военные разсказы.»

Къ концу своего пребыванія въ Финляндіи, въ 1824 году, Баратынскій познакомился съ Н. В. Путятой (*), который былъ тогда адъютантомъ у графа А. А. Закревскаго, финляндскаго генералъ-губернатора. Осенью 1824 года, съ разрѣшенія графа, Евгеній Абрамовичъ находился нѣсколько мѣсяцевъ при корпусномъ штабѣ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ онъ ближе познакомился и тѣсно подружился съ Путятой. Финляндія внушила Баратынскому многія стихотворенія; тамъ, между прочимъ, написаны имъ: «*Финляндія*» и поэма «*Эда*.»

Весной 1825 г., Евгеній Абрамовичъ былъ произведенъ въ офицеры, и вскорѣ потомъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ женился, 9 іюня 1826 г., на старшей дочери генералъ-маіора Льва Николаевича Энгельгардта (**), Настасьѣ Львовнѣ. Баратынскій поступилъ въ Москвѣ на службу въ межевую канцелярію, но не долго въ ней прослужилъ и вскорѣ вышелъ въ отставку. Послѣ женитьбы онъ большею частью жилъ въ Москвѣ, хотя часто отлучался оттуда. Въ тридцатыхъ годахъ, болѣе года прожилъ въ Казани, куда, въ это же время, пріѣзжалъ Пушкинъ, собиравшій матеріялы для исторіи Пугачевскаго бунта. Въ Казани, Баратынскій получилъ горестную вѣсть о кончинѣ Дельвига. Живя въ Москвѣ, поэтъ поддерживалъ свои сношенія съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Плетневымъ, кн. П А. Вяземскимъ. Случалось Пушкину и Вяземскому бывать въ Москвѣ, но Плетневъ, въ это время, жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ. Извѣстіе о кончинѣ Пушкина, убитаго на дуэли въ 1837 году, застало Баратынскаго въ Москвѣ. Зимою 1839 года, онъ ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ. Съ осени 1839 по осень 1843 года, поэтъ жилъ съ семействомъ постоянно въ деревнѣ, одинъ годъ въ Тамбовской губерніи, въ селѣ Вяжлѣ, у своей матери, а остальное время въ подмосковной, въ сельцѣ Мурановѣ. Тамъ издано имъ собраніе нѣко-

(*) Н. В. Путято впослѣдствіи женился на родной сестрѣ поэта.
(**) Записки котораго, изданныя Н. В. Путятой, были напечатаны, въ первый разъ, въРусскомъ Вѣстникѣ 1859 г. книгахъ: 1, 2, 4, 14 и 23.

торыхъ стихотвореній, подъ названіемъ «*Сумерекъ*», 1842 г., передѣлана поэма «*Цыганка*» (которая однако не была въ то время напечатана въ исправленномъ видѣ), написано нѣсколько новыхъ стихотвореній: «*При посылкѣ Сумерекъ С. Н. Карамзиной*», «*Память поэту*», «*Мои перуны*», «*Спасибо злобѣ хлопотливой*», «*На посѣвъ лѣса*», «*Молитва*». Осенью 1843 года, онъ осуществилъ давнишнее желаніе свое, предпринялъ путешествіе за границу. Несправедливо, какъ утверждали въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, что это путешествіе было предпринято поэтомъ по причинѣ разстроеннаго здоровья; онъ въ то время не былъ боленъ и былъ вообще крѣпкаго сложенія. Послѣ зимы, проведенной въ Парижѣ, весною 1844 года Евгеній Абрамовичъ отправился чрезъ Марсель въ Неаполь. Италія, болѣе всѣхъ прочихъ странъ, привлекала его. Живые разсказы о ней дядьки италіянца, о которомъ уже было говорено, сильно запечатлѣлись въ его дѣтскомъ воображеніи. Ея историческія воспоминанія, роскошная природа и памятники искусствъ всегда манили его къ себѣ: однажды, въ Москвѣ, онъ воскликнулъ экспромптомъ:

«Небо Италіи, небо Торквата,
«Прахъ поэтическій древняго Рима,
«Родина нѣги, славой богата,
«Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
«Рвется душа нетерпѣньемъ объята
«Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима.
«Снятся мнѣ горы, лѣса благовонны;
«Снятся упадшихъ чертоговъ колонны.»

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, Баратынскій былъ боленъ. Парижскій докторъ не совѣтовалъ ему ѣхать въ Неаполь, опасаясь вреднаго на него вліянія неаполитанскаго климата. Эти опасенія, по видимому, не были безъ основанія. Евгеній Абрамовичъ былъ склоненъ къ сильнымъ головнымъ болямъ. Безпокойство объ исходѣ болѣзни жены, заболѣвшей незадолго до кончины его, вѣроятно также способствовало къ усиленію оказавшейся у него, при этомъ случаѣ, головной боли; на другой день послѣ появленія ея, рано утромъ, онъ почувствовалъ стѣсненіе дыханія и, до прибытія доктора, скончался скоропостижно 29 іюня (11 іюля), въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 44 лѣтъ отъ роду. Тѣло покойнаго перевезено въ Петербургъ. — Поэтъ погребенъ 30 августа 1845 года въ Александроневскомъ монастырѣ, на такъ называемомъ Лазаревомъ кладбищѣ, близъ гробницъ Гнѣдича и Крылова. — Стихотворенія Е. А. Баратынскаго вышли въ печати двумя изданіями: первое собраніе ихъ появилось въ 1827 году, второе 1835 года. Отдѣльными книжками напечатаны поэмы: «Эда» и «Пиры» С. П. 1826 года, «Балъ», съ графомъ Нулинымъ Пушкина. С. П. 1828 года, поэма: «Наложница» (впослѣдствіи названная «Цыганкою»). М. 1831 года, съ замѣчательнымъ предисловіемъ: Объ условіяхъ нравственности литературныхъ произведеній. «Сумерки» М. 1842 года. Послѣднія стихотворенія поэта были помѣщены въ Современникѣ: 1843, 44 и 45 годовъ. Онъ мало писалъ прозою и охотнѣе выражалъ свои мысли стихами. Изъ прозаическихъ его произведеній, кромѣ переводовъ, можно назвать журнальную статью, подъ заглавіемъ: «О заблужденіяхъ и истинѣ» напечатанную въ Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія 1821 года стр. 25, и двѣ повѣсти: «Исторія кокетства», напечатанную въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1825 года и «Перстень», помѣщенную въ журналѣ «Европеецъ» 1831 года. — Баратынскій принадлежитъ къ числу образцовыхъ, своеобразныхъ нашихъ поэтовъ: лучшіе представители отечественной поэзіи и опытные цѣнители искусства: Дельвигъ, Плетневъ, Жуковскій, Пушкинъ и др., высоко ставили его какъ поэта. Общій голосъ присвоиваетъ ему названіе: «элегика». — Въ настоящее время не распредѣляютъ стихотворныхъ произведеній по родамъ. Къ тому же, элегизмъ часто переходитъ въ лиризмъ и на оборотъ, а элегіи Баратынскаго преисполнены, въ высшей степени, — пѣвучести и лирическаго настроенія. Нѣкоторые упрекали его въ частой передѣлкѣ стиховъ уже напечатанныхъ и имѣвшихъ успѣхъ; замѣчено однако, что многія стихотворенія, имъ передѣланныя, являлись въ печати съ новымъ оттѣнкомъ мысли и получали чрезъ это характеръ совершенно свѣжихъ произведеній. Передѣлывая свои стихотворенія Евгеній Абрамовичъ обыкновенно многое выкидывалъ изъ нихъ. Отличаясь сжатостью формы и выраженія, по внутреннему содержанію, произведенія его носятъ на себѣ отпечатокъ двойственной природы человѣка: воспріимчивая впечатлительность, порывы страсти и пылъ воображенія, соединены въ нихъ съ умомъ аналитическимъ, съ дѣятельностью пытливаго мышленія. «Баратынскій», говоритъ Плетневъ, «преимуще-«ственно входилъ въ объясненіе загадочныхъ явленій души, «противорѣчія страстей, борьбы желаній; словомъ всего, что «ближе и естественнѣе относится къ умственной сферѣ чело-«вѣка, безпрестанно мыслящаго и собственными ощущеніями «повѣряющаго сокровенныя движенія другихъ» (*). Въ произведеніяхъ поэта нѣтъ какой-либо предзаданной себѣ, нравственной цѣли, нравственное ихъ значеніе вытекаетъ изъ нравственнаго источника его вдохновеній; чувство, у него, преобладаетъ надъ чувственными впечатлѣніями, дума осмысливаетъ ощущенія. Въ немъ видно стремленіе разгадать таинственное значеніе жизни и смерти, проникнуть священные виды Провидѣнія; но въ этомъ кругѣ мышленія скептицизмъ ума его уступаетъ убѣжденіямъ сердца, онъ преклоняется передъ премудростію Промысла, и въ этомъ, между прочимъ, элегическое настроеніе его существенно разнится съ увлекавшимъ въ то время элегическимъ настроеніемъ Байрона. Смерть представляется ему необходимымъ условіемъ для гармоніи мірозданія, онъ чаетъ найти въ ней разрѣшеніе всѣхъ нашихъ недоумѣній, — сомнѣнія и ропотъ разсудка усмирены въ немъ вѣрой, что

«Тамъ, за могильнымъ рубежемъ,
«Сіяетъ день незаходимый
«И оправдается Незримый
«Предъ нашимъ сердцемъ и умомъ.»

Однажды спросили у Евгенія Абрамовича: что такое поэзія? — онъ отвѣчалъ: «поэзія есть полное ощущеніе извѣстной минуты». Въ стихотвореніи «*Финляндія*», поэтъ говоритъ:

«Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
«Какъ я принадлежу мгновенью!

«Что нужды до былыхъ, иль будущихъ племенъ?
«Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами,
«Я, невнимаемый, довольно награжденъ
«За звуки звуками, а за мечты мечтами».

(*) *Евгеній Абрамовичъ Баратынскій*. Статья Плетнева. Современникъ 1844 г. XXXV, № 9.

Литературная дѣятельность Евгенія Абрамовича, какъ мыслителя и поэта, не могла не вызвать полемики. Противъ него, въ особенности, высказывался Бѣлинскій. Полемика, вызванная сочиненіями писателя, свидѣтельствуетъ о его заслугахъ: она — несомнѣнный признакъ умственной дѣятельности ими возбужденной. — Въ этой борьбѣ мысли обнаруживается движеніе.

Дружининъ, Александръ Васильевичъ, русскій писатель. Родился въ 1825 г., первоначально воспитывался дома, потомъ въ частномъ пансіонѣ, наконецъ въ пажескомъ корпусѣ, изъ котораго въ 1844 г. выпущенъ лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ прапорщикомъ, съ 1847 г. служилъ въ канцеляріи военнаго министра, а въ 1851 г. вышелъ въ отставку, какъ по причинѣ своего не совсѣмъ крѣпкаго здоровья, такъ и въ видахъ посвященія себя дѣятельности исключительно литературной. Послѣдняя, впрочемъ, началась еще когда Дружининъ состоялъ на службѣ: въ декабрьской книжкѣ «Современника» 1847 г. явилась его первая повѣсть *Полинька Саксъ* — произведеніе, заинтересовавшее публику, привѣтствованное критикою, введшее автора въ литературный кругъ и съ разу показавшее въ Дружининѣ бельлетриста, отъ котораго надлежало ожидать впереди еще болѣе. Ожиданія эти однако не сбылись, потому что ни *Разсказъ Алексѣя Дмитріевича* въ «Современникѣ» 1848 г., ни повѣсть *Жюли* въ «Современникѣ» 1849 г., принадлежащіе тому же Дружинину, далеко не могутъ равняться съ его *Полинькой Саксъ*, хотя въ *Жюли*, превосходящей *Полиньку Саксъ* и объемомъ, встрѣчается не мало мѣстъ, написанныхъ художнически. Рядъ послѣдовавшихъ за тѣмъ, въ теченіе 1850—1855 гг., произведеній Дружинина: — *Докторъ и Паціентъ*; *Собраніе писемъ, дневниковъ и разсказовъ*; *Фрейлейнъ-Вильгельмина*; *Исторія одной картины*; *Легенда о кислыхъ водахъ* — хотя и печатался въ «Современникѣ», журналѣ, любимомъ публикою, но не производилъ особеннаго впечатлѣнія на публику, вкусъ которой, привыкая болѣе и болѣе къ жизненности, правдивости и, такъ сказать, пластичности произведеній Тургенева, Гончарова, Писемскаго, уже не могъ удовлетворяться искуственностью и вымысломъ повѣстей Дружинина, увлекательныхъ единственно художественностью изложенія. — Скоро сознавъ эту истину, Дружининъ не упорствовалъ въ состязательствѣ съ борцами, болѣе, чѣмъ онъ, сильными, и, руководимый свойственнымъ ему тактомъ, не замедлилъ обратиться въ другую область литературы, менѣе обработанную, но не менѣе другихъ достойную обработки. Тогда-то, и именно съ 1850 г., началось въ томъ же «Современникѣ» печатаніе новаго ряда статей Дружинина, подъ общимъ названіемъ *Галлереи замѣчательнѣйшихъ романовъ старыхъ и новыхъ временъ*, съ біографическими свѣдѣніями объ авторахъ. На этотъ разъ, Дружининъ поставилъ себѣ задачей ознакомить русскую публику съ исторіей и перипетіями новѣйшаго романа отъ временъ рыцарства до временъ полнѣйшей реакціи притворно-плаксиваго тона эпохи XVII—XVIII в., что онъ почти и выполнилъ въ своихъ пяти статьяхъ: *Кларисса Гарловъ*, *Векфильдскій священникъ*, *Исторія маленькаго Жана де Сентре и дамы его сердца*, *Лѣсъ или Сенъ-Клерское аббатство*, *Романъ госпожи Анны Ратклифъ и Романы Бальзака*. Одновременно съ появленіемъ начала этой «Галлереи», Дружининъ помѣстилъ въ «Современникѣ» слегка ученую статью *О современной критикѣ во Франціи* и, въ томъ же журналѣ, началъ дебютировать какъ фельетонистъ, подписывая свои игривыя статейки (genre) псевдонимомъ Иванъ Чернокнижниковъ, перенесеннымъ впослѣдствіи и въ «Библіотеку для Чтенія», и въ «Вѣкъ». — Затѣмъ, увлекаемый давними симпатіями преимущественно къ англійской поэзіи и словесности, Дружининъ украсилъ «Библіотеку для Чтенія» 1851 — 1852 гг. нѣсколькими статьями, подъ заглавіемъ: *Джонсонъ и Босвель*, *Картина британскихъ литературныхъ нравовъ во второй половинѣ XVIII вѣка*, и далъ въ «Отечественныя Записки» 1853 г. рядъ статей о *Вальтер-Скоттѣ*, при чемъ тогда же написалъ для «Современника» прекрасную біографію своего друга, извѣстнаго жаприста П. А. Өедорова, и тамъ же началъ печатать *Письма иногороднаго подписчика о русской журналистикѣ*, первый опытъ своего критическаго таланта. — Явившись съ этими «Письмами» въ самую глухую пору внутренняго развитія русскаго общества, Дружининъ, полу-шутливымъ, полу-серьезнымъ, но какъ нельзя болѣе ловкимъ ихъ содержаніемъ и изложеніемъ, до такой степени съумѣлъ поддержать ослабѣвшій и притупившійся вкусъ русской публики къ литературѣ вообще и отечественной въ особенности, что «Письма иногороднаго подписчика» всѣми читались съ удовольствіемъ, всѣхъ занимали одинаково, съ нихъ начиналось разрѣзываніе получаемыхъ книжекъ «Современника» и имя Дружинина, хотя не выставленное подъ «Письмами», тѣмъ не менѣе сдѣлалось извѣстнымъ и симпатичнымъ для образованныхъ кружковъ во всѣхъ концахъ Россіи. — Эта заслуга Дружинина, какъ дѣятеля, была, конечно, важною, и русская публика, быть можетъ, инстинктивно, съумѣла оцѣнить ее по достоинству, постоянно и живо интересуясь «Письмами иногороднаго подписчика», длившимися нѣсколько лѣтъ въ «Современникѣ» и потомъ перенесенными въ «Библіотеку для Чтенія», между тѣмъ, какъ вкусъ публики къ фельетонамъ Ивана Чернокнижникова, тоже переносившимся изъ журнала въ журналъ, ослабѣвалъ съ каждымъ годомъ и, наконецъ, исчезъ совершенно, вмѣстѣ съ самыми фельетонами. — Но еще до такого исчезновенія, Дружининъ, уже хорошо понятый образованнѣйшею частью русской читающей публики и считавшій непремѣнною обязанностью литератора, какимъ былъ онъ всецѣло, подкрѣплять направленія, возникающія исторически, устерегъ господство духа натуральной школы и, разумно отвѣчая этому своевременному, слѣдовательно, прогрессивному вѣянію, напечаталъ въ «Современникѣ» рядъ статей о *Георгѣ Краббѣ* — одномъ изъ реальнѣйшихъ и, вмѣстѣ, самыхъ глубокихъ англійскихъ писателей. Статьи эти составили цѣлую книгу, подъ названіемъ *Георгъ Краббъ и его произведенія*, изданную отдѣльно въ 1857 г., когда Дружининъ, уже редакторъ «Библіотеки для Чтенія», критически разбиралъ въ редактируемомъ имъ журналѣ «Повѣсти и разсказы» Тургенева, а въ «Современникѣ», по старой памяти прежняго сотрудничества, печаталъ первый опытъ своихъ переводовъ изъ Шекспира — трагедію *Король Лиръ*. — Слѣдуетъ однако замѣтить, что Дружининъ, въ видахъ, не всѣми раздѣляемыхъ безусловно, переводилъ Шекспира не такъ, какъ онъ есть, но выбрасывая все, что, по его мнѣнію, «составляло признакъ случайный, временной, гдѣ Шекспиръ долженъ былъ жертвовать опрятностью отдѣлки довольно невзыскательному вкусу современниковъ». — Какъ бы то ни-было, Шекспиръ, въ переводѣ Дружинина, понравился многимъ — и переводчикъ, не останавливаясь на

«*Король Лиръ*», напечаталъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1858 г. еще свой переводъ трагедіи Шекспира *Коріоланъ*, а въ приложеніи къ майской книжкѣ «Современника» 1859 г. помѣстилъ третій опытъ въ томъ же родѣ — переводъ Шекспировой трагедіи *Ричардъ III*. Независимо отъ этихъ почтенныхъ трудовъ, Дружининъ до самаго 1861 г. бодро редактировалъ «Библіотеку для Чтенія», въ которой, на ряду съ своими *Письмами иногороднаго подписчика*, уже пообѣднѣвшими интересомъ, и фельетономъ *Ивана Чернокнижникова*, давно прискучившимъ, онъ печаталъ дѣльные критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ, тогда являвшихся, произведеній, каковы: «Очеркъ изъ крестьянскаго быта» Писемскаго, сочиненія Островскаго, «Обломовъ» Гончарова, разсказы Марка Вовчка и т. д., наконецъ, помѣстилъ и свою оригинальную комедію *Не всякому слуху вѣрь*, произведеніе, не особенно замѣчательное. — Между тѣмъ, Дружининъ въ живѣ уже воздвигалъ себѣ вѣчный памятникъ — первой мыслью объ учрежденіи *Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ*, мыслью, заявленною въ 1859 г. и осуществленною два года спустя, одновременно съ прекращеніемъ газеты «Вѣкъ», въ изданіи которой Дружининъ также принималъ непосредственное участіе. Ставъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, а потомъ и распорядителей новаго «Общества», задуманнаго и учрежденнаго по образцу подобнаго же въ Лондонѣ, Дружининъ сложилъ съ себя званіе редактора «Библіотеки для Чтенія», но ни словомъ ни дѣломъ не переставалъ служить литературѣ — то въ числѣ рецензентовъ, приглашаемыхъ Академіею для разбора и оцѣнки достоинствъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, то просто въ качествѣ рядоваго сотрудника и журнала «Русскій Вѣстникъ», и газеты «С. Петербургскія Вѣдомости», даже газеты «Сѣверная Пчела». Чуждый всѣхъ литературныхъ партій и погруженный преимущественно въ изученіе своего любимаго предмета, Дружининъ съ 1862 г. посылалъ въ «Русскій Вѣстникъ» критическіе разборы замѣчательнѣйшихъ англійскихъ романовъ, а въ 1863 г., дѣлая тоже самое для «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», сообщилъ въ «Русскій Вѣстникъ» обозрѣніе англо-американской литературы, подъ названіемъ: *Англійскій наблюдатель въ Сѣверной Америкѣ*, и потомъ печаталъ тамъ же любопытные статьи: ***Изъ дневника Мироваго Посредника 1861 и 1862 г.***, подъ псевдонимомъ Безвѣстнаго. — Эти статьи были лебединою пѣснію Дружинина, который, страдая болѣе двухъ лѣтъ разстройствомъ груди, въ исходѣ 1863 г. заболѣлъ тяжко, а 19 января 1864 г., умеръ въ Петербургѣ, на 39 году жизни. Тѣло его погребено тамъ-же, на Смоленскомъ кладбищѣ. — «Это былъ характеръ прямой и серьезный, — говоритъ о Дружининѣ одинъ изъ знавшихъ его близко. Не смотря на видимую мягкость свою и отвращеніе отъ крайностей, это былъ человѣкъ самый крайній тамъ, гдѣ того требовали обстоятельства. У него не было отношеній натянутыхъ или двусмысленныхъ. «Это *едрило*», говорилъ Дружининъ о человѣкѣ, который ему не нравился, — и отворачивался отъ него, не справляясь, какъ это отразится на его житейскихъ дѣлахъ. За то онъ умѣлъ любить своихъ друзей, не охотно измѣнялъ о нихъ доброе мнѣніе и считалъ долгомъ вступаться за нихъ всякій разъ, какъ слышалъ сужденіе, казавшееся ему несправедливымъ или преувеличеннымъ. Эта благородная черта характера придавала какую-то величавую простоту и въ тоже время значительность отношеніямъ Дружинина къ своимъ друзьямъ, — чувствовалась ихъ цѣна. Дружинина искренно любили и *уважали*». — Какъ писатель, Дружининъ стяжалъ себѣ почетную извѣстность, хотя талантъ его не былъ ни ярокъ, ни самобытенъ. Дѣло въ томъ, что матеріаломъ бельлетристическихъ — и, вмѣстѣ, слабѣйшихъ — произведеній Дружинина всегда служилъ душевный анализъ, какъ бы прочувствованный самимъ авторомъ и оформленный въ легкомъ, естественномъ, нерѣдко художественномъ изложеніи; предметомъ своихъ изслѣдованій и переводовъ Дружининъ всегда избиралъ вещи общеинтересныя и Шекспира, а въ самыхъ изслѣдованіяхъ и переводахъ — являлся прежде всего джентльменомъ, какимъ, дѣйствительно, былъ онъ и въ самыхъ мелочахъ обыденной жизни; касательно же критическихъ трудовъ Дружинина можно сказать съ увѣренностью, что они не забудутся въ исторіи русской литературы, какъ вполнѣ оправдывающіе отзывъ, сдѣланный о нихъ въ одномъ изъ некрологовъ, посвященныхъ памяти Дружинина: «А. В. Дружининъ — говорится въ этомъ некрологѣ — съ оригинальностью взгляда, съ вѣрнымъ критическимъ тактомъ, съ умѣньемъ увидѣть въ каждомъ писателѣ его характерную, существенную черту — всегда соединялъ глубокое уваженіе къ вѣчнымъ, общимъ законамъ искуства и никогда не ослѣплялся одною яркостью направленія, подъ которымъ не находилъ глубокаго, серьезнаго и прочнаго содержанія. Будучи, можетъ быть, нѣсколько исключительнымъ въ своихъ эстетическихъ взглядахъ и не всегда взвѣшивая тяжелыя условія и тревожное положеніе нашей литературы, при которомъ принуждены были спѣшить заявляться новыя стремленія жизни, онъ, во всякомъ случаѣ, былъ выразителемъ строгихъ и зрѣлыхъ литературныхъ требованій, оказывалъ въ своей дѣятельности полезное противодѣйствіе крайностямъ и оставилъ у насъ прекрасные образчики дѣльной, серьезной литературной критики; сужденія, высказанныя имъ о многихъ дѣятеляхъ и явленіяхъ, останутся, безъ сомнѣнія, прочнымъ достояніемъ нашей критики». — Потомство, конечно, оцѣнитъ Дружинина безпристрастнѣе, чѣмъ его современники, послѣднимъ словомъ которыхъ, въ настоящемъ случаѣ, по праву, можетъ быть слѣдующее душевное стихотвореніе **А. А. Фета**, произнесенное самимъ авторомъ на завтракѣ послѣ похоронъ покойнаго основателя общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ:

Умолкъ твой голосъ навсегда
И сердце жаркое остыло:
Лампаду честнаго труда
Дыханье смерти погасило.
На миръ усопшаго лица
Кладу послѣднее лобзанье;
Не измѣнили до конца
Тебѣ ни дружба, ни призванье.
— Изнемогающій, больной,
Души ты не утратилъ силу
И жизни мутною волной
Ты чистымъ донесенъ — въ могилу.
Спи! Вѣчность правды настаетъ,
Вокругъ стихаетъ гулъ суровый
И муза строгая кладетъ
Тебѣ на гробъ вѣнецъ лавровый.

ЩЕПКИНЪ, Михаилъ Семеновичъ, артистъ московскаго театра. Происходилъ изъ крѣпостныхъ гр. Волкенштейна и родился, 6 ноября 1788 г., Курской губерніи, Обо-

янскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ, гдѣ проживалъ тогда его отецъ, дворовый человѣкъ, управлявшій всѣми помѣстьями своего барина. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, Щепкинъ-сынъ росъ не въ передней, казачкомъ не служивалъ, трубокъ не подавалъ — какъ незабвенный Шевченко — и вообще былъ отличаемъ между своими сверстниками, ребятами графской дворни. Когда именно впервые познакомился Щепкинъ съ азбукою, — неизвѣстно. Но въ 1795 г., слѣдовательно, семи лѣтъ отъ роду, онъ увидѣлъ на домашнемъ театрѣ графа оперу «Новое семейство» — «и неожиданное зрѣлище — разсказываетъ С. Т. Аксаковъ — такъ его поразило, что съ тѣхъ поръ въ воспріимчивой, горячей головѣ мальчика безпрестанно роились декораціи, оркестръ, сцена и дѣйствующія лица». — Ребенкомъ же, но какихъ лѣтъ неизвѣстно, Щепкинъ былъ помѣщенъ въ народное училище города Суджи и тамъ, между изученіемъ букваря, часослова и начальныхъ основаній цыфири, ему удалось какъ-то сыграть самому роль слуги Розмарина въ комедіи Сумарокова «Вздорщица», что, разумѣется, усилило возникавшую въ немъ страсть къ театру. Изъ Суджи Щепкинъ попалъ въ Бѣлгородъ, гдѣ онъ, «живши — какъ самъ пишетъ — у очень умнаго священника», учился закону божію, церковной исторіи и даже началамъ латинскаго языка. Наконецъ, въ мартѣ 1802 г., 13-ти лѣтняго Щепкина привезли въ Курскъ и отдали въ губернское училище, состоявшее тогда изъ 4-хъ классовъ. Поступивъ прямо въ 3-й классъ, Щепкинъ скоро догналъ своихъ соучениковъ, уже доканчивавшихъ годичный курсъ, и въ іюнѣ того же 1802 г. былъ переведенъ въ 4-й классъ, гдѣ не замедлилъ обогнать всѣхъ. «Я былъ первымъ ученикомъ — пишетъ самъ Щепкинъ — и это зналъ весь городъ; самъ губернаторъ П. П. Протасовъ обращалъ на меня особенное вниманіе, очень ласкалъ меня и, каждый свѣтлый праздникъ, присылалъ мнѣ полсотни красныхъ яицъ и 5 рублей ассигнаціями денегъ, въ чемъ мнѣ всѣ завидовали. Даже прикащикъ въ книжной лавкѣ полюбилъ меня, предложилъ мнѣ приходить въ лавку и давалъ мнѣ на домъ книги для чтенія. Притомъ я пользовался книгами изъ библіотеки Ипполита Ѳедоровича Богдановича». — Прославленный авторъ «Душеньки», заѣхавъ однажды къ гр. Волкенштейну, нашелъ Щепкина въ залѣ графскаго дома, съ книгой въ рукахъ, обратилъ вниманіе на мальчика, приласкалъ, даже поцѣловалъ его, пригласилъ ходить къ нему за книгами, которыя вызвался избирать самъ, далъ прочесть прежде всего «Ядро россійской исторіи», давалъ потомъ и разныя другія сочиненія, приличныя возрасту и понятіямъ читателя, но въ выдачѣ своего пресловутаго творенія, «Душеньки», всегда отказывалъ, а на частыя просьбы о томъ Щепкина отдѣлывался однимъ и тѣмъ же: «послѣ, послѣ, душенька, еще успѣешь». Между тѣмъ, училищныя занятія Щепкина шли своимъ чередомъ. Въ 4-мъ классѣ онъ слушалъ словесность, всеобщую и русскую исторію, географію, естественную исторію, геометрію, часть механики, архитектуры и физики. Могъ бы Щепкинъ учиться тутъ же и нѣмецкому языку, по книгѣ «Зрѣлище вселенной», съ нѣмецкимъ, латинскимъ и русскимъ текстами en regard, но когда въ училищѣ, готовомъ преобразоваться въ гимназію, прибавили классъ французскаго языка, съ запрещеніемъ однако крѣпостнымъ посѣщать этотъ классъ, разогорченный Щепкинъ бросилъ и латинь, и нѣмецкій языкъ. Что касается страстишки къ театру, она питалась въ Щепкинѣ близкимъ его знакомствомъ, черезъ одного изъ товарищей по училищу, съ братьями Барсовыми, содержавшими въ Курскѣ частный театръ, оркестръ котораго составляли музыканты гр. Волкенштейна, нерѣдко просившіе Щепкина таскать за ними ихъ литавры и контрбасы. Приглядываясь изъ райка или оркестра къ спектаклямъ Барсовыхъ, Щепкинъ пріобрѣталъ по немногу случайныя свѣдѣнія въ сценическомъ искуствѣ, а лѣтомъ 1803 г., по собственной усильной просьбѣ, участвовалъ въ одномъ изъ деревенскихъ спектаклей графа, при чемъ игралъ роль Фирюлина, въ комедіи Княжнина «Несчастье отъ кареты», и игралъ такъ, что самъ графъ похвалилъ 14-лѣтняго актера и милостиво далъ ему поцѣловать свою руку. — Тѣмъ же лѣтомъ, Щепкинъ былъ приставленъ своимъ бариномъ къ землемѣру, межевавшему графскія земли, и оказался хорошимъ ему помощникомъ, а по возвращеніи въ городъ, дождался выпускнаго экзамена 1804 г. и, выдержавъ его отлично, получилъ въ подарокъ книгу, съ надписью: *за прилежаніе*, но, вмѣсто того, чтобъ ѣхать на лѣто въ деревню, получилъ приказаніе заняться въ городѣ счерчиваніемъ почтовой карты Курской губерніи и готовиться къ произнесенію рѣчи попечителю харьковскаго университета, ожидавшемуся въ Курскъ для открытія гимназіи. Когда все это было сдѣлано, Щепкинъ поѣхалъ къ графу, которому привезъ благодарственное письмо отъ своего директора, и графъ, довольный *Мишею*, какъ тогда называли Щепкина всѣ графскіе домашніе, позволилъ ему заниматься, чѣмъ хочетъ. Тогда Щепкинъ, юноша съ образованіемъ, по своему состоянію, весьма хорошимъ, и съ склонностью къ театру, значительно развившеюся, не нашелъ ничего лучше, какъ пристроиться къ братьямъ Барсовымъ, живмя жилъ въ ихъ семействѣ, сталъ другомъ всей ихъ труппы, актрисамъ переписывалъ роли, не пропускалъ никакого спектакля — и на одномъ изъ нихъ, въ домѣ Курскаго дворянскаго собранія, въ бенефисъ актрисы Лыковой, выполнилъ, за болѣзнью настоящаго актера, роль почтаря Андрея въ драмѣ «Зоа». Это было въ ноябрѣ 1805 г. — и съ тѣхъ поръ Щепкинъ уже не покидалъ сцены, на которой, особенно въ началѣ, не было у него никакихъ руководителей и тѣмъ менѣе образцовъ. Послѣдніе отыскивалъ онъ случайно. Такъ, въ 1810 г., увидѣвъ домашній благородный спектакль въ селѣ Юноховкѣ, Харьковской губерніи, Щепкинъ былъ пораженъ естественностью игры кн. Прок. Вас. Мещерскаго, выполнявшаго роль Сомедара въ комедіи Сумарокова «Приданое обманомъ», и вынесъ изъ этого спектакля совершенно новые для себя взгляды на сценическое искуство. Въ другой разъ, Щепкину довелось посмотрѣть замѣчательнаго казанскаго актера Павлова, когда онъ игралъ роль Неизвѣстнаго въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», — и случай этотъ не прошелъ безслѣдно для Щепкина, который съумѣлъ воспользоваться добрымъ примѣромъ, не смотря на противоположное своему, значеніе амплуа Павлова. — Впрочемъ, у Щепкина, въ теченіе семнадцатилѣтняго странствованія по губернскимъ театрамъ, переходовъ изъ труппы въ труппу и переѣздовъ съ ярмарки на ярмарку не было, говоря собственно, опредѣленнаго амплуа: «онъ не выбиралъ себѣ ролей, говоритъ Аксаковъ, а игралъ все, что было необходимо для составленія спектаклей. Такъ напримѣръ въ «Желѣзной маскѣ» онъ, начиная съ часоваго, дошелъ до маркиза Лувуа, а въ «Рекрутскомъ наборѣ» переигралъ всѣ роли, кромѣ «молодой дѣвушки Варвары». — Но и при такихъ обстоятельствахъ, Щепкинъ постоянно шелъ впередъ, совершенствовался съ каждымъ

годомъ и громко прославился во всей Южной Россіи, гдѣ онъ пріобрѣлъ къ себѣ любовь, а къ своему таланту уваженіе, выразившіяся, въ 1818 г., рѣдкимъ фактомъ. Послѣдній состоялъ въ томъ, что жители Полтавы, по инціативѣ кн. Н. Г. Репнина, тогдашняго начальника Малороссіи, устроили спектакль, съ тѣмъ, чтобъ на вырученныя деньги выкупить талантливаго артиста изъ крѣпостной зависимости, собрали одною подпискою на кресла 7,127 руб., къ этому сбору кн. Репнинъ доставилъ недостававшее до 10,000 руб., — сумма, за которую и былъ выкупленъ Щепкинъ. — Ставъ свободнымъ, Щепкинъ продолжалъ служить своему искусству съ прежнимъ усердіемъ и слава его достигла, наконецъ, Москвы, куда онъ пріѣхалъ въ 1822 г., здѣсь дебютировалъ въ главныхъ роляхъ комедій «Богатоновъ» и «Лакейская война», съ разу плѣнилъ всѣхъ своей игрой и, приглашенный дирекціей служить по контракту, съ 1823 г. уже принадлежалъ московской труппѣ. Директоромъ московскихъ театровъ былъ тогда Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, самъ писатель и страстный любитель сцены, всегда окруженный литераторами, въ обществѣ которыхъ, сбиравшемся у него на дому, прочитывались новыя пьесы, распредѣлялись роли и обсуживалась игра артистовъ, въ ихъ личномъ присутствіи. — «Это общество, разсказывалъ впослѣдствіи Щепкинъ, при самомъ появленіи моемъ на московской сценѣ, благодаря содѣйствію покойнаго, многоуважаемаго моего начальника, Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина, приняло меня въ свой кругъ. Въ этомъ кругу было все — и литераторы, и поэты, и преподаватели московскаго университета... Правда, я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостію скажу, что я много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей; одни научили меня мыслить, другіе глубоко понимать искуство. Бесѣды объ искуствѣ собственно для меня не умолкали и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ». — Занявъ, по контракту, амплуа первыхъ комиковъ (financiers), Щепкинъ скоро сдѣлался фаворитомъ московской публики, толпами ѣздившей любоваться разнообразіемъ его игры то въ «Водовозѣ» то въ «Добромъ маломъ», а въ 1825 г. онъ захотѣлъ показать себя и въ Петербургѣ, гдѣ 2 іюля, дебютировалъ, на Большомъ театрѣ, въ главной роли комедіи «Чванство Транжирина» и выполнилъ роль Суфле въ водевилѣ «Секретарь и поваръ», потомъ же, въ разное время, игралъ Геронта въ комедіи «Скапиновы обманы», Іассано башмачника въ оперѣ-водевилѣ «Забавы», Хлопотуна въ водевилѣ того же названія, — и стяжалъ успѣхъ блистательный. По возвращеніи въ Москву, Щепкинъ подъ руководствомъ самого Грибоѣдова проходилъ роль Фамусова въ безсмертной комедіи «Горе отъ ума» и весь 1826 годъ посвятилъ глубокому изученію Мольера, въ комедіяхъ котораго серія одних стариковъ уже представляла назидательное поприще для сценической дѣятельности Щепкина. Дѣятельность эта, кромѣ наслажденія, доставляемаго ею публикѣ, не замедлила сдѣлаться не только образцомъ, но и возбужденіемъ для всего персонала московской драматической труппы, — что доказываетъ слѣдующій, забавный случай, относящійся къ 1828 г. и первому представленію переводной англійской комедіи «Школа супруговъ», пьесы очень умной, но растянутой и оттого довольно скучной: «Во время представленія, пишетъ очевидецъ, когда сошелъ уже первый актъ (Щепкинъ въ немъ почти не участвовалъ), принятый публикою съ явными признаками скуки, вдругъ Щепкинъ, съ половины втораго акта, началъ играть съ живостью и горячностью, *неприличными представляемому лицу;* оживленные внезапно его игрой, актеры также подняли тонъ пьесы, публика выразила свое сочувствіе и комедія была выслушана съ удовольствіемъ и одобреніемъ. Когда я вошелъ къ Щепкину въ уборную, онъ встрѣтилъ меня словами: «Виноватъ, но я боялся, что зрители заснутъ отъ скуки, если досидятъ до конца пьесы». Именно то и случилось при повтореніи бенефиснаго спектакля, въ которомъ Щепкинъ игралъ уже свою роль, какъ требовала неподкупная истина и строгія правила искуства; въ третій разъ этой комедіи уже не играли». — Такое вліяніе Щепкина на публику и сотоварищей по сценѣ, было особенно полезно для послѣднихъ, потому что они, въ ту глухую пору развитія русскаго общества, часто вынуждались молча подчиняться требованіямъ разныхъ непрошенныхъ аристарховъ, разумѣется, изъ чиновной или финансовой знати, считавшихъ себя присяжными эстетиками и, такъ сказать, конесерами (connaisseurs; знатоками — остроумно замѣчаетъ г. Кукольникъ — ихъ назвать нельзя) драматическаго искуства. «Шли репетиціи Шекспировскаго «Шейлока» — разсказывалъ Щепкинъ; эти господа притащили на сцену гипсовые слѣпки съ Аполлона и Венеры медицейской, для того, чтобы вразумить и научить московскихъ актеровъ и актрисъ граціи тѣлодвиженій!» — Тому же самому, а также дикціи, училъ Щепкинъ, въ 1830-хъ гг., воспитанниковъ и воспитанницъ московской театральной школы, но, разумѣется, не по слѣпкамъ, а живымъ словомъ и дѣйствіемъ, тайны которыхъ были постигнуты Щепкинымъ едва ли не вполнѣ. Само собою разумѣется, что преподаваніе въ школѣ, выполняемое Щепкинымъ съ любовью и усердіемъ, вознаграждалось особымъ добавленіемъ къ его актерскому окладу, общая цифра котораго давала Щепкину возможность не только безбѣдно содержать свое, уже многочисленное, семейство, но и сдѣлать истинно доброе дѣло принятіемъ къ себѣ, съ 1831 г., обѣднѣвшей семьи Барсовыхъ, вдовы съ 6-ю дѣтьми. — Впрочемъ, годовое содержаніе Щепкина, какъ артиста, увеличивалось выручкою за спектакли, которыми онъ, въ каникулярное время года, услаждалъ публику провинціальныхъ городовъ, ловившую случаи полюбоваться игрою знаменитаго московскаго комика, начавшаго, съ 1834 г., выводить на сцену и своихъ дочерей. Съ ними не разъ ѣзжалъ онъ и въ Петербургъ, гдѣ публика всегда привѣтствовала дорогихъ московскихъ гостей искренними рукоплесканіями, а литературный кругъ всячески ласкалъ Щепкина, къ которому и славный Пушкинъ относился съ большимъ уваженіемъ, убѣждая его непремѣнно писать свои «Записки». — Извѣстность Щепкина была тогда уже такъ громка, что могла возбуждать въ иныхъ даже литературную дѣятельность — и даровитый малороссъ Котляревскій, собственно для него, своего талантливаго земляка, создалъ оперетку «Москаль Чаривникъ», произведеніе оригинальное, которое, впервые явившись на московской сценѣ въ одинъ изъ бенефисовъ Щепкина, 9 февраля 1840 г., сдѣлалась потомъ и остается до сихъ поръ одною изъ самыхъ любимыхъ пьесъ всѣхъ русскихъ театровъ. Вслѣдъ за «Москалемъ Чаривникомъ», громадный репертуаръ Щепкина — блиставшій ролями: Транжирина и Богатонова, въ комедіяхъ тѣхъ же названій; Арнольфа, въ «Школѣ женщинъ» (любимая его роль); Гарпагона и Сганареля въ Мольеровыхъ комедіяхъ; Любскаго въ комедія «Благородный театръ» Загоскина, наконецъ Фамусова, въ «Горе отъ ума» и Шекспировскаго Шейлока — еще блистательнѣе увеличился главными ролями изъ

общеизвѣстныхъ пьесъ Гоголя, который былъ связанъ съ Щепкинымъ тѣсною дружбою и едва ли не къ нему именно направливалъ типическую роль городничаго въ своемъ «Ревизорѣ». Во всякомъ случаѣ, Щепкинъ всегда былъ лучшимъ истолкователемъ героевъ, созданныхъ Гоголемъ, и на своихъ литературныхъ вечерахъ, устроенныхъ имъ съ 1843 г., онъ восхищалъ москвичей мастерскимъ чтеніемъ произведеній своего любимаго писателя-земляка, съ которымъ онъ же, въ 1851 г., лично познакомилъ И. С. Тургенева, уже отчаявшагося попасть къ автору «Мертвыхъ душъ», погруженному тогда въ свой предсмертный аскетизмъ. — И москвичи горячо любили своего Щепкина, гордились имъ, какъ своей славой, не разъ торжественно выражали ему свое сочувствіе. Такъ, въ 1853 г., когда Щепкинъ отъѣзжалъ за границу, лѣчить своего больнаго сына, московскіе литераторы и артисты проводили его, по русски, хлѣбомъ-солью, и тутъ же, на прощальномъ обѣдѣ, положили торжественно отпраздновать сближавшійся юбилей пятидесятилѣтней службы Щепкина драматическому искуству. Это торжество, дѣйствительно, состоялось 26 ноября 1855 г. и было отпраздновано съ тою задушевностью, которою, съ одной стороны, изстари отличается Москва, а съ другой умѣлъ характеризовать всѣ свои отношенія къ людямъ и искуству — самъ Щепкинъ. Юбиляра привѣтствовали нѣсколькими рѣчами, поднесли ему нѣсколько писемъ и подарковъ отъ разныхъ лицъ и корпорацій — и для его полнаго удовольствія какъ тутъ же высказывался онъ самъ, недоставало только, Т. Н. Грановскаго, который не задолго до того былъ похищенъ у науки, добра и друзей смертію, а при жизни находился въ самыхъ тѣсныхъ, задушевныхъ связяхъ съ Щепкинымъ. — Послѣ своего 50-тилѣтняго юбилея, Щепкинъ еще продолжалъ служить искуству и, являясь на сценахъ обѣихъ столицъ, доставлять публикѣ минуты высокаго наслажденія. Но потомъ, ослабленный какъ преклонностью лѣтъ, такъ и, еще болѣе, потерею старшаго сына, обѣщавшаго въ себѣ добраго дѣятеля на поприщѣ восточной археологіи, Щепкинъ сталъ играть рѣже, наконецъ, совсѣмъ удалился со сцены и, по совѣту врачей, поѣхалъ искать подкрѣпленія силъ воздухомъ южнаго берега Крыма. Тамъ, вмѣсто того, чтобъ поправиться, Щепкинъ умеръ 11 августа 1863 г., въ Ялтѣ, на 75 году дѣятельной и полезной жизни. Тѣло его, привезенное въ Москву, погребено на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой профессора Гроновскаго. — «Щепкинъ — говоритъ одинъ изъ писавшихъ о немъ въ 1841 г. — обдѣленъ природою и въ ростѣ и въ голосѣ; но въ этой маленькой, почти кубической, фигуркѣ душа нѣжная, жаркая! Лицо его способно принимать всякое измѣненіе, безъ помощи постороннихъ средствъ; на этомъ лицѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ оттѣнки движеній, чувствъ, страстей и характеровъ. Маленькіе, сверкающіе глаза его то заблещутъ радостью, то отуманятся печалью, то засіяютъ привѣтствіемъ, то выразятъ такое злое презрѣніе, выскажутъ такую нѣмую, но понятную угрозу, что холодомъ обдаетъ съ головы до ногъ — и ноги прирастаютъ къ землѣ! По открытому челу его, то думы роятся толпою, то вдругъ никакой Лафатеръ не отыщетъ на немъ ни малѣйшей способности думать». — Какъ человѣкъ, Щепкинъ обладалъ умомъ гибкимъ, воображеніемъ пылкимъ, сердцемъ рѣдкой доброты; уважалъ знаніе, сочувствовалъ просвѣщенію, понималъ прекрасное въ природѣ и искуствѣ, отличался благородствомъ мыслей, дѣйствій и отношеній; самъ умѣлъ образовать себя, любилъ благотворить другимъ. Какъ сценическій артистъ, Щепкинъ принадлежитъ къ первоклассньмъ. Весь громадный репертуаръ его ролей, отъ Степана сбитенщика, въ оперѣ «Сбитенщикъ», и няньки Еремѣевны, въ комедіи «Недоросль», до Фамусова и Городничаго, въ комедіяхъ «Горе отъ ума» и «Ревизоръ» — выполнялся имъ съ возможнымъ совершенствомъ. Никто не игралъ Мольеровыхъ стариковъ лучше Щепкина. Видѣвшіе Тальму въ Парижѣ, а Щепкина въ Москвѣ, исполнителями одной и той же роли Данвиля, въ комедіи Делавиня «Урокъ старикамъ», — не знаютъ, кому изъ нихъ отдать преимущество. — Но и не дешево стоила Щепкину его работа надъ своими ролями. Случалось, напримѣръ, что успѣвъ создать иную роль и приноровиться къ способу ея выполненія, Щепкинъ вдругъ или самъ, или съ голоса другихъ, убѣждался въ ея несовершенствѣ — и не спалъ ночей, пока не перестроивалъ вновь всего зданія. Такъ было именно съ ролью Гарпагона, въ Мольеровой комедіи «Скупой». — «Жить — пишетъ Аксаковъ — для Щепкина значило играть на театрѣ; играть — значило жить». И только этимъ объясняется другое свидѣтельство того же Аксакова, что «никогда никакой роли, хотя бы то было въ сотый разъ, Щепкинъ не игралъ, ни прочитавъ ее наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ея настоящимъ образомъ на утренней пробѣ, въ день представленія». Наконецъ, тотъ же Аксаковъ, близко знакомый Щепкину и слѣдившій его игру въ теченіе многихъ лѣтъ, удостовѣряетъ, что «никогда Щепкинъ не жертвовалъ истиною игры для эфекта, для лишнихъ рукоплесканій; никогда не выставлялъ своей роли на показъ, ко вреду играющихъ съ нимъ актеровъ, ко вреду цѣльности и лада всей пьесы; напротивъ, онъ сдерживалъ свой жаръ и силу его выраженія, если другія лица не могли отвѣчать ему съ такою же силою; чтобъ не задавить другихъ лицъ въ пьесѣ, онъ давилъ себя и охотно жертвовалъ самолюбіемъ, если характеръ играемаго лица не искажался отъ такихъ пожертвованій». Что касается самыхъ свойствъ сценическаго таланта Щепкина, онѣ заключались преимущественно въ чувствительности и огнѣ, — качествахъ, составляющихъ основныя стихіи таланта собственно драматическаго, но изъ которыхъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ и долженъ образоваться талантъ чисто-комическій, какъ это и было съ Щепкинымъ, благодаря его живости, умной веселости, юмору, наконецъ, его фигурѣ и голосу, слишкомъ недостаточнымъ для ролей драматическихъ. — Служеніе свое искуству сценическому Щепкинъ самоотверженно распространялъ даже на товарищей своихъ по сценѣ — и русскіе актеры должны помнить, что правами почетнаго гражданства, дарованными ихъ дѣтямъ, они обязаны единственно Щепкину, который собственно для этаго ѣздилъ въ Петербургъ и тамъ обивалъ пороги у министра императорскаго двора, кн. П. М. Волконскаго. — Такая черта, хотя и высокая, конечно, не прибавляетъ многаго къ дорогому для русскихъ имени Щепкина, которое, само по себѣ, какъ имя артиста, безсмертно въ исторіи русскаго и всемірнаго сценическаго искуства.

АЙВАЗОВСКІЙ, Иванъ Константиновичъ, родился въ Крыму въ 1817 году. Кто бы могъ подумать, что война, этотъ бичъ всеистребляющій, послужила къ тому, что мы имѣемъ такого художника, слава котораго сдѣлалась не только европейскою, но и всемірною, потому что картины Айвазовскаго находятся

также и въ Новомъ Свѣтѣ. А это было такъ! Въ 1770 году, русская армія, предводительствуемая Румянцевымъ, осадила Бендеры. Крѣпость была взята и русскіе солдаты, раздраженные упорнымъ сопротивленіемъ и гибелью товарищей, разсѣялись по городу и, внимая только чувству мщенія, не щадили ни пола, ни возраста. Въ числѣ жертвъ ихъ находился и секретарь Бендерскаго паши. Пораженный смертельно однимъ русскимъ гренадеромъ, онъ истекалъ кровію, сжимая въ рукахъ младенца, которому готовилась такая же участь. Уже русскій штыкъ былъ занесенъ надъ малолѣтнымъ туркомъ, когда одинъ армянинъ удержалъ карающую руку возгласомъ: «остановись! Это сынъ мой! Онъ христіанинъ»! Благородная ложь послужила во спасеніе и ребенокъ былъ пощаженъ. Ребенокъ этотъ былъ отецъ Ивана Константиновича Айвазовскаго. Добрый армянинъ не покончилъ этимъ своего благодѣянія, онъ сдѣлался вторымъ отцомъ мусульманскаго сироты, окрестилъ его, подъ именемъ Константина и далъ ему фамилію Айвазовскій отъ слова *Айвазъ*, что на турецкомъ языкѣ означаетъ — секретарь. Проживъ долгое время съ своимъ благодѣтелемъ, въ Галиціи, Константинъ Айвазовскій поселился наконецъ въ Ѳеодосіи, въ которой женился на армянкѣ. Торговые обороты обогатили его и онъ жилъ счастливо съ женою и четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ Иванъ Константиновичъ въ особенности отличался способностію рисованія. Счастіе, до тѣхъ поръ благопріятствовавшее отцу Айвазовскаго, измѣнило ему въ 1812 году, въ которомъ онъ разорился и впалъ въ бѣдность. Что ожидало семейство, до того счастливое? Какъ воспитать дѣтей, изъ которыхъ Иванъ Константиновичъ оказывалъ столько самобытнаго таланта? Бѣдный отецъ отдался на волю Провидѣнія. Съ восьмилѣтняго возраста, Иванъ Константиновичъ, съ карандашомъ или перомъ въ рукѣ, постоянно срисовывалъ все, что представлялось ему замѣчательнаго; даже всѣ страницы книгъ, не сбереженныхъ бдительностію матери и отца, изрисовывалъ онъ изображеніями разныхъ лицъ, строеній, церквей, лодокъ, моря и кораблей. Начатки были грубы, но уже изобличали будущаго мастера; руководитель скоро нашелся: ѳеодосійскій архитекторъ сдѣлался первымъ его учителемъ. Одно и тоже рисованіе могло наскучить ребенку, и онъ, увлекаемый постоянною дѣятельностію, началъ прибѣгать, въ свободные часы, къ музыкѣ и, въ непродолжительномъ времени, научился очень порядочно играть на скрипкѣ, безъ всякой посторонней помощи. Маленькаго виртуоза услышалъ какъ-то случайно бывшій ѳеодосійскій градоначальникъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Казначеевъ, позвалъ его къ себѣ, разсмотрѣлъ его рисунки, и съ тѣхъ поръ для Ивана Константиновича началась новая жизнь. Переведенный губернаторомъ въ Симферополь, Казначеевъ взялъ Айвазовскаго къ себѣ и началъ воспитывать вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Благодаря врожденному призванію, талантъ И. К. Айвазовскаго до того развился, что въ 1831 году, когда ему было не болѣе четырнадцати лѣтъ, всѣ знакомые его покровителя почитали за удовольствіе имѣть у себя какой-либо изъ его рисунковъ. Одинъ изъ такихъ рисунковъ, сдѣланный перомъ, изображавшій внутренность еврейской синагоги, былъ такъ хорошъ, что получившій этотъ рисунокъ не замедлилъ послать его въ Москву, къ извѣстному тогда живописцу Тончи. Тончи угадалъ блестящую будущность молодаго автора синагоги и, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ многихъ стараній, успѣлъ представить рисунокъ на высочайшее разсмотрѣніе Государя Императора. Участь Айвазовскаго была рѣшена, и онъ, по императорскому повелѣнію, представленъ былъ въ Петербургъ и опредѣленъ воспитанникомъ въ Императорскую Академію Художествъ, на счетъ суммъ Императорскаго Кабинета. Бѣднякъ, проснувшійся милліонеромъ, утопающій ощупавшій подъ ногами своими твердую землю, арматоръ увидѣвшій въ пристани корабли почитаемые имъ погибшими, не испытали бы такого счастія, какое испыталъ въ то время Айвазовскій. Мечты его о славѣ и извѣстности принимали видъ дѣйствительной существенности. Айвазовскаго окружали нужда, всякого рода лишенія, но онъ бодро шелъ впередъ, не останавливаясь ни предъ однимъ житейскимъ препятствіемъ, ни холодомъ, ни голодомъ. Первымъ профессоромъ его былъ извѣстный пейзажный профессоръ М. Н. Воробьевъ, у котораго И. К. Айвазовскій не отличался особеннымъ прилежаніемъ; но явился вдругъ въ Императорской Академіи Художествъ иностранный художникъ, *маринистъ* Таннёръ (Tannёr) и будущая слава Айвазовскаго была упрочена. Море, при которомъ онъ взросъ, на берегу Крымскаго полуострова, развило его врожденныя художественныя способности. Уѣзжая на вакаціи въ помѣстье любителя художествъ г. Томилова, въ Ладожскій уѣздъ, Иванъ Константиновичъ усердно занимался изученіемъ своей любимой стихіи, постоянно возвращаясь въ Петербургъ съ большимъ запасомъ картинокъ съ натуры, въ которыхъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе, выказывались — бойкость кисти, удачный выборъ сюжетовъ, смѣлость эффектовъ, необыкновенное освѣщеніе и удивительная прозрачность воды и воздуха. Въ 1837 году за морскіе виды, изъ которыхъ особенно удивителенъ былъ «Штиль моря», Айвазовскій получилъ первую золотую медаль и отправленъ за границу, гдѣ скоро извѣстность его распространилась по всей Европѣ. Въ 1840 году, по высочайшему повелѣнію, исполнилъ онъ «Десантъ русскаго отряда, при занятіи долины Субаши, на Кавказѣ», эскизъ котораго былъ нарисованъ Айвазовскимъ въ бытность его на Кавказѣ, при генералѣ Н. Н. Раевскомъ, «Три вида Севастополя» и въ тотъ же годъ онъ написалъ крымскіе виды, изображающіе: «Бурю», «Туманъ на морѣ», «Виды Ѳеодосіи», «Неаполитанскую ночь», «Бурю», «Видъ Неаполитанскаго залива», «Хаосъ» и нѣкоторые другіе. Во время своего пребыванія за границею, Айвазовскій проводилъ лѣто постоянно въ Неаполѣ, зиму въ Римѣ, по нѣскольку недѣль живалъ во Флоренціи, былъ два раза въ Парижѣ, изъ котораго поѣхалъ въ Лондонъ и Мадритъ. Проѣхавъ до Гибралтара, онъ сѣлъ на корабль и пустился по Средиземному морю списывать виды Греціи и Константинопольскія окрестности. Быстрота, съ которою исполняетъ Иванъ Константиновичъ свои картины, изумительна, такъ что, въ продолженіи съ небольшимъ въ два года, онъ написалъ болѣе пятидесяти картинъ, которыя всѣ были раскуплены на расхватъ, какъ за границей, такъ и въ Россіи. Вернувшись въ отечество, съ большимъ запасомъ видовъ Крыма, Италіи, Греціи и Константинополя, Иванъ Константиновичъ написалъ для Государя Императора три вида: «Кронштадтскій портъ», «Портъ города Ревеля» и «Гельсингфорскій портъ» и «Бурю у Гангудда въ Швеціи», которую Его Императорское Величество подарилъ генералъ-адмиралу великому князю Констэнтину Николаевичу. Кромѣ этого, по заказу Государя Императора, И. К. Айвазовскій исполнилъ четыре вида: «Одессы», «Севастополя», «Керчи» и «Каффы» (Ѳеодосіи), на берегу которой знаменитый художникъ нашъ въ молодости почерпалъ

свои художественныя вдохновенія. Имъ же, въ первое время по возвращеніи въ Россію, написаны были два крымскіе южные вида для ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Два вида Мелаца, виллы принадлежавшей графу Льву Алексѣевичу Перовскому, «Ночь въ Константинополѣ», большая картина купленная графинею Бобринскою, «Видъ Золотаго Рога» и «Галаты» въ Константинополѣ, «Видъ Перы на берегу Босфора», «Захожденіе солнца у подножія горы Атоса (Monte-Sacro»), виды: «Оріанды», «Алушты», «Монастыря св. Георгія, при ночномъ освѣщеніи» и многіе другіе. Исчислять всѣ произведенія нашего профессора морской живописи не дозволяютъ намъ ограниченные предѣлы нашего изданія, въ которомъ необходимо дать мѣсто столькимъ замѣчательнымъ русскимъ дѣятелямъ и потому, упомянувъ о томъ, что всѣ годичныя художественныя выставки украшались и украшаются произведеніями И. К. Айвазовскаго, упомянемъ только о главныхъ, которые сохраняются въ Императорскихъ дворцахъ, Эрмитажѣ и въ другихъ галлереяхъ богатыхъ людей. *Въ Императорскомъ Эрмитажѣ:* «Морскіе виды», «Бури» и «берега Крыма»; *у Ѳ. И. Прянишникова:* «Видъ моря ночью у береговъ Крыма», «Море, при ночномъ освѣщеніи, у берега въ Венеціи», «Буря на морѣ» и нѣсколько другихъ морскихъ видовъ; *у А. П. Ермолова:* «Морской видъ», написанный Айвазовскимъ въ нѣсколько часовъ, при посѣщеніи его кавказскимъ знаменитымъ ветераномъ и поднесенный ему художникомъ; *въ Москвѣ* — «Буря на морѣ» и виды Крыма; у г. *Солдатенкова:* «Морскіе виды», «Апоѳеоза гибели русскаго стопушечнаго корабля Лефортъ близь Ревеля», большая картина «Судакъ въ Крыму», «Малороссійскіе чумаки», «Лѣтній вечеръ въ Украйнѣ», «Постоялый дворъ на большой дорогѣ», зимній видъ въ Тульской губерніи, «Транспортъ крымскихъ винъ по Кавказской дорогѣ», «Камыши на р. Днѣпрѣ у мѣстечка Алешекъ», «Рожь въ Малороссіи», «Крымскіе цыганы», «Видъ Ѳеодосіи при лунномъ освѣщеніи», «Пастбище овецъ въ окрестностяхъ Ѳеодосіи», «Видъ части озера Маджіоре, въ сѣверной Италіи», «Буря на южномъ берегу Крыма», (скалы Ильмень), «Семибашенный замокъ въ Константинополѣ», «Туманъ на морѣ», «Алушта на южномъ берегу Крыма». Всѣ картины И. К. Айвазовскаго проникнуты истиной и вѣрнымъ изображеніемъ природы. Постоянно живя въ Ѳеодосіи, онъ почти каждый годъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ новыми произведеніями, и въ послѣдній пріѣздъ въ 1864 году привезъ до девяти картинъ, въ числѣ которыхъ «Всемірный потопъ» и «Моментъ изъ сотворенія міра» поставлены въ Эрмитажѣ въ Русскомъ отдѣленіи.

КОКШАРОВЪ, Николай Ивановичъ, генералъ-маіоръ корпуса горныхъ инженеровъ, ординарный академикъ Императорской с.-петербургской академіи наукъ, почетный членъ Императорскихъ университетовъ: с. петербургскаго и московскаго, докторъ минералогіи и геогнозіи Императорскаго университета св. Владиміра въ Кіевѣ, директоръ и почетный членъ Императорскаго с.-петербургскаго минералогическаго общества, дѣйствительный членъ Императорскихъ с.-петербургскихъ обществъ: русскаго географическаго и вольно-экономическаго, дѣйствительный членъ Императорскаго московскаго общества испытателей природы, членъ-корреспондентъ королевскихъ академіи наукъ въ Туринѣ и Мюнхенѣ, королевскаго общества наукъ въ Геттингенѣ, геологическаго общества въ Лондонѣ, геологическаго института въ Вѣнѣ и общества натуралистовъ въ Фрейбургѣ, почетный членъ Общества натуралистовъ въ Стейермаркѣ, общества «Lotos» въ Прагѣ, оберъ-гессенскаго общества натуралистовъ и врачей въ Гиссенѣ, и фармацевтическаго общества въ С.-Петербургѣ. Н. И. Кокшаровъ родился 23 ноября 1818 года, на хуторѣ княгини Марьи Гавриловны Эристовой (родительницы его матери), близъ Усть-Каменогорской крѣпости, Томской губерніи. Онъ недолго впрочемъ оставался на мѣстѣ своей родины; отецъ его, горный офицеръ, получивъ мѣсто управляющаго Березовскими золотыми промыслами, въ окрестностяхъ Екатеринбурга, переѣхалъ вскорѣ за тѣмъ на новое мѣсто назначенія и перевезъ съ собою всю свою семью. До 1830 года, Н. И. Кокшаровъ находился въ родительскомъ домѣ въ Березовскомъ заводѣ, но 11 февраля этого года отправленъ былъ въ С.-Петербургъ, для обученія въ горномъ институтѣ (бывшемъ тогда горномъ корпусѣ). Произведенъ въ прапорщики корпуса горныхъ инженеровъ, съ оставленіемъ въ офицерскихъ классахъ горнаго института, 6 іюня 1837 года. По окончаніи полнаго курса наукъ, выпущенъ изъ горнаго института съ чиномъ инженеръ-поручика 1 іюня 1840 года, и назначенъ на службу на Уральскіе заводы. 29 мая 1840 года, по распоряженію главноуправлявшаго корпусомъ горныхъ инженеровъ, покойнаго министра финансовъ графа Е. Ф. Канкрина, Н. И. Кокшарова присоединили къ извѣстной геологической экспедиціи по Россіи гг. ученыхъ Мурчисона, де-Вернеля и графа Кейзерлинга. 7 февраля 1841 года онъ командированъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, снова для сопровожденія вышеупомянутыхъ ученыхъ въ ихъ вторичномъ геологическомъ путешествіи по Россіи и Уралу. Съ этого именно времени, можно сказать, началась ученая карьера Н. И. Кокшарова, потому что на геологической картѣ Россіи, изданной гг. Мурчисономъ, Вернелемъ и графомъ Кейзерлингомъ, мы встрѣчаемъ уже его имя, какъ соучастника въ трудѣ на самомъ мѣстѣ наблюденій. Время съ 1842 по 1845 годъ Н. И. Кокшаровъ провелъ за границею, куда онъ былъ посланъ правительствомъ, для усовершенствованія себя въ горныхъ наукахъ. Въ Парижѣ имъ были слушаны лекціи гг. Эли-де Бомона, Дюфренуа, Делафосса, и друг., а въ Берлинѣ гг. Вейса, Густава Розе и Бейриха. Еще будучи воспитанникомъ горнаго института въ С.-Петербургѣ, Н. И. Кокшаровъ выказывалъ особенную склонность къ минералогіи и страстно любилъ собирать минералы. Неудивительно поэтому, что, во время своего пребыванія за границею, онъ нашелъ для своей любознательности полное удовлетвореніе въ Берлинѣ, гдѣ кристаллографія читалась знаменитымъ Самуиломъ Вейсомъ, а минералогія Густавомъ Розе, къ которымъ нашъ минералогъ до сихъ поръ сохраняетъ чувства самой горячей и искренней благодарности. Изучая методы тѣхъ профессоровъ, лекціями которыхъ онъ пользовался непосредственно, Н. И. Кокшаровъ не упускалъ однакоже изъ вида школы другихъ германскихъ ученыхъ, но въ особенности нравилась ему, кажется, кристаллографическая метода Наумана, профессора Лейпцигскаго университета, ибо, судя по прежнимъ и новѣйшимъ публикаціямъ Н. И. Кокшарова, замѣтно (какъ онъ и самъ говоритъ), что онъ также ученикъ Наумана, не бывъ слушателемъ этого послѣдняго. Въ 1847 году, въ продолженіи цѣлаго курса, Н. И. Кокшаровъ замѣнялъ отсутствовавшаго профессора Э. К. Гофмана въ с.-петербургскомъ университетѣ.

Онъ читалъ также, долгое время и въ разныя эпохи, лекціи минералогіи, геологіи и физической географіи въ горномъ институтѣ, институтѣ путей сообщенія, константиновскомъ училищѣ, пажескомъ корпусѣ, 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, земледѣльческой школѣ и другихъ заведеніяхъ, да еще и нынѣ продолжаетъ читать лекціи минералогіи въ земледѣльческомъ институтѣ. Съ 1849 по 1852 годъ состоялъ онъ смотрителемъ главной физической обсерваторіи и, за отсутствіемъ ея директора, часто исправлялъ его должность. Въ этомъ-же году (30 іюля) Н. И. Кокшаровъ женился на дочери курляндскаго дворянина, Елизаветѣ Ивановнѣ фонъ-Штрумбергъ. Въ 1855 году 22 августа онъ былъ избранъ адъюнктомъ Императорской с.-петербургской академіи наукъ, 24 мая 1858 года экстраодинарнымъ, а въ 1866 году 4 марта ординарнымъ академикомъ. Императорское минералогическое общество избрало его своимъ директоромъ 12 марта 1865 года, а 8 октября того же года, вмѣстѣ съ тѣмъ, почетнымъ членомъ, честь, которую общество это еще не оказывало ни одному изъ своихъ директоровъ. Во время путешествія по Уралу, лѣтомъ 1866 года, Его Императорскаго Высочества князя Николая Максимиліановича Романовскаго Герцога Лейхтенбергскаго, Н. И Кокшаровъ, по Высочайшему повелѣнію, находился при Его Особѣ. Также и въ предшествовавшемъ 1865 году онъ сопровождалъ Герцога въ геологическомъ его путешествіи по Тульской губерніи. — Сочиненія Н. И. Кокшарова имѣютъ характеръ по преимуществу кристаллографическій. Въ теченіи 30 лѣтъ, онъ неуклонно слѣдовалъ одному и тому-же направленію, продолжая безпрерывно длинный рядъ предпринятыхъ имъ тонкихъ гоніометрическихъ измѣреній, кристаллографическихъ опредѣленій и нѣкоторыхъ физико-кристаллографическихъ наблюденій. Только однѣ работы подобнаго рода могутъ дать наукѣ тѣ точнѣйшія величины или такъ-называемые константы, на которыхъ возможно будетъ основать впослѣдствіи существеннѣйшіе законы кристаллообразованія Купферъ и Миллеръ начали это обширное поле наблюденій и показали ученому свѣту всю его важность. Изъ числа послѣдователей этой школы Н. И. Кокшаровъ былъ одинъ изъ первыхъ, и работы его породили, въ свою очередь, подражателей въ ряду уже значительнѣйшихъ ученыхъ новаго поколѣнія. Н. И. Кокшаровъ публиковалъ много мемуаровъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (отечественныхъ и иностранныхъ) и въ изданіяхъ Императорской с.-петербургской академіи наукъ; но капитальнѣйшимъ его трудомъ считается обширное сочиненіе *Матеріалы для минералогіи Россіи*, изданіемъ котораго на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ (Materialien zur Mineralogie Russlands) нашъ ученый занимается съ 1853 года. По настоящее время вышло четыре полныхъ тома и начало пятаго, съ 76 ю таблицами атласа, заключающими въ себѣ болѣе 1000 оригинальныхъ перспективныхъ и горизонтальныхъ проекцій кристалловъ, исполненныхъ самимъ авторомъ. Сочиненіе это, посвященное Его Величеству Государю Императору, представляетъ подробнѣйшее описаніе русскихъ минераловъ и, сохраняя строгую научную форму, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ новыхъ свѣдѣній по части минералогіи. *Матеріалы для минералогіи Россіи* имѣли большой успѣхъ какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границею, и доставили автору всеобщую извѣстность. Еще при появленіи первыхъ томовъ «Матеріаловъ» академіи туринская, мюнхенская, геттингенская, геологическій вѣнскій институтъ и друг. ученыя общества приняли его въ число своихъ членовъ-корреспондентовъ. Въ новѣйшее время Н. И. Кокшаровъ издалъ первый томъ также довольно большаго сочиненія *Лекціи минералогіи*, на русскомъ и нѣмецкомъ (Vorlesungen über Mineralogie) языкахъ, посвященное г. предсѣдателю департамента государственной экономіи, генералъ-адъютанту Константину Владиміровичу Чевкину, и кромѣ того *Каталогъ русскимъ топазамъ, хранящимся въ музеумѣ горнаго института*, посвященный Императорскому минералогическому обществу. Ученымъ, котораго мы изложили здѣсь краткую біографію, были открыты въ Россіи минералы: эвклазъ, илменорутилъ, брукитъ, желтый канкринитъ, багратіонитъ, мѣдистая слюдка, и открыто, равно какъ точно описано, множество новыхъ формъ кристалловъ разныхъ минераловъ. 7 января 1867 года Императорское минералогическое общество праздновало день пятидесятилѣтняго юбилея своего, въ торжественномъ публичномъ засѣданіи, которое почтили своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Алексѣй Александровичъ, государственные сановники и многіе ревнители отечественнаго просвѣщенія. День этотъ долженъ остаться для Н. И. Кокшарова незабвеннымъ по тому сочувствію, которое выразили ему почти всѣ представители нашихъ высшихъ ученыхъ сословій и публика. Въ этомъ торжественномъ собраніи, при одобрительныхъ рукоплесканіяхъ публики, вручили ему: отъ Императорскаго с.-петербургскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена, отъ университета св. Владиміра въ Кіевѣ — дипломъ на званіе доктора минералогіи и геогнозіи, и отъ вольнаго общества наукъ искусствъ и общаго образованія, учрежденнаго въ Франкфуртѣ на Майнѣ, въ память совершившагося столѣтія со дня рожденія Шиллера — дипломъ на званіе почетнаго члена. Многіе изъ депутатовъ-ораторовъ, привѣтствовавшихъ общество, въ рѣчахъ своихъ заявили публично, въ лестныхъ для Н. И. Кокшарова выраженіяхъ, о его заслугахъ на поприщѣ минералогіи.

ГОНЧАРОВЪ, Иванъ Александровичъ, русскій писатель. Родился въ 1814 году, 6-го іюня, въ Симбирскѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ у священника, жившаго въ имѣніи княгини Холмской за Волгой и содержавшаго въ домѣ своемъ небольшой пансіонъ. Жена его была иностранка и обучала пансіонеровъ иностраннымъ языкамъ, самъ же священникъ былъ человѣкъ весьма умный и ученый, относившійся всегда съ большимъ уваженіемъ ко всему, что въ то время было лучшее въ нашей свѣтской литературѣ, и заботившійся развить въ своихъ питомцахъ прежде всего страсть къ чтенію лучшихъ тогдашнихъ поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ первыя книги, которыя попались въ этомъ пансіонѣ въ руки И. А. Гончарова, были сочиненія Державина. Изъ нихъ онъ многое переписалъ и даже заучилъ наизустъ. Отъ сочиненій Державина И. А. Гончаровъ перешелъ сперва къ *Недорослю* Фонъ-Визина и къ произведеніямъ Озерова и Хераскова, затѣмъ къ путешествіямъ *Кука* вокругъ свѣта и *Крашенинникова* въ Камчатку, наконецъ, съ развитіемъ страсти къ чтенію книгъ, онъ сталъ читать уже все, что ни попадалось подъ руку: романы Валтеръ-Скотта, описанія неслыханныхъ путешествій, однимъ словомъ все, что только сильно дѣйствовало на молодое воображеніе. — Въ 1831 году И. А. Гончаровъ поступилъ въ московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Знакомство въ университетѣ съ греческими и римскими классиками, изученіе историческое и критическое отечественной

и иностранной литературъ сообщило страсти его къ чтенію надлежащее направленіе. Въ это время въ московскомъ университетѣ на каѳедрахъ филологическаго факультета были преподавателями русскія знаменитости: *Каченовскій* занималъ каѳедру исторіи, *Надеждинъ* — эстетики и археологіи; *Шевыревъ* — исторіи иностранныхъ древнихъ и новыхъ литературъ. Увлекательныя чтенія этихъ профессоровъ сильно дѣйствовали на И. А. Гончарова и расширили кругъ его эстетическаго и литературнаго воззрѣнія. Кромѣ того И. А. Гончаровъ, проходя исторію литературъ, любилъ также въ досужее время читать путешествія и всѣ доступныя для неспеціалиста сочиненія по части естественной исторіи; но самымъ любимымъ для него чтеніемъ были все-таки произведенія поэзіи, и живѣе всѣхъ поэтовъ увлекалъ его Пушкинъ, бывшій въ то время въ самой цвѣтущей порѣ силы и развитія своего генія. По окончаніи курса въ университетѣ И. А. Гончаровъ пріѣхалъ, въ 1835 году, въ Петербургъ и поступилъ на службу въ министерство финансовъ сперва переводчикомъ, а потомъ столоначальникомъ. Въ 1852 году, бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ предложилъ И. А. Гончарову участвовать въ экспедиціи, снаряженной для открытія торговыхъ сношеній съ Японіею. Начальникомъ этой экспедиціи былъ вице-адмиралъ (нынѣ адмиралъ и графъ) Е. В. Путятинъ. И. А. Гончаровъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и отправился въ качествѣ секретаря при начальникѣ экспедиціи въ Японію на фрегатѣ «*Паллада*». По возвращеніи изъ путешествія, въ началѣ 1855 года, И. А. Гончаровъ поступилъ — было опять въ министерство финансовъ на прежнее столоначальничье мѣсто, но вскорѣ перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія и занялъ должность цензора, на которой остался и послѣ перехода цензурнаго управленія въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. На литературное поприще И. А Гончаровъ выступилъ, можно сказать, собственно въ сороковыхъ годахъ, и въ короткое время пріобрѣлъ громкую извѣстность. Въ 1847 году, въ февральской и мартовской книжкахъ Современника появился его романъ, подъ заглавіемъ: «*Обыкновенная исторія*», обратившій на себя общее вниманіе. Этотъ романъ изданъ потомъ отдѣльно въ двухъ томахъ три раза: въ 1848, 1852 и 1862 годахъ. За *Обыкновенною исторіею* слѣдовалъ юмористическій очеркъ нравовъ изъ чиновничьяго быта, подъ заглавіемъ: «*Иванъ Савичъ Поджабринъ*» помѣщенный въ первомъ номерѣ Современника за 1848 годъ. Въ этомъ же году И. А. Гончаровъ задумалъ планъ большого романа «*Обломовъ*», и въ 1849 году помѣстилъ одну главу его (Сонъ Обломова) въ альманахѣ, изданномъ при Современникѣ въ томъ же году. По возвращеніи изъ путешествія въ Японію, И. А. Гончаровъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, помѣщалъ въ разныхъ журналахъ (Морской Сборникъ, Отечественныя Записки, Современникъ, Библіотека для Чтенія и Русскій Вѣстникъ) почти всѣ главы своихъ путевыхъ записокъ. Въ 1858 году книгопродавецъ А. И. Глазуновъ собралъ эти записки и издалъ ихъ въ двухъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ: «*Фрегатъ Паллада*», со включеніемъ одной новой статьи: «*Гонъ-Конгъ*». Въ 1858 году И. А. Гончаровъ окончилъ свой знаменитый романъ «*Обломовъ*», который первоначально былъ напечатанъ въ Отечественныхъ Запискахъ 1859 года, а потомъ изданъ отдѣльно книгою.

Талантъ И. А. Гончарова неоспоримъ. Онъ ярко высказался уже послѣ появленія перваго романа «*Обыкновенная исторія*». Какъ этотъ романъ, такъ и разсказъ: «*Иванъ Савичъ Поджабринъ*», оба эти произведенія въ высшей степени художественны. Въ «*Фрегатѣ Паллада*» и наконецъ въ «*Обломовѣ*», въ послѣднемъ въ особенности, И. А. Гончаровъ становится истиннымъ поэтомъ и притомъ высоко-описательнымъ поэтомъ. Какъ истинный поэтъ И. А. Гончаровъ въ «*Обломовѣ*» съумѣлъ стать въ уровень съ создаваемымъ имъ міромъ, быть комически наивнымъ въ разсказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями Обломовки, глубоко-трогательнымъ въ изображеніи матери Обломова, истиннымъ психологомъ въ исторіи съ письмомъ и наконецъ высоко-описательнымъ поэтомъ — художникомъ въ изображеніи того послѣобѣденнаго сна, который объемлетъ всю Обломовку.

ВОСТОКОВЪ, Александръ Христофоровичъ, русскій писатель-филологъ. Принадлежалъ къ остзейской фамиліи по нѣмецкому прозвищу *Остенекъ*, которое самъ впослѣдствіи перемѣнилъ на русское *Востоковъ*, и родился, 16 марта 1781 г., въ г. Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, а первые годы дѣтства провелъ въ Ревелѣ, въ домѣ маіорши Трейблутъ, гдѣ онъ до 7-ми лѣтняго возраста уже читалъ нѣмецкую библію, при чемъ, говоря одинаково твердо по-нѣмецки и по-русски, съ охотою вслушивался въ русскія сказки, передаваемыя ему мѣстнымъ гарнизоннымъ сержантомъ (Савеліемъ). Къ 1788 г. ребенокъ Востоковъ отданъ въ сухопутный кадетскій корпусъ «гимназистомъ», тутъ, въ 1792 г. началъ учиться французскому языку; тутъ же, въ 1793 г., впервые пробовалъ писать русскіе стихи — которые, къ сожалѣнію, не сохранились — и отсюда, въ 1794 г., переведенъ въ академію художествъ, гдѣ онъ особенно пристрастился къ французскому языку, а съ 1795 г. предался, по собственному его выраженію, «ремеслу архитектурному». Послѣднее однако занимало Востокова такъ мало, что, посвящая ему только часы необходимаго ученія или обязательныхъ работъ, онъ все свободное время употреблялъ на литературное чтеніе, вникалъ въ творенія поэтовъ и писателей, самъ набивалъ руку въ стихотворствѣ и предпочиталъ всему бесѣды съ просвѣщенными наставниками, изъ которыхъ всегда признательно вспоминалъ *Желѣзникова*. Къ этому-то времени относится и самый ранній изъ всѣхъ сохранившихся литературныхъ трудовъ Востокова, а именно стихотвореніе, подъ названіемъ: *Зима, ода къ другу*, написанное въ 1799 г. и обличающее уже не первую, въ этомъ родѣ, пробу автора, который, напр. въ заключительныхъ стихахъ оды, обращаясь къ другу (Иванову), говоритъ:

Теперь, Ивановъ, можемъ зваться
Весенними сынами мы:
Еще не скоро прикасаться
Къ намъ хладу жизненной зимы.
И такъ прилежно ниву вспашемъ,
Чтобъ въ юношескомъ сердцѣ нашемъ
Привязанность къ добру росла;
Чтобъ въ жаркую годину лѣта,
Огнемъ благихъ страстей нагрѣта,
Плоды намъ въ осень принесла.

Въ 1800 г. Востоковъ кончилъ академическій курсъ и оставленъ при академіи на три года пансіонеромъ, но и тогда не могъ увлечься архитектурой, а продолжалъ усердныя занятія словесностью, которые даже сдѣлались для него какъ бы обязательны съ тѣхъ поръ, когда онъ, въ дружеской компаніи По-

пугаева, Борна, Волкова, Красовскаго и другихъ молодыхъ людей, бывшихъ воспитанниковъ гимназіи при академіи наукъ, сталъ однимъ изъ основателей вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ въ С. Петербургѣ, Высочайше утвержденнаго 15 іюля 1801 г. Тогда же Востоковъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ сочленовъ новаго общества и, быть можетъ, по воспоминанію о сказкахъ сержанта Савелія, началъ любознательно относиться къ народной поэзіи, а по примѣру А. И. Ермолаева, своего друга и однокашника, приступилъ къ научнымъ занятіямъ славянскимъ языкомъ, какъ доказываетъ это тетрадка (въ 8 листовъ), подъ заглавіемъ: *Коренныя и первообразныя слова языка славянскаго*, найденная, по смерти Востокова, въ его бумагахъ и писанная очевидно до 1802 г. — Между тѣмъ друзья-сочлены новоучрежденнаго вольнаго общества предприняли изданіе литературнаго сборника, подъ названіемъ «Свитокъ музъ» — и въ I-ю его часть, вышедшую въ 1802 г., Востоковъ далъ *двѣнадцать* стихотвореній, написанныхъ имъ въ періодъ времени съ 1799 г., а во II-ю, напечатанную въ 1803 г., еще *десять*, частію современныхъ первымъ, частію свѣжихъ. Въ томъ же 1803 г., Востоковъ, 1 марта опредѣленный на службу библіотекарскимъ помощникомъ академіи художествъ и 9 апрѣля переименованный изъ 14 класса въ коллежскіе регистраторы, пристально занимался тетрадью выписокъ изъ святославова Изборника 1073 г., подаренной ему А. И. Ермолаевымъ, а въ 1804 г. онъ, 2 апрѣля, перешелъ изъ академіи художествъ въ коммиссію составленія законовъ переводчикомъ, и продолжая трудиться для вольнаго общества, далъ въ «Періодическое изданіе» послѣдняго, замѣнившее «Свитокъ музъ», *восемь* стихотвореній, между которыми замѣчательна древняя повѣсть *Пѣвиславъ и Зора*, въ четырехъ идилліяхъ, навѣянная очевидно чтеніемъ «древнихъ стихотвореній Кирши Данилова», изданныхъ тогда же Якубовичемъ. — Въ 1805 и 1806 гг. Востоковъ издавалъ въ свѣтъ собраніе своихъ 53-хъ стихотвореній, подъ названіемъ: *Опыты лирическіе*, въ 2 частяхъ, а въ 1807 г. составлялъ для себя *Этимологическое словоросписаніе* и, 31 декабря, произведенъ въ губернскіе секретари, при чемъ, въ тотъ же день, за поднесеніе Императору Александру I книги: *Опыты лирическіе*, пожалованъ бриллiантовымъ перстнемъ. Въ 1808 г. Востоковъ, вмѣстѣ съ пополненіемъ своего «словоросписанія», впервые печатно заявилъ себя ученымъ грамматистомъ, снабдивъ изданное тогда Борномъ «Краткое руководство къ россійской словесности» *семью* статьями *Грамматическихъ замѣчаній* (1. О законѣ произношенія буквы *е*. 2. О дебеломъ и тонкомъ произношеніи буквъ. 3. Объ уменьшительныхъ прилагательныхъ. 4. О неупотребительности сравнительной степени причастія. 5. Объ употребленіи мѣстоименія *что* вмѣсто *который*. 6. О стихотворныхъ размѣрахъ. 7. О слогѣ), а въ 1809 г. онъ, при сотрудничествѣ стихотвореніями въ ново-явившемся журналѣ «Цвѣтникъ» (изд. Измайловымъ и Бенецкимъ), продолжалъ вносить въ свое «Словоросписаніе» слова иноязычныя (польскія и англійскія) и, 21 декабря, уже представилъ А. Н. Оленину, тогда директору Импер. публичной библіотеки и извѣстному меценату, рукопись своего *Изложенія объ этимологическомъ словарѣ* — труда, составленнаго по самымъ скуднымъ источникамъ, каковы напр. словари: россійской академіи, дрянной польскій Кондратовича, недостаточный нѣмецко-русскій Гейма, плохенькой ново-греческій архимандрита Меѳодія и т. п. «Съ сими пособіями — говорилъ Востоковъ въ докладной запискѣ Оленину — перебивался я кое-какъ. Если бы я могъ непосредственно пользоваться кратчайшими и лучшими источниками, то конечно сберегъ бы я половину времени и труда, потерянныхъ мною надъ безплодными, можетъ быть, розысками и надъ составленіемъ ложныхъ заключеній». «Единственная просьба, которою осмѣливаюсь утруждать ваше превосходительство — говорилъ далѣе Востоковъ, — состоитъ въ томъ, чтобы мнѣ позволено было пользоваться нужными мнѣ по сему дѣлу изъ вашей, либо изъ Императорской библіотеки, книгами, а особливо Линдеевымъ словаремъ. Съ помощію сего послѣдняго, котораго конечно только еще половина вышла, въ состояніи бы я былъ черезъ мѣсяцъ или черезъ два представить вамъ хоть двѣ или три буквы моего сравнительнаго корнеуказателя». Трудъ и записка Востокова были приняты Оленинымъ благосклонно и неутомимый Востоковъ, съ наступленіемъ 1810 г., принялся составлять *Сборникъ пѣсенъ* или, какъ самъ говоритъ, «занимался собираніемъ русскихъ народныхъ пѣсенъ для систематическаго и толковаго ихъ расположенія по предметамъ и по времени, и имѣлъ случай вникнуть въ настоящій составъ русскихъ стиховъ»; кромѣ того, отвсюду выписывалъ русскія пословицы въ особо-заведенный имъ у себя *Сборникъ пословицъ, расположенныхъ по содержанію*; наконецъ, изучалъ словарь Линде, доставлялъ въ «Цвѣтникъ» стихотворенія и, 31 декабря, по мѣсту своего служенія въ коммиссіи составленія законовъ, произведенъ въ коллежскіе секретари. Опредѣленный, 10 мая 1811 г., въ Герольдію переводчикомъ, съ сохраненіемъ прежняго мѣста при коммиссіи составленія законовъ, Востоковъ, въ 1812 г., сдѣлался сотрудникомъ журнала «С.-Петербургскій Вѣстникъ», гдѣ, кромѣ стихотвореній, краснорѣчиво выражавшихъ чувства, общія тогда всѣмъ русскимъ, онъ помѣстилъ *шесть* ученыхъ, большею частью критическихъ, статей (1. Задача любителямъ этимологіи. 2. Рецензія на книгу: «Наука стихотворства», Ив. Рижскаго. 3. Опытъ о русскомъ стихосложеніи. 4. Рецензія на книгу: «Введеніе въ науку стихотворства» и проч. соч. Язвицкаго. 5. Переводъ Шиллерова разсужденія о высокомъ. 6. Рецензія на похвальное слово Петру Великому, соч. гатчинскимъ 1 гильдіи купцомъ Зубчаниновымъ), изъ которыхъ одна, *Задача любителямъ этимологіи*, представляла вниманію «ученѣйшихъ людей» имена русскихъ рѣкъ и озеръ, кончащіяся на *га*, *въ*, *ма*, *к-лъ* и *г-лъ*, а другая, *Опытъ о русскомъ стихосложеніи*, обратила на себя вниманіе знатоковъ, требовалась занимающимися и потому, какъ увидимъ ниже, была издана вторично особой книжкой, съ дополненіями. — Въ 1813 г. Востоковъ помѣщалъ патріотическія стихотворенія въ журналѣ «Сынъ Отечества» и, 20 декабря, пожалованъ въ титулярные совѣтники; въ 1814 г., посѣщая Имп. публичную библіотеку, занялся приготовительнымъ изученіемъ рукописи Остромірова евангелія; въ 1815 г. началъ записывать *Выдержки изъ памятниковъ* и, сдѣланный, 1 декабря, помощникомъ хранителя рукописей Импер. публичной библіотеки, съ сохраненіемъ мѣстъ переводчика Герольдіи и коммиссіи составленія законовъ, въ 1816 г. продолжалъ записывать *Выдержки* и кончилъ приводить въ порядокъ свой *Сборникъ пословицъ*, а въ 1817 г. издалъ отдѣльною книгою: *Опытъ о русскомъ стихосложеніи*, съ дополнительными замѣчаніями объ употребительныхъ у насъ размѣрахъ, также о гекзаметрѣ. — Всѣ эти учено-литературные труды такъ быстро увеличивали извѣстность

скромнаго Востокова, что онъ, въ теченіе одного 1818 г. былъ призванъ къ выполненію весьма неоднородныхъ должностей и обязанностей, а именно: 26 января опредѣленъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ старшимъ помощникомъ секретаря, съ сохраненіемъ всѣхъ занимаемыхъ имъ казенныхъ мѣстъ; 31 января, — избранъ дѣйствительнымъ членомъ общества любителей россійской словесности при Имп. московскомъ университетѣ, «во уваженіе — какъ значилось въ дипломѣ — отличнаго усердія къ усовершенствованію россійскаго языка и трудовъ, поднятыхъ для пользы отечественной словесности»; 5 октября, — избранъ членомъ-корреспондентомъ Имп. человѣколюбиваго общества, журналъ котораго онъ же редактировалъ съ мая по октябрь; наконецъ, 27 октября, — сдѣланъ столоначальникомъ въ III отдѣленіи департамента духовныхъ дѣлъ. Польщенный особенно заочнымъ избраніемъ въ члены московскаго общества любителей словесности, Востоковъ, въ письмѣ отъ 20 мая 1818 г. къ предсѣдателю общества А. А. Прокоповичу-Антонскому, такъ объяснялъ причины, руководившія его учеными занятіями: «Пока источники мои ограничивались печатными книгами и наслышкою живаго языка, ревностно занимался я своею лексикографіею (т. е. словопроизводнымъ словаремъ)... Но когда случай привелъ меня увидѣть старинныя рукописи славенскія, а также и нѣкоторыя старопечатныя книги, и въ нихъ правописаніе, словоокончанія и обороты во многомъ отличные отъ употребительныхъ въ позднѣйшемъ языкѣ; тогда я убѣдился въ необходимости заняться сперва грамматикою, т. е. изслѣдованіемъ и показаніемъ свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, какимъ подвергались формы сіи въ продолженіи столѣтій въ Россіи и въ другихъ земляхъ славенскихъ». Получивъ, въ 1819 г., за службу въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, двѣ награды: 20 марта — выдачу единовременно годоваго оклада жалованья, 1500 руб., а 20 апрѣля — чинъ коллежскаго ассессора, Востоковъ присѣлъ за работу — и въ самомъ началѣ января 1820 г. уже отправилъ къ М. Т. Каченовскому, какъ къ секретарю московскаго общества любителей словесности, свое знаменитое *Разсужденіе о славенскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка*, которое, по напечатаніи его въ XVII ч. «Трудовъ московскаго общества любителей россійской словесности», не только пріобрѣло Востокову значеніе перваго знатока славянскаго языка, но, распространенное между учеными всѣхъ славянскихъ земель, произвело такой рѣшительный переворотъ въ дѣлѣ изученія славянской филологіи и во взглядахъ на это дѣло, что г. Добровскій, первый славянистъ того времени, едва не уничтожилъ уже печатавшуюся въ Прагѣ книгу свою: «Institutiones lingue slavicae dialecti veteris» (Изученіе древняго нарѣчія языка Славенскаго). Вниманіе соотечественниковъ къ капитальному труду Востокова, въ томъ же 1820 г., выразилось не одинъ разъ, а именно: 25 марта, Востоковъ, «въ воздаяніе ревностной службы и отличныхъ трудовъ, министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія засвидѣтельствованныхъ», пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 4-й степени и, въ тотъ же день, награжденъ отъ департамента духовныхъ дѣлъ выдачею единовременно полугодоваго оклада жалованья, 750 р.; 5 іюня, — избранъ членомъ Императорской россійской академіи «за извѣстные ей въ словесныхъ наукахъ и отечественномъ языкѣ нашемъ знаніе и упражненіе»; 23 августа, — избранъ почетнымъ членомъ вольнаго общества любителей россійской словесности. Одушевленный такими, конечно, вполнѣ заслуженными изъявленіями уваженія и сочувствія къ своей ученой дѣятельности, Востоковъ рѣшился посвятить ей себя исключительно и въ 1821 г., какъ бы на прощанье съ прежними поэтическими отвлеченіями, вторично издалъ всѣ свои *Стихотворенія* (счетомъ 67), въ 3 частяхъ, съ гравюрой при каждой, затѣмъ, въ три осенніе мѣсяца того же года, составилъ *Описаніе 10 рукописей преосвященнаго Евгенія* (митрополита кіевскаго), а въ 1822 г., ознаменованномъ первыми учеными сношеніями Востокова съ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ, онъ уже былъ углубленъ въ изученіе славянской палеографіи и занимался составленіемъ *Таблицы почерковъ*, о чемъ самъ писалъ Калайдовичу: «Я по совѣту преосв. Евгенія ударился также, какъ и пріятель нашъ, Кеппенъ, въ палеографію, и составляю себѣ таблицу почерковъ славянскаго письма разныхъ вѣковъ и разныхъ странъ». Въ 1823 г. вольное общество любителей россійской словесности поручило Востокову *разсмотрѣніе правилъ русской грамматики*, а общество исторіи и древностей россійскихъ при Имп. московскомъ университетѣ, 14 іюня, избрало Востокова въ свои дѣйствительные члены и Востоковъ, составивъ, въ концѣ года, особыя *Описанія нѣкоторыхъ изъ рукописей канцлера*, собственно для самого канцлера, 11 января 1824 г., за службу въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, былъ произведенъ въ надворные совѣтники. Но тогда у Востокова уже шли переговоры съ канцлеромъ, по окончаніи и утвержденіи которыхъ взаимными обязательствами переговаривавшихся сторонъ, Востоковъ, занятый между тѣмъ, по просьбѣ Калайдовича, описаніемъ Лаврентьевскаго списка повѣсти временныхъ лѣтъ, для московскаго изданія «Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку», въ томъ же 1824 г., просилъ и получилъ увольненія: 30 апрѣля — отъ службы въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, а 25 мая — отъ службы въ коммиссіи составленія законовъ, и поступилъ въ частную должность хранителя собственнаго музеума гр. Румянцова, съ жалованьемъ по три тысячи рублей въ годъ отъ графа и обязательствомъ — описывать рукописи графскаго музеума. Немедленно приступивъ къ этому кропотливо-ученому труду, Востоковъ не устранился и отъ безкорыстнаго сотрудничества своему ученому пріятелю Кеппену, въ «Библіографическихъ листахъ» котораго, за 1825 г., онъ помѣстилъ *шесть* необширныхъ, но строго-научныхъ статей (1. О словенской рукописи XI вѣка, содержащей переводъ твореній св. Григорія Богослова. 2. Рецензія книги: «Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ», соч. вологодскаго купца Ив. Лаптева. 3. Извѣстіе о вновь открытыхъ древнихъ словенскихъ рукописяхъ (именно о Супрасльской рукописи). 4. Дополненія и поправки къ предыдущей статьѣ. 5. Ближайшія свѣдѣнія о словенскомъ палимпсестѣ въ Римѣ. 6. Рецензія «Славянской грамматики» Пенинскаго) и 1 декабря 1825 г., по предложенію дерптскаго профессора Клозіуса, избранъ докторомъ философіи Тюбингенскаго университета. Въ теченіе 1826 г. Востоковъ, между занятіями по описанію музеума гр. Румянцова, изготовилъ для «Библіографическихъ листовъ» Кеппена *Грамматическія объясненія на три славянскихъ статьи* извѣстной *Фрейзингенской рукописи* и, 29 декабря, въ день торжествованія академіей наукъ ея столѣтняго юбилея, возведенъ въ званіе ея корреспондента, а въ 1827 г., когда въ альманахѣ Дельвига «Сѣверные Цвѣты» явились послѣдніе стихотворные труды Востокова, его переводъ четырехъ *Сербскихъ*

пѣсенъ, онъ, по порученію комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, уже приступалъ къ своему общеизвѣстному труду — сочиненія русской грамматики, полной и сокращенной. Между тѣмъ гр. Румянцовъ умеръ (1826) и его музеумъ поступилъ въ казенное вѣдомство, но ни то ни другое не помѣшало работамъ Востокова по музеуму: 22 марта 1828 г., въ день учрежденія Румянцовскаго музея публичнымъ, Востоковъ назначенъ имъ завѣдывать, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 28 августа, онъ же опредѣленъ хранителемъ манускриптовъ Имп. публичной библіотеки, и, нося оба эти званія, 9 декабря 1830 г., произведенъ, за выслугу лѣтъ, въ коллежскіе совѣтники. Съ наступленіемъ 1831 г., Востоковъ, пожалованный, 9 марта, кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса и утвержденный, 27 іюня, старшимъ библіотекаремъ Румянцовскаго музея, уже печаталъ свой слишкомъ трехъ-лѣтній трудъ – обѣ грамматики, изъ которыхъ одна вышла подъ названіемъ: *Сокращенная русская грамматика для употребленія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ*, а другая подъ названіемъ: *Русская грамматика по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная* — и эта послѣдняя тогда же удостоена полной Демидовской преміи. Начавъ съ 1832 г. переписку на-бѣло уже оконченнаго составленіемъ *Описанія рукописей Румянцовскаго музея*, Востоковъ, въ 1833 г. вторично издалъ свою «Сокращенную грамматику», 22 августа 1834 г. получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ, 21 сентября 1835 г. назначенъ членомъ словарнаго комитета въ россійской академіи и взялъ на себя обработку буквъ *Г* и *И*, 2 іюня 1836 г. пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 2 класса, украшеннаго Имп. короною, и въ томъ же году, напечаталъ въ двухъ книжкахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» двѣ свои статьи: *Описаніе рукописей и печатныхъ книгъ славянскихъ, принадлежащихъ А. С. Норову* и *Описаніе греческихъ рукописей, принадлежащихъ А. С. Норову*, а въ 1837 г. представилъ *Описаніе музея* въ цензуру. Къ этому времени, извѣстность Востокова, какъ авторитета по своей спеціальности, на столько упрочилась, что уже навлекала ему обязанности и занятія не по одному его личному выбору, — которыя однако онъ, всегда уступчивый, скромный и осторожный, исполнялъ крайне добросовѣстно. Такъ, 16 іюля 1838 г. министръ народнаго просвѣщенія поручилъ Востокову «руководить старшаго учителя Петра Прейса въ занятіяхъ славянской филологіей», а 24 ноября 1839 г., когда Востоковъ, по поводу дѣланнаго имъ разбора книги С. Строева: «Описаніе памятниковъ славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ библіотекахъ Германіи и Франціи», былъ углубленъ въ изученіе такъ называемаго Реймскаго евангелія, — тотъ же министръ опредѣлилъ Востокова членомъ и главнымъ редакторомъ археографической коммиссіи по изданію актовъ на иностранныхъ языкахъ. — Произведенный 18 октября 1840 г., за выслугу лѣтъ, въ статскіе совѣтники, Востоковъ, въ 1841 г., издавалъ I томъ «Историческихъ актовъ» на иностранныхъ языкахъ, при чемъ, 18 іюня, какъ членъ россійской академіи, назначенъ членомъ комитета для начертанія правилъ присоединенія россійской академіи къ академіи наукъ; 3 октября, какъ членъ и редакторъ археографической коммиссіи, «за отличные труды», пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 3 класса; наконецъ, 19 октября, какъ отличный ученый, по докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденъ ординарнымъ академикомъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, на что тогда же получилъ дипломъ. Въ 1842 г. труды неутомимаго Востокова выразились еще рельефнѣе изданіемъ, одновременно съ II томомъ «Актовъ историческихъ» на иностранныхъ языкахъ, огромнаго квартанта, подъ названіемъ: *Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго музеума*, за поднесеніе котораго Имп. Николаю I авторъ пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ, а въ 1843 г. Востоковъ, избранный, 8 января, членомъ русскаго отдѣленія копенгагенскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ и произведенный, 8 октября, въ дѣйствительные статскіе совѣтники, удивилъ и восхитилъ ученый міръ, напечатавъ, какъ выражается г. Срезневскій, «строка въ строку, столбецъ въ столбецъ, знакъ въ знакъ», знаменитое *Остромірово евангеліе* XI вѣка, съ греческимъ текстомъ, словоуказателемъ и, что всего важнѣе, съ грамматическими объясненіями, — трудъ почтенный, узаконившій многіе пріемы славянской филологіи, повсемѣстно оцѣненный знатоками, удостоенный полной Демидовской преміи отъ академіи наукъ и Высочайшимъ пожалованіемъ автору, 6 декабря, брилліантоваго перстня. Но, устарѣвъ для службы, если не для науки, Востоковъ въ 1844 г. испросилъ себѣ увольненія: 15 марта — отъ должности хранителя манускриптовъ въ Имп. публичной библіотекѣ, 15 мая — отъ должности старшаго библіотекаря Румянцовскаго музеума, а 28 ноября 1845 г. — отъ должности члена-редактора археографической коммиссіи, и, не стѣсняемый ничѣмъ, могъ свободно предаться своимъ любимымъ занятіямъ въ кругу дѣятельности исключительно академической. Такъ, въ 1847 г., Востоковъ, по поводу дѣланнаго имъ разбора книги Билярскаго: «Судьбы церковнаго языка», опять, углубился въ изученіе Реймскаго евангелія, при чемъ подъ его редакціей изданъ II томъ *Словаря церковнославянскаго и русскаго языка*, а въ 1848 г. Востоковъ, 28 августа, возведенный въ степень доктора свободныхъ искуствъ и философіи Пражскаго университета, праздновавшаго тогда свой пятисотлѣтній юбилей, началъ работы по составленію «Областнаго словаря великорусскаго языка», о ходѣ которыхъ, равно и другихъ ученыхъ занятій Востокова, въ академическомъ отчетѣ по отдѣленію русскаго языка и словесности за 1849 г. отмѣчено: «ординарный академикъ А. Х. Востоковъ занимался собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ для областнаго словаря, который въ рукописи готовъ и даже приступлено къ печатанію его. При этомъ занятіи, имъ встрѣчено значительное количество простонародныхъ словъ, не внесенныхъ въ словарь общій, которыя и представилъ онъ въ отдѣленіе для пополненія перваго словаря его при новомъ изданіи. Сверхъ того онъ продолжалъ трудиться надъ составляемыми имъ грамматикою и краткимъ словаремъ церковнославянскаго языка по однимъ древнѣйшимъ его письменнымъ памятникамъ. Этотъ трудъ близокъ къ окончанію». — 22 іюня 1850 г., Востоковъ «за усердные и полезные труды» по званію члена существовавшаго при министерствѣ народнаго просвѣщенія комитета разсмотрѣнія учебныхъ пособій, Всемилостивѣйше пожалованъ подаркомъ въ 1000 рублей; 1 іюня 1851 г. избранъ почетнымъ членомъ обществъ для исторіи и древностей юго-славянскихъ; въ 1852 г. издалъ *Опытъ областнаго великорусскаго словаря* и напечаталъ въ I томѣ «Извѣстій» II отдѣленія академіи наукъ любопытную записку *Объ октоихѣ сербскаго письма XIII вѣка*; въ 1853 г. помѣстилъ во II томѣ тѣхъ же «Извѣстій» свое *Раз-*

смотрѣніе книги апостольскихъ чтеній 1324 г., а въ 1854 г. изготовилъ для III тома «Извѣстій» *Разсмотрѣніе отрывка изъ евангельскихъ чтеній русскаго письма XIII вѣка*, и 23 декабря того же 1854 г., «въ изъявленіе благоволенія къ долговременной усердной службѣ и полезнымъ трудамъ», пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1 степени, — по представленію академіи, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «многими и важными сочиненіями Востоковъ, какъ среди соотечественниковъ, такъ и между учеными иностранными, заслужилъ почетное имя и извѣстность. Славяно-русская филологія обязана ему прочными основаніями и изслѣдованіями». — Въ 1855 г. Востоковъ, 2 января, избранъ членомъ общества сербской словесности (въ Бѣлградѣ), «изъ уваженія нѣговы за славенску книжевность заслуга»; 22 марта, избранъ же почетнымъ членомъ московскаго университета, «въ уваженіе великихъ услугъ, оказанныхъ имъ славянскому и русскому языкамъ»; а 26 апрѣля, онъ, уже 75-лѣтній старецъ, принялъ, по приглашенію начальника главнаго штаба Е. И. В. по военно-учебнымъ заведеніямъ Я. И. Ростовцева, участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія руководствъ по отечественной словесности и, потомъ, издавъ отдѣльной книжкой: *Грамматическія правила славянскаго языка, извлеченныя изъ Остромірова евангелія*, напечаталъ въ «Ученыхъ запискахъ» II отдѣленія академіи наукъ *Описаніе майской мѣсячной минеи XI вѣка*. Избранный 21 декабря 1856 г. почетнымъ членомъ харьковскаго университета, «во уваженіе отличныхъ ученыхъ заслугъ, оказанныхъ славяно-русской филологіи», Востоковъ, въ 1858 г. издалъ I томъ составленнаго имъ *Словаря церковно-славянскаго языка;* 1 января 1859 г. пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1 степени, къ октябрю 1860 г. самъ переписалъ на бѣло и внесъ во II отдѣленіе академіи наукъ свой новооконченный трудъ, подъ названіемъ: *Грамматика церковно-славянскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ*, въ 1861 г. издалъ II и послѣдній томъ своего «Словаря церковно-славянскаго языка», 8 сентября 1862 г., въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, «въ изъявленіе особеннаго благоволенія къ ученымъ трудамъ», пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 2 степени, наконецъ, въ 1863 г. самъ издалъ свою «Грамматику церковно-славянскаго языка». Этотъ почтенный трудъ былъ лебединою пѣснію маститаго филолога: 8 февраля 1864 г. Востоковъ умеръ въ Петербургѣ, на 83 году жизни, всецѣло посвященной усердному и полезному служенію наукѣ. — Тѣло его погребено тамъ же, на лютеранскомъ кладбищѣ. — Нѣмецъ по рожденію и вѣрѣ, А. Х. Востоковъ былъ русскимъ по языку и жизни, съ молоду полюбилъ онъ все русское и такъ отвыкъ отъ всего нѣмецкаго, что, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, уже не могъ, безъ помощи пріятелей, напр. Кеппена, отвѣчать какому нибудь ученому нѣмцу письмомъ на его языкѣ; или, если приходилось ему писать къ не русскому, но знакомому съ славянскимъ языкомъ, напр. къ Копитару, то начиналъ свое посланіе по-нѣмецки, а продолжалъ и оканчивалъ по-русски. — Всегда углубленный въ научныя занятія, всегда сосредоточенный на томъ или другомъ изслѣдованіи, Востоковъ казался — и, дѣйствительно, былъ — скроменъ, застѣнчивъ, неговорливъ, что происходило, быть можетъ, и отъ его косноязычія, по поводу котораго онъ, еще въ молодости, написалъ стихотвореніе: *Къ Гарпократу, ода нѣмаго*, начинавшееся такъ:

Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу.
Несчастливъ я и счастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу.

Внѣшняя скромность Востокова вовсе не была маской: «податливость его характера — пишетъ г. Срезневскій — позволяла ему соглашаться съ чужими приговорами не только о томъ, что ему менѣе было знакомо, но даже и о томъ, что зналъ онъ и понималъ лучше всѣхъ въ то время, чему противное лежало въ его умѣ, какъ чистое убѣжденіе, добытое провѣренными наблюденіями и уже высказанное въ прежнихъ печатныхъ трудахъ». — Какъ поэтъ, Востоковъ не имѣетъ особеннаго значенія, хотя и у него были, въ этомъ отношеніи, свои поклонники, изъ которыхъ напр. А. Стурдза, спустя почти полвѣка, писалъ: «мы съ нимъ (Востоковымъ) ровестники: я когда-то страстно любилъ, изучалъ и перенималъ его стихи задумчиво-прекрасные, въ которыхъ дышетъ истинный лиризмъ и плѣняетъ читателя классическое разнообразіе размѣровъ». Гораздо вѣрнѣе опредѣляетъ Востокова, какъ поэта, г. Галаховъ, замѣтившій въ своей «Исторической христоматіи»: «Стихотворенія Востокова, не поражая ни блескомъ фантазіи, ни увлекающимъ восторгомъ, имѣютъ другія несомнѣнныя достоинства, которыя для цѣнителей искуства дороги не меньше поэтическихъ красотъ. Въ каждомъ изъ нихъ есть мысль, выражаемая яснымъ и отчетливымъ словомъ, есть разумная мѣра, не позволяющая ни воображенію уноситься въ сторону, ни чувству разливаться напраснымъ потокомъ». — Но какъ филологъ, Востоковъ занимаетъ мѣсто между первостепенными европейскими учеными. Патріархъ славянской филологіи, онъ, можно сказать, создалъ науку русскаго языка, впервые объяснивъ славянскій, о которомъ до Востокова имѣли весьма неопредѣленное понятіе, разумѣя славянскимъ тотъ самый языкъ, какой употребляется въ печатныхъ церковныхъ книгахъ и въ православномъ богослуженіи. Ознакомить желающихъ со множествомъ памятниковъ славянской и русской письменности, пріурочить эти памятники къ опредѣленному времени и вывести изъ нихъ цѣлый сводъ незыблемыхъ правилъ, по самой новости своей казавшихся открытіями, — было дѣломъ Востокова, стяжавшимъ этому дѣлателю неувядающую славу въ лѣтописяхъ науки славянскаго и русскаго языковъ. Самые труды Востокова, каковы напр. *Разсужденіе о славенскомъ языкѣ*, *Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума*, *Остромірово евангеліе* — долго еще не будутъ имѣть себѣ равныхъ и всегда останутся классическими. *Грамматики* же Востокова — издававшіяся: *пространная*, кажется, 11, а *сокращенная* больше 25 разъ — и до сихъ поръ продолжаютъ поучать русское юношество знанію русскаго слова, величайшимъ и глубочайшимъ изслѣдователемъ котораго былъ ихъ авторъ. Велика, наконецъ, и та заслуга Востокова, что его трудами не только открытъ, но и освѣщенъ путь, которымъ до него не ходилъ никто, но слѣдуютъ теперь всѣ безъ исключенія великія и малыя представители славянской филологіи въ Европѣ, обязанныя всѣмъ запасомъ своихъ знаній преимущественно Востокову.

ЯКОВЛЕВЪ, Алексѣй Семеновичъ, знаменитый артистъ русскаго театра. Происходилъ изъ купеческой семьи г. Костромы, но родился, въ 1773 г., въ Петербургѣ, гдѣ проживалъ тогда его отецъ, мѣстный гостинодворскій торго-

вецъ, разоренный пожаромъ петербургскаго гостинаго двора въ 1771 г. — Оставшись послѣ отца 2-хъ лѣтнимъ, а послѣ матери 5-ти лѣтнимъ ребенкомъ, Яковлевъ, по материнскому завѣщанію, отданъ былъ въ опеку петербургскому купцу Шапошникову и переселенъ въ его домъ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Тутъ будущій артистъ безнадзорно проводилъ свое дѣтство и совершенно случайно выучился грамотѣ — у просвирниной дочки, жившей съ матерью въ церковномъ домѣ, рядомъ съ домомъ Шапошникова. Хозяинъ послѣдняго, узнавъ о занятіяхъ своего питомца, немедленно отдалъ его въ Вознесенское приходское училище, гдѣ Яковлевъ доучился читать и писать, хотя въ аттестатѣ, выданномъ ему, значилось, что онъ обучался грамматикѣ, реторикѣ, французскому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, даже рисованію, — предметы, которыхъ, по собственному сознанію Яковлева, никто ему не преподавалъ. Взятый, по 13 году, изъ школы, Яковлевъ былъ посаженъ своимъ опекуномъ въ лавку и тутъ не замедлилъ сблизиться съ сосѣднимъ сидѣльцемъ, страстнымъ любителемъ чтенія. Молодые друзья усердно обмѣнивались книгами, какія могли доставать, и взапуски заучивали наизусть торжественныя оды, царившія тогда въ русской поэзіи, — а торговое дѣло, естественнымъ образомъ, отодвигалось у нихъ на второй планъ. Замѣтивъ это, опекунъ Яковлева запретилъ своему питомцу видаться съ другомъ-сидѣльцемъ, но запретъ этотъ нарушался при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ другу-сидѣльцу удалось впервые побывать въ театрѣ и увидать трагедію. Разсказамъ съ одной и вопросамъ съ другой стороны — не было конца. «Ну, а когда одинъ говоритъ, то что̀ же дѣлаютъ въ это время прочіе актеры?» — выспрашивалъ Яковлевъ. — «Ничего, стоятъ! чтожъ имъ дѣлать?» отвѣчалъ другъ-сидѣлецъ. — «Какъ, братецъ, что̀? прервалъ его Яковлевъ; да они должны глазами, лицомъ, тѣлодвиженіями показывать, что раздѣляютъ чувства говорящаго, а иначе зачѣмъ же имъ тутъ и быть?» Въ заключеніе этаго разговора, обличавшаго въ Яковлевѣ инстиктивное пониманіе сценическаго дѣла, друзья порѣшили: обоимъ вмѣстѣ сходить въ театръ, а до того, съ помощью третьяго, разыграть самимъ какую нибудь пьесу. Выборъ палъ на «Дмитрія Самозванца», Сумарокова, къ участію приглашенъ былъ братъ друга-сидѣльца — и въ пьесѣ, на̀-скоро разученной, роль Ксеніи игралъ Яковлевъ. Послѣ «Самозванца», они, втроемъ же, разыграли Вольтерова «Магомета» — и женскую роль (Пальмиры) выполнилъ опять Яковлевъ. Наконецъ, удалось и Яковлеву попасть въ настоящій театръ, на Царицыномъ-Лугу: въ первый разъ, — когда играли тамъ «Трехъ братьевъ близнецовъ», нѣмецкую комедію (die Drillinge) въ передѣлкѣ на русскіе нравы, и актеръ Гомбуровъ изумилъ Яковлева, являясь въ трехъ разныхъ роляхъ; во второй разъ, — когда тамъ же шелъ «Коріоланъ», произведшій такое сильное впечатлѣніе на будущаго артиста, что Яковлевъ долго ходилъ самъ не свой, повторяя всѣмъ встрѣчнымъ знакомцамъ:

> Постой! Не вѣдаю: люблю иль ненавижу;
> Скажи, врага-ль въ тебѣ теперь иль сына вижу?

Подъ вліяніемъ усилившейся страсти къ театру, Яковлевъ однако не помышлялъ еще быть актеромъ, но воображалъ сдѣлаться авторомъ, поэтомъ, и пользуясь однимъ трагическимъ событіемъ въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ, попробовалъ изобразить случившееся въ видѣ одноактной пьесы, названной имъ «Отчаянный любовникъ» и изложенной такими стихами:

> О сынъ любезнѣйшій! сынъ сердца моего!
> Я сталъ виновникомъ несчастья твоего!
> Твой гробъ тебѣ отверзтъ родительской рукою,
> Но рокъ за то отмститъ, лиша меня покою.
> Мой духъ предчувствуетъ, что должно всѣмъ страдать...
> И гдѣжъ въ страданьяхъ сихъ отрады мнѣ искать? и проч.

Но стихотворство окончательно разсорило питомца съ опекуномъ, у котораго первый сталъ проситься на волю. «Чтожъ ты будешь дѣлать? Куда пойдешь?» спрашивалъ своего питомца Шапошниковъ. — «Вотъ моя надежда и заступница», отвѣчалъ, указавъ на образъ Богородицы, Яковлевъ, всегда глубоко-религіозный. — Опекунъ отпустилъ питомца — и Яковлевъ снялъ въ зеркальной линіи окошко, для торговли галантерейными вещами, но, вмѣсто торговли, сидѣлъ въ своей лавочкѣ за книгою, чѣмъ самымъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ. Между послѣдними случалось бывать и директору банка, Н. И. Перепечину, который часто останавливался у окошка Яковлева, вступалъ въ разговоръ съ молодымъ купчикомъ, заинтересовался его умными отвѣтами, прекрасною наружностью, видимою страстью къ литературѣ — и пригласилъ Яковлева въ свой домъ, гдѣ гость, на первый же разъ, прочиталъ хозяину своего «Отчаяннаго любовника», выслушаннаго съ одобреніемъ, а потомъ былъ представленъ И. А. Дмитревскому, знаменитѣйшему изъ артистовъ русскаго театра. Пораженный привлекательною наружностью, представительною фигурою и драматическимъ жаромъ декламаціи Яковлева, читавшаго передъ своими меценатами тирады изъ разныхъ пьесъ, Дмитревскій пришелъ въ совершенный восторгъ, брался быть руководителемъ ново-отысканнаго таланта, уговаривалъ Яковлева дебютировать. Судьба будущаго артиста была, такимъ образомъ, рѣшена — и Яковлевъ, послѣ нѣкотораго боренія съ господствовавшими въ его сословіи предразсудками, 1 іюня 1794 г. явился на русской сценѣ, въ трагедіи Сумарокова «Семира», исполнителемъ роли Аскольда. Появленіе невиданнаго, молодаго артиста, прекраснаго роста, прекрасной наружности, съ сильнымъ, звучнымъ и мягкимъ органомъ, съ пламенными чувствами, съ дикціей, развитой уроками Дмитревскаго, — было привѣтствовано громкими одобреніями восхищенной публики. Второй дебютъ Яковлева, въ роли Синава, одной изъ двухъ главныхъ ролей трагедіи Сумарокова «Синавъ и Труворъ» былъ 2 іюля и увѣнчался такимъ же успѣхомъ. Наконецъ, іюля 30, Яковлевъ вышелъ въ третій разъ, въ комедіи «Ревнивый», гдѣ онъ, съумѣвъ сдѣлать все изъ безцвѣтной роли Доронта, — рѣшительно понравился публикѣ, а потому немедленно былъ принятъ дирекціей на службу, безъ всякаго контракта, которыхъ тогда не знавали.

Послѣдовательно переходя съ ролей молодыхъ любовниковъ на первыя роли, Яковлевъ однако долго сохранялъ принужденный видъ, холодность и неловкость (steifheit) — происходившіе отъ сценической неопытности и неразвязности. Ему самому нравились въ особенности трагедіи Сумарокова именно потому, что въ нихъ ничего не было естественнаго, все ходило на ходуляхъ, дышало напыщенностью, — казалось ловкимъ неловкому прозелиту Мельпомены. Совсѣмъ тѣмъ, Яковлевъ нѣсколько лѣтъ выполнялъ нелюбимую имъ роль Видостана въ «Русалкѣ», важно расхаживая по мнимому берегу Днѣпра, когда Леста пѣла: ***Прійди въ чертогъ ко мнѣ златой!*** — и нѣсколько лѣтъ игралъ аксессуарную роль Ильи-богатыря, въ волшебно-комической оперѣ того же названія, соч. И. А. Кры-

лова, при чемъ онъ не менѣе важно ломалъ холстинный дубъ, чтобъ переступить черезъ потокъ сухой воды. Произведенія Княжнина, составляющія въ исторіи русской драматической литературы переходъ отъ Сумарокова къ Озерову, первыя заговорили сердцу и воображенію Яковлева, первыя повліяли рѣшительно на развитіе и образованіе его громаднаго таланта. Роли Энея и потомъ Ярба въ «Дидонѣ», даже Верхолета въ «Хвастунѣ» — выказали сценическія дарованія Яковлева со стороны еще невиданной; роль плѣнника Росслава въ трагедіи того же имени, — разомъ поставила Яковлева на чреду исполнителей первоклассныхъ; а роль Массиниссы въ «Софонизбѣ» — была первою, въ которую Яковлевъ, не прибѣгая къ возгласамъ и ходулямъ, вложилъ все чувство, одушевлявшее грудь его. Однимъ словомъ, сценическій талантъ Яковлева, развивавшійся, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, оказывался болѣе и болѣе удовлетворяющимъ всему разнообразію русскаго театральнаго репертуара 90-хъ гг. прошлаго столѣтія. Такъ, Яковлевъ умѣлъ сдѣлать все и изъ роли Георгія, въ «Дмитріѣ Самозванцѣ» Сумарокова; былъ хорошъ и въ «Евгеніи», пяти актной драмѣ Бомарше, и въ «Эдуардѣ и Юліи», эффектной драмѣ П. Н. Титова, и въ «Ненависти къ людямъ и раскаяніи», драмѣ плодовитаго нѣмца Коцебу, переведенной А. Ѳ. Малиновскимъ, и, наконецъ, въ «Ярополкѣ и Олегѣ», первой трагедіи В. А. Озерова, этаго новаго свѣтила русской драматической литературы. Съ постановкою на сцену произведеній Озерова, теперь не выдерживающихъ критики, но, въ свое время, плѣнявшихъ преимущественно неслыханнымъ, музыкальнымъ стихомъ, талантъ Яковлева получилъ новое одушевленіе — и, почти обезсмертилъ себя выполненіемъ ролей: Тезея, въ «Эдипѣ въ Аѳинахъ», Фингала и Дмитрія Донскаго, въ трагедіяхъ тѣхъ же наименованій. «Самъ Озеровъ — свидѣтельствуетъ одинъ изъ современниковъ — не разъ восхищался игрою Яковлева и съ восторгомъ автора благодарилъ его за прекрасное выраженіе стиховъ своихъ». Что касается публики, которой Яковлевъ былъ уже любимцемъ, она ломилась въ театры на представленія трагедій Озерова и неистово рукоплескала извѣстнымъ монологамъ, фразамъ, даже полу-фразамъ Яковлева, какъ напр. въ Фингалѣ, полу-стишію:

> Я здѣсь не въ первый разъ!

а въ «Дмитріѣ Донскомъ» — стихамъ:

> Кто надъ могилою иль дѣда, иль отца
> Не плакалъ о бѣдахъ Россійскаго народа?

или — другимъ:

> Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
> Что Богу русской князь покоренъ одному —

или, и въ особенности, слѣдующему заключительному монологу «Донскаго», читанному Яковлевымъ на колѣнахъ:

> Но первый сердца долгъ тебѣ, Царю Царей!
> Всѣ царства держатся десницею твоей!
> Возстань и возвеличь и утверди Россію!
> Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливыхъ выю,
> Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
> Языки, вѣдайте — великъ Россійскій Богъ!

Не менѣе удачно выполнялъ Яковлевъ главныя роли и въ «Пожарскомъ», трагедіи Крюковскаго, гдѣ особенно сильно выражался Яковлевымъ, въ наставленіи Пожарскаго сыну, стихъ:

> Брегися и тогда пришельцамъ покориться, —

и въ «Гамлетѣ» Дюсиса, плоховато переведенномъ Висковатовымъ, но нравившемся знатокамъ собственно за произношеніе Яковлевымъ стиха:

> Жизнь, прелести, любовь... Смерть, ужасы и прахъ!

Превосходная игра Яковлева нерѣдко обращала на себя и Высочайшее вниманіе. Такъ, въ 1796 г., послѣ представленія въ Таврическомъ дворцѣ драмы Коцебу «Сынъ любви», Имп. Екатерина II изъявила свое благоволеніе Яковлеву, игравшему главную роль Фрица; 8 сентября 1797 г., при первомъ представленіи, въ Гатчинѣ, драмы Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», Имп. Павелъ I особенно одобрилъ игру Перловой (впослѣдствіи Каратыгиной), въ роли Эйлаліи, и Яковлева — въ роли неизвѣстнаго; 23 ноября 1804 г., въ вечеръ перваго представленія «Эдипа въ Аѳинахъ», Имп. Александръ I пожаловалъ Яковлеву, за исполненіе роли Тезея, драгоцѣнный подарокъ; 19 декабря 1805 г. Имп. Александръ I снова наградилъ Яковлева подаркомъ, за превосходное выполненіе роли «Фингала» на эрмитажномъ театрѣ; 17 января 1807 г., Яковлевъ получилъ отъ Государя третій подарокъ, за игру въ трагедіи «Дмитрій Донской», вторично представленной на эрмитажномъ театрѣ, и проч. — Эти знаки уваженія къ таланту Яковлева, естественно, придавали самому Яковлеву вѣсъ и тонъ, какихъ не имѣли многіе изъ его товарищей по сценѣ, особенно во времена кн. А. А. Шаховскаго, завѣдывавшаго репертуарною частью съ 1802 г. «3 октября (1805 г.) – замѣчаетъ лѣтописецъ русскаго театра П. Араповъ — давали драму: *Желѣзная маска*, перев. Краснопольскаго. Сначала, кн. Шаховской не допускалъ ее на сцену, усиливаясь доказать, что маркизъ Лувуа, выведенный коварнымъ интриганомъ, не былъ такимъ въ дѣйствительности. И только стараніе Яковлева могло склонить главнаго директора (А. Л. Нарышкина) разрѣшить представленіе этой пьесы, въ которой у Яковлева была очень блестящая роль. Драма имѣла успѣхъ огромный. Яковлевъ и Каратыгина были всегда осыпаемы рукоплесканіями». Въ другой разъ, значеніе Яковлева выразилось еще рельефнѣе — при слѣдующемъ случаѣ: 15 сентября 1808 г., по окончаніи балета *Одному обѣщано, а другому досталось*, публика начала вызывать выписнаго танцовщика Дюпора, участвовавшаго въ балетѣ; но такъ какъ, по обыкновенію, одни хлопали, другіе шикали, то Дюпоръ, оскорбившись, рѣшилъ не выходить, а къ публикѣ высланъ артистъ — благодарить отъ имени Дюпора, будто бы, не могущаго явиться за усталостью. Тогда публика пришла въ негодованіе, послышались свистки — и Дюпоръ потихоньку уѣхалъ домой. Восемь дней спустя, передъ балетомъ съ участіемъ Дюпора, вышелъ на сцену Яковлевъ и въ рѣчи, обращенной къ публикѣ, испрашивалъ прощеніе огорченному Дюпору; раздались громкія одобрительныя рукоплесканія въ залѣ — и Дюпоръ снова былъ принятъ съ восторгомъ. Любимецъ публики, Яковлевъ не боялся и журнальной критики, что доказывается слѣдующимъ: 31 января 1809 г. сыграна была переводная трагедія кн. Шаховскаго «Китайскій сирота» — и Яковлевъ, выполнявшій роль Чингисъ-Хана, былъ вызванъ, но, не смотря на это, въ № 2 журнала «Цвѣтникъ» явились замѣчанія на представленіе «Китайскаго сироты», съ сильными нападеніями на игру Яковлева, который однако отвѣчалъ Измайлову и Беницкому, издателямъ «Цвѣтника», особымъ пись-

момъ, съ доказательствами, что недостатки его при выполненіи роли Чингисъ-Хана, если и предположить ихъ, произошли не отъ небреженія, какъ утверждаетъ статья «Цвѣтника», а отъ ошибки въ расположеніи самой роли. «Съ того времени, писалъ Яковлевъ, какъ только началъ я замѣчать и чувствовать благоволеніе почтенной публики къ игрѣ моей, не только никогда не пренебрегалъ оною, но тщился болѣе усовершить ее и, при каждомъ представленіи моемъ, считалъ себя обязаннымъ и ревностно старался угодить знающимъ искуство актеровъ зрителямъ». — Высказываясь такъ, Яковлевъ говорилъ правду. Дѣйствительно, не было роли во всемъ огромномъ репертуарѣ его, въ которую бы онъ не вносилъ тщательнаго изученія, тонкаго пониманія, истиннаго чувства и своеобразнаго выраженія. Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ, Шекспиръ, Вольтеръ, Расинъ, Кребильонъ, Коцебу — имѣли въ Яковлевѣ на столько вѣрнаго изобразителя ихъ героевъ, на сколько были вѣрны себѣ сами эти герои. А потому «знающіе искуство актеровъ зрители» не могли не цѣнить въ Яковлевѣ дарованіе самобытное, почти геніальное, — остальная же масса публики просто увлекалась представительною фигурою, выразительнымъ органомъ и прекрасною наружностью Яковлева. Счастливый своими отношеніями къ искуству и публикѣ, Яковлевъ однако не почиталъ себя счастливцемъ въ жизни и, какъ поэтъ въ душѣ и на дѣлѣ, выражалъ свои ***Мрачныя мысли*** такъ:

Стой, помедли, солнце красное!
На часокъ не меркни, свѣтлое!
Ты не крой лица блестящаго
Въ хладной влагѣ моря синяго!..
Не взойдешь уже ты болѣе
Для моихъ очей слезящихся!
Се врата предъ мною вѣчности!
Я готовъ стопою смѣлою
Сдѣлать шагъ въ путь неизвѣстный мнѣ...

Дѣло въ томъ, что Яковлевъ, влюбленный со всею пылкостью артиста въ замужнюю женщину, обладаніе которою было, слѣдовательно, не безъ препятствій, пробовалъ сначала топить свою страсть въ винѣ, но вмѣсто того нажилъ разочарованіе, потомъ меланхолію, а въ 1814 г., когда писались вышеприведенные стихи, даже посягнулъ на собственную жизнь, однако, по не очень большой глубинѣ бритвеннаго порѣза, былъ спасенъ еще на три года. Въ этотъ короткій періодъ времени, Яковлевъ бросилъ предметъ прежней страсти — и обратился къ дѣвушкѣ, достойной во всѣхъ отношеніяхъ и успѣшно начинавшей драматическое поприще. Это была воспитанница театральной школы, Е. И. Ширяева, съ которою Яковлевъ обвѣнчался въ августѣ 1815 г. Вскорѣ послѣ того, молодая Яковлева впервые явилась подъ своимъ новымъ именемъ въ комедіи «Влюбленный Шекспиръ», при чемъ, когда мужъ ея, игравшій съ нею, произносилъ въ одномъ изъ монологовъ своей роли: «и супругъ обожаемой жены... чего еще желать мнѣ болѣе?» — долговременныя рукоплесканія засвидѣтельствовали о томъ участіи, какое принимала вся публика въ семейной радости своего любимца. Но радость эта не была продолжительна. Истощенный прежнимъ образомъ жизни, Яковлевъ, человѣкъ еще не старый, угасалъ какъ свѣча, показываясь на сценѣ гораздо рѣже прежняго. «Однажды, лѣтомъ (въ іюлѣ 1817 г.), — разсказываетъ очевидецъ — назначенъ былъ, на маломъ театрѣ, Отелло. Яковлева давно не видали. Стеченіе публики было многочисленное. Онъ явился, былъ принятъ съ прежними аплодисментами, съигралъ два акта — и вдругъ, послѣ длиннаго антракта, вышедшій актеръ объявилъ публикѣ, что Отелло не можетъ быть доигранъ по внезапной болѣзни Яковлева. Всѣ тогда подумали, что слово *болѣзнь* имѣло вовсе другое значеніе. Яковлевъ велъ иногда разгульную жизнь и приносилъ частыя жертвы Вакху.... Ко всеобщему сожалѣнію вскорѣ узнали, что онъ дѣйствительно боленъ, и даже безнадежно». Въ послѣдній разъ публика рукоплескала Яковлеву въ роли Тезея, въ трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ», 4 октября 1817 г., а мѣсяцъ спустя — Яковлева уже не стало: 3 ноября 1817 г. онъ умеръ, въ Петербургѣ, на 44 году жизни. 15 ноября, въ пользу вдовы и дѣтей Яковлева, данъ дирекціей бенефисъ, въ которомъ, по объявленію на аффишахъ, долженствовалъ принять участіе и престарѣлый артистъ-пансіонеръ, знаменитый И. А. Дмитревскій, не явившійся однако на сцену по причинѣ внезапной болѣзни. Изъ многихъ эпитафій Яковлеву лучшая сочинена Илличевскимъ:

Осиротѣла Мельпомена:
Нѣтъ Яковлева, нѣтъ россійскаго Лекена!
Разилъ онъ ужасомъ и жалостью сердца,
Духъ русскій возвышалъ въ Димитріѣ, въ Росславѣ;
Почилъ подъ сѣнію лавроваго вѣнца,
Искуство взялъ съ собой, а имя отдалъ славѣ.

Не дурна и надпись къ портрету Яковлева, придуманная Б. М. Ѳедоровымъ:

Завистниковъ имѣлъ — соперниковъ не зналъ!

Какъ поэтъ, Яковлевъ извѣстенъ сочиненіемъ поэмъ: — *Торжество Вѣры* и *Вѣра*; Одъ — *На кончину Имп. Екатерины II* и на *бракосочетаніе Ихъ Высоч. Николая Павловича и Александры Ѳеодоровны* (1817); посланія *На новый годъ* (1812); сатирическихъ стихотвореній — *Разговоръ живописца съ подъячимъ*, *Игрокъ въ банкъ*; наконецъ — стихотвореній эротическихъ и друг. — Какъ человѣкъ, Яковлевъ былъ одаренъ самою благородною душею, руководился всегда честнѣйшими правилами и оставилъ множество анекдотическихъ воспоминаній о необычайной щедрости своей къ бѣднымъ. — Какъ артистъ русскаго театра — Яковлевъ еще не повторялся. По мнѣнію кн. А. А. Шаховскаго, знавшаго сцену вдоль и поперегъ, «Яковлеву не доставало классическаго и гимнастическаго образованія, чтобы сдѣлаться первымъ актеромъ всѣхъ европейскихъ театровъ». — Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ, отъ брака съ Екатериной Ивановной Ширяевой, оставилъ сына и дочь, которой Имп. Александръ I назначилъ пансіонъ въ 1333 р.

МАРТОСЪ, Иванъ Петровичъ, извѣстный русскій ваятель. Родился около 1750 г., Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда, въ слободѣ Ичнѣ, тутъ провелъ время своего дѣтства и обучился грамотѣ, а въ 1764 г., первомъ образованія Имп. академіи художествъ, вступилъ въ число ея воспитанниковъ, между которыми онъ всегда оставался однимъ изъ первыхъ — и по старѣйшинству вступленія, и по достоинству успѣховъ. Въ 1773 г. Имп. академія художествъ отправила Мартоса въ чужіе краи, для усовершенствованія его въ скульптурѣ, и Мартосъ, слѣдуя на купеческомъ суднѣ къ Италіи, претерпѣлъ бурю въ Океанѣ, о чемъ всегда вспоминалъ и разсказывалъ съ большимъ удовольствіемъ, а по прибытіи въ Римъ — страстно занимался своимъ искуствомъ и рисовалъ: то въ натурномъ классѣ извѣстнаго живописца Помпея Баттони, то съ

антиковъ, въ мастерской Рафаэля Менгса. Въ 1779 г. Мартосъ возвратился въ Петербургъ и, опредѣленный преподавать скульптуру воспитанникамъ академіи, тогда же нашелъ нужную ему поддержку въ просвѣщенномъ участіи сильнаго временщика, гр. Н. И. Панина, а затѣмъ и самъ не замедлилъ пріобрѣсти себѣ извѣстность, — какъ отработкою, въ 1786 г., по заказу вел. княг. Маріи Ѳеодоровны, для сада въ Павловскѣ, мраморнаго изваянія въ память «Родителямъ» Ея Высочества, такъ и произведеніемъ, для имп. эрмитажа, небольшой мраморной же статуэтки кн. Потемкина-Таврическаго, замѣчательной тѣмъ, что голову для нея Мартосъ лѣпилъ съ натуры. Продолжая однако преподавать въ академіи, Мартосъ, въ 1794 г., повышенъ изъ адъюнктъ-профессоровъ въ профессоры, а съ восшествіемъ на престолъ имп. Павла (1796 г.) нашелъ въ новомъ государѣ своего благодѣтеля, который, изъ уваженія къ дарованіямъ и искуству Мартоса, въ 1799 г. сдѣлалъ его адъюнктъ-ректоромъ академіи, съ чиномъ 7 класса, и постоянно оказывалъ ему Высочайшее вниманіе. — По воцареніи имп. Александра I, въ 1801 г., Мартосъ, всегда благодѣтельствуемый, имп. Маріей Ѳеодоровной, исполнилъ заказанный ею мраморный обелискъ имп. Павлу, въ саду г. Павловска, а затѣмъ принялъ на себя часть скульптурныхъ работъ строившагося тогда въ Петербургѣ Казанскаго собора, для котораго онъ произвелъ: колоссальную статую Іоанна Крестителя, отлитую изъ бронзы (въ портикѣ) и большой барельефъ, изображающій (надъ однимъ изъ проѣздовъ) изведеніе Моисеемъ воды изъ камня. Получивъ, 26 іюня 1809 г., орденъ св. Владиміра 4 класса, Мартосъ, уже статскій совѣтникъ, произвелъ, по заказу имп. Маріи Ѳеодоровны, для Павловскаго сада: въ 1810 г. — мраморный барельефъ на памятникъ вел. княг. Елены Павловны, наслѣдной принцессы Мекленбургъ-Шверинской, а въ 1814 г. — мраморную группу на памятникъ вел. княг. Александры Павловны, супруги Палатина венгерскаго, и въ томъ же 1814 г. назначенъ ректоромъ Имп. Академіи Художествъ. Нося это званіе, Мартосъ изваялъ колоссальную бронзовую группу — нынѣ памятникъ «гражданину Минину и кн. Пожарскому», открытый 20 февраля 1818 г., въ Москвѣ, и сохранившій, на одномъ изъ барельефовъ — именно въ изображеніи отца, жертвующаго отечеству своими двумя сыновьями, — портретъ самаго Мартоса, искусно вылѣпленный съ натуры ученикомъ его, Гальбергомъ. — Награжденный за памятникъ Минину и Пожарскому чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и пенсіей, Мартосъ тогда же былъ избранъ въ почетные члены имп. виленскаго университета и потомъ, въ почетные же члены с.-петербургскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, а въ 1822 г. заявилъ свою артистическую дѣятельность новымъ прекраснымъ произведеніемъ — колоссальнымъ мраморнымъ бюстомъ имп. Александра I, для петербургской биржевой залы. Ни дѣятельность Мартоса, уже маститаго старца, ни вниманіе къ нему, какъ въ Россіи, такъ и заграницей, не прерывались: въ 1825 г. Мартосъ избранъ въ дѣйствительные члены королевской антверпенской академіи художествъ; 16 апрѣля 1828 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 3 класса; 22 апрѣля того же года открытъ въ Одессѣ произведенный имъ изъ бронзы памятникъ герцогу Ришелье, съ 3 барельефами на пьедесталѣ; въ 1829 г. Мартосъ отправилъ въ Новочеркаскъ мраморное надгробіе атаману Платову и избранъ въ почетные члены Императорской Россійской Академіи; въ 1830 г. онъ окончилъ гипсовыя модели памятниковъ: имп. Александра — для г. Таганрога, кн. Потемкина — для г. Херсона; въ 1831 г. произведенъ въ заслуженые ректоры Императорской Академіи Художествъ и самъ произвелъ четыре глиняные эскиза евангелистовъ, для академической церкви, между тѣмъ какъ изваянный имъ изъ бронзы памятникъ имп. Александру I, въ 3½ арш. вышины, открытъ, 11 октября, въ Таганрогѣ; наконецъ, въ 1834 г., открытъ въ Архангельскѣ бронзовый памятникъ Ломоносову, выполненный Мартосомъ же, которому имп. Николай I пожаловалъ тогда бриллiантовую табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ своего имени. Эта Высочайшая награда слишкомъ 80-лѣтнему старцу была послѣднею: 5 апрѣля 1835 г. Мартосъ, послѣ 3-хъ дневной болѣзни, умеръ въ Петербургѣ, проговоривъ передъ смертію: «свѣтъ! свѣтъ! пора; меня зовутъ; тамъ хорошо». Тѣло его, отпѣтое, по желанію самого почившаго, въ академической церкви, было несено по распоряженію академическаго начальства, не коридорами, а чрезъ залы и античныя галлереи, и предано землѣ на петербургскомъ Смоленскомъ кладбищѣ. — Иванъ Петровичъ Мартосъ, по свидѣтельству знавшихъ его лично, «былъ истинно добрый человѣкъ и гражданинъ, строго преданный религіи, свято исполнявшій свои обязанности, любилъ молодыхъ людей съ дарованіями и, развивая ихъ способности, вспомоществовалъ имъ. Онъ тайно и много благодѣтельствовалъ и ни одного дня въ жизни не провелъ безъ труда по своему художеству. Ни труды, ни заботы не измѣнили до старости его веселаго характера и самые жестокіе удары судьбы (потеря взрослыхъ дѣтей) не лишили его всегдашней бодрости духа.... Проведши большую часть жизни въ своей мастерской, Мартосъ былъ самый пріятный человѣкъ въ обществѣ и самый деликатный въ обращеніи, сохраняя притомъ особенную простоту, свойственную немногимъ свѣтски-образованнымъ ученымъ и художникамъ». Къ характеристикѣ Мартоса, какъ человѣка, относится и слѣдующій анекдотъ-фактъ: посѣтивъ однажды академію художествъ, имп. Марія Ѳеодоровна, въ разговорѣ съ вице-президентомъ Чекалевскимъ, отозвалась о Мартосѣ, тогда отсутствовавшемъ: «это одинъ изъ честнѣйшихъ людей, какихъ я знаю». — Какъ художникъ, Мартосъ, по мнѣнію знатоковъ, «принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ ваятелей новѣйшаго времени. Въ Россіи онъ можетъ почесться лучшимъ изъ всѣхъ, какихъ она имѣла и имѣетъ. Современникъ Гордѣева, Шубина, Щедрина и Козловскаго, онъ избралъ другіе пути въ своемъ искуствѣ. Обдуманное подражаніе древнимъ постепенно усовершало стиль его — и нѣкоторыя произведенія, имъ исполненныя, изящны въ высшей степени. Онъ менѣе пылокъ, нежели каковъ былъ Козловскій; но произведенія его болѣе удовлетворительны въ глазахъ безпристрастнаго критика. Мартосъ рѣдко поражаетъ своими твореніями съ перваго взгляда; но они тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, чѣмъ болѣе смотришь на нихъ. Произведенія Мартоса не имѣютъ столько прелести и движенія, сколько творенія знаменитаго Кановы; но они не имѣютъ за то ничего манернаго, ничего принужденнаго, ничего излишествующаго. Благородство есть отличительный характеръ сочиненій Мартоса; выполненіе его вѣрно, тщательно, пріятно; въ драпированіи фигуръ онъ превосходитъ Канову; а въ барельефахъ, и особенно многосложныхъ, онъ едва ли имѣетъ себѣ равнаго». — Кромѣ произведеній Мартоса, поименованныхъ выше, извѣстны: 1) колоссальная статуя имп. Екатерины II — въ залѣ москов-

скаго благороднаго собранія; 2) колоссальный бронзовый бюстъ имп. Александра I — въ актовой залѣ Александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ); 3) бронзовый памятникъ имп. Павлу I — въ соборной церкви Новгородской губерніи села Грузина; 4) бронзовое изваяніе св. апостола Андрея Первозваннаго — тамъ же; 5) бронзовая статуя Актеона — для петергофской террасы; 6) тоже — для сада въ г. Павловскѣ; 7) тоже — для музеума гр. Н. П. Румянцова; 8) бронзовое надгробіе Турчанинову — въ Александроневской лаврѣ; 9) тоже княгинѣ Гагариной — тамъ же; 10) мраморное, Нарышкину, — тамъ же; 11) изваяніе надъ прахомъ жены адмирала Чичагова — на иновѣрческомъ кладбищѣ Васильевскаго Острова; 12) тоже на могилѣ генерала барона Корфа — въ Орлѣ; 13) алебастровый барельефъ, изображающій Аполлона съ музами — на фронтонѣ бывшаго Румянцовскаго музея въ С. Петербургѣ; 14) гипсовые барельефы на каменномъ сводѣ лѣстницы с. петербургской Академіи Художествъ. — Когда существовала мода сочинять и печатать въ журналахъ надписи къ портретамъ, то въ одной изъ нихъ, «къ портрету И. П. Мартоса», еще при жизни самаго оригинала, было сказано:

Пожарской съ Мининымъ живутъ въ твоихъ трудахъ:
Съ Пожарскимъ, съ Мининымъ — ты будешь жить въ вѣкахъ!

СОСНИЦКІЙ, Иванъ Ивановичъ, извѣстный русскій артистъ с.-петербургскихъ Императорскихъ театровъ, родился 18 февраля 1794 года, въ С.-Петербургѣ. Отецъ его, Иванъ Семеновичъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II, служилъ при с.-петербургскомъ театрѣ купчиною, т. е. закупщикомъ разныхъ предметовъ необходимыхъ для театра. И. И. Сосницкій помѣщенъ въ театральную школу въ 1799 году, бывшимъ въ то время главнымъ директоромъ театровъ, оберъ-камергеромъ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ, человѣкомъ въ высшей степени преданнымъ сценическому искусству, искавшемъ чуть-ли не по всей Россіи лицъ способныхъ для сцены, и нашедшемъ, почти случайно, малолѣтняго Сосницкаго. Во время пребыванія И. И. Сосницкаго въ театральной школѣ, преподавателями драматическаго искусства были наши русскія знаменитости: *И. А. Дмитревскій*, — одинъ изъ основателей русскаго театра, *А. М. Крутицкій*, — знаменитый актеръ для драматическихъ и комическихъ ролей, и извѣстный сценическій писатель *князь Шаховской*. При такихъ наставникахъ и при своей талантливости И. И. Сосницкій дѣлалъ очень быстрые успѣхи: чрезъ годъ послѣ поступленія въ школу, онъ игралъ уже дѣтскую роль въ балетѣ «*Медея и Язонъ*». Въ 1807 г., когда вышла трагедія Крюковскаго «*Пожарскій*», Сосницкій игралъ въ ней роль Георгія и съ такимъ успѣхомъ, что публика была отъ него въ восторгѣ. Кромѣ трагедій, Сосницкій, до выхода еще изъ училища, исполнялъ первыя роли почти во всѣхъ дававшихся тогда патріотическихъ балетахъ, и однажды, по случаю болѣзни учителя своего, знаменитаго Дидло, дирижировалъ даже балетомъ «*Амуръ и Психея*». Изъ театральной школы И. И. Сосницкій былъ выпущенъ семнадцати лѣтъ, 22 марта 1811 года, и назначенъ въ театръ на роли молодыхъ любовниковъ. Въ это время, за отсутствіемъ кн. Шаховскаго, назначеннаго въ 1812 году начальникомъ Тверского ополченія, завѣдывалъ репертуарною частію въ театрѣ П. А. Корсаковъ, который сильно хлопоталъ о возможномъ увеличеніи жалованья молодого актера Сосницкаго, но, не смотря на всѣ старанія почтеннаго Корсакова, первоначальный окладъ содержанія Сосницкаго былъ чрезвычайно умѣренный, всего 400 руб. ассиг., да и это содержаніе онъ началъ получать только съ 1812 года, спустя девять мѣсяцевъ послѣ выпуска изъ школы. Главною причиною всего этого было то, что до возвращенія кн. Шаховского изъ похода 1812 года, на драматическую дѣятельность театра было обращаемо весьма мало вниманія. Притомъ роли первыхъ любовниковъ, въ комедіяхъ кн. Шаховского: «*Полубарскія затѣи*», «*Новый Стернъ*» и др., занимаемыя Сосницкимъ, будучи безцвѣтны, не могли вполнѣ выставить его таланта. Въ такомъ положеніи даровитый Сосницкій оставался ровно три года, послѣ же этого, и именно съ 1815 года очень быстро начала распространяться слава о немъ, какъ о замѣчательно-талантливомъ актерѣ. Въ это время появилась на сценѣ новая комедія кн. Шаховского «*Урокъ кокеткамъ*» или «*Липецкія воды*», которая въ первый разъ была дана 23 сентября 1815 года; въ этой комедіи самое видное лице, представлявшее молодого любовника, былъ графъ Ольгинъ; кн. Шаховской, затрудняясь предоставленіемъ этой важной роли кому либо изъ опытныхъ актеровъ, долго колебался и не предлагалъ ее Сосницкому по молодости его лѣтъ, но увидѣвъ его въ театральной школѣ играющимъ въ ролѣ подходящей нѣсколько сюжетомъ — рѣшился предложить ему выучить роль Ольгина. И. И. Сосницкій, принимая роль отъ автора съ благодарностью, упросилъ кн. Шаховскаго предоставить обдѣлку роли собственному лишь пониманію, и въ случаѣ неоправданія довѣренности подвергнуть себя осужденію; и что же? Съ первой репетиціи отъ игры Сосницкаго пришли въ восторгъ какъ самъ кн. Шаховской, такъ и приглашенные постороннія лица, между которыми были Дмитрій Прок. Трощинскій, Н. И. Гнѣдичъ, И. А. Крыловъ, М. М. Бакунинъ и др. На сценѣ театра комедія имѣла величайшій успѣхъ и публика отъ игры Сосницкаго была въ восхищеніи. Онъ представлялъ остроумнаго фата изъ высшаго общества, и съ такою поразительною вѣрностію и искусствомъ копировалъ всѣ пріемы лицъ тогдашняго высшаго круга, что никто не могъ постигнуть, какимъ образомъ воспитанникъ театральной школы могъ узнать и усвоить себѣ манеры высшаго общества. Съ исполненіемъ роли Ольгина И. И. Сосницкій сталъ въ число первоклассныхъ актеровъ русской сцены, и съ этихъ поръ каждая новая роль была для него новымъ торжествомъ. Но талантъ его не ограничивался одними только петиметрами, онъ игралъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ и другія характерныя роли: въ 1816 году И. И. Вальберхъ перевелъ для него небольшую комедію «*Чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ, не осудите*», въ которой Сосницкій съ особеннымъ искусствомъ исполнилъ роль актера — являющагося къ антрепренёру. Въ 1817 году И. И. Сосницкій женился на дочери знаменитаго въ то время пѣвца и актера-буффа Якова Степановича Воробьева, — Еленѣ Яковлевнѣ, — которая по артистическому дарованію и въ особенности по красотѣ въ дѣйствительности могла бы быть наименована «la belle Hélène». Послѣ женитьбы И. И. Сосницкій еще болѣе обнаружилъ все разнообразіе своего высокаго таланта; въ это время поставлена была комедія кн. Шаховского «*Шестьдесятъ лѣтъ антракта*», это были двѣ сцены изъ жизни Вольтера: въ первомъ актѣ выведенъ Вольтеръ 24-хъ лѣтъ, а во второмъ въ 84-хъ-лѣтнемъ возрастѣ. Сосницкій игралъ роль Вольтера и до того поразительно вѣрно представлялъ его, что

по отзывамъ современниковъ самъ Вольтеръ могъ бы позавидовать своей копіи. Сосницкому въ этой роли вполнѣ содѣйствовала игра супруги его, исполнявшей роль Ла-Вальетъ, питомицы Вольтера. Послѣ этого однимъ изъ лучшихъ торжествъ талантливаго артиста была игра его въ комедіи «*Свадьба Фигаро*» — Бомарше. Самую трудную, но вмѣстѣ съ тѣмъ самую главную и видную роль представляетъ здѣсь Фигаро. Роль эту взялъ на себя И. И. Сосницкій и сыгралъ ее съ неподражаемымъ совершенствомъ. Вообще тридцатые годы нынѣшняго столѣтія должно считать апогеемъ силы и славы таланта И. И. Сосницкаго. Начавъ блистательное поприще съ *Урока кокеткамъ*, онъ показалъ себя незамѣнимымъ въ роли *Фигаро*, и съ тѣхъ поръ постоянно держался на высотѣ своего призванія. — Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что И. И. Сосницкій принадлежалъ къ школѣ классической, т. е., когда драматурги и писатели болѣе выводили людей, какъ они должны быть, а не какъ они въ дѣйствительности существуютъ. Но будучи истинно-классическимъ актеромъ, И. И. Сосницкій, съ паденіемъ на сценѣ прежняго репертуара, не переставалъ примѣнять свои дарованія и къ пьесамъ новой школы, и, какъ великій талантъ, оказался и въ этихъ пьесахъ столь-же хорошъ, какъ и въ прежнихъ. Въ 1833 году появилась знаменитая комедія А. С. Грибоѣдова «*Горе отъ Ума*». Извѣстно, что первоначально на сцену былъ поставленъ только первый актъ этой безсмертной комедіи, въ которомъ Сосницкій игралъ роль Чацкаго, позднѣе игралъ Фамусова и Загорѣцкаго, и, наконецъ когда вся комедія явилась на сцену, Сосницкій взялъ уже роль Репетилова и публика была въ восторгѣ отъ его естественной игры. — Вскорѣ послѣ этого времени театръ едва-было не лишился Сосницкаго: кончался срокъ его ангажементу, и онъ, вполнѣ сознавая свои заслуги на русской сценѣ, потребовалъ слѣдовавшую ему по всей справедливости прибавку къ жалованью, но когда ему въ этомъ отказали, то Сосницкій рѣшился было оставить службу; но обстоятельства внезапно измѣнились, требованіе Сосницкаго было удовлетворено — и онъ продолжалъ служеніе театру. Послѣ «*Горе отъ ума*» замѣчательнѣйшимъ явленіемъ на русской сценѣ была комедія Гоголя «*Ревизоръ*», въ этой комедіи Сосницкій игралъ роль городничаго, исполненіемъ которой самъ авторъ остался чрезвычайно доволенъ и дружески благодарилъ за исполненіе. — Наконецъ, въ 1840 году были поставлены на русской сценѣ двѣ драматическія пьесы Н. А. Полеваго: «*Дѣдушка Русскаго Флота*» и «*Параша Сибирячка*». Въ этихъ пьесахъ И. И. Сосницкій, кажется въ первый еще разъ, взялъ на себя роли стариковъ, и сыгралъ обѣ роли превосходно. Въ послѣдніе годы И. И. Сосницкій сталъ рѣже появляться на сценѣ, но будучи истиннымъ артистомъ, онъ въ это время своимъ дарованіемъ и опытностію принесъ весьма важную пользу новому поколѣнію артистовъ, какъ отличный и основательный учитель драматическаго искусства. Достаточно вспомнить, что незабвенная В. Н. Асенкова за неспособностію была удалена изъ театральнаго училища, а И. И. Сосницкій сдѣлалъ изъ нея первоклассную актрису, и что знаменитая В. В. Самойлова была также ученицею Сосницкаго. Талантъ Сосницкаго былъ постоянно поощряемъ Высочайшимъ вниманіемъ: кромѣ разныхъ цѣнныхъ подарковъ, въ 1856 году, въ день празднованія столѣтія русскаго театра, къ заслуженному уже пенсіону ему было пожаловано въ прибавку двѣ трети законнаго оклада, въ ознаменованіе той замѣчательной случайности, что подъ руководствомъ основателя русскаго театра И. А. Дмитревскаго Сосницкій началъ свое сценическое поприще, а при празднованіи столѣтняго юбилея находился еще на сценѣ, какъ бы представителемъ совершившейся эпохи. Наконецъ, 22 марта 1861 года исполнилось 50 лѣтъ сценической дѣятельности и самого Сосницкаго, и поклонники его высокаго таланта достойнымъ образомъ почтили полувѣковое служеніе его театру. Торжество юбилея происходило въ концертной залѣ дома Руадзе: къ четыремъ часамъ пополудни почти вся зала наполнилась артистами, литераторами и другими почитателями таланта достойнаго юбиляра. Въ числѣ артистовъ находились, нарочно прибывшие по сему случаю изъ Москвы, въ качествѣ депутатовъ гг. Щепкинъ и Шумскій. Праздникъ юбилея почтилъ также своимъ присутствіемъ бывшій въ прежнія времена директоромъ театровъ А. М. Гедеоновъ. Ровно въ четыре часа прибылъ самъ маститый юбиляръ, сопровождаемый тремя старѣйшими по службѣ товарищами: П. А. Каратыгинымъ, О. А. Петровымъ и И. И. Гольцемъ. Навстрѣчу ему вышли артистки русской драматической труппы и, послѣ краткаго привѣтствія, поднесли ему золотой лавровый вѣнокъ, на листахъ котораго были вырѣзаны имена всѣхъ принимавшихъ участие въ праздникѣ. За симъ Щепкинъ и Шумскій поднесли юбиляру адресъ отъ московскихъ артистовъ. За обѣдомъ, предъ началомъ тостовъ, бывшій директоръ театровъ А. И. Сабуровъ объявилъ, что Государь Императоръ, во вниманіи къ таланту, продолжительной службѣ и пользѣ принесенной искусству, пожаловалъ артисту Сосницкому золотую медаль съ портретомъ Государя Императора и надписью за отличіе, для ношенія на шеѣ на андреевской лентѣ; сверхъ того, приказалъ заключить съ Сосницкимъ новый контрактъ на три года, съ увеличеніемъ втрое получаемаго имъ содержанія, т. е. съ производствомъ ежегодно по 3400 р. с. Этою царскою милостію И. И. Сосницкій былъ потрясенъ до глубины души. «Мнѣ остается только плакать и благодарить Царя», сказалъ онъ глубоко растроганнымъ голосомъ, и слезы благодарности ручьями текли изъ глазъ маститаго старца. И. И. Сосницкій первымъ изъ русскихъ актеровъ награжденъ знакомъ отличія за талантъ и заслуги, и этою царскою милостію въ лицѣ Сосницкаго были почтены всѣ русскіе артисты! Присутствующіе на юбилеѣ были не менѣе Сосницкаго тронуты царскою къ нему милостію и громкое, единодушное и продолжительное ура сопровождало первый тостъ предложенный за здравіе Государя Императора. Предъ концомъ торжества однимъ изъ присутствующихъ былъ поднесенъ отъ публики И. И. Сосницкому богатый вызолоченный кубокъ, а на квартирѣ, въ числѣ разнаго рода подарковъ представленъ изящный альбомъ съ множествомъ портретовъ, съ надписью на переплетѣ «отъ почитателей таланта».

ДМИТРЕВСКІЙ, Иванъ Аѳанасьевичъ, славный артистъ русскаго театра. Происходилъ изъ духовнаго званія, былъ сынъ протоіерея *Дьяконова* и родился, 28 февраля 1734 г., въ Ярославлѣ, гдѣ онъ, по окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, получилъ фамилію *Нарыкова*, а потомъ бралъ уроки у пастора, состоявшаго при герцогѣ Биренѣ, сосланномъ на житье въ Ярославль. Сблизившись тогда же съ ярославскимъ посадскимъ Ѳ. Г. Волковымъ, впослѣдствіи извѣстнымъ учредителемъ русскаго театра, молодой семинаристъ Нарыковъ принялъ дѣятельное участіе въ первыхъ сценическихъ представленіяхъ доморощеныхъ ярославскихъ любителей и съ

успѣхомъ выполнялъ женскія роли: Эсѳири — въ драмѣ *Эсѳирь*, и Береы — въ пасторали *Евмонъ и Берѳа*. Когда же, въ 1752 г., слухъ о ярославской труппѣ достигъ Высочайшаго свѣдѣнія и имп. Елизавета Петровна повелѣла всю труппу представить ко двору, Нарыковъ, въ числѣ 14 чел., былъ привезенъ сенатскимъ экзекуторомъ Дашковымъ въ Петербургъ и, въ первомъ же пробномъ спектаклѣ, назначенномъ въ Высочайшемъ присутствіи, въ комнатахъ царскосельскаго дворца, блистательно выполнилъ роль Оснельды, въ трагедіи А. П. Сумарокова: *Хоревъ*. Собственноручно убирая, при этомъ случаѣ, Оснельду въ казенные брилліанты, императрица нашла въ ней большое сходство съ польскимъ графомъ Дмитревскимъ — и тутъ же приказала Нарыкову именоваться впредь *Дмитревскимъ*. Послѣ Хорева, повтореннаго еще разъ, ярославская труппа съиграла передъ императрицей трагедіи Сумарокова: *Синавъ и Труворъ*, *Артистона*, *Гамлетъ* — и ея величество, довольная всѣмъ видѣннымъ, распорядилась ярославскою труппою такъ: самого Волкова, съ тремя его товарищами, удержала при дворѣ; еще пятерыхъ — отпустила съ награжденіемъ въ Ярославль; а остальныхъ пятерыхъ, и въ томъ числѣ Дмитревскаго, помѣстила въ кадетскій корпусъ «для необходимаго театральнымъ артистамъ обученія словесности, иностраннымъ языкамъ и гимнастикѣ». — Находясь въ корпусѣ подъ особымъ вѣдѣніемъ оберъ-шталмейстера П. С. Сумарокова, ярославскіе новобранцы, между прочимъ, слушали правила декламаціи, преподаваемыя имъ корпусными офицерами Мелиссино, Остервальдомъ, Свистуновымъ и, въ тоже время, продолжали участвовать въ дворцовыхъ спектакляхъ. 30 августа 1756 г., состоялся Высочайшій указъ сенату объ учрежденіи русскаго театра въ Петербургѣ — и Дмитревскій, назначенный «дѣйствительнымъ актеромъ», съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ, уже не переставалъ, въ теченіе всѣхъ остальныхъ лѣтъ царствованія Елизаветы, отличаться какъ въ оригинальныхъ пьесахъ Сумарокова, такъ и въ переводныхъ Мольера, Детуша и Реньяра, при чемъ онъ, въ 1759 г., вступилъ въ бракъ съ Агр. Мих. Мусиной-Пушкиной, актрисой по страсти къ искуству. Со смертью Волкова, въ 1763 г., Дмитревскій заступилъ его мѣсто, первое на русской сценѣ, а въ 1765 г. былъ посланъ Имп. Екатериной II за границу, для сценическаго усовершенствованія. Тогда объѣхалъ онъ Голландію, Францію и Германію, всюду посѣщая лучшихъ актеровъ и театры; въ Парижѣ И. И. Шуваловъ познакомилъ его съ Лекенемъ, Бризакомъ, актрисами Дюмениль и Дюбуа; изъ Парижа, Дмитревскій, вмѣстѣ съ Лекенемъ, ѣздилъ въ Лондонъ, къ знаменитому Гаррику, а по возвращеніи въ Парижъ игралъ на театрѣ герцогини Вильруа роли Замора и Оросмана, въ Вольтеровыхъ трагедіяхъ *Альзира* и *Заира*, при чемъ зрители, восхищенные игрою русскаго артиста, бросили ему на сцену лавровый вѣнокъ. Это было въ 1766 г., а въ слѣдующемъ, 1767 г., Дмитревскій, только что пріѣхавшій въ Петербургъ, вторично отправленъ за границу — для приглашенія французскихъ актеровъ. Въ теченіе этой второй поѣздки, именно въ 1768 г., Дмитревскій, какъ пишутъ, сообщилъ Хр. Фел. Вейсе, издателю журнала «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste», въ Лейпцигѣ, *Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ*, въ которомъ между прочими, помѣщенъ и о самомъ Дмитревскомъ слѣдующій отзывъ: «Иванъ Дмитревскій, — нынѣшній первый актеръ нашей императорской придворной труппы, писалъ элегіи, эпиграммы, пѣсни и другія мелкія стихотворенія въ этомъ родѣ. Стихи его чище, чѣмъ мысли. Онъ также перевелъ нѣсколько сочиненій, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что считается однимъ изъ первостепенныхъ переводчиковъ, непосредственно послѣ Елагина». Такой отзывъ о самомъ себѣ едва ли можетъ принадлежать лично Дмитревскому, человѣку не отличавшемуся ни хвастовствомъ, ни самохвальствомъ. Какъ бы то ни было, вторично возвратясь въ Петербургъ, Дмитревскій съ новымъ блескомъ явился на сценѣ эрмитажнаго театра, въ трагедіи Сумарокова: *Синавъ и Труворъ*, гдѣ до того восхитилъ всѣхъ зрителей, что былъ позванъ въ ложу императрицы, которая пожаловала его къ рукѣ и публично изъявила ему благоволеніе. Оставленный по прежнему на первыхъ роляхъ въ трагедіяхъ и комедіяхъ, Дмитревскій продолжалъ получать жалованье по 860 руб. въ годъ и, какъ пишутъ, «усердно старался о образованіи актеровъ и актрисъ, и о обогащеніи репертуара. При трудахъ и попеченіяхъ его составилась русская комическая опера; самъ онъ перевелъ множество оперъ и комедій съ италіянскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ». Изъ этихъ переводныхъ пьесъ, частію переиначенныхъ и приложенныхъ Дмитревскимъ къ русскимъ нравамъ, извѣстны: оперы: *Рѣдкая вещь* (Cosa rara); *Діанино древо*; лирическая драма *Армида*, соч. Колтеллини, съ музыкой Сальери; комедіи: *Раздумчивый*, *Демокритъ*, *Лунатикъ* и друг., наконецъ, драма *Беверлей*, впервые представленная 11 мая 1772 г. на придворномъ театрѣ и составившая тріумфъ самого Дмитревскаго и актрисы Троепольской, которые были превосходны въ главныхъ роляхъ. Спустя 4 мѣсяца по представленіи *Беверлея*, 24 сентября 1772 г., дана впервые знаменитая комедія Фонъ-Визина *Недоросль*, поставленная на сцену трудами Дмитревскаго, который не только взялъ на себя роль Стародума, но «не взирая — пишетъ одинъ изъ его біографовъ — на всѣ препятствія относительно представленія сей пьесы, убѣдилъ автора сдѣлать нѣкоторыя перемѣны и, склоня Шумскаго играть роль Еремѣевны, принудилъ предубѣжденную публику восхищаться симъ необычайнымъ произведеніемъ нашей словесности». — Съ 1779 г. Дмитревскій, въ качествѣ перваго актера и режиссера русской труппы, принялъ въ свое завѣдываніе театральное училище, тогда же учрежденное по мысли и плану директора театровъ, В. И. Бибикова, а съ 1784 г., онъ своею находчивостью при первомъ представленіи (8 февраля) трагедіи Княжнина: *Росславъ*, ввелъ въ обыкновеніе публичные вызовы авторовъ пьесъ, ознаменованныхъ успѣхомъ. Между тѣмъ, сценическое служеніе Дмитревскаго достигло урочнаго термина — и хотя, 5 января 1787 г., былъ конфирмованъ докладъ о увольненіи его съ пенсіономъ въ 2 тыс. рублей, но Дмитревскій долго еще не покидалъ сцены, оставаясь главою и украшеніемъ русской труппы. Такъ напр. онъ, съ 1791 г., репетировалъ главную роль въ сочиненномъ самою императрицею историческомъ представленіи *Олегово правленіе* и, воспользовавшись нѣкоторыми совѣтами вѣнценоснаго автора, 3 сентября 1794 г., въ день перваго представленія императрицыной пьесы, блистательно съигралъ Олега на сценѣ эрмитажнаго театра. Награжденный за этотъ спектакль Высочайшимъ подаркомъ, Дмитревскій, въ 1795 г., сложилъ съ себя званіе инспектора театральной школы; 1 декабря 1797 г., въ присутствіи Имп. Павла I и польскаго короля Станислава, исполнилъ на эрмитажномъ театрѣ, главную роль въ трагедіи Сумарокова: *Дмитрій Самозванецъ* и Высочайше

пожалованъ золотою, осыпанною брилліантами табакеркою; а 3 января 1799 г. заключилъ свое сценическое поприще блистательнымъ исполненіемъ роли Зопира въ Вольтеровой трагедіи: *Магометъ* и, удалившись на покой, въ послѣдній разъ явился передъ публикою 30 августа 1812 г., въ драмѣ С. И. Висковатова: *Всеобщее ополченіе*, исполнителемъ роли отставнаго унтеръ-офицера, жертвующаго отечеству единственнымъ своимъ достояніемъ — заслуженными имъ серебряными медалями. «Публика — пишетъ очевидецъ — приняла почтеннаго старца съ восторгомъ; самъ онъ такъ сильно былъ растроганъ и ролею своею, и пріемомъ публики, что съ трудомъ могъ проговорить нѣсколько благодарныхъ словъ», Имп. Александръ подарилъ ему за этотъ спектакль брилліантовый перстень. Въ 1817 г., когда умеръ любимый ученикъ Дмитревскаго, А. С. Яковлевъ, и въ пользу семьи покойнаго назначался бенефисъ, одряхлѣвшій Дмитревскій намѣревался показаться на сценѣ, въ водевилѣ *Встрѣча незваныхъ*, сочиненномъ на этотъ случай кн. А. А. Шаховскимъ; но, прикованный болѣзнью къ постели, не могъ двинуться съ мѣста, что однако не помѣшало публикѣ съѣхаться въ огромномъ количествѣ и содѣйствовать сбору въ 10 тыс. рублей. Проживъ послѣ этаго еще около четырехъ лѣтъ, Дмитревскій мало по малу слабѣлъ ногами, потомъ потерялъ зрѣніе, но продолжалъ хранить память, бодрость ума, силу воображенія и, въ такомъ состояніи, тихо умеръ 27 октября 1821 г., въ Петербургѣ, почти 88-лѣтнимъ старцемъ. Тѣло его погребено на Волковомъ кладбищѣ, близь церкви Спаса Нерукотвореннаго, подъ монументомъ, воздвигнутымъ Дмитревскому Россійской Академіей, на деньги, вырученныя съ представленія, даннаго именно съ этой цѣлью театральной дирекціей. — Человѣкъ глубоко-нравственный, разносторонне образованный и полный чувства, Дмитревскій постоянно украшалъ кружокъ своего общества и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Какъ артистъ, Дмитревскій занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду служителей русскаго сценическаго искуства. Въ трагедіяхъ лучшими ролями Дмитревскаго почитались: Самозванецъ, Ярбъ (въ трагедія *Дидона*) и Синавъ. Постигая во всей силѣ характеръ этихъ героевъ, Дмитревскій дополнялъ своею игрою недостатки автора, для чего однако не прибѣгалъ ни къ какимъ особымъ фортелямъ. Въ Самозванцѣ, напр., Дмитревскій являлся глазамъ зрителей облеченнымъ въ мантію и облокотившимся на тронъ, — чѣмъ какъ бы освѣщалась темнота перваго монолога; въ Синавѣ же, читая длинный монологъ, обращенный къ тѣни брата, онъ отодвигался со стуломъ назадъ, какъ бы преслѣдуемый тѣнью, а оканчивалъ, приподнимаясь на цыпочки, — и этимъ простымъ движеніемъ производилъ удивительное дѣйствіе на зрителей: всѣ трепетали отъ ужаса. Въ драмахъ и комедіяхъ, Дмитревскій, по мнѣнію многихъ современниковъ, былъ еще превосходнѣе — и напр. въ *Амфитріонѣ*, надѣвъ красный платокъ, вмѣсто бѣлаго, дѣлался неузнаваемъ и мастерски поддерживалъ свое превращеніе. Со всѣмъ тѣмъ, «Дмитревскій, при всемъ талантѣ своемъ (замѣчаетъ г. Араповъ), былъ столько уменъ, что съ появленіемъ на сценѣ молодаго Яковлева, физическія средства котораго брали преимущество въ сильныхъ и особенно пылкихъ роляхъ, онъ ихъ уступилъ Яковлеву и являлся только въ тѣхъ роляхъ, которыя по превосходству имъ были созданы, а чаще всего въ комедіяхъ, въ амплуа благородныхъ отцовъ и резонеровъ, въ которыхъ Иванъ Аѳанасьевичъ былъ неподражаемъ». — «Талантъ Дмитревскаго, замѣчаетъ тотъ же г. Араповъ, былъ самобытенъ; игра его, вообще, была всюду строго обдуманная, классическая, свойственная тому вѣку; дикція изучена до крайнихъ предѣловъ, но нѣсколько напыщенная; вообще, можно сказать, онъ былъ вычурно эффектенъ; но, вдаваясь въ роль, онъ воспламенялся и игралъ съ большимъ жаромъ; зналъ сцену превосходно; пріятная, открытая, правильная его физіогномія очень вѣрно отражала всѣ движенія его души; онъ не выговаривалъ букву Ш въ обыкновенномъ разговорѣ, но на сценѣ рѣчь Дмитревскаго всегда была правильна». — Какъ наставникъ, Дмитревскій образовалъ для сцены таланты Каратыгиной, Сандуновой, Михайловой, Яковлева, Плавильщикова, Шушерина, Крутицкаго; онъ же первый далъ идею раздѣленія русской труппы на амплуа или характеры ролей. — Какъ писатель, Дмитревскій, кромѣ названныхъ выше пьесъ, сочинилъ *Похвальное слово Сумарокову*, произнесенное въ собраніи Россійской Академіи; перевелъ одинъ томъ *Путешествій младшаго Анахарсиса по Греціи*; собиралъ матеріалы для исторіи русскаго театра и проч. Въ качествѣ знатока литературнаго дѣла вообще, Дмитревскій уважался лучшими изъ современныхъ ему писателей. Такъ, Державинъ совѣщался съ Дмитревскимъ на счетъ своихъ драматическихъ сочиненій, изъ которыхъ трагедія *Иродъ и Маріамна* поставлена на сцену при содѣйствіи Дмитревскаго; Княжнинъ всѣ свои сочиненія давалъ на просмотръ Дмитревскому; Фонъ-Визинъ измѣнялъ цѣлыя сцены во всѣхъ комедіяхъ по совѣтамъ Дмитревскаго; даже самолюбивый Сумароковъ, нѣкогда ближайшій начальникъ Дмитревскаго, не пренебрегалъ литературными мнѣніями своего славнаго подчиненнаго. — Отъ брака съ Агрипиной Михайловной Мусиной-Пушкиной (род. 1740, ум. 1782 г.), Ив. Аѳан. Дмитревскій оставилъ *шесть* сыновей, всѣхъ на службѣ, и *четырехъ* дочерей, всѣхъ въ замужествѣ. Вотъ эпитафія, написанная Дмитревскимъ своей женѣ:

Дмитревская цвѣла душевной добротою,
Россійской таліи служила красотою:
Къ стенанью горькому супруга и дѣтей,
Сраженна смертію среди цвѣтущихъ дней,
Лишась мірскихъ суетъ, здѣ въ гробѣ почиваетъ
И — помни, смертный — смерть оттолѣ возглашаетъ.

ШАХОВСКОЙ, князь Александръ Александровичъ, русскій драматическій писатель. Принадлежалъ къ древней княжеской фамиліи, происходящей отъ удѣльныхъ князей Ярославскихъ, прямыхъ потомковъ вел. князя Рюрика, и родился, 24 апрѣля 1777 г., въ сельцѣ Беззаботахъ, смоленскомъ помѣстьѣ своего отца, кн. Александра Ивановича Шаховскаго, женатаго на Анастасіѣ Ивановнѣ Пассекъ и, впослѣдствіи, состоявшаго каммергеромъ при польскомъ королѣ Станиславѣ Августѣ. — Пробывъ дома только до 7-ми лѣтняго возраста, кн. Шаховской съ 1784 г. воспитывался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, при чемъ съ 1787 г. записанъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ, но явился на дѣйствительную службу не ранѣе, какъ по окончаніи пансіонскаго курса, въ 1793 г., и попалъ весьма счастливо въ кружокъ литературно-образованныхъ преображенскихъ офицеровъ, собственнымъ примѣромъ поощрявшихъ молодаго сержанта къ чтенію, особенно французскихъ классиковъ: Корнеля, Расина и Вольтера. Плодомъ этаго чтенія, кромѣ развитія въ молодомъ сержантѣ страсти къ театру, была *Женская шутка*, комедія

въ стихахъ, написанная кн. Шаховскимъ въ 1795 г. и тогда же, 31 октября, представленная впервые на эрмитажномъ театрѣ, въ присутствіи Имп. Екатерины II, а послѣ часто повторявшаяся на петербургской и московской сценахъ. Самъ Шаховской замѣчаетъ, «что на 18-мъ году онъ соблазнился успѣхами комедій въ стихахъ и сочинилъ эту пьесу; она понравилась и его вызвали; особенно пришла она по вкусу мужчинамъ, такъ какъ была наполнена двусмысленностями; но впослѣдствіи самъ же онъ ее сжогъ». — Какъ бы то ни было, «Женская шутка», выгодно замѣченная А. Л Нарышкинымъ, тогдашнимъ директоромъ театровъ, не помѣшала автору ея продолжать, до времени, военную карьеру. Переименованный, съ воцареніемъ Имп. Павла I, въ 1796 г., изъ сержантовъ въ портупей-прапорщики, кн. Шаховской въ 1797 г. произведенъ въ прапорщики Преображенскаго полка, а въ 1798 г. командированъ въ корпусъ эмигрантовъ принца Конде «обучать французовъ русскимъ ружейнымъ пріемамъ», — о чемъ самъ любилъ вспоминать до старости и всегда разсказывалъ съ одушевленіемъ. Получивъ за трудъ этаго обученія чинъ подпоручика, кн. Шаховской, по собственному его выраженію, «промѣнялъ шпагу на перо», т. е. вступилъ въ гражданскую службу и, около того же времени, сдѣлался короткимъ человѣкомъ въ домѣ А. Л. Нарышкина, гдѣ отличался остроуміемъ, веселымъ характеромъ и высказывалъ особенную страсть къ театру. Въ силу этаго послѣдняго обстоятельства, кн. Шаховской, въ 1801 г., былъ причисленъ къ театральному вѣдомству, съ чиномъ надворнаго совѣтника, а 22 апрѣля 1802 г., по протекціи А. Л. Нарышкина, назначенъ репертуарнымъ членомъ театральной дирекціи и, вскорѣ же, отправленъ во Францію, «для приглашенія лучшихъ артистовъ на с.-петербургскую французскую сцену». — Больше года исполняя это порученіе въ Парижѣ, кн. Шаховской съ любовію изучалъ на мѣстѣ игру знаменитаго Тальмы и, проникнутый желаніемъ ввести методу его декламаціи на русскую сцену, въ 1803 г. возвратился въ Петербургъ, гдѣ, въ 1804 г. получилъ званіе каммеръ-юнкера, предоставлявшее тогда V классъ. Съ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній заграничнаго путешествія и новыхъ воззрѣній на сценическое искуство, молодой каммеръ-юнкеръ, конечно, былъ находкою для кружка образованныхъ людей, собиравшагося въ домѣ А. Н. Оленина, тогдашняго петербургскаго мецената, — и этому-то Оленину, осенью въ 1804 г., кн. Шаховской, первый, «со слезами восторга на глазахъ» привезъ трагедію В. А. Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ», которую потомъ самъ же ставилъ на сцену, проходя съ знаменитой тогдашней артисткой Е. С. Семеновой роль Антигоны. – Первое представленіе «Эдипа въ Аѳинахъ» было 23 ноября, а 16 декабря того же 1804 г. играна оригинальная комедія кн. Шаховскаго: *Коварный*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ прозѣ, сочиненная по образцу комедій Грессе (Gresset); «успѣха она не имѣла — замѣчаетъ лѣтописецъ русскаго театра — и когда, на вызовъ нѣсколькихъ голосовъ: «автора!» явился Шушеринъ (знаменитый актеръ), чтобъ сказать, что автора нѣтъ въ театрѣ, большая часть публики зашикала и закричала: «не надо! не надо!». — Рѣшительное паденіе *Коварнаго* дало поводъ и кн. П. А. Вяземскому, десять лѣтъ спустя, когда кн. Шаховской подвергся справедливымъ нападкамъ «Арзамасцевъ» (о чемъ скажется ниже), включить въ свою эпиграмму на кн. Шаховскаго такіе стихи:

Когда при свистѣ креслъ, партера и райка,
Торжественно сошелъ со сцены твой Коварный,
Вини себя, и впредь готовься не слегка:
Ты выбралъ для себя предметъ неблагодарный.
Тебѣ ли рисовать Коварнаго портретъ?
Чистосердеченъ ты, въ тебѣ коварства нѣтъ — и т. д.

Не смущаясь однако паденіемъ *Коварнаго*, кн. Шаховской, тогда уже противникъ новаго, карамзинскаго, направленія, вздумалъ сценически осмѣять, по крайней мѣрѣ, излишне ретивыхъ послѣдователей Карамзина, подобныхъ, напр., кн. П. И. Шаликову, — и скоро же достигъ этаго въ своей небольшой прозаической комедіи: *Новый Стернъ*. Сыгранная впервые, на петербургскомъ маломъ театрѣ, 31 мая 1805 г., комедія *Новый Стернъ* представила явный намекъ на сантиментальность, выраженный весьма удачно, какъ въ забавныхъ монологахъ дѣйствующихъ лицъ, такъ — и особенно — въ слѣдующемъ романсѣ одного изъ нихъ, графа Пронскаго:

Вѣнцы, мечи, щиты, порфиры!
Не васъ я, бѣдные, ищу:
Герои, побѣждайте міры!
Предъ вами я не трепещу.

Натура мнѣ сама сказала,
Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ.
Она любить мнѣ приказала,
Она — малиновка — любовь!

Змѣитесь, рѣчки! вѣтры, дуйте!
Шепчи любовь, младой Зефиръ!
Вы, нѣжны голубки, воркуйте!
Ты, соловей, плѣняй весь міръ!

Натура, я тебѣ подобенъ:
Я вольно чувствовать хочу.
Какъ скромный кроликъ, я не злобенъ
И въ слѣдъ любви вездѣ лечу.

Новый Стернъ, какъ и слѣдовало ожидать, не понравился многимъ и нажилъ кн. Шаховскому кучу недоброжелателей, изъ которыхъ одинъ не замедлилъ напечатать въ журналѣ «Московскій Зритель», изд. кн. Шаликовымъ, эпиграмму, гласившую:

Вчера во храмѣ Музъ я былъ на погребеньи;
До тысячи туда стеклося человѣкъ.
Судите о моемъ, объ общемъ сожалѣньи,
Узнавъ, что Новый Стернъ скончалъ свой краткій вѣкъ!

а другіе — пошли еще далѣе и, при появленіи на сценѣ, въ январѣ 1806 г. новаго труда кн. Шаховскаго, одно-актной оперы: *Любовная почта*, музыка капельмейстера петербургскихъ театровъ Кавоса, распустили молву, что сюжетъ этой оперы выкраденъ кн. Шаховскимъ изъ задержанной имъ же комедіи Лукницкаго: «Денщикъ-Виртуозъ»; даже напечатали въ одномъ изъ журналовъ предостереженіе, что «въ Торговой улицѣ живетъ похититель литературной собственности, о коемъ можно узнать отъ служителя Макара», — который, добавимъ, вѣчно вязалъ чулокъ въ передней кн. Шаховскаго и, поэтому, былъ лично извѣстенъ всему литературному Петербургу. Но кн. Шаховской не смотрѣлъ на враговъ и, поставивъ на сцену еще созданную имъ комическую оперу: *Бѣглецъ отъ своей невѣсты*, въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами и балетомъ, музыка Кавоса, сыгранную въ первый разъ 18 апрѣля 1806 г., старался доказать свое значеніе и какъ репертуарный членъ, долгимъ несогласіемъ допустить на ту же сцену переводную драму

Краснопольскаго: «Желѣзная маска» — подъ тѣмъ предлогомъ, что маркизъ Лувуа, выведенный интриганомъ, не былъ такимъ въ дѣйствительности; и только хлопоты знаменитаго Яковлева, имѣвшаго въ «Желѣзной маскѣ» блестящую роль, помогли этой пьесѣ явиться передъ публикой. Впрочемъ, подобные капризы кн. Шаховскаго выкупались его дѣйствительнымъ служеніемъ дѣлу, служеніемъ, которое, напр., въ одномъ и томъ же 1807 г., и выражалось, въ январѣ, трудами при постановкѣ на сцену новой трагедіи Озерова «Дмитрій Донской», гдѣ кн. Шаховской хлопоталъ объ интонаціяхъ ролей, и доказывалось, 23 апрѣля, успѣшнымъ дебютомъ извѣстной впослѣдствіи актрисы М. И. Валберховой въ роли Антигоны, усвоенной артисткою подъ непосредственнымъ руководствомъ кн. Шаховского, и, наконецъ, подтвердилось, 10 сентября, первымъ представленіемъ волшебно-комической оперы «Русалка» съ новою IV-ю частью, присочиненною кн. Шаховскимъ. — Сблизившись около этого же времени — и на всю жизнь — съ актрисой Е. И. Ежовой, кн. Шаховской, въ 1808 г., явился сотрудникомъ журнала «Драматическій Вѣстникъ», для котораго онъ написалъ нѣсколько сатиръ и другихъ стихотвореній, а 22 апрѣля уже была играна новая оригинальная комедія кн. Шаховскаго: ***Полубарскія затѣи или Домашній театръ***, въ 5 дѣйствіяхъ, съ хорами и балетами, произведеніе «доставившее автору — говорится въ академическомъ некрологѣ кн. Шаховскаго — несомнѣнную извѣстность въ русской литературѣ». Увѣнчанный блистательнымъ успѣхомъ ***Полубарскихъ затѣй***, кн. Шаховской, къ 1 октябрю 1808 г., передѣлалъ для сцены драму ***Клеветники***, въ 4 дѣйствіяхъ и, какъ бы въ доказательство своей неутомимости, уже 21 января 1809 г. угостилъ петербургскую публику первымъ представленіемъ вновь переведенной имъ же трагедіи Вольтера: ***Китайскій Сирота***, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Но трагедія эта, хотя и обставленная лучшими сюжетами петербургской драматической труппы, пала съ перваго же раза, при чемъ Валберхова, любимица кн. Шаховскаго, вызванная немногими голосами, была сконфужена пріемомъ публики, кричавшей «не надо»; знаменитый Яковлевъ подвергся нападкамъ журнальныхъ рецензентовъ и нашелся вынужденнымъ письменно защищать свою игру передъ издателями журнала «Цвѣтникъ»; а самъ переводчикъ трагедіи сдѣлался цѣлью болѣе или менѣе злыхъ эпиграммъ, изъ которыхъ одна, написанная тогда же Ал. Хвостовымъ, гласила:

Вольтеръ и отъ враговъ не зрѣлъ столь мщенья злаго,
Какое чувствуетъ теперь отъ Шаховскаго.
Трагедія его совсѣмъ, совсѣмъ не та....
Чтожъ вышло изъ нея? — Прямая сирота!

а въ двухъ другихъ, сочиненныхъ, шесть лѣтъ спустя, кн. Вяземскимъ, говорилось — въ первой:

Вольтеръ насъ трогаетъ Китайской Сиротой
И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ пени;
Но слезы превратилъ въ забаву ***Шутовской:***
Онъ изъ трагедіи удачною рукой
Китайскія представилъ тѣни!

и во второй:

Напрасно говорятъ, что грѣшника черты
Доносятъ намъ, какъ онъ раскаяньемъ измученъ:
Смотрите, какъ румянъ и тученъ
Убійца сироты!

Однако и такая неудача съ переводомъ Вольтера не смутила кн. Шаховскаго, который, въ томъ же 1809 г., готовя первый бенефисъ Е. С. Семеновой, согласилъ Н. И. Гнѣдича, М. Е. Лобанова и С. П. Жихарева перевести, съ нимъ вмѣстѣ, Вольтерову ***Заиру*** — и русская трагедія - скороспѣлка въ 5 недѣль была готова, срепетирована, а 18 октября съиграна съ блистательнымъ для бенефиціантки успѣхомъ. Раздѣлавшись съ Вольтеромъ, кн. Шаховской погрузился въ міръ библейскій и не далѣе какъ 24 января 1810 г. представилъ петербургской публикѣ свою оригинальную трагедію: ***Дебора***, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ хорами, музыка Козловскаго, — произведеніе видимо взятое съ Расиновой «Гооолія» и приписанное недоброжелателями кн. Шаховскаго проживавшему тогда у него сочинителю Л. Н. Невaward, что и побудило впослѣдствіи Д. В. Дашкова, одного изъ «Арзамасцевъ», включить въ свою «Кантату» на ***Шутовскаго***, между прочими, такой куплетъ:

Еврей мой написалъ Дебору,
А я списалъ,
Въ моихъ твореньяхъ много вздору
Ктожъ ихъ читалъ?
Доволенъ, право, я собой,
Хвала тебѣ, о Шутовской!

Въ томъ же 1810 г. кн. Шаховской избранъ дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи, а на петербургскомъ театрѣ играны еще новыя его пьесы: 26 апрѣля — ***Ссора или два сосѣда***, оригинальная комедія въ 1 дѣйствіи, имѣвшая полный успѣхъ, и 7 ноября — ***Чортовъ увеселительный замокъ***, волшебное представленіе, съ пѣніемъ, балетами и сраженіями, передѣланное съ нѣмецкаго и ничѣмъ не замѣчательное. Гораздо замѣчательнѣе была дѣятельность кн. Шаховскаго въ 1811 г., когда онъ, въ видахъ начальнаго приведенія въ дѣло своей любимой мысли — улучшить русское сценическое искуство, приступилъ къ радикальному преобразованію театральной школы, хотя и заведенной издавна, но какъ бы существовавшей только для балета да оперы, и скудной средствами по части собственно драматической. Независимо отъ развитія этой части пріисканіемъ опытныхъ наставниковъ и необходимыхъ пособій, кн. Шаховской помогъ дѣлу сформированіемъ въ театральной школѣ особой пріуготовительной труппы, которая, подъ названіемъ «Молодой», долженствовала играть всегда отдѣльно, не смѣшиваясь съ обыкновенною, чтобъ начинающіе таланты могли развиваться въ ней самобытно, а молодые артисты и артистки не были бы въ необходимости оставаться лучшее время своей жизни при роляхъ второстепенныхъ, безъ возможности занимать первыя, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока вымрутъ или выбудутъ болѣе заслуженные старики и старухи. — Такая, сама по себѣ здравая, мысль приложилась къ дѣлу весьма удачно, «молодая» труппа играла на особомъ (новомъ) театрѣ по разу въ недѣлю и чаще, публика посѣщала эти спектакли съ удовольствіемъ, а новобранцы со стороны, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго, въ короткое время не уступали опытнымъ актерамъ, какъ доказалъ это, напр. Яковъ Григорьевъ, который, явясь незадолго до того къ кн. Шаховскому вольноопредѣляющимся, 7 сентября 1811 г. уже блистательно дебютировалъ на новомъ театрѣ въ роли Влюбленнаго Шекспира, подъ именемъ Брянскаго, — и впослѣдствіи сдѣлалъ извѣстнымъ это имя, данное ему кн. Шаховскимъ, его сценическимъ наставникомъ. Дѣятельность такого рода не обходилась однако безъ непріятностей самому

дѣятелю — и извѣстно, напр., что излишнее рвеніе кн. Шаховскаго къ сценическимъ пользамъ М. И. Валберховой, его любимой ученицы, побудило Е. С. Семенову не только искать и найти себѣ другаго руководителя въ лицѣ Н. И. Гнѣдича, но, при дальнѣйшихъ ей обидахъ со стороны кн. Шаховскаго, даже лично жаловаться, въ Царскомъ Селѣ, Имп. Александру I, который, уваживъ достоинство и заслуги славной артистки, разрѣшилъ ей относиться во всемъ, вмѣсто кн. Шаховского, прямо къ главному директору театровъ, А. Л. Нарышкину. — Наконецъ, не оставляли кн. Шаховскаго въ покоѣ и ѣдкія насмѣшки талантливыхъ противниковъ литературной партіи Г. Р. Державина и А. С. Шишкова, съ ихъ пресловутой «Бесѣдой Любителей русскаго Слова», въ «Чтеніяхъ» которой, именно за 1811 г., кн. Шаховской, сомысленникъ и Державина и Шишкова, этихъ старовѣровъ русскаго языка и русской мысли, помѣстилъ написанную имъ, собственно для Шишкова, комическую поэму: *Расхищенныя шубы* — стихотворный перифразъ происшествія, дѣйствительно случившагося въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ. Жестоко поднятый на смѣхъ за эти *Расхищенныя шубы* — произведеніе, послужившее косвенною причиною соединенія противниковъ «Бесѣды» въ дружескій литературный кружокъ «Арзамасъ» — кн. Шаховской тѣмъ не менѣе продолжалъ усердствовать своему дѣлу и, 15 мая 1812 г., представилъ избранной петербургской публикѣ, на сценѣ театра собственной половины Имп. Елизаветы Алексѣевны, вновь сочиненную имъ анекдотическую оперу-водевиль: *Казакъ-Стихотворецъ*, въ 1 дѣйствіи, музыка Кавоса. Водевиль этотъ, названный въ академическомъ некрологѣ кн. Шаховскаго «первымъ народнымъ» и трижды издававшійся отдѣльно (1815, 1817 и 1822 г.), «имѣлъ — какъ замѣчаетъ г. Галаховъ въ своей «Христоматіи» — большой успѣхъ, благодаря сюжету и особенно мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ долгое время были въ общемъ употребленіи и вошли въ пѣсенники, назначенные для средняго и низшаго классовъ грамотныхъ людей. Впрочемъ, въ пьесѣ нѣтъ ничего малорусскаго». Но вслѣдъ за успѣхомъ *Казака-Стихотворца*, блистательно разыграннаго «молодой» труппой на сценѣ петербургскаго новаго театра, кн. Шаховской присутствовалъ, 19 мая, на прощальномъ спектаклѣ Валберховой, покидавшей сцену за невозможностью соперничать съ Семеновой, а еще мѣсяца черезъ два, кн. Шаховской, одушевленный знаменитымъ манифестомъ 6 іюля, воспылалъ патріотизмомъ и, какъ тверской помѣщикъ, вступилъ въ тверское ополченіе, гдѣ, по своему чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ командиромъ казачьяго полка. Находясь съ этимъ полкомъ въ отрядѣ генералъ-адъютанта бар. Винцингероде, кн. Шаховской вступилъ первый въ оставленную непріятелемъ Москву, гдѣ онъ, прежде всего, собственноручно заперъ на ключъ, до прибытія архіепископа Августина, всѣ кремлевскіе храмы, загаженные французами, а по выступленіи изъ Москвы и захватѣ бар. Винцингероде въ плѣнъ непріятелемъ, кн. Шаховской поступилъ подъ команду маркиза Паулуччи, отъ котораго, во время преслѣдованія остатковъ Наполеоновой арміи, уже спасавшихся бѣгствомъ изъ Россіи, отправленъ съ особыми порученіями въ Самогитію. По выполненіи этихъ порученій, кн. Шаховской назначенъ дежурнымъ генераломъ отдѣльнаго корпуса въ остзейскомъ краѣ, причемъ ему повелѣно формировать въ Ригѣ запасную дивизію, съ которою онъ и посланъ въ резервную армію, стоявшую въ Польшѣ. Этимъ окончились боевые или, вѣрнѣе, походные подвиги кн. Шаховскаго, который, не принимая участія въ военныхъ дѣйствіяхъ 1813 и 1814 г., по распущеніи ополченій, явился къ прежней должности въ Петербургъ, гдѣ съ 1 іюня 1813 г. ему былъ назначенъ помощникъ — П. А. Корсаковъ, извѣстный знатокъ голландской литературы и русскій писатель, а съ 13 января 1814 г. и кн. Шаховской и Корсаковъ, по случаю отъѣзда А. Л. Нарышкина, назначеннаго сопровождать Имп. Елизавету Алексѣевну въ ея заграничномъ путешествіи, поступили подъ главное начальство кн. П. И. Тюфякина, вице-директора театровъ, не слишкомъ-то расположеннаго къ кн. Шаховскому. — Затѣмъ, когда славный для русскаго оружія исходъ кампаніи 1814 года, ознаменовавшись взятіемъ Парижа, отозвался повсемѣстными ликованіями въ разныхъ концахъ Россіи и между прочимъ выразился патріотическимъ праздникомъ въ Москвѣ, даннымъ, 19 мая, «обществомъ благородныхъ людей», изъ числа которыхъ кн. П. А. Вяземскій изготовилъ, для этаго случая, надпись въ четверостишіи, а Н. М. Карамзинъ цѣлое стихотвореніе, — кн. Шаховской, вообще неохотникъ ни до кн. Вяземскаго, ни до Карамзина, отнесся и къ надписи и къ стихотворенію только критически, чѣмъ разсердилъ всѣхъ противниковъ «Бесѣды», какъ доказывается это слѣдующей выдержкой изъ письма Д. В. Дашкова, отъ 25 іюня 1814 г., изъ Петербурга, къ кн. Вяземскому въ Москву: «Болѣе всего вѣрно польститъ вашему самолюбію, что сіи двѣ, подлинно прекрасныя, пьесы (надпись и стихотвореніе) возжгли духъ ревности и зависти въ сердцахъ бесѣдчиковъ, а особливо Шаховскаго. Критическія замѣчанія его достойны его таланта. Напримѣръ, онъ находитъ, что въ надписи 1-й стихъ («Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель») есть вставочный и прибранъ единственно для риѳмы къ 3-му («Вселенная! пади предъ нимъ, онъ твой спаситель»): какова его проницательность! Стихи Ник. Мих. (Карамзина) не имѣли также счастія понравиться сему грозному Аристарху; онъ даже нападаетъ на прекрасную и трогательную строфу: «Отецъ, пусть бури міръ волнуютъ!» и проч. Какъ послѣ этого дивиться, что я такъ часто страдаю желчною лихорадкою! За то Шаховскому съ братіей чрезвычайно нравятся псалмопѣнія здѣшнихъ риѳмачей и прозаиковъ — такъ и должно». — Что касается самаго Шаховскаго, онъ, по обыкновенію, не обращалъ вниманія на толки своихъ литературныхъ враговъ и тогда, между дѣломъ, проводилъ время не скучно: «бесѣды собиравшихся у князя Шаховского литераторовъ — пишетъ очевидецъ — были очень привлекательны; въ кругу ихъ, онъ часто читалъ свои пьесы; тутъ находились многіе артисты, а иногда и талантливые его ученики: воспитанники и воспитанницы театральнаго училища. Кат. Ив. Ежова обыкновенно разливала чай». Постоянными членами этихъ бесѣдъ были И. А. Крыловъ и П. А. Катенинъ, съ которыми кн. Шаховской всегда во всемъ совѣтовался, тутъ же присутствовалъ и гр. П. С. Потемкинъ, знатокъ и любитель театра, самъ хорошій актеръ, искренній пріятель всѣхъ первоклассныхъ артистовъ, баринъ-театралъ, богато одаривавшій замѣчательныхъ актрисъ, отличаемыхъ имъ въ особенности. Въ этомъ-то кружкѣ обсуживались и собственныя произведенія кн. Шаховскаго, изъ которыхъ, въ томъ же 1814 г., были впервые сыграны: 23 ноября, въ пользу «молодой» труппы: *Крестьяне или встрѣча незваныхъ*, національная опера, музыка С. Н. Титова, плодъ ополченскихъ наблюденій автора,

и 31 декабря — *Ломоносовъ*, опера-водевиль, въ 3 дѣйствіяхъ, музыка Антонолини, пьеса, имѣвшая успѣхъ самый удовлетворительный и немедленно переведенная на нѣмецкій языкъ директоромъ петербургской нѣмецкой труппы Зономъ. — Изумительная производительность кн. Шаховскаго, какъ будто усилилась съ наступленіемъ 1815 г., въ самомъ началѣ котораго уже явились два новые его произведенія: сначала — *Желтый Карло*, волшебно-комическая опера, въ 3 дѣйствіяхъ, музыка Антонолини, пьеса, представленная 8 февраля, «съ большимъ спектаклемъ и малымъ успѣхомъ», какъ выражается очевидецъ; а потомъ — *Откупщикъ Бражкинъ или продажа села*, опера въ 2 дѣйствіяхъ, игранная 17 февраля и нравившаяся публикѣ забавною ролью семинариста Указкина, между прочимъ, поющаго:

Азъ бояхся зѣло,
Чтобы въ наше село
Вражья сила
Не вступила
И насъ въ плѣнъ не повлече.

За этими двумя пьесами, однако съ промежуткомъ полу-года времени, предстала на судъ публики третья: *Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды*, оригинальная комедія, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, — едва ли не лучшее изъ всѣхъ драматическихъ произведеній кн. Шаховскаго. Сыгранная въ первый разъ 23 сентября 1815 г , при участіи Валберховой, снова, къ удовольствію своего наставника, поступившей на сцену, «комедія *Урокъ кокеткамъ* — свидѣтельствуетъ очевидецъ — надѣлала много шуму и возбудила много негодованій на кн. Шаховскаго. Старики-волокиты узнавали себя въ баронѣ Вольмарѣ; партизаны поэта Жуковскаго негодовали за то, что въ лицѣ Фіялкина, авторъ комедіи явно желалъ подсмѣяться надъ его балладами. Посыпались остроты и эпиграммы на Шаховскаго со всѣхъ сторонъ и не только досталось его новой комедіи, но не были пощажены и предшествовавшія его пьесы». «Арзамасцы» начали первые. Одинъ изъ нихъ, кн. П. А. Вяземскій, сближая *Расхищенныя шубы* и *Липецкія воды*, острился надъ авторомъ тѣхъ и другихъ такъ:

Талантъ твой очень разнородный;
Во всемъ замѣтенъ геній твой:
Ты въ *шубахъ* Шутовской холодный
Въ *водахъ* ты Шутовской сухой!

Другой, Д. В. Дашковъ, въ своей «арзамасской» кантатѣ, всецѣло посвященной осмѣянію кн. Шаховскаго, намекалъ на *Липецкія воды* слѣдующей строфой:

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ!
Въ Бесѣдѣ бодрый усыпитель,
Хвостову братъ,
И врагъ талантовъ записной;
Хвала тебѣ, о Шутовской!

Кто-то, наконецъ, тогда же напечаталъ въ «Россійскомъ Музеумѣ», В. В. Измайлова, журналѣ, гдѣ участвовали «Арзамасцы» и ихъ друзья, слѣдующій, преувеличенно плоскій портретъ, въ оригиналѣ котораго надлежало узнать кн. Шаховскаго: «Клеонъ пишетъ трагедіи, комедіи, сатиры, поэмы, водевили. Въ нѣкоторыхъ обществахъ его вѣнчаютъ лавровыми вѣнками, равняютъ съ Мольеромъ и Депрео, удивляются его дарованіямъ, превозносятъ его умъ, однимъ словомъ почитаютъ его геніемъ нашего времени. Этотъ геній не что иное какъ наглый и безграмотный писатель, не учившійся ни чему, незнающій начальныхъ правилъ грамматики, и который сочиняетъ плоскіе и водяные стихи единственно по слуху и на попадъ». — Самъ В. А. Жуковскій, осмѣянный въ *Урокѣ кокеткамъ*, осенью того же 1815 г., между прочимъ, писалъ изъ Петербурга къ своимъ роднымъ въ Бѣлевъ: «естли разсказывать, то хоть забавное. Здѣсь есть авторъ князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною. Друзья за меня вступились. Дашковъ напечаталъ жестокое письмо къ новому Аристофану; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскому сдѣлался поносъ эпиграммами. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня; а я молчу, да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали — городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ парнасской бури». — Виновникъ этой бури, кн. Шаховской, какъ водится, не увлекался ея шумомъ и, тою же осенью 1815 г., поставилъ на сцену еще двѣ свои пьесы: 19 октября — оперу *Иванъ Сусанинъ*, въ 2 дѣйствіяхъ, музыка Кавоса, скоро сдѣлавшуюся одной изъ самыхъ любимыхъ публикой, и 3 ноября — переводную съ французскаго трагедію *Абуфаръ или арабское семейство*, въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, потерпѣвшую рѣшительное паденіе; а на другой день, 4 ноября, была играна принятая, срепетированная и поставленная имъ же, кн. Шаховскимъ, но сочиненная молодымъ тогда писателемъ, М. Н. Загоскинымъ, 3-хъактная комедія, подъ названіемъ: *Комедія отъ комедіи*, случайный успѣхъ которой, пережившій только четыре представленія, зависѣлъ отъ нѣкотораго соотношенія между ней и комедіей кн. Шаховскаго: *Урокъ кокеткамъ*, выгоднаго для послѣдней. — Отдыхая затѣмъ всю зиму, кн. Шаховской составилъ, на досугѣ, волшебно-комическое представленіе *Карачунъ*, въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами, балетами и сраженіями, данное въ первый разъ 12 мая 1816 г., въ бенефисъ Рамазанова, повторенное еще однажды и канувшее въ Лету, а въ теченіе 1817 г.; драматическая дѣятельность кн. Шаховскаго ограничилась стихотворнымъ переводомъ одного изъ 4 актовъ Корнелевой трагедіи *Гораціи* (прочіе три акта переводили: Чепягинъ, Жандръ и Катенинъ), сыгранной 29 октября, да сочиненіемъ куплетовъ къ спектаклю 15 ноября, данному театральной дирекціей въ пользу вдовы и сиротъ знаменитаго актера А. С. Яковлева, умершаго передъ тѣмъ недѣли за двѣ. — И такъ какъ въ то время уже ходилъ по рукамъ сочиненный А. Ѳ. Воейковымъ «Парнасскій адресъ-календарь», въ которомъ, между прочими, и о кн. Шаховскомъ говорилось, что онъ «придворный дистиляторъ; составляетъ самый лучшій опіумъ для придворнаго и общественнаго театра; имѣетъ привилегію писать безъ вкуса и толку», то кн. Шаховской, прочитавъ такую на себя напраслину, какъ бы въ доказательство противнаго, согласилъ Н. И. Хмельницкаго и А. С. Грибоѣдова сочинить съ нимъ, втроемъ, пьесу, каждому по акту, вслѣдствіе чего вскорѣ же явилась и поставлена кн. Шаховскимъ на сцену: *Своя семья или Замужняя невѣста*, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сыгранная въ первый разъ 24 января 1818 г., въ бенефисъ Валберховой, и съ такимъ успѣхомъ, что пьеса эта осталась

въ репертуарѣ на долго, а для благородныхъ спектаклей — сдѣлалась одною изъ любимѣйшихъ. Но кромѣ враговъ литературныхъ, были у кн. Шаховскаго враги служебные и къ нимъ принадлежалъ кн. Тюфякинъ, съ назначеніемъ котораго директоромъ театровъ, кн. Шаховской, въ августѣ того же 1818 г., вышелъ въ отставку, не прекращая, впрочемъ, своей драматической дѣятельности, такъ что всего черезъ мѣсяцъ, именно 23 сентября 1818 г., въ бенефисъ Е. И. Ежовой, уже явились на сценѣ разомъ три новыя пьесы кн. Шаховскаго: *Не любо не слушай, а лгать не мѣшай*, небольшая комедія, *первая*, написанная *вольными стихами*, а потому надолго оставшаяся въ репертуарѣ; *Лекарь-самоучка или животный магнитизмъ*, опера въ 1 дѣйствіи, музыка Маурера, пьеса, упавшая съ разу, и *Новый Бедламъ или прогулка въ домѣ сумасшедшихъ*, водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго и понравившійся публикѣ. — Въ зиму 1818 — 1819 г., на литературные вечера къ кн. Шаховскому постоянно являлись: А. С. Грибоѣдовъ, съ своимъ другомъ Д. Н. Бѣгичевымъ, А. А. Жандръ, Н. И. Хмельницкій, М. Е. Лобановъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, замѣнившій кн. Шаховскаго въ званіи члена репертуарной части, Я. Н. Толстой, П. А. Катенинъ, представившій кн. Шаховскому и молодаго А. С. Пушкина, Д. Н. Барковъ, переводчикъ множества французскихъ пьесъ, А. Бестужевъ (Марлинскій), Н. В. Всеволожскій, наконецъ всѣ первоклассные артисты, — кружокъ, въ которомъ и спорили о совершавшемся тогда переходѣ отъ классическихъ трагедій къ романтической драмѣ, и опредѣляли сценическое назначеніе извѣстной впослѣдствіи артистки А. М. Колосовой (по мужѣ Каратыгиной), и читали новыя произведенія самаго кн. Шаховскаго, занятаго тогда, между прочимъ, передѣлкою на русскій ладъ двухъ нерусскихъ пьесъ, а именно — 5-ти-актной комедіи Авг. Коцебу: *Сущій бѣсъ или вдругъ три свадьбы*, съ пѣніемъ и дивертисементомъ, и одно-актнаго французскаго святочнаго водевиля: *Пурсоньякъ Фалалей или Рохусъ въ новомъ видѣ*, — игранныхъ впервые 16 апрѣля 1819 г., въ бенефисъ Валберховой. Кромѣ этихъ двухъ передѣлокъ, кн. Шаховской, въ томъ же 1819 г. написалъ и отдалъ на сцену двѣ оригинальныя пьесы: оперу-водевиль *Два учителя или Asinus Asinum fricat*, въ 1 дѣйствіи, игранную впервые 22 сентября, въ бенефисъ Е. И. Ежовой, а потомъ часто повторявшуюся за игривость содержанія, и комедію *Пустодомы*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, замѣчательную, какъ одно изъ лучшихъ произведеній своего автора, и забавную въ особенности ролью ученаго педанта Инквартуса, который, напр., въ 3-мъ явленіи 3-го дѣйствія, говоритъ Радимову:

Хоть философія системами богата,
Но цѣль одна. Примѣръ: Зенона стоицизмъ,
Пиррона скептицизмъ, Спинозы реализмъ,
И Фихтовъ ихтеизмъ, съ Берклея идеизмомъ,
Сократо-платонизмъ, съ антропофилеизмомъ,
Суперъ-натурализмъ, перипатетицизмъ,
Доризмъ, пиѳизмъ, кратизмъ, фиксизмъ и фатализмъ;
Такъ безъ софизмовъ я все кончу силлогизмомъ,
Что правды ригоризмъ вы греко-руссицизмомъ
Хотѣли выразить — и я васъ угадалъ.

Въ теченіе 1820 г. играны въ первый разъ слѣдующія новыя пьесы кн. Шаховскаго: 16 января, въ бенефисъ Валберховой, — *Какаду или слѣдствіе урока кокеткамъ*, оригинальная комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, имѣвшая большой успѣхъ и, недѣлю спустя, представленная на половинѣ Имп. Маріи Ѳеодоровны; *Актеръ на родинѣ или прерванная свадьба*, анекдотическій водевиль, передѣланный съ французскаго; 12 іюля, въ бенефисъ Величкина и Рамазанова, — *Игнашка дурачокъ или нечаянное сумасшествіе*, водевиль изъ театра Скриба, въ 1 дѣйствіи, съ хорами и танцами, забавный и повторявшійся часто; 26 іюля, въ бенефисъ мужа и жены Сосницкихъ, — *Адвокатъ или любовь живописца*, водевиль въ 2 дѣйствіяхъ, съ хорами и танцами, передѣланный съ французскаго; 21 сентября, въ бенефисъ Ежовой, — *Новая суматоха или женихи чужихъ невѣстъ*, оригинальная комическая опера въ 1 дѣйствіи, музыка particio разныхъ авторовъ; *Ворожея или танцы духовъ*, оригинальная комедія-водевиль. Эта плодовитая дѣятельность неутомимаго драматурга была еще плодовитѣе въ 1821 г., когда на петербургской сценѣ являлись вновь, одно за другимъ, слѣдующія произведенія кн. Шаховскаго: 21 января, въ бенефисъ Валберховой — *Иваной или возвращеніе Ричарда львинаго сердца*, романтическая комедія въ 5 дѣйствіяхъ, заимствованная изъ романа Вальтеръ-Скотта, съ турнирами, сраженіями, балладами, пѣніемъ и танцами, музыка Кавоса; 29 апрѣля, въ спектаклѣ въ пользу П. А. Катенина (автора комедіи «Сплетни», поставленной кн. Шаховскимъ), — *Женщина-Лунатикъ*, опера-водевиль изъ театра Скриба, въ 3 дѣйствіяхъ, музыка Кавоса, — пьеса, какъ выражается очевидецъ, — «написанная въ благородномъ тонѣ и съ прекрасными мотивами», а потому очень всѣмъ нравившаяся; 4 іюля, въ бенефисъ Величкина и Рамазанова, — *Баккалавръ Саламанхскій*, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, переведенная съ франц.; 28 сентября, въ бенефисъ Ежовой, — *Буря*, большое волшебно-романтическое представленіе изъ Шекспира, въ стихахъ и прозѣ, съ музыкальнымъ прологомъ Кавоса изъ произведеній Керубини и Штейбельта, произведшее большой эффектъ; 17 октября, въ бенефисъ Истоминой, — *Фениксъ или Утро журналиста*, водевиль, передѣланный съ французскаго и одинъ изъ удачнѣйшихъ въ этомъ родѣ; 7 декабря, въ бенефисъ Брянскаго, — *Женщина-Полковникъ*, комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, перев. съ франц.; 14 декабря, въ бенефисъ Асенковой (матери), — *Живыя картины или наше дурно, чужое хорошо*, драматическая пословица-водевиль въ 1 дѣйствіи, пьеска очень эффектная; *Тетушка или она не такъ глупа*, оригинальная комедія въ 1 дѣйствіи, вольными стихами. — Но еще лѣтомъ того же 1821 г. кн. Шаховской сталъ опять принадлежать театру служебнымъ образомъ — по слѣдующему обстоятельству: съ отъѣздомъ директора театровъ кн. Тюфякина за границу, для приглашенія новыхъ сюжетовъ въ петербургскую французскую труппу, противъ него затѣялась интрига, виновникъ которой А. А. Майковъ, помощникъ кн. Тюфякина и давній пріятель кн. Шаховскаго, немедленно предоставилъ послѣднему распоряженіе театральной школой и постановкой пьесъ, а получивъ самъ мѣсто уволеннаго кн. Тюфякина, содѣйствовалъ назначенію кн. Шаховскаго въ трехъ-членный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора гр. М. А. Милорадовича, долженствовавшій составить новый проектъ правилъ для управленія театрами, — что и поручено именно кн. Шаховскому, какъ самому опытному члену по части театральной. — Занявшись этимъ дѣломъ со всѣмъ должнымъ усердіемъ, кн. Шаховской, уже близкій

человѣкъ гр. Милорадовича, все-таки продолжалъ работать для сцены, на которой, въ теченіе 1822 г., послѣдовательно являлись его пьесы: 30 января, въ бенефисъ Семеновой меньшой, — ***Король и Пастухъ***, переводная комедія-водевиль, въ 1 дѣйствіи, съ хорами, одна изъ лучшихъ въ этомъ родѣ; 10 іюля, въ спектаклѣ, устроенномъ, по предложенію Россійской Академіи, для сбора на памятникъ знаменитому актеру И. А. Дмитревскому, — ***Новости на Парнассѣ или торжество Музъ***, аналогическій прологъ, въ стихахъ и прозѣ, съ пѣніемъ и балетами, поставленный и разыгранный прекрасно; 9 октября, въ бенефисъ Ежовой, — ***Чванство Транжирина или слѣдствіе полубарскихъ затѣй***, оригинальная комедія въ 3 дѣйствіяхъ, съ интермедіями, хорами и танцами, имѣвшая большой успѣхъ, также, какъ и ***Принцесса Требизондская или Островъ нѣмыхъ***, волшебно-комическій балетъ, съ пѣніемъ, музыкой и пантомимнымъ дивертисементомъ; 23 октября, въ бенефисъ Борецкаго (Пустошкина), — ***Таинственный Карло или Долина чернаго камня***, романтическая комедія въ 5 дѣйствіяхъ, изъ романа Вальтеръ-Скотта, обставленная великолѣпнымъ спектаклемъ, но повторенная только однажды и потомъ забытая. — Съ наступленіемъ 1823 года, кн. Шаховской внесъ на разсмотрѣніе комитета составленный имъ *Проэктъ устава театральнаго управленія* и, прочитавъ въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи 14 января двѣ сцены изъ своей, еще не конченной, комедіи *Аристофанъ* — названныя Н. М. Карамзинымъ, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, «изрядными», — продолжалъ обогащать русскую драматическую литературу новыми произведеніями, которыя, въ теченіе 1823 г., являлись на сцену въ такомъ порядкѣ: 29 января, въ бенефисъ Брянскаго, — ***Урокъ женатымъ***, комедія въ 1 дѣйствіи, вольными стихами, заимствованная изъ повѣсти В. А. Жуковскаго, тогда же напечатанная съ портретомъ актрисы Дюръ и немедленно раскупленная обожателями послѣдней; 30 іюля, въ бенефисъ Величкина, — ***Посѣщеніе принца или Воинъ и купецъ***, перев. съ франц. опера-водевиль, въ 1 дѣйствіи, съ хорами и балетами; 19 сентября, въ бенефисъ Борецкаго, — ***Алепскій горбунъ или Размѣнъ ума и красоты***, перев. съ франц. волшебный водевиль, въ 2 дѣйствіяхъ, вольными стихами (нововведеніе для водевилей, впрочемъ, не принятое и не имѣвшее подражателей), съ хорами, превращеніями и дивертисементомъ; 18 октября, въ бенефисъ Ежовой, — ***Соколъ князя Ярослава или Суженый на бѣломъ конѣ***, русская историческая быль, въ 4 дѣйствіяхъ, съ пѣснями, плясками, хорами и борьбою рыцарей, — произведеніе, не лишенное достоинствъ и особенно любимое самимъ авторомъ; ***Любопытная или Догадка не впопадъ***, оригинальная комедія въ 1 дѣйствіи, вольными стихами. Въ 1824 г., съ утвержденіемъ устава и штатовъ театра, сочиненныхъ кн. Шаховскимъ, дѣятельность послѣдняго, какъ писателя драматическаго, не прерывалась — и на русскую сцену являлись одна за другою слѣдующія пьесы кн. Шаховскаго: 3 января, въ бенефисъ Брянскаго, — ***Судьба Ниджеля или Все бѣда для несчастнаго***, романтическая комедія изъ повѣсти Вальтеръ-Скотта, въ 5 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, хорами и великолѣпнымъ спектаклемъ, тѣмъ не менѣе, потерпѣвшая рѣшительное паденіе; 23 января, въ бенефисъ Валберховой, — ***Фингалъ и Розкрана***, драматическая поэма изъ пѣсней Оссіана, въ 3 дѣйствіяхъ, съ пѣніемъ, хорами, поединкомъ, морвенскими обычаями и великолѣпнымъ спектаклемъ, музыка Кавоса и Кателя, — пьеса, не оставившая впечатлѣнія; *Ты и Вы, Вольтерово посланіе, или Шестьдесятъ лѣтъ антракта*, оригинальная анекдотическая комедія, въ 2 дѣйствіяхъ, съ переводомъ нѣкоторыхъ стиховъ Вольтера, вышла очень занимательна; 1 сентября, въ бенефисъ Величкина, — ***Волшебная лампадка или Кашемирскіе пирожники***, волшебно-комическая опера, въ 3 дѣйствіяхъ, съ хорами и балетами, музыка Пачини, перев. съ франц. кн. Шаховскимъ и Жандромъ; 10 сентября, въ бенефисъ Борецкаго, — ***Пѣсня или Конторское приключеніе***, перев. съ франц. комедія-водевиль, въ 1 дѣйствіи, имѣла успѣхъ; 3 ноября, въ бенефисъ Ежовой, — ***Финнъ***, комедія изъ поэмы Пушкина «Русланъ и Людмила», въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ полетами, танцами и великолѣпнымъ спектаклемъ, въ родѣ греческой трилогіи; *Притчи или Эзопъ у Ксанѳа*, оригинальная комедія-водевиль, имѣвшая успѣхъ, благодаря мастерскому чтенію басень Брянскимъ (Эзопъ). — Въ 1825 г. А. А. Майковъ оставилъ мѣсто директора театровъ, занятое Н. Ѳ. Остолоповымъ, и театральное могущество кн. Шаховскаго, не смотря на панибратство послѣдняго съ гр. Милорадовичемъ, принимавшимъ большое участіе во всѣхъ театральныхъ дрязгахъ, замѣтно ослабѣло, что не мѣшало однако кн. Шаховскому, какъ писателю, продолжать свои труды, плодами которыхъ, въ теченіе 1825 г. послѣдовательно являлись на петербургской сценѣ пьесы: 28 сентября, въ бенефисъ молодыхъ актрисъ Дюръ и Азаревичевой меньшой, — ***Керимъ-Гирей, Крымскій Ханъ***, романтическая трилогія изъ поэмы Пушкина «Бахчисарайскій фонтанъ», въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ пѣніемъ, хорами и танцами, — произведеніе, не лишенное поэтическаго достоинства, какъ видно это, напр., изъ слѣдующихъ заключительныхъ стиховъ финальнаго монолога Гирея (Каратыгинъ):

Шуми, фонтанъ, будь скорбнымъ знакомъ,
Покрытый черною плитой,
Что смерть Маріи вѣчнымъ мракомъ
Сокрыло солнце предо мной....
Заржали кони, пуля свищетъ,
Сверкаетъ пикою донецъ,
За мной весь Крымъ!... На Донъ!... тамъ сыщетъ
Гирей страданіямъ конецъ!

8 октября, въ бенефисъ Борецкаго, — ***Фальстафъ***, комедія изъ исторической хроники Генриха IV, въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами; 29 октября, въ бенефисъ танцовщицъ Телешовой и Азаревичевой-большой, — ***Батюшкина дочка или Нашла коса на камень***, комедія-балетъ въ 3 дѣйствіяхъ, «подражаніе Шекспиру», какъ сказано было въ аффишѣ; 19 ноября, въ бенефисъ Ежовой, — ***Аристофанъ или Представленіе комедіи «Всадники»***, историческая комедія въ древнемъ родѣ, въ разномѣрныхъ стихахъ греческаго стопосложенія, съ прологомъ и интермедіями, пѣніемъ, хорами и танцами, — самое, такъ сказать, ученое произведеніе кн. Шаховскаго, который почти превзошелъ себя въ слѣдующемъ монологѣ Аристофана, направленномъ противъ его враговъ, приверженцовъ Клеона:

Нѣтъ, мало мнѣ Немейскаго вѣнца,
Хочу безсмертія, его душою жажду;
Пусть отъ философовъ и отъ Клеоновъ стражду,
Пусть нищаго суму въ чужой землѣ ношу,
Пусть съ голоду умру; но живъ останусь славой,

И комики другихъ народовъ и вѣковъ
Почерпнутъ изъ моихъ стиховъ
Умѣнье чудное—полезнымъ быть забавой....

По смерти же гр. Милорадовича, погибшаго на Петровской площади въ Петербургѣ, 14 декабря 1825 г., кн. Шаховской, не желая оставаться въ службѣ, просилъ увольненія, которое и получилъ въ 1826 г. Но вдали отъ театра, кн. Шаховской не переставалъ служить ему и, напечатавъ, въ 1827 г., своего *Аристофана*, въ 1828 г. написалъ 2-хъ актную драму *Өедоръ Григорьевичъ Волковъ* (главное лицо—основатель русскаго театра), въ 1829 г. отдалъ на московскій театръ свой *Девкаліоновъ потопъ*, игранный 31 января, но безъ успѣха, а съ появленіемъ въ 1829—1831 гг. историческихъ романовъ М. Н. Загоскина, извѣстныхъ «Юрія Милославскаго» и «Рославлева», кн. Шаховской подѣлалъ изъ нихъ 5-ти актныя драмы: *Юрій Милославскій* и *Рославлевъ*,—обѣ не имѣвшія успѣха на сценѣ, наконецъ, къ бенефису московской артистки Львовой-Синецкой, 20 января 1832 г., изготовилъ оригинальную романтическую драму: *Двумужница или Зачѣмъ пойдешь то и найдешь*, въ 2-хъ частяхъ, прозой и стихами стариннаго русскаго размѣра, съ хороводными и святочными играми и плясками. Въ остальные девять лѣтъ пребыванія своего въ Петербургѣ, кн. Шаховской, какъ кажется, не писалъ ничего, по крайней мѣрѣ, замѣчательнаго, но не прерывалъ наставническихъ отношеній къ Брянскому и поощрялъ одобреніями начинающихъ литераторовъ, изъ которыхъ, напр., И. И. Панаевъ, въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» 1830—1839 гг. приводитъ, между прочимъ, такой разсказъ: «Мы отправились съ Брянскимъ къ Шаховскому, въ назначенный имъ день. Шаховской жилъ тогда на набережной Фонтанки, не подалеку отъ Калинкина моста. Я нашелъ въ немъ еще очень живаго старичка. Онъ, пришепетывая, болталъ безъ умолку и показался мнѣ очень добродушнымъ. Репертуаръ Шаховскаго начиналъ въ это время забываться; пьесы его появлялись на сценѣ изрѣдка, что приводило автора по-видимому въ раздраженіе. Онъ никакъ не думалъ, что время его прошло, а приписывалъ это интригамъ противъ него театральной дирекціи. Онъ очень горячился, упрекалъ дирекцію въ невѣжествѣ и съ восхищеніемъ разсказывалъ о томъ времени, когда онъ управлялъ театрами, безпрестанно ссылаясь на Брянскаго и повторяя: «Плявда, блятецъ, вѣдь плявда?» Недовольный Петербургомъ, кн. Шаховской переселился въ Москву, къ своему давнему другу М. М. Бакунину, тутъ, около 1840 г., произвелъ новую волшебную оперу *Чурова долина или Сонъ на яву*, въ 3 дѣйствіяхъ, и тутъ же провелъ послѣдніе годы своей жизни, «принимая — пишетъ г. Галаховъ — живое участіе въ постановкѣ новыхъ пьесъ на сцену, давая полезные совѣты артистамъ, за которые были ему благодарны не только новички въ театральномъ искуствѣ, но и такіе первоклассные таланты, какъ Мочаловъ, Щепкинъ, Рязанцевъ. Директоры Московскаго театра Ө. Ө. Кокошкинъ и М. Н. Загоскинъ дорожили его опытностью и умѣли уважать его постоянную любовь къ драмѣ». Въ сентябрѣ 1845 г. кн. Шаховской поѣхалъ въ свое харьковское помѣстье, село Рогань, и тамъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ, по случаю частыхъ посѣщеній харькова, онъ сблизился съ знаменитымъ витіей—архіепископомъ Иннокентіемъ, а въ самые первые дни 1846 г. возвратился въ Москву, но замѣтно опустившимся, постарѣвшимъ, и здѣсь, послѣ 8-дневнаго недуга, умеръ 22 января 1846 г., на 69 г. дѣятельной жизни, завѣщавъ всѣ свои сочиненія, изданныя и неизданныя, П. М. Бакуниной. — Тѣло кн. Шаховскаго погребено въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Кн. А. А. Шаховской былъ небольшаго роста, тучный, порывистый въ движеніяхъ, съ симпатичнымъ выраженіемъ лица, вообще не очень красиваго, умными, быстрыми глазами, замѣчательно длиннымъ носомъ и обширною, почти во всю голову, лысиною. Простой въ обращеніи и скоро сходившійся съ людьми всякихъ закаловъ, кн. Шаховской имѣлъ сердце доброе, нѣжное, правъ кроткій, самолюбіе раздражительное, но не злобивое, умъ свѣтлый, обогащенный познаніями, способности несомнѣнныя, разносторонпія. Какъ драматическій писатель, кн. Шаховской, конечно, не будетъ забытъ ни исторіей русской литературы, ни исторіей русскаго развитія вообще — и, можно сказать, что русское сценическое искуство все еще остается обязано тѣмъ, что оно есть, традиціи кн. Шаховскаго болѣе, нежели чему либо другому. «Драматическое поприще князя А. А. Шаховскаго — писали, еще при его жизни, въ одной старой газетѣ — составляетъ эпоху въ россійской словесности. Онъ успѣшно состязался дарованіями съ соперниками опасными и побѣдилъ ихъ количествомъ и разнообразіемъ своихъ сочиненій. Отъ предметовъ высокой комедіи до содержанія забавнаго водевиля его творческія способности ловили все комическое въ общежитіи и выводили на сцену къ удовольствію зрителя».—«Князь А. А. Шаховской — говорилось въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1833 г. — донынѣ испыталъ всѣ роды драматическихъ сочиненій: писалъ трагедіи, комедіи, оперы, водевили, мелодрамы, въ стихахъ и прозѣ; бралъ предметы изъ библіи, изъ исторіи, изъ сказокъ, передѣлывалъ въ драму романы В. Скотта и М. Н. Загоскина, поэмы Пушкина, обошелъ весь міръ, ища сюжетовъ для драмы, былъ и въ древней Греціи и въ новой Франціи — такое безпокойство показываетъ, безъ сомнѣнія, или многообразное величіе генія, или рѣшительную неудачу, которая встрѣчаетъ писателя на всѣхъ тропинкахъ Парнасса...». Но, вмѣсто того, чтобы дѣлать рѣшительный выборъ изъ этихъ двухъ заключеній о дѣятельности писателя, количество произведеній котораго, только драматическихъ, исчисляютъ *за сто*, лучше будетъ сказать словами академическаго некролога кн. Шаховскаго: «Никто не усомнится, что для производительности, столь обильной, столь разнородной и столь постоянной, требуется много душевной энергіи и гибкій талантъ. Нельзя и ожидать равнаго совершенства въ этихъ безчисленныхъ произведеніяхъ, часто писанныхъ только на выпавшій случай и слѣдственно со всею поспѣшностію. Но всѣ судьи согласно признавали въ этомъ писателѣ мастерство управляться съ языкомъ». — Кромѣ сочиненій кн. Шаховскаго, названныхъ выше, извѣстны: *Москва и Парижъ въ 1812 и 1814 г. Воспоминанія*, въ разностопныхъ стихахъ, посвященныя авторомъ лейбъ-гвардіи Преображенскому полку; *Смольяне*, драма въ 5 дѣйствіяхъ; *Нѣчто о театральной музыкѣ*, отрывокъ изъ теоріи драматическаго искуства, напечатанный въ «Русской Таліи», 1825 г.; *Ломоносовъ и Сумароковъ*, глава изъ романа: «Жизнь Пронскаго», напечатанная въ «Москвитянинѣ» 1846 г. (№ 4). — Многія изъ пьесъ кн. Шаховскаго, даже игранныхъ, остались въ рукописи. Собранія всѣхъ сочиненій кн. Шаховскаго издаваемо не было.

ЖУКОВСКІЙ, Василій Андреевичъ, русскій поэтъ. Родился 29 января 1783 г., Тульской губерніи бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Мишенскомъ, принадлежавшемъ тогда помѣщику Аѳанасію Ивановичу Бунину. Обязанный жизнію кровному брату этаго Бунина и плѣнной турчанкѣ, принявшей православіе съ именемъ Елизаветы Дементьевны, будущій поэтъ принялъ фамилію, которую потомъ прославилъ, отъ своего воспріемника при св. крещеніи, бѣлорусскаго помѣщика Андр. Триг. Жуковскаго, гащивавшаго у Буниныхъ. Не далѣе какъ въ 1784 г., т. е. еще въ пеленкахъ, будущій поэтъ, по обычаю того времени, былъ записанъ на службу, въ Астраханскій гусарскій полкъ сержантомъ, но, разумѣется, оставался при своемъ воспитателѣ Аѳ. Ив. Бунинѣ, жена котораго, Марья Григорьевна, нѣжно любила кроткую Елизавету Дементьевну, а сына ея — считала своимъ. Подъ ближайшимъ надзоромъ этихъ двухъ женщинъ, красавецъ-ребенокъ рано началъ обнаруживать доброту сердца, пылкость ума и, лѣтъ четырехъ-пяти отъ роду, неожиданно обнаружилъ способность художника — счертивъ мѣломъ, на полу, весьма схожую копію образа Боголюбской Божіей Матери, висѣвшаго въ той же комнатѣ. Чтобы лучше развить необыкновеннаго мальчика, къ нему поспѣшили приставить учителя-нѣмца, *Акима Ивановича*, который однако, оставляя въ сторонѣ свои педагогическія обязанности, собиралъ кузнечиковъ, прислушивался къ ихъ стрекотанью, устроивалъ изъ нихъ хоръ, дѣлалъ имъ карточные домики, а маленькаго Жуковскаго, за малѣйшую ошибку въ чтеніи или незнаніе урока, сѣкъ розгами, билъ линейкой по пальцамъ и ставилъ на колѣни на горохъ. Но добрый малютка безъ жалобъ терпѣлъ все — и только отъ ходившаго за нимъ слуги узнали старшіе о жестокихъ продѣлкахъ учителя, который немедленно былъ высланъ изъ дома, со всѣми кузнечиками. Вслѣдъ за тѣмъ семейство Буниныхъ переселилось изъ Мишенскаго въ Тулу, къ Варварѣ Аѳанасьевнѣ Юшковой, единокровной сестрѣ и крестной матери Жуковскаго, который тутъ же, въ Тулѣ, былъ отданъ въ пансіонъ г. Роде и вскорѣ потерялъ отца. Являясь ежесубботно изъ пансіона Роде къ матери и Марьѣ Григорьевнѣ Буниной, продолжавшимъ — и по смерти мужа послѣдней — жить вмѣстѣ, шестилѣтній Жуковскій, въ 1789 г., іюля 9, былъ заочно произведенъ въ прапорщики своего полка, съ назначеніемъ младшимъ адъютантомъ въ штатъ генералъ-поручика Кречетникова, но, черезъ три мѣсяца, по прошенію, уволенъ отъ службы, безъ награжденія слѣдующимъ чиномъ. — Между тѣмъ, пансіонъ Роде закрылся — и отставной прапорщикъ пользовался уроками гувернантки и русскаго учителя, жившихъ въ домѣ Юшковой, съ которою, вѣроятно, онъ, около того же времени, попалъ въ Петербургъ, гдѣ ему удалось видѣть Потемкинскій праздникъ 1791 г. въ Таврическомъ дворцѣ, — о чемъ онъ самъ, сорокъ лѣтъ спустя, упоминалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ И. И. Дмитріеву. А такъ какъ домъ Юшковой въ Тулѣ часто посѣщалъ учитель Тульскаго народнаго училища Ѳеофилактъ Гавриловичъ Покровскій, славившійся тогда своими знаніями и сотрудничествомъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени», подъ псевдонимомъ «Пустынника горы Алаунской», то его просвѣщенному покровительству былъ порученъ и Жуковскій, которому тогда же велѣно ходить въ классы училища, замѣнявшаго нынѣшнюю гимназію. Но Покровскій скоро замѣтилъ невниманіе мальчика къ математическимъ лекціямъ, сталъ его недолюбливать и жаловался на будущаго поэта, какъ на величайшаго лѣнивца. Дѣло въ томъ, что будущій поэтъ, еще въ бытность свою пансіонеромъ Роде геройски защищавшій одну ровестницу-дѣвочку отъ двухъ своихъ сверстниковъ, болѣе и болѣе дѣлался мечтательнымъ, не шутя вдавался въ поэзію строчилъ стихотворенія, сочинялъ даже театральныя пьесы и, разумѣется, не могъ интересоваться ариѳметическими выкладками. Окруженный, въ домѣ Юшковой, цѣлымъ роемъ дѣвицъ и дѣвочекъ, ребенокъ-прапорщикъ, онъ же вольнослушатель тульскаго народнаго училища, усердно, съ помощью самыхъ незатѣйливыхъ средствъ и копеечныхъ расходовъ, устроивалъ, къ удовольствію всѣхъ домочадцевъ, пренаивные спектакли, для которыхъ самъ сочинялъ и ставилъ пьесы. Такъ напр. была разыграна его трагедія въ прозѣ: *Камиллъ и освобожденный Римъ*, въ которой самъ авторъ занималъ главную роль и, въ финалѣ пьесы, при появленіи раненой, съ растрепанными волосами, Олимпіи, царицы ардейской, говорившей: «познай во мнѣ Олимпію, арденскую царицу, принесшую жизнь въ жертву Риму!» — восклицалъ: — «О, Боже! Олимпія, что сдѣлала ты!» — на что Олимпія отвѣтствовала: — «За Римъ вкусила смерть!» — и тутъ же умирала, при громкихъ рукоплесканіяхъ невзыскательныхъ зрителей. — Такимъ же образомъ была поставлена и разыграна драма: *Госпожа де-ла Туръ*, извлеченная Жуковскимъ изъ сочиненія де-Сентъ-Пьера: «Павелъ и Виргинія». Но жалобы Покровскаго не прекращались и, наконецъ, онъ объявилъ Юшковой, что если ея питомцу не будетъ ею же запрещено ходить въ училище, его выгонятъ оттуда за неспособностью. Дѣлать было нечего — и Жуковскій, избавленный отъ скучныхъ для него математическихъ лекцій и надоѣдавшихъ ему замѣчаній Покровскаго, принялся, на досугѣ, изобрѣтать риѳмованныя произведенія — уже не для свѣдѣнія одникъ только своихъ домашнихъ. Такъ, по утвержденію С. Д. Полторацкаго, сочиненные Жуковскимъ: *Стихи на случай рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича*, были помѣщены въ іюльской книжкѣ журнала «Муза» 1796 г., съ подписью: *В. Р.* и слѣдующимъ замѣчаніемъ издателя, Ив. Ив. Мартынова: «сочинитель сей аллегоріи маленькой, крошечной стихотворецъ. Какой лучъ надежды блеститъ на зарѣ его!». — Этотъ первопечатный опытъ Жуковскаго — если, въ самомъ дѣлѣ, авторомъ былъ онъ, — заключался въ четверостишіи, гласившемъ:

Грозамъ ли древо всколебать
Корнями въ Нордѣ укрѣпленно?
Для вѣчныхъ отраслей рожденно —
Дерзнутъ ли громы устрашать?

Тѣмъ же лѣтомъ 1796 г. семейный совѣтъ М. Г. Буниной В. А. Юшковой и Елизаветы Дементьевны, рѣшилъ: записать Жуковскаго опять на службу, но такъ, чтобъ онъ продолжалъ учиться дома или въ Москвѣ. Кстати же, Жуковскій, по мнѣнію домашнихъ, являлъ очевидно воинскія наклонности, съумѣвъ сформировать изъ сверстницъ своей труппы взводъ солдатиковъ, которыхъ онъ обучалъ фронтовой экзерциціи и, за всякую неисправность, сажалъ, вмѣсто гауптвахты, подъ столъ. — Маіоръ Рязанскаго полка Дм. Гавр. Посниковъ, проживавшій тогда въ отпуску въ Тулѣ, предложилъ роднымъ Жуковскаго отвезти послѣдняго къ Рязанскому полку, въ Кексгольмъ, — и Жуковскій, остриженный подъ гребенку, въ новосшитомъ мундирѣ, поѣхалъ съ Посниковымъ вторично записываться на службу.

Но такъ какъ, въ то самое время, воцарился имп. Павелъ I, порядки начались другіе и малолѣтныхъ запрещено было принимать въ службу, то Жуковскій, съ тѣмъ же Посниковымъ, получившимъ чистую отставку, мѣсяца черезъ четыре возвратился въ Тулу, гдѣ продолжалъ учиться у гувернантки Юшковыхъ, которая, открывъ въ маленькомъ поэтѣ прекрасный голосъ и вѣрный слухъ, часто заставляла Жуковскаго пѣть вмѣстѣ съ нею. — Въ январѣ 1797 г. М. Г. Бунина отправилась въ Москву, чтобъ остаться тамъ для коронаціи имп. Павла, и взяла съ собой Жуковскаго, котораго тогда же помѣстила въ благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ, состоявшій подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ инспектора, извѣстнаго А. А. Прокоповича-Антонскаго. Облеченный въ университетскій мундиръ краснаго сукна, съ золотымъ шитьемъ вдоль петлицъ на груди и съ бархатнымъ голубаго цвѣта воротникомъ, 14-тилѣтній поэтъ очутился въ кругу многочисленныхъ товарищей, съ которыми онъ, въ опредѣленные часы, слушалъ лекціи слишкомъ 20-ти разныхъ наукъ и 5-ти иностранныхъ языковъ (латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго), занимался музыкой, рисованіемъ, живописью, танцами, фехтованіемъ, верховой ѣздой, обучался тайнамъ ружистики и шагистики. Едва успѣвъ привыкнуть къ этому новому мѣсту воспитанія, Жуковскій, въ маѣ 1797 г., потерялъ свою крестную мать, В. А. Юшкову, и на лѣто уѣхалъ въ Мишенское, по возвращеніи изъ котораго онъ началъ писать къ пансіонскому акту картину, памятникъ его художественной способности къ рисованію, и, осенью же, явился однимъ изъ сотрудниковъ журнала «Пріятное и полезное препровожденіе времени», издававшагося тогда Пав. Аѳ. Сохацкимъ, учителемъ благороднаго пансіона, и В. С. Подшиваловымъ. — Въ ч. XVI этаго журнала за 1797 г. напечатаны два произведенія 14-ти-лѣтняго Жуковскаго: прозаическая статья: *Мысли при гробницѣ* и стихотвореніе: *Майское утро*, подражаніе пьесѣ Державина: «на кончину Великой Княжны Ольги Павловны». Въ первомъ изъ нихъ, отрокъ-поэтъ, какъ бы набивая руку въ изображеніи предметовъ, долженствовавшихъ потомъ разновидно украшать грядущія произведенія его пера, писалъ: «Ужъ ночь раскинула покровъ свой, и сребристая луна явилась въ тихомъ своемъ велелѣпіи. Морѳей помаваетъ маковою вѣтвію, и сонъ съ цѣлебною чашею ниспускается на землю. Все тихо, все молчитъ въ пространной области творенія, не слышно работы кузнечика, и трели соловья не раздаются ужъ по рощѣ. Спитъ ратай, спитъ волъ, вѣрный товарищъ трудовъ его, спитъ вся натура. Одинъ я не могу сомкнуть глазъ своихъ; одному мнѣ чуждо всеобщее успокоеніе. — Встану и пойду.... Какъ величественно это небо, распростертое надъ нами шатромъ и украшенное міріадами звѣздъ! А луна? Какъ пріятно на нее смотрѣть! блѣдномерцающій свѣтъ ея производитъ въ душѣ какое-то сладкое упоеніе и настроиваетъ ее къ задумчивости». Далѣе, отрокъ-поэтъ, задается мыслію о смерти, сопоставляетъ ее съ картиною ночи и объясняетъ, что доброму человѣку умереть не страшно: «Смерть для него будетъ торжество, а гробъ — лѣствица къ небу». — Стихотвореніе *Майское утро* замѣчательно элегическимъ окончаніемъ, противоположнымъ картинѣ весенняго утра:

Жизнь, мой другъ, бездна
Слезъ и страданій....
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

Въ 1798 г. Жуковскій, уже подружившійся съ братьями Тургеневыми, своими сопансіонерами, и переведенный изъ средняго отдѣленія въ высшее, продолжалъ свою поэтическую дѣятельность, и напечатавъ въ журналѣ Сохацкаго стихотвореніе: *Добродѣтель* (ч. XVII), а потомъ еще двѣ лирическія пьесы въ прозѣ: *Миръ и Война* и *Жизнь и источникъ* (ч. XX), изготовилъ и произнесъ на пансіонскомъ актѣ этаго года *Благодарственную рѣчь*, обращенную къ тогдашнему куратору московскаго университета М. М. Хераскову, который, по аттестаціи пансіонскаго начальства, тутъ же вручилъ Жуковскому золотую медаль, съ одобрительнымъ листомъ, за успѣхи и благонравіе. Съ наступленіемъ 1799 г., Жуковскій, пользуясь своимъ начинавшимся вліяніемъ, основалъ въ благородномъ пансіонѣ «литературное общество», уставъ котораго, подъ титуломъ «Законы», былъ утвержденъ членами и пансіонскимъ начальствомъ 9 февраля 1799 г. Общество это, избравшее своимъ предсѣдателемъ самого основателя, а секретаремъ С. Е. Родзянку, составляло опредѣленныя засѣданія, которымъ велись форменные протоколы. Изъ протокола, напр., 18 мая 1799 г., за № 11, видно, что, въ этотъ день, Жуковскій открылъ засѣданіе рѣчью *О началѣ обществъ, о распространеніи просвѣщенія и объ обязанностяхъ каждаго человѣка относительно къ обществу*; потомъ внесъ, сверхъ мѣсячныхъ работъ, переводное стихотвореніе *Гимнъ*, изъ Клейста; наконецъ, прочелъ свои критическія замѣчанія на соч. Родзянки: «Нѣчто о душѣ». Въ томъ же 1799 г. Жуковскій напечаталъ въ журналѣ «Ипокрена», издававшемся Сохацкимъ и Подшиваловымъ, статью: *Полныя сочиненія г. Леонарда, собранныя и изданныя Винцентомъ Кампенономъ, въ 3 томахъ, Парижъ, 1728*, сокращенный переводъ рецензіи изъ «Spectateur du Nord»; сочинилъ стихотвореніе *М. М. Хераскову*, тиснутое тогда же особымъ листкомъ; а на пансіонскомъ актѣ этаго года читалъ свои стихи: *Могущество, слава и благоденствіе Россіи*, вызванные тогдашними побѣдами Суворова въ Италіи и напечатанные въ 1-й кн. «Трудовъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона» 1800 г., признанъ первымъ воспитанникомъ пансіона и получилъ, кромѣ одобрительнаго листа, серебряную медаль съ своимъ именемъ. — Къ тому же 1799 г. относится переводъ на французскій языкъ оды «Богъ» Державина, сдѣланный Жуковскимъ и его товарищемъ С. Е. Родзянкой, которые, пославъ свой трудъ, при почтительномъ письмѣ, автору оды, получили отъ Державина слѣдующее отвѣтное четверостишіе:

Не мнѣ, друзья! идите вслѣдъ;
Ищите лучшаго примѣру;
Пиндару русскому, Гомеру (т. е. Ломоносову)
Послѣдуйте, — вотъ мой совѣтъ.

Встрѣтивъ наступившій 1800 г. *Стихами на новый годъ*, напечатанными въ № 1 «Московскихъ Вѣдомостей», Жуковскій далъ въ «Труды воспитанниковъ благороднаго пансіона», издававшіеся съ 1800 г. подъ титуломъ «Утренняя Заря», стихотвореніе *къ Тибуллу, на прошедшій вѣкъ* (кн. I), да еще оригинальныя прозаическія статьи: *Къ Надеждѣ*, извѣстную многимъ по реторикѣ Кошанскаго; *Мысли на кладбищѣ* и *Истинный герой* (кн. I); на пансіонскомъ же актѣ читалъ

свои стихотворенія: одно — *Миръ*, напечатанное въ кн. II «Утренней Зари» 1800 г. и блещущее двустишіемъ:

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился.

а другое — *Добродѣтель*, явившееся позже въ періодическомъ изданіи 1801 г.: «И отдыхъ въ пользу». Въ октябрѣ 1800 г. Жуковскій оставилъ благородный пансіонъ, гдѣ имя его внесено на доску отличныхъ, и опредѣлился на службу въ московскую главную соляную контору, а 25 декабря посѣтилъ подмосковную Виѳанію, гдѣ написалъ шестистишіе *Платону неподражаемому, достойно славящему Господа*, напечатанное въ ч. VIII «Ипокрены» 1801 г. — Поставленный въ необходимость искать, хоть и при службѣ, труда литературнаго, Жуковскій, въ 1801 г., переводилъ изъ Коцебу повѣсть *Мальчикъ у ручья*, въ 4 ч., о чемъ самъ писалъ впослѣдствіи такъ: «Нѣкогда въ Москвѣ обанкрутившійся Зеленниковъ трактовалъ меня преобидно. Для него я перевелъ за 75 рублей «Мальчикъ у ручья». Эту сумму онъ выплачивалъ мнѣ по 5 руб., по 7 руб. съ полтиною и т. д.». — Въ это же время, Жуковскій часто посѣщалъ домъ Ив. Петр. Тургенева, отца своихъ пансіонскихъ друзей, котораго самъ чтилъ какъ отца, и тутъ познакомился съ Карамзинымъ, узналъ И. И. Дмитріева. — Въ 1802 г. Жуковскій переводилъ повѣсти Флоріана: *Вильгельмъ-Тель* и *Розальба*, тогда же изданныя вмѣстѣ; въ апрѣлѣ, оставилъ службу въ соляной конторѣ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника, а лѣтомъ потерялъ нѣжнѣйшаго изъ своихъ друзей, Андр. Ив. Тургенева, юношу, подававшаго блистательныя надежды, послѣ чего немедленно уѣхалъ въ родное Мишенское, гдѣ обыкновенно проводилъ лѣтніе мѣсяцы и гдѣ теперь, лѣтомъ 1802 г., онъ, подъ вліяніемъ скорбной утраты, переложилъ русскими стихами Грееву элегію *Сельское кладбище*, — первое произведеніе, которое самъ авторъ призналъ достойнымъ занять мѣсто въ полномъ собраніи его сочиненій. Дѣйствительно, переводомъ Греевой элегіи, въ русской литературѣ, съ одной стороны, открылось господство элегическаго элемента, вытѣснившаго прежнее одопѣніе; а съ другой — начался новый періодъ въ образованіи русскаго стиха, стиха мелодическаго, свойственнаго поэзіи романтической. Потому-то и стихи «Сельскаго кладбища», напечатанные въ Карамзинскомъ «Вѣстникѣ Европы» 1802 г. (№ 24), не далѣе какъ въ 1803 г. уже цитировались Карамзинымъ – въ разборѣ «Душеньки» Богдановича, — какъ извѣстное мѣсто изъ Ломоносова или Державина. — Въ 1803 г. Жуковскій написалъ вновь, для «Утренней Зари», стихотворенія: (кн. 2) *Человѣкъ*, съ эпиграфомъ изъ Юнга: A Worm! a God! (я червь! я Богъ!); *Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ* и *Стихи, сочиненные въ день моего рожденія*; (кн. 3) *Къ Поэзіи*; перевелъ и издалъ особо *Слова* къ ораторіи Гайдна: «Четыре времени года»; далъ въ № 6 «Вѣстника Европы» оригинальную статью: *О путешествіи въ Малороссію*; и прогостивъ все лѣто у Карамзина, въ подмосковномъ Свирловѣ, изготовилъ для двухъ послѣднихъ книжекъ того же «Вѣстника Европы», кромѣ переводной статьи: *Письмо французскаго путешественника*, оригинальную повѣсть: *Вадимъ Новгородскій*, посвященную авторомъ памяти его друга, Андр. Ив. Тургенева, въ такихъ, напр., выраженіяхъ: «О ты, незабвенный! ты, увядшій въ цвѣтѣ лѣтъ!... Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чистѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось моимъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути извѣстномъ?» Въ 1804 г. Жуковскій, впервые послѣ Тулы, встрѣтился, въ московскомъ домѣ Юшковыхъ, съ Ѳ. Г. Покровскимъ, старымъ своимъ наставникомъ и гонителемъ. «Покровскій — свидѣтельствуетъ одинъ современникъ — смѣшался, видя молодаго человѣка, котораго онъ такъ притѣснялъ въ ребячествѣ, теперь уже отличеннаго публикою по своимъ дарованіямъ, любимаго и уважаемаго. Но Жуковскій бросился обнимать своего бывшаго учителя, встрѣтилъ его, какъ стараго друга, съ искреннею радостью, не помня прежнихъ неудовольствій. Они долго разговаривали и разстались друзьями». (Москвитянинъ. 1852. № 18. с. 122). Храня еще болѣе теплое воспоминаніе о послѣднемъ мѣстѣ своего воспитанія, Жуковскій приготовилъ къ пансіонскому акту стихотвореніе *Къ Поэзіи*, произнесенное на томъ актѣ и напечатанное въ 3 кн. «Утренней Зари» слѣдующаго года. — Въ томъ же 1804 году, Жуковскій застроилъ для матери своей домъ въ Бѣлевѣ, на берегу Оки, и тамъ, какъ самъ сознается, «единственно для пріятнаго препровожденія времени», переводилъ, съ Флоріана, Сервантесова *Донъ-Кихота*, изданнаго отдѣльно, въ 6 ч., уже въ 1805 г., къ которому, по собственному показанію Жуковскаго, принадлежатъ также его стихотворенія: *Вечеръ*, элегія; *Сонъ Могольца*, басня изъ Лафонтена; *Идиллія*; *Дружба*. Въ заключеніи перваго изъ нихъ, элегіи «Вечеръ», поэтъ высказываетъ такой взглядъ на свое призваніе:

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишиной,
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
О пѣсни! чистый плодъ невинности сердечной!
Блаженъ, кому дано цѣвницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!
. . . .
Такъ, пѣть есть мой удѣлъ... но долго-ль?... Какъ узнать?...

Къ тому же времени относится крутой поворотъ литературныхъ вкусовъ Жуковскаго къ произведеніямъ нѣмецкихъ писателей, прежде того мало ему извѣстныхъ. Оба эти обстоятельства выясняются въ любопытномъ письмѣ Жуковскаго къ его деревенскому сосѣду Ѳед. Григ. Вендриху, отъ 19 декабря 1805 г., гдѣ, между прочимъ, сказано: «Въ благодарность за ваше подробное описаніе путешествія въ Орелъ, скажу вамъ слово о своихъ собственныхъ занятіяхъ. Я переселился въ Бѣлевъ, въ свой домъ; вся наша фамилія теперь живетъ у меня, слѣдовательно я не могу пожаловаться, чтобы вокругъ меня было пусто; скучать могу еще меньше, потому что принялся читать Виланда, вашего пріятеля. Читаю Агатона; удивительная книга! Я думаю, это лучшее его сочиненіе. Какой слогъ! Какое знаніе свѣта и человѣческаго сердца! Какъ все прекрасно описано: и аѳинскія народныя собранія, и уборная Данаи, и дворъ Діонисія! И какая философія! Я зачиналъ читать эту книгу прежде, давно, во французскомъ переводѣ: признаюсь, тогда она мнѣ наскучила, первое, потому что переводъ былъ дуренъ и что почти невозможно хорошо перевести книгу, написанную такимъ единственно прекраснымъ слогомъ, какъ Агатонъ; второе, потому что эта книга меньше романъ, нежели философическое изображеніе человѣка; а тогда я не могъ такъ любить *философическое* (курсивъ въ подлинникѣ), какъ люблю теперь, и меньше

могъ понимать философію Агатона. Трудно найти книгу, столько полезную, какъ эта, для молодаго человѣка, съ нѣкоторою живостью въ воображеніи. Я прочелъ только два первые тома; теперь начинаю третій, но по оглавленію, кажется, понимаю планъ и цѣль Виланда». Распространяясь далѣе въ анализѣ героевъ Виланда, выведенныхъ въ Агатонѣ, Жуковскій проситъ Вендриха сообщить свое мнѣніе объ этой книгѣ и, въ заключеніи письма, говоритъ: «Я бы желалъ, если бы не боялся васъ отяготить, чтобы вы назначили мнѣ всѣ лучшія нѣмецкія книги, во всѣхъ родахъ литературы; нѣмецкая литература мнѣ мало знакома; но я, конечно, не имѣю нужды искать лучше васъ совѣтника въ выборѣ книгъ нѣмецкихъ». — Пристальному чтенію нѣмецкихъ авторовъ, рекомендованныхъ Ѳ. Г. Вендрихомъ, Жуковскій посвятилъ весь 1806 г., въ теченіе котораго онъ написалъ, какъ извѣстно, только одно стихотвореніе: *Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ-побѣдителей*, навѣянное тогдашними военными событіями, именно битвой подъ Пултускомъ, и напечатанное тогда же, въ № 24 «Вѣстника Европы», потомъ, въ 1807 г., изданное отдѣльно. — Съ 1807 г. Жуковскій, по свидѣтельству И. И. Дмитріева, началъ собирать «свою хрестоматію, обѣщая къ каждому роду стихотворенія написать краткое наставленіе, которое — прибавляетъ Дмитріевъ — могъ бы онъ, не ломая головы своей, перевести изъ Petite Encyclopédie Poétique». — И тогда же, помимо собиранія хрестоматіи, Жуковскій является дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», въ которомъ, за 1807 г., напечатаны слѣдующія, прежде и вновь написанныя, произведенія Жуковскаго: въ № 1 — *Истина и басня*, басня въ стихахъ, изъ Флоріана; въ № 2 — *Новый стихотворецъ и древность*, эпиграмма; *Новожалованный*, эпиграмма; *Пѣсня:* въ № 3 — *Смерть*, прозаическій переводъ разговора втораго изъ Энгелева «свѣтскаго философа» (и въ № 4); *Орелъ и Жукъ*, басня изъ Лафонтена; въ № 4 — стихотворный *Отрывокъ изъ Делилева диѳирамба на безсмертіе души*; четыре *Эпиграммы*; *Вечеръ*, элегія; въ № 5 — *Мартышка, показывающая китайскія тѣни*, басня изъ Флоріана; стихотвореніе *Сафина ода*, гдѣ поэтъ, «конечно въ намѣреніи — по словамъ г. Грота — устранить отношеніе, чуждое нравамъ новаго міра, заставляетъ Сафо обращаться къ мужчинѣ, а не къ подругѣ»; *Идиллія* (когда она была пастушкою простой); *Къ Эдвину* (М. П. Юшковой); въ № 6 — *Ссора плѣшивыхъ*, басня изъ Флоріана; *Цапля*, басня изъ Лафонтена; пять *Эпиграммъ*; въ № 7 — *Сонъ Могольца*, стихи изъ Лафонтена; *Прощанье старика*, стихотвореніе; въ № 8 — *Мартышка и Левъ*, басня изъ Флоріана; *Котъ и Мышь*, басня изъ Лафонтена; въ № 10 — *Сурки и Кротъ*, басня изъ Флоріана; въ № 11 — *Похороны Львицы*, басня изъ Лафонтена; въ № 12 — *Эльмина къ портрету своей матери, писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась*, стихотвореніе; *Руше къ своей женѣ и дѣтямъ изъ тюрьмы, при посылкѣ имъ своего портрета*, стихотвореніе; *Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ*, стихотвореніе; *Эпитафія лирическому стихотворцу*, въ стихахъ; въ № 13 — *Котъ и Зеркало*, басня изъ Флоріана; *Смерть*, басня (приписывается Жуковскому г. Лонгиновымъ); въ № 15 — *Каплунъ и Соколъ*, басня изъ Лафонтена; въ № 17 — *Голубка и Сорока*, басня изъ Флоріана; въ № 18 — *Соколъ и Филомела*, басня изъ Лафонтена; въ № 19 — *Старый котъ и молодой мышенокъ*, басня изъ Лафонтена. — Къ тому же 1807 г. относится напечатанное позже *Посланіе къ Филалету*, стихотвореніе, въ которомъ Жуковскій, впервые испытавшій тогда сладкое, но коварное, чувство любви, говоритъ:

Нѣтъ, счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
И что же!... предо мной увядшаго могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

А такъ какъ любовь Жуковскаго родилась и питалась въ Бѣлевѣ, то, чтобъ вѣрнѣе исцѣлиться отъ этаго недуга, Жуковскій поспѣшилъ въ Москву, тутъ пріютился въ домѣ А. А. Прокоповича-Антонскаго, своего пансіонскаго начальника, и тутъ же, съ наступленіемъ 1808 г., принялъ въ свое завѣдываніе, отъ М. Т. Каченовскаго, журналъ «Вѣстникъ Европы». Ставъ, такимъ образомъ, въ прямыя отношенія къ русской читающей публикѣ, Жуковскій явился дѣйствительнымъ посредникомъ между читателями и своей эпохой, съ чѣмъ вмѣстѣ онъ, какъ способный судья въ дѣлѣ и самъ образцовый писатель, «возвратилъ изданію — замѣчаетъ Плетневъ — ту жизнь и занимательность, которыми оно всѣхъ привлекало къ себѣ при его основателѣ» (Карамзинѣ). — Изъ произведеній самаго Жуковскаго, «Вѣстникъ Европы» 1808 г. украсили: въ № 1 — *Письмо изъ уѣзда къ издателю* — программа изданія и, вмѣстѣ, инструкція его редактору; *Тоска по миломъ*, романсъ (Дубрава шумитъ, сбираются тучи...), передававшійся изъ устъ въ уста; въ № 2 — *Три сестры, видѣніе Минваны*, аллегорія въ прозѣ; *Путешествіе Ж. Ж. Руссо въ Параклетъ*, переводъ статьи Меркеля; въ № 3 — *Бомарше въ Испаніи*, перев. статья (приписывается Жуковскому г. Лонгиновымъ); въ № 4 — *Письмо Ж. Ж. Руссо*, переводъ, заключающій въ себѣ идеализированіе платонической любви и, мѣстами, повторявшійся въ стихотворныхъ пьесахъ переводчика; *Отрывокъ изъ путешествія Жанлисъ въ Англію; Сила несчастія*, изъ Морица; *Не жалкій ли онъ человѣкъ*, изъ Коцебу; въ № 6 — *О дружбѣ*, пер. съ франц.; *Неизъяснимое происшествіе*, отрывокъ изъ Виландова сочиненія: «Эвѳаназія, или о жизни послѣ смерти»; *Ожесточенный*, прозаическій переводъ изъ Шиллера (и въ № 7); въ № 7 — *О выгодахъ славы*, пер. съ франц.; въ № 8 — *Къ Нинѣ*, стихотвореніе, съ англійскаго; *Въ альбомъ М. В. П.*, стихи; въ № 9 — *Марія*, повѣсть, съ франц., изъ соч. г-жи Флао или Сузы (и въ № 10); *Людмила*, первая по времени русская баллада, подражаніе Бюргеровой «Ленорѣ», доставившая автору эпитетъ «Пѣвца Людмилы»; въ № 10 — *Мальвина*, романсъ, съ франц.; въ № 11 — *Бѣдная Нина*, истинный анекдотъ, съ нѣмецк.; въ № 12 — *Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?* прозаическая статья, дополняющая «Письмо изъ уѣзда къ издателю» (въ № 1); *Густавъ Обинье*, повѣсть, съ франц., изъ соч. г-жи Флао (и въ №№ 13—14); въ № 14 — *Гимнъ*, стихотвореніе изъ Томсоновой поэмы «Четыре времени года»; въ № 17 — *Разстройка семейственнаго счастья*, басня; въ № 19 — *Вольдемаръ* (приписывается Жуковскому г. Тихоправовымъ); въ № 20 — *Прусская ваза*, переводн. повѣсть, изъ соч. г-жи Эджевортъ (и въ № 21); въ № 22 — *Нѣсколько словъ о томъ же предметѣ*, статья, получившая

въ «Собраніи сочиненій» Жуковскаго названіе *Писатель въ обществѣ*, такъ какъ она была писана авторомъ въ отвѣтъ Д. Сѣверину, переведшему тогда съ франц. небольшую пьеску «Писатель въ обществѣ»; въ № 23 — *Три пояса*, русская сказка; *Къ Нинѣ*, стихотвореніе. — Чувствуя однако тягость редакторскихъ обязанностей, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда Бѣлевъ и Мишенское такъ пріятно рисовались воображенію поэта, Жуковскій, съ наступленіемъ 1809 г., пригласилъ къ себѣ въ сотрудники М. Т. Каченовскаго, прежняго редактора «Вѣстника Европы», а въ самомъ журналѣ произвелъ ту перемѣну, что каждый нумеръ его, вмѣсто прежнихъ *двухъ* отдѣловъ, литературы и политики, долженъ былъ заключать въ себѣ *четыре:* 1) изящная словесность; 2) изящныя искуства, науки и литература; 3) смѣсь; 4) политика. За Каченовскимъ, Жуковскій могъ уже не сидѣть въ редакціи съ утра до ночи; а потому онъ, между дѣломъ, то хлопоталъ объ удержаніи за собой своихъ крѣпостныхъ, отыскивавшихъ свободу, при чемъ дѣйствовалъ черезъ тульскаго полицмейстера Роде, сына прежняго содержателя пансіона въ Тулѣ; то дѣлилъ редакторскіе досуги съ поэтами К. Н. Батюшковымъ и кн. П. А. Вяземскимъ. Первый изъ нихъ, пять лѣтъ спустя, вспомнилъ это обстоятельство въ слѣдующемъ мѣстѣ письма своего къ Жуковскому, отъ 5 ноября 1814 г.: «Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда у Дѣвичьяго монастыря ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ ли ты тогда счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени». — Совсѣмъ тѣмъ литературная дѣятельность Жуковскаго шла своимъ чередомъ — и изъ его произведеній, въ «Вѣстникѣ Европы» 1809 г., напечатаны слѣдующія: въ № 1 — *О счастіи*, перев. статья; *Разговоръ Сенъ-Реаля, Эпикура, Сенеки, Юліана и Людовика Великаго*, перев. статья; въ № 2 — *Марьина роща*, оригинальная повѣсть (и въ № 3); въ № 3 — *О нравственной пользѣ поэзіи*, перев. статья; въ № 4 — *Посланіе къ Филалету*, стихотвореніе; въ № 9 — *Мой другъ, хранитель-ангелъ мой*, пѣсня, тогда же сдѣлавшаяся модною и любимою; *О баснѣ и басняхъ Крылова*, замѣчательный, хотя не совсѣмъ вѣрный, критическій взглядъ на первое изданіе безсмертныхъ произведеній великаго баснописца; въ № 16 — *Благодарность любезному издателю Аглаи* (кн. П. И. Шаликову), прозаическая бездѣлка; въ № 17 — *Моя Богиня*, стихотвореніе, изъ Гёте; въ № 18 — *Кузнецъ Базимъ*, перевод.; *Пѣсня* (Счастливъ тотъ, кому забавы...), подражаніе нѣмецкой; въ № 19 — *Мысли надъ гробомъ Каменскаго* (фельдмаршала гр. М. Ѳ.), стихотвореніе; *Кабудъ путешественникъ*, перев. съ франц.; *Науки*, перев. съ нѣмец.; *Счастіе*, стихотвореіе, изъ Шиллера; въ № 20 — *Воспоминаніе объ Остинди и*, перев. статья; *Кассандра*, стихотвореніе, изъ Шиллера; *Плачъ Людмилы*, стихотвореніе; *Нѣсколько мыслей о любви къ уединенію, о достоинствѣ и характерѣ*, перев. статья; въ № 22 — *Московскія записки* (и въ № 23). — Кромѣ того, изъ числа статей «Вѣстника Европы» 1809 г., перу Жуковскаго приписываются: г. Тихонравовымъ — *Счастливая ложь* (въ № 11) и *Письмо доктора М* къ одному французскому журналисту;* а г. Лонгиновымъ — *Печальное происшествіе* (въ № 8) и *Московскія записки* (въ №№ 21 и 24). — Съ наступленіемъ 1810 г. сотрудничество Каченовскаго въ «Вѣстникѣ Европы» преобразилось въ соредакторство, даже главное, если судить по тому, что имя его стало пропечатываться на выходныхъ листахъ журнальныхъ книжекъ выше имени Жуковскаго. Что же касается «пѣвца Людмилы», онъ, въ началѣ этаго года, ѣздилъ на короткое время въ Петербургъ, кажется, высматривать себѣ иную дѣятельность, что послѣ самъ называлъ «глупостью», а по возвращеніи въ Москву, предпринялъ, вмѣсто давно задуманной хрестоматіи, издать собранный матеріалъ въ другомъ видѣ — и лѣтомъ же сдалъ въ типографію рукописное *Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ лучшихъ стихотворцевъ россійскихъ и изъ многихъ русскихъ журналовъ*. Сдѣлавъ это — съ цѣлью, конечно, книгопродавческою, — Жуковскій немедленно уѣхалъ въ Мишенское, откуда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ кругу своихъ, но жизни не праздной, онъ, 7 ноября, писалъ А. И. Тургеневу: «Часы мои раздѣлены. Для каждаго есть особенное непремѣнное занятіе. Слѣдовательно, есть часъ и для писемъ... Но я долженъ часто писать въ типографію; два раза въ недѣлю непремѣнно долженъ отправить корректуру моего собранія стихотворцевъ, котораго еще ни одинъ томъ не напечатанъ; первый готовъ, но еще нѣтъ предисловія, слѣд. ты и не могъ получить его». Но кромѣ писемъ и корректуръ, у Жуковскаго были тогда занятія болѣе серьезныя, даже ученыя, цѣль и процессъ которыхъ, въ томъ же письмѣ къ Тургеневу, объяснены такъ: «Для литературы и поэта — писалъ Жуковскій своему другу — исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное. Я хочу прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ; но для того, чтобы извлечь изъ нихъ всю возможную пользу и чтобы идея отъ исторіи была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себѣ общій планъ всѣхъ происшествій въ связи. Для этаго я начинаю Гаттереромъ и Гереномъ. Вотъ моя метода, — нѣсколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитавъ статью въ Гаттерерѣ, имѣя передъ глазами Габлеровы таблицы, откладывая книгу и потомъ составляя нѣсколько картъ (à la Schötzer fils) того времени, о которомъ читалъ, на картахъ, въ хронологическомъ и вмѣстѣ синхронистическомъ порядкѣ, изображаю главнѣйшія происшествія, — это составляетъ въ головѣ чрезвычайно ясную идею о перемѣнахъ и ихъ послѣдствіи. Кончивъ этотъ трудъ, пишу изъ головы общее обозрѣніе происшествій прочитаннаго періода. Такъ составляется у меня цѣлый курсъ всеобщей исторіи. Подробностей знать не буду, но теперь онѣ мнѣ еще и не нужны. Я хочу имѣть одинъ планъ, съ которымъ можно было бы не заблудиться посреди безчисленныхъ подробностей. Составивъ этотъ планъ, мнѣ уже будетъ весьма легко послѣ заниматься отдѣльно чтеніемъ классиковъ, изъ которыхъ ни одинъ не написалъ обо всемъ, а избралъ для себя какую нибудь важнѣйшую часть. Эти важнѣйшія части будутъ мнѣ извѣстны подробно, а связь между ними сохранитъ мое предварительное чтеніе Гаттерера и Герена. Русская исторія будетъ однако другаго рода занятіемъ. Тутъ уже нечего думать о классикахъ, а надобно добираться самому до источниковъ. Но и для русской исторіи, прежде нежели погружусь въ океанъ лѣтописей, намѣренъ я составить такой же точно планъ, для котораго мнѣ нужна бу-

детъ какая нибудь краткая, но хотя нѣсколько сносная русская исторійка. Не знаешь ли чего нибудь въ этомъ родѣ? Владиміръ будетъ моимъ фаросомъ». Но, продолжая состоять редакторомъ журнала, Жуковскій, разумѣется, не могъ не участвовать въ немъ собственными трудами, изъ которыхъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1810 г., напечатаны слѣдующіе: въ № 1 — *Лютня, цвѣты и сонъ*, перев. съ франц.; въ № 2 — *Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо*, перев. статья; въ № 3 — *Басень*; *Къ Делію*, стихотвореніе, изъ Горація; *На смерть семнадцатилѣтней Эрминіи*, стихотвореніе; *О переводахъ вообще и о переводахъ стиховъ въ особенности*, перев. съ франц.; *О сатирѣ и сатирахъ Кантеміра*, оригинальная критическая статья (и въ №№ 5—6); въ № 4 — *Путешественникъ*, стихотвореніе, изъ Шиллера; въ № 5 — *Къ Б....у, при отъѣздѣ его въ армію*, стихотвореніе; въ № 7 — *Путешествіе невинности на островъ Цитеру*, перев. съ франц.; *Пѣснь араба надъ могилою коня*, стихотвореніе; въ № 12 — *Розы Мальзерба*, перев. съ франц., изъ соч. Бульи; въ № 14 — *Мурадъ несчастный*, перев. повѣсть, изъ соч. г-жи Эджевортъ; въ № 16 — *Привидѣніе*, перев. статья; *Нѣсколько писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстетену*, перев.; въ № 17 — *Тимей ваятель*, перев. съ франц. (приписывается Жуковскому г. Лонгиновымъ); *Путешествіе Шатобріана въ Грецію и Палестину*, перев. съ франц.; *Три финика*, перев. (приписывается Жуковскому г. Тихонравовымъ); въ № 18 — *Старый башмачникъ бѣдной хижины и восемь луидоровъ*, перев. повѣсть; *Романическій любовникъ, или веселость и старость*, пер. съ франц., изъ соч. Саразена; въ № 20 — *Образъ жизни и нравы рыцарей*, перев. съ франц., изъ соч. Шатобріана; въ № 21 — *Горный духъ Уръ въ Гельвеціи*, перев. статья; въ № 22 — *Улей*, перев. съ нѣмецк., изъ соч. Энгеля; *Разборъ трагедіи Кребильона: Радамистъ и Зинобія*, оригинальная критика перевода этой трагедіи, сдѣланнаго С. Висковатовымъ; *Отрывокъ изъ Шатобріанова путешествія въ Грецію*, перев. съ франц.; въ № 23 — *Дорсанъ и Люція*, перев. съ франц., изъ соч. г-жи Жанлисъ (и въ № 24); въ № 24 — *Взыскательность молодой женщины*, перев. съ франц. — Между тѣмъ, въ самомъ исходѣ 1810 г. вышли въ свѣтъ первыя части «Собранія русскихъ стихотвореній», о которомъ Дмитріевъ, въ письмѣ къ Тургеневу, тогда же выразился, что это «сборъ всякой всячины», а съ наступленіемъ 1811 г., Жуковскій, передавъ редакцію «Вѣстника Европы» одному Каченовскому, спѣшилъ окончить начатое изданіе и, дѣйствительно, отпечаталъ его полностію, въ 5 частяхъ, чѣмъ однако возбудилъ противъ себя стэрѣвшаго Державина, который счелъ перепечатку своихъ стихотвореній подрывомъ авторскихъ выгодъ и, кромѣ рѣзкаго письма къ другу Жуковскаго, Тургеневу, дозволилъ себѣ написать такое четверостишіе «на издателя чужихъ стихотвореній»:

О рѣдкій, славный умъ, изящный изъ умовъ,
Умъ прямо Аполлоновъ,
Который въ годъ одинъ пять томовъ
Прекрасныхъ написалъ, но лишь чужихъ стиховъ!

И пока Тургеневъ юридически доказывалъ Державину всю неосновательность его пререканій противъ Жуковскаго, самъ Жуковскій, весной 1811 г., уѣхалъ въ Бѣлевъ и Мишенское, а лѣтомъ привезъ оттуда на излѣченіе въ Москву и свою мать и М. Г. Бунину, по смерти которыхъ тѣмъ же лѣтомъ въ Москвѣ, онъ устроился на житье въ орловскомъ имѣніи своей сестры Е. А. Протасовой, деревнѣ Муратовой, болховскаго уѣзда. Тамъ, въ уединенномъ кружкѣ родныхъ, Жуковскій писалъ свою знаменитую *Свѣтлану*, и тамъ же, какъ прежде въ Бѣлевѣ, строго распредѣлялъ свое время — въ такомъ порядкѣ: «занятія: 1) Исторія. 2) Философія. 3) Изящная словесность (языки). 4) Сочиненія. Утро — Исторія и сочиненія. Вечеръ — Философія и литература. — Сначала приготовительныя свѣдѣнія. Потомъ классики. *Исторія* — географія. Исторія (Гердеръ, Гаттереръ, Гибнеръ). Вспомогательныя науки. Классики. *Философія*. Предварительныя понятія: о натурѣ, человѣкѣ и логикѣ. Классики. Теологія и нравственность. *Словесность*. Языки. Грамматика общая и реторика. Поэты и прозаики. Эстетика». Этимъ любопытнымъ извѣстіямъ, въ современномъ письмѣ Жуковскаго къ А. П. Елагиной, непосредственно предшествуютъ мысли поэта о самомъ процессѣ чтенія поэтическихъ твореній: «Читать стихотворцевъ — пишетъ Жуковскій — не каждаго особенно, но всѣхъ *одинакаго рода* вмѣстѣ; частный характеръ каждаго сдѣлается ощутительнѣе отъ сравненія. Напримѣръ, Шиллера, какъ стихотворца въ родѣ балладъ, читать вмѣстѣ съ Бюргеромъ; какъ стихотворца философическаго, вмѣстѣ съ Гёте и другими; какъ трагика, вмѣстѣ съ Шекспиромъ; чтеніе Расиновыхъ трагедій перемѣшать съ чтеніемъ Вольтеровыхъ, Корнелевыхъ и Кребильоновыхъ. Эпическихъ поэтовъ перечитать каждаго особенно, потомъ вмѣстѣ тѣ мѣста, въ которыхъ каждый могъ имѣть одинъ съ другимъ общее, дабы узнать образъ представленія каждаго. Сатиры Буало — съ Гораціевыми, Ювеналовыми, Поповыми, Рабенеровыми и Кантеміровыми. Оды Рамлеровы, Гораціевы съ Державина, Ж. Батиста и прочихъ. Или не лучше ли читать поэтовъ въ порядкѣ хронологическомъ, дабы это чтеніе шло наравнѣ съ исторіею и исторія объясняла бы самый духъ поэтовъ и потомъ уже возобновить чтеніе сравнительное». Такъ заканчивалъ въ деревенской тиши 1811 г. «Пѣвецъ Людмилы», успѣвшій въ теченіе этаго года, до выѣзда своего изъ Москвы, украсить «Вѣстникъ Европы» слѣдующими трудами: въ № 1 — *Мысли объ заведеніи въ Россіи академіи Азіятской*, перев. съ франц. соч. С. С. Уварова (и въ № 2); въ № 3 — *О поэзіи древнихъ и новыхъ*, оригинальная статья; въ № 4 — *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, баллада, содержаніе которой заимствовано изъ Шписова романа того же названія, при чемъ герой романа Виллибальдъ переименованъ заимствователемъ въ Вадима; въ № 5 — *Алестанъ и Мелединъ, или испытаніе опытности*, восточная сказка, перев. съ франц.; въ № 6 — *Отрывки изъ писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстетену;* въ № 7 — *Необходимое и излишнее*, восточная сказка, перев. съ франц.; *Электро и Орестъ*, трагедія Грузинцова, критическій разборъ; въ № 8 — *О слогѣ простомъ и слогѣ украшенномъ*, перев. съ англ., изъ Юмовыхъ «Essays and Treatises»; *Разсужденіе о трагедіи*, перев. съ англ. изъ Юмовыхъ «Essays and Treatises»; въ № 9 — *О краснорѣчіи*, перев. съ англ., изъ Юмовыхъ «Essays and Treatises»; въ № 10 — *Осада Алазіи*, восточная повѣсть, перев. съ франц. — Неизвѣстно, сколько времени длилось бы и какіе могло имѣть результаты деревенское уединеніе Жуковскаго, еслибъ событія 1812 г., возбудивъ патріотизмъ «Пѣвца Людмилы», не вызвали его къ иной, неожиданной дѣятельности. Одушевленный мани-

фестомъ 18 іюля, Жуковскій записался поручикомъ въ московское ополченіе; съ нимъ, 19 августа, выступилъ изъ Москвы; потомъ находился постоянно въ дежурствѣ главнокомандующаго арміею, кн. Кутузова, гдѣ, по свидѣтельству А. П. Ермолова, «помогалъ Скобелеву (И. Н.) писать бюллетени, и по своей скромности, дозволялъ ему пользоваться незаслуженною славою», наконецъ, передъ Тарутинскимъ сраженіемъ, при блескѣ бивачныхъ огней русской арміи, написалъ, почти импровизировалъ, свое знаменитое стихотвореніе *Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ*. Въ этомъ стихотвореніи, кромѣ поголовнаго перечисленія вождей русской рати, героевъ, олицетворявшихъ собою богатырскія силы русскаго народа, поэтъ силился выразить всѣ, свойственныя тогдашнему поколѣнію, нравственныя основы души, всѣ убѣжденія ума и сердца, которыми, если вѣрить прекраснымъ стихамъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», были:

Въ высокой долѣ — простота;
  Нежадность въ наслажденьѣ;
Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;
  Въ могуществѣ — смиренье.
Обѣтамъ — вѣчность; чести — честь;
  Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что въ мірѣ есть;
  Любви — весь пламень страсти;
Успѣха — скорби; просьбѣ — дань;
  Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
  Безсильному — презрѣнье;
Неправдѣ — грозный правды гласъ;
  Заслугѣ — воздаянье;
Спокойствіе — въ послѣдній часъ;
  При гробѣ — упованье.

«Впечатлѣніе, произведенное «Пѣвцомъ» — пишетъ Плетневъ — не только на войско, но на всю Россію, неизобразимо. Это былъ воинственный восторгъ, обнявшій сердца всѣхъ. Каждый стихъ повторяемъ былъ, какъ завѣтное слово. Подвиги, изображенные въ стихотвореніи, имена, внесенныя въ эту лѣтопись безсмертныхъ, сіяли чуднымъ свѣтомъ. Поэтъ умѣлъ избрать лучшій моментъ изъ славныхъ дѣлъ всякаго героя и выразилъ его лучшимъ словомъ: нельзя забыть ни того ни другаго. Эпоха была безпримѣрная и пѣвецъ явился достойнымъ ея». — Кромѣ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», Жуковскій тогда же воспѣлъ кн. Кутузова особо, въ стихотвореніи: *Вождю побѣдителей*, напечатанномъ въ № 21 и 22 «Вѣстника Европы» 1812 г. — Обласканный кн. Кутузовымъ, умѣвшимъ цѣнить поэта, и награжденный въ ноябрѣ 1812 г., за отличіе въ сраженіяхъ, чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2 класса, Жуковскій слѣдовалъ съ главной квартирой въ Вильно, гдѣ онъ жестоко заболѣлъ горячкой и откуда, по распущеніи ополченія, полубольной, 6 января 1813 г., возвратился въ Муратово. — Здѣсь, въ то самое время, когда на страницахъ «Вѣстника Европы» 1813 г., являлись одно за другимъ произведенія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», а именно: въ № 1 и 2 — баллада *Свѣтлана*; стихотвореніе *Пѣсня въ веселый часъ*; въ № 3 и 4 — стихотворенія: *Жалоба; Пѣвецъ; Элизіумъ; Пиршество Александра или сила гармоніи*, съ англ.; *Узникъ мотыльку, влетѣвшему въ его темницу*, изъ Мейстера; и баллада *Адельстанъ*, перев. съ англ., когда рукописный «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» пересылался въ Петербургъ, къ Тургеневу, для напечатанія, самъ Жуковскій, присутствуя духомъ съ побѣдными знаменами ратныхъ товарищей, написалъ и отправилъ въ армію стихотвореніе *Князю Смоленскому*, которое, бывъ оттиснуто при главной квартирѣ, тогда же явилось перепечатаннымъ и въ № 5 «Сына Отечества» 1813 г. Здѣсь же, въ Муратовѣ, Жуковскій написалъ стихотворенія: *Пловецъ*, *Къ моему другу*, *Желаніе*, *къ Филону*, напечатанныя въ № 7 и 8 «Вѣстника Европы» 1813 г., и отсюда сообщилъ Каченовскому свое посланіе *Къ Батюшкову*, написанное еще въ маѣ 1812 г., но напечатанное только въ № 9 и 10 «Вѣстника Европы» 1813 г. — И едва успѣлъ тотъ же «Вѣстникъ Европы» 1813 г. представить публикѣ новыя стихотворенія Жуковскаго: въ № 11 и 12 — *Пѣснь матери*, а въ № 14 — *Мечты*, самъ поэтъ, получивъ извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», изданнаго въ Петербургѣ Тургеневымъ, уже передѣлывалъ первоначальную редакцію «Пѣвца» для втораго изданія, вызваннаго обстоятельствами, особенно лестными автору. Дѣло это, по свидѣтельству современника, М. А. Дмитріева, происходило такъ: «Императрица Марія Ѳеодоровна, восхищавшаяся «Пѣвцомъ», поручила Ив. Ив. Дмитріеву напечатать его вторымъ великолѣпнымъ изданіемъ, и отослать отъ ея имени Жуковскому бриліантовый перстень. Вслѣдствіе этаго, по письму Ив. Иван. (Дмитріева), Жуковскій прислалъ къ нему рукописнаго «Пѣвца», умноженнаго именами военныхъ людей, которыхъ въ первомъ изданіи не было. Алексѣй Николаевичъ Оленинъ нарисовалъ прекраснѣйшіе три віньета, которые были отлично выгравированы; и въ такомъ видѣ явилось въ томъ же году 2-е изданіе... По порученію Ив. Ив. Дмитріева, имъ занимался Дм. Вас. Дашковъ, бывшій впослѣдствіи министромъ юстиціи. Два министра юстиціи, настоящій и будущій, занимались изданіемъ стиховъ молодаго стихотворца. Дашковъ писалъ и примѣчанія къ «Пѣвцу», которыя и донынѣ печатаются съ буквами: Д. Д. — Но *Посвященіе Императрицѣ* («Мой слабый стихъ Царица одобряетъ!»), которое Жуковскій прислалъ къ Ив. Ив. (Дмитріеву) вмѣстѣ съ «Пѣвцомъ», и которое онъ хотѣлъ помѣстить въ началѣ этаго изданія, Государыня, по скромности, не позволила напечатать; оно было издано послѣ». — Къ этому показанію прибавимъ, что письмо Жуковскаго къ Дмитріеву сопровождалось стихами перваго: *Дружись съ уединеньемъ*, и что 2-е изданіе «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» напечатано съ нотами музыки Д. С. Бортнянскаго. — Къ тому же 1813 г., по всей вѣроятности, относятся стихотворенія Жуковскаго: *Ивиковы журавли*, изъ Шиллера, и *Къ самому себѣ*, напечатанныя: одно — въ № 3, другое въ № 4 «Вѣстника Европы» слѣдующаго года. — Встрѣтивъ 1814 г. въ Муратовѣ, Жуковскій, 29 января, въ тридцать первую годовщину своего рожденья, написалъ *Посланіе къ Воейкову*, напечатанное въ № 6 «Вѣстника Европы», въ то самое время, когда взятіе Парижа русскими войсками, возбудивъ энтузіасмъ всѣхъ русскихъ, откликнулось и въ поэтической душѣ Жуковскаго, который тогда же, весною, принялся писать стихотворное посланіе *Императору Александру*. По окончаніи этаго труда, авторъ отправилъ рукопись его въ Петербургъ, на предварительный просмотръ своимъ друзьямъ Батюшкову и кн. Вяземскому, получивъ замѣтки которыхъ, Жуковскій отвѣчалъ друзьямъ стихотворно-юмористическимъ произведеніемъ, озаглавленнымъ: *Ареопагу*. Произведеніе это, исполненное ума, принадлежитъ

къ серіи тѣхъ юмористическихъ стихотвореній, которыя Жуковскій, осенью 1814 г., писалъ чуть не ежедневно въ Долбинѣ, селѣ Лихвинскаго уѣзда Калужской губерніи, неподалеку отъ Бѣлева (см. Рус. Арх. 1864. изд. 2. с. 903—926). — Но не одна юмористическая поэзія наполняла тогда деревенскій досугъ поэта. Извѣстно, что кромѣ «Посланія къ Воейкову», посланія «Императору Александру» и стихотворенія: *Богатство, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!* тогда же напечатаннаго въ I ч. «Пантеона русской поэзіи», издававшагося П. Никольскимъ, муза Жуковскаго, въ теченіе 1814 г., произвела: оригинальныя баллады *Эолова арфа* и *Ахиллъ; Балладу, въ которой описывается, какъ одна старушка ѣхала на черномъ конѣ вдвоемъ, и кто сидѣлъ впереди*, подражаніе Соути; элегію *Теонъ и Эсхинъ;* стихотвореніе *Аббадона*, изъ «Мессіады» Клопштока; посланія *Къ Вяземскому и Пушкину* (В. Л.), *Къ Вяземскому;* наконецъ, стихотвореніе *Пѣвецъ въ Кремлѣ*, оконченное два года спустя.— Къ этимъ пьесамъ, въ «Стихотвореніяхъ» Жуковскаго, изданныхъ въ 1849 г. далеко не полно и съ большими хронологическими промахами, подъ 1814 г. указываются еще баллады: *Варвикъ*, изъ Соути; *Алина и Альсимъ*, изъ Монкрифа, *Эльвина и Эдвинъ*, оригинальная, — но самое указаніе, подобно другимъ того же изданія, можно заподозрить въ точности. Какъ бы то ни было, балладничество Жуковскаго сердило Батюшкова, который, по этому поводу, 5 ноября 1814 г., писалъ своему другу: «Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. За чѣмъ не поэму? За чѣмъ не переводишь ты Попа, посланіе къ Абаларду? Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобъ сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки.... И ты пишешь баллады! Оставь бездѣлки намъ, займись чѣмъ нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе, оно чистосердечно». — И пока Жуковскій, не покидая «созданнаго имъ особаго міра мечтательной поэзіи», быть можетъ, задумывался надъ письмомъ Батюшкова, въ Петербургѣ, въ интимномъ кружкѣ имп. Маріи Ѳеодоровны, 30 декабря 1814 г., громогласно читалась Тургеневымъ и съ восторгомъ, доходившимъ до слезъ, слушалась присутствующими рукопись посланія Жуковскаго «Императору Александру». «Чтеніе кончилось — сообщалъ Тургеневъ Жуковскому, отъ 1 января 1815 г. Восхищеніе и похвала продолжались. Государыня начала снова у меня о тебѣ распрашивать и требовала отъ Уварова и меня, чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сдѣлать... Она просила меня прислать ей другую копію, которую отошлетъ государю. Тебѣ будетъ сама писать. Приказала поскорѣе приступить къ изданію самому великолѣпному и возложила это на Уварова и меня. Желаетъ, чтобъ прославившійся въ Парижѣ граверъ Уткинъ сдѣлалъ виньетъ, о которомъ вчера уже сама говорила Оленину; велѣла напечатать поболѣе экземпляровъ на веленевой бумагѣ; обѣщала взять только по одному экземпляру для себя и для фамиліи, да для Уварова и меня, а остальное отъ 1200 — всѣ въ твою пользу. Она хочетъ, чтобъ изданіе было достойно и предмета и высокости твоего генія». — 1-же января 1815 г., т. е. въ тотъ день, когда Тургеневъ строчилъ свое письмо къ Жуковскому, самъ Жуковскій, не вѣдая ничего о происходившемъ въ Петербургѣ, написалъ въ Долбинѣ извѣстное юмористическимъ остроуміемъ стихотвореніе *Минозовъ судъ*, риѳмованные монологи котораго, характеризующіе разныхъ «скотовъ», напр.:

Я баранъ, жилъ тихомолкомъ!
Но на грѣхъ столкнулся съ волкомъ:
Волкъ меня и задавилъ —
Тѣмъ лишь я и согрѣшилъ!

или:

Я смиренная корова:
Нраву я была простова!
Грѣхъ мой право не великъ:
Ободралъ меня мясникъ!

могутъ сравниться развѣ только съ Долбинской же шуткой Жуковскаго *Что такое законъ?* — шуткой, написанной такими стихами:

Законъ — на улицѣ натянутый канатъ,
Чтобъ останавливать прохожихъ средь дороги,
Иль ихъ сворачивать назадъ,
Или имъ путать ноги.
Но чтожъ? Напрасный трудъ! Никто назадъ нейдетъ!
Никто и подождать не хочетъ!
Кто ростомъ малъ — тотъ внизъ проскочитъ,
А кто великъ — перешагнетъ!

Вскорѣ за тѣмъ вышло въ Петербургѣ отдѣльное изданіе посланія Жуковскаго «Императору Александру» и поэтъ, получивъ отъ имп. Маріи Ѳеодоровны бриллiантовый перстень, написалъ стихотвореніе: *Къ генералъ-маіору В. В. Полуектову на выступленіе въ походъ 1815, 17 февраля*, напечатанное въ № 6 «Россійскаго Музеума», журнала, издававшагося въ 1815 г. В. Измайловымъ. — До этаго стихотворенія, въ журналѣ Измайлова, за 1815 г., уже были помѣщены слѣдующіе труды Жуковскаго: въ № 1 — *Библія*, стихотвореніе, подражаніе Фонтану; въ № 2 — *Эпимесидъ*, изъ Парни; *Къ неизвѣстной дамѣ*, стихотвореніе; въ № 3 — *Къ Вяземскому* («Ты, Вяземскій, хитрецъ, хотя ты и поэтъ!»); въ № 4 — *Мотылекъ; Эпитафія;* въ № 5 — *Желаніе и наслажденіе*, стансы. — Такъ шло время, въ теченіе котораго петербургскіе друзья Жуковскаго сильно хлопотали устроить судьбу поэта и Тургеневъ, 1 апрѣля 1815 г., писалъ кн. Вяземскому: «Я совершенно согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ на счетъ его рода (? sic) и средствъ жизни. Не только какъ другъ его, но и какъ любящій славу Россіи и поэзію, желаю ему одной независимости отъ людей и отъ обстоятельствъ». — Должно думать, что такое трудно-выполнимое желаніе Тургеневу удалось осуществить скоро — и Жуковскій, только что написавшій тогда стихотвореніе *Весеннее чувство*, не замедлилъ, — покинувъ Долбино, лично явиться въ Петербургъ. — По крайней мѣрѣ, Батюшковъ, служившій тогда въ Каменцѣ-Подольскомъ и занятый мыслью объ изданіи «Сочиненій» своего родича и благодѣтеля М. Н. Муравьева, нравственно обязательномъ и для Жуковскаго, уже 21 мая 1815 г. писалъ къ вдовѣ покойнаго, Е. Ѳ. Муравьевой находившейся въ Петербургѣ: «Ради Бога, пошлите за Жуковскимъ и допросите его, что сдѣлалъ онъ съ бумагами. Если по первому зову не явится (онъ па этомастеръ, я знаю), въ такомъ случаѣ, пошлите ему это письмо для улики. Оно, какъ фурія, пробудитъ спящую въ немъ совѣсть и лишитъ его сна и апетита. Шутки въ сторону, я его извинять болѣе не могу за лѣность и безпечность, на счетъ изданія. Какъ литераторъ, онъ виноватъ; какъ человѣкъ, которому вы довѣряли по одному уваженію къ его дарованіямъ и рѣдкой его душѣ, онъ виноватъ еще бо-

лѣе». — Но Жуковскій готовился тогда къ рѣшительному для него событію — личному представленію имп. Маріи Ѳедоровнѣ, которое, состоявшись 11 іюня 1815 г., въ присутствіи вел. кн. Николая и Михаила Павловичей, разсказано, въ письмѣ Жуковскаго къ его роднымъ, такъ: «Разумѣется, началось привѣтствіемъ. Я хотѣлъ было сказать: не умѣю изъяснить вашему величеству своей благодарности за ваши милости; но исполнилъ это на дѣлѣ, а не на словахъ, потому что не умѣлъ ничего сказать, а отдѣлался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить, потому что государыня говорила по-русски не очень внятно и скоро, и я не все понималъ. Уваровъ это замѣтилъ и сказалъ два слова по-французски; это заставило ее отвѣчать по-французски же, и разговоръ пошелъ очень живо — о войнѣ, о ея безпокойствахъ прошедшихъ и о прошедшихъ великихъ радостяхъ. Въ этомъ разговорѣ было для меня много трогательнаго — мать говорила о сынѣ и съ чувствомъ: нѣсколько разъ навертывались у ней на глазахъ слезы. Разговоръ продолжался около часу. Наконецъ мы откланялись. Мы еще съ вами увидимся, сказала она мнѣ очень ласково. Вслѣдъ за нами вышли и великіе князья». Представленный, въ то же утро, обоимъ великимъ князьямъ, Жуковскій, по словамъ Плетнева, «получилъ назначеніе быть чтецомъ у ея величества» и, въ этомъ качествѣ, часто присутствовалъ въ Павловскѣ, «сдѣлавшемся тогда, какъ выражается Плетневъ, «средоточіемъ лучшихъ писателей нашихъ: Карамзинъ, Крыловъ, Дмитріевъ, Нелединскій, Гнѣдичъ и Жуковскій являлись на вечернихъ бесѣдахъ августѣйшей покровительницы отечественныхъ талантовъ». Однако, на этотъ разъ, Жуковскій пробылъ въ Петербургѣ недолго и, обдумавъ съ Тургеневымъ планъ отдѣльнаго изданія своихъ «Стихотвореній», поспѣшилъ въ деревню, откуда, уже 4 августа 1815 г., писалъ Тургеневу: «Чтобы сдѣлать для меня то, что̀ мнѣ надобно, вы (Тургеневъ и Уваровъ) должны имѣть объ немъ настоящее понятіе, то есть о томъ, что̀ мнѣ надобно. Боюсь я этихъ grands projets. Могутъ составить себѣ за меня какой нибудь планъ моей жизни, да и убьютъ *все*. Ты можешь обо мнѣ переговорить и съ Нелединскимъ. Онъ въ состояніи все понять и все объяснить государынѣ просто. Переговорите съ Уваровымъ и съ нимъ объясните все между собою. Тебѣ, кажется, не нужно имѣть комментарія на то, что̀ мнѣ надобно. Независимость да и только. Способъ писать, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Что, и гдѣ, и когда писать, мнѣ на волю. Я не буду жильцемъ петербургскимъ; но каждый годъ буду въ Петербургѣ непремѣнно. Вотъ главная мысль, — остальное можешь придумать самъ. Еще скажу одно: мнѣ бы хотѣлось, въ половинѣ будущаго года, сдѣлать путешествіе въ Кіевъ и Крымъ. Это нужно для Владиміра (пьесы, задуманной тогда Жуковскимъ). Первые полгода я употребилъ бы на приготовленіе, а послѣднія на путешествіе. Но еще уговоръ, чтобы не давать чувствовать, что я пишу Владиміра, ищу покровительства Владиміру. Если писать сдѣлается для меня обязанностію непремѣнно, то сказываю напередъ, что написано ничего не будетъ. Отвѣчай на это письмо скорѣе. Когда мнѣ надобно пріѣхать?». Въ ожиданіи такого извѣщенія, Жуковскій писалъ поэтическія бездѣлки, изъ которыхъ въ «Россійскомъ Музеумѣ» того же 1815 г. напечатаны: въ № 8 — *Совѣсть, смерть, скромность;* въ № 9 — *Къ Вяземскому;* въ № 10 — *Отвѣты на вопросы, въ игру, называемую секретарь.* А къ осени 1815 г. Жуковскій, вѣроятно, получивъ отъ Тургенева ожидаемое извѣщеніе, былъ уже опять въ Петербургѣ, гдѣ онъ стоялъ у Д. Н. Блудова и, 23 сентября, присутствовалъ на первомъ представленіи 5-ти-актной комедіи кн. А. А. Шаховскаго: «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», надѣлавшей тогда большаго шума и возбудившей противъ ея автора неудовольствіе многихъ. Дѣло въ томъ, что, по разсказу тогдашняго театрала П. Н. Арапова, «старики волокиты узнавали себя въ баронѣ Вольмарѣ; партизаны поэта Жуковскаго негодовали на то, что, въ лицѣ Фіалкина, авторъ комедіи явно желалъ подсмѣяться надъ его балладами. Посыпались остроты и эпиграммы на Шаховскаго со всѣхъ сторонъ, и не только досталось его новой комедіи, но не были пощажены и предшествовавшія его пьесы». — Отправившись, тою же осенью, изъ Петербурга въ Дерптъ, гдѣ жила тогда Е. А. Протасова съ обѣими дочерьми у мужа младшей изъ нихъ, дерптскаго профессора А. Ѳ. Воейкова, Жуковскій нашелъ въ Дерптѣ и кн. Шаховскаго, и отголоски петербургскаго литературно-театральнаго шума, о чемъ онъ тогда же писалъ оттуда къ роднымъ въ Бѣлевъ: «Здѣсь есть авторъ князь Шаховской. Извѣстно, что авторы не охотники до авторовъ. И онъ поэтому не охотникъ до меня. Вздумалъ онъ написать комедію и въ этой комедіи смѣяться надо мною. Друзья за меня вступились. Дашковъ напечаталъ жестокое письмо къ новому Аристофану; Блудовъ написалъ презабавную сатиру, а Вяземскому сдѣлался поносъ эпиграммами. Теперь страшная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня; а я молчу, да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали. Городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты, при шумѣ парнасской бури. Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою». Однако изъ этихъ, какъ ихъ назвалъ Жуковскій, глупостей — тогда же возникло извѣстное литературное общество «Арзамасъ», ближайшимъ поводомъ къ первымъ собраніямъ котораго послужила именно сатира Блудова на кн. Шаховскаго, всюду ходившая въ рукописи, подъ титуломъ: «Видѣніе въ какой-то оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей», съ эпиграфомъ: Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable (Истинное можетъ иногда не быть вѣроятнымъ). — Въ шумѣ, поднятомъ за Жуковскаго его друзьями, едва ли былъ услышанъ и голосъ одного изъ этихъ друзей, извѣстнаго партизана Д. В. Давыдова, который, находясь тогда въ Варшавѣ, дружески сообщалъ кн. Вяземскому, въ письмѣ отъ 16 октября 1815 г.: «Жуковскому я писалъ въ Петербургъ; онъ, по слухамъ принятъ императрицею очень милостиво, и боюсь, чтобы изъ независимаго философа не поступилъ въ рабы фортуны». — Подъ исходъ 1815 г., Жуковскій, написавъ въ Дерптѣ стихотвореніе *Старцу-Эверсу* (профессору, отцу извѣстнаго историка), возвратился въ Петербургъ; тутъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, издалъ I томъ своихъ *Стихотвореній*, въ который вошли: лирическія пьесы, посланія, романсы и пѣсни, а 16 февраля 1816 г. онъ, изъ Петербурга же, писалъ къ Ив. Ив. Дмитріеву: «О себѣ имѣю честь донести вашему превосходительству, что я здѣсь почти безъ дѣла. Занимаюсь изданіемъ книги своей, и такъ — почти ничѣмъ. Второй и послѣдній томъ выйдетъ недѣли черезъ двѣ съ половиною, и тотчасъ будетъ доставленъ вашему превосходительству. Кончивъ это дѣло, поѣду въ Дерптъ; а весною, можетъ быть, загляну въ Москву и буду имѣть удовольствіе посѣтить васъ въ новомъ вашемъ домѣ. Изъ этаго

можете заключить, что еще моя странническая или странная жизнь не окончилась». — Издавъ томъ II своихъ «Стихотвореній», не вошедшихъ въ томъ I, Жуковскій, дѣйствительно, уѣхалъ въ Дерптъ, откуда, 17 апрѣля, прислалъ Державину нѣмецкій переводъ оды «Вельможа», сдѣланный дерптскимъ студентомъ Боргомъ. Но удалось ли Жуковскому съѣздить весной въ Москву, между прочимъ, съ визитомъ къ Ив. Ив. Дмитріеву, — этаго не знаемъ, также какъ и того, былъ или не былъ онъ въ Петербургѣ до осени 1816 г. Изъ переписки самаго Жуковскаго видимъ только, что осенью 1816 г., онъ находился въ Дерптѣ, университетъ котораго тогда же избралъ «Пѣвца Людмилы» своимъ членомъ, а 21 октября Жуковскій, изъ Дерпта, сообщалъ Тургеневу: «Естьли (sic) хочешь, чтобъ я кончилъ «Пѣвца» (въ Кремлѣ), то пришли его мнѣ; у меня нѣтъ списка: пришли скорѣе. Я писалъ къ тебѣ и Вяземскому въ Москву о причинахъ, которыя мѣшали мнѣ кончить эту пьесу, по моему мнѣнію слабую. Но... Когда государь долженъ узнать объ ней, вижу, что кончить её надобно. Не надѣюсь однако на большой успѣхъ. Вспомни, что она писана была въ одно время съ посланіемъ («императору Александру»), въ уединеніи.... Того, что уже написано, я бы теперь написать не могъ; но слава Богу, что оно уже написано, съ искреннимъ, безкорыстнымъ чувствомъ, безъ всякой другой побудительной причины, кромѣ удовольствія писать.... Я пишу усердно *Искупленіе* (т. е. *Вадима*, или вторую половину «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ»; первая половина названа потомъ *Громобоемъ*); написано болѣе половины. Пьеса будетъ такъ же велика, какъ и 12 спящихъ дѣвъ, и кажется хорошо. Между тѣмъ написалъ, т. е. перевелъ съ нѣмецкаго, пьесу подъ титуломъ: *Овсяной кисель;* не думай, чтобъ этотъ кисель былъ для Арзамаса; нѣтъ, но надѣюсь, что онъ покажется вкуснымъ для Арзамасцевъ, хоть и не разведенъ на безсмыслицѣ. Это переводъ изъ Гебеля, вѣроятно тебѣ неизвѣстнаго поэта, ибо онъ писалъ на швабскомъ діалектѣ и для поселянъ. Но я ничего лучше не знаю! Поэзія во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и намъ еще неизвѣстный родъ!». — Въ томъ же письмѣ, Жуковскій упрекаетъ Тургенева кое-какими несправедливостями министерства народнаго просвѣщенія къ дерптскому университету, при чемъ либеральничаетъ такъ: «Осуждая виноватыхъ, щадите университетъ! Онъ и безъ того упадаетъ, и упадаетъ потому, что правительство отняло отъ него свою руку. Неужели всему должно у насъ, не созрѣвъ, разрушаться? Неужели Россіи должно быть грудою развалинъ, покрытыхъ лаврами, которые засохнутъ?». — Еще черезъ десять дней Жуковскій писалъ къ тому же Тургеневу: «Постараюсь «Пѣвца» кончить и конецъ сдѣлать получше. Не знаю, удастся ли. Переводы изъ Гебеля пришлю; но съ тѣмъ, чтобъ не давать печатать. Я не намѣренъ ничего печатать». Послѣднее однако случилось иначе, когда Жуковскій, пріѣхавъ, въ ноябрѣ, въ Петербургъ, немедленно приступилъ къ изданію *Пѣвца въ Кремлѣ*, которое и вышло тогда же, между тѣмъ, какъ въ Москвѣ уже были напечатаны первыя книжки изданія другихъ трудовъ Жуковскаго, его *Переводы въ прозѣ*, въ 5 ч. — «Это время, замѣчаетъ г. Бартеневъ, было апогеемъ литературной славы Жуковскаго. Вся Россія твердила наизусть стихи его, а передъ тѣмъ разошлось три изданія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Цѣнимый преимущественно своими литературными друзьями, Жуковскій былъ душою кружка «Арзамасъ», въ которомъ, слывя *Свѣтланой*, отправлялъ должность секретаря, составлялъ юмористическіе протоколы засѣданій, давалъ забавныя прозвища новопринимаемымъ членамъ, острился надъ пресловутыми «Притчами» гр. Д. И. Хвостова, смѣшилъ «Арзамасцевъ» уморительными перифразами выдержекъ изъ нелѣпой книги: «Утѣхи меланхоліи, россійское сочиненіе», изд. 1802 г., пускалъ въ ходъ разныя сказанія о Мѣшковѣ, т. е. А. С. Шишковѣ, предсѣдателѣ «Бесѣды любителей русскаго слова», и безпрестанно твердилъ: ей, быть Бесѣдіадѣ! — Но все это, разумѣется, не устроивало существенно независимости, страстно желаемой Жуковскимъ, которому, и въ этомъ случаѣ, помогъ опять-таки Тургеневъ. Воспользовавшись успѣхомъ напечатанныхъ отдѣльно, въ 2 томахъ, «Стихотвореній» Жуковскаго, Тургеневъ схлопоталъ, чрезъ своего ближайшаго начальника, кн. А. Н. Голицына, поднести эти 2 тома имп. Александру, а Жуковскій сочинилъ приличное случаю всеподданнѣйшее письмо, въ которомъ, напр., объяснялъ, что слѣдующія три строки изъ одного стихотворенія, посвященнаго его императорскому величеству:

> Все сладкое для сердца: честь, свобода,
> Великость, слава, миръ, отечество, олтарь,
> Все, все слилось въ одно святое слово: царь!

«связаны не поэтомъ, а восхищеннымъ подданнымъ царю добродѣтельному, отъ лица всего народа» — и «доброй государь — сказано въ письмѣ Карамзина къ Дмитріеву, отъ 31 декабря 1816 г. — пожаловалъ Жуковскому 4000 руб. пенсіи и перстень съ шифромъ». — Такова была прощальная улыбка Жуковскому канувшаго въ вѣчность 1816 г., къ которому самъ Жуковскій, въ изданіи 1849 г. относитъ сочиненіе слѣдующихъ своихъ стихотвореній: *Пѣснь русскому царю его воиновъ*, пѣтая на праздникѣ лорда Каткарта, англійскаго посла въ Петербургѣ; *Славянка*, элегія, навѣянная садами г. Павловска; *Сонъ; Пѣсня бѣдняка; Счастіе во снѣ*, всѣ три изъ Уланда; баллады: *Мщеніе*, *Гаральдъ*, *Три пѣсни*, — всѣ изъ Уланда же; *Овсяный кисель; Красный Карбункулъ*, сказка; *Деревенскій сторожъ въ полночь; Тлѣнность*, разговоръ, — всѣ четыре пьесы изъ Гебеля; *Узникъ*, баллада; *Пѣсня*. — Извѣстіе о царской милости нашло Жуковскаго опять въ Дерптѣ, гдѣ поэтъ, 14 января 1817 г., присутствовалъ на свадьбѣ своей племянницы А. А. Протасовой съ дерптскимъ профессоромъ И. Ф. Мойеромъ, и откуда онъ, почти тогда же, писалъ къ другу, приглашавшему его на житье въ Москву: «Пансіонъ, который далъ мнѣ Государь, который я считаю наградою за *добрую надежду*, налагаетъ на меня обязанность трудиться, дорожить временемъ и успокоить совѣсть свою, написавъ что нибудь важное. Слава достойная есть для меня теперь тоже, что благодарность. Чтобы работать порядкомъ, надобно сидѣть на мѣстѣ; а чтобы написать что нибудь важное, надобно собрать для этаго матеріалы. У меня сдѣланъ планъ: онъ требуетъ множества матеріаловъ историческихъ. Того, откуда я ихъ почерпнуть долженъ, съ собою взять не могу — а время между тѣмъ летитъ. Что если оно улетитъ и умчитъ съ собою возможность что нибудь сдѣлать? Я столько потерялъ времени, что теперь каждая минута кажется важною. Вся моя протекшая жизнь есть не иное что, какъ жертва мечтамъ — жалкая жертва! и боюсь, не потерялъ ли я уже возможности пользоваться настоящимъ. Мнѣ нельзя перетащить съ собою всѣхъ своихъ книгъ; а большая часть ихъ будетъ мнѣ нужна, если не для чтенія, то для спра-

вокъ. Сверхъ того, я беру здѣсь лекцію, именно для моего плана весьма важную. Она продолжится отъ февраля до конца мая, и должна облегчить мнѣ большой трудъ. Однимъ словомъ, въ нынѣшнемъ и будущемъ году я долженъ написать что нибудь важное: безъ этаго душа не будетъ на мѣстѣ. Я не долженъ обмануть надежды царской». — Собственно говоря, «важный» планъ Жуковскаго состоялъ въ намѣреніи создать поэму «Владиміръ», намѣреніи, далекомъ отъ осуществленія еще и 1 марта 1817 г., когда Жуковскій писалъ къ Дмитріеву изъ Дерпта: «Не скажу, чтобъ я много сдѣлалъ; у меня большая неровность въ работѣ! Часто какая-то нравственная сухотка нападаетъ на меня и мучитъ цѣлые мѣсяцы. За то готовлюсь! Чтобъ хорошо обработать предметъ, взятый изъ нашей исторіи, надобно покороче познакомиться съ этою исторіею въ ея источникахъ: это я и дѣлаю. Безъ подмостокъ нельзя построить зданіе. Дай Богъ только не остаться съ одними подмостками». Но случилось именно послѣднее, быть можетъ, потому, что, весною 1817 г., съ пріѣздомъ въ Петербургъ принцессы прусской, невѣсты вел. кн. Николая Павловича, Жуковскій, получивъ приглашеніе преподавать ея высочеству русскій языкъ, переселился изъ Дерпта въ Петербургъ, тутъ занялъ квартиру съ А. А. Плещеевымъ, у Кашина моста, и, между педагогическими занятіями, написалъ *Элегію, къ Дельвигу*, напечатанную въ № 41 «Сына Отечества» 1817 г., наконецъ, издалъ отдѣльною книжкою «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», старинную повѣсть, въ стихахъ, подобныхъ слѣдующему обращенію поэта къ мечтѣ:

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней!
Опять съ толпой воздушныхъ привидѣній
Тѣснишься ты, мечта въ душѣ моей!
Приди, о другъ! Дай прежнихъ вдохновеній!
Минувшею мнѣ жизнию повѣй!
Побудь со мной! продли очарованья!
Дай сладкаго вкусить воспоминанья!

Въ сентябрѣ 1817 г. Жуковскій, въ штатѣ своей августѣйшей ученицы, вел. кн. Александры Θеодоровны, послѣдовалъ за всѣмъ дворомъ въ Москву, тамъ, осенью же, напечаталъ въ ч. IX «Трудовъ общества любителей россійской словесности при имп. московскомъ университетѣ» свою балладу *Красный Карбункулъ* и, по порученію Карамзина, публиковалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о готовящемся изданіи первыхъ осьми томовъ «Исторіи государства россійскаго», а съ наступленіемъ 1818 г. началъ періодически издавать книжечки, подъ названі- *Für Wenige* (Для немногихъ), въ которыхъ печатались texte en regard стихотворные переводы произведеній многихъ германскихъ и отчасти французскихъ поэтовъ. Этаго изданія, ставшаго теперь библіографическою рѣдкостью, вышло всего 6 нумеровъ, изъ которыхъ перу Жуковскаго принадлежатъ труды: въ № 1 — *Рыцарь Тогенбургъ*, баллада изъ Шиллера; *Утѣшеніе въ слезахъ*, изъ Гёте; *Жалоба пастуха*, съ нѣм.; *Пѣсня* («Кольцо души дѣвицы»); *Рыбакъ*; въ № 2 — *Овсяный кисель*, изъ Гебеля; *Новая любовь новая жизнь; Воспоминаніе; Листокъ; Кто слезъ на хлѣбъ свой не роняль; Къ мѣсяцу*, изъ Гёте; въ № 3 — *Тлѣнность; Утренняя звѣзда*, изъ Гебеля; *Вѣрность до гроба*, изъ Кернера; *Юлія, голосъ съ того свѣта;* въ № 4 — *Горная пѣсня*, изъ Шиллера; *Деревенскій сторожъ въ полночь; Лѣсной царь*, баллада, изъ Гёте; *Лѣтній вечеръ*, изъ Гебеля; въ № 5 — *Графъ Габсбургскій*, баллада, изъ Шиллера; въ № 6 — мелкія стихотворенія. Любопытны отзывы поэта Батюшкова объ изданіи «Для немногихъ». — «Жуковскому — писалъ онъ 12 іюля, изъ Одессы, Тургеневу — мой поклонъ. Утѣшьте злодѣя: скажите ему, что баллада изъ Шиллера прелестна, лучшій изъ его переводовъ по моему мнѣнію; что переводъ изъ Іоганны мнѣ нравится, какъ переводъ мастерской, живо напоминающій подлинникъ; но размѣръ стиховъ странный, дикій, вялый: ссылаюсь на маленькаго Пушкина (Ал. Серг.), которому Аполлонъ далъ чуткое ухо. Но «Горная пѣсня» и весь IV № мнѣ не нравятся. Онъ напалъ на дурное, жеманное и скучное. Вотъ моя исповѣдь. Но обнимите его за меня очень крѣпко: это ему пріятнѣе моей критики и, можетъ быть, умнѣе». — «Воейковъ — жаловался, мѣсяцъ спустя, Батюшковъ тому же Тургеневу — пишетъ гекзаметры безъ мѣры, Жуковскій (!?!?!?) пяти-стопные стихи безъ риѳмъ, онъ, который очаровалъ нашъ слухъ и душу и сердце... Послѣ того, мудрено ли» и проч. — «Благодарю за IV № «Для немногихъ», который прочиталъ съ удовольствіемъ, и за Сегюра, — писалъ еще позже Батюшковъ Н. И. Тургеневу. Возвращая его, скажу мимоходомъ: какъ мой умъ (по словамъ А. И. Тургенева) ни мелокъ и ни поверхностенъ, а все-таки не доволенъ мелкими стихами нашего Жуковскаго и мелкою философіею Сегюра. Но разсказъ въ Сегюрѣ и описанія въ Жуковскомъ прелестны: вотъ сходство между ними. Поищемъ разницы: Сегюръ выписался, Жуковскій никогда не выпишется, — если мы не задушимъ его похвалами». Кромѣ періодическихъ книжечекъ «Для немногихъ», и тома своихъ «Сочиненій въ прозѣ», Жуковскій, въ 1818 г. издалъ въ Москвѣ стихотвореніе *Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ*, на рожденіе вел. кн. Александра Николаевича (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ) и напечаталъ въ № 8 «Вѣстника Европы» статью *О новой книгѣ Паррота* (дерптскаго профессора): «Entretiens sur la physique». Изъ Москвы, Жуковскій, весною 1818 г., съѣздилъ на короткое время въ Бѣлевъ, откуда уже въ половинѣ мая, возвратился ко Двору а 14 іюня отправился за Дворомъ въ Петербургъ, гдѣ, поселившись съ Плещеевымъ, по прежнему, у Кашина моста, приступилъ ко второму изданію своихъ «Стихотвореній», въ 3 частяхъ, продолжалъ педагогическія занятія съ вел. кн. Александрой Θеодоровной и завелъ у себя литературные вечера по субботамъ, на которые, между прочими литераторами, какъ выразился Тургеневъ, «всѣхъ расколовъ и всѣхъ націй», не урѣживалъ являться и молодой Пушкинъ, еженедѣльно приносившій сюда, на общій судъ, новыя главы своей поэмы «Русланъ и Людмила». Такъ закончился для Жуковскаго 1818 г., въ исходѣ котораго, именно 5 октября, «Пѣвецъ Свѣтланы», онъ же коллежскій ассессоръ Жуковскій, былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ имп. Россійской Академіи. Начавъ новый 1819 г. отдѣльнымъ изданіемъ *Элегіи на смерть королевы виртембергской* (Екатерины Павловны), элегія, о которой Карамзинъ тогда же писалъ Дмитріеву: «Въ стихахъ его (Жуковскаго) нахожу хорошее и очень хорошее; но иное темно, иное холодно. Императрица говорила мнѣ объ нихъ съ величайшею похвалою», Жуковскій, въ исходѣ февраля, уѣхалъ, на двѣ недѣли, въ Дерптъ; въ апрѣлѣ, по выраженію письма Тургенева къ Дмитріеву, былъ «весь въ грамматикѣ»; въ маѣ и іюнѣ, занимался переводомъ романтической трагедіи Шиллера «Jungfrau von Orleans» (Орлеанская дѣвственница), что дало

поводъ Дмитріеву письменно просить Тургенева: «Оторвите Жуковскаго отъ нѣмчизны. Пора ходить на своихъ ногахъ, описать что нибудь по важнѣе»; въ іюнѣ же Жуковскій сочинилъ стихотвореніе *Е. И. В. Государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ*, напечатанное въ № 1 «Сына Отечества 1821 г.; въ іюлѣ, по свидѣтельству Карамзина, «писалъ стихи къ фрейлинамъ»; въ октябрѣ, готовилъ академическую рѣчь, кажется, не произнесенную; наконецъ, въ декабрѣ, если вѣрить жалобѣ Тургенева Дмитріеву, «дремалъ надъ Байрономъ». — «Слава Жуковскаго — пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о томъ времени А. С. Стурдза — росла вмѣстѣ со славою Россіи; «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» искусною рукою переносилъ на русскую почву лучшіе цвѣты всѣхъ современныхъ литературъ. Въ Жуковскомъ, какъ и въ Карамзинѣ, я съ восхищеніемъ находилъ всѣ черты, составляющія идеалъ истиннаго поэта и великаго писателя». — И какъ бы въ оправданіе словъ Стурдзы, Пушкинъ уже сложилъ тогда свою знаменитую надпись къ портрету Жуковскаго:

«Его стиховъ плѣнительная сладость и т. д.

за которою уже начали печататься въ журналахъ болѣе или менѣе удачныя ей подражанія, напр., въ № 13 «Сына Отечества» 1819 г., такое:

Пѣвецъ, природою и Небомъ вдохновенный,
Величіе души съ талантомъ съединилъ!
Онъ чувства новыя въ насъ лирой пробудилъ
И далъ поэзіи языкъ одушевленный.

8 января 1820 г., Гнѣдичъ, въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи, публично читалъ новые гекзаметры Жуковскаго: *Цеиксъ и Гальціона*, изъ Овидія; въ февралѣ, самъ Жуковскій напечаталъ въ № 2 журнала «Новый Зритель» два свои стихотворенія: *Узникъ* и *Мщеніе;* наконецъ, лѣтомъ, онъ же издалъ отдѣльной книжкой ***Подробный отчетъ о Лунѣ, представленный Е. И. В. Государынѣ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, 1820, іюня 18, въ Павловскѣ***, — стихотворное произведеніе, въ которомъ Жуковскій исчисляетъ изображенія луны во всѣхъ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ и оканчиваетъ все картиной прекрасной лунной ночи въ Павловскѣ, вдохновившей, на этотъ разъ, его Музу. — Совсѣмъ тѣмъ, литературная дѣятельность Жуковскаго въ 1820 г. не казалась достаточно-поэтическою его друзьямъ, изъ которыхъ одинъ, кн. Вяземскій, въ письмѣ отъ 12 іюня, сообщалъ Дмитріеву, что «Жуковскій и Воейковъ поговариваютъ о журналахъ, но, вѣроятно, на словахъ дѣло и кончится», а другой, Блудовъ, въ письмѣ къ Дмитріеву же, отъ 27 іюля, намекая на Жуковскаго, говорилъ, что онъ «учитъ грамотѣ принцессъ и самъ учится придворному искуству». — Не знаемъ, въ какой степени было справедливо сообщеніе кн. Вяземскаго, не подтвержденное никакими послѣдствіями, по крайней мѣрѣ, для Жуковскаго. Но первая половина намека Блудова была тѣмъ справедливѣе, что Жуковскій, именно въ качествѣ педагога вел. княг. Александры Θеодоровны, сбирался тогда сопровождать ея высочество въ Германію, по поводу чего и Дмитріевъ, 18 августа, писалъ Тургеневу: «Пожелайте Василію Андреевичу отъ меня счастливаго пути и скорѣйшаго къ намъ возвращенія. Надѣюсь, что онъ, побывавъ въ отчизнѣ Шиллера, Клейста, а можетъ быть и Виланда, воспламенитъ насъ обѣщанною поэмою во вкусѣ Оберона». — Наконецъ еще новую сторону тогдашнихъ отношеній Жуковскаго открываетъ намъ Карамзинъ: написавъ, 20 сентября, Дмитріеву: «Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ. Увы! онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при Дворѣ не легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго», Карамзинъ, не далѣе какъ 19 октября, уже сообщалъ тому же другу: «Жуковской совсѣмъ не суетенъ и еще менѣе корыстолюбивъ; но *лѣтній* Дворъ приводитъ его въ разсѣяніе, не весьма для музъ благопріятное, и въ любовную меланхолію, хотя піитическую, однакожъ не стихотворную. Онъ еще молодъ: авось и встанетъ и *возрастетъ!* Какой безсмертный откажется отъ такихъ лакомствъ, чтобы вмѣсто *рыбаковъ*, посылать въ «Сына Отечества» *рыболововъ?* Обстоятельства рѣшатъ судьбу и талантовъ». — Послѣднія слова этаго письма относятся къ балладѣ Жуковскаго *Рыбакъ*, которая, бывъ напечатана въ № 36 «Сына Отечества» 1820 г., возбудила упрекъ какого-то критика, сердившагося за употребленіе слова *рыбакъ*, вмѣсто болѣе (будто бы) благороднаго *рыболовъ*. Сдавъ въ редакцію «Сына Отечества» еще два стихотворенія: *Къ мимопролетѣвшему знакомому генію*, напечатанное въ № 42 и *Три пѣсни*, явившееся въ № 48, Жуковскій, въ исходѣ того же 1820 г. отправился за границу, откуда возвратился только въ 1822 г. Поѣздка эта, давшая Жуковскому случай лично познакомиться съ Шатобріаномъ, Гёте и множествомъ другихъ европейскихъ знаменитостей, очеркнута самимъ Жуковскимъ, въ одномъ изъ его писемъ къ роднымъ, такъ: «Самая лучшая эпоха жизни моей послѣ разлуки съ вами есть 1821 годъ. Я постранствовалъ по Европѣ: провелъ веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ съ его живописными окрестностями; обошолъ пѣшкомъ Швейцарію; прошелъ черезъ Сенъ-Готаръ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago Maggiore; любовался Борромейскими островами; черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Montblanc; видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками — и все это оставило на душѣ то волненіе, какое оставляетъ быстрый сонъ, исчезающій въ минуту удовлетворенія. Не описываю вамъ подробностей — можетъ быть, вы будете имѣть ихъ печатныя. Путешествіе сдѣлало меня и рисовщикомъ: я нарисовалъ au trait около 80 видовъ, которые самъ выгравировалъ также au trait. Чтобы дать вамъ понятіе о моемъ искуствѣ, посылаю мои гравюры Павловскихъ видовъ. Также будутъ сдѣланы и Швейцарскіе; только при нихъ будетъ описаніе». Не смотря однако на всѣ эти переѣзды, съ рисованіемъ и гравированіемъ видовъ, Жуковскимъ, въ томъ же 1821 г., сочинено нѣсколько мелкихъ стихотвореній, переложены въ русскіе стихи цѣлыя три поэмы: *Орлеанская дѣва* Шиллера, *Пери и Ангелъ* Мура, *Шильонскій узникъ* Байрона, и, по случаю майскихъ придворныхъ празднествъ въ Берлинѣ, сдѣланъ стихотворный же переводъ изъ *Лалла-Рукъ* Мура. — Возвратившись изъ-за границы въ февралѣ 1822 г., «съ любовію къ Берлину и съ пріятными воспоминаніями о своемъ путешествіи, но безъ жены, вопреки сказкамъ», какъ выразился Карамзинъ въ письмѣ о Жуковскомъ къ Дмитріеву, Жуковскій поселился ближе къ Аничкову дворцу, жилищу вел. княг. Александры Θеодоровны, и занялъ квартиру сперва на Михайловской площади, а потомъ на Невскомъ проспектѣ, противъ самаго дворца. Ни тамъ ни тутъ Жуковскій уже не со-

бiралъ у себя, по субботамъ, литературнаго кружка, сиротѣвшаго въ отсутствiи сосланнаго Пушкина, но самъ часто посѣщалъ домъ Карамзина, «гдѣ, какъ въ центрѣ умственной дѣятельности, говоритъ Плетневъ, соединялись тогда представители высшей образованности и вкуса». — Въ то же время, Жуковскiй исподоволь готовилъ третье изданiе своихъ стихотворенiй, не покидая однако дѣтельности поэтической. Такъ, въ №№ 10 и 15 «Сына Отечества» явились напечатанными новыя стихотворенiя Жуковскаго: *Къ княгинѣ А. Ю. Оболенской* и *Пѣсня* («Отнимаетъ наши радости»); въ маѣ того же года, Жуковскiй, по свидѣтельству Карамзина, «отъ Iоанны Шиллеровой перешелъ къ Виргилiеву Энею», готовый переводъ изъ котораго былъ «съ удовольствiемъ» слушаемъ Карамзинымъ уже въ августѣ, когда Гнѣдичъ издавалъ отдѣльно «Шильонскаго узника», а самъ русскiй перелагатель послѣдняго, по свидѣтельству Карамзина же, «состязался съ ценсурою за свою послѣднюю балладу» (замокъ Смальгольмъ?). Не мало также былъ занятъ тогда Жуковскiй мыслiю о постановкѣ на петербургскую сцену своей «Дѣвы Орлеанской», мыслiю на столько интересовавшей и сосланнаго Пушкина, что пѣвецъ «Руслана и Людмилы», въ письмѣ къ брату, отъ 4 сентября 1822 г., изъ Кишинева, восклицалъ: «Съ нетерпѣнiемъ жду успѣха «Орлеанской»... Но актеры, актеры! 5-стопные стихи безъ риѳмы требуютъ совершенно новой декламацiи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухорева. Трагедiя будетъ сыграна тономъ смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господи защити и помилуй, но боюсь». — Страхъ Пушкина былъ однако напрасенъ: Жуковскiй своего перевода «Дѣвы» на сцену не ставилъ и закончилъ 1822 г. тѣмъ, что, давъ въ «Полярную Звѣзду» на 1823 г., изданную А. Бестужевымъ и К. Рылѣевымъ цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе 1823 г., два отрывка: *Прощанiе Iоанны съ своею родиною* (изъ «Дѣвы Орлеанской») и *Смерть Прiама* (изъ Энеиды), онъ, 29 декабря, присутствовалъ въ бенефисѣ капельмейстера театровъ Кавоса, гдѣ впервые представлялась «Свѣтлана или сто лѣтъ въ одинъ день», волшебная баллада, въ 2 дѣйствiяхъ, съ хорами, балетами и превращенiями, заимствованная Вешняковымъ изъ баллады Жуковскаго. Начало 1823 г., въ одномъ и томъ же январѣ мѣсяцѣ, трижды польстило авторскому самолюбiю Жуковскаго, который, 3 января, въ бенефисѣ Сосницкаго, слушалъ свою «Свѣтлану», декламируемую на сценѣ искусной артисткой Е. С. Семеновой; 14 января, въ торжественномъ засѣданiи Россiйской Академiи, внималъ чтенiю II пѣсни изъ своей «Энеиды», производимому громогласнымъ Гнѣдичемъ; наконецъ, 29 января, въ бенефисѣ извѣстнаго артиста Брянскаго, смотрѣлъ одно-актную комедiю «Урокъ женатымъ», въ вольныхъ стихахъ, передѣланную кн. Шаховскимъ изъ повѣсти Жуковскаго. — «Скажу вашему высокопревосходительству нѣсколько словъ о себѣ, писалъ Жуковскiй, 11 февраля 1823 г., Дмитрiеву: я принялся за новое изданiе стараго; надѣюсь, что будетъ хорошее. Между тѣмъ грожусь на Энеиду: вторая пѣснь кончена; мало по малу переведу всю (что, замѣтимъ, не было выполнено). Трудиться надъ переводомъ классика наслажденiе необыкновенное. Остальное все одни планы: вы знаете, что я богатъ планами! Помолите Феба, чтобы послалъ мнѣ и исполненiе». – Въ томъ же февралѣ, Жуковскiй, бросивъ всѣ занятiя, поскакалъ въ Дерптъ, гдѣ тогда заболѣла, а 9 марта умерла, М. А. Мойеръ, племянница и давняя страсть Жуковскаго, который, въ горѣ отъ такой потери, писалъ изъ Дерпта своему другу, И. И. Козлову: «Милый другъ, Саша (А. А. Воейкова, сестра М. А. Мойеръ) жива и даже не больна; вотъ все, что могу тебѣ сказать. Мы вмѣстѣ — это не утѣшенiе, но облегченiе. На счетъ ея здоровья будь спокоенъ: слезы лучше всякаго рецепта. Но послѣднее сокровище ея жизни пропало. Этому ничто не пособитъ. Мы ни о чемъ не говоримъ, ни о чемъ не думаемъ, мы вмѣстѣ плачемъ, и все тутъ. Напишите къ ней, а я дней черезъ десять буду у васъ». — Возвратясь въ Петербургъ, Жуковскiй, по собственному его выраженiю, «кочевалъ между Шепелевскимъ дворцомъ и Елагинымъ островомъ»; дѣлилъ свои досуги съ И. И. Козловымъ; принималъ горячее участiе въ печальной судьбѣ поэта Батюшкова, тогда окончательно помѣшавшагося въ Симферополѣ; и, произведенный въ надворные совѣтники, написалъ, 5 октября, въ Гатчинѣ, стихотворенiе *Ангелъ и Пѣвецъ*, напечатанное въ № 41 «Сына Отечества» 1823 г., а къ 17 декабря, дню бенефиса А. М. Колосовой, перевелъ для этой артистки 3-хъ актную комедiю Скриба и Мельвиля: *Валерiя, или слѣпая*, немедленно представленную на петербургской сценѣ. – Независимо отъ всего этаго, Жуковскiй тогда же училъ русскому языку невѣсту вел. кн. Михаила Павловича, виртембергскую принцессу Шарлотту (впослѣдствiи вел. кн. Елена Павловна), по поводу чего Пушкинъ, 1 декабря 1823 г., приписывалъ къ Тургеневу: «Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принц. Шарлотты, что онъ мнѣ и строчки въ 3 года не напишетъ. Правда ли, что онъ переводитъ «Гяура»?». — Встрѣтивъ наступившiй 1824 г. сочиненiемъ *Прощальной пѣсни*, тогда же пѣтой воспитанницами общества благородныхъ дѣвицъ при ихъ выпускѣ и напечатанной въ № 1 «Сына Отечества» 1824 г., Жуковскiй далъ въ новую книжку «Полярной Звѣзды» Бестужева и Рылѣева прозаическую статью *Путешествiе по саксонской Швейцарiи*, написанную имъ еще въ 1821 г.; потомъ, онъ, какъ выражается Карамзинъ, «услаждался» чтенiемъ рукописныхъ «Записокъ» Дмитрiева; наконецъ, выпустилъ въ свѣтъ третье изданiе своихъ «Стихотворенiй» въ 3 ч., и, въ письмѣ къ одной старой знакомой, обрисовывалъ себя такъ: «Перемѣны нравственной во мнѣ не найдете – тотъ же дитя, житель уединенiя. Но теперешняя жизнь остановила меня на одномъ мѣстѣ; я не перемѣнился и не подвинулся впередъ, слѣдовательно, остался назади — а все прежнее исчезло...». — Къ наступающему 1825 г. Жуковскiй приготовилъ для альманаха «Сѣверные Цвѣты», издававшагося бар. А. А. Дельвигомъ, стихотворенiя: *Привидѣнiе*, *Таинственный посѣтитель*, *Ночь*, тамъ же и напечатанные; кромѣ того, въ теченiе года, написалъ въ альбомъ Н. М. М. стихи *Мотылекъ и Цвѣты*, на рисунокъ, изображающiй бабочку въ букетѣ незабудокъ, и перевелъ изъ Гёте стихотворенiе *Путешественникъ и Поселянка*, которое весьма смѣшило Карамзина, какъ представляющее, въ самомъ дѣлѣ, кое-какую поживу охотникамъ до двусмысленностей. — Не литературная дѣятельность Жуковскаго въ 1825 г. ограничилась тѣмъ, что онъ, 30 января, въ бенефисѣ Е. С. Семеновой, видѣлъ волшебно-аллегорическое представленiе «Сонъ Свѣтланы», заимствованное изъ его знаменитой баллады; въ февралѣ, получилъ въ подарокъ отъ прусскаго наслѣднаго принца альбомъ, съ дружеской надписью; лѣтомъ, безуспѣшно хлопоталъ объ увольненiи Пушкина въ заграничный отпускъ и, 12 iюля, въ чинѣ надворнаго совѣтника, получилъ орденъ св. Вла-

диміра 3 класса, украшенный которымъ, онъ, до глубокой осени, жилъ съ Карамзинымъ, какъ выразился Блудовъ, «въ придворномъ уединеніи», т. е. въ Царскомъ Селѣ. — Затѣмъ— Жуковскаго ожидало новое, неожиданное для него, назначеніе: имп. Николай, вступивъ на престолъ, пожаловалъ Жуковскому чинъ коллежскаго совѣтника и опредѣлилъ его наставникомъ къ Наслѣднику-Цесаревичу (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ). Выполненіе этой новой обязанности Жуковскій началъ немедленно и со всею должною ревностію. «Во всѣ часы дня — пишетъ Плетневъ — никто иначе не находилъ его, какъ за предварительными работами и предначертаніями. Не довѣряя легкомысленно одной опытности своей, своимъ только знаніямъ и живому постиженію прекраснаго своего ума, онъ читалъ все, что могъ найти полезнаго по этой части, совѣтовался съ извѣстнѣйшими въ столицѣ педагогами.... Первые уроки каждаго предмета передавалъ самъ, желая на опытѣ убѣдиться, дѣйствительно ли они соотвѣтствуютъ его предположеніямъ». — «Моя настоящая должность — писалъ самъ Жуковскій къ одному изъ друзей — беретъ все мое время. Въ головѣ одна мысль, въ душѣ одно желаніе! Не думавши, не гадавши, я сдѣлался наставникомъ Наслѣдника престола. Какая забота и отвѣтственность (не ошибайтесь: наставникомъ, а не воспитателемъ — за послѣднее никогда бы не позволилъ себѣ взяться)! Занятіе, питательное для души! Цѣль для цѣлой остальной жизни! Чувствую ея великость, и всѣми мыслями стремлюсь къ ней! До сихъ поръ я доволенъ успѣхомъ; но кругъ дѣйствія безпрестанно будетъ расширяться! Занятій множество: надобно учить и учиться — и время все захвачено. Прощай навсегда, поэзія съ риѳмами! Поэзія другаго рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь». Но на первыхъ же порахъ, Жуковскій изнурился физически и, чувствуя необходимость поправиться для дальнѣйшихъ трудовъ, а также запастись обширнѣйшими пріобрѣтеніями по части педагогіи, въ апрѣлѣ 1826 г. снова собрался за границу, а въ маѣ уже пріѣхалъ, черезъ Карлсбадъ, въ Эмсъ, откуда, 3 іюня, писалъ И. И. Козлову: «Мое морское и потомъ земное путешествіе до Эмса совершилось благополучно. Въ Эмсѣ, тотчасъ по прибытіи, я принялся за лѣченіе. Пью воды, по четыре стакана въ день, и каждый день хожу въ ванну; чувствую большое внутреннее облегченіе, голова свѣтла, и сонъ и аппетитъ въ порядкѣ, словомъ все хорошо, кромѣ остатка слабости, единственнаго признака моей проходящей болѣзни. Надѣюсь, что и этому поможетъ Эгра, куда поѣду въ началѣ августа. Если случай не повредитъ, то надѣюсь къ вамъ возвратиться здоровымъ. А возвращусь въ первыхъ числахъ октября. Вотъ тебѣ моя біографія». 24 іюля, Жуковскій, дѣйствительно, оставилъ Эмсъ «и потихоньку, берегомъ Рейна», проѣхалъ въ Эгру, близь которой, въ Францбруннѣ, прожилъ три недѣли, но потомъ попалъ въ Дрезденъ, откуда, 28 сентября, сообщалъ И. И. Козлову: «Я пріѣхалъ, наконецъ, въ Дрезденъ, гдѣ нашелъ свою родину, ибо живу вмѣстѣ съ Тургеневыми. Мы ведемъ вмѣстѣ прекрасный образъ жизни, сколько возможно при болѣзни.... О моемъ возвращеніи не могу тебѣ сказать ничего рѣшительнаго. Мое здоровье поправилось, но надобно, чтобъ оно укоренилось, слѣдовательно, нельзя еще теперь возвратиться въ Петербургъ. Я просилъ отсрочки: жду изъ Москвы отвѣта». — Отвѣтъ былъ, разумѣется, благопріятный для поэта — и Жуковскій увидѣлъ Петербургъ только въ октябрѣ 1827 г., а въ Петербургѣ нашелъ и новое (2-е) изданіе своихъ «Сочиненій въ прозѣ», еще въ 1826 г. сдѣланное Глазуновымъ. «Я не даромъ ѣздилъ за границу, говоритъ Жуковскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ одесскимъ роднымъ: воды мнѣ помогли. Я воротился совсѣмъ не тотъ, каковъ поѣхалъ. Между тѣмъ видѣлъ много прекрасныхъ сторонъ; жилъ цѣлую зиму въ Дрезденѣ, который самъ по себѣ и по прелестнымъ окрестностямъ весьма пріятенъ. Жилъ на Рейнѣ и объѣздилъ берега Рейна, живописные и унизанные развалинами древнихъ рыцарскихъ замковъ. Заглянулъ и въ Парижъ, который можно назвать бездною дѣятельности. Нахожу, что лѣчиться такою методою весьма весело — но дорого. Впредь, если надобно будетъ за болѣзнію сдвинуться съ мѣста, поѣду къ вамъ въ Одессу». — Что касается Музы Жуковскаго, она въ послѣдніе два года безмолвствовала; и если, въ 1827 г., «Памятникъ отечественныхъ Музъ», изд. Б. М. Ѳедоровымъ, и «Московскій Телеграфъ», изд. Н. А. Полевымъ, сохранили кое-какія произведенія, писанныя Жуковскимъ, то — писанныя раньше этаго времени или, какъ сказано въ изданіи Б. М. Ѳедорова, «за нѣсколько лѣтъ предъ симъ». Такими запоздавшими для публики произведеніями Жуковскаго явились: въ «Памятникѣ отечественныхъ Музъ» 1827 г. — ***Поэзія въ видѣ Лалла-Рукъ***; ***Отрывокъ изъ письма въ Москву***; ***Стихи присланные съ комедіями къ К******; ***Къ ней***; ***Письмо къ А. Л. Нарышкину***; ***На смерть чижика***; ***Надгробіе И. П. и А. И.*** (Тургеневымъ); ***Къ графинѣ Ш.***; ***Амуръ и мудрость***; ***Невыразимое***; въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. — ***Отрывокъ изъ письма о Саксоніи*** (№ 6); ***Къ NN*** (№ 9). — Прибавимъ, что въ томъ же 1827 г., Глазуновъ напечаталъ въ Петербургѣ 2-мъ изданіемъ «Переводы въ прозѣ» Жуковскаго, въ 3 ч. — Помѣщенный на жительство въ томъ отдѣленіи зимняго дворца, гдѣ теперь императорскій музеумъ, Жуковскій продолжалъ съ прежней энергіей выполнять обязанности наставника не только при Наслѣдникѣ престола, но и при вел. княжнѣ Маріи Николаевнѣ, ввѣренной также научному руководству «Пѣвца Свѣтланы». — «Его жилище — пишетъ Плетневъ — превратилось въ мастерскую ученаго художника, гдѣ по особымъ планамъ готовились всѣ пособія для классныхъ комнатъ. Но ни одна наука такъ не занимала его, какъ исторія, эта по преимуществу наука царей. Обработыванію ея пособій онъ посвятилъ наибольшую часть драгоцѣнныхъ изобрѣтеній своихъ». — На экзаменахъ августѣйшихъ учениковъ Жуковскаго, обыкновенно присутствовали ихъ царственные родители, изъявлявшіе свое благоволеніе поэту-наставнику, который не далѣе какъ въ 1828 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника и тогда же выхлопоталъ назначеніе одного изъ, такъ-называемыхъ китайскихъ домиковъ Царскаго Села въ лѣтнее помѣщеніе семьѣ умершаго Карамзина. — Въ томъ же 1828 г. впервые, послѣ долгаго безмолвія, откликнулась Муза Жуковскаго — прекраснымъ стихотвореніемъ: *У гроба государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ ночи наканунѣ ея погребенія*. Почти непосредственно за этимъ стихотвореніемъ слѣдовали два другія: ***Видѣніе***, пьеска очень граціозная, и ***Торжество побѣдителей***, баллада изъ Шиллера, оба напечатанныя въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., съ наступленіемъ котораго Жуковскій, быть можетъ, одушевляемый присутствіемъ въ Петербургѣ Пушкина, круто свернулъ на поэзію, не увлека-

ясь однако ею въ ущербъ своей педагогической дѣятельности. По крайней мѣрѣ, дочь Карамзина, въ сентябрѣ 1829 г., письменно свидѣтельствовала Дмитріеву, что Жуковскій «все очень занятъ, умомъ и душой, своимъ важнымъ дѣломъ». И если это такъ, то, въ самомъ дѣлѣ удивительно, какъ успѣлъ Жуковскій написать цѣлый рядъ поэтическихъ произведеній въ одномъ и томъ же 1829 г., къ которому, по изданію 1849 г., пріурочиваются слѣдующія стихотворенія Жуковскаго: *Алонзо*, баллада изъ Уланда; *Поликратовъ перстень*, *Жалоба Цереры*, *Кубокъ*, всѣ три — баллады изъ Шиллера; *Перчатка*, повѣсть изъ Шиллера; *Доника*, *Судъ Божій надъ епископомъ* — баллады изъ Соути; *Ленора*, баллада изъ Бюргера, передѣланная Жуковскимъ вновь, вмѣсто «Людмилы»; *Королева Урака и пять мучениковъ*, изъ Соути; *Судъ въ подземельѣ*, повѣсть, подражаніе Вальтеръ-Скоту; *Покаяніе*, оригинальная баллада. Достовѣрно также, что, въ 1829 г., Жуковскій былъ наименованъ членомъ с.-петербургскаго университета и получилъ отъ Прусскаго короля, за наставничество при русскомъ внукѣ его королевскаго величества, орденъ Краснаго Орла 2-й степени. — Въ 1830 г. Жуковскій, не издавая и, кажется, не сочиняя ровно ничего, только подбилъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Вяземскій, извѣстнаго метромана гр. Д. И. Хвостова «написать русскій романъ, чтобы не отстать отъ сенатора Сумарокова», и 30 августа пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1831 г., Жуковскій, между хлопотами объ устройствѣ судьбы Н. В. Гоголя, читавшаго свои повѣсти на его пятничныхъ вечерахъ, хлопоталъ по изданію, отдѣльной книгой, собственныхъ «Балладъ и Повѣстей», описывалъ принцессѣ Луизѣ прусской петербургскій мятежъ на сѣнной, по случаю холеры; сочинилъ два стихотворенія *На взятіе Варшавы* и, вмѣстѣ съ третьимъ, Пушкина, напечаталъ ихъ отдѣльно, подъ титуломъ: «Три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина»; написалъ поэтическое посланіе *Дмитріеву*, въ отвѣтъ на привѣтственные стихи послѣдняго, и, въ кругу царской семьи, по примѣру прежняго своего журнальца «Для немногихъ», періодически выдавалъ листки *Муравейника*, которыхъ считается всего *пять*. Это литературно-наставительное изданіе, напечатанное подъ титуломъ: «Муравейникъ, литературные листы, выдаваемые неизвѣстнымъ обществомъ неученыхъ людей» 1831 г., и ставшее теперь большой библіографической рѣдкостью, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе труды самого Жуковскаго: въ № 1 — *Взглядъ на землю съ неба*, прозаическая статейка, съ нѣмецкимъ эпиграфомъ изъ Энгеля; *Цидъ (извлеченіе изъ древнихъ романсовъ испанскихъ)*, стихотвореніе, съ предисловіемъ въ прозѣ; въ № 3 — *Перчатка*, оригинальная баллада; *Неожиданное свиданіе*, быль, изъ Гебеля; *Двѣ загадки*, въ стихахъ; въ № 4 — *Двѣ были и еще одна*, стихотвореніе; *Замокъ на берегу моря*, стихотвореніе; въ № 5 — *Сраженіе съ змѣемъ*, повѣсть въ стихахъ, подражаніе Шиллеру; *Островъ* (въ Петергофѣ), стихотвореніе; *Пѣснь Регнера Лодброга*, стихотвореніе. — Наконецъ, въ томъ же 1831 г., Жуковскій — если вѣрить Плетневу, соблазненный примѣромъ Пушкина — удачно заявилъ себя въ новомъ для него родѣ поэтической дѣятельности, написавъ, стихами, три сказки: *Спящая Царевна; Война мышей и лягушекъ*; *Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея безсмертнаго, и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери.* Но такъ какъ здоровье Жуковскаго, терпѣвшее отъ педагогическихъ трудовъ поэта, требовало новаго подкрѣпленія, то въ 1832 г. Жуковскій опять заговорилъ о необходимости заграничнаго отпуска, въ ожиданіи котораго онъ спѣшилъ издать отдѣльными экземплярами свои стихотворенія: *Русская слава*, *Русская пѣснь*, оба съ музыкой А. А. Плещеева, и *Народный гимнъ*, съ музыкой А. Ѳ. Львова. Въ то же время, Жуковскій успѣлъ энергически отстоять И. В. Кирѣевскаго, неправильно заподозрѣннаго въ виновности по изданію журнала «Европеецъ», а въ іюнѣ выѣхалъ изъ Петербурга, моремъ, въ Германію и оттуда направился въ Швейцарію, гдѣ провелъ большую часть своего отпуска. Тутъ же, въ Швейцаріи, Жуковскій, 31 октября, окончилъ переложеніе въ русскіе стихи Уландовой баллады *Роландъ оруженосецъ* и, встрѣтивъ новый 1833 г. за поэтической работой переложенія *Романсовъ о Сидѣ*, 4 января писалъ друзьямъ: «Живу спокойно, и дѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы дойти до своей цѣли, до выздоровленія. Живу такъ уединенно, что въ теченіе пятидесяти дней былъ только разъ въ обществѣ. Вѣроятно, что такое пустынничество навело бы наконецъ на меня мрачность и тоску; но я не одинъ. Со мною живетъ Рейтернъ и все его семейство. Онъ усердно рисуетъ съ натуры, которая здѣсь представляетъ богатую жатву его кисти, а я пишу стихи, читаю или не дѣлаю ничего. Съ 5 ч. утра до 4½ по-полудни (время нашего общаго обѣда), я сижу у себя, или брожу одинъ. Потомъ мы сходимся, вмѣстѣ обѣдаемъ, и вечеръ проводимъ также вмѣстѣ. Въ такомъ образѣ жизни много лѣкарственнаго. Но прогулки мои еще весьма скромны; еще нѣтъ силъ взбираться на горы». — Въ другомъ письмѣ, изъ Верне, отъ 27 января 1833 г., Жуковскій сообщалъ И. И. Козлову слѣдующее: «Мнѣ вообще лучше. Путешествіе моремъ, шесть недѣль въ Эмсѣ я бралъ теплыя ванны, четыре недѣли въ Веллъбахѣ (близъ Франкфурта), гдѣ я пилъ сѣрныя воды, воняющія гнилыми яицами, но не смотря на то весьма животворныя, — все это поставило меня на ноги, и я пріѣхалъ въ Швейцарію ѣсть виноградъ съ новымъ румянцемъ на щекахъ, съ большими силами, безъ одышки. Но въ Швейцаріи ходъ моего выздоровленія остановился; не скажу, чтобъ мнѣ было хуже, чтобы выигранное было проиграно, — нѣтъ; но я не двигаюсь впередъ и еще не дошелъ до такого состоянія, чтобъ смѣло возвратиться на сѣверъ». — Тутъ же, въ Верне (близъ Монтре), Жуковскій написалъ три первыя главы повѣсти *Ундина* — и черезъ годъ съ тремя мѣсяцами, т. е. въ началѣ сентября 1833 г., возвратился въ Петербургъ, не доѣзжая котораго онъ, 30 августа, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1 степени. — Помолодѣвъ, по крайней мѣрѣ, на глаза всѣхъ своихъ друзей, Жуковскій принялся наставничествовать по прежнему и, въ 1834 г., по случаю торжественной присяги своего августѣйшаго питомца, сочинилъ стихотворное *Многолѣтіе государю*, да *Три народныя пѣсни*, кромѣ которыхъ, въ періодическихъ и повременныхъ изданіяхъ того года, явились слѣдующія, вновь написанныя, произведенія Жуковскаго: въ «Библіотекѣ для Чтенія», изд. Сенковскимъ: т. I — *Нормандскій обычай*, драматическая повѣсть въ стихахъ, изъ Уланда; т. II — *Старый рыцарь*, оригинальная баллада; т. IV — *Уллинъ и его дочь*, оригинальная баллада; т. VI — *Судъ Божій*, повѣсть въ стихахъ, подражаніе Шиллеру; въ томѣ II Смирдинскаго сборника «Новоселье» — *Элевзинскій праздникъ*, стихотвореніе изъ Шиллера. — Въ

1835 г., Жуковскій, награжденный, 6 апрѣля, орденомъ св. Анны 1 класса, предоставилъ Смирдину начать четвертое изданіе всѣхъ своихъ «Стихотвореній и сочиненій въ прозѣ», котораго тогда же напечатано 7 томовъ (остальные два вышли: 8-й — въ 1837, 9-й — 1844 г., всѣ девять въ Петербургѣ), а съ наступленіемъ 1836 г. Жуковскій далъ въ I книжку новорожденнаго журнала «Современникъ», затѣяннаго Пушкинымъ, свое стихотвореніе *Ночной смотръ*, изъ Цедлица, и, приславъ въ редакцію журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, для напечатанія, составленныя имъ *Историческія таблицы*, уѣхалъ на лѣто въ Дерптъ. Здѣсь докончена Жуковскимъ его «Ундина», о чемъ онъ самъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, оставилъ такое свидѣтельство: «Послѣднія главы «Ундины» написаны въ сельскомъ уединеніи близь Дерпта (въ Элистферѣ), гдѣ я провелъ половину лѣта и могъ по прежнему посвятить досугъ свой поэзіи». — Возвратясь изъ Дерпта, Жуковскій думалъ и нѣтъ приняться за работу, о которой свѣдѣнія находятся въ слѣдующей выдержкѣ изъ его письма, отъ 23 августа 1836 г., къ Дмитріеву: «Я читалъ письмо ваше къ Д. И. Языкову и былъ имъ сердечно тронутъ, и внутренно поблагодарилъ васъ за то, что вы меня признаете способнымъ писать о Карамзинѣ. Можетъ быть, я исполню это назначеніе, но только не для академіи: она требуетъ краткой біографіи для портрета. Посмотрю, буду ли умѣть написать ее. Но описаніемъ жизни и оцѣнкою генія Карамзина должно заняться съ благоговѣніемъ, приличнымъ предмету; оно не можетъ быть дѣломъ постороннимъ. Когда поселюсь въ уединеніи (коего жажду всею душею), тогда примусь, можетъ быть, за это святое дѣло, которое будетъ, если не собственною моею исповѣдью, то, по крайней мѣрѣ, исповѣдью того, что было въ моей жизни лучшаго. Дай Богъ, чтобы мнѣ удалось исполнить это намѣреніе и чтобъ вы, достойный представитель Карамзина, были судьею этаго исполненія и его одобрили, въ чемъ, конечно, будетъ главная награда труда моего». Между тѣмъ, Жуковскій принималъ живое участіе въ постановкѣ на сцену извѣстной оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», и еще живѣйшее — въ примиреніи пылкаго Пушкина съ отцомъ и сыномъ Гекернами. Но послѣднее удалось Жуковскому на половину: въ январѣ 1837 г. Пушкинъ, какъ извѣстно, палъ на поединкѣ, жертвою козней далеко не однихъ Гекерновъ, — и Жуковскій имѣлъ грустное утѣшеніе быть при послѣднихъ минутахъ умиравшаго поэта, которому онъ же привезъ царское прощеніе и благословеніе. Глубоко огорченный этой, тяжкою для всей Россіи, утратой, Жуковскій былъ назначенъ къ разбору бумагъ покойнаго Пушкина и, кончивъ это, написалъ извѣстную статью, подъ названіемъ *Послѣднія минуты Пушкина*, а потомъ занимался, вмѣстѣ съ К. И. Арсеньевымъ, составленіемъ *Путеуказателя*, для предположеннаго путешествія Государя Наслѣдника по Россіи. Въ путевой свитѣ его высочества долженъ былъ находиться и Жуковскій, который, давъ въ т. V осиротѣвшаго «Современника» свое стихотвореніе *Цвѣтокъ*, 2 мая 1837 г. выѣхалъ изъ Царскаго Села съ своимъ августѣйшимъ питомцемъ, посѣтилъ съ нимъ внутреннія губерніи, нашелъ трогательную себѣ встрѣчу въ родномъ Бѣлевѣ, помнившемъ своего земляка-поэта, и возвратился въ Петербургъ 17 декабря 1837 г., когда дотлѣвало еще пожарище Зимняго дворца. По этому случаю гр. Соллогубъ разсказываетъ, будто Жуковскій, найдя все свое въ цѣлости, съ досадой обратился къ комнатѣ, занимаемой имъ въ дворцѣ, и громко сказалъ: «свинья, какъ же ты-то смѣла не сгорѣть!» — Напечатавъ, въ январьской книжкѣ «Современника» 1838 г. новое стихотвореніе *Stabat mater*, Жуковскій, 2 февраля, на юбилеѣ пятидесятилѣтней литературной дѣятельности И. А. Крылова, произнесъ краснорѣчивое привѣтствіе баснописцу, въ мартѣ получилъ дружеское воспоминаніе отъ Гоголя изъ Рима, а затѣмъ и самъ, въ свитѣ Государя Наслѣдника, отправился въ путешествіе по Европѣ. Въ продолженіе этаго слишкомъ годоваго путешествія, Жуковскій, кромѣ сочиненія цѣлой драматической поэмы *Камоэнсъ*, заимствованной имъ у Гальма (и напечатанной въ т. VI «Отечественныхъ Записокъ» 1839 г.), сдѣлалъ кое-что полезное для себя и, частію, для другихъ. Такъ, изъ Стокгольма, Жуковскій написалъ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ письмо, которое, отрывками, подъ названіемъ *Очерки Швеціи*, было напечатано въ «Современникѣ» 1838 г.; въ Миланѣ, онъ познакомился съ итальянскимъ писателемъ Манцони; въ Венеціи — началъ учиться по-итальянски, о чемъ оттуда же, 4 ноября 1838 г., писалъ слѣпцу-поэту Козлову: «Я принимаюсь за итальянскій языкъ, и когда возвращусь къ тебѣ, то, вѣроятно, буду тебѣ читать Тассовы станцы»; въ Туринѣ — былъ у Сильвіо Пеллико, о которомъ тому же Козлову отозвался: «C'est l'homme de son livre (Mes prisons); въ Амстердамѣ — написалъ стихотвореніе *Поэту Ленепсу*, въ отвѣтъ на его посланіе; въ Саардамѣ — сдѣлалъ на домикѣ Петра I извѣстную надпись, въ пяти стихахъ; наконецъ, посѣтивъ, близь Виндзора, сельское кладбище, подавшее Грею мысль создать его знаменитую элегію, Жуковскій тутъ же задумалъ передѣлать и свой переводъ этой элегіи, вслѣдствіе чего имѣется теперь двѣ редакціи стиховъ «Сельскаго кладбища». — Прибавимъ еще, что, въ этотъ же объѣздъ по Европѣ, вниманіе иностранныхъ государей къ наставнику русскаго Наслѣдника престола доставило Жуковскому ордена 1 степени: въ Швеціи — Полярной Звѣзды; въ Даніи — Данеброга; въ Ганноверѣ — Гвельфовъ; въ Австріи — Желѣзной Короны; въ Виртембергѣ — Фридриха; въ Баденѣ — Церингенскаго Льва; въ Саксоніи — «За заслуги»; въ Веймарѣ — Бѣлаго Сокола; въ Пруссіи — Краснаго Орла (въ замѣну 2-й степени этаго ордена, пожалованной Жуковскому еще въ 1829 г.); наконецъ, въ Нидерландахъ — Нидерландскаго Льва 2-й степени. — По возвращеніи, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, въ Петербургъ, Жуковскій, 1 іюля 1839 г., получилъ орденъ св. Владиміра 2 класса и, въ августѣ, сопровождалъ наслѣдника цесаревича въ Бородино, гдѣ, бывъ очевидцемъ блистательныхъ маневровъ, онъ, подъ вліяніемъ собственныхъ воспоминаній, написалъ извѣстное стихотвореніе: *Бородинская годовщина*, напечатанное въ томѣ XVI «Современника» 1839 г., вмѣстѣ съ отрывкомъ изъ *Письма* къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ, писаннаго Жуковскимъ по тому же случаю. — Другимъ стихотвореніемъ Жуковскаго въ 1839 г. было: *Молитвой нашей Богъ смягчился*, вызванное исцѣленіемъ вел. кн. Ольги Николаевны отъ тяжкой болѣзни и напечатанное въ томѣ XVII «Современника» 1840 г., вмѣстѣ съ критической статьей поэта: *О стихотвореніяхъ И. И. Козлова*. Казалось бы, что Жуковскому, достигнувшему тогда 56 лѣтъ, т. е. почти старости, только и остается наслаждаться пріобрѣтенною имъ славою поэта, да пользоваться значеніемъ приближеннаго къ царскому двору, значеніемъ, которое поэтъ А. В. Кольцовъ, тѣснимый въ Воронежѣ и мѣстными властями и семейными обстоятельствами, изобразилъ въ

своемъ письмѣ къ кн. В. Ѳ. Одоевскому, отъ 4 апрѣля 1840 г., такъ: «По слову Василья Андрѣевича, нашъ губернаторъ и теперь поддерживаетъ меня, а если бы не онъ, давно бъ честные люди свернули-бъ ужъ меня въ комокъ». — Но Жуковскаго, именно въ то время слагавшаго съ себя званіе наставника, занимала мысль совсѣмъ другого рода, которая и не замедлила выясниться въ маѣ 1840 г., когда Жуковскій, находясь при царской свитѣ въ Берлинѣ, на погребеніи стараго короля, и бывъ пожалованъ отъ преемника прусскаго престола брилліантовой звѣздой Краснаго Орла, вдругъ объявилъ, что намѣренъ жениться — на дочери своего друга и сожителя по Швейцаріи, Рейтерна, отставнаго полковника русской службы. И хотя избранная поэтомъ невѣста, 19-ти-лѣтняя дѣвушка, была ровно 37-ю годами моложе своего престарѣлаго жениха, Жуковскій, истаевая въ жару запоздалой любви, писалъ 28 августа 1840 г., изъ Дюссельдорфа, къ своей давней пріятельницѣ и родной, А. П. Зонтагъ: «Благословите вашего стараго товарища съ колыбели вашей. Счастіе жизни, наконецъ, съ нимъ встрѣтилось, хотя поздно, но такое, какого онъ желалъ, о какомъ мечталъ такъ часто, и о которомъ перестаять уже мечтать. Это счастье нашло его само. Онъ видѣлъ его мимоходомъ, плѣнялся имъ мимоходомъ, и не позволялъ себѣ ни искать его, ни желать его! А милостивый Богъ далъ ему это счастье безъ его исканія. Помолитесь же, чтобы Онъ благоволилъ и сохранить ему». — Тогда же, идеализируя свое будущее счастіе, Жуковскій принялся перелагать изъ Рюккерта индѣйскую повѣсть *Наль и Дамаянти*, а въ январѣ 1841 г. явился въ Москву, которую посѣтилъ тогда въ послѣдній разъ, и затѣмъ спѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ, 16 апрѣля, онъ присутствовалъ при бракосочетаніи своего бывшаго питомца, по ходатайству котораго, въ тотъ же день, пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника, съ оставленіемъ ему въ пансіонъ всего содержанія по званію наставника, съ позволеніемъ «жить тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя удобнѣе и пріятнѣе», съ назначеніемъ особой суммы на первоначальное обзаведеніе его хозяйства, наконецъ, съ правомъ всегда числиться состоящимъ при его имп. выс. Государѣ Цесаревичѣ. — Осыпанный такими милостями, Жуковскій, 1 мая того же 1841 г. выѣхалъ изъ Петербурга, двадцать дней спустя былъ обвѣнчанъ съ своей невѣстой въ Штутгардтѣ и, женатымъ человѣкомъ, пріѣхалъ въ Дюссельдорфъ. Тутъ, «почти за городомъ (пишетъ Плетневъ), въ виду Рейна, наняты были два домика, раздѣленные садомъ. Въ одномъ жилъ Рейтернъ съ своею семьею.... Въ другомъ поселился Жуковскій съ женою, съ поэзію своею и всѣми радостями счастливѣйшей жизни... Къ обѣду и вечеромъ сходились всѣ вмѣстѣ. Тихая веселость, покойная совѣсть и свѣтлый умъ чудно животворили маленькое ихъ общество». Здѣсь, въ 1842 г., Жуковскій, украшенный новымъ знакомъ вниманія къ нему прусскаго короля — орденомъ pour le mérite (за заслуги), написалъ, по случаю серебряной сватьбы имп. Николая, стихотвореніе ***1 іюля 1842***, немедленно напечатанное въ «Москвитянинѣ» (№ 12), и здѣсь же, въ 1843 г., онъ, сдѣлавшись отцомъ, приступилъ къ переложенію гомеровой *Одиссеи*, о чемъ самъ, въ шуточномъ тонѣ, извѣщалъ Плетнева такъ: «Другая перемѣна или новость въ моей жизни есть то, что я подъ старость принялся за болтовню и сказки, и присоединился къ древнему разсказщику (sic) — Гомеру, и началъ въ-слѣдъ за нимъ, на его ладъ, разсказывать своимъ соотечественникамъ Одиссею. Будутъ ли они охотно слушать наши разсказы — не знаю; но мнѣ весело лепетать по-русски за простодушнымъ Грекомъ, подлаживаться подъ его свѣтлую, патріархальную простоту, и — видя въ этомъ чисто-поэтическомъ потокѣ чистое отраженіе первобытной природы — забывать тѣ уродливыя гримасы, которыми искажаютъ ея лице современные самозванцы поэты. Шепну вамъ (но такъ, чтобы вы сами того не слыхали), что я совсѣмъ разнакомился съ риѳмою...». Многое въ этомъ письмѣ, отъ выходки противъ современныхъ поэтовъ до грустнаго сказанія о риѳмѣ, конечно, обличало старчество Жуковскаго, который однако, въ 1844 г., былъ уже отцомъ двоихъ дѣтей, и тогда же, для доставленія своей ослабѣвшей женѣ лучшаго медицинскаго пособія, чѣмъ какое имѣлось въ Дюссельдорфѣ, переселился въ Саксенгаузенъ, близь Франкфурта на Майнѣ, откуда, по случаю смерти вел. княг. Александры Николаевны, онъ прислалъ редактору «Современника» ***Письмо***, напечатанное въ томъ же журналѣ (т. XXXVI) и, по мнѣнію редактора, Плетнева, «превышающее все, написанное Жуковскимъ въ прозѣ». — Въ 1845 г. Жуковскій окончилъ переводъ первыхъ XII пѣсней Гомеровой «Одиссеи», размѣромъ подлинника, прислалъ редактору «Москвитянина» стихотворную ***Повѣсть***, ямбами безъ риѳмъ, изъ собранія повѣстей, еще не существовавшаго, но предназначаемаго авторомъ собственно для юношества; доставилъ редактору «Современника» стихотворную же ***Сказку***, при письмѣ, въ которомъ говорилъ: «Мнѣ хочется собрать нѣсколько сказокъ, большихъ и малыхъ, народныхъ, но не однихъ русскихъ, чтобы послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ дѣтямъ. Я полагаю, что сказка для дѣтей должна быть чисто сказкою, безъ всякой другой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи» и проч.; наконецъ, — началъ литературную переписку съ А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггеномъ, декабристомъ, переводившимъ въ отдаленномъ г. Курганѣ, мѣстѣ своей ссылки, Титъ-Ливіева «Цезаря», съ посвященіемъ этаго перевода Жуковскому. — Въ 1846 г., Жуковскій, переписываясь съ Гоголемъ «о лиризмѣ русскихъ поэтовъ», напомнилъ себя русской читающей публикѣ: стихотвореніемъ ***Выборъ креста***, изъ Шамиссо, сказкою ***Котъ въ сапогахъ*** и стихотворнымъ разсказомъ ***Капитанъ Боппъ***, изъ которыхъ первыя два произведенія напечатаны въ «Современникѣ» (№ 1 и т. XLIV), а послѣднее въ кн. I сборника «Вчера и сегодня» того же года. — Лѣтомъ 1847 г. Жуковскій привезъ больную жену въ Эмсъ, откуда онъ, старѣя тѣломъ и, очевидно, духомъ, 2/14 іюля писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Да, ужъ много лучшихъ товарищей нашихъ ушло въ землю! Мы съ тобой огрызки нашего особеннаго міра, и валяемся далеко одинъ отъ другаго на лицѣ земли. Меня принялъ уютный уголокъ, въ которомъ все для меня новое, но это все *мое* собственное, родное; имъ я отгороженъ отъ пустѣющаго міра, въ которомъ жилъ до сихъ поръ, и эта пустота не столько мнѣ ощутительна. За то, за мой теперешній, живой заборъ, не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ: оно здѣсь чужой гость». — Въ то же время и, кажется, по инициативѣ того же кн. Вяземскаго, друзья Жуковскаго сбирались праздновать 50 ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности «Пѣвца Свѣтланы», котораго ждали тогда въ Москву, гдѣ предполагалось устроить и самое празднество. — Изъ оффиціальной переписки по этому случаю, напечатанной въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г. (с. 1065 — 1069), видно, что, въ ознаменованіе 50-ти-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности

Жуковскаго, думали: 1) «открыть добровольную подписку на составленіе капитала, для учрежденія въ словесномъ отдѣленіи с.-петербургскаго университета одной или нѣсколькихъ стипендій» въ честь юбиляра; 2) испросить Высочайшее соизволеніе на изданіе, безъ предварительной ценсуры, всѣхъ прежнихъ сочиненій Жуковскаго; 3) немедленно напечатать новое произведеніе Жуковскаго поэму *Рустемъ и Зорабъ*. — Но когда Плетневъ, 10 іюня, написалъ кн. Вяземскому: «Я отъ Гоголя узналъ слѣдующія новости: Жуковскій отложилъ намѣреніе пріѣхать въ Петербургъ нынѣшнимъ лѣтомъ; онъ, съ больною женою своею, останется въ Интерлакенѣ въ Швейцаріи. И такъ о юбилеѣ и хлопотать нечего» — вся юбилейная торжественность ограничилась семейнымъ вечеромъ у кн. Вяземскаго, гдѣ, въ присутствіи Государя Наслѣдника (нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ), гр. Блудовъ прочелъ стихи, сочиненные на этотъ случай кн. Вяземскимъ; гр. Віельгорскій пропѣлъ положенные имъ на музыку куплеты того же кн. Вяземскаго, а М. И. Глинка, только что возвратившійся тогда изъ-за границы, оживилъ своимъ музыкальнымъ талантомъ остальную часть вечера. Всѣ же, неприсутствовавшіе на этомъ вечерѣ, могли, въ воспоминаніе Жуковскаго, читать его стихотвореніе: *Египетская тьма*, тогда же напечатанное въ «Московскомъ Сборникѣ». — Въ 1848 г. Жуковскій прислалъ г. Погодину статью: *О поэтѣ и его современномъ значеніи* и стихотвореніе: *Не тревожься великанъ*, напечатанныя въ «Москвитянинѣ» того же года (№№ 4 и 9), и затѣмъ переѣхалъ изъ Саксенгаузена въ Баденъ-Баденъ, откуда, по поводу изданія II отдѣленіемъ имп. академіи наукъ, котораго самъ былъ членомъ съ 1841 г., «Словаря церковнаго-славянскаго и русскаго языка», онъ писалъ къ предсѣдательствующему въ томъ отдѣленіи: «Я радъ, что важное это дѣло кончено. Это первое изданіе *свода законовъ* русскаго языка. Надобно теперь каждыя десять лѣтъ печатать новое, и ежегодно выдавать *дополненія*. Я съ своей стороны желалъ бы заняться этой работою, ибо въ ней много привлекательнаго; но едва ли у меня достанетъ на это досуга. Еще на мнѣ лежитъ работа, которую желалъ бы кончить прежде, нежели смерть остановитъ всякую работу, — окончаніе Одиссеи, которой двѣнадцать пѣсней уже напечатаны. Но эта работа почти входитъ въ составленіе русскаго лексикона: слова творятся необходимостію и утверждаются счастливымъ ихъ употребленіемъ. Переводя Гомера, необходимо нужно изобрѣтать или самыя слова, или ихъ новое соединеніе; это обогащаетъ и самый языкъ». — Вообще же литературную дѣятельность Жуковскаго въ 1848 г. «Отчетъ» II отдѣленія имп. академіи наукъ за тотъ годъ излагалъ такъ: «Ординарный академикъ В. А. Жуковскій напечаталъ два тома своихъ «Новыхъ стихотвореній». Въ первомъ помѣщена поэма «Рустемъ и Зорабъ», заимствованная изъ Шахъ-Наме, или царственной книги Ирана. Тутъ же находятся и новыя изъ его мелкихъ стихотвореній. Второй томъ содержитъ первыя двѣнадцать пѣсней Гомеровой Одиссеи, переведенной имъ размѣромъ подлинника. Переводомъ остальныхъ двѣнадцати пѣсней онъ теперь занимается. Появленіе этихъ твореній вноситъ новый свѣтъ не только въ русскую поэзію какъ искуство, но и въ науку русскаго языка». — Въ такомъ же «Отчетѣ» за 1849 г. литературная дѣятельность Жуковскаго изображена такъ: «Ординарный академикъ В. А. Жуковскій, въ теченіе 1849 г., перевелъ размѣромъ подлинника послѣднія двѣнадцать пѣсней Гомеровой Одиссеи и напечаталъ ихъ. Окончаніе этаго труда, который совершенъ классическимъ писателемъ и лучшимъ изъ современныхъ поэтовъ, доставляетъ литературѣ нашей великія сокровища языка и поэзіи. Подобные переводы вносятъ чистый свѣтъ для сужденій объ искуствѣ, утверждаютъ господство лучшаго вкуса и расширяютъ область знаній о человѣкѣ». — Кромѣ окончанія «Одиссеи», Жуковскій, въ томъ же 1849 г., прислалъ г. Погодину стихотворенія: *Двѣ сцены изъ Фауста* и *Четыре сына Франціи*, немедленно напечатанныя въ «Москвитянинѣ» (№№ 1 и 8), а 30 августа, бывшій наставникъ Наслѣдника Цесаревича пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла, «въ ознаменованіе — гласитъ высочайшій рескриптъ того дня, данный Жуковскому — особеннаго нашего уваженія къ трудамъ вашимъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ теченіи пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной нашей признательности за заслуги, нашему семейству вами оказанныя». — Эта послѣдняя, по времени, царская милость нашла Жуковскаго въ трудахъ особагo рода, о которыхъ онъ, въ одномъ письмѣ, отъ 15 февраля 1850 г., самъ говоритъ: «Я теперь имѣю на рукахъ большую работу. Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ — за чѣмъ бы вы меня застали? За азбукою и четырьмя правилами ариѳметики: за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучать дома, отъ самихъ родителей. Съ новаго года я началъ учить дочь» и проч. Въ іюнѣ 1850 г. Жуковскій выслалъ въ Петербургъ собраніе новыхъ сочиненій своихъ въ прозѣ, за которыми самъ располагалъ, осенью же, возвратиться на родину, но, угнетаемый недугами старости, отложилъ это намѣреніе и, 20 октября, писалъ Плетневу: «Хорошо вамъ звать меня, и судить и осуждать меня въ отдаленіи, не зная, что со мною дѣлается. Бываютъ несказанно тяжелыя минуты, и бываютъ часто. Я на нихъ не ропщу: это минуты поучительныя и образовательныя. Но въ шестьдесятъ лѣтъ труднѣе учиться, нежели въ молодыя лѣта, хотя и яснѣе знаешь, что наша жизнь намъ только на то и дана, чтобы учиться, учиться доброю волею, даже безъ надежды выучиться, а только для того, чтобы угодить Учителю, творя Его волю». — Въ такомъ состояніи, близкомъ къ мистицизму, Жуковскій продолжалъ сбираться на родину и, въ іюлѣ 1851 г., уже уложилъ всѣ вещи, назначивъ день отъѣзда изъ Бадена. Но за два дня до срока, подагрическая матерія бросилась въ глазъ Жуковскаго, которому, чтобы сохранить другой глазъ, завязали оба — и началось лѣченіе, разумѣется, на мѣстѣ. Сначала, Жуковскій считалъ припадокъ своей болѣзни кратковременнымъ, разубѣдившись же въ этомъ, самъ «придумалъ себѣ на слѣпоту машинку» и, 13 сентября, собственно писалъ, карандашемъ, къ Плетневу: «Вотъ уже болѣе осьми недѣль, какъ сижу взаперти, въ темнотѣ, и не могу ни читать, ни писать, ни пользоваться воздухомъ. Всѣ прекрасные дни лѣта мною потеряны — и наконецъ рѣшилось дѣло тѣмъ, что мнѣ объ отъѣздѣ въ Россію теперь и думать нельзя. Уже осень. Холодъ мнѣ вреденъ. Солнечнаго свѣта еще не могу терпѣть; а послѣ бѣлизна русскаго снѣга и совсѣмъ доканала бы глазъ. Эта бѣда случилась со мною дня за два до назначеннаго мною выѣзда. Я вижу въ ней однако указаніе Провидѣнія». Но и

больной, почти ослѣпшій, болѣе и болѣе пригнетаемый мистическимъ настроеніемъ духа, Жуковскій все-таки оставался поэтомъ, что свидѣтельствуютъ слѣдующія строки его, въ томъ же письмѣ, отъ 13 сентября: «И странное дѣло! Почти черезъ два дня послѣ начала моей болѣзни загомозилась во мнѣ поэзія, и я принялся за поэму, которой первые стихи мною были написаны назадъ тому десять лѣтъ, которой идея лежала съ тѣхъ поръ въ душѣ не развитая, и которой созданіе я отлагалъ до возвращенія на родину, до спокойнаго времени осѣдлой семейной жизни. Я полагалъ, что не могу приступить къ дѣлу, не приготовивъ многаго чтеніемъ. Вдругъ дѣло само собою началось: все льется извнутри... Содержанія не стану разсказывать: дай Богъ кончить! Думаю, что уже около половины (до 800 стиховъ) кончено. Если *напишется* такъ, какъ *думается*, то это будетъ моя лучшая лебединая пѣснь». — Эта поэма, слагавшаяся Жуковскимъ, съ закрытыми глазами, изъ источниковъ, читаемыхъ ему окружающими, въ стихахъ, поправляемыхъ, по словесному указанію автора, его камердинеромъ, называется *Странствующій жидъ* и осталась неконченною. — Да и выздоровленіе Жуковскаго не только не приходило, но скоро онъ долженъ былъ, оставивъ и свою машинку, и карандашъ, ограничиться диктантомъ. «Мой глазъ совсѣмъ не выздоравливаетъ. Вѣроятно, что это пошло на цѣлую зиму», говорилъ Жуковскій въ письмѣ, отъ 24 октября, къ Плетневу, который, въ другомъ письмѣ Жуковскаго, диктованномъ послѣднимъ мѣсяцъ спустя, нашелъ трогательное одобреніе угасавшаго поэта начинавшему, А. Н. Майкову, а съ третьимъ, отъ 7 декабря, исполненнымъ заботливаго участія къ Гоголю, получилъ рукопись новаго и, вмѣстѣ, послѣдняго стихотворенія Жуковскаго: *Царскосельскій лебедь.* «Чтобы заплатить вамъ чѣмъ нибудь за ваши хлопоты — диктовалось въ этомъ третьемъ письмѣ Жуковскимъ, — посылаю вамъ новые мои стихи, біографію Лебедя, котораго я знавалъ во время оно въ Царскомъ Селѣ. Объ немъ я вспомнилъ, увидя въ Баденѣ вел. кн. Марію Николаевну, которая была для меня явленіемъ Руси на чужой сторонѣ. Мнѣ хотѣлось просто написать картину Лебедя въ стихахъ, дабы моя дочка ихъ выучила наизусть; но вышелъ не простой Лебедь. Посылаю его вамъ. Можетъ быть, въ его стихотворной біографіи вы найдете ту же старческую хилость ея автора, какою страдалъ описанный имъ Лебедь. Во всякомъ случаѣ прошу принять благосклонно эту лепту вдовицы». — 23 января 1852 г. Жуковскій послалъ Плетневу своего «Лебедя», какъ выразился онъ въ письмѣ, *съ прибавкою*, т. е. съ печатной книжкой въ 16 страничекъ, подъ титуломъ: «Стихотворенія, посвященныя Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевнѣ Жуковскимъ» (дѣтямъ поэта) — изданіе, во вкусѣ журнальца «Для немногихъ», содержавшее всего шесть стихотвореній, заключеніемъ которыхъ служило: «Боже! Царя храни». — Послѣднее письмо Жуковскаго, по крайней мѣрѣ, къ Плетневу, помѣчено 5 марта и все посвящено скорби о кончинѣ Гоголя. «Теперь — диктовалъ Жуковскій въ этомъ письмѣ — мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ, изъ двухъ мужескаго пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки — Елагина и Зонтагъ. Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! Я жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неконченныхъ работъ: для нашей литературы онъ потеря незамѣняемая. Но жалѣть ли о немъ для него? Его болѣзненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призваніе было монашество» и т. д. — 1 апрѣля, Жуковскій занемогъ и легъ въ постель, но на другой же день всталъ. 5 апрѣля, болѣзнь обнаружилась яснѣе, доктора признали её подагрической лихорадкой — и Жуковскій, уже не покидая постели, 9 апрѣля пріобщился св. Тайнъ, что хотѣлъ было отложить до Петрова дня, потомъ постепенно терялъ силы, память, сознаніе — и еще черезъ двое сутокъ «Пѣвца Свѣтланы» не стало: онъ умеръ ночью подъ 12 апрѣля 1852 г., въ Баденъ-Баденѣ, на 70 году жизни, счастливой съ самаго дѣтства и спокойной въ періодъ старости. За гробомъ Жуковскаго, поставленнымъ предварительно въ склепѣ на загородномъ баденскомъ кладбищѣ, шелъ, вмѣстѣ съ русскимъ священникомъ, о. Іоанномъ Базаровымъ, и католическій деканъ города Бадена, «желая — какъ повѣствуетъ Плетневъ — всенародно выразить то чувство уваженія, которое вселилъ въ сердца чужеземцевъ нашъ безсмертный поэтъ добродѣтельною своею жизнію». — Изъ Бадена гробъ Жуковскаго, по желанію вдовы поэта, былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ, 29 іюля, надъ нимъ отпѣта въ александро-невской лаврѣ панихида, по окончаніи которой онъ вынесенъ друзьями покойнаго, въ томъ числѣ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, на кладбище лавры и тутъ опущенъ въ землю, подлѣ могилы Карамзина. Надъ прахомъ Жуковскаго – и его жены, пережившей мужа только четырьмя годами — воздвигнутъ, въ видѣ стариннаго русскаго саркофага, памятникъ, сооруженный по подпискѣ, на сумму до 20 тыс. руб., скульпторомъ бар. Клодтомъ, и обозначенный, со стороны могилы поэта, надписью: «Въ память вѣчную знаменитаго пѣвца «Въ станѣ русскихъ воиновъ», Василія Андреевича Жуковскаго (далѣе слѣдуютъ указанія мѣстъ и времени рожденія и смерти, впрочемъ, не точныя). Воздвигнуто стараніями и приношеніями почитателей безсмертныхъ трудовъ его и дарованій». — Другой памятникъ Жуковскому, на бывшей его могилѣ въ Баденъ-Баденѣ, открытъ 6/18 ноября 1854 г. — Третій, въ саду можайскаго села Порѣчья, поставленъ владѣльцемъ этаго села и почитателемъ Жуковскаго, гр. С. С. Уваровымъ. — Красавецъ въ дѣтствѣ, стройный и ловкій въ лѣтахъ зрѣлыхъ, Жуковскій сохранилъ до старости наружность привлекательную: большіе каріе глаза его, блистая изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ умомъ, смотрѣли какъ-то мечтательно; брови, нѣкогда черныя, красиво рисовались на высокомъ челѣ; улыбка была пріятна, выраженіе всей физіономіи добродушно, рѣчь оживлена и остроумна. — Какъ человѣкъ, Жуковскій былъ глубоко-религіозенъ, высоко нравственъ, уважалъ въ людяхъ, прежде всего, людей, цѣнилъ дружбу, любилъ семью, снисходилъ къ талантамъ посредственнымъ, не мстилъ литературнымъ врагамъ и, при своей впечатлительности, искренно сочувствовалъ всему — отъ великаго до мелкаго, одинаково отдаваясь вліяніямъ и поэтическихъ вдохновеній, и обыденной жизни, и придворной суетности. Какъ писатель, Жуковскій стоитъ высоко въ исторіи русской литературы и долго еще будетъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ, самыхъ читаемыхъ русскихъ поэтовъ. Муза Жуковскаго, такъ сказать, воспитала музу Пушкина — и одна эта заслуга, помимо *девяти* томовъ «Сочиненій», перечисленныхъ выше, заставитъ не одно поколѣніе русскихъ людей признательно вспоминать Жуковскаго, котораго обезсмертилъ, вмѣстѣ съ собою, и Пушкинъ, сказавъ о немъ:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

БАСИНЪ, Петръ Васильевичъ, заслуженный профессоръ исторической живописи въ императорской академіи художествъ, превосходный историческій и портретный живописецъ, родился въ 1798 году и началъ службу свою въ экспедиціи государственныхъ доходовъ, но врожденное призваніе къ живописи заставило его посѣщать академическіе классы, гдѣ, не будучи ученикомъ академіи, онъ, постояннымъ прилежаніемъ, скоро обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, такъ что, въ 1819 году посланъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ Италію, для усовершенствованія въ живописи. Въ продолженіи одиннадцати-лѣтняго пребыванія своего за границею, гдѣ онъ сдѣлался извѣстенъ двумя копіями съ фресокъ Рафаэля и копіей съ картины Доминикино «Причащеніе св. Іеронима»; копіи же съ Рафаэля изображаютъ «Изведеніе св. апостола Петра изъ темницы» и «Бользенское чудо»; всѣ три копіи находятся въ академическихъ залахъ. Потомъ послѣдовательно онъ исполнилъ слѣдующія картины: «Разбойникъ похищающій дѣвушку отъ ея матери», «Фаунъ Марсій учитъ молодаго Олимпія играть на цѣвницѣ», «Сократъ спасающій Алкивіада», «Le lavandari di Frascati», принадлежитъ графинѣ Самойловой, «Сусанну застигнутую стариками»; двѣ копіи съ Доминикина въ церкви Grotta Ferrata и пейзажъ писанныя для ея имп. выс. Елены Павловны. «Землетрясеніе 1829 года на Monte Cavi въ Рокка ди Папа» и нѣсколько другихъ мелкихъ произведеній. Портретъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны для графини Строгановой написанъ имъ въ 1832 году. По возвращеніи Басина, въ концѣ 1830 г., въ Петербургъ, онъ въ январѣ 1831 года былъ признанъ академикомъ и въ томъ же мѣсяцѣ, 10 числа, поручено ему было академическимъ совѣтомъ исполнять должность профессора живописи и, по именному Его Императорскаго Величества указу, повелѣно было производить ему до поступленія въ званіе профессора по 2500 р. ас. въ годъ. За художественную выставку 1833 года объявлена была Петру Васильевичу высочайшая благодарность, а въ 1836 году, по высочайшему повелѣнію «за пріобрѣтеніе общей извѣстности», онъ утвержденъ былъ профессоромъ 2-й степени, съ производствомъ жалованья изъ императорскаго кабинета. На выставкѣ этого года красовались двѣ картины Басина: «Разбойникъ съ женою» и «Женщина съ мальчикомъ». Зимою 1836 года и начало весны 1837 года, страдая глазами, Петръ Васильевичъ мало могъ заниматься живописью, но все-таки занимался изготовленіемъ этюдовъ большихъ апостольскихъ головъ для картины «Сошествіе св. Духа», предназначенной для алтарной ниши академической церкви, продолжалъ оканчивать образъ «Рождества Христова», написалъ образъ въ Казанскій соборъ «Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы», нарисовалъ карандашомъ портретъ г-жи Степановой-старшей въ роли Семирамиды и сцену изъ романа Бульвера «Послѣдній день Помпеи», которую онъ пожертвовалъ для лотереи общества поощренія художниковъ. Въ 1839 году, за исполненіе плафона для церкви Зимняго дворца, награжденъ былъ орденомъ Владиміра 4-й степени и золотою медалью за возобновленіе дворца. П. В. Басинъ, какъ опытный художникъ, неоднократно былъ командированъ Государемъ Императоромъ для осмотра картинъ, пріобрѣтаемыхъ въ императорскій эрмитажъ; такъ, онъ присутствовалъ, въ 1845 году, при продажѣ картинъ княгини Трубецкой и, вмѣстѣ съ г. Бруни, порученъ ему былъ осмотръ картинъ въ эрмитажѣ и загородныхъ дворцахъ, за что объявлено ему было высочайшее благоволеніе. Въ 1846 году П. В. Басинъ возведенъ былъ въ профессоры 1-й степени; въ слѣдующемъ году, удостоенъ былъ ордена св. Анны 2-й степени, а въ 1848 году произведенъ въ статскіе совѣтники, и за тѣмъ, въ недавнее время, удостоился, за художественныя и профессорскія заслуги, получить орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ концѣ 1850 года, по высочайшему повелѣнію ему поручено было сдѣлать каталогъ и оцѣнку картинной галереи короля голландскаго въ Гагѣ, что онъ и исполнилъ въ слѣдующемъ 1851 году. Произведенія П. В. Басина весьма многочисленны; вотъ главнѣйшія изъ нихъ: въ *Императорскомъ Эрмитажѣ:* «Сусанна застигнутая стариками», «Землетрясеніе въ 1829 году на горѣ Monte Cavi», сорокъ фигуръ, представляющія разные миѳологическіе сюжеты, гуашью, въ Помпейской галереѣ Зимняго дворца; въ *Академіи Художествъ:* кромѣ упомянутыхъ выше колоссальнаго размѣра копій съ Рафаэля и Доминикино, «Фаунъ Марсій учитъ Олимпія играть на цѣвницѣ», отличающаяся античною прелестію формъ и свѣжестію колорита, «Сократъ и Алкивіадъ при осадѣ города Потидеи» и «Плафонъ въ залѣ академической библіотеки, изображающій девять музъ» и въ *академической церкви:* «Сошествіе св. Духа», колосальное произведеніе, написанное на сводѣ надъ престоломъ въ алтарѣ, четыре мѣстные образа въ иконостасѣ, изображающіе: «Спасителя съ монетою Кесаря», «Отрока Іисуса Христа во храмѣ съ учителями», «Обрученіе св. Іосифа» и «Срѣтеніе Господне»; *въ церкви Зимняго дворца:* «Воскресеніе Христово», на плафонѣ *въ фельдмаршальскомъ залѣ:* портреты во весь ростъ фельдмаршаловъ: «Князя Кутузова-Смоленскаго» и «Графа Дибича-Забалканскаго»; *въ Казанскомъ соборѣ:* запрестольный образъ «Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы»; *въ Исакіевскомъ соборѣ:* вторая половина купола (первая окончена К. П. Брюловымъ), «Ангелы возносящіе Богородицу на небо», въ придѣлахъ два купола, изображающіе Господа Саваоѳа во славѣ, и вознесеніе Божіей Матери. Четыре пандатива образовъ: «Іакова брата Божія», «Св. Іосифа обручника», «Никодима» и «Іосифа Аримаѳейскаго», двѣнадцать апостоловъ въ подкупольной башнѣ Исакіевскаго собора, фигуры въ восемь аршинъ, *Нагорная проповѣдь*, картина 19 аршинъ длины, написанная надъ дверьми южнаго входа, усѣкновеніе главы Великомученицы Екатерины, убіеніе св. Димитрія,—восемь полукруглыхъ картинъ, изображающихъ: «Св. Георгія Побѣдоносца предъ императоромъ Діоклитіаномъ», «Великомученицу Варвару», «Александра Невскаго, молящагося предъ крестомъ объ избавленіи отечества», «Побѣду Великаго Князя надъ Шведами» «Кончину этаго благовѣрнаго Князя» и «Перенесеніе мощей Александра Невскаго Петромъ Великимъ въ Александроневскую лавру»; *въ Петергофской дворцовой церкви:* «Св. апостолы Петръ и Павелъ»; *въ церкви всѣхъ учебныхъ заведеній:* «Благовѣщеніе», на царскихъ вратахъ; *въ Сіонской церкви въ Тифлисѣ:* «Архангелъ Михаилъ»; *въ домашней церкви графа Каподистрія:* «Симеонъ Богопріимецъ». У частныхъ лицъ находятся слѣдующія произведенія П. В. Басина: *у графа А. Х. Бенкендорфа:* «Бѣгущая лошадь», «Молнія» и «портретъ

Дюка де-Рогана»; *у князя Гагарина:* «Вакханалія»; *у Ѳ. И. Прянишникова:* «Отдыхъ св. Семейства», «Пейзажъ на песчаной мѣстности» и «Академическій чердакъ»; *у г-на Кокорева:* «Кончина св. великомученика Димитрія», «эскизъ Нагорной проповѣди» «два этюда головъ» и «пейзажные этюды съ натуры». Изъ многочисленныхъ портретовъ, написанныхъ П. В. Басинымъ, въ особенности превосходны портреты: графа Толя (въ ростъ), Корсакова, графа Эссена, доктора Адельсона съ супругою, доктора Мейера, гг. Рѣзваго, Мейеровича, фанъ-деръ-Флита, супруги самого художника г-жи Басиной, два портрета въ ростъ сенатора Кушникова и г-жи Бибиковой *и наконецъ — портреты* дѣтей автора, группа изъ шести фигуръ въ ростъ и многіе другіе.

КАРАМЗИНЪ, Николай Михайловичъ, русскій исторіографъ. — Принадлежалъ къ фамиліи татарскаго происхожденія, владѣвшей съ 1606 г. помѣстьями въ тогдашнемъ нижегородскомъ уѣздѣ (а потому внесенной, съ 1799 г., въ книгу россійскаго дворянства), и родился 1 декабря 1766 г. (*), Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, въ селѣ Преображенскомъ-Карамзинѣ, Михайловка тожъ, отъ брака отставнаго капитана Михаила Егоровича Карамзина съ дѣвицей Екатериной Петровной Пазухиной. Почти въ колыбели лишившись матери, малютка Карамзинъ, въ 1770 г., уже присутствовалъ на второй сватьбѣ своего отца съ Евдокіей Гавриловной Дмитріевой, родной теткой извѣстнаго поэта Ив. Ив. Дмитріева, тогда 10-ти лѣтняго ребенка, тутъ же впервые встрѣтившагося съ Карамзинымъ, о чемъ самъ Дмитріевъ, въ своихъ «Запискахъ», разсказываетъ такъ: «Въ толпѣ пирующихъ увидѣлъ я въ первый разъ пятилѣтняго мальчика, въ шелковомъ перувьеневомъ камзольчикѣ съ рукавами, котораго *русская* нянюшка подводила за руку къ новобрачной и окружавшимъ ее барынямъ. Это былъ будущій нашъ исторіографъ Карамзинъ». — Подъ ближайшимъ призоромъ мачихи, будущій исторіографъ началъ учиться у мѣстнаго дьячка грамотѣ, разумѣется, съ «Часовника»; въ нѣсколько мѣсяцевъ могъ свободно читать церковную печать; потомъ узналъ гражданскую азбуку — и дальнѣйшихъ понужденій къ какому либо ученію уже не слыхалъ ни отъ кого. Но, руководимый врожденною любознательностью, ребенокъ Карамзинъ исчерпалъ все книжное содержаніе желтаго шкапа своей покойной матери, гдѣ хранились въ пыли: «Даура, восточная повѣсть», «Селимъ и Дамасина», «Мирамондъ», «Исторія Лорда N.» и другія подобныя же произведенія русской переводной литературы въ половинѣ XVIII в.; одолѣлъ даже «Книгу языкъ», убійственную по своему тяжелому слогу; пользовался книгами у сосѣдняго помѣщика Пушкина, изъ библіотеки котораго бралъ, напр., Ролленя, въ переводѣ Тредіаковскаго; наконецъ, учился у жены Пушкина французскому языку, а у мѣстнаго врача-горбуна — нѣмецкому. Такое разнообразіе чтенія и занятій рано приготовило дѣтскую голову Карамзина къ трудамъ грядущимъ, въ ожиданіи которыхъ оно до того распалило воображеніе ребенка, что, уже на девятомъ году возраста, читая Римскую Исторію, Карамзинъ воображалъ себя Сципіономъ, «высоко — какъ самъ пишетъ — поднималъ голову, любилъ его, какъ своего героя; ненавидѣлъ Аннибала въ счастливыя времена его славы; жалѣлъ объ немъ, когда, укрываясь отъ злобы мстительныхъ римлянъ, скитался онъ изъ земли въ землю, съ засохшими лаврами на головѣ». Что касается русской исторіи, первыя понятія о ней были пріобрѣтены Карамзинымъ въ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ слушалъ разговоры пріятелей своего отца, которые, какъ самъ онъ выражается, «не знали, что за звѣрь политика и литература, а разсуждали, спорили, шумѣли». Изъ этихъ господъ, придумывавшихъ себѣ мундиры и предпочитавшихъ всякой бесѣдѣ анекдоты о старинѣ, остался особенно памятнымъ Карамзину другъ его отца, воеводскій товарищъ, который, опираясь на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, подаренную ему фельдмаршаломъ Минихомъ, любилъ повѣствовать о мрачныхъ временахъ *бироновщины* и ужасахъ Тайной Канцеляріи. Такъ проходило дѣтство Карамзина, описанное имъ самимъ въ разсказѣ *Рыцарь нашего времени*, подобномъ разсказу «Dichtung und Wahrheit» Гёте, а потому принимаемомъ за автобіографію, что, впрочемъ, подтверждалъ впослѣдствіи и самъ Карамзинъ, въ присутствіи К. С. Сербиновича. — Между тѣмъ, подроставшій Карамзинъ, по обычаю того времени, уже съ 1774 г. былъ записанъ на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, а съ приближеніемъ къ юношескому возрасту — отвезенъ въ Москву и помѣщенъ въ пансіонъ Іоанна Матіаса Шадена, родомъ венгерца, тогдашняго профессора нравственной философіи, права естественнаго и народнаго и политики при московскомъ университетѣ. Находясь, въ числѣ осьми пансіонеровъ, у Шадена, Карамзинъ пользовался уроками приходившихъ къ Шадену учителей, самъ посѣщалъ лекціи университетскихъ профессоровъ, быть можетъ, присутствовалъ на приватныхъ чтеніяхъ извѣстнаго мистика Шварца и, во всякомъ случаѣ, проникся нравоученіями Геллерта, потому что Шаденъ, преподавая своимъ пансіонерамъ мораль по Геллертовымъ лекціямъ (Moralische Vorlesungen), обыкновенно съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! Будьте таковы, какими учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы». — Но изъ пансіона Шадена Карамзинъ все-таки не вынесъ прочнаго классическаго образованія, — и, впослѣдствіи, въ Лейпцигѣ, горько посылалъ этому прошлому такое воспоминаніе: «Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, *чувствую горесть въ сердцѣ и слезы* на глазахъ. Нельзя возвратить потеряннаго». По окончаніи курса ученія у Шадена, Карамзинъ, по настояніямъ отца, общей рутинѣ и собственной охотѣ, долженъ былъ поступить на дѣйствительную военную службу и, переписанный 28 апрѣля 1781 г., изъ армейскихъ сержантовъ въ Преображенскій полкъ подпрапорщикомъ, поспѣшилъ въ Петербургъ, откуда, 11 сентября того же 1781 г., онъ былъ уже уволенъ въ отпускъ на годъ, какъ видно это изъ его собственной росписки въ дѣлахъ архива Преображенскаго полка: «Синбирскаго уезда всело Знаменское пашпортъ взялъ подпрапорщикъ Николай Карамзинъ».

(*) Годъ рожденія Карамзина, съ легкой руки самаго исторіографа, указывавшаго эту эпоху различно, отъ 1765 до 1768 г. включительно, до сихъ поръ не опредѣленъ съ точностью и, года три назадъ, былъ предметомъ цѣлаго ряда печатныхъ мнѣній, вычисленій, домысловъ и проч. Не признавая этаго вопроса существенно важнымъ, мы приняли 1766 г. какъ такой, который: 1) указанъ самимъ Карамзинымъ въ его автобіографіи, составленной для митрополита Евгенія; 2) изсѣченъ на могильномъ памятникѣ Карамзина, въ александро-невской лаврѣ — и 3) ознаменованъ торжественнымъ празднованіемъ, 1 декабря 1766, сотой годовщины рожденія исторіографа.

Возвратившись изъ этаго отпуска къ надлежащему сроку, подпрапорщикъ Карамзинъ, 10 сентября 1782 г., былъ переписанъ изъ 14-й роты Преображенскаго полка въ бомбардирскую, что равнялось повышенію, затѣмъ произведенъ въ каптенармусы. Къ этому времени относится дружеское сближеніе молодаго Карамзина съ его родичемъ, тогда сержантомъ Семеновскаго полка. «Едва ли не съ годъ — пишетъ Дмитріевъ — мы были неразлучными. Склонность наша къ словесности, можетъ быть что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ, укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе; мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему иногда и мелкіе мои переводы, которые были печатаемы особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру онъ принялся и самъ за переводы. Первымъ опытомъ его былъ *Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ* нашей *Императрицею Елизаветою въ Елисейскихъ поляхъ*, переведенный имъ съ нѣмецкаго языка». По совѣту Дмитріева, Карамзинъ попробовалъ предложить этотъ переводъ книгопродавцу Миллеру, въ обмѣнъ на книги, — и однажды радостно вбѣжалъ къ своему другу, держа въ обѣихъ рукахъ четыре томика Фильдингова «Томджона», перев. Харламовымъ. — Ободренный этимъ, каптенармусъ Карамзинъ принялся переводить Геснерову «Деревянную ногу» — и самъ издалъ свой переводъ, въ 1783 г., въ Петербургѣ. Вслѣдъ затѣмъ, 6 февраля 1783 г., каптенармуса Карамзина снова велѣно числить отъ полка въ отпуску, на 11 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ Карамзинъ потерялъ своего отца и, призываемый домашними дѣлами, подалъ въ отставку. Послѣдняя дана ему 1 января 1784 г., съ чиномъ арміи поручика. — Свободный на всѣ четыре стороны, юноша Карамзинъ могъ располагать собою какъ угодно — и даровитый, а также впечатлительный, онъ, благодаря подготовкѣ своей съ ранняго дѣтства, не могъ остаться внѣ движенія, которое тогда, во второй половинѣ XVIII в., ознаменовалось возбужденіемъ умственной дѣятельности всей Европы къ борьбѣ съ гнилыми основами феодальнаго міра, къ борьбѣ, уже открыто выражавшейся оживленною работою нѣсколькихъ геніальныхъ людей на европейскомъ западѣ. — Съ жаждою знанія и чувствомъ недостаточности всего, уже узнаннаго, юный Карамзинъ оставилъ Петербургъ и, проѣздомъ черезъ Москву, какъ полагаютъ, сошелся съ А. А. Петровымъ, имѣвшимъ на него впослѣдствіи огромное вліяніе, а потомъ немедленно проѣхалъ въ свое симбирское захолустье, гдѣ жадно накинулся на чтеніе. Идилліи Томсона, повѣсти Жанлисъ, трагедіи Вольтера, — Карамзину все было по душѣ, все нарѣзывалось въ его сердцѣ, все запечатлѣвалось въ его воображеніи. Многіе думаютъ, что Карамзинъ, въ симбирской глуши, велъ жизнь праздную, стараясь только блистать въ тамошнемъ обществѣ своимъ литераторствомъ, да играть съ сосѣдями въ бостонъ. Но письма къ Карамзину умнаго, образованнаго Петрова, до переселенія Карамзина въ Москву, доказываютъ противное. «Слава просвѣщенію нынѣшняго столѣтія, и дальніе края озарившему! пишетъ Петровъ Карамзину, напр., 11 іюня 1785 г. Такъ восклицаю я при чтеніи твоихъ эпистолъ (не смѣю назвать русскимъ именемъ столь ученыхъ писаній), о которыхъ всякій подумалъ бы, что онѣ получены изъ Англіи и Германіи. Чего нѣтъ въ нихъ, касающагося до литературы? — Все есть! Ты пишешь о переводахъ, о собственныхъ сочиненіяхъ, о Шекспирѣ, о трагическихъ характерахъ, о несправедливой Вольтеровой критикѣ, равно какъ о кофѣ и табакѣ. Первое письмо твое сильно поколебало мое мнѣніе о превосходствѣ надъ тобою въ учености, второе же крѣпкимъ ударомъ сшибло его съ ногъ: я спряталъ свой кусочекъ латыни въ карманъ, отошелъ въ уголъ, сложилъ руки на грудь, повѣсилъ голову и призналъ слабость мою предъ тобою, хотя ты по латыни и не учился». — Слѣдовательно, пріѣздъ въ симбирскую глушь тамошняго помѣщика и просвѣщеннаго московскаго барича Ив. Петр. Тургенева, вліянію котораго обыкновенно приписываютъ будто бы внезапную рѣшимость Карамзина переселиться въ Москву, — былъ не столько первоначальною, сколько посредствующею причиною этаго переселенія. И отчего не предположить, что Карамзинъ просто счелъ для себя болѣе удобнымъ ѣхать изъ деревни не одному, а въ компаніи съ человѣкомъ образованнымъ, умѣвшимъ, не смотря на свои пожилыя лѣта, скоро и душевно сближаться съ молодыми людьми, подобными Карамзину? Если же Карамзинъ и былъ заохоченъ Тургеневымъ къ дѣятельности литературной подъ руководствомъ такого дѣятеля, какимъ былъ тогда Н. И. Новиковъ, то это могло только подкрѣпить стремленія Карамзина къ Москвѣ, тогда и долго послѣ того центру русской умственной жизни, къ Москвѣ, гдѣ, помимо научныхъ интересовъ, ждала Карамзина дружба, въ лицѣ А. А. Петрова. Пріѣхавъ, въ томъ же 1785 г., въ Москву, Карамзинъ, немедленно представленный своимъ попутчикомъ, Тургеневымъ, другу послѣдняго, Новикову, и введенный въ кружокъ тогдашнихъ московскихъ мартинистовъ-розенкрейцеровъ, сдѣлался членомъ какъ «Дружескаго Общества», тогда и потомъ извѣстнаго въ просторѣчіи подъ именемъ *масоновъ*, такъ и «Типографической компаніи», образовавшейся изъ среды «Общества», съ цѣлію распространять просвѣщеніе въ духѣ мистическомъ. — Для вѣрнѣйшаго успѣха на новомъ поприщѣ избранной дѣятельности, Карамзинъ занялъ квартиру, вмѣстѣ съ Петровымъ, въ домѣ умершаго Шварца, предоставленномъ «Дружескому Обществу»; подружился съ А. М. Кутузовымъ, ревностнымъ пособникомъ Новикова; сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ домахъ кн. Ю. Н. Трубецкаго и его единоутробнаго брата М. М. Хераскова; завелъ многія другія связи съ членами «Дружескаго Общества» и, въ такой обстановкѣ, не замедлилъ перевести «съ великаго Галлера» поэму: *О происхожденіи зла*, изданную особой книжкой въ 1786 г. — Вліяніе Новикова и мартинистовъ быстро подѣйствовало на воспріимчивую натуру Карамзина — и Дмитріевъ, явившись, въ 1786 г., въ Москву, нашелъ своего петербургскаго друга совсѣмъ инымъ человѣкомъ: «Тогда я, прибавляетъ Дмитріевъ, почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любитъ меня еще по прежнему!» — Независимо отъ вліянія Новикова и мартинистовъ, выразившагося ощутительно въ поручительствѣ Карамзина съ другими Опекунскому совѣту за «компанію», по расчетамъ ея съ бар. Шредеромъ, пройдохою изъ нѣмцевъ, Карамзинъ испыталъ на себѣ еще рѣшительнѣйшее вліяніе Петрова, хотя во многомъ діаметрально противоположнаго Карамзину по характеру, даже темпераменту, на что указываетъ самъ Карамзинъ, говоря: «Гдѣ онъ (Петровъ) одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ *мечтатель*, онъ былъ дѣятельный философъ. Часто въ меланхолическихъ припадкахъ свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не взды-

халъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ *чувствителенъ*, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ; но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество». — Въ томъ же 1786 г., Карамзинъ началъ переписку съ швейцарскимъ философомъ Лафатеромъ, отъ котораго, въ апрѣлѣ 1787 г., уже имѣлъ первый отвѣтъ, между тѣмъ какъ самъ, уже влюбленный въ Елиз. Ив. Протасову, дѣятельно переписывался съ И. И. Дмитріевымъ, поэтизируя бѣлыми стихами на элегическій ладъ; перевелъ и издалъ особою книжкою Шекспирову трагедію: ***Юлій Цесарь;*** переводилъ съ нѣмецкаго статьи для печатавшагося въ компанейской типографіи, протоіереемъ Ив. Харламовымъ, періодическаго изданія «Бесѣды съ Богомъ», извлеченнаго изъ сочиненій Штурма, наконецъ, сталъ въ ряды сотрудниковъ редактируемаго Петровымъ сборника: «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», гдѣ, за 1787 г., напечатаны слѣдующіе оригинальные и переводные труды Карамзина: (ч. 9) ***Вступленіе; Дельфина или счастливое изльченіе; Мѣдникъ или взаимная благодарность; Весна*** (прозаическій переводъ Томсонова гимна); ***Великодушіе дружбы;*** (ч. 10) ***Эглантина или исправленная лѣность; Исторія г. Чудина; Евгенія и Леонсъ; Лѣто;*** (ч. 11) ***Осень;*** (ч. 12) ***Зима*** (три послѣднія статьи суть прозаическіе переводы Томсоновыхъ гимновъ); ***Альфонсъ и Далинда.*** Въ 1788 г. Карамзинъ издалъ особой книжкой драму Лессинга: ***Эмилія Галотти***, а въ «Дѣтскомъ чтеніи» помѣстилъ слѣдующіе свои труды: (ч. 13) ***Невольники или сила благодѣянія; Памела; Олимпія и Теофилъ;*** (ч. 14) ***Пустынники въ Нормандіи; Дафнисъ и Пандроза; Исторія Герцогини.*** Большая часть перечисленныхъ до сихъ поръ статей «Дѣтскаго чтенія» (именно *пятнадцать*) заимствованы Карамзинымъ изъ сочиненій г-жи Жанлисъ: «Les veillées du château» и «Nouveaux contes moraux et nouvelles historiques». Въ 1789 г. Карамзинъ началъ учиться греческому языку, не прерывая однако сотрудничества въ «Дѣтскомъ чтеніи», гдѣ онъ, за этотъ годъ, напечаталъ: (ч. 18) отрывки изъ Боннетовыхъ ***Созерцаній природы; Аркадскій памятникъ,*** изъ Вейсе; ***Анакреонтическіе стихи А. А. П.*** (Петрову); стихотворный ***Гимнъ*** изъ Томсона; ***Прогулка; Евгенія и Юлія,*** русская истинная повѣсть; (ч. 19) еще отрывокъ изъ ***Созерцаній природы.*** — Съ прекращеніемъ, въ маѣ 1789 г., дѣятельности «Типографической компаніи» и, слѣдовательно, всѣхъ изданій «Дружескаго Общества», уже не нравившагося правительству и административно преслѣдуемаго, Карамзинъ собрался съѣздить за границу, но не на счетъ членовъ распадавшагося «Общества», а на свои собственныя деньги, вырученныя отъ запродажи старшему брату одной наслѣдственной деревеньки. Да и безъ этаго, Карамзинъ уже потому не могъ посылаться за границу членами Новиковскаго кружка, что, не задолго до своего отъѣзда, онъ счелъ долгомъ заявить имъ свое глубокое уваженіе и вмѣстѣ — невозможность для него «по выработавшимся въ немъ убѣжденіямъ, оставаться долѣе въ ихъ братствѣ». Извѣстно также, что члены Новиковскаго кружка единодушно пожалѣли о даровитомъ молодомъ человѣкѣ, но разстались съ нимъ дружелюбно, даже, на прощанье, дали Карамзину обѣдъ. Выѣхавъ изъ Москвы, 18 мая 1789 г., Карамзинъ 5 дней прожилъ въ Петербургѣ и, черезъ Ригу, прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ немедленно посѣтилъ славнаго философа Канта, которому сказалъ: «Я русскій дворянинъ, люблю великихъ мужей и желаю изъявить почтеніе Канту». Въ Берлинѣ Карамзинъ видѣлся съ Николаемъ, извѣстнымъ авторомъ и книгопродавцемъ; съ Форнеемъ, секретаремъ тамошней академіи; съ Рамлеромъ, нѣмецкимъ Гораціемъ; съ Филиппомъ Морицомъ, знаменитымъ психологомъ, романъ котораго «Anton Reiser», начавшій выходить частями съ 1785 г., подалъ впослѣдствіи Карамзину мысль — написать почти автобіографическій разсказъ «Рыцарь нашего времени». — Въ Дрезденѣ Карамзинъ съ любопытствомъ путешественника разсматривалъ картинную галлерею; въ Лейпцигѣ познакомился съ Платнеромъ, эклектическимъ философомъ, по приглашенію котораго провелъ вечеръ въ кругу лейпцигскихъ профессоровъ, а на другой день, 17 іюля, посѣтилъ мыслителя Вейсе, жившаго въ верстѣ за городомъ. — Въ Веймарѣ Карамзинъ представился Гердеру, долго бесѣдовалъ съ Виландомъ, но не видалъ Гёте, уѣхавшаго въ Іену. Изъ Веймара Карамзинъ прибылъ въ Эрфуртъ, тутъ любопытствовалъ видѣть келью Мартына Лютера, потомъ, черезъ Франкфуртъ на Майнѣ, Майнцъ, Мангеймъ и Страсбургъ, проѣхалъ въ Швейцарію, осмотрѣлъ Базель, 16 дней прожилъ съ Лафатеромъ въ Цюрихѣ; ходилъ пѣшкомъ къ Шафгаузенскому водопаду; проѣхалъ, черезъ Баденъ и Арау, въ Бернъ, оттуда въ Тунъ, Унтерзеенъ; изъ Лаутербруннена отправился пѣшкомъ на Альпы, былъ въ Гриндельвальдѣ, на Шейдекѣ, въ долинѣ Гасли, любовался альпійскимъ водопадомъ, подходя къ самой его пучинѣ. — По возвращеніи въ Бернъ, Карамзинъ отправился въ Лозанну, тамъ, съ «Элоизою» въ рукахъ, вздыхалъ на мѣстахъ, прославленныхъ перомъ **Ж. Ж.** Руссо: былъ въ Веве, глядѣлъ на каменные утесы Мельери, посѣтилъ романическое селеніе Кларанъ. — Въ теченіе 5-тимѣсячной остановки въ Женевѣ, Карамзинъ изучалъ французскую литературу, старую и новую, ходилъ въ Вольтеровъ замокъ Ферней, въ Обонь, городокъ на скатѣ Юры, познакомился съ Боннетомъ, отъ котораго получилъ право переводить «Созерцанія природы» на русскій языкъ; странствовалъ по Савоіи; видѣлъ островъ св. Петра, городки Ивердонъ, Нешатель и друг., наконецъ, 4 марта 1790 г., отправился во Францію, съ попутчикомъ, и до самаго Ліона ѣхалъ въ двумѣстной англійской каретѣ, за четыре луидора съ талеромъ. Въ Ліонѣ Карамзинъ познакомился и дружески сошелся съ Маттисономъ, извѣстнымъ нѣмецкимъ стихотворцемъ, который, при первомъ же свиданіи, прочелъ путешественнику три новыя свои пьесы. Изъ Ліона Карамзинъ отплылъ въ почтовой лодкѣ до Шалона, откуда, въ легкой почтовой коляскѣ, прибылъ, чрезъ Фонтенбло въ Парижъ, гдѣ занялъ двѣ чистыя комнаты въ улицѣ Генего. Осмотрѣвшись въ Парижѣ, уже дышавшемъ тогда близостью революціи, Карамзинъ, прежде всего, посѣтилъ собраніе академіи надписей и словесности, увидѣлъ тутъ славнаго Бартелеми и, въ первомъ движеніи восторга, самъ подошелъ къ нему, съ словами: «Я русскій; читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ безсмертныхъ талантовъ. И такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глубокаго почтенія», — Бартелеми всталъ съ креселъ, взялъ Карамзина за руку, обласкалъ восторженнаго юношу. Тутъ же, въ академіи надписей, Карамзинъ видѣлъ Левека, извѣстнаго автора такъ названной имъ «Русской Исторіи», а вообще въ Парижѣ — познакомился съ Лаландомъ, Лавуазье, Бальи, Мармонтелемъ, Лагарпомъ, Мерсье, Шанфоромъ и Флоріаномъ; былъ во всѣхъ замѣчательныхъ парижскихъ зданіяхъ и окрестностяхъ, просла-

*

вленныхъ какъ исторически событіями, такъ и романически, перомъ Ж. Ж. Руссо, даже присутствовалъ въ одномъ изъ національныхъ собраній, гдѣ слушалъ ораторскіе споры Мирабо съ аббатомъ Мори. — Проведя четыре мѣсяца въ Парижѣ, Карамзинъ, съ прежнимъ попутчикомъ, докторомъ Беккеромъ, отправился въ Дувръ, откуда, въ почтовой каретѣ, проѣхалъ черезъ Кантербури и Рочестеръ въ Лондонъ, гдѣ остановился въ одномъ французскомъ трактирѣ. — Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности Лондона и его окрестностей, между прочимъ могилу поэта-философа Попе въ Твитнамѣ, Карамзинъ имѣлъ случай взглянуть на тогдашнія знаменитости: Вильяма Питта и Фокса. Но, такъ какъ въ кошелькѣ Карамзина оставалось уже всего двѣ гинеи, онъ поспѣшилъ отдать ихъ корабельному капитану Вилліамсу — и отправился, моремъ, въ Петербургъ, во время плаванія къ которому сильно страдалъ морской болѣзнью, но, тѣмъ не менѣе, читалъ Оссіана, даже переводилъ его «Картона». Явившись въ Петербургъ, осенью 1790 г., въ модномъ фракѣ, съ шиньономъ и гребнемъ на головѣ, съ лентами на башмакахъ, Карамзинъ былъ представленъ Дмитріевымъ Державину, которому онъ тогда же сообщилъ свое намѣреніе: издавать въ Москвѣ самостоятельный журналъ — и получилъ одобреніе «Пѣвца Фелицы», съ его обѣщаніемъ содѣйствовать изданію поэтическими вкладами. Въ октябрѣ 1790 г. Карамзинъ пріѣхалъ въ Москву и сталъ на Тверской, въ домѣ своихъ друзей Плещеевыхъ, а въ ноябрѣ уже выдалъ объявленіе о «Московскомъ Журналѣ», гласившее, что въ программу послѣдняго не входятъ только пьесы «теологическія и мистическія». — Выступая на новое поприще, Карамзинъ, съ его начитанностью и опытомъ заграничной поѣздки, конечно, былъ какъ нельзя болѣе компетентенъ издавать нѣчто періодическое, пригодное руководить просвѣщеніемъ читающей публики и вполнѣ удовлетворять не только литературному вкусу, но и научнымъ потребностямъ своего времени. Такимъ періодическимъ изданіемъ, дѣйствительно, былъ «Московскій Журналъ», который, открывшись, съ 1 книжки 1791 г., извѣстнымъ стихотвореніемъ Державина: «Видѣніе Мурзы», тутъ впервые напечатаннымъ, вмѣстилъ въ себѣ рядъ *Писемъ русскаго путешественника*, адресованныхъ Карамзинымъ его друзьямъ Плещеевымъ и теперь становившихся достояніемъ всей читающей публики. Нельзя не согласиться съ г. Гротомъ, что «Письма» эти «вдругъ представили свѣту молодаго русскаго съ европейскимъ образованіемъ, съ мыслью зрѣлою, съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, съ такимъ знаніемъ новѣйшихъ языковъ и литературъ, которое даже и въ западной Европѣ было бы необыкновенно. И этотъ молодой человѣкъ писалъ уже языкомъ, какимъ теперь пишемъ всѣ мы, но который тогда съ удивленіемъ услышали въ первый разъ..... Неподдѣльный юношескій жаръ, энтузіасмъ къ красотамъ природы и искуства, ко всему чисто-человѣческому проникаютъ «Письма русскаго путешественника» и были конечно одною изъ главныхъ причинъ ихъ необыкновеннаго успѣха». — Кромѣ «Писемъ русскаго путешественника», перу самаго Карамзина, въ «Московскомъ Журналѣ» 1791 г., принадлежатъ слѣдующія статьи: (№ 1) *Предувѣдомленіе*; *Самоубійца*, переводъ; *Театръ*; *О книгахъ*, — гдѣ помѣщенъ замѣчательный разборъ «Кадма и Гармоніи», Хераскова; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 2) *Выздоровленіе*; *Анекдоты*, перев.; *Парижскіе спектакли*, перев.; *Московскій театръ*; *О книгахъ*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 3) *Ночь и день*; *Московскій театръ*; *О книгахъ*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 8) *Невинность*; *Мишенькѣ*; *Смѣсь*, перев.; *Парижскіе спектакли*, перев.; *Московскій театръ*; *О книгахъ*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 5) *Смѣсь*, перев.; *Объ иностранныхъ книгахъ*; *О русскихъ книгахъ*; (№ 6) *Антиподы*, перев.; *Погребенная истина*; *Парижскіе спектакли*, перев.; *Московскій театръ*; *О русскихъ книгахъ*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 7) *Смѣсь*, перев.; *Московскій театръ*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 8) *Райская птичка*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; *О русскихъ книгахъ*; (№ 9) *Парижскіе спектакли*, перев.; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 10) *Смѣсь*, перев.; *Московскій театръ*; *О русскихъ книгахъ*; (№ 11) *Наводненіе*; *Московскій театръ*; *Отъ издателя*; (№ 12) *Парижскіе спектакли*, перев.; *Объ иностранныхъ книгахъ*; *Смѣсь*, перев. — Въ «Московскомъ Журналѣ» 1792 г., изъ трудовъ Карамзина, кромѣ продолженія «Писемъ русскаго путешественника», напечатаны: (№ 1) *Кораблекрушеніе*, перев.; *Московскій театръ*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 2) *Отъ издателя*; (№ 3) начало повѣсти *Ліодоръ*, никогда не оконченной, по поводу чего Петровъ, съ 1791 г. переселившійся въ Петербургъ, лѣтомъ 1792 г. писалъ къ Карамзину: «Ліодоръ твой не похожъ на другихъ романическихъ героевъ; по крайней мѣрѣ безсонницею не страждетъ, кинувшись на постелю. Онъ спитъ сномъ болѣе нежели богатырскимъ. Не пора ли разбудить его?»; *Послѣдній часъ Іакова II*, перев.; *Смѣсь*, перев.; *Парижскіе спектакли*, перев.; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 4) *На разлуку съ П(етровымъ)*, стихотв.; *Московскій театръ*; (№ 5) *Къ милости*, стихотвореніе въ защиту Новикова, арестованнаго тогда по дѣлу мартинистовъ, — замѣчательная черта гражданской доблести Карамзина, не побоявшагося печатно заявить невинность человѣка, дѣйствительно, полезнаго отечественному просвѣщенію; *О русскихъ книгахъ*; *Парижскіе спектакли*, перев.; *Смѣсь*, перев.; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 6) *Бѣдная Лиза*, повѣсть, произведшая такой фуроръ, что московскіе жители толпами съѣзжались и сходились сентиментальничать, даже слезить, на мѣсто воображаемаго событія — подъ Симоновъ-монастырь, къ пруду, прозванному *Лизинымъ*, вокругъ котораго всѣ деревья были исчерчены различными подписями, съ такимъ, между прочими, двустишіемъ невѣдомаго шалуна:

> Здѣсь бросилася въ прудъ Эрастова невѣста.
> Топитесь, дѣвушки: въ пруду довольно мѣста!

изъ этой повѣсти, впослѣдствіи перепечатывавшейся три раза, В. М. Ѳедоровъ создалъ драму: «Лиза или слѣдствіе гордости и обольщенія», впервые игранную въ Петербургѣ 2 декабря 1803 г.; *Нѣчто о миѳологіи*; *Сцены изъ Саконталы, индѣйской драмы*, въ предисловіи къ которой Карамзинъ говоритъ: «Для собственнаго своего удовольствія перевелъ я нѣкоторыя сцены изъ Саконталы, и рѣшился напечатать ихъ въ «Московскомъ Журналѣ», надѣясь, что сіи благовонные цвѣты азіятской литературы будутъ пріятны для многихъ читателей, имѣющихъ тонкой вкусъ и любящихъ истинную поэзію»; *Смѣсь*, перев.; (№ 7) *Корделія*, перев.; *Шотландская баллада*, перев.; *Смѣсь*, перев.; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 8) *Юліана*, перев.; *Бѣлые арабы*; *Объ иностранныхъ книгахъ*; (№ 9) *Поэзія*, стихотвореніе; *Богини*, перев.; (№ 10) *Объ иностранныхъ книгахъ*; *Письмо изъ Рима*, перев.;

О русскихъ книгахъ; (№ 11) *Объ иностранныхъ книгахъ*; *О русскихъ книгахъ*; (№ 12) *Наталья, боярская дочь*, повѣсть, — извѣстная и нравившаяся всѣмъ не менѣе «Бѣдной Лизы», такъ же издававшаяся отдѣльно и передѣлываемая для сцены; *Надежда*, перев.; *Московскій французскій театръ*; *О русскихъ книгахъ*; *Заключеніе*. — Добавимъ, что многими приписывается Карамзину статья: *Жизнь и дѣла Іосифа Бальзамо*, напечатанная въ четырехъ книжкахъ «Московскаго Журнала» (1791 г. № 11 и 12; 1792 г. № 1 и 2). — «Московскій Журналъ», которымъ началась положительная извѣстность Карамзина, окончился 1792-мъ г., потому что срочность многообразной и сложной работы, едва-едва вознаграждаемой нѣсколькими сотнями подписчиковъ, тяготила издателя. Въ два года своего существованія, «Московскій Журналъ» произвелъ рѣшительный и счастливый переворотъ въ русской литературѣ, какъ относительно ея духа и содержанія, такъ — и еще болѣе — формъ языка, съ той поры неизмѣняющихся донынѣ. Задачу издателя — увлекать публику занимательностью и разнообразіемъ статей журнала — Карамзинъ выполнилъ съ честію, показавъ, въ этомъ отношеніи, «много искуства, такта, пониманія потребностей современной публики», которая, съ своей стороны, «не безъ удивленія и восторга — говоритъ г. Лонгиновъ — встрѣтила новый талантъ и жадно бросилась читать «Письма русскаго путешественника», оригинальныя повѣсти, рецензіи и разнородныя статьи, написанныя этимъ золотымъ перомъ». Явились однако и враги «Московскаго Журнала», напр. Н. П. Николевъ, разсерженный строгимъ разборомъ своей комедіи: «Баловень» (1791, № 11), Ѳ. О. Туманскій, оскорбившійся указаніемъ промаховъ въ его переводѣ грека Палефата (1792, № 1), и друг. — Бывалъ иногда недоволенъ «Московскимъ Журналомъ» и Державинъ, негодовавшій на иныя Карамзинскія поправки въ его стихахъ, напр., въ «Видѣніи Мурзы», *зрѣлось*, вмѣсто *зрилось*. — Но общее впечатлѣніе «Московскаго Журнала», не смотря на выходки А. Клушина въ петербургскомъ «Зрителѣ» 1792, направленныя противъ Карамзина, было въ пользу послѣдняго, такъ что тотъ же Державинъ, умиленный литературными произведеніями будущаго исторіографа, закончилъ свою «Прогулку въ Сарскомъ селѣ» слѣдующимъ обращеніемъ къ Карамзину:

И ты, сидя при розѣ,
Такъ, дней весеннихъ сынъ,
Пой, Карамзинъ! — и въ прозѣ
Гласъ слышенъ соловьинъ. —

Встрѣтивъ новый 1793 г. мыслію: издавать, вмѣсто ежемѣсячнаго журнала, повременные литературные сборники, Карамзинъ уже готовилъ первую книжку такого сборника, подъ названіемъ «Аглаи», но скоро оставилъ это — и всецѣло предался грусти, причиною которой были болѣзнь, а потомъ и смерть А. А. Петрова въ Петербургѣ. «Не можешь вообразить, писалъ Карамзинъ Дмитріеву, отъ 17 февраля 1793 г., въ какомъ я безпокойствѣ объ Александрѣ Андреевичѣ. Ужели пришелъ конецъ его? Эта мысль для меня слишкомъ мучительна. Пожалуй, мой другъ, увѣдомь, и естьли (sic) можно, увѣдомляй меня всякую почту каковъ онъ — пиши хотя по одной строчкѣ». — «И такъ его уже нѣтъ! писалъ Карамзинъ Дмитріеву, отъ 21 марта. Одному мнѣ извѣстно, чего я въ немъ лишился — и сердце мое долго, долго не привыкнетъ къ своей потерѣ. Мнѣ очень хочется имѣть всѣ бумаги покойнаго моего друга.... Увѣдомь меня, гдѣ его погребли, и можно ли почему нибудь узнать его могилу». — «Смерть Александра Андреевича, писалъ Карамзинъ Дмитріеву, отъ 4 мая, помрачила душу мою на долгое время....». — Съ этимъ мракомъ на душѣ, Карамзинъ, лѣтомъ 1793 г., уѣхалъ изъ Москвы въ орловское помѣстье Плещеевыхъ, с. Знаменское, и тамъ, подъ кровомъ нѣжной дружбы, жилъ до глубокой осени, продолжая собирать «Аглаю», и грустить о своемъ почившемъ другѣ. Выраженіемъ этой грусти были: стихотвореніе *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона* и статья *Чувствительный и холодный*, напечатанныя гораздо позже. Какъ кажется, тамъ же, въ Знаменскомъ, Карамзинъ написалъ и небольшую статейку: *Что нужно автору?*, краснорѣчиво оканчивающуюся словами: «Дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ авторомъ». — Общество мужа и жены Плещеевыхъ всегда дѣйствовало на Карамзина успокоительно и благотворно, на что указываетъ и Дмитріевъ, говоря въ особенности о Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой: «въ ея-то сельскомъ уединеніи развивались авторскія способности юнаго Карамзина. Она питала къ нему чувства нѣжнѣйшей матери». Возвратившись въ декабрѣ 1793 г. въ Москву, Карамзинъ, съ наступленіемъ 1794 г. публиковалъ о близкомъ выходѣ «Аглаи» и принялся за изданіе всѣхъ своихъ сочиненій и переводовъ изъ «Московскаго Журнала», которыя и были напечатаны тогда же, подъ названіемъ *Мои бездѣлки*, въ 2 ч. (1-я ч. стихи, 2-я ч. проза), а 20 лѣтъ спустя — вызвали праздный упрекъ извѣстнаго Н. И. Гнѣдича, сказавшаго, между прочимъ, въ своемъ академическомъ «Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности» (1814): «Писатель, изучившій древніе языки, не расточилъ бы... даровъ *на бездѣлки*, ища временной хвалы». Не смотря однако на такую выходку Гнѣдича, «Бездѣлки» были приняты съ восторгомъ всею читающею публикою, молодые люди твердили наизусть отрывки изъ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Бездѣлкахъ»; а питомцы сухопутнаго кадетскаго корпуса, по свидѣтельству одного изъ нихъ Ѳ. Н. Глинки, «мечтали, какъ бы пойти пѣшкомъ въ Москву поклониться очаровавшему ихъ писателю». Между хлопотами по изданію «Бездѣлокъ», а потомъ *Новыхъ Мармонтелевыхъ повѣстей*, въ 2 ч., и Боннетова *Разсматриванія натуры*, отрывки изъ котораго помѣщались еще въ «Дѣтскомъ Чтеніи», Карамзинъ мечталъ о поѣздкѣ въ Симбирскія края, куда подзывалъ съ собою и своего земляка-друга Дмитріева, прося его пожить вмѣстѣ, хоть нѣсколько дней, тамъ

Гдѣ въ первый разъ открылъ я взоръ,
Небеснымъ свѣтомъ озарился,
И чувствомъ жизни насладился;
Гдѣ птичекъ нѣжныхъ громкій хоръ
Воспѣлъ рожденіе младенца;
Гдѣ я природу полюбилъ, —
Ей первенцы души и сердца:
Слезу, улыбку посвятилъ,
И росъ въ веселіи невинномъ;
Какъ юный миртъ въ лѣсу пустынномъ.

Но мечты о поѣздкѣ въ Симбирскъ не состоялись — и ранней весной 1794 г. Карамзинъ опять былъ въ Знаменскомъ, гдѣ, въ іюнѣ, онъ встревожился извѣстіемъ, что, въ Москвѣ, въ домѣ гр. Гендрикова (нынѣшнія Спасскія казармы), найдена книжная лавка мартинистовъ, забытая при слѣдствіи надъ Новиковымъ въ 1791 г., а въ этой лавкѣ отысканы книги, которыя, не выключая изъ нихъ и переводъ *Юлія Цесаря*, когда-то

сдѣланный Карамзинымъ, велѣно, по распоряженію московскаго главнокомандующаго, кн. А. А. Прозоровскаго, всѣ сжечь, какъ вредныя для народной нравственности. Испуганный и огорченный этимъ распоряженіемъ, Карамзинъ опять засѣлъ до глубокой осени въ Знаменскомъ — и тутъ написалъ свое *Посланіе къ Плещееву*, исполненное хвалами тому,

Кто малымъ можетъ быть доволенъ,
Не скованъ въ чувствахъ, духомъ воленъ,
Не есть чиновъ, богатства льстецъ,
Душою такъ же прямъ, какъ станомъ,
Не ищетъ благъ за океаномъ....
Въ сей день для дня сего живетъ
И мысли въ даль не простираетъ.

Въ ноябрѣ 1794 г. Карамзинъ пріѣхалъ въ Москву и только въ декабрѣ издалъ 1-ю книжку своей *Аглаи*, въ послѣсловіи которой, озаглавленномъ: *Отъ сочинителя*, сказано: «Я не могъ издать Аглаи ни весною, ни лѣтомъ, ни осенью. На что говорить о причинахъ? Довольно, что я не могъ. Важное для меня не важно для публики. Наконецъ — вотъ первая книжка! Въ ней одни русскія сочиненія; переводовъ нѣтъ. На сей разъ пріятели сообщили мнѣ только двѣ пьесы: басню «Чижъ» и «Разлуку». Въ этой 1 книжкѣ «Аглаи» самому издателю, кромѣ *Приношенія Граціямъ*, открывающаго книжку, и почти всѣхъ стихотвореній, мало замѣчательныхъ, принадлежатъ статьи: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона* — воспоминаніе о Петровѣ; *Островъ Борнгольмъ* и *Пріѣздъ въ Лондонъ* — продолженіе «Писемъ русскаго путешественника»; *Что нужно автору* — взглядъ Карамзина на сочинительство и его требованія отъ себя, какъ писателя; *Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи* — возраженіе на книгу Ж. Ж. Руссо: «Discours sur la question, proposée par l'academie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs?». — Во 2-й книжкѣ «Аглаи», вышедшей уже въ январѣ 1795 г., Карамзинъ напечаталъ свои труды: стихотворное *Посланіе къ Дмитріеву*; стихотворную же сказку *Илья Муромецъ*; отрывокъ изъ «Писемъ русскаго путешественника» *Пребываніе въ Парижѣ*; статью *Аѳинская жизнь* и другую — *Филалетъ къ Мелодору*, съ указаніемъ вреда отъ господствующей любви къ роскоши. Всю 2-ю книжку «Аглаи» Карамзинъ посвятилъ *Другу своего сердца*, по всей вѣроятности, Наст. Ив. Плещеевой: «Тебѣ, любезная — говоритъ тутъ Карамзинъ, посвящаю мою Аглаю, тебѣ, единственному другу моего сердца! Твоя нѣжная, великодушная, святая дружба составляетъ всю цѣну и щастіе (sic) моей жизни. Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель! Мы живемъ въ печальномъ мірѣ; но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣна и благодари Вездѣсущаго!...». — Различіе «Аглаи» Карамзина съ «Аглаею» кн. Шаликова, издававшеюся въ 1808 — 1812 гг., видно изъ слѣдующей «эпиграммы на «Аглаю» кн. Шаликова», сохранившейся въ рукописномъ сборникѣ Д. И. Языкова:

О Карамзинъ! Твоя младая,
Любезна, кротка дщерь Аглая
Повсюду умницей слыла;
Но лишь съ князьями стала знаться
И въ красной шали (*) къ намъ являться,
Она, увы! съ ума сошла.

(*) «Аглая» кн. Шаликова выходила книжками въ красныхъ обложкахъ.

По напечатаніи 2-й книжки «Аглаи», Карамзинъ могъ, наконецъ, съѣздить въ Симбирскъ и отправился туда въ февралѣ 1795 г., написавъ Дмитріеву: «надолго прощаюсь съ литературою». Но послѣднее, на самомъ дѣлѣ, было не такъ: во всѣхъ 102 нумерахъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1795 г. отдѣлъ *Смѣси* замѣщался переводными статейками Карамзина, которыя всѣ вмѣстѣ, въ числѣ *169*, перепечатаны С. П. Шевыревымъ въ «Москвитянинѣ» 1854 г. (№№ 3, 4, 6, 7, 10 — 12). Этому сотрудничеству Карамзина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» не мѣшало его отсутствіе ни въ Симбирскъ, гдѣ онъ продалъ свое имѣніе братьямъ, за 16 тыс. рубл., ни въ Знаменское, куда, по случаю болѣзни Плещеевой, онъ уже спѣшилъ изъ Москвы въ концѣ апрѣля. Поэтизируя въ Знаменскомъ все лѣто — и стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Мнѣ часто эхо измѣняетъ;
Твержу: Милены не люблю!
Но эхо въ рощѣ повторяетъ:
Люблю! —,

Карамзинъ опять остался у Плещеевыхъ до зимы, такъ что прошелъ слухъ, будто онъ, въ качествѣ бывшаго сочлена мартинистовъ, удаленъ на житье въ деревню. По крайней мѣрѣ, самъ Карамзинъ, въ письмѣ отъ 2 сентября, тревожно спрашивалъ Дмитріева: «И такъ обо мнѣ говорятъ, что я удаленъ? За что же? И кому хочется выдумывать на мой счетъ такія печальныя басни!» — Не ранѣе половины декабря возвратился Карамзинъ въ Москву — съ новымъ планомъ: издавать сборникъ въ родѣ альманаха. «Всѣ здѣшніе стихотворцы отъ Михаила Матвѣевича (Хераскова) до.... писалъ онъ, 20 декабря, къ Дмитріеву, — радуются мыслію объ русскомъ Almanach des Muses; всѣ обѣщаютъ плакать и смѣяться въ стихахъ, чтобы занять мѣсто въ нашей книжкѣ. Содержатели типографіи также рады. Я на тебя надѣюсь, мой поэтъ, не смотря на твои отговорки. Пиши и присылай ко мнѣ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». — Въ ожиданіи присылки стиховъ отъ Дмитріева, Карамзинъ, съ наступленіемъ 1796 г., напечаталъ, особыми книжками, свои труды: оригинальную повѣсть *Юлія*; потомъ переводную, г-жи Сталь, *Мелина*; наконецъ, сдѣлалъ второе изданіе «Аглаи» и, только лѣтомъ, выпустилъ въ свѣтъ I книжку затѣяннаго имъ альманаха, подъ названіемъ *Аониды*. Въ этихъ «Аонидахъ» самъ издатель являлся творцомъ басни: *Соловей, галки и вороны*, о которой Державинъ съ Дмитріевымъ отзывались, что «Соловей не громокъ», и *Посланія къ женщинамъ*, заключавшагося стихами:

Что истина своей рукой,
Напишетъ надъ моей могилой? Онъ любилъ,
Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ!

А такъ какъ подъ этими словами разумѣлась исторія дружбы Карамзина съ Плещеевой, женщиной замужней, то Державинъ, въ дружескомъ письмѣ къ Дмитріеву, не оставилъ замѣтить,

Что съ таковыми женъ друзьями
Мужья съ рогами

и что

Какъ хладный вѣтерокъ чума для нѣжныхъ розъ,
Такъ при мужѣ и другъ вмигъ (sic) отморозитъ носъ; —

но просилъ — не сообщать этихъ остротъ Карамзину. «Я его люблю — писалъ Державинъ къ Дмитріеву. Его привязанность къ добродѣтели и восторгъ поэта побудили похвалиться дружбою дамы; но благоразуміе въ семъ случаѣ друга, т. е. ваше,

должно было остеречь его въ сей нѣжной матеріи». — Между тѣмъ, 6 ноября 1796 г., не стало Екатерины II — и Карамзинъ, сочинивъ *Оду на случай присяги московскихъ жителей императору Павлу I*, тогда же тиснутую отдѣльно, скоро убѣдился, что, по его собственному выраженію, «русскія музы, въ это царствованіе, должны завѣсить лица свои черными покрывалами». — Совсѣмъ тѣмъ, Карамзинъ, къ 1797 г., издалъ 2-ю книжку «Аонидъ», въ которой помѣстилъ свое стихотвореніе *Къ портрету Ломоносова*, потомъ думалъ писать похвальное слово Петру I, но, не найдя времени, прочесть 30-ти томовое сочиненіе И. Голикова, отложилъ это намѣреніе. Вмѣсто того, онъ тогда же принялся перепечатывать свои прежніе труды, какъ напр., *Мои бездѣлки*, *Бѣдная Лиза*, *Письма русскаго путешественника*; издалъ особой книжкой *Разговоръ о счастіи* – между Филалетомъ (Карамзинъ), доказывающимъ возможность счастія по методѣ Сократа, и Мелодоромъ; наконецъ, за разными стѣсненіями русской печати, написалъ для гамбургскаго изданія эмигранта де-Бодю (M. J. L. A. de Baudus) «Le Spectateur du Nord, journal politique, littéraire et moral» статью: *Lettre au Spectateur sur la littérature russe*, напечатанную въ октябрьской книжкѣ этаго журнала за 1797 г., и началъ учиться итальянскому языку. Въ 1798 г. съ Карамзинымъ случился анекдотъ, разсказываемый Бантышъ-Каменскимъ такъ: одинъ изъ недоброжелателей Карамзина, прислалъ ложный на него доносъ, въ которомъ Карамзинъ выставлялся *человѣкомъ вреднымъ для правительства, безбожникомъ*. — «Знаешь ли ты Карамзина?» — спросилъ императоръ дежурнаго генералъ-адъютанта Ѳ. В. Ростопчина (впослѣдствіи графъ), давъ ему прочесть полученную бумагу. — «Знаю, отвѣчалъ Ростопчинъ, съ отличной стороны, по сочиненіямъ его, и не узнаю въ семъ *сочиненіи*». — «Я ожидалъ этаго, продолжалъ Павелъ I; ибо мнѣ извѣстенъ доноситель; вотъ и рѣшеніе мое». Съ этими словами, государь бросилъ доносъ въ топившійся каминъ. — Зная или не зная объ этомъ, Карамзинъ, въ томъ же 1798 г., спокойно продолжалъ второе изданіе *Писемъ русскаго путешественника*, печаталъ и *Разныя повѣсти*, въ 2 ч., началъ выпускать въ свѣтъ и новый повременный сборникъ, подъ названіемъ *Пантеонъ иностранной словесности*, которымъ онъ какъ бы оправдывалъ свое прощальное обѣщаніе подписчикамъ «Московскаго Журнала», гдѣ значилось: «Въ тишинѣ уединенія стану разбирать архивы древнихъ литературъ, которыя (въ чемъ признаюсь охотно) не такъ мнѣ извѣстны, какъ новыя; буду пользоваться сокровищами древности, чтобы приняться за такой трудъ, который бы могъ остаться памятникомъ души и сердца моего». — Наконецъ, въ томъ же 1798 г., Карамзинъ, по порученію куратора московскаго университета кн. Ѳ. Н. Голицына и согласно желанію Державина, наблюдалъ за печатаніемъ въ Москвѣ, при университетѣ, 1-го изданія «Сочиненій» Державина, которымъ самъ авторъ былъ такъ недоволенъ за цензурные пропуски и издательскія нарушенія порядка стихотвореній, что, 17 мая, писалъ кн. Голицыну: «Я разсудилъ, заплатя типографіи, весь заводъ истребить; а поелику симъ я огорчу Н. М. Карамзина, которому я поручилъ смотрѣніе надъ печатаніемъ и который мнѣ хорошій пріятель, то и хочется мнѣ это такъ сдѣлать, чтобъ онъ и не свѣдалъ». — Карамзинъ же, съ своей стороны, 17 іюня писалъ къ Дмитріеву: «Гавр. Ром. (Державинъ) мнѣ не отвѣчаетъ — жаль. Пожалуй спроси у него, что онъ прикажетъ дѣлать съ напечатанною книгою. Надобно чѣмъ нибудь кончить. Я долженъ раздѣлаться съ типографіею. Естьли (sic) онъ не хочетъ выдавать напечатаннаго, то я брошу все въ огонь, и болѣе не скажу ему ни слова. Эта шутка будетъ мнѣ стоить рублей пять сотъ и поболѣе». — Кончилось тѣмъ, что Державинъ перестадъ упрямиться, замолчавъ даже о поправкахъ пунктуаціи въ его «Сочиненіяхъ», которыя самовольно дѣлалъ Карамзинъ, не соглашавшійся, въ этомъ случаѣ, и съ В. В. Капнистомъ. — Въ 1799 г., Карамзинъ, приготовляя къ изданію третью и послѣднюю книжку «Аонидъ», 12 мая писалъ къ Дмитріеву: «Аониды скоро выдутъ; есть не дурныя пьесы. Я также намаралъ кое-что. Естьли (sic) буду поздоровѣе, то нынѣшнимъ лѣтомъ стану писать *прозою*, чтобы не загрубѣть умомъ. Въ противномъ случаѣ надобно думать о теплыхъ водахъ». — Но поѣздка на теплыя воды не состоялась — и Карамзинъ, выдавъ послѣднюю книжку «Аонидъ», напечатанную, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, «дурно и слѣпо», занялся умноженіемъ своей философской библіотеки и сталъ пристально вчитываться въ русскія лѣтописи. Было ли послѣднее естественнымъ переходомъ отъ занятій «въ тиши уединенія» архивами древнихъ литературъ или, просто, вниманіемъ къ дружескому совѣту, какъ полагаютъ, И. И. Дмитріева, но въ 1800 г., передъ окончаніемъ отдѣльнаго изданія *Писемъ русскаго путешественника*, въ 6 ч., Карамзинъ, 2 мая, писалъ къ Дмитріеву: «Я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію, сплю и вижу Никона съ Несторомъ». Въ этихъ занятіяхъ и грезахъ, Карамзинъ, вмѣстѣ со всею Москвою, былъ заинтересованъ новою невзгодою государя на извѣстныхъ братьевъ Архаровыхъ, московскихъ баричей-хлѣбосоловъ, вторично удаленныхъ въ деревню, на этотъ разъ, по милости кн. А. Б. Куракина, — и поспѣшилъ къ опальнымъ, которыхъ, въ знакъ своего участія, снабдилъ большою сумою книгъ, чтобъ было чѣмъ разгонять деревенскую скуку. — Съ наступленіемъ 1801 г. Карамзинъ началъ 2-е отдѣльное изданіе *Писемъ русскаго путешественника*, но скоро свернулъ на поэзію, потому что, въ ночь на 12 марта, скончался имп. Павелъ — и поэты забряцали на своихъ лирахъ привѣтствія его преемнику, вслѣдствіе чего Карамзинъ также, чтобъ не отстаться позади собратій, сочинилъ и тиснулъ *Оду на восшествіе на престолъ императора Александра I*, за которую получилъ отъ государя брилліантовый перстень, цѣною въ 2 тыс. руб. — Почти тогда же, Карамзинъ перестадъ быть холостымъ, о чемъ, 24 апрѣля, онъ писалъ къ своему старшему брату, Василію, слѣдующее: «Съ сердечною радостью увѣдомляю васъ, что я женился на Елиз. Ив. Протасовой (родная сестра Анаст. Ив. Плещеевой), которую тринадцать лѣтъ знаю и люблю.... Женитьба не перемѣнила образа моей жизни: я живу въ прежнихъ своихъ небольшихъ комнатахъ, съ тою разницею, что буду чаще дома. Она имѣетъ только 150 душъ, но я надѣюсь, что съ моимъ доходомъ мы проживемъ годъ безъ нужды и съ пріятностію». Однако Карамзинъ продолжалъ, по прежнему, выѣзжать, даже изъ Москвы, напр. въ Марѳино, дмитровское помѣстье гр. П. С. Салтыкова, гдѣ, тѣмъ же лѣтомъ 1801 г., игралась, на домашнемъ театрѣ, интермедія *Только для Марѳина*, соч. Карамзина, лично выполнявшаго въ ней роль гр. П. С. «Содержаніе (интермедіи) — пишетъ Ф. Ф. Вигель, одинъ изъ участниковъ спектакля, — сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, злые люди, ко-

торые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый пріѣздъ изъ арміи добраго господина, гр. П. С., который ихъ соединяетъ; потомъ великая радость, пѣсни и куплеты оканчиваютъ пьесу». Тотъ же Вигель, вовсе не щедрый на похвалы дѣятелямъ своего времени, свидѣтельствуетъ о Карамзинѣ 1801 г. такъ: «Уже былъ онъ извѣстенъ, уже былъ онъ славенъ; уже зависть и клевета въ страшное царствованіе Павла возставали, чтобъ погубить его. Но Богъ Россіи хранилъ его; подъ Его щитомъ, съ кротостію улыбаясь самимъ врагамъ своимъ, шелъ онъ спокойно, смиренно, прекрасною, цвѣтущею стезею, ведшею его къ цѣли, которую, вѣроятно, тогда еще самъ онъ не предугадывалъ.... Онъ былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородномыслящихъ юношей и всѣхъ женщинъ, истинно чувствительныхъ. Въ тогдашнее время было даже нѣсколько странно видѣть стариковъ, вельможъ, почти какъ съ равнымъ въ обхожденіи съ 30-ти-лѣтнимъ отставнымъ поручикомъ». Но Вигель ошибался, полагая, что Карамзинъ, въ 1801 г., «не предугадывалъ» своей цѣли: доказательствомъ противнаго служитъ *Слово похвальное Екатеринѣ II*, сочиненное Карамзинымъ именно въ 1801 г., при пособіи оффиціальныхъ актовъ, выданныхъ ему отъ правительства, и любопытное, какъ первая самостоятельная попытка его въ историческомъ родѣ. — Еще нагляднѣе выразилъ Карамзинъ свои отдаленныя цѣли, когда онъ, награжденный за «Слово похвальное Екатеринѣ II» драгоцѣнною табакеркою, а за новую *Оду на коронованіе императора Александра I* другимъ брилліантовымъ перстнемъ, выписалъ разомъ *двѣнадцать* французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналовъ и, въ № 92 «Московскихъ Вѣдомостей» 1801 г., объявилъ, что намѣренъ, съ 1802 г., издавать журналъ, подъ названіемъ *Вѣстникъ Европы*, программа котораго высказывалась тутъ же словами: «лучшіе авторы Европы должны быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, нашими *сотрудниками*, для удовольствія русской публики». Само собою разумѣется, что ближайшимъ побужденіемъ Карамзина въ дѣлѣ преднамѣреваемаго изданія было желаніе — обезпечить матеріальное положеніе своей семьи. Но, съ другой стороны, Карамзинъ, какъ мыслитель просвѣщенный, чуялъ новый духъ государственнаго бытія Россіи, а какъ поэтъ и мечтатель, всецѣло проникся радужными надеждами, возсѣвшими на тронъ съ Александромъ, — и сознавалъ ясно, какую пользу можетъ принести журналъ, если только его содержаніе не будетъ противорѣчить взглядамъ и удовлетворитъ потребностямъ лучшихъ умовъ тогдашняго русскаго общества. — Изготовившись къ новому подвигу, Карамзинъ встрѣтилъ новый 1802 г. въ состояніи почти блаженномъ — что явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ письма его къ брату, отъ 7 января: «Повторяю вамъ, что я благодарю ежеминутно Провидѣніе за обстоятельства моей жизни, а всего болѣе за милую жену. Вамъ я могу хвалить её. Богъ благословляетъ меня и съ другихъ сторонъ. Я чрезъ труды свои имѣю все въ довольствѣ» — и, согласно своему объявленію, приступилъ къ изданію «Вѣстника Европы». Журналъ этотъ сталъ выходить двумя книжками въ мѣсяцъ и заключилъ въ себѣ два отдѣла: литературный и политическій, изъ которыхъ послѣдній подраздѣлялся на общее обозрѣніе и на извѣстія и замѣчанія. Основаніемъ и украшеніемъ «Московскаго Вѣстника» были оригинальныя статьи самаго издателя, одна другой капитальнѣе и всѣ въ родѣ нынѣшнихъ передовыхъ. Въ отдѣлѣ обозрѣній, Карамзинъ развивалъ, большею частью, собственныя свои соображенія, основанныя на внимательномъ наблюденіи тогдашнихъ событій, преимущественно по англійскимъ органамъ. Отдѣлу извѣстій и замѣчаній выборъ и перо Карамзина придавали характеръ увлекательно-любопытной смѣси. Довольство жизнію и интересъ новаго изданія такъ привязывали Карамзина къ Москвѣ, впрочемъ, всегда имъ любимой нѣжно, что онъ не согласился принять каѳедру русской исторіи въ Дерптѣ и, 30 марта, вѣжливымъ письмомъ, на французскомъ языкѣ, благодарилъ гр. Мантейфеля, предсѣдателя попечительства дерптскаго университета, за предложеніе этой чести. Но, спустя нѣсколько недѣль, уже порвалась одна изъ сердечныхъ струнъ Карамзина — и онъ грустно писалъ къ своему брату: «Я лишился милаго ангела (жены), который составлялъ все счастіе моей жизни. Судите, каково мнѣ, любезнѣйшій братъ. Вы не знали ея; не могли знать и моей чрезмѣрной любви къ ней; не могли видѣть послѣднихъ минутъ ея безцѣнной жизни, въ которыя она, забывая свои мученія, думала только о несчастномъ своемъ мужѣ». Очевидцы свидѣтельствуютъ, что Карамзинъ, въ день похоронъ своей жены, съ блѣднымъ лицомъ и открытою головою шелъ около пятнадцати верстъ (отъ Свирлова до Донскаго монастыря) подлѣ печальной колесницы, положа руку на гробъ, который самъ опускалъ въ могилу, самъ засыпалъ землею. Напрасно друзья предлагали ему сѣсть въ карету и возвратиться домой. «Оставьте меня одного — отвѣчалъ онъ имъ — и приходите завтра. Присутствіе ваше будетъ необходимо». — Убитый потерею жены, а потомъ и младенца-дочери, умершей вслѣдъ за матерью, Карамзинъ страдалъ какъ мужъ и отецъ, находя отраду единственно въ честномъ выполненіи своего долга, какъ издатель журнала. И «Вѣстникъ Европы», задуманный и начатый Карамзинымъ въ обстоятельствахъ для издателя благопріятныхъ, не только не потерпѣлъ отъ испытаній, сужденныхъ Карамзину въ 1802 г., но изъ нумера въ нумеръ наполнялся трудами самого Карамзина. Такимъ образомъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1802 г. были напечатаны слѣдующія оригинальныя и переводныя статьи Карамзина: въ № 1 — *Письмо къ издателю*; *Народный Британскій памятникъ*; *Женскіе парики*, пер. съ фр.; *О просвѣщеніи*; *Анекдоты о Бонапарте*, пер. съ фр.; *Нѣчто о нынѣшнемъ Парижѣ*, пер. съ фр.; *Изображеніе состоянія Франціи*, пер. съ фр.; *Смѣсь*; въ № 2 — *Письмо парижскихъ музыкантовъ къ Гайдену*, пер. съ фр.; *Людовикъ XVI*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ фр.; *Король Цесарь*, *Негръ въ Америкѣ*, пер.; *Новый монументъ Виргилія*, пер.; *Смѣсь*; *Рѣчь французскихъ депутатовъ консуламъ*, пер. съ фр.; *Объявленіе перваго консула*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Генуи*, пер.; *Письмо изъ Америки*, пер.; *Дѣйствіе войны и революціи*, пер. съ фр.; *Плоды войны и мира*, пер. съ англ.; *Письмо изъ Санъ-Доминго*; *Странность* (подписано О. О.); *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 3 — *Письмо Дона І. Гарсіи*, пер.; *О французскомъ епископѣ въ Кохинхинѣ*; *Новыя сочиненія г-жи Неккеръ*; *Медоръ*, пер. съ фр.; *Рѣчь Порталиса*, пер. съ фр.; *О военныхъ дѣйствіяхъ въ Египтѣ*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Бальтимора*, пер.; *Смѣсь*; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 4 — *Пасванъ-Оглу*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Константинополя*, пер.; *О любви къ отечеству и народной гордости* (подпис. У. О.); *Способъ истребить нищету*, пер. съ фр.; *Письмо министра полиціи къ Бонапарте*; *Из-*

вѣстія и замѣчанія; въ № 5 — *Благодѣяніе* (предувѣдомленіе); *Смѣсь*; *Итальянская консульта въ Ліонѣ*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Милана*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Землина*, пер. съ фр ; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 6 — *Марія Антуанетта*; *Парижскій лицей*; *Кантова философія во Франціи*; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ фр.; *Египетскія происшествія*, пер. съ фр.; *Умноженіе силъ Франціи*; *Смѣсь*; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 7 — *Споръ о Вольтерѣ*; *Путешествіе Биллинга*; *Маркиза дю-Шатле*; *Смѣсь*; *О силѣ Англіи*, пер. съ нѣм.; *О провинціальномъ начальствѣ въ Турціи*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ фр.; *Опредѣленіе консуловъ*, пер. съ фр.; *Засѣданіе англійскаго парламента*, пер.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 8 — *Письмо о Бонапарте*, пер.; *Новаго рода самоубійство*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Парижа* пер. съ фр.; *О мирѣ*; *О новыхъ благородныхъ училищахъ, заводимыхъ въ Россіи*. Письмо изъ Т* (подпис. N.N.); *Письмо изъ Альеня*, пер.; *Новѣйшая исторія Китая*, пер. съ нѣм.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 9 — *О книжной торговлѣ и любви къ чтенію въ Россіи*; *Описаніе Вѣны*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ нѣм.; *Возстановленіе католической религіи во Франціи*; *Извѣстія*; въ № 10 — *Черты характера Людовика XVI*, пер. съ фр.; *Критика*; *Нѣчто о Венеціи*, пер.; *Первое торжественное молебствіе во Франціи*, пер. съ фр.; *Собраніе чиновъ въ Силезіи*; *Планъ народнаго ученія во Франціи*, пер. съ фр.; *О Голландіи*, пер.; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія*; *Свиданіе Туссеня Лувертюра съ дѣтьми его*, пер. съ фр.; въ № 11 — *О республикѣ итальянской*, пер. съ нѣм.; *Переписка агентовъ Людовика XVIII*; *Извѣстія*; въ № 12 — *Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени* (подпис. О. Р.); *Смѣсь*; *Расходы и доходы Франціи*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія*; *Смѣсь*; въ № 13 — *Феноменъ англійской литературы*; *Рыцарь нашего времени*, пер. съ нѣм. (и въ № 18); *Письмо изъ Неаполя*, пер съ фр.; *Жизнь Туссеня Лувертюра* (и въ № 15); *Объ англійскихъ министрахъ*, пер.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 14 — *Благоразумный человѣкъ*, пер. съ англ.; *Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ* (подпис. Ф. Ц.); *Письмо изъ Парижа*, пер. съ фр.; *Республика семи острововъ*; *Число жителей въ Англіи*; *Умноженіе жителей и успѣхи торговли въ Америкѣ*; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 15 — *О крокодилѣ*, пер. съ фр.; *Воздушное путешествіе*, пер. съ англ.; *Письмо изъ Неаполя*, пер.; *Смѣсь*; *Выборъ парламентскихъ членовъ*, пер. съ англ.; *Извѣстія и замѣчанія* (нѣкоторыя статьи); въ № 16 — *О долголѣтней жизни*; *О Вашингтонѣ*, пер. съ фр.; *Смѣсь*; *Письмо изъ Берна*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Балтимора*, пер ; *Таблица англійской торговли*; *Смѣсь*; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 17 — *Смѣсь*: *О книгѣ А. Шторха*; *О состояніи Рагузы*, пер. съ нѣм.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 18 — *Истинное происшествіе*, пер. съ фр.; *Смѣсь*; *Исторія англійскаго министерства*, пер. съ фр.; *Уголовные суды Франціи*; *Смѣсь*; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 19 — *Описаніе картины Жиродета*, пер. съ фр.; *О самоубійствѣ*; *Отрывки изъ Эшассеріо*, пер. съ фр.; *О посредствѣ Россіи и Франціи*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 20 — *Ремесленныя изобрѣтенія*, пер.; *Предисловіе къ Пантеону русскихъ авторовъ*; *Политическія мысли Неккера*; *Смѣсь*; *Извѣстія и замѣчанія* (кромѣ начала); въ № 21 — *О французской конституціи*, пер. съ нѣм.; *Извѣстія и замѣчанія* (кромѣ начала); въ № 22 — *Египетскіе вечера*, пер. съ фр.; *Якутская пѣсня*; *Смѣсь*; *Смыслъ народнаго согласія на консульство*, пер. съ фр. (и въ № 23); *Письмо изъ Лондона*, пер.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 23 — *О магнетизмѣ*, пер. съ фр.; *Къ читателямъ*; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 24 — *О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ* (подпис. О. О.); *Нынѣшній вкусъ*, пер. съ фр.; *О выгодахъ торговли по Черному морю*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія* (кромѣ начала); *Анекдотъ*, пер. съ фр. — Наступившій 1803 г. принесъ Карамзину не мало самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Въ первые мѣсяцы этаго года, Карамзинъ хлопоталъ со вторымъ изданіемъ *Московскаго Журнала*, въ 2 ч.; началъ *Собраніе сочиненій* своихъ, въ 8 ч.; оканчивалъ печатаніе послѣднихъ частей къ прежде начатымъ изданіямъ своихъ сочиненій и переводовъ: *Разныя повѣсти*, въ 2 ч. *Пантеонъ иностранной словесности*, въ 3 ч., и *Повѣсти Жанлисъ*, въ 2 ч.; весной и лѣтомъ, онъ жилъ на дачѣ въ Свирловѣ, гдѣ потерялъ близкаго къ нему человѣка, П. А. Пельскаго, смерть котораго тогда же оплакалъ трогательной *элегіей*; осенью, рѣшился, по совѣту Дмитріева, посвятить себя отечественной исторіи и, въ этихъ видахъ, 28 сентября письменно просилъ Мих. Ник. Муравьева, воспитателя имп. Александра, замолвить о немъ, гдѣ слѣдуетъ, доброе слово, а 3 декабря — уже писалъ къ своему брату: «Сообщаю вамъ двѣ новости: первая то, что Императоръ пожаловалъ мнѣ пенсіонъ, въ годъ по двѣ тысячи рублей, и сдѣлалъ меня исторіографомъ; а второе то, что я женюсь на милой дѣвицѣ Катеринѣ Андреевнѣ Колывановой». Что касается присвоенія Карамзину званія исторіографа съ пенсіей, это изображено въ слѣдующемъ именномъ указѣ Кабинету, отъ 31 октября 1803 г.: «Какъ извѣстный писатель, московскаго университета почетный членъ, Николай Карамзинъ, изъявилъ намъ желаніе посвятить труды свои сочиненію полной исторіи отечества нашего; то мы, желая ободрить его въ толь похвальномъ предпріятіи, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему, въ качествѣ исторіографа, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пансіона, изъ кабинета нашего»; а бракъ съ Колывановой, имѣвшей приданаго 800 душъ въ нижегородской губерніи, былъ выгоденъ Карамзину еще и потому, что ставилъ его въ близкія отношенія съ домомъ кн. Вяземскихъ, къ которому Колыванова принадлежала по крови. — При такихъ обстоятельствахъ, Карамзинъ уже не находилъ для себя удобнымъ оставаться издателемъ «Вѣстника Европы» и положилъ, додержавъ журналъ до конца года, передать его своему преображенскому сослуживцу П. П. Сумарокову, только что возвращенному изъ ссылки въ Тобольскѣ, гдѣ онъ издавалъ періодически т. е. въ 1790 и 1791 гг. «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену». — Изъ трудовъ Карамзина, оригинальныхъ и переводныхъ, въ «Вѣстникѣ Европы» 1803 г., помѣщены слѣдующіе: въ № 1 — *Дзетангъ*, пер. съ нѣм.; *Римская роскошь*, пер. съ нѣм.; *Описаніе испанскихъ спектаклей*, пер. съ англ.; *Новая шашечная игра*; *Генералъ Лефевръ*, пер. съ фр.; *О дѣлѣ Карнатскаго набаба*, пер. съ фр.; *О политической системѣ Англіи*, пер. съ англ.; *О восточномъ и*

западномъ народѣ, пер. съ фр.; *Открытіе англійскаго парламента*; *Извѣстія*; въ № 2 — *О привычкѣ*, пер. съ фр.; *Англійское великодушіе*, пер. съ фр.; *Кометы*, пер. съ нѣм.; *Отцы овернькіе*, пер. съ фр.; *О Дельфинѣ г-жи Сталь*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ нѣм.; *Извѣстія*; въ № 3 — *Письмо изъ Парижа*, пер. съ нѣм.; *О врагахъ стихотворства*, пер. съ фр.; *Удивительный пѣшеходъ*; *Взоръ на нынѣшній Римъ*, пер. съ нѣм.; *О камняхъ, падающихъ съ неба*, пер. съ фр.; *Непроницаемое полотно*; *О смерти Богдановича*; *Смѣсь*; *Происшествія въ Санъ-Доминго*; *Франція*; *Письмо изъ Берна*, пер.; *Разныя извѣстія*; въ № 4 — *Трогательная добродѣтель женщины*, пер. съ фр.; *Описаніе Соломонова трона*, пер. съ нѣм.; *Импровизаторы*, пер. съ фр.; *О кофе*, пер.; *Героическая любовь супруги*, пер. съ фр.; *Описаніе царства англичанъ въ Индіи*, пер. съ англ.; *Обозрѣніе прошедшаго года*, пер. съ нѣм.; *Донесеніе Себастіани консулу*, пер. съ фр.; *Участь Сардиніи*; *Парижскія извѣстія*; *Выписка изъ лондонскихъ вѣдомостей*, пер. съ англ.; въ № 5 — *Новая Спарта*, пер. съ фр.; *Чудесный младенецъ*; *Завѣщаніе ариѳметика*, пер. съ нѣм.; *Смѣсь*; *Лондонскія извѣстія*, пер. съ англ.; *Парижскія извѣстія*, пер. съ фр.; *Выписка изъ лондонскихъ вѣдомостей*, пер. съ англ.; *О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи*; *Разныя извѣстія*; въ № 6 — *Похвала кокетству*, пер. съ фр.; *Лавры*, пер. съ фр.; *Рѣчь Сюара*, пер. съ фр.; *Рѣчь на погребеніе Лагарпа*, пер. съ фр.; *Алоисъ Редингъ*, пер. съ нѣм.; *Изображеніе французской республики*; *Извѣстія и замѣчанія* (кромѣ начала); въ № 7 — *Письмо иностранца*, пер. съ фр.; *Швейцарскіе апологи*, пер. съ фр.; *Теорія Ламарка*, пер. съ фр.; *Сіэсъ*, пер. съ нѣм.; *Извѣстія и замѣчанія*; *Рѣчь Порталиса*, пер. съ фр.; въ № 8 — *О вѣрномъ способѣ имѣть въ Россіи довольно учителей* (подпис. Ц. Ц.); *Великодушное дѣло русскаго офицера*, пер. съ фр.; *О Сенъ-Ламберѣ и Лагарпѣ*, пер. съ фр.; *Погребеніе Клопштока*, пер. съ нѣм.; *Два письма Екатерины II*, пер. съ фр.; *Дѣйствіе тонкаго воздуха*, пер. съ нѣм.; *Засѣданія англійскаго парламента*; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 9 — *Исторія слезъ*, пер. съ англ.; *Письмо г-жи Жанлисъ*, пер. съ фр.; *Объ учтивости и хорошемъ тонѣ*, пер. съ фр.; *Кладбище въ Цугѣ*, пер. съ фр.; *Анекдоты и мысли*, пер. съ фр.; *О долгахъ Великобританіи*, пер. съ англ.; *Георгъ Томасъ*, пер. съ нѣм.; *Хитрости лондонскихъ журналистовъ*, пер. съ англ.; *Тайное общество благодѣтельности*; *Выписка изъ англійскихъ журналовъ*, пер. съ англ.; *Орденъ азіятскихъ братій*; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 10 — *Выписка изъ лондонскихъ журналовъ*, пер. съ англ.; *О предразсудкахъ*, пер. съ фр.; *Джеферсонъ*, пер. съ нѣм.; *О войнѣ французовъ въ Санъ-Доминго*, пер. съ англ.; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 11 — *Архенгольцъ о Клопштокѣ*, пер. съ нѣм.; *Любезный гость у Капуциновъ; Мудрое предложеніе ученаго нѣмца*; *Забавные шотландскіе графы*, пер. съ нѣм.; *Итальянскіе вулканы*, пер. съ фр.; *Записки нѣмецкой дамы*, пер.; *На смерть П. А. Пельскаго*, элегія; *О нынѣшнемъ состояніи Греціи*, пер. съ фр.; *Самозванецъ во Франціи; Выписки изъ лондонскихъ журналовъ*, пер. съ англ.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 12 — *О госпожѣ Бомарше*, пер съ нѣм.; *Остроумныя замѣчанія*; *Письма Ж. Ж. Руссо*, пер. съ фр.; *День Бонапарте*, пер.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 13 — *О русскомъ переводѣ Анахарсиса*; *Славный и великій орденъ дураковъ*, пер. съ нѣм.; *Объ имени рѣки Яхромы*; *Важность Мальты для Англіи*, пер. съ англ.; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 14 — *Свиданіе Софіи Шарлотты, королевы прусской, и матери ея съ Петромъ Великимъ*, пер. съ нѣм.; *О небесной физикѣ*, пер. съ фр.; *Торжественное шествіе молодаго и стараго Тибетскаго ламы*, пер. съ фр.; *Разговоръ Діогена съ Аристиппомъ о лести*, пер. съ фр.; *Рыцарь нашего времени*, пер. съ нѣм. (продолж.); *Письма Екатерины Великой къ Циммерману; Смѣсь; Шутки парижскихъ журналистовъ на счетъ англійскихъ министровъ*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 15 — *Выписка изъ англійскихъ журналовъ*, пер. съ англ.; *Объ извѣстности литературы нашей въ чужихъ земляхъ*; *Письмо изъ Лангедока*, пер. съ нѣм.; *О русской грамматикѣ француза Модрю*; *О силѣ Франціи и Россіи*; *Бонапарте единственный*, пер. съ нѣм.; *Рѣчь Бонапарте*, пер.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 16 — *Письмо изъ Парижа о генералѣ Моро*, пер. съ нѣм.; *Смѣсь*; *Искуство дѣлать женъ вѣрными*, пер. съ нѣм.; *О благотворномъ дѣйствіи наукъ для Франціи во время революціонной войны*, пер. съ фр.; *Совѣты пріятельницѣ*, пер. съ англ.; *Письмо одного англичанина изъ Квебека*, пер. съ англ.; *Выписка изъ лондонскихъ вѣдомостей*, пер. съ англ.; *О нынѣшней войнѣ*, пер. съ нѣм.; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 17 — *Забавы въ Гаванѣ*, пер.; *Письмо изъ Парижа*, пер. съ нѣм.; *Лѣкарство отъ любви*, пер. съ нѣм.; *Письмо Окоама*, пер. съ англ.; *Письмо сельскаго жителя* (подпис. Лука Еремѣевъ); *Письмо натуралиста*, пер. съ англ.; *Смѣсь*; *Рѣчь ландмана д'Аффри*, пер. съ фр.; *О войнѣ между Англіей и Франціей*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 18 — *Извѣстіе о московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; О свободѣ азіятскихъ женщинъ*, пер. съ фр.; *Мегалантропогнозія; Письмо изъ Парижа*, пер. съ нѣм.; *Смѣсь*; *Отрывокъ тайной исторіи консульства*, пер. съ англ.; *Карно*, пер. съ нѣм., *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 19 — *Извѣстіе объ островахъ Канарскихъ*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія*; въ № 20 — *Русская старина*; *Докторъ въ маскарадѣ*, пер. съ нѣм.; *Девизы*, пер. съ фр.; *Женитьба старика*, пер. съ нѣм.; *Письмо изъ Монреаля*, пер. съ нѣм.; *Какъ судили о женщинахъ*, пер. съ фр.; *Гороховый дождь*, пер. съ фр.; *Къ благотворительной незнакомкѣ*; *Смѣсь*; *Описаніе консульскаго парада*, пер. съ нѣм.; *О высадкѣ*, пер. съ нѣм.; *О состояніи Санъ-Доминго*, пер. съ нѣм.; *Письмо изъ Булони*, пер. съ фр.; *Письмо изъ Алепа*, пер. съ фр.; *Извѣстія и замѣчанія;* въ № 21 — *О характерѣ*, пер. съ фр.; (и въ № 22); *Русская старина*; въ № 22 — *Письмо изъ Лиссабона*, пер. съ нѣм.; *Турниръ*, пер. съ англ.; *О человѣкѣ*, пер. съ фр.; *Пѣсня*; *Ипохондрія*, пер. съ нѣм.; *Письмо американца*, пер.; *Англійская промышленность*, пер. съ нѣм.; *Карета Калоня*, пер. съ нѣм.; *Смѣсь; О твердости правленія Франціи*, пер. съ нѣм.; *Что выгоднѣе для Европы*, пер. съ нѣм.; *О мнимомъ предложеніи Бонапарта*, пер. съ нѣм.; *Письмо изъ Корфу*, пер.; *Извѣстія и замѣчанія;* въ №

23 — *Мысли о старости* (и въ № 24)*;* въ № 24 — *Можно вылѣчиться отъ страха; Смѣсь*; *Извѣстія и замѣчанія*; *Къ читателямъ Вѣстника*. Покончивъ съ журналистикой, Карамзинъ, 8 января 1804 г., женился на Ек. Андр. Колывановой, но, до приступленія къ труду историческому, спѣшилъ окончить изданіе своихъ «Сочиненій», начатое въ предыдущемъ году. Это изданіе, представлявшее въ одномъ цѣломъ все, писанное Карамзинымъ, тѣмъ ярче выказывало преимущества Карамзинскаго литературнаго языка — и Державинъ, въ началѣ 1804 г., уже писалъ къ И. И. Дмитріеву: «Г. Ши(шковъ) вызывалъ меня въ разговорахъ на похвалу своей критики («Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ»), сдѣланной имъ на счетъ новыхъ писателей, и, какъ кажется, болѣе Ни. Ми. (Н. М. Карамзина). Я ему сказалъ, что я не грамматикъ, о всѣхъ тонкостяхъ языка судить не могу, но мнѣ кажется, что слишкомъ пристрастны его разсужденія. Онъ отошелъ съ неудовольствіемъ». Трудъ историческій Карамзинъ началъ съ того, что исходатайствовалъ, чрезъ Муравьева же, высочайшее повелѣніе на открытіе ему главнаго московскаго архива, библіотекъ патріаршей или сvнодальной и троицкой; потомъ архивовъ сенатскаго, разряднаго, московской оружейной палаты; рылся въ архивахъ московскихъ монастырей — и 14 сентября 1804 г. писалъ къ Муравьеву: «Я кончилъ теперь введеніе; оно состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: *Кто были древніе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки — Славяне, Варяги и Варяги-Русь?* Шагъ самый трудный....». Далѣе Карамзинъ хвалится двумя отысканными имъ списками Нестора: Пушкинскимъ и Троицкимъ, жалуется на грубыя ошибки своихъ предшественниковъ Татищева и Болтина, высказываетъ намѣреніе «не печатать ни строки, пока не дойдетъ до фамиліи Романовыхъ». Среди этихъ занятій, Карамзинъ былъ избранъ совѣтомъ харьковскаго университета, открытаго въ ноябрѣ 1804 г., на каѳедру русской исторіи, географіи и статистики въ томъ университетѣ, но уклонился отъ харьковской профессуры, какъ прежде отъ дерптской. — Вмѣсто того Карамзинъ, продолжавшій числиться отставнымъ поручикомъ, обратился къ Муравьеву съ просьбой: при случаѣ доложить государю, чтобъ повелѣно было исторіографу, званіе котораго не имѣло опредѣленной степени въ порядкѣ государственныхъ чиновъ, считаться въ одномъ классѣ съ профессорами, «чѣмъ утвердилось бы сіе мѣсто не безважное» — и государь немедленно пожаловалъ Карамзина чиномъ надворнаго совѣтника. — Тогда, т. е. въ исходѣ 1804 г., Карамзинъ уже писалъ о нравахъ, правленіи и вѣрѣ Славянъ. «Я дѣлаю все, что могу — увѣдомлялъ онъ брата, — и совершенно отказался отъ свѣта; даже обѣдаю съ нѣкотораго времени одинъ, не ранѣе пятаго часа. Провидѣнію остается увѣнчать мой ревностный трудъ успѣхомъ». Въ 1805 г. Карамзинъ оканчивалъ II томъ и дошелъ до введенія христіанской вѣры, а между тѣмъ непріязнь къ нему сочувственниковъ Шишкова возрастала — и 31 мая, на петербургскомъ Маломъ-театрѣ, впервые была сыграна небольшая комедія кн. А. А. Шаховскаго «Новый Стернъ», съ явными намеками на сантиментальность Карамзина, напр. въ слѣдующемъ окончаніи романса сантиментальнаго путешественника гр. Пронскаго (В. Самойловъ):

Сама природа мнѣ сказала,
Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ;
Она любить мнѣ приказала,
Она, малиновка — любовь!

Но, какъ бы въ защиту осмѣяннаго исторіографа, С. Н. Глинка поставилъ на сцену драму *Наталья боярская дочь*, въ 3 д., передѣланную изъ повѣсти Карамзина, и публика, впервые увидѣвъ её 30 августа того же 1805 г., привѣтствовала громкими рукоплесканіями. — 6 марта 1806 г. Карамзинъ писалъ къ Муравьеву: «Мнѣ равно пріятно и заниматься дѣломъ своимъ и давать въ томъ отчетъ вамъ. Я кончилъ второй томъ.... По сю пору все идетъ изрядно; увидимъ, что будетъ далѣе». — Двадцать дней спустя, въ письмѣ исторіографа къ его брату читаемъ: «Работа моя идетъ медленно... Не смотря на то, что многими книгами пользуюсь даромъ, я долженъ еще издерживать не мало денегъ на покупку иностранныхъ книгъ». Къ тому же брату Карамзинъ писалъ еще черезъ пять мѣсяцевъ, именно 14 августа: «Работа моя подвигается впередъ хотя и медленно. Ежели буду живъ и здоровъ съ моимъ семействомъ, то надѣюсь зимой дойти до временъ татарскаго ига. Жаль, что я не моложе десятью годами! едвали дастъ мнѣ Богъ довершить мой трудъ. Такъ много еще впереди!». Однако, когда былъ обнародованъ манифестъ 30 ноября, призывавшій русскихъ къ составленію милиціи для борьбы съ Наполеономъ, Карамзинъ одушевился патріотическимъ чувствомъ и, отложивъ архивныя хартіи, написалъ стихотворную *Пѣснь воиновъ*, тогда же напечатанную. Въ 1807 г. умерли одинъ за другимъ: 20 апрѣля, кн. Андр. Ив. Вяземскій, назначившій Карамзина опекуномъ своихъ дѣтей, а 28 іюля Мих. Ник. Муравьевъ, просвѣщенный покровитель исторіографа, — и Карамзинъ, въ видахъ дальнѣйшаго преуспѣянія своего труда, счелъ не лишнимъ обратиться къ могущественному тогда статсъ-секретарю Ник. Ник. Новосильцову, прося его, при случаѣ, доложить государю, что онъ, Карамзинъ, «ревностно исполняетъ должность исторіографа», и что «главный предметъ его — строгая истина, основательность, ясность». — «Теперь я — говорилось въ письмѣ Карамзина къ Новосильцову — заключилъ IV томъ описаніемъ нашествія Батыева и надѣюсь, съ Божіею помощію, года черезъ три или четыре, дойти до времени, когда воцарился у насъ знаменитый домъ Романовыхъ». — Въ 1808 г., Карамзинъ, какъ видно изъ его писемъ къ А. И. Тургеневу, принималъ участіе въ дѣлахъ общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ; тогда же издалъ особою книжкою полу-историческую повѣсть свою *Марѳа Посадница*, писанную еще въ 1801 — 1802 гг., и 6 іюня, изъ Остафьева, подмосковнаго села кн. Вяземскихъ, писалъ къ брату: «Хотѣлось бы мнѣ, до возвращенія въ Москву, добраться до временъ Димитрія, побѣдителя Мамаева. Иду голою степью; но отъ времени до времени удается мнѣ находить и мѣста живописныя. Исторія не романъ; ложь всегда можетъ быть красива, а истина въ простомъ своемъ одѣяніи нравится только нѣкоторымъ умамъ, опытнымъ и зрѣлымъ. Если Богъ дастъ, то добрые Россіяне скажутъ спасибо или мнѣ, или моему праху». — Въ февралѣ 1809 г., Карамзинъ, по просьбѣ Державина, просматривалъ трагедію послѣдняго «Евпраксія», въ іюнѣ, кончилъ описаніе временъ Дмитрія Донскаго «и на нѣсколько времени остановился, чтобъ многое поправить назади», а въ декабрѣ былъ обласканъ государемъ, прибывшимъ тогда въ Москву, но испыталъ семейное горе, потерявъ сестру своей жены, дочь кн. А. И. Вяземскаго, только что выданную за г. м. кн. Ал. Гр. Щербатова (впослѣдствіи ген. отъ инф. и москов. воен. ген. губ.). Въ томъ же декабрѣ, а не *въ ноябрѣ 1810 г.*, какъ

*

повѣствуетъ академикъ Гротъ, впервые посѣтилъ Карамзинъ вел. княг. Екатерину Павловну въ Твери, о чемъ самъ исторіографъ, *15 февраля 1810 г.*, уже писалъ къ своему брату «До сего нещастія (смерти кн. Щербатовой) мы были веселы. Государь, находясь въ Москвѣ, изволилъ сказать мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ; а еще болѣе великая княгиня (Екатерина Павловна), къ которой, исполняя волю ея, нарочно я ѣздилъ послѣ въ Тверь; жилъ тамъ шесть дней; всякой день обѣдалъ во дворцѣ и читалъ по вечерамъ мою исторію великой княгинѣ и великому князю Константину Павловичу. Они плѣняли меня своею милостью». А такъ какъ подобныя милости всегда ведутъ къ какому нибудь высокому назначенію, то г. Погодинъ, на основаніи разныхъ соображеній, утверждаетъ, будто «Государь, наслышась о достоинствахъ Карамзина, при назначеніи Дмитріева, въ началѣ 1810 г., министромъ юстиціи, имѣлъ мысль поручить Карамзину министерство народнаго просвѣщенія, съ званіемъ директора, по малому его чину: онъ былъ тогда надворнымъ совѣтникомъ. Сперанскій отклонилъ это назначеніе, предлагая его сдѣлать прежде кураторомъ московскаго университета» («Карамзинъ по его сочиненіямъ» и проч. ч. II. с. 60) – и министерскій портфель достался гр. Разумовскому. Вѣрно одно, что въ 1810 г., Карамзинъ, занятый изданіемъ «Собранія Сочиненій» Мих. Ник. Муравьева, 1 іюля получилъ орденъ св. Владиміра 3 класса, при слѣдующемъ высочайшемъ рескриптѣ: «Нашему надворному совѣтнику и исторіографу Карамзину. Отличныя познанія и усердіе ваше къ распространенію россійскихъ изящныхъ письменъ и словесности, наипаче же труды, употребляемые вами въ изысканіяхъ и составленіи отечественной нашей исторіи, обращаютъ на васъ особенное наше вниманіе. Въ ознаменованіе онаго и въ вящшее поощреніе многотрудныхъ вашихъ въ семъ родѣ упражненій, признали мы за благо пожаловать васъ кавалеромъ» и т. д. Получивъ эту царскую награду, Карамзинъ умилился, забылъ свою прежнюю философію и, 11 іюля 1810 г., написалъ къ Дмитріеву: «Любезнѣйшій другъ! отъ всего сердца благодарю тебя, угадывая, *кто* выходилъ (?!) мнѣ этотъ крестъ. Какъ лестна мнѣ государева милость, такъ любезно и дѣйствіе твоей дружбы. Нѣкогда сказалъ я тебѣ въ шутку, что не буду носить никакихъ орденскихъ знаковъ, если бы и дали ихъ: теперь беру это слово назадъ. Памятники дружества священны; да и милостивое соизволеніе императора отличить меня такимъ знакомъ награды трогаетъ мое сердце. Обнимаю тебя нѣжно». Не всѣ однако смотрѣли съ такою же нѣжностію на эту награду исторіографа: тогдашній кураторъ московскаго университета, Пав. Ив. Кутузовъ, не далѣе какъ 10 августа 1810 г., писалъ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому: «Не могу равнодушно глядѣть на распространяющееся у насъ уваженіе къ сочиненіямъ г. Карамзина; вы знаете, что оные исполнены вольнодумческаго и якобинческаго яда. Но его послѣдователи и одобрители подняли теперь еще болѣе голову, ибо его сочиненія одобрены пожалованіемъ ему ордена и рескриптомъ, его сопровождающимъ. О семъ надобно очень подумать.... Карамзинъ явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе. Не орденъ ему надобно бы дать, давно бы пора его запереть...». Карамзинъ очень хорошо зналъ объ этомъ письмѣ, но, въ упованіи на заступничество вел. кн. Екатерины Павловны, не унывалъ, хотя и съ трудомъ своимъ медлилъ болѣе прежняго: «Въ нынѣшній годъ — писалъ онъ, 19 сентября 1810 г., къ брату — я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго. Болѣзнь моя, несчастныя потери и грусть отняли у меня не малую часть моихъ способностей. Трудъ столь необъятный требуетъ спокойствія и здоровья: не имѣю ни того, ни другаго, и дѣлаюсь, къ несчастію, меланхоликомъ. Оставивъ за собою дичь и пустыню, вижу впереди прекрасное и великое». — Для развлеченія своей «меланхоліи», Карамзинъ, въ ноябрѣ 1810 г., опять былъ у вел. княгини въ Твери и тамъ, въ разговорахъ съ ея высочествомъ, развивалъ свои мысли «о положеніи дѣлъ въ Россіи» — мысли, которыя вел. княгиня просила исторіографа изложить ей письменно и, 14 декабря того же года, даже писала къ нему: «жду съ нетерпѣніемъ *Россію въ ея гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ*». Таково было происхожденіе знаменитой *Записки о древней и новой Россіи* — труда, переписаннаго рукою жены Карамзина и отвезеннаго самимъ Карамзинымъ въ Тверь, въ половинѣ февраля 1811 г. Великая княгиня, вмѣстѣ съ исторіографомъ, прочитавъ «Записку» спрятала её въ бюро — и тогда-то, говорятъ, предложила Карамзину мѣсто тверскаго губернатора, не принятое однако Карамзинымъ, который, вѣроятно, намекая на это обстоятельство, 19 февраля 1811 г. писалъ къ Дмитріеву: «A propos какъ жаль, что не имѣю права похвастаться передъ тобою своею *философическою умѣренностью!* Не многіе отказываются, отъ чего я отказался; но пока не объявлю тебѣ секрета». Между тѣмъ, государя ждали въ Тверь 14 марта и сюда же, къ этому дню, былъ приглашенъ великой княгиней исторіографъ, который здѣсь впервые читалъ государю оконченные томы своей «Исторіи». Государь, восхищенный слышаннымъ, ласкалъ исторіографа, но, получивъ, 18 марта, «Записку о древней и новой Россіи», переданную ему великой княгиней тайкомъ отъ автора, вдругъ охладѣлъ къ послѣднему и, на другой день, при отъѣздѣ своемъ изъ Твери, даже не простился съ Карамзинымъ. Въ недоумѣніи, что это могло бы значить, Карамзинъ, въ свою очередь, 22 марта собрался въ Москву, и, откланиваясь великой княгинѣ, рѣшился попросить у ней свою «Записку», но ему сказали, что «она въ хорошихъ рукахъ» (le manuscrit est en bonnes mains). Карамзинъ не могъ не понять въ чемъ дѣло, но, возвратившись въ Москву, не счелъ себя въ правѣ откровенничать даже съ Дмитріевымъ, въ ближайшемъ письмѣ къ которому онъ изложилъ тверскія происшествія совсѣмъ въ другомъ видѣ. — Не въ духѣ отъ всего этаго, Карамзинъ не только оставался безучастнымъ къ московскому «Обществу исторіи и древностей», только что преобразованному, но, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, отъ 21 апрѣля 1811 г., даже выразился: «Объ историческомъ обществѣ ни слова кромѣ того, что я въ немъ не былъ и не буду, ибо не люблю пустяковъ». Другое литературное общество, возникавшее тогда въ Петербургѣ подъ именемъ «Бесѣды любителей русскаго слова» и предсѣдательствомъ извѣстнаго А. С. Шишкова, тоже не долюбливало Карамзина и, въ своихъ «Чтеніяхъ», или объясняло расположеніе публики къ Карамзину тѣмъ, что «временная слава возрастаетъ отъ нѣкотораго стеченія обстоятельствъ, отъ случайнаго расположенія умовъ, и часто отъ размноженія пустыхъ голосовъ, повторяющихъ одинъ другаго» (кн. I. с. IV), или еще яснѣе глумилась надъ Карамзинымъ, напр., въ слѣдующей стихотворной выходкѣ С. Марина, одного изъ даровитѣйшихъ остряковъ «Бесѣды»:

И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться?
На свѣтѣ можетъ всякъ чѣмъ хочетъ заниматься.
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь,
И вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добренькихъ Славянъ и милую Россію.... (кн. III. с. 121.)

«О «Бесѣдѣ» Шишковской слышалъ, писалъ Карамзинъ Дмитріеву. Желаю ей успѣха, но только въ добрѣ. Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ? Впрочемъ, мое правило не злиться». И благоразумно держась этаго правила, Карамзинъ, въ самыхъ первыхъ числахъ іюня 1811 г., опять пріѣзжалъ съ женою въ Тверь, откланяться «своей ученицѣ», великой княгинѣ, уѣзжавшей съ мужемъ, принцемъ Ольденбургскимъ, въ Вышній Волочокъ, а два мѣсяца спустя, исторіографъ, изъ подмосковной кн. Вяземскихъ, увѣдомлялъ Дмитріева: «Живемъ въ тишинѣ сельской. Работаю усердно, и готовлюсь описывать времена Ивана Васильевича (великаго князя). Вотъ прямо историческій предметъ! Доселѣ я только хитрилъ и мудрилъ, выпутываясь изъ трудностей. Вижу за собою песчаную степь африканскую, а передъ собою величественныя дубравы, красивые луга, богатыя поля и проч. Но бѣдной Моисей не вошелъ въ обѣтованную землю!» — Наступившій 1812 г. засталъ исторіографа въ его обычныхъ занятіяхъ и дружеской перепискѣ съ вел. кн. Екатериной Павловной, которая, напр., 4 января извѣщала Карамзина о своей поѣздкѣ въ Ярославль и желаемомъ возвращеніи въ Тверь — «къ книгамъ, переводамъ, грамматикѣ и друзьямъ», — а 24 мая пеняла Карамзину, что онъ не пригласилъ её крестить родившуюся у него, 6 мая, дочь Наталью. Въ іюнѣ, Карамзинъ, произведенный въ коллежскіе совѣтники, переѣхалъ въ подмосковную Остафьево и тамъ узналъ о вступленіи Наполеоновыхъ полчищъ въ предѣлы Россіи. Тамъ же, въ іюлѣ, посѣтилъ исторіографа К. Ѳ. Калайдовичъ, извѣстный изслѣдователь русской старины. «Я непремѣнно желалъ его видѣть до моего отъѣзда въ армію, пишетъ Калайдовичъ. На лицѣ его я прочелъ нѣкоторое уныніе, соединенное съ надеждою несомнѣнною. Исторіографъ унялъ меня на цѣлый день; прощаясь со мною заплакалъ и сказалъ: «Если бы я имѣлъ взрослаго сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго». 20 августа, Карамзинъ, уже изъ Москвы, писалъ къ Дмитріеву: «Я переѣхалъ въ городъ, отправилъ жену и дѣтей въ Ярославль.... Самъ живу у графа Ѳ. В. Растопчина и готовъ умереть за Москву, если такъ угодно Богу. Наши стѣны ежедневно болѣе и болѣе пустѣютъ; уѣзжаетъ множество». — 1 сентября, вслѣдъ за другими, оставилъ Москву и Карамзинъ, направившійся въ Нижній Новгородъ, гдѣ ожидала его семья. Изъ Нижняго, Карамзинъ, не могшій простить Кутузову сдачу Москвы — «насъ же увѣряли, ободряли, клялись сѣдыми волосами, и проч.», – 16 октября писалъ князю и княгинѣ Вяземскимъ: «Я собирался было итти отсюда съ ополченіемъ къ Москвѣ, чтобы участвовать въ ея предполагаемомъ освобожденіи, но дѣло обошлось и безъ меча исторіографскаго». Однако въ московскомъ пожарѣ погибло все книгохранилище Карамзина, собранное годами: «Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, писалъ онъ къ Дмитріеву изъ Нижняго; но «Исторія» цѣла: Камоэнсъ спасъ «Лузіаду». Два экземпляра этой «Исторіи», достигшей уже VI тома, были отданы Карамзинымъ: одинъ, лучшій, — его женѣ, передъ ея отъѣздомъ изъ Москвы, а другой — въ архивъ иностранной коллегіи, заблаговременно спасенный отъ огня. Продолженіе историческаго труда, которымъ Карамзинъ хотѣлъ заняться въ Нижнемъ, разумѣется, встрѣтило затрудненія: «Думаю приняться за свое дѣло — писалъ онъ оттуда, 14 ноября, къ Вяземскимъ; раскладываю бумаги и книги; однакожъ успѣхъ сомнителенъ: не имѣю и половины нужныхъ матеріаловъ». — «Худо для насъ, книжныхъ людей, писалъ Карамзинъ оттуда же, 26 ноября, къ Дмитріеву; здѣсь и «Степенная книга» мнѣ въ диковинку». — Къ неудобствамъ ученыхъ занятій, присоединилось и разстройство домашнихъ финансовъ: «Жена моя — извѣщалъ Карамзинъ, 18 декабря, Дмитріева — представила на службу 70 человѣкъ, которыхъ вооруженіе и прочее стоило намъ около 10,000 рублей: вотъ весь нашъ доходъ годовой. Даже и пенсіи не получаю, ибо казенная московская палата еще не открылась. Дадутъ ли мнѣ въ Петербургѣ чистой уголокъ въ какомъ нибудь казенномъ домѣ, т. е. комнатъ шесть? Государь самъ предлагалъ мнѣ жить въ Аничковскомъ дворцѣ; но тогда были другія обстоятельства: Ему теперь не до исторіографа. Скажи мнѣ объ этомъ свое мнѣніе». — Съ началомъ 1813 г. Карамзинъ испыталъ въ Нижнемъ удовольствіе, о которомъ, 21 января, онъ сообщалъ А. И. Тургеневу: «Я и здѣсь нашелъ нѣчто любопытное: «Степенную книгу», съ прибавленіями неизвѣстными, касательно времени царя Ивана Васильевича», а 17 февраля, исторіографъ писалъ къ Ал. Ѳед. Малиновскому: «Желаю работать, только не имѣю всего, что надобно. Читаю Монтаня и Тацита: они жили также въ бурныя времена». Въ іюнѣ мѣсяцѣ, Карамзинъ, со всѣмъ семействомъ, возвратился въ Москву и, 1 іюля, писалъ къ своему брату: «Съ грустью и тоскою въѣхали мы въ Москву. Думаемъ около половины августа ѣхать въ Петербургъ, чтобы печатать написанные мною томы исторіи. Едва ли могу продолжать её. Лучше выдать, пока я живъ. Никакихъ плановъ для будущаго не дѣлаю. Да будетъ, что угодно Всевышнему». — Историческій трудъ Карамзина, дѣйствительно, стоялъ безъ продолженія на описаніи государствованія Василія Ивановича — и Карамзинъ, оплакивая потерю своего маленькаго сына, Андрюши, грустно отнѣкивался отъ предложенія имп. Маріи Ѳедоровны — переселиться къ ней въ Павловскъ. — Утѣшенный, въ мартѣ 1814 г., взятіемъ Парижа русскими войсками и одушевленный, два мѣсяца спустя, отрывкомъ изъ парижскаго письма поэта Батюшкова къ кн. Вяземскому, гдѣ говорилось: «Напомни обо мнѣ почтенному семейству Карамзиныхъ; поздравь Николая Михайловича съ нашими побѣдами, и съ новыми матеріалами для исторіи. Я желаю, чтобъ Богъ продлилъ ему жизни для описанія нынѣшнихъ происшествій — двойная выгода: у насъ будетъ прекрасная полная исторія и Николай Михайловичъ будетъ жить болѣе вѣка. Сколько матеріаловъ!» — Карамзинъ немедленно настроилъ свою умолкнувшую лиру и привѣтствовалъ возвращеніе царя-побѣдителя одою: *Освобожденіе Европы и слава Александра I*, начинавшеюся такъ:

Конецъ побѣдамъ! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сраженъ, сраженъ, Напелеонъ!
Народы и цари! ликуйте:
Воскресъ порядокъ и законъ.
Свободу міра торжествуйте!
Есть правда, Богъ: тирана нѣтъ!
Проходитъ тьма, но вѣченъ свѣтъ.

Эта ода, написанная кстати, произвела большой эффектъ и, бывъ послѣднимъ по времени стихотвореніемъ Карамзина, стя-

жала автору ласковое вниманіе имп. Маріи Ѳедоровны, которая тогда же прислала исторіографу — «Угадай что? – спрашивалъ Карамзинъ Дмитріева, въ письмѣ отъ 12 іюля, и продолжалъ: — Розу, сорванную для меня, смиреннаго, рукою императрицы и высушенную нимфами тамошнихъ (Павловскихъ) садовъ, въ награду, какъ сказано, за мое смиренное стихотвореніе». Въ то же самое время Карамзинъ оканчивалъ дописывать княженіе Василія Ивановича, т. е. VII томъ своей «Исторіи», а въ октябрѣ 1814 г. онъ приступилъ къ VIII тому, или изложенію царствованія Ивана Грознаго, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, писалъ къ брату: «Не думаю, чтобы я могъ продолжать далѣе: слабѣютъ силы и охота». Сборы Карамзина въ Петербургъ однако продолжались и только 12 апрѣля 1815 г., когда возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы разомъ перевернуло всю европейскую политику, Карамзинъ, рѣшивъ отложить свою поѣздку, писалъ къ С. М. Полторацкому: «Происшествія во Франціи ужасны.... Москва въ большомъ уныніи... Не могу теперь сказать, когда буду въ Петербургѣ. Печатаніе Древней Исторіи требуетъ мира и спокойствія: погодимъ». — По неволѣ оставшись въ Москвѣ, Карамзинъ, тѣмъ же лѣтомъ, завелъ переписку съ Н. И. Новиковымъ, доживавшимъ свои дни въ подмосковномъ с. Авдотьинѣ; въ августѣ былъ отличенъ вниманіемъ имп. Александра, посѣтившаго тогда Москву; въ октябрѣ окончилъ VIII томъ своей «Исторіи», а въ ноябрѣ потерялъ ребенка-дочь и, грустно настроенный этой потерей, писалъ къ А. И. Тургеневу: «*Жить* есть не писать исторію, не писать трагедію, или комедію, а какъ можно лутче (sic) мыслить, чувствовать, дѣйствовать, любить добро, возвышаться душею къ его источнику; все другое, любезный мой пріятель, есть шелуха, не исключая моихъ осьми или девяти томовъ». Быть можетъ, подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ грусти, Карамзинъ, какъ говорятъ, посѣтилъ тогда въ Авдотьинѣ престарѣлаго Новикова и на разспросы послѣдняго: продолжалъ ли онъ, Карамзинъ, трудиться надъ познаніемъ Бога, природы и человѣка путемъ, указаннымъ ему въ юности, или лучше сказать, пріобрѣлъ ли онъ когда либо высшія масонскія и розенкрейцерскія степени? — отвѣчалъ отрицательно. — 19 января 1816 г. Карамзинъ увѣдомилъ брата, что «имѣетъ намѣреніе ѣхать черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ, чтобы представить государю восемь томовъ своей исторіи» и, въ назначенное время, дѣйствительно, отправился въ путь, на этотъ разъ, безъ семьи. Въ Петербургѣ Карамзинъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, тотчасъ же вошелъ въ моду, приглашался на перерывъ всею знатью, но долго ждалъ представленія своего государю, и оставался петербургскимъ гостемъ съ половины февраля до исхода марта 1816 г. Переписка его за эти шесть недѣль можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для исторіи высшаго петербургскаго общества того времени, общества, о которомъ онъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ женѣ, выразился: «Не обижая Москвы, нахожу здѣсь болѣе умныхъ, пріятныхъ людей, съ которыми можно говорить о моихъ любезныхъ матеріяхъ». Пріютомъ Карамзина въ Петербургѣ былъ домъ Ек. Ѳед. Муравьевой, вдовы Мих. Ник.: «Я вижу въ ней родную, писалъ Карамзинъ къ женѣ; живу у доброй Катерины Ѳедоровны какъ дома». Петербургскія отношенія Карамзина объясняются слѣдующими выдержками изъ писемъ его къ женѣ: 14 февраля, — «Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными непріятелями и скажу имъ: *есмь единъ посредѣ васъ и не устрашуся!* Видѣлъ во дворцѣ и К(утузова)....»; 18 февраля, — «Даже и К(утузовъ) обѣдалъ съ нами; онъ въ волненіи духа, и спрашивалъ у меня, когда уѣду въ Москву? Онъ вѣрно не безъ страха, и мнѣ почти хотѣлось бы успокоить его: вотъ казнь злобы и душевной мерзости!»; 22 февраля, — «Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всѣхъ *сердечнѣе, ласковѣе:* добрая хозяйка (Е. Ѳ. Муравьева), Малиновскіе, арзамасское общество нашихъ молодыхъ литераторовъ, Румянцовы, Огаревы, Оленины, Полторацкіе»; 1 марта, — «Скуки не было (въ пріемной дворца вел. кн. Екатерины Павловны): я бесѣдовалъ съ старыми и новыми знакомцами, напр. съ Шишковымъ, около часа, весьма искренно, простосердечно. Если онъ честенъ, то не будетъ (какъ ты сказала) злобствовать на меня...»; 6 – 7 марта, — «Все, кромѣ К(утузова) и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты. A propos de К.... сказываютъ, что онъ на сихъ дняхъ старался доставить графу Аракчееву записку съ новыми доносами на меня; но посредникъ отказался. C'est un fou, ce К....». — Изъ той же переписки видимъ, что съ Карамзинымъ были весьма ласковы даже петербургскіе иностранцы: Лордъ Каткартъ, графъ Местръ etc. и что кн. Ал. Ник. Голицынъ, познакомивъ Карамзина съ извѣстнымъ тогда — и особенно впослѣдствіи — гр. Каподистріа, шутливо дивился короткости, съ какою, черезъ 10 минутъ, уже бесѣдовали новые знакомцы. Но изъ всего, видѣннаго въ Петербургѣ, Карамзину преимущественно нравилось литературное общество «Арзамасъ», о которомъ онъ писалъ къ женѣ: 28 февраля, — «Здѣсь изъ мущинъ всѣхъ любезнѣе для меня арзамасцы: вотъ истинная Русская Академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ! Жаль, что они не въ Москвѣ или не въ Арзамасѣ...», а 2 марта, — «сказать правду, здѣсь не знаю ничего умнѣе арзамасцевъ: съ ними бы жить и умереть». — Такимъ же восторгомъ платили Карамзину и арзамасцы, душа которыхъ, Вас. Андр. Жуковскій, 18 февраля 1816 г., писалъ къ Дмитріеву: «У насъ здѣсь праздникъ за праздникомъ. Для меня же лучшій изъ праздниковъ — присутствіе здѣсь нашего почтеннаго Николая Михайловича. Здѣсь всѣ жаждутъ его узнать, и видѣть его въ этомъ кругу также (sic) пріятно, какъ и быть съ нимъ въ его семьѣ: онъ обращаетъ въ чистое наслажденіе сердца то, что для большей части есть только безпокойное удовольствіе самолюбія». — Представленный, наконецъ, государю, Карамзинъ былъ осыпанъ милостями: имп. Александръ пожаловалъ исторіографу чинъ статскаго совѣтника, ленту ордена св. Анны» — не за «Исторію», выразился при этомъ его величество, а за «Записку» — и 60 тыс. рублей на печатаніе «Исторіи». — «Положено — писалъ Карамзинъ брату, 4 апрѣля 1816 г., уже изъ Москвы, — печатать трудъ мой въ Петербургѣ, а мнѣ жить лѣтомъ въ Царскомъ Селѣ: такъ сказалъ государь.... Петербургъ славный городъ, но жить въ немъ дорого: не знаю, какъ мы тамъ устроимся». — Сбираясь стать придворнымъ, хотя не въ прямомъ значеніи этаго слова, звѣздоносный исторіографъ спѣшилъ покинуть остатки своей прежней, молодой философіи и, въ видахъ инаго рода, подъ вліяніемъ только что полученныхъ отличій, 13 апрѣля 1816 г., писалъ къ А. И. Тургеневу, правой рукѣ могущественнаго тогда кн. А. Н. Голицына: «Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ; хочу любить, какъ можно болѣе; не мечтаю даже и о возрожденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ середу не много получше того, какъ мы были во втор-

никъ, и довольно для насъ, лѣнивыхъ!». — 25 мая 1816 г. Карамзинъ, со всей семьей, переѣхалъ въ Царское Село, гдѣ, по волѣ государя, были ему отведены два китайскіе домика, расписанные кистью Бруни. Тутъ, въ Царскомъ Селѣ, Карамзинъ ежедневно встрѣчался съ государемъ, даже не рѣдко удостоивался его посѣщеній; постоянно пользовался привѣтомъ и лаской имп. Елизаветы Алексѣевны; два-три раза въ недѣлю приглашался, съ женою, къ имп. Маріи Ѳедоровнѣ въ Павловскъ. Не смотря на все это, жизнь Карамзина, съ переселеніемъ исторіографа въ Петербургъ, вообще утрачиваетъ много прежняго интереса, и самая переписка его съ друзьями, блиставшая нѣкогда богатствомъ мыслей и разнообразіемъ содержанія, начинаетъ наполняться, по большей части, извѣстіями о придворной сферѣ и о его въ ней вращеніи. Сфера эта, по крайней мѣрѣ сначала, отходила для Карамзина на второй планъ, потому что исторіографу предлежали хлопоты типографскіе, дѣйствительно, непріятные, даже побуждавшіе Карамзина возвратиться въ Москву, гдѣ типографія Селивановскаго не грозила ему тѣми затрудненіями, какія уже встрѣчалъ онъ въ петербургской военной типографіи. О послѣднихъ можно судить по одному тому, что военная типографія начала свое дѣло, согласно желаніямъ исторіографа, не прежде, какъ по двукратномъ объявленіи ей, чрезъ кн. П. М. Волконскаго, воли самаго государя: печатать «Исторію» Карамзина на условіяхъ, предложенныхъ самимъ авторомъ. Повелѣніе печатать трудъ Карамзина *безъ ценсуры* — тоже объявлялось дважды. Начальство типографіи, по словамъ самаго Карамзина, вообще старалось дѣлать исторіографу разные непріятности, особенно въ отсутствіе государя, часто покидавшаго Петербургъ. — Посвятивъ вознѣ съ типографіей все лѣто 1816 г., Карамзинъ совсѣмъ измучился и, мрачно настроенный, мрачно же встрѣтилъ совершившееся тогда освобожденіе эстляндскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, о чемъ бывшій философъ, а теперь исторіографъ, 12 октября писалъ къ А. Ѳ. Малиновскому «Слѣдствія новаго эстляндскаго устава о крестьянахъ развѣ *впредь* окажутся благодѣтельными; тогда, а не прежде, совѣтую вамъ говорить объ этомъ способѣ для соглашенія выгоды крестьянъ и дворянства. Будемъ молиться Богу, онъ все устроитъ къ лучшему...». — Наступленіе 1817 г. не облегчило типографскихъ заботъ Карамзина: «корректурная моя дѣятельность — писалъ онъ, 12 марта, къ Дмитріеву — продолжается и доводитъ меня иногда почти до обморока. Вообрази, что печатаю вдругъ въ трехъ типографіяхъ: въ военной, медиц. и сенатской! но вообрази также, что до сего времени не могу кончить и I тома, хотя печатаютъ уже и второй, и третій, и четвертый!» — Между заинтересованными скорѣйшимъ выходомъ «Исторіи» была и королева виртембергская Екатерина Павловна, писавшая 3/15 іюня къ Карамзину: «Воспоминаніе учителя пріятеля не могло не быть мнѣ пріятнымъ.... Ожидаю съ нетерпѣніемъ вашу «Исторію», дабы бесѣдовать съ предками». Самъ Карамзинъ, три дня спустя, писалъ къ Малиновскому: «Живу особнякомъ съ женою, съ дѣтьми и съ типографіями. Не есмь отъ міра сего, хотя и смѣюсь надъ святошами новыми: смѣюсь про себя, разумѣется». Между тѣмъ, I томъ былъ отпечатанъ и разосланъ самымъ близкимъ знакомымъ автора, изъ которыхъ ученый Ф. И. Кругъ, знатокъ русской исторіи, немедленно написалъ свои замѣчанія, за что Карамзинъ благодарилъ его собственноручной запиской, отъ 8 августа, на французскомъ языкѣ. — Почти тогда же Карамзинъ составилъ для имп. Маріи Ѳедоровны, по случаю отбытія всей царской фамиліи въ Москву, «*Записку о достопамятностяхъ Москвы*, не предназначавшуюся къ печати, но помѣщенную въ майской и іюньской книжкахъ «Украинскаго Вѣстника», что вызвало, съ одной стороны, саркастическую критику М. Т. Каченовскаго въ его «Вѣстникѣ Европы», а съ другой дружескіе упреки Дмитріева Карамзину, который всегда упорно отказывался возражать своимъ зоиламъ. Впрочемъ, на этотъ разъ, Карамзинъ былъ озабоченъ болѣе чѣмъ когда нибудь: восемь томовъ его «Исторіи» уже оканчивались печатаніемъ, а самъ исторіографъ, полу-разочарованный понесенными трудами, 27 декабря 1817 г. писалъ къ своему брату: «Еще не знаю, буду ли продолжать Исторію по изданіи осьми томовъ. Все въ рукѣ Божіей: и моя судьба, и моя Исторія». — Наконецъ, 1 февраля 1818 г., явилось первое изданіе осьми томовъ труда Карамзина, подъ титуломъ: *Исторія государства россійскаго*, изданіе напечатанное на бумагѣ низкаго достоинства и такимъ дурнымъ шрифтомъ, что, напр., королева виртембергская Екатерина Павловна не оставила замѣтить Карамзину изъ Штутгарта: «Читаю вашу Исторію и наслаждаюсь ею; но не прогнѣвайтесь: печать очень дурна, глаза портитъ». — Не смотря однако на этотъ важный недостатокъ и довольно высокую цѣну (по 55 руб. ас. экземпляръ), первое изданіе «Исторіи государства россійскаго» было раскуплено менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ — и уже 27 февраля Карамзинъ писалъ Малиновскому: «Сбылъ я съ рукъ послѣдніе экземпляры моей исторіи; это у насъ дѣло безпримѣрное: въ 25 дней продано 3,000 экземп.». — Счастливый авторъ уплатилъ всѣ свои долги, положилъ 30 тыс. рубл. въ ломбардъ и сталъ сбираться въ Москву: «Тамъ я жилъ, писалъ онъ къ брату, тамъ мнѣ и умереть. Люблю государя, императрицъ, а смотрю въ свою нору». — На этотъ разъ однако Карамзину пришлось подождать въ Петербургѣ. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ, за израсходованіемъ всего изданія «Исторіи» Карамзина, требовалось еще 600 экземпляровъ, а въ апрѣлѣ, петербургскіе книгопродавцы братья Сленины приняли на себя второе изданіе «Исторіи государства россійскаго», съ условіемъ выплатить автору 50 тыс. руб. въ теченіе 5 лѣтъ: «Это немного, писалъ Карамзинъ къ брату, но избавитъ меня отъ хлопотъ изданія». — Не ошибались и Сленины, вѣрно расчитывая выгоды своего предпріятія: требованія публики, жаждавшей прочесть и имѣть новое произведеніе давно любимаго ею писателя, росли съ каждымъ днемъ. «Казалось, выразился тогда молодой Пушкинъ, древняя Россія найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ». Но все это не мѣшало Каченовскому наполнять критическій отдѣлъ «Вѣстника Европы» болѣе или менѣе остроумными выходками противъ Карамзина, къ крайнему негодованію, напр., кн. П. А. Вяземскаго, который, въ одномъ изъ своихъ варшавскихъ писемъ къ И. И. Дмитріеву, горько изумлялся, что въ журналѣ, издаваемомъ московскимъ университетомъ, «надъ Карамзинымъ, государственнымъ исторіографомъ, представителемъ нашего просвѣщенія въ глазахъ ученой Европы, отличеннымъ примѣрными знаками благоволенія государя, наградившаго его за труды, позволяютъ насмѣхаться наглыми и безстыдными шутками». — Самъ Карамзинъ, по своему обыкновенію не возражавшій зоиламъ, все лѣто 1818 г. ревностно читалъ корректуры 2-го изданія «Исторіи», набираемыя въ типографіи Греча, и продолжалъ пользоваться милости-

вымъ вниманіемъ государя, который, къ петергофскому празднику 1 іюля, приказалъ нанять для семейства исторіографа домикъ въ Петергофѣ, на два дни, цѣною за 2 тыс. рубл.: «Это лестно, замѣчаетъ Карамзинъ въ письмѣ къ брату, но мнѣ жаль казенныхъ денегъ». — 10 іюля 1818 г., въ торжественномъ засѣданіи Россійской Академіи, Карамзинъ единодушно былъ избранъ членомъ ея, по предложенію президента, А. С. Шишкова, который, перечисливъ при этомъ имѣющіяся въ академіи «упалыя мѣста», вотировалъ къ выбору «г. статскаго совѣтника Н. М. Карамзина» и прибавилъ: «Творенія его стихами и прозою, всѣмъ извѣстныя, особливо же сочиненіе Россійской Исторіи, увольняютъ меня отъ всякой надобности исчислять прочіе труды его для показанія достоинства ко вступленію въ сіе почтенное сословіе». — Карамзинъ, съ своей стороны, оффиціально выразилъ академіи чувства признательности въ слѣдующемъ — почти сардоническомъ — письмѣ, отъ 18 іюля, на имя академическаго секретаря Соколова: «М. Г. Петръ Ивановичъ. Съ величайшею благодарностію принимаю честь быть членомъ Императорской Россійской Академіи, которой достохвальные труды способствуютъ успѣхамъ языка нашего. Сія честь для меня тѣмъ лестнѣе, что я обязанъ ею благосклонному ко мнѣ расположенію господина президента, мужа знаменитаго своими твореніями въ россійской словесности. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и въ истинной преданности, съ коими пребуду навсегда, М. Г., вашимъ покорнѣйшимъ слугою Николай Карамзинъ». - Осенью того же года «Исторію государства россійскаго» взялись переводить на французскій языкъ два петербургскіе педагога, Сенъ-Томасъ (St. Thomas) и Жоффре (Jauffret), между тѣмъ какъ самъ Карамзинъ уже занимался приготовительнымъ трудомъ къ сочиненію IX тома и, 28 ноября, сообщалъ Малиновскому о своемъ времяпровожденіи слѣдующее: «Брожу всякое утро пѣшкомъ; а тамъ читаю корректуры, описываю злодѣйства Ивашки (такъ позволялъ себѣ исторіографъ въ дружеской перепискѣ, обзывать, нелюбимаго имъ царя Ивана IV), иногда часа на два выѣзжаю, и пью чай дома съ семействомъ или съ пріятелями». — 1818 г. заключился для Карамзина тѣмъ, что онъ, 5 декабря, въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи, произнесъ *рѣчь*, въ которой совѣтовалъ своимъ сочленамъ: 1) исправлять словарь и грамматику; 2) посвятить часть академическихъ досуговъ критическому обозрѣнію словесности, при чемъ болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, «что осудить можно», и 3) задавать писателямъ темы, заманчивыя для ума и воображенія. — «Наступленіе 1819 г. застало Карамзина въ горѣ по умершей, 29 декабря, королевѣ виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ и за работою надъ I главой IX тома «Исторіи». Нѣсколько строкъ изъ этой главы Карамзинъ, 5 февраля, внесъ и въ альбомъ Н. И. Иванчина-Писарева, а 9 февраля, онъ писалъ Дмитріеву: «Я читаю корректуры, иногда заглядываю въ общество (напримѣръ вечера у Кочубея) и пишу объ *Ивашкѣ*». Милость царская къ исторіографу продолжалась, что доказывается слѣдующей выдержкой изъ письма его къ Дмитріеву, отъ 31 марта: «Четвертаго дня я обѣдалъ у государя и былъ у него въ кабинетѣ съ одною бумагою, которую онъ присылалъ ко мнѣ поправить или передѣлать. Тебѣ извѣстна его любезность. Вчера императрица Елисавета Алексѣевна обязала важнымъ благодѣяніемъ одно бѣдное семейство по моей прозьбѣ и приняла у себя въ кабинетѣ жену мою съ отмѣнною милостію. Завтра поѣду благодарить...». — Между тѣмъ въ Парижѣ уже начала являться по-томно: «Histoire de l'empire de Russie, par M. Karamsin, traduite par Mrs. St. Thomas et Jauffret»; лѣтомъ 1819 г. у Карамзина родился еще сынъ, о беременности которымъ его матери находятся весьма частыя упоминанія въ перепискѣ исторіографа, а 17 октября Карамзинъ уже читалъ государю свое извѣстное *Письмо противъ возстановленія Польши*, на которомъ онъ, 29 декабря — одновременно съ выходомъ 2-го изданія «Исторіи государства россійскаго», съ превосходнымъ портретомъ автора, работы Уткина, — «выронивъ нѣсколько слезъ», сдѣлалъ собственноручную приписку: «для потомства». «Я не святой и не святоша, писалъ Карамзинъ, по этому случаю и въ тотъ же день, къ Дмитріеву; но Богъ мнѣ отецъ: не хочу страшиться суда его». — 8 января 1820 г. Карамзинъ присутствовалъ въ торжественномъ засѣданіи Россійской Академіи и тутъ, съ предварительнаго разрѣшенія имп. Александра, читалъ нѣкоторыя главы IX тома своей «Исторіи», тогда еще не напечатаннаго. По окончаніи чтеній Карамзина и другихъ, президентъ, изложивъ обязанность академіи награждать литературныя заслуги, сказалъ: «Многотрудный подвигъ члена ея Н. М. Карамзина въ сочиненіи Россійской Исторіи, сколько приноситъ чести сочинителю, столько же пользы отечеству. Посему имѣю я долгъ почтительнѣйше предложить академіи, не благоугодно ли будетъ за сей достойный трудъ его назначить ему большую золотую медаль». Предложеніе это было принято всѣми наличными членами единогласно и утверждено ихъ подписью. За тѣмъ президентъ поднесъ Карамзину лестную для послѣдняго награду, съ словами: «Я имѣю пріятное порученіе, за труды ваши по Россійской Исторіи, отъ лица академіи вручить вамъ большую золотую медаль» — и слова эти сопровождались громкими рукоплесканіями всѣхъ присутствующихъ, раздавшимися, какъ замѣчаетъ одинъ изъ очевидцевъ событія, «въ первый разъ, вѣроятно, со времени основанія академіи». — Но Каченовскій, кн. Шаликовъ и другіе борцы «Вѣстника Европы», тѣмъ не менѣе, продолжали «съ тяжелымъ легкомысліемъ невѣжества шутить надъ нашимъ исторіографомъ», какъ выражается, въ одномъ изъ лондонскихъ писемъ къ Дмитріеву, отъ 25 марта 1820 г., Д. Н. Блудовъ (впослѣдствіи графъ), который, впрочемъ, замѣчалъ тогда же и тому же Дмитріеву: «Самъ нашъ исторіографъ, переселясь на сѣверъ, заразился болѣзнію, если не лѣни, то медлительности: четвертый годъ корпитъ надъ однимъ девятымъ томомъ и видно, что ему также трудно описывать царствованіе Ивана Васильевича, какъ было современникамъ сносить его». — Къ этому же времени, т. е. къ веснѣ 1820 г., относится благородное вмѣшательство Карамзина въ дѣло молодаго поэта Пушкина, который, попавшись правительству съ своими «контрабандными» стихами и угрожаемый ссылкой чуть ли не въ Соловки, пришелъ къ исторіографу, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, со слезами на глазахъ выслушивалъ дружескіе упреки и наставленіе. «Можете ли вы, спрашивалъ Карамзинъ геніальнаго юношу, по крайней мѣрѣ обѣщать мнѣ, что въ продолженіе года ничего не напишете противнаго правительству? Иначе я выду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». — Пушкинъ обѣщалъ все — и Карамзинъ, въ то же утро, оторвавшись отъ своихъ историческихъ изысканій, поспѣшилъ къ имп. Маріи Ѳедоровнѣ, а отъ нее къ гр. Каподистріа, начальнику Пушкина по службѣ.

Предстательство Карамзина помогло Пушкину, который, вмѣсто ссылки въ Соловки, былъ благовидно удаленъ изъ Петербурга въ Бессарабію, подъ начальство и надзоръ добряка И. Н. Инзова. — Лѣто 1820 г. Карамзинъ провелъ, по обыкновенію, въ Царскомъ Селѣ, откуда, 30 іюля, онъ писалъ къ имп. Елизаветѣ Алексеевнѣ: «Позвольте мнѣ быть ослушнымъ и безпрестанно благодарить ваше императорское величество. Могу еще хвалиться скромностію, оставляя многое въ душѣ, чего и выразить не умѣю, не смотря на то, что мнѣ 52 года отъ роду, и что я болѣе тридцати лѣтъ учусь выражать свои мысли и чувства»; а по возвращеніи на зиму въ Петербургъ, исторіографъ уже читалъ французскіе разборы «Исторіи государства россійскаго», изъ которыхъ замѣчательнѣйшіе — и составленные, разумѣется, по переводу С.-Томаса и Жоффре - явились въ «Moniteur Universel» (1 ноября) и въ «Journal des Débats» (5, 10 и 12 декабря). Кромѣ французскаго перевода «Исторіи государства россійскаго», дѣлался еще и нѣмецкій, въ одномъ I томѣ котораго Карамзинъ насчиталъ «100 ошибокъ отчасти грубыхъ и непонятныхъ; напр. 17-й вѣкъ вмѣсто *шестаго; до Рожд. Христова* вмѣсто *до введенія христ. вѣры* etc».— Окончивъ сочиненіемъ IX томъ, Карамзинъ, 30 января 1821 г., дружески признавался Малиновскому: «Хотѣлось бы дописать (исторію) до Романовыхъ: тутъ конецъ поэмы — остальное наслѣдникамъ. Еще бы два тома — и поклонъ исторіи! Но не обманываю себя: едва ли удастся, развѣ Богъ поможетъ! Лѣта склоняютъ мой умъ къ метафизикѣ: это не годится для изображенія дѣйствія и характера». Совсѣмъ тѣмъ, исторіографъ, по изданіи IX тома, въ томъ же 1821 г. принялся за работу для томовъ X и XI. — Новый 1822 г. Карамзинъ началъ включеніемъ въ письмо къ Дмитріеву, отъ 2 января, собственнаго двустишія:

Мы видимъ счастья тѣнь въ мечтахъ земнаго свѣта.
Есть счастье гдѣ нибудь: нѣтъ тѣни безъ предмета, —

но, не далѣе какъ 29 января, онъ уже писалъ къ Малиновскому: «Между тѣмъ очень люблю въ здѣшнемъ свѣтѣ и свѣтъ, — кромѣ развѣ нашихъ просвѣтителей, — и семейство, и друзей, и Россію, и царя, и царицъ. Право все хорошо». — Умиленный этимъ воззрѣніемъ на вещи, исторіографъ мало по малу увязалъ въ тинѣ свѣтской пустоты, болѣе и болѣе становился придворнымъ, — и въ такомъ положеніи нашелъ своего друга менѣе сантиментальный Дмитріевъ, который, пріѣхавъ тогда въ Петербургъ, гдѣ друзья свидѣлись въ послѣдній разъ, грустно занесъ въ свои «Записки» слѣдующее воспоминаніе о Карамзинѣ: «Казалось, будто мы встрѣчались все мимоходомъ. Дворъ, изрѣдка и слегка исторія, городскія вѣсти были единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, и сердце мое ни однажды не было спрошено его сердцемъ. Я увѣренъ былъ и тогда въ его дружбѣ, а чувствовалъ грусть и не могъ вполнѣ быть довольнымъ». — Тѣмъ не менѣе Карамзинъ въ томъ же 1822 г. окончилъ X томъ и, 22 сентября, увѣдомлялъ Малиновскаго: «Государь дорогою читалъ мою рукопись о царствованіи Ѳеодора, возвратилъ мнѣ тетради и позволилъ печатать». — Быть можетъ, ради занятій своимъ главнымъ трудомъ, Карамзинъ былъ единственный писатель, по крайней мѣрѣ, между извѣстнѣйшими, который не далъ ничего въ альманахъ «Полярная Звѣзда», вышедшій въ декабрѣ 1822 г., подъ редакціей А. Бестужева (Марлинскаго) и извѣстнаго К. Рылѣева. — Мало того: по выходѣ «Полярной Звѣзды», Карамзинъ жаловался Дмитріеву, что въ ней «Обозрѣніе русской литературы написано какъ бы на смѣхъ...». — Въ томъ же декабрѣ, въ №№ 23 и 24 «Сѣвернаго Архива», издававшагося Ѳ. Булгаринымъ, явились одна за другою двѣ критики на «Исторію государства россійскаго»: строгая, написанная польскимъ историкомъ Лелевелемъ, и снисходительная, принадлежащая нѣмецкому писателю Герену, которую Булгаринъ перевелъ и напечаталъ «въ доказательство, какъ выражается онъ, своего совершеннаго безпристрастія». — 14 января 1823 г. Карамзинъ присутствовалъ въ публичномъ собраніи Россійской Академіи, которое привелъ въ восторгъ чтеніемъ ненапечатаннаго еще отрывка изъ своей «Исторіи» о убіеніи царевича Дмитрія и воцареніи Бориса Годунова, а потомъ, до переѣзда на лѣто въ Царское Село, продолжалъ свою обычную жизнь, т. е. по утрамъ занимался «Исторіей», а вечерами посѣщалъ кое-кого и, напр., 11 апрѣля навѣстилъ баснописца И. А. Крылова, «у котораго — сообщалъ исторіографъ, на другой же день, Малиновскому — покривился ротъ отъ легкаго удара: сидитъ онъ на софѣ съ своею славою, въ ожиданіи, что будетъ, какъ былъ, или совсѣмъ не будетъ». — Въ половинѣ мая Карамзинъ переѣхалъ въ Царское Село и тутъ, весь іюнь, проболѣлъ горячкой, о чемъ, 5 іюля, писалъ къ Дмитріеву: «Бывъ при дверяхъ гроба, я остался еще въ живыхъ и теперь оправляюсь, хотя медленно, какъ пятидесятипяти-лѣтній. Не жалѣю о томъ, что былъ боленъ: жалѣю единственно о милыхъ для меня людяхъ, которые обо мнѣ безпокоились и тревожились, какъ ты, любезнѣйшій другъ». — Оправившись отъ болѣзни, Карамзинъ испыталъ новое горе: въ сентябрѣ, сгорѣло главное его имѣніе, арзамасская деревня, чрезъ что годовой доходъ исторіографа уменьшился тысячъ на шесть рублей. Октябрьскіе дни Карамзинъ доживалъ въ Царскомъ Селѣ и оттуда, 18 октября писалъ къ Дмитріеву: «Знаешь ли, что читаю? Ужасы тайной канцеляріи (между нами!), именно дѣло о Волынскомъ: двѣ кипы и сундукъ. Гнусно и любопытно». — За тѣмъ Карамзинъ оставилъ Царское Село и 27 ноября, изъ Петербурга, увѣдомлялъ Дмитріева: «Теперь начинаются новые хлопоты: печатаніе X-го и XI-го тома Исторіи: всякой день хожу на поклонъ къ журналисту и содержателю типографіи Гречу: вотъ мой дворъ!». — А 1 декабря писалъ къ брату: «Теперь я занимаюсь печатаніемъ двухъ новыхъ томовъ моей Исторіи, 10-го и 11-го. Хорошо, если они такъ же разойдутся, какъ 9-й томъ. Кромѣ авторскаго честолюбія, это могло бы поправить и наши экономическія обстоятельства». — Наступленіе 1824 г. застало Карамзина въ тѣхъ же типографскихъ заботахъ: «Занимаюсь печатаніемъ, писалъ онъ, 1 января, къ Дмитріеву; не жалѣю денегъ, а идетъ плохо. О народъ русскій, котораго Исторію писалъ я съ такимъ чувствомъ! Лучше писать, нежели печатать её въ русской типографіи». — Совсѣмъ тѣмъ, мѣсяцъ спустя X и XI томы «Исторіи государства россійскаго» вышли въ свѣтъ, но, вопреки ожиданіямъ издателей Слепиныхъ, сбывались туго, что однако не помѣшало самому автору, 6 апрѣля, въ день Пасхи, получить чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. «Вотъ сюрпризъ! писалъ онъ, на другой же день, къ Дмитріеву.... Я пробылъ у государя въ первый день праздника минутъ съ 40, но онъ не сказалъ мнѣ ни слова объ этомъ повышеніи за Годунова и Самозванца». — Весною, Карамзинъ отправился на отдыхъ въ Царское Село и тамъ, всегда наклонный къ мечтательности, рвался душой въ Москву, что видно изъ слѣдую-

щаго мѣста письма исторіографа къ А. И. Тургеневу, отъ 24 сентября: «Понимаю ваше удовольствіе быть въ моей старой, доброй Москвѣ. Люблю ее какъ душу, хотя и не смѣю сказать, чтобы я желалъ теперь возвратиться въ ея бѣлокаменныя стѣны: лѣнь пятидесяти-осьми годовъ, а еще болѣе сыновья подростающіе привязываютъ меня къ игрушкѣ Петра Великаго. Впрочемъ, знаете философію моего сердца: «да будетъ воля Божія!» Къ тому же кладбища московскія нравятся мнѣ болѣе петербургскихъ». Но историческая работа Карамзина продолжалась даже на отдыхѣ и 21 октября, изъ Царскаго Села, онъ писалъ къ Дмитріеву: «Списываю вторую главу Шуйскаго; еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или спѣсивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще съ нѣкоторою полнотою духа, живостью сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого нибудь паралича. Но да будетъ воля Божія!». — Мысль о близости смерти, похожая на предчувствіе, до того начинала преслѣдовать исторіографа, что онъ, по возвращеніи своемъ на зиму въ Петербургъ, видимо слабѣлъ тѣломъ, упадалъ духомъ, и, уже не довѣряя ни своимъ, ни чужимъ произведеніямъ ума, 25 января 1825 г. писалъ къ Малиновскому: «Читаю безпрестанно, но мало отечественнаго, читаю единственно въ пищу душѣ и сердцу. Я недостоинъ восхищаться нашею литературою, даже историческою. Кажется, искренне смиряюсь передъ вѣкомъ». — Не мудрено также, что это разочарованіе Карамзина усиливалось отчасти Булгаринымъ, который, въ №№ 1, 2 и 3 «Сѣвернаго Архива» 1825 г., помѣстилъ рядъ своихъ статей, подъ заглавіемъ: «Критическій взглядъ на X и XI томы Исторіи государства россійскаго, сочиненной Н. М. Карамзинымъ» — и тутъ, объяснивъ непріязнь исторіографа къ самой личности Бориса Годунова, не безъосновательно замѣчалъ, что «краснорѣчивыя порицанія историка не затмѣваютъ великихъ дѣлъ Годунова», а «выходки противъ его правленія и характера блестящи, но слабы и недостаточны». Какъ бы то ни было, Карамзинъ спѣшилъ своимъ трудомъ, не покидая его и въ китайскомъ домикѣ Царскаго Села, откуда, въ іюлѣ 1825 г., исторіографъ, согласно желанію государя, ѣздилъ осматривать военныя поселенія, по которымъ, согласно той же высочайшей волѣ, возилъ Карамзина самъ гр. Аракчеевъ. И что-же? Карамзинъ, до того далеко не раздѣлявшій восхищенія многихъ военными поселеніями, даже въ откровенныхъ бесѣдахъ съ государемъ возстававшій противъ этой жестокой мѣры черстваго Аракчеева, такъ былъ очарованъ расчитанной любезностью послѣдняго, что, возвратившись изъ военныхъ поселеній, 31 іюля писалъ къ Дмитріеву: «Графъ Аракчеевъ угостилъ меня съ ласкою необыкновенною. Поселенія удивительны во многихъ отношеніяхъ. Тамъ, гдѣ за восемь лѣтъ были непроходимыя болота, видишь сады и города. Но *Русской путешественникъ* уже старъ и лѣнивъ на описанія». — Послѣднюю осень свою въ Царскомъ Селѣ, Карамзинъ проводилъ въ безмятежномъ спокойствіи, которое онъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 22 октября, изображаетъ такъ: «Всѣ часы дня заняты пріятнымъ образомъ: въ 9 ч. утра гуляю по сухимъ и въ ненастье дорогамъ, вокругъ прекраснаго, не туманнаго озера, славимаго и въ Conversations d'Emilie; въ 11-мъ завтракаю съ семействомъ и работаю съ удовольствіемъ до двухъ, еще находя въ себѣ душу и воображеніе; въ два часа на конѣ, не смотря ни на дождь, ни на снѣгъ: трясусь, качаюсь — и веселъ; возвращаюсь съ аппетитомъ, обѣдаю съ моими любезными, дремлю въ креслахъ, и въ темнотѣ вечерней еще хожу часъ по саду, смотрю вдали на огни домовъ, слушаю колокольчикъ скачущихъ по большой дорогѣ и нерѣдко крикъ совы; возвратясь свѣжимъ, читаю газеты, журналы не-русскіе, книгу не-русскую; въ 9 часовъ пьемъ чай за круглымъ столомъ, и съ десяти до половины двѣнадцатаго читаемъ съ женою и съ двумя дѣвицами Вальтеръ-Скота, романы, но съ невинною пищею для воображенія и сердца, всегда жалѣя, что вечера коротки. Не знаю скуки съ зѣвотою, и благодарю Бога. Радъ жить такъ до конца жизни... Что мнѣ городъ?». — И Карамзинъ, на этотъ разъ, дѣйствительно, зажился въ Царскомъ Селѣ, гдѣ его «придворное уединеніе», какъ выражается Д. Н. Блудовъ, даже въ ноябрѣ раздѣлялъ еще В. А. Жуковскій. — Съ переѣздомъ въ Петербургъ, Карамзинъ скоро узналъ о смерти своего государя благодѣтеля. «Мы не имѣли времени приготовиться къ удару, писалъ онъ, 1 декабря, къ Дмитріеву; изумились, и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, если бы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру». — Ту же скорбь изливалъ Карамзинъ и въ письмѣ къ Малиновскому, отъ 7 декабря: «Общая горесть наша — писалъ онъ — велика. Царствованіе Александра было и славно и милостиво, а въ сердцѣ его что-то ангельское. Мы всѣмъ семействомъ были привязаны къ нему душевно, не только благодарностію, но и любовію безкорыстною. Договоръ нашъ не исполнился: давъ мнѣ слово быть покровителемъ моихъ дѣтей послѣ моей смерти, онъ предупредилъ ее своею безвременною кончиною. — Одно въ Петербургѣ и Москвѣ: слезы искренныя». — Памятный день 14 декабря Карамзинъ провелъ въ Зимнемъ дворцѣ, подлѣ императрицъ, кипя негодованіемъ противъ «безумцевъ», о чемъ самъ же онъ, въ письмѣ къ Дмитріеву, отъ 19 декабря, свидѣтельствуетъ такъ: «Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было инаго способа прекратить мятежа», а въ письмѣ къ тому же Дмитріеву, отъ 3 января 1826 г., исторіографъ не безъ ироніи сообщаетъ: «Оба рыцаря Полярной Звѣзды (Бестужевъ и Рылѣевъ) сидятъ въ крѣпости». — Потрясенный однако смертію имп. Александра, Карамзинъ занемогъ изнурительной лихорадкой, которая сначала не казалась такою ни лейбъ-медику Рюлю, замѣненному потомъ докторомъ Мюллеромъ, ни самому больному, читавшему въ постелѣ послѣдніе томы Mémoires M-me de Genlis или диктовавшему письма «къ мужикамъ», неисправнымъ въ платежѣ барскаго оброка. Болѣзнь исторіографа, тянувшаяся весь февраль, ослабла въ мартѣ и, 8 числа этаго мѣсяца, Карамзинъ, въ постскриптумѣ дочернина письма къ Дмитріеву, собственноручно сообщалъ своему другу: «Кажется, я рѣшительно начинаю выздоравливать; но силы, выходивъ изъ меня пудами, возвращаются золотниками: слабѣю, какъ младенецъ, отъ всего», а 22 марта онъ писалъ къ тому же Дмитріеву: «Не могу говорить съ живостію: задыхаюсь. Брожу по комнатѣ; читаю много; имѣю часто сладкія минуты въ душѣ: въ ней бываетъ какая-то тишина неизъяснимая и несказанно пріятная». — Тогда-то медики серьезно посовѣтовали Карамзину искать цѣленія подъ небомъ Италіи — и Карамзинъ скромно просилъ себѣ мѣсто русскаго резидента

во Флоренціи. Но имп. Николай, въ отвѣтъ на эту просьбу, милостиво предложилъ исторіографу: заграничный отпускъ на годъ, 50 тыс. рублей на все путешествіе и казенный фрегатъ «Елену», подъ командой капитана Епанчина, для переѣзда, моремъ, въ Италію. Царская милость, разумѣется, ободрила угасающаго исторіографа, который однако не могъ воспользоваться ею тотчасъ же: «И самыхъ ближнихъ пріятелей — писалъ онъ, 16 апрѣля, Дмитріеву — впускаютъ ко мнѣ только на минуту: задыхаюсь отъ разговоровъ. Куда дѣвалась моя желѣзная грудь? Недѣли черезъ двѣ или три можемъ переѣхать въ Таврическій дворецъ: милостивый государь приказалъ тамъ отвести для насъ прекрасныя комнаты, чтобы передъ отъѣздомъ за море подышали мы и здѣсь хорошимъ воздухомъ». — Въ Таврическомъ дворцѣ Карамзина сломилъ новый ударъ: извѣстіе о неожиданной смерти имп. Елизаветы Алексѣевны — и состояніе знаменитаго больнаго сдѣлалось безнадежнымъ. Узнавъ объ этомъ, имп. Николай, чтобъ утѣшить и успокоить умирающаго исторіографа, препроводилъ къ нему, 13 мая, слѣдующій, прекрасный рескриптъ: «Николай Михайловичъ! Разстроенное здоровье ваше принуждаетъ васъ покинуть на время отечество и искать благопріятнѣйшаго для васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъяснить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы вы скоро къ намъ возвратились съ обновленными силами и могли снова дѣйствовать для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ то же время, и за покойнаго государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію, какъ гражданинъ, и своими трудами, какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: «Русскій народъ достоинъ знать свою исторію». Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить братъ мой. Въ приложенной бумагѣ найдете вы изъявленіе воли моей, которая, будучи съ моей стороны только справедливостію, есть для меня и священное завѣщаніе императора Александра. Желаю, чтобы путешествіе было вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы, для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю вамъ всегда благосклонный Николай». Что касается «приложенной бумаги» она была — указъ, которымъ повелѣвалось: Карамзину, по случаю его отъѣзда за границу для излѣченія, производить по 50 тыс. рубл. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма, обращаемая ему въ пенсію, послѣ него была производима сполна его женѣ, а по смерти ея, также сполна, и дѣтямъ, сыновьямъ — до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ. Понятно, какъ должно было подѣйствовать все это на впечатлительнаго Карамзина — и семья его, заливаясь слезами, не знала: какъ объявить царскую милость страдальцу, лежавшему на смертномъ одрѣ. Наконецъ, выбрали минуту, Карамзинъ прочиталъ рескриптъ и сказавъ: «это доказательство, что я долженъ умереть!», пожелалъ видѣть приложеніе къ рескрипту, пробѣжалъ указъ, воскликнулъ: «это уже слишкомъ много!» — и продолжалъ повторять эти слова, не смотря на убѣжденія окружавшихъ, что онъ награжденъ, дѣйствительно, по заслугамъ. Успокоившись нѣсколько, страждущій исторіографъ собралъ послѣднія силы и 15 мая, слабѣющею рукою, выразилъ глубокую благодарность имп. Николаю въ слѣдующихъ строкахъ: «Всемилостивѣйшій государь! Рескриптъ, коимъ вы меня осчастливили третьяго дня, написанный столь прекрасно, съ такимъ благоволеніемъ — съ воспоминаніемъ въ немъ о незабвенномъ Александрѣ, съ хвалою смиренному исторіографу сверхъ его достоинства — омочилъ слезами блѣдное мое лице. Прочитавъ указъ къ министру финансовъ, я не вѣрилъ своимъ глазамъ: благодѣяніе чрезмѣрно; никогда скромныя мои желанія такъ далеко не простирались. Изумленіе скоро обратилось однакожъ въ умиленіе живѣйшей благодарности: если самъ уже не буду пользоваться плодами такой царской, безпримѣрной у насъ щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства рѣшена наисчастливѣйшимъ образомъ. Дай Богъ, чтобы фамилія Карамзиныхъ, осыпанная милостями двухъ монарховъ, заслужила имя вѣрной и ревностной къ царскому дому. О! какъ желаю выздоровѣть, чтобы скорѣе возвратиться въ Петербургъ, чтобы посвятить послѣдніе дни мои Вамъ, безцѣнный государь, и любезному отечеству. Вчера не могъ я писать. И нынѣ голова моя слаба. Видомъ, говорятъ, я поправляюсь. Но слабость не выпускаетъ меня изъ полулюдей. Заключу тѣмъ: милости, благодѣянія ваши, ко мнѣ такъ чрезвычайны, что я и здоровый не умѣлъ бы выразить вполнѣ моей признательности. Повергаюсь» и проч. — Желаніе выздоровѣть обняло все существо Карамзина, который, впрочемъ, никогда не терялъ этой надежды. В. А. Жуковскій, очевидецъ послѣднихъ дней исторіографа, свидѣтельствуетъ, что Карамзинъ, на краю гроба, ни мало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близка: занимался настоящимъ; думалъ о будущемъ, о довершеніи великаго труда своего; дѣлалъ, съ какою-то младенческою ясностію души, планы для своей заграничной жизни. «Теперь я богатъ, говорилъ онъ, могу завести себѣ верховую лошадь; постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановить здоровье». 20 мая Карамзинъ пересталъ говорить и впалъ въ безпамятство, а 22 мая 1826 г., заснулъ вѣчнымъ сномъ, въ Таврическомъ дворцѣ, на 60 г. жизни. 24 мая имп. Николай почтилъ прахъ исторіографа послѣднимъ цѣлованіемъ, а 25 мая гробъ Карамзина преданъ землѣ, на кладбищѣ Александро-невской лавры, въ новой оградѣ, по правую сторону отъ воротъ. Н. М. Карамзинъ, по свидѣтельству знавшихъ его лично, былъ роста выше средняго; лице имѣлъ продолговатое; лобъ возвышенный открытый; носъ правильный, римскій; глаза небольшіе, нѣсколько узкіе, но прекраснаго разрѣза, блиставшіе умомъ и живостью; улыбку пріятную, исполненную добродушія; волоса зачесывалъ съ боковъ на верхъ головы. Отличительными чертами его лица были двѣ большія морщины, при окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. Вся физіономія Карамзина выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. «Съ добродушіемъ — говоритъ Бантышъ-Каменскій — искренностію, забвеніемъ обидъ, соединялъ онъ вѣжливость въ обращеніи, знаніе свѣтскихъ приличій, чрезвычайную любезность и, вмѣстѣ, какую-то задумчивость, происходившую, вѣроятно, отъ необыкновенной чувствительности его». — Эта, дѣйствительно, «необыкновенная чувствительность» портила произведенія Карамзина, какъ писателя и мѣшала ему, какъ исторіографу, допуская его, такъ сказать, расплываться въ самоумиленіи и таять передъ лицами высоко поставленными. Со всѣмъ тѣмъ, Карамзинъ знаменитъ какъ писатель и великъ, какъ исторіографъ. Другъ Дмитріева, пріятель Державина и Жуковскаго, защитникъ Пушкина, посвятившаго *памяти Карамзина* свое лучшее произведеніе: «Борисъ Годуновъ», сочувственникъ Но-

викова, Оленина, Батюшкова и всѣхъ, подвизавшихся въ пользу русскаго просвѣщенія и въ честь русскаго слова, Карамзинъ не умретъ въ исторіи русскаго развитія и всегда будетъ занимать одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской литературы. Личныя его заслуги огромны. Онъ первый образовалъ тотъ литературный слогъ, который мы называемъ нынѣшнимъ; онъ, больше чѣмъ кто нибудь изъ его предшественниковъ, захотилъ русскую публику къ чтенію и, такимъ образомъ, содѣйствовалъ умственному развитію своихъ современниковъ; наконецъ, онъ, какъ никто до него и послѣ, создалъ первое связное цѣлое Русской Исторіи, такое цѣлое, которое, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, останется навсегда и безсмертнымъ памятникомъ исторической дѣятельности самаго Карамзина, и неисчерпаемымъ матеріаломъ для всѣхъ его послѣдователей. Обширныя и безцѣнныя *Примѣчанія* къ «Исторіи государства россійскаго» — однѣ составляютъ сокровище, которымъ, конечно, никогда не перестанутъ пользоваться всѣ грядущіе дѣятели на поприщѣ Русской исторіи. Заслуги Карамзина, какъ писателя и исторіографа, справедливо оцѣнены соотечественниками и увѣковѣчены памятникомъ, воздвигнутымъ Карамзину въ родномъ ему Симбирскѣ. — Памятникъ этотъ, проэктированный академикомъ С. И. Гальбергомъ и, за смертію послѣдняго, исполненный его учениками: Ивановымъ, Ставассеромъ, Рамазановымъ и Климченко, торжественно открытъ 23 августа 1845 г., на площади передъ симбирской гимназіей. Главная фигура памятника – муза исторіи Кліо, отлитая изъ бронзы бар. П. Клодтомъ. Кліо держитъ въ лѣвой рукѣ своей эмблематическій аттрибутъ — трубу, а правою кладетъ на жертвенникъ вѣчности скрижаль — Исторіи государства россійскаго. На лицевой сторонѣ гранитнаго четырехъ-угольнаго пьедестала изваянъ, во впадинѣ, бюстъ исторіографа, съ надписью внизу: *Н. М. Карамзину, историку россійскаго государства, повелѣніемъ императора Николая I.* Правая боковая сторона пьедестала украшена мѣднымъ барельефомъ, изображающая чтеніе Карамзинымъ своей Исторіи имп. Александру и вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, въ 1811 г.; такой же барельефъ лѣвой боковой стороны представляетъ полученіе Карамзинымъ, на смертномъ одрѣ, высочайшаго рескрипта 13 мая 1826 г.; на свиткѣ въ рукѣ Карамзина, начертаны слова рескрипта: *Русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа.* Вышина всего монумента, съ пьедесталомъ, 5 саженъ. – XII-й томъ «Исторіи государства россійскаго», недоконченный Карамзинымъ, изданъ Д. Н. Блудовымъ уже въ 1829 г., черезъ три года по смерти автора. Одна «Исторія государства россійскаго» издавалась *пять* разъ и, впослѣдствіи, была снабжена «Ключемъ», т. е. указателемъ именъ личныхъ, географическихъ и разныхъ предметовъ, который составилъ П. М. Строевъ, награжденный за то 1 декабря 1866 г., въ день торжественнаго празднованія столѣтней годовщины исторіографа, прибавкомъ 1000 рубл. къ получаемой имъ пенсіи. Въ тотъ же день и сынъ исторіографа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вл. Ник. Карамзинъ, въ воспоминаніе заслугъ его отца, награжденъ орденомъ св. Станислава 1 степени. Всѣхъ сочиненій Карамзина, кромѣ «Исторіи государства россійскаго», считается *осьмнадцать* томовъ. Онѣ издавались, вмѣстѣ и порознь, много разъ, а нѣкоторыя изъ нихъ продолжаютъ издаваться и донынѣ. Вѣрная оцѣнка литературно-исторической дѣятельности Карамзина — принадлежитъ потомству болѣе, чѣмъ мы, отдаленному, потомству, которое, быть можетъ, съ тѣмъ же чувствомъ, какъ и наше поколѣніе, будетъ повторять поэтически-задушевное слово Жуковскаго:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ къ дѣламъ прекраснымъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

КОЗЛОВЪ, Иванъ Ивановичъ, извѣстный русскій поэтъ. Принадлежалъ къ потомству древняго русскаго дворянскаго дома, писавшагося выѣзжимъ изъ Пруссіи, и родился 11 апрѣля 1779 г., въ Москвѣ, гдѣ жилъ тогда его отецъ, женатый на Хомутовой. О дѣтствѣ и отрочествѣ будущаго поэта не сохранилось никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ, какъ родной внукъ уважаемаго Екатериною генералъ-рекетмейстера, потомъ сенатора, Ивана Ивановича Козлова, нѣкогда старослуживаго измайловца, 5 октября 1784 г., былъ записанъ самою императрицею въ сержанты лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и тутъ, 19 февраля 1795 г., пожалованъ прапорщикомъ. Застигнутый въ этомъ чинѣ воцареніемъ имп. Павла I, юноша-прапорщикъ, 16 апрѣля 1797 г., былъ произведенъ въ подпоручики, но 8 сентября 1798 г. отчисленъ къ статскимъ дѣламъ, съ переименованіемъ въ губернскіе секретари, еще черезъ нѣсколько недѣль, 24 октября, опредѣленъ чиновникомъ въ канцелярію генералъ-прокурора, а 4 декабря того же 1798 г. пожалованъ изъ губернскихъ секретарей прямо въ коллежскіе ассессоры. — Получивъ этотъ почтенный чинъ невступно 20-ти лѣтъ отъ рода, будущій поэтъ, 16 іюня 1799 г. перечислился къ герольдіи, а 20 іюля 1807 г. поступилъ въ канцелярію московскаго главнокомандующаго И. В. Тутолмина, гдѣ 13 ноября того же 1807 г., произведенъ, за отличіе, въ надворные совѣтники. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало знакомства будущаго поэта съ славнымъ впослѣдствіи В. А. Жуковскимъ, который, издавая тогда въ Москвѣ «Вѣстникъ Европы», не могъ не отличить въ толпѣ московской молодежи умнаго, образованнаго барича, ловкаго танцора, любившаго щегольнуть, повеселиться, покушать, но понимавшаго поэзію и сочувственно относившагося къ произведеніямъ тогдашнихъ корифеевъ европейской литературы. Таковъ былъ молодой Козловъ — и Жуковскій сблизился съ нимъ, потомъ сталъ другомъ его на всю жизнь, что, разумѣется, имѣло свою долю вліянія на воспріимчивую натуру будущаго автора «Чернеца», «Княгини Натальи Долгорукой» и друг. произведеній, въ свое время, заучивавшихся наизусть. Женившись, 26 апрѣля 1809 г., на дочери бригадира Софьѣ Андреевнѣ Давыдовой, Козловъ, въ 1810 г., сдѣлался отцомъ, а 20 іюня 1812 г., когда вооруженныя толпы двадцати языковъ уже наваливались въ Россію, онъ получилъ назначеніе состоять при 2-мъ комитетѣ для образованія московской военной силы, откуда, вмѣстѣ со всѣми прочими чиновниками, уволенъ 30 августа 1812 г., т. е. за три дня до вступленія непріятеля въ Москву, и поспѣшилъ удалиться въ Рыбинскъ, подъ родственный кровъ дома Хомутовыхъ. По изгнаніи наполеоновыхъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи, Козловъ пріѣхалъ въ Петербургъ, здѣсь, 24 іюля 1813 г., опредѣленъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ государственныхъ имуществъ, здѣсь же, 7 октября 1814 г., пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, но, спустя нѣкоторое время, онъ почти потерялъ ноги, потомъ, съ-молоду

весьма близорукій, сталъ болѣть глазами, съ 1819 г. видѣлъ уже весьма плохо, а въ 1820 — 1821 гг. ослѣпъ совершенно. Тогда-то Козловъ, лишенный движенія, съ очами, закрытыми дневному свѣту, внезапно созналъ въ себѣ поэта и, воспріявъ всѣмъ существомъ своимъ вдохновеніе нежданной музы, — уже не разставался съ нею. Первый поэтическій опытъ страдальца, «къ Свѣтланѣ», напечатанный въ № 44 Сына Отечества, за 1821 г., такъ зарекомендовывалъ себя сердечному участію читающей публики:

Хотя неумолимый рокъ
Обременилъ меня тоскою
И мой безпарусный челнокъ
Разбитъ свирѣпою волною,
Хотя мнѣ мрачность суждена
И мнѣ поля не зеленѣютъ,
Не серебритъ потокъ луна
И розы болѣ не алѣютъ;
Но что же дѣлать! Въ жизни сей
Я не совсѣмъ всего лишился,
И въ пламенной груды моей
Еще жаръ чувства сохранился.

Въ 1822 г. Козловъ еще попыталъ свою музу въ «Посланіи къ другу В. А. Ж(уковскому)», интересномъ какъ поэтическая исповѣдь слѣпца-поэта, и уволенный, 26 января 1823 г., отъ всякой службы, съ ежегодной пенсіей по 836 р., онъ, въ 1824 г., прислалъ въ «Новости Литературы», для напечатанія, цѣлую поэму «Байронъ», а въ 1825 г. самъ издалъ новую поэму «Чернецъ», при которой впервые напечаталъ и «Посланіе къ другу». — «Слава Козлова, говоритъ лучшій изъ русскихъ критиковъ, была создана его «Чернецомъ». Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; её знали наизусть и мужчины. «Чернецъ» возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ тою только разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ, послѣ «Бѣдной Лизы» Карамзина. «Чернецъ» былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была «Бѣдная Лиза» для девятидесятыхъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. *Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни*». Послѣднее обстоятельство — важная заслуга Козлова, какъ русскаго писателя, скалывалъ или не скалывалъ онъ, какъ поэтъ, своего «Чернеца» съ Байронова «Гяура». — Не излагая здѣсь содержанія «Чернеца», безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстнаго, скажемъ только, что поэтъ самъ любилъ и отличалъ его передъ всѣми своими созданіями, какъ видно это изъ слѣдующихъ стиховъ поэтической исповѣди, предшествующей поэмѣ:

О сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданья Чернеца
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тьмѣ чужихъ лѣсовъ;
Съ его родныхъ днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ, мнѣ такъ сладко не мечтать!
Быть можетъ, мнѣ такъ стройно не пѣвать!

Это предчувствіе поэта, дѣйствительно, сбылось, потому что двѣ слѣдующія его поэмы: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1828) и «Безумная» (1830) — стоятъ гораздо ниже «Чернеца», достигшаго, въ 1827 г., третьяго изданія, а потомъ переведеннаго на языки: итальянскій Боцеллою, въ 1835 г. въ Пизѣ весьма хорошо. (Il Monaco, poema di Kozloff, tradotto dal Russo in Italiano) — и французскій, кн. Ник. Голицынымъ, въ 1839 г., въ Москвѣ, весьма плохо (Le Moine, histoire kiovienne. Traduction en vers du poème de J. Kozlow: Чернецъ). Въ «Княгинѣ Долгорукой», конечно, есть поэтическія мѣста; но онѣ скудны содержаніемъ, растянуты и безцвѣтны въ цѣломъ. Въ «Безумной» нѣтъ даже истины: «героиня, по справедливому выраженію критика, — нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка». Кромѣ того, обѣ эти поэмы смотивированы на образъ «Чернеца», а потому, какъ повтореніе, онѣ не могли имѣть успѣха. Между тѣмъ, Козловъ, занявшись изученіемъ англійскаго языка, началъ переводить Байрона, Вальтеръ-Скотта, Томаса Мура, Бернса — и въ 1828 г. изданы впервые «Стихотворенія Ивана Козлова», въ числѣ 48, о которыхъ Полевой тогда же отозвался въ своемъ «Телеграфѣ» такъ: «Собранныя въ одну книжку мелкія стихотворенія Козлова составляютъ букетъ цвѣтовъ поэзіи, благоуханный, незабвенный сердцу, при мысли о самомъ поэтѣ и источникѣ его вдохновеній». Лучшія изъ этихъ «Стихотвореній» суть: *Къ Италіи* (ориг.), *На погребеніе англійскаго генерала Джона Мура* (изъ Ульфа: The burial of sir J. Moore); *Португальская пѣсня* (изъ Байрона: In moment to delight devoted); *Добрая ночь* (изъ Байронова Чальдъ-Гарольда, пѣсни 1-й: Adieu, adieu, my native shore); *Романсъ* (Есть тихая роща у быстрыхъ ключей, изъ Том. Мура); *Вечерній звонъ* (ориг.) и, наконецъ, *Венеціанская ночь*, эта, дѣйствительно, «живопись звуковъ» — какъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе гармоническіе стихи:

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой,
Блескъ прозрачныхъ облаковъ
И восходитъ паръ душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ.
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный миръ;
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брыжжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.
. . . .
Но густѣе тѣнь ночная;
И красотъ цвѣтущій рой,
Въ нѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.

Стихли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ;
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Вслѣдъ за выходомъ перваго изданія «Стихотвореній», Козловъ напечаталъ особою книжкою «Крымскіе сонеты» Мицкевича, переводъ замѣчательный, но обличающій борьбу, невыгодную для Козлова, который иногда 16-ю, 18 ю, даже 20-ю стихами переводитъ 14 стиховъ своего оригинала. За «Крымскими сонетами» явилась въ свѣтъ, отдѣльною же книжкою, «Абидосская невѣста» Байрона, въ переводѣ Козлова, — попытка замѣчательная, но не дающая понятія о сжатости и энергіи Байроновскихъ очерковъ. Въ 1834 г. «Стихотворенія Ивана Козлова» изданы вторично, а 30 января 1840 г. поэта не стало: онъ умеръ въ Петербургѣ, на 61 году жизни и 21-мъ тяжкихъ, исключительныхъ страданій. Тѣло его погребено на кладбищѣ Александро-невской лавры, неподалеку отъ могилъ Карамзина и Жуковскаго, изъ которыхъ послѣдній, въ томъ же 1840 г., принялъ дѣятельное участіе въ третьемъ, лучшемъ, изданіи «Стихотвореній» своего почившаго друга. Въ это третье изданіе, кромѣ всѣхъ пьесъ Козлова, уже упомянутыхъ выше, вошли: ***Венгерскій лѣсъ***, баллада; ***Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи***, вольное подражаніе Бернсу; ***Плачъ Ярославны***; ***Къ радости***; ***На отъѣздъ***; ***Обвороженіе***; ***Къ Тирзѣ***; ***Еврейская мелодія***; ***Къ полевой маргариткѣ***, изъ Бернса; ***Къ тѣни Дездемоны; Изъ Байронова Донъ-Жуана*** (О любо намъ); ***Новые Стансы***; ***Романсъ Дездемоны; Насъ семеро***; ***Стансы*** (Настала тѣнь); ***Стансы***, подражаніе Петраркѣ; ***Къ ней***; ***Ночь*** (элегія); ***Разбойникъ***, баллада, изъ В. Скотта; ***Ирландскія мелодіи***, изъ Т. Мура; ***Кіевъ***; ***Отрывокъ изъ Лары***, поэмы Байрона; ***Раззореніе Рима и распространеніе христіанства***, изъ Шатобріана; наконецъ, ***Молитва***, послѣдняя предсмертная пьеса Козлова. — Во всѣхъ изданіяхъ «Стихотвореній» Козлова, а также въ четвертомъ — и самомъ плохомъ, — вышедшемъ въ 1855 г., не была помѣщаема поэма «Байронъ», изъ четвертаго же изданія, неизвѣстно почему, выкинуто стихотвореніе «Дружба», хотя и напечатанное прежде. — Высокій ростомъ, красивый лицомъ, образованный, начитанный, зная въ совершенствѣ языки французскій и итальянскій, владѣя впослѣдствіи и языкомъ англійскимъ, а также съ-молоду памятью, удерживавшей и въ старости не только всего Расина, но цѣлыя поэмы англійскія и итальянскія, поэтъ Козловъ до конца жизни хранилъ живость характера, говорилъ всегда съ жаромъ, былъ любимъ публикою, уважаемъ всѣми литературными партіями, находился въ тѣсныхъ связяхъ со многими замѣчательными русскими людьми, каковы напр. кн. А. Н. Голицынъ, братья Тургеневы, Пушкинъ, Баратынскій, Дельвигъ, Гнѣдичъ, кн. Вяземскій, гр. Блудовъ, Плетневъ, Вигель и др., наконецъ, переписывался съ литературными европейскими знаменитостями, напр. съ Шатобріаномъ. Какъ поэтъ, Козловъ долженъ занять мѣсто въ ряду поэтовъ второстепенныхъ, хотя самобытность его замѣчательнаго таланта не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. У Козлова слѣдуетъ искать не художественныхъ созданій или глубокихъ мірообъемлющихъ созерцаній, но только чувства, потому что онъ — поэтъ *чувства*, точно такъ же, какъ Баратынскій поэтъ *мысли*. Это опредѣленіе значенія Козлова какъ поэта, лучшій изъ русскихъ критиковъ выводитъ такъ: «Его (Козлова) нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Посему, талантъ его тѣсно былъ связанъ съ его жизнію. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собою, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсень, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Таинство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть, — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполнѣ, такъ что больше о немъ нечего сказать». — Отъ брака съ Софьей Андреевной Давыдовой (умерш. 1864), Иванъ Ивановичъ Козловъ оставилъ двоихъ дѣтей: сына ***Ивана*** (род. 1810 г.) и дочь ***Александру*** (род. 1812 г.).

ПУШКИНЪ, Александръ Сергѣевичъ, русскій поэтъ. — Прямой потомокъ «мужа честна» Радши, выѣхавшаго, въ концѣ XII в., изъ Германіи въ Новгородъ, и членъ старинной русской фамиліи, которая, съ исхода XIV в., въ лицѣ дѣтей праправнука Радши, Григорья Александровича, прозвищемъ ***Пушка***, начала писаться Пушкиными, поэтъ родился 26 мая 1799 г., въ день Вознесенія, въ Москвѣ, на Молчановкѣ, въ приходѣ Николы на Курьихъ-Ножкахъ, отъ брака отставнаго гвардіи капитанъ-поручика Сергѣя Львовича Пушкина съ дѣвицею Надеждою Осиповною Ганнибалъ, внукою извѣстнаго «Арапа Петра Великаго», а потомъ генералъ-аншефа, Авраама Петровича Ганнибала. Воспринятый отъ св. купели гр. Артем. Ив. Воронцовымъ, дальнимъ родичемъ Пушкиныхъ, будущій поэтъ, вскорѣ послѣ своего появленія на свѣтъ, былъ перевезенъ съ Молчановки къ Яузскому мосту, гдѣ, въ домѣ княженъ Щербатовыхъ, поселились его родители. — Тутъ-то протекли младенческіе годы Пушкина, подъ вліяніемъ, преимущественно бабушки его, Марьи Алексѣевны Ганнибалъ, женщины стариннаго воспитанія, но отличавшейся здоровымъ образомъ мыслей, говорившей только по-русски и чуждой иноземныхъ обычаевъ. «Къ ней, въ рабочую ея корзинку (говоритъ одинъ изъ біографовъ Пушкина), залѣзалъ малютка-Пушкинъ глядѣть на ея рукодѣлье и слушать ея разсказы. Она любила вспоминать старину, и отъ нея Пушкинъ наслышался семейныхъ преданій, коими такъ дорожилъ впослѣдствіи. Она разсказывала ему о знаменитомъ арапѣ Петра Великаго и о другихъ родственникахъ и предкахъ своихъ и своего мужа. Такъ мы знаемъ, напр., что любимый разсказъ ея былъ о дѣдушкѣ ея Ржевскомъ, къ которому ѣзжалъ Петръ Великій. Эта добрая бабушка была и первымъ учителемъ Александра Сергѣевича. Она выучила его русскому чтенію и письму». Впослѣдствіи, Дельвигъ восхищался ея письмами къ внуку въ Лицей. Другимъ добрымъ геніемъ младенческихъ лѣтъ Пушкина была его няня, Арина Родіоновна, которая, благодаря поэтическимъ о ней отзывамъ и ея славнаго питомца и его друга, Н. М. Языкова, стяжала положительную извѣстность въ русской печати. «Родіоновна, пишетъ другой біографъ Пушкина, принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости,

нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостію, оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и, въ годы возмужалости и славы, бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ, какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки — не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать съ увѣренностью, что онъ обязанъ своей нянѣ первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями ея». — Послѣднее подтверждаетъ и самъ Пушкинъ, говоря, въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи *Сонъ*:

Ахъ! умолчу-ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она, духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дышу, прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы;
Подъ образомъ, простой ночникъ изъ глины
Чуть освѣщалъ глубокія морщины....

Кто знаетъ всю силу вліянія нянекъ на дѣтей, да еще такихъ воспріимчивыхъ, каковъ былъ Пушкинъ, тотъ пойметъ всю важность услуги, оказанной, положимъ, случайно, почтенною Ариною Родіоновною поэтическимъ зачаткамъ ея знаменитаго питомца, оцѣнитъ и чувства послѣдняго къ его нянѣ, выраженныя поэтомъ въ слѣдующемъ отрывкѣ, впервые напечатанномъ г. Анненковымъ:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытые вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь....

Ребенокъ Пушкинъ росъ вмѣстѣ съ своей старшей сестрой и другомъ, Ольгой (впослѣдствіи г-жа Павлищева), и младшимъ братомъ Николаемъ (род. 1802—1807 г.). По свидѣтельству Ольги Сергѣевны, будущій поэтъ, лѣтъ до семи, былъ толстый, молчаливый мальчикъ, не обнаруживавшій ничего особеннаго и, напротивъ, смущавшій своей неповоротливостью всѣхъ старшихъ членовъ семьи. Изъ этихъ членовъ, ближайшею руководительницею будущаго поэта хотя и слѣдовало бы предполагать его родительницу, но Надежда Осиповна не скрывала предпочтительной любви сначала къ дочери, потомъ къ сыну Николаю, — и всѣ отношенія ея къ старшему брату послѣдняго ограничивались развѣ тѣмъ, что она, водя его съ собой на прогулки, заставляла недвигу-малютку играть и бѣгать съ сверстниками, при чемъ случались и анекдоты — въ родѣ слѣдующаго: на одной изъ прогулокъ, будущій поэтъ какъ-то отсталъ отъ матери и, не замѣчаемый ею, преспокойно усѣлся отдыхать среди улицы; но увидѣвъ, что на него смотрятъ изъ сосѣдняго окна и посмѣиваются, сказалъ съ досадой: «Ну, нечего скалить зубы!» — и отправился домой. — Что касается родителя будущаго поэта, онъ и того менѣе могъ вліять непосредственно на воспитаніе своего сына. Типъ гвардейскаго офицера екатерининскаго времени, Сергѣй Львовичъ, по общему отзыву знававшихъ его лично, «соединялъ со многими любезными качествами нравъ мелочный и раздражительный». — Душа общества, неистощимый въ каламбурахъ, остротахъ и тонкихъ шуткахъ, любитель многолюдныхъ собраній, поклонникъ всего заморскаго, отецъ Пушкина дорожилъ всего болѣе своею способностью писать въ московскіе альбомы легкіе французскіе стихи, въ самомъ дѣлѣ мастерскіе, но тяготился домашнею жизнію и, постоянно ища свѣтскихъ развлеченій, предоставилъ все хозяйство, а съ нимъ и воспитаніе дѣтей, въ полное распоряженіе жены. Однако и Надежда Осиповна, мало понимавшая дѣло воспитанія дѣтей, руководилась, въ этомъ случаѣ, совѣтами своихъ заловокъ, Анны Львовны Пушкиной и Елизаветы Львовны Солнцевой, по мнѣнію которыхъ, раздѣлявшемуся и братомъ ихъ, извѣстнымъ поэтомъ Василіемъ Львовичемъ, и, наконецъ, самимъ Сергѣемъ Львовичемъ, дѣтямъ послѣдняго, какъ москвича достаточнаго, надлежало пройти черезъ руки иноземныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Слѣдовательно, и народному, такъ сказать, эпическому элементу, привнесенному въ первоначальное развитіе будущаго поэта его няней, предстояло постепенно сглаживаться другимъ, но, къ счастію, не совсѣмъ, потому что около того же времени, именно въ 1806 г., бабушка Пушкина купила у генеральши Тиньковой сельцо Захарово, верстахъ въ 40 отъ Москвы, по богородской дорогѣ. Проводя въ этомъ Захаровѣ всѣ лѣтніе мѣсяцы своего отрочества, Пушкинъ слушалъ тамъ русскія пѣсни, видѣлъ хороводы, любовался народными праздниками, посѣщалъ сосѣднее село Вяземы, исполненное воспоминаній о царѣ Борисѣ Годуновѣ, — и не забылъ Захарово, о которомъ, въ одномъ изъ лицейскихъ посланій Пушкина, сохранилось такое воспоминаніе:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово, оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

По смерти младшаго брата Пушкина, Николая, главнымъ воспитателемъ дѣтей Сергѣя Львовича явился французскій эмигрантъ графъ Монфоръ, живописецъ и музыкантъ, мѣсто котораго вскорѣ заступилъ М-г Русло, писавшій французскіе стихи. Вторымъ, послѣ бабушки Марьи Алексѣевны, русскимъ учителемъ Пушкина былъ, по странной случайности, какой-то г. Шиллеръ, а закону божію, ариѳметикѣ и, послѣ Шиллера, русскому языку училъ дѣтей Сергѣя Львовича священникъ Маріинскаго института А. И. Бѣликовъ, извѣстный своими проповѣдями и изданіемъ «Духа Массильона» (1808). Всѣ прочіе предметы преподавались М-г Русло и, за нимъ, г. Ше-

делемъ - по-французски. Для нѣмецкаго языка, котораго Пушкинъ терпѣть не могъ и никогда не зналъ, была приговорена г-жа де-Лоржъ; а когда къ сестрѣ Пушкина взяли англичанку, миссъ Белли, будущему поэту пришлось повторять за сестрою и англійскіе вокабулы. Но менѣе всего давалась Пушкину ариѳметика: каждое изъ четырехъ начальныхъ дѣйствій надъ простыми числами онъ совершалъ съ большимъ трудомъ, одолѣвая дѣленіе не иначе, какъ съ горькими слезами. — За то, съ 9-го года возраста, въ будущемъ поэтѣ начала развиваться страсть къ чтенію, уже не покидавшая его во всю жизнь. Прочитавъ сперва Плутарха, потомъ Иліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, маленькій Пушкинъ приступилъ къ библіотекѣ своего отца, полной классиками XVII, а также произведеніями философовъ XVIII в., и тамъ, въ родительскомъ кабинетѣ, проводилъ тайкомъ цѣлыя ночи, увлекаясь безъ разбора всѣми книгами, попадавшими ему подъ руку. — Дѣятельность такого рода принесла свои плоды - вызвавъ въ ребенкѣ раннее авторство, о чемъ сестра Пушкина, г-жа Павлищева, свидѣтельствуетъ такъ: «Любимымъ его упражненіемъ сначала было импровизировать маленькія комедіи и самому разыгрывать ихъ передъ сестрою, которая, въ этомъ случаѣ, составляла всю публику и произносила свой судъ. Однажды какъ-то она освистала его пьеску: *Escamoteur* (Похититель). Онъ не обидѣлся — и самъ на себя написалъ эпиграмму». Послѣдняя, прибавимъ мы, заключалась въ слѣдующемъ четверостишіи:

Dis-moi, pourquoi l'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre?
Hélas — c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière (*).

А такъ какъ авторство Пушкина, и въ дѣтствѣ и потомъ, шло объ руку съ его чтеніемъ, то за Мольеромъ, любимымъ классикомъ Сергѣя Львовича, 10-ти-лѣтній Пушкинъ ознакомился съ Лафонтеномъ — и началъ пробовать себя въ баснѣ; начитавшись же Вольтеровой «Генріады» — затѣялъ поэму, но не просто героическую, какъ слѣдовало бы ожидать, а комико-героическую, въ 6 пѣсняхъ, подъ названіемъ *La Tolyade*. Содержаніемъ этой комедіи послужила война между карлами и карлицами французскаго короля Дагоберта, а главнымъ героемъ избранъ карло Toly, — и новое, безвѣстное теперь, произведеніе ребенка-Пушкина украсилось такимъ вступленіемъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche (**).

Довольный этимъ своимъ произведеніемъ, авторъ переписалъ его въ особую тетрадку. Но «гувернатка - разсказываетъ сестра Пушкина — подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что M. Alexandre занимается такимъ вздоромъ, отъ чего и не знаетъ никогда своего урока. Шедель, прочитавъ стихи, расхохотался. Тогда маленькій авторъ расплакался и, въ пылу оскорбленнаго самолюбія, бросилъ свою поэму въ печь». — Самолюбіе въ Пушкинѣ, еще ребенкѣ, обнаруживалось и при другихъ случаяхъ. М. Н. Макаровъ, посѣщавшій домъ Сергѣя Львовича, разсказываетъ, что онъ нерѣдко встрѣчалъ тамъ и И. И. Дмитріева, который, однажды, указывая ему на маленькаго бѣлокуро-кудряваго Пушкина, съ африканскими чертами лица, сказалъ: «Посмотрите, вѣдь это настоящій арапчикъ!» — на что малютка, быстро и смѣло проговорилъ: «По крайней мѣрѣ, не рябчикъ!»; а И. И. Дмитріевъ, какъ извѣстно былъ рябъ. — Но вообще, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Макаровъ, «молодой Пушкинъ былъ скромный ребенокъ; онъ очень понималъ себя, но никогда не вмѣшивался въ дѣла большихъ, и почти вѣчно сиживалъ какъ-то въ уголкѣ, а иногда стаивалъ прижавшись къ тому стулу, на которомъ угораздивался какой нибудь добрый ораторъ, басенный эпиграматистъ и проч.... Однажды, когда одинъ поэтъ-морякъ провозглашалъ торжественно свои стихи, гдѣ какъ-то пришлось:

И этотъ кортикъ,
И этотъ чортикъ!

Александръ Сергѣевичъ такъ громко захохоталъ, что Надежда Осиповна подала ему знакъ — и онъ насъ оставилъ». — Совсѣмъ тѣмъ, маленькій Пушкинъ, неудержимый въ иныхъ своихъ порывахъ, страшно конфузился, когда гдѣ-нибудь заходила при немъ рѣчь о его дѣтскихъ произведеніяхъ. «Въ одинъ майскій вечеръ, разсказываетъ словоохотливый Макаровъ, собралось нѣсколько человѣкъ въ московскомъ саду графа Бутурлина (ближайшій по дому сосѣдъ Пушкиныхъ). Молодой Пушкинъ былъ тутъ же и рѣзвился, какъ дитя съ дѣтьми. Извѣстный графъ П.... упомянулъ о дарѣ стихотворства въ Александрѣ Сергѣевичѣ. Графиня Анна Артемьевна Бутурлина, чтобъ какъ-нибудь не огорчить молодаго поэта, можетъ быть, нескромнымъ словомъ о его піитическомъ дарѣ, обращалась съ похвалою только къ его полезнымъ занятіямъ, но никакъ не хотѣла, чтобъ онъ показывалъ намъ свои стихи; за то множество жившихъ у нея молодыхъ дѣвушекъ, иностранокъ и русскихъ, почти тутъ же окружили Пушкина и стали просить, чтобъ онъ написалъ имъ что-нибудь въ альбомы. Поэтъ-дитя смѣшался. Нѣкто NN прочелъ дѣтскій катренъ (четверостишіе) его и прочелъ по своему, какъ замѣтили тогда, по образцу высокой рѣчи на *о*. Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только сказать: Ah! mon Dieu — и выбѣжалъ. Я нашелъ его въ огромной библіотекѣ графа Дмитрія Петровича (Бутурлина); онъ разглядывалъ затылки сафьяныхъ фоліантовъ и былъ очень недоволенъ собою. Я подошелъ къ нему и что-то сказалъ о книгахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «повѣрите ли, этотъ NN такъ меня озадачилъ, что я не понимаю даже и книжныхъ затылковъ». - Но бывали и въ дѣтствѣ Пушкина случаи, когда онъ, не смотря на свою конфузливость, являлся замѣчательно находчивымъ, какъ доказываетъ это слѣдующій характеристическій анекдотъ, записанный г. Бартеневымъ со словъ П. В. Нащокина, одного изъ самыхъ короткихъ друзей славнаго поэта: «Въ Захаровѣ жила у нихъ (Пушкиныхъ) въ домѣ одна дальняя родственница, молодая помѣшанная дѣвушка, помѣщавшаяся въ особой комнатѣ. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугомъ. Разъ ребенокъ-Пушкинъ ушелъ въ рощу, гдѣ любилъ гулять: расхаживалъ, воображалъ себя богатыремъ, и палкою сбивалъ верхушки и головки растеній. Возвращаясь домой, видитъ онъ на дворѣ свою сумасшедшую родственницу, въ бѣломъ платьѣ, растрепанную, встревоженную. «Mon frère, on me prend pour un incendie

(*) Переводъ: «Скажи, за что партеръ освисталъ моего «Похитителя»? Увы! За то, что бѣдняга авторъ похитилъ его у Мольера».

(**) Переводъ: «Пою сраженіе, выигранное Толи, гдѣ пало много ратниковъ, гдѣ отличился Павелъ, а съ нимъ Николай Матюринъ и прекрасная Нитушъ, рука которой была наградой за эту страшную схватку».

(братецъ, меня принимаютъ за пожаръ)», кричитъ она ему. Дѣло въ томъ, что, для испуга, въ окно ея комнаты провели кишку пожарной трубы. Тотчасъ догадавшись, Пушкинъ спокойно и съ любезностью началъ увѣрять ее, что она напрасно такъ думаетъ, что ее сочли не за пожаръ, а за цвѣтокъ, что цвѣты также изъ трубы поливаютъ». — Столько разнообразныхъ чертъ, группируясь и укореняясь въ одной и той же дѣтской личности, конечно, выводили ее изъ ряда дюжинныхъ, тѣмъ болѣе, что ребенокъ- Пушкинъ, не балуемый излишними угожденіями со стороны родителей, рано привыкъ искать опору въ самомъ себѣ — и едвали не бывалъ счастливѣе въ тѣ именно часы, когда, наединѣ съ своею дѣтскою мыслію, онъ могъ прислушиваться къ робкому, для него самаго непонятному, лепету пробуждавшейся въ немъ поэзіи, таинственныя бесѣды съ которою, въ дни ранняго отрочества, такъ осязательно повѣданы слѣдующими строками его же *Посланія къ Дельвигу:*

О милый другъ! и мнѣ богини пѣснопѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ —
И лира стала мой удѣлъ.

То же самое, но еще подробнѣе, высказываетъ Пушкинъ и этимъ отрывкомъ изъ его стихотворенія *Муза:*

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубровъ,
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Такъ росъ будущій поэтъ до 1810 г., въ которомъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, полагая домашнее воспитаніе 11-ти лѣтняго сына оконченнымъ, рѣшилъ начать его общественное образованіе, избралъ для этаго петербургскій Іезуитскій коллегіумъ, тогда извѣстнѣйшій въ дѣлѣ воспитанія, и немедленно отправился въ Петербургъ, для личныхъ переговоровъ съ директорами коллегіума. Но въ томъ же 1810 г., августа 12, состоялось положеніе о новомъ Лицеѣ въ Царскомъ Селѣ — и намѣренія Сергѣя Львовича измѣнились, какъ потому, что новоучреждаемый Лицей имѣлъ цѣлью «образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной», такъ — и еще болѣе — потому, что директоромъ Лицея назначался Вас. Ѳед. Малиновскій, старинный другъ дома Пушкиныхъ. Сергѣю Львовичу, какъ и всѣмъ его современникамъ, вовсе не приходило въ голову замѣчать ту несообразность, что мальчики отъ 10 до 14 лѣтъ, поступая — разумѣется, съ самыми ничтожными свѣдѣніями — въ Лицей, задуманный на такихъ широкихъ основаніяхъ, должны были, въ теченіе только 6-ти-лѣтняго курса, изучить предметы, «важнымъ частямъ государственной службы приличные и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные». Какъ бы то ни было, Сергѣй Львовичъ возвратился въ Москву съ планомъ опредѣленнымъ, обусловившимъ временную разлуку семьи Пушкиныхъ съ будущимъ поэтомъ, который, вскорѣ за тѣмъ, былъ отправленъ, съ дядей Василіемъ Львовичемъ, въ Петербургъ — и тамъ, подъ надзоромъ дяди, готовился къ пріемному въ Лицей экзамену. Приготовленія эти перемежались выѣздами дяди и племянника къ московскимъ пріятелямъ перваго, между которыми былъ, напр., Ив. Ив. Дмитріевъ, тогдашній министръ юстиціи. У него-то въ домѣ случился съ Пушкиными слѣдующій анекдотъ: разъ, собираясь читать стихи свои, вѣроятно въ родѣ «Опаснаго Сосѣда», Василій Львовичъ велѣлъ племяннику выйдти изъ комнаты — и рѣзвый, бѣлокурый мальчикъ, уходя, говорилъ со смѣхомъ: «За чѣмъ вы меня прогоняете, я все знаю, я все уже слышалъ». 12 августа 1811 г. явились къ пріемному экзамену въ Лицей 38 мальчиковъ, въ томъ числѣ Пушкинъ и Дельвигъ. На этотъ разъ, оба будущіе поэта не особенно блеснули своими познаніями, какъ свидѣтельствуютъ полученныя ими отмѣтки: «хорошо». Но оба они, въ числѣ 30 избранныхъ, были приняты въ Лицей, при чемъ маленькому Пушкину помогли хлопоты А. И. Тургенева, тогда состоявшаго при министрѣ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынѣ. Торжество открытія Лицея, удостоенное личнаго присутствія имп. Александра I, совершилось 19 октября 1811 г., а 23 октября въ Лицеѣ началось преподаваніе: закона божія — священникомъ Н. В. Музовскимъ; россійской и латинской словесности — докторомъ философіи, стат. сов. Ник. Ѳед. Кошанскимъ; французской словесности — учителемъ губернской гимназіи, кол. сов. Дав. Ив. де-Будри; нѣмецкой словесности — кол. сов. Ѳед. Матв. ф. Гауеншильдомъ; нравственныхъ наукъ — кол. сов. Ал. Петр. Куницынымъ; историческихъ наукъ — стат. сов. Ив. Кузм. Кайдановымъ; физико-математическихъ наукъ — стат. сов. Як. Ив. Карцовымъ; чистописанія — ст. сов. Фот. Петр. Калиничемъ; рисованія — ст. сов. Серг. Гавр. Чириковымъ. — Ближайшимъ руководителемъ новыхъ лицеистовъ становился надзиратель по учебной и нравственной части — тит. сов. Март. Ст. Пилецкій-Урбановичъ. — Весь 6-ти-лѣтній лицейскій курсъ подраздѣлялся на начальный и окончательный, въ каждомъ по три года или класса. «Намъ нужны были сперва начальные учители — говоритъ баронъ М. А. Корфъ, сотоварищъ Пушкина по Лицею, — а дали тотчасъ профессоровъ, которые при томъ сами никогда нигдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить, по лѣтамъ и по знаніямъ, на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ, и читали, напр., нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку... Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего этаго вмѣстѣ, и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ, не соотвѣтствовавшимъ ни своей особенной, ни вообще какой нибудь цѣли....» Но и въ этой безобразной смѣси, и въ этой безпорядочности плана, была отличительная особенность — совершенное отсутствіе тѣлеснаго наказанія, облагороживавшее лицеистовъ, къ стыду гораздо позднѣйшаго времени, педагоги котораго, болѣе полу-вѣка спустя по учрежденіи Лицея, не задумывались публично поднимать вопросъ о розгахъ и разрѣшать его утвердительно. — Къ разумнымъ постановленіямъ Лицея относятся также слѣдующія: каждый воспитанникъ имѣлъ свою отдѣльную комнату, подъ надзоромъ общаго гувернера;

пользовался правомъ посѣщать, въ праздничные дни, своихъ царскосельскихъ знакомыхъ; гулять, когда вздумается, въ дворцовыхъ садахъ и свободно заниматься въ довольно-богатой библіотекѣ Лицея, на основаніе которой пожалованы имп. Александромъ лично ему принадлежавшія книги, съ его собственноручными замѣчаніями и отмѣтками. — Въ такой обстановкѣ Пушкинъ началъ свой лицейскій курсъ, тотчасъ же сдружился съ Дельвигомъ, прослылъ между товарищами *французомъ*, конечно, за свое прекрасное знаніе французскаго языка, и незамедлилъ явить себя стихотворцемъ, написавъ, при случаѣ шуточнаго состязанія съ однимъ изъ товарищей, А. Д. Илличевскимъ, *Рыцарскую балладу*, въ подражаніе балладамъ Жуковскаго, — опытъ, къ сожалѣнію, не сохранившійся. О другомъ стихотворномъ опытѣ Пушкина, также не уцѣлѣвшемъ, сохранилось слѣдующее воспоминаніе въ «Запискахъ» Ив. Ив. Пущина: «Какъ теперь вижу тотъ послѣдній классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этаго перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 г. и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812-го». — О подобныхъ стихотворныхъ упражненіяхъ въ лицейскихъ классахъ сохранился еще забавный анекдотъ. Разъ, Кошанскій задалъ написать сочиненіе на тему: *Восходъ солнца*. Всѣ ученики написали, кто какъ умѣлъ, и подали свои листки профессору. Остановка была только за однимъ ученикомъ, который, написавъ стихъ:

Грядетъ съ заката царь природы —

не могъ совладать далѣе съ трудною темою — и сталъ просить Пушкина помочь горю. «Изволь», отвѣчалъ Пушкинъ, и, въ ту же минуту добавивъ къ вышеприведенному началу еще три стиха:

И изумленные народы
Не знаютъ, что начать,
Ложиться спать или вставать, —

подалъ листокъ профессору. — Не мудрено, что манера Кошанскаго — упражнять лицеистовъ въ стихотворствѣ, — давъ первый толчокъ русской музѣ Пушкина, писавшаго дома только по-французски, способствовала образованію между лицеистами особаго литературнаго кружка, который, при участіи Пушкина, Дельвига, Илличевскаго, Н. А. Корсакова, кн. А. М. Горчакова, бар. М. А. Корфа, С. Г. Ломоносова, Д. Н. Маслова, Н. Г. Ржевскаго, В. К. Кюхельбекера, М. Л. Яковлева съ перваго же лицейскаго курса послѣдовательно выдавалъ, въ стѣнахъ лицея, рукописные журналы. Первымъ такимъ журналомъ былъ «Вѣстникъ», остановившійся на № 1, выданномъ 3 декабря 1811 г. За «Вѣстникомъ», уже въ 1812 г., явились два журнала: «Для удовольствія и пользы» и «Неопытное перо». Издателями втораго изъ нихъ, въ которомъ помѣщено и вышеупомянутое стихотвореніе *Роза*, были Пушкинъ, Дельвигъ и Корсаковъ. По прекращеніи и этихъ двухъ журналовъ, въ 1813 г., тогда же явился новый, «Юные пловцы», издателями котораго были Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Но «Юные пловцы» не достигли и № 3, потому что изданіе рукописныхъ журналовъ, какъ отвлекающее воспитанниковъ отъ занятій, было воспрещено лицейскимъ начальствомъ. Эта мѣра вызвала цѣлый рядъ сокровенныхъ сборниковъ, напр. «Лицейскую антологію, собранную трудами пресловутаго іюшй» (Илличевскій), и даже запрещенный журналъ «Лицейскій мудрецъ», не прекращавшійся по 1816 г. Кромѣ всѣхъ этихъ журналовъ издавался еще каррикатурный, въ которомъ, подъ руководствомъ гувернера Чирикова, участвовали Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ. — Слѣдовательно, Пушкину, писавшему дома только по-французски, была возможность въ Лицеѣ, какъ говорится, набивать себѣ руку и по-русски. Но, за недостаткомъ терпѣнія въ преодолѣніи трудностей мало знакомой ему русской версификаціи, онъ, до 1814 г., писалъ преимущественно прозой и только съ этаго времени предался исключительно поэзіи. По разсказамъ товарищей, Пушкинъ, въ первые два года лицейской жизни, написалъ романъ въ прозѣ: *Цыганъ* и, вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ, комедію: *Такъ водится въ свѣтѣ*. За тѣмъ онъ началъ комедію въ стихахъ *Философъ*, но, кончивъ два дѣйствія, охладѣлъ къ труду и уничтожилъ написанное. Въ то же время, онъ сочинилъ, въ подражаніе Баркову, поэму *Монахъ*, вскорѣ имъ уничтоженную, а въ подражаніе «Опасному сосѣду» своего дяди — балладу *Тѣнь Баркова*, извѣстную по нѣсколькимъ спискамъ, неудобную для печати и представляющую, мѣстами, пародію на балладу Жуковскаго «Громобой». Всѣ эти произведенія Пушкина сочинены въ 1812, 1813 и не позже 1814 г. Что касается стихотворныхъ опытовъ Пушкина, старѣйшіе изъ нихъ относятся, какъ доказано г. Гаевскимъ, къ 1812 г. Эти опыты суть стихотворенія: *Къ Деліи*, дописанное Илличевскимъ, и *Измѣны*, конецъ котораго извѣстенъ подъ названіемъ *Посланія къ С. Г. Ч.* (Серг. Гавр. Чирикову). Изъ нихъ *къ Деліи*, озаглавленное пѣснію, начиналось такъ:

О, Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши, твой Аргусъ удалился,
И тронулъ сонъ его глаза....

Этотъ первый куплетъ часто распѣвался въ лицеѣ на два голоса, съ гитарой, на музыку, сочиненную Корсаковымъ. — Заявивъ себя, такимъ образомъ, въ кругу товарищей, писателемъ не-французомъ, Пушкинъ, вмѣстѣ съ ними, учился многому. Не вдаваясь въ подробности этаго многаго, скажемъ только, что, по предметамъ словесности и нравственныхъ наукъ, имѣвшимъ ближайшее вліяніе на поэтическую дѣятельность Пушкина, въ начальномъ курсѣ, раздѣлявшемся на 3 класса или года, кромѣ преподаванія грамматикъ, читались избранныя мѣста изъ французской, нѣмецкой и русской словесности, а изъ послѣдней преимущественно оды Ломоносова и Державина, съ баснями Хемницера и Дмитріева. Чтеніе это, во второй и третій годъ, сопровождалось разборомъ и упражненіями въ слогѣ. Сверхъ того, въ теченіе трехъ лѣтъ много времени потрачивалось на преподаваніе риторики. — Каковы были успѣхи Пушкина, по крайней мѣрѣ, на первомъ лицейскомъ курсѣ, видно изъ слѣдующихъ профессорскихъ о немъ отмѣтокъ, сохранившихся въ дѣлахъ конференціи Лицея и приводимыхъ здѣсь хронологически: Гауеншильда, проф. нѣмецкой словесности, отъ 12 ноября 1812 г.: «j'ai déplaisir de voir que cet écolier doué de beaucoup

de sagacité et de mémoire, s'obstine a rester ignorant dans ma partie» (*); де-Будри, профессора французской словесности (онъ же родной братъ знаменитаго революціонера Марата), отъ 18 ноября 1812 г.: «Il est toujours excellent écolier. Il lui manque peut-être un peu de vivacité d'esprit; mais son jugement est sain et ses progrès sont très remarquables» (**); Кошанскаго, профессора россійской и латинской словесности, отъ 20 ноября 1812 г.: «больше имѣетъ понятливости, нежели памяти; больше вкуса къ изящному, нежели прилежанія къ основательному: почему малое затрудненіе можетъ остановить его, но не удержать; ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны»; Чирикова, гувернера, отъ 30 сентября 1813 г.: «легкомысленъ, вѣтренъ, неопрятенъ, нерадивъ; впрочемъ добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи»; Пилецкаго-Урбановича, надзирателя по учебной и нравственной части, съ ноября 1812 по 1 января 1814 г.: «мало постоянства и твердости въ его нравѣ; словоохотенъ; остроуменъ, примѣтно въ немъ и добродушіе, но вспыльчивъ съ гнѣвомъ, легкомысленъ»; Карцова, профессора физико-математическихъ наукъ, съ ноября 1812 по 1 января 1814 г.: «слабъ и успѣховъ примѣтныхъ не оказалъ»; Кайданова, профессора политическихъ наукъ, съ 1 ноября 1812 по 1 января 1814 г.: «при маломъ прилежаніи, оказываетъ очень хорошіе успѣхи и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ. Въ поведеніи рѣзвъ, но менѣе противу прежняго»; Куницына, профессора логики и нравственныхъ наукъ, съ 19 ноября 1812 по 1 февраля 1814 г.: «весьма понятенъ (sic), замысловатъ и остроуменъ, но крайне не приләженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень не велики, особенно по части логики». Такимъ, по мнѣнію лицейскихъ педагоговъ, былъ Пушкинъ, по крайней мѣрѣ, въ 1814 г., къ которому относятся также и старѣйшія изъ его стихотвореній, вполнѣ сохранившихся. Первымъ такимъ стихотвореніемъ почитается посланіе Пушкина *Къ сестрѣ*, произведеніе не бойкое, какъ можно судить по слѣдующему его началу:

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой;—
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пустынѣ глухой
Безмолвно воцарился,
Съ угрюмой тишиной!....—

но оканчивающееся игривымъ шестистишіемъ, которое любопытные могутъ найти въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 10 с. 309). — Кромѣ стихотворенія «Къ Сестрѣ», напечатаннаго впервые г. Анненковымъ въ изданіи «Сочиненій Пушкина» 1855 г., Пушкинъ, въ томъ же 1814 г., написалъ нѣсколько другихъ — въ такой послѣдовательности (*): *Къ другу-стихотворцу* (Вѣстн. Евр. 1814. № 13); *Кольно*, подражаніе Оссіану, (тамъ же); *Блаженство* (тамъ же, № 20); *Опытность* (тамъ же, № 19); *Венерѣ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала* (тамъ же, № 18); *Красавицѣ которая нюхала табакъ*, относится къ княг. А. М. Кантакузиной, сестрѣ кн. А. М. Горчакова (изд. 1838 г. ч. IX); *Пирующіе друзья*, съ обращеніями къ Илличевскому, кн. Горчакову, И. И. Пущину, М. Л. Яковлеву, И. В. Малиновскому, Н. А. Корсакову и Кюхельбекеру; въ рукописныхъ сборникахъ озаглавлено *Къ Студентамъ* (изд. 1838. ч. IX); *Къ Николаю Григорьевичу Ломоносову*, въ позднѣйшей перепечаткѣ названное *Путешественнику* (Россійск. Музеумъ 1815. т. I); *Романсъ*, «Подъ вечеръ осенью ненастной» (Памятникъ Отечест. Музъ, 1827 г.); *Къ Батюшкову*, «Философъ рѣзвый и піитъ» (Россійск. Муз. 1815. № 1); *Къ Натальѣ*, первой любовницѣ доморощеной труппы гр. В. В. Толстаго (Изд. 1838. т. IX); *Къ молодой актрисѣ*, тоже (тамъ же); *Осгаръ*, изъ Парни (тамъ же); *Эвлега*, изъ Парни (тамъ же); *Несчастіе Клита*, эпиграмма на Кюхельбекера (Соврем. 1863. іюль с. 148); *Четверостишіе*, на него же (тамъ же); *Леда*, кантата, подражаніе Парни (Изд. 1838. т. IX); *Стансы*, на французскомъ языкѣ, княг. А. М. Кантакузиной (Соврем. 1863, іюль с. 176). Слѣдовательно, первымъ стихотвореніемъ Пушкина, явившимся печатно, было посланіе *Къ другу-стихотворцу*, гдѣ авторъ, трактуя довольно длинно о выгодахъ и невыгодахъ поэтическаго призванія, высказываетъ, между прочимъ, такой взглядъ на жребій поэтовъ вообще:

Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы;
Катится мимо ихъ фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь — рядъ горестей; гремяща слава — сонъ.

Къ тому же 1814 г. разысканіями г. Гаевскаго относятся и слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Городокъ*, любопытное въ автобіографическомъ отношеніи, какъ доказательство поэтическаго вліянія Батюшкова (Росс. Муз. 1815. № 7, но не все); *Наполеонъ на Эльбѣ* (Сынъ Отеч. 1815. №№ 25 и 26); *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, читанное авторомъ, въ присутствіи Державина, Филарета, Иннокентія и друг., на первоначальномъ экзаменѣ 8 января 1815 г. (Росс. Муз 1815. № 4). Быть можетъ, наконецъ, что въ томъ же 1814 г. написаны и стихотворенія Пушкина, значащіяся на уцѣлѣвшихъ листкахъ рукописной «Лицейской Антологіи», а именно: *Скажи, что новаго* (Изд. 1838. т. IX); *Твой и мой* (тамъ же); *Экспромтъ на А.* (тамъ же); *Надпись въ бесѣдкѣ* (Изд. 1855. т. VII); нѣсколько *эпиграммъ* (двѣ изъ нихъ въ Совр. 1863. іюль. с. 143); *Мой портретъ*, на французскомъ языкѣ

(*) Переводъ: Я съ неудовольствіемъ вижу, что этотъ ученикъ, одаренный большою проницательностью и памятью, упорствуетъ оставаться невѣждою въ моемъ предметѣ».

(**) Переводъ: «Онъ всегда превосходный ученикъ. Ему, быть можетъ, нѣсколько недостаетъ живости ума; но его сужденіе здраво, а успѣхи — весьма замѣчательны».

(*) Въ избѣжаніе пестроты указаній собственно библіографическихъ, въ настоящей статьѣ, противъ каждаго изъ упоминаемыхъ произведеній Пушкина будутъ помѣщаться *въ скобкахъ* названія только тѣхъ періодическихъ и другихъ изданій, гдѣ упоминаемое произведеніе было *напечатано впервые*.

(Маякъ 1840. ч. III). Съ переходомъ, въ 1815 г., изъ начальнаго курса въ окончательный, классическія занятія Пушкина, конечно, осложнились, потому что въ окончательномъ курсѣ, по предметамъ словесности и нравственныхъ наукъ, къ чтенію избранныхъ авторовъ и упражненію въ сочиненіяхъ, присоединялись: «руководство къ подражаніямъ и переложенію красотъ одного языка на другой», изученіе синонимовъ, эстетика, исторія изящныхъ искуствъ и философская грамматика. Въ остальныхъ предметахъ Пушкинъ, точно также, долженъ былъ изучать дальнѣйшія премудрости, а для чего и на какую потребу — про то не вѣдалъ никто. «Насъ, говоритъ бывшій лицеистъ баронъ М. А. Корфъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года, надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полугимназическій и полуунивеситетскій, обо всемъ на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія». — Учась всему этому съ грѣхомъ по-поламъ, Пушкинъ, на досугѣ, сближался съ лейбъ-гусарскими офицерами — Чаадаевымъ, Зубовымъ, Каверинымъ и друг., влюбился въ К. П. Бакунину (впослѣдствіи г-жа Полторацкая) и, подъ вліяніемъ этаго перваго чувства, поэтизировалъ весьма усердно, даже вносилъ свои впечатлѣнія въ дневникъ, сохранившійся, къ сожалѣнію, отрывками. Имя Пушкина, впервые обозначенное подъ его стихотвореніемъ: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», а потомъ явившееся въ заголовкѣ Дельвигова посланія «Къ А. С. Пушкину» (Росс. Муз. 1815. № 9), уже становилось извѣстнымъ публикѣ, лучшіе литературные представители которой, Державинъ и Жуковскій, не замедлили оцѣнить поэта-лицеиста. — Первый изъ нихъ, восхищенный «Воспоминаніями», тутъ же проговорилъ: «я еще не умеръ!» и хотѣлъ обнять автора, но Пушкинъ, по своей застѣнчивости, спѣшилъ скрыться; а Жуковскій — подарилъ Пушкину всѣ свои «Стихотворенія», что и занесено Пушкинымъ въ его дневникъ. Въ самомъ Лицеѣ, Пушкинъ считался знаменитостью — и одинъ изъ его товарищей, Илличевскій, пересылалъ въ письмѣ къ своему пріятелю (Фусу) портретъ поэта. Новый лицейскій профессоръ, адъюнктъ педагогическаго института А. И. Галичъ, преемникъ Кошанскаго, временно начальствовавшаго Лицеемъ за смертью Малиновскаго (ум. въ мартѣ 1814 г.), обходился съ Пушкинымъ совершенно товарищески. Все это болѣе и болѣе подстрекало Музу юнаго поэта, которая, въ 1815 г., выразилась слѣдующими стихотвореніями Пушкина: *Бова*, сказка, бѣлыми стихами, въ подражаніе «Ильѣ Муромцу» Карамзина, прочитанная авторомъ въ одну изъ лекцій Галича (Изд 1838, т. IX); *Къ Пущину*, посланіе (Росс. Муз. 1815. № 8); *Къ Галичу*, посланіе (тамъ же); *Посланіе къ Галичу* (тамъ же № 10); *Къ Дельвигу*, посланіе (Изд. 1838, т. IX); *Къ Батюшкову*, посланіе, проникнутое его же вліяніемъ (Росс. Муз. 1815. № 16); *Казакъ*, метрическое подражаніе балладамъ Жуковскаго, названное въ рукописи «подражаніемъ малороссійскому» и подписанное А.... Аннибалъ-Пушкинъ (Росс. Муз. 1815. № 3, а первоначальная редакція въ «Библіогр. Записк.» 1858. № 10); *Вода и вино* (тамъ же № 6); двѣ *Эпиграммы* (тамъ же № 1); еще *Эпиграмма* (тамъ же № 6); *Моя эпитафія* (тамъ же № 10); *Мое завѣщаніе друзьямъ* (Изд. 1838, т. IX); *Сраженный Рыцарь* (тамъ же); *Слеза*, поэтическій лепетъ страсти автора къ К. П. Бакуниной (тамъ же); *Къ живописцу* (Илличевскому), по тому же поводу (Памятн. Отеч. Муз. 1827); *Роза* (Изд. 1826); *Старикъ*, переводъ изъ французскаго писателя Маро—Marot (Росс. Муз. 1815. № 5); *Мечтатель*, новое метрическое подражаніе Жуковскому (тамъ же № 19); *Гробъ Анакреона*, вольное подражаніе Парни (Труды Общ. Любит. Росс. Словесн. 1818, ч. X); *Лицинію*, одно изъ лучшихъ лицейскихъ произведеній поэта, проникнутое вліяніемъ Ювенала (Росс. Муз. 1815. № 5); *Фавнъ и Пастушка*, навѣянное стихотвореніемъ Парни «Les déguisements de Vénus» (переодѣванья Венеры) и носящее, въ лицейской рукописи, заглавіе *Картины* (Памятн. Отеч. Муз 1827); *Воспоминаніе*, къ Пущину, одно изъ подражаній Батюшкову, не имѣющее съ нимъ ничего общаго по мысли (Изд. 1838, т. IX); *Вишня* (Изд. 1855, т. VII); *На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 г.*, произведеніе, навѣянное вліяніемъ Жуковскаго и по стиху звучное, но вообще холодное и натянутое (Труды Общ. Любит. Росс. Словесн. 1817. ч. IX); *Къ баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ Дельвигъ*, 8-ми-лѣтней сестрѣ поэта Дельвига, написано 22 декабря 1815 г. (Изд. 1855, т. VII). — Кромѣ стихотвореній, къ 1815 г. относится веденный Пушкинымъ *дневникъ*, уцѣлѣвшіе отрывки котораго — еще болѣе заставляютъ жалѣть о невозвратной утратѣ цѣлаго. Вотъ, для примѣра, выдержка изъ этаго дневника: «10 декабря. Вчера написалъ я третью главу: *Фатама* или *разумъ человѣческій* (восточная сказка, произведеніе утраченное), читалъ ее С. С. и вечеромъ, съ товарищами, тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа (намекъ на утраченную же комедію подъ этимъ названіемъ)! По утру читалъ жизнь Вольтера» — «Началъ я комедію — не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я написать ироническую поэму: *Игорь и Ольга*... Лѣтомъ напишу я *Картину Царскаго Села*: 1) Картина сада. 2) Дворецъ. День въ Ц. С. 3) Утреннее гулянье. 4) Полуденное гулянье. 5) Вечернее гулянье. 6) Жители Царскаго Села... Вотъ главные предметы моихъ вседневныхъ записокъ — но это еще будущее». Само собою разумѣется, что первая страсть, взволновавшая африканскую кровь поэта-отрока, долженствовала оставить слѣды и въ его дневникѣ, гдѣ, дѣйствительно, читаемъ: 29-го (декабря).

И такъ я счастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

«Я счастливъ былъ! Нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу — ее не видно было! Наконецъ я потерялъ надежду, вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ.... Сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.
Жуковскій.

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б(акуниной)..... Я былъ щастливъ 5 минутъ». — Съ наступленіемъ 1816 г. въ Лицеѣ произошли важныя перемѣны: 11 ян-

варя былъ уволенъ отъ правленія директорской должности профессоръ Гауеншильдъ, за полтора года передъ тѣмъ принявшій эту должность отъ профессора Кошанскаго, и въ тотъ же день, вмѣсто Гауеншильда, назначенъ, по личному выбору Аракчеева, подполковникъ Ст. Ст. Фроловъ, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли, т. е. 27 января, смѣненный новымъ директоромъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ег. Ант. Энгельгардтомъ. Написавъ, по поводу этихъ частыхъ перемѣнъ въ управленіи Лицеемъ, басню *О душѣ*, до насъ не дошедшую, Пушкинъ продолжалъ свою 5-ти-актную комедію, «Философъ», но съ этаго же 1816 г., по мнѣнію г. Гаевскаго, начинается замѣтный переломъ въ поэтической дѣятельности Пушкина: «онъ мало по малу освобождается отъ прежнихъ литературныхъ вліяній и становится болѣе самостоятельнымъ». - Переломъ этотъ начался однако не съ марта 1816 г., когда Пушкинъ, думая преимущественно о поступленіи въ лейбъ-гусары, одушевлялся, какъ самъ выражается «гусарскими мечтами», прилично чему написалъ и философическую оду, подъ названіемъ *Усы*. Въ то время Пушкинъ былъ уже извѣстенъ за стѣнами Лицея и приковывалъ къ себѣ пытливое вниманіе Н. М. Карамзина, что доказывается слѣдующею выдержкою изъ письма тогдашняго лицеиста Илличевскаго къ его пріятелю, отъ 20 марта 1816 г.: «Какъ же это ты — пишетъ Илличевскій — пропустилъ случай видѣть нашего Карамзина, безсмертнаго исторіографа отечества?.... Ты хочешь знать, видѣлъ ли я его когда нибудь? Какъ будто желаешь найти утѣшеніе, если это подлинно случилось. Нѣтъ, любезный другъ, и я не имѣлъ щастія видѣть его; и не находилъ къ тому ни разу случая. Мы надѣемся, однакожъ, что онъ посѣтитъ нашъ Лицей; и надежда наша основана не на пустомъ: онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется». — Не менѣе Карамзина, но съ другой, болѣе раціональной стороны, интересовался Пушкинымъ и новый директоръ Лицея Энгельгардтъ, въ сохранившейся рукописи котораго, подъ названіемъ «Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums» («Нѣчто о воспитанникахъ высшаго отдѣленія Лицея), помѣченной 22 марта 1816 г. и доказывающей глубокую наблюдательность Энгельгардта относительно ввѣренныхъ ему воспитанниковъ, находимъ слѣдующую, любопытную характеристику 17-ти-лѣтняго Пушкина: «Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзіею; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ Лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія». — Но какъ ни былъ строгъ этотъ, правду сказать, слишкомъ односторонній, взглядъ на Пушкина, и Пушкинъ и всѣ его товарищи положительно выиграли отъ назначенія къ нимъ Энгельгардта. «Съ первыхъ же дней директорства его — пишетъ г. Гаевскій — бытъ воспитанниковъ совершенно измѣнился. Замкнутый кружокъ ихъ, предоставленный собственному развитію, мало по малу расширялся въ соприкосновеніи съ обществомъ, нравственное вліяніе котораго Энгельгардтъ считалъ однимъ изъ важныхъ элементовъ въ дѣлѣ образованія. Онъ приглашалъ къ себѣ воспитанниковъ, въ увѣренности, что домашнее обращеніе и привычка быть въ кругу семейства принесутъ имъ пользу, тѣмъ болѣе, что недостатокъ обществъ и необходимыхъ развлеченій нерѣдко вызывалъ игру въ карты и другія запретныя удовольствія». Всегдашній участникъ послѣднихъ, искушенный уже и въ картежной игрѣ, Пушкинъ, вмѣстѣ съ прочими лицеистами, не отказывался посѣщать Энгельгардта, съ которымъ онъ, по внушенію своего друга Дельвига, даже читалъ германскихъ авторовъ, хотя никогда не былъ охотникомъ до нѣмецкой литературы. А такъ какъ «въ домѣ Энгельгардта — свидѣтельствуетъ въ своихъ «Запискахъ» лицеистъ Пушкинъ — мы познакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога Лицея, и находили пріятное женское общество», то Пушкинъ, хотя влюбленный въ Бакунину, не замедлилъ пріударить за одною изъ особъ, жившихъ у Энгельгардта. Особа эта была молодая вдова Марія Смитъ, рожденная Charon-Larose, впослѣдствіи вышедшая вторично за Паскаля, — и къ ней-то написалъ Пушкинъ стихотворенія: *Лилѣ* (Изд. 1826 г.), *Слово милой* (Изд. 1838, т. IX), наконецъ, въ 1817 г., довольно нескромное посланіе *Къ молодой вдовѣ* (тамъ же), которая, обидѣвшись, показала произведеніе своего вздыхателя Энгельгардту, а этотъ намылилъ голову автору, вслѣдствіе чего между директоромъ и поэтомъ возникли непріязненныя отношенія, продолжавшіяся до конца лицейскаго курса, но, какъ кажется, не мѣшавшія Пушкину, въ числѣ прочихъ лицеистовъ, сопутствовать семьѣ Энгельгардта: лѣтомъ — въ дальнихъ, иногда двухдневныхъ, прогулкахъ по окрестностямъ; зимой -- въ троечныхъ катаньяхъ съ завтраками и проч. — Что касается учебныхъ занятій Пушкина въ 1816 г., кругъ ихъ увеличился введеніемъ въ Лицеѣ преподаванія военныхъ наукъ и обязательною для лицеистовъ верховою ѣздою въ лейбъ-гусарскомъ манежѣ. Это послѣднее занятіе было весьма кстати тогдашнему настроенію Пушкина, который, спя и видя быть гусаромъ, томился «гусарскими мечтами» и, тогда же, въ посланіи *Къ Юшкову* (Изд. 1859, т. I), лейбъ-гусарскому офицеру, говорилъ:

Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ....
Я слышу топотъ, слышу ржанье;
Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи,
Гусаръ промчался подъ окномъ.

Понятно, что, при такомъ настроеніи, уже не говоря о любовномъ вздыхательствѣ, собственно учебные успѣхи не могли быть особенно блистательны — и вотъ лицейскія отмѣтки о Пушкинѣ, за три послѣдніе мѣсяца 1816 г.: въ энциклопедіи права 4, политической экономіи 4, всеобщей политической исторіи 4, статистикѣ 4, латинскомъ языкѣ 0, россійской поэзіи 1, эстетикѣ 4, нѣмецкой риторикѣ 4, французской риторикѣ 1, прилежаніе 4, поведеніе 4. — Гораздо блистательнѣе были успѣхи мечтателя-лицеиста на поприщѣ поэзіи, которое, въ 1816 г., украсилось, кромѣ названныхъ выше стихотвореній, слѣдующими произведеніями музы Пушкина: *Посланіе Лидѣ*, (Сѣверн. Наблюд. 1817. № 23); *Пуншевая пѣсня*, переводъ Шиллеровой «Punschlied», единственное заимствованіе Пушкина изъ нѣмецкой литературы (Изд. 1857, т. VII); *Заздравный кубокъ*, навѣяно предъидущимъ стихотвореніемъ и удачно поло-

жено на музыку М. И. Глинкой (Памятн. Отечеств. Музъ 1827 г.); *Истина*, подозрѣваемое Бѣлинскимъ въ подражаніи извѣстной пѣсенкѣ Д. В. Давыдова: «Мудрость» (Изд. 1838, т. IX); *Погребъ*, тоже (тамъ же); *Фіалъ Анакреона*, бѣлыми стихами (тамъ же); *Сонъ*, отрывокъ (тамъ же); *Наѣздникъ* (тамъ же); *Къ ней*, «Эльвина, милый другъ» (Сѣверн. Наблюд. 1817. № 11); *Письмо В. Л. Пушкину*, прозаико-стихотворное подражаніе Батюшкову (Сынъ Отеч. 1821. № 11); *Къ принцу Оранскому*, написанное, по просьбѣ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, часа въ полтора времени, пѣтое на придворномъ праздникѣ въ Павловскѣ, по случаю сватьбы вел. кн. Анны Павловны, и награжденное пожалованіемъ автору, отъ имени имп. Маріи Ѳедоровны, золотыхъ часовъ (Изд. 1838, т. IX); *Желаніе*, элегія, навѣянная страстью автора къ Бакуниной (Памятн. Отеч. Музъ 1827); *Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ* (Изд. 1838, т. IX); *Мѣсяцъ* (тамъ же); *Окно* (тамъ же); *Любовь одна веселье жизни хладной* (тамъ же) — четыре элегіи, посвященныя выраженію той же страсти; *Осеннее утро* (тамъ же); *Разлука* (тамъ же), названная въ передѣлкѣ *Уныніе* (Изд. 1855, т. II); *Опять я вашъ, о юные друзья* (Изд. 1838, т. IX) — три элегіи, написанныя по поводу отъѣзда Бакуниной изъ Царскаго Села въ Петербургъ; *Къ Наташѣ*, горничной фрейлины княжны Волконской (тамъ же); *Друзьямъ* (сокращенно въ изд. 1826.; съ дополнительными стихами первоначальной редакціи въ изд. 1861 г.); *Подражаніе*, въ иныхъ рукописныхъ сборникахъ *Прощаніе*, по мнѣнію Анненкова, изъ Парни (сокращенно въ изд. 1855, т. II; съ дополнительными стихами «вѣроятно первой редакціи», въ Библіогр. Записк. 1858. № 10); *Сну*, подражаніе стихотворенію Парни: «A la nuit» (Полярная Звѣзда 1824 г.); *Къ Морфею*, передѣлка стихотворенія «Сну», съ исключеніемъ начала (Изд. 1838. т. IX); *Пробужденіе* (Сѣвер. Наблюд. 1817. № 25); *Ш**ву*, т. е. кн. П. И. Шаликову (Изд. 1826 г.); *Амуръ и Гименей*, сказка (тамъ же); *Пѣвецъ* (Сѣв. Набл. 1817. № 1); *Къ князю А. М. Горчакову*, посланіе, проникнутое вліяніемъ предсмертной элегіи французскаго писателя Жильбера и напоминающее размѣромъ, а также выраженіями, стихи Жуковскаго «Къ Филалету» (въ «Библіогр. Зап.» М. Н. Лонгинова, Соврем. 1856. № 11); *Желаніе* (Изд. 1857. т. VII); *Боже! царя храни*, написанное къ празднованію въ 1816 г. дня основанія Лицея, за исключеніемъ первой строфы, которая принадлежитъ Жуковскому (Изд. 1838, т. IX); *Къ портрету Каверина* (Изд. 1838, т. IX); *Къ портрету Чаадаева* (Изд. 1861 г., но напечатано не вѣрно). — Въ 1817 г., послѣднемъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ, поэтъ, кое-какъ дослушивая курсъ наукъ, продолжалъ мечтать о гусарствѣ, усердно читалъ корифеевъ французской поэзіи: Шолье, Шапеля, Берни, Грессе, Грекура, знакомыхъ ему отчасти еще дома, задумывалъ, если не начиналъ уже писать, свою первую поэму *Русланъ и Людмила*, и, вмѣсто того, чтобъ сосредоточиваться на мысли о предстоящемъ выпускномъ экзаменѣ, чаще, нежели прежде, посѣщалъ домашній кружокъ барона Теппера-де-Фергюссона, лицейскаго учителя музыки и пѣнія, гдѣ сочинялъ, на задаваемыя темы, шуточныя стихотворенія, напр. *Съ позволенія сказать* (Соврем. 1863, августъ с. 386) или остроумные французскіе *Куплеты*, на тему: «jusqu'au plaisir de nous revoir» (сокращенно въ изд. 1855. т, I; цѣликомъ въ Библіогр. Зап. 1858. № 22). — Вообще же, къ стихотвореніямъ Пушкина, написаннымъ въ послѣдніе четыре мѣсяца его лицейской жизни, принадлежатъ: *Моему Аристарху*, т. е. Кошанскому, съ помѣтой: «10 марта 1817 г.» (Изд. 1855, т. II); *Письмо къ Лидѣ*, подражаніе Парни (тамъ же); *Наслажденіе* (Изд. 1838, т. IX); *Добрый совѣтъ*, изъ Парни (тамъ же), *Стансы*, неудачный переводъ Вольтерова стихотворенія: «A madame Duchatelet» (тамъ же); *Сновидѣніе*, еще менѣе точный переводъ изъ Вольтера (тамъ же); *Посланіе В. Л. Пушкину* (Поляр. Звѣзда 1824.); *Къ Дельвигу* (Изд. 1838, т. IX); *Дельвигу*, позднѣйшая передѣлка предыдущей пьесы (Изд. 1826 г.) *Къ**** — «Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой» — (тамъ же); *Торжество Вакха* (тамъ же); *Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны* (Соревноват. Просвѣщ. и Благотворенія 1819. № 10); *Вечоръ отъ всенощной*, сцена съ натуры, написанная, по свидѣтельству очевидца, И. И. Пущина, почти экспромтомъ (Изд. 1861 г.); *Олениной* (съ пропусками въ Библіогр. Зап. 1858. № 10; безъ пропусковъ въ изд. 1861 г.); *Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ* (тамъ же), злая сатира на послѣднихъ, съ фамиліями ихъ, угрожавшая большими непріятностями автору, которыя однако были устранены находчивостью лейбъ-гусарскаго офицера графа Завадовскаго и благоразуміемъ генерала И. В. Васильчикова, такъ что вся передряга кончилась любезнымъ посланіемъ Пушкина *къ Каверину* (Московск. Вѣстн. 1828. № 17), одному изъ обиженныхъ, гдѣ, между прочимъ, есть такіе четыре стиха:

> Забудь, любезный мой Каверинъ,
> Минутной рѣзвости нескромные стихи:
> Люблю я первый, будь увѣренъ,
> Твои гусарскіе грѣхи....

Въ половинѣ мая 1817 г. начался въ Лицеѣ первый выпускной экзаменъ. Онъ тянулся двѣ недѣли и происходилъ весьма скромно. Публику составляли лицейскіе профессоры и любознательнѣйшіе — или, вѣрнѣе, любопытнѣйшіе — изъ царскосельскихъ жителей. Не было даже попечителя Лицея, графа Разумовскаго, вмѣсто котораго присутствовалъ кн. А. Н. Голицынъ. Закулисная сторона — представляла еще менѣе торжественности. Профессоръ математическихъ наукъ Карцовъ, на лекціяхъ котораго дѣйствительно занимался только одинъ воспитанникъ (В. Д. Вальховскій), заранѣе предупредилъ лицеистовъ: о чемъ именно, по его предмету, будетъ спрошенъ каждый изъ нихъ. «Окончательный экзаменъ, досказываетъ баронъ М. А. Корфъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ образу нашего ученія и надзора за нашею нравственностію. Подобно какъ въ математикѣ, и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда который либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ росписаніи, или какой нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже послѣдняго въ своей жизни урока. Посѣтители же ничего не задавали по той причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей премудрости, или сами, какъ наши профессоры, состояли участниками въ заговорѣ». На этой пародіи экзамена, когда дошла очередь до русской словесности, Пушкинъ читалъ написанное имъ къ этому случаю стихотвореніе *Безвѣріе* (Труды Общ. Любит. Росс. Словесн. 1817, ч. X), холодное, дидактическое произведеніе, измышленное авторомъ очевидно на заданную тему и справед-

ливо причисляемое Бѣлинскимъ къ самымъ слабымъ произведеніямъ Пушкина. Послѣ экзамена была конференція, въ которой лицейскіе профессоры разсуждали о правахъ воспитанниковъ при выпускѣ ихъ на службу и составили списокъ по степени ихъ успѣховъ. Въ этомъ спискѣ, Пушкинъ былъ четвертымъ съ конца, а другъ его, Дельвигъ, — третьимъ. Но друзья не заботились о такой бездѣлицѣ и Пушкинъ, на досугѣ, сочинилъ *Пѣсню* (Соврем. 1863, августъ, с. 397), въ которой съ такой же беззаботной откровенностью высказалъ оцѣнку пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній. За нѣсколько дней до выпуска начались прощанья съ царскосельскими знакомыми и дружескіе альбомы наполнились стихами. Пушкинъ написалъ посланіе *Къ товарищамъ передъ выпускомъ* (Изд. 1838, т. IX) и подарилъ Энгельгардту, на память, автографъ этаго стихотворенія. Тогда же Пушкинъ написалъ въ альбомы товарищамъ: *Пущину* (Изд. 1838, т. IX), *Кюхельбекеру*, подъ названіемъ «Разлука» (Невск. Зритель 1820. № 4), *Илличевскому* (Изд. 1859, т. I) и нѣсколько строкъ лейбъ-гусарскому офицеру *Зубову* (Москвитян. 1846. № 6). — Этими нѣсколькими строками завершился длинный рядъ поэтическихъ опытовъ Пушкина собственно лицейскихъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ прибавить еще стихотворенія: *Оправданная лѣнь*, до насъ не дошедшее; *Старица-пророчица* (Литерат. Газета 1830. № 24); *Съ мольбой съ зажженною свѣчою*, эпиграмма (Изд. 1857, т. VII) и, быть можетъ, кое-какія другія, не упомянутыя выше единственно за недостаткомъ данныхъ для того, чтобъ каждое изъ нихъ точно пріурочить къ извѣстному году. — 9 іюня 1817 г. происходилъ въ Лицеѣ выпускной актъ, удостоенный присутствіемъ имп. Александра I, который однако не дождался выполненія хоромъ лицеистовъ «Прощальной пѣсни» Дельвига и уѣхалъ вмѣстѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ. Послѣ акта, воспитанники Лицея собрались къ Энгельгардту и у него провели вечеръ, украшенный доморощенымъ спектаклемъ, который устроила г-жа Смитъ. На другой день, 10 іюня, воспитанники Лицея начали разъѣзжаться по домамъ — и Пушкинъ явился въ Петербургъ, къ отцу, съ лицейскимъ аттестатомъ, въ которомъ значилось: «Воспитанникъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея Александръ Пушкинъ въ теченіе шестилѣтняго курса обучался въ семъ заведеніи и оказалъ успѣхи: въ законѣ Божіемъ и св. исторіи, въ логикѣ и нравственной философіи, въ правѣ естественномъ, частномъ и публичномъ, въ россійскомъ гражданскомъ и уголовномъ правѣ *хорошіе;* въ латинской словесности, въ государственной экономіи и финансахъ *весьма хорошіе;* въ россійской и французской словесности, также и въ фехтованіи, *превосходные.* Сверхъ того занимался исторіею, географіею, статистикою, математикою и нѣмецкимъ языкомъ». — Въ аттестатѣ, разумѣется, не говорилось, что Пушкинъ, независимо отъ прочихъ знаній, на половину ему приписанныхъ, такъ сказать, для красоты слога, былъ искусный гимнастъ, неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ плавать и прекрасно ѣздилъ верхомъ. Всѣ эти данныя говорили въ пользу зачисленія молодаго поэта въ лейбъ-гусары, что вполнѣ соотвѣтствовало и собственнымъ его желаніямъ. Но Сергѣй Львовичъ отговаривался недостаткомъ средствъ содержать сына въ гвардейской кавалеріи и соглашался на вступленіе его въ одинъ изъ полковъ гвардейской пѣхоты, а Ал. Ѳед. Орлову (впослѣдствіи князь) удалось отговорить молодаго поэта и отъ этой необдуманности. Кончилось тѣмъ, что Пушкинъ, благодаря вліянію И. И. Дмитріева, А. И. Тургенева и другихъ пріятелей Сергѣя Львовича, 15 іюня 1817 г. былъ опредѣленъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ коллежскаго секретаря. — Но, не являясь еще къ должности, Пушкинъ оставилъ Петербургъ, о чемъ самъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ своихъ записокъ, помѣченномъ 19 ноября 1824 г., въ Михайловскомъ (псковская деревня Пушкиныхъ): «Вышедъ изъ Лицея, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубникѣ и проч., но все это нравилось мнѣ не долго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу». — Посѣтивъ всю свою родню — Ганнибаловъ, разсѣянныхъ и бѣдныхъ потомковъ знаменитаго негра, Авраама Петровича, награжденнаго Петромъ I обширными помѣстьями въ псковской губерніи, Пушкинъ возвратился къ своей семьѣ въ Петербургъ — и скоро понялъ, что его настоящее далеко не удовлетворяетъ тѣмъ мечтамъ о жизни, какія онъ создалъ себѣ въ Лицеѣ. Дѣйствительно: отецъ Пушкина, поразстроившій свое состояніе барскими привычками, становился крѣпокъ на деньгу и, не имѣя возможности удовлетворять всѣмъ молодымъ желаніямъ сына, только раздражался, когда слышалъ о нихъ; мать поэта — только хозяйничала; бабка его, добрая старушка Марья Алексѣевна, умерла въ томъ же 1817 г.; сестра Пушкина, другъ его дѣтства, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, уже имѣла мало общаго съ братомъ; наконецъ, братъ Пушкина, Левъ, младшій Александра цѣлыми семью годами и, впослѣдствіи, нѣжно любимый поэтомъ, не могъ еще быть его товарищемъ, да и не жилъ дома, учась въ благородномъ пансіонѣ при тогдашнемъ педагогическомъ институтѣ. — Слѣдовательно, Пушкину, разочарованному со стороны семьи, оставалось, какъ литератору и свѣтскому человѣку, пользоваться благопріятнымъ и вообще рѣдкимъ у насъ положеніемъ — наблюдать вблизи разные классы общества. «Но выгода этаго положенія — говоритъ г. Анненковъ — еще не могла тогда принести всей своей пользы: порывы молодости затемняли дѣло и мѣшали какому бы то ни было отчетливому сознанію своего преимущества и своей обязанности, какъ писателя». — Однако преимущества Пушкина, какъ писателя, тогда уже сознавались, напр., членами литературнаго общества «Арзамасъ», которые не замедлили привлечь поэта въ свой кружокъ, а по заведенному у нихъ обычаю дали ему прозвище *Сверчокъ*, — и Пушкинъ, осенью того же 1817 г., находясь единственный разъ въ засѣданіи этаго кружка, произнесъ шуточную вступительную рѣчь, въ стихахъ, къ сожалѣнію, не сохранившуюся, но, какъ извѣстно, посвященную обозрѣнію дѣятельности Жуковскаго именно въ «Арзамасѣ»,

Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Поэтическая дѣятельность самаго Пушкина, не прерываясь и въ первые мѣсяцы его внѣ-лицейской жизни, выразилась, во второй половинѣ 1817 г., произведеніями, которыя хотя не выдѣляются біографами Пушкина изъ общей категоріи другихъ, собственно-лицейскихъ произведеній того же автора, но не видно, чтобъ были писаны Пушкинымъ въ стѣнахъ Лицея. — Произведенія эти суть: *Къ Жуковскому*, посланіе (Сынъ Отеч. 1820. № 17); *Къ А. И. Голицыной*, рожденной Измайловой, женѣ кн. С. М. Голицына (Молва 1857. № 3) *Къ ней* — «Въ печальной

праздности я лиру забывалъ» — (Изд. 1855, т. II). Изъ нихъ особенно замѣчательно посланіе «Къ Жуковскому», начавъ которое стихами:

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій вынулъ Фебъ — и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паренья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья,

Пушкинъ, непосредственно за тѣмъ, такъ высказываетъ свои литературныя отношенія къ Карамзину, Дмитріеву, Державину и самому Жуковскому, свѣтиламъ тогдашней русской поэзіи:

Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, наперсникъ музъ любимый
И блѣдной зависти предметъ неколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ одобрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ;
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты-ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
Нѣтъ, нѣтъ, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья,
Вы цѣль мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья;
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой
И, мнится, Геній вашъ промчался надо мной.

Какъ бы въ доказательство этаго, Пушкинъ, уже тогда, писалъ свою первую поэму *Русланъ и Людмила*, посвящая занятіямъ которою каждое утро, онъ проводилъ вечера у пріятелей или въ удовольствіяхъ, на сколько дозволялись ему послѣднія казеннымъ годовымъ окладомъ въ 700 рублей. Такъ покончилъ онъ 1817 г., и отпраздновавъ наступленіе новаго 1818 г., написалъ посланія: *Къ Юрьеву* (Сѣверн. Звѣзда на 1829 г.); *Алексѣю Ѳедоровичу Орлову* (тамъ же, съ измѣненіями издателя; безъ измѣненій — въ Библіогр. Зап. 1858. № 11); *Къ Чаадаеву*, одно изъ превосходныхъ произведеній музы Пушкина (Сѣверн. Звѣзда на 1829 г., но съ пропусками; возстановлено, по изд. 1861 г., въ Соврем. 1863, августъ с. 391 — 392); и *Элегію* — «О ты, которая изъ дѣтства» — (Сѣверн. Звѣзда на 1829.). Но вскорѣ за тѣмъ, поэтъ заболѣлъ весьма серьезно. «Болѣзнь — свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ въ сохранившихся отрывкахъ своихъ «Записокъ» — остановила на время образъ жизни, избранный мною: я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи — но чрезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто: ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна явилась моему воображенію со всей поэтической своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года». — Кромѣ семьи Пушкина, отчаявавшейся за жизнь его, и друзей, навѣщавшихъ больнаго, многіе посторонніе тревожно слѣдили за ходомъ болѣзни поэта — и одинъ изъ нихъ, И. И. Дмитріевъ, тогда же писалъ изъ Москвы А. И. Тургеневу: «Какъ вы обрадовали меня извѣстіемъ о молодомъ Пушкинѣ. Я его не знаю, но всѣмъ сердцемъ бралъ участіе въ его болѣзни». — Оправляясь, но еще въ постели, Пушкинъ жадно читалъ напечатанные тогда первые восемь томовъ «Исторіи государства россійскаго», объ авторѣ которой онъ выразился, что «древняя Россія найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ», а совсѣмъ оправившись, поэтъ, кажется, прежде всего, написалъ два стихотворенія: *Выздоровленіе* (Изд. 1826.) и *В. В. Энгельгардту* (тамъ же, съ надписью NN), начинающееся стихами:

Я ускользнулъ отъ эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготѣетъ надо мной.

За этими стихотвореніями слѣдовало третье, *Кривцову* (Изд. 1838, т. IX), помѣченное 2 марта, — и Пушкинъ, снова возвращенный къ жизни дѣйствительной, увлекся всѣми ея впечатлѣніями, изъ которыхъ насущнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ, для избранныхъ, была тогда либеральная рѣчь имп. Александра на Варшавскомъ сеймѣ, отозвавшаяся во всей Европѣ и, разумѣется, кружившая головы петербургской молодежи. Принадлежа къ послѣдней и толкаясь между офицерами, которые только что возвратились изъ трехъ-лѣтней стоянки во Франціи, откуда, разумѣется, они принесли на родину много новыхъ понятій, Пушкинъ не только набирался такъ называемаго свободомыслія, на самомъ-же дѣлѣ — здраваго разумѣнія вещей, но и вводилъ кое-какіе новые элементы въ свою Музу, начинавшую для многихъ становиться любимою. «Пушкинъ — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ того времени — уже рѣзко отдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ; геній его порывался впередъ, и передъ взмахомъ его молодыхъ крыльевъ — съ удивленіемъ останавливались старшіе поэты, съ недоумѣніемъ или негодованіемъ переглядывались литературные аристархи». — Лѣтомъ 1818 г., поэтъ Батюшковъ, дружески критикуя книжки Жуковскаго «Для немногихъ», «ссылался на маленькаго Пушкина, которому Аполлонъ далъ чуткое ухо» и тогда же писалъ А. И. Тургеневу, изъ Одессы: «*Сверчокъ* что дѣлаетъ? Кончилъ ли свою поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молошнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ. Потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство. Кн. А. Н. Голицынъ московскій промоталъ 20 тысячъ душъ въ 6 мѣсяцевъ. Какъ ни великъ талантъ *Сверчка*, онъ его промотаетъ, если.... Но да спасутъ его Музы и молитвы наши!». — 19 сентября 1818 г., И. И. Дмитріевъ, между прочимъ, писалъ тому же Тургеневу: «Скажите также искреннюю благодарность мою и молодому Пушкину (вѣроятно, за строчку «И Дмитріевъ» etc. въ посланіи «Къ Жуковскому»); я и по заочности люблю его, какъ прекрасный цвѣтокъ поэзіи, который долго не поблѣднѣетъ». — Такъ разумѣли тогда молодаго Пушкина лучшіе изъ иногородныхъ русскихъ поэтовъ, а представители петербургской поэзіи — Дельвигъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ, Плетневъ — даже тянули

къ Пушкину, какъ къ своему центру, особенно на субботнихъ вечерахъ у Жуковскаго, гдѣ Пушкинъ читалъ оконченныя пѣсни «Русланъ и Людмила», еще неизвѣстныя печатно. Тогда же Пушкинъ сблизился съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, съ Е. А. Баратынскимъ, и самъ явился къ П. А. Катенину, извѣстному театралу и писателю, которому, подавая свою трость, онъ, говорятъ, сказалъ: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей — но выучи!» на что Катенинъ отвѣчалъ: «Ученаго учить — портить!» — и остался другомъ Пушкина, котораго онъ же познакомилъ потомъ съ драматургомъ кн. А. А. Шаховскимъ, представилъ славной артисткѣ А. М. Колосовой и вообще ввелъ въ закулисный міръ петербургскихъ театровъ. Но всѣ эти новыя связи не разбивали обычно-поэтическаго настроенія Пушкина, который, напр., зайдя какъ-то къ А. И. Тургеневу, только что получившему заказный портретъ Жуковскаго, тутъ же, въ глазахъ Стурдзы, свидѣтельствующаго о томъ съ своимъ обычнымъ умиленіемъ, набросалъ, почти экспромтомъ, слѣдующую, всѣмъ извѣстную и, дѣйствительно, прекрасную надпись *Къ портрету Жуковскаго* (Благонамѣренный 1818. № 11):

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Къ тому же 1818 г. относятся слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Въ альбомъ Щербинину* (Изд. 1838, т. IX); *Прелестницѣ* (Невск. Зрит. 1820. № 4); *Мечтателю*, къ Кюхельбекеру (Сынъ Отеч. 1818. № 51); *Жуковскому*, на изданіе «Для немногихъ» (Сынъ Отеч. 1821. № 52); *Въ альбомъ Е. Я. Сосницкой* (Изд. 1857, т. VII); *Изъ письма* — «Есть въ Россіи.....» — (Москов. Вѣдом. 1855. № 142). — Наконецъ, въ томъ же 1818 г., если не ошибаемся, была и первая дуэль Пушкина съ его лицейскимъ товарищемъ Кюхельбекеромъ, котораго Пушкинъ очень любилъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, часто избиралъ предметомъ своихъ шутокъ. Дѣло этой дуэли разсказано въ «Запискѣ» В. И. Даля такъ: «Кюхельбекеръ, какъ и многіе тогдашніе молодые стихотворцы, хаживалъ къ Жуковскому и отчасти надоѣдалъ ему своими стихами. Однажды Жуковскій куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его послѣ спросили, отчего онъ не былъ, Жуковскій отвѣчалъ: «Я еще накануне разстроилъ себѣ желудокъ; къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ и я остался дома». Это разсмѣшило Пушкина — и онъ сталъ преслѣдовать неотвязчиваго поэта стихами:

За ужиномъ объѣлся я,
Но Яковъ (слуга Жуковскаго) заперъ дверь оплошно,
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Выраженіе «мнѣ кюхельбекерно» сдѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ взбѣсился и требовалъ дуэли. Никакъ нельзя было уговорить его. Дѣло было зимою. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первый и далъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолетъ и хотѣлъ обнять своего товарища; но тотъ неистово кричалъ: стрѣляй, стрѣляй! Пушкинъ насилу его убѣдилъ, что невозможно стрѣлять, потому что снѣгъ набился въ стволъ. Поединокъ былъ отложенъ, и потомъ они помирились». Искушенный, такимъ образомъ, и по части дуэльной, Пушкинъ, вѣроятно, весело встрѣтилъ наступившій 1819 г., который, по мнѣнію г. Анненкова, «можно считать эпохою появленія настоящей Пушкинской поэзіи», такъ какъ «въ этотъ замѣчательный годъ — продолжаетъ г. Анненковъ — обнаруживается впервые настоящая манера поэта и самъ онъ видимо сознаетъ качества своего таланта». Основывая такія мнѣнія на появленіи элегіи Пушкина: *Увы! за чѣмъ она блистаетъ*, относящемся къ началу 1819 г., г. Анненковъ, быть можетъ, приближается къ истинѣ, если принять въ соображеніе, что, около того же времени, Пушкинъ, какъ говорятъ, впервые ознакомился съ англійскимъ языкомъ, для чего бралъ у Чаадаева книжку Газлита: *Table Talk* (Разсказы за столомъ), а потомъ изучалъ Байрона и даже написалъ, въ прозѣ, *Анекдотъ о Байронѣ* (Литер. Газета 1830. № 53). — Во всякомъ случаѣ, достоинство Пушкина, какъ поэта, въ 1819 г., уже признавалось всею читающею Россіею, а въ литературныхъ кружкахъ — возбуждало еще бо́льшія ожиданія, питаемыя, преимущественно, слухами о прелестяхъ еще неоконченой Пушкинымъ поэмы: «Русланъ и Людмила». Для того же, чтобъ понять эти ожиданія и слухи, достаточно взять на выдержку слѣдующія мѣста изъ переписки А. И. Тургенева съ И. И. Дмитріевымъ въ промежуткѣ времени съ весны до осени 1819 г.: *Тургеневъ къ Дмитріеву*, 6 мая: «Батюшковъ проситъ произведеній русской словесности, но что мнѣ послать ему? Молодой Пушкинъ еще въ рукописи, а Жуковскій весь въ грамматикѣ. На одного Вяземскаго вся моя надежда, на сей разъ»; *Дмитріевъ къ Тургеневу*, 30 іюня: «Утѣшьте меня присылкою, естьли (sic) можно, хотя первой пѣсни поэмы Пушкина. Нетерпѣливо хочу узнать её»; августа 10: «Просилъ бы также васъ прислать хотя нѣсколько стиховъ изъ поэмы молодаго Пушкина. Батюшковъ раздразнилъ мое любопытство»; сентября 4: «Жаль, что не надѣюсь дожить до полной зрѣлости его (кн. Вяземскаго) таланта, равно какъ и молодаго Пушкина. На мою долю выпалъ дядя (Вас. Льв. Пушкинъ), а потомству племянникъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать что нибудь изъ его поэмы». — Между тѣмъ самъ Пушкинъ, пользуясь такимъ вниманіемъ представителей тогдашняго русскаго просвѣщенія, болѣе и болѣе стѣснялся ограниченностью средствъ къ жизни, даже иногда дозволялъ себѣ довольно зло, хотя оригинально, издѣваться надъ скупостью своего родителя, конечно, вынужденною обстоятельствами. «Однажды — разсказываетъ одинъ изъ знакомцевъ поэта — Пушкину случилось кататься на лодкѣ, въ обществѣ, въ которомъ находился и Сергѣй Львовичъ. Погода стояла тихая, а вода была такъ прозрачна, что виднѣлось самое дно. Пушкинъ вынулъ нѣсколько золотыхъ монетъ, и одну за другою сталъ бросать въ воду, любуясь паденіемъ и отраженіемъ ихъ въ чистой влагѣ. Гдѣ жъ было наготовиться денегъ для такого проказника?» Не мудрено, что недостатокъ финансовъ у Сергѣя Львовича вызвалъ маленькое стихотвореніе Пушкина: *Жалоба* (Изд. 1838, т. IX), написанное, по всей вѣроятности, въ томъ же 1819 г., какъ думаютъ, на Северина, и заключающее въ себѣ только 8 строкъ — такого содержанія:

Вашъ дѣдъ портной, вашъ дядя поваръ,
А вы, вы модный господинъ:
Таковъ объ васъ народный говоръ.
И дива нѣтъ — не вы одинъ
Потомокъ предковъ благородныхъ.
Увы, никто въ моей роднѣ
Не шьетъ мнѣ даромъ фраковъ модныхъ
И не варитъ обѣда мнѣ.

На лѣто 1819 г. Пушкинъ, по обыкновенію, уѣхалъ въ д. Михайловское, псковскую вотчину Надежды Осиповны, но не «отдыхать отъ парнасскихъ своихъ подвиговъ», какъ выразился о немъ Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ къ Дмитріеву, а напротивъ — бесѣдовать съ Музами, отдѣлывая конецъ «Руслана и Людмилы». Тамъ же, въ Михайловскомъ, Пушкинъ написалъ тогда стихотвореніе: *Уединеніе*, озаглавленное въ рукописныхъ спискахъ *Деревня*, а въ «Сіріусѣ», альманахѣ 1826 г., *Возвращеніе на родину* (безъ окончанія въ изд. 1826 г.; съ окончаніемъ, изъ 10 стиховъ, въ Библіограф. Зап. 1858, № 11). — По возвращеніи на зиму въ Петербургъ, Пушкинъ продолжалъ прежній образъ жизни, т. е. писалъ стихи, нуждался въ деньгахъ, сходился со всѣми безъ разбора, но, обращая на себя общее вниманіе какъ поэтъ, предпочиталъ тереться между знатью, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. «Пушкинъ — разсказываетъ о немъ одинъ изъ его лицейскихъ друзей, — либеральный по своимъ воззрѣніямъ, часто сердилъ меня и всѣхъ насъ тѣмъ, что любилъ, напримѣръ, вертѣться у оркестра около знати, которая съ покровительственною улыбкою выслушивала его шутки, остроты. Случалось изъ кресел сдѣлать ему знакъ, онъ тотчасъ прибѣжитъ. Говоришь бывало: «Что тебѣ за охота, любезный другъ, возиться съ этимъ народомъ; ни въ одномъ изъ нихъ ты не найдешь сочувствія». Онъ терпѣливо выслушаетъ, начнетъ щекотать, обнимать, что обыкновенно дѣлалъ, когда немножко потеряется, потомъ, смотришь, Пушкинъ опять съ тогдашними львами». — Само собою разумѣется, что изъ отношеній съ подобными господами Пушкинъ не могъ вынести ничего путнаго и только заимствовалъ у нихъ привычки, которыя, не рекомендуя его самого, не могли нравиться и другимъ. Такъ, напр., Пушкинъ началъ дозволять себѣ замѣчанія въ-полголоса на игру актеровъ, во время самого спектакля, — и этимъ, конечно, сердилъ сосѣдей, изъ которыхъ одинъ, какой-то недалекій, но самолюбивый маіоръ, въ свою очередь, позволилъ себѣ, по окончаніи спектакля, отнестись къ Пушкину съ гласнымъ замѣчаніемъ на счетъ его неуваженія къ чину, лѣтамъ и проч. Взбѣшенный поэтъ, на другой же день, утромъ, явился, съ двумя офицерами гвардейской кавалеріи, къ недалекому маіору и требовалъ дуэли, которая была умиротворена только случайнымъ вмѣшательствомъ И. И. Лажечникова, извѣстнаго писателя, подробно разсказывающаго эту продѣлку въ статьѣ «Знакомство мое съ Пушкинымъ» (Собраніе сочиненій И. И. Лажечникова 1858, т. VII. с. 295 — 344). — Но и растрачиваясь въ пустотѣ большаго свѣта, Пушкинъ умѣлъ оставаться поэтомъ по преимуществу, что доказывается написаннымъ имъ, въ концѣ 1819 г., стихотвореніемъ: *Возрожденіе* (Невск. Альманахъ 1828), полнымъ задушевной простоты, высказанной такъ:

Художникъ — варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ,
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Къ тому же 1819 г. относятся слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Русалка* (Новости Литературы 1826, № 1); *В***у*, т. е. Всеволожскому (Изд. 1826 г.); *Кривцову* (тамъ же); *Стансы Т***му*, т. е. Толстому (тамъ же); *Домовому* (Полярн. Звѣзда 1824); *Князю Горчакову* (Раутъ, сборникъ 1854); *Мнѣ бой знакомъ, люблю языкъ мечей* (Изд. 1859); *Здорово Юрьевъ — имянинникъ* (тамъ же); *Экспромтъ Гнѣдичу* (Соврем. 1857, апрѣль, с. 267), явившійся такъ: однажды, во время чтенія Гнѣдичемъ, у Я. Н. Толстаго, отрывковъ изъ «Иліады», присутствующіе замѣчали шероховатость стиха, но Пушкинъ молчалъ и зѣвалъ, вслѣдствіе чего Гнѣдичъ, подошедши къ нему, сказалъ: «Укажите мнѣ, А. С., стихи, которые вамъ нравятся?» — на что Пушкинъ, сначала, отвѣчать отказывался, а потомъ, по настоянію Гнѣдича, произнесъ:

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю;
Я руку наложилъ,
Погладилъ — занозилъ;

Сказки, съ вторымъ заглавіемъ «Noël» (Изд. 1861); *Автору «Исторіи государства россійскаго»* (тамъ же); *Пародія* на стихотвореніе «Тлѣнность» (Изд. 1855, т. I), переведенное Жуковскимъ, въ 1816 г., изъ Гебеля. Шутка эта, обнаруживающая тогдашнее нерасположеніе Пушкина къ бѣлымъ стихамъ и заставлявшая хохотать Жуковскаго, который однако предрекалъ поэту, что онъ перемѣнитъ свое мнѣніе о бѣлыхъ стихахъ, заключается въ слѣдующемъ:

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ за́мокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если эта проза́,
Да и дурная?....

Но главнымъ поэтическимъ подвигомъ Пушкина въ 1819 г. было окончаніе поэмы «Русланъ и Людмила», такъ нравившейся всѣмъ, кому удавалось слышать чтеніе ея отдѣльныхъ главъ, и такъ нетерпѣливо ожидаемой тѣми, кто зналъ объ этой поэмѣ только по слухамъ. — Въ этихъ обстоятельствахъ наступилъ роковой для Пушкина 1820 г., періодическая литература котораго, съ самаго начала, уже спѣшила заявить публикѣ два новыя стихотворенія Пушкина: *Доридѣ* (Невск. Зрит. 1820, № 1) и *Дорида* (тамъ же № 2), написанныя, должно быть, тогда же. Непосредственно за тѣмъ впервые явился печатно отрывокъ изъ I пѣсни «Руслана и Людмилы» (тамъ же № 3), а потомъ и еще два отрывка — оба изъ III пѣсни (Сынъ Отеч. 1820, № 15 и 16). — Журнальная полемика загорѣлась, публика приходила въ восторгъ, который однако не вполнѣ раздѣлялъ И. И. Дмитріевъ, писавшій къ Тургеневу: «Наконецъ удалось мнѣ увидѣть два отрывка ожидаемой *поэмы. Дядя* (Вас. Львов. Пушкинъ) восхищается, но я думаю отъ того, что племянникъ этими отрывками еще не раздавилъ его». — Въ чаду всеобщихъ похвалъ, пѣвецъ «Руслана и Людмилы», быть можетъ, подстрекаемый тайными врагами, вообразилъ себя Андреемъ Шенье и, по примѣру послѣдняго, стихотворно воспѣлъ *Вольность* (Изд. 1861), списки которой быстро пошли по рукамъ, а одинъ изъ нихъ былъ сдѣланъ самимъ поэтомъ, съ слѣдующимъ надписаніемъ *Къ графинѣ Кочубей* (Молодикъ 1844):

Простой воспитанникъ природы,
Такъ я, бывало, воспѣвалъ
Мечту прекрасную свободы

И ею сладостно дышалъ.....
Но васъ я вижу, вамъ внимаю....
И что же? Слабый человѣкъ!
Свободу потерявъ на вѣкъ,
Неволю сердцемъ обожаю.

Между тѣмъ, друзья Пушкина, изъ добраго желанія помочь стѣснительному безденежью поэта, предложили ему — издать собраніе его стиховъ, на что Пушкинъ, разумѣется, согласился. Стиховъ его, считая съ лицейскими, было тогда уже довольно много. Рѣшили открыть подписку на изданіе, очень скоро нашли до 40 подписчиковъ, — но тутъ стряслась надъ бѣднымъ поэтомъ большая бѣда: его потребовали къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору графу М. А. Милорадовичу. Дѣло въ томъ, что имп. Александръ, который не только зналъ давно и прощалъ разныя стихотворныя шалости бывшаго лицеиста, но даже пожелалъ имѣть, въ подлинномъ спискѣ сочинителя, одни изъ стиховъ Пушкина, гдѣ говорилось про «рабство, падшее по манію царя», долженъ былъ, наконецъ, внять оффиціальнымъ жалобамъ на поэта, дерзавшаго напр., независимо отъ сочиненія стиховъ «Вольность», открыто показывать своимъ сосѣдямъ въ театрѣ портретъ Лувеля, извѣстнаго убійцы герцога Беррійскаго въ Парижѣ. — Но прежде, нежели явиться на зовъ гр. Милорадовича, Пушкинъ рѣшилъ переговорить съ Ѳ. Н. Глинкой, состоявшимъ при графѣ по особымъ порученіямъ, и встрѣтивъ, на пути къ нему, его самаго, заговорилъ первый: «Я шелъ къ вамъ посовѣтоваться. Вотъ видите: слухъ о моихъ и не моихъ, а подъ моимъ именемъ, пьесахъ, разбѣжавшихся по рукамъ, дошелъ до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявилъ, что приходилъ въ квартиру какой-то неизвѣстный человѣкъ и давалъ ему пятьдесятъ рублей, прося дать почитать моихъ сочиненій и увѣряя, что скоро принесетъ ихъ назадъ. Но мой вѣрный старикъ не согласился, а я взялъ да и сжегъ всѣ мои бумаги. Теперь меня требуютъ къ Милорадовичу! Я знаю его по публикѣ, но не знаю, какъ и что будетъ, и съ чего съ нимъ взяться? Вотъ я и шелъ посовѣтоваться съ вами». Такъ передаетъ эту рѣчь Пушкина самъ Ѳ. Н. Глинка, который тутъ же, на улицѣ, далъ Пушкину совѣтъ — небоязненно явиться къ гр. Милорадовичу, извѣстному своимъ рыцарскимъ благородствомъ, и откровенно разсказать ему все, о чемъ будетъ спрошенъ. Пушкинъ согласился. Вѣжливо принявъ поэта, гр. Милорадовичъ при немъ же приказалъ полиціймейстеру ѣхать на квартиру коллежскаго секретаря Пушкина и опечатать всѣ его бумаги. Но Пушкинъ предупредилъ исполненіе приказанія Милорадовича, прямо сказавъ послѣднему: «Графъ! Вы напрасно это дѣлаете. Тамъ не найдете того, что ищете. Лучше велите дать мнѣ перо и бумаги, я здѣсь же все вамъ напишу». Милорадовичъ, тронутый этой свободной откровенностью, торжественно воскликнулъ: «Ah! c'est chevaleresque» (А! это рыцарски) и пожалъ ему руку. Пушкинъ сѣлъ, написалъ всѣ контрабандные стихи свои и попросилъ дежурнаго адъютанта отнести ихъ графу въ кабинетъ. Пушкина отпустили домой, съ приказаніемъ ждать дальнѣйшихъ распоряженій, и, вскорѣ по уходѣ поэта, къ Милорадовичу явился Ѳ. Н. Глинка, которому графъ тутъ же разсказалъ свое свиданіе съ Пушкинымъ, написавшимъ у него, въ пріемной, *цѣлую тетрадь*.... «Вонъ она — весело прибавилъ Милорадовичъ, указывая на столъ у окна — полюбуйся!.. Завтра я отвезу ее государю. А знаешь ли? Пушкинъ плѣнилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и манерою обхожденія». — Пріѣхавъ, на другой день, къ государю, Милорадовичъ подалъ ему тетрадь и сказалъ: «Здѣсь все, что разбрелось въ публикѣ. Но вамъ, государь, лучше этаго не читать»! Государь улыбнулся, пожелалъ знать всѣ подробности свиданія генералъ-губернатора съ поэтомъ, слушалъ внимательно, наконецъ, спросилъ: «А чтожъ ты сдѣлалъ съ авторомъ?» — «Я объявилъ ему отъ имени Вашего Величества прощеніе», отвѣчалъ Милорадовичъ. При этомъ отвѣтѣ государь слегка нахмурился, помолчалъ немного, потомъ съ живостью спросилъ: «Не рано ли?» и, еще подумавъ, сказалъ: «Ну коли ужъ такъ, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и, съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности, отправить его на службу на югъ». — Но имп. Александръ, всегда нерѣшительный въ своихъ намѣреніяхъ, и на этотъ разъ, захотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ бывшимъ начальникомъ Пушкина, Энгельгардтомъ. Встрѣтивъ послѣдняго въ царскосельскомъ саду, Александръ пригласилъ его пройтись съ собою: «Энгельгардтъ, сказалъ онъ ему, Пушкина надобно сослать..... Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла». — «Воля Вашего Величества, благородно отвѣчалъ Энгельгардтъ; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его». — Однако царское слово оставалось царскимъ — и вскорѣ молва о ссылкѣ Пушкина облетѣла весь Петербургъ. Всѣ сердца сжались. Гнѣдичъ въ слезахъ бросился къ своему начальнику, А. Н. Оленину, Чаадаевъ поскакалъ хлопотать у своего командира, И. В. Васильчикова, и у Карамзина, который, давъ слово переговорить съ гр. Каподистріемъ, ближайшимъ начальникомъ Пушкина по службѣ, а затѣмъ просить ходатайства и самой имп. Маріи Ѳедоровны, желалъ однако повидаться съ Пушкинымъ. — Поэтъ немедленно явился къ исторіографу, разсказалъ ему всѣ обстоятельства своего дѣла, со слезами на глазахъ выслушалъ дружескіе упреки и, по настоянію Карамзина, далъ слово не писать ничего противъ правительства въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, года. — Но все это не повело ни къ чему — и 5 мая 1820 г., Пушкинъ съ тысячью рублями, занятыми у Н. В. Всеволожскаго, въ счетъ предположеннаго изданія стиховъ, выѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославъ, состоять при канцеляріи попечителя колонистовъ южнаго края, ген. лейт. Ив. Никит. Инзова, мартиниста по убѣжденіямъ, человѣка прекрасной души, начальника крайне снисходительнаго. Въ половинѣ мая пріѣхалъ Пушкинъ въ Екатеринославъ, вручилъ Инзову рекомендательное письмо гр. Каподистрія, съ-разу расположилъ къ себѣ добраго старика, и расположившись къ нему самъ, скоро же получилъ въ Екатеринославѣ первое письмо изъ Петербурга — отъ Чаадаева, съ дружескимъ упрекомъ: зачѣмъ уѣхалъ не простясь.... «Мой милый — отвѣчалъ ему Пушкинъ — я заходилъ къ тебѣ, но ты спалъ; стоило ли будить тебя изъ-за такой бездѣлицы». — Не зная, что начать въ такой глуши, какъ Екатеринославъ, Пушкинъ, отъ скуки, вздумалъ

*

выкупаться въ Днѣпрѣ, схватилъ жестокую простуду, страшно исхудалъ въ нѣсколько дней и, больной, былъ отысканъ въ Екатеринославѣ лейбъ-гусарскимъ офицеромъ Н. Н. Раевскимъ, который, съ своимъ отцомъ, извѣстнымъ генераломъ 1812 г., и двумя сестрами, проѣзжалъ, на ту пору, черезъ Екатеринославъ къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ. — Тронутый бѣдственнымъ положеніемъ ссыльнаго поэта, царскосельскій знакомецъ его упросилъ отца — взять Пушкина съ собой на воды, подъ видомъ отпуска, для излеченія болѣзни. Переговоры между двумя генералами покончились чуть ли не однимъ словомъ и Пушкинъ, пробывъ въ Екатеринославѣ всего двѣ недѣли, прекомфортабельно отправился съ Раевскими на Кавказъ. Все, что вывозилъ онъ съ собой изъ Екатеринослава, — заключалось въ планѣ поэмы ***Братья-разбойники***, задуманной по поводу дѣйствительнаго, видѣннаго самимъ Пушкинымъ, факта, что два скованные разбойника, убѣжавъ изъ екатеринославской тюрьмы, спасались въ цѣпяхъ вплавь по Днѣпру. — Продолжая, дорогою, лечиться у доктора Рудыковскаго, состоявшаго при генералѣ Раевскомъ, Пушкинъ неосторожно пообѣдалъ въ Новочеркаскѣ, у донскаго атамана гр. В. В. Орлова-Денисова, за что долженъ былъ принять нѣсколько лишнихъ дозъ микстуры, а потомъ капризно нарушалъ докторскіе совѣты не снимать шинели, но все-таки выздоровѣлъ и, въ первыхъ числахъ іюня, уже здоровый пріѣхалъ съ Раевскими въ Пятигорскъ. Здѣсь дожидался отца старшій сынъ Раевскаго, отставной полковникъ, — и отсюда всѣ они уѣзжали на гору Бештау пить желѣзныя воды, тогда еще малоизвѣстныя, но жили тамъ въ калмыцкихъ кибиткахъ, за недостаткомъ другаго помѣщенія. Окончивъ курсъ водъ на Бештау, общество Раевскихъ отправилось въ Горячеводскъ, гдѣ цѣлебные источники, находившіеся тогда, большею частію, еще въ первобытномъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, а черпать изъ нихъ кипучую воду надо было ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Пославъ изъ Горячеводска въ Петербургъ два небольшія дополненія (17 стиховъ) и ***Эпилогъ*** къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» (Сынъ Отеч. 1820, № 38), именно тогда, въ іюнѣ мѣсяцѣ, напечатанной въ Петербургѣ особою книжкою, Пушкинъ продолжалъ лѣчиться водами, веселить свое случайное общество и, вдвоемъ съ старшимъ Раевскимъ, прислушиваться, на берегу р. Подкумка, къ всплескамъ водныхъ струй, любуясь величаво чернѣвшимъ въ дали Бештау. — «Два мѣсяца — разсказываетъ самъ Пушкинъ въ письмѣ къ своему брату — жилъ я на Кавказѣ. Воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія; впрочемъ, купался въ теплыхъ кислосѣрныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, въ послѣднихъ отрасляхъ кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ геніемъ. Дикіе черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ исчезаетъ, дороги становятся часъ отъ часа безопаснѣе, многочисленные конвои излишними». Полный впечатлѣніями Кавказа, послужившими поэту богатымъ матеріаломъ для задуманной имъ вновь поэмы (Кавказскій плѣнникъ), Пушкинъ, не успѣвъ, въ этотъ разъ, проникнуть въ глубь горъ, ни взглянуть на Терекъ и Казбекъ, въ первыхъ числахъ августа 1820 г. отправился, съ Раевскими же, на южный берегъ Крыма. Путь этотъ лежалъ по землѣ черноморскихъ казаковъ, въ виду Кубани, о-бокъ съ опасными притонами воинственныхъ чеченцевъ, вслѣдствіе чего путешественниковъ окружали 60 линейныхъ казаковъ, а сзади тащилась заряженная пушка съ курящимся фитилемъ. — Съ полуострова Тамани открылись берега Крыма. Переѣхавъ «изъ Азіи въ Европу» водою, Пушкинъ бродилъ по курганамъ древней Пантикапеи, постоялъ надъ Митридатовымъ гробомъ, слышалъ, что въ тѣ мѣста «какой-то французъ присланъ изъ Петербурга для разысканій, но ему не достаетъ ни денегъ, ни свѣдѣній», и, на военномъ бригѣ, отданномъ въ распоряженіе генерала Раевскаго, плылъ изъ Керчи въ Ѳеодосію, гдѣ вся компанія останавливалась у мартиниста Броневскаго. Отъ Ѳеодосіи плаваніе продолжалось до самаго Юрзуфа, помѣстья Раевскихъ на южномъ берегу Крыма, между Яйлою и Ялтою. Подплывая къ Юрзуфу, Пушкинъ не спалъ до разсвѣта, всю ночь расхаживая по палубѣ и что-то бормоча про себя. Такъ создалась элегія: ***Погасло дневное свѣтило***, подражаніе Байрону (Сынъ Отечес. 1820, № 46). «Передъ свѣтомъ — пишетъ самъ Пушкинъ — я заснулъ. Между тѣмъ, корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли, плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдагъ..... Кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ и воздухъ полуденный». — Таково было первое впечатлѣніе, сдѣланное на Пушкина Юрзуфомъ, уголкомъ, дѣйствительно, очаровательнымъ, гдѣ, подъ роскошнымъ небомъ Тавриды и въ радушномъ кругу семьи Раевскихъ, Пушкинъ весело и беззаботно провелъ три недѣли. «Въ Юрзуфѣ — пишетъ Пушкинъ къ брату — жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ. Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ похожимъ на дружество». Добавимъ, что кипарисъ этотъ цѣлъ до сихъ поръ и постоянные обитатели Юрзуфа, татары, увѣряютъ, что когда поэтъ сиживалъ подъ кипарисомъ, къ нему прилеталъ соловей и пѣлъ съ нимъ вмѣстѣ; съ тѣхъ поръ каждое лѣто возобновлялись посѣщенія пернатаго пѣвца; но поэтъ умеръ — и соловей больше не прилетаетъ. — Но не одному собесѣдованію съ шумомъ моря и шелестомъ кипариса было посвящено Пушкинымъ трехъ-недѣльное пребываніе въ Юрзуфѣ. Найдя тутъ, въ домѣ Раевскихъ, старинную библіотеку, онъ перечиталъ всего Вольтера, ежедневно изучалъ творенія Байрона, продолжалъ заниматься англійскимъ языкомъ съ Раевскимъ младшимъ, наконецъ, написалъ въ Юрзуфѣ стихотворенія: ***Увы, зачѣмъ она блистаетъ***, элегія (Полярн. Звѣзда 1823); ***О дѣва роза, я въ оковахъ***, подражаніе древнимъ (Изд. 1826 г.); ***Нереида*** (Полярн. Звѣзда 1824), граціозная пьеска, автобіографическаго интереса и такого содержанія:

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду.
Сокрытый межъ оливъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь,
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Можно также догадываться что въ Юрзуфѣ написано Пушкинымъ семистрочное стихотвореніе: *Въ льсахъ Гаргаріи счастливой* (Изд. 1859, т. VII) и положительно извѣстно, что тамъ началъ онъ свою вторую поэму *Кавказскій плѣнникъ*. Но какъ ни была пріятна жизнь въ Юрзуфѣ, поэту приходилось ее покинуть: генералу Раевскому истекалъ срокъ отпуска — и Пушкинъ поѣхалъ съ нимъ до Кіева. На этотъ разъ, первоначальный путь лежалъ по крутымъ скаламъ Кикениса. «По горной лѣстницѣ — пишетъ Пушкинъ къ Дельвигу — взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ уже тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, и еще видѣлъ и тополи и виноградныя лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныя развалины храма Діаны. Видно, миѳологическія преданія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по крайней мѣрѣ, тутъ посѣтили меня риѳмы». Пушкинъ говоритъ о своемъ посланіи: *Чаадаеву* — «Къ чему холодныя сомнѣнья» — (Сѣв. Пчела 1825, № 12), писанномъ именно здѣсь. «Въ Бахчисарай — продолжаетъ Пушкинъ — пріѣхалъ я больной. Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes (фонтанъ слезъ). Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ: изъ заржавой желѣзной трубки по камнямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадой на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N.N. (Раевскій-сынъ) почти насильно повелъ меня, по ветхой лѣстницѣ, въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было....

Лихорадка меня мучила». Однако тутъ же, въ Бахчисараѣ, Пушкинъ написалъ стихотвореніе: *Фонтану Бахчисарайскаго дворца* (изд. 1826 г.), а изъ Бахчисарая поѣхалъ проводить Раевскихъ въ с. Каменку, Кіевской губерніи, гдѣ жила мать генерала Раевскаго, рожденная гр. Самойлова, съ своими сыновьями отъ втораго брака, Давыдовыми. Въ Каменкѣ, Пушкинъ написалъ элегію: *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда* (Полярн. Звѣзда 1824) — и отсюда отправился къ Инзову, не въ Екатеринославъ, а въ Кишиневъ, куда, въ отсутствіе Пушкина, былъ назначенъ временнымъ начальникомъ края Инзовъ, перетащившій за собою изъ Екатеринослава и весь штатъ попечительства о южно-россійскихъ колоніяхъ. 24 сентября 1820 г. Пушкинъ, уже изъ Кишинева, писалъ брату: «Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. По крайней мѣрѣ, пиши ко мнѣ; благодарю тебя за стихи, болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію — доброй, умной старушкою, къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно». — Сдѣлавшись поневолѣ жителемъ Кишинева, Пушкинъ, никогда не дичившійся никого, скоро сошелся съ мѣстнымъ обществомъ, представителями котораго, не считая Инзова, были: ген. маі. Мих. Ѳед. Орловъ, начальникъ 16-й пѣх. див., стоявшей въ Кишиневѣ и окрестностяхъ; П. С. Пущинъ, бригадный генералъ той же дивизіи; губернаторъ Катакази; вице-губернаторъ Крупянскій; Е. К. Варѳоломей, членъ мѣстнаго правленія; Прункулъ, Балшъ и друг. богачи-бояра кишиневскіе; М. И. Лексъ, правитель канцеляріи Инзова; наконецъ, штабные или, по тогдашнему, свитскіе офицеры 16-й дивизіи, изъ которыхъ ближайшими знакомцами Пушкина были: дивизіонный квартермистръ В. П. Горчаковъ, А. П. и М. А. Полторацкіе и В. Т. Кекъ. — Въ ихъ-то кружкѣ коротал поэтъ свой ссылочный досугъ, квартируя сначала въ верхнемъ этажѣ дома Инзова, а потомъ въ домѣ Н. С. Алексѣева, съ которымъ Пушкинъ былъ особенно друженъ. Кромѣ описаннаго общества, развлеченіемъ Пушкина въ Кишиневѣ былъ театръ странствующей нѣмецкой труппы, а главнымъ занятіемъ — сочиненіе поэмы *Кавказскій плѣнникъ*, не оканчивая которой, онъ, въ томъ же 1820 г., написалъ, въ Кишиневѣ, стихотворенія: *Черная шаль* (Сын. Отеч. 1821, № 15), выхваченное имъ, въ исходѣ октября, изъ пѣсни молодой молдаванки Маріониллы, прислужницы въ кишиневскомъ «Зеленомъ трактирѣ», и до такой степени восхищавшее всѣхъ, что, напр., М. Ѳ. Орловъ, въ отсутствіе котораго пѣсня эта была сочинена, увидѣвъ Пушкина въ числѣ лицъ, явившихся привѣтствовать его съ возвращеніемъ въ Кишиневъ, тотчасъ же началъ декламировать:

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ....

Виноградъ (Изд. 1826 г.); *Дочери Карагеоргія* (тамъ же), посланіе, навѣянное разсказами о славномъ сербскомъ князѣ Черномъ Георгіѣ (Карагеоргіи), котораго лично знавалъ, напр., кишиневскій почтмейстеръ А. П. Алексѣевъ, старый драгунскій полковникъ и большой пріятель, а потомъ и родственникъ Пушкина. — Добавимъ, что къ тому же 1820 г. принято относить, но безъ положительныхъ на то доказательствъ, и слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Записки къ пріятелю* (изд. 1857, т. VII), героемъ которой является извѣстный тогда кухмистеръ Тардифъ; *Ольга* (тамъ же), пьеска эротическаго содержанія; *Платонизмъ*, надписанное: «Лиденькѣ» (Библіогр. Зап. 1858, № 11.); *Ода*, попадающаяся въ иныхъ рукописныхъ сборникахъ, но, кажется, еще не напечатанная. — Впрочемъ, литературная слава Пушкина, въ 1820 г., была уже упрочена изданіемъ въ Петербургѣ его поэмы «Русланъ и Людмила», которую тогда читали на расхватъ, хвалили въ журналахъ, потомъ, черезъ восемь лѣтъ, издали вторично, а впослѣдствіи перевели на французскій и нѣмецкій языки. — Встрѣтивъ наступившій 1821 г. въ Кишиневѣ, Пушкинъ, въ исходѣ января, какимъ-то образомъ урвался въ Кіевъ, вѣроятно, на свадьбу М. Ѳ. Орлова съ старшей дочерью Раевскаго, и тамъ удивилъ всѣхъ своимъ присутствіемъ; но на распросы, какъ онъ попалъ туда, поэтъ говорилъ одно: «языкъ до Кіева доведетъ», чѣмъ самымъ намекалъ на причину удаленія его изъ Петербурга. Въ Кіевѣ, Пушкинымъ написаны стихотворенія: 8 февраля, въ день свадьбы М. Ѳ. Орлова, *Земля и Море*, въ рукописи: *Морской берегъ*, въ иныхъ изд.: *Идиллія Мосха* (Новости Литературы 1825, № 1); послѣ 8 февраля: *Жела-*

ніе (изд. 1838, т. IX); 14 февраля, *Муза* (Сынъ Отеч. 1821, № 23), весьма любимое самимъ авторомъ, которому, по его словамъ, оно напоминало манеру Батюшкова. Изъ Кіева Пушкинъ проѣхалъ къ Раевскимъ въ Каменку, и тамъ, 20 февраля, кончилъ свою вторую поэму *Кавказскій плѣнникъ*, а 22 февраля написалъ элегію: *Я пережилъ свои желанья*, съ помѣткою въ рукописи: «изъ поэмы Кавказъ» (Новости Литературы 1823, № 48). — Возвратившись затѣмъ въ Кишиневъ, Пушкинъ, 23 Марта, сочинилъ посланіе *Дельвигу* (Москвитянинъ 1854, № 5), включенное въ большое письмо къ нему же, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Что до меня, моя радость, скажу тебѣ, что кончилъ я новую поэму «Кавказскій Плѣнникъ», которую надѣюсь скоро вамъ прислать, — ты ею не совсѣмъ будешь доволенъ и будешь правъ. Еще скажу тебѣ, что у меня въ головѣ бродятъ поэмы, — но что теперь ничего не пишу, а перевариваю воспоминанія, и надѣюсь набрать вскорѣ новыя; чѣмъ намъ и жить, душа моя, подъ старость нашей молодости, какъ не воспоминаніями?» — Эти «воспоминанія« намекаютъ на пылкую страсть Пушкина въ Юрзуфѣ, страсть безъ взаимности, но дорогую поэту, который, по разлукѣ съ своимъ предметомъ, настроился, по крайней мѣрѣ, на первые мѣсяцы, совершенно элегически. Выраженіе же: «теперь ничего не пишу» — нельзя принимать буквально, потому что, напротивъ, весной 1821 г. Пушкинъ писалъ неутомимо. Такъ, къ одному апрѣлю этаго года, относятся слѣдующія стихотворенія Пушкина: *К***ну*, т. е. Катенину (Изд. 1826 г.), цѣлящее на актрису А. М. Колосову (впослѣдствіи Каратыгина); *Наперсница волшебной старины* (Изд. 1855, т. I), граціозно-изящное сочетаніе лицейскихъ воспоминаній поэта съ воспоминаніями его младенчества; *Сѣтованіе* (Изд. 1838, т. IX), написано Д. В. Давыдову, который издалъ и прислалъ Пушкину свою книгу: «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія»; *Чаадаеву* (Сынъ Отеч. 1821, № 35); *Пестелю* (Изд. 1861 г.), тогда адъютанту гр. Витгенштейна, пріѣзжавшему изъ Тульчина въ Кишиневъ, о чемъ въ бумагахъ Пушкина уцѣлѣла такая замѣтка: «Утро провелъ съ П. Умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этаго слова. Mon coeur est matérialiste, mais ma raison m'y refuse (сердцемъ я матеріалистъ; но разумомъ напротивъ). Мы имѣли съ нимъ разговоръ метафазической, политической, нравственный и проч. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю»; *Къ моей чернилицѣ* (Изд. 1838, т. IX, но съ пропускомъ, не совершенно дополненнымъ и въ изд. 1855, т. II); *Еврейкѣ* (Изд. 1861). Въ то самое время, греческое возстаніе уже начиналось и Пушкинъ, наблюдая вблизи многихъ сочувственниковъ кн. Ипсиланти, собиралъ матеріалы для своего извѣстнаго разсказа «Кирджали», такъ же, какъ присматриваясь къ военно-домашнему быту свитскихъ офицеровъ 16-й дивизіи, онъ запомнилъ многія частности, пригодившіяся ему въ его повѣсти «Выстрѣлъ». Тогда же Пушкинъ дѣятельно велъ свой дневникъ, принялся и за автобіографію, трактовавшую «о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностью дружбы или короткаго знакомства», но, къ сожалѣнію, утраченную. Впрочемъ, и самъ автобіографъ уже начиналъ дѣлаться лицомъ историческимъ: 14 апрѣля 1821 г., гр. Каподистрія, находившійся тогда, съ Государемъ, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, сдѣлалъ оффиціально письменный запросъ Инзову о Пушкинѣ. Не знаемъ, что отвѣчалъ добрый старикъ графу, но не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, видимъ Пушкина опять въ отпуску, въ Одессѣ, гдѣ, 15 мая, онъ пишетъ *Эпилогъ* къ «Кавказскому Плѣннику» и стихотворное *Посвященіе* всей поэмы младшему сыну Раевскаго. Стало быть, снисходительность къ Пушкину добраго Инзова шла почти въ разрѣзъ взгляду на поэта петербургскихъ администраторовъ, изъ которыхъ, напр., Тургеневъ, въ письмѣ отъ 13 мая 1821 г., между прочимъ, сообщалъ Дмитріеву: «Пушкинъ написалъ другую поэму: «Кавказскій Плѣнникъ»; но въ поведеніи не исправился: хочетъ непремѣнно не однимъ талантомъ походить на Байрона». — Къ началу лѣта Пушкинъ былъ уже опять въ Кишиневѣ, гдѣ онъ, подъ вліяніемъ извѣстія о смерти Наполеона на островѣ св. Елены, въ іюнѣ же написалъ оду *Наполеонъ* (Изд. 1826 г.) и *Отрывокъ* — «Недвижный стражъ дремалъ» — (съ пропусками изд. 1859, т. I; безъ пропусковъ изд. 1861 г.). — Затѣмъ Пушкинъ началъ опять куда-то сбираться изъ Кишинева, и 27 іюня 1821 г. писалъ къ брату: «Пиши ко мнѣ покамѣстъ я еще въ Кишиневѣ.... Пиши же мнѣ о новостяхъ нашей словесности: что такое «Сотвореніе міра» Милонова? Что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ «Сынѣ Отечества» прошлаго года (это критика на поэму «Русланъ и Людмила»)? Кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится, ты правъ; но ее чортъ знаетъ какъ напечатали. Кто ее такъ напечаталъ? Пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что онъ славная душа, и что я люблю его какъ должно». Надо замѣтить, что Ѳ. Н. Глинка, одинъ изъ всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, дерзнулъ печатно выразить сочувствіе ссыльному поэту, въ особомъ *Посланіи* къ нему (Сынъ Отеч. 1820, № 38). Тогда же, и быть можетъ, въ надеждѣ скораго избавленія отъ ссылки, Пушкинъ велъ переписку и съ А. И. Тургеневымъ, отыскавшимъ впослѣдствіи одно изъ писемъ къ нему поэта, отъ 21 августа 1821, которое, по выраженію самаго Тургенева, «коротко, но ноготокъ востеръ». Въ тоже время, наконецъ, Пушкинъ опять влюбился въ кого-то и, настроенный прилично этому случаю, 23 августа написалъ элегію: *Умолкну скоро я* (Изд. 1826 г.), а въ ночь съ 24 на 25 августа — другую: *Мой другъ, забыты мной слѣды* (Новости Литературы, 1825, № 4). — 19 сентября 1821 г. Дмитріевъ писалъ Тургеневу: «Кто поссорилъ меня съ Воейковымъ, будто я сердитъ на него, что онъ расхвалилъ молодаго Пушкина? Не только не думалъ о томъ, но еще хвалилъ его, что онъ умѣлъ выставить удачнѣе самаго автора лучшіе стихи изъ его поэмы. Я не критиковалъ и прежнихъ образчиковъ, а только давалъ вамъ чувствовать, что, по предварительной молвѣ, ожидалъ чего-то бо̀льшаго. Напротивъ того, въ разборѣ Воейкова съ удовольствіемъ увидѣлъ два-три мѣста истинно - піитическія и въ большомъ родѣ. Пушкинъ былъ поэтъ еще до поэмы. Я, хотя и инвалидъ, но еще не лишился чутья къ изящному. Какъ же мнѣ хотѣть унижать талантъ его?». — Самъ же Пушкинъ, безпрестанно поджидая милостиваго вызова въ Петербургъ, отъ нечего дѣлать, наблюдалъ кишиневскую жизнь, толкался въ домахъ молдованскихъ бояръ и негоціантовъ, при чемъ дочери одного изъ нихъ, какого-то В. А. К—ва (впослѣдствіи г-жи Попандопуло), написалъ, 30 октября, большіе, но слабые, стихи *Въ альбомъ* (Общезанимател. Вѣстн. 1857, № 1), а 29 ноября, по слухамъ о предстоящемъ разрывѣ съ турками, сочинилъ стихотвореніе *Война*, озаглавленное въ рукописи *Мечта Войны* (Полярн. Звѣзда, 1823). — Вслѣдъ затѣмъ, поссорившись

въ одной картежной компаніи съ офицеромъ генеральнаго штаба З., обыгрывавшимъ компанію навѣрное, Пушкинъ получилъ вызовъ на дуэль, явился на, такъ называемую, «малину» за Кишиневымъ, преспокойно ѣлъ черешни изъ своей фуражки, пока З. стрѣлялъ и промахнулся, послѣ чего, Пушкинъ спросилъ своего противника: «Довольны вы?», но когда тотъ, вмѣсто отвѣта, бросился къ Пушкину съ объятіями, поэтъ замѣтилъ: «Это лишнее» — и, безъ выстрѣла, удалился съ барьера. — Слухъ объ этой дуэли, разумѣется, не замедлилъ дойти къ Инзову, который, чтобъ разсѣять городскую молву, придумалъ служебное порученіе Пушкину — и отправилъ поэта въ аккерманскія степи. Взявъ съ собою творенія Овидіевы, Пушкинъ выѣхалъ изъ Кишинева, видѣлъ устья Днѣстра, посѣтилъ Аккерманъ и Овидіополь, гдѣ, на одной пустынной башнѣ, прослывшей, съ той поры, Овидіевою, поэтъ, по свидѣтельству Н. И. Надеждина, провелъ цѣлую ночь въ таинственно-поэтическомъ собесѣдованіи съ тѣнью Овидія, сосланнаго сюда столько вѣковъ назадъ. Поэтическимъ результатомъ этой ночи было стихотвореніе *Овидію* (Полярн. Звѣзда, 1823), оконченное 26 декабря, по всей вѣроятности, въ Кишиневѣ, откуда Пушкинъ, кажется, тогда же послалъ въ Петербургъ, Гречу, рукопись своего «Кавказскаго плѣнника». — Къ тому же 1821 г., кромѣ названныхъ стихотвореній Пушкина, относятся многими библіографами, но безъ точнаго означенія мѣсяцовъ, и слѣдующія: *Алексѣеву*, Н. С. (Полярн. Звѣда, 1825); *Десятая заповѣдь* (Изд. 1861); *Гробъ юноши*, написанное, какъ полагаетъ г. Анненковъ, на смерть Н. А. Корсакова, лицейскаго товарища Пушкина (Изд. 1826); *Примѣты*, въ рукописи названное: *Отрывокъ* (тамъ же); *Дѣва* (Соревнов. Просвѣщ. и Благотвор. 1825, № 3); *Антологическій отрывокъ*, въ сокращеніи *Діонея* (Новости Литературы, 1825, апрѣль); *Красавица передъ зеркаломъ* (Соревнов. 1825, № 9); *Къ Аглаѣ* (Изд. 1855, т. VII); *Надпись къ портрету*, какъ-видно изъ рукописи,—кн. П. А. Вяземскаго (Полярн. Звѣз. 1824); *Къ**** — по однимъ Плещееву, по другимъ Кюхельбекеру — (Москов. Вѣстн. 1827, № 2); *Кинжалъ* (изд. 1861), присланное, какъ говорятъ, Карамзину, безъ имени автора, которое однако тотчасъ было угадано по самой конструкціи; иные, впрочемъ, отвергаютъ принадлежность этаго стихотворенія 1821 году; *Сказали разъ....* (Изд. 1861 г.). — Отпраздноваъ 1 января 1822 г. роскошнымъ обѣдомъ у М. Ѳ. Орлова, по случаю открытія дивизіоннаго манежа въ Кишиневѣ, Пушкинъ, черезъ нѣсколько же дней, имѣлъ новую дуэль съ заслуженнымъ полковникомъ С. Н. Старовымъ, дуэль изъ-за пустыхъ свѣтскихъ отношеній, происходившую въ мятель, которая мѣшала двукратнымъ выстрѣламъ обоихъ противниковъ, впослѣдствіи, вмѣсто возобновленія дуэли, примирившихся стараніями общихъ друзей. Пушкинъ, написавъ, послѣ перваго барьера, въ видѣ записки одному изъ Полторацкихъ, извѣстное четверостишіе:

Я живъ,
Старовъ
Здоровъ,
Дуэль не конченъ,—

сдѣлался потомъ пріятелемъ Старова, который, въ минуту примиренія, отозвался о храбрости поэта такъ: «Я долженъ сказать по правдѣ, что вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете». И пока въ Кишиневѣ толковали объ этой дуэли, Пушкинъ, 24 января, писалъ къ брату: «Представь себѣ, что до моей пустынѣ (sic) не доходитъ ни одинъ дружескій голосъ, что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать мою элегическую мизантропію, — и это состояніе несносно. Письмо, гдѣ я говорилъ тебѣ о Тавридѣ, не дошло до тебя, это меня бѣситъ. Я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ, чортъ *съ ними*; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней, тогда дѣла пойдутъ иначе.. . Посылаю тебѣ мои стихи (отрывокъ изъ новгородской повѣсти «Вадимъ»?), напечатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую, ради Христа, не распускай: въ ней каждый стихъ правда...» Далѣе слѣдуютъ двѣ эпиграммы: одна *Иной имѣлъ мою Аглаю* (изд. 1861 г.), другая — *на К****, т. е. на М. Т. Каченовскаго (Библіограф. Зап. 1858, № 1). — И такъ, Пушкинъ рѣшительно надѣялся скоро попасть въ Петербургъ. Но поведеніе его въ Кишиневѣ — не доказывало смиренія этой пылкой, африканской натуры: въ февралѣ 1822 г. у поэта опять случилась исторія съ кишиневскимъ молдаваниномъ аристократомъ Бальшемъ, жена котораго сказала Пушкину дерзость на счетъ дуэли его съ Старовымъ, вслѣдствіе чего Пушкинъ объяснилъ дѣло мужу барыни, а мужъ, послѣ разговора съ женою, началъ укорять въ дерзости самого Пушкина, который замахнулся на Бальша подсвѣчникомъ. Бальшъ, уговоренный просить извиненія у Пушкина, явился къ поэту, высокомѣрно сказалъ ему: «Меня упросили извиниться передъ вами. Какого извиненія вамъ нужно?» — и, вмѣсто отвѣта, получилъ полновѣсную почещину. Пушкинъ высидѣлъ за это двѣ недѣли подъ арестомъ, но дуэли не было. Всѣ эти проказы Пушкина сильно надоѣдали кишиневцамъ, которые, большею частію, не могли дорожить высокими достоинствами поэта, чаще не замѣчали ихъ вовсе, но не могли не досадовать, видя, «какъ этотъ, едва вышедшій изъ дѣтства, баловень природы, безъ видимаго занятія, безъ всякихъ наглядныхъ заслугъ, пользуется уваженіемъ людей высоко поставленныхъ, водится съ первыми лицами города, не хочетъ знать привычныхъ условій и внѣшнихъ формъ подчиненности, ни передъ чѣмъ не останавливается, и все ему проходитъ». — Кто-то изъ подобныхъ людей выразился про Пушкина, играя словомъ «бессарабскій», съ намекомъ на его физіономію: *бѣсъ арабскій*. Все это Пушкинъ, дѣлать нечего, терпѣлъ, оставался вѣренъ себѣ, и всѣ его пени на судьбу выражались только такою жалобою друзьямъ: «Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ». Впослѣдствіи, Пушкинъ, въ альбомѣ своего «Онѣгина», описалъ эти свои отношенія къ кишиневской аристократіи — такими стихами:

Меня не любятъ и клевещутъ;
Въ кругу мущинъ несносенъ я,
Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что важнымъ людямъ важны взоры,
Что глупость вѣтрена и зла;
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ.

Но когда все это совершалось на дѣлѣ, положеніе Пушкина было, дѣйствительно, жалкое — и нельзя не извинить поэту его желчнаго, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившагося стихотво-

ренія: *Городъ Кишиневъ* (Русскій Архивъ 1863, с. 864), написаннаго, по всей вѣроятности, именно въ минуты его кишиневскихъ невзгодъ. Одно еще, что развлекало Пушкина въ то время, это — греческое возстаніе, которое, проходя, такъ сказать, передъ глазами поэта, питало его мечту, а въ дѣйствительности — сближало его съ греческими семействами, наѣзжавшими тогда въ Кишиневъ. Памятникомъ такихъ и, вмѣстѣ, эротическихъ отношеній его къ возставшей націи осталось стихотвореніе *Гречанкѣ* (Полярн. Звѣзда, 1823) написанное, какъ свидѣтельствуютъ кишиневскіе знакомцы поэта, красавицѣ-гречанкѣ Калипсо. Другимъ развлеченіемъ бѣднаго Пушкина, въ то, для него тяжелое, время, было — любопытство: какъ приметъ публика его поэму «Кавказскій плѣнникъ», печатавшуюся въ Петербургѣ, лѣтомъ 1822 г.? «Успѣхъ — пишетъ г. Бартеневъ — былъ полный. Россія съ жадностью читала «Кавказскаго плѣнника». Можно навѣрное сказать, что если первая поэма Пушкина имѣла успѣхъ благодаря лишь легкости стиха и содержанія, всѣмъ равно понятнаго и доступнаго, то «Кавказскій плѣнникъ« былъ уже встрѣченъ съ любовью и участіемъ къ молодому сочинителю: во 1-хъ, всѣ знали, что это произведеніе ссыльнаго, во 2-хъ, въ поэмѣ уже много теплыхъ, задушевныхъ стиховъ». — Польщенный такимъ впечатлѣніемъ »Кавказскаго плѣнника», Пушкинъ тогда же, въ 1822 г., началъ поэмы «Вадимъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ», изъ которыхъ до насъ дошла только послѣдняя; кончилъ поэму «Братья-разбойники», но сжегъ ее, такъ что теперешняя поэма того же названія — есть только отрывокъ, уцѣлѣвшій у Н. Н. Раевскаго; наконецъ, написалъ извѣстную немногимъ *Гавриліаду* (отрывокъ въ изд. 1866), единственно изъ щегольства и простительнаго желанія: превзойти, въ этомъ родѣ, и Вольтера и Парни. — 21 іюня, Пушкинъ впервые завязалъ письменныя отношенія съ издателемъ «Полярной Звѣзды» А. А. Бестужевымъ, сначала на *вы*, и въ заключеніе отвѣтнаго письма своего къ нему, говорилъ: «Съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я въ письмѣ вашемъ нѣсколько строкъ К. Ѳ. Рылѣева; онѣ порука мнѣ въ его дружествѣ и воспоминаніи; обнимите его за меня, любезный А. А., какъ я васъ обниму при нашемъ свиданіи». — 21 іюля, Пушкинъ писалъ къ брату: «Пиши мнѣ новости литературныя. Что мой «Русланъ»? Не продается? не запретила ли его, цензура? дай знать. Если же Сленинъ купилъ его то гдѣ же деньги? А мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? Читалъ ли ты мои стихи, ему посланные (именно: «Мечта воина», «Овидію» «Гречанкѣ» и элегію: «Увы! зачѣмъ она блистаетъ»)? Что «Плѣнникъ»? Радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть; не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь». Почти тогда же Гречъ, издатель «Кавказскаго плѣнника» съ портретомъ автора, прислалъ Пушкину 500 рублей за право изданія его поэмы, чѣмъ Пушкинъ былъ недоволенъ, находя гонораріи недостаточнымъ, но всетаки принялъ деньги, въ которыхъ крайне нуждался. Не смотря на это, Пушкинъ не увлекался однимъ только денежнымъ вопросомъ — и когда, лѣтомъ 1822 г., кн. А. Лобановъ-Ростовскій задумалъ перекупить у Н. В. Всеволожскаго право изданія всѣхъ стиховъ Пушкина, о чемъ тогда просилъ Я. Н. Толстаго предварить автора, Пушкинъ, написавъ брату, 4 сентября, подробную инструкцію по этому дѣлу, 26 сентября отвѣчалъ Я. Н. Толстому: «Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. — Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои сочиненія по подпискѣ и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Н. В. Всеволожскому и самому отступиться отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить, и это первое условіе. Во-вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній иныя должны быть выключены, многія переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо пересмотрѣть мою рукопись. Третье, въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я все переслалъ князю Александру, но.... милый другъ! Подождемъ еще два-три мѣсяца. Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ». Въ это же письмо включено стихотвореніе: *Горишь ли ты лампада наша* (изд. 1855 г. т. I; съ дополненіями тамъ же, т. VII), посвященное воспоминаніямъ о дружескомъ литературномъ обществѣ «Зеленая лампа», сбиравшемся у Всеволожскихъ, въ Москвѣ.—Подобныя воспоминанія, неотвязчиво преслѣдуя поэта, питали въ немъ стремленіе — возвратиться въ Петербургъ, о чемъ онъ, должно быть, лѣтомъ, 1822 г., писалъ даже къ графу Нессельроду, какъ видно это изъ письма Пушкина къ брату, отъ 6 октября, гдѣ положительно сказано: «Министру я писалъ, онъ и въ усъ не дуетъ». Вмѣсто Петербурга, Пушкину, во второй половинѣ 1822 г., пришлось ѣхать изъ Кишинева еще далѣе. Причина заключалась въ подвигѣ— такого рода: повздоривши, за картами, съ кѣмъ-то изъ кишиневской молодежи, Пушкинъ снялъ сапогъ и подошвой ударилъ этаго кого-то въ лицо. Инзовъ отправилъ Пушкина въ Измаилъ, а его противника въ Новоселицу. Пушкинъ не былъ въ потерѣ. «Въ степяхъ — пишетъ Бартеневъ — онъ почувствовалъ себя на волѣ и захотѣлъ пожить беззаботною кочевою жизнью, снизойти на первую ступень человѣческаго общежитія. Встрѣтивъ на дорогѣ цыганскій таборъ, Пушкинъ присталъ къ нему и нѣсколько времени кочевалъ вмѣстѣ съ нимъ. Что это было дѣйствительно такъ, что воспитанникъ богатаго царскосельскаго лицея проводилъ ночи на голой землѣ, у костровъ и подъ шатрами, свидѣтельствуетъ братъ его, сообщившій одно выпущенное прежде мѣсто изъ поэмы «Цыганы»:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустыняхъ праздный я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями.

Такъ родилась поэма «Цыганы», написанная, какъ увидимъ, позже; а имя главнаго ея героя Алеко — носилъ между цыганами самъ Пушкинъ. Независимо отъ матеріаловъ для поэмы «Цыганы» невольная прогулка поэта изъ Кишинева въ Измаилъ, къ самымъ границамъ имперіи, создала два новыя стихотворенія Пушкина: *Баратынскому изъ Бессарабіи* (Сѣверн. Цвѣты 1826 г.) и *Экспромтъ* — «Мальчикъ, солнце встрѣтить должно» —, съ помѣтою «Тульчинъ, 1822» (изд. 1861 г.). — Въ ноябрѣ 1822 г. Пушкинъ опять нашелъ случай побывать въ Каменкѣ Раевскихъ, или, вѣрнѣе, Давыдовой, и тамъ написалъ стихотвореніе: *Въ альбомъ малюткѣ* (Поляр. Звѣз. 1824), т. е. Адели, 12-ти лѣтней дочери А. А. Давыдова, въ которую Пушкинъ вообразилъ себя влюбленнымъ, а въ декабрѣ, А. А. Бестужевъ напечаталъ въ своей «Полярной Звѣздѣ» (на 1824 г.) такое восхваленіе Пушкину: «Еще въ младенчествѣ, онъ изумилъ мужествомъ своего слога, и въ первой юности

дался ему кладъ русскаго языка, открылись чары поэзіи. Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь и, обладая онымъ, своенравно играетъ сердцами ... Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты, языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ — это музыка; не упоминаю о плавности ихъ— по русскому выраженію, они катятся по бархату жемчугомъ!» Не знаемъ, что болѣе оцѣнилъ щекотливый Пушкинъ: пестрый диѳирамбъ Бестужева или двустишіе кн. П. И. Шаликова: *Къ портрету Пушкина*:

Талантъ и чувства въ немъ созрѣли прежде лѣтъ.
Овидій нашъ, онъ сталъ ко славѣ музъ поэтъ!—

напечатанные въ Новостяхъ Литературы 1822 г. (№ 16).—Къ тому же 1822 г., кромѣ названныхъ, относятся слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Элегія* — «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный»— (Москов. Телегр. 1826, № 1), написанная, какъ думаютъ, на канунѣ поединка съ Старовымъ; *Друзьямъ* (Поляр. Звѣз. 1824 г.), вызванное проводами изъ Кишинева В. Т. Кека; *Баратынскому*, четверостишіе:

Я жду обѣщанной тетради:
Чтожъ медлишь, милый трубадуръ!
Пришли ее мнѣ Феба ради,
И награди тебя Амуръ. (Сѣвер. Цвѣты, 1826);

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ (Сѣв. Цвѣты 1825 г.), приложенная въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, охотнику до русскихъ древностей; *Уединеніе* (Изд. 1826), пьеска, отъ первой до послѣдней строки дышащая автобіографическимъ интересомъ:

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.....

У Клариссы денегъ мало (тамъ же); *Мадригалъ*—«Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати» (Уранія на 1826 г.); *Отрывки изъ новгородской повѣсти «Вадимъ»* (первый въ Моск. Вѣстн. 1827, № 17; второй, подъ заглавіемъ *Сонъ*, въ Памят. Отеч. Музъ 1827; третій, изд. 1855, т. VII.—Наступившій 1823 г. не сулилъ Пушкину многихъ пріятностей предыдущаго, потому что семейство Орловыхъ, особенно расположенное къ поэту, съ лѣта 1822 г. оставило Кишиневъ, такъ какъ М. Ѳ. Орловъ, по непріятностямъ съ корпуснымъ генераломъ Сабанѣевымъ, вышелъ въ оставку. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ продолжалъ принимать участіе въ мѣстныхъ увеселеніяхъ и, въ январѣ же, по случаю одного бала, написалъ стихотворную записку *В. П. Горчакову*, уцѣлѣвшую въ «Воспоминаніяхъ» послѣдняго. — 30 января Пушкинъ писалъ къ брату: «Душа моя, какъ перевести по русски bevues? — должно бы издавать у насъ журналъ Revue de Bevues. Мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣева, его же гербъ россійской на вратахъ византійскихъ.... Повѣришь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ bevues. Поговори объ этомъ съ нашими, да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишишь (sic), да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж(уковскому), чтобъ онъ продиктовалъ строчки три на мое имя. Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ, Дельвигу поклонъ Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина? Чѣмъ тебя поподчивать?» спрашиваетъ въ заключеніе поэтъ — и тутъ же приписываетъ стихи *Ѳ. Н. Глинкѣ* (отрывочно въ Моск. Вѣдом. 1855, № 145; полностію въ Соврем. 1856, № 7), которые, поэтому, слѣдуетъ относить къ 1823, а не къ 1822, какъ дѣлается иными издателями. На столько заинтересованный движеніемъ русской литературы, поэтъ тѣмъ менѣе выносилъ свою кишиневскую неподвижность и, недостаточно развлекаемый сочиненіемъ поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ», рвался изъ Кишинева куда нибудь. Однако мартъ мѣсяцъ онъ оставался еще въ Кишиневѣ и тутъ, въ день Благовѣщенія, написалъ стихотвореніе *На выпускъ птички* (Литератури. Листки 1823, № 2). Затѣмъ, ранней весной, видимъ Пушкина, недѣли на двѣ, въ Одессѣ, куда Вигель, по собственному свидѣтельству, написалъ поэту, что старикъ Инзовъ зоветъ его къ себѣ назадъ и что кишиневскія дамы соскучились по немъ. Деликатный поэтъ тотчасъ же явился на зовъ и окончательно переселился въ Одессу не ранѣе половины іюля. До этаго времени, Пушкинъ навсегда прощался съ кишиневскимъ обществомъ, но, продолжая зорко слѣдить за петербургскою литературою, 13 іюня 1823 г., по поводу выхода «Полярной Звѣзды» на этотъ годъ, вообще нравившейся Пушкину, писалъ А. А. Бестужеву: «*О взглядѣ* («на русскую словесность», статья Бестужева) можно бы намъ поспорить на досугѣ. Признаюсь, что ни съ кѣмъ мнѣ не хочется такъ спорить, какъ съ тобою, да съ Вяземскимъ; вы одни можете разгорячить меня. Покамѣстъ (sic) жалуюсь тебѣ объ одномъ: какъ можно въ статьѣ о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будемъ помнить? Это молчаніе непростительно, ни тебѣ, ни Гречу (сочинителю вышедшаго въ 1822 г. «Опыта Краткой Исторіи Русской Словесности»), а отъ тебя его не ожидалъ. Еще слово: зачѣмъ хвалить холоднаго, однообразнаго Осипова, а обижать Майкова. — Елисей (названіе поэмы В. И. Майкова, изд. вполнѣ въ «Собраніи его Сочиненій» 1867 г.) истинно смѣшонъ: ничего не знаю забавнѣе... (приводятся нѣсколько стиховъ изъ поэмы «Елисей»). Все это уморительно». Въ заключеніе, поэтъ обѣщаетъ выслать, для «Полярной Звѣзды» на 1824 г., «свои бессарабскія бредни — уцѣлѣвшій у Раевскаго отрывокъ сожженной поэмы «Братья разбойники»—,если отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ нѣжныхъ ушей читательницъ?... Впрочемъ—восклицаетъ Пушкинъ — чего бояться читательницъ? Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской землѣ, да и жалѣть не о чемъ». — Съ переселеніемъ въ Одессу, Пушкинъ, 25 августа, сообщалъ брату: «Мнѣ хочется душа моя написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло. Здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ; я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу. Я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторація и итальянская опера напоминали мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ (впослѣдствіи князь), принимаетъ очень ласково; объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ. Кажется и хорошо, да новая печаль мнѣ сжала грудь; мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей. Пріѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически и, выѣхавъ оттуда навсегда, о Кишиневѣ я вздохнулъ». — Въ Одессѣ Пушкинъ, прежде

всего, обратилъ на себя ласковое вниманіе ссыльныхъ поляковъ, которые, разумѣя его человѣкомъ, вооруженнымъ противъ своего отечественнаго правительства, окружили его почти волокитствомъ за нимъ—,но жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Въ русскомъ кружкѣ Одессы, не выключая и военныхъ, Пушкинъ уже гремѣлъ славою и пользовался большою популярностью, что подтверждается слѣдующимъ печатнымъ извѣстіемъ: — Однажды Пушкинъ, гуляя за городомъ, наткнулся на стоявшія тамъ артиллерійскія орудія и сталъ пристально осматривать одно изъ нихъ. Офицеру, бывшему тутъ же, показались эти наблюденія подозрительными — и онъ остановилъ поэта вопросомъ, кто онъ такой. «Пушкинъ!», отвѣчалъ поэтъ. «Пушкинъ!» воскликнулъ офицеръ. Ребята! пали — и грянулъ торжественный залпъ всей баттареи. Прочіе сбѣжались, встревоженные, и спрашивали: въ чемъ дѣло? — «Въ честь знаменитаго гостя, отвѣчалъ офицеръ: вотъ, господа, Пушкинъ»! — и поэта, изумленнаго такой оваціей, подхватили подъ руки и повели въ шатры артиллерійскихъ офицеровъ, праздновать нежданное посѣщеніе. Любопытно также, что Пушкинъ, въ ссылкѣ, не пропускалъ ни одной пасхальной заутрени, подзывая и пріятелей, «послушать голосъ русскаго народа». — Совсѣмъ тѣмъ, Пушкинъ не могъ же вполнѣ примириться съ иными частностями своей одесской среды — и вотъ почему, «захлебываясь желчью» (собственное его выраженіе), въ исходѣ ноября 1823 г., создалъ онъ превосходное стихотвореніе *Сѣятель* (изд. 1861 г.), а вслѣдъ за нимъ тогда же приступилъ къ сочиненію новой поэмы «Евгеній Онѣгинъ», о чемъ самъ извѣстилъ А. И. Тургенева, письмомъ отъ 1 декабря, съ приложеніемъ къ нему и стихотворенія «Сѣятель». Къ 1823 г. относятся также слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Телѣга жизни* (Моск. Телегр. 1825, № 1); *Элегія* «Простишь ли мнѣ» — (Поляр. Звѣз. 1824); *Элегія* — «Ненастный день потухъ» — (изд. 1826 г.); *Ночь*, подражаніе древнимъ (тамъ же); *Мой демонъ* (Мнемозина 1824, ч. III); *Княгинѣ Еленѣ Александровнѣ Голицыной*, рожд. кн. Салтыковой (Карман. книжка любителей русской старины и словесности 1830 г.); *Планъ стихотворенія въ честь Греціи* — «Возстань, о Греція, возстань» — (изд. 1855, т. VII); *Надгробная надпись кн. А. Н. Голицыну*, годовому младенцу, экспромтъ (Библіогр. Зап. 1858, № 16); *Царь Никита*, простонародная сказка (первые 22 стиха въ Библіогр. Зап. 1859, № 4; слѣдующіе 53 стиха въ Рус. Библ., т. I; конецъ, принадлежащій Пушкину только по мысли, изд. 1861, с. 168).— Съѣздивъ, въ январѣ 1824 г., съ И. П. Липранди въ Бендеры и Коушаны, для отысканія мѣста бывшей Варницы и тамъ могилы Мазепы, Пушкинъ продолжалъ скучать въ высшемъ кругу одесскаго общества, импровизировалъ эпиграммы, даже злые стихи на гр. Воронцова, съ сожалѣніемъ вспоминалъ кишиневскую жизнь, наконецъ, сердился на своихъ петербургскихъ друзей и родныхъ, «Плетневъ — жаловался онъ тогда брату — пишетъ мнѣ, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, раскупится ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица — поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады – на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть?». — Вслѣдъ затѣмъ *Бахчисарайскій Фонтанъ* былъ напечатанъ въ Петербургѣ — и, 1 апрѣля, Пушкинъ опять жаловался брату: «Вотъ что пишетъ ко мнѣ Вяземской: въ «Благонамѣренномъ» читалъ я, что въ какомъ-то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже? и въ Петербургѣ ходятъ тысяча списковъ съ него — кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю – и проч. Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? вѣдь ты взялъ свои 3000 руб. — а тамъ хоть трава не рости. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первой разъ поступившіе по-европейски, обдернутся и останутся въ накладѣ — да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все — друзьямъ *моей Славы* — чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри, какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ *Слава*! видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя однаго: напиши мнѣ, какъ «Фонтанъ» расходится — или запишусь въ гр. Хвостовы и самъ раскуплю половину изданія.... Мнѣ сказывали, что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ... Пиши мнѣ. Ни ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки — денегъ не шлете — а подрываете мой книжный торгъ — куда хорошо».—Въ справедливомъ неудовольствіи на все это, Пушкинъ развлекался одесскимъ театромъ, маскарадами у гр. Воронцова, бесѣдами и шутками съ мавромъ Али, шкиперомъ собственнаго судна, обѣдами у негоціанта Сикара, бывшаго консула, наконецъ, ухаживаньемъ за М-me Ризничъ, какъ вдругъ, 22 мая 1824 г., поэтъ получилъ отъ гр. Воронцова предписаніе такого содержанія: «состоящему въ штатѣ моемъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, г. коллежскому секретарю Пушкину. Поручаю вамъ отправиться въ уѣзды херсонскій, елисаветградскій и александрійскій и, по прибытіи въ города Херсонъ, Елисаветградъ и Александрію, явиться въ тамошнія общія уѣздныя присутствія и потребовать отъ нихъ свѣдѣній, въ какихъ мѣстахъ саранча возродилась, въ какомъ количествѣ, какія учинены распоряженія къ истребленію оной и какія средства къ тому употребляются. Послѣ сего имѣете осмотрѣть важнѣйшія мѣста, гдѣ саранча наиболѣе возродилась, и обозрѣть, съ какимъ успѣхомъ дѣйствуютъ употребленныя къ истребленію оной средства и достаточны ли распоряженія, учиненныя для того уѣздными присутствіями. О всемъ, что по сему найдено будетъ, рекомендую донести мнѣ».— Къ этому предписанію было приложено 400 руб. прогонныхъ денегъ — и Пушкинъ, выѣхавъ изъ Одессы, странствовалъ около 2 недѣль, но, вмѣсто всякаго оффиціальнаго донесенія, прислалъ Воронцову стихи, извѣстные тогда всѣмъ въ Одессѣ, переходившіе изъ устъ въ уста, повторяемые и теперь по преданію:

Саранча
Летѣла, летѣла,
И сѣла;
Сидѣла, сидѣла,
Все съѣла,
И вновь улетѣла.

Дѣло въ томъ, что Пушкинъ обидѣлся своей командировкой, и сочтя ее начальнической местью гр. Воронцова за рѣзкіе на него импровизиціи, написалъ къ нему французское письмо въ сильныхъ, можно сказать, неумѣстныхъ выраженіяхъ. Конч-

лось тѣмъ, что гр. Воронцовъ снесся съ Петербургомъ — и Пушкину велѣно было, оставивъ Одессу, основаться на жительствѣ въ псковскомъ имѣньѣ его матери, д. Михайловской. Памятникомъ этого распоряженія, сообщеннаго псковскому губернатору Адеркасу генералъ-губернаторами: псковскимъ — маркизомъ Паулуччи, и новороссійскимъ — гр. Воронцовымъ, остается слѣдующій любопытный документъ, хранящійся въ дѣлахъ псковскаго губернскаго правленія 1824 г.: «Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, къ несчастью, не только не перемѣнилъ поведенія и дурныхъ правилъ, которыя ознаменовали первыя шаги общественной его жизни, но даже распространяетъ въ письмахъ своихъ предосудительныя и вредныя мнѣнія. По сему, по Высочайшему повелѣнію, онъ исключонъ изъ списка чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и дабы отвратить, по возможности, отъ молодаго человѣка всю строгость законовъ, которой бы онъ, оставаясь въ совершенной независимости, могъ подвергнуться при ненадежности своего поведенія, Государь Императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство Псковской губерніи въ помѣстье родителей своихъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства». Къ предложенію маркиза Паулуччи приложена и выдержка изъ письма Пушкина, какъ можно думать, къ его пріятелю, гдѣ поэтъ сообщаетъ, что онъ «пишетъ пестрыя строфы романической поэзіи и бесѣдуетъ съ какимъ-то глухимъ философомъ англичаниномъ». Бесѣды эти, заключая легкомысленныя сужденія о религіи, послужили поводомъ къ высылкѣ Пушкина. 30 іюля, Пушкинъ, снабженный маршрутомъ отъ одесскаго градоначальника, выѣхалъ изъ Одессы и, 9 августа, прибылъ прямо въ д. Михайловское, опочецкаго уѣзда. По соглашенію псковскихъ: губернатора Адеркаса и губернскаго предводителя Львова, для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина былъ назначенъ новоржевскій помѣщикъ Рокотовъ, который однако уклонился отъ такого назначенія, отзываясь разстроеннымъ здоровьемъ. Но такъ какъ Пушкинъ, вопреки распоряженію губернатора, не явясь въ Псковъ, проѣхалъ прямо въ деревню, то Адеркасъ вытребовалъ Пушкина къ себѣ. Въ августѣ 1824 г., въ присутствіи псковскаго губернатора, коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ далъ подписку въ томъ, что онъ обязуется жить безотлучно въ помѣстьѣ родителей своихъ, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочиненіями и сужденіями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оныхъ никуда... Послѣ того, по распоряженію маркиза Паулуччи, сообщено опочецкому предводителю Пещурову, что «если статскій совѣтникъ Пушкинъ дастъ подписку, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ сына, то въ семъ случаѣ послѣдній можетъ оставаться подъ присмотромъ своего отца и безъ избранія особаго къ такому надзору дворянина, тѣмъ болѣе, что отецъ Пушкина есть изъ числа добронравнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей». Но Сергѣй Львовичъ далъ отзывъ, что главное имѣніе его не псковское, а нижегородское, что онъ, безъ ущерба всѣмъ дѣламъ, не можетъ оставаться при одномъ сынѣ и вынуждается обстоятельствами вскорѣ же ѣхать въ Москву. — Усѣвшись въ Михайловскомъ, Пушкинъ почти ежедневно бывалъ въ сосѣднемъ Тригорскомъ, имѣніи П. А. Осиповой, сблизился съ нею и дочерьми ея, дѣвицами Вульфъ, завелъ переписку съ братомъ послѣднихъ, А. Н. Вульфъ, дерптскимъ студентомъ, первое письмо къ которому началъ удалыми стихами (Руск. Арх. 1867, стр. 154), и въ октябрѣ писалъ къ брату: «Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» Въ томъ же октябрѣ Пушкинъ окончилъ поэму *Цыганы*, списки которой немедленно пошли по рукамъ, а въ ноябрѣ оплакалъ смерть тетки своей извѣстною *Элегіею* — «Ахъ, тетушка! ахъ, Анна Львовна» — (Изд. 1861 г.) и писалъ къ брату: «Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису (Гарловъ), мочи нѣтъ, какая скучная дура!» Между тѣмъ, молва объ ужасахъ петербургскаго наводненія 7 ноября 1824 г. облетала всю Россію — и Пушкинъ, сначала взглянувшій на это несчастіе слегка, даже написавшій брату: «что это у васъ? потопъ! ничто проклятому Петербургу!» потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе, отнесся къ предмету серьезнѣе и, 4 декабря, писалъ къ брату: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ; онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ...». — Что касается собственно поэтической дѣятельности Пушкина, она, въ 1824 г., выразилась слѣдующими стихотвореніями: *А. Л. Давыдову* (Моск. Вѣстн. 1829, ч. I); *Иностранкъ* (изд. 1826); *Испанскій романсъ* (невѣрно въ Литерат. Музеумѣ на 1830 г.; точнѣе въ Моск. Вѣстн. 1827, № 8); *Къ морю* (Мнемозина 1824, ч. IV), написано передъ выѣздомъ изъ Одессы; *Прозерпина* (Сѣвер. Цвѣты 1825), заимствовано изъ XXVII картины Парни; *Аквилонъ* (изд. 1838, т. IX); *Вечеръ* (Мнемозина 1824, ч. II), называемое въ изд. 1826 г. и послѣдующихъ *Веселый пиръ*; *Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ* (при I главѣ «Евгенія Онѣгина», изд. отдѣльно въ 1825); *Отрывокъ изъ посланія къ Языкову* (Литер. Газета 1830, № 16); *Коварность* (Моск. Вѣстн. 1828, № 6); *Признаніе*, къ А. И. Осиповой (Библ. для Чтен. 1837, № 5); *Подражаніе Корану*, посвящено П. А. Осиповой (изд. 1826); *Узникъ* (Стихотворенія, 1832, ч. III); *Подражаніе Шенье* — «Ты вянешь и молчишь» — (изд. 1826); *Два посланія Аристарху* (съ пропусками въ изд. 1855, т. VII; безъ пропусковъ въ Библіогр. Зап. 1858, № 11). — Безразлично съ минувшимъ 1824 наступилъ для Пушкина, въ Михайловскомъ, и новый 1825 г., въ самомъ началѣ котораго Пушкинъ произвелъ нѣкоторыя перемѣны въ управленіи хозяйствомъ михайловскаго дома: «У меня произошла перемѣна въ министерствѣ — писалъ онъ, въ январѣ, къ брату. Розу Григор. я принужденъ былъ выгнать за непристойное поведеніе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть». Въ P. S. этаго же письма добросердечный поэтъ прибавляетъ: «Слѣпой попъ перевелъ Сираха (см. Инв. № какой-то), издаетъ по подпискѣ, — подпишись на нѣсколько экземпляровъ». — Другое письмо къ брату, въ томъ же январѣ, Пушкинъ началъ извѣстною эпиграммою на М. Т. Каченовскаго: *Живъ, живъ Курилка*! (изд. 1855, т. VII), а въ третьемъ, отъ 14 марта, писалъ: «Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ — да книгъ conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, Старину, да Sismondi (littérature), да

*

Schlegel (dramaturgie), если есть у St. Florend. Хотѣлъ бы я также имѣть Новое изд. Собр. Рус. Стих., да дорого 75 р., я и за всю Р. столько не даю. Посмотри однакожъ». Заботливо слѣдя изъ Михайловскаго за впечатлѣніемъ поэмы *Братья Разбойники* и начала поэмы *Цыганы*, напечатанныхъ въ Поляр. Звѣздѣ 1825 г., съ тревожнымъ самолюбіемъ ожидая приговора публики и журналовъ I главѣ романа въ стихахъ *Евгеній Онѣгинъ*, появившейся отрывками въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г., а за тѣмъ изданной отдѣльно, Пушкинъ рвался въ Петербургъ, звалъ и ждалъ къ себѣ Дельвига, сердился на непрошенную услужливость друзей и неакуратность брата, которому, 17 апрѣля, писалъ: «Справься ради Бога объ «Фонтанѣ». Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12 тыс. руб., а я долженъ отъ нихъ отказаться; эдакъ съ голоду умру — съ отцемъ, да съ Ольдекопомъ. Прощай — я бѣшенъ». Вскорѣ за тѣмъ Дельвигъ, дѣйствительно, посѣтилъ Пушкина, провелъ у него нѣсколько дней, ѣздилъ съ нимъ въ Тригорское — и Пушкинъ отдохнувъ душою, первое же письмо къ брату по отъѣздѣ Дельвига, весною 1825 г., началъ такъ: «Фуше, Oeuvres dram. de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣдняя, 6-я и проч. пѣсни), новый Wal. Scott, Сибирской Вѣстникъ весь — и все это черезъ St. Florend, а не черезъ Сленина. Вино, вино, ромъ (12 бут.), горчицы, Fleur d'Orange, чемоданъ дорожный. Сыру лимбург. Книгу объ верховой ѣздѣ — хочу жеребцовъ выѣзшать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону.» Между тѣмъ 7-я глава «Евгенія Онѣгина», явясь одновременно съ комедіей Грибоѣдова: «Горе отъ ума», такъ же какъ и комедія поглотила вниманіе публики. Въ № 5 «Московскаго Телеграфа» напечатали восторженную похвалу «Онѣгину», называя 1-ю главу этаго произведенія «Картиной Рафаэля». В. Д. Веневитиновъ, самъ поэтъ и чтитель Пушкина, взглянулъ на I гл. «Онѣгина» гораздо трезвеннѣе, привѣтствовалъ ее какъ изящное начало чего-то многообѣщающаго, но положительно отказалъ ей въ народности — и, едва ли не былъ правъ. — Лѣтомъ, хозяйка Тригорскаго уѣхала, съ дочерьми, въ Ригу, куда Пушкинъ писалъ ей (по-французски), 25 іюля: «Мои петербургскіе друзья были увѣрены, что я васъ сопровождаю. Плетневъ сообщаетъ мнѣ довольно странную вѣсть: опредѣленіе Е. З. показалось имъ недоразумѣніемъ и они рѣшились снова ему доложить. Услуги пріятелей доведутъ меня, пожалуй, до Шлюссельбурга, гдѣ, конечно, не будетъ сосѣдства Тригорскаго». — Дѣло въ томъ, что Пушкинъ хлопоталъ тогда о дозволеніи съѣздить за границу — и друзья поэта сочли необходимымъ имѣть свидѣтельство о его нездоровьѣ, подписанное дерптскимъ профессоромъ и знаменитымъ операторомъ Мойеромъ, другомъ В. А. Жуковскаго. Мойеръ, готовый услужить поэту, самъ сбирался пріѣхать въ Михайловское, но Пушкинъ, изъ деликатности, предупредилъ добряка, что болѣзнь его не нуждается въ операціи. — Отъ нечего дѣлать, Пушкинъ навѣщалъ своихъ родныхъ и, 11 августа, писалъ къ той же П. А. Осиповой: «Я расчитываю еще провѣдать моего стараго негра — дядю (вѣрнѣе дѣда, ген. маі. П. А. Ганнибала, послѣдняго сына знаменитаго арапа Петра Великаго). Онъ, вѣроятно, умретъ на дняхъ, а мнѣ надо добыть отъ него записки, относящіяся до моего предка». Въ одномъ и томъ же сентябрѣ, Пушкинъ сообщалъ А. Н. Вульфу: «Я написалъ на дняхъ подражаніе элегіи на *подите прочь*» — и, 14 числа, въ письмѣ къ П. А. Катенину, сосланному на житье въ свою кологривскую деревню, объяснялъ слѣдующее: «Что сказать тебѣ о себѣ, о своихъ занятіяхъ? стихи покамѣсть я бросилъ и пишу свои mémoires, т. е. переписываю на бѣло скучную, сбивчивую черновую тетрадь; 4 пѣсни Онѣгина у меня готовы, и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ. Радуюсь, что 1-я пѣснь тебѣ по нраву — я самъ её люблю; впрочемъ на всѣ мои стихи я гляжу довольно равнодушно, какъ на старые проказы съ К(юхельбекеромъ?)...., съ театральнымъ маіоромъ (намекъ на несостоявшуюся дуэль 1819 г.) и проч.: больше не буду! — Addio, poeta, a rivederla, ma quando (Прощай, поэтъ, до свиданія, но когда)?» — Еще черезъ мѣсяцъ, въ день годовщины открытія Лицея, Пушкинъ написалъ стихотвореніе *19 октября* (съ выпусками — въ Сѣвер. Цвѣтахъ 1827 г.; безъ выпусковъ — въ Извѣстіяхъ II отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, т. VI, 1857 г.) —, а 4 декабря писалъ къ Катенину: «Письмо твое обрадовало меня по многимъ причинамъ: 1) что оно писано изъ Петербурга; 2) что Андромаха (соч. Катенина) наконецъ отдана на театръ; 3) что ты сбираешься издать свои стихотворенія; 4) — и что должно было бы стоять первымъ — что ты любишь меня по старому.... Какъ бы хорошо было еслибъ нынѣшней зимой я былъ свидѣтелемъ и участникомъ твоего торжества! Участникомъ — ибо твой успѣхъ не можетъ быть для меня чуждымъ. Мнѣ право совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ надѣюсь я представить что нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ. Радуюсь успѣхамъ Каратыгина и поздравляю его съ твоимъ одобреніемъ. Признаюсь — мочи нѣтъ хочется къ вамъ. Прощай, милый и почтенный — вспомни меня во время перваго представленія Андромахи». — Но въ письмахъ къ Катенину Пушкинъ очевидно скромничалъ на счетъ своей собственно поэтической дѣятельности. Извѣстно, что именно въ 1825 г. Пушкинымъ, кромѣ продолженія «Евгенія Онѣгина», написаны: повѣсть въ стихахъ *Графъ Нулинъ* (издана отдѣльно и дважды въ 1828 г.); простонародная сказка *Женихъ* (Моск. Вѣстн. 1827, № 13); стихотвореніе: *Чертогъ сіялъ* (Соврем. 1837, т. VIII) и знаменитое стихотвореніе въ драматической формѣ: *Борисъ Годуновъ* (отрывками: въ Моск. Вѣст. 1827, № 1; Сѣвер. Цвѣт. 1828, Денница 1830; цѣликомъ въ изд. 1838, т. I). Къ этимъ болѣе или менѣе крупнымъ произведеніямъ, должно присоединить и слѣдующія стихотворенія, написанныя Пушкинымъ въ томъ же 1825 г.: *Подражанія*, всего *два* (Моск. Вѣстн. 1829, № 1); *Буря* (Моск. Вѣстн. 1827, № 2); *Юноша. Сафо* (изд. 1826 г.; въ друг. изд. просто *Сафо*); *Элегія* — «Подъ небомъ голубымъ» — (Сѣв. Цветы, 1828 г.); *Желаніе славы* (Соревн. Просвѣщ. 1825, № 3); *Элегія* — «Прощай, письмо любви» — (изд. 1826; въ друг. изд. наз. *Сожженное Письмо*); *И. И. Козлову* (изд. 1826 г.), посланіе, исполненное задушевности; *Въ альбомъ П. А. О.*, т. е. Пр. Ал. Осиповой (Сѣв. Цветы, 1829 г.); *Стихи въ альбомъ* — «Если жизнь тебя обманетъ» — (Моск. Телегр. 1825, № 17); *Къ****, А—нѣ П—нѣ Кернъ (Сѣвер. Цвѣты, 1827 г.); *Вакхическая пѣсня* (изд. 1826 г.); *Зимній Вечеръ* (Сѣвер. Цвѣты, 1830 г.); *Изъ А. Шенье* (Соврем. 1836, № 1); *Андрей Шенье* (въ изд. 1826 г. съ пропускомъ, дополненнымъ въ изд. 1861 г.); *Н. Н.*, при посылкѣ ей «Невскаго Альманаха» (Невск. Альм. 1826 г.); *Къ****, Баратынскому (Моск. Вѣстн. 1829, ч. I); *Дружба* (Уранія, 1826 г.); *Движеніе* (тамъ же); *Соловей и Кукушка* (тамъ же); *Совѣтъ* (тамъ же); *Прозаикъ и По-*

этъ (Моск. Вѣст. 1827, № 4); *Журнальнымъ пріятелямъ* (Моск. Телегр. 1825, № 3; въ друг. изд. просто: *Пріятелямъ*); *Ex ungue leonem* (тамъ же, № 13). — Извѣстны и двѣ журнальныя статьи, написанныя Пушкинымъ въ 1825 г.: 9 іюня — *О г-жѣ Сталь и г. Мухановѣ* (Моск. Телегр. 1825, № 12); 12 августа — *О предисловіи г. Лемонте*, взятомъ изъ собранія переводовъ басень Крылова (тамъ же, № 17). Наконецъ, къ тому же 1825 г. слѣдуетъ, кажется, отнести и *Отрывки изъ романа въ письмахъ*, найденные въ тетрадяхъ поэта (изд. 1855, т. VII). Потрясенный петербургскою катастрофою 14 декабря 1825 г., Пушкинъ, въ началѣ 1826 г., поспѣшилъ уничтожить свой любопытный «Дневникъ» и въ ожиданіи, какъ будутъ расходиться изданныя петербургскими друзьями его «Стихотворенія», сосредоточился на продолженіи «Евгенія Онѣгина». Затѣмъ, коротая время перепискою съ П. А. Осиповой, все еще отсутствовавшей, Пушкинъ ожилъ душой только къ лѣту 1826 г., когда въ Тригорское и Михайловское пріѣхали дерптскіе друзья: А. Н. Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой, и Н. М. Языковъ, извѣстный поэтъ, въ стихотвореніяхъ котораго: «Къ Пушкину» и «П. А. Осиповой» — сохранились подробности деревенскаго времяпровожденія обоихъ поэтовъ.— Между тѣмъ, хлопоты петербургскихъ друзей Пушкина о необходимости доставить поэту возможность полечиться начинали достигать цѣли — и 26 іюня 1826 г. получилось въ Михайловскомъ извѣщеніе отъ главнаго штаба Его Величества, что Государь Императоръ дозволилъ Пушкину пріѣхать въ Псковъ и имѣть тамъ пребываніе до излеченія болѣзни, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобъ губернаторъ (Адеркасъ) имѣлъ наблюденіе какъ за поведеніемъ, такъ и за разговорами Пушкина. По пріѣздѣ въ Псковъ, Пушкинъ, 19 іюля 1826, свидѣтельствованъ въ псковской врачебной управѣ, и оказалось, что онъ имѣетъ въ нижнихъ конечностяхъ, особенно на правой голени, повсемѣстное расширеніе кровевозвратныхъ жилъ, «отчего, значилось въ актѣ, коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще». Пушкинъ тогда же послалъ всеподданнѣйшее прошеніе Государю Императору о дозволеніи ѣхать, для излеченія болѣзни, въ Москву, С.-Петербургъ или за-границу. На это послѣдовало Высочайшее повелѣніе, сообщенное Дибичемъ, о позволеніи Александру Пушкину отправиться въ Москву, съ посылаемымъ нарочно отъ Дибича фельдъегеремъ, въ своемъ экипажѣ, свободно, не въ видѣ арестанта. — Въ ночь на 2-е или на 3-е сентября въ Михайловское, дѣйствительно, прискакалъ фельдъегерь и, къ величайшему испугу почтенной Арины Родіоновны, немедленно умчалъ съ собою Пушкина: 8 сентября они явились въ Москву, гдѣ поэтъ тотчасъ же былъ представленъ Государю. «А, здравствуй, Пушкинъ — сказалъ императоръ — доволенъ ли ты, что возвращенъ?» Пушкинъ отвѣчалъ, какъ слѣдовало въ подобномъ случаѣ. Государь долго бесѣдовалъ съ поэтомъ и спросилъ его: «Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ, принялъ ли бы ты участіе въ 14 декабрѣ»?— «Неизбѣжно, Государь, отвѣчалъ прямодушный поэтъ, всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я былъ бы въ невозможности отстать отъ нихъ. Одно отсутствіе спасло меня, и я благодарю за то Небо». — «Ты довольно шалилъ, возразилъ Императоръ; надѣюсь, что теперь ты образумишься, и что размолвки у насъ впередъ не будетъ. Присылай все, что напишешь, ко мнѣ; отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ». — Въ тотъ же день, на балѣ у маршала Мармона (герцога рагузскаго), французскаго посла при русскомъ дворѣ, Государь сказалъ гр. Блудову: «Знаешь что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи?» и — на вопросительное недоумѣніе Блудова — назвалъ ему Пушкина. Радостная вѣсть о возвращеніи Пушкина разомъ облетѣла всю Москву. Одинъ изъ пріятелей поэта, прямо съ посольскаго бала, пріѣхалъ на Басманную, въ домъ В. Л. Пушкина, гдѣ остановился дорогой московскій гость. Пріятель засталъ Пушкина еще въ дорожномъ платьѣ, за ужиномъ, и тутъ же получилъ отъ него порученіе — съѣздить завтра къ извѣстному американцу гр. Толстому, съ вызовомъ на поединокъ. Но Толстаго въ Москвѣ не случилось, а впослѣдствіи противниковъ помирили. — Вскорѣ Пушкинъ переѣхалъ отъ дяди къ С. А. Соболевскому, на Собачью Площадку, и тутъ впервые читалъ «Бориса Годунова», въ присутствіи хозяина, П. Я. Чаадаева, Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Віельгорскаго и И. В. Кирѣевскаго. Восторгъ былъ полный. 12 октября, тоже чтеніе повторилось въ кружкѣ Веневитинова. «Кончилось чтеніе, пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши! Явилось шампанское и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, *Предисловіе* къ «Руслану и Людмилѣ» (присоединенное къ поэмѣ только при второмъ ея изданіи 1828), началъ разсказывать о планѣ для Дмитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ чернію, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ, сцену, которую сочинялъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ въ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ». — Перезнакомившись съ кружкомъ Веневитинова, Пушкинъ выразилъ полную готовность принять живое участіе въ возникавшемъ органѣ этаго кружка, журналѣ «Московскій Вѣстникъ», открытіе котораго было ознаменовано пріятельскимъ обѣдомъ, соединившимъ за одинъ и тотъ же пировой столъ: Пушкина, Мицкевича, Веневитинова съ братомъ, Баратынскаго, Хомякова съ братомъ, братьевъ Кирѣевскихъ, Соболевскаго, Раича, Рожалина, Погодина, Шевырева, Титова, Мальцева, Рихтера, Оболенскаго. Затѣмъ Пушкинъ уѣхалъ опять въ Михайловское, для приведенія въ порядокъ дѣлъ и преимущественно для разбора и укладки книгъ, которыя намѣревался отправить въ одну изъ столицъ. Въ ноябрѣ, онъ уже былъ въ Псковѣ, откуда, собираясь въ Москву, написалъ посланіе къ Н. С. Алексѣеву съ стихами (изд. 1855, т. I). По прибытіи въ Москву, Пушкинъ, 21 ноября, набросалъ посланіе *къ Языкову* (Моск. Вѣст. 1827, № 9), а 22 декабря, въ домѣ Зубовыхъ, написалъ извѣстные стансы: *Въ надеждѣ славы и добра* (Моск. Вѣст. 1828, № 1), наконецъ, тогда же представилъ составленное имъ, по порученію высшаго начальства, разсужденіе *О воспитаніи юношества*, кажется, не напечатанное. И хотя въ 1826 г. Пушкинъ написалъ, сравнительно, немного, все же къ этому году относятся еще слѣдующія его стихотворенія: *Зимняя дорога* (Моск. Вѣстн. 1828, № 4); *Пророкъ* (тамъ же, № 3); *Отвѣтъ Ѳ. Туманскому* (изд. 1829, т. II); *Въ альбомъ* — «Вотъ, Зина....» — (изд. 1855, т. VII), написано 1 іюля, въ Зуевѣ, какъ, по народному говору, звалось Михайловское; *Посланіе Арк. Гавр.*

Родзянкѣ (Соврем. 1859); *Отрывокъ изъ письма С. А. Соболевскому* (изд. 1855, т. VII), написанъ 9 ноября, изъ Михайловскаго въ Москву; *Нѣтъ я не льстецъ*, стансы (тамъ же), написаны около 22 декабря, въ Москвѣ; *И. И. Пущину*, посланіе (безъ заглавія и имени Пущина въ изд. 1838, т. IX), писано 26 декабря, въ Москвѣ; *Сцена изъ Фауста*, драматическій отрывокъ (Моск. Вѣстн. 1828, № IX); Нѣсколько надписей, четверостишій и двустишій (въ изд. 1859 и 1861 гг.). — Наконецъ, въ томъ же 1826 г., напечатана въ Москвѣ, отдѣльною брошюрою, II глава «Евгенія Онѣгина». Встрѣтивъ наступившій 1827 г. въ вихрѣ московскихъ баловъ и въ качествѣ московскаго льва, Пушкинъ, всегда падкій къ свѣтскимъ удовольствіямъ, не пропускалъ ни одного, не выключая бѣговъ, на одномъ изъ которыхъ, по поводу выслушаннаго отъ пріятелей разсказа, ему пришла въ голову мысль романа «Мертвыя души», впослѣдствіи уступленная имъ Гоголю. – Въ тоже время Пушкинъ печаталъ 1-мъ изданіемъ своихъ *Цыганъ*, сочинялъ анекдотическій разсказъ *Арапъ Петра Великаго* (одна IV глава въ Сѣв. Цвѣт. 1829, весь въ Совр. 1837, т. VI), писалъ стихи въ альбомы московскихъ дамъ, напр. 3 апрѣля, *Е. Н. Ушаковой* (Библіогр. Зап. 1859, № 6), отдалъ въ печать *Отрывокъ* изъ «Графа Нулина» (Моск. Вѣст. 1827, № 4) и только въ маѣ получилъ Высочайшее разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Въ іюнѣ Пушкинъ былъ уже на берегахъ Невы, здѣсь, 14 іюля, написалъ посланіе *Къ Языкову* — «Къ тебѣ сбирался я давно» (Сѣв. Цвѣты, 1829 г.), а 27 іюля — стихотвореніе *Три Ключа* (Отеч. Зап. 1841, № 1); и принялся за 2-е изданіе «Бахчисарайскаго Фонтана», едва ли не одновременно съ печатаніемъ, отдѣльной брошюрой, III главы «Евгенія Онѣгина». Осенью, Пушкинъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Михайловское — и не безъ приключеній, по крайней мѣрѣ, на обратномъ пути: «Вчерашній день — пишетъ самъ поэтъ въ своемъ «Дневникѣ» подъ 15 октября — былъ для меня замѣчателенъ. Пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 ч. утра, засталъ проѣзжаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 руб., я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 руб., и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи (въ Залазахъ) нашелъ я Шиллерова «Духовидца»; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно—поляки, сказалъ я хозяйкѣ. Да, отвѣчала она... Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ... стоялъ, опершись у колоны (sic). Къ нему подошелъ высокій блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ —, и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною.... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотрѣли другъ на друга — и я узнаю К*(юхельбекера). Мы кинулись другъ другу въ объятія.» Продолженіе этой сцены изложено въ слѣдующемъ безграмотномъ рапортѣ фельдъегеря (Подгорнаго) дежурному генералу главнаго штаба (ген. ад. Потапову): «Отправленъ я былъ сего мѣсяца (октября) 12 числа въ г. Динабургъ съ государственными преступниками, и на пути пріѣхавъ на станцію Залазы, вдругъ бросился къ преступнику Кюхельбекеру, ѣхавшій изъ Новоржева въ С.-Петербургъ нѣкто г. Пушкинъ, началъ послѣ поцалуевъ съ нимъ разговаривать. Я, видя сіе, напоспѣшнѣйше отправилъ какъ перваго, такъ и тѣхъ двухъ, за полверсты отъ станціи, дабы не дать имъ разговаривать; а самъ остался для написанія подорожной и заплаты прогоновъ. Но г. Пушкинъ просилъ меня дать Кюхельбекеру денегъ; я въ семъ ему отказалъ. Тогда онъ, г. Пушкинъ, кричалъ и, угрожая мнѣ, говорилъ, что: по прибытіи въ Петербургъ въ туже минуту доложу его императорскому величеству, какъ за недопущеніе распроститься съ другомъ, такъ и дать ему на дорогу денегъ; сверхъ того не премину также сказать и генералъ адъютанту Бенкендорфу. Самъ г. Пушкинъ между прочими угрозами объявилъ мнѣ, что онъ посаженъ былъ въ крѣпость и потомъ выпущенъ, почему я еще болѣе препятствовалъ имѣть ему сношеніе съ арестантомъ; а преступникъ Кюхельбекеръ мнѣ сказалъ: это тотъ Пушкинъ, который сочиняетъ. 28 октября 1827 г.». — Отозвалось ли все это Пушкину въ Петербургѣ — неизвѣстно, хотя видно, что въ теченіе того же 1827 г., въ Петербургѣ, кромѣ названныхъ сочиненій Пушкина, были изданы: *Братья разбойники* — дважды, *Графъ Нулинъ* — также дважды, и во 2-й разъ вмѣстѣ съ поэмой Баратынскаго: «Балъ». — Наконецъ, къ тому же 1827 г. относятся еще слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Ангелъ* (Сѣв. Цвѣты 1828); *Соловей* (Литер. Музеумъ 1827); *Талисманъ* (Альбомъ Сѣв. Музъ 1828), задуманное, какъ можно полагать, еще въ 1824 г.; *Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ* (Соврем. 1838, т. IX); *Княгинѣ Волконской*, Зин. Ал., при посылкѣ ей поэмы «Цыганы» (Моск. Вѣстн. 1827, № 9); *К. А. Т—вой*, т. е. Тимашевой, автору извѣстной пѣсни: «Ты не повѣришь, какъ ты мила» (Радуга 1830; въ друг. изд. наз. *Къ Женщинѣ-поэту*); *Поэтъ* (Моск. Вѣстн. 1827, № 23), изъ письма автора къ г. Погодину; *Переводъ неизданныхъ стиховъ Андр. Шенье* — «Близь мѣстъ гдѣ царствуетъ Венеція златая» — (Невск. Альм. 1828 г.); *Черепъ*, посланіе къ Дельвигу (Сѣв. Цвѣты, 1828); *Товарищамъ молодости* (Славянинъ 1830, ч. XIII; въ друг. изд. наз. *19 октября*); *Въ Сибирь* (Изд. 1861 г.), написано 19 октября и вручено А. Г. Муравьевой, ѣхавшей къ мужу, въ Читу; *Золото и булатъ*, четверостишіе (Моск. Вѣст. 1827, № 2); *Эпиграмма*, на А. Н. Муравьева (тамъ же № 6); *Эпитафія младенцу Волк—му* (Изд. 1855, т. VII); *Есть роза дивная* (Историч. Альбомъ 1853 г.). — Наступившій 1828 г. засталъ Пушкина въ Петербургѣ, откуда онъ, 24 января, писалъ П. А. Осиповой, гостившей тогда въ Тверской губер.: «Дельвигъ.... разскажетъ вамъ о нашемъ житьѣ въ Петербургѣ. Признаюсь, что это житье довольно пошло, и что я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ. Не знаю, пріѣду ли еще въ Михайловское, хотя это искреннее мое желаніе. Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу». — И такъ какъ никто не мѣшалъ Пушкину, избавиться и бѣжать отъ всего Петербургскаго когда и куда ему угодно, то не безъ основанія можно предполагать, что, въ приведенномъ письмѣ, Пушкинъ не былъ искрененъ и только усиливался принять поэтическую позу. Быть можетъ также, жалобы на «пошлость житья» возбуждались въ щекотливомъ Пушкинѣ неблагопріятными критическими статьями въ тогдашнемъ «Атенеѣ», о которыхъ кн. Вяземскій, 24 марта, писалъ И. И. Дмитріеву: «Критика» Атенея на Пушкина во многомъ ребячески забавна.

Критикъ не позволяетъ сказать: «бокалъ кипитъ», «безумное страданье», «сіянье розовыхъ снѣговъ». Послѣ того должно отказаться отъ всякой поэтической вольности въ слогѣ и держаться одной голословной и буквальной положительности. Да и можно ли Пушкина школить, какъ ученика изъ гимназіи? Встрѣчаются и должны встрѣчаться недостатки въ каждомъ произведеніи; но талантъ, каковъ талантъ Пушкина, и особливо же у насъ, долженъ быть всегда предметомъ уваженія: не рабо-лѣпнаго и слѣпаго идолопоклонничества, но еще болѣе, и не насмѣшливой привязчивости и педантическаго исправленія». — Въ то же самое время вышла въ Петербургѣ, отдѣльною брошюрою IV глава «Евгенія Онѣгина», а мѣсяца черезъ полтора, когда Государь находился при войскахъ въ Валахіи, къ нему поступило донесеніе на Пушкина отъ духовнаго вѣдомства, за «Гавриліаду», давнымъ давно ходившую по рукамъ. «Къ счастію— повѣствуетъ г. Бартеневъ — Государь зналъ, что Пушкинъ самъ уже принесъ повинную въ подобнаго рода сочиненіяхъ и не желая взыскивать съ поэта за грѣхи его ранней, еще кишиневской жизни, милостиво приказалъ остановить дѣло. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ являлся уже въ нѣкоторой тѣни». Въ этомъ-то состояніи, онъ принялся за новую поэму: *Полтава*, и трудясь надъ нею, ѣздилъ по-осени, ненадолго, въ Тверскую губернію, откуда, 27 октября, написалъ къ А. Н. Вульфу шутливое письмо, въ которомъ исключительно самаго Пушкина касается только слѣдующее мѣсто: «При сей вѣрной оказіи доношу вамъ, что Марья Васильевна Борисова есть цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ, и что я намѣренъ на дняхъ въ неё влюбиться». — Возвратясь въ Петербургъ, Пушкинъ доканчивалъ 2-е изданіе «Руслана и Людмилы», 3-е изданіе «Кавказскаго Плѣнника» и, 29 декабря, выдалъ V главу «Евгенія Онѣгина», посвященную П. А. Плетневу. — Изъ стихотвореній Пушкина, къ 1828 г. относятся: *Городъ пышный, городъ бѣдный* (Сѣв. Цвѣты 1829 г.); *To Dawe, Esq-r* (тамъ же); *Къ пріятелю* (кн. Вяземскому), *сравнивавшему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами* (Сѣв. Звѣзда 1829 г.; въ друг. изд. наз. *Ея глаза*); *Отрывокъ изъ Андр. Шенье* — «Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я» — (Изд. 1832. ч. III); *Портретъ* (Сѣв. Цвѣты 1829); *Романсъ* — «Не пой красавица при мнѣ» — (тамъ же); *Наперсникъ* (тамъ же); *Къ**** — «Счастливъ кто избранъ своенравно» — (изд. 1838, т. IX), по мнѣнію г. Анненкова, начальная часть стихотворенія: «Наперсникъ»; *Цвѣтокъ* (Галатея 1829, № 2); *Послѣдніе цвѣты* (Соврем. 1838, т. IX); *Предчувствіе* (Сѣв. Цвѣты 1829); *26 мая 1828 г.* — «Даръ напрасный, даръ случайный» — (тамъ же 1830), пьеска, вызвавшая, какъ извѣстно, стихотворный же отвѣтъ московскаго митрополита Филарета; *Воспоминаніе* (одна первая половина въ Сѣв. Цвѣт. 1829; одна вторая половина въ изд. 1855, т. I); *Заклинаніе* (изд. 1838, т. IX); *Отвѣтъ*, А. Н. Готовцевой (Сѣв. Цвѣты 1829); *Отвѣтъ Катенину* (тамъ же); *Къ И. В. Сл.*, т. е. Сленину (тамъ же); *Посланіе къ В*(еликопольскому), сочинителю «Сатиры на игроковъ» (Сѣв. Пчела 1828, № 9); *В. С.* Филимонову, при полученіи поэмы его «Дурацкій колпакъ» (Невск. Альбомъ 1840); *Къ**** — «Подъѣзжая подъ Ижоры» — (Сѣв. Цвѣты 1830); *Ты и Вы* (тамъ же, 1829); *Отрывокъ изъ поэмы:* Конрадъ Валенродъ, М(ицкеви)ча (Моск. Вѣстн. 1829, ч. I); *Опричникъ*, отрывокъ (Соврем. 1838, т. IX; въ друг. изд. наз. *Кромѣшникъ*); *Утопленникъ* (Моск. Вѣстн. 1829, ч. I); *Два ворона* (Сѣв. Цвѣты 1829; въ друг. изд. назван. *Шотландская пѣсня*); *Подражаніе Анакреону* — «Кобылица молодая» — (Сѣв. Цвѣты 1829); *Анчаръ* (тамъ же, 1832); *Чернь* (Моск. Вѣстн. 1829, ч. I); *Любопытный* (Сѣв. Цвѣты 1829), передѣлка одной изъ лицейскихъ эпиграммъ автора; *Риѳма, звучная подруга* (изд. 1855, т. I), черновой набросокъ неконченнаго стихотворенія; *Экспромтъ* (Библ. Зап. 1859, № 6), написанъ Е. Н. Ушаковой, передъ отъѣздомъ автора на Кавказъ; *Осеннее чувство* (изд. 1838, т. IX). Кромѣ того въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 г. помѣщены прозаическіе отрывки изъ автобіографіи Пушкина. — Въ началѣ 1829 г. Пушкинъ издалъ въ Петербургѣ VI главу «Евгенія Онѣгина», потомъ поэму *Полтава*, напечаталъ въ «Подснѣжникѣ» 1829 г. эпиграмму на М. Т. Каченовскаго, подъ заглавіемъ: *Литературное извѣстіе* — и уѣхалъ въ Москву, откуда, 8 мая, писалъ къ брату, отправленному на службу въ Грузію: «Что ты мнѣ не пишешь и что не пишетъ ко мнѣ твой командиръ? Завтра ѣду въ Петербургъ увидѣться съ дражайшими родителями, comme on dit, и устроить свои денежныя дѣла. Изъ ПБ. поѣду или въ чужіе края, т. е. въ Европу, или во свояси, т. е. во Псковъ, но вѣроятнѣе въ Грузію, не для твоихъ прекрасныхъ глазъ, а для Раевскаго. Письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею — да прошу не влюбиться въ дочь. Кончилась ли у васъ война? Видѣлъ ли ты Ермолова и каково вамъ послѣ его? Пиши ко мнѣ на имя сестры, а она куда нибудь да перешлетъ мнѣ». — Этой лихорадочной жаждѣ движенія Пушкинъ удовлетворилъ очень скоро, рѣшивъ, тѣмъ же лѣтомъ, вторично съѣздить на Кавказъ и, смотря по обстоятельствамъ, пробраться далѣе. Впечатлѣнія этой поѣздки увлекательно изображены поэтомъ въ его статьѣ: *Путешествіе въ Арзрумъ* (Соврем. 1836, т. I; дополнительные отрывки въ Библіогр. Зап. 1859, № 5). — Изъ Москвы, Пушкинъ сдѣлалъ 200 верстъ крюку на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ, собственно для того, чтобъ посѣтить А. П. Ермолова, уединенно жившаго въ Орлѣ, послѣ исторически-знаменитаго командованія кавказскимъ краемъ. Генералъ и поэтъ взаимно понравились другъ другу. Пушкинъ сохранилъ о Ермоловѣ самое почтительное воспоминаніе. Ермоловъ же, когда его спрашивали впослѣдствіи: была ли занимательна бесѣда съ нимъ Пушкина? отвѣчалъ съ одушевленіемъ: «Очень, очень, очень!». — Переѣздъ отъ Орла до Новочеркаска разсказанъ у Пушкина такъ: «Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ, но я своротилъ на прямую тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ курскомъ трактирѣ (что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ) и не любопытствуя посѣтить харьковскій университетъ, который не стоитъ курской ресторацін. До Ельца дороги ужасны. Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи одесской. Мнѣ случалось въ цѣлые сутки проѣхать не болѣе 50 верстъ. Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описаніяхъ морскихъ эволюцій. Наконецъ, воронежскія степи оживили мое путешествіе. Я свободно покатился по зеленой равнинѣ и благополучно прибылъ въ Новочеркаскъ». — Застигнутый здѣсь безденежьемъ, Пушкинъ, послѣ отказа мѣстныхъ аристократовъ, написалъ письма въ Москву, въ Петербургъ и, въ ожиданіи отвѣтовъ, часто гулялъ по городу, при чемъ, найдя въ единственной книжной лавчонкѣ (казака Жидкова) экземпляры

«Евгенія Онѣгина», былъ изумленъ дорогимъ запросомъ книгопродавца. — «Помилуйте, за что же такъ дорого!» воскликнулъ Пушкинъ. — «Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ хозяинъ лавки, за эти *сладенькіе стишки* слѣдуетъ брать еще дороже». — Здѣсь же, въ Новочеркаскѣ, Пушкинъ выказалъ себя болѣе, чѣмъ невыгодно, со стороны своего ребяческаго поклоненія фикціи аристократизма. Дѣло было такъ: дьяки войсковой канцеляріи, желая почествовать знаменитаго поэта, сговорились торжественно представиться ему, избрали изъ своей среды оратора, для произнесенія приличнаго случаю привѣтствія, явились къ поэту, но, вмѣсто деликатнаго пріема, котораго были въ правѣ ожидать, услышали изъ устъ самаго Пушкина холодный вопросъ: «Кто вы такіе?», потомъ жесткую фразу: «Извините меня, я приказныхъ терпѣть не могу» — и тотчасъ же удалились, справедливо ругнувъ Пушкина по своему, въ его же передней. Говорятъ, что новочеркасскій купецъ Сербиновъ далъ поэту 500 рублей, съ которыми Пушкинъ и поспѣшилъ выѣхать изъ Новочеркаска, — съ попутчикомъ, гр. Влад. Мусинымъ-Пушкинымъ, слѣдовавшимъ также въ Тифлисъ. «Я сердечно ему обрадовался, пишетъ Пушкинъ, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали «отрадною». Въ сѣверной ея части хранятся вины (sic) и съѣстные припасы; въ южной книги, мундиры, шляпы, etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станціи выгружается часть сѣверныхъ запасовъ, и такимъ образомъ, мы проводили время, какъ нельзя лучше». — Изъ Георгіевска Пушкинъ заѣзжалъ на старое пепелище въ Горячеводскъ; отъ Екатеринограда до Владикавказа путники ѣхали подъ прикрытіемъ конвоя съ орудіемъ; за Владикавказомъ, Пушкинъ увидѣлъ дикій Терекъ, живописный Даріалъ, снѣжный Казбекъ. Достигнувъ Тифлиса, Пушкинъ загорѣлся желаніемъ присоединиться къ главной квартирѣ ген. Паскевича, находившейся тогда у Карса, и получилъ на это разрѣшеніе главнокомандующаго. Быстро перевалился Пушкинъ черезъ Безобдалъ, Гумры, на дорогѣ къ Гумрамъ встрѣтилъ тѣло А. С. Грибоѣдова, проѣхалъ Гумры, переправился вплавь, верхомъ, черезъ пограничную рѣчку Арпачай и явился въ Карсъ истиннымъ искателемъ приключеній. Но Паскевичъ уже стоялъ лагеремъ за хребтомъ Саганъ-лу и, Пушкинъ, наскоро осмотрѣвъ Карсъ, поспѣшилъ въ русскій лагерь, гдѣ остановился у А. Н. Раевскаго, которымъ и былъ, на другой же день, представленъ Паскевичу. Подъ знаменами этаго счастливаго полководца, Пушкинъ, въ качествѣ посторонняго наблюдателя, испыталъ тревоги лагерной жизни, видалъ перестрѣлки, былъ свидѣтелемъ разбитія Арзрумскаго Сераскира, вступленія въ Гассанъ-Кале, занятія Арзрума. 19 іюля Пушкинъ, напуганный чумою, откланялся Паскевичу и получилъ отъ него, на память, турецкую саблю, 1 августа былъ уже въ Тифлисѣ, а 16 октября далъ о себѣ такую вѣсть А. Н. Вульфу: «Проѣзжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ, для сбора нѣкоторыхъ недоимокъ. Какъ жаль, Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились! То-то побѣсили бы мы бароновъ и простыхъ дворянъ!» — Въ Петербургѣ приняли Пушкина холодно. Государь выразилъ неудовольствіе на то, что Пушкинъ, съ кавказскихъ водъ, отправился безъ позволенія и вѣдома своего непосредственнаго начальника (т. е. гр. Бенкендорфа) въ главную квартиру Паскевича и, не будучи военнымъ человѣкомъ, слѣдовалъ за русскими войсками въ турецко-азіатскомъ походѣ. Покоряясь своей политической судьбѣ, Пушкинъ старался вознаграждать себя, по крайней мѣрѣ, поэзіею — и тогда-то явились двѣ шуточныя *Надписи* его къ картинкамъ изъ «Онѣгина», приложеннымъ къ «Невскому Альманаху» (изд. 1861 г.); забавная повѣсть въ стихахъ: *Домикъ въ Коломнѣ* (Новоселье, 1833), превосходная, къ сожалѣнію, неконченная поэма: *Галубъ* (Соврем. 1837, т. VII), наконецъ *Элегическій отрывокъ* — «Поѣдемъ, я готовъ...» — (Моск. Вѣстн. 1830, № 11), написанный 23 декабря и обличающій недовольство автора его тяжкимъ положеніемъ, въ смыслѣ полицейскомъ. — Но поэтическая дѣятельность Пушкина въ 1829 г. не ограничилась названными здѣсь произведеніями, къ которымъ должно присоединить еще многія, какъ стихотворныя, такъ и прозаическія. Изъ стихотвореній Пушкина, къ 1829 г. относятся: *Примѣты* (Подснѣжникъ, 1829 г.); *Въ альбомъ* — «Что въ имени тебѣ моемъ» — (Литер. Газета 1830, № 20); *Я васъ любилъ....* (Сѣв. Цвѣты 1830 г.), написанное, по мнѣнію г. Анненкова, къ тому же лицу, которое упоминается въ стихотвореніи: «To Dawe, Esq-r»; *Донъ* (Литер. Приб. къ Рус. Инв. 1831, № 83); *Калмычкѣ* (Литер. Газ. 1830, № 38); *Отрывокъ* — «На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла» — (Сѣв. Цвѣты 1831); *Кавказъ* (Литер. Газ. 1831, № 1); *Монастырь на Казбекѣ* (Сѣв. Цвѣты 1831); *Обвалъ* (тамъ же); *Делибашъ* (тамъ же 1832); *Олеговъ щитъ* (тамъ же, 1830); *Четыре отрывка* (всѣ изъ 2-й поѣздки на Кавказъ): 1) «Былъ я среди Донцовъ». 2) «Критонъ роскошный гражданинъ...». 3) «Напрасно видишь тутъ ошибку». 4) «Зорю бьютъ» (изд. 1855, т. I); *Изъ Гафиза* (Царское Село на 1830 г.); *Дорожныя жалобы* (Сѣв. Цвѣты 1832); *Зима* (тамъ же 1830); *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (изд. 1855, т. I), взамѣнъ прежнихъ, написанныхъ въ 1814 г.; *Зимнее утро* (Царское Село 1830); *Къ**** — «Когда твои младыя лѣта» — (Лит. Газ. 1830, № 13); *Стансы* — «Брожу ли я...» — (тамъ же, № 2); *Въ альбомъ*, Е. Н. Ушаковой (Галатея 1829, № 5); *Загадка* (Цар. Село 1830); *Къ N.N.* — «Счастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ» — (Сѣв. Цвѣты 1830), писано на кавказскихъ водахъ; *Собраніе насѣкомыхъ* (Подснѣжникъ 1830), сатира, возбудившая негодованіе почти всѣхъ журналовъ; *Двѣ эпиграммы*, на М. Т. Каченовскаго, — «Обиженный журналами жестоко» и «Какъ сатирой безымянной» — (Моск. Телегр. 1829, ч. XXVI и ч. XXIX); *Эпиграмма*, на Н. И. Надеждина, — «Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ» — (Сѣв. Цвѣты 1830); *Сапожникъ*, притча, (Соврем. 1836, т. III); *Эпиграмма* — «Поэтъ игрокъ» — (изд. 1855, т. VII); *Эпиграмма*, на Ѳ. В. Булгарина, — «Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный» — (Библ. Зап. 1858, № 11). — Къ тому же 1829 г. относятся: статья *Баратынскій* (изд. 1841, т. XI) и отрывокъ: *Разговоръ вечеромъ на раутѣ* (изд. 1855, т. I). — Въ самомъ началѣ 1830 г. Пушкинъ хотѣлъ разомъ покончить съ тягостью своего двусмысленнаго положенія въ Петербургѣ и 7 января написалъ (по-французски) гр. Бенкендорфу: «Генералъ! Явившись къ вашему сіятельству и не имѣвъ счастія застать васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго

дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ Миссіею, которая туда ѣдетъ. Позвольте мнѣ еще васъ обезпокоить. Въ мое отсутствіе г. Жуковскій хотѣлъ напечатать мою трагедію («Борисъ Годуновъ»), но не получилъ на то прямаго разрѣшенія. Такъ какъ я человѣкъ не богатый, то мнѣ чувствительно лишеніе суммы тысячь въ 15 руб., которые могла бы доставить моя трагедія, и мнѣ было бы горько отказаться отъ обнародованія труда, который я долго обдумывалъ и которымъ я наиболѣе доволенъ. Поручая себя вполнѣ вашему благорасположенію, остаюсь вашего сіятельства покорнѣйшій и проч.». — 18 января Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ другимъ письмомъ, благородно ходатайствуя о назначеніи приличной пенсіи вдовѣ генерала Раевскаго, а 19 января онъ написалъ *Стансы* — «Въ часы забавъ иль праздной скуки» — (Литер. Газ. 1830, № 12), заключающія въ себѣ отвѣтъ на стихотворную передѣлку митрополитомъ Филаретомъ стихотворенія Пушкина: «26 мая 1828 г.» («Даръ напрасный, даръ случайный»). — Занятый, въ одно и то же время, и сочиненіемъ VIII главы «Евгенія Онѣгина», и планомъ 3-го изданія «Бахчисарайскаго Фонтана», Пушкинъ не оставилъ принять дѣятельное участіе въ основаніи Дельвигомъ «Литературной Газеты», которое, совпавъ съ прекращеніемъ «Московскаго Вѣстника», имѣло цѣлію доставить литераторамъ Пушкинскаго кружка, не могшимъ или не желавшимъ печататься ни въ одномъ изъ тогдашнихъ столичныхъ журналовъ, свой независимый органъ. Съ другой стороны, «Литературная Газета» долженствовала вырвать изъ неспособныхъ рукъ критику, современное состояніе которой, Пушкинъ, кажется, тогда же, изобразилъ въ удачномъ переводѣ шутки Пелиссона: «Les trois sourds»: *Глухой глухова звалъ*. (изд. 1855, т. I). — Поэтому-то, въ самыхъ начальныхъ №№ «Литературной Газеты» Дельвига, видимъ слѣдующіе труды Пушкина: въ № 2 — *О выходѣ Иліады Гомера въ переводѣ Гнѣдича* (продолженіе въ № 12). — *Объясненіе*; въ № 3 — *Отвѣтъ*, стихотвореніе, адресованное Е. Н. Ушаковой; въ № 4 — *Разборъ «Исторіи русскаго народа», Н. Полеваго, т. I* (продолженіе въ № 12); въ № 5 — *Разборъ «Юрія Милославскаго», М. Загоскина; О запискахъ Самсона*; въ № 7 — *Замѣтки на сцену* (новооткрытую) *изъ Фонвизина*; въ № 8 — *Военная грузинская дорога, изъ путевыхъ записокъ А. С. Пушкина*; въ № 13 — *Ассамблея при Петрѣ I.* — Въ мартѣ, Пушкинъ вдругъ уѣхалъ въ Москву, оживленную тогда присутствіемъ высочайшаго двора, и 21 апрѣля, въ самый день Пасхи, сдѣлалъ предложеніе красавицѣ Н. Н. Гончаровой, съ семействомъ которой поэтъ познакомился еще въ 1828 г. Предложеніе было принято — и счастливый женихъ, избранный тогда же членомъ московскаго общества любителей россійской словесности, написавъ, въ Москвѣ, *Посланіе къ К. Н. Б. Ю*(супову). (Лит. Газ. 1830, № 30), а потомъ превосходное стихотвореніе: *Отвѣтъ Анониму* — И. А. Гульянову — (Сѣв. Цвѣты 1831), возвратился, къ концу лѣта, въ Петербургъ, для устройства дѣлъ и личнаго переговора съ отцомъ, касательно будущаго своего дома и состоянія. — 30 августа, Пушкинъ уже оставилъ Петербургъ, чтобы отправиться, черезъ Москву, въ Нижегородскую губернію, для принятія и оцѣнки той части села Болдина, въ Лукояновскомъ уѣздѣ, которую уступалъ ему отецъ. Изъ Петербурга Пушкинъ вышелъ пѣшкомъ. Его провожалъ Дельвигъ. Оба поэта не подозрѣвали, что видятся въ послѣдній разъ. Москву Пушкинъ нашелъ уже опустѣвшею: холера была не подалеку, распространяя повсемѣстно неописанный ужасъ. Но поэтъ не потерялся. «Я поѣхалъ съ равнодушіемъ — пишетъ онъ, коимъ былъ обязанъ пребыванію моему между Азіятцами... Пріятели, у коихъ дѣла были въ порядкѣ или въ привычномъ безпорядкѣ, что совершенно одно, упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное безчувствіе, — не есть еще истинное мужество». Проѣхавъ ярмарку въ Макарьевѣ, покинутую напуганными торговцами, Пушкинъ прибылъ въ Болдино. «Едва успѣлъ я пріѣхать — пишетъ онъ, какъ узнаю, что около меня оцѣпляются деревни, учреждаются карантины. Я занялся моими дѣлами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ѣздя по сосѣдямъ. Между тѣмъ, начинаю думать о возвращеніи и безпокоиться о карантинѣ. Вдругъ, 2 октября, получаю извѣстіе, что холера въ Москвѣ... Я тотчасъ собрался въ дорогу и поскакалъ. Проѣхавъ 20 верстъ, ямщикъ мой останавливается: застава! Нѣсколько мужичковъ съ дубинами — охраняли переправу черезъ какую-то рѣчку. Я сталъ распрашивать ихъ и доказывалъ имъ, что, вѣроятно, гдѣ нибудь да учрежденъ карантинъ, что не сегодня, такъ завтра на него наѣду, и въ доказательство — предложилъ имъ серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многія лѣта». — Но, на этотъ разъ, Пушкинъ не уѣхалъ далеко: въ томъ же октябрѣ видимъ его опять въ Болдинѣ, вѣроятно, возвратившагося отъ однаго изъ корантиновъ. Невольное уединеніе въ нижегородской глуши, съ тревожной мыслью о невѣстѣ въ зараженной эпидеміей Москвѣ, наполнило три остальные мѣсяца 1830 г., въ теченія которыхъ Пушкинъ имѣлъ всю возможность повторить свои обычныя осеннія привычки: долгія прогулки верхомъ, поздній обѣдъ, ночи, отданныя чтенію, и творческіе часы утра, въ постелѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ спальнѣ, съ перомъ и бумагой. Этимъ-то творческимъ часамъ обязаны мы болдинскими произведеніями Пушкина, которыя рождались одно за другимъ — въ такомъ порядкѣ: *Скупой рыцарь*, драмат. сцена, окончена 23 октября (Соврем. 1836, т. I); *Моцартъ и Сальери*, драмат. сцена, окончена 26 октября (Сѣв. Цвѣты 1832); *Лѣтопись села Горохина*, въ прозѣ, окончена 1 ноября (Соврем. 1837, т. VII); *Каменный гость*, драма, окончена 4 ноября (Сто Русскихъ Литераторовъ, 1839); *Я здѣсь, Инезилья*, романсъ для предыдущей драмы (изд. 1835, т. I); *Пиръ во время чумы* (Альціона, 1832); *Повѣсти Бѣлкина*, въ прозѣ — «Выстрѣлъ», «Мятель», «Гробовщикъ», «Станціонный Смотритель» и «Барышня крестьянка» (изданы особо въ 1831 г.); *Альманашникъ*, сцены въ прозѣ (изд. 1855, т. VII); *Дѣтскія сказочки*, въ прозѣ, счетомъ три (тамъ же). — А когда дошелъ къ Пушкину слухъ о прибытіи Государя въ вымиравшую Москву, поэтъ прислалъ г. Погодину, въ письмѣ отъ 30 декабря, изъ Болдина, стихотвореніе: *Герой* (Соврем. 1837, № 1). — Къ болдинскимъ же трудамъ Пушкина должно, кажется, отнести и слѣдующіе: *Критическіе отрывки* (Сынъ Отеч. 1840, № 7); *Критическая замѣтка о «Полтавѣ»* (Денница, 1831); *Замѣтка по поводу «Евгенія Онѣгина»*, оконченная 21 ноября и долженствовавшая служить *предисловіемъ* къ двумъ послѣднимъ главамъ этаго романа (изд, 1838, т. XI); *Замѣтка о «Борисѣ Годуновѣ»* (изд. 1855, т. I); *Замѣчанія на Пѣснь о Полку Игоревѣ* (тамъ же). — VIII глава «Евгенія Онѣгина», написанная также въ Болдинѣ, была впослѣдствіи уничтожена са-

мимъ авторомъ. Вообще же къ 1830 г. относятся еще слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ...* (Библіогр. Зап. 1858, № 7); *Поэту*, написано 1 іюля (Сѣвер. Цвѣты, 1831 г.); *Мадона* (Сиротка 1831); *Сонетъ* (Моск. Вѣст. 1830, № 8), *Цыганы*, (будто-бы) съ англійскаго (Денница, 1831 г.); *Элегія*—«Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» — (Библ. для Чтен. 1834, № 10); *Бѣсы*, написано 7 сентября, въ Болдинѣ (Сѣв. Цвѣты, 1832); *Осень* (безъ предпослѣдней, (XI) строфы въ изд. 1838, т. IX; эта строфа въ изд. 1855, т. II); *Капризъ*, написано 1 октября, въ Болдинѣ (изд. 1838, т. IX); *Ночью, во время безсонницы*, написано въ октябрѣ, въ Болдинѣ (тамъ же); *Разставаніе*, написано 8 октября, въ Болдинѣ (Альманахъ на 1838 г. Владиславлева); *Пажъ, или пятнадцатый годъ*, написано 7 октября, въ Болдинѣ (изд. 1838, т. IX); *Для береговъ отчизны дальней*, написано 27 ноября, въ Болдинѣ (Утренняя Заря, 1841); *Пью за здравіе Мери*, подражаніе пѣсни англійскаго поэта Берри Корнуолля: «Here's a health to thee Mary (Денница, 1831); *Передъ Испанкой благородной* (изд. 1838, т. IX); *Въ началѣ жизни....*, написано въ Болдинѣ (тамъ же); *Къ****, написано въ Москвѣ (Сиротка 1831 г.; въ друг. изд. наз. *Новоселье*); *Моя родословная* (кратко въ Отеч. Зап. 1840, № 4; пропуски обозначены въ Библіогр. Зап. 1858, № 11); *Аріонъ* (Литер. Газ. 1830, № 43); *О муза пламенной сатиры*! (изд. 1855, т. VII); *Царскосельская статуя* (Сѣв. Цвѣты, 1832); *Отрокъ* (тамъ же); *Риѳма* (тамъ же); *Трудъ* (тамъ же); *На переводъ Иліады*, двустишіе (Альціона, 1832); *Изъ записки къ пріятелю*, помѣченной 10 октября, очевидно у какого нибудь карантина (изд. 1855, т. VII); *Эпиграмма*, на Ѳ. В. Булгарина (изд. 1861). — Въ самые первые дни наступившаго 1831 г. Пушкину удалось пробраться въ Москву, съ свидѣтельствомъ на залогъ въ опекунскомъ совѣтѣ своей части Болдина. Тогда «Борисъ Годуновъ» уже печатался въ Петербургѣ — и Пушкинъ, одушевляемый надеждой получить за этотъ трудъ 15 тыс. р., надеждой не сбывшейся, весело проводилъ время у своей невѣсты, которой онъ тогда же написалъ въ альбомъ стихотвореніе: *Красавица* (Библ. для Чтенія, 1834, № 5). — Веселое настроеніе Пушкина было вдругъ омрачено и уничтожено извѣстіемъ, что 14 января умеръ въ Петербургѣ бар. А. А. Дельвигъ. «Что скажу тебѣ, мой милый! писалъ Пушкинъ 21 января, Плетневу. Ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову (тесть Дельвига) объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ: я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій. Но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ! Ты, я, Б(аратынскі)—й — вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Н*(ащокинымъ), который сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его *покойникъ* Дельвигъ — и этотъ эпитетъ былъ столько же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ — быть такъ, Б(аратынскі)й боленъ съ огорченія. Меня не такъ то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ и постараемся быть живы». — Но главное мысль Пушкина сосредоточивалась тогда, разумѣется, на близкой женитьбѣ, обдуманной имъ со всѣхъ сторонъ, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Н. И. Кривцову, отъ 10 февраля: »Все, чтобы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Щастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes (внѣ обычной колеи нѣтъ счастія). Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ 30 лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю, какъ люди, и вѣроятно, не буду въ томъ раскаяваться. Къ тому же я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью». — Въ другомъ письмѣ, писанномъ по-французски и также почти наканунѣ свадьбы, Пушкинъ прямо говоритъ, что ему, вѣроятно, придется погибнуть на поединкѣ. — 18 февраля 1831 г. Пушкинъ былъ обвѣнчанъ съ Н. Н. Гончаровой у Стараго Вознесенья, на Никитской, и, проживъ до весны на Арбатѣ, въ домѣ Хитровой, вскорѣ послѣ святой недѣли отправился съ женой въ Петербургъ, гдѣ сталъ въ Демутовомъ трактирѣ, а потомъ, вскорѣ же, переѣхалъ въ Царское Село. — Отсюда Пушкинъ, 26 мая, писалъ Плетневу: «Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ я проживу въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и «тому подобныхъ удобностей»; съ тобою буду видѣться всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также. Петербургъ подъ бокомъ. Жизнь дешевая; экипажа не надобно. Чего лучше?» — Но вскорѣ обстоятельства перемѣнились: холера прокралась въ Петербургскую губернію, подвозъ припасовъ оскудѣлъ, цѣны на все поднимались — и молодое хозяйство Пушкиныхъ, уже лишенныхъ ежедневнаго «пирожнаго», начинало расклеиваться, потому что прислуга воровала, изгонялась и буйствовала, такъ что поэтъ, баричъ въ душѣ, далъ оплеуху своему повару, который прибѣгнулъ къ защитѣ полиціи и пригласилъ въ кухню квартальнаго... Тѣснимый всѣми этими обстоятельствами, Пушкинъ хотя успѣлъ получить за свою часть Болдина 40 тыс. изъ опекунскаго совѣта, но не могъ двинуться изъ Царскаго Села и, отъ нечего дѣлать, исходатайствовалъ себѣ, въ іюлѣ, доступъ въ государственные архивы для собранія матеріаловъ къ Исторіи Петра Великаго. «Нынче осенью — писалъ онъ къ П. В. Нащокину — займусь литературою, а зимой зароюсь въ архивы». — Въ сентябрьскомъ письмѣ къ тому же Нащокину, Пушкинъ сообщилъ о недалекомъ опредѣленіи своемъ на службу и, 22 октября, переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, откуда писалъ Нащокину: «Вотъ я въ Петербургѣ, гдѣ былъ принужденъ перемѣнить нанятый домъ. Пиши мнѣ: на Галерной, въ домѣ Брискорнъ. Все это очень измѣнитъ образъ моей жизни и обо всемъ надо подумать. Не знаю, не затѣю ли чего нибудь литературнаго, журнальнаго альбома или тому подобнаго: лѣнь! Кстати, я издаю «Сѣверные Цвѣты» для братьевъ покойнаго Дельвига — заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои («Повѣсти Бѣлкина») напечатаны, на дняхъ получишь». — Занятый изданіемъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» всегда принимавшихся публикой благосклонно, Пушкинъ имѣлъ въ мысляхъ затѣять и собственное изданіе — газету политико-литературную, даже готовилъ къ тому матеріалы, состоявшіе изъ

прозаическихъ статеекъ, написанныхъ въ духѣ консервативномъ до крайности и трактующихъ о современныхъ событіяхъ изъ общественной, политической и придворной жизни (напечатаны отрывочно въ Библіогр. Зап. 1859, № 5). Къ нимъ же можно отнести и собраніе разныхъ историческихъ анекдотовъ, носящихъ въ рукописи общее заглавіе: *Table Talk*, т. е. росказни за столомъ (изд. 1855, т. V; дополненіе въ Библіогр. Зап. 1859, № 5). — 14 ноября 1831 г. Пушкинъ, дѣйствительно, былъ зачисленъ на службу въ вѣдомствѣ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но съ особенною высочайшею милостью, – жалованьемъ по 5 тыс. руб. въ годъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ, всегда пользовавшійся благорасположеніемъ имп. Николая, обратилъ на себя особенное вниманіе его величества своими патріотическими стихотвореніями: ***Клеветникамъ Россіи*** и ***Бородинская Годовщина***, изъ которыхъ первое было написано 5 августа, а послѣднее нѣсколько дней спустя. Оба эти стихотворенія, вмѣстѣ съ патріотической пьесой Жуковскаго, были тогда же изданы въ Петербургѣ, особою брошюрою, подъ титуломъ: «На взятіе Варшавы, три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина». Въ то же время, Пушкинъ не покидалъ своего «Онѣгина» — и, 5 октября, написалъ извѣстное письмо Онѣгина къ Татьянѣ. Въ ноябрѣ, Пушкинъ наскоро уѣхалъ въ Москву, одинъ, по дѣламъ, не надолго. — Къ тому же 1831 г. относятся слѣдующія стихотворенія Пушкина: ***19 октября 1831 г.*** (изд. 1838, т. IX; съ дополнительной строфой въ изд. 1855, т. III); ***Эхо*** (Сѣверные Цвѣты, 1832); ***Отрывокъ*** — «Когда въ объятія мои» — (изд. 1855, т. VII); ***Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди*** (изд. 1832); ***Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и разбойникѣ его Балдѣ*** (Сынъ Отеч. 1840, № 5). — Прозаическими произведеніями Пушкина въ 1831 г. были: ***Рославлевъ***, повѣсть (Соврем. 1836, т. III); ***Торжество дружбы или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ***, полемическая статья (Телескопъ 1831, № 13); ***Нѣсколько словъ о мизинцѣ*** г. Б(улгарина)... ***и о прочемъ***, полемическая статья (тамъ же, № 15); ***Отрывокъ изъ повѣсти*** (изд. 1855, т. VII). — Возвратившись къ 1 января 1832 г. изъ Москвы въ Петербургъ, Пушкинъ предался своимъ обычнымъ занятіямъ, отъ которыхъ вниманіе его было отвлечено извѣстной исторіей съ журналомъ Кирѣевскаго «Европеецъ», исторіей, возникшей по недоразумѣніямъ, но, безъ энергическаго заступничества Жуковскаго, погубившей бы Кирѣевскаго, о чемъ и Пушкинъ, въ своемъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, отъ 14 февраля, выражается такъ: «Вѣроятно, вы изволите уже знать, что журналъ «Европеецъ» запрещенъ въ слѣдствіе доноса. Кирѣевскій, добрый и скромный Кирѣевскій, представленъ правительству сорванцемъ и якобинцемъ! Всѣ здѣсь надѣются, что онъ оправдается и что клеветники — или, по крайней мѣрѣ, клевета — устыдится и будетъ изобличена». Получивъ, 29 февраля, высочайшее согласіе на разсмотрѣніе библіотеки Вольтера, хранящейся въ императорскомъ эрмитажѣ, Пушкинъ приступилъ къ изданію, отдѣльной брошюрой, VIII (и послѣдней) главы «Евгенія Онѣгина», а также къ печатанію III части собранія своихъ «Стихотвореній», запродалъ будущее изданіе всего «Онѣгина» книгопродавцу Смирдину и занялся планомъ политико-литературной газеты, на изданіе которой получилъ уже дозволеніе. Планъ этотъ, сохранившійся въ «Матеріалахъ» г. Анненкова (изд. 1855, т. I, с. 357) и обнаруживающій всю непрактичность Пушкина, скоро былъ забытъ самимъ поэтомъ, который, на докучливые допросы друзей о программѣ будущей газеты, отдѣлывался слѣдующимъ: «Какую программу хотите вы видѣть? Извѣстіе о курсѣ, о проѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію... Остальное мало меня интересуетъ». Тогда-то, быть можетъ, имѣя поводъ издѣваться надъ иными сторонами дѣйствительной жизни, Пушкинъ написалъ стихотвореніе въ родѣ подражанія Данту: ***И далѣ мы пошли — и страхъ обнялъ меня*** (изд. 1838, т. IX), а 16 марта имъ написано другое стихотвореніе: ***Въ альбомъ*** — «Въ тревогѣ пестрой и безплодной» — (Отеч. Зап. 1840, № 10). — Ожидая скоро быть отцомъ, Пушкинъ стремился въ Михайловское, и писалъ П. А. Осиповой: «Не сообщаю вамъ никакихъ новостей, ни политическихъ, ни литературныхъ. Я думаю, что онѣ вамъ надоѣли столько же, сколько и всѣмъ намъ. Нѣтъ ничего благоразумнѣе, какъ жить въ своей деревнѣ и поливать свою капусту. Это старая истина, которую я ежедневно повторяю среди свѣтской и безпорядочной жизни. Не знаю, увидимся ли мы нынѣшнимъ лѣтомъ? Это одно изъ моихъ мечтаній. Дай Богъ, чтобъ оно исполнилось». — Но случилось ли, на этотъ разъ, какъ желалъ Пушкинъ, — не знаемъ. Извѣстно только, что 12 сентября Пушкинъ опять уѣхалъ по дѣламъ въ Москву, на 28 дней, и возвратясь въ Петербургъ, опять перемѣнилъ квартиру: оставилъ домъ Алымова, на Фурштатской, и переселился въ домъ Жадимеровскаго, на Малой Морской. Отсюда Пушкинъ, съ самаго начала зимы 1832—1833, ежедневно отправлялся пѣшкомъ въ разные архивы и, послѣ занятій тамъ, пѣшкомъ же возвращался домой, при чемъ, не смотря на строгое выполненіе всѣхъ мелочныхъ требованій свѣтской жизни, онъ успѣлъ сочинить, бѣлыми стихами, рядъ драматическихъ сценъ, подъ названіемъ: ***Русалка*** (Соврем. 1837, т. VI) и начать, 21 октября, повѣсть въ прозѣ: ***Дубровскій***. Кромѣ этихъ произведеній, къ 1832 г. относятся стихотворенія Пушкина: ***Родригъ*** (изд. 1838, т. IX); ***Романсъ*** — «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный» —, принадлежащій къ «Сценамъ изъ рыцарскихъ временъ» (тамъ же, т. X); ***Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу***, написано 27 октября (Альманахъ Владиславлева на 1838 г.); ***А. Д. Баратынской*** (Отеч. Зап. 1840, № 1); ***Въ альбомъ*** — «Долго сихъ листовъ завѣтныхъ» — (тамъ же, 1839, № 1); ***Въ альбомъ*** — «Гонимый рока самовластьемъ — », написано 27 октября (изд. 1855, т. VII); ***Изъ Ксенофана Колофонскаго*** (Библ. для Чтен. 1834, т. V); ***Изъ Аѳенея*** (тамъ же); ***Вино***, изъ Іона Хіоскаго (изд. 1855, т. VII). Въ 1833 г. Пушкинъ, избранный, 7 января, членомъ имп. россійской академіи, 22 января окончилъ повѣсть ***Дубровскій*** (изд. 1838, т. X), въ февралѣ написалъ статью: ***О сочиненіяхъ Катенина*** (Литер. Приб. къ Рус. Инв. 1833, № 26), въ мартѣ затѣвалъ періодическое изданіе, о которомъ совѣщался съ кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, но оно не состоялось, и весною переѣхалъ на Черную Рѣчку, откуда ежедневно продолжалъ ходить пѣшкомъ въ архивы и, утомляясь, освѣжался купаньемъ. — Тамъ, на Черной Рѣчкѣ, Пушкинъ, 26 іюня, написалъ стихотвореніе ***Странникъ*** (изд. 1838, т. IX), и тамъ же ему пришла мысль съѣздить въ Заволжье, для собранія свѣдѣній о Пугачевѣ, мысль, къ осуществленію которой онъ приступилъ 30 іюля, подачей своему начальству записки такого содержанія: «Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, занимался я одними

историческими изысканіями; не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживатъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить обѣ сіи губерніи...» 12 августа Пушкинъ получилъ разрѣшеніе на поѣздку, которую началъ съ Дерпта, но, въ концѣ августа, онъ былъ уже въ Болдинѣ, откуда 6 сентября прибылъ въ Казань, здѣсь поучительно бесѣдовалъ съ А. В. Фуксъ (см. Казан. Вѣдом. 1844, № 2), 8 сентября уѣхалъ изъ Казани въ Симбирскъ, 12 сентября проѣхалъ с. Языково, принадлежавшее поэту Н. М. Языкову, а 14 сентября уже оставилъ Симбирскъ и 19 сентября прибылъ въ Оренбургъ. Тутъ Пушкинъ остановился у генералъ-губернатора В. А. Перовскаго, который, однимъ утромъ, разбудилъ поэта страшнымъ хохотомъ и показалъ ему полученное на свое имя письмо отъ нижегородскаго губернатора, предупреждавшее, что Пушкинъ путешествуетъ только подъ видомъ собиранія документовъ о Пугачевѣ, на самомъ же дѣлѣ — для усмотрѣнія разныхъ провинціальныхъ безпорядковъ. Восхищенный Пушкинъ тутъ же задумалъ комедію «Ревизоръ» — идею которой, впослѣдствіи, передалъ Гоголю. — Изъ Оренбурга Пушкинъ ѣздилъ въ Уральскъ, гдѣ былъ угощенъ обѣдомъ отъ имени всего города, а оттуда, чрезъ Оренбургъ, Саратовъ и Пензу, возвратился, 2 октября, въ Болдино. Здѣсь, въ глухомъ уединеніи, Пушкинъ провелъ полтора мѣсяца, въ теченіе которыхъ имъ написана, 14 октября, *Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ* (Библ. для Чтенія 1835, № 17); оконченъ, 31 октября, *Мѣдный Всадникъ* (Соврем. 1837, т. V) и приведена въ порядокъ *Исторія Пугачевскаго бунта*, съ предисловіемъ, помѣченнымъ 2 ноября. — Затѣмъ, оставивъ Болдино, Пушкинъ, 28 ноября, явился въ Петербургъ, въ декабрѣ представилъ «Исторію Пугачевскаго бунта» на разсмотрѣніе начальства и, 31 декабря, пожалованъ каммеръ-юнкеромъ, съ выдачею ему заимообразно, безъ процентовъ, 20 тыс. рубл. на напечатаніе его «Исторіи» въ любой казенной типографіи. — Кромѣ названныхъ произведеній, въ 1833 г. Пушкинымъ написаны: *Анджело*, поэма, изъ Шекспировой поэмы «Мѣра за мѣру» (Новоселье 1834): *Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ*, въ стихахъ (Библ. для Чтенія 1834, № 2); *Капитанская дочка*, романъ въ прозѣ (Соврем. 1836, т. IV); *Мысли на дорогѣ*, шесть отрывочныхъ статеекъ (изд. 1838, т. XI); — *Воевода*, польская баллада, въ стихахъ, изъ Мицкевича (Библ. для Чтенія 1834, № 3); *Будрысь и его сыновья*, литовская баллада, въ стихахъ, изъ Мицкевича (тамъ же); *Гусаръ*, типическое стихотвореніе (тамъ же, № 1); *Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума* (изд. 1838, т. IX); *Когдабъ не смутное влеченье* (Соврем. 1857, № 1); *Родословная моего героя*, отрывокъ чего-то цѣлаго, послужившій вступленіемъ къ «Мѣдному Всаднику» (Соврем. 1836, т. III; дополненія къ изд. 1855, т. VII). — Произведеніями же, больше нежели переложеніями, Пушкина въ 1833 г. можно назвать *Пѣсни Западныхъ Славянъ* (Библ. для Чтенія 1835, № 15), заимствованныя Пушкинымъ, частію, изъ книги Проспера Мериме: «La gouzla», но проникнутыя тою собственною народностью поэзіи, какая была свойственна только Пушкину. — Весной 1834 г. Пушкинъ отправилъ свое семейство къ роднымъ въ Калужскую губернію и самъ проводилъ его до Ижоры, а потомъ писалъ къ женѣ: «Благодарю тебя, мой ангелъ, за письмо изъ подъ Торжка. Ты умна, ты здорова, ты дѣтей кашей кормишь, ты подъ Москвою. Все это меня очень порадовало и успокоило, а то я былъ самъ не свой. У насъ святая недѣля, шумная, бурная. Вчера былъ у Карамзиной. Сегодня поѣду къ теткѣ съ твоимъ письмомъ. Завтра напишу тебѣ много. Покамѣстъ цалую тебя и всѣхъ васъ благословляю». Занятый, въ своемъ одиночествѣ, 2-мъ изданіемъ «Повѣстей Бѣлкина», Пушкинъ, по окончаніи этаго изданія, не принимался ни за что, хандрилъ, сильно задумывался надъ положеніемъ своихъ домашнихъ дѣлъ и, разочарованный на счетъ доходовъ заложеннаго Болдина, 29 іюня писалъ П. А. Осиповой: «Вы не можете себѣ представить, какъ тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, Болдино стоитъ спасти, хотя бы только для Ольги и Льва (сестра и братъ поэта), которымъ въ будущемъ предстоитъ нищенство или, по меньшей мѣрѣ, бѣдность. Но я не богатъ, имѣю собственное семейство, которое зависитъ отъ меня, и которое безъ меня подвергнется лишеніямъ. Я взялъ имѣніе, которое, кромѣ хлопотъ и непріятностей, мнѣ ничего не принесетъ. Родители мои не знаютъ, что они въ двухъ шагахъ отъ полнаго разоренія; если бы они могли рѣшиться прожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, дѣла могли бы поправиться, но этому никогда не бывать. Я расчитываю видѣть васъ это лѣто и разумѣется остановиться въ Тригорскомъ». Не мудрено, если, при такомъ настроеніи, Пушкинъ, всегда порывистый и кипучій, сдѣлалъ опрометчивость — подавъ прошеніе объ отставкѣ, которое, почти тотчасъ же, онъ старался уничтожить слѣдующимъ письмомъ (на французскомъ языкѣ) къ гр. Бенкендорфу, отъ 3 іюля: «Графъ: Нѣсколько дней тому назадъ, я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою дозволить мнѣ выйти въ отставку. Находя неприличнымъ такой поступокъ, я васъ прошу, графъ, оставить мою просьбу безъ исполненія. Я хочу лучше быть непослѣдовательнымъ, чѣмъ неблагодарнымъ». — Получивъ отвѣтъ Бенкендорфа, что отставка будетъ дана, но съ нею входъ въ архивы закроется, Пушкинъ писалъ Жуковскому: «Это огорчило меня. Подалъ въ отставку я въ минуту хандры и досады на всѣхъ и на все. Домашнія обстоятельства мои затруднительны; положеніе мое не весело; перемѣна жизни почти необходима. Изъяснить это все гр. Бенкендорфу мнѣ не достало духа — и отъ этого письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо. Впрочемъ, я ужъ вѣрно не имѣлъ намѣренія произвести, что вышло. Писать письмо прямо къ Государю, ей Богу, не смѣю — особенно теперь. Оправданія мои будутъ похожи на просьбы, а онъ ужъ и такъ много сдѣлалъ для меня. Сейчасъ отъ меня Л. М. Она привезла мнѣ еще два твои письма. Это меня конечно трогаетъ. Но чтожъ мнѣ дѣлать! Буду еще писать къ гр. Бенкендорфу». — И вотъ что написалъ Пушкинъ гр. Бенкендорфу, по-французски, 6 іюля: «Графъ. Позвольте мнѣ говорить съ вами откровенно. Требуя отставки, я думалъ только о своихъ затруднительныхъ и непріятныхъ семейныхъ дѣлахъ. У меня было въ виду только неудобство путешествовать по обязанности до тѣхъ поръ, пока

я буду оставаться на службѣ. — Клянусь душою и Богомъ, что это была единственная моя мысль; и я съ глубокою горестію вижу, какъ жестоко она перетолкована (гр. Бенкендорфъ разумѣлъ поступокъ Пушкина «безумной неблагородностью и супротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе благодѣтелемъ его, нежели государемъ»). Государь осыпалъ меня милостями съ первой же минуты, когда мысль его обратилась на меня. Въ числѣ его милостей есть такія, о которыхъ я не могу думать безъ глубокаго волненія, — столько въ нихъ было прямоты и великодушія. Онъ былъ всегда для меня провидѣніемъ, и если въ теченіе этихъ 8 лѣтъ мнѣ и случалось роптать, никогда, клянусь въ томъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я питалъ къ нему. И въ эту минуту меня огорчаетъ не мысль потерять всемогущаго покровителя, но мысль оставить въ его умѣ впечатлѣніе, которое, по счастію, я не заслужилъ. Я возобновляю, графъ, мою покорнѣйшую просьбу: не давать хода просьбѣ, которую я сдѣлалъ такъ безразсудно. Поручая себя вашей сильной протекціи» и проч. Дѣло, такимъ образомъ, уладилось и прошеніе объ отставкѣ — осталось безъ послѣдствій. Успокоившись на этотъ счетъ, Пушкинъ, 10 августа, написалъ стихотвореніе *М****(ицкевичъ) — «Онъ между нами жилъ» — (изд. 1838, т. IX), а въ половинѣ того же мѣсяца поэтъ уѣхалъ самъ за своимъ семействомъ, пробылъ нѣсколько часовъ въ Москвѣ, «потомъ — говоритъ онъ въ одной запискѣ — отправился въ Калугу, на перекладныхъ, безъ человѣка. Въ Тарутинѣ пьяные ямщики чуть меня не убили, но.... я поставилъ на своемъ. Въ Зав. (село, гдѣ находилась семья Пушкина) прожилъ я двѣ недѣли, потомъ привезъ Нат. Ник. въ Москву, а самъ съѣздилъ въ нижегородскую деревню, гдѣ управители меня морочили, а я передъ ними шарлатанилъ и, кажется, неудачно». 18 октября Пушкинъ возвратился въ Петербургъ, 14 ноября явился на службу и къ самому концу года изготовилъ 1-е изданіе *Исторіи Пугачевскаго бунта*.—Кромѣ упомянутыхъ изданій и стихотворенія, Пушкинъ въ томъ же 1833 г. ознаменовалъ свою литературную дѣятельность слѣдующими произведеніями: *Пиковая дама,* повѣсть въ прозѣ (Библ. для Чтенія 1834, № 3); *Записки М**, начало романа «Пеламъ» изъ русской современной жизни, задуманнаго Пушкинымъ въ подражаніе Бульверу (изд. 1855, т. V; планъ въ Библ. Зап. 1859, № 5); *Къ Н***, стихотвореніе, написанное, по мнѣнію однихъ, къ Гнѣдичу, а по свидѣтельству Гоголя, къ имп. Николаю I (безъ окончанія въ изд. 1838, т. IX; съ окончаніемъ, уничтоженнымъ авторомъ, въ изд. 1855, т. I с. 181); *Д. В. Давыдову*, стихотвореніе, при посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» (Соврем. 1836, т. V). — Возвращенный къ вѣчной петербургской суетѣ, Пушкинъ, подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній «Исторіи Пугачевскаго бунта», 14 февраля 1835 г. писалъ И. И. Дмитріеву: «Вы смѣетесь надъ нашимъ поколѣніемъ и конечно имѣете на то полное право. Не стану заступаться за историковъ и стихотворцевъ моего времени; тѣ и другіе имѣли въ старину, первые менѣе шарлатанства и болѣе учености и трудолюбія, вторые болѣе искренности и душевной теплоты. Что касается до выгодъ денежныхъ, то позвольте замѣтить, что Карамзинъ первый у насъ показалъ примѣръ большихъ оборотовъ въ торговлѣ литературной». Но не получая отъ своего историческаго труда выгодъ, такъ сказать, Карамзинскихъ, Пушкинъ, въ письмѣ къ тому же Дмитріеву, отъ 26 апрѣля 1835 г., отозвался о самомъ трудѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» такъ: «Его побраниваютъ и по дѣломъ: я писалъ его для себя, не думая, чтобъ могъ напечатать, и старался только объ одномъ ясномъ изложеніи происшествій, довольно запутанныхъ. Читатели любятъ анекдоты, черты мѣстности и проч.; а я все это отбросилъ въ примѣчанія. Что касается до тѣхъ мыслителей, которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ представленъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну, возмется идеализировать это лице по самому послѣднему фасону». — Въ то же время, Пушкинъ былъ занятъ устройствомъ дѣлъ отсутствующаго брата, которому писалъ 2 мая: «Отецъ согласенъ дать тебѣ въ управленіе половину Кистенева (оброчная деревня отца Пушкина, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Болдина). Свою часть уступаю сестрѣ, — т. е. одни доходы. У тебя будетъ чистаго доходу около 2 тыс. руб. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. Двѣ тысячи не много, но все же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить». На другой день послѣ этаго письма, Пушкинъ уѣхалъ, по дѣламъ, въ Москву и, возвратившись 24 мая, приступилъ къ изданію нѣкоторыхъ своихъ сочиненій, подъ титуломъ: «Поэмы и повѣсти Александра Пушкина», въ 2 частяхъ. Но такъ какъ и это изданіе не покрывало надобностей поэта, нуждавшагося, впрочемъ, далеко не въ первыхъ потребностяхъ жизни, то на помощь ему поспѣшила новая царская милость: 16 августа 1835 г. высочайше повелѣно выдать камеръ-юнкеру Пушкину въ ссуду 30 тыс. руб. асс., безъ процентовъ, съ обращеніемъ въ уплату этой суммы получаемаго имъ жалованья, по 5 тыс. руб. въ годъ.— Независимо отъ денежной ссуды, Пушкину данъ былъ отпускъ съ 27 августа по 23 декабря — и поэтъ отправился въ Михайловское, гдѣ однако пробылъ недолго, потому что новая болѣзнь матери вызвала его въ Петербургъ. Въ деревнѣ, Пушкинъ 26 сентября, написалъ превосходное стихотвореніе: *Отрывокъ*— «Вновь я посѣтилъ» — (Соврем. 1837, т. V; въ друг. изд. наз. *Опять на родинѣ*) — и, въ томъ же сентябрѣ, явилось печатно другое стихотвореніе его: *На выздоровленіе Лукулла* (Моск. Наблюдатель 1835, кн. II), т. е. гр. Д. Н. Шереметева, тогда холостаго, наслѣдникомъ котораго уже собрался быть гр. С. С. Уваровъ, глубоко оскорбившійся стихотворной шуткой поэта,—что какъ говорятъ, и было, не только источникомъ всѣхъ огорченій, омрачившихъ послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина, но и отдаленной причиной его бѣдственной смерти. Не предвидя еще ничего подобнаго, Пушкинъ, по возвращеніи изъ деревни, занялся новыми литературными планами, сообщилъ П. В. Нащокину о стѣснительномъ положеніи своихъ дѣлъ и намѣреніи съ будущаго года издавать журналъ, къ чему прибавлялъ, что Смирдинъ уже даетъ ему 15 тыс. руб. асс., для возвращенія его снова къ сотрудничеству въ журналѣ «Библіотека для Чтенія»; 3 ноября отправилъ И. И. Лажечникову дружескую критику на его романы: «Ледяной домъ» и «Послѣдній Новикъ» (Сочин. Лажечникова, 1858, т. VII, с. 318—320), а 26 декабря писалъ П. А. Осиповой: «Здоровье матушки лучше; но все же это еще не выздоровленіе, — она слаба, хотя болѣзнь утихла. Батюшка очень жалокъ». — Такъ кончился для Пушкина 1835 г., въ теченіе котораго онъ, кромѣ двухъ названныхъ стихотвореній, написалъ слѣдующія: *Полководецъ*

(Соврем. 1836, т. III); *Туча* (Моск. Набл. 1835, кн. 2); *Пиръ Петра Великаго* (Соврем. 1836, т. I); *Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ*..., подражаніе Гораціевой одѣ: «Ad Pompejum» (Сынъ Отеч. 1840, т. XXII); *LVII ода изъ Анакреона* (изд. 1838, т. IX); *Изъ Анакреона*, отрывокъ (тамъ же); *Богъ веселый винограда* (тамъ же); *LVI ода изъ Анакреона* (изд. 1855, т. I); *Юноша, скромно пируй* (изд. 1838, т. IX); *Мальчику*, изъ Катулла (тамъ же); *Юношу, горько рыдая*... (тамъ же); *Отъ меня вечоръ Леила* (тамъ же); *Не розу Павосскую*.... (тамъ же); *Отрокъ милый, отрокъ нѣжный*, подражаніе арабскому (тамъ же); *Египетскія ночи* (Соврем. 1837, т. VIII); *Сказка о золотомъ Пѣтушкѣ* (Библ. для Чтенія 1835, № 16).—Къ тому же 1835 г. относятся прозаическія статьи Пушкина: *Лордъ Байронъ* (изд. 1838, т. XI) и *Отрывокъ изъ повѣсти* (изд. 1855, т. VII, с. 143).—Встрѣтивъ наступившій 1836 г. мечтою съѣздить за границу, Пушкинъ скоро же убѣдился въ невозможности этаго, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, и, въ январѣ, вмѣсто чужихъ краевъ, поѣхалъ, по дѣламъ, въ Михайловское. Недѣли черезъ двѣ, Пушкинъ возвратился въ Петербургъ, откуда 20 февраля, послалъ А. А. Фуксъ билетъ на полученіе «Современника», еще не выходившаго, и, около того же времени, писалъ П. А. Осиповой: «Я нашелъ бѣдную матушку въ ужасномъ положеніи. Она пріѣхала изъ Павловска искать квартиру, какъ вдругъ почувствовала ужасную слабость, которая ее застала у г. Княжнина, гдѣ она остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ ни малѣйшей надежды. Къ этому грустному положенію присоединяется для меня еще огорченіе видѣть, что моя бѣдная Nathalie служитъ цѣлью злыхъ нападокъ свѣта. Всюду говорятъ, какъ это ужасно, что она такъ наряжается, тогда какъ свекру и свекрови нечего ѣсть и свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете, въ чемъ дѣло. Конечно, нельзя сказать, что человѣкъ, имѣющій 1200 душъ крестьянъ, былъ бы въ нищетѣ. Мой отецъ все таки имѣетъ что нибудь, а я ничего. Во всякомъ случаѣ, это до Nathalie не касается, я бы долженъ за все отвѣчать. Еслибы матушка поселилась у меня, Nathalie, конечно, приняла бы ее; но холодный, наполненный кучею дѣтей, и осаждаемый гостями домъ не представляетъ удобствъ для больной. Матушкѣ покойнѣе у себя. Я нашелъ ее уже на другой квартирѣ; батюшка въ очень жалкомъ положеніи,—я же нахожусь въ желчномъ настроеніи духа и совершенно ошеломленъ. Повѣрьте, дорогая П. А., что хотя жизнь и «пріятная привычка», но имѣетъ въ себѣ горечь, дѣлающую ее подъ конецъ отвратительною; свѣтъ—это гадкая лужа грязи». И Пушкинъ тѣмъ болѣе имѣлъ право такъ зло отзываться о свѣтѣ, что не далѣе какъ 5—11 февраля онъ, благодаря свѣтскимъ сплетнямъ, вступилъ въ непріятную переписку съ незнакомымъ ему лично кн. Н. Г. Репнинымъ, который, надо отдать ему справедливость, отвѣчалъ поэту съ большимъ достоинствомъ—и Пушкинъ, вторымъ письмомъ къ князю, поспѣшилъ загладить горечь перваго (Рус. Арх. 1864, с. 977—979).—26 февраля, Пушкинъ, какъ объясняется въ формулярномъ его спискѣ, былъ командированъ въ московскій главный архивъ, для занятій по дѣламъ службы. Занятія эти, заключавшіяся въ дополнительномъ сборѣ историческихъ матеріаловъ, не были однако продолжительны: въ мартѣ Пушкинъ уже возвратился въ Петербургъ, гдѣ 25 того же мѣсяца онъ написалъ стихотвореніе: *Художнику* (изд. 1838, т. IX). — Въ это самое время мать Пушкина умерла въ Петербургѣ—и поэтъ повезъ тѣло ее въ Святогорскій монастырь, псковской губерніи, гдѣ, по какому-то тайному предчувствію, тогда же купилъ мѣсто и для своей могилы. Въ отсутствіе Пушкина изъ Петербурга,—вышелъ № 1 «Современника», въ которомъ, кромѣ стиховъ Жуковскаго, повѣсти, статьи и сценъ Гоголя, ученаго разбора кн. Козловскаго и хроники А. И. Тургенева, были помѣщены стихотворенія Пушкина: «Пиръ Петра Перваго», «Скупой рыцарь», «изъ А. Шенье», его «Путешествіе въ Арзрумъ» и новонаписанныя статьи: 1) *Разборъ сочиненій Георгія Конисскаго*. 2) *Разборъ, повѣсти «Вастола», въ стихахъ*, соч. какого-то А. Пушкина. 3) *Разборъ Гоголевыхъ Вечеровъ на Хуторѣ, близь Диканьки*. 4) *Разборъ походныхъ записокъ артиллериста* съ 1812 по 1816 г. 5) *Разборъ альманаха: Мое Новоселье*.—14 апрѣля, написавъ письма къ Н. М. Языкову и г. Погодину, Пушкинъ выѣхалъ изъ Михайловскаго и, по прибытіи въ Петербургъ, занялся собраніемъ матеріала для № 2 «Современника», а въ маѣ—ускакалъ въ Тверь, стрѣляться съ гр. Соллогубомъ, не найдя котораго, проѣхалъ въ Москву и тутъ, у Нащокина, мирно покончилъ съ гр. Соллогубомъ, ровно ни въ чемъ не виноватымъ (Рус. Арх. 1865, с. 748—756). 23 мая, въ полночь, Пушкинъ пріѣхалъ прямо на свою каменно-островскую дачу — и 27 мая написалъ П. В. Нащокину: «Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо... Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но, слава Богу,—на мѣстѣ, т. е. на станціи и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.—Второй № «Современника» очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить и, вѣроятно, займусь имъ дѣятельно». Въ этомъ второмъ № «Современника» изъ собственныхъ статей Пушкина помѣщены: 1) *Извѣстіе о Россійской Академіи*; 2) *Предисловіе къ запискамъ Н. А. Дуровой* и 3) вѣроятно, объявленіе отъ Редакціи, отличающееся полемическимъ характеромъ.—Все лѣто Пушкинъ дѣятельно работалъ для своего журнала, не забывая и стихотвореній, изъ которыхъ тогда имъ написаны: 5 іюня—*Когда великое свершалось торжество* (Соврем. 1858, № 12); 22 іюня—*Подражаніе итальянскому*, изъ Ф. Джіани (изд. 1838, т. IX); 5 іюля — *Изъ VI Пиндемонте* — надпись вымышленая (изд. 1855, т. VII); 22 іюля — *Молитва* (Соврем. 1837, т. V); 14 августа — *Когда за городомъ, задумчивъ, я брожу* (Совр. 1857, № 12).—Въ сентябрѣ вышелъ № 3 «Современника», по разнообразію и существенности своего содержанія, едва ли не лучшій во всемъ изданіи. Изъ произведеній самаго Пушкинъ, въ немъ помѣщены *три* стихотворенія: «Родословная моего героя», «Полководецъ», «Сапожникъ» и *семь* статей въ прозѣ: 1) *Мнѣніе М. А. Лобанова* о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной; 2) *Объ Исторіи Пугачевскаго бунта*; 3) *Вольтеръ*; 4) *Ѳракійскія Элегіи*; 5) *Анекдоты*; 6) *Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы*; 7) *Джонъ Теннеръ*. — Въ октябрѣ, Пушкинъ переѣхалъ съ каменоостровской дачи въ городъ, къ Пѣвческому мосту, въ домъ кн. Волконской, и началъ усердно содѣйствовать М. Л. Яковлеву и кн. Эристову въ изданіи «Словаря Историческаго о Святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви». Но съ этаго же времени стало особенно замѣтно въ поэтѣ безпокойство духа — слѣдствіе тревоги, возбужденной въ немъ первыми отголосками неблагонамѣренности и лживой молвы. Орудіемъ вра-

говъ Пушкина сдѣлался Дантесъ, кавалергардскій офицеръ, родомъ французъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ въ Россіи, бар. Геккерномъ, а потому хорошо принимаемый вездѣ, въ томъ числѣ и у Гончаровыхъ, гдѣ онъ ухаживалъ за свояченицей Пушкина. Поэту это не нравилось. Однажды на вечерѣ у кн. Вяземскаго онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ, легитимистъ въ душѣ, носилъ тогда на рукѣ портретъ Генриха V и, услышавъ отзывъ Пушкина, воскликнулъ: «Посмотрите на эти черты, похожи ли онѣ на г. Пушкина?» На этотъ разъ однако, размѣнъ невѣжливостей тѣмъ и кончился. «Въ сущности—пишетъ гр. Соллогубъ—Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью... Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ, въ тоже время, чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по недостатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становиться въ офиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: карету Пушкина!—какого Пушкина?—Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось названію. За это онъ и оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольно, байроновскому джентльменству... Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ».—Сознавая все это и тяготясь всѣмъ этимъ, Пушкинъ, именно въ концѣ 1836 г., сбирался уѣхать, съ семействомъ, въ Михайловское и не возвращаться въ Петербургъ всю зиму. Но случилось иначе—судьба ждала свою жертву, дни Пушкина уже сосчитывались. 4 ноября, многіе знакомые Пушкина получили, по городской почтѣ, анонимныя записки одного и того же содержанія, оскорбительнаго для чести поэта и жены его. Съ однимъ изъ такихъ анонимовъ гр. Соллогубъ пріѣхалъ къ самому Пушкину, который, уже имѣя подобный экземпляръ, сказалъ Соллогубу: «Я ужъ знаю, что такое... Это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя — ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ». Въ тотъ же день, 4 ноября, Пушкинъ послалъ вызовъ Дантесу, а недѣлю спустя вышелъ № 4 «Современника», съ «Капитанской дочкой» Пушкина, его объясненіемъ къ стихотворенію «Полководецъ», заключавшимъ въ себѣ три строфы въ честь кн. Кутузова-Смоленскаго, наконецъ, съ двумя его замѣтками въ рубрикѣ «Новыя книги»: 1) *На записки А. Н. Дуровой*, вышедшія отдѣльно, подъ титуломъ «Кавалеристъ-дѣвица» и 2) *На Ключъ* къ «Исторіи Государства Россійскаго», составленный П. М. Строевымъ.—Около того же времени, гр. Соллогубъ спросилъ Пушкина: открылъ ли онъ автора анонимныхъ записокъ? Пушкинъ отвѣчалъ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка, а на предложеніе гр. Соллогубомъ своихъ услугъ въ случаѣ нуждѣ, благодарилъ, и замѣтилъ: «Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности». Сказавъ это, Пушкинъ и гр. Соллогубъ зашли къ оружейнику, гдѣ Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, потомъ посѣтили книжную лавку Смирдина, гдѣ тѣмъ временемъ, пока Пушкинъ строчилъ записку къ Кукольнику, гр. Соллогубъ декламировалъ извѣстную эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь
Лиль Сеньковскаго толкнешь....

къ чему Пушкинъ съ живостью прибавилъ:

Иль въ Булгарина наступишь.

17 ноября, Пушкинъ, встрѣтивъ у Карамзиныхъ Соллогуба, сказалъ ему: «Ступайсе завтра къ д'Аршіаку (секретарь французскаго посольства и секундантъ Дантеса). Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуели. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». А вечеромъ того же дня, столкнувшись на раутѣ австрійскаго посланника съ самимъ Дантесомъ, Пушкинъ высказалъ ему нѣсколько грубостей и запретилъ свояченицѣ, Е. Н. Гончаровой, говорить съ нимъ.—18 ноября секунданты сошлись на квартирѣ Дантеса, который объявилъ имъ, что онъ—женится на свояченицѣ Пушкина. Объ этомъ тотчасъ же извѣстили поэта, который прислалъ такую резолюцію: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ». 21 ноября Пушкинъ написалъ извѣстительное обо всемъ письмо къ гр. Бенкендорфу, потому что далъ слово Государю не начинать ничего, не предупредивъ его величество, и почти въ тоже время, заготовилъ крайне оскорбительное письмо къ посланнику Геккерну, которое читалъ гр. Соллогубу, блѣдный, съ дрожавшими губами и налитыми кровью глазами. Гр. Соллогубъ бросился къ Жуковскому, который успѣлъ задержать отсылку письма, припрятаннаго однако Пушкинымъ. Такъ истекъ 1836 г., къ которому принадлежатъ, кромѣ названныхъ, еще два стихотворенія Пушкина: *Лицейская Годовщина* (Соврем. 1837, т. V; въ друг. изд. наз. *19 октября*) и *Памятникъ* (изд. 1838, т. IX).—Въ самомъ началѣ 1837 г. была отпразднована сватьба свояченицы Пушкина съ Дантесомъ, который, единственно по своей вѣтрености, продолжалъ балагурить съ женой Пушкина, какъ родственникъ, и однажды, спрашивая ее, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ его женой, не въ часъ прибавилъ каламбуръ: «Le pedicure prétend, que votre cor est plus beau que celui de ma femme» (мозольщикъ увѣряетъ, что у васъ мозоль лучше, чѣмъ у моей жены. Каламбуръ вертѣлся на созвучіи *corps*, тѣло, и *cor*, мозоль). Пушкинъ узналъ объ этомъ—и его взорвало. Письмо къ старику Геккерну было отправлено; дуэль съ Дантесомъ назначилась 28 января и, къ сожалѣнію, состоялась. Секундантами были: у Дантеса—виконтъ д'Аршіакъ, у Пушкина—его лицейскій товарищъ К. К. Данзасъ. Мѣстомъ поединка избранъ пролѣсокъ за Черной рѣчкой, возлѣ комендантской дачи. Въ 5 ч.

вечера противники явились на барьеръ. Дантесъ выстрѣлилъ первый и Пушкинъ упалъ съ пробитымъ пахомъ лѣвой ноги. Пролежавъ нѣсколько на снѣгу, онъ приподнялся, попросилъ Дантеса стать на мѣсто и, опершись на колѣно, выстрѣлилъ въ противника, который тоже упалъ, вслѣдствіе чего Пушкинъ воскликнулъ: браво! — и бросилъ пистолетъ. Но Дантесъ былъ раненъ въ руку и легко, а Пушкинъ смертельно. Его усадили въ карету, заготовленную родными Дантеса, и повезли домой. У подъѣзда встрѣтилъ его каммердинеръ и понесъ лѣстницей на рукахъ. «Грустно тебѣ нести меня?» спросилъ у него Пушкинъ. Страдающаго поэта раздѣли, положили на диванъ въ его кабинетѣ, послали за докторами. Тогда вбѣжала къ Пушкину его жена. Онъ взялъ ея руки и, прижимая къ губамъ, говорилъ: «благодарю Бога: я еще живъ и ты возлѣ меня». Затѣмъ началась агонія, длившаяся 45 часовъ. Крѣпкая натура поэта бодро боролась со смертію. Доктора Арендтъ и Спасскій почти не оставляли умирающаго поэта. Жуковскій, оставившій трогательное описаніе этой агоніи, безпрестанно ѣздилъ докладывать Государю о ходѣ предсмертной муки Пушкина, отъ имени поэта испрашивалъ ему царскаго прощенія — и успѣлъ въ этомъ. Ночью же, на 28 января, докторъ Арендтъ привезъ Пушкину слѣдующую собственноручную записку Государя: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: Я беру ихъ на свои руки». Записку эту велѣно было прочесть и возвратить. «Скажите Государю, произнесъ тогда Пушкинъ, что жалѣю о потерѣ жизни потому, что не могу изъявить ему моей благодарности, что я былъ бы весь Его»! Немедленно послали за священникомъ. Пушкинъ исповѣдался и причастился. Агонія была мучительная. Пушкинъ усиливался не кричать, чтобъ не пугать жену. 29 января, въ 3-мъ часу дня, Пушкинъ просилъ приподнять его, произнесъ громко и вразумительно: «Кончена жизнь!» потомъ прошепталъ: «тяжело дышать, давитъ» — и его не стало. Извѣстіе объ этой смерти заставило содрогнуться весь Петербургъ, потомъ всю Россію. Люди всѣхъ сословій приходили поклониться гробу поэта — и домъ кн. Волконской съ утра до ночи былъ полонъ народомъ. Государь пожаловалъ на похороны поэта 10 тыс. руб. — Отпѣваніе совершилось 1 февраля, въ придворной Конюшенной церкви. Вся площадь была запружена толпами, не могшими втѣсниться въ церковь. Жуковскій обнялъ и долго прижималъ къ груди бездыханный трупъ своего ученика и учителя. Гробъ Пушкина, по высочайшему повелѣнію, былъ отвезенъ А. Е. Тургеневымъ въ Святогорской монастырь (псковской губерніи, опочецкаго уѣзда) и тамъ преданъ землѣ. Надъ прахомъ поэта возвышается теперь бѣломраморный обелискъ, въ видѣ древнихъ саркофаговъ, на четвероугольномъ основаніи, съ надписью золотыми буквами въ лавровомъ вѣнкѣ: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ*. Площадка, гдѣ находится могила поэта, кончается обрывомъ и начинаетъ заростать липами. — А. С. Пушкинъ былъ средняго, почти малаго роста, худощавъ, съ длинными, нѣсколько курчавыми волосами, живыми, быстрыми глазами, лицомъ открытымъ, рѣчью простою, ясною, манерами ловкими, обращеніемъ безъ всякихъ притязаній. Глубокій, гибкій, оригинальный умъ его изумлялъ проницательностью, билъ неизсякаемымъ родникомъ поэзіи. Все существо Пушкина — была жизнь, въ благороднѣйшемъ ея проявленіи. Стоя неизмѣримо выше всего окружающаго, Пушкинъ имѣлъ однако большой недостатокъ — уступить пустякамъ большаго свѣта, даже дорожить ими — и погибъ за это. — Какъ поэтъ, Пушкинъ давно оцѣненъ по достоинству. До сихъ поръ еще, въ русской землѣ, не было ему равнаго. Слава Пушкина, какъ поэта, проникла далеко и за предѣлы Россіи: вся Европа съ восторгомъ читаетъ Пушкина въ безчисленныхъ переводахъ на всѣ европейскіе языки. Число всѣхъ произведеній Пушкина — въ точности неизвѣстно. До сихъ поръ еще продолжаютъ отыскиваться его стихотворенія, щадимыя, по видимому, самимъ временемъ. Имя Пушкина — народное имя, и дорого каждому русскому. О заслугахъ Пушкина, какъ литературнаго дѣятеля, написано болѣе, чѣмъ много. Одинъ Бѣлинскій посвятилъ «Сочиненіямъ» Пушкина цѣлымъ томъ своей даровитой, энергической критики. Въ настоящей статьѣ — показана только фактическая сторона жизни Пушкина и сдѣланы библіографическія указанія на тѣ произведенія его, которыя пріурочиваются къ извѣстнымъ годамъ. Есть еще отдѣлъ стихотвореній Пушкина «неизвѣстныхъ годовъ», довольно обширный. Есть и еще отдѣлъ стихотвореній — приписываемыхъ Пушкину: о нихъ въ настоящей статьѣ не упомянуто, за недостаткомъ мѣста. Общій библіографическій сводъ всѣхъ произведеній, достовѣрно принадлежащихъ Пушкину — еще невозможенъ. Характеристика Пушкина, какъ писателя и человѣка, — видна изъ его писемъ, которыя именно съ этой цѣлью приведены въ настоящей статьѣ по мѣрѣ возможности. — А. С. Пушкинъ, отъ брака съ Н. Н. Гончаровой, оставилъ двоихъ сыновей и столько же дочерей. Вдова Пушкина вышла впослѣдствіи за генерала-адъютанта П. П. Ланскаго и умерла въ 1864 году.

КАПНИСТЪ, Василій Васильевичъ, извѣстный русскій писатель. Происходилъ изъ графской фамиліи *Капниссы*, выселившейся, въ 1711 г., съ острова Занта въ Россію, и родился, въ 1757 г., Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ д. Обуховкѣ, жалованной, за ратные подвиги, его отцу, бригадиру Василью Петровичу Капнисту, который былъ женатъ на Софьѣ Андреевнѣ Дуниной-Барковской и убитъ въ томъ же 1757 г., августа 19, подъ Эгерсдорфомъ. Полу-осиротѣвъ, такимъ образомъ, еще въ колыбели, молодой Капнистъ провелъ первыя 15 лѣтъ жизни на глазахъ нѣжной матери, а въ 1771 г. былъ отвезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ лейбъ-гвардіи, въ Измайловскій полкъ капраломъ, тутъ, въ томъ же году произведенъ въ подпрапорщики и въ фурьеры, но въ 1772 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ и, въ 1775 г., пожалованъ прапорщикомъ. Занятый, въ бытность свою въ гвардіи, преимущественно фронтовою службою, Капнистъ, по свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, «посвящалъ всѣ свободные часы наукамъ; знакомился съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, съ древними и новѣйшими классиками, не пренебрегалъ и отечественными: Ломоносовымъ, Петровымъ, Сумароковымъ», наконецъ, сблизился и подружился съ Г. Р. Державинымъ, И. И. Хемницеромъ и И. Ѳ. Богдановичемъ. Вліяніе этихъ занятій и связей не замедлило отразиться и на даровитой личности самаго Капниста, который, не далѣе какъ въ 1777 г., выступилъ на литературное поприще, написавъ свою первую и послѣднюю сатиру *На нравы*, гдѣ, послѣ строфы:

Науки возрасли, художества цвѣтутъ,
Родятся авторы, — а глупость тутъ какъ тутъ!

Какъ въ нивѣ многими удобренной трудами
Проникнувъ плевелы, промежду колосами,
Неспѣлый повредя, глушатъ созрѣлый плодъ,
Такъ вольный въ свѣтъ себѣ глупцы позволя входъ,
Не бывъ посѣяны, растутъ и созрѣваютъ,
Даютъ худой примѣръ и знанья затмѣваютъ,—

слѣдуетъ другая, весьма прозрачно издѣвающаяся надъ многими изъ тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей — такимъ образомъ:

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить *Рубова* мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить Кастальскихъ чистыхъ водъ?
Котельскій, *Никошевъ*, *Вларикинъ*, *Флезиновскій*,
Обвѣсимовъ, *Храстовъ*, *Вѣсевкинъ*, *Компаровскій*
И все семейство ихъ, не убоясь судовъ,
Напутавъ кое-какъ и прозы и стиховъ,
Въ свѣтъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ безъ окладу,
Читателямъ, уму и Музамъ на досаду.—

Само собою разумѣется, что осмѣянные дѣятели, въ искаженныхъ именахъ которыхъ нельзя не узнать В. Г. Рубана, Ѳ. Козельскаго, Н. П. Николева, И. Владыкина, Фрясиновскаго, А. А. Аблесимова, гр. Д. И. Хвостова, М. И. Веревкина (Компаровскаго не знаемъ), не могли не озлобиться на Капниста, который, съ той поры, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, «закаялся писать сатиры». Но значеніе Капниста въ литературномъ кружкѣ, предварившее извѣстность его, какъ писателя, было уже упрочено, что видно изъ слѣдующей, позднѣйшей замѣтки прославленнаго Державина: «Я хотѣлъ парить и не могъ постоянно выдерживать красивымъ набором словъ, свойственнаго единственно россійскому Пиндару (Ломоносову) велелѣпія и пышности. Для того, въ 1779 г., избралъ я совершенно особый путь, будучи предводимъ наставленіями Батте и *совѣтами* Львова (Н. А.), *Капниста* и Хемницера».— Около того же времени Капнистъ оставилъ военную службу и, съ чиномъ гвардіи подпоручика, удалился на родину, гдѣ онъ, въ началѣ 1782 г., избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда, но, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, опредѣлился контролеромъ главнаго почтоваго правленія, а въ маѣ 1783 г. покинулъ и эту должность, быть можетъ, для того, чтобы свободнѣе заняться музами. Такая догадка подтверждается появленіемъ, въ томъ же 1783 г., первой торжественной оды Капниста *На рабство*, которую авторъ, какъ кажется, мечтавшій о возстановленіи въ Малороссіи гетманства, начинаетъ стихами:

Пріемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку отягщенну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;
И, соглася съ моей тоскою,
Унылый, томный звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной,
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою,—

а заключаетъ слѣдующимъ воззваніемъ къ императрицѣ:

Тогда, прогнавши мракъ печали
Изъ мысли горестной моей
. . . .
. . . .
Отъ узъ свободными руками
Зеленымъ лавромъ и цвѣтами.
Украшу лиру я мою;
Тогда, во слѣдъ правдивой славы,
Съ блаженствомъ твоея Державы,
Твое я имя воспою.

Избранный, въ январѣ 1785 г., въ почетное званіе предводителя дворянства Кіевской губерніи, а два мѣсяца спустя, въ дѣйствительные члены Имп. Россійской Академіи, Капнистъ, въ 1786 г., сочинилъ оду *На истребленіе въ Россіи, 15 февраля 1786 г., званія раба императрицею Екатериною II;* въ 1787 г., получивъ чинъ надворнаго совѣтника, съ назначеніемъ въ главные надзиратели кіевскаго шелковичнаго завода, онъ написалъ оду *На объявленіе войны Портою Россіи*, а въ 1788 г. оду же *Отвѣтъ Рафаеля пѣвцу Фелицы.* Продолжая затѣмъ дѣятельно подвизаться на поприщѣ литературномъ, Капнистъ упражнялся преимущественно въ сочиненіи одъ, между которыми правоучительныя и элегическія, всего девять, по справедливому отзыву Н. И. Греча, «прелестны какимъ-то унылымъ чувствомъ и достойны уваженія по отдѣлкѣ и чистотѣ слога», а Гораціанскія и Анакреонтическія не уступятъ такимъ же одамъ Державина, особенно иныя, какъ напр. *Камелекъ*, *Силуэтъ*, *Вздохъ* и *Неосторожный мотылекъ*, сочиненные самимъ Капнистомъ, безъ заимствованія у Горація. — Къ оригинальнымъ же произведеніямъ Капниста принадлежитъ и *Ода на щастіе (Роднымъ друзьямъ и ближнимъ)*, напечатанная въ Московскомъ Журналѣ 1792 г., издававшемся Н. М. Карамзинымъ, который, въ одномъ изъ писемъ къ И. И. Дмитріеву, тогда же говорилъ: «Ода *На щастіе* гладка. Сочинитель имѣетъ вкусъ. Но находишь ли ты въ сей пьесѣ новыя, живыя, глубокія чувства и творческое воображеніе?» — Не смотря однако на эту иносказательную критику оды Капниста и недовольство самимъ Капнистомъ за связи его съ Клушинымъ, издателемъ С.-Петербургскаго Меркурія, Карамзинъ не переставалъ относиться къ Капнисту уважительно и, предполагая выдать на 1796 г. *Almanach des Muses*, просилъ у Капниста стиховъ, которые и получилъ съ благодарностію. Какіе это были стихи, — не знаемъ. Но извѣстно, что Капнистъ, издававшій тогда въ Петербургѣ первое *Собраніе своихъ стихотвореній*, тогда же написалъ оду *На кончину императрицы Екатерины II, 6 ноября 1796 года*, а потомъ принялся за новый трудъ, который долженствовалъ его прославить. Трудъ этотъ былъ знаменитая комедія *Ябеда*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, почерпнутая авторомъ изъ подлиннаго процесса, имъ самимъ проиграннаго въ Саратовской гражданской палатѣ. Выведя въ этой комедіи всѣ козни закоснѣлаго лихоимства, Капнистъ, съ совѣта и одобренія почти всѣхъ петербургскихъ литераторовъ, особенно Державина, отдалъ свое твореніе на петербургскую сцену, гдѣ *Ябеда* впервые была представлена 22 августа 1798 г. — и имѣла успѣхъ огромный, потому что главную роль (Кривосудова) актеръ Крутицкій выполнилъ съ замѣчательною типичностью. Въ признательность за это, Капнистъ далъ право Крутицкому издать *Ябеду* въ свою пользу — и *Ябеда* немедленно явилась въ печати съ авторскимъ посвященіемъ имени имп. Павла, заключавшимся такъ:

Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды, всю гнусность обнажилъ —
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта:
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;

Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ,
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю,
Да имянемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Игранная съ самаго начала четыре раза къ ряду, *Ябеда*, наканунѣ пятаго представленія, вдругъ была запрещена, а распродажа экземпляровъ ея остановлена, но распоряженіе это вскорѣ же было отмѣнено — и *Ябеда* долго оставалась одною изъ любимѣйшихъ пьесъ русской публики. Не совсѣмъ безукоризненная гладкость стиховъ *Ябеды* выкупается съ лихвою множествомъ мыслей колкихъ и остроумныхъ, указаній на порокъ взяточничества очень вѣрныхъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже примѣнимыхъ къ позднѣйшему времени. Для знакомства съ духомъ и языкомъ *Ябеды*, достаточно привести сцену (изъ дѣйствія I явленія 1) между челобитчикомъ и добросовѣстнымъ повытчикомъ, въ которой послѣдній, отзываясь о своемъ начальникѣ, предсѣдателѣ гражданской палаты, говоритъ,

Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ,
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ
И безъ *наличнаго* довода дѣлъ не судитъ.

Челобитчикъ.

. . . . А члены?

Повытчикъ.

. . . . Все одно:
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.

Челобитчикъ.

А Прокуроръ? ужъ ли онъ....

Повытчикъ.

О! Прокуроръ,
Чтобъ въ рифму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ,
За праведный доносъ, за ложный — онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздной въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И, даже, онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Челобитчикъ.

А о секретарѣ?....

Повытчикъ.

Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь, какъ ладонь, онъ что нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ.
Екстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ, его все это дѣло.

Челобитчикъ.

Ну! чтожъ? Хоть здѣсь они изволятъ сплутовать,
То я Намѣстнику подамъ на нихъ прошенье.

Повытчикъ (*закрывая рукою ротъ*).

О Боже! Положи устамъ моимъ храненье!
Ахъ! добрый господинъ! ей, ей! законы святы;
Но исполнители лихіе супостаты,
Законъ желаетъ намъ прямаго всѣмъ добра;
Но мы хотя и всѣ изъ однаго ребра,
Но неравно мы всѣ къ добру расположенны.
Въ зерцало взглянь судовъ: Петра черты священны
Безмездно тамъ велятъ по истинѣ судить;
Божественъ судъ таковъ! да гдѣ судей найтить?

Особенный эффектъ производила сцена (изъ дѣйствія III, явл 6), гдѣ предсѣдатель Кривосудовъ поетъ съ своими товарищами, членами палаты, застольную пѣсню:

Бери! большой въ томъ нѣтъ науки,
Бери, что только можно взять!
На чтожъ привѣшаны намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать, брать, брать?

За *Ябедою*, Капнистъ написалъ двѣ оды: ***На отъѣздъ въ Италію графа Суворова-Рымникскаго*, *въ 1799 г.*, и *На побѣды Росса въ Италіи*, *въ 1799 г.***, изъ которыхъ въ послѣдней замѣчательно слѣдующее воззваніе къ герою-Суворову:

Подобна жизнь твоя разливу
Съ горы стремящейся рѣки:
Въ брегахъ далекихъ извиваясь,
И въ синемъ морѣ простираясь,
Сребрится быстрый токъ ея;
Такъ въ вѣчности, покрытой мглою,
Блестящей, пламенной струею
Свѣтиться будетъ жизнь твоя.

Въ томъ же 1799 г., Капнистъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и опредѣленъ помощникомъ директора театровъ А. А. Нарышкина по управленію русскою труппою, а къ 7 ноября 1800 г. онъ уже поставилъ на петербургскую сцену оперу *Клорида и Милонъ*, либретто которой, донынѣ ненапечатанное, принадлежало ему, музыка же Плещееву. Но служеніе Капниста при театральной дирекціи продолжалось только до 14 августа 1801 г.: уволенный въ этотъ день, съ чиномъ статскаго совѣтника, Капнистъ, въ 1802 г., утвержденъ генеральнымъ судьею 1-го департамента полтавскаго генеральнаго суда и, проѣздомъ изъ Петербурга въ Малороссію, посѣтилъ въ Москвѣ Хераскова и Карамзина, которымъ онъ, къ ихъ полному удовольствію, читалъ свой переводъ небольшой *поэмы Оссіана*, сдѣланный размѣромъ простонародныхъ русскихъ пѣсенъ и также до сихъ поръ неизданный. Въ исходѣ 1804 г., находясь, по дѣламъ, снова въ Петербургѣ, Капнистъ 23 ноября, видѣлъ, первое представленіе новой трагедіи В. А. Озерова *Эдипъ въ Аѳинахъ* — и первый изъ русскихъ писателей привѣтствовалъ новаго собрата прекраснымъ посланіемъ, которое начинаясь стихами:

Едипа видѣлъ я.... и чувство состраданья
Поднесь, въ растроганной душѣ моей, хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его; и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ.
Еще въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны —

заключалось слѣдующимъ искреннимъ пожеланіемъ счастливому автору *Эдипа*:

Теки жъ, любимецъ Музъ! Во храмѣ Мельпомены,
Къ которому взошелъ по скользкой ты горѣ,
Неувядаемый, рукой ея сплетенный,
Лавровый ждетъ тебя вѣнокъ на алтарѣ.
Теки, и презря ядъ Зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай
Внемли плесканью рукъ, и ввѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ отличныхъ,
Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предметъ
Уродливу на долъ и мрачну тѣнь кладетъ!

Въ 1806 г. Капнистъ, снова пріѣхавъ въ Петербургъ, издалъ въ свѣтъ свои *Лирическія стихотворенія* и посвятилъ ихъ

имп. Александру, отъ котораго, черезъ посредство Н. Н. Новосильцева, получилъ бриллiантовый перстень, а за тѣмъ, и въ томъ же году, онъ поставилъ на петербургскую сцену свой переводъ Мольеровой комедiи *Сганаревъ*, въ 3 дѣйствiяхъ, въ стихахъ. По возвращенiи въ свою родную Обуховку, на цвѣтущемъ берегу Псела, Капнистъ продолжалъ присылать оттуда въ разные журналы и мелкiя стихотворенiя, и цѣлыя оды Горацiя, которыя передавалъ онъ по-русски весьма удачно, какъ можно видѣть это изъ слѣдующаго начала пьесы: ***Памятникъ Горацiя*** (ода XXX):

Я памятникъ себѣ воздвигнулъ долговѣчной:
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди онъ,
Ни ѣдкiе дожди, ни бурный Аквилонъ,
Ни цѣпь несмѣтныхъ лѣтъ, не время быстротечно,
Не сокрушатъ его. — Не весь умру я; нѣтъ:
Большая часть меня отъ строгихъ Парκъ уйдетъ;
Въ потомствѣ возрасту я славой справедливой
И въ гордый Капитолъ съ Весталкой молчаливой
Доколѣ будетъ жрецъ торжественно входить,
Не перестанетъ всѣмъ молва о мнѣ твердить и т. д.

Но, живя въ Обуховкѣ, Капнистъ съ 1812 по 1818 г. числился при министерствѣ народнаго просвѣщенiя и, въ этотъ промежутокъ времени, успѣлъ отдать на петербургскую сцену трагедiю *Антигона*, въ 5 дѣйствiяхъ, въ стихахъ, сыгранную впервые 11 сентября 1814 г., въ бенефисъ знаменитой актрисы Семеновой, успѣлъ и напечатать въ XVII Чтенiи Бесѣды Любителей Русскаго Слова за 1815 г. свою диссертацiю *о гекзаметрахъ*, которые онъ предлагалъ замѣнить какимъ нибудь другимъ метромъ, болѣе сроднымъ русскому языку, при чемъ, въ видѣ пробы, приводилъ слѣдующiй переводъ начала шестой пѣсни Илiады по образцу русской простонародной пѣсни: *какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ*:

Удалились свѣтлы боги съ поля страшныхъ битвъ,
Но то тамъ, то тамъ шумѣла буря бранная,
Часто ратники стремили копья мѣдныя,
Межъ потоковъ Симоиса и у Ксанѳскихъ струй,
Первый, отрасль Теламона, грековъ щитъ, Аяксъ,
Ободрилъ ихъ, разорвавъ ряды Фригiйскiе etc.

И хотя это посягательство на гекзаметры вызвало сильную полемику со стороны ихъ почитателя С. С. Уварова, уже перетянувшаго въ свой эллинистскiй лагерь ученаго Н. И. Гнѣдича, переводчика Илiады и прежняго согласника Капниста, самъ Капнистъ, вовсе не унывая отъ такой неудачи, въ XVIII Чтенiи Бесѣды Любителей Русскаго Слова за тотъ же 1815 г. напечаталъ свое *Краткое изысканiе о Гипербореанахъ и о коренномъ россiйскомъ стихотворенiи*; въ 1816 г., при извѣстiи о смерти Г. Р. Державина, своего родственника, написалъ извѣстное четверостишiе:

Державинъ умеръ, слухъ идетъ,
И всѣ молвѣ сей довѣряютъ;
Но тутъ и тѣни правды нѣтъ:
Безсмертные не умираютъ!

въ 1818 г. прислалъ для напечатанiя въ Сынѣ Отечества образцовое стихотворенiе свое *Обуховка*; а въ 1819 г. издалъ на русскомъ и французскомъ языкахъ любопытное разсужденiе *О возстановленiи первыхъ шести пѣсней Одиссеи въ первобытный ихъ порядокъ*, и 20 декабря того же 1819 г., отнесся къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенiя, кн. А. Н. Голицыну, письмомъ, въ которомъ указывалъ на необходимость археологическихъ изслѣдованiй въ Тавридѣ, вслѣдствiе чего и наряжена туда, уже въ 1821 г., особая коммиссiя, состоявшая изъ академика Келера и архитектора Паскаля. Избранный вслѣдъ затѣмъ въ губернскiе маршалы полтавскаго дворянства, Капнистъ, уже слишкомъ 60-ти-лѣтнiй старецъ, еще не переставалъ бесѣдовать съ Музами и въ 1824 г. написалъ прекрасное стихотворенiе ***На память береста***, которое, кажется, было послѣднимъ его трудомъ, потому что въ томъ же 1824 г., октября 28, Капнистъ умеръ въ своей Обуховкѣ, 68 лѣтъ отъ роду. Тѣло его погребено тамъ же. — В. В. Капнистъ, по свидѣтельству лично знакомаго ему Бантышъ-Каменскаго, «былъ роста средняго, собою худощавъ; имѣлъ прiятное лице, на которомъ умъ и живость характера яркими красками изображались въ огненныхъ глазахъ и насмѣшливой улыбкѣ. Въ обществахъ отличался онъ любезностiю, остротою и веселымъ разговоромъ; обладая совершенно русскимъ языкомъ (что свидѣтельствуютъ его сочиненiя), свободно изъясняясь на французскомъ и нѣмецкомъ, онъ любилъ, большею частiю, говорить по-малороссiйски и тѣмъ увеличивалъ прiятность своего разсказа, занимательнаго и, вмѣстѣ, шутливаго. Однажды, вспоминая о старинѣ, сказалъ онъ: *се було тоди, якъ мого батька попортили Пруссаки*. Какъ сынъ Малороссiи, любилъ онъ нѣгу; писалъ, лежа въ постелѣ, окруженный книгами и бумагами». О добродушiи Капниста можно судить по тому, что онъ, сознавъ паденiе своей трагедiи *Антигона*, самъ же первый осмѣялъ себя въ эпиграммахъ собственнаго сочиненiя, изъ которыхъ, напр., третья, напечатанная съ двумя другими въ № XL Сына Отечества, на 1814 г., гласитъ:

Хотябъ никто не зналъ изъ цѣлаго партера,
Кѣмъ въ Антигонѣ намъ
Представлена въ урокъ лирическимъ пѣвцамъ
Одна холодная, трагическа химера,
То бъ общiй и согласный свистъ
Всѣмъ доказалъ, что то Капнистъ.

Какъ писатель, Капнистъ уважался всѣми литературными партiями своего времени и есть преданiе, что Карамзинъ, прочитавъ стихотворенiя творца *Ябеды*, невольно воскликнулъ:

Капниста я прочелъ — и сердцемъ сокрушился:
За чѣмъ писать учился!

«Въ пѣсняхъ Капниста — замѣчаетъ другой современникъ - есть также своя отличительная классическая правильность; прочтите его, *Ворожбу*, его *Чижика*, его *Богатство убогаго*. Вездѣ, лоскъ ученый, иногда слишкомъ выясненный, но все таки прiятный, не тяжелый, такой именно, которому всегда готовы въ услугу и музыкантъ и пѣвецъ. Вотъ маленькiй примѣръ:

Хоть хижина убога,
Съ тобой она мнѣ храмъ;
И въ ней прошу отъ Бога
Спокойства только намъ.
Но вѣка чтобъ прибавить,
О томъ я не молюсь:
Тебя, мой другъ, оставить
И пережить боюсь!

Отъ брака съ Александрой Алексѣевной Дьяковой, сестрой второй жены Державина, В. В. Капнистъ оставилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ, *Семенъ*, директоръ полтавской гимназiи, наслѣдовавъ пiитическiй даръ отца, написалъ образцовое стихотворенiе *Вечеръ въ Тавридѣ*, и ум. въ 1844 г., а другой, *Иванъ*, въ 1850-хъ г-хъ былъ московскимъ гражданскимъ губенаторомъ.

Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ, русскій драматическій писатель. Принадлежалъ къ одной изъ дворянскихъ семей древняго новгородскаго происхожденія и родился 3 октября 1742 г., въ Псковѣ, гдѣ жилъ тогда его отецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Борисъ Ивановичъ Княжнинъ. До 15-ти-лѣтняго возраста молодой Княжнинъ не покидалъ дома родительскаго — и очеркъ этой жизни своей оставилъ намъ въ слѣдующемъ поэтическомъ разсказѣ:

Бывало съ милою Авророй
Встрѣчалъ я первый Фебовъ въѣздъ,
И въ мысли восхищенной, скорой,
Сіялъ, какъ искра въ кучѣ звѣздъ.
Бывало разныхъ птичекъ пѣнье,
И громкій голосъ соловья,
Шумъ водопадовъ, ихъ стремленье
Внималъ съ живѣйшимъ чувствомъ я.
Бывало, пляски, хороводы
Веселыхъ, добрыхъ поселянъ —
Гдѣ безъ искуства видъ природы
Для блага общаго имъ данъ —
Меня въ младенчествѣ питали!
Я съ ними радости дѣлилъ,
Рѣзвились, пѣли и играли,
Кто прожилъ такъ, тотъ прямо жилъ.

Не записанный съ колыбели, вопреки общему тогда обыкновенію, ни въ какой полкъ, молодой Княжнинъ въ 1757 г. былъ присланъ своимъ отцомъ въ Петербургъ и тутъ отданъ на руки академическому профессору Модераху, который помѣстилъ пріѣзжаго псковича въ пансіонъ Лави. Здѣсь Княжнинъ обучился языкамъ французскому, нѣмецкому, итальянскому, познакомился съ твореніями Метастазія, Расина, Галлера, Геснера и, вникнувъ въ новоизданную тогда реторику Ломоносова, самъ началъ стихотворствовать: «Онъ — говоритъ митр. Евгеній (Болховитиновъ) — писалъ многія изрядныя мелкія стихотворенія, и заслуживъ ими похвалу, почувствовалъ въ себѣ къ сему упражненію сильную склонность, которой не могла ограничить въ немъ ни служба, ни частая перемѣна въ ней». — Къ школьному періоду жизни Княжнина относится, напр., ода *Къ Икарну*, теперь утраченная, о которой одинъ изъ безъименныхъ біографовъ Княжнина отзывается такъ: «Первое сіе произведеніе столь же было юно, какъ и лѣта его; но при всемъ томъ иныя строфы въ этой же самой одѣ начертаны были перомъ необыкновеннымъ». Въ 1764 г. школьный курсъ Княжнина кончился и будущій писатель, избравъ поприще дипломатическое, поступилъ въ иностранную коллегію юнкеромъ, но вскорѣ же, за основательное знаніе языковъ, сдѣланъ переводчикомъ. Не смотря однако на такое хорошее начало службы въ иностранной коллегіи, Княжнинъ, неизвѣстно почему, не замедлилъ перейти въ канцелярію отъ строеній, гдѣ также оставался не долго, потому что, переманенный фельдмаршаломъ гр. К. Г. Разумовскимъ, онъ предпочелъ военный кафтанъ дипломатическому, переименовался въ капитаны и былъ причисленъ къ штату адъютантовъ при дежурныхъ генералахъ. Дѣля время между службою и обществомъ, Княжнинъ особенно успѣвалъ въ послѣднемъ, потому что, какъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ С. Н. Глинка, «сама Терпсихора учила его тому, что теперь называютъ граціозностью. А въ этой граціозности онъ не уступалъ въ стройныхъ танцахъ славному Пику, корифею театральныхъ балетовъ въ царствованіе Екатерины». Самъ Княжнинъ не забывалъ веселаго времени своей молодости, о которомъ, въ стихотвореніи *Воспоминаніе старика*, онъ разсказываетъ такъ:

Бывало, не смотря на стужу,
На мрачность всѣхъ осеннихъ дней,
Весельемъ грусть обезоружу,
Не потерявъ весны своей.
Въ спокойномъ тихомъ кабинетѣ,
Межъ грацій, межъ пріятныхъ Музъ,
Забывъ, какъ мучатся въ семъ свѣтѣ,
Таскаютъ всѣхъ печалей грузъ,
Безпечно въ книгахъ зарываясь,
Я съ пылкимъ чувствомъ зрѣлъ красы,
Поэзьей нѣжною плѣняясь,
Я ей лишь посвящалъ часы.
Или въ исторьи древнихъ вѣковъ
Летѣлъ къ прошедшимъ временамъ,
Зрѣлъ Римлянъ, Египтянъ и Грековъ,
Какъ будто съ ними жилъ я тамъ.
Потомъ пущусь гулять по свѣту,
За книгой обтеку весь міръ;
Или въ романахъ безъ предмета
Влюблялся въ тысячу Плѣниръ.
Съ живымъ воображеньемъ, вольнымъ,
Бывало, какъ орелъ парилъ,
И будучи собой довольнымъ,
Въ себѣ все благо находилъ.
Когда жъ мое уединенье,
Возьметъ унылый, мрачный видъ:
Оставя кабинетъ и чтенье
Изданье древнихъ пирамидъ —
Скачу на балъ богатый, пышный,
Гдѣ нектаръ изъ сосудовъ бьетъ,
И гдѣ умѣренность гость лишній;
Гдѣ роскошь царствуетъ, живетъ.
Тамъ съ нимфами въ кругу рѣзвяся,
Себя Парисомъ воображалъ;
И всѣми до одной прельстяся,
Мое всѣмъ сердце отдавалъ...

Такое прекрасное препровожденіе времени, вполнѣ достойное человѣка, сознательно готовившагося посвятить себя литературѣ, перемежалось однако занятіемъ, которое едва не лишило русскую литературу и полезной дѣятельности Княжнина и, впослѣдствіи, еще важнѣйшей дѣятельности Карамзина. Говоримъ о карточной игрѣ, къ которой, до выступленія на литературное поприще, одинаково пристрастились и Княжнинъ, и Карамзинъ, спасенные однако во-время. Не досчитавшись порядочной доли своего родоваго наслѣдія, разсѣянной въ игорныхъ домахъ, Княжнинъ бросилъ карты — и въ одѣ *Утро* оставилъ намъ весьма поучительное описаніе ночныхъ сборищъ сонма игроковъ, гдѣ, по собственнымъ его словамъ:

Фортуна въ выборахъ слѣпая,
Бумагой ихъ судьбу бросая
Изъ нихъ невиннѣйшихъ разитъ;
Игрою скрывъ щедроты льстивы,
Какъ сфинксъ, опустошавшій Ѳивы,
Гаданьемъ гибели манитъ.

А такъ какъ остальной части родоваго наслѣдія Княжнину уже не хватало на жизнь въ столицѣ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ искать литературной работы — и, такимъ образомъ, разъ навсегда опредѣлилась его будущая дѣятельность. Первымъ трудомъ Княжнина на этомъ новомъ, уже труженическомъ, поприщѣ былъ сдѣланный имъ — и, безъ сомнѣнія, по заказу — переводъ цѣлаго итальянскаго сочиненія о Мореи, тогда же изданный подъ титуломъ: *Записки историографическія о Мо-*

реи, покоренной оружіемъ венеціанскимъ; о царствѣ Негропонтскомъ и о прочихъ близъ лежащихъ мѣстахъ, также и о тѣхъ, которыя въ Далмаціи и въ Эпирѣ приведены подъ власть Венеціи, сначала турецкой войны, наставшей въ 1684 г. и продолжавшейся до 1687, съ описаніемъ крѣпостей Кастель-Ново и Янина, перевелъ съ итальянскаго Яковъ Княжнинъ. — Но трудъ этотъ и всѣ предыдущія — были только приготовленіемъ къ литературной дѣятельности Княжнина, которая собственно открылась 5-ти актной трагедіей *Дидона*, въ стихахъ, написанной Княжнинымъ въ 1769 г. и, еще до напечатанія, представленной на эрмитажномъ театрѣ, къ особенному удовольствію императрицы, изъявившей автору свое благоволеніе. Успѣхъ *Дидоны* не ослѣпилъ однако ея скромнаго автора, который, какъ разсказываютъ, на возгласъ одного восхищеннаго знакомаго: Вы нашъ Расинъ! — возразилъ шопотомъ: *Молчите, ради Бога молчите; не то кто нибудь услышитъ ваши слова и впредь ничего не станетъ вѣрить вамъ.* Прославленный *Дидоною*, Княжнинъ поѣхалъ въ Москву, поклониться первоначальнику русской трагедіи, А. П. Сумарокову, и представивъ ему, какъ бы на просмотръ, экземпляръ *Дидоны*, страстно влюбился въ красавицу-дочь Сумарокова, которая вдохновила Музу Княжнина, тогда же написавшаго:

Что я — ты чувствуешь ли тоже?
Не видя, алчу зрѣть тебя;
Узрѣвъ, забвеніе себя,
Стократно памяти дороже,
Объемлетъ душу, чувство, умъ.
Въ тревогѣ нѣжной сладкихъ думъ
Душой твои красы лобзаю;
И кровь то мерзнетъ, то кипитъ,
И самъ себя тогда не знаю.
Мы сердцемъ лишь тогда живемъ,
Какъ сердце чувствуемъ въ другомъ.

Съ помощью друга своего, Ѳ. Г. Карина, богача и тоже литературнаго дѣятеля того времени, Княжнинъ открылся во всемъ Сумарокову, который отвѣчалъ, что онъ и дочь его уважаютъ умъ и душевныя качества Я. Б. Княжнина, — и въ томъ же 1769 г., авторъ *Дидоны* сдѣлался мужемъ дочери Сумарокова, едва ли не первой изъ русскихъ дѣвицъ напечатавшей собственное стихотвореніе въ «Трудолюбивой Пчелѣ», издававшейся Сумароковымъ съ 1759 г. — Возвратившись съ молодою женою въ Петербургъ, Княжнинъ, по примѣру своего тестя, сталъ отыскивать въ русскихъ бытописаніяхъ если не сюжетъ, то имена героевъ для новой трагедіи, которую онъ создалъ, кажется въ 1770 г., подъ названіемъ *Владиміръ и Ярополкъ*, въ 5 актахъ и, разумѣется, въ стихахъ. Но трагедія эта, далеко не достигавшая своего образца, *Андромахи* Расина, не имѣла никакого успѣха на сценѣ, что и побудило Княжнина попробовать свои силы въ другомъ родѣ драмы. Плодомъ этой пробы была комическая опера *Несчастье отъ кареты*, въ 2 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, съ музыкой придворнаго капельмейстера Паскевича, представленная впервые на эрмитажномъ театрѣ, и съ того времени, не смотря на неестественность, даже пошлость выведенныхъ въ ней характеровъ, сдѣлавшаяся любимою пьесою имп. Екатерины, которая вполнѣ сочувствовала цѣли Княжнина — осмѣять, въ этомъ своемъ произведеніи, излишнее поклоненіе высшаго русскаго общества всему французскому. — Заслуживъ новое благоволеніе Государыни, Княжнинъ очень скоро изготовилъ новую комическую оперу, *Скупой*, въ 1 дѣйствіи, съ музыкою того же Паскевича, — фарсъ пустой, но живой и веселый, въ которомъ отсутствіе содержанія и оригинальныхъ характеровъ замѣняется комизмомъ положенія и непринужденностью разговора. Обязанный успѣхомъ *Скупаго* преимущественно искусной игрѣ актера Крутицкаго, Княжнинъ, къ тому времени, т. е. къ 1772 г., уже настолько завоевалъ себѣ литературную славу, что имя его не было забыто и въ вышедшемъ тогда «Опытѣ Историческаго Словаря о россійскихъ писателяхъ», гдѣ Новиковъ отозвался о Княжнинѣ такъ: «Княжнинъ, Ѳедоръ (читай Яковъ) Борисовичъ, много писалъ весьма изрядныхъ стихотвореній, одъ, елегій, и тому подобнаго; перевелъ въ стихи письмо графа Коминга къ его матери. Наконецъ, сочинилъ трагедію *Дидону*, дѣлающую ему честь. Сія трагедія весьма много похваляется знающими людьми и почитается въ числѣ лучшихъ въ россійскомъ театрѣ; она еще въ свѣтъ не издана. Впротчемъ, подалъ онъ надежду ожидать въ немъ хорошаго трагическаго стихотворца». Кромѣ успѣховъ литературныхъ, Княжнинъ, въ эту пору, не могъ жаловаться и на обстоятельства житейскія, потому что, ласкаемый императрицею и уважаемый всею читающею публикою, онъ жилъ въ Петербургѣ открытымъ домомъ, поддерживалъ обширное знакомство и задавалъ обѣды, на которыхъ, въ числѣ ближайшихъ друзей его, присутствовали Г. А. Потемкинъ, будущій кн. Таврическій, А. П. Ермоловъ, тогдашній фаворитъ и др. Но въ томъ же 1772 г. Княжнинъ испыталъ какія-то огорченія — и внезапно бросивъ службу, уѣхалъ изъ Петербурга куда-то, гдѣ скрывался цѣлые восемь лѣтъ, занятый, какъ говорили о немъ, воспитаніемъ своихъ дѣтей. — Къ этому періоду восьми-лѣтняго уединенія Княжнина относятся его труды: достовѣрный — переложеніе бѣлыми стихами Вольтеровой *Генріады*, посвященной перелагателемъ директору академіи наукъ С. Г. Домашневу и напечатанный въ 1777 г., да по догадкамъ — такія же переложенія *Сида*, *Цинны* и *Помпеевой смерти*, Корнеля, изданныя не раньше 1779 г. — Неизвѣстно, сколько бы времени продолжалось уединеніе Княжнина, еслибъ И. И. Бецкій, получившій въ свое вѣдѣніе всѣ воспитательно-учебныя заведенія и наслышанный о многосторонней образованности автора *Дидоны*, не вызвалъ его въ Петербургъ, куда Княжнинъ явился въ 1779 г. и, занявъ при Бецкомъ мѣсто секретаря, открылъ свою новую служебную дѣятельность *Рѣчью*, произнесенною въ публичномъ собраніи Академіи Художествъ, по случаю выпуска ея питомцевъ-художниковъ. Что касается литературной дѣятельности Княжнина, она, съ прибытіемъ его въ Петербургъ, выражалась какъ многими стихотвореніями, въ родѣ *Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ* и *Посланіе тремъ Граціямъ*, такъ и въ особенности сотрудничествомъ въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», куда Княжнинъ, по просьбѣ И. Ѳ. Богдановича, перевелъ въ теченіе двухъ лѣтъ, (1779—1781 г.) одиннадцать Геснеровыхъ идиллій, а именно: *Меналкъ и Ешинъ*, *Ожиданіе Дафны на гулянье*, *Дафнисъ*, *Миртиллъ*, *Дамонъ и Дафна*, *Дамонъ и Филисса*, *Филисса и Хлоя*, *Милонъ*, *Титиръ и Меналкъ*, *Твердое намѣреніе*, *Ревность*. Сотрудничая, кромѣ «С.-Петербургскаго Вѣстника» и въ журналѣ «Академическія Извѣстія», куда, въ теченіе 1781 г., были доставлены Княжнинымъ его стихотворенія *Утро* и *Моръ звѣрей*, Княжнинъ, около 1782 г. сбли-

зился съ Д. И. Фонвизинымъ и подружился съ Дмитревскимъ, въ 1783 г. былъ избранъ въ члены учрежденной тогда Россійской Академіи и, по просьбѣ княгини Дашковой, напечаталъ въ «Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова» новыя свои стихотворенія: *Стансы Богу*, *Улиссъ и его спутники*, *Вечеръ*, *Феридина ошибка* и друг., а за тѣмъ приступилъ къ сочиненію новой трагедіи *Росславъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Трагедія эта, впервые сыгранная на петербургской сценѣ 8 февраля 1784 г., имѣла, благодаря искуству несравненнаго Дмитревскаго, успѣхъ необычайный, засвидѣтельствованный вызовомъ автора,—чему примѣровъ до того не бывало. Зрители особенно сочувствовали и рукоплескали сценѣ, гдѣ тиранъ Христіернъ, усиливаясь исторгнуть изъ души Рослава тайну мѣстопребыванія Густава Вазы, будущаго избавителя Швеціи, говоритъ Рославу:

Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

Рославъ.

Я Россъ.

Христіернъ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой!

Рославъ.

Тотъ свободенъ,
Кто, смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

Христіернъ.

Чего желаешь ты, скажи?

Рославъ.

Чего? Престола.

Христіернъ.

Умри, злодѣй! Мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Рославъ.

На себя.

Но какъ ни былъ положителенъ успѣхъ *Рослава*, авторъ его не избѣжалъ шуточекъ и эпиграммъ, изъ которыхъ одна, происходя, по всей вѣроятности, изъ кружка литературнаго, острилась надъ Княжнинымъ и его пріятелемъ Фонвизинымъ—такъ:

У авторовъ пріязнь со всячиной ведется:
Рославъ твой затвердилъ: «я Россъ! я Россъ!»
А все онъ не великъ; когда же разростется?
Фонъ-Визинъ Княжнину далъ шуточный вопросъ.
Когда? тотъ отвѣчалъ, самъ на словцо удалый,—
Когда твой *Бригадиръ* поступитъ въ генералы.

Стяжавъ себѣ *Рославомъ* чуть не первое мѣсто между всѣми современными писателями, Княжнинъ не остановился на этомъ и въ 1785 г., согласно желанію имп. Екатерины и по порученію директора театра В. И. Бибикова, *въ три недѣли* передѣлалъ итальянское либретто Метастазіевой оперы *Clemenza di Tito* въ русскую трехъактную трагедію, въ стихахъ, подъ названіемъ *Титово Милосердіе*,—за что, въ самый день перваго представленія этой трагедіи, получилъ изъ рукъ императрицы золотую, осыпанную бриллiантами, табакерку, съ вензелемъ ея величества. Въ томъ же 1785 г., Княжнинъ, по просьбѣ гр. Ангальтэ, принялъ на себя преподаваніе воспитанникамъ сухопутнаго кадетскаго корпуса *уроковъ россійскаго слога*, т. е. Реторики, и, по собственному побужденію, поднесъ собраніе всѣхъ своихъ сочиненій имп. Екатеринѣ, которая повелѣла печатать ихъ на казенный счетъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ отпечатанные экземпляры были предоставлены въ пользованіе самому автору. Но пока происходило это печатаніе, тянувшееся ровно два года, Княжнинъ, въ 1786 г., написалъ новую 5-ти-актную трагедію, въ стихахъ, *Владисанъ*, съ музыкою придворнаго камеръ-музыканта Бюлана, и стихами же перевелъ изъ Вольтера другую, 5-ти - актную трагедію, *Софонизба*, — произведенія весьма посредственныя, но имѣвшія успѣхъ на сценѣ. Въ слѣдующемъ 1787 г. Княжнинъ отдалъ на сцену новую комедію свою, *Хвастунъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, основная идея которой, т. е. личность главнаго героя (Верхолета), хотя и была заимствована изъ Детушевой комедіи *Le glorieux*, но являлась обставленною совершенно иначе,—отчего и вся комедія доставила Княжнину новые лавры, упрочивъ за нимъ первенство между современными драматическими писателями. Тогда-то извѣстный А. А. Безбородко, лично узнавъ Княжнина и нуждаясь въ подобныхъ людяхъ, предлагалъ прославленному автору службу въ своемъ дипломатическомъ вѣдомствѣ, съ большими чинами и огромнымъ жалованьемъ. Но Княжнинъ, признательный Бецкому, благородно уклонился отъ заманчивыхъ предложеній Безбородко и, довольствуясь скромнымъ чиномъ надворнаго совѣтника, съ скромнымъ же жалованьемъ, продолжалъ прежнюю свою деятельность, которую однако онъ усиливалъ, какъ бы въ предчувствіи недалекой смерти. — Поэтому, вслѣдъ за *Хвастуномъ*, Княжнинъ поставилъ на сцену мелодраму *Орфей*, съ музыкой придворнаго артиста Торелли, передѣланной потомъ молодымъ музыкантомъ Ѳоминымъ, а за *Орфеемъ* явилась комедія *Сбитенщикъ*, въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, заимствованная, частію изъ Мольеровой «Школы Женщинъ» и частію изъ «Севильскаго цирюльника» Бомарше, но составляющая, безспорно, лучшее въ этомъ родѣ произведеніе Княжнина. Послѣ *Сбитенщика*, изъ подъ пера Княжнина выходили одна за другою комедіи: *Неудачный примиритель*, въ 3 дѣйствіяхъ; *Трауръ или утѣшенная вдова*, въ 2 дѣйствіяхъ; оперы: *Притворно сумасшедшая*, въ 2 дѣйствіяхъ, и *Мужья женихи своихъ женъ*, въ 2 дѣйствіяхъ. Въ 1789 г. Княжнинъ написалъ и отдалъ на сцену, но потомъ самъ взялъ обратно, знаменитую трагедію свою *Вадимъ Новгородскій*, надѣлавшую столько шума уже послѣ смерти автора, предсмертнымъ трудомъ котораго была обработка комедіи *Чудаки*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Окончивъ эту комедію, по всей вѣроятности, въ 1790 г., неутомимый Княжнинъ началъ было писать трагедію *Пожарскій* и поэму *Петръ Великій*, но простудился, заболѣлъ горячкою, страдалъ десять дней и угасъ, 14 января 1791 г., въ Петербургѣ, на 49 г. жизни. Тѣло Княжнина погребено на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ прахомъ творца Дидоны и Рослава былъ поставленъ памятникъ изъ простаго дикаго камня, съ надписью одного его имени.— Я. Б. Княжнинъ былъ нрава тихаго, задумчиваго, въ дружбѣ твердъ, въ обращеніи привѣтливъ, въ спорахъ уступчивъ, любилъ благотворительствовать. «Часто случалось съ нимъ, пишетъ Глинка, что, въ дождливую погоду, взявъ денегъ, чтобы отправиться на дрожкахъ въ кадетскій корпусъ, онъ отдавалъ тѣ деньги слугѣ, который или по какой либо причинѣ, или умышленно, казался печальнымъ: *На, братецъ*! говорилъ онъ; *будь повеселѣе*». Всю суть собственной характеристики, какъ человѣка, самъ Княжнинъ высказалъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Для добродѣтели на всѣ бѣды стремиться,
Любить отечество и смерти не страшиться,

Для счастья своего не льстить страстямъ людей,—
Вотъ что я сохранялъ всегда въ душѣ моей!

Какъ писатель, Княжнинъ не отличался изобрѣтательностью, но хорошо владѣлъ стихомъ, ловко передѣлывалъ чужеземныя литературныя произведенія на русскіе нравы и, въ этомъ смыслѣ, вполнѣ заслужилъ мѣткое опредѣленіе Пушкина *переимчивый*. Оцѣнивая литературную дѣятельность Княжнина, Мерзляковъ, одинъ изъ лучшихъ русскихъ критиковъ, писалъ: «Мѣсто Сумарокова занялъ родственникъ и ученикъ его Княжнинъ. Въ его трагедіяхъ слогъ чище, благороднѣе, возвышеннѣе, нежели въ трагедіяхъ Сумарокова. Нѣтъ столь неприличныхъ и частыхъ обращеній къ предметамъ бездушнымъ, или къ *устамъ*, *рукамъ*, *слезамъ*, *очамъ*; но за то онъ впадаетъ въ противную погрѣшность: слогъ его часто бываетъ холоденъ, напыщенъ, несвободенъ. Онъ терялся въ подробностяхъ и не умѣлъ себя останавливать; ему хотѣлось быть вездѣ высокимъ; въ одной сценѣ *Рослава* помѣстилъ онъ всѣ высокія слова, разсѣянныя въ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера. Онъ подражалъ всѣмъ французскимъ трагикамъ вмѣстѣ или, лучше, переводилъ изъ нихъ.... Между комедіями его есть нѣкоторыя прекрасныя: *Чудаковъ* и *Хвастуна* можно поставить не далеко отъ безсмертныхъ *Недоросля* и *Бригадира* Фонвизина». Во всякомъ случаѣ, Княжнинъ занимаетъ и всегда будетъ занимать въ исторіи русской литературы мѣсто довольно видное, а объ уваженіи, которымъ окружались личность и память Княжнина, можно судить по слѣдующимъ надписямъ къ его портрету и памятнику:

Къ портрету.

1.

Се образъ Княжнина, кого за лирный гласъ
И сами граціи украсили короной:
Напрасно мыслимъ мы, что въ Греціи Парнасъ:
Онъ здѣсь воздвигъ его Рославомъ и Дидоной.

2.

Смотри! на полотнѣ изображенъ Княжнинъ,
Достигшій чрезъ дары до Пиндовыхъ вершинъ,
Любимецъ Таліи, наперсникъ Мельпомены,
Былъ зять, совмѣстникъ сталъ писателя Ильмены.
Покорны нѣжности чувствительны сердца,
Вѣнчате похвалой Дидонина творца!

Къ памятнику.

Увялъ Парнаса россовъ кринъ!
Подъ камнемъ симъ сокрытъ Княжнинъ;
Творенія его Россія не забудетъ —
Онъ былъ, и нѣтъ его — онъ есть и вѣчно будетъ!

Полное собраніе сочиненій Княжнина—кромѣ *Вадима Новгородскаго*, вырваннаго и изъ 39-й части «Россійскаго Ѳеатра»—выходило неоднократно: въ 1787 г. въ 4 томахъ, въ 1802 г. въ 5 том., въ 1817 г. въ 5 том. и т. д.—Отъ брака съ Екатериной Александровной Сумароковой, Як. Бор. Княжнинъ оставилъ нѣсколько сыновей, изъ которыхъ одинъ, *Александръ*, извѣстенъ своими комедіями: *Ямъ*, *Посидѣлки*, *Филаткина сватьба* и др.

ХЕРАСКОВЪ, Михаилъ Матвѣевичъ, русскій писатель. Происходилъ изъ валахской фамиліи, выселившейся въ Россію при Петрѣ I, и родился, 25 октября 1733 г., Полтавской губерніи въ г. Переяславѣ. Здѣсь же, Херасковъ, еще младенцемъ, едва не былъ отнятъ у своей будущей извѣстности: небрежная нянька оставила его одного играть на раствореннoмъ окнѣ — и бродяга-нищій, промышлявшій кражею ребятъ для уличныхъ акробатовъ, уже схватилъ и спряталъ будущаго писателя въ свой мѣшокъ, гдѣ однако несчастный малютка поднялъ неистовый крикъ, благодаря которому воровская продѣлка негодяя нищаго тутъ же обнаружилась и воръ попалъ въ руки мѣстныхъ представителей правосудія. – Проведя первыя десять лѣтъ жизни въ домѣ родительскомъ, Херасковъ, въ исходѣ 1743 г. былъ отвезенъ въ Петербургъ и отданъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ онъ слишкомъ 7 лѣтъ обучался разнымъ наукамъ и языкамъ, при чемъ, если вѣрить свидѣтельству С. Н. Глинки (Рус. Вѣс. 1808. Мартъ. с. 365), «будучи двѣнадцати лѣтъ, предпринялъ сочиненіе *Россіады*». Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) тоже подтверждаетъ, что кадетъ Херасковъ, подъ руководствомъ А. П. Сумарокова, началъ писать стихотворенія, печатавшіяся потомъ въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», которыя съ 1755 г. издавались при академіи наукъ извѣстнымъ исторіографомъ Миллеромъ. 5 сентября 1751 г. Херасковъ былъ выпущенъ изъ корпуса въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ поручикомъ, но служилъ во фронтѣ недолго, и уже въ 1754 г. переименовался въ титулярные совѣтники, съ опредѣленіемъ въ коммерцъ-коллегію, а въ 1755 г., при учрежденіи московскаго университета, зачисленъ въ университетскій штатъ коллежскимъ ассессоромъ. Къ этому же времени относится и первоначальное появленіе Хераскова на литературномъ поприщѣ: въ «Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ», на 1756 г., были напечатаны его произведенія въ мартовской книжкѣ—*Шесть эпиграммъ*, а въ іюньской — притчи: *Оселъ хвастунъ*, *Волкъ и Журавль*, *Сорока въ чужихъ перьяхъ*, *Ворона и Лисица*. Изъ *Шести эпиграммъ* лучше другихъ первая:

Ученъ ты, Фольнаморъ, ученъ ты пребезмѣрно,
Мнѣ всѣ то говорятъ; и то, конечно, вѣрно:
Еще на помочахъ къ Парнасу ты пошелъ
И въ самой младости всѣ древности прочелъ.
Но тѣмъ ни мало ты меня не удивляешь:
Ты много былъ ученъ, — да ничего не знаешь.

Въ 1757 г. Херасковъ напечаталъ отдѣльно поэму *Плоды Наукъ*, въ 3 пѣсняхъ; въ 1758 г. выпустилъ въ свѣтъ трагедію *Венеціанская монахиня*, въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, не игранную однако болѣе двадцати лѣтъ; а съ 1760 г. онъ началъ издавать при университетѣ ежемѣсячный журналъ *Полезное Увеселеніе*, который, при сотрудничествѣ И. Ѳ. Богдановича, не прекращался ровно три года. Получивъ въ 1761 г. чинъ надворнаго совѣтника, Херасковъ тогда же издалъ поэму *Храмъ Славы*, въ одной пѣсни, и поставилъ на московскую сцену — передъ самымъ отбытіемъ труппы въ Петербургъ — героическую комедію *Безбожникъ*, въ стихахъ, а въ 1762 г. написалъ оду на коронацію Екатерины II и, по порученію своего вотчима, фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго, верховнаго маршала коронаціи, составлялъ орнаменты для украшенія деревянныхъ тріумфальныхъ воротъ, воздвигавшихся въ Москвѣ, въ честь императрицы. «Всѣ части этихъ украшеній — пишетъ завистливый *профессоръ аллегоріи* Штелинъ — доказываютъ, что онъ (Херасковъ) не имѣлъ никакого понятія въ подобныхъ произведеніяхъ, какъ напр. руки, висящія изъ облаковъ, множество грубовыдѣланныхъ символическихъ изображеній, неживописныя картины, разныя вызолоченыя рѣдкости и цѣлыя рѣчи въ стихахъ, вмѣсто надписей, и проч. Среди множества

этихъ прелестей, у тріумфальныхъ воротъ, ближе къ Кремлю, подлѣ монетнаго двора, представилъ онъ ея имп. вел. императрицу, стоящую у стола и готовую взять скипетръ и державу, которые лежали на столѣ, съ надписью: *за мои труды*». — Но сама имп. Екатерина не раздѣляла мнѣнія Штелина о поэтическихъ способностяхъ Хераскова, который, вмѣстѣ съ Ѳ. Г. Волковымъ и А. П. Сумароковымъ, былъ призванъ высочайшею волею участвовать въ трудахъ по устройству подвижнаго уличнаго маскарада ***Торжествующая Минерва*** и сочинилъ къ нему хоры, а по окончаніи этаго маскарада и отбытіи Двора изъ Москвы въ Петербургъ, онъ, 13 іюня 1763 г. произведенъ въ канцеляріи совѣтники, съ назначеніемъ директоромъ университета въ Москвѣ, гдѣ, въ томъ же 1763 г., издавались Херасковымъ два журнала: ***Невинное Упражненіе*** и ***Свободные Часы***. — Напечатавъ въ 1764 г. двѣ книги ***Басней***, а въ 1765 г. трагедію ***Мартезія и Фалестра***, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, убитую партіей В. И. Майкова и поставленную на сцену лѣтъ сорокъ позже, Херасковъ въ 1766 г. получилъ чинъ коллежскаго совѣтника, въ 1767 г. издалъ ***Новыя Философическія пѣсни***, въ 1768 г. выпустилъ въ свѣтъ ***Нуму Помпилія или Процвѣтающій Римъ***, прозою, и достигъ уже такой извѣстности, что въ тогдашнемъ лейпцигскомъ журналѣ *Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künsten*, въ статьѣ: *Nachricht von einigen russischen Schriftstellern etc.* (приписываемой И. А. Дмитревскому), о немъ сдѣланъ такой отзывъ: «Михаилъ Херасковъ — коллежскій совѣтникъ и директоръ московскаго университета, написалъ двѣ трагедіи: ***Венеціанская Монахиня*** и ***Пламена***. Содержаніе послѣдней заимствовано изъ русской исторіи. Онъ написалъ также комедію подъ заглавіемъ: ***Безбожникъ***. Всѣ эти произведенія посредственны. Говоря чистосердечно, онъ принадлежитъ только къ числу первыхъ по времени удачныхъ писателей нашихъ въ этихъ родахъ, также, какъ и въ одѣ. Напротивъ, нельзя отказать ему въ заслуженой похвалѣ за его сатирическія статьи, частью въ стихахъ, частью въ прозѣ. Онъ издалъ также двѣ книги басень, которыя, послѣ сумароковскихъ, лучшія на русскомъ языкѣ». Въ 1770 г. Херасковъ оставилъ московскій университетъ и, переведенный въ Бергъ-коллегію вице-президентомъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ тогда же напечатаны имъ: поэма ***Селимъ и Селима*** и комедія ***Ненавистникъ***, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подобныхъ слѣдующему монологу Змѣяда, хотя и сколоннаго съ Мольерова Мизантропа, но по особой, ***Херасковской***, выкройкѣ:

Теперь на нѣсколько я душу успокою:
Польется въ городѣ злословіе рѣкою.
Пускай клевещутъ всѣхъ такіе бѣдняки:
Они всѣ въ выдумкахъ гораздо мнѣ съ руки;
И ежели они весь городъ перебѣсятъ,
Пускай самихъ ихъ всѣхъ торжественно повѣсятъ!
Не впрямъ-ли думаютъ, что я имъ вѣрный другъ?
Мнѣ надобны они для маленькихъ услугъ,
Несходныхъ съ честностью, съ самимъ людскимъ закономъ;
Я съ ними обхожусь, какъ будто бы съ лимономъ:
Сокъ выжму изъ него — бросаю за окно!
Что дружба, что лимонъ — по моему одно!

Въ томъ же 1770 г. гр. А. Г. Орловъ сжегъ турецкій флотъ при Чесмѣ — и Херасковъ, восхищенный этимъ славнымъ подвигомъ, въ 1771 г. напечаталъ поэму ***Чесменскій бой***, въ 5 пѣсняхъ, а въ 1772 г. уже имѣлъ удовольствіе читать о себѣ слѣдующій отзывъ извѣстнаго Н. И. Новикова въ его *Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ*, - отзывъ, по своей полнотѣ и безпристрастію, приводимый нами дословно: «Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ, государственной бергъ-коллегіи вицепрезидентъ и вольнаго экономическаго общества членъ. Человѣкъ острый, ученый и просвѣщенный, и искусный какъ въ иностранныхъ, такъ въ россійскомъ языкѣ, и стихотворствѣ. Сочиненія его слѣдующія: трагедіи, *Венеціанская Монахиня*, *Мартезія и Ѳалестра*, и *Пламена*, которая напечатана и представлена на публичномъ театрѣ въ Москвѣ. Трагедія *Бориславъ* не напечатана, отдана на придворный театръ; героическая въ стихахъ комедія *Безбожникъ* въ одномъ дѣйствіи, двѣ части *Басенъ*, двѣ поэмы *Плоды наукъ* и *Чесменскій бой;* книга **Нума Помпилій** или *Процвѣтающій Римъ*; *Новыя оды*; *Пѣсни Героическія*, всѣ напечатаны въ разныхъ годахъ; также сочинилъ онъ много торжественныхъ, духовныхъ и анакреонтическихъ одъ, еклогъ, епистолъ, стансовъ, сонетовъ, идиллій, елегій, епиграммъ, мадригаловъ и другихъ мелкихъ стихотвореній, и одну Героиду *Аріадна къ Тезею*, подражая Овидію; также въ стихахъ и прозѣ сатирическихъ писемъ и другихъ о разныхъ матеріяхъ, которыя всѣ напечатаны въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ: *Полезномъ Увеселеніи* 1760, 1761 и 1762 годовъ, *Невинномъ Упражненіи* и *Свободныхъ Часахъ* 1763 г., въ Москвѣ, которымъ всѣмъ онъ былъ издатель; и также много изъ его сочиненій напечатано въ академическихъ *Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* разныхъ годовъ. Есть много его торжественныхъ одъ и епистолъ, напечатанныхъ особо въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Вообще сочиненія его весьма много похваляются, а особливо трагедія *Бориславъ*, оды, пѣсни, обѣ поэмы, всѣ его сатирическія сочиненія и Нума Помпилій, приносятъ ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и пріятно, слогъ текущъ и твердъ, изображенія сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческаго огня, сатирическія сочиненія остроты и пріятныхъ замысловъ, а Нума Помпилій философическихъ разсужденій; и онъ по справедливости почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, и заслуживаетъ великую похвалу». — Еще съ 1771 г. занятый писаніемъ ***Россіады***, Херасковъ, съ появленіемъ на Руси мыслей Морица, Стерна и Руссо, создалъ слезную драму ***Другъ несчастныхъ***, въ 3 дѣйствіяхъ, кажется, никогда не игранную, и только въ 1774 г. напечаталъ своего ***Борислава***, уже извѣстнаго Петербургу по прекрасной игрѣ И А. Дмитревскаго, съ особеннымъ выраженіемъ произносившаго памятные современникамъ стихи:

Въ отчаяньи моемъ я цѣлый свѣтъ забылъ.
На что престолы мнѣ, возлюбленной лишенну!...

За напечатаніемъ ***Борислава***, Херасковъ поставилъ на московскую сцену новую слезную драму ***Гонимые***, въ 3 дѣйствіяхъ, — и драма эта, сыгранная впервые 2 января 1775 г., заслужила самый лестный пріемъ московской публики, которая, съ слезами восторга, рукоплескала даже такому монологу Дона-Гастона, пустынника, лежащаго на камнѣ близь пещеры: «О праведное небо! едва душа моя успокоилась, и чувства мои многими злоключеніями удрученныя, отъ бремени печалей свобождаться начали, оныя раны отворяются въ сердцѣ моемъ! Долгое время лежащій на семъ хладномъ камени, часто самъ я неодушевленному сему веществу уподоблялся, былъ недвижимъ, и мои горести въ душѣ моей сдѣлались окамененны» и

проч. — или слѣдующей тирадѣ Зеиды, дочери Гастоновой: «Укрѣпилась я, мой другъ! И сердце мое симъ свиданіемъ излеченно. (Воздѣвъ руки на небо) Праведное небо! Коль непостижимы твои судьбы! Изъ смерти прихожу къ жизни, изъ несчастія въ благоденствіе» и проч. и проч. — Въ томъ же 1775 г. Херасковъ вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, продолжая писать *Россіаду*, въ видѣ отдыха или развлеченія производилъ то трагедію *Идолопоклонники* или *Гориславъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, то мелодраму *Милана*, въ 2 дѣйствіяхъ, съ пѣснями, въ родѣ слѣдующей:

Громы разите,
Молнія жги!
Мщенія ждите,
Злые враги!
Нѣтъ, не прекрасна
Милана теперь;
Ты мнѣ ужасна
Зришься, какъ звѣрь и проч.

Въ 1778 г. Херасковъ снова поступилъ на службу и опредѣленъ вторымъ по В. Е. Ададуровѣ кураторомъ московскаго университета, а въ 1779 г. онъ, наконецъ, издалъ *Россіаду*, поэму въ 12 пѣсняхъ, свой извѣстнѣйшій и важнѣйшій трудъ, о которомъ однако самъ авторъ, по свидѣтельству А. Ѳ. Мерзлякова, «часто говаривалъ, что поэма его есть ранній плодъ на языкѣ россійскомъ; но что богатство и выразительность сего самаго языка и величіе подвиговъ русскихъ увлекли его; что поэма его не можетъ быть единственною въ Россіи, но онъ утѣшается и тѣмъ, что она научитъ кого нибудь изъ его послѣдователей сдѣлать лучшую». — Въ свое время, *Россіада*, какъ извѣстно, производила сильное впечатлѣніе и каждый образованный русскій, зная наизусть ея пресловутое начало:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть Татаръ, и гордость униженну,
Движенье ратное, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань...

конечно, умилялся монологомъ царицы Анастасіи, говорящей своему вѣнценосному супругу:

Когда же лютый сей походъ уже положенъ
И въ брань идти отказъ Монарху не возможенъ,
Такъ пусть единою мы правимся судьбой:
И сына и меня возьми, мой Царь, съ тобой;
Съ тобою будетъ трудъ спокойства мнѣ дороже:
Я камни и пески почту за брачно ложе —

и хорошо помнилъ слѣдующій отвѣтъ царя царицѣ:

. . . . Возлюбленна моя!
О ты, которую чту не меньше жизни я!
Къ тебѣ я узами сердечными привязанъ;
Но прежде былъ еще отечеству обязанъ
И только сталъ во свѣтъ наслѣдникомъ рожденъ,
По званію сему ужъ былъ предубѣжденъ
Въ народномъ щастіи мое блаженство числить
И, собственность забывъ, о благѣ общемъ мыслить,
Душевны слабости и нѣги отметать,
Во подданныхъ друзей и ближнихъ почитать —
Вотъ должность царская.... о вѣрная супруга!
Мой первый есть законъ Отечеству услуга;
Не отторгай меня отъ бремени сего,
Которо свято есть для сердца моего.
Когда, любя тебя, мой долгъ я позабуду
Супругъ и царь тогда достойной я не буду.—

«*Въ Россіядѣ* — говоритъ одинъ изъ позднѣйшихъ хвалителей Хераскова—соблюдено все, входящее въ составъ поэмы: величіе предмета, важность подробностей, къ нему относящихся, искуство въ расположеніи частей, удачные переходы отъ одной мысли къ другой, занимательность повѣствованія, сцены пріятныя и ужасныя, въ пристойныхъ мѣстахъ помѣщенныя». Отзывъ не менѣе выгодный, но болѣе ученый, сохранился въ обширномъ разборѣ *Россіады*, сдѣланномъ А. Ѳ. Мерзляковымъ и напечатанномъ въ журналѣ *Амвонъ* 1815 г. — Прославленный *Россіадою*, Херасковъ, въ томъ же 1779 г., издалъ въ Москвѣ первое собраніе всѣхъ своихъ сочиненій и, какъ кажется, около того же времени, присоединился къ обществу московскихъ масоновъ-розенкрейцеровъ, въ кругу которыхъ онъ пользовался большимъ значеніемъ и, подъ этимъ новымъ вліяніемъ, написалъ свою новую поэму *Владиміръ возрожденный*, въ 18 пѣсняхъ, напечатанную въ 1785 г. Литературная извѣстность Хераскова возрастала нераздѣльно съ его служебными повышеніями: въ 1786 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 2 класса, а 28 іюня 1787 г., по случаю празднованія въ Москвѣ 25-ти-лѣтія царствованія имп. Екатерины II, былъ представленъ на московской сценѣ, въ высочайшемъ присутствіи, прологъ съ хорами: *Счастливая Россія или 25-ти лѣтній юбилей*, соч. Хераскова, музыка придворнаго капельмейстера Булана,—спектакль, украшенный великолѣпными декораціями и доставившій автору пролога драгоцѣнный подарокъ отъ императрицы. Въ томъ же 1787 г. Херасковъ приступилъ ко второму изданію всѣхъ своихъ сочиненій, число которыхъ не замедлило увеличиться прозаическою повѣстью *Кадмъ и Гармонія*, напечатанной, въ 2 частяхъ, уже въ 1789 г., а разобранной Карамзинымъ — и къ выгодѣ автора — не ранѣе, какъ въ 1791 г., когда Херасковъ, тщательный до щепетильности въ обработкѣ всѣхъ своихъ произведеній, передѣлывалъ *Владиміра*, прибавляя къ нему *десять* пѣсней новыхъ. А такъ какъ незадолго до того, т. е. въ 1780-хъ гг-хъ, Хераскову удалось поставить на сцену полу-забытую свою трагедію *Венеціанская монахиня* и видѣть, что москвичи, восхищенные игрою М С. Синявской (впослѣдствіи Сахаровой) въ роли Занеты (монахиня), плакали на взрыдъ при произнесеніи послѣднею многихъ стиховъ, напр:

Въ моей крови горитъ любовь,
О силы вышнія! Вы подкрѣпите,
Подайте помощь мнѣ!

или

Спокойствіе мнѣ въ душу вѣра льетъ;
А сердце въ трепетѣ покою не даетъ!
Страсть съ вѣрой борется!..

то Херасковъ, задумавъ попотчивать московскую публику почти дословною передачей на русскомъ языкѣ извѣстнѣйшихъ французскихъ трагедій Корнеля, Вольтера, а за ними, быть можетъ, и другихъ, — не замедлилъ воспроизвести Корнелева *Сида* и Вольтерова *Юліана отступника*, обоихъ въ видѣ трагедій, въ стихахъ, но скоро же былъ сконфуженъ паденіемъ ихъ на сценѣ, вслѣдствіе чего и самъ упалъ духомъ. Даже его жена, Елизавета Васильевна, наименованная въ «Опытѣ Историческаго Словаря» Новикова русскою де-Сюзою, стала на сторону критиковъ своего супруга и, какъ свидѣтельствуетъ современникъ, приговаривала: «Зачѣмъ браться не за свое? Никакой прононсіи нѣтъ—и вздумалъ еще переводить величайшихъ французскихъ классиковъ!» Но, привыкнувъ къ дѣятельности лите-

ратурной Херасковъ уже не могъ оторваться отъ нее и въ 1793 г. онъ, 60-ти-лѣтній старикъ, изготовилъ и напечаталъ оду *на случай присоединенія къ россійской Имперіи отъ Польши областей*, въ которой строфа о екатерининомъ наказѣ казалась Карамзину «прекрасною»; въ 1794 г. издалъ героическую повѣсть *Полидоръ сынъ Кадма и Гармоніи*, въ 3 частяхъ; въ 1795 г. сочинилъ еще поэму *Пилигримы или искатели щастія*, въ 6 пѣсняхъ, а въ 1796 г. былъ произведенъ въ тайные совѣтники и сталъ готовить новое, третье, изданіе своихъ сочиненій, въ 14 частяхъ, дополненное драмами: *Школа добродѣтели*, въ 5 дѣйствіяхъ, *Извинительная ревность*, въ 3 дѣйствіяхъ, и новою передѣлкою поэмы *Владиміръ*. Въ томъ же 1796 г. воцарился имп. Павелъ I — и Херасковъ, взявшись, на старости лѣтъ, за новый трудъ, произвелъ новую трагедію: *Освобожденная Москва*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, которая, бывъ впервые разыграна на московской сценѣ 18 января 1798 г., имѣла успѣхъ неожиданный, зависѣвшій какъ отъ превосходнаго исполненія ролей тогдашними сценическими знаменитостями Плавильщиковымъ, Померанцовымъ, Шушеринымъ, такъ и отъ удачнаго изложенія нѣкоторыхъ стиховъ, особенно нравившихся публикѣ, напримѣръ:

Не мелочи въ войнѣ должны мы замѣчать:
Россія въ крайности — идемъ ее спасать!

или:

Порода знатная, безъ добрыхъ дѣлъ, ничто!
Тотъ въ мірѣ знаменитъ, полезенъ царству кто!

Впослѣдствіи, Херасковъ прибавилъ къ этой трагедіи особый заключительный хоръ:

Да царь нашъ и его потомки
Во свѣтѣ славой будутъ громки!
Романовыхъ въ Россіи родъ
Да въ вѣкъ на тронѣ утвердится,
Какъ солнце свѣтло да явится
И полонъ, какъ пучина водъ!—

хоръ, особенно нравившійся имп. Павлу, который, пожаловалъ Хераскову драгоцѣнный подарокъ и — по свидѣтельству современника — «всякій разъ, когда изволилъ быть въ театрѣ, по исполненіи помянутаго хора, говаривалъ: *спасибо, спасибо старику*!». — Пожалованный въ 1799 г. орденомъ св. Анны 1 класса и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Херасковъ, въ 1800 г. издалъ поэму *Царь или спасенный Новгородъ*, въ 7 пѣсняхъ, а въ 1801 г. уже оплакалъ своего благодѣтеля, имп. Павла, и, по обычаю того времени, привѣтствовалъ новаго императора торжественною одою, извѣстною слѣдующимъ превосходнымъ началомъ:

Какъ лебедь на водахъ Меандра
Поетъ послѣдню пѣснь свою,
Такъ я монарха Александра
При старости моей пою.

Съ преобразованіемъ московскаго университета въ 1802 г., Херасковъ получилъ увольненіе отъ должности куратора и, находясь въ отставкѣ, занялся русскими сказками, изъ которыхъ онъ почерпнулъ и, не далѣе какъ въ 1803 г., издалъ поэму *Бахаріана или Неизвѣстный*, въ 14 пѣсняхъ, писанныхъ разными размѣрами. Самымъ послѣднимъ трудомъ Хераскова была трагедія: *Раздѣленная Россія или Зареида и Ростиславъ*, сочиненная на академическую премію въ 500 рублей, но увѣнчанная Академіею уже по смерти автора. Херасковъ умеръ 27 сентября 1807 г., въ Москвѣ, на 74 г. жизни, всецѣло посвященной труду литературному. Тѣло творца *Россіады* погребено на кладбищѣ московскаго донскаго монастыря, гдѣ надъ нимъ воздвигнутъ памятникъ, съ слѣдующею надписью, сочиненной Вл. Измайловымъ:

Здѣсь прахъ Хераскова. Скорбящая супруга
Чувствительной слезой приноситъ дань ему;
Съ ней Музы платятъ долгъ любимцу своему:
Имъ важенъ даръ пѣвца — мила ей память друга.

М. М. Херасковъ, по свидѣтельству знавшихъ его лично, былъ нрава кроткаго, незлобиваго, въ своей семьѣ отличался отмѣнною любезностью; въ короткомъ обществѣ любилъ шутить замысловато и остроумно; разговорившись, становился увлекательнымъ, но, при появленіи новаго лица, умолкалъ и нахмуривался; жизнь велъ всегда чрезвычайно регулярную; аккуратность во всемъ доводилъ до крайностей, имѣя, напр., положенное время на то, когда выпить стаканъ воды; трудился много; сочиняя, обыкновенно ходилъ скорыми шагами, останавливался среди комнаты и громко разговаривалъ самъ съ собою; свободное время дѣлилъ съ любимымъ мопсомъ; поклоняясь женской красотѣ, часто плѣнялся пригожими лицами; имѣлъ много странностей, напр. собравшись гулять, надѣвалъ шапку еще у себя въ кабинетѣ и такъ проходилъ по всѣмъ комнатамъ, а гуляя, колотилъ палкою по назначеннымъ заранѣе деревьямъ и непремѣнно дѣлалъ это въ кадансъ, опредѣленное число разъ; въ постелю ложился не просто, но бросался стремглавъ и тотчасъ же на-глухо закутывался въ одѣяло, чтобы снова открыться нѣсколько разъ; бѣлье надѣвалъ не какъ всѣ, но требовалъ, чтобъ камердинеръ, бросая рубашку, попадалъ ему прямо на голову — и сердился, когда это дѣлалось не съ надлежащей ловкостью; картъ не терпѣлъ, но забавляясь въ дураки, или тентере, выходилъ изъ себя если проигрывалъ и проч. — «Къ особливой похвалѣ Хераскова — добавляетъ одинъ изъ его панегиристовъ — надобно сказать, что онъ читалъ все, что только могъ читать, и всѣмъ умѣлъ пользоваться; ловилъ, такъ сказать, каждую минуту, чтобъ она не ушла, не сообщивъ ему новыхъ понятій... Сіе занятіе или, лучше сказать, сія страсть составляла единственное удовольствіе, самую пріятную пищу для души его. Знаніе иностранныхъ языковъ познакомило его съ Гомеромъ и Виргиліемъ, съ Виландомъ и Расиномъ, а сношеніе съ древними и новыми учеными мужами сблизило съ ихъ творческимъ геніемъ». — Новѣйшая критика разумѣетъ Хераскова нѣсколько иначе. По ея мнѣнію, Херасковъ, авторъ *Россіады* и *Владиміра*, «былъ угрюмый и самолюбивый педантъ, смотрѣвшій на искуство какъ-то печально и сумрачно, работавшій педантически, съ усиліемъ, безпрерывно помогавшій своему воображенію посредствомъ мысли и внѣ Лагарпа невидавшій спасенія искуству». Еслибъ даже это и было такъ, исторія русской литературы всегда будетъ знать творца *Россіады и Владиміра*, независимо отъ его личныхъ достоинствъ и недостатковъ, человѣкомъ близкимъ такимъ людямъ каковы были: А. П. Сумароковъ, Д. И. Фонвизинъ, И. Ѳ. Богдановичъ, Н. М. Карамзинъ, Г. Р. Державинъ, И. П. Тургеневъ, И. В. Лопухинъ, И. П. Елагинъ, Я. И. Булгаковъ, наконецъ, кн. М. Л. Кутузовъ-Смоленскій и кн. В. М. Долгорукій-Крымскій, а исторія русскаго просвѣщенія не забудетъ, что благородный пансіонъ при московскомъ университетѣ, основанный въ 1779 г.,

обязанъ своимъ существованіемъ тому же Хераскову, о которомъ одинъ изъ русскихъ поэтовъ сказалъ:

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ,—
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его прикроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ!

ДЕРЖАВИНЪ, Гавріилъ Романовичъ, русскій писатель. Принадлежалъ къ потомству мурзы Большой Орды Багрима, прозваніемъ Держава, выѣхавшаго въ Русь при вел. кн. Василіѣ Темномъ (1425—1462) и родился 3 іюля 1743 г., въ Казани, отъ брака премьеръ-маіора Романа Николаевича Державина съ дочерью ротмистра Өеклой Андреевной Козловой, по первому мужу Гориной. Въ первые дни жизни, Державинъ, какъ самъ онъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», «былъ весьма малъ, слабъ и сухъ, такъ что, по тогдашнему въ томъ краю непросвѣщенію и обычаю народному, должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности».—Этотъ способъ, какъ видно, удался и—по свидѣтельству тѣхъ же «Записокъ»—въ 1744 г., когда явилась большая комета, съ длиннымъ хвостомъ и шестью загнутыми лучами «то, при первомъ на нее воззрѣніи, младенецъ, указывая на нее перстомъ, первое слово выговорилъ: *Богъ!*». —«Два сіи происшествія — примѣчаетъ тутъ же самъ Державинъ — были правда, и можетъ быть Провидѣніемъ предсказано чрезъ нихъ было, первымъ: (т. е. что запекали въ хлѣбъ) трудной путь его жизни, что перешолъ, такъ сказать, чрезъ огонь и воду; вторымъ: что напишетъ оду *Богъ*, которая отъ всѣхъ похваляется».—Обстоятельство съ кометою происходило уже въ г. Яранскѣ, куда отецъ Державина былъ командированъ на слѣдствіе и гдѣ, въ 1745 г., родился ему другой сынъ, Андрей, немедленно ставшій любимцемъ матери, между тѣмъ какъ отецъ предпочиталъ старшаго ребенка, начинавшаго выказывать «остроту и расторопность». Но отвлекаемый службою, снова переселившею семейство Державиныхъ въ г. Ставрополь (симбирск. губ.), отецъ будущаго поэта не могъ самъ заниматься дѣтьми—и эту обязанность приняла на себя мать, «которая, по свидѣтельству митрополита Евгенія (Болховитинова), друга поэта Державина — сама выучила ихъ грамотѣ и всегда заохочивала разными приманками къ чтенію книгъ, а болѣе духовныхъ». Бойко читая уже на четвертомъ году возраста, будущій поэтъ вскорѣ переѣхалъ съ родителями въ Оренбургъ, гдѣ, въ 1750 г., онъ, какъ семи-лѣтній отрокъ, былъ явленъ на первый смотръ мѣстному губернатору Ив. Ив. Неплюеву и тогда же отданъ «для наученія» къ ссыльно-каторжному нѣмцу Іосифу Розе. «Сей наставникъ — повѣствуетъ самъ Державинъ,—кромѣ того, что нравовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже грамматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей твердженію наизусть вокаболъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ, его, Розы, рукою прекрасно однако писанныхъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, посредствомъ таковаго ученія, разумѣлъ уже здѣсь упомянутый питомецъ по-нѣмецки читать, писать и говорить, и какъ имѣлъ чрезвычайную къ наукамъ склонность, занимаясь, между уроковъ, денно и нощно рисованію, но какъ не имѣлъ не токмо учителей, но и хорошихъ рисунковъ, то довольствовался изображеніемъ богатырей, каковые деревянной печати въ Москвѣ на Спасскомъ мосту продаются, раскрашивая ихъ чернилами, простою и жженою вохрою, такъ что всѣ стѣны его комнаты были оными убиты и уклѣены».—Въ 1754 г. отецъ Державина, получивъ отставку, повезъ старшаго сына въ Москву, съ цѣлью записать его тамъ въ кадетскій корпусъ или артиллерію; но такъ какъ это надо было дѣлать въ Петербургѣ, а ѣхать туда не хватало средствъ, то Державины возвратились домой, гдѣ отецъ поэта, въ ноябрѣ того же 1754 г., умеръ—«и тѣмъ самымъ—замѣчается въ «Запискахъ» поэта—пресѣклись желанія отца и сына, чтобы быть послѣднему въ такихъ командахъ, гдѣ бы чему нибудь ему научиться можно было».—Оставшись вдовою, «въ сиротствѣ и бѣдности», мать Державиныхъ пріѣхала, съ разными тяжбами, въ Казань, гдѣ однако «не забывала о воспитаніи дѣтей своихъ, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только возможно было имъ доставить, а для того отдала ихъ въ наученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей ариѳметики и геометріи, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдущи, ибо какъ Розе училъ нѣмецкому языку безъ грамматики, такъ и они ариѳметикѣ и геометріи безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ ариѳметикѣ первыми пятью частями, а въ геометріи черченію фигуръ, не имѣя понятія, что и для чего надлежитъ». Съ открытіемъ, въ 1758 г., казанской гимназіи, бывшей въ вѣденіи московскаго университета и подъ дирекціей ассесора Мих. Ив. Веревкина, братья Державины поступили въ число гимназистовъ, съ которыми начали обучаться: языкамъ латинскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію. «Болѣе жъ всего—разсказываетъ самъ Державинъ — старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько нибудь, по грамматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ, что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи». — Успѣвая въ наукахъ, особенно «до воображенія касающихся», будущій поэтъ не оставлялъ страсти къ рисованію и былъ въ числѣ избранныхъ, которымъ, въ 1759 г., директоръ Веревкинъ приказалъ начертить геометрію и скопировать карты казанской губерніи, для представленія той и другихъ главному куратору московскаго университета Ив. Ив. Шувалову. Вмѣстѣ съ этимъ, по свидѣтельству «Записокъ» Ив. Ив. Дмитріева, Веревкинъ представилъ Шувалову и портретъ имп. Елизаветы, простымъ перомъ, снятый Державинымъ съ гравированнаго эстампа. Тамъ же, въ Петербургѣ, Веревкинъ записалъ Державина въ инженерный корпусъ кондукторомъ и, по возвращеніи въ Казань, уже въ 1760, велѣлъ Державину носить инженерный мундиръ и взялъ его съ собою въ г. Чебоксары, какъ главнаго помощника при снятіи городскаго плана, а въ 1761 г. поручилъ ему начертить планъ, срисовать виды и скопировать надписи древняго, лежащаго въ развалинахъ, города Болгаръ. Но, къ удивленію Державина, въ началѣ 1762 г. получилось въ Казани предписаніе—явиться ему въ преображенскій полкъ, отъ котораго былъ онъ уволенъ, для окончанія наукъ, еще въ 1760 г., и

увольненіе это, почему-то, залежалось въ полковой канцеляріи безъ отправленія по адресу. Не зная, что дѣлать, Державинъ, хотя и считавшій себя кондукторомъ инженернаго корпуса, въ февралѣ 1762 г. оставилъ Казань и, по прибытіи въ Петербургъ, явился въ преображенскій полкъ, гдѣ немедленно записанъ рядовымъ въ третью роту, капитаномъ которой числился тогда фельдмаршалъ кн. Н. Ю. Трубецкій.—Поставленный въ положеніе совершенно новое, Державинъ скоро выучился мастерски выкидывать артикулъ, былъ введенъ къ И. И. Шувалову, познакомился съ извѣстнымъ граверомъ Чемесовымъ, полюбился товарищамъ-солдатамъ, которые не замедлили выбрать его своимъ артельщикомъ, и уже готовился быть произведеннымъ въ офицеры голштинскаго отряда императорско-русскихъ войскъ, о чемъ особенно хлопоталъ пасторъ Гольтергофъ, ласкавшій Державина за знаніе послѣднимъ нѣмецкаго языка. Но, среди хлопотъ Гольтергофа, произошелъ извѣстный переворотъ 28 іюня 1762 г.—и Державинъ, участникъ похода Екатерины къ Петергофу, одинъ, въ кибиткѣ, подъ видомъ отпуска, поѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ видѣлъ коронованіе новой самодержицы и стаивалъ въ обычныхъ караулахъ у ея особы, при чемъ однажды, ночью, едва не замерзъ у головинскаго дворца, а 28 іюня 1763 г., былъ произведенъ въ капралы. Уволенный затѣмъ въ отпускъ къ матери, Державинъ, по ея приказанію, объѣзжалъ родительскія деревни—и въ оренбургской губерніи, на дорогѣ въ Сорочинскую крѣпость, опять едва не погибъ отъ кабана, который уже бросился на поэта и сильно ранилъ его въ ногу, но заплатилъ жизнію за свою дерзость. По возвращеніи изъ отпуска, Державинъ, какъ прежде, жилъ въ казармахъ, но «упражняясь тихонько отъ товарищей въ чтеніяхъ книгъ и кропаніи стиховъ, стараясь научиться стихотворству изъ книги «О поэзіи», сочиненной господиномъ Третьяковскимъ и изъ прочихъ авторовъ, какъ-то: гг. Ломоносова и Сумарокова». Что касается цезуры—или «раздѣленія александрійскаго ямбическаго стиха на двѣ половины» —, Державинъ учился ей въ произведеніяхъ кн. Козловскаго, преображенскаго офицера, уважаемаго имъ преимущественно за «легкость слога». Первымъ стихотворнымъ опытомъ самаго Державина было переложеніе въ риѳмы площадныхъ прибасковъ на счетъ каждаго гвардейскаго полка, кромѣ чего, онъ «въ сіе время написалъ стансы или пѣсенку похвальную *Наташѣ*, одной прекрасной солдатской дочери, въ сосѣдствѣ въ казармахъ жившей». Стяжавъ, за эту пѣсенку, похвалу товарищей, Державинъ пробовалъ перелагать въ стихи начало «Телемака» и, между тѣмъ, несъ фронтовую капральную службу, какъ въ дворцовыхъ караулахъ, гдѣ онъ, въ 1764 г., ночью, чуть не провалился изъ верхняго этажа въ нижній, такъ и въ 1765 г., когда имп. Екатерина лично производила маневры гвардейскимъ полкамъ въ «узорочномъ» лагерѣ подъ Краснымъ селомъ. Очевидецъ знаменитаго каруселя, даннаго въ Петербургѣ 14 іюля 1766 г., Державинъ, около того же времени, былъ повышенъ изъ капраловъ въ фурьеры и, осенью, по случаю готовившагося «шествія» императрицы изъ Петербурга въ Москву, командированъ, въ числѣ прочихъ, на ямскую подставу въ с. Яжелбицы. Здѣсь Державинъ всю зиму игралъ въ карты и вообще кутилъ вмѣстѣ съ своимъ командиромъ, подпоручикомъ Лутовиновымъ, но здѣсь же, произведенный въ каптенармусы, онъ впервые написалъ правильными ямбическими гекзаметрами стихотвореніе: *На проѣздъ императрицы черезъ р. Мохость*,—не дошедшее къ потомству.—1 января 1767 г. Державинъ сдѣланъ сержантомъ, потомъ причисленъ къ коммиссіи новаго уложенія «сочинителемъ» и, весною, уволенъ въ отпускъ къ матери въ Казань и Оренбургъ, откуда онъ вывезъ съ собой своего брата, но немедленно отправилъ его въ Петербургъ, а самъ остался въ Москвѣ, гдѣ слишкомъ два года провелъ въ праздности, за картами и кутежемъ, «марая» иногда стихи и отсрочивая, съ помощью полковыхъ благопріятелей, свой длинный отпускъ. Въ этотъ промежутокъ времени, Державинымъ, уже читавшимъ Геллерта и Гагедорна, были написаны—сохранившіяся до сихъ поръ — стихотворенія: въ 1767 г. — *На шествіе императрицы въ Казань*; *На маскарадъ, бывшій передъ императрицей въ Казани*; *Ода Екатеринѣ II*; *На поднесеніе депутатами ея величеству титла Екатерины Великой*; въ 1768 г.—*Вывѣска*; *На Сороку въ защищеніе Кукушекъ*, обѣ пьесы—эпиграммы на извѣстнаго А. П. Сумарокова, тогда ссорившагося съ московскими властями; въ 1769 г., если еще не ранѣе,—нѣкоторыя изъ *тринадцати* мелкихъ пьесъ, отнесенныхъ въ академическомъ изданіи «Сочиненій Державина» къ *неизвѣстнымъ* годамъ періода 1762—1778 г. По духу, изъ этихъ послѣднихъ пьесъ, московскимъ кутежемъ Державина отзываются особенно двѣ: *На гробъ Бодряги*:

Бодряга капитанъ подъ камнемъ симъ лежитъ.
Въ сраженьяхъ онъ бывалъ,—въ трактирѣ онъ убитъ.—

и *Открытіе*:

Какой-то бѣшеный по улицѣ бѣжалъ,
И мочи что въ немъ есть; горитъ! горитъ! кричалъ.
Тутъ выбѣжалъ старикъ съ прекрасною женою:
«Гдѣ, что» кричалъ, «горитъ? что сдѣлалось со мною?»
Тутъ бѣшеный такой сказалъ ему отвѣтъ:
Ахъ нѣтъ!
Не твой пылаетъ домъ,—сердечушко во мнѣ
По душечкѣ горитъ,—твоей горитъ женѣ!

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы, уже въ 1770 г., Державинъ написалъ еще два стихотворенія: *На случай разломки московскаго Кремля для построенія новаго дворца* и *Раскаяніе*, оставшееся въ рукописи съ помѣтой автора: «исправить», а въ мартѣ 1770 г. Державинъ отправился въ Петербургъ, подъѣзжая къ которому, въ карантинѣ, устроенномъ по случаю распространявшагося тогда мороваго повѣтрія, онъ сжегъ всѣ свои первоначальныя произведенія, какъ то: переводы съ нѣмецкаго языка и оригинальныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ. «Хороши ли они, или дурны были (замѣчаетъ самъ Державинъ), того теперь сказать не можно; но изъ близкихъ его пріятелей кто читалъ, а особливо *Христіанина въ уединеніи*, *Захарія*, весьма хвалили».—Прибывъ въ Петербургъ, къ полку, «съ однимъ рублемъ, благословеніемъ матери», Державинъ нашелъ своего брата въ чахоткѣ, выхлопоталъ ему отпускъ въ Казань (гдѣ младшій Державинъ и умеръ въ томъ же году), а самъ принялся играть въ карты, на этотъ разъ счастливо; съ успѣхомъ сочинялъ письма и просьбы другимъ, чѣмъ пріобрѣлъ себѣ уваженіе многихъ; наконецъ, не покидалъ своей развивающейся Музы, плодомъ которой, въ 1770 году, были стихотворенія: *Объявленіе любви*, *Пламидѣ*, *Всемилѣ*, *Нинѣ*—вещицы не замѣчательныя, любовнаго содержанія.—Назначенный, въ 1771 г., фельдфебелемъ 16-й роты преображенскаго полка, Державинъ отправлялъ эту должность «въ самой ея точности и исправности», благополучно, къ удовольствію своего капитана, плохаго знатока фронтовой службы, отбылъ

лагерную стоянку подъ Краснымъ кабачкомъ и, возвратясь въ городъ, съ такимъ усердіемъ занимался ротой, что отъ 1771 г. осталось только одно стихотвореньице Державина, въ восемь строкъ, *На Петергофъ* —

Гдѣ спорятъ межъ собой искуство и природа
Въ лѣсахъ, въ цвѣтахъ, въ водахъ, въ небесномъ блескѣ свода.

1 января 1772 г. сержантъ Державинъ былъ пожалованъ прапорщикомъ въ ту же роту, гдѣ служилъ фельдфебелемъ, съ грѣхомъ по-поламъ обмундировался матеріалами, повѣренными ему въ долгъ изъ полковаго цейхгауза, и принялся тянуть офицерскую лямку, но, какъ самъ пишетъ, «устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества, ибо имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою». Ни служба, ни любовныя шашни Державина, какъ прежде его московскій кутежъ, не мѣшали поэтическимъ вдохновеніямъ молодаго прапорщика — и въ 1772 г. были написаны Державинымъ стихотворенія: *Пени*, посланіе къ измѣнившему любовнику, по просьбѣ одной дамы; *На побѣды Екатерины II надъ Турками*, наконецъ, *Fragmentum*, въ которомъ, какъ кажется, авторъ усиливался изобразить весь ходъ борьбы христіанъ съ невѣрными. Въ 1773 г. Державинъ сочинилъ длинную оду: *На бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича съ Наталіею Алексѣевною*, отпразднованное 29 сентября, а два мѣсяца спустя, самъ напросился состоять при А. И. Бибиковѣ, котораго императрица посылала унять Пугачевщину, уже охватившую восточное Приволжье. Принятый Бибиковымъ, Державинъ не замедлилъ явить другую сторону своихъ дарованій — и донесъ новому начальнику, что нижніе чины такого-то гренадерскаго полка, какъ слышалъ онъ отъ своихъ же крестьянъ, сбираются положить оружіе передъ самозванцемъ, вслѣдствіе чего несчастные гренадеры, уже выступившіе изъ Петербурга, были слѣдимы, опрошены на дорогѣ и, разумѣется, пострадали, хотя вся ихъ вина основывалась только на подозрѣніяхъ. 25 декабря 1773 г. Державинъ пріѣхалъ за Бибиковымъ въ Казань, откуда 29 декабря посланъ въ Самару, уже посѣщенную бунтовщиками, явился туда 5 января 1774 г., былъ при изгнаніи мятежной сволочи изъ крѣп. Алексѣевской, ѣздилъ подъ Красный Яръ увѣщевать калмыковъ, которымъ оставилъ письмо, сообщенное въ копіи Бибикову, отъ него представленное императрицѣ и удостоенное, въ собственноручномъ ея отвѣтѣ, высочайшей апробаціи, — но, къ сожалѣнію, не сохранившееся, хотя, быть можетъ, оно, главнымъ образомъ, первоначально зарекомендовало Державина Екатеринѣ. — Возвратившись въ Казань, Державинъ получилъ назначеніе вести общій алфавитъ сторонникамъ Пугачева, также входящій и исходящій журналы канцеляріи Бибикова; въ февралѣ 1774 г. сочинилъ *Рѣчь*, произнесенную въ торжественномъ собраніи казанскаго дворянства, по случаю извѣстія, что императрица благоволила объявить себя казанскою помѣщицею; а въ мартѣ — снова посланъ изъ Казани въ с. Малыковку (нынче г. Вольскъ), откуда долженъ былъ наблюдать все пространство по теченію р. Иргиза и охранять саратовскія колоніи. Здѣсь, и въ поѣздкахъ отсюда къ Саратову, Сызрани и Симбирску, Державинъ, произведенный 28 іюня въ поручики гвардіи, провелъ слишкомъ годъ, надоѣдая раскольникамъ, гоняясь за Киргизъ-Кайсаками, вѣшая бѣдняковъ крестьянъ, увлеченныхъ въ мятежъ, ссорясь съ саратовскимъ комендантомъ Бошнякомъ, наконецъ, поступая, по смерти Бибикова, въ команду генераловъ: кн. Голицына, кн. Щербатова, Пав. Серг. Потемкина, П. И. Панина, — изъ которыхъ къ Державину, усердному, но строптивому и гордому не по чину, былъ расположенъ только кн. Голицынъ. Поэтическая дѣятельность Державина въ 1774 г., среди военныхъ тревогъ, выразилась едва ли не однимъ только стихотвореніемъ: *На смерть Бибикова*, потому что такъ-наз. *Читалагайскія оды*, въ число которыхъ включено невѣдомыми издателями и это стихотвореніе, были писаны Державинымъ скорѣе весною и лѣтомъ 1775 г., послѣ поимки Пугачева, когда Державинъ, дѣйствительно, жилъ безъ дѣла въ колоніяхъ и имя одной изъ нихъ, Шафгаузена, у горы Читалагая, даже оставилъ въ диктованныхъ имъ самимъ «Объясненіяхъ» къ его сочиненіямъ Во всякомъ случаѣ, стихотвореній Державина, слывущихъ *Читалагайскими одами*, издано, отдѣльной книжкой (уже въ 1776 г.), всего *восемь*, а именно: 1) *На ласкательство*; 2) *На порицаніе*; 3) *На постоянство*; 4) *Къ Мовтерпію*; 5) *На великость*; 6) *На знатность*; 7) *На смерть генералъ-аншефа Бибикова*; 8) *На день рожденія ея величества*. — Въ іюнѣ 1775 г. Державинъ уже спѣшилъ къ торжествованію турецкаго мира въ Москву и дорогою, видѣлъ у свіяжскаго воеводы записку кн. М. М. Щербатова, извѣстнаго историка, въ которой, между прочимъ, значилось: «Когда будетъ проѣзжать мимо васъ нѣкто гвардіи офицеръ Державинъ, находящійся теперь въ вашемъ краю, то скажите ему отъ меня, чтобъ увидѣлся со мною въ домѣ моемъ, когда пріѣдетъ въ Москву». — Эта загадка весьма выгодно предъобъяснялась самимъ Державинымъ, который, — въ увѣренности, что онъ помѣшалъ злодѣямъ пробраться къ Иргизу, т. е. во внутреннія провинціи, и защитилъ «единымъ своимъ лицомъ» колоніи, — считалъ себя въ правѣ ожидать наградъ, уже сыпавшихся на дѣятелей противъ Пугачева. Но, съ пріѣздомъ въ Москву, Державинъ, сухо принятый въ полку и даже наряженный строгимъ командиромъ на палочный караулъ не въ очередь, за мелкую фронтовую ошибку, не замедлилъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ и даже убѣдиться, что онъ забытъ. Къ тому же, домашнія дѣла его оказались весьма запутанными, а одну изъ одъ Державина на прибытіе императрицы въ Москву, гласно — и въ присутствіи самаго автора — порицалъ, за обѣдомъ у Херасковыхъ, И. П. Елагинъ, еще не знавшій Державина лично. Визитъ къ кн. Щербатову, тогда завѣдывавшему архивомъ императрицы, тоже не принесъ Державину почти ничего: почтенный историкъ, ласково принявъ поэта, сознался, что просто желалъ познакомиться съ составителемъ краснорѣчивыхъ реляцій о Пугачевщинѣ, во множествѣ сданныхъ къ нему въ архивъ. Наконецъ, и самый набѣгъ на преображенскаго подполковника Г. А. Потемкина, впослѣдствіи князя, занимавшаго тогда помѣщеніе въ крошечномъ черногрязскомъ дворцѣ, сопровождался только обѣщаніемъ награды, которой однако въ назначенный день, 6 августа, Державинъ не получилъ. Полный разочарованія, даже неудовольствія на свою служебную судьбу, Державинъ, въ сентябрѣ, ни съ чѣмъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, выигралъ въ карты до 40 тыс. рублей — и такимъ нежданнымъ поворотомъ фортуны закончилъ 1775 г., отмѣченный и въ поэтической дѣятельности Державина стихотвореніями: *Эпистола къ генералу Михельсону на защищеніе Казани*; *Молитва*; *На статую Петра Великаго*; *На изображеніе Петра*

Великаго; *На такое же изображеніе*; *На гробъ Петра Великаго*; *На болтуна*. — Въ 1776 г. гвардіи-поручикъ Державинъ, отстоявъ свои караулы въ Невскомъ монастырѣ, при тѣлѣ вел. кн. Натальи Алексѣевны, умершей 16 апрѣля, обратился съ просьбой по собственнымъ домашнимъ дѣламъ къ статсъ-секретарю и тогдашнему любимцу императрицы П. В. Завадовскому, впослѣдствіи графу, но тотъ, не принявъ просьбы, наговорилъ просителю множество грубостей, даже «выслалъ его отъ себя». Огорченный Державинъ, выхлопотавъ себѣ у полковаго начальства назначеніе въ команду, обыкновенно наряжавшуюся для содержанія лѣтнихъ дворцовыхъ карауловъ въ Петергофѣ, не далѣе какъ въ іюлѣ, подалъ, чрезъ статсъ-секретаря А. А. Безбородко, впослѣдствіи графа и князя, письмо императрицѣ, напечатанное цѣликомъ въ «Запискахъ Державина» изд. 1860. (см. с. 113—115). Письмо это имѣло тѣ послѣдствія, что Державина, чрезъ Безбородку же, велѣно спросить: какого награжденія онъ желаетъ? на что «сей—пишетъ о себѣ самъ Державинъ — отвѣчалъ, что не можетъ назначить и опредѣлять мѣры щедротъ всемилостивѣйшей государыни; но когда удостоена ея благоволенія его служба, то послѣ того уже ничего не желаетъ, и будетъ всѣмъ доволенъ, что ни будетъ ему пожаловано. Въ несомнѣнномъ чаяніи такого пожалованія, Державинъ, уже въ декабрѣ, былъ вызванъ самимъ Потемкинымъ, на категорическій вопросъ котораго: чего именно хочетъ? отвѣчалъ тоже, что было имъ сказано Безбородкѣ. Ободренный этимъ новымъ подтвержденіемъ своихъ ожиданій, онъ утѣшался новыми связями съ А. П. Мельгуновымъ, кн. А. И. Мещерскимъ, С. В. Перфильевымъ и др., въ кругу которыхъ создались слѣдующія стихотворенія Державина за 1776 г.: *На открытіе намѣстничествъ*; *Разлука*; *Петру Великому*; *Монументъ Петра Великаго*; *Пикники*; *Модное остроуміе*. Къ этому же 1776 г. относится первое отдѣльное изданіе трудовъ Державина, подъ названіемъ: ***Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ 1774 г.***, — маленькая книжка въ 38 стр., тиснутая безъ имени автора, безъ означенія года и мѣста печатанія. Произведенный, 1 января 1777 г., въ преображенскіе отъ-бомбардиръ поручики, что равнялось тогда чину гвардіи штабсъ-капитана, Державинъ, не далѣе какъ 15 февраля того же года, былъ переименованъ въ коллежскіе совѣтники, съ пожалованіемъ ему, за службу противъ Пугачева, 300 душъ въ Бѣлоруссіи. Очутясь, вовсе не по своему желанію, гражданскимъ чиновникомъ безъ мѣста, Державинъ, отъ нечего дѣлать, писалъ стихи, игралъ въ карты, даже былъ секундантомъ Окунева на дуэли его съ извѣстнымъ А. В. Храповицкимъ, окончившейся однако безъ крови, и только въ августѣ, по хорошему знакомству въ домѣ ген.-прокурора кн. А. А. Вяземскаго, получилъ назначеніе — быть экзекуторомъ 1 департамента правительствующаго сената. Къ числу стихотвореній, написанныхъ Державинымъ въ 1777 г., принадлежатъ: *Кружка*; *Эпистола И. И. Шувалову*; *На изображеніе Өеофана*; *На Кантеміра*; *На Поповскаго*; *На Лосенкова; На Чемесова*. Кромѣ того, нѣкоторыя извѣстія приписываютъ перу Державина тетрадку, безъимянно напечатанную въ 1777 г., подъ названіемъ: *Письмо къ императрицѣ или изліяніе благодарнаго сердца*. Наступившій 1778 г. ознаменовался важнымъ событіемъ въ жизни Державина: онъ влюбился въ Ек. Як. Бастидонову, 17-ти-лѣтнюю красавицу-дочь кормилицы вел. кн. Павла Петровича, который, по донесеніи ему объ этомъ обстоятельствѣ и предварительной помолвкѣ Державина, «ласково наединѣ принялъ въ кабинетѣ мать и зятя, обѣщавъ хорошее приданое, какъ скоро въ силахъ будетъ». Тогда послѣдовалъ настоящій сговоръ, послѣ котораго счастливый женихъ написалъ граціозное стихотвореніе *Невѣстѣ*, начинающееся строфою:

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю:
Какъ роза ты нѣжна, какъ ангелъ хороша;
Пріятна, какъ любовь; любезна, какъ душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

а оканчивающееся такимъ заключеніемъ:

Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того — кто нравится тебѣ;
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?

Отпраздновавъ свадьбу свою 18 апрѣля 1778 г., Державинъ, уже приближенный къ цесаревичу Павлу Петровичу, написалъ, къ 24 іюня, стихотвореніе: *На освященіе каменноостровскаго инвалиднаго дома*, напечатанное не ранѣе какъ по воцареніи Павла, а въ августѣ, онъ, съ женою, отправился къ матери въ Казань, оттуда ѣздилъ одинъ въ отцовскія деревни и, задержанный, на обратномъ пути, разливомъ Камы, мѣшавшимъ ему скорѣе увидѣть молодую жену, сочинилъ игривую *Пѣсенку отсутствующаго мужа*. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Державинъ, въ теченіе всего 1779 г. былъ занятъ возложенною на него перестройкою зданія сената, что однако не мѣшало ему бесѣдовать съ музой и произвесть нѣсколько новыхъ стихотвореній, а именно: *Пѣснь Екатеринѣ Великой*; *Къ портрету Ломоносова*; *При чтеніи описанія зимы въ Россіадѣ* (Хераскова) *во время жестокаго мороза 1779 г.*; *Успокоенное невѣріе*; *Ключъ*; *На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока*; *На смерть князя Мещерскаго*, — изъ которыхъ оды: *Успокоенное невѣріе* и *На смерть князя Мещерскаго*, напечатанныя: первая въ іюньской книжкѣ «Академическихъ Извѣстій», а вторая въ сентябрьской «С.-Петербургскаго Вѣстника» 1779 г., — пользуются заслуженною извѣстностью. При наступленіи 1780 г. Державинъ, по порученію жены своего начальника, княгиня Е. Н. Вяземской, изготовилъ стихотвореніе: *Письмо къ супругу въ Новый 1780 годъ*, богатое только общими мѣстами, да, пожалуй, біографическими данными; за то, присутствуя у пасхальной заутрени во дворцѣ, онъ впервые задумалъ оду *Богъ*, до фактическаго приступа къ которой, были написаны имъ, въ теченіе этаго же года, стихотворенія: *На отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію*; *Къ первому сосѣду* (М. С. Голикову); *Счастливое семейство* (А. А. и А. Ө. Ржевскихъ); *На загородный домъ сенатора Николая Ивановича Чичерина*; *Властителямъ и судіямъ*—знаменитая ода, имѣвшая, въ качествѣ преложенія псалма 81-го, нѣсколько редакцій и долго не пропускаемая въ печать цензурой. — Перечисленный, въ декабрѣ 1780 г., экзекуторомъ II отдѣленія новообразованной экспедиціи государственныхъ доходовъ, Державинъ встрѣтилъ 1781 г. стихотвореніемъ: *На новый годъ*, потомъ, въ теченіе того же года, написалъ оду *На выздоровленіе Мецената* (И. И. Шувалова), а въ 1782 г. получилъ, 28 іюня, чинъ статскаго совѣтника, и, кромѣ стихотвореній: *Разныя вина*; *Надпись къ портрету кн. Е. Н. Орловой*, создалъ оду *Фелица* — произведеніе, которое, прославивъ автора и

стяжавъ ему щедроты Екатерины, имъ тутъ воспѣтой, считалось въ свое время новымъ шагомъ въ русской стихотворной литературѣ и донынѣ остается однимъ изъ пышныхъ цвѣтковъ русской поэзіи. — Напечатанная уже въ 1783 г., въ 1-й книжкѣ «Собесѣдника любителей русскаго слова», изд. кн. Е. Р. Дашковой, ***Фелица*** тронула Екатерину до слезъ — и государыня, вложивъ въ кувертъ золотую, бриллiантами осыпанную, табакерку, съ 500 червонцевъ, написала на кувертѣ: «Изъ Оренбурга, отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Мурзѣ» — и велѣла отнести все къ Державину. Получивъ эту посылку за обѣдомъ у кн. Вяземскаго, своего ближайшаго начальника, Державинъ тотчасъ же навлекъ на себя неудовольствіе князя, нерасположеннаго къ стихотворцамъ вообще, и уже не могъ не терпѣть гоненій, прямо относившихся къ его служебному положенію. Не смотря на это, Державинъ продолжалъ оставаться вѣрнымъ своей лирѣ — и, въ теченіе того же 1783 г., написалъ стихотворенія: ***Благодарность Фелицѣ; Видѣніе мурзы***, переведенное, какъ увидимъ ниже, прежде всего другаго, на нѣмецкій языкъ; ***Рѣшемыслу*** (кн. Потемкину), гдѣ Державинъ, въ видахъ устранить себя отъ нареканій въ лести сильному временщику, воздалъ всѣ хвалы той же Екатеринѣ, а самому Потемкину приписалъ качества, общія всѣмъ смертнымъ; ***Левъ и волкъ; Эпитафія мудрецу нынѣшняго вѣка; На увеселительный садъ, названный Капризомъ, княгини Елены Никитишны Вяземской, въ селѣ Александровскомъ.*** Но такъ какъ гоненія мужа этой княгини дѣлались невыносимыми поэту, Державинъ, встрѣтившій новый 1784 г. новою одою ***На пріобрѣтеніе Крыма***, рѣшилъ кинуть службу и, 15 февраля 1784 г., былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Тогда-то, подъ видомъ желанія осмотрѣть свои бѣлорусскія деревни, онъ, весною, выѣхалъ изъ Петербурга, но, остановившись инкогнито въ Нарвѣ, нанялъ квартиру со столомъ въ домѣ одной старушки и тутъ, въ нѣсколько дней, началъ и кончилъ знаменитую оду ***Богъ***, задуманную имъ еще въ 1780 г. и слишкомъ извѣстную всей читающей Россіи. Низложивъ въ этой одѣ, еще болѣе чѣмъ въ «Фелицѣ», тяжелыя правила лиризма, господствовавшія до того времени, Державинъ уже собрался ѣхать въ Казань, къ больной матери, и нашелъ призанять нужныя для поѣздки деньги; какъ вдругъ получилъ извѣщеніе Безбородки, что Государыня, указомъ 20 мая 1784 г., назначаетъ его, Державина, олонецкимъ губернаторомъ. Всегда внимательный къ собственному положенію вообще, Державинъ видѣлъ, что, какъ самъ онъ выражается, «многіе знатные люди его стихотворства не жалуютъ и даже его самаго за то гонятъ», а потому рѣшился, оставивъ перо, посвятить себя только службѣ. Съ этими мыслями, Державинъ все-таки поѣхалъ въ Казань, гдѣ онъ уже не засталъ въ живыхъ своей матери, а на обратномъ пути изъ Казани, чуть не потерялъ жену, сильно разбившую високъ отъ паденія кареты, и не ранѣе осени явился въ Петрозаводскъ, гдѣ только въ декабрѣ была открыта олонецкая губернія. Вѣрный своему рѣшенію, Державинъ, вмѣсто одъ и пѣсней, началъ писать длинныя изложенія *Объ устройствѣ провіантскихъ магазиновъ въ олонецкой губерніи для Лапландцевъ*, также *О системѣ канцелярскаго порядка, съ замѣчаніями на систему предложенную генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ* — и обширностію послѣднихъ, разумѣется, возстановилъ противъ себя Тутолмина, который бросился въ Петербургъ, къ кн. Вяземскому, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ затереть Державина. Но когда это не удалось Тутолмину, онъ, по возвращеніи изъ Петербурга, уже въ августѣ 1785 г., предписалъ Державину—который, 28 іюня, открылъ больницу въ г. Олонцѣ и, при этомъ случаѣ, произнесъ *Рѣчь* собственнаго сочиненія,—ѣхать въ архангельскую губернію и тамъ лично открыть городъ Кемь. Такое назначеніе, по мѣстнымъ условіямъ края, соединялось съ большою опасностью для самаго Державина, который однако пустился въ Кемь, открылъ городъ, но, на возвратномъ пути бѣломорскимъ заливомъ, въ шестивесельной рыбачьей лодкѣ, едва не утонулъ, захваченный сильнымъ шкваломъ. — Осенью же, по возвращеніи изъ Кеми, Державинъ получилъ назначеніе быть губернаторомъ въ Тамбовѣ — и, въ октябрѣ, выѣхалъ изъ Петрозаводска, оставивъ памятью своего здѣсь пребыванія и вмѣстѣ своей поэтической дѣятельности въ 1785 г. только оду: *Уповающему на свою силу* – разумѣется, съ намеками на Т. И. Тутолмина. —Губернаторство Державина въ Тамбовѣ, по своему времени, справедливо можетъ разумѣться передовымъ. Пріѣхавъ въ Тамбовъ въ апрѣлѣ 1786 г., Державинъ немедленно занялся свѣтскимъ образованіемъ города, старался соединить, по крайней мѣрѣ, высшій слой горожанъ въ одно дружеское общество, завелъ классы для юношества, выписалъ танцмейстеровъ и, 28 іюня, далъ городу блистательный праздникъ, имъ самимъ описанный и напечатанный подъ заглавіемъ: *Торжество восшествія на престолъ императрицы Екатерины, отправленное въ Тамбовѣ губернаторомъ Державинымъ, въ его домѣ, 28 іюня 1786 г.* Не останавливаясь на этомъ, Державинъ пригласилъ благородныхъ тамбовцевъ собираться къ нему, дважды въ недѣлю, на танцы и домашніе концерты; 22 сентября, по указу, открылъ въ Тамбовѣ народное училище и, по этому случаю, изготовилъ *Рѣчь*, имъ же приписанную однодворцу Захарьину; наконецъ, устроилъ въ губернаторскомъ домѣ благородный театръ, спектакли котораго начались 24 ноября 1786 г., представленіемъ Пролога, сочиненія самаго Державина: *На открытіе въ Тамбовѣ театра и народнаго училища*. Въ 1787 г. Державинъ присоединилъ къ народному училищу пѣвческій классъ, выписалъ механика для устройства сельскихъ машинъ и мельницъ, завелъ при губернскомъ правленіи типографію, въ которой напечаталъ свои труды: *Топографическое описаніе тамбовской губерніи, по исходящимъ изъ нея рѣкамъ во всю имперію*, а потомъ *Постановленіе для больницъ отъ приказа общественнаго призрѣнія*, и, по старой памяти, отдалъ дань Музамъ, написавъ, въ томъ же 1787 г., шуточную оду *Желаніе зимы*, адресованную однодворцу Захарьину. Имп. Екатерина, оцѣнивая труды тамбовскаго губернатора, прислала Державину орденъ св. Владиміра 3 класса. – Но вовсе не такъ смотрѣлъ на губернаторскіе труды Державина его ближайшій начальникъ, генералъ-губернаторъ Ив. Вас. Гудовичъ, впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ, который, какъ въ Олонцѣ Тутолминъ, не могъ извинить Державину его ума, достоинствъ и славы, а потому хотѣлъ видѣть въ его дѣйствіяхъ только усилія выказать себя, на счетъ другихъ, умникомъ — и соединился съ врагами Державина. Козни этихъ враговъ, группировавшихся около кн. Вяземскаго и подкрѣпляемыхъ случаемъ Завадовскаго, сдѣлали то, что, въ ноябрѣ 1788 г., Державинъ былъ удаленъ изъ Тамбова, съ повелѣніемъ разсмотрѣть его нелады съ Гудовичемъ въ 6 департаментѣ московскаго сената,

и въ декабрѣ уже пріѣхалъ въ Москву, ознаменовавъ свою поэтическую дѣятельность 1788 г. стихотвореніями: *На посѣщеніе въ Тамбовѣ типографіи епископомъ Ѳеофиломъ*; *На смерть графини Румянцевой* (матери Задунайскаго); *На отраженіе Шведовъ Грейгомъ; Осень во время осады Очакова* — надписью, такъ называемаго лапидарнаго слога; *На мраморную колонну, въ Красной Мызѣ Нарышкиныхъ.* — Обязанный лично защищать свое дѣло, Державинъ нашелъ въ Москвѣ только одного доброжелателя, гр. П. И. Панина, и на невольномъ досугѣ, писалъ одно за другимъ стихотворенія: *Побѣдителю* (кн. Потемкину), подражаніе псалму 90-му; *Величество Божіе*—преложеніе псалма 103; *На счастіе*, сатирическаго характера; *На гробъ Петра Ивановича Панина.* Когда же 6 департаментъ московскаго сената, разсмотрѣвъ тамбовское дѣло, оправдалъ Державина, Державинъ поспѣшилъ въ Петербургъ, 1 августа 1789 г. былъ представленъ статсъ-секретаремъ А. В. Храповицкимъ императрицѣ, имѣлъ откровенный разговоръ съ ея величествомъ, милостиво допущенъ къ рукѣ и, затѣмъ, проживая въ Петербургѣ безъ назначенія, въ томъ же 1789 г., окончилъ стихотворенія: *Философы пьяный и трезвый*; *Праведный судія*, по мысли псалма 100-го; *Истинное счастіе*, изъ псалма 1-го; *Изображеніе Фелицы*— знаменитая ода, внушенная автору благодарностью къ правосудію Екатерины; *Къ Евтерпѣ*, по случаю пляски, бывшей на мызѣ у И. И. Шувалова; *Кантата*, по случаю посѣщенія государыней каммеръ-фрейлины Протасовой; *На изображеніе Екатерины*, двѣ пьески, одна въ 6 строкъ, другая въ 4.— Въ 1790 г. Державинъ дружески сошелся съ И. И. Дмитріевымъ, тогда гвардейскимъ поручикомъ, а черезъ него познакомился съ молодымъ Н. М. Карамзинымъ, только что возвратившимся изъ Лондона, и, продолжая оставаться безъ назначенія, дѣлилъ свой досугъ съ сочувственниками по литературѣ, — каковы были: И. Ѳ. Богдановичъ, В. В. Капнистъ, Н. А. и Ѳ. П. Львовы, А. Н. Оленинъ, О. П. Козодавлевъ, П. А. Вельяминовъ (сочинитель между прочимъ народныхъ пѣсенъ)--при чемъ, и въ особенности, не забывалъ бесѣдовать съ Музою, доказательствомъ чего служатъ написанныя Державинымъ, въ 1790 г. стихотворенія: *На шведскій миръ*; *Хоръ на шведскій миръ; На перенесеніе мощей св. Александра Невскаго въ новопостроенную церковь митрополитомъ Гавріиломъ; На мраморное изображеніе митрополита* (Гавріила) *по повелѣнію императрицы Екатерины II; На коварство французскаго возмущенія и въ честь князя Пожарскаго*— длинная ода, нѣсколько разъ передѣланная авторомъ и приноровленная къ тогдашнимъ политическимъ событіямъ, а также направленная противъ враговъ автора; *Къ портрету княгини Екатерины Романовны Дашковой, во время ея президентства въ Академіи Наукъ*; *Къ бюсту адмирала Василія Яковлевича Чичагова*; *Къ портрету адмирала Александра Ивановича Круза*; *На взятіе Измаила* -- извѣстная ода, за которую императрица пожаловала автору золотую, осыпанную бриллiантами, табакерку, цѣною въ 2 тыс. рублей.— Наступившій 1791 г. Державинъ встрѣтилъ одою: *Любителю художествъ* (гр. А. С. Строганову), потомъ написалъ четверостишіе: *Къ Софіи* (дочери гр. Строганова, помолвленной тогда за кн. Голицына) и, между перепискою, черезъ Дмитріева, съ Карамзинымъ, по поводу затѣяннаго послѣднимъ «Московскаго Журнала», принялся за *Описаніе потемкинскаго праздника въ таврическомъ дворцѣ*, прозой и стихами (хоры), дополненіемъ къ которому было стихотвореніе: *Анакреонъ въ счастіи*—намекъ на любовныя исканія кн. Потемкина. Не получивъ полнаго одобренія кн. Потемкина, который былъ недоволенъ отсутствіемъ личныхъ ему похвалъ въ прозаической части «Описанія», Державинъ снова настроилъ свою лиру и, хотя стѣсняемый веденіемъ дѣла по неправильному на него казенному начету (Зап. Держ. с. 309—311), въ томъ же 1791 г. сочинилъ и, частію, напечаталъ въ «Московскомъ Журналѣ» Карамзина, стихотворенія: *Прогулку въ Сарскомъ саду*; *Суворову-Рымникскому въ Роченсальмѣ изъ Царскаго Села; На медаліонъ, на которомъ представленъ Суворовъ въ львиной кожѣ*; *Памятникъ герою* (кн. Н. В. Репнину); *Ко второму сосѣду* (Горновскому); *На пророчество Симеона Полоцкаго и Дмитрія Ростовскаго при рожденіи Петра Великаго*; *Надпись къ портрету Екатерины II*; *Скромность*; *Водопадъ* — блистательная по своему началу, но слабая и напыщенная въ цѣломъ, ода на смерть кн. Потемкина.—Почти одновременно съ сочиненіемъ этой оды, Державинъ, неожиданно для него, получилъ высочайшее порученіе: изслѣдовать темное дѣло по растратѣ казенныхъ суммъ государственнымъ банкиромъ Сутерландомъ — и исполнилъ это порученіе къ удовольствію императрицы, которая, указомъ 12 декабря 1791 г., дала знать сенату о назначеніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Державина статсъ-секретаремъ къ ея величеству, для докладовъ по сенатскимъ меморіямъ.—Эту новую обязанность Державинъ началъ выполнять съ свойственной ему энергіей, которою подъ часъ онъ даже надоѣдалъ Екатеринѣ, вообще нетерпѣливой и, въ самомъ дѣлѣ, постоянно занятой самыми разнородными соображеніями. Слѣды такой обстановки новаго служенія Державина видны и изъ отрывочныхъ записокъ другаго статсъ-секретаря императрицы, А. В. Храповицкаго, который, напр., подъ 2 февраля 1792 г., отмѣтилъ: «Какъ-то не въ добрый часъ Державинъ докладывалъ. Онъ (далѣе передаются слова Екатерины) со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ. Онъ такъ новъ, что ходитъ съ дѣлами, до меня не принадлежащими». — Однако Державинъ продолжалъ дѣйствовать по своему убѣжденію и, въ тоже время, являлся творцомъ новыхъ произведеній, изъ которыхъ къ 1792 г. относятся стихотворенія: *На умѣренность*—ода, преимущественно поясняющая положеніе автора при дворѣ; *На рожденіе вел. княжны Ольги Павловны*; *Къ Калліопѣ*—на пріѣздъ въ Петербургъ принцессы баденской, впослѣдствіи имп. Елизаветы Алексѣевны; *Къ Н. А. Львову*; *Къ Граціямъ*. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ усердіе Державина, какъ статсъ-секретаря, не нравилось императрицѣ: въ началѣ 1793, когда Безбородко отъѣзжалъ въ Москву, секретнѣйшія бумаги (неизвѣстнаго содержанія), ему довѣренныя, должны были передаться Державину, который, хотя и слышалъ о томъ отъ самаго Безбородки, но не получалъ никакихъ бумагъ. Во всякомъ случаѣ, Державинъ уже видѣлъ себя такъ поставленнымъ, что могъ непосредственно благодѣтельствовать другимъ— и помогъ въ какомъ-то дѣлѣ извѣстному механику Кулибину, за что на Державина надулась княг. Дашкова, которой, какъ президента Академіи, не уважилъ своей просьбой смышленный Кулибинъ. Короткость Державина въ придворномъ кругу доказывается тѣмъ, что онъ раздѣлялъ даже забавы великихъ князей и, какъ-то разъ, бѣгая съ ними въ горѣлки, упалъ такъ

неловко, что былъ поднятъ безъ чувствъ, съ сильнымъ вывихомъ лѣвой руки въ плечѣ. Этотъ случай продержалъ Державина дома цѣлыхъ шесть недѣль—и стоилъ ему мѣста статсъ-секретаря, которое тогда же было передано другому. Но Державинъ удаленъ съ почетомъ, потому что императрица, при увольненіи, пожаловала ему: чинъ тайнаго совѣтника, орденъ св. Владиміра 2 класса и званіе сенатора. Какъ поэтъ, Державинъ выразилъ свою дѣятельность въ 1793 г. стихотвореніями: *Колесница* — намекъ на тогдашнія событія во Франціи; *На панихиду Людовика XVI*; *Амуръ и Психея*; *Храповицкому*; *Горѣлки* — аллегорія случая съ самимъ авторомъ; *Помощь Божія*—перифразъ псалма 120-го; *Пѣснь брачная четѣ порфирородной*—подражаніе псалму 14-му, на бракосочетаніе вел. кн. Александра Павловича.—Къ этому же 1793 г., относится мысль самаго Державина — издать всѣ свои сочиненія, о чемъ Карамзинъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Дмитріеву, отъ 17 авг. 1793 г., между прочимъ говоритъ: «Желаю видѣть *полныя творенія* нашего Гавріила Романовича. Вѣроятно, что изданіе будетъ великолѣпное». И въ томъ же 1793 г. часть сочиненій Державина, переведенная на нѣмецкій языкъ Авг. Коцебу, дѣйствительно, была издана въ Лейпцигѣ, подъ титуломъ: Gedichte des Herrn Staatsrath Derschawin, übersetzt von A. v. Kotzebue, Leipzig. 1793. 8°, 193 стр. съ замѣчательнымъ портретомъ Державина. — 1 января 1794 г. Державинъ былъ наименованъ президентомъ коммерцъ-коллегіи (или, какъ онъ называлъ ее въ письмахъ къ друзьямъ, *Шмерцъ Коллегіи*) — и воспѣлъ это новое назначеніе въ одѣ *Меркурію*, а непріятности, съ нимъ сопряженныя, — изобразилъ въ стихотвореніи: *Радость о правосудіи*. Потерявъ же, 15 іюля этаго года, нѣжно любимую жену, свою *Плѣниру*, поэтъ предался глубокой горести, которая дышетъ, напр., въ слѣдующемъ письмѣ Державина къ Дмитріеву, отъ 24 іюля: «Ну, мой другъ, Иванъ Ивановичъ, радость твоя о выздоровленьи Катерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15 числа сего мѣсяца. Погруженъ въ совершенную горесть и отчаяніе. Не знаю, что съ собою дѣлать. Не стало любезной моей Плѣниры! Оплачьте, Музы, мою милую, прекрасную, добродѣтельную Плѣниру, которая для меня только жила на свѣтѣ, которая все мнѣ въ немъ составляла. Теперь для меня сей свѣтъ совершенная пустыня; и васъ, друзей моихъ, нѣтъ къ утѣшенію моему. Простите и будьте счастливы. Вѣрный вашъ другъ Державинъ». Скорбь души своей, поэтъ выразилъ и рядомъ стихотвореній, каковы: *Ласточка; На гробъ Екатерины Яковлевны Державиной*; *Сафѣ; Призываніе и явленіе Плѣниры*; *Отрывокъ*. Но люди, впечатлительные подобно Державину, измѣняются быстро—и почти рядомъ съ названными сейчасъ стихотвореніями родилось иное, *Мечта*, вызванное сговоромъ поэта-вдовца съ новой невѣстой, дочерью бригадира дѣвицей Дарьей Алексѣевной Дьяковой. Счастливый, какъ всѣ женихи, Державинъ опять настроилъ свою лиру прилично текущимъ обстоятельствамъ—и съ ея струнъ, вслѣдъ за «Мечтою», слетѣли стихотворенія: *Къ лирѣ* — на день имянинъ гр. П. А. Зубова, тогда фаворита и сильнѣйшаго временщика; *Къ Красавцу*—гр. В. А. Зубову, брату временщика, *Мой истуканъ* — по случаю сдѣланія художникомъ Рашетомъ статуи автора; *Вельможа* — передѣлка оды «На знатность», одной изъ Читалагайскихъ, принаровленная къ вызову забытаго героя Задунайскаго, приглашеннаго командовать арміей въ Польшѣ; *На взятіе Варшавы*—ода, восхитившая, какъ и слѣдовало ожидать, героя событія, гр. Суворова, который, прибывъ въ Петербургъ, отлично принималъ своего панегириста въ таврическомъ дворцѣ.—Остальныя стихотворенія Державина, написанныя въ томъ же 1794 г., суть: *Буря* — воспоминаніе о морской поѣздкѣ автора въ Кемь; *Провидѣніе*—описаніе, бѣлыми стихами, спасенія Охтянки, тонувшей въ Невѣ и взысканной милостями Екатерины; *Резолюція* — юмористическій очеркъ обстоятельствъ самаго автора; *На трагедію «Лжедмитрій» князя Бѣлосельскаго* — шуточное четверостишіе; *Н. А. Львову*.—Начавъ 1795 г. одою *На кончину великой княжны Ольги Павловны*, умершей 15 января, Державинъ, 31 января, отпраздновалъ свою вторую свадьбу съ *Миленой* и, по этому случаю, написалъ стихотвореніе *Къ Анжеликѣ Ка фманъ*, извѣстной художницѣ, которую поэтъ будто бы проситъ изобразить ему его Милену и научаетъ, какъ это сдѣлать. Затѣмъ, между приготовленіями къ изданію прежнихъ сочиненій, не кончившимися ничѣмъ, и сборами въ Москву, имѣвшими ту же участь, Державинъ произвелъ въ 1795 г. рядъ стихотвореній, уже значительно уступавшихъ весьма многимъ прежнимъ и слѣдовавшихъ одно за другимъ, какъ кажется, въ такомъ порядкѣ: *Суворову на пребываніе его въ таврическомъ дворцѣ; На бюстъ въ медаліонѣ вел. княжны Александры Павловны, ея трудовъ, подаренный гр. Браницкой*; *Приглашеніе къ обѣду* (кн. П. А. Зубова, И. И. Щувалова, гр. А.А. Безбородко и др.); *Гостю* (П. Л. Вельяминову); *Другу* (Н. А. Львову); *Спящій Эротъ* — частію изъ греческаго философа Платона; *Анакреонъ у печки*—пьеска, вызванная игрою М. Л. Нарышкиной на арфѣ; *Новоселье молодыхъ* (Д. Л. и М. А. Нарышкиныхъ); *Флотъ*—по случаю отплытія эскадры, изъ кораблей разныхъ морскихъ державъ, но подъ русскимъ флагомъ (2 іюня); *Соловей* — изъ примѣровъ «Риторики» Ломоносова; *Павлинъ* — тоже; *На кончину благотворителя* (И. И. Бецкаго); *Приношеніе Монархинѣ* — посвятительная пьеска къ рукописи I части произведеній автора, представленной императрицѣ 6 ноября; *Хариты* — на русскую пляску вел. княженъ Александры и Елены Павловнъ, 25 декабря. — Что же касается стихотвореній Державина: *Богинѣ Здравія* (съ нѣмецкаго переложенія древняго греческаго манускрипта Арифрона Саксонскаго); *Заздравный орелъ* (застольная воинская пѣснь въ честь Румянцова и Суворова); *На освященіе храма въ кабинетѣ ея величества*; *При входѣ Григорьевской больницы*; *Надъ дверьми покоевъ, гдѣ лежатъ больные*; *На монументъ, воздвигнутый графинею Браницкой въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви князю Потемкину-Таврическому* — всѣ они хотя также относятся къ 1795 г., но точная дата ихъ сочиненія неизвѣстна. Накопецъ, 1795 году принадлежитъ и новый опытъ творческой фантазіи Державина — его *Добрыня*, «театральное представленіе съ музыкою», по поводу котораго Карамзинъ, въ письмѣ отъ 9 августа 1795 г., спрашивалъ Дмитріева: «И такъ новыя творенія нашего Невскаго Барда (Державина), по словамъ твоимъ, неудачны? Музы имѣютъ свои капризы, и не всегда слушаются поэтовъ. Дай мнѣ идею о *Добрынѣ*, если онъ что нибудь значитъ». — Муза Державина, дѣйствительно, ослабѣвала, да и фортуна снова начинала поворачиваться къ нему спиною. Дѣло въ томъ, что императрица, получивъ рукопись I части стихотвореній своего пѣвца, не была довольна одою «Властителямъ и Судіямъ», худо ей пере-

толкованною, вслѣдствіе чего сухо принимала поэта, а придворные отъ него просто бѣгали, да и рукопись валялась въ кабинетѣ государыни ненапечатанною. — Совсѣмъ тѣмъ, Державинъ, къ наступленію 1796 г., получилъ лестное, хотя хлопотливое, назначеніе: быть членомъ Коммиссіи, высочайше наряженной для изслѣдованія покражи суммъ въ государственномъ заемномъ банкѣ, —и, между дѣломъ, а по окончаніи послѣдняго, на досугѣ, продолжалъ свои піитическія занятія, плодомъ которыхъ, въ 1796 г., были стихотворенія: *На тщету земной славы* - изъ псалма 48-го; *Доказательство творческаго бытія*—изъ псалма 18-го; *На рожденіе царицы Гремиславы* (Екатерины II); *На медаліонъ гр. Александры Васильевны Браницкой, подаренный Екатериною II, съ антиками ея работы; На кончину графа Орлова* (Ѳед. Гр.); *На покореніе Дербента*; *На крещеніе вел. князя Николая Павловича*; *Потопленіе* (Ѳ. М. Дубянскаго); *На гробъ Дубянскаго*; *Видъ автору Суворонды* (И. Завалишину); *Побѣда красоты* - на случай помолвки вел. княжны Александры Павловны за шведскаго короля Густава IV Адольфа, съ двумя *Хорами*, для концерта и польскаго, и *Разговоромъ русскаго съ шведомъ*; *Аѳинейскому витязю* (гр. А. Г. Орлову); *Надгробіе Шелехову*; *Крезовъ Эротъ*; *Пчелка* — пѣсенка, долго повторявшаяся во всѣхъ углахъ Россіи, *Бой* — изъ Анакреона; *Памятникъ*—весьма удачное подражаніе одѣ Горація «Къ Мельпоменѣ»; *На рондо Петру Великому* (Н. П. Николева); *Другу женщинѣ* (Н. П. Карамзину).—Къ этимъ стихотвореніямъ, послѣ 6 ноября, присоединились еще два: *Надгробная императрицѣ Екатеринѣ II* и *Эпитафія Екатеринѣ II*, которыми впечатлительный и, вмѣстѣ, признательный поэтъ выражалъ истинную скорбь свою о потерѣ государыни, благодѣявшей ему при жизни -- и даже за гробомъ: вскорѣ по кончинѣ Екатерины, изъ ея кабинета были выданы разнымъ лицамъ подарки, ею предназначенные, между которыми и Державинъ получилъ на свою долю, за тарифъ, золотую, осыпанную бриллiантами, табакерку, съ надписью на билетѣ, рукою Екатерины «Державину».—Но когда, съ воцареніемъ сына и преемника Екатерины, началась, какъ извѣстно, значительная ломка въ системѣ русской администраціи и послѣдовала еще значительнѣйшая перетасовка собственно придворнаго люда, иное вѣяніе отразилось, прежде многихъ другихъ, именно на Державинѣ. Призванный къ должности правителя канцеляріи совѣта, при особѣ императора, Державинъ, какъ сенаторъ, счелъ себя перестриженнымъ изъ поповъ въ діаконы, вздумалъ обидѣться, дерзнулъ заявить сомнѣнія свои самому государю,— но попалъ не въ добрый часъ. Государь грозно прикрикнулъ на поэта-сенатора, выслалъ его изъ дворца, не велѣлъ пускать въ кавалерскую залу и въ тотъ же день, 22 ноября, прислалъ въ сенатъ указъ такого содержанія: «Тайный совѣтникъ Гаврило Державинъ, опредѣленный правителемъ канцеляріи совѣта нашего, за непристойный отвѣтъ, имъ предъ нами учиненный, отсылается къ прежнему его мѣсту»,—т. е. въ сенатъ. — Испытавъ на себѣ такъ невыгодно вліяніе новаго порядка вещей, Державинъ струхнулъ, притихнулъ и, въ ожиданіи у моря погоды, принялся передѣлывать и доканчивать начатое имъ еще въ 1785 г. стихотвореніе: *Безсмертіе души*, вслѣдъ за которымъ написалъ и другое: *Молитва*. Но такъ какъ эти мистическія отвлеченія не могли быть существенно полезны опальному сенатору, Державинъ, искавшій, какъ онъ самъ сознается, «возвратить къ себѣ благоволеніе монарха», настроилъ свою лиру нѣсколько иначе — и явилась ода *На новый 1797 г.*, собственно говоря—на воцареніе имп. Павла, которая, бывъ представлена императору однимъ изъ его приближенныхъ, С. И. Плещеевымъ, примирила государя съ подданнымъ и доставила Державину «входъ за кавалергардовъ» по прежнему.— Не желая, впрочемъ, слыть грубымъ льстецомъ, и только, Державинъ, вслѣдствіе однаго спора своего съ кн. С. Ѳ. Голицынымъ, рискнулъ сочинить оду: *На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи*, которая хотя не была напечатана при жизни имп. Павла, но сильно ходила по рукамъ и могла бы навлечь автору неудовольствіе государя не такого великодушнаго, какимъ умѣлъ и любилъ бывать имп. Павелъ. — Огражденный, слѣдовательно, и отъ гнѣва царскаго и отъ нареканія друзей, Державинъ продолжалъ бряцать на своей лирѣ во славу всего, что славить казалось ему нужнымъ, и такимъ образомъ, произвелъ въ 1797 г., кромѣ названныхъ четырехъ, еще тридцать пять, а всего *тридцать девять* стихотвореній, не столько замѣчательныхъ, сколько доказывавшихъ, что «Бардъ екатерининскаго вѣка»—похоронилъ свою поэтическую мощь въ могилѣ Екатерины. Въ томъ же 1797 г. пошла въ ходъ рукопись стихотвореній Державина, болѣе года валявшаяся въ кабинетѣ Екатерины. И. И. Шуваловъ, владѣлецъ другаго экземпляра этой рукописи, вызвался напечатать ее, на счетъ автора, въ Москвѣ, при университетѣ, подъ надзоромъ Карамзина. «Во время ея печатанія — замѣчаетъ г. Гротъ — встрѣтились затрудненія со стороны университетской цензуры: ода *Властителямъ и судіямъ* была вовсе не пропущена, изъ оды *Побѣдителю* выкинута послѣдняя строфа, въ *Изображеніи Фелицы* исключено извѣстное мѣсто:

Самодержавства скиптръ желѣзный
Своей щедротой позлащу «(Соч. Держ. 1864. т. I. с. XVII).»

Раздражаемый всѣмъ этимъ, Державинъ бѣсился и, за смертію Шувалова, надоѣдалъ своими требованіями Карамзину который, 10 декабря 1797 г., съ горечью писалъ Дмитріеву: «Сочиненія Гавр. Ром. дѣлаютъ мнѣ множество хлопотъ. Цензоры остановили въ печати два листа, а онъ упрямится, и не хочетъ перемѣнить замѣченныхъ ими мѣстъ. Что же пользы? Въ типографіи остановка, убытокъ, а мнѣ съ обѣихъ сторонъ неудовольствіе». — Возня съ печатаніемъ I части сочиненій Державина кончилась только къ половинѣ 1798 г., въ теченіе котораго старѣвшій Бардъ успѣлъ написать еще *двадцать одно* стихотвореніе, между прочимъ, *На характеръ императора Павла*, и получить, за оду *На мальтійскій орденъ*, золотую, бриллiантами осыпанную, табакерку, а 8 ноября - орденъ св. Анны I класса. — Въ 1799 г., Державинъ, хотя и ѣздилъ, по именному указу, въ Шкловъ, распутывать запутанныя дѣла промотавшагося Зорича, извѣстнаго фаворита Екатерины II, но, тѣмъ не менѣе, нашелъ время прибавить къ своимъ прежнимъ стихотвореніямъ еще *двадцать шесть* новыхъ, въ томъ числѣ двѣ оды: *На побѣды въ Италіи* и *На переходъ Альпійскихъ горъ*, обѣ въ честь своего любимаго героя Суворова, да два пролога: *На рожденіе въ Сѣверѣ любви*, «аллегорическій», въ 1 дѣйствіи, по случаю разрѣшенія отъ бремени вел. княгини Елизаветы Алексѣевны (впослѣдствіи императрица) вел. княжною Маріею Александровною, и *На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока*—(вел. князя Михаила Павловича), «почерпнутый изъ древняго варяго-русскаго баснословія»,

въ 3 дѣйствіяхъ.—Явившись, съ наступленіемъ 1800 г., оптимистомъ въ переложеніи, весьма удачномъ, стихотвореній древняго грека Клеанта: *Утро* и *Гимнъ Богу*, Державинъ, потрясенный болѣзнью и смертью славнаго Суворова, посвятилъ этимъ событіямъ нѣсколько произведеній своей Музы, каковы именно: ***Первая пѣснь Пиндара пиѳическая***, элегія ***Снигирь***, четверостишіе ***На смерть Суворова*** и однострочная надпись ***На гробницу Суворова въ Невскомъ*** («Здѣсь лежитъ Суворовъ»—надпись, до нынѣ украшающая могильный камень князя Италійскаго), потомъ написалъ еще *три* стихотворенія на разные случаи и, 13 іюля, былъ сдѣланъ почетнымъ командоромъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, «съ пенсіономъ изъ почтовыхъ доходовъ», а въ августѣ—пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Но въ ночь на 11 марта 1801 г. не стало имп. Павла—и догадливый Державинъ поспѣшилъ привѣтствовать новаго монарха одою ***На восшествіе на престолъ императора Александра I***, 7-я строфа которой (измѣненная въ иныхъ печатныхъ изданіяхъ «Сочиненій» Державина, напр., въ Штукинскомъ 1845 г.), по подлинной рукописи автора—не безъ намековъ, почти всѣмъ понятныхъ—гласитъ:

Стоитъ въ порфирѣ (Екатерина) и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ царя!
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ къ себѣ мою любовь;
Напасти безъ меня терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь!» (Рус. Ар. 1863 из. 2. с. 875).

Награжденный за поднесеніе этой оды подаркомъ въ 5 тыс. рублей, Державинъ, между писаніемъ разныхъ стихотвореній,—которыхъ, кстати сказать, у него, въ 1801 г., прибыло вновь счетомъ *четырнадцать*,—озаботился заготовленіемъ къ сближающемуся торжеству коронованія: оды ***На коронацію императора Александра I***, съ двумя *хорами*, и аллегоріи: ***Вѣнчаніе Леля***, а въ самый день этаго торжества, 15 сентября, получилъ орденъ св. Александра Невскаго.—Пользуясь затѣмъ особенной довѣренностью молодаго государя, Державинъ былъ посланъ произвести секретное слѣдствіе по доносамъ на безчинство калужскаго губернатора Лопухина и, 5 января 1802 г., снабженный собственноручными инструкціями Александра, выѣхалъ въ Калугу, откуда возвратился въ апрѣлѣ, а 8 октября—наименованъ министромъ юстиціи. Это важное званіе Державинъ носилъ недолго: ровно черезъ годъ, 8 октября 1803 г., онъ, по навѣтамъ Новосильцова, гр. Строганова, кн. Чарторійскаго и другихъ любимцевъ государя, былъ уволенъ отъ министерскаго поста, съ оставленіемъ въ званіяхъ сенатора и члена государственнаго совѣта,—при ежегодномъ пенсіонѣ въ 10 тыс. рублей. Другими словами, Державина благовидно спустили, пожалуй,—къ его стихотвореніямъ, которыхъ, между тѣмъ, у него набралось вновь: за 1802 г.—*шестнадцать*, и, въ ихъ числѣ, нѣчто въ родѣ оды: ***Къ царевичу Хлору***, т. е. къ имп. Александру, а за 1803 г.—только *три*: ***Къ Скопихину*** (милліонеру Собакину), подражаніе Горацію; ***Свобода***, по случаю увольненія автора отъ должности министра; и ***Память другу*** (Н. А. Львову).—Чтобы развлечься чѣмъ нибудь послѣ невзгоды служебной, экс-министръ Державинъ вздумалъ отобрать изъ своего піитическаго запаса все анакреонтическое, съ цѣлью издать этотъ отборъ особою книжкою, подъ названіемъ: ***Анакреонтическія пѣсни***,—что онъ и исполнилъ не далѣе какъ въ 1804 г., къ которому также относятся: сочиненіе Державинымъ новыхъ ***пятнадцати*** стихотвореній, одно другаго слабѣе, и окончательная отдѣлка имъ же его *Добрыни*, «театральнаго представленія съ музыкою», въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, гдѣ, кромѣ вел. кн. Владиміра, выведены разные Силоумы, Прелѣпы, Сребробрады и т. п.—Въ 1805 г. дряхлѣющая, но все еще плодовитая, муза Державина произвела *двадцать* новыхъ стихотвореній, изъ которыхъ ***Цирцея***, переводъ оды Ж. Б. Руссо, и ***Дѣва за арфою***, неудачный слѣпокъ, бѣлыми стихами, съ риѳмованной пьески Шиллера, бывъ посланы въ Москву, для напечатанія, чрезъ Дмитріева, въ «Вѣстникѣ Европы», потерпѣли: первая—отказъ въ напечатаніи, а послѣдняя—нѣкоторыя поправки, чрезъ что связь между Державинымъ и Дмитріевымъ едва не пострадала, отношенія Державина къ Каченовскому охладились, а знакомство Дмитріева съ Каченовскимъ совершенно прекратилось.—Въ 1806 г. Державинъ скропалъ еще ***осьмнадцать*** мелкихъ стихотвореній, большею частью, въ видѣ приношенія разнымъ лицамъ и надписей къ портретамъ царствующихъ особъ, а также, одушевленный военными событіями того года, онъ создалъ «героическое представленіе»: ***Пожарскій или освобожденіе Москвы***, съ хорами и речитативами, въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ; наконецъ, сочинилъ «дѣтскую комедію»: ***Кутерьма отъ Кондратьевъ***, въ 1 дѣйствіи, въ прозѣ.—Въ 1807 г. Державинъ, кромѣ *двадцати семи* незначущихъ стихотвореній на разные случаи, написалъ, по вызову Россійской Академіи, объявленному въ «Вѣдомостяхъ», трагедію ***Иродъ и Маріамна***, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, которая даже была играна на сценѣ, а въ 1808 г. изъ подъ пера Державина вышли: *двадцать одно* стихотвореніе, почти не носящія на себѣ печати былаго таланта пѣвца «Фелицы» и *двѣ* трагедіи: ***Евпраксія*** и ***Темный***, каждая въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. «Вы удивитесь—писалъ Державинъ, по поводу своихъ трагедій, къ Дмитріеву—вы удивитесь и вѣрно скажете про себя, что я подъ старость рехнулся съ ума, пустившись по неизвѣстной мнѣ дорогѣ въ храмъ Мельпомены. Но что дѣлать отъ бездѣлья? Оды уже наскучали (sic), и такъ я хотѣлъ испытать русскую пословицу: смѣлымъ Богъ владѣетъ! Пусть господа ваши критики цѣнятъ, какъ хотятъ, но дѣло уже сдѣлано».—Во всякомъ случаѣ, дѣломъ, несравненно полезнѣйшимъ писанія такихъ трагедій, было изданіе прежнихъ сочиненій Державина, предпринятое самимъ авторомъ еще съ 1806 г., начатое печатаніемъ въ 1807 г. и выпущенное въ свѣтъ въ 1808 г., въ видѣ *четырехъ* не малыхъ томовъ (вмѣсто предполагавшихся *шести*), съ немногими виньетками.—Не совсѣмъ однако довольный этимъ изданіемъ, Державинъ препроводилъ дополнительныя къ нему поправки въ редакцію «Русскаго Вѣстника» (С. Н. Глинки), также «Московскихъ Вѣдомостей», а самъ, разсылая экземпляры изданія по принадлежности и получая, за даровые, приличныя благодаренія, не переставалъ—ни въ шумѣ петербургской жизни, ни въ безмолвіи уединенной Званки (помѣстье Державина, на берегу Волхова)—увеличивать массу своихъ поэтическихъ произведеній, изъ которыхъ слѣдуетъ отнести: къ 1809 г.—*семь* мелкихъ стихотвореній и переводъ Расиновой «Федры», стихами, а къ 1810 г.—*четыре* весьма слабыя стихотворенія и, быть

*

можетъ, переводъ трагедіи «Зельмира», соч. де-Беллуа. — Въ октябрѣ того же 1810 г. составилось въ Петербургѣ литературное общество, торжественно открытое, въ 1811 г., подъ пресловутымъ названіемъ «Бесѣды любителей русскаго слова» — и старецъ Державинъ, явившись, вмѣстѣ съ старцемъ А. С. Шишковымъ, на челѣ *Бесѣдчиковъ*, сталъ ярымъ поборникомъ тѣхъ литературныхъ и другихъ мнѣній, которыя съ такимъ сладкимъ умиленіемъ рисовалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» отсталый мистикъ А. С. Стурдза, съ такою кипучею желчью шпынялъ въ своихъ «Запискахъ» умный зоилъ Ф. Ф. Вигель, съ такимъ искреннимъ смѣхомъ встрѣчало и провожало въ своемъ «Арзамасѣ» все свѣжее, мыслящее поколѣніе великихъ литературныхъ талантовъ. — Къ этому времени, т. е. именно къ 1811 г., навѣрное относятся только *три* мелкія стихотворенія Державина, и изъ нихъ одно: *На издателя чужихъ стихотвореній*, имѣетъ въ виду осмѣять В. А. Жуковскаго, который напечаталъ тогда «Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ лучшихъ стихотворцевъ россійскихъ и изъ многихъ русскихъ журналовъ» (въ 5 ч.). — Можно еще не безъ основанія предполагать, что къ этому же времени начальнаго существованія «Бесѣды», скорѣе нежели къ какому либо другому, относятся и двѣ драматическія попытки Державина, — двѣ его оперы: одна, «народная комическая», — *Дурочка умнѣе умныхъ*, другая — *Рудокопы*, каждая въ 3 дѣйствіяхъ, прозою, съ хорами и куплетами въ стихахъ, и обѣ, какъ свидѣтельствуетъ самъ Державинъ, написанныя *послѣ* его отставки, но *до* 1813 г. — Вѣроятно ли также, чтобъ Державинъ, писатель плодовитый не по лѣтамъ, ограничилъ свою поэтическую дѣятельность въ 1812 г. только однимъ четверостишіемъ: *Къ портрету князя Кутузова-Смоленскаго*, — какъ показано это г. Гротомъ въ академическомъ изданіи «Сочиненій» Державина? Вовсе не довѣряя и совершенному молчанію г. Грота о поэтической дѣятельности Державина въ 1813 г., будто бы протекшемъ для поэта безслѣдно, мы вольны догадываться: не писалъ ли Державинъ, именно въ 1813 г., если, напр., не оперу *Батмендій*, — хотя г. Гротъ съ авторитетомъ утверждаетъ, что «почеркъ рукописи этой оперы не позже 1790-хъ гг.», — то одну изъ такъ называемыхъ самимъ авторомъ «бездѣльныхъ» оперъ, положимъ, «Женскую дружбу» или, наконецъ, нѣчто такое, что осталось неизвѣстнымъ не только намъ, но и самому г. Гроту? Какъ бы то ни было, о произведеніяхъ пера Державина именно въ 1813 г. — мы не знаемъ ничего положительнаго; а въ 1814 г. Державинъ, по показанію г. Грота, написалъ *два* небольшія стихотворенія, вызванныя военными событіями того времени — ***Къ портрету графа Михаила Андреевича Милорадовича*** и ***Солдатскій или народный диѳирамбъ по торжествѣ надъ Франціею***, — да сочинилъ оперу: *Грозный, или покореніе Казани*, въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. — Что же касается 1815 г., предпослѣдняго въ жизни поэта, то мы охотно вѣримъ г. Гроту, что, въ этомъ году, слишкомъ 70-ти-лѣтній Державинъ, дѣйствительно, успѣлъ написать только стихотвореньице *Молодому Капнисту*, бывъ всецѣло погруженъ въ сочиненіе своей любимой трагедіи: *Атабалибо, или разрушеніе Перуанской имперіи*, хотя оставшейся, какъ и *Батмендій*, неконченою, но которой первыя три дѣйствія, въ стихахъ, видѣлъ и самъ читалъ вслухъ въ домѣ автора С. Т. Аксаковъ. — Наступленіе 1816 г. застало старца-Державина въ большихъ хлопотахъ по изданію еще одного тома (части V) его сочиненій, которое однако ему удалось окончить еще при своей жизни, тихо угасшей, 9 іюля того же 1816 г., въ Званкѣ, отъ спазматическихъ припадковъ въ груди, давняго недуга 73-хъ-лѣтняго поэта. Менѣе чѣмъ за недѣлю до смерти, Державинъ весело праздновалъ, въ кругу семьи, 74-й день своего рожденія; всего за три дня до послѣдней минуты, онъ, увидя висѣвшую въ его комнатѣ «Рѣку временъ», набросалъ, на аспидной доскѣ, всѣмъ извѣстные стихи:

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы....;

наконецъ, за нѣсколько часовъ до переселенія въ другой міръ, умирающій «бардъ Екатерины» помышлялъ еще о суетѣ этаго міра, — приказывая отписать издателю его «Сочиненій» *о перемѣнѣ однаго стиха*. Тѣло Державина погребено въ новгородскомъ Хутынѣ монастырѣ, куда гробъ поэта отнесли на своихъ рукахъ офицеры стоявшаго въ окрестностяхъ Званки Конноегерскаго полка, никѣмъ не приглашенные и съ Державиными лично незнакомые, но побуждаемые единственно справедливымъ уваженіемъ къ памяти знаменитаго покойника. — Наружность Державина, по свидѣтельству знавшихъ его лично, разумѣется, въ позднѣйшіе годы жизни поэта, представляла «добраго, почтеннаго старика» — и только, что подтверждаютъ и портретъ Державина, писанный художникомъ Тончи, и бюстъ его, работы скульптора Рашета. — Отмѣченный печатью неоспоримо геніальнаго таланта, но воспитанный на мѣдныя деньги, прожившій нѣсколько лѣтъ въ солдатской казармѣ и достигшій собственнымъ трудомъ важныхъ мѣстъ при дворѣ и въ государствѣ, Державинъ, какъ человѣкъ и чиновникъ, былъ, прежде всего, вѣрнымъ выраженіемъ своего вѣка. Вѣкъ же этотъ, вѣкъ Екатерины, представляя, въ свою очередь, юношескій возрастъ оевропеенной Петромъ Россіи, отличался богатствомъ впечатлѣній, силою воспріимчивости или, вѣрнѣе, переимчивости, громадностію затѣй, широкимъ размахомъ жизни вообще и безотчетнымъ стремленіемъ оформить эту жизнь художественно, но также — порывистостью, почти угловатостью пріемовъ, для того употребляемыхъ. Отсюда — всѣ достоинства и недостатки Державина, какъ человѣка и чиновника, даже какъ писателя. Нѣжный семьянинъ, радушный хозяинъ, вѣрный другъ, внимательный начальникъ, — Державинъ, въ молодости, не устранялся отъ женщинъ и картъ, въ зрѣломъ возрастѣ являлся самолюбцемъ до гордости и честолюбцемъ до забавнаго, подъ старость льстилъ только фаворитамъ, но не уживался ни съ кѣмъ изъ прочихъ высокопоставленныхъ лицъ, и донеся въ 1773 г. Бибикову на гренадеровъ, не усомнился въ 1790 г. указать Екатеринѣ извѣстныя мѣста въ книгѣ Радищева: «Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву», вслѣдствіе чего Радищевъ понесъ всѣмъ извѣстное несчастіе. Какъ писатель — Державинъ знаменитъ по преимуществу, хотя взгляды на него, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно разнообразны. Послѣднее однако, доказывая разнообразіе сторонъ, съ которыхъ можетъ быть наблюдаема писательская дѣятельность Державина, — тѣмъ болѣе утверждаетъ за Державинымъ славу писателя знаменитаго. Слава эта заклю-

чается преимущественно въ историческомъ значеніи, какое будетъ имѣть всегда поэзія Державина,—пѣвца «Фелицы», «барда Екатерининскаго вѣка». Державинъ крѣпко вѣровалъ въ такую заслугу своей музы, когда, посвящая ея плоды Екатеринѣ говорилъ:

Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою,—твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Помимо историческаго значенія, Муза Державина, сама по себѣ, блещетъ мастерскою живописью природы и величавой роскошью образовъ,—существеннѣйшими свойствами поэтической фантазіи Державина. Но форма, въ которую облекалъ онъ все это, не всегда художественна. Стихъ Державина, достававшійся поэту дорого и передѣлываемый имъ съ большимъ трудомъ, носитъ на себѣ видимые слѣды какъ не установившагося языка самой эпохи, въ которую жилъ Державинъ, такъ и недостатокъ классическаго образованія, присущаго лично стихотворцу. Чувствуя въ особенности послѣднее, Державинъ, по свидѣтельству Дмитріева, «снисходительно выслушивалъ совѣты и замѣчанія, охотно брался за передѣлку стиха, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу». А такъ какъ вниманіе Державина «вездѣ и непрестанно» сосредоточивалось только на поэзіи, то «голова его—замѣчаетъ тотъ же Дмитріевъ—была хранилищемъ заготовленнаго запаса сравненій, уподобленій, сентенцій и картинъ, для будущихъ его поэтическихъ произведеній». Случалось даже, что, поймавъ или придумавъ какое нибудь необычно-поэтическое выраженіе, въ родѣ *краеглатыхъ облаковъ* или *щуки съ голубымъ перомъ*, Державинъ, собственно для приличнаго помѣщенія этихъ находокъ, создавалъ цѣлыя стихотворенія. Продолжая всегда учиться, Державинъ читалъ много, но безъ разбора,—и впечатлительный, какъ всѣ истинные поэты, вносилъ въ свои произведенія все разнообразіе ощущеній, получаемыхъ имъ изъ чтенія или опыта. Отсюда—пестрота содержанія Музы Державина, и отсюда же—вѣрность, съ которою отражала она все окружающее поэта. Вѣрность эта, овладѣвая подъ перомъ Державина, даже непокорнымъ ему стихомъ, становилась иногда живописью, дѣйствительно поэтическою, такъ что самъ Пушкинъ несомнѣнно подписалъ бы свое славное имя, напр., подъ стихотвореніемъ «Русскія дѣвушки», гдѣ Державинъ вопрошаетъ Анакреона, видѣлъ ли онъ, «пѣвецъ тіискій»,

Какъ весной въ лугу бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка:
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ;
Какъ ихъ лентами златыми
Чела бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ;
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланитахъ огневыя
Ямки врѣзала любовь;
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка—души львины
И сердца Орловъ разятъ?

Поэтъ по преимуществу, Державинъ и въ лирикѣ схватывалъ предметъ ловко, обнималъ его быстро, начиналъ выражать художественно; но, платя дань литературнымъ условіямъ своего вѣка, впадалъ въ длинноты, которыя, за недостаткомъ личной подготовки съ молоду или почему другому, наполнялъ общими мѣстами, даже пустяками, не идущими къ дѣлу, и только въ концѣ стихотворенія—являлся опять поэтомъ художникомъ. Таковъ, напр., *Водопадъ*—одно изъ самыхъ прославленныхъ твореній Державина. Впрочемъ, Державинъ, какъ талантъ геніальный, не оставался при одномъ рабскомъ подражаніи другимъ, даже относительно внѣшней формы—если не отдѣлки—того или другаго изъ своихъ твореній. Руководимый собственнымъ поэтическимъ чутьемъ, онъ, напротивъ, дерзалъ преступать Геркулесовы столбы, задолго до него поставленныя поэзіи законами ложнаго классицизма, и въ этомъ дерзновеніи Державина—главная его заслуга, какъ русскаго литературнаго дѣятеля. Въ самомъ дѣлѣ, съ «*Фелицы*», столько прославившей Державина и свободной отъ рутинныхъ обращеній къ Музамъ и проч., начинается иной періодъ русской лирики, точно такъ же, какъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ» Пушкина—иной періодъ русскаго эпоса. Вотъ почему Державинъ будетъ всегда дорогимъ достояніемъ исторіи русской литературы. И это, кажется, чувствовали образованнѣйшіе изъ современниковъ Державина. По крайней мѣрѣ, около него, какъ около центра, группировались: Богдановичъ, Петровъ, Дмитріевъ, Капнистъ, Львовы, Оленинъ; въ его домѣ провелъ свой предсмертный вечеръ Фонвизинъ; къ нему былъ преисполненъ уваженіемъ Карамзинъ; предъ нимъ благоговѣлъ юноша-Пушкинъ. Имя Державина какъ бы звучитъ отголоскомъ вѣка Екатерины, слывущаго «золотымъ»; и безъ изученія твореній «пѣвца Фелицы»—не можетъ быть изучаемо время, въ которое жилъ онъ. Эта другая заслуга дѣлаетъ личность Державина достояніемъ исторіи не одной русской литературы, но исторіи всей русской жизни и, преимущественно, исторіи русскаго развитія въ полувѣковый періодъ времени, самаго знаменательнаго для Россіи.—Кромѣ произведеній, указанныхъ настоящей статьей, Державинъ оставилъ еще до *ста двадцати пяти* другихъ (въ томъ числѣ *двадцать четыре* басни и притчи и *пять* драматическихъ переводовъ), которыя всѣ поименованы г. Гротомъ въ академическомъ изданіи «Сочиненій» Державина (ч. III и IV). — Это послѣднее и, разумѣется, лучшее изданіе (еще не кончено) было, уже по смерти самаго поэта, не разъ предварено другими, более или менѣе удовлетворительными изданіями, Такъ, А. Ф. Смирдинъ, напечаталъ первое посмертное собраніе «Сочиненій» Державина, въ 1831 г., въ 4 ч., и повторилъ тоже въ 1833 г.; третье изданіе выдано И. И. Глазуновымъ, въ 1843 г., въ 4 ч.; четвертое, Д. П. Штукинымъ, въ 1845 г., въ одномъ большомъ томѣ; пятое, опять Смирдинымъ, въ 1847 г., при «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ», въ 2 томикахъ, которые были перепечатаны, Смирдинымъ же, въ 1851 г.; седьмое изданіе «Сочиненій» Державина, предпринятое имп. Академіей Наукъ и порученное ею г. Гроту, началось съ 1864 г., выходитъ ежегодно по одному тому и должно окончиться въ будущемъ 1868 г. послѣднимъ (V) томомъ, который г.

Гротъ намѣренъ посвятить исключительно біографіи Державина.—Гавріилъ Романовичъ Державинъ, бывъ женатъ дважды, дѣтей не имѣлъ. Вторая жена Державина умерла въ 1842 г., завѣщавъ подлинныя рукописи сочиненій своего мужа Л. Н. Львову, а прочія его бумаги и библіотеку—К. М. Бороздину.

БОРТНЯНСКІЙ, Дмитрій Степановичъ, геніальный композиторъ и преобразователь русскаго богослужебнаго пѣнія. Родился 1751 г., черниговской губерніи въ городѣ Глуховѣ, и семи лѣтъ отъ рода, былъ выбранъ въ придворный пѣвческій хоръ, гдѣ своимъ замѣчательнымъ дискантомъ обратилъ на себя вниманіе императрицы Елизаветы Петровны, которая тогда же поручила его музыкальное образованіе придворному капельмейстеру Галуппи (Буранелло). Но Галуппи, скоро покинувъ Россію, возвратился въ свое отечество, Венецію, куда, въ 1768 г., императрица Екатерина II отправила и Бортнянскаго, усовершенствоваться въ музыкѣ и пѣвческомъ искуствѣ. Подъ руководствомъ Галуппи, Бортнянскій изучалъ теорію искуства въ Венеціи, ѣздилъ съ тою же цѣлью въ Римъ и Неаполь, посѣтилъ Флоренцію и Болонью, всего же пробылъ въ Италіи лѣтъ одинадцать, въ теченіе которыхъ онъ написалъ тамъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, также сонатъ, заслужившихъ похвалу знатоковъ. Въ 1779 г. Бортнянскій возвратился въ Россію и, обласканный императрицею Екатериною, умѣвшею оцѣнивать людей по достоинству, получилъ званіе композитора придворнаго пѣвческаго хора, директоромъ котораго былъ Полтарацкій. По смерти послѣдняго, въ 1795 г., Бортнянскій заступилъ его мѣсто, съ званіемъ управляющаго хоромъ придворныхъ пѣвчихъ, которое и занималъ во все время царствованія имп. Павла I, нося чинъ статскаго совѣтника. По воцареніи имп. Александра I, въ 1801 г., Бортнянскій переименованъ директоромъ вокальной музыки, въ этомъ качествѣ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, званіе почетнаго члена с.-петербургской Академіи Художествъ и, 28 сентября 1825 г., умеръ въ Петербургѣ, на 75 г. жизни, прекрасно-оригинальною смертью: больной, онъ велѣлъ привести къ себѣ хоръ пѣвчихъ и заставилъ его пѣть свой концертъ: *Вскую прискорбна еси*. Когда регентъ хотѣлъ дирижировать, Бортнянскій остановилъ его, сказавъ: «Пускай поютъ сами». Пѣвчіе запѣли. — «Тише, тише; подите въ другую комнату!» проговорилъ больной. Его желаніе исполнили, пѣніе возобновилось и, когда замолкли послѣдніе звуки голосовъ, — Бортнянскаго уже не было въ живыхъ.—Геніальнѣйшій изъ всѣхъ композиторовъ православнаго богослужебнаго пѣнія, Бортнянскій, по справедливости, можетъ быть названъ *русскимъ Палестрино*. Какъ этотъ знаменитый итальянецъ XVI вѣка освободилъ католическую церковную музыку изъ подъ вліянія фламандской контрапунктической школы и, очистивъ первую отъ всякой суетной примѣси, основалъ ее на незыблемомъ, элементарномъ употребленіи аккорда, чрезъ что она чрезвычайно выиграла и въ выраженіи и въ красотахъ, такъ точно нашъ Бортнянскій, откинувъ вычурное направленіе, введенное въ русское церковное пѣніе оперными композиторами: Арайей, Керцелли, Галуппи и постоянно поддерживаемое преемникомъ послѣднихъ, даровитымъ Сарти,—Бортнянскій, говоримъ мы, изъ простыхъ элементовъ русскаго стариннаго пѣнія на одинъ голосъ и богатыхъ результатовъ приложенія къ дѣлу началъ гармоніи Палестрино, съумѣлъ образовать *свой* особый стиль, до того запечатлѣнный его геніемъ, что даже непосвященные въ науку музыки легко распознаютъ пріемы русскаго Палестрино. Бортнянскій великъ именно тѣмъ, что онъ, подобно Палестрино, положилъ въ основаніе своего музыкальнаго творчества элементарное употребленіе аккорда. «Партіи его голосовъ, говоритъ одинъ изъ компетентныхъ цѣнителей дѣятельности Бортнянскаго, расположены строго на интервалахъ аккордовъ, мелодія опирается на мощную гармонію трезвуковъ, а ходъ гармоніи простъ и величественъ. Все обусловливается модальнымъ отношеніемъ аккордовъ. Возьмите рисунокъ мелодіи Бортнянскаго и приложите къ нему аккорды по своему разумѣнію — ничего не выйдетъ; но взгляните, что дѣлаетъ изъ этой мелодіи Бортнянскій; взгляните и преклонитесь передъ геніемъ. Музыка его *древняя:* въ ней вы чувствуете постоянно дѣтище нашего древняго церковнаго пѣнія; это музыка восточная, это *типъ*. Въ ней отражается духъ системы Іоанна Дамаскина и характеръ греческаго чтенія прозы на распѣвъ, безъ соблюденія числа просодическихъ словъ.... Сочетать это отсутствіе просодіи съ музыкальнымъ ритмомъ — было дѣломъ генія». Въ послѣднемъ случаѣ, исключеніе, по самому существу дѣла, составляютъ только *фуги* въ нѣкоторыхъ allegro духовныхъ концертовъ Бортнянскаго,—другая сторона его музыкальнаго творчества, которою Бортнянскій едва ли не приравнивается къ Генделю, Гайдну и Моцарту, великимъ композиторамъ XVIII в., сообщившимъ абстрактной формѣ фугированнаго стиля — *выразительность*. Однако, при такомъ сравненіи, за Бортнянскимъ остается то преимущество, что хотя исполнителемъ его произведеній былъ огромный хоръ съ отличными голосами, но во 1-хъ верхніе голоса этаго хора, по правиламъ греко-россійской церкви, выполняли малолѣтные пѣвчіе, не имѣющіе понятія о сердечномъ выраженіи, а во 2-хъ композиторъ не мало долженъ былъ затрудняться отсутствіемъ оркестра. И для того, чтобъ, по возможности, принаровить эти коренныя условія православнаго богослуженія къ полету творческой мысли композитора, Бортнянскій, съ тонкимъ чутьемъ геніальнаго знатока, замѣнилъ недостатокъ оркестра полнотою хора и, въ своихъ произведеніяхъ, постоянно соразмѣрялъ: отдѣльное пѣніе, solo, принадлежащее высокимъ голосамъ, съ тою силою и умѣньемъ, какія доступны малолѣтнымъ пѣвчимъ; а хоральные партитуры голосовъ взрослыхъ—съ тѣми ограниченными свѣдѣніями въ музыкѣ, какія часто приноситъ съ собою взрослый пѣвчій, вступающій въ придворный хоръ по одному только достоинству природнаго голоса. Руководясь этими соображеніями и силою собственнаго генія, Бортнянскій, какъ мы сказали выше, создалъ *свой* стиль богослужебнаго пѣнія, общій характеръ котораго заключается въ томъ, что «Бортнянскій, по выраженію другаго цѣнителя его дѣятельности, сливаетъ хоръ въ одно господствующее чувство, въ одну господствующую мысль, и хотя передаетъ ихъ то однимъ голосамъ, то другимъ, но заключаетъ обыкновенно свою пѣснь общимъ единодушіемъ въ молитвѣ», — при чемъ слушатель не будетъ пораженъ трелями, фіоритурами, высокой гаммой и другими вычурными трудностями итальянской музыки, но услышитъ пѣніе простое, высокое, увлекающее къ молитвѣ и трогающее до слезъ. Такими достоинствами преимущественно запечатлѣны извѣстнѣйшія произведенія Бортнянскаго: его «Да исправится» хорошо знакомое всей Россіи; его «Со святыми упокой», которое еслибъ услыхалъ Палестрино возставъ изъ гроба, навѣрное сказалъ бы: «вотъ то, чего я хотѣлъ, къ чему

стремился»; наконецъ, его «Вѣрую», выгодно различествующее съ «Credo» знаменитаго Керубини именно отсутствіемъ громко-торжественнаго изложенія, примѣнимаго болѣе къ содержанію побѣдной пѣсни Амвросія медіоланскаго «Тебе Бога хвалимъ», нежели къ смыслу глубоко-сознательнаго исповѣданія вѣры молящимся православнымъ. — Дѣятельность Бортнянскаго, какъ композитора, была весьма плодовита. По счету А. Ѳ. Львова, извѣстнаго знатока русской духовной музыки и ея литературы, Бортнянскимъ написаны: концертовъ четыреголосныхъ 35, двухоровыхъ 10, трехголосная литургія, многіе причастны, херувимскія и другія священныя пѣсни, кромѣ того — нѣсколько гимновъ, кантатъ и особенно много хоровъ на разные торжественные случаи. Изъ духовно-музыкальныхъ твореній Бортнянскаго извѣстны: А) Двухорные или осьмиголосные концерты: 1) *Исповѣмся тебѣ, Господи*; 2) *Кто взыдетъ на гору?;* 3) *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ*; 4) *Небеса повѣдаютъ славу Божію*; 5) *Пріидите и видите*; 6) *Радуйтеся людіе*; 7) *Хвалите отроцы Господа.*—Б) Четыреголосные: 8) *Блаженъ мужъ*; 9) *Благо есть исповѣдатися Господеви*; 10) *Боже! пѣснь нову воспою тебѣ*; 11) *Благословлю Господа*; 12) *Благословенъ Господь*; 13) *Блажени, людіе*; 14) *Восхвалю имя Бога Іаковля*; 15) *Возведохъ очи мои;* 16) *Вознесу тя, Боже мой*; 17) *Вси языцы восплещите*; 18) *Воскликните Господеви;* 19) *Воспойте Господеви*; 20) *Гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ*; 21) *Господи Боже Израилевъ*; 22) *Господи силою твоею*; 23) *Господь просвѣщеніе мое*; 24) *Да воскреснетъ Богъ*; 25) *Живый въ помощи вышняго*; 26) *Коль возлюбленна селенія*; 27) *Милости твоя, Господи*; 28) *Не умолчимъ никогда*; 29) *На тя, Господи, уповахъ*; 30) *Отрыгну сердце мое*; 31) *Пойте Богу нашему*; 32) *Пріидите воспоимъ людіе*; 33) *Пріидите возрадуемся*; 34) *Радуйтеся Богу помощнику*; 35) *Рече Господь Господеви*; 36) *Слава въ вышнихъ Богу* (C—dur); 37) *Слава въ вышнихъ Богу* (G—dur); 38) *Сей день, его же благослови Господь*; 39) *Тебе Бога хвалимъ* (C—dur); 40) *Тебе Бога хвалимъ* (B—dur); 41) *Торжествуйте днесь*; 42) *Услышитъ тя Господь*; 43) *Услыши, Господи, гласъ мой*; 44) *Чашу спасенія пріиму.* — В) Молитвы: 45) *Иже херувимы*, на два хора (B—dur); 46) *Иже херувимы*, на 4 голоса (Es—dur). — Г) Великопостныя молитвы на 4 голоса: 47) *Благообразный Іосифъ*; 48) *Вечери твоея тайны*; 49) *Нынѣ силы небесныя;* 50) *О тебѣ радуется;* 51) *Да молчитъ всяка плоть*, на два хора; 52) *Воскресни Боже*, треголосный; 53) *Да исправится молитва моя* (G—dur), треголосный; 54) *Да исправится молитва моя* (D—mol), треголосный. Многія изъ этихъ и другихъ твореній Бортнянскаго, въ 1825 г., еще при жизни автора, переложены на фортепіано протоіереемъ Петромъ Турчаниновымъ, глубокимъ знатокомъ духовной музыки, а всѣ сочиненія русскаго Палестрино собраны и изданы въ 1830-хъ гг., иждивеніемъ придворной пѣвческой капелли. Не одни соотечественники цѣнили геніальнаго Бортнянскаго: одну изъ его херувимскихъ (F—dur) Берліозъ увезъ во Францію и тамъ исполнилъ хоромъ парижской консерваторіи, что было повторено и въ 1851 г., на музыкальномъ торжествѣ въ Лиллѣ. — Быстрота музыкальной концепціи ума Бортнянскаго всего лучше доказывается слѣдующимъ фактомъ: однажды, наканунѣ какого-то торжественнаго дня, имп. Павелъ потребовалъ къ себѣ Бортнянскаго и приказалъ ему, къ слѣдующему дню, изготовить концертъ на стихъ: *Господи, силою твоею возвеселится царь* — и концертъ этотъ, заключающій въ партитурѣ не менѣе двадцати страницъ нотъ, не только былъ сочиненъ по назначенію и исполненъ на другой же день за обѣдней, но первое allegro его — прекрасная фуга — было написано авторомъ въ каретѣ, при самомъ возвращеніи изъ дворца. Какъ наставникъ, Бортнянскій образовалъ С. А. Дегтярева, даровитаго автора всѣми расхваленной, но теперь неизвѣстной, ораторіи «Мининъ и Пожарскій или Освобожденіе Москвы», умершаго въ 1803 г., 47 лѣтъ. Главная же заслуга Бортнянскаго русскому богослужебному пѣснопѣнію состоитъ въ томъ, что онъ, проникнутый пониманіемъ общаго характера духовной музыки, постигъ и изучилъ всѣ, такъ сказать, идіотизмы религіозно-музыкальнаго языка и, облекая мысль текста въ звуки, дѣлаетъ понятнымъ смыслъ ея и для тѣхъ, которые не знали бы или не разслыхали словъ.

ДЕЛЬВИГЪ, баронъ Антонъ Антоновичъ, русскій писатель. Принадлежалъ къ древней германской фамиліи, съ XV в. переселившейся въ остзейскія области и здѣсь, въ 1723 г., возведенной въ баронское шведскаго королевства достоинство, а родился 6 августа 1798 г., въ Москвѣ, гдѣ проживалъ тогда его отецъ (впослѣдствіи генералъ-маіоръ), баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ, женатый на дѣвицѣ Красильниковой. — Бывъ въ младенчествѣ безпрерывно боленъ, будущій поэтъ началъ говорить очень поздно и вообще развивался медленно, но воображеніе ребенка, въ ущербъ прочимъ способностямъ, усиливалось такъ несоразмѣрно, что, по свидѣтельству его знаменитаго друга, А. С. Пушкина, «будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью». Послѣ первоначальнаго учебнаго курса въ одномъ изъ московскихъ частныхъ пансіоновъ, 13-ти-лѣтній Дельвигъ, въ 1811 г., былъ привезенъ въ Петербургъ и здѣсь, 12 августа, въ одинъ день съ Пушкинымъ, держалъ пріемный экзаменъ для вступленія въ Лицей, учреждавшійся тогда въ Царскомъ Селѣ, съ цѣлію образованія юношества, «особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной». Пріемный экзаменъ Дельвига характеризовался отмѣтками, не особенно блистательными для экзаменовавшагося: «хорошо» Дельвигъ аттестовался только въ «грамматическомъ познаніи россійскаго языка», въ «познаніи общихъ свойствъ тѣлъ» и въ «начальныхъ основаніяхъ исторіи и географіи»; «преслабо» — во французскомъ языкѣ; нѣмецкаго языка «не зналъ», ариѳметику «зналъ до тройнаго правила». Совсѣмъ тѣмъ, изъ числа 38 экзаменовавшихся, въ Лицей принято 30 юношей — и между ними бар. Дельвигъ, а также славный Пушкинъ. Съ началомъ перваго лицейскаго курса, открытаго 23 октября 1811 г., Дельвигъ далеко не изумлялъ успѣхами: «Способности его — пишетъ Пушкинъ — развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнивы. На 14-мъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 г., выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе слушателей, что нѣсколько

дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Ѳ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самаго Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣсть онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ». — Къ концу перваго курса, Дельвигъ, по успѣхамъ въ наукахъ, оказался въ послѣднемъ изъ трехъ десятковъ лицеистовъ. Второй курсъ Дельвигъ прошелъ не лучше перваго, а въ началѣ третьяго курса сталъ предпослѣднимъ ученикомъ, при чемъ, въ вѣдомостяхъ, напр. профессора нравственныхъ наукъ Куницына, съ 19 ноября 1812 по 1 февраля 1814 г., онъ аттестовался такъ: «Непонятенъ и лѣнивъ, отвѣчаетъ на вопросы безъ размышленія и безъ всякой связи. Замѣтно даже, что вовсе не имѣетъ охоты къ ученію. Поведеніе его также достойно охужденія; ибо онъ грубъ въ обращеніи, дерзокъ на словахъ, непослушенъ и упрямъ до такой степени, что презираетъ всѣ наставленія и даже смѣется, когда дѣлаешь ему выговоры». Но отличаясь лѣностію, учась плохо и даже просыпая утреннія лекціи, Дельвигъ читалъ неутомимо, обнаруживалъ сильную наклонность къ литературнымъ занятіямъ. «Любовь къ поэзіи — пишетъ Пушкинъ — пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть собраніе русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей (В. К. Кюхельбекеромъ), живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ. Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго». Независимо отъ личной склонности Дельвига къ занятіямъ литературнымъ, немалымъ побужденіемъ къ тому же для него и многихъ другихъ лицеистовъ служило литературное общество, учредившееся въ Лицеѣ чуть ли не вмѣстѣ съ основаніемъ послѣдняго и еще до 1813 г. издававшее, въ стѣнахъ Лицея, четыре рукописные журнала: «Лицейскій Мудрецъ», «Для удовольствія и пользы», «Неопытное Перо» и «Пловецъ». Центромъ этаго литературнаго кружка былъ Пушкинъ, а однимъ изъ главныхъ его пособниковъ — Дельвигъ, уже тогда, на пятнадцатомъ году возраста, начинавшій пробовать свои поэтическія силы подражаніями Горацію. И пробы эти, повидимому, удовлетворяли самого 15-ти-лѣтняго автора, который уже въ 1814 г. отдалъ въ іюньскую книжку журнала «Вѣстникъ Европы», издававшагося тогда В. В. Измайловымъ, свою оду: *На Взятіе Парижа*, съ подписью: *Русской* и съ отмѣткою: *изъ С. Петербурга.* Стихотвореніе это, первый печатный опытъ Дельвига, писано строфами — въ родѣ слѣдующей, начальной:

Въ громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да услышатъ тебя всѣ народы,
Скажутъ: не то ли перуны Зевеса,
Коими въ гнѣвѣ сражаетъ пороки?
Пиндара муза тобой побѣжденна;
Ты же не игры поешь олимпійски,
И не царя съ быстротою летяща
Къ цѣли на добромъ конѣ Сиракузскомъ,
Но Александра, царя миролюбна,
Кѣмъ семиглавная гидра сраженна!

Кромѣ оды: *На взятіе Парижа*, въ «Вѣстникѣ Европы» было напечатано еще шесть стихотвореній Дельвига, а именно: *Къ Діону*, *Къ Поэту-математику*, *Къ Лилетѣ*, *Старикъ*, *Дафна* и эпиграмма: *Поэтъ надутый Клитъ.* Примѣръ Дельвига увлекъ за собой и Пушкина, который, въ іюльской же книжкѣ «Вѣстника Европы» 1814 г. впервые явился печатно съ стихотвореніемъ: *Къ другу-стихотворцу*, подписаннымъ: *Александръ Н. к. ш. п.*; а когда В. В. Измайловъ, оставивъ редакцію «Вѣстника Европы», началъ съ 1815 г. издавать «Россійскій Музеумъ или Журналъ Европейскихъ Новостей» — оба лицейскіе друга явились ревностными сотрудниками новаго изданія, и Дельвигъ, въ томъ же 1815 г., помѣстилъ въ «Россійскій Музеумъ» *восемь* стихотвореній (а именно: *Лилея*, *Къ Темирѣ*, *Фіялка и Роза*, *Къ Т-ву* (Таушеву), *Къ больному Г**** (Горчакову, кн. А. М.), *Вакхъ*, *Хата*, *Къ Пушкину*), подписанныхъ: *—Д—* или *Д.*, да одну прозаическую статью: *Письмо къ издателю музеума*, за подписью: *Баронъ Д....* Одновременно съ перечисленными здѣсь стихотвореніями, Дельвигъ сочинялъ и другія, какъ доказывается это слѣдующей выдержкой изъ письма его лицейскаго товарища А. Д. Илличевскаго, отъ 28 февраля 1816 г., къ своему пріятелю П. Н. Фуссу: «Онъ (Дельвигъ) писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ — метромъ. Симъ метромъ написалъ онъ къ *Діону*, къ *Лилетѣ*, къ *больному Горчакову* — и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, т. е. писалъ ямбомъ: *Полякъ* (балладу), *Тихую жизнь* — мастерское произведеніе! — и писалъ опять — прекрасно». — Что касается стихотворенія: *Тихая жизнь*, принадлежащаго, въ самомъ дѣлѣ, къ лучшимъ произведеніямъ музы Дельвига, оно впослѣдствіи печаталось съ значительными измѣненіями, а первоначально имѣло такую редакцію:

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
Кто дышетъ въ родинѣ, и съ милою своей,
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется.
Кто молоко отъ стадъ, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ сбираетъ;
Кому зеленый букъ въ огнѣ трещитъ зимой,
И сонъ прохладою въ тѣнь лѣтній навѣваетъ.
Спокойно цѣлый вѣкъ прокатитъ онъ трудясь,
Полета быстраго часовъ не примѣчая:
Устанетъ, наконецъ—зѣвнетъ, перекрестясь —
Протянется—вздохнетъ—да и заснетъ, зѣвая.
Такъ жизни Дельвига безвѣстно пролетѣть....
Не плачь, Эмилія! О други, веселиться!
Тамъ, говоритъ Вильгельмъ, мы будемъ пѣсни пѣть:
Давайте жъ мнѣ фіалъ—намъ надо *здѣсь* напиться.

Между тѣмъ, въ маѣ 1817 г., лицеистамъ перваго пріема было произведено послѣднее публичное испытаніе, по результату котораго Дельвигъ оказался третьимъ съ конца, а Пушкинъ четвертымъ, и Дельвигу же, за отказомъ Пушкина, поручено директоромъ Лицея Е. А. Энгельгардтомъ, ласкавшимъ обоихъ поэтовъ, изготовить нарочное стихотвореніе къ торжественному акту, — первому со времени учрежденія Лицея. Дельвигъ не упрямился, какъ Пушкинъ, — и его *Прощальная пѣснь*, начинающаяся извѣстными стихами:

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины,

И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!—

была пѣта на лицейскомъ актѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, 9 іюня 1817 г. при чемъ тогда же напечатана въ журналѣ «Сынъ Отечества» (1817. № 26), и поется до сихъ поръ каждое 19 октября, въ годовщину основанія Лицея.—Но на жизнь за стѣнами Лицея Дельвигъ смотрѣлъ грустно и недовѣрчиво, а потому, передъ самымъ выпускомъ, написалъ такую элегію *Къ Друзьямъ:*

Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О царскій садъ, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной оживлялась
Волшебница фантазія моя
И со струной струна перекликалась,
Въ согласный звонъ сливаясь подъ рукой,
И вы, друзья, любили голосъ мой.

Вамъ пѣсни въ даръ отъ сельскаго поэта!
Любите ихъ за то хоть, что мои.
Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
Всѣ вы, друзья, всѣ радости мои?
И, можетъ быть, мечты моей Лилета
Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви;
А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынѣ милый,
Какъ василекъ, недоцвѣтетъ унылый.

Съ стѣнами Лицея, Дельвигъ, всегда лѣнивый и безпечный, дѣйствительно, терялъ мирное убѣжище отъ заботъ, по крайней мѣрѣ, матеріальныхъ, а въ лицѣ товарищей — разлучался съ соучениками, всегда его любившими, и, далеко неравнодушный къ этимъ утратамъ, онъ еще неравнодушнѣе покидалъ мѣста, дорогія ему по инымъ воспоминаніямъ, которыя другъ его Пушкинъ, говоря о себѣ и Дельвигѣ, характеризовалъ такъ:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненье мы познали:
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали—
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ.

Причисленный, по заключительному экзамену, ко второму разряду окончившихъ курсъ лицеистовъ, Дельвигъ, черезъ нѣсколько дней по выпускѣ изъ Лицея, уѣхалъ въ Хороль повидаться съ отцомъ, командовавшимъ тамъ бригадою, и передъ своимъ отъѣздомъ написалъ стихотвореніе: *Къ П-ну* (Пущину), напечатанное въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» того же 1817 г., да кромѣ того отдалъ «пукъ стиховъ» на сохраненіе И. П. Шульгину. Но у отца въ Хоролѣ Дельвигъ пробылъ недолго: 6 іюля 1817 г. его опредѣлили на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, съ жалованьемъ по 700 р. и онъ немедленно явился въ Петербургъ, гдѣ, поселясь въ одной квартирѣ съ П. Л. Яковлевымъ, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Лужницкаго старца*, мало занимался службою, болѣе же и почти исключительно — литературою. На этой квартирѣ, у Дельвига съ Яковлевымъ началъ собираться кружокъ пріятелей-лицеистовъ, ежедневно посѣщаемый Пушкинымъ, кружокъ, къ которому очень скоро же присоединилось нѣсколько литературныхъ молодыхъ людей, каковы напр.: извѣстный впослѣдствіи поэтъ Баратынскій, лексикографъ Эртель, либреттистъ бар. Розенъ, — и дружеская компанія коротала свое время весело, беззаботно, порою наѣзжая всей гурьбой въ Царское Село, гдѣ у Дельвига было много связей и въ Лицеѣ, и въ гвардейскомъ гусарскомъ полку. — Привязанность къ Царскому Селу не переставала быть слабостію Дельвига, который, около этаго же времени, сочинилъ *элегію* къ Яхонтову, лицеисту 2-го курса, начинавшуюся стихами:

Не мило мнѣ на новосельѣ;
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло.
Одно и есть мое веселье:
Увидѣть Царское Село!

Въ 1818 г. Дельвигъ былъ избранъ членомъ с.-петербургскаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, печатая въ періодическомъ изданіи котораго, подъ названіемъ «Благонамѣренный», свои — частію передѣланныя, частію новыя — *четыре* стихотворенія (именно: *Къ Доридѣ*, *Къ Темирѣ*, *А. С. Пушкину*, *Къ Илличевскому*), онъ впервые разстался съ Пушкинымъ, впервые же уѣхавшимъ тогда посѣтить свое извѣстное сельцо Михайловское, и сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ субботнихъ литературныхъ вечеровъ В. А. Жуковскаго, гдѣ не замедлилъ дружески полюбить П. А. Плетнева. — Съ наступленіемъ 1819 г., Дельвигъ, 28 февраля, вышелъ въ отставку изъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, въ мартѣ, представилъ редакціи журнала «Благонамѣренный» для напечатанія свое стихотвореніе *Къ Мальчику*; 2 апрѣля снова поступилъ на службу въ III отдѣленіе канцеляріи министерства финансовъ, а 22 сентября избранъ членомъ-сотрудникомъ вольнаго общества любителей россійской словесности, въ «Трудахъ» котораго онъ тогда же помѣстилъ свое новое стихотвореніе: *Утѣшеніе бѣднаго поэта*, да перепечаталъ два старыя (именно: *Къ Діону*, *Къ А. С. Пушкину*), и затѣмъ — поэтизировалъ всю осень, провожая Е. А. Баратынскаго, уѣзжавшаго тогда на службу въ Финляндію. Оба поэта, еще не разлучаясь, уже писали другъ другу посланія, изъ которыхъ, напр., Дельвигово Баратынскому, озаглавленное: *Въ день моего рожденья*, представляетъ такой образчикъ тогдашнихъ воззрѣній автора:

Съ годомъ двадцать мнѣ прошло!
Я пирую други съ вами,
И шампанское въ стекло
Льется пѣнными струями.
Дай намъ благостный Зевесъ
Встрѣтить новый вѣкъ съ бокаломъ!
О, тогда съ земли, безъ слезъ,
Смерти мирнымъ покрываломъ
Завернувшись, мы уйдемъ—
И за мрачными брегами,
Встрѣтясь съ милыми тѣнями,
Тѣнь Аи себѣ нальемъ.

Начавъ слѣдующій 1820 г. перепечаткой стараго стихотворенія *Къ Лилетѣ* въ январской книжкѣ «Трудовъ вольнаго общества любителей россійской словесности» и помѣщеніемъ еще не напечатанныхъ стихотвореній: *Е. А. Б...вой* и *Элегіи* (къ Яхонтову) въ февральскихъ книжкахъ журналовъ «Благонамѣренный» и «Невскій Зритель», Дельвигъ, въ засѣданіяхъ обществъ: вольнаго любителей россійской словесности, 8 іюня, и любителей словесности, наукъ и художествъ, 17 іюня, читалъ свои новыя стихотворенія: въ первомъ — *Разговоръ съ геніемъ*, а во второмъ — *Видѣніе*, и, произведенный 16 августа, за выслугу лѣтъ, въ титулярные совѣтники, 31 октября избранъ дѣйствительнымъ членомъ вольнаго общества любителей россійской словесности, въ «Трудахъ» котораго, кромѣ стихотворенія *Къ Лилетѣ*, онъ, въ теченіе 1820 г., помѣстилъ

еще *восемь* стихотвореній (именно: *Первая встрѣча*, прежде называвшееся *Дафна*; *Видѣніе*; *Тихая жизнь*; *Разговоръ съ геніемъ*; *Къ Амуру*, изъ Геснера; *Къ Шульгину*; *Диѳирамбъ*; *Дѣдушка! дѣвицы*, романсъ), при чемъ, въ видахъ защиты только что вышедшей въ свѣтъ поэмы своего знаменитаго друга: «Русланъ и Людмила», подвергшейся озлобленнымъ нападкамъ враговъ ново-романтическаго направленія, онъ же, Дельвигъ, былъ авторомъ одной изъ двухъ *Эпиграммъ рецензенту поэмы Русланъ и Людмила*, явившихся въ № XXXVIII журнала «Сынъ Отечества» 1820 г., — и именно эпиграммы:

Хоть надъ поэмою и долго ты корпишь,
Красотъ ей не придашь и не умалишь.
Брани, всѣмъ кажется, ее ты хвалишь,
Хваля, ее бранишь.

Лишенный въ томъ же 1820 г. и компаніи своего друга Пушкина, сосланнаго на житье въ Кишиневъ, и амфитріона литературныхъ субботнихъ вечеровъ Жуковскаго, уѣхавшаго сопровождать въ заграничномъ путешествіи вел. кн. Александру Ѳедоровну (съ чѣмъ вмѣстѣ литературныя собранія по субботамъ перенесены къ Плетневу), Дельвигъ, весной 1821 г., былъ обрадованъ какъ первымъ, со времени отъѣзда, письмомъ къ нему Пушкина, отъ 21 марта, письмомъ полнымъ автобіографическаго интереса, такъ и прибытіемъ въ Петербургъ изъ Финляндіи той пѣхотной бригады, гдѣ служилъ юнкеромъ поэтъ Баратынскій, — къ которому Дельвигъ тогда же, въ первые дни свиданія, написалъ посланіе, начинавшееся стихами:

Ты въ Петербургѣ, ты со мной,
Въ объятьяхъ друга и поэта!
Опять прошедшаго мы лѣта,
О, трубадуръ веселый мой,
Забавы, игры воскресили,
Опять насъ вѣтьями покрыли
Густыя рощи острововъ,
И приняли на шумны волны
Нева и братьевъ и пѣвцовъ;
Опять веселья, жизни полный,
Я счастливъ радостью друзей и т. д.

«Баратынскій — пишетъ, со словъ очевидца, одинъ изъ біографовъ Дельвига — поселился на одной квартирѣ съ Дельвигомъ, въ семеновскомъ полку. Оба поэта жили самымъ оригинальнымъ, самымъ беззаботнымъ, а потому безпорядочнымъ образомъ, почти не имѣя мебели въ своей квартирѣ, и не нуждаясь въ подобной роскоши, почти постоянно безъ денегъ, но за то съ неистощимымъ запасомъ самой добродушной, самой беззаботной веселости. Хозяйственныя распоряженія въ домашнемъ быту обоихъ поэтовъ предоставлены были на произволъ находившагося у Дельвига въ услуженіи человѣка Никиты, который въ лѣности и безпечности могъ поспорить развѣ только съ своимъ бариномъ.... Вообще порядокъ, чистота и опрятность были качествами, неизвѣстными въ домашнемъ быту обоихъ поэтовъ. Эта безпорядочная обстановка жизни, считавшаяся тогда поэтическою, доходила до цинизма, и Дельвигъ, во всемъ старавшійся быть эпикурейцемъ, былъ въ тоже время и цинsocomъ въ значительной степени, хотя, быть можетъ, и безсознательно». — Между тѣмъ, Дельвигъ, напечатавъ, весною же 1821 г., въ «Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности» эпитафію: *Завидуйте моей судьбѣ*, 1 октября, по прошенію, получилъ увольненіе изъ канцеляріи министра финансовъ, а 2 октября, по прошенію же, опредѣленъ въ имп. публичную библіотеку помощникомъ библіотекаря — должность, которую онъ исправлялъ частно еще съ сентября 1820 г., за что и выдано ему, 17 января 1822 г., въ награду, 1000 руб. изъ библіотечной суммы. — Служба въ публичной библіотекѣ, подъ начальствомъ тогдашняго директора ея А. Н. Оленина и его помощника С. С. Уварова, необходимо поставляла Дельвига въ обыденныя отношенія съ цѣлой группой недюжинныхъ сослуживцевъ, каковы напр. И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. Х. Востоковъ, извѣстный библіографъ В. Сопиковъ, и менѣе извѣстный лексикографъ Ѳ. Эртель, — и Дельвигъ, послѣ утреннихъ встрѣчъ и бесѣдъ съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ лицъ, коротaлъ дни въ развеселой компаніи друзей-лицеистовъ и пріятелей лейбъ-гусаровъ, являясь по вечерамъ въ литературныя собранія, которыхъ тогда въ Петербургѣ развелось много. Но блистательнѣйшими изъ такихъ вечеровъ считались и, дѣйствительно, были собранія у С. Д Пономаревой, рожденной Познякъ, одной изъ самыхъ образованныхъ и любезныхъ дамъ своего времени, знакомой Дельвигу и всѣмъ лицеистамъ еще по Царскому Селу, куда она ѣзжала къ своему брату-лицеисту, обыкновенно въ сопровожденіи литератора-издателя А. Е. Измайлова. — Обставленный такъ удобно въ литературномъ отношеніи, Дельвигъ, въ іюнѣ 1822 г., вмѣстѣ съ лексикографомъ Эртелемъ и зятемъ Пушкина Н. И. Павлищевымъ, ѣздилъ на нѣсколько дней въ Роченсальмъ, къ Баратынскому, съ которымъ тамъ же перевелъ стихами извѣстную застольную пѣсню Коцебу: «Es kann ja nicht immer so bleiben», а по возвращеніи въ Петербургъ, онъ, съ іюля, принялъ участіе въ журналѣ «Новости Литературы» основанномъ А. Ѳ. Воейковымъ и В. И. Козловымъ, гдѣ немедленно напечаталъ два романса: *Сегодня я съ вами пирую, друзья!* и *Одинокъ въ облакахъ мѣсяцъ плылъ туманный*, при чемъ не забывалъ и «Трудовъ вольнаго общества любителей россійской словесности», помѣстивъ въ нихъ слѣдующее граціозное стихотвореніе, подъ названіемъ *Мой домикъ:*

За далью туманной,
За дикой горой,
Стоитъ надъ рѣкой
Мой домикъ простой.
Для знати жеманной
Онъ запертъ ключемъ,
Но горенку въ немъ
Отвелъ я веселью,
Любви и бездѣлью:
Они берегутъ
Мой скромный пріютъ.
Дана имъ свобода
Въ кустахъ огорода,
На злакѣ луговъ
И древнихъ дубовъ
Въ тѣни молчаливой,
Гдѣ, струйкой игривой
Сверкая, бѣжитъ,
Бѣжитъ и журчитъ,
Ручей пограничный —
Съ заботой привычной
Порхать и летать,
И пѣснію сладкой
Въ мой домикъ украдкой
Друзей прикликать.

Съ выходомъ въ свѣтъ къ новому 1823 г. перваго русскаго альманаха «Полярная Звѣзда», изд. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ) и К. Рылѣевымъ, явились въ немъ и *четыре* новыя стихотворенія Дельвига, а именно: *Русская пѣсня* («Ахъ ты, ночь ли»); *На смерть****, сельская элегія; *Вдохновеніе*, сонетъ, и *Пѣсня* («Роза ль ты, розочка») — произведенія, которыми особенно восхитился Пушкинъ, писавшій, отъ 30 января 1823 г., къ своему брату: «Дельвигъ, Дельвигъ! Пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя, добился ты наконецъ до точности языка, единственной вещи, которой тебѣ не доставало. En avant! marche». — Рядомъ съ этой похвалой Пушкина, хотя и часто ослѣплявшагося пристрастіемъ къ своему другу, нельзя не привести слѣдующей, весьма вѣрной, замѣтки одного изъ біографовъ бар. Дельвига: «Служба въ публичной библіотекѣ давала Дельвигу прекрасный случай довершить свое литературное образованіе и вѣрнымъ путемъ труда и науки итти къ достиженію сознанной цѣли. Не можемъ сказать, чтобы Дельвигъ вполнѣ воспользовался этимъ случаемъ; но занятія въ библіотекѣ, безъ сомнѣнія, имѣли нѣкоторое вліяніе на его музу: въ произведеніяхъ его стало яснѣе высказываться опредѣленное направленіе; антологія и романсы были оставлены для идиллій, требовавшихъ уже болѣе основательнаго знакомства съ классическимъ міромъ, и даже въ отношеніи формы замѣтно менѣе снисходительности». Какъ бы то ни было, Дельвигъ, лѣнясь по цѣлому году отвѣчать изгнаннику-Пушкину, не лѣнился ни посѣщать литературныя вечера издателя «Новостей Литературы», блиставшіе любезностью жены издателя, А. А. Воейковой, и присутствіемъ В. А. Жуковскаго съ цѣлою плеядою литературныхъ знаменитостей, ни снабжать самыя «Новости Литературы» своими стихотвореніями, которыхъ, въ теченіе одного 1823 г. онъ помѣстилъ въ этомъ изданіи новыхъ *пять* (именно: *три романса*: «Когда душа просилась ты», «Вчера вакхическихъ друзей» и «Только узналъ я тебя»; *сонетъ*: «Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ»; *Къ Лилѣ*), да перепечаталъ изъ «Литературныхъ Листковъ», журнала нравовъ и словесности, изд. Булгаринымъ, шестое (*Къ выпущенной птичкѣ*). — Кромѣ сотрудничествъ въ «Новостяхъ Литературы», къ поэтической дѣятельности Дельвига за 1823 г. принадлежатъ: *Сонетъ Н. М. Языкову* — новому другу, съ которымъ Дельвигъ встрѣтился и познакомился на вечерахъ у Воейкова — тогда же напечатанный въ «Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности», и *пять* стихотвореній (именно: *двѣ русскія пѣсни*: «Что, красотка молодая» и «Голова ль моя, головушка»; *два романса*: «Прекрасный день, счастливый день» и «Не говори: любовь пройдетъ»; *Сонетъ С. Д. П-ой*, т. е. Соф. Дм. Пономаревой), вновь изготовленныхъ Дельвигомъ для альманаха «Полярная Звѣзда» на 1824 г. — И хотя въ теченіе этаго 1824 г. поэтическая дѣятельность Дельвига, ѣздившаго на свиданіе съ родными въ Витебскъ и тамъ опасно заболѣвшаго, ограничилась только перепечаткою въ «Новостяхъ Литературы» трехъ изъ его прежнихъ стихотвореній, да помѣщеніемъ въ «Трудахъ вольнаго общества любителей россійской словесности» одного новаго: *Къ Софіи*, а самъ Дельвигъ, подъ именемъ *Лѣнтяева* (вмѣстѣ съ Баратынскимъ — *Неучинскимъ* и Грибоѣдовымъ-*Талантинымъ*), даже подвергся осмѣянію въ статейкѣ «Литературные Призраки», сочиненной Булгаринымъ и напечатанной въ его же «Литературныхъ Листкахъ», — извѣстность Дельвига, какъ писателя, была уже такъ упрочена, что книгопродавецъ Сленинъ, издавшій первую книжку «Полярной Звѣзды», но устраненный составителями отъ изданія второй, самъ, предложилъ Дельвигу собрать альманахъ, подобный «Полярной Звѣздѣ», вызываясь взять на себя трудъ и расходы печатанія.— Предложеніе Сленина Дельвигу было сдѣлано въ концѣ 1824 г., а 5 января 1825 г. уже вышелъ и поступилъ въ продажу изданный Дельвигомъ альманахъ «Сѣверные Цвѣты на 1825 г.», вкладчиками въ который явились: Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, вообще не дававшій своихъ произведеній въ альманахи, Козловъ, Баратынскій, Воейковъ, Гнѣдичъ, Востоковъ, Ѳ. Глинка, А. Е. Измайловъ, кн. Вяземскій, Плетневъ, Масальскій, Ободовскій, Ѳ. Туманскій и многіе другіе. Самъ Дельвигъ помѣстилъ въ этой книжкѣ *пять* стихотвореній (именно: *три русскія пѣсни*: «На яву и въ сладкомъ снѣ», «Скучно, дѣвушки, весною жить одной» и «Пѣла, пѣла пташечка»; *романсъ*: «Друзья, друзья! Я Несторъ между вами»; идиллія: *Купальницы*). Успѣхъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» былъ блистательный. Очутившись, по этому случаю, съ деньгами, Дельвигъ, въ томъ же 1825 г., весною, посѣтилъ Пушкина въ его невольномъ уединеніи, сельцѣ Михайловскомъ, и провелъ съ великимъ поэтомъ нѣсколько дней, почти описанныхъ Пушкинымъ въ IV главѣ «Евгенія Онѣгина» (строфы XXXVII—LI), а 25 мая, по прошенію, былъ уволенъ изъ службы при публичной библіотекѣ, и 31 іюля опредѣленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ для особыхъ порученій. Еще черезъ три мѣсяца Дельвигъ женился — и у него затѣялись еженедѣльные, по средамъ и воскресеньямъ, литературные вечера, на которыхъ присутствовала вся петербургская пишущая братія, бывалъ и знаменитый поэтъ Мицкевичъ, находилъ ободреніе и юный, такъ рано угасшій, поэтъ Веневитиновъ. — Къ исходу 1825 г. Дельвигъ заготовилъ вторую книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» — но выпустилъ ее только въ апрѣлѣ 1826 г., съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и первую. Собственныхъ стихотвореній Дельвига въ этой второй книжкѣ было *семь* (именно: *Въ альбомъ С. Г. К-ой*, *Н. И. Гнѣдичу*, *Мы*, *Эпитафія*, *Луна*, русская пѣсня: *Соловей мой, соловей* и *Двѣ звѣздочки*). — Между сборами къ выпуску третьей книжки альманаха, изданіе которой предпринималось Дельвигомъ уже безъ посредства Сленина, Дельвигъ, 6 декабря 1826 г. былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, со старшинствомъ болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ, и не ранѣе апрѣля 1827 г. объявилъ о поступленіи въ продажу третьей книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», съ *четырьмя* его стихотвореніями (именно: *Диѳирамбъ*, идиллія *Друзья*, *Въ альбомъ А. Н. В-фъ*, *Геній Хранитель*), а въ маѣ — онъ уже обнималъ Пушкина, только что получившаго разрѣшеніе пребывать въ обѣихъ столицахъ. Разставшись съ Пушкинымъ, уѣхавшимъ — на этотъ разъ, добровольно — провести лѣто въ Михайловскомъ, Дельвигъ повезъ свою больную жену къ морскимъ купаньямъ въ Ревель, тамъ пробылъ съ нею все лѣто 1827 г. и тамъ же, подъ вліяніемъ величественнаго зрѣлища морскихъ маневровъ, написалъ сонетъ: *Къ Русскому флоту*, напечатанный въ посмертныхъ произведеніяхъ автора. — По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Дельвигъ скоро встрѣтилъ тутъ Пушкина, принималъ его у себя почти ежедневно и, при дѣятельномъ участіи этаго друга, издалъ, въ началѣ 1828 г., четвертую книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», составленную удачнѣе прежнихъ, какъ въ отдѣлѣ стихо-

твореній, гдѣ красовались имена Батюшкова, Крылова, Гнѣдича, Козлова, Баратынскаго, Языкова, Подолинскаго, такъ и въ отдѣлѣ прозы, гдѣ обращали на себя особенное вниманіе «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія» Пушкина — статья, неподписанная именемъ автора. — Стихотвореній самаго Дельвига въ этой четвертой книжкѣ помѣщено *семь* (именно: *На смерть В....ва*, т. е. Веневитинова; *На смерть собачки Амики*; *Отвѣтъ* (Плетневу); идиллія: *Нѣкогда Титиръ и Зоя*; эпиграмма: *Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули* и *Смерть*. Но едва явилась въ свѣтъ четвертая книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», какъ Дельвигъ, въ февралѣ 1828 г., получилъ командировку на слѣдствіе по заготовленію въ бывшей Слободско-Украинской губерніи провіанта для войскъ по высокимъ цѣнамъ — и немедленно отправился изъ Петербурга, съ женою; проѣздомъ черезъ Москву останавливался на нѣсколько дней у Баратынскаго, а по прибытіи въ Харьковъ, между занятіями служебными, написалъ къ случившемуся тогда выпуску воспитанницъ харьковскаго института *Хоръ*, представленный начальницей института имп. Маріи Ѳедоровнѣ и удостоенный вниманія ея величества. Въ южной Россіи Дельвигъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ и тамъ же схоронилъ отца, по смерти котораго самъ перевезъ мать съ сестрами въ Чернскую деревню, откуда, 13 іюля 1828 г., писалъ къ Полевому въ Москву: «М. Г. Николай Алексѣевичъ. На письмо мое изъ Харькова я не получилъ отъ васъ никакого отвѣта. Вторично прошу васъ, если даже не продано ни однаго экземпляра «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», одолжить мнѣ на одинъ мѣсяцъ 1000 рублей. Деньги мнѣ необходимы въ теперешнемъ положеніи моемъ: я лишился отца, долженъ привести въ порядокъ деревенскія дѣла, чтобы оставить спокойнѣе семью мою; въ теперешнее же время года деревня только обѣщаетъ деньги, а не даетъ. Будьте добры къ человѣку, почитающему и уважающему Васъ. Готовый къ услугамъ баронъ Дельвигъ». — Возвратившись къ исходу лѣта въ Петербургъ, Дельвигъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и О. М. Сомовымъ, занялся составленіемъ слѣдующей по порядку книжки своего альманаха и, причисленный съ 21 ноября 1828 г. къ хозяйственному департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ для особыхъ порученій, въ началѣ 1829 г. издалъ пятую книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», въ которой изъ его стихотвореній помѣщены вновь только *два* (именно: *Сонъ* и *Хоръ для выпуска воспитанницъ харьковскаго института*), а третье перепечатано изъ старыхъ (*романсъ*: «Одиноко мѣсяцъ плылъ»). Но эта же книжка «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» охладила дружескія отношенія Дельвига съ Гнѣдичемъ, по тому поводу, что Дельвигъ напечаталъ въ ней «Отрывки изъ Иліады» въ переводѣ Жуковскаго, между тѣмъ какъ тогда былъ уже готовъ къ изданію знаменитый трудъ Гнѣдича — переводъ всей Иліады. — Помимо этаго обстоятельства, Дельвигъ могъ быть тѣмъ довольнѣе ходомъ изданія пятой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», что изъ остатка матеріаловъ, въ изобиліи для нея заготовленныхъ, онъ увидѣлъ возможность выпустить къ дню Пасхи 1829 г. новый альманахъ, подъ названіемъ «Подснѣжникъ», въ которомъ, кромѣ произведеній: Крылова, Пушкиныхъ (племянника и дяди), Баратынскаго, Языкова, Илличевскаго, Ободовскаго, кн. Вяземскаго, Ѳ. Глинки, Масальскаго, Подолинскаго, бар. Розена, Шевырева, Щастнаго и др., нашли мѣсто и *два* новыя стихотворенія самаго Дельвига (именно: *русская пѣсня*: «Сиротинушка, дѣвушка!» и *Хоръ изъ колиновой трагедіи*: *Поликсена*), не считая стараго, *романса*: «Дѣдушка, дѣвицы!», явившагося, на этотъ разъ, съ приложеніемъ музыки М. И. Глинки. — Независимо отъ выпуска, почти одновременно, двухъ альманаховъ, Дельвигъ, никогда не заботившійся, не смотря на убѣжденія друзей, объ отдѣльномъ изданіи своихъ сочиненій, внезапно вздумалъ выбрать «тѣ изъ своихъ стихотвореній, которыя почиталъ окончательно отдѣланными» — и въ апрѣлѣ 1829 г. напечаталъ ихъ особой книжкой, на экземплярѣ которой, посланномъ Плетневу, надписалъ своеручно:

Броженье юности унялось,
Остепенился твой поэтъ:
И вотъ ему что отстоялось
Отъ прежнихъ дѣлъ, отъ прошлыхъ лѣтъ.
Тутъ все, знакомое субботамъ,
Когда мы жили жизнью всей,
И расходились на шесть дней,
Я — снова къ лѣни, ты — къ заботамъ.

Съѣздивъ, въ іюнѣ 1829 г., съ семьей, Сомовымъ и М. И. Глинкой, прогуляться на Иматру, Дельвигъ, по возвращеніи въ Петербургъ, то и дѣло читалъ не совсѣмъ благопріятные отзывы журналовъ о его «Сочиненіяхъ», но не входилъ ни въ какую полемику съ многочисленными зоилами, пока не явилась въ «Галатеѣ» изд. Раичемъ, критическая статья, которая своими нападками на личныя отношенія Дельвига къ его друзьямъ-литераторамъ и ихъ взаимныя восхваленія другъ-другу, побудила издателя «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» вооружиться перомъ и напечатать въ № XII журнала «Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ» такой отвѣтъ *На критику Галатеи*: «По природѣ и по образу мыслей моихъ, я всегда былъ и буду равнодушенъ къ похваламъ и брани журнальныхъ аристарховъ нашихъ; никогда не сердился на ихъ замѣчанія, даже радовался, доставляя имъ случай написать одну или двѣ лишнія странички. Но, прочитавъ въ 19-мъ № Галатеи критику на мои стихотворенія, почелъ обязанностью замѣтить сочинителю ея всю неприличность его нападокъ на нравственное чувство уваженія, которое я, со всѣми благомыслящими соотечественниками питаю къ Пушкину, Баратынскому и Плетневу. П. А. Плетневъ, отвлекаемый отъ музъ другими, полезными занятіями, рѣже двухъ первыхъ являлся на литературномъ поприщѣ, но всегда дарилъ читателей стихотвореніями, исполненными чувствъ и гармоніи. Прозаическія статьи его отличаются правильностью языка и точностью мыслей, и — что у насъ довольно рѣдко — тономъ хорошаго общества. Съ благородною гордостію радуюсь, что могу безъ лести хвалить друзей моихъ. Въ первыхъ двухъ стихахъ отвѣта моего на ненапечатанное еще посланіе ко мнѣ П. А. Плетнева, я какъ бы предвидѣлъ или предчувствовалъ критиковъ Галатеи. Б. Дельвигъ». Причины, родившія этотъ отвѣтъ (*единственный*, сдѣланный Дельвигомъ печатно), не мало помогли Пушкину и кн. Вяземскому упросить Дельвига взять на себя изданіе газеты, которая представляла бы справедливую и безпристрастную оцѣнку литературныхъ произведеній писателями, не могшими «по разнымъ отношеніямъ, являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ». Сдавшись на просьбу друзей, Дельвигъ немедленно сдѣлалъ надлежащія предположенія, высказанныя въ слѣдующемъ отрывкѣ письма его сотрудника Сомова къ М. А. Максимовичу: «Надѣюсь и увѣренъ, что вы не оставите ва-

шими вкладами «Литературной Газеты», которая будетъ выходить черезъ пять дней, и которой издателями Б. Дельвигъ, а редакторомъ — азъ. Пушкинъ, Баратынскій и многія другія sommités littéraires будутъ сотрудниками. Надѣемся, что и кн. Вяземскій не откажется. Жуковскій обѣщается снабжать выписками изъ англійскихъ журналовъ и подъ часъ собственными произведеніями. Намъ нуженъ, однакожъ, рѣшительный сотрудникъ по части естественныхъ наукъ — и мы челомъ вамъ! Не покиньте друзей вашихъ. Лангеръ будетъ у насъ писать о художествахъ; Титовъ и Одоевскій тоже нашего полку. Если вы дружны съ Кирѣевскимъ, то нельзя ли и его уговорить доставлять намъ кое-что изъ своихъ трудовъ....». — Такимъ образомъ, на руки Дельвига, уволеннаго, между тѣмъ, 5 декабря 1829 г. изъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ для опредѣленія въ департаментъ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, сваливалось, кромѣ обычнаго альманаха, веденіе цѣлаго періодическаго изданія, да необходимо было дать что нибудь и въ альманахи друзей, особенно расплодившіеся къ 1830 г. — Успѣвъ, при дѣятельномъ участіи Пушкина и усердной помощи Сомова, выпустить во время и № 1 «Литературной Газеты» 1830 г. и шестую книжку «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1830 г., съ *осмью* собственными стихотвореніями въ послѣдней (именно: *Четыре возраста фантазіи*, *Грусть*, *Слезы любви*, *Русская пѣсня*: «Какъ у насъ ли на кровелькѣ»; *малороссійская мелодія:* «Я ль отъ стараго бѣжала»; *Удѣлъ поэта;* двѣ большія *идилліи*: «Отставной солдатъ» и «Изобрѣтеніе Ваянія»), Дельвигъ успѣлъ дать въ альманахъ «Царское Село», изд. на 1830 г. Н. М. Коншинымъ и бар. Розеномъ, *два* стихотворенія (именно: *пѣсню* «Что ты, пастушка, пріуныла?» и *Застольную пѣсню* изъ Коцебу), а въ альманахъ «Денницу», изд. на 1830 г. М. А. Максимовичемъ, *одно* (именно: *русскую пѣсню*: «По небу»), и, въ исходѣ января, уѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ нѣсколько дней у своего тестя, ласкаемый всѣми московскими представителями русской литературы. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Дельвигъ исправно продолжалъ изданіе «Литературной Газеты», получилъ чинъ надворнаго совѣтника, задумалъ учиться по-гречески, для чего пріискалъ уже студента, и въ августѣ проводилъ до Царскаго Села своего друга Пушкина, уѣзжавшаго на время въ нижегородскую деревню Болдино. Но съ отъѣздомъ Пушкина, обстоятельства Дельвига круто повернули къ худшему. Началось съ того, что нѣсколько строкъ о литературной аристократіи, въ «Смѣси» № 45 «Литературной Газеты», обратили на себя вниманіе многихъ, вызвали возраженіе въ № 14 журнала «Московскій Телеграфъ», были перетолкованы невыгодно для издателя «Литературной Газеты» и, доведенныя, по навѣтамъ иностранцевъ, до высочайшаго свѣдѣнія имп. Николая I, навлекли Дельвигу большія непріятности, благодаря которымъ № 65 «Литературной Газеты» опоздалъ тремя недѣлями и отвѣтственное редакторство, вмѣсто Дельвига, долженъ былъ принять на себя Сомовъ. — Къ этому присоединились разныя семейныя невзгоды, душевно разстроившія Дельвига почти до апатіи и совершеннаго равнодушія къ самому себѣ, но не къ другимъ: узнавъ, въ самые первые дни 1831 г., о бѣдственномъ положеніи одной дворянки, потерявшей въ короткое время мужа, троихъ дѣтей и здоровье, Дельвигъ и М. Д. Деларю немедленно издали въ ея пользу 200 экземпляровъ стихотворенія Деларю «Сонъ и Смерть», съ предисловіемъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что «издатели почтутъ себя вполнѣ награжденными за трудъ свой, если соотечественники примутъ участіе въ доставленіи дневнаго пропитанія несчастной сиротѣ: лучшую же награду за доброе дѣло всякій изъ нихъ вѣроятно найдетъ въ своей совѣсти». — Это доброе дѣло было для Дельвига послѣднимъ на землѣ: занемогши простудой и уже больной во время самаго изданія стихотворенія Деларю, Дельвигъ умеръ 14 января 1831 г., въ Петербургѣ, на 33 году жизни. — Тѣло его погребено тамъ же, на Волковомъ кладбищѣ. «Дельвигъ — говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Панаевъ — былъ средняго роста, имѣлъ вялыя манеры, очень мягкое и симпатическое лицо, и какъ-то задумчиво и вмѣстѣ добродушно посматривалъ сквозь свои золотыя очки». «Это — повѣствуетъ другой очевидецъ, знавшій Дельвига десять лѣтъ раньше — былъ молодой человѣкъ, довольно полный. Большіе, осѣненные густыми, темными бровями глаза блестѣли сквозь очки въ черной оправѣ; довольно полное, но блѣдное лицо было задумчиво, и вообще вся наружность выражала несвойственное лѣтамъ равнодушіе». Отличаясь безпечностью, лѣнью и сонливостью, дававшими пищу множеству журнальныхъ эпиграммъ и другихъ выходокъ, Дельвигъ не былъ ни прилежнымъ ученикомъ, ни ретивымъ чиновникомъ, ни аккуратнымъ корреспондентомъ, ни даже исправнымъ издателемъ, но, какъ человѣкъ, представлялъ личность почти безупречную: «Когда я узналъ его ближе, — разсказываетъ одинъ изъ не слишкомъ короткихъ знакомцевъ Дельвига — какое неистощимое сокровище благородныхъ стремленій, добродушія, человѣколюбія до самопожертвованія и постоянной веселости нашелъ я въ этомъ прекрасномъ человѣкѣ!». — По свидѣтельству Плетнева, «Баронъ Дельвигъ любилъ общество, но дружеское, но избранное, достойное ума его и сердца, въ чемъ и полагалъ онъ весь аристократизмъ свой, правда, не увлекшій его въ большой свѣтъ, но защитившій отъ знакомствъ скучныхъ и слишкомъ ужъ не лестныхъ. Умъ его отъ природы былъ болѣе глубокъ, нежели остръ. Отъ того иногда замѣтна была въ немъ неговорливость. Но по характеру своему онъ расположенъ былъ къ самой счастливой веселости и безпечности, такъ что отъ однаго присутствія его одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ, то обнималъ предметъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаній. Въ домашнемъ кругу, даже въ кабинетѣ его никто никогда не примѣчалъ перемѣны на этомъ открытомъ, ясномъ, веселомъ лицѣ, которое было чистымъ зеркаломъ прямой и любезной души». «Баронъ (Дельвигъ) — добавляетъ, съ своей стороны, Максимовичъ — былъ удивительно хорошъ и въ пирушкахъ, когда пѣвалъ онъ: *Друзья, друзья! я Несторъ между вами*, и въ домашнемъ быту... словомъ, это была вполнѣ поэтическая симпатичная натура, въ которой многосторонняя жизнь прекрасно слилась въ стройное, спокойное единство». — Какъ поэтъ, Дельвигъ не особенно замѣчателенъ и даже едва ли принадлежитъ къ числу второстепенныхъ. Но какъ другъ Пушкина, вліявшій на знаменитаго поэта и самъ находившійся подъ его вліяніемъ; какъ литературный дѣятель, связанный болѣе или менѣе близкими отношеніями со всѣми современными ему свѣтилами русской словесности и поэзіи, наконецъ, какъ писатель, читаемый и любимый современною ему публикою, — Дельвигъ, не оставивъ по себѣ никакого глубокаго слѣда, оставилъ добрую память, которая, конечно, сохранится исторіей

русской литературы. Другаго значенія Дельвигъ имѣть не можетъ и не будетъ, потому что взглядъ на него Пушкина, вообще снисходительнаго ко всѣмъ, кромѣ себя, и ослѣплявшагося дружескимъ чувствомъ къ Дельвигу, — остается взглядомъ личнымъ, случайнымъ, ни для кого не обязательнымъ. Кому теперь не покажется странною, напр. эта выдержка изъ письма Пушкина къ Дельвигу, отъ 23 марта 1821 г.: «Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ шалить—долго ли тебѣ размѣнивать свой геній на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года — напиши своего Монаха. Поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удѣлъ; умертви въ себѣ вѣтхаго человѣка—не убивай вдохновеннаго поэта».— За то Дельвигъ первый понялъ и оцѣнилъ своего великаго друга, сказавъ еще въ лицейскомъ посланіи «Къ Пушкину»:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется;
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ, на Олимпъ торжествующій —

и онъ же, Дельвигъ, первый пробудилъ талантъ въ Баратынскомъ, котораго былъ первымъ руководителемъ и постояннымъ, надежнымъ другомъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ самъ Баратынскій, говоря въ одномъ изъ своихъ посланій къ Дельвигу:

Ты помнишь ли съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Не ты ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?
Не ты ль душѣ повѣялъ жизнью новой?
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ;
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ,
И передъ ней унизился душою? и проч.

Стало быть, вмѣсто того, чтобъ помнить напечатанную когда-то въ «Благонамѣренномъ» — и, не безъ остроумія, намекающую на Дельвига — надпись *къ портрету NN*:

Онъ, говорятъ, охотникъ спать —
Однакожъ въ сто одномъ посланьѣ
Онъ доказать имѣлъ желанье,
Что онъ охотникъ усыплять,—

справедливѣе будетъ имѣть въ виду слѣдующій приговоръ одного изъ позднѣйшихъ критиковъ Дельвига, г. Гаевскаго: «Не смотря на нѣкоторую степень самостоятельности, едва замѣтной возлѣ геніальной натуры Пушкина, Дельвигъ прежде всего обязанъ вліянію великаго поэта и своими недозрѣлыми порывами вдохновенія, и своею нежданною извѣстностью. Немеркнущая слава Пушкина, сохранившая много именъ отъ забвенія, ярче всѣхъ озарила нашего поэта. Съ именемъ Дельвига неразлучны самыя дорогія литературныя воспоминанія». — Кромѣ стиховъ, Дельвигъ писалъ и прозаическія статьи: въ «Литературной Газетѣ» 1830 г. есть его критическіе разборы «Бахчисарайскаго Фонтана» Пушкина, поэмы «Нищій» Подолинскаго и др., неподписанные авторомъ. Послѣднимъ изъ такихъ произведеній Дельвига былъ разборъ «Бориса Годунова» Пушкина, писанный за нѣсколько дней до смерти автора и оставшійся неконченнымъ. — Въ бумагахъ Дельвига, разобранныхъ послѣ его смерти В. Н. Щастнымъ, нашлось только *пять* стихотвореній, которыя и напечатаны въ осьмой книжкѣ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1832 г., изданной Пушкинымъ въ пользу семьи своего друга. Стихотворенія эти суть: элегія *Къ Морфею*, сочиненная еще до 1824 г.; сонетъ *Къ русскому флоту*, написанный въ 1827 и остававшійся неизвѣстнымъ даже для друзей автора; *двѣ русскія пѣсни*, хранившіяся — и одна неконченною— болѣе двухъ лѣтъ, въ ожиданіи окончательной отдѣлки; наконецъ, *Отрывокъ*, заключающій въ себѣ хоръ духовъ изъ драмы, въ которой Дельвигъ «хотѣлъ дать полное развитіе свободной фантазіи». — Другія рукописи Дельвига постигла странная судьба: отданныя на сохраненіе другу Дельвига, лексикографу Эртелю, онѣ, по смерти послѣдняго въ 1846 г., были вручены его вдовою, вмѣстѣ съ бумагами мужа, своему родственнику, который, переѣзжая ночью какой-то мостъ, отъ сильнаго толчка, выронилъ изъ экипажа весь свертокъ— и уже не нашелъ его.— Всѣ сочиненія Дельвига, даже напечатанныя, издаваемы особо не были: въ 1829 г. самъ Дельвигъ напечаталъ только свои *Стихотворенія*, а въ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ», затѣянномъ Смирдинымъ, эти же *Стихотворенія* вошли въ составъ томика, озаглавленнаго: *Сочиненія Нелединскаго - Мелецкаго и Дельвига*, но вошли въ безпорядкѣ, съ большими ошибками и съ пропускомъ почти *третьей* доли извѣстныхъ стихотвореній Дельвига. — Баронъ А. А. Дельвигъ, отъ брака съ Софьей Михайловной Салтыковой (вышедшей впослѣдствіи за Сергѣя Абрамовича Баратынскаго), оставилъ дочь, баронессу *Елизавету*.

ТАТИЩЕВЪ, Василій Никитичъ, русскій исторіографъ. Принадлежалъ къ древней русской фамиліи, считающей своего родоначальника, Василія Юрьевича *Тать-ища*, прямымъ потомкомъ вел. кн. Рюрика, и родился, 19 апрѣля 1686 г., отъ стольника Никиты Алексѣевича Татищева. Гдѣ и какъ воспитывался будущій исторіографъ—точныхъ свѣдѣній о томъ не сохранилось. Самъ онъ говоритъ только, что въ 1704 г. отецъ отправилъ его, съ братомъ, на службу, но куда именно — умалчиваетъ. Изъ дальнѣйшаго подбора свидѣтельствъ, случайно приводимыхъ Татищевымъ въ его сочиненіяхъ, видно, что онъ, въ 1709 г., въ рядахъ одного изъ драгунскихъ полковъ, сражался подъ Полтавою; въ 1710 г., съ командою же, находился въ юго-западномъ краѣ и однажды, на дорогѣ изъ Кіева, при городѣ Коростенѣ, осматривалъ высокій холмъ, слывущій въ молвѣ народной Игоревою могилою; въ 1711 г., военно-походнымъ образомъ странствовалъ отъ Азова къ устьямъ Днѣпра, Дунаю, Пруту и на Волынь; въ 1712 г. попалъ, съ полками, въ Польшу; въ 1714 г. — въ Малороссію. Переведенный около этаго же времени въ артиллерію, Татищевъ, какъ значится въ дѣлахъ артиллерійскаго архива, 31 декабря 1717 г. былъ пожалованъ изъ поручиковъ въ капитанъ-поручики артиллеріи, въ 1718 г. имѣлъ въ петербургской артиллерійской слободѣ собственныя «двѣ избы» и, числясь состоящимъ при генералъ-фельдцейхмейстерѣ гр. Брюсѣ офицеромъ, въ теченіе всего 1719 г. возилъ въ артиллерійскую канцелярію ордеры, а къ царю Петру донесенія гр. Брюса, который, въ качествѣ уполномоченнаго для веденія мирныхъ переговоровъ съ Шведами, жилъ тогда, большей частью, на островкѣ Леве, одномъ изъ Аландскихъ. Служба такого рода, приблизивъ Татищева къ гр. Брюсу, сдѣлала его выгодно извѣстнымъ царю Петру, — и оба эти обстоятельства послужили Татищеву какъ нельзя болѣе въ пользу. Послѣдняя заключалась, прежде всего, въ томъ, что гр. Брюсъ, славный своей многосторонней ученостью, а тогда собиравшій матеріалы для составленія геогра-

фіи Россіи, сдѣлалъ Татищева сначала пособникомъ этихъ трудовъ, потомъ единымъ ихъ дѣятелемъ, и, такимъ образомъ, случайно указалъ Татищеву предметъ занятій, увлеченный которымъ, Татищевъ естественно и скоро перешелъ къ изученію отечественной исторіи, увѣковѣчившему имя его въ потомствѣ.— Съ другой стороны, царь Петръ, почти не ошибавшійся въ людяхъ, не медлилъ пріисканіемъ дѣла замѣченному имъ Татищеву и, предположивъ опредѣлить его «къ землемѣрію всего государства и сочиненію обстоятельной россійской географіи съ ландкартами», не далѣе какъ въ 1719 г. указалъ ему о томъ и другомъ «представленіе сочинить». Повинуясь царскому указу, Татищевъ, 18 марта 1719 г., подалъ царю требованное «представленіе» – «которое, пишетъ онъ самъ, колико время тогда допустило, сочинить трудился» — и царь, послѣ устной бесѣды съ Татищевымъ, доносившимъ его величеству мнѣнія свои «со многими приклады и пространно», тогда же объявилъ сенату, что опредѣляетъ артиллеріи капитанъ-поручика Татищева къ землемѣрію. — Но изъ всего этаго не вышло ничего, потому что уже 9 марта 1720 г. артиллеріи капитанъ-поручикъ Татищевъ — успѣвшій, между тѣмъ, заручиться однимъ спискомъ Несторовой лѣтописи изъ царскаго книгохранилища — былъ какимъ-то, по его объясненію, «хитрымъ случаемъ», командированъ съ бергмейстеромъ Блеэромъ на Уралъ, для обзора и приведенія въ порядокъ тамошнихъ заводовъ. Преобращенный противъ воли въ рудознатца, Татищевъ нехотя отправился къ мѣсту новаго назначенія, 31 іюля 1720 г. былъ уже въ Кунгурѣ и, объѣзжая казенные заводы, не блиставшіе своимъ положеніемъ, завернулъ также и на частный Невьянскій заводъ, владѣлецъ котораго, извѣстный тулянинъ Никита Демидовъ, катался какъ сыръ въ маслѣ, потому что, въ уповаціи на особенную милость къ нему царя, позволялъ себѣ разныя дѣйствія въ ущербъ казеннымъ заводамъ, вопреки строгимъ запрещеніямъ Бергъ-коллегіи. — Этаго не хотѣлъ допускать Татищевъ — и у него съ Демидовымъ завязалась ссора, доведенная до того, что Демидовъ послалъ доносъ, по которому Татищева, только что успѣвшаго добыть себѣ другой списокъ Несторовой лѣтописи, во многомъ различный отъ перваго, и исходатайствовать плѣннымъ шведамъ дозволеніе жениться на православныхъ сибирячкахъ, въ исходѣ 1721 г., потребовали къ царю. Явясь въ Петербургъ въ февралѣ 1722 г., Татищевъ откровенно высказалъ Петру свои принципы взяточничества, въ которомъ его обвинялъ доносъ, и, выслушанный милостиво, даже подѣлился съ государемъ, отъѣзжавшимъ въ персидскій походъ, рукописью Муромскаго лѣтописца, а въ іюлѣ того же года былъ отправленъ назадъ, съ генералъ-маіоромъ де-Геннинымъ, новоназначеннымъ главнымъ начальникомъ сибирскихъ заводовъ, имѣвшимъ повелѣніе изслѣдовать на мѣстѣ и справедливость доноса на Татищева. — «Какъ я отъѣзжалъ въ 1722 г. въ Сибирь, разсказываетъ самъ Татищевъ, и пріѣхалъ къ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ прощеніе просить (т. е. проститься); она, жалуя меня, спросила шалуна сумазброднаго подъячаго Тимоѳея Архиповича, бывшаго шутомъ при Дворѣ: скороли я возвращусь? Онъ какъ меня не любилъ за то, что я не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ, сказалъ: *онъ руды много накопаетъ, да и самаго закопаютъ*». — По прибытіи на мѣсто, де-Геннинъ немедленно началъ предписанное ему слѣдствіе, дѣлалъ Татищеву очныя ставки съ Демидовымъ -- и склонился въ пользу Татищева, который самъ говоритъ: «сіе слѣдствіе въ вышнемъ судѣ, въ присутствіи его величества, рѣшено и я оправданъ, и доправлено мнѣ съ него, Демидова, 6000 рублевъ». Это было въ 1723 г., въ теченіе котораго Татищевъ, награжденный чиномъ артиллеріи капитана, оставался при де-Геннинѣ, помогалъ ему во всемъ, самъ строилъ Пыскорскій заводъ и далъ заимообразно на поддержку Егошихинскаго завода собственные 300 рублей, наконецъ, посланъ съ «пунктами» де-Генина въ Сенатъ. Прибывъ къ веснѣ 1724 г. въ Москву, Татищевъ былъ тутъ очевидцемъ торжествъ по случаю коронованія государыни и, при встрѣчахъ съ государемъ, дважды вопрошался его величествомъ о ходѣ забытаго дѣла «землемѣрія», повидимому, обѣщавшаго возникнуть: «сего ради — объясняетъ Татищевъ — прилежалъ я принадлежащія до того книги, а особливо до географіи принадлежащія исторіи собрать, изъ которыхъ уже большею частію купилъ и дву человѣкъ студентовъ для помощи въ латинскомъ, французскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ принялъ».— А такъ какъ «пункты» де-Геннина были одобрены и удовлетворены Сенатомъ, то Татищевъ, въ сентябрѣ, уже отъ себя, представилъ Бергъ-коллегіи вѣдомость о нуждахъ сибирскихъ рудныхъ заводовъ, въ которой, между прочимъ, предлагалъ послать нѣсколько молодыхъ людей для обученія рудному дѣлу въ Швецію, славившуюся тогда горнозаводской частью. Мысль эта, доложенная Бергъ-коллегіей Сенату и сообщенная послѣднимъ Иностранной коллегіи, для истребованія необходимыхъ свѣдѣній отъ русскаго посланника въ Стокгольмѣ, такъ понравилась Петру, что онъ, не дожидаясь никакихъ свѣдѣній, 1 октября далъ указъ Сенату объ отправленіи Татищева, тогда же наименованнаго бергъ-совѣтникомъ, въ Швецію, «для призыву мастеровъ потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ». Такъ говорилось въ указѣ, но не такъ смотрѣли на дѣло другіе, особенно петербургскіе чужеземцы, изъ которыхъ, напр., Берхгольцъ, каммеръ-юнкеръ герцога голштинскаго, даже записалъ въ своемъ любопытномъ «Дневникѣ»: «Октября 23 (1724 г.) его высочество давалъ аудіенцію здѣшнему артиллерійскому капитану Татищеву, тому самому, который устроивалъ въ Сибири желѣзные и мѣдиплавильные заводы и ужъ многое привелъ тамъ въ исполненіе. Онъ простился съ герцогомъ, потому что отправился черезъ Финляндію въ Швецію, подъ предлогомъ осмотра тамошнихъ рудниковъ и приглашенія нѣсколькихъ рудокоповъ въ службу императора; но думаютъ, что онъ ѣдетъ туда по другимъ причинамъ. *Его Высочество пробылъ съ нимъ нѣсколько времени въ своей комнатѣ наединѣ*». — 7 декабря 1724 г. Татищевъ былъ уже въ Стокгольмѣ, откуда немедленно пустился обозрѣвать рудники и заводы Швеціи, но смерть имп. Петра, послѣдовавшая 25 января 1725 г., лишила Татищева способовъ исполнить данное ему порученіе съ надлежащимъ успѣхомъ. Почти забытый, не говоря о новомъ правительствѣ, даже Бергъ-коллегіей, Татищевъ не получалъ ни отвѣтовъ, ни резолюцій на свои донесенія и предложенія, ни средствъ на веденіе дѣла – и горько писалъ де-Геннину, отъ 5 іюня, изъ Стокгольма: «Вы извѣстны болѣе, возможноль въ чужихъ краяхъ что безъ денегъ учинить, ибо кто и за свою охоту ѣздитъ смотрѣть, и тотъ, храня свою честь, долженъ при заводахъ показывающимъ управителямъ и мастерамъ на питье по возможности подарить, чрезъ что большіе способы ко извѣстію получитъ, коль же паче за честь такъ великаго государя, паче же при заключеніи договоровъ, чтить оное нужно и необходимо». — За то, Татищеву везло въ Шве-

ціи дѣло не служебное — собираніе капитальныхъ матеріаловъ для будущей русской исторіи. Завязавъ близкія сношенія съ шведскими учеными Филиппомъ-Іоганномъ Таббертомъ-фонъ-Штраленбергомъ, Генрихомъ Бреннеромъ, Эрикомъ Бензелемъ и Эрикомъ-Юліемъ Біорнеромъ, изъ которыхъ два первые долго жили въ Сибири, какъ плѣнники, Татищевъ посѣщалъ королевскіе и другіе архивы, нанималъ снимать копіи съ рѣдкихъ рукописей, покупалъ книги, и какъ бы въ образчикъ этаго рода своихъ трудовъ, между прочимъ, доносилъ имп. Екатеринѣ I, отъ 9 апрѣля 1725 г., изъ Фалуни: «Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Штокгольма, бывъ у меня упсальской первой профессоръ и докторъ ѳеологіи Бенсиліусъ, сказывалъ, что въ упсальской библіотекѣ множество россійскихъ древнихъ гисторій и прочихъ полезныхъ книгъ обрѣтается, которыя обѣщалъ мнѣ позволить списать. Которое нынѣ, мимоѣдучи, осмотрю и ежели что къ пользѣ и славѣ вашего императорскаго величества и вашего имперія усмотрю, немедленно со обстоятельствомъ донести потщуся». — Но подобныя донесенія Татищева еще менѣе, чѣмъ служебныя, интересовали правительственныя лица въ Петербургѣ, куда однако, въ началѣ 1726 г., вызванъ былъ и самъ Татищевъ, который, сдавъ не безъ затрудненія состоявшихъ подъ его вѣдомствомъ русскихъ горныхъ учениковъ русскому посольству въ Стокгольмѣ, только въ іюлѣ могъ явиться въ Петербургъ, а 17 октября уже представилъ императрицѣ подробный отчетъ — какъ о своемъ пребываніи въ Швеціи, такъ и о горнозаводской части въ этой странѣ. — Числясь, между тѣмъ, при Бергъ-коллегіи, Татищевъ, на досугѣ, принялся, съ 1727 г., за предварительную обработку собранныхъ имъ историко-географическихъ матеріаловъ, которые, по его собственному выраженію, «лежали тунѣ», но вскорѣ же былъ опредѣленъ имп. Екатериной I къ монетному дѣлу — и не замедлилъ подвергнуться гоненію всемогущаго тогда кн. Меншикова, о чемъ, много лѣтъ спустя, въ одномъ изъ писемъ къ своему пріятелю, барону И. А. Черкасову, вспоминалъ такъ: «Сколько Меншиковъ за вымышленныя имъ вредительныя деньги на меня озлобился, что и въ ссылку послать — указъ въ Сенатѣ записанъ, но устыдясь самъ и милостію ея величества тогда я избавился, яко невинной». Съ воцареніемъ Петра II, преемника Екатерины I, всемогущество кн. Меншикова, достигнувъ своего зенита, сокрушилось — и Татищевъ, опредѣленный 18 сентября 1727 г. вѣдать монетную контору обще съ московскимъ губернаторомъ Плещеевымъ, переселился въ Москву, гдѣ онъ, 25 февраля 1728 г., въ день коронованія новаго императора, пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника, а потомъ чѣмъ-то навлекъ на себя такое неудовольствіе новыхъ временщиковъ, кн. Долгорукихъ, что они его, какъ пишетъ самъ Татищевъ, «въ ссылку послать опредѣлили, висѣлицу и плаху суля». Но 19 января 1730 г. неожиданно умеръ 14-тилѣтній имп. Петръ II, а съ его смертію, разумѣется, кончилось господство кн. Долгорукихъ, и Татищевъ, обрадованный избраніемъ на русскій престолъ вдовствовавшей герцогини Курляндской Анны Ивановны, родственной дому Татищевыхъ, одушевился самыми радужными надеждами и, въ такомъ настроеніи, лично участвовалъ въ церемоніалѣ погребенія тѣла покойнаго императора, какъ доказываетъ это слѣдующая выдержка изъ современнаго описанія самаго церемоніала: «№ 37) оберъ-церемонімейстеръ баронъ фонъ *Габихтсталь* съ обѣими своими товарищами, брегадиромъ *Ігнатьевымъ* и штатскімъ совѣтнікомъ *Татіщевымъ*, съ великими, чернымъ сукномъ обшитыми, церемоніальными штабами, которые чернымъ и бѣлымъ флоромъ, безъ гербовъ, для отмѣны отъ маршалскихъ штабовъ, украшены». — Еще болѣе непосредственное участіе принималъ Татищевъ, двѣ недѣли спустя, въ событіяхъ 25 февраля: въ этотъ многозначительный день, когда имп. Анна, по двумъ прошеніямъ вѣрноподданныхъ въ Москвѣ, воспринимала самодержавіе, уступленное ею, по требованіямъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, при избраніи на престолъ въ Митавѣ, Татищевъ публично читалъ передъ императрицею на тронѣ *первое* прошеніе, сочиненное извѣстнымъ сатирикомъ кн. А Д. Кантеміромъ. А еще черезъ два мѣсяца, именно 24 апрѣля, Татищевъ, сопровождаемый, «яко оберъ-церемоніймейстеръ», трубачами и литаврщиками, разъѣзжалъ верхомъ по московскимъ улицамъ, всенародно объявляя о сближающемся торжествѣ коронованія новоизбранной императрицы, въ самый день котораго, 28 апрѣля, онъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ званіемъ главнаго судьи Бергъ-и-Монетной канцеляріи. — Это званіе Татищевъ носилъ почти три года, но нельзя сказать съ честію, потому что сохранился докладъ, изъ котораго видны беззаконныя послабленія Татищева съ его товарищами, членами канцеляріи, разнымъ злоупотребленіямъ кампанейщиковъ, принявшихъ на себя вымѣнъ въ народѣ мелкихъ денегъ: «давали они, кампанейщики — читается въ этомъ докладѣ, — членомъ въ презентъ разными вещами и деньгами, а именно: Татищеву 4200 р., Неронову 1,100 р., и въ томъ они, члены, и сами себя признали винными. Татищевъ же у нихъ, кампанейщиковъ, взялъ на вексель 3000 р., кои и понынѣ не заплатилъ. А кампанейщики показали, что тѣ деньги дали ему безъ процентовъ за то, что сплавками не продолжалъ и выдачею за серебро по передѣлу монетами удержки не чинилъ и былъ бы къ нимъ милостивъ». — Если не за эту именно, то, вѣроятно, за подобныя продѣлки, Татищевъ, въ 1733 г., какъ самъ онъ выражается, «взятъ ко Двору», — обстоятельство, которое онъ же, двадцать лѣтъ спустя и, разумѣется, въ свое оправданіе, объяснялъ пріятелю такъ: «Я въ учрежденіи монетномъ хотя явныя, великія пользы пріобрѣлъ, но по злости на меня бывшаго графа Головкина и лакомствомъ Бирона отъ того отрѣшенъ». — Во всякомъ случаѣ, ни изъ чего не видно, чтобъ «взятый ко Двору» Татищевъ занялъ при Дворѣ какую нибудь должность, хотя извѣстно, что императрица не переставала благоволить къ своему родичу, и, зная склонность Татищева къ занятіямъ историческимъ, сама и черезъ другихъ побуждала его къ сочиненію исторіи Петра I, что и самъ Татищевъ, въ одномъ изъ писемъ къ бар. Черкасову, подтверждаетъ такъ: «О гисторіи Петра Великаго хотя мнѣ сама императрица Анна Іоанновна изволила говорить, и госпожа Чернышева, по приказу ли или собою неоднова говорила, но я, вѣдая намѣренія, отговорился тѣмъ, что лгать не хочу, а правду писать можетъ кому противно будетъ, ибо много тѣхъ, которые сущую правду за обиду почтутъ». Благоволеніе императрицы къ Татищеву выразилось еще очевиднѣе въ 1734 г., когда Татищевъ, такъ недавно обличенный и повинившійся во взяточничествѣ, указомъ Сенату 17 марта получилъ повелѣніе ѣхать въ Сибирь «для размноженія заводовъ», которыхъ онъ же назначался главнымъ начальникомъ, — и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга, поднесши императрицѣ, «яко вещь дивную», списокъ судебника царя Ивана Васильевича, украшенный пропи-

сями золотомъ, въ золотномъ бархатѣ съ серебряными застежками, принадлежавшій, какъ полагалъ Татищевъ, дому бояръ Романовыхъ. — Осенью 1734 г. Татищевъ прибылъ въ Екатеринбургъ или, какъ называлъ онъ, Екатерининскъ, и вступивъ въ управленіе сибирскими заводами, которыхъ, съ казенными и частными, числилось тогда всего 30, немедленно сочинилъ и ввелъ въ употребленіе заводскій уставъ, хотя никогда никѣмъ не утвержденный, но, подъ именемъ: *Татищева заводскаго устава*, болѣе ста лѣтъ служившій главнымъ руководствомъ всѣмъ заводскимъ конторамъ Сибири. Въ слѣдующемъ 1735 г., Татищевъ, принявъ личное начальство надъ командами Оренбургской экспедиціи полковниковъ Тевкелева и Мартынова, просившихъ его о томъ, ходилъ на взбунтовавшихся Башкировъ Осинской округи, разбилъ ихъ, казнилъ зачинщиковъ бунта, взыскалъ съ прочихъ 10,000 руб. и множество лошадей въ пользу оренбургской экспедиціи, по возвращеніи же своемъ въ Екатеринбургъ, представилъ Кабинету о переименованіи учрежденныхъ де-Генниномъ: *Оберъ-Бергъ-Амта*, въ Екатеринбургѣ, *Канцеляріей главнаго заводовъ правленія*, а Бергъ-Амта, въ Нерчинскѣ, *Горнымъ начальствомъ* — и Кабинетъ на это согласился. Но Биренъ, недовольный Татищевымъ за такое упраздненіе нѣмецкихъ названій, не далѣе какъ въ 1736 г. отмстилъ ему двумя указами: 15 апрѣля — о неподчиненіи впредь вѣдѣнію Татищева заводовъ Демидова и бар. Строгановыхъ, а 20 августа — о подчиненіи самаго Татищева вѣдѣнію бар. Шемберга, новаго генералъ-бергъ-директора, только что выписаннаго изъ Саксоніи и, впослѣдствіи, за одно съ Биреномъ, обкрадывавшаго русскую казну. — Приниженный, такимъ образомъ, какъ начальникъ сибирскихъ заводовъ, Татищевъ, въ томъ же 1736 г., полезно заявилъ себя, какъ ученый, представивъ: императрицѣ — о необходимости сочиненія *Сибирской географіи*, а Кабинету и Академіи — нѣсколько главъ своего описанія *Сибири вообще*, для образца, съ прошеніемъ: предписать губернскимъ начальствамъ о доставленіи ему мѣстныхъ извѣстій и высылкѣ въ его распоряженіе праздныхъ геодезистовъ. Это благое дѣло, утвержденное высочайшею волею, уже начинало выполняться, когда Татищевъ, вообще не нравившійся бар. Шембергу, получилъ новое назначеніе: 10 мая 1737 г. ему повелѣно быть начальникомъ оренбургской экспедиціи, съ чиномъ тайнаго совѣтника, а сибирскіе заводы вѣдать заочно, въ званіи генералъ-бергъ-амтъ-мейстера. Оставивъ въ Сибири, вмѣсто прежнихъ 30, болѣе 40 заводовъ, а въ Екатеринбургѣ всю свою библіотеку, слишкомъ 1000 книгъ, «для пользы заводскихъ школъ, которыя трудомъ его учреждены и въ добрый порядокъ приведены были», Татищевъ, 14 іюля, пріѣхалъ водою въ Мензелинскъ, тутъ, въ совѣщаніи съ старшими чиновниками оренбургской экспедиціи, постановилъ мѣры къ усмиренію башкирскихъ возмущеній; отсюда, водою же, прибылъ въ Самару, гдѣ досталъ и немедленно велѣлъ перевести на русскій языкъ Страленбергово «Описаніе Россіи»; потомъ посѣтилъ Оренбургъ, съ разу ему не показавшійся своимъ положеніемъ, и, по возвращеніи въ Самару, донесъ въ Петербургъ о совершенномъ прекращеніи башкирскихъ мятежей. Съ наступленіемъ 1738 г., дѣятельный Татищевъ отправился въ Уфу, гдѣ, по жалобамъ жителей, отдалъ подъ судъ мѣстнаго воеводу Шемякина, ставшаго притчей во языцѣхъ за свою криву; на обратномъ пути въ Самару, осматривалъ положеніе Красногорска, нынѣшняго Оренбурга, и тутъ же, въ лагерѣ, приводилъ хана большой киргизской орды Абдулъ-Хаира къ вторичной присягѣ на вѣрность Россіи; 28 апрѣля, въ годовщину коронованія имп. Анны, великолѣпно угощалъ въ Самарѣ княгиню Ставропольскихъ калмыковъ, вдову Анну Тайшину, съ ея семьей и свитой, по поводу чего представилъ въ Кабинетъ о назначеніи ему ежегодно 2 тыс. руб. на столъ и убранство, до 2 тыс. руб. на подарки инородцамъ, что и обѣщано «по обстоятельномъ о томъ изъясненіи»; затѣмъ, — усмирилъ возстаніе Волжскихъ Калмыковъ; начерталъ планъ караванной торговли съ Ташкентомъ и мѣновой въ Оренбургѣ, заковалъ въ Самарѣ яицкихъ казаковъ ѣхавшихъ ко Двору съ жалобой на своего атамана, и возвратилъ ихъ домой; наконецъ, въ видахъ пользы науки и службы, прислалъ въ Академію краткій списокъ *Русской правды*, изъ рукописной новгородской лѣтописи, съ своими объяснительными примѣчаніями, а у Кабинета испрашивалъ дозволенія побывать въ Петербургѣ, для необходимыхъ служебныхъ дѣлъ. Получивъ это дозволеніе въ январѣ 1739 г., Татищевъ немедленно распорядился устройствомъ мѣстнаго управленія на время своего отсутствія и, отрѣшенный отъ завѣдыванія сибирскими заводами изданіемъ, 3 марта, новаго бергъ-регламента, спѣшно отправился въ Петербургъ, по прибытіи куда, подалъ онъ въ Кабинетъ свои соображенія о мѣрахъ къ благоустройству ввѣреннаго ему Оренбургскаго края, а «въ Сенатъ — добавляетъ митр. Евгеній — представленіе, съ изъясненіемъ способа, какъ лучше сочинить ландкарты и какія извѣстія отъ городовъ къ сочиненію географіи потребны, и тогда же отдалъ въ академію наукъ ландкарты, сколько у него сдѣланныхъ уже было». Но еще раньше Татищева пріѣхалъ въ Петербургъ оренбургской экспедиціи полковникъ Тевкелевъ, природный Башкиръ, который, по личной враждѣ къ Татищеву и подстрекательству враговъ послѣдняго, подалъ на своего начальника доносъ, исчислявшій разные грѣхи Татищева, какъ-то: самовольную постройку домовъ въ Самарѣ для себя и канцеляріи, продажу въ казну собственныхъ юфтевыхъ кожъ, принятіе подарковъ отъ купцовъ и башкировъ деньгами, товарами, лошадьми и проч. «По оному — снисходительно къ себѣ разсказываетъ самъ Татищевъ — велѣли меня спросить; то секретарь бывшій, Яковлевъ, сочинилъ мнѣ вопросные пункты, противные формѣ суда и точнымъ указомъ, ибо именъ челобитчиковъ не показалъ; изъ челобитья ихъ бралъ не порядкомъ, но смѣшивалъ и одинъ пунктъ разбилъ на многіе, а многое отъ себя прибавилъ, чего въ челобитьѣ нѣтъ. Получа они мои отвѣты и видя, что всѣ тѣ клеветы съ доказательствомъ опровергнуты, а доносителей плутовства обличены, наипаче озлобясь, доносили ея величеству, будто тяжкія преступленія мои явились, и учредя особливую коммиссію, велѣли для учиненія мнѣ обиды судить, выбирая изъ гражданскаго и военнаго права». Такъ или нѣтъ производилось дѣло, но еще лѣтомъ 1739 г. Татищевъ былъ отрѣшенъ отъ начальствованія оренбургской экспедиціей, а весной 1740 г., одновременно съ арестованіемъ извѣстнаго кабинетъ-министра Волынскаго, даже заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, что дало поводъ саксонскому посланнику при петербургскомъ дворѣ фонъ-Суму, въ апрѣлѣ, доносить своему двору: «По случаю наряженнаго надъ Татищевымъ слѣдствія, которое, впрочемъ, не имѣетъ общаго съ дѣломъ кабинетъ-министра Волынскаго, отъявленные враги Татищева будутъ возобновлять тысячи жалобъ противъ него, поднятыхъ еще въ то время, когда онъ былъ губернаторомъ Орен-

бурга, этаго города, заложеннаго имъ въ области Башкировъ. Своимъ тиранскимъ обхожденіемъ онъ до такой степени раздражилъ и оскорбилъ вовсе не враждебныхъ Россіи туземцевъ, что они отважились на попытку избавиться отъ русскаго господства и ига». Во время слѣдствія, суда и заключенія, Татищевъ, преданный горестнымъ размышленіямъ, а быть можетъ, и страху смерти, написалъ *Духовное завѣщаніе своему сыну*— извѣстное, впослѣдствіи напечатанное, сочиненіе, въ которомъ авторъ, обрисовываясь яркими чертами вмѣстѣ съ своей эпохой, между прочимъ, говоритъ: «Хотя я вижу себя невеликой старости достигша, ибо нынѣ мнѣ еще 54 годъ минулъ, но въ болѣзняхъ, скорбяхъ, печаляхъ и гоненіи неповинномъ, и отъ злодѣевъ сильныхъ, исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя изсше, яко скудѣль». — Исходъ 1740 г., — ознаменованный событіями, каковы: смерть имп. Анны, учрежденіе, въ лицѣ герцога курляндскаго Бирона, регентства надъ 2-хъ-мѣсячнымъ имп. Иваномъ VI, низверженіе регента, наконецъ, провозглашеніе матери Ивана VI, Анны Леопольдовны, правительницею государства, — исходъ этотъ не принесъ отрады Татищеву, потому что «какъ милостивые указы отъ герцога курляндскаго— говоритъ самъ Татищевъ — и потомъ отъ принцессы Анны объявлены, и всѣ коммиссіи велѣно оставить, но по моей велѣно крѣпчайше слѣдовать». Не улыбалась Татищеву и первая половина 1741 г., «хотя я — продолжаетъ Татищевъ — не одну челобитную подавалъ, прося о скоромъ и справедливомъ рѣшеніи, но видя, что то не успѣваетъ по совѣту Остермана, чрезъ его креатуру, подалъ повинную, прося въ винахъ прощенія, ибо я, видя себя въ крайнемъ разореніи, принужденъ то учинить, но никакой милости не получилъ». И только къ лѣту 1741 г., когда въ улусахъ калмыцкаго хана Дондукъ Омбо, по смерти его, произошли смятенія, Татищевъ оказался человѣкомъ, какого нужно, а потому, освобожденный изъ заключенія, но не изъ-подъ суда, все еще длившагося, отправленъ къ Калмыкамъ, смиривъ которыхъ, онъ 1 августа, опредѣленъ губернаторомъ въ Астрахань. Съ новымъ переворотомъ въ Петербургѣ, ниспровергнувшимъ, ночью на 25 ноября того же 1741 г., династію отца имп. Анны въ пользу дочери имп. Петра I, Татищевъ, въ качествѣ «птенца гнѣзда Петрова», внезапно и значительно поднятомъ въ цѣнѣ, спѣшилъ напомнить о себѣ новообъявленной государынѣ — и въ поздравительномъ письмѣ къ имп. Елизаветѣ, отъ 27 декабря, жалуясь на свое «тяжкое гоненіе и разореніе», претерпѣнное «отъ злодѣевъ государственныхъ», вкрадчиво писалъ: «Нынѣ же нечаянно, яко во тмѣ сѣдящаго, оставшій свѣтъ Петра Великаго паки на меня возсіялъ и единою печаль и страхъ отрѣшилъ». — Утвержденный имп. Елизаветой въ званіи астраханскаго губернатора, Татищевъ, въ 1742 г., писалъ къ своему старому пріятелю, бар. Черкасову, ставшему кабинетъ-секретаремъ императрицы: сначала — о недополученномъ жалованьѣ, потомъ — о грустномъ положеніи астраханской губерніи, которая «такъ разорена, какъ недовольно свѣдущій повѣрить не можетъ, понеже люди разогнаны, доходы казенные растеряны или расточены, правосудіе и порядки едва когда слыханы, что за такимъ великимъ отдаленіемъ и не дивно»; въ 1743 г. Татищевъ то просилъ того же Черкасова выхлопотать ему увольненіе, то защищался передъ нимъ отъ стороннихъ обвиненій во взяткахъ; въ 1744 г., онъ, черезъ Черкасова же, то велъ переговоры съ Дворомъ, по поводу повтореннаго ему предложенія заняться «Гисторіей Петра Великаго», то самъ по себѣ ссорился съ кн. Долгорукимъ, командовавшимъ войсками въ астраханскомъ краѣ; наконецъ, въ 1745 г., послѣ новыхъ оправданій себя передъ Черкасовымъ въ любостяжательности, при случаѣ казенной покупки золота и серебра у персіанъ — «Что же вашему превосходительству нѣкто безсовѣстный разгласилъ, якобы я болѣе на себя серебра покупаю, оному ваше превосходительство вѣрить не можете, чтобъ я могъ много купить, а пуда два или три хотя бъ и купилъ себѣ для посуды, оное дѣло не великое», — Татищевъ раза три просилъ дозволенія съѣздить въ Петербургъ, но, вмѣсто всякаго отвѣта, былъ отрѣшенъ отъ должности губернатора, и, выѣхавъ 17 ноября изъ Астрахани, 22 декабря прибылъ въ симбирское помѣстье своего сына, село Тетюшское. Тревожимый однако у сына, какъ безнаказанными разбоями въ близкомъ сосѣдствѣ, такъ и докукою частыхъ посѣтителей «по знаемости», Татищевъ, весною 1746 г. переѣхалъ въ свое подмосковное сельцо Болдино, Клинскаго уѣзда, и здѣсь, въ уединенныхъ занятіяхъ своимъ историческимъ трудомъ, умеръ 15 іюля 1750 г., на 67 году полезной жизни. Тѣло его погребено въ верстѣ отъ сельца Болдина, на погостѣ, у церкви. — «Старикъ Татищевъ — пишетъ лично знавшій его иноземецъ Ганвей — былъ замѣчателенъ своимъ сократическимъ выраженіемъ въ лицѣ, своимъ исхудалымъ тѣломъ, которое онъ очень поддерживалъ своей чрезвычайной умѣренностью и, наконецъ, тѣмъ, что его умственныя способности были почти всегда заняты: если онъ не писалъ, не читалъ, не толковалъ о дѣлахъ, то игралъ въ кости, перебрасывая ихъ изъ одной руки въ другую». «Этотъ Татищевъ — говоритъ другой его знакомецъ, докторъ Лерхъ — жилъ совершеннымъ философомъ и, касательно религіи, держался особливыхъ мнѣній, почему многіе его не считали православнымъ. Онъ былъ болѣзненный и сухощавый, но въ дѣлахъ очень свѣдущъ и рѣшителенъ». — Особенную извѣстность Татищева, какъ писателя, составляетъ собранная имъ *Исторія Россійская*, главный трудъ его жизни, хотя не конченный, но заслуживающій автору, съумѣвшему прежде другихъ сладить ученымъ образомъ съ множествомъ разновѣковыхъ и разноязычныхъ лѣтописей, сборниковъ и проч.—всегда признательное воспоминаніе всѣхъ образованныхъ русскихъ людей. — Этотъ почтенный трудъ Татищева, называющійся печатно: *Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, чрезъ 30 лѣтъ собранная и описанная*, при жизни автора оставался въ рукописи, по смерти его доставленъ сыномъ въ кабинетъ имп. Елизаветы, изъ котораго взятъ И. И. Шуваловымъ, переданъ М. В. Ломоносову и, по повелѣнію имп. Екатерины II, издавался въ свѣтъ исторіографомъ Миллеромъ, при московскомъ университетѣ, не вдругъ: 1-я книга I-й части вышла въ 1768 г., 2 я книга I части—въ 1769 г., II-я часть—въ 1773 г.; III я часть—въ 1774 г. IV-я часть (иными за сочиненіе Татищева не признаваемая), уже по смерти Миллера, не желавшаго быть ея издателемъ, вышла въ 1784 г. въ Петербургѣ. Въ первыхъ трехъ частяхъ многое измѣнено Миллеромъ, а иныя примѣчанія автора совсѣмъ опущены; четвертая часть издана безъ поправокъ. Пишутъ, что Татищевъ, подъ старость, сбирался отправить свой трудъ въ лондонское ученое общество, такъ какъ въ Россіи печатать *Исторію Россійскую* боялись, находя мысли ея автора *вольными*. Трудъ Татищева оканчивается въ печати 1462 годомъ. Самъ Татищевъ предполагалъ окончить его

1613 годомъ. На чемъ именно остановился Татищевъ въ своемъ трудѣ,—въ точности неизвѣстно, потому что, вскорѣ послѣ смерти Татищева, его огромная библіотека, перевезенная въ село Грибаново, сгорѣла безъ остатка.—Кромѣ *Исторіи Россійской*, были издаваемы слѣдующіе труды Татищева: 1) *Лексиконъ россійскій историческій, географическій, политическій и гражданскій*, доведенный до буквы *Л*, въ 3 ч., напечатанъ 1793 г. въ С. Петербургѣ. 2) *Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора Василья Никитича Татищева, сочиненная въ 1733 г. (?) сыну его Евграфу Васильевичу*, напечатана С. В. Друковцовымъ, 1773 г. въ С. Петербургѣ. 3) *Объяснительныя примѣчанія* на Русскую Правду, напеч. Академіей въ 1 ч. «Продолженія древней Россійской Вивліоѳики» 1786 г. 4) *Объяснительныя примѣчанія* на Судебникъ царя Ивана Васильевича съ дополнительными къ нему указами, напеч. Миллеромъ 1768 г. въ Москвѣ, вторично 1786 г. тамъ же, и въ третій разъ академіей въ 1 ч. «Продолженія древней Россійской Вивліоѳики». Труды Татищева, хранящіеся въ академіи наукъ неизданными, суть: 5) *Сокращеніе Гисторіи Россійской*, часть 2-я. 6) *Способъ ко введенію коммерціи въ государствахъ Великаго Могола*. 7) *Примѣчанія о невыгодной торговлѣ съ Бухарцами* (и французскій переводъ). 8) *Введеніе къ историческому и географическому описанію Великороссійской Имперіи*, часть 1. 9) *О сочиненіи исторіи и географіи россійской*, съ латинскимъ переводомъ. 10) *Званіе городовъ, урочищъ, рѣкъ и проч.*, собр. для «статскаго» и историческаго лексиконовъ; 11) *Роспись алфавитная* именъ географическихъ, упоминаемыхъ въ «Исторіи Россійской». 12) *Лексиконъ, сочиненный для приписыванія иноязычныхъ словъ*, употребляемыхъ инородцами въ Россіи, доведенъ до слова *покой*. 13) *Одинадцать вопросовъ*, историческихъ и географическихъ, о Бухаріи и Хивіи; 14) *Изъясненія* о Киргизъ-Кайсацкой и Каракалпацкой ордахъ. 15) *Кархерова хронологія татаръ и калмыковъ*, переводъ. 16) *Примѣчанія* на книгу: *Описаніе Сибири*, соч. Табберта-фонъ-Штраленберга.—Изъ указаній самаго Татищева видно, что имѣлись еще слѣдующіе его труды, теперь ненаходимые: 17) *Изъясненіе*, пополненіе и реэстръ къ книгѣ: *Большой чертежъ русской земли*. 18) *О россійскомъ государственномъ гербѣ*. 19) *Лексиконъ сарматскихъ, эстляндскихъ и финскихъ словъ*. Наконецъ, въ періодическомъ изданіи: «Acta literaria Sveciae», возникшемъ съ 1720 г. въ Швеціи трудами профессора Бензеля, помѣщена, во II томѣ за 1725 г., единственная, напечатанная при жизни Татищева статья его, подъ заглавіемъ: *Generosiss. Dn. Basilii Tatischow Epistola ad D. Ericum Benzelium de mamontowa kost, id est, de ossibus bestiae Russis Mamont dictae* (благорожденнѣйшаго господина Василія Татищева посланіе доктору Эрику Бензелю о мамонтовой кости, т. е. кости россійскаго животнаго, называемаго мамонтомъ). В. Н. Татищевъ былъ женатъ на Рѣдкиной, рожденной Ботвиньевой, и оставилъ сына, Евграфа, мужское потомство котораго, въ третьемъ колѣнѣ, пресѣклось очень недавно.

ЗАГОСКИНЪ Михаилъ Николаевичъ, русскій писатель. Происходилъ изъ золото-ордынской фамиліи, обрусѣвшей въ древнемъ Новгородѣ, и родился 14 іюля 1789 г., пензенскаго уѣзда въ с. Рамзаѣ, принадлежавшемъ тогда его отцу. Воспитываясь дома, Загоскинъ, съ самаго ранняго дѣтства, обнаруживалъ неодолимую страсть къ чтенію, вслѣдствіе чего онъ, хотя рѣзвый и веселый отъ природы, мало раздѣлялъ забавы своихъ сверстниковъ, вовсе не имѣлъ ребяческой проказливости, но былъ изобрѣтателенъ на способы добывать себѣ занятіе книгами, которыя, наконецъ, отнимались у него домашними—изъ опасенія, что ребенокъ, уже тогда слабый зрѣніемъ, совсѣмъ потеряетъ глаза. А такъ какъ отъ пристрастія къ чтенію не далеко до потребности сочинять,—то Загоскинъ, чуть ли не десяти-лѣтнимъ ребенкомъ смастерилъ 3-хъ актную трагедію «*Леонъ* и *Зыдея*», написанную, по его собственному выраженію, «какими-то силлабическими стихами съ риѳмами», а еще черезъ годъ—сдѣлался авторомъ повѣсти *Пустынникъ*, въ предисловіи къ которой онъ просилъ читателей и читательницъ «быть снисходительными къ его сочиненію, принявъ въ уваженіе, что авторъ повѣсти одинадцатилѣтній юноша«. Кромѣ трагедіи и повѣсти, расхваленной всѣми знакомыми Загоскиныхъ—не хотѣвшими вѣрить, чтобъ авторомъ *Пустынника* могъ быть маленькій Миша,—Загоскинъ произвелъ еще нѣсколько подобныхъ же дѣтски-литературныхъ опытовъ, которые, къ его всегдашнему сожалѣнію, не сохранились. Въ 1802 г. 13-ти-лѣтній Загоскинъ былъ отправленъ въ Петербургъ, и тутъ, 15 мая, поступилъ въ канцелярію Государственнаго Казначея канцеляристомъ, потомъ былъ переведенъ въ Горный Департаментъ, затѣмъ опредѣлился въ Государственный Заемный Банкъ, а въ 1811 г. снова перешелъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, съ чиномъ губернскаго секретаря и званіемъ помощника столоначальника. Въ этотъ 10-ти лѣтній промежутокъ времени, Загоскинъ, всегда старавшійся вознаграждать недостатокъ деревенскаго воспитанія, усердно читалъ, занимался языками французскимъ и нѣмецкимъ, и первымъ—съ большимъ успѣхомъ; наконецъ, пользовался случаемъ посѣщать театръ, что удавалось ему изрѣдка, такъ какъ онъ зачастую бывалъ совершенно безъ денегъ, терпя большую крайность, вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ дядькой-слугой Прохоромъ Кондратьевичемъ, котораго, впослѣдствіи, онъ вывелъ въ романѣ *Мирошевъ*. При открытіи войны 1812 г., Загоскинъ бросилъ службу въ Горномъ Департаментѣ и, 9 августа, записался въ Петербургское ополченіе, съ которымъ онъ дошелъ до Полоцка, тамъ, подъ начальствомъ гр. Витгенштейна, участвовалъ въ знаменитомъ бою 7 октября, былъ раненъ въ ногу, награжденъ орденомъ св. Анны 3 класса на шпагу и уволенъ въ отпускъ до излѣченія раны. Возвратившись къ своему полку уже въ 1813 г., Загоскинъ, по желанію гр. Левиза, былъ назначенъ къ нему адъютантомъ и занималъ эту должность въ теченіе всей долговременной осады Данцига, доставившей Загоскину случай къ многимъ забавнымъ столкновеніямъ съ нѣмцами, описаннымъ впослѣдствіи въ IV т. романа *Рославлевъ*. По сдачѣ Данцига и роспускѣ ополченія, Загоскинъ, не пожелавшій оставаться въ военной службѣ, уѣхалъ въ свой родной Рамзай, гдѣ, на досугѣ, онъ вздумалъ попробовать себя въ родѣ драматическомъ и написалъ одно-актную комедію *Проказникъ*, которая, при хорошей разговорной прозѣ, составляющей отличительное достоинство сочиненій Загоскина, не выдѣляется однако изъ посредственности. Въ самомъ началѣ 1815 г. Загоскинъ опять явился въ Петербургѣ и, снова поступивъ въ тотъ же Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ тѣмъ же помощникамъ столоначальника, рѣшился, черезъ посредство П. А. Корсакова,

представить свою комедію на судъ кн. А. А. Шаховскаго, извѣстнаго драматурга, а тогда члена репертуарной части при театрѣ и перваго знатока всѣхъ условій сценическаго дѣла. Кн. Шаховскій, по собственнымъ его словамъ С. Т. Аксакову, «былъ пріятно изумленъ, когда между десятками бездарныхъ произведеній, попалась ему въ руки эта комедія, въ которой онъ замѣтилъ много живости и неподдѣльной веселости», — чѣмъ самымъ опредѣлилась и вся дальнѣйшая дѣятельность Загоскина, потому что Загоскинъ, ободренный и обласканный такимъ дѣятелемъ, какъ кн. Шаховскій, уже не могъ и не хотѣлъ сомнѣваться въ своихъ литературныхъ силахъ. Ближайшимъ по времени доказательствомъ этихъ силъ явилось новое произведеніе Загоскина: трехъ-актная *Комедія противъ комедіи или Урокъ волокитамъ*, произведеніе, написанное, какъ гласитъ его предисловіе, въ защиту комедіи кн. Шаховскаго: *Липецкія воды или Урокъ кокеткамъ*, которая, не смотря на блестящій сценическій успѣхъ, нашла много порицателей — изъ лагеря партіи, противной литературнымъ принципамъ А. С. Шишкова съ компаніей. Благодаря этому стеченію обстоятельствъ, разумѣется, случайному, *Комедія противъ комедіи* была поставлена на петербургскую сцену самимъ кн. Шаховскимъ, но, сыгранная впервые 4 ноября 1815 г., въ бенефисъ извѣстнаго артиста Я. Г. Брянскаго, она выдержала еще не болѣе трехъ представленій и была все-таки счастливѣе первой комедіи Загоскина, *Проказникъ*, которая, явившись на сцену 15 декабря 1815 г., повторилась только однажды. Во всякомъ случаѣ, *Комедія противъ комедіи* была началомъ извѣстности Загоскина, который, 21 мая 1816 г., оставилъ службу въ Горномъ Департаментѣ, и въ 1817 г., уже женатый, началъ, вмѣстѣ съ П. А. Корсаковымъ, издавать журналъ «Сѣверный Наблюдатель», при чемъ, не прекращая прежней драматической дѣятельности, онъ приготовилъ къ бенефису Орлова, 23 іюня 1817 г., интермедію *Макарьевская Ярмарка*, составленную изъ танцевъ, игръ, пѣсней и хороводовъ; потомъ отдалъ на сцену свой новый трудъ — 5-ти-актную комедію: *Богатоновъ или провинціалъ въ столицѣ*, посвященную авторомъ кн. И. М. Долгорукому, и прекрасно разыгранную, 27 іюня 1817 г., Бобровымъ, Жебелевымъ, Валберховой и друг. артистами тогдашней петербургской труппы; затѣмъ, по случаю бенефиса А. Д. Каратыгиной, 24 сентября 1817 г., сочинилъ еще интермедію: *Лебедянская Ярмарка*; наконецъ, для бенефиса Боброва, 12 ноября 1817 г., написалъ 3-хъ-актную комедію *Вечеринка ученыхъ*, заставившую хохотать весь партеръ. Но при такихъ успѣхахъ на драматическомъ поприщѣ, Загоскину пришлось потерпѣть на литературномъ, виною чего былъ онъ самъ, а именно: печатая въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» еженедѣльный репертуаръ пьесъ, съ краткими замѣчаніями на игру актеровъ, Загоскинъ имѣлъ неосторожность поглумиться надъ слабыми стихами комедіи Грибоѣдова *Молодые супруги* — и далъ поводъ Грибоѣдову придумать забавное стихотвореніе: *Лубочный театръ*, которое, сдѣлавшись извѣстнымъ въ рукописи, заключало въ себѣ, между прочимъ, такіе нападки на Загоскина:

Извольте видѣть — вотъ
Рогатый, не рогатый скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ;
Княгини и княжны, князь Фольгинъ и князь Блесткинъ. (*).

(*) Дѣйствующія лица *Комедіи противъ комедіи*, Загоскина.

Они хоть не смѣшны, да самъ за то ужь онъ
Куда смѣшонъ!
Съ нимъ вмѣстѣ быть, ей-богу праздникъ!
Вотъ вамъ его *Проказникъ*;
Спроказилъ онъ не ловко, разъ упалъ,
Да и не всталъ!
. . . . . .
Вотъ *Богатоновъ* вамъ — особенно онъ милъ.
Богатъ чужимъ добромъ; все крадетъ, что находитъ,
Съ *Транжирина* (**) кафтанъ стащилъ
Да въ немъ и ходитъ....
Вотъ вамъ *Загоскинъ-наблюдатель*,
Вотъ *Сынъ отечества*, съ нимъ вѣчный состязатель;
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе,
Кто изъ двоихъ глупѣе?..

Въ исходѣ того же 1817 г., Загоскинъ опредѣлился въ дирекцію театра, помощникомъ члена репертуарной части (на мѣсто П. А. Корсакова), и былъ наименованъ почетнымъ библіотекаремъ Имп. Публичной Библіотеки, а въ 1818 г., оставивъ службу при театрѣ, занялъ штатную ваканцію помощника библіотекаря Имп. Публичной Библіотеки, съ жалованьемъ, и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи каталога русскихъ книгъ. Это послѣднее занятіе не мѣшало однако Загоскину работать для театра — и 28 іюля 1819 г., въ бенефисъ талантливой четы Сосницкихъ, была разыграна одноактная комедія *Романъ на большой дорогѣ*, имѣвшая большой успѣхъ, а 23 іюня 1820 г., въ бенефисъ Боброва, впервые представлена 3-хъ-актная комедія Загоскина: *Добрый малый*, посвященная авторомъ директору Имп. Публичной Библіотеки А. Н. Оленину и напоминающая своею заключительною сценою такую же сцену въ позднѣйшей комедіи Гоголя *Ревизоръ*. — Вслѣдъ за представленіемъ *Добраго малаго*, Загоскинъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, переселился въ Москву, гдѣ онъ, 5 іюля 1820 г., получилъ увольненіе отъ штатнаго мѣста въ Имп. Публичной Библіотекѣ, съ награжденіемъ за труды по составленію каталога, орденомъ св. Анны 3 класса, и сохраненіемъ прежняго званія почетнаго библіотекаря. Здѣсь, въ Москвѣ, съ Загоскинымъ произошло замѣчательное событіе, о которомъ С. Т. Аксаковъ разсказываетъ такъ: «До 1821 г. Загоскинъ не писывалъ стиховъ; онъ не чувствовалъ паденія и мѣры стиха, и самъ признавался, что это не его дѣло. Одинъ разъ, въ кругу короткихъ пріятелей, разсердили его тѣмъ, что не хотѣли даже выслушать какихъ-то его замѣчаній на какіе-то стихи, основываясь на томъ, что онъ въ стихотворствѣ ничего не понимаетъ. Загоскинъ вспылилъ и сказалъ, что онъ докажетъ всѣмъ, какъ понимаетъ это дѣло, и черезъ два мѣсяца прочелъ имъ прекрасное, довольно длинное посланіе къ Н. И. Гнѣдичу, написанное шестистопными ямбами съ риѳмами. Оно стоило Загоскину неимовѣрныхъ трудовъ: не имѣя уха, каждый стихъ онъ раздѣлялъ черточками на слоги и стопы, и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе; въ иной день ему не удавалось выковать болѣе четырехъ стиховъ — и изъ такой египетской, тяжкой работы стихи вышли легки, свѣжи, звучны и естественны. Всѣ были изумлены. Для перваго опыта въ стихотворствѣ, *Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу*, напечатанное въ кн. 3 журнала «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1821

(**) Дѣйствующее лицо комедіи: *Полубарскія затѣи или Домашній Театръ*, кн. Шаховскаго.

г., въ самомъ дѣлѣ, удовлетворительно, особенно его заключеніе, гдѣ Загоскинъ, неожиданно увидѣвшій себя поэтомъ, передаетъ эту радость своему другу въ слѣдующихъ стихахъ:

. . . . Но вдругъ, незнаемый дотолѣ,
По членамъ трепетъ пробѣжалъ;
Уста сомкнулись по неволѣ,
Въ груди священный огнь вспылалъ;
Все стало для меня пріятнѣй;
Свѣжѣе зелень на лугахъ,
И воздухъ чистый ароматнѣй,
И тѣнь прохладнѣе въ лѣсахъ;
Всей, всей природы обновленной
Казался мнѣ прелестнѣй видъ!
О радость..... наконецъ, восторгомъ упоенный
Позналъ я въ первый разъ безсмертныхъ Піеридъ;
Позналъ небесно наслажденье,
Поэтовъ счастливыхъ кумиръ,
Тебя, святое вдохновенье!
И новый мнѣ открылся міръ;
И новымъ озарилась свѣтомъ
Моя душа; и другъ твой сталъ поэтомъ!

Испробовавъ себя, какъ стихотворецъ, Загоскинъ, въ томъ же 1821 г., написалъ стихами, въ драматической формѣ, сцены: *Авторская клятва* и *Выборъ невѣсты*, обѣ читанныя въ петербургскомъ Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія, членъ котораго, Н. И. Гнѣдичъ, не замедлилъ письменно ободрить Загоскина такимъ привѣтомъ: «Послѣ *Авторской клятвы*, я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичъ.... Но удовольствіе Крылова при слушаніи *Авторской клятвы*, вѣрно лучшая тебѣ порука за достоинство пьесы, основанной на дѣйствіи и характерахъ и написанной живо и чисто. Самая же пьеса порука намъ, что ты подаришь театръ комедіей въ стихахъ....». Ожиданія Гнѣдича, дѣйствительно, сбылись, потому что Загоскинъ, написавъ нѣсколько забавныхъ *Разговоровъ въ прозѣ*, засѣлъ за работу — и къ началу 1822 г., когда въ Петербургѣ разыгрывали его 4-хъ-актную комедію: *Богатоновъ въ деревнѣ или сюрпризъ самому себѣ*, служившую какъ бы продолженіемъ *Богатонова въ столицѣ* и написанную еще въ 1820 г., онъ уже оканчивалъ въ Москвѣ новую одно-актную комедію, въ шестистопныхъ ямбическихъ стихахъ съ риѳмами, *Урокъ холостымъ или наслѣдники*, которая и была представлена на московской сценѣ 4 мая 1822 г. Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ этаго спектакля, Загоскинъ поступилъ въ число чиновниковъ особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ (кн. Д. В. Голицынѣ), съ назначеніемъ исправлять должность экспедитора по театральному отдѣленію, а 23 января 1823 г. уже явилось на московской сценѣ его новое произведеніе — комедія-водевиль *Деревенскій философъ*, забавная бездѣлка, написанная къ бенефису артиста Сабурова. — Опредѣленный вслѣдъ за тѣмъ, именно 30 марта 1823 г., въ контору дирекціи московскаго театра членомъ по хозяйственной части, Загоскинъ дѣятельно занялся, во 1-хъ, службою, а во 2-хъ, мыслію — выбраться изъ титулярныхъ совѣтниковъ путемъ экзамена, который ему, не воспитывавшемуся ни въ какомъ казенномъ заведеніи, надлежало держать на чинъ коллежскаго ассессора. Посвятивъ учебнымъ трудамъ цѣлые полтора года, въ теченіе которыхъ вытвержено было наизусть даже все римское право, Загоскинъ бодро предсталъ на экзаменъ, выдержалъ его блистательно и получилъ вожделѣнный чинъ коллежскаго ассессора, а за нимъ, въ 1826 г., орденъ св. Владиміра 4 класса. Обезпеченный, такимъ образомъ, въ дальнѣйшей перспективѣ своей служебной карьеры, Загоскинъ снова могъ приняться за литературу и, на этотъ разъ, началъ обдумывать планъ историческаго романа, къ которому запасался не только свѣдѣніями, но и документами, а между тѣмъ писалъ и въ 1828 г. поставилъ на московскую сцену: оперу *Панъ Твардовскій*, съ музыкою А. Н. Верстовскаго, — до сихъ поръ памятною цыганской пѣсней: *Мы живемъ среди полей* — и комедію *Благородный театръ*, въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, цѣлившую осмѣять чрезмѣрность тогдашней моды на спектакли въ домахъ. «Эта пьеса — свидѣтельствуетъ современникъ — имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать и громъ рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ». Для образчика, вотъ сцена изъ смѣхотворной комедіи *Благородный театръ*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бирюлькинъ—одинъ изъ актеровъ благородный труппы, человѣкъ лѣтъ пятидесяти.

Честоновъ—двоюродный братъ хозяина домашняго спектакля (Любскаго), неожиданно пріѣхавшій изъ Москвы (въ деревню къ Любскому).

Честоновъ *(улыбаясь)*.

Такъ вы, сударь, актеръ? Неужто въ самомъ дѣлѣ....

Бирюлькинъ.

Эхъ, батюшка! чуть-чуть душа осталась въ тѣлѣ!
Совсѣмъ замучили.—Пускай бы два стиха,
Нѣтъ, сотню выучи, а память-то плоха.
Твердить примусь, бѣда! начнетъ душить зѣвота;
Къ тому же у меня и кашель, и перхота,
Ну что я за актеръ?

Честоновъ.

Нельзя же безъ труда
Артистомъ быть. Когда старикъ въ твои года
Захочетъ въ рѣзвостяхъ тягаться съ молодыми,
Такъ должно все сносить.

Бирюлькинъ.

Конечно такъ, кто съ ними
Проказитъ за одно;—а я, почтенный мой,
И знать ихъ не хочу; мнѣ надобенъ покой!

Честоновъ.

Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Бирюлькинъ.

Зачѣмъ?—Возьмешься поневолѣ,
Когда на старости пугнутъ тебя судомъ.

Честоновъ.

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему, еще въ запрошломъ лѣтѣ,
Имѣя на бѣду покупочку въ предметѣ,
Рублей до тысячи я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей не важный капиталъ,
Но такъ какъ у меня весь хлѣбъ побило градомъ,
А что осталося, пришлось продать съ накладомъ,
Къ тому же мужички не выслали оброкъ,
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зоветъ меня сосѣдомъ
И жалуетъ.—Ну вотъ, однажды за обѣдомъ,

Изволитъ говорить: «послушай-ка, сосѣдъ!
«Заводимъ мы театръ—въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
«Однакожъ, такъ и быть, ступай и ты въ актеры!»
Вотъ я было и прочь—куда ты! хоть до ссоры!
Какъ крикнетъ, батюшка!—«Со мною не шути!
«Прошу играть, не то—по векселю плати!»
И радъ бы радостью—да мнѣ шестой десятокъ!
«Не хочешь, такъ плати!»—Дождитеся хоть святокъ!
И все съ процентами, сполна, вамъ заплачу.
«Нѣтъ, въ судъ!»—Помилуйте!—«И слышать не хочу!
«А впрочемъ не играй: вѣдь я, братъ, не неволю!»
Что дѣлать? Замолчалъ! Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали....

Честоновъ.

И жалко и смѣшно!

Бирюлькинъ.

Дурачить такъ меня—ей, ей, отецъ, грѣшно.
Во мнѣ же вовсе нѣтъ способностей природныхъ.

Честоновъ *(улыбаясь)*.

А вѣрно ты попалъ—на роли благородныхъ
Отцевъ; а можетъ быть и знатный господинъ....

Бирюлькинъ.

И должно бъ такъ!—вѣдь я природный дворянинъ:
Такъ нѣтъ, сударь! меня упрятали въ холопы;
Охотнѣе бъ пошелъ въ Сибирь я въ рудокопы,
А дѣлать нечего: хоть плачь, а будь актеръ.
Вѣкъ съ честію служилъ, ужъ двадцать лѣтъ маіоръ,
И мнѣ лакеемъ быть!

Честоновъ.

По чести, это больно!

Бирюлькинъ.

Вѣстимо, батюшка! Да дѣло-то невольно;
Одно изъ двухъ: плати, не то играй слугу!
Попробуй отказать,—такъ онъ согнетъ въ дугу!

Покончивъ съ этой комедіей, Загоскинъ, уже произведенный въ надворные совѣтники и украшенный орденомъ св. Станислава 2 класса, погрузился въ чтеніе историческихъ документовъ, всесторонне изучалъ избранную имъ эпоху, заработывался такъ, что, по разсказу свидѣтеля, «на улицахъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклоны, не слыхалъ привѣтствій»—и разрѣшилъ общее на его счетъ недоумѣніе только изданіемъ, въ 1829 г., своего знаменитаго историческаго романа: ***Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 г.***, въ 3 томахъ. «Появленіе этаго романа — пишетъ Аксаковъ — составило эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Восхищеніе было общее, единодушное: не много находилось людей, которые его не вполнѣ раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ, и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная, пришли въ совершенный восторгъ.... Всѣ обрадовались *Юрію Милославскому*, какъ общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы, — обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи — писали. Всякой день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія». Жуковскій, напр., письменно сообщалъ Загоскину, что не могъ оторваться отъ его романа всю ночь и всѣ три тома прочиталъ въ одинъ присѣстъ. Пушкинъ писалъ къ счастливому автору: «Поздравляю васъ съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его.... Дамы отъ него въ восхищеніи.... Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ намъ многіе романы». Оленинъ, Дмитріевъ, кн. Шаховскій, Гнѣдичъ, Крыловъ — дружески привѣтствовали въ Загоскинѣ новый талантъ. Вальтеръ-Скоттъ, Просперъ Мериме, ф. Ольбергъ — письменно засвидѣтельствовали Загоскину свое уваженіе и послѣдніе двое *по-русски*. Романъ Загоскина немедленно началъ переводиться на разные европейскіе языки, между тѣмъ какъ самъ Загоскинъ, 30 апрѣля 1830 г. перемѣщенный въ должность управляющаго конторою императорскихъ московскихъ театровъ, съ наступленіемъ 1831 г. былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, сдѣланъ исправляющимъ должность директора московскихъ театровъ, пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ, и въ томъ же 1831 г. напечаталъ еще историческій романъ: ***Рославлевъ или Русскіе въ 1812 г.***, въ 4 частяхъ, романъ, до своего окончанія уже закупленный предпріимчивыми книгопродавцами, но, во всѣхъ отношеніяхъ, далеко уступающій *Юрію Милославскому*. Не смущаясь однако сравнительно меньшимъ успѣхомъ втораго романа, Загоскинъ, въ 1833 г. напечаталъ третій: *Аскольдова могила, повѣсть изъ временъ Владиміра I*, въ 3 частяхъ,—произведеніе, выигравшее съ тѣхъ поръ, какъ авторъ перекроилъ его въ оперу того же имени, которая, бывъ представлена въ первый разъ 16 сентября 1835 г., навсегда сдѣлала музыку А. Н. Верстовскаго народною. Пожалованный, между тѣмъ, въ 1834 г., чиномъ статскаго совѣтника, Загоскинъ, быть можетъ, съ горя отъ не совсѣмъ восторженнаго пріема публикою двухъ послѣднихъ его романовъ, вздумалъ повернуть на старую дорогу — и написалъ комедію *Недовольные*, въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, игранную на московской сценѣ, въ первый разъ, 2 декабря 1835 г., но замѣчательную только множествомъ дѣйствующихъ лицъ (однихъ говорящихъ 22), а потому принятую публикой до того холодно, что какой-то острякъ тогда же сказалъ:

Оригинальнымъ насъ твореньемъ подарилъ
Писатель на-заказъ въ стихахъ не гладкихъ, школьныхъ,
На сцену *мнимыхъ* онъ полсотни размѣстилъ,
А въ залу *истинныхъ* пять тысячъ недовольныхъ.

Въ 1837 г., Загоскинъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ утвержденіемъ въ должности директора императорскихъ московскихъ театровъ, и въ томъ же году напечаталъ *Повѣсти Михайла Загоскина*, въ 2 частяхъ, изъ которыхъ въ ч. 1-й помѣщенъ *Вечеръ на Хопрѣ*, состоящій изъ вступленія и семи разсказовъ, а въ ч. 2-й *Три жениха*, передѣланные послѣ самимъ авторомъ въ прозаическую комедію *Урокъ матушкамъ*, и *Кузьма Рощинъ*. Въ 1838 г., Загоскинъ напечаталъ романъ: *Искуситель*, въ 3 частяхъ, самое слабое изъ всѣхъ своихъ произведеній, а въ 1839 г., издалъ повѣсть: *Тоска по родинѣ*, въ 2 частяхъ, которая, при всей своей посредственности, была принята лучше *Искусителя*, и немедленно передѣланная авторомъ на оперу, съ музыкою Верстовскаго, явилась на сценѣ 21 августа того же года, но не имѣла успѣха и очень скоро снята съ репертуара. Награжденный между тѣмъ, за построеніе Малаго театра въ Москвѣ, драгоцѣнною табакеркою съ вензелемъ Государя Императора, Загоскинъ, 13 апрѣля 1840 г., получилъ орденъ св. Владиміра 3 класса; въ 1841 г. написалъ для альманаха «Сто

русскихъ литераторовъ» нѣсколько растянутый разсказъ *Офиціальный обѣдъ*; 3 февраля 1842 г., по собственному прошенію, опредѣленъ директоромъ московской Оружейной Палаты и, въ томъ же году, напечаталъ романъ: *Кузьма Петровичъ Мирошевъ, русская быль временъ Екатерины II*, да еще книжку: *Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго. Выходъ I*, содержащую въ себѣ 10 небольшихъ статей; въ 1844 г. издалъ другую книжку *Москвы и Москвичей*, составленную изъ мелкихъ статей; въ 1846 г., пожалованъ орденомъ св. Станислава 1 класса; въ 1845 г., напечаталъ историческій романъ *Брынскій лѣсъ, эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго*, въ 2 томахъ, напомнившій, но блѣдно, *Юрія Милославскаго* и любопытный довольно удачнымъ введеніемъ раскольничьяго элемента; въ 1848 г., напечаталъ еще одинъ — и послѣдній — историческій романъ: *Русскіе въ началѣ восьмнадцатаго столѣтія. Разсказъ изъ временъ единодержавія Петра I*, въ 2 частяхъ, и издалъ третью книжку, *Москвы и Москвичей*, заключающую въ себѣ 12 мелкихъ статей, изъ которыхъ 4-я статья: *Поѣздка за границу* — послужила основаніемъ комедіи того же имени, впервые разыгранной на московской сценѣ 19 января 1850 г. Издавъ въ томъ же 1850 г., четвертую книжку *Москвы и Москвичей*, изъ 10 статеекъ, съ особымъ предисловіемъ, «къ читателямъ», Загоскинъ въ 1851 г. получилъ орденъ св. Анны 1 класса и напечатаніемъ въ журналѣ «Библіотеки для Чтенія», а потомъ отдѣльно, комедіи *Женатый женихъ*, въ 4 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, — покончилъ свое литературное поприще. Причиною тому была нервная подагра, которая, послѣ полуторагодовой истомы, свела Загоскина въ могилу: онъ умеръ 23 іюня 1852 г., въ москвѣ, на 63 г. дѣятельной жизни. Тѣло его погребено въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. — «Основными качествами характера Загоскина — говоритъ знавшій его хорошо С. Т. Аксаковъ — были честность, веселость, неограниченное добродушіе и довѣрчивость... Дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою находя въ людяхъ добрыя качества. Загоскинъ никогда не жаловался и даже не любилъ, чтобъ говорили и другіе о какомъ нибудь человѣкѣ, неблагодарномъ ему за добро... Будучи вспыльчивъ отъ природы, Загоскинъ совсѣмъ не имѣлъ того раздражительнаго авторскаго самолюбія, которымъ обыкновенно страдаютъ писатели. Не только его друзья и пріятели, но всякій могъ сдѣлать лично ему какія угодно жесткія замѣчанія, и онъ принималъ ихъ всегда добродушно и спокойно, и готовъ былъ сознаться въ ошибкѣ, если чувствовалъ справедливость замѣчаній. Онъ не выносилъ только одного, если нападая на Загоскина, задѣвали Россію или русскаго человѣка, тогда немедленно слѣдовала горячая вспышка. Загоскинъ былъ разсѣянъ и его разсѣянность подавала поводъ ко многимъ смѣшнымъ анекдотамъ: онъ часто клалъ чужія вещи въ карманъ и даже запиралъ ихъ въ свою шкатулку; сѣлъ, одинъ разъ, въ чужую карету, къ дамѣ, не коротко знакомой, и приказалъ кучеру ѣхать домой, тогда какъ мужъ стоялъ на крыльцѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на похищеніе своей жены... Имѣя умъ простой, здравый и практическій, Загоскинъ не любилъ ни въ чемъ отвлеченности, и былъ всегда врагомъ всякой мечтательности и темныхъ, метафизическихъ, трудныхъ для пониманія, мыслей и выраженій....» Объ искренности и добродушіи Загоскина можно судить по слѣдующему случаю, засвидѣтельствованному очевидцами: прочитавъ въ одномъ домѣ отрывокъ изъ своего, еще неизданнаго, романа *Юрій Милославскій*, Загоскинъ привелъ слушателей въ такой восторгъ, что хозяйка дома, не помня себя отъ волненія, пренаивно сказала Загоскину: »признаюсь, Михаилъ Николаевичъ, я никакъ не ожидала отъ васъ такой прелести!» — «И я тоже, сударыня!» еще наивнѣе отвѣчалъ Загоскинъ, взволнованный не менѣе хозяйки. Какъ писатель, Загоскинъ, помимо напечатанныхъ имъ 29 томовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, 17 комедій и 1 водевиля, можно сказать, обезсмертилъ себя однимъ своимъ романомъ *Юрій Милославскій*, который, бывъ изданъ въ Россіи *восемь* разъ и переведенъ на языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій, голландскій, англійскій, чешскій, до сихъ поръ уважается русскимъ читающимъ людомъ, и пользуется извѣстностью во всѣхъ слояхъ русскихъ грамотниковъ. Въ этомъ смыслѣ, но только въ этомъ, Загоскинъ можетъ быть названъ народнымъ писателемъ, — потому что одно имя его, благодаря впечатлѣнію *Юрія Милославскаго*, уже заохочивало русскихъ людей всѣхъ степеней образованія читать всѣ послѣдующія произведенія Загоскина, которыя, какъ извѣстно, болѣе и болѣе обманывали общія ожиданія. Совсѣмъ тѣмъ, произведенія Загоскина читались и читаются до сихъ поръ, — а это уже не малая заслуга дѣлу русскаго просвѣщенія въ обширномъ смыслѣ. И въ этомъ-то отношеніи, Загоскинъ, конечно, не выдерживающій строгой критики ни какъ романистъ. ни какъ драматургъ, ни какъ беллетристъ, никогда не забудется исторіей русской литературы — какъ писатель, читавшійся русскими людьми едва ли не болѣе и охотнѣе, чѣмъ всѣ другіе писатели. — Отъ брака съ Новосильцевой, М. Н. Загоскинъ оставилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

СУМАРОКОВЪ, Александръ Петровичъ, русскій писатель. Происходилъ, по собственному его выраженію, «отъ знатныхъ предковъ», служившихъ при дворѣ со временъ царя Алексѣя Михайловича; имѣлъ родителями Петра Панкратьевича Сумарокова, впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и Прасковью Ивановну, изъ фамиліи Приклонскихъ, а о мѣстѣ и времени своего рожденія самъ же онъ, въ стихахъ къ герцогу Браганцу, говоритъ:

Гдѣ Вильманштрандъ, я тамъ по близости рожденъ,
Какъ былъ Голицынымъ край Финскій побѣжденъ, —

т. е. въ 1718 г. — Поэтому, надо думать, что первые годы жизни Сумарокова, совпавъ съ послѣдними великой сѣверной войны, не были чужды походныхъ тревогъ и протекали или въ шумной обстановкѣ боеваго лагеря, или въ тѣсной кантониръ — квартирѣ. По заключеніи славнаго для Россіи нейштадтскаго мира въ 1721 г., отецъ Сумарокова, человѣкъ весьма образованный и коротко знакомый съ произведеніями Виргилія и Горація, дѣятельно занялся воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыхъ у него было пять дочерей, да три сына, и самъ обучалъ ихъ русской грамотѣ, съ восторгомъ повѣствуя имъ дѣянія Петра. Эти первоначальные уроки Петра Панкратьевича принесли наибольшую пользу его среднему сыну, Александру, который всегда съ жаромъ вспоминалъ, что «первыми основаніями въ русскомъ словѣ обязанъ онъ былъ отцу своему» и, впослѣдствіи, посвятилъ памяти Петра многія вдохновенія своей разнообразной музы. Но, не ограничивая домашняго воспитанія дѣтей соб-

ственными уроками, отецъ Сумарокова не оставилъ нанять сыновьямъ учителя-спеціалиста, иноземца Зейкена, выписаннаго Петромъ I въ наставники Петру II. У этаго Зейкена молодые Сумароковы слушали курсъ общей словесности, по окончаніи котораго два старшіе сына Петра Панкратьевича, Василій и Александръ, 30 мая 1732 г. были отданы въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, только что учрежденный по представленію Миниха, на образецъ прусскій. Тутъ Александръ Сумароковъ, даровитый отъ природы и хорошо подготовленный домашнимъ воспитаніемъ, не только быстро успѣвалъ въ наукахъ, требовавшихся программою рыцарской академіи — какъ называлась тогда классная часть кадетскаго корпуса, — но въ самой средѣ своихъ товарищей съумѣлъ найти и образовать *общество любителей русской словесности*, членами котораго явились: братья князья П. И. и С. И. Репнины, кн. П. А. Прозоровскій, А. В. Олсуфьевъ, И. И. Мелиссино, М. Г. Собакинъ, И. П. Елагинъ, А. П. Мельгуновъ и др. «Въ праздничные дни — пишетъ С. Н. Глинка — и въ часы свободные, читали они другъ другу первые опыты сочиненій своихъ и переводовъ. Тутъ не было ни зависти, ни соперничества. Тутъ было одно наслажденіе мысли и души». — Первенствуя въ этомъ кружкѣ, Сумароковъ пристально вчитывался въ произведенія корифеевъ французской и нѣмецкой литературы, въ подражаніе которымъ онъ рѣшился испробовать собственныя силы — и уже въ 1736 г. читалъ восхищеннымъ товарищамъ свою оду *На побѣды государя Петра Великаго*, предварившую оды Ломоносова и блистающую такими, въ то время, небывалыми хореическими стихами:

О премудро божество!
Отъ начала перва вѣка,
Таковаго человѣка
Не видало естество.
Цесарь страшенъ былъ въ день брани,
Августъ покорилъ весь свѣтъ;
Къ Александру носятъ дани,
Гдѣ лишь мечъ его сверкнетъ.
Петръ—природу премѣняетъ,
Новы души въ насъ влагаетъ,
Строитъ войско, входитъ въ Понтъ,
И во дни такой премѣны,
Мещетъ пламень, рушитъ стѣны,
Рветъ и движетъ горизонтъ.

«При слушаніи этой оды — говаривалъ И. И. Дмитріевъ, слыхавшій ее отъ своей матери — я почувствовалъ первый порывъ къ поэзіи». — За опытами писанія одъ и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ послѣдовало сочиненіе пѣсенъ — и первая изъ нихъ по времени: *То ль награда за мою вѣрность, за мою искренность*, такъ удалась Сумарокову, что, по разсказу Бантыша-Каменскаго, «была принята съ восхищеніемъ знатнѣйшими дамами, которыя пѣли ее предъ императрицею (Анной Ивановной), танцовали подъ голосъ ея минуеты». — Кромѣ этой пѣсни, кадетъ Сумароковъ, ободренный успѣхомъ, написалъ еще двѣ: *О мѣста, мѣста драгія* и *Мѣста тобою украшенны*, долго остававшіяся модными, а 14 апрѣля 1740 г., онъ, уже извѣстный петербургскому обществу, былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ адъютанта и слѣдующимъ аттестатомъ: «Въ геометріи обучилъ тригонометрію; експликуетъ и переводитъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ; въ исторіи универсальной окончалъ Россію и Польшу; въ географіи атласъ Гибнеровъ обучилъ; сочиняетъ нѣмецкія письма и ораціи; мораль Вольфскую до III главы второй части слушалъ; имѣетъ начало въ итальянскомъ языкѣ». — Спрошенный при выпускѣ: въ какой полкъ желаетъ поступить? Сумароковъ не пожелалъ ни въ какой — и былъ опредѣленъ къ военно-походной канцеляріи фельдмаршала гр. Миниха, которая, благодаря только-что заключенному миру съ Турціей, не была особенно занята дѣломъ, почему и молодой адъютантъ свободно могъ посвящать свои досуги изученію языковъ латинскаго, итальянскаго и греческаго. Петербургскія событія 1740—1741 г., ознаменованныя паденіемъ столькихъ величій, не измѣнили къ худшему карьеры Сумарокова: изъ канцеляріи сосланнаго гр. Миниха онъ попалъ въ флигель-адъютанты новаго временщика, извѣстнаго гр. А. Г. Разумовскаго, и преспокойно продолжалъ свои литературныя занятія, доказательствомъ чего служитъ слѣдующая отмѣтка современника, проф. Штелина: «Съ 1742 г. Гг. Сумароковъ и Ломоносовъ издавали по временамъ нѣсколько удачныхъ одъ и пѣсенъ. Первый упражнялся также въ трагическомъ и эпическомъ родѣ, подражая французскимъ авторамъ». — Подъ 1743 г. тотъ же Штелинъ отмѣтилъ: «Вышли три переложенія псалма, сдѣланныя профессоромъ Ломоносовымъ, капитаномъ Сумароковымъ и профессоромъ Тредіаковскимъ, — и были напечатаны вмѣстѣ». Достигнувъ къ 1745 г. званія генеральсъ-адъютанта при томъ же гр. А. Г. Разумовскомъ, Сумароковъ съ прежнимъ усердіемъ занимался литературою, писалъ эпистолы и въ 1747 г. напечаталъ при академіи наукъ два свои труда: оригинальную трагедію *Хоревъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, и Шекспирова *Гамлета*, въ стихахъ же, — труды, въ январѣ 1748 г. опубликованные академіею къ продажѣ, оба по 80 коп., а эпистолы 20 коп. — Быстро раскупленныя любителями, драматическія новинки Сумарокова весьма разнились между собою. Шекспиръ, впервые явившійся въ русской печати, мало походилъ на самаго себя, хотя Сумароковъ, приноравливаясь къ содержанію трагедіи, старался сообщить слогу своего перевода надлежащую мрачность — и, напримѣръ, въ извѣстномъ монологѣ: *Быть или не быть?* заставлялъ Гамлета излагать невыгоды бытія такими стихами:

Но если бы въ бѣдахъ жизнь здѣсь была вѣчна,
Кто бъ смертнаго себѣ не пожелалъ здѣсь сна?
И кто бъ могъ перенесть злосчастія гоненье,
Болѣзни, нищету и сильныхъ нападенье,
Неправосудіе безсовѣстныхъ судей,
Грабежъ, обиды, гнѣвъ, невѣрности друзей,
Вліянный ядъ въ сердца мучителей устами?
Когда бъ мы жили въ вѣкъ и скорбь жила бъ въ вѣкъ съ нами?

За то *Хоревъ*, переиначенный Сумароковымъ изъ русскаго историческаго преданія, нравился всему грамотному люду, неустанно ходилъ по рукамъ и, послѣ пестраго языка церковныхъ мистерій, въ самомъ дѣлѣ, долженъ былъ плѣнять читателей стихами, напримѣръ, слѣдующаго монолога Оснельды, плѣнницы Кія, влюбленной въ Кіева брата Хорева, враждебнаго ея отцу, Завлоху:

Желаю я любви, но узъ страшусь ея!
Страдай теперь душа, страдай душа моя!
Что будетъ сказано родительскою властью?
Терзаюсь объ отцѣ, терзаюсь я и страстью;
Со всѣхъ сторонъ напасть, нѣтъ помощи нигдѣ.
Гдѣ скрыться? Что начать въ несносной мнѣ бѣдѣ?
Когда подвергнусь я родительскому гнѣву,

Какую вѣсть скажу любезному Хореву?
Вотъ часть Оснельдина!... о солнце! о луна!
Къ чему, увы! къ чему родилася она! и проч.

Обаяніе, произведенное Хоревомъ, было такъ полно, что кадеты сухопутнаго шляхетнаго корпуса, гдѣ еще не переводилось общество любителей русской словесности, попробовали разыграть трагедію Сумарокова и, довольные собою, однажды, именно въ 1749 г., пригласили посмотрѣть на ихъ искуство самого автора трагедіи, который, въ свою очередь, былъ изумленъ прекрасною игрою кадетовъ П. И. Мелиссино, П. С. Свистунова, Н. А. Бекетова, Х. Д. Остервальда — и поспѣшилъ донести о видѣнномъ своему покровителю гр. А. Г. Разумовскому, а этотъ не замедлилъ доложить обо всемъ государынѣ. Ея Величество пожелала сама видѣть спектакль импровизированной труппы, пригласила кадетовъ во дворецъ, велѣла отпустить имъ изъ царской кладовой бархаты, парчи, камки на костюмы, собственноручно убрала въ коронные брилліанты Оснельду, роль которой долженствовалъ выполнять кадетъ Свистуновъ, — и 8 января 1750 г. *Хоревъ* былъ впервые сыгранъ въ комнатахъ государыни, съ блистательнымъ успѣхомъ, къ восторгу автора, лично участвовавшаго въ представленіи и обласканнаго императрицею. Въ томъ же 1750 г. Сумароковъ не только поставилъ на сцену своего *Гамлета*, но написалъ еще двѣ трагедіи въ стихахъ: *Синавъ и Труворъ*, въ 5 дѣйствіяхъ, игранную 29 іюля, въ Петергофѣ, и *Артистона*, въ 3 дѣйствіяхъ, явившуюся въ октябрѣ, сочинилъ и комедію *Чудовище* — грубый фарсъ въ цѣломъ, дѣлающій однако честь автору, впервые вводившему на русскую сцену элементъ комическій. Что же касается трагедіи *Синавъ и Труворъ*, Лагарпъ отозвался о ней, что она «есть новое явленіе не только на русскомъ театрѣ, но и въ общемъ мірѣ драматическомъ, такъ какъ все въ ней дышетъ простотою древнихъ греческихъ трагедій». — Ободренный успѣхами на поприщѣ драматическомъ, Сумароковъ къ веснѣ 1751 г. поставилъ на сцену новую трагедію *Семира*, въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, долго остававшуюся любимицей русской публики, просвѣщенные представители которой, изъ стихотворцевъ, именовали Сумарокова не иначе какъ «Семиры нѣжныя пѣвцомъ», а издатели «Драматическаго словаря» 1787 г. не обинуясь писали: «Семира всегдашнюю похвалу и вниманіе имѣла отъ публики. Въ ней красота стиховъ и иройскіе характеры достойны уваженія и безсмертія автора. Переведена сія трагедія на разные европейскіе языки; печатана многократно». Монаршее благоволеніе къ автору *Семиры* выразилось производствомъ его, 5 апрѣля 1751 г., въ полковники, съ оставленіемъ генеральсъ-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ, который тогда же подарилъ Сумарокову табакерку, полученную имъ самимъ отъ императрицы и стоившую, какъ пишетъ Сумароковъ, «рублевъ съ семьсотъ». — Славу Сумарокова, какъ писателя драматическаго, уже не могли умалить ни его присяжный критикъ Тредіаковскій, ни его вѣчный соперникъ Ломоносовъ, изъ которыхъ первый, въ 1750 г., поставилъ на сцену трагедію *Деидамія*, въ 2313 двоестрочныхъ гекзаметровъ, истомившую зрителей, и болѣе не игранную, а Ломоносовъ, по неотступной просьбѣ И. И. Шувалова, изготовилъ въ 1750 и 1752 гг., двѣ трагедіи: *Темира и Селимъ* и *Демофонтъ*, доказавшія только, что даже великій даръ стихотворства, безъ драматическаго содержанія, не пригоденъ для сцены. — Но еще болѣе поддержало славу Сумарокова обстоятельство совершенно неожиданное, случившееся въ 1752 г.: изъ Ярославля, по высочайшему повелѣнію, привезли тогда въ Петербургъ цѣлую труппу актеровъ по призванію, которая, составившись изъ разночинцевъ-любителей, удивляла ярославскія власти представленіемъ драмы *Эсфирь* и пасторали *Евмондъ и Берѳа*, а въ Петербургѣ, въ комнатахъ императрицы, такъ хорошо выполнила одну за другою трагедіи Сумарокова *Хоревъ*, *Синавъ и Труворъ*, *Артистона* и *Гамлетъ*, что государыня восхитилась и, при представленіи *Синава*, пожаловала автору драгоцѣнный перстень съ собственной руки, а корифеевъ труппы — Волкова, Нарыкова (тогда же переименованнаго Дмитревскимъ), Попова, Шумскаго — приказала зачислить придворными актерами и дать имъ приличное образованіе. Одержавъ, такимъ образомъ, рѣшительный верхъ на поприщѣ драматическомъ, — что, въ 1754 г., дало поводъ одному безъименному пасквиланту сказать, нѣмецкими стихами, будто Ломоносовъ, «подобно Марсіусу, охотно опозорилъ бы Сумарокова въ награду за его смѣлое изобрѣтеніе просодіи по нѣмецкому образцу» — Сумароковъ продолжалъ ревностно служить русской Мельпоменѣ и въ 1755 г. поставилъ на сцену свой новый трудъ, оперу *Цефалъ и Прокриса*, музыка придворнаго капельмейстера Арайи, — первая опера въ родѣ лирическихъ драмъ Кино, написанная на русскомъ языкѣ и исполненная русскими пѣвцами. — Произведенный между тѣмъ въ бригадиры, Сумароковъ радостно внималъ извѣстію, что «Ея Императорское Величество изволила указать: для умноженія драматическихъ сочиненій, кои на россійскомъ языкѣ, при самомъ началѣ, справедливую хвалу отъ всѣхъ имѣли, установить россійскій театръ», — а 30 августа 1756 г. уже читалъ именный указъ Сенату о бытіи россійскаго театра, заключавшійся такъ: «Дирекція того русскаго театра поручается отъ насъ бригадиру Александру Сумарокову, которому изъ той же суммы (5000 рубл. въ годъ на содержаніе театра) опредѣляется сверхъ его бригадирскаго оклада, раціонныхъ и денщичьихъ денегъ въ годъ по 1000 рублей, и заслуженное имъ по бригадирскому чину, съ пожалованья его въ оный чинъ, жалованье, въ дополненіе къ полковничью окладу додать, а впредь выдавать полное годовое бригадирское жалованье; а его, бригадира Сумарокова, изъ армейскаго списка не выключать». Среди заботъ по устройству хозяйственной части петербургскаго театра, помѣщавшагося въ тѣсномъ домѣ гр. Головкина (на мѣстѣ нынѣшней Академіи Художествъ), Сумароковъ рачилъ и о заведеніи театра въ Москвѣ, куда были посланы Волковъ и Шумскій; не покидалъ и пера, обогатившаго русскій репертуаръ въ 1757 г., драмою *Пустынникъ*, а въ 1758 г. — трагедіей *Ярополкъ и Дамиза*; пекся и о подчиненныхъ ему актерахъ, которымъ исходатайствовалъ дворянское отличіе — право носить шпаги. Неистощимый въ изобрѣтательности и неутомимый въ труженичествѣ для русскаго театра, Сумароковъ къ 5 сентября 1759 г., дню именинъ императрицы и торжествованія побѣды, одержанной русскими войсками надъ Фридрихомъ II, 1 августа, при Франкфуртѣ, изготовилъ прологъ *Новые лавры* и драму — балетъ *Прибѣжище добродѣтели*, — пьесы аллегорическаго содержанія, обставленныя изящными декораціями, великолѣпными костюмами и дорогими машинами. Въ томъ же 1759 г. Еврипидова *Альцеста*, превращенная Сумароковымъ въ оперу, съ музыкою Раупаха, была впервые сыграна на эрмитажномъ театрѣ и затѣмъ повторена нѣсколько разъ къ ряду, а

такъ называемый Головкинскій театръ перемѣщенъ въ новое деревянное зданіе у Полицейскаго моста, соединенное корридоромъ съ императорскимъ дворцомъ (на мѣстѣ нынѣшняго дома Елисѣева).—Наконецъ, въ томъ же 1759 г. Сумароковъ началъ ежемѣсячное изданіе *Трудолюбивая Пчела*, которое наполнялось, главнымъ образомъ, произведеніями самаго издателя и, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, окончилось 12-ю книжкою. Вскорѣ за тѣмъ окончилось и управленіе Сумарокова театромъ, отъ котораго онъ былъ уволенъ въ началѣ 1761 г., по навѣтамъ враговъ. Послѣднихъ у Сумарокова было много, потому что онъ, при многихъ своихъ достоинствахъ, не умѣлъ уживаться не только съ посторонними, но и съ ближайшими родными, какъ доказываютъ это слѣдующія выдержки изъ письма къ Сумарокову его старика-отца, отъ 12 іюля 1761 г.: «что принадлежитъ о спросе, что угожденъ ли будетъ пріездъ вашъ въ Москву, тому я дивлюся, и то мне кажется съ натурою человѣческою несходно, чтобъ отецъ не хотѣлъ видѣть дѣтей своихъ, которыхъ нѣсколько времени не видалъ; и не знаю, о какомъ пишешь развращеніи, которое, чтобъ быть въ Москвѣ, отвращаетъ оттого жену твою, упоминая послѣднею бытность въ Москвѣ; и то къ резону ставить не подлежитъ, ибо какъ ты отсюда поѣхалъ, тогда проводы были и не безслезъ... Что пишешь о непосылкѣ къ тебѣ денегъ, то для того не посыланы, что и прежде запосылаемые и заповсягодные запасы нетолько комнѣ благодареній, но и писемъ получено что или нѣтъ, ни отвѣтовъ противъ писемъ моихъ не было; и внынешнемъ году, посланной отъ меня запасъ полученъ ли, ни слуху ни вѣсти (по пословицѣ) нѣтъ, для чего и посылать болѣе не разсудилось, думая, что такая малая безделица посылаетца вненадежность».—Воцареніе Екатерины II застало Сумарокова въ какомъ-то раздраженіи, одушевляясь которымъ, онъ ко дню коронованія новой самодержицы, 22 сентября 1762 г., написалъ ***Похвальное слово*** Екатеринѣ, блистающее, напр., такими тирадами:» Невѣжество есть источникъ неправды; бездѣльство полагаетъ основаніе храма его; безумство соединяетъ оный; непросвѣщенная сила, а иногда и смѣшавшаяся съ пристрастіемъ, укрѣпляетъ оный. Разруши, Государыня, разруши стѣны храма сего, повергни столпы его и разори основаніе, созижди великолѣпный храмъ ненарушимаго правосудія!... Что смерть воспрепятствовала сдѣлать Петру Великому, исполни то, великая Екатерина!» и т. д. Понятый умною государыней, Сумароковъ, въ самый день коронаціи, былъ произведенъ изъ бригадировъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и, къ масляницѣ 1763 г., изготовилъ для московскаго уличнаго маскарада «Торжествующая Минерва», описательные стихи — посвященные опять же осмѣянію личностей, какъ «Кривосудъ Обираловъ и Взятколюбъ Одбираловъ, бесѣдующіе объ акциденціи, и при нихъ пакостники разсѣевающіе сѣмена кропивныя»—а весною уже въ Петербургѣ, онъ распростился, съ однимъ изъ своихъ покровителей, И. И. Шуваловымъ, отъѣзжавшимъ тогда за границу, и получилъ отъ него, на память, какой-то «миніатурной портретъ», «который—поясняетъ самъ Сумароковъ — у него (Шувалова) надъ его Bureau стоялъ, какъ достойный зрѣнія, лѣтъ пять».—Тою же весной, Сумароковъ, выпрашивая отцу своему и себѣ новыхъ даяній, писалъ къ одному высокопревосходительному милостивцу: «Я надѣюся на ея величество, что и я въ разсужденіи того, сколько меня обошли, а именно человѣкъ съ триста, нѣкоторыя поправки достоинъ. Я же и кромѣ поэзіи, можетъ быть, нѣкоторыя достоинства имѣю и могъ бы перомъ моимъ, кромѣ стиховъ, много принести пользы, а особливо по рефлексіямъ на Россію».—Съ такимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ Сумароковъ ни при чемъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ, въ апрѣлѣ 1765 г., онъ проводилъ до могилы прахъ своего соперника, Ломоносова, благородно сказавъ о почившемъ:

Онъ нашихъ странъ Малербъ; онъ Пиндару подобенъ,—

а нѣсколько дней спустя, А. В. Олсуфьевъ, именемъ императрицы сдѣлалъ ему внушеніе за соблазнительныя слова и личные (на кн. Шаховскаго) намеки въ его притчѣ *Два повара*. Возлагая на Олсуфьева это щекотливое порученіе, императрица приписывала къ нему *по-французски*: «Взвѣсьте хорошенько ваши выраженія, потому что мы имѣемъ дѣло съ горячей головой, которая начинаетъ терять смыслъ, если уже давно не потеряла его. Однако сдѣлайте такъ, чтобъ онъ поправилъ свои глупости или поправьте ихъ сами». Совсѣмъ тѣмъ Сумароковъ не терялъ милости государыни, что доказывается какъ пожалованною ему, 26 января 1767 г., аннинскою лентою, такъ и еще болѣе тономъ прошенія, которое онъ, вовлеченный, по смерти своего отца, въ непріятности съ матерью, сестрою и зятемъ, подалъ государынѣ. Это любопытное прошеніе, вполнѣ характеризующее и «Семиры нѣжныя пѣвца», и доброе старое время, состоитъ изъ 38 пунктовъ, одинъ забавнѣе другаго. Такъ, обвиненіе, будто онъ хочетъ всѣхъ перерѣзать, авторъ Сынава и Трувора отражаетъ доводомъ: «на висѣлицу я не хочу, а особливо, что я еще втораго всего изданія своихъ сочиненій къ чести моего отечества не выпустилъ»; противъ обвиненія, что онъ на мать свою написалъ пасквиль, приводитъ: «шествую я по стопамъ Горація, Ювенала, Депрео и Мольера, и имѣю ли нужду въ пасквиляхъ? Сатира и комедія лучше бы мнѣ праведное учинили отмщеніе, и къ пользѣ публики, нежели пасквиль. Можетъ ли человѣкъ, снабдѣнный оружіемъ, ухватиться во время защищенія за заржавленное шило, а знатный стихотворецъ, вмѣсто сатиры и комедіи, за пасквиль?»; наконецъ, жалуясь, что зять и сестра «науки называютъ ***Календаремъ***, а стихотворство ***Лихою болестью***», Сумароковъ вопіетъ, что ссорами своими лишаютъ они его «спокойства и оставшаго времени къ сочиненію, ради чести отечества, ибо—продолжаетъ онъ — никто не можетъ оспорить что Расинъ, Лабрюеръ и дела Фонтень преумножили чести Франціи, и чести владѣнію Людовика, и не меньше, нежели побѣдоносное его оружіе. Сіе мое самохвальство всѣ въ Европѣ ученые утверждаютъ, всѣ академіи и университеты. Судя и по самымъ худымъ переводамъ нѣкоторыхъ малочисленныхъ сочиненій, Германія, Франція, Парижъ и самъ Волтеръ, единый съ Метастазіемъ изъ современниковъ моихъ достойный мнѣ совмѣстникъ».—Какой исходъ имѣло это прошеніе—не видно; извѣстно только, что, тягаясь съ родными, Сумароковъ не покидалъ своего главнаго дѣла—и 3 октября 1768 г. была играна на придворномъ театрѣ его новая трагедія ***Вышеславъ***, не имѣвшая успѣха и памятная развѣ только возвышенно-благороднымъ монологомъ главнаго героя:

Я, царствуя, хочу вознесть санъ человѣка,
Законодавецъ я, народу я отецъ;
Хранитель чадъ моихъ, блаженства ихъ творецъ.

Впрочемъ, слава Сумарокова, какъ дѣятеля, была уже давно упрочена—и анонимный авторъ нѣмецкаго «извѣстія о нѣкото-

рыхъ русскихъ писателяхъ», напечатаннаго въ 1768 г. въ Лейпцигѣ, не оставилъ, упоминая о Сумароковѣ, сказать, что «ему обязано отечество наше основаніемъ хорошаго театра», затѣмъ похвалить всѣ его трагедіи, а о прочихъ произведеніяхъ сдѣлать такой—по нашему мнѣнію, справедливый—отзывъ: «шесть комедій Сумарокова (*Чудовище*, *Опекунъ*, *Лихоимецъ*, *Три брата совмѣстники*, *Ядовитый*, *Нарцисъ?*) не такъ удачны. Не смотря на множество разсѣянныхъ въ нихъ комическихъ и остроумныхъ шутокъ, на многія ѣдкія, сатирическія черты, онѣ, по общему составу своему, не имѣютъ на сценѣ достаточной занимательности. За то общаго одобренія удостоился авторъ въ отечествѣ своемъ за басни, изъ коихъ нѣкоторыя проф. Шлецеръ перевелъ на нѣмецкій языкъ; такъ же цѣнятся его элегіи, эклоги и пѣсни. Двѣ героическія оперы *Цефалъ и Прокриса и Алцеста* также не безъ достоинствъ. Мелкія сатирическія статьи Сумарокова остроумны и ѣдки. Въ письмахъ своихъ оказываетъ онъ не малую услугу своему отечеству по части правилъ языка и особенно стихотворства. Послѣднія суть извлеченія изъ «Искуства Поэзіи» Буало. Оды его не такъ удачны, какъ Ломоносовскія. Авторъ нашъ измѣняетъ себѣ и въ прозѣ нѣкоторыхъ писемъ и похвальныхъ словъ».—А четыре года спустя, вотъ какъ отзывался о Сумароковѣ Н. И. Новиковъ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» (1772): «Различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями пріобрѣлъ онъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей. И хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать трагедіи по всѣмъ правиламъ театральнаго искуства, но столько успѣлъ во оныхъ, что таслужилъ названіе сѣвернаго Расина. Его еклоги равняются знающими людьми съ Виргиліевыми, и поднесь еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго Парнасса; и въ семъ родѣ стихотвореній далеко превосходитъ онъ Федра и дела Фонтена, славнѣйшихъ въ семъ родѣ. Впротчемъ, всѣ его сочиненія, любителями россійскаго стихотворства, весьма почитаются». Такъ разумѣли Сумарокова современники и также смотрѣла на него имп. Екатерина, которая, во вниманіи къ запутанному состоянію домашнихъ дѣлъ «Семиры нѣжныя пѣвца», съ 1 мая 1769 г. повелѣла ежегодно выдавать ему по 2 тыс. рубл. и нерѣдко жаловала его денежными подарками, при чемъ всѣ сочиненія Сумарокова печатались на счетъ Кабинета. Но завистники автора *Синава и Трувора* не дремали. Воспользовавшись размолвкою Сумарокова съ содержателемъ московскаго театра Бельмонти, по поводу представленія новопереведенной Н. Пушниковымъ драмы Бомарше *Евгенія*, они подлили масла въ огонь и устроили дѣло такъ, что раздражительный Сумароковъ не только оскорбилъ Бельмонти печатною критикою, но и запретилъ ему играть свои трагедіи, а когда это было разрѣшено московскимъ главнокомандующимъ, фельдмаршаломъ гр. П. С. Салтыковымъ, не вѣдавшимъ скрытой интриги противъ Сумарокова, послѣдній, 30 января 1770 г., между прочимъ, писалъ къ Бельмонти: «мои трагедіи—моя собственность... Я уважаю фельдмаршала, какъ знаменитаго градоначальника древней столицы, а не какъ властелина моей музы; она не зависитъ отъ него. И такъ, по чредѣ, имъ занимаемой, я его почитаю; но на поприщѣ поэзіи, я ставлю себя выше его. А милостей его—отнюдь не домогаюсь». И какъ бы въ доказательство этаго, Сумароковъ отправилъ одно за другимъ жалобныя письма къ самой императрицѣ, которая однако взяла сторону не Сумарокова, а раздраженному трагику, между прочимъ, писала: «Я думаю, что вы лучше всѣхъ знаете, какого уваженія достойны люди, служившіе со славою и убѣленные сѣдинами. Вотъ почему совѣтую вамъ избѣгать впредь подобныхъ преній. Такимъ образомъ вы сохраните спокойствіе души, необходимое для произведеній вашего пера; а мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели въ вашихъ письмахъ».—Дѣлать было нечего и Сумароковъ, съ горя, запилъ, но еще не настолько, чтобъ не годиться никуда—и 1 февраля 1771 г., впервые была играна его трагедія, *Дмитрій Самозванецъ*, имѣвшая успѣхъ колоссальный, благодаря и патріотическому ея содержанію, и блистательному выполненію Дмитревскимъ главной роли и, наконецъ, прекраснымъ стихамъ, какъ напр., въ этомъ монологѣ гдѣ Дмитрій, увидя кн. Шуйскаго, говоритъ:

Мнѣ дерзкой площади извѣстенъ наглый шумъ
И основаніе ея коварныхъ думъ.
Все то московскіе вельможи утверждаютъ
И благоденствіе престола разрушаютъ.

Шуйскій.

Не важенъ черни шумъ, то только звукъ пустой;
Ихъ лай уноситъ вѣтръ, исчезнетъ онъ....

Дмитрій.

Постой!
Нѣтъ, тайны ты своей сокрыть не можешь болѣ.
Все ясно: на моемъ ты хочешь быть престолѣ.

Шуйскій.

Чтобъ я монархомъ былъ великой сей странѣ,
Не входятъ и на умъ такія мысли мнѣ;
Ты нашъ монархъ и сынъ монарха Іоанна;
Въ соборной церкви намъ глава твоя вѣнчанна.
Тираномъ былъ у насъ зловредный Годуновъ;
Ты грозенъ, праведенъ; отецъ твой былъ таковъ.
Роптанье на тебя крамольники сугубятъ,
Буяны и тати; а прочіе всѣ любятъ.
По нуждѣ лютъ ты днесь, но будешь милосердъ....
Великій Государь! въ Москвѣ престолъ твой твердъ.

Успѣхъ *Дмитрія Самозванца* не былъ силенъ воздвигнуть Сумарокова изъ его нравственнаго паденія, соболѣзнуя которому, императрица вызвала пѣвца Семиры въ Петербургъ, гдѣ Сумароковъ далъ государынѣ слово не пить и, въ 1773 г., написалъ *Оду Ея Имп. Выс. Гос. Вел. Княг. Наталіи Алексѣевнѣ*, въ 14 строфахъ, по 10 строкъ въ каждой,—за что и получилъ отъ супруга великой княгини, государя наслѣдника Павла Петровича, табакерку изъ лучшаго лаписъ-лазули, съ изящной золотой работой и нѣсколькими бриллиантами, цѣною до 2 тыс. рублей. Тамъ же, въ Петербургѣ, Сумароковъ вручилъ императрицѣ свою послѣднюю трагедію *Мстиславъ*, представленную на петербургской сценѣ въ 1774 г., и, получивъ на дорогу 1000 рубл. изъ Кабинета, возвратился въ Москву, откуда онъ, 11 ноября 1775 г., уже просилъ гр. Г. А. Потемкина о защитѣ отъ преслѣдованій своего немилосердаго кредитора П. Г. Демидова, при чемъ въ 6 п. *Записки ради памяти* полу-шутливо объяснялъ: «Книги мои и рукописи приказано было подканцеляристу магистратскому осмотрѣть и поставить при нихъ караулъ; хотя ни магистратъ, ни подканцеляристъ, не знаютъ различія между Оды, Еклоги и Елегіи».—Послѣднее время своей жизни, Сумароковъ, по вы-

раженію С. Н. Глинки, «исчезалъ въ Бахусовомъ обаяніи» и москвичи часто видали его отправляющимся пить вино, черезъ Кудринскую площадь (гдѣ у него былъ собственный домъ), въ бѣломъ шлафрокѣ.» «Но никто не указывалъ на него пальцемъ, продолжаетъ тотъ же Глинка; обыватели московскіе встрѣчались съ нимъ привѣтливо и, перешептываясь между собою, говорили: «онъ хоть и крѣпко пьетъ, да добрый человѣкъ. У него вѣрно какое нибудь горе на-сердцѣ». И добрые москвичи не ошибались, потому что несчастный Сумароковъ тогда же писалъ кн. **А. М. Голицину**:

Не веселятъ меня пріятности погоды,
Ни рѣки, ни луга, ни плещущія воды.
Неправда дерзкая — увы! эдемскій садъ
Преобратила ты въ кипящій, лютый адъ.
О, Боже! если бы была Екатерина
Всевидица, какъ ты, гдѣ бъ дѣлся толкъ судей,
Гонящихъ безъ вины законами людей!

Паденіе Сумарокова, къ счастію пѣвца Семиры, не было продолжительно: онъ умеръ 1 октября 1777 г., въ Москвѣ, 59 лѣтъ. Почитатели и студенты отнесли его гробъ до могилы въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. — Сумароковъ имѣлъ станъ стройный, лицо пригожее, но моргалъ такъ быстро, что нельзя было разсмотрѣть его глазъ, какъ бы увлекаемыхъ непрерывнымъ перелетомъ мыслей. Эту особенность онъ самъ выразилъ въ своемъ стихѣ:

Лечу изъ мысли въ мысль,
Бѣгу изъ страсти въ страсть.

Одѣвался Сумароковъ щегольски, въ бархатные кафтаны, карманы которыхъ постоянно были наполнены двумя сортами нюхательнаго табака, ежеминутно употребляемаго Сумароковымъ и потому густо покрывавшаго его роскошныя кружевныя манжеты. Самолюбивый, вспыльчивый и, вмѣстѣ, добрый, великодушный, Сумароковъ любилъ славу, гонялся за похвалою, принималъ къ сердцу малѣйшее противорѣчіе. За то выскочить, при видѣ встрѣчнаго бѣдняка, изъ кареты, сорвать съ себя кафтанъ, отдать его бѣдняку и возвратиться домой въ плащѣ своего лакея,—для Сумарокова ничего не значило. Случалось также, что Сумароковъ, замѣтивъ, на какомъ нибудь гуляньѣ, грубое обращеніе полиціи съ чернью, вскакивалъ на ближайшій прилавокъ и, не смотря на уговариваніе болѣе, чѣмъ онъ, осторожныхъ друзей, звучнымъ голосомъ кричалъ: «наша матушка государыня бережетъ народъ; а вы что тутъ вздумали озорничать!» — Заступиться за гонимаго, исходатайствовать забытымъ сиротамъ труженика ученаго казенное пособіе, помочь неимущему — Сумароковъ всегда считалъ своею обязанностію и, гдѣ можно, прилагалъ ее къ дѣлу.—Какъ писатель, Сумароковъ, превознесенный современниками и достойно оцѣниваемый потомствомъ, всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи русской литературы, — не по одному множеству и разнообразію своихъ произведеній, но также по ихъ содержанію, духу и формѣ. Подаривъ русской сценѣ первыя, задуманныя и написанныя по-русски, оригинальныя трагедіи и первыя же, хотя менѣе удачныя, комедіи, Сумароковъ, сатирикъ по преимуществу, оказалъ немаловажную услугу русскому языку уже однимъ тѣмъ, что онъ, въ видахъ обереженія этаго языка отъ наплыва словъ и реченій иноземныхъ, всячески издѣвался надъ подобными покушеніями и, напр. въ комедіи *Пустая ссора*, представлялъ такой образчикъ тогдашней модной болтовни: «*Деламида*. Вы такъ мнѣ флатируете, что ужъ невозможно.— *Дюлижъ*. Вы не повѣрите, что я васъ адорирую.—*Деламида*. Я этаго, сударь, не меритирую.—*Дюлижъ*. Я думаю, что вы довольно ремаркированы быть могли, что я опре де васъ всегда въ конфузіи. — *Деламида*. Что вы дистре, такъ это можетъ быть отъ чего другова.—*Дюлижъ*. Я все, кромѣ васъ, мепризирую.—*Деламида*. Я этой пансе не имѣю, чтобъ я и въ прямъ въ вашихъ глазахъ эмабль была.—*Дюлижъ*. Трезе-мабль, сударыня, вы какъ день въ моихъ глазахъ...» Еще выразительнѣе каралъ Сумароковъ такое смѣшеніе «французскаго съ нижегородскимъ» стихами, въ родѣ слѣдующихъ:

Взращенъ дитя твое и сталъ уже дѣтина;
Учился, наученъ; ученый—сталъ скотина!
Болтать и попугай, сорока, дроздъ умѣютъ,
Но больше ничего они не разумѣютъ.
Французскимъ словомъ онъ въ рѣчь русскую плыветъ,
Солому—*пальею*, *обжектомъ*—видъ зоветъ;
И рѣчи русскія ему лишь тѣ прелестны,
Которы на Руси враламъ однимъ извѣстны,
Есть, есть родители, желающи того,
Чтобъ дѣти языка не знали своего.

Сумароковъ же, первый изъ русскихъ, пробовалъ себя и въ баснѣ, но всѣ опыты его въ этомъ родѣ, ему неудавшемся, страждутъ однимъ общимъ недостаткомъ — продолжительными, скучными и вовсе не нужными отступленіями отъ главнаго предмета разсказа, какъ напр. въ слѣдующемъ началѣ басни *Кривая лисица*:

Была лисица,
И отъ собакъ
Летала будто птица,
Не драться съ ними ей, она не львица,
Да имъ же, по родству, сестрица.
Была замужняя она или дѣвица,
Про то
Не сказывалъ никто:
Могла вдругъ дѣвка быть, и баба, и вдовица,
И по просту вдова и т. д.

Всѣ сочиненія Сумарокова, печатавшіяся при жизни автора, большею частію, отдѣльно, какъ напр. въ 1769 г., два тома *Стихотвореній*, по смерти его, изданы Н. И. Новиковымъ дважды: въ 1781 и 1787 гг., оба раза въ 10 частяхъ. Эти 10 частей содержатъ въ себѣ: ч. I—стихотворное переложеніе всей псалтири Давида; 28 духовныхъ одъ, церковныхъ стиховъ и библейскихъ главъ; нѣсколько надписей, въ томъ числѣ извѣстная къ памятнику Петра I, воздвигнутому Екатериной II; переводные отрывки изъ Тита Ливія, Расина, Корнеля, Вольтера и Фенелона; описаніе фейерверка 1 января 1760 г.; начало поэмы *Дмитрій Донской*, 1769 г.; *Персей*, опера, въ родѣ Кино, и 7 эпистолъ; ч. II—74 торжественныя оды на разные случаи; мелкія стихотворенія изъ Горація; Флеминговы сонеты къ Москвѣ и 8 торжественныхъ словъ, прозою; ч. III — трагедіи: *Хоревъ*, *Гамлетъ*, *Синавъ и Труворъ*, *Артистона*, *Семира*, *Ярополкъ и Димиза*; ч. IV—трагедіи: *Вышеславъ*, *Дмитрій Самозванецъ*, *Мстиславъ*; прологъ *Новые Лавры*; балетъ *Прибѣжище Добродѣтели*; оперы: *Алцеста*, *Цефалъ и Прокриса*; драма *Пустынникъ*; *Мнѣніе о французскихъ трагикахъ* и выписки нѣжныхъ двустишій изъ трагедіи Сумарокова, сдѣланныя самимъ авторомъ, но издателемъ, по недоразумѣнію, принятыя за нѣчто особое, названное *Любовною гадательною книжкою*; ч. V—комедіи: *Опекунъ*, *Ли-*

хоимецъ, *Три брата совмѣстники*, *Ядовитый*, *Нарцисъ*, *Приданое обманомъ*, *Чудовище*, *Трессотиніусъ*, *Пустая ссора*; ч. VI—комедіи: *Рогоносецъ по воображенію*, *Мать совмѣстница дочери*, *Вздорщица* и 30 статей смѣси разнаго содержанія, какъ напр.: *О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи*, *Московская лѣтопись*, *Стрѣлецкій бунтъ* и проч.; ч. VII—378 притчей, въ 6 книгахъ, и 10 сатиръ; ч. VIII—65 эклогъ, 7 идиллій, 151 пѣсня, 12 маскарадныхъ хоровъ и 12 элегій; ч. IX—12 эклогъ, 27 элегій, 4 станса, 9 сонетовъ, 27 эпиграммъ, 20 эпитафій, 18 мадригаловъ, 10 загадокъ, 167 разныхъ мелкихъ стихотвореній, 9 отрывковъ, и до 30 прозаическихъ сочиненій и переводовъ; ч. X—22 прозаическія статьи, какъ напр. *Разсужденіе о русскомъ языкѣ*, съ разборомъ одъ Ломоносова; *Отвѣтъ на критику Тредіаковскаго*; *О происхожденіи русскаго народа*; переводъ повѣсти Монтескью: «Исменія и Исмена»; разборъ Синава и Трувора, переведенный съ французскаго, и проч.—Многія сочиненія Сумарокова не оставались достояніемъ одной русской печати—и *Семира*, еще въ 1760 г., издана по-нѣмецки въ Бреславлѣ, а всѣ его трагедіи вмѣстѣ переведены на французскій языкъ Попандопуломъ и, въ 1801 г. напечатаны въ Парижѣ, въ 2 томахъ. Французскій же переводъ оперы *Альцесты* изданъ въ Петербургѣ. — А. П. Сумароковъ былъ женатъ трижды и отъ перваго брака, съ Іоганною Христіановною Балкъ, каммеръюнгферою и хранительницею кружевъ вел. княг. Екатерины Алексѣевны (впослѣдствіи императрицы), имѣлъ двухъ дочерей: *Прасковью*, за гр. Головинымъ, и *Екатерину*, за извѣстнымъ писателемъ Я. Б. Княжнинымъ. Сынъ Сумарокова, отъ перваго же брака, въ 1774 г. былъ капраломъ Преображенскаго полка и умеръ въ молодости. Другіе три сына, отъ браковъ втораго и третьяго, сдѣлались жертвами братской привязанности: купаясь вмѣстѣ въ рѣкѣ, они послѣдовательно старались спасти одинъ другаго отъ потопленія и, такимъ образомъ, погибли всѣ трое, въ 1809 г. — «Уже ѳиміамъ не дымится передъ кумиромъ, сказалъ Карамзинъ, но не тронемъ мраморнаго его подножія, оставимъ въ цѣлости и надпись: *Великій Сумароковъ!* Соорудимъ новые памятники, если надобно, но не будемъ разрушать тѣхъ, которые воздвигнуты благородною ревностію отцевъ нашихъ».

КАНТЕМИРЪ, князь Антіохъ Дмитріевичъ, русскій писатель. Принадлежалъ къ потомству древней татарской фамиліи, выселившейся изъ Крыма въ Молдавію, и родился 10 сентября 1709 г., въ Константинополѣ, отъ брака молдавскаго господаря Дмитрія Константиновича Кантемира съ валашской княжной Смарагдой-Кассандрой Сергѣевной Кантакузеной, отраслью византійскихъ императоровъ Іоанна (1347—1355) и сына его Матвѣя (1355—1356) Кантакузеновъ. — Раннее младенчество кн. Антіоха ознаменовалось событіями бурными и рѣшительными для всего дома Кантеміровъ: кн. Дмитрій, то ласкаемый турецкимъ правительствомъ, какъ изгнанникъ, то стѣсняемый повелѣніями изъ Стамбула (Константинополя), какъ господарь Молдавіи, увидѣлъ себя вынужденнымъ искать покровительства единовѣрной Россіи, и подписавъ, 13 апрѣля 1711 г., въ Слуцкѣ, договоръ о подданствѣ своемъ и Молдавіи Петру I, 23 іюня того же года, въ Яссахъ, присягнулъ на вѣрность новымъ государю и отечеству, послѣ чего, съ свитою изъ 2000 человѣкъ, выѣхалъ въ Россію и поселенъ на жительство въ Харьковѣ. Тутъ и потомъ въ Москвѣ, куда перебрался изъ Харькова кн. Дмитрій, протекли младенческіе годы кн. Антіоха, который, 7-ми-лѣтнимъ ребенкомъ потерялъ мать и, наставляемый въ вѣрѣ, а также въ первоначальныхъ знаніяхъ, греческимъ священникомъ Анастасіемъ Кондоиди, бывшимъ впослѣдствіи епископомъ вологодскимъ Аѳанасіемъ, въ 1717 г., сопровождалъ своего отца въ Петербургъ, гдѣ кн. Дмитрій тогда же вступилъ во второй бракъ съ княжною А. И. Трубецкой. — По возвращеніи кн. Дмитрія въ пожалованныя ему сѣвскія помѣстья, кн. Антіохъ былъ отданъ въ московскую славяно-греко-латинскую академію, гдѣ онъ быстро успѣвалъ въ преподаваемыхъ ему наукахъ въ 1719 г., имѣя всего 10 лѣтъ отъ роду, произнесъ въ академической церкви, въ присутствіи Петра I, кн. Дмитрія и множества изумленныхъ слушателей *Панегирическое слово великомученику Димитрію Селунскому*, на греческомъ языкѣ.—Повѣствуютъ, что кн. Антіохъ, еще до этаго случая числившійся солдатомъ Преображенскаго полка, по просьбѣ отца, немедленно былъ принятъ на дѣйствительную службу,—обстоятельство, давшее поводъ менѣе правдоподобному анекдоту о томъ, какъ 10-ти-лѣтній солдатъ кн. Антіохъ, будучи поставленъ, ночью, на часы къ государевой опочивальнѣ, заснулъ сладкимъ сномъ и, найденный въ этомъ положеніи своимъ отцомъ, едва не погибъ отъ руки кн. Дмитрія, разсерженнаго такою неисправностью сына.—Но что кн. Антіохъ былъ гвардейскимъ солдатомъ два года спустя, это подтверждается современнымъ свидѣтельствомъ голштинскаго каммеръ-юнкера Берхгольца, который, въ описаніи пира, даннаго кн. Дмитріемъ Кантемиромъ герцогу голштинскому и его свитѣ 17 іюля 1721 г., между прочимъ, замѣчаетъ: «Бокалы, которые были роспиты, разносили четыре сына князя, довольно тщательно наблюдавшіе за тѣмъ, чтобъ всѣ пили по-ровну. Эти молодые князья были одѣты очень просто. Всѣ они служатъ въ гвардіи — трое рядовыми (князья: Матвѣй, Сергѣй, Антіохъ) и одинъ унтеръофицеромъ (кн. Константинъ).—Что же касается дѣйствительной службы кн. Антіоха, она подлежитъ сомнѣнію и въ 1722 г., когда 13-ти-лѣтній преображенецъ, по свидѣтельству всѣхъ его біографовъ, «сопутствовалъ отцу» или «сопровождалъ отца», а не слѣдовалъ съ полкомъ, въ персидскій походъ, по возвращеніи изъ котораго, кн. Дмитрій Кантемиръ умеръ, 21 августа 1723 г., въ своемъ сѣвскомъ селѣ Дмитровскѣ, нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Орловской губерніи. Потерявъ въ отцѣ, извѣстномъ обширными знаніями и многими сочиненіями, надежнаго руководителя и наставника, кн. Антіохъ увидѣлъ себя стѣсненнымъ, сравнительно съ прежнимъ, и въ средствахъ къ жизни, потому что все огромное имѣніе бывшаго господаря перешло къ его старшему сыну, кн. Константину, который немедленно началъ тягаться съ мачихой. — Не мудрено, что такое стеченіе обстоятельствъ могло способствовать направленію дѣятельности полу-разочарованнаго юноши къ занятіямъ научнымъ и преимущественно словеснымъ, которыя кн. Антіохъ и началъ пристальнымъ изученіемъ латыни, подъ руководствомъ капуцина Антонія Луальда, проживавшаго тогда въ Москвѣ. Съ открытіемъ же, въ 1725 г., петербургской академіи наукъ и при ней классовъ, кн. Антіохъ поступилъ въ эти классы студентомъ—и слушалъ лекціи: математики у Бернулли, физики у Бильфингера, исторіи — у Байера, нравоучительной философіи и литературы—у Гросса, выписныхъ изъ-за моря академиковъ-профессоровъ того времени, а для обученія русскому

стихотворству имѣлъ своимъ домашнимъ наставникомъ Ив. Ильинскаго, служившаго при той же академіи переводчикомъ. А такъ какъ этотъ Ильинскій, прежде всего, былъ отличный знатокъ священнаго писанія, изъясненію котораго онъ посвящалъ даже свои литературные труды, то понятно, что примѣръ наставника не могъ не найти подражанія въ усердномъ питомцѣ— и кн. Антіохъ Кантемиръ, пожалованный, между тѣмъ (кажется, въ 1726 г.), прапорщикомъ Преображенскаго полка, составилъ и въ 1727 г. издалъ, съ посвященіемъ имп. Екатеринѣ I, *Сѵмфонію на Псалтырь*, произведеніе, смыслъ и надобность котораго лучше всего объясняются слѣдующими виршами самого Ильинскаго:

Нужда есть священное писаніе знати,
Яко вѣчнаго то намъ живота есть мати.
Но внутреннихъ нашихъ чувствъ немощь есть толика,
Яко, вчера и прежде прочтохомъ елика,
Днесь мало помнимъ или вконецъ забываемъ;
Хотяще же обрѣсти: гдѣ, что — не знаемъ.
Едина Сімфонія въ семъ намъ пособляетъ:
По главамъ бо и стіхамъ всяку рѣчь являетъ.

Впрочемъ, занимаясь составленіемъ *Сѵмфоніи*, кн. Антіохъ— вовсе не готовилъ въ себѣ сухаго казуиста и, какъ натура южная, пылкая, онъ, въ то же время, выплачивалъ дань своей молодости не только удовольствіями чувственными, сократившими впослѣдствіи его жизнь, но и сочиненіемъ *любовныхъ пѣсенъ*, теперь неизвѣстныхъ, а когда-то общеупотребительныхъ, о чемъ самъ авторъ ихъ свидѣтельствуетъ такъ:

Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало.
Шутокъ тѣхъ минулося время, и пристало
Ужъ мнѣ горько каяться, что дни золотые
Такъ непрочно протекли, пиша пѣсни тые.

Эти «дни золотые», конечно, не прекратились для юнаго составителя Сѵмфоніи и автора любовныхъ пѣсенъ смертію Екатерины I, по воцареніи преемника которой, имп. Петра II, кн. Антіохъ Кантемиръ, въ одномъ и томъ же 1728 г., получилъ два чина: 25 февраля — подпоручика, а 12 іюля — поручика Преображенскаго полка и, по своему наслаждаясь жизнію, уже пробовалъ себя въ новомъ родѣ дѣятельности, долженствовавшемъ прославить имя самаго дѣятеля. Первымъ плодомъ такой пробы была первая изъ знаменитыхъ сатиръ кн. Антіоха Кантеміра, извѣстная намъ подъ названіемъ: *Къ уму своему* — и въ первомъ по времени, но весьма искаженномъ, изданіи сатиръ Кантемировыхъ, напечатанномъ 1762 г., сопровождающаяся слѣдующимъ историческимъ поясненіемъ отъ издателей (академіи наукъ): «Сатира сія есть первый опытъ стихотворца въ семъ родѣ стиховъ; писана въ концѣ 1729 г., въ двадесятое лѣто его возраста. Презираетъ онъ въ ней невѣжъ и нелюбящихъ наукъ, чего для и надписана была: *На хулящихъ ученіе*. Писалъ онъ ее для одного только препровожденія своего времени, не намѣренъ будучи обнародить. Но, по случаю, одинъ изъ его пріятелей, выпросивъ ее прочесть, сообщилъ Ѳеофану, архіепископу новгородскому, который ее вездѣ съ похвалами стихотворцу разсѣялъ, и возвращая сочинителю, приложилъ похвальные стихи, и въ даръ къ нему прислалъ книгу, называемую Гиральдія о богахъ и стихотворцахъ. Тому архипастырю слѣдуя, архимандритъ Кроликъ многіе въ похвалу стихотворцу стихи написалъ, чѣмъ онъ, ободренъ будучи, далѣе прилѣжать началъ къ сочиненію Сатиръ». — Твореніе, произведшее такой эффектъ даже между высшимъ духовенствомъ, начинается тринадцатисложными силлабическими стихами:

Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
Покайся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ, летящи дни вѣка проводити
Можно, и славу достать, хоть творцомъ не слыти;
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги—и т. д.

послѣ чего авторъ, тѣмъ же метромъ, объясняетъ, что

Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду,
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду и т. д.—

потомъ, пересмѣивая ханжей, высказываетъ, отъ ихъ лица, такія жалобы на новыя времена:

Дѣти наши, что предъ тѣмъ, тихи и покорны,
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божьей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что̀—сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали—

далѣе, какъ бы за одно съ невѣждами, говоритъ:

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе корабельной службы.
Всѣ, кричатъ: никакой плодъ не видѣнъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки—

наконецъ, заключаетъ слѣдующимъ обращеніемъ къ своему уму:

Таковы слыша слова и примѣры видя,
Молчи, уме, не скучай, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу молчаливъ таится.
Коли что дала ти знать Мудрость Всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждешь, достать хулу злую.

Дѣльная сама по себѣ, какъ вѣрный рисунокъ эпохи и нравовъ, первая сатира кн. Антіоха, естественно, должна была заинтересовать просвѣщеннѣйшихъ современниковъ — и авторъ, ободренный своимъ успѣхомъ, не далѣе какъ черезъ два мѣсяца, написалъ вторую сатиру, въ разговорной формѣ, подъ названіемъ: ***Филаретъ и Евгеній***. Но тогда же случились при московскомъ дворѣ событія, отвлекшія вниманіе и просвѣщеннѣйшихъ современниковъ и кн. Кантемира: 19 января 1730 г. въ Москвѣ неожиданно умеръ 14-ти-лѣтній имп. Петръ II, преемницей которому еще неожиданнѣе избрана вдовствовавшая герцогиня курляндская Анна Ивановна, а ей, уже сверхъ всякаго чаянія, предложены членами верховнаго тайнаго совѣта «кондиціи» объ ограниченіи самодержавія, ею, 29 января, въ Митавѣ, безпрекословно подписанныя и ею же, 25 февраля,

въ Москвѣ, по двумъ прошеніямъ вѣрноподданныхъ, торжественно разорванныя. Свидѣтель всей этой передряги, кн. Кантеміръ принималъ въ ней непосредственное и весьма замѣтное участіе: изъ двухъ прошеній 25 февраля—онъ *сочинялъ* первое и онъ же велегласно *читалъ* передъ императрицей на тронѣ второе. Такая очевидная ревность къ поддержанію стараго государственнаго порядка вознаградилась всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ не самому кн. Антіоху Кантемиру, но его сестрѣ, княжнѣ Марьѣ, вмѣстѣ съ братьями (кромѣ старшаго) 1030 дворовъ крестьянъ, оброками съ которыхъ обѣднѣвшіе дѣти бывшаго господаря, конечно, могли значительно поправить свои средства. Обезпеченный съ этой стороны, кн. Антіохъ Кантемиръ началъ новую чреду своихъ «золотыхъ дней» и, между наслажденій молодой жизнью, въ томъ же 1730 г. написалъ третью сатиру: *Ѳеофану Прокоповичу*, съ похвалами ему; въ началѣ 1731 г. четвертую: *Музъ своей*, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя—пятую: *На человѣка*, въ подражаніе осьмой сатирѣ Буало. Среди этихъ занятій застигло сатирика новое служебное назначеніе, лестное для 22-хъ-лѣтняго поручика гвардіи: 27 декабря 1731 г. императрица опредѣлила кн. Антіоха Кантемира русскимъ резидентомъ при великобританскомъ дворѣ. Выѣхавъ изъ Москвы 1 января 1732 г. кн. Кантемиръ направился въ Англію; дорогою, въ Гагѣ, отдалъ напечатать латинское сочиненіе своего отца: «Описаніе Молдавіи» (оставшееся однако неизданнымъ) и, въ апрѣлѣ, прибылъ въ Лондонъ, гдѣ, послѣ аудіенцій у короля и всѣхъ членовъ его семейства, сдѣлалъ визиты не однимъ министрамъ, но и всѣмъ мѣстнымъ ученымъ. Обласканный англичанами, наслышанными о талантахъ молодаго русскаго резидента, кн. Кантемиръ умѣлъ такъ хорошо воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, что нѣкоторое охлажденіе между Россіей и Англіей скоро исчезло, а въ 1733 г. лондонскій кабинетъ, согласившись вспомоществовать петербургскому, въ польскомъ вопросѣ, отправилъ въ Петербургъ полномочнаго министра лорда Форбеса, вмѣсто находившагося тамъ резидента Рондо, хотя кн. Кантемиръ продолжалъ еще оставаться въ Лондонѣ резидентомъ. Но 30 августа 1733 г. и кн. Кантеміру, гвардіи поручику и резиденту, «въ награду радѣтельныхъ поступковъ и искусства, равно во уваженіе знатнаго рожденія его», пожаловано одинаковое съ лордомъ Форбесомъ званіе полномочнаго министра. Какъ бы въ благодарность за это, новый русскій полномочный министръ при великобританскомъ дворѣ усугубилъ свою дипломатическую ревность—и 2/13 декабря 1734 г. между дворами лондонскимъ и петербургскимъ, къ общему удовольствію обоихъ, былъ заключенъ договоръ на 15 лѣтъ: о дружбѣ, взаимной торговлѣ и мореплаваніи. Но ставъ дипломатомъ, кн. Кантемиръ не переставалъ быть ни поэтомъ, ни литераторомъ, а потому, на досугѣ, онъ или писалъ сатиры, изъ которыхъ пятая передѣлана въ Лондонѣ въ разговорную, подъ названіемъ *Сатиръ и Періергъ*, или учился по-итальянски, даже началъ было переводить на итальянскій языкъ *Оттоманскую исторію*, сочиненную его отцомъ и, по желанію королевы Каролины, изданную, на англійскомъ языкѣ, въ Лондонѣ, около 1735 г. А такъ какъ ни дипломатическія, ни литературныя занятія не умѣряли наклонности молодаго человѣка, какимъ былъ тогда кн. Кантемиръ, къ увлеченіямъ жизненными наслажденіями, то раньше или позже ему надлежало платиться за нихъ — и зрѣніе его, предварительно ослабленное оспою, съ 1736 г. стало такъ притупляться, что онъ, думая только о сохраненіи глазъ, поспѣшилъ въ Парижъ, за совѣтомъ къ славному тогда окулисту Жандрону. Объ этой поѣздкѣ кн. Кантемира было сообщено въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» такое извѣстіе изъ Парижа, отъ 7 сентября: «Россійской полномочной министръ его сіятельство г. кн. Кантеміръ живетъ здѣсь нѣсколько времени въ незнаемости. Подлинная и, можетъ быть, единая притчина ѣзды ево та, что онъ отъ очной своей болѣзни пользоваться намѣренъ и лучше нашему славному окулисту Жандрону, нежели англійскому Таілору, ввѣрился. Онъ ни къ кому изъ нашихъ министровъ не ѣздилъ, ни ихъ посѣщенія не принималъ, чрезъ что всѣ о его пріѣздѣ бывшія политическія разсужденія уничтожились».— Скоро же возвратившись изъ Парижа другомъ Жандрона, на этотъ разъ, исцѣленнымъ, кн. Кантемиръ продолжалъ однако, по временамъ, прихварывать, какъ видно это, напримѣръ, изъ сообщенія въ «С.-Петербургскія Вѣдомости», отъ 12 декабря 1737 г., что ему «отъ болѣзни свободнѣе становится», а 8 апрѣля 1738 г. онъ, по собственному ли желанію, по другимъ ли причинамъ, былъ перемѣщенъ полномочнымъ министромъ въ Парижъ, съ званіемъ каммергера, и 11 декабря того же 1738 г. облеченъ характеромъ чрезвычайнаго посла. Это послѣднее возвышеніе, если и выхлопотанное дипломату-сатирику его петербургскими друзьями, во главѣ которыхъ стояли вице-канцлеръ кн. А. М. Черкасскій и генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой, было, въ настоящемъ случаѣ, вполнѣ заслуженно и умѣстно, потому что кн. Кантемиру, шесть лѣтъ честно работавшему въ Лондонѣ безъ всякихъ наградъ, предстояло въ Парижѣ бороться съ затрудненіями, обстанавливавшими таинственную политику скрытнаго, необщительнаго кардинала Флери, тогда перваго министра Франціи. И не далѣе какъ въ 1739 г. кн. Кантемиру уже пришлось трактовать съ кардиналомъ Флери о вещахъ самыхъ щекотливыхъ: сначала о заарестованіи русскимъ министромъ въ Саксоніи, бар. Кейзерлингомъ, французскаго купца Кутюрьера, сопутствовавшаго шведскому агенту Синклеру, злодѣйски убитому на пути русскими лазутчиками, потомъ — о признаніи за россійскими государями императорскаго титула.—Не успѣвъ въ послѣднемъ, не смотря на всѣ историческія опроверженія этимологическихъ доводовъ Флери, утверждавшаго, что *Tzar*, не есть *Csar*, т. е. сокращенное *César*, кн. Кантемиръ съумѣлъ умаслить французское министерство представленіемъ, что «Кутурьеръ, какъ свидѣтель убійства Цинклера, навѣрно арестованъ бар. Кейзерлингомъ съ тою только цѣлію, чтобы удобнѣе было ему отыскать убійцевъ и уничтожить подозрѣніе, возводимое на россійскій дворъ; что, впрочемъ, задержаніе частной особы внѣ Россіи не можетъ нанести оскорбленія цѣлому народу, не должно служить препятствіемъ къ отправленію посольства». Въ этомъ отношеніи, старанія кн. Кантемира удались вдвойнѣ: посломъ въ Россію назначенъ, по его настоянію, маркизъ Шетарди, котораго вовсе не желалъ видѣть въ этомъ характерѣ петербургскій канцлеръ гр. Остерманъ, давно недоброжелательствовавшій кн. Кантемиру какъ за его дипломатическое искуство и политическую проницательность, такъ и еще болѣе, за слѣдующій намекъ на себя въ пятой сатирѣ:

Сѣдыя кудри свои холитъ, вьетъ и мажетъ,
Пѣсни пишетъ и поетъ; сгорбясь, танцы водитъ.

Политическая проницательность представителя Россіи при французскомъ дворѣ выразилась особенно блистательно въ 1740 г.,

когда кн. Кантемиръ, извѣстясь о смерти имп. Анны и назначеніи регентомъ Россіи герцога Бирена, но не увѣренный въ прочности этаго регентства, адресовалъ свое первое донесеніе не герцогу, а кн. Н. Ю. Трубецкому, съ порученіемъ: передать по адресу, если духовная покойной государыни останется во всей силѣ; въ противномъ случаѣ — предать огню. Этотъ противный случай, какъ извѣстно, сбылся на самомъ дѣлѣ — и новая правительница Россіи, Анна Леопольдовна, по представительству кн. Черкасскаго, прочившаго за своего отсутствующаго друга свою единственную дочь, наслѣдницу 70 тыс. душъ, пожаловала кн. Кантемиру чинъ тайнаго совѣтника. Но кн. Кантемиръ, погруженный тогда въ занятія алгеброй и уже окончательно разстроившій свое здоровье, равнодушно принялъ новопожалованный чинъ и благородно уклонился отъ чести быть зятемъ кн. Черкасскаго, прося одной милости — позволенія съѣздить на воды въ Ахенъ. Тамъ пробылъ онъ лѣчебный курсъ 1741 г. и, освѣженный, возвратился въ Парижъ, откуда правительница уже намѣревалась отозвать кн. Кантемира въ Петербургъ, съ цѣлію ввѣрить ему воспитаніе своего сына, полутора-годоваго имп. Ивана VI, — какъ новый переворотъ, низвергнувъ, въ ночь на 25 ноября 1741 г., и слишкомъ довѣрчивую правительницу и малютку-императора, воцарилъ имп. Елизавету. Съ этимъ переворотомъ, кн. Кантемиръ, хотя и переименованный изъ чрезвычайныхъ пословъ въ полномочные посланники, существенно не потерялъ ничего. Но онъ потерялъ много со смертію канцлера кн. Черкасскаго, въ исходѣ 1742 г., и начиная уже испытывать непріятности по своей службѣ, желалъ быть отозваннымъ изъ Парижа, съ тѣмъ, чтобъ занять мѣсто президента академіи наукъ въ Петербургѣ, куда, въ мартѣ 1743 г., доставлена имъ, для напечатанія, и рукопись *осьми* сатиръ, тогда же переводившихся въ Парижѣ на итальянскій языкъ другомъ его, аббатомъ Гуаско. — Надеждамъ кн. Кантемира не было суждено осуществиться. Посвятивъ лѣто 1743 г. пользованію пломбьерскими водами, оказавшемуся однако безполезнымъ, кн. Кантемиръ, по приговору врачей, послалъ въ Петербургъ просьбу объ увольненіи его въ Неаполь, съ нетерпѣніемъ ждалъ разрѣшенія на отъѣздъ и, въ этомъ ожиданіи, умеръ 31 марта 1744 г., въ Парижѣ, отъ водяной въ груди, на 35 г. жизни. — Секретарь посольства Генрихъ Гроссъ, донося государынѣ о смерти кн. Кантемира, писалъ: «Ваше императорское величество потеряли въ немъ вѣрнаго раба и весьма искуснаго и ученаго министра, какимъ его всѣ здѣсь почитали, и понеже къ превосходнымъ качествамъ ума присовокуплялъ онъ гораздо пріятное обхожденіе со всѣми, особливо съ друзьями, то вообще въ городѣ и при дворѣ объ немъ сожалѣютъ». — Славный Монтескье, въ письмѣ къ аббату Гуаско, выразился о кн. Кантемирѣ такъ: «Вы вездѣ найдете друзей, которыми можете замѣнить понесенную вами потерю; но сомнѣваюсь, чтобы Россія отыскала въ скоромъ времени посла, одареннаго достоинствами князя Кантемира». — Тѣло знаменитаго русскаго сатирика, набальзамированное въ Парижѣ, отвезено въ Москву, гдѣ, по завѣщанію покойнаго, предано землѣ въ греческомъ монастырѣ, ночью, безъ всякой церемоніи. — «Князь Антіохъ Кантемиръ — пишетъ старѣйшій между его біографами — былъ нѣжнаго сложенія, непригожъ собою, притомъ страдалъ глазною болѣзнію; но на его лицѣ изображалось благоразуміе, привлекающее сердца. Имѣлъ темпераментъ меланхолическій, казался сначала непривѣтливымъ; все сіе однакожъ исчезало въ обществѣ друзей или людей ему любезныхъ. Онъ говорилъ на россійскомъ, мултянскомъ (молдавскомъ), латинскомъ, италіянскомъ, французскомъ и новѣйшемъ греческомъ языкахъ; разумѣлъ еллинской (древне-греческій), испанской и англійской». — «Кантемиръ — продолжаетъ другой его біографъ — любилъ дѣлать добро, не походилъ на себялюбцевъ, утопающихъ въ нѣгѣ и равнодушныхъ къ несчастнымъ, говорилъ: *Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ употреблять знатность и силу свою на благотвореніе ближнему*. Вѣра руководила его дѣяніями.... Князь Антіохъ, живши среди новѣйшихъ философовъ, не прельщался ихъ умствованіями, повторялъ: *Философія приводитъ человѣка къ добродѣтели словами только, а христіанскій законъ самымъ дѣломъ путь къ оной показываетъ*. Политика его была основана на праводушіи и искренности. Онъ всегда прямою дорогой достигалъ желаемаго, не оставляя однакожъ необходимой осторожности». — Какъ писатель, кн. Кантемиръ знаменитъ преимущественно своими сатирами, которыя, при жизни автора, издаваемы не были, но въ спискахъ сильно ходили по рукамъ и весьма нравились современникамъ. Для насъ онѣ составляютъ литературный памятникъ эпохи и нравовъ, который, не смотря на свою шероховатую силлабическую просодію, имѣетъ и свѣжесть поэзіи и интересъ занимательности. Эти качества навсегда сохранятъ сатирамъ кн. Кантемира видное мѣсто въ исторіи русской литературы, а также въ исторіи русскаго развитія. Другія произведенія кн. Кантемира далеко не имѣютъ того же значенія, хотя онъ первый, вмѣстѣ съ Тредіаковскимъ, началъ писать пѣсенки, на манеръ французскихъ, теперь неизвѣстныя, и едва ли не первый сочинялъ по-русски эпиграммы, въ родѣ слѣдующей, недавно отысканной между сокровищами имп. публичной библіотеки:

Хотя тѣломъ не пригожъ, да ловокъ умишкомъ,
Что съ лица недостаетъ, то внутрѣ съ залишкомъ;
Горбатъ, брюхатъ, щепетливъ, ножечки какъ крюки,
Гнусно на меня смотрѣть, а слышать нѣтъ скуки;
Самъ я, весь будучи кривъ, правду похваляю;
Непрямъ будучи, прямо все говорить знаю;
И хоть тѣло справить мнѣ было невозможно,
Много душъ исправилъ я, уча правду ложно. —

Предпочитая всѣмъ доступнымъ ему родамъ поэзіи именно сатиру: —

А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умняе
Сама (Муза) ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скоряе.
Тогда я стихотворцемъ самъ себя поздравлю
И чтецовъ моихъ зѣвать тщетно не заставлю:
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду —

Кантемиръ сочинялъ вообще медленно, безпрестанно перемарывалъ написанное и стыдился показать свои стихи кому-нибудь, что все самъ онъ высказываетъ такъ:

Пущу перо, но въ уздѣ; херить не лѣнюся,
Много ль, мало ль напишу стишковъ, не пекуся;
Но смотрю, чтобъ здравому смыслу рѣчь служила,
Не нужда мѣры слова безпутно лѣпила;
Чтобъ всякое на своемъ мѣстѣ стоя слово,
Не слабо казалося, ни столь лишно ново,
Чтобъ въ безплодномъ звукѣ умъ не могъ понять дѣло.
Кончивъ дѣло, надолго тетрадь въ ящикъ спрячу,
Пилю и чищу потомъ, и хотя истрачу
Большу часть прежнихъ трудовъ, не жалѣю;
Совсѣмъ тѣмъ стихи свои я казать не смѣю.

А кажется, не грѣхъ бы было «казать» кому угодно иные стихи кн. Кантемира, — напримѣръ, слѣдующія, изъ его III сатиры, обрисовывающіе мотыгу и почему-то замѣненные въ печатныхъ изданіяхъ другими:

Не печется уже сей какъ множить мамону,
Лишняго не любитъ онъ въ мѣшкѣ денегъ звону.
Отъ главы до пятъ все въ немъ богато сіяетъ,
Столъ пространный, весь приборъ въ золотѣ блистаетъ,
Домъ пышно весь убранный, питье дорогое.
Думалъ бы, что Крезусъ онъ; нѣтъ, все то чужое.
Не столько онъ получитъ себѣ въ годъ доходу,
Сколько въ картахъ денегъ въ часъ броситъ, какъ бы въ воду;
А что въ домѣ, что на немъ, то все долгомъ пахнетъ,—
И когда онъ жирѣетъ, то деревня чахнетъ.

Изъ сочиненій кн. Антіоха Кантемира, при жизни его, напечатана только *Сумфонія на псалтирь*, въ 1727 г., а изъ переводовъ *Фонтенелловы разговоры о множествѣ міровъ*. По смерти автора, напечатаны: 1) въ 1744 г. и вторично, въ 1788 г. — *Десять писемъ Гораціевыхъ* I книги, стихами безъ риѳмъ, съ примѣчаніями и присовокупленіемъ письма *О сложеніи русскихъ стиховъ*, подписаннаго именемъ Харитона Макентина (анаграмма кн. Антіоха Кантемира); 2) въ 1762 г. и вторично въ 18 г. — *Сатиры и другія стихотворческія сочиненія* (пѣсни, басни, письма и эпиграммы), съ историческими примѣчаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни. — До 186 г. оставались неизданными А) сочиненія: 1) *Панегирикъ св. Димитрію Селунскому*, по-гречески, съ русскимъ переводомъ. 2) *Петряида*, героическая поэма, не окончена 3) *Руководство къ алгебрѣ*; 4) *Собраніе дипломатическихъ отношеній* автора къ россійскому двору; Б) переводы: 5) *Юстинова древняя исторія*, съ латин. 6) *Корнелія Непота житія славныхъ генераловъ*, съ латин. 7) *Анакреоновы оды*, съ греч., стихами безъ риѳмъ. 8) *Кевита таблица*, съ греч 9) *Письма персидскія*, Монтескье, съ франц. 10) *Епиктетово нравоученіе*, съ греч. 11) *Разговоры о свѣтѣ*, Алгаротти, съ итал. -- Иные біографы кн. Антіоха Кантемира упоминаютъ еще о его *Русско-французскомъ* лексиконѣ, будто бы также не оконченомъ.

БАТЮШКОВЪ, Константинъ Николаевичъ, русскій писатель. Принадлежалъ къ старинной русской фамиліи, извѣстной дворянскою еще въ документахъ XVI вѣка, и родился, 17 мая 1787 г., въ Вологдѣ, отъ брака новгородскаго помѣщика Николая Львовича Батюшкова съ вологодской помѣщицей дѣвицей Бердяевой. Рано потерявъ мать, ребенокъ-Батюшковъ остался на рукахъ отца, человѣка, какъ видно, литературно-образованнаго, который, по вступленіи своемъ во второй бракъ, отправилъ подроставшаго сына въ Петербургъ, подъ руководство извѣстнаго литератора и ученаго Михаила Никитича Муравьева, дальняго родича Батюшковыхъ. Приголубленный Муравьевыми и особенно женою М. Н , Екатериной Ѳеодоровной, заступившей будущему поэту мѣсто матери, молодой Батюшковъ былъ отданъ въ частный пансіонъ г. Жакино, гдѣ, при добросовѣстномъ обученіи, онъ скоро началъ обнаруживать склонность къ занятіямъ литературно-лингвистическимъ, какъ свидѣтельствуетъ это слѣдующая выдержка изъ одного письма его къ отцу: «Въ свободное время переводилъ (я) рѣчь митрополита Платона, а какъ она понравилась Платону Антоновичу (Жакино), то онъ и хочетъ отдать ее напечатать. Я продолжаю французскій и итальянскій языкъ, прохожу итальянскую грамматику и учу въ оной глаголы; уже я знаю наизусть довольно словъ». — Послѣ 4-хъ-лѣтняго курса въ пансіонѣ Жакино, Батюшковъ, уже полу-юноша, переведенъ Муравьевымъ въ другой, къ учителю морскаго училища г. Триполи, изъ пансіона котораго онъ опять какъ-то писалъ къ отцу: «Въ географіи Иванъ Антоновичъ (Триполи) истолковалъ путную матерію, велитъ оную самимъ, безъ его помощи, описать, черезъ то мы даже упражняемся въ истинѣ. Въ математикѣ прохожу II-ю часть ариѳметики, и на будущей недѣлѣ начну геометрію, первыя правила россійской реторики. Рисую большую картину карандашомъ: Діану и Ендиміона, но еще и половины не кончилъ, потому что сія работа чрезвычайно медленна. На гитарѣ играю сонаты. Сдѣлайте милость, пришлите Геллерта, у меня ни одной нѣмецкой книги нѣтъ; также сочиненія Ломоносова и Сумарокова, также сочиненія Мерсье». По окончаніи и этаго втораго курса у Триполи, 18-ти-лѣтній Батюшковъ опредѣлился въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскаго писцомъ, вслѣдъ за тѣмъ перешелъ къ его товарищу, а своему благодѣтелю, куратору московскаго учебнаго округа М. Н. Муравьеву письмоводителемъ, -- и тогда же, въ 1805 г., заявилъ себя печатно, помѣстивъ въ ч. XIII «Новостей русской литературы» (изд. 1802—1805 гг. Сахацкаго и Побѣдоносцева) сатирическое *Посланіе къ моимъ сочиненіямъ*, а въ ч. V «Сѣвернаго Вѣстника» (изд. 1804—1805 гг. Мартынова) довольно гладкую *Элегію*, изъ Парни, и стихи *На смерть Пнина*. Въ первомъ изъ этихъ, такъ сказать, пробныхъ произведеній начинающей музы, юный поэтъ, взявъ эпиграфомъ извѣстную строку Вольтера: *Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frères* (освистывайте меня свободно, братья, я воздаю вамъ тѣмъ же), забавно восклицаетъ въ началѣ:

Стихи мои! опять за васъ я принимаюсь;
Съ тѣхъ поръ, какъ съ музами, къ несчастью, обращаюсь,
Покою ни на часъ.... О мой враждебный рокъ!—

и еще забавнѣе кается въ заключеніи:

Къ несчастью моему, мнѣ надобно признаться:
Стихи, какъ женщины—намъ съ ними ли разстаться?...
Когда не любятъ насъ, хотимъ ихъ презирать,
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать.

Высказавъ, такимъ образомъ, два направленія своего таланта: сатирическое и элегическое, начинающій поэтъ скоро прибавилъ къ нимъ образчикъ третьяго, эпикурейскаго, которымъ дышатъ стихотворенія Батюшкова: *Совѣтъ друзьямъ* и *Отрывки изъ Сафо*, помѣщенныя въ №№ 1 и 2 «Лицея» 1806 г. (изд. Мартынова). Въ томъ же 1806 г., Батюшковъ, одушевленный манифестомъ 30 ноября, бросилъ гражданскую службу и, смѣнивъ лиру на мечъ, вступилъ въ баталіонъ стрѣлковъ с. петербургской милиціи, между офицерами котораго онъ встрѣтилъ И. А. Петина, бывшаго воспитанника московскаго университетскаго пансіона, потомъ пажа, сошелся съ нимъ, сдружился и чувствомъ этой дружбы наполнилъ всю свою жизнь. Въ 1807 г., Батюшковъ, въ рядахъ своего баталіона, выступилъ въ походъ за границу, гдѣ онъ участвовалъ въ бою 25 мая, на берегу р. Пассарги, и вынесенъ полумертвый изъ груды убитыхъ товарищей въ сраженіи 29 мая, подъ Гейльсбергомъ, откуда его, какъ тяжело раненаго, немедленно уволили въ Пе-

тербургъ для излѣченія, а въ Петербургѣ, уже оправившагося, перевели, за отличіе, лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ, — вмѣстѣ съ Петинымъ. Въ 1808 г., оба друга, съ походнымъ баталіономъ своего новаго полка, отправились въ Финляндію, дрались съ шведами при Индесальми, бивакировали на льду Ботническаго залива, участвовали въ завоеваніи Аландскихъ островов, были всего въ 60 верстахъ отъ трепетавшаго Стокгольма — и Батюшковъ, не одаренный особенно крѣпкой комплекціей, усталъ отъ тяжкой боевой службы: «Я съ радостію возвратился бы подъ тѣнь домашнихъ боговъ», писалъ онъ къ роднымъ. Желаніе его сбылось скоро: въ 1809 г. состоялся миръ съ Швеціей — и Батюшковъ немедленно подалъ въ отставку, при чемъ предувѣдомляя родныхъ, что ѣдетъ къ нимъ «отдохнуть отъ трудовъ», просилъ ихъ сшить ему «щеголеватый халатъ на ватѣ». Свободный отъ службы, Батюшковъ поселился въ Петербургѣ, присталъ къ кружку литературному, много работалъ для періодическихъ изданій обѣихъ столицъ, описалъ, между прочимъ, сраженія пассаргское и гейдельсбергское въ стихотвореніи *Воспоминаніе* (Вѣстникъ Европы 1809, № 21), а свои финляндскія впечатлѣнія въ превосходномъ *Отрывкѣ изъ писемъ о Финляндіи* (Вѣстникъ Европы 1810, № 8), и въ 1811 г. поступилъ на службу библіотекаремъ въ имп. публичную библіотеку. Но служба эта не протянулась долго: въ августѣ 1812 г. Батюшковъ уже былъ въ Москвѣ, откуда, передъ своимъ отъѣздомъ во Владиміръ, онъ, между прочимъ, писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Сію минуту я поскакалъ бы въ армію и умеръ съ тобою подъ знаменами отечества, еслибъ Муравьева (вдова его благодѣтеля) не имѣла во мнѣ нужды. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ я ее оставить не могу; повѣрь, мнѣ легче спать на бивакахъ, нежели тащиться во Владиміръ на протяжныхъ. Изъ Володиміра я прилечу въ армію, если будетъ возможность». Однако такой возможности не представилось и Батюшковъ очутился въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ присутствовалъ тогда весь литературный кружокъ Москвы и, между прочимъ, Н. М. Карамзинъ, въ семьѣ котораго Батюшковъ всегда былъ принимаемъ, какъ свой. Тутъ же, въ Нижнемъ, лѣчился и правилъ генералъ-губернаторскую должность А. Н. Бахметевъ, потерявшій подъ Бородинымъ ногу, — и къ нему-то, въ декабрѣ 1812 г., опредѣлился адъютантомъ Батюшковъ, снѣдаемый желаніемъ отмстить врагамъ за разореніе Москвы, какъ это объяснялъ онъ самъ въ слѣдующемъ заключеніи *Посланія къ Д. В. Дашкову*, тогдашнему литературному амфитріону и своему другу:

Нѣтъ, нѣтъ, пока на полѣ чести,
За древній градъ моихъ отцевъ,
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь, и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненымъ героемъ,
Кому извѣстенъ славы путь,
Трикраты не поставлю грудь
Передъ враговъ сомкнутымъ строемъ,—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

Но Бахметевъ поправлялся медленно, такъ что новый адъютантъ его имѣлъ все время съѣздить на родину, въ Вологду, и, возвратившись въ Нижній, получить стихотворное посланіе отъ В. А. Жуковскаго, въ отвѣтъ на своихъ *Пенатовъ* — произведеніе, о которомъ въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. отзывались такъ: «Самый счастливый переводъ въ россійской антологіи есть: *Пенаты*, или посланіе къ богамъ домашнимъ, соч. Батюшкова; сіе стихотвореніе, своею прелестію и любезною философіею, украсило бы литературу всякой націи». — Наконецъ, Бахметевъ, отчаявшись въ своемъ выздоровленіи, не хотѣлъ долѣе задерживать Батюшкова — и предложилъ ему отправиться въ армію, а тамъ, отъ его имени, явиться къ генералъ-лейтенанту Н. Н. Раевскому. Восхищенный такимъ предложеніемъ, Батюшковъ, въ началѣ 1813 г., поскакалъ изъ Нижняго, догналъ армію далеко за границей, на высотахъ Кульма обнялъ своего друга Петина, уже гвардейскаго полковника, — и навсегда потерялъ его въ поляхъ Лейпцига. Оплакавъ раннюю могилу погибшаго друга, Батюшковъ состоялъ неотлучно при Раевскомъ, походомъ учился говорить по-нѣмецки, на бивакахъ читалъ нѣмецкія книги, почти знатокомъ нѣмецкой литературы переправился за Рейнъ, но разлучился съ Раевскимъ только въ Парижѣ, откуда, по прекращеніи военныхъ дѣйствій, онъ пробрался, съ Д. П. Северинымъ, и въ Лондонъ, — о чемъ литературные друзья Батюшкова, остававшіеся въ Россіи, узнали неожиданно-забавнымъ образомъ: «Сейчасъ Гнѣдичъ сказывалъ мнѣ — писалъ Дашковъ кн. Вяземскому, отъ 24 іюня 1814 г. — что Батюшковъ въ Лондонѣ: онъ получилъ черезъ одного англійскаго купца его руки росписку, по которой долженъ заплатить за него деньги. Но впрочемъ, ни къ кому ни полслова. Это только на Батюшкова и похоже!» — Въ Лондонѣ Батюшковъ гостилъ очень недолго и, при отплытіи оттуда въ Швецію, почтилъ память погибшаго Петина сочиненіемъ превосходной элегіи: *Тѣнь друга* (напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» два года спустя), а по возвращеніи своемъ въ Россію — прежде всего принялся помогать Ю. А. Нелединскому-Мелецкому въ обязательномъ для послѣдняго сочиненіи куплетовъ и рѣчей къ празднику, готовившемуся имп. Маріей Θеодоровной въ Павловскѣ, въ честь имп. Александра I: «Это мнѣ была большая забота — писалъ Нелединскій кн. Вяземскому — и по старости моей, и по душевному расположенію; но къ счастію подъѣхалъ сюда К. Н. Батюшковъ: я ему въ ноги! И онъ имѣлъ снисхожденіе меня отъ этаго труда избавить». Въ томъ же 1814 г., Батюшковъ, переведенный, за отличіе, лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ и награжденный, за Кульмскій бой, орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, написалъ свои извѣстныя стихотворенія: *Переходъ черезъ Рейнъ*, *На развалинахъ замка въ Швеціи*, *Плѣнный*, а въ 1815 г. состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ при подольскомъ военномъ губернаторѣ А. Н. Бахметевѣ и, находясь въ Каменцѣ, набросалъ отрывки въ прозѣ, озаглавленные: одинъ — *Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій*, другой — *Воспоминаніе о Петинѣ* (оба напечатаны въ «Москвитянинѣ» 1851 г.). — Но осенью 1815 г. Батюшковъ опять уже былъ въ отставкѣ, съ чиномъ коллежскаго ассессора, и жилъ въ вологодской деревнѣ, откуда онъ писалъ къ Жуковскому, жалуясь на себя, что у него «воображеніе поблѣднѣло», писалъ и къ А. И. Тургеневу, на судъ котораго отдавалъ сочиненное имъ небольшое, но восторженное стихотвореніе: *Къ Творцу исторіи государства россійскаго* (Карамзину), заключавшееся такъ:

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ

И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ сладкомъ умиленьи....
Пускай талантъ не мой удѣлъ!
Но я для Музъ дышалъ не даромъ,
Любилъ прекрасное, и съ жаромъ
Твой геній чувствовать умѣлъ.

«Хорошо ли? скажите — спрашивалъ Батюшковъ. Чувствомъ удивленія лечу мою жолчь.... Это право изъ души вылилось. Но если худо — въ огонь». А между тѣмъ — тогда же, въ числѣ судей, которымъ при шуточномъ посланіи: *Ареопагу*, серьезно присылалъ на строгій просмотръ свое рѣшительное письмо къ имп. Александру I самъ Жуковскій, упоминается и *малютка Батюшковъ, гигантъ по дарованію;* тогда же, въ «Парнасскомъ календарѣ» насмѣшливаго Воейкова объ этомъ *малюткѣ* «Ареопага» говорилось, что онъ «дѣйствительный поэтъ, стольникъ Музъ, оберъ-каммергеръ Грацій»; наконецъ, тогда же этотъ *малютка*, въ своемъ *эпико лиро-комико-эпородическомъ гимнѣ*: *Пѣвецъ въ станѣ Славянороссовъ*, удачной пародіи извѣстнаго стихотворенія Жуковскаго: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ», нещадно бичевалъ общество литературныхъ старовѣровъ, слывшее Бесѣдой Любителей Русскаго Слова, и издѣваясь надъ его членами, но въ формѣ, принятой Жуковскимъ для похвалъ героямъ 1812 г., доходилъ до бездарнѣйшаго, гр. Д. И. Хвостова, котораго, приноровительно къ характеристикѣ атамана Платова въ «Пѣвцѣ» Жуковскаго, онъ осмѣивалъ такъ:

Хвала читателей Тиранъ,
Хвостовъ неистощимый!
Стихи твои, какъ барабанъ
Для уха нестерпимы.
Вездѣ съ стихами тутъ и тамъ,
Вездѣ ты волкомъ рыщешь,
Пускаешь притчу въ тылъ врагамъ,
Стихами въ уши свищешь.
Лишь за поэму—прочь идутъ,
За оду—засыпаютъ,
Ты за посланье—всѣ бѣгутъ
И уши затыкаютъ.

Слѣдовательно, когда, какъ бы на смѣхъ пресловутой Бесѣдѣ, сгруппировался около Жуковскаго дружескій кружокъ свѣжихъ литературныхъ талантовъ, шутливо назвавшійся *Арзамасомъ*, Батюшковъ, естественнымъ образомъ, сталъ членомъ этаго кружка и получивъ въ немъ, для большей противоположности своему внѣшнему виду, шутливое прозвище *Ахилла*, сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ литературныхъ вечеровъ С. Д. Пономаревой, богатой, образованной женщины, любившей быть въ обществѣ названныхъ Арзамасцевъ. Не останавливаясь однако на этомъ, извѣстность Батюшкова, какъ писателя, не медлила выражаться еще оффиціознѣе. Такъ, въ 1816 г., Батюшковъ былъ наименованъ почетнымъ библіотекаремъ имп. публичной библіотеки и тогда же избранъ членомъ московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, при самомъ вступленіи въ которое онъ произнесъ рѣчь: *О вліяніи легкой поэзіи на языкъ*, а въ 1817 г. впервые вышло въ свѣтъ собраніе всѣхъ его сочиненій, подъ названіемъ: *Опыты въ стихахъ и прозѣ*, въ 2 частяхъ, — изданіе, одобренное и публикою, и — что еще уважительнѣе — лестнымъ письмомъ къ поэту-издателю И. И. Дмитріева, возбудившимъ восторженно-благодарственный отвѣтъ Батюшкова, съ такимъ, между прочимъ, объясненіемъ: «Я зналъ слабость моей прозы. Почти все было писано на-скоро, на дорогѣ, безъ книгъ, безъ руководствъ и почти въ безпрестанныхъ болѣзняхъ. Большая часть писана *про себя*. Я хотѣлъ учиться писать, и въ прозѣ заготовлялъ воспоминанія или матеріалы для поэзіи. Самъ не знаю, какъ рѣшился напечатать это!» На самомъ же дѣлѣ, Батюшковъ хорошо зналъ послѣднее: изъ того же села Даниловскаго, новгородской губерніи, гдѣ писался его отвѣтъ Дмитріеву и гдѣ поэтъ, по случаю недавней смерти своего отца, временно скучалъ прозой хозяйственныхъ дѣлъ, — онъ гораздо откровеннѣе высказывался В. Л. Пушкину, въ посланіи къ которому, тогда же писанномъ, хотя и говорилъ судьбѣ:

Оставь меня, я не поэтъ,
Я не ученый, не профессоръ;
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
Я.... отставной ассессоръ!—

но не скрывалъ, что «*Музы и опытность шепчутъ ему на ухо*» — такую повѣсть судьбы поэта вообще:

«Умретъ: забытъ!»—Повѣрьте, нѣтъ!
Потомство все узнаетъ:
Чѣмъ жилъ и какъ и гдѣ поэтъ,
Какъ умеръ, прахъ его гдѣ мирно истлѣваетъ.
И слава, вѣрьте мнѣ, спасетъ
Изъ алчныхъ челюстей забвенья,
И въ храмъ безсмертія внесетъ
Его и жизнь и сочиненья.

Это-то бореніе въ выборѣ между честолюбіемъ и поэтическимъ призваніемъ, между ловлею чиновъ и благороднымъ служеніемъ искуству, бореніе, раздражаемое еще послѣдствіями тяжелой гейдельсбергской раны и физическими недугами вообще, уже въ 1817 г. могло предрасполагать Батюшкова къ меланхоліи, побуждая его, въ началѣ 1818 г., грустно писать къ А. И. Тургеневу: «Обнимаю васъ отъ всей души и прошу любить вашего *Ахилла*, который ворчитъ про себя: *Ахъ! хилъ!* (каламбуръ) и впрямъ болѣнъ простудой, насморкомъ, головою, но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому». Какъ бы то ни было, весной 1818 г. Батюшковъ началъ пользоваться морскими купаньями въ Одессѣ, а лѣтомъ, вслѣдствіе своего просительнаго письма къ тому же Тургеневу (отъ 30 іюня) и по ходатайству послѣдняго, былъ опредѣленъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ надворнаго совѣтника, и, причисленный къ русской миссіи при неаполитанскомъ дворѣ, глубокой осенью уѣхалъ—или, какъ выразился о немъ Карамзинъ въ письмѣ къ Тургеневу, «скрылся» — изъ Петербурга въ Неаполь. — Въ теченіе всего 1819 г. Батюшковъ размыкивалъ свою хандру въ Италіи, о чемъ Карамзинъ сообщалъ, между прочимъ, и своему другу Дмитріеву, выражаясь: «Батюшковъ любуется Римомъ и Неаполемъ», а въ 1820 г. поэтъ, полу-больной, явился на короткое время въ Петербургъ, издалъ, вмѣстѣ съ С. С. Уваровымъ (тогда еще не графъ), книжку *О греческой антологіи*, гдѣ ему собственно принадлежитъ русскій переводъ антологическихъ пьесъ, переведенныхъ Уваровымъ съ греческаго по-французски, и, по напечатаніи книжки, опять уѣхалъ въ Италію. Тамъ однако разбитое здоровье Батюшкова не склеивалось и въ 1821 г., по крайней мѣрѣ, по февральскимъ вѣстямъ изъ Неаполя. Сообщая эти невеселыя вѣсти И. И. Дмитріеву, А. И. Тургеневъ не безъ скорбнаго чувства примѣнялъ къ Батюшкову извѣстное двустишіе:

Perdu pour ses amis, il vit pour l'univers:
Nous pleurons son sort, en répétant ses vers.
(Погибнувъ для друзей, онъ живетъ для природы:
Мы оплакиваемъ его участь, повторяя его стихи).

Почти тогда же самъ Батюшковъ, изъ Рима, жаловался Карамзину — а тотъ письменно передавалъ Дмитріеву, — «что революція глупая надоѣла ему до крайности». Въ началѣ 1822 г. Батюшкова привезли въ Петербургъ, уже близкимъ къ умопомѣшательству. Послѣднее обозначилось еще яснѣе, когда до свѣдѣнія несчастнаго поэта дошло, что вся читающая публика приписывала ему, Батюшкову, элегію подъ заглавіемъ: *Б—овъ изъ Рима*, сочиненную П. А. Плетневымъ, но напечатанную безъ подписи въ № 8 «Сына Отечества» 1821 г. Въ апрѣлѣ 1822 г. бѣдственное состояніе больнаго уже не представляло сомнѣній въ свойствѣ самой болѣзни. «Батюшковъ подозрѣвалъ тогда — пишетъ современникъ, — что у него множество враговъ, желающихъ уронить его славу, что противъ него какой-то заговоръ и что Плетневъ нарочно выбранъ, чтобъ повредить ему». Обо всемъ этомъ друзья извѣстили славнаго Пушкина, жившаго тогда въ бессарабской ссылкѣ, и Пушкинъ кругомъ обвинилъ Плетнева, который отвѣчалъ на это обвиненіе сладкозвучнымъ посланіемъ обвинявшему.... Другою и ближайшею причиною душевнаго разстройства Батюшкова было, какъ полагаютъ, сдѣланное поэтомъ открытіе, что существуетъ тайный заговоръ, въ которомъ участвуютъ друзья его Муравьевы и др., вслѣдствіе чего поэтъ сталъ смущаться горькою необходимостью или выдать ихъ, или самому сдѣлаться преступникомъ. — 19 мая 1822 г. Карамзинъ, между прочимъ, писалъ Дмитріеву: «странный и жалкій меланхоликъ Батюшковъ ѣдетъ на Кавказъ». Послѣднее, дѣйствительно, предполагалось. Но Батюшкова, прямо съ Каменнаго острова, гдѣ жилъ онъ въ Петербургѣ, повезли въ Одессу, купаться въ морѣ. Молва о сумасшествіи любимаго поэта быстро облетѣла Россію. 21 іюля 1822 г., Пушкинъ, между прочимъ, замѣчалъ въ письмѣ къ своему брату: «Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался. Быть нельзя, уничтожь это вранье». Однако грустная истина обнажалась болѣе и болѣе. Въ Одессѣ, Батюшковъ томился убѣжденіемъ, что онъ въ самомъ скоромъ времени долженъ умереть, дѣлалъ разныя предсмертныя распоряженія, завѣщевалъ А. Н. Оленину выдать по 3 тыс. руб. хозяину гостинницы, гдѣ онъ стоялъ, и человѣку, который ему служилъ, для чего уполномочивалъ взять слѣдующее ему жалованье и проч. Перевезенный на зиму въ Крымъ, Батюшковъ, въ Симферополѣ, хотѣлъ было зарѣзаться, но за нимъ смотрѣли и не допустили его до самоубійства; а онъ спокойно возражалъ, «что напрасно мѣшаютъ ему, стараясь спасти его, что способовъ прекратить свою жизнь много». Впрочемъ, бывали ясныя минуты, когда умъ помѣшаннаго поэта проявлялся во всемъ своемъ природномъ блескѣ и Батюшковъ даже писалъ изящные стихи. Вѣроятно, въ такіе именно періоды облегченія душевной болѣзни Батюшкова, его посѣщалъ М. Ѳ. Орловъ, со словъ котораго, Пушкинъ, въ январѣ 1823 г., между прочимъ, передавалъ брату: «Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ». Замѣчательно, что великій поэтъ дольше всѣхъ другихъ не хотѣлъ вѣрить неисцѣльности душевнаго недуга своего несчастнаго собрата. Но въ апрѣлѣ 1823 г., когда Батюшкова опять перевезли въ Одессу для морскихъ купаній, его видѣлъ тамъ Н. Перовскій, тогда же написавшій Оленину, что Батюшковъ безнадеженъ, о чемъ Оленинымъ, черезъ гр. Нессельрода, было доложено имп. Александру I, который и уполномочилъ друзей Батюшкова принять самыя энергическія мѣры къ спасенію поэта. Но несчастному уже не помогало ничто. Вскорѣ послѣ того Батюшкова привезли въ Петербургъ, откуда, съ наступленіемъ 1824 г., родные взяли его на свое попеченіе въ Вологду. Здѣсь матеріальное положеніе умолкнувшаго поэта, окружаемое нѣжною заботливостью родныхъ и обезпеченное пожизненной пенсіей Батюшкову отъ щедротъ имп. Александра I, не было худо. Но душевное состояніе больнаго, — кромѣ той перемѣны, что изъ тревожнаго сначала, оно перешло современемъ въ болѣе покойное и неопасное ни для кого, — оставалось тѣмъ же: умственное просвѣтленіе поэта случалось чрезвычайно рѣдко. Такъ провелъ Батюшковъ слишкомъ 30 лѣтъ, до половины 1854 г., когда болѣзнь его, повидимому, исчезла, и всѣ душевныя способности къ нему возвратились. Однако поэтъ, уже старецъ, не долго наслаждался этимъ новымъ періодомъ своего бытія: 7 іюля 1855 г. Батюшковъ, «съ жаркой молитвой на устахъ», тихо умеръ въ Вологдѣ, на 69 году жизни, цѣлая половина которой, вторая, была хуже смерти. Тѣло поэта погребено въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ 2 вер. отъ Вологды. — К. Н. Батюшковъ былъ роста ниже средняго, почти малаго, почему Жуковскій, въ посланіи «Ареопагу», и называетъ его *малюткой*, а Воейковъ, въ своемъ знаменитомъ «Сумасшедшемъ домѣ», — болѣе или менѣе удачно осмѣивавшемъ, начиная съ самого автора, всѣхъ современныхъ дѣятелей русской литературы — между прочимъ говоритъ:

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ,
Крошка Батюшковъ сидитъ,
Въ свѣтлой, проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ
И поетъ онъ сладкогласно.....

«Когда я зналъ его — пишетъ о Батюшковѣ М. А. Дмитріевъ, — волосы были у него свѣтлорусые, почти бѣлокурые. Онъ былъ необыкновенно скроменъ, молчаливъ и расчетливъ въ рѣчахъ; въ немъ было что-то робкое, хотя извѣстно, что онъ не былъ таковъ въ огнѣ сраженія. Говоря не много, онъ всегда говорилъ умно и точно. По его скромной наружности, никакъ нельзя было подозрѣвать въ немъ сладострастнаго поэта: онъ былъ олицетворенная скромность. По разсказамъ о Богдановичѣ, онъ напоминалъ мнѣ его своимъ осторожнымъ обращеніемъ, осторожнымъ разговоромъ и наблюденіемъ приличій. Странно, что и Богдановичъ, — въ своей «Душенькѣ», тоже не отличался тою скромностью, которую показывалъ въ своей наружности. Впрочемъ, всѣ знавшіе Батюшкова короче, нежели я, утверждаютъ, что эти сладострастныя и роскошныя картины, которыя мы видимъ въ его сочиненіяхъ, были только въ воображеніи, а не въ жизни». — «Кроткая, миловидная наружность Батюшкова — пишетъ знавшій его А. Стурдза — согласовалась съ неподражаемымъ благозвучіемъ его стиховъ, съ пріятностію его плавной и умной прозы. Онъ былъ моложавъ, часто застѣнчивъ, сладкорѣчивъ. Въ мягкомъ голосѣ и въ живой, но краткой, бесѣдѣ его слышался какъ бы тихій отголосокъ внутренняго пѣнія. Однако подъ пріятною оболочкою таилась ретивая, пылкая душа, снѣдаемая честолюбіемъ». — Какъ поэтъ, Батюшковъ, въ свое время, принадлежалъ къ перво-классным и, мѣсто его въ лѣтописяхъ русской литературы, конечно, всегда останется весьма почетнымъ. Изящные стихи

Батюшкова, постоянно восхищавшіе публику, дорого цѣнились знатоками и донынѣ не теряютъ своей прелести. Тѣ изъ нихъ, которые отыскивались гдѣ-нибудь послѣ болѣзненнаго разстройства Батюшкова, немедленно печатались и, такимъ образомъ, имя поэта, уже покончившаго свое литературное поприще, еще напоминалось разными журналами съ 1824 по 1861 г. — Однимъ изъ поклонниковъ музы Батюшкова былъ и самъ незабвенный Пушкинъ: «Въ 1828 г. — разсказываетъ Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ — я часто встрѣчался съ Пушкинымъ и, однажды, предложилъ ему вписать что нибудь изъ своихъ стиховъ въ мой альбомъ. Онъ при мнѣ же вписалъ извѣстные стихи: *Муза*. На вопросъ мой: отъ чего эти пришли ему на память прежде всякихъ другихъ?—«*Я ихъ люблю*, отвѣчалъ Пушкинъ: *они отзываются стихами Батюшкова*».—По мнѣнію Пушкина—и словамъ его «Посланія къ Батюшкову», писаннаго въ 1815 г.,—Батюшковъ, въ цвѣтущую пору своей поэтической дѣятельности, былъ

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженныхъ счастливецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ.

Разнообразный талантъ Батюшкова, производившій изящные образцы въ родахъ элегическомъ и эпикурейскомъ, едва ли не преимущественно блисталъ своей сатирической стороной, какъ доказываютъ это извѣстныя, написанныя Батюшковымъ, стихотворенія: *Видѣніе на берегахъ Леты* и *Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славянороссовъ*, изъ которыхъ первое, долго ходивъ по рукамъ въ спискахъ, печаталось отрывками и въ 1841 г. («Русская Бесѣда», Смирдина, т. I) и въ 1854 г. («Мелочи изъ запаса моей памяти», М. Дмитріева), а въ полной редакціи явилось печатно не ранѣе 1861 г. («Библіографическія записки» № 20). Тому-же преимущественно-сатирическому направленію своего таланта Батюшковъ былъ обязанъ и замѣчательною способностью писать эпиграммы, которыя до сихъ поръ, по справедливому заключенію г. Галахова, «принадлежатъ къ лучшимъ у насъ стихотвореніямъ въ этомъ родѣ». Подтрунивая, напр., надъ горячимъ уваженіемъ извѣстной писательницы А. П. Буниной къ извѣстному еще болѣе писателю И. И. Дмитріеву, Батюшковъ, на основаніи преданія о греческой стихотворицѣ Сафо, бросившейся въ море съ отчаянія, что любовь ея не раздѣляется Фаономъ, въ 1809 г. написалъ *Хлоѣ сочинительницѣ:*

Ты Сафо, я Фаонъ: объ этомъ я не спорю;
Да къ моему ты горю,
Пути не знаешь къ морю.

А когда явилось въ печати тяжелое, виршеобразное, неудобочитаемое по своему полу-церковному языку и забытое теперь стихотвореніе кн. Шихматова: *Петръ Великій*, изданное отдѣльною книжкою въ 1810 г., Батюшковъ не оставилъ замѣтить автору этаго «лирическаго» пѣснопѣнія:

Какое хочешь имя дай
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой; но только Петръ Великій.
Ее не называй.

Какъ писатель, Батюшковъ очень заботился о внѣшней отдѣлкѣ своихъ произведеній, и переправивъ иное, уже изданное, печаталъ его въ другой, даже и въ третій разъ. Напр., стихотвореніе Батюшкова: *Мечта* извѣстно въ трехъ редакціяхъ: въ первой, 1806 г. (Журн. Общ. Любит. Русск. Слов. № 9), оно состоитъ изъ *89* стиховъ; во второй, 1810 г. (Вѣстн. Евр. № 4), изъ *85*; въ третьей, 1817 г. (Опыты въ стих. и проз. ч. II), изъ ***211***. Хорошо знакомый со многими европейскими литературами, Батюшковъ, поэтъ вполнѣ самостоятельный по дарованію, не пренебрегалъ однакоже ни заимствованіями, ни переводами изъ разныхъ иноземныхъ писателей, каковы напр. Парни, Тибуллъ, Шиллеръ, Петрарка, Байронъ, Тассъ, Аріостъ, Касти, Мильвуа и др.—Всѣ произведенія Батюшкова, независимо отъ перваго ихъ изданія самимъ авторомъ въ 1817 г. (см. выше), печатались еще два раза: въ 1834 г., подъ названіемъ: *Сочиненія въ прозѣ и стихахъ*, 2 ч., и въ 1850 г., подъ названіемъ *Сочиненія*, въ Смирдинскомъ «Полномъ собраніи сочиненій русскихъ авторовъ». Изданіе 1834 г. полнѣе другихъ.—Неизвѣстно, чѣмъ былъ бы для русской поэзіи Батюшковъ, еслибъ судьба сохранила ему до конца здоровье духа и тѣла. Но этаго, къ сожалѣнію, не случилось—и оправдались слова Батюшкова, который, говорятъ, промолвился однажды, «что онъ похожъ на человѣка, несшаго сосудъ съ какою-то жидкостью: нечаянно упалъ онъ, сосудъ разбился, и *никто не знаетъ, что было въ этомъ сосудѣ*».

ДАВЫДОВЪ, Денисъ Васильевичъ, русскій писатель. Принадлежалъ къ фамиліи, ведущей свое начало отъ мурзы Минчака Косаевича, выѣхавшаго изъ Большой Орды въ XV в., и родился 16 іюля 1784 г., въ Москвѣ, гдѣ служилъ тогда отецъ его, полковникъ (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ) Василій Денисовичъ, женатый на Еленѣ Евдокимовнѣ Щербининой. Бывъ, по обычаю того времени, посаженъ за псалтырь съ 6-ти-лѣтняго возраста, Денисъ Давыдовъ, въ 1793 г., имѣлъ случай не только видѣть прославленнаго Суворова, но получить его благословеніе и даже выслушать предреченіе чудака-полководца 9-ти-лѣтнему ребенку: «Ты выиграешь три сраженія!» — предреченіе, какъ оказалось послѣ, отнюдь не сбывшееся. Совсѣмъ тѣмъ, маленькій повеса — по свидѣтельству «Очерка» его жизни, приложеннаго къ первому изданію его же стихотвореній (1832) и, какъ увидимъ ниже, сильно подозрѣваемаго автобіографическимъ — бросилъ псалтирь, замахалъ саблею, выкололъ глазъ дядькѣ, проткнулъ шлыкъ нянькѣ, наконецъ, отрубилъ хвостъ борзой собакѣ, въ чаяніи всѣми этими продѣлками предоправдать пророчество о немъ Суворова. «Розга — продолжаетъ тотъ же «Очеркъ» — обратила его (Давыдова) къ ученію. Но какъ тогда учили? Натирали ребятъ наружнымъ блескомъ, готовя ихъ для удовольствія, а не для пользы общества, учили лепетать по-французски, танцовать, рисовать и музыкѣ; тому же учился и Давыдовъ до 13-тилѣтняго своего возраста. Тутъ пора было думать о будущности: онъ сѣлъ на коня, захлопалъ арапникомъ, полетѣлъ со стаею гончихъ по лѣсамъ и болотамъ — и тѣмъ заключилъ свое воспитаніе. Проживая затѣмъ, «между порошами и брызгами», въ Москвѣ, Денисъ Давыдовъ, уже 16—17 лѣтній юноша, почитывалъ, отъ нечего-дѣлать, полупе`ріодическое изданіе Карамзина «Аониды», въ которомъ, подъ разными пѣсенками и стансами, чаще и чаще встрѣчались ему имена кое-какихъ его знакомцевъ-ровестниковъ, воспитывавшихся тогда въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, — и самолюбіе Давыдова было возбуждено. «Онъ — говорится въ вышеупомянутомъ «Очеркѣ»—сталъ

писать; мысли тѣснились, но, какъ приключенія во снѣ, безъ связи между собою. Отъ нетерпѣнія своего онъ думалъ побѣдить препятствія своенравіемъ: рвалъ бумагу и грызъ перья — но не тутъ-то было! Тогда онъ обратился къ переводамъ — и вотъ первый опытъ его стихотворенія:

Пастушка Лиза, потерявъ
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
—«О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы! по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно измѣнить!»

Рѣшительно отказавшись, въ силу предреченія Суворова, отъ поприща службы гражданской и, слѣдовательно, отъ поступленія, по обычаю баричей того времени, въ иностранную коллегію, Денисъ Давыдовъ, въ 1801 г. опредѣлился эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ; тутъ, въ 1802 г., получилъ чинъ корнета, въ 1803 г. — поручика, а въ 1804 г., за сатирическіе стихи, переведенъ ротмистромъ въ Бѣлорусскій — нынѣ короля нидерландскаго — гусарскій полкъ, расположенный тогда въ м. Звенигородкѣ, кіевской губерніи. Здѣсь 20-тилѣтній ротмистръ, по свидѣтельству уже не разъ упомянутаго «Очерка», «закрутилъ усъ, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку съ польками». Къ этому-то, по выраженію самаго Давыдова, «бѣшеному» времени относится быстрое развитіе его своеобразной, такъ сказать, гусарской Музы, теперь немыслимой, непонимаемой и способной вызывать развѣ только грустную улыбку, а тогда возбуждавшей почти всеобщее, восторженное сочувствіе, особенно къ пьескѣ: ***Призывъ на пуншъ Бурцову***, затверженной большинствомъ наизусть и начинающейся слишкомъ извѣстными стихами:

Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишка мой! и т. д.

Переведенный, 4 іюля 1806 г., лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ поручикомъ, Давыдовъ поспѣшилъ явиться въ свой эскадронъ — и прибылъ въ Павловскъ, гдѣ, по его словамъ, «было болѣе дружбы, чѣмъ службы; болѣе разсказовъ, чѣмъ дѣла; болѣе золота на ташкахъ, чѣмъ въ ташкахъ; болѣе шампанскаго, чѣмъ печали.... Всегда веселы и всегда на-веселѣ!» Понятно, что общее впечатлѣніе такой жизни не могло не казаться тощимъ Давыдову, хотя и не подготовленному своимъ воспитаніемъ къ дѣятельности полезной, но все-таки болѣе даровитому, чѣмъ большинство его ничтожныхъ однополчанъ. А такъ какъ дарованіямъ Давыдова, каковы ни были онѣ, надлежало удовлетворяться чѣмъ нибудь, кромѣ пошлыхъ гусарскихъ пирушекъ, онъ возмечталъ о боевой славѣ и, благодаря времени, въ которое жилъ, могъ не только погнаться за этой славой со всѣмъ энтузіазмомъ юности, но и преслѣдовать ее со всѣмъ упорствомъ человѣка, которому больше нечего дѣлать. Отсюда неподдѣльная искренность стиховъ Давыдова:

Я люблю кровавый бой!
Я рожденъ для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарскій—
Съ вами вѣкъ мнѣ золотой!—

Отсюда же и безумная, повидимому, рѣшимость юнаго гвардейскаго поручика:—въ одну изъ ноябрьскихъ ночей 1806 г., вломиться въ квартиру фельдмаршала гр. Каменскаго, съ просьбою: взять его съ собой въ армію, къ которой гр. Каменскій, только что назначенный главнокомандующимъ, сбирался тогда отправиться. Встрѣтивъ у полу-помѣшаннаго фельдмаршала, вмѣсто нагоняя, пріемъ довольно ласковый, Давыдовъ, 3 января 1807 г., былъ сдѣланъ адъютантомъ кн. Багратіона, начальствовавшаго авангардомъ дѣйствующей арміи; 14 января получилъ чинъ штабсъ-ротмистра; 15 января нашелъ своего генерала въ Морунгенѣ; 24 января впервые участвовалъ въ дѣлѣ подъ Вольфсдорфомъ, гдѣ сабля его «поѣла живаго мяса», а самъ онъ едва не попался въ плѣнъ, что и описалъ впослѣдствіи въ разсказѣ своемъ ***Урокъ сорванцу***; наконецъ, 26 и 27 января, дрался подъ Прейсишъ-Эйлау — и впослѣдствіи также посвятилъ этому кровопролитному сраженію весьма краснорѣчивое ***Воспоминаніе***, въ прозѣ.—Послѣ Эйлаускаго дня, Давыдовъ былъ въ огнѣ 25 мая, при Гутштадтѣ; 26 мая, подъ Деппеномъ; 29 мая, подъ Гейльсбергомъ; 2 іюня, находился безотлучно при кн. Багратіонѣ подъ Фридландомъ — и кончилъ кампанію 1807 г. украшенный знаками отличія: св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, св. Анны 2 класса, прусскимъ «За заслуги» (pour le mérite), золотою саблею, съ надписью «за храбрость» и золотымъ крестомъ, установленнымъ за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. По возвращеніи арміи изъ-заграницы, Давыдовъ проживалъ то на службѣ въ Петербургѣ, то въ отпуску въ Москвѣ, и къ этому періоду его жизни, относятся: какъ большое стихотвореніе ***Договоры***, не отличающееся особыми красотами поэзіи, такъ и пьеска ***Мудрость***, изложенная въ такихъ стихахъ:

«Мы недавно отъ печали,
Лиза, я, да Купидонъ,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вонъ.
—Дѣтушки, поберегитесь!
Говорила мудрость намъ.
Пить не должно—воздержитесь:
Этотъ сокъ опасенъ вамъ».—

Въ 1808 г. «первый слухъ о войнѣ съ Швеціею и о движеніи войскъ нашихъ за границу — повѣствуетъ самъ Давыдовъ — выбросилъ меня изъ московскихъ баловъ и сентиментальностей къ моему долгу и мѣсту, какъ Менторъ Телемака,—и я незамедлилъ догнать армію въ шведской Финляндіи». Но, прибывъ въ Або, главную квартиру кн. Багратіона, Давыдовъ нашелъ тутъ балы и увеселенія, хотя пожиже московскихъ, и снѣдаемый понятнымъ въ то время желаніемъ подраться, отпросился на сѣверъ Финляндіи, гдѣ пристроился къ авангарду Кульнева, съ нимъ побывалъ на Аландскихъ островахъ, съ нимъ же ступилъ на шведскій берегъ въ Грисельгамѣ и, независимо отъ перевода Делилевой басни ***La Rose et l'Etourneau***, сдѣланнаго въ виду непріятельскихъ аванпостовъ, написалъ, по поводу взятія въ плѣнъ начальника штаба шведской арміи гр. Левенгельма, извѣстные сатирическіе стихи:

Повѣдай подвиги усатаго героя,
О, муза!—разскажи, какъ Кульневъ воевалъ,
Какъ онъ среди снѣговъ въ рубашкѣ кочевалъ,
И въ финскомъ колпакѣ являлся среди боя, и проч.

Въ 1809 г., съ порученіемъ молдавской арміи кн. Багратіону, Давыдовъ отправился въ Молдавію, тамъ, въ 1810 г., по смѣнѣ

кн. Багратіона гр. Каменскимъ приписался опять къ авангарду Кульнева, былъ на Рущукскомъ приступѣ и, возвратившись къ кн. Багратіону, командовавшему 2-ю западною арміей на Волыни и въ Подоліи, болѣе $1^1/_2$ года находился при немъ въ бездѣйствіи. Тутъ гусарская муза Давыдова восхищала всю молодежь главной квартиры 2-й арміи — и, надо сказать, проявленія этой музы были не достойны поэтическаго таланта Давыдова, какъ видно это изъ слѣдующаго признанія въ любви, именующагося *Рѣшительнымъ вечеромъ гусара:*

Сегодня вечеромъ увижусь я съ тобою —
Сегодня вечеромъ рѣшится жребій мой;
Сегодня получу желаемое мною—
Иль абшидъ на покой.
А завтра—чортъ возьми! какъ зюзя натянуся;
На тройкѣ ухорской стрѣлою полечу;
Проспавшись до Твери, въ Твери опять напьюся,
И пьяный въ Петербургъ на пьянство прискачу.
Но если счастіе назначено судьбою,
Тому, кто цѣлый вѣкъ со счастьемъ незнакомъ,
Тогда.... о, и тогда напьюсь свинья свиньею,
И съ радости пропью прогоны съ кошелькомъ.

Въ 1812 г., при началѣ отечественной войны, Давыдовъ перешелъ подполковникомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и командовалъ 1-мъ его баталіономъ до Бородина, по приближеніи къ которому онъ возымѣлъ мысль о партизанскомъ дѣйствіи: «Видя себя—разсказываетъ самъ Давыдовъ—полезнымъ отечеству не болѣе рядоваго гусара, я рѣшился просить себѣ отдѣльную команду, не смотря на поговорку: «никуда не проситься и ни отъ чего не отказываться»; напротивъ, я всегда слѣдовалъ правилу, что въ ремеслѣ нашемъ можно иногда напрашиваться, и ни отъ чего не отказываться». —Таковы ли, были, на самомъ дѣлѣ, побужденія Давыдова или просто хотѣлось ему понаѣздничать въ независимой, поэтической обстановкѣ, но, при содѣйствіи кн. Багратіона, онъ получилъ разрѣшеніе Кутузова взять въ свое вѣдѣніе партію изъ 50 казаковъ и 80 гусаровъ, съ которою тревожить непріятеля по усмотрѣнію. «Рядъ безпрерывныхъ успѣховъ— говорится въ одной біографіи Давыдова—оправдалъ его ожиданія и покорилъ сомнительность другихъ: усиленный новыми партіями войска, онъ сражался подъ стѣнами Вязьмы, разбилъ 3-хъ тысячное кавалерійское депо подъ Копысомъ, разсѣялъ непріятеля подъ Бѣлыничами и продолжалъ свои налеты до береговъ Нѣмана, раздѣляя славу партизана съ другими партизанами: Орловымъ-Денисовымъ, Фигнеромъ, Сеславинымъ, кн. Кудашевымъ. Подъ Гродно настигнулъ онъ 4-хъ тысячный отрядъ генерала Фрейлиха, состоявшій изъ Венгерцовъ, и принудилъ его сдать городъ». Но между этими удалыми, чисто партизанскими, подвигами Давыдова, случались и другіе, менѣе рыцарскіе: по свидѣтельству Бестужева (Марлинскаго), писавшаго о томъ Полевому, другъ его, Н. Бедряга «уѣхалъ изъ отряда Давыдовскаго за то, что онъ велѣлъ перерѣзать—на честное слово сдавшихся ему французовъ».—Кампанія 1813 г. была не такъ счастлива Давыдову: поступивъ, съ своимъ отрядомъ, въ корпусъ ген. адъют. Винцингероде, онъ, вопреки высочайшему повелѣнію, заключилъ капитуляцію съ непріятельскимъ генераломъ Дюрюттомъ, въ силу которой занялъ половину Дрездена,—и за это былъ лишенъ команды. «Гнусныя интриги—говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ гр. Аракчееву—заставили меня предстать къ покойному фельдмаршалу (Кутузову) для оправданія себя за овладѣніе, послѣ 10-ти часовой битвы, столицею Саксоніи, въ одно время, какъ ген. Чернышевъ получалъ 1-я Анны за занятіе безъ выстрѣла Берлина, а полковникъ Тетенборнъ чинъ за торжественный въѣздъ въ Гамбургъ». Возвращенный, по высочайшему повелѣнію, къ прежней командѣ, Давыдовъ нашелъ ее ввѣренною другому и, удалившись въ Ахтырскій гусарскій полкъ, былъ употребляемъ гр. Милорадовичемъ для партизанскихъ дѣйствій, за которыя представлялся къ чину, но произведенъ не былъ. При открытіи компаніи 1814 г., во Франціи, Давыдовъ командовалъ сначала ахтырскими гусарами, въ арміи Блюхера, потомъ, произведенный за сраженіе при Ларотьерѣ въ генералъ-маіоры, начальствовалъ бригадою изъ Ахтырскаго и Бѣлорусскаго гусарскихъ полковъ, съ которою и вступилъ въ Парижъ. Въ кампанію 1815 г. Давыдовъ, попавшій, къ своему крайнему горю, въ резервную армію, дошелъ только до Варшавы, откуда, 2 сентября, писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Еще судьба не устаетъ меня преслѣдовать. Тогда какъ войска наши летѣли къ славѣ, великій князь (Константинъ Павловичъ) остановилъ меня здѣсь, съ намѣреніемъ отнять у меня случай быть въ дѣлѣ, или отличиться. Къ счастію моему ни одинъ русской не выстрѣлилъ, и честь моя спасена! Однако же на дняхъ я ѣду въ Парижъ. Независимо устрицъ, pâtés de foie gras и Сиренъ Парижа—надо кончить и рѣшить судьбу свою!» Получивъ за тѣмъ продолжительный отпускъ, Давыдовъ болѣе года прожилъ въ Москвѣ и все это время дѣлилъ между кутежемъ и Музами. Плодомъ послѣднихъ были нѣкоторыя его элегіи и нѣсколько гусарскихъ пѣсень, напримѣръ: *Я люблю кровавый бой* и знаменитая *Пѣсня стараго гусара*, живописующая древле-гусарскій бытъ такими чертами:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ?
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?
Дѣды, помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами.
На затылкѣ кивера,
Доломаны до колѣна,
Сабли, шашки у бедра,
А диваномъ—кипа сѣна.
Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И усы перебѣгаетъ.
Ни полслова... Дымъ столбомъ....
Ни полслова... Всѣ мертвецки
Пьютъ, и, преклонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Авторская слава Давыдова была уже тогда упрочена — и извѣстный А. И. Тургеневъ, въ письмахъ къ кн. Вяземскому, пересылалъ поклоны *поэту* Давыдову, а не менѣе извѣстный А. Ѳ. Воейковъ, въ своемъ «Парнасскомъ адресъ-календарѣ», явившемся около 1816 г., не забылъ отмѣтить: «Д. В. Давыдовъ—дѣйствительный поэтъ, генералъ-адъютантъ Аполлона, при перепискѣ Вакха съ Венерою».—Служебная карьера Давыдова тоже подвигалась впередъ: въ 1818 г. онъ занималъ мѣсто начальника штаба 7 пѣх. корпуса, а въ 1819 г.—3-го. Но, женившись, въ томъ же 1819 г., на дѣвицѣ Чирковой, Давыдовъ въ 1820 г. взялъ отпускъ; въ 1821 г. былъ зачис-

ленъ по кавалеріи и напечаталъ свой капитальный трудъ *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія*, привѣтствованный посланіемъ Пушкина (*Сѣтованіе*); въ исходѣ 1822 г. явился вкладчикомъ изданнаго Бестужевымъ альманаха «Полярная Звѣзда», и въ 1823 г. вышелъ въ отставку. Вызванный воцарившимся имп. Николаемъ I снова на службу, Давыдовъ, при открывшейся тогда войнѣ съ персіянами, въ десять дней перелетѣлъ изъ Москвы за Кавказъ, черезъ нѣсколько сутокъ перевелъ свой отрядъ за Безобдалъ и, преслѣдуя непріятеля по Бамбакской долинѣ, еще черезъ сутки разгромилъ у подошвы Алагёза 4-хъ тысячный корпусъ извѣстнаго Гассанъ-Хана, принужденнаго спасаться бѣгствомъ въ Эривань. Но пагубное вліяніе кавказскаго климата заставило Давыдова искать цѣленія у тамошнихъ водъ, гдѣ онъ, огорченный разными непріятностями по службѣ, высказанными въ задушевныхъ письмахъ его къ гр. В. Ѳ. Адлербергу и гр. А. А. Закревскому, написалъ извѣстную элегію ***Полусолдатъ***, начинающуюся стихами:

Нѣтъ, братцы, нѣтъ! полусолдатъ
Тотъ, у кого есть печь съ лежанкой,
Жена, полдюжины ребятъ,
Да щи, да чарка съ запеканкой!

и заключающую въ себѣ, между прочимъ, такую картину Закавказья:

Араксъ шумитъ, Араксъ шумитъ,
Араксу вторитъ ключъ нагорный,
И Алагьёзъ, нахмурясь, спитъ,
И тонетъ въ влагѣ долъ узорный;
И вѣетъ съ пурпурныхъ садовъ
Зефиръ восточнымъ ароматомъ,
И сквозь сребристыхъ облаковъ
Луна плыветъ надъ Араратомъ.

Оставивъ, въ 1827 г., службу на Кавказѣ, Давыдовъ поселился въ своей приволжской деревнѣ и тутъ, среди занятій сельскимъ хозяйствомъ, тосковалъ по боевой жизни, завидовалъ участникамъ происходившей тогда турецкой кампаніи, писалъ элегическія стихотворенія, изъ которыхъ въ одномъ, подъ названіемъ ***Бородинское поле***, онъ, перечисливъ былыхъ соратниковъ, скорбно взывалъ:

Но гдѣ вы?... Слушаю... Нѣтъ отзыва! Съ полей
Умчался брани дымъ, не слышенъ стукъ мечей,
И я, питомецъ вашъ, склонясь главой у плуга,
Завидую костямъ соратника иль друга,—

а въ другомъ, посланіи къ *Зайцевскому* (поэту-моряку), грустно проникался такими воспоминаніями:

Давно ль подъ мечами, въ пылу батарей,
И я попиралъ долъ кровавый,
И я въ сонмѣ храбрыхъ, у шумныхъ огней,
Нашъ станъ оглашалъ пѣснью славы
Давно ль?... Но забвеньемъ судьба меня губитъ,
И лира нѣмѣетъ, и сабля не рубитъ.

Элегическое настроеніе Давыдова продолжалось до 1831 г., въ которомъ Давыдовъ, вызванный изъ своего уединенія польскимъ мятежемъ, покинулъ жену съ дѣтьми и, 12 марта, явился въ главную квартиру русской арміи при м. Шеницѣ; 22 марта, принялъ, въ Красноставѣ, ввѣренный ему отрядъ изъ трехъ казачьихъ и Финляндскаго драгунскаго полковъ; 6 апрѣля взялъ приступомъ г. Владиміръ-Волынскій; 29 апрѣля, вмѣстѣ съ г. м. гр. Толстымъ загналъ корпусъ Хржановскаго подъ пушки Замосцья; 1 іюня, при Будзиско, три часа отражалъ съ авангардомъ Ридигера превосходнаго въ силахъ непріятеля и тѣмъ облегчилъ его разбитіе, за что произведенъ въ генералъ-лейтенанты; наконецъ, 28 августа, отбилъ нападеніе всего корпуса Ружицкаго на предмостное укрѣпленіе при Казимиржѣ. Покончивъ этимъ—и навсегда—свою боевую службу, Давыдовъ возвратился въ Москву, гдѣ, въ 1832 г., напечаталось первое изданіе всѣхъ его ***Стихотвореній***, къ которому приложенъ «Очеркъ» жизни автора, хотя и приписанный сослуживцу и другу Давыдова, но, бойкостью пера и другими несомнѣнными признаками, обличающій автобіографическій трудъ самаго Давыдова. Съ переселеніемъ по прежнему въ деревню, Давыдовъ исключительно занялся литературнымъ дѣломъ, обработывалъ свои прозаическія статьи, посылалъ въ журналы стихотворенія, получалъ дружескія посланія отъ всей пишущей братіи, порывался—какъ видно изъ письма его къ гр. Д. И. Хвостову, отъ 11 сентября 1835 г.—писать этюдъ о Суворовѣ и, 3 октября 1837 г., подалъ гр. А. Ѳ. Орлову (впослѣдствіи князь) записку о перенесеніи праха кн. П. И. Багратіона изъ села Сима, владимірской губерніи, на Бородинское поле. Исполненіе этой мысли, одобренной имп. Николаемъ I, предполагалось возложить на самаго Давыдова, какъ старѣйшаго изъ адъютантовъ кн. Багратіона. Но Давыдовъ не дожилъ до чести сослужить послѣднюю службу своему знаменитому начальнику: измученный предварительно ревматизмами, онъ умеръ скоропостижно, 22 апрѣля 1839 г., въ своемъ с. Мазѣ, сызранскаго уѣзда, на 55 году жизни.—Тѣло его погребено тамъ же.—«Давыдовъ—по свидѣтельству *Мелочей изъ запаса моей памяти* М. А. Дмитріева—былъ нехорошъ собою, но умная, живая физіономія и блестящіе выразительные глаза—съ перваго раза привлекали вниманіе въ его пользу. Голосъ онъ имѣлъ пискливый; носъ необыкновенно малъ; росту былъ средняго, но сложенъ крѣпко, и на конѣ, говорятъ, былъ какъ прикованъ къ сѣдлу. Наконецъ, онъ былъ черноволосъ и съ бѣлымъ локономъ на одной сторонѣ лба. Одно извѣстное лицо, отъ котораго могла зависѣть судьба его, но которымъ онъ почиталъ себя вправѣ быть недовольнымъ, спросило его однажды: «Давыдовъ! отчего у тебя сѣдой клокъ?»—«C'est un bout de chagrin»! отвѣчалъ, не задумавшись, смѣлый Давыдовъ».—По свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго, «Давыдовъ и въ зрѣлости лѣтъ и когда уже вступилъ въ семейную жизнь, сохранилъ до кончины изумительную молодость сердца и нрава. Веселость его была прилипчива и увлекательна. Онъ былъ душею и пламенемъ дружескихъ бесѣдъ: мастеръ былъ говорить и разсказывать. Нѣсколько хриплый, а по временамъ и тоненькій фистульный голосъ придавалъ какую-то оригинальность его рѣчи. ***Нашъ боецъ чернокудрявый, съ бѣлымъ локономъ во лбу*** (самъ Давыдовъ шутя называлъ этотъ серебристый хохолокъ: la flamme du génie) обладалъ къ тому же замѣчательнымъ мимическимъ дарованіемъ. Когда онъ разсказывалъ анекдоты про Ѳ. П. Уварова, про атамана Платова и т. д., онъ представлялъ ихъ въ лицахъ, онъ воплощалъ ихъ въ себѣ».—Воспѣватель «красносизыхъ носовъ» и «пуншевыхъ стакановъ», Давыдовъ никогда не принадлежалъ къ разряду гулякъ, что подтверждаетъ и двоюродный братъ его, А. П. Ермоловъ, который, въ разговорѣ съ имп. Николаемъ I, на балѣ у кн. Д. В. Голицына, въ Москвѣ, 17 мая 1835 г., отзывался о Давыдовѣ такъ: «Бывъ гусаромъ, онъ славилъ и пѣлъ вино, и отъ того прослылъ

пьяницею; а онъ такой же пьяница, какъ я». — «Фронта, учебныхъ занятій и парадовъ—говоритъ одинъ изъ біографофъ партизана-поэта—не любилъ Давыдовъ... На войнѣ онъ былъ распорядителенъ и храбръ, иногда слишкомъ смѣлъ и опрометчивъ». — Какъ писатель, Давыдовъ, въ свое время, былъ очень популяренъ. Его гусарскія пѣсни заучивались молодежью наизусть; его *Современная пѣсня* нравилась не одной молодежи и стоило только кому нибудь произнесть ея начало:

Былъ вѣкъ дивный, бурный вѣкъ,
Громкій, величавый,
Былъ огромный человѣкъ,
Расточитель славы,—

какъ слушатели подхватывали продолженіе и дочитывали всю пѣсню, при общемъ хохотѣ. Всѣхъ стихотвореній, сатирическаго, диѳирамбическаго и элегическаго характера, Давыдовъ оставилъ до *шестидесяти*, какъ бы оправдывая тѣмъ собственное мнѣніе о себѣ, выраженное въ слѣдующихъ, удачныхъ стихахъ:

Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ,
Я иногда бывалъ на Пиндѣ, но наскокомъ,
И беззаботно, кое-какъ,
Раскидывалъ передъ Кастальскимъ токомъ
Мой независимый бивакъ.
Нѣтъ! не наѣзднику пристало
Пѣть, въ креслахъ развалясь, лѣнь, нѣгу и покой...
Пусть грянетъ Русь военною грозой—
Я въ этой пѣснѣ запѣвало.

Но и при такой жаждѣ военныхъ грозъ, воспитанной въ Давыдовѣ пустотою его молодости и длиннымъ рядомъ наполеоновскихъ войнъ, ему нельзя отказать въ дарованіи дѣйствительномъ, которое, проглядывая въ разныхъ его стихотвореніяхъ, блещетъ, напр., въ слѣдующемъ изображеніи *Вечера въ іюнѣ*:

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ. Полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали,
Зарницы бѣгали за синею горой,
И окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,
Таинственнымъ лучемъ мечтанія питая,
И прислонясь къ лавровому кусту
Дышала роза молодая.

Изъ прозаическихъ сочиненій Давыдова первое мѣсто занимаетъ *Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія*, изданный особою книгою трижды: въ 1821, 1822 и 1848 гг. «Опытъ» этотъ состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: въ первомъ излагается постепенное усовершенствованіе партизанства въ Германіи, Венгріи, Испаніи и Россіи, въ періодъ времени отъ Тридцатилѣтней Войны до 1812 года; второй отдѣлъ посвященъ системѣ партизанскаго дѣйствія; третій говоритъ о прикрытіи собственнаго сообщенія и продовольствія. Къ книгѣ приложено семь пояснительныхъ чертежей. Прочія прозаическія произведенія Давыдова—большею частью, журнальныя статьи, въ родѣ мемуаровъ—суть: 1) *Воспоминаніе о Кульневѣ въ Финляндіи.* 2) *Воспоминаніе о сраженіи при Прейсишъ-Эйлау.* 3) *Встрѣча съ великимъ Суворовымъ.* 4) *Встрѣча съ фельд маршаломъ графомъ Каменскимъ.* 5) *Замѣчанія на некрологію Н. Н. Раевскаго.* 6) *Занятіе Дрездена 1813 г. 10 марта.* 7) *Морозъ ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?* 8) *Отрывки изъ партизанскаго дневника.* 9) *Письмо къ Вальтеръ-Скотту.* 10) *Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ запискахъ Наполеона.* 11) *Тильзитъ въ 1807 году.* 12) *Урокъ сорванцу.* — Сочиненія Давыдова, всѣ вообще, издавались трижды: въ 1840, 1848 и 1860 гг. — Какъ писатель, Давыдовъ по праву можетъ занять одно изъ второстепенныхъ мѣстъ, хотя собственное его мнѣніе о своихъ писательскихъ заслугахъ было менѣе скромно и болѣе притязательно на похвалы потомства: «Смотрите—писалъ онъ къ Н. М. Языкову,—чуръ не забывать меня послѣ моей смерти.... Я уже нѣкогда говорилъ о томъ Пушкину, Жуковскому, Баратынскому, Вяземскому; повторяю и вамъ тоже самое. Напишите тогда общими силами мою некрологію и произведите на свѣтъ не пролетный листъ для воейковскаго инвалида, а что нибудь такое, которое осталось бы надолго. Не шутя, хотя и непристойно о себѣ говорить, я принадлежу къ числу самыхъ поэтическихъ лицъ русской арміи не какъ поэтъ, но какъ воинъ, многія обстоятельства моей жизни даютъ мнѣ на это право»,—хотя, если вѣрить Бестужеву (Марлинскому), Давыдовъ болѣе *выписалъ*, нежели *вырубилъ* себѣ свою славу партизана-поэта. — Послѣ Д. В. Давыдова, отъ брака его съ Софьей Николаевной Чирковой, осталось *пять* сыновей и *четыре* дочери.

ГНѢДИЧЪ, Николай Ивановичъ, русскій писатель. Происходилъ изъ старинной украинской фамиліи и родился, 2 февраля 1784 г., въ Полтавѣ, гдѣ онъ потерялъ отца и мать еще въ раннемъ дѣтствѣ, какъ можно догадываться о томъ по слѣдующимъ строкамъ его автобіографическаго стихотворенія *Дума:*

Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою....

Получивъ первоначальное образованіе въ полтавской семинаріи, Гнѣдичъ, въ 1793 г., 9-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, былъ перемѣщенъ въ харьковскій коллегіумъ, а въ 1800 г., 16-ти-лѣтнимъ юношей, поступилъ въ московскій университетъ и здѣсь, въ сотоварcommitted будущихъ литераторовъ: Милонова, Кошанскаго, Буринскаго, изучалъ русскую словесность подъ руководствомъ А. Ѳ. Мерзлякова, знакомился и съ греческимъ языкомъ, въ глубокомъ разумѣніи котораго онъ нашелъ впослѣдствіи и свою литературную славу и отраду всей своей жизни. Здѣсь же, въ московскомъ университетѣ, Гнѣдичъ положительно обнаружилъ страсть не только къ драматической поэзіи, но даже къ декламаціи, которою онъ увлекалъ своихъ товарищей, плѣняя ихъ то одушевленнымъ чтеніемъ разныхъ писателей, особенно драматическихъ, то мастерскимъ выполненіемъ на сценѣ университетскаго театра многихъ главныхъ ролей изъ произведеній русскихъ трагиковъ. Эта любовь къ сценическому искуству выразилась и въ первомъ печатномъ трудѣ самаго Гнѣдича, который, еще будучи студентомъ, перевелъ съ французскаго, стихами, 5-ти-актную трагедію Дюсиса: *Абюфаръ или Арабская семья*, изданную въ 1802 г. Къ тому же времени относятся: переводъ трагедіи Шиллера *Заговоръ Фіэска въ Генуѣ*, сдѣланный Гнѣдичемъ, вмѣстѣ съ какимъ-то А., и оригинальный романъ Гнѣдича: *Донъ Коррадо де-Геррера, или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ*, въ 2 частяхъ. Оба эти труда были напечатаны въ 1803 г., когда Гнѣдичъ, по окончаніи университетскаго курса, переселился изъ Москвы въ Петер-

бургъ и тамъ, поступивъ на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія, неуклонно продолжалъ свою литературную дѣятельность. Послѣдняя, на этотъ разъ, ограничивалась сотрудничествомъ Гнѣдича въ тогдашнихъ петербургскихъ ежемѣсячникахъ: «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (1804—1805), «Журналѣ россійской словесности» (1805) и «Лицеѣ» (1805), изъ которыхъ въ первомъ его стихотворенія: *Послѣдняя пѣснь Оссіана* (1804, № 1), переведенная размѣромъ русскихъ пѣсенъ, и *Красоты Оссіана* (1804, № 4 и 1805, № 4), а во второмъ прозаическая статья Гнѣдича: *Синонимы* — обратили на себя вниманіе знатоковъ. Въ 1805 г. Гнѣдичъ съѣздилъ въ Полтаву, тамъ написалъ стихотвореніе: *Пѣснь при гробѣ матери*, напечатанное въ журналѣ «Цвѣтникъ» 1809 г. (№ 12), и передавъ небольшое родительское наслѣдіе, около 30 душъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, своей родной сестрѣ, возвратился въ Петербургъ, гдѣ домы Г. Р. Державина, гр. А. С. Строганова и А. Н. Оленина, съ ихъ литературными кружками, уже замѣняли Гнѣдичу родную семью. Одушевляемый и увлекаемый частымъ сообществомъ такихъ дѣятелей, каковы были въ то время М. М. Херасковъ, А. С. Шишковъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, кн. С. А. Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи іеромонахъ Аникита), кн. А. А. Шаховскій, кн. Д. П. Горчаковъ, И. А. Крыловъ, В. А. Озеровъ, А. Ѳ. Лабзинъ, А. А. Писаревъ, И. А. Дмитревскій и друг., Гнѣдичъ тверже и тверже устанавливался на литературной почвѣ, пріобрѣтая довольно громкую извѣстность если еще не какъ писатель, то, по крайней мѣрѣ, какъ прекрасный чтецъ и превосходный декламаторъ произведеній другихъ писателей. Извѣстность такого рода не замедлила сблизить Гнѣдича съ Е. С. Семеновой (впослѣдствіи княгиня Гагарина), первой русской сценической артисткой того времени, для которой собственно Гнѣдичъ передѣлалъ 5-ти-актную трагедію Шекспира *Леаръ* (король Лиръ), представленную впервые 29 ноября 1807 г., а напечатанную годомъ позже; потомъ перевелъ стихами 5-ти-актную трагедію Вольтера *Танкредъ*, съигранную въ первый разъ 1 апрѣля 1809 г., но изданную не ранѣе 1816 г.; наконецъ, вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ, кн. А. А. Шаховскимъ, М. Е. Лобановымъ и С. П. Жихаревымъ, участвовалъ въ стихотворномъ переложеніи на русскій языкъ Вольтеровой трагедіи *Заира*, поставленной на петербургскую сцену къ первому бенефису той же Семеновой, 18 октября 1809 г. Отношенія Гнѣдича къ Семеновой, услаждавшія одинокое труженичество перваго, не прерывались цѣлыя 18 лѣтъ— и «его просвѣщенной дружбѣ, замѣчаетъ г. Галаховъ, его постоянному участію въ изученіи съ нею драматическихъ характеровъ, эта артистка одолжена частію той славы, которою она блистала въ роляхъ Клитемнестры, Медеи, Меропы, Моины, Аменаиды, Ксеніи». Другою усладою Гнѣдича была Иліада. «Къ Иліадѣ, великому созданію геніи, онъ — по свидѣтельству одного изъ друзей своихъ—питалъ любовь еще въ университетѣ, перенесъ ее съ собою въ общество и вознамѣрился перевести ее... Она была собесѣдницею, спутницею, услажденіемъ всей его жизни. Ни болѣзни, ни страданія, не охладили въ немъ этой любви. Гомеръ былъ постояннымъ предметомъ пламенныхъ бесѣдъ его».—«Если есть въ Иліадѣ несовершенство, говоритъ самъ Гнѣдичъ въ своихъ, къ сожалѣнію, неизданныхъ *Запискахъ*, они похожи на неправильность природы, которая, не смотря на несовершенства, нашему невѣжеству такими представляющіяся, очамъ внимательнымъ кажется всегда великою».— При такомъ восторженномъ взглядѣ на Иліаду, Гнѣдичу, уже освоившемуся съ литературнымъ дѣломъ, оставалось только приняться за вѣчно-юнаго старца Гомера—и чуть ли не первымъ опытомъ въ этомъ родѣ былъ Гомеровъ *Гимнъ Венерѣ*, помѣщенный Гнѣдичемъ въ № 7 «Цвѣтника» 1809 г., за которымъ, въ томъ же 1809 г., Гнѣдичъ издалъ отдѣльно *Пѣснь седьмую Иліады*, переложенную александрійскими стихами и долженствовавшую начать собою продолженіе труда Е. И. Кострова, извѣстнаго переводчика Иліады, остановившагося, какъ думали тогда, именно на *Пѣсни шестой*. Напечатавъ затѣмъ, въ № 10 «Вѣстника Европы» 1810 г., Гомеровъ *Гимнъ Діанѣ*, Гнѣдичъ дѣятельно работалъ надъ Иліадою и уже окончилъ VIII, IX, X и XI пѣсни, когда неожиданно нашлись VII, VIII и IX пѣсни Иліады, перевода Кострова, немедленно сообщенныя публикѣ въ №№ 14 и 15 «Вѣстника Европы» 1811 г.—Не смущаясь однако этимъ открытіемъ, Гнѣдичъ, въ томъ же 1811 г. избранный въ члены россійской академіи и сдѣланный библіотекаремъ имп. публичной библіотеки, не только снабжалъ «С.-Петербургскій Вѣстникъ» 1812 г. стихотвореніями, каковы: *Гимнъ Венерѣ* изъ Гомера (№ 2) или *Ода* изъ Горація (№ 6), и прозою, какъ напр. *Отрывокъ изъ трагедіи Троилъ* Шекспира, но кромѣ того, энергически продолжалъ трудиться надъ своимъ собственнымъ переложеніемъ Гомера, которое, послѣ напечатанія *Пѣсни осьмой Иліады* въ кн. 5-й «Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова» 1812 г., было признано лучшимъ, нежели переложеніе Кострова, и заслужило автору вниманіе вел. княг. Екатерины Павловны, тогда принцессы Ольденбургской, почтившей Гнѣдича назначеніемъ ему пожизненной пенсіи въ 1000 рублей. — Между тѣмъ, С. С. Уваровъ (впослѣдствіи графъ), извѣстный эллинистъ вообще и поклонникъ Гомера въ особенности, сталъ совѣтовать Гнѣдичу взяться за переводъ всей Иліады съ самаго ея начала, но не александрійскими стихами, а гекзаметромъ, т. е. размѣромъ греческаго подлинника. По этому-то поводу, между Уваровымъ и Капнистомъ, истымъ противникомъ гекзаметровъ, возникла довольно любопытная полемика, напечатанная въ кн. 17-й «Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова» 1813 г., но покончившаяся въ пользу Уварова, съ мнѣніемъ котораго согласился и Гнѣдичъ, какъ доказываетъ это его *Письмо къ С. С. Уварову*, въ кн. 13-й «Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова». Въ той же кн. 13-й былъ помѣщенъ *Отрывокъ изъ пѣсни IV*, первый опытъ перевода Гомера гекзаметрами, — и Гнѣдичъ, слышавшій общее одобреніе этому своему опыту, рѣшительно посвятилъ себя новому, капитальному труду, отвлекаясь другими литературными работами только изрѣдка. Къ такимъ работамъ принадлежатъ, напр., явившіяся въ 1814 г.: *Отвѣтъ графу Хвостову* (на эпистолу послѣдняго)—стихотвореніе, которое Гнѣдичъ старался впослѣдствіи истреблять, какъ наполненное несправедливыми похвалами вялому, бездарному стихотворцу, — и *Рѣчь о причинахъ, замедляющихъ успѣхи просвѣщенія въ Россіи*, произнесенная Гнѣдичемъ въ торжественномъ собраніи имп. публичной библіотеки и, по слухамъ, заинтересовавшая Н. М. Карамзина, который тогда же писалъ къ И. И. Дмитріеву: «Не можешь ли прислать мнѣ книгу, изданную отъ библіотеки, гдѣ напечатана рѣчь Гнѣдича? Ее хвалятъ»—хотя, на самомъ дѣлѣ, рѣчь эта исполнена одностороннихъ взглядовъ, косвенныхъ выходокъ противъ Ка-

рамзина и витіеватыхъ похвалъ «кроткому ангелу, богоподобному» Александру I: «Я, говоритъ Гнѣдичъ, только изнемогаю подъ бременемъ чувствъ, и голосъ мой исчезаетъ предъ тѣмъ, кому витія—вселенная, а награда—безсмертіе». — Продолжая перемежать занятія Иліадою другими, Гнѣдичъ напечаталъ въ журналахъ 1815 г. стихотворенія: *Отрывки изъ пѣсней XXIII и XXIV* (Вѣс. Евр. № 1); *Пѣснь XI* (Сынъ Отеч. № 44—45) и прозаическое *Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи Расина: Ифигенія въ Авлидѣ*; въ журналахъ 1816 г. стихотворенія: *Отрывки изъ пѣсни II* (Сынъ Отеч. № 27); прозаическія статьи: *О вкусѣ и его вліяніи на словесность и нравы* (Сынъ Отеч. № 2); *О переводѣ Бюргеровой Леноры* (Сынъ Отеч. № 27) и издалъ отдѣльно свою трагедію *Танкредъ*, въ исправленномъ видѣ, съ портретомъ Е. С. Семеновой и слѣдующею къ нему надписью:

Любимица безсмертной Мельпомены!
Въ Россіи первая успѣла ты открыть
Искуство тайное, какъ сердцу говорить.
Твои черты—потомству драгоцѣнны.

Въ 1817 г., Гнѣдичъ, тогда же оставившій службу въ имп. публичной библіотекѣ, издалъ отдѣльно поэму *Рожденіе Гомера* и напечаталъ въ журналахъ стихотворенія: *Отрывокъ изъ пѣсни I «Распря вождей»* (Труд. общ. люб. рос. сл. ч. VII) и *Отрывокъ изъ пѣсни I «Похищеніе Бризеиды»* (Сѣв. Набл. № 5); къ 1818 г. относятся: его стихотворный *Отрывокъ изъ пѣсни III «Поединокъ Париса и Менелая»* (Сынъ Отеч. № 29) и отдѣльно изданныя имъ *Замѣчанія на Опытъ о русскомъ стихосложеніи г. Востокова и Нѣчто о просодіи древнихъ*; въ 1819 г. Гнѣдичъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, передѣлалъ стихами трагедію Лонженньера *Медея*, сыгранную въ Петербургѣ, 15 мая, въ бенефисъ Е. С. Семеновой, но никогда не напечатанную; въ 1820 г. онъ помѣстилъ въ журналахъ стихотворенія: *Отрывки изъ трагедіи Андромаха Расина* (Сынъ Отеч. № 41); *Отрывокъ изъ пѣсни V «Подвиги Діомеда»* (Сынъ Отеч. №№ 45 47); прозаическое *Письмо къ* Б(атюшкову) *О статуѣ мира*, изваянной для гр. Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ (Сынъ Отеч. № 14), и издалъ книжку: *Академія Художествъ или выставка художественныхъ произведеній 1820 г.*; въ 1821 г. россійская академія помѣстила въ своихъ «Отрывкахъ», новое стихотвореніе Гнѣдича: *Отрывокъ изъ пѣсни IX «Посольство къ Ахиллесу»*, а самъ Гнѣдичъ издалъ *Рѣчь*, произнесенную имъ въ вольномъ обществѣ любителей русской словесности, по случаю собственнаго переименованія изъ почетныхъ членовъ въ дѣйствительные, и тогда же сочинилъ извѣстную идиллію *Рыбаки*, напечатанную уже въ 1822 г. (Сынъ Отеч. № 8).—Идиллія эта, посвященная авторомъ памяти гр. А. С. Строганова, въ свое время обратила на себя вниманіе знатоковъ, вызвала обширный разборъ въ журналѣ «Благонамѣренный» 1821 г. (№№ 17, 21, 22, 29, 30) и до сихъ поръ еще можетъ нравиться любителямъ, напр., такого описанія свирѣльной игры младшаго изъ двухъ рыбаковъ:

Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада;
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Въ тѣ тайныя чувства минуты, когда вдохновенье
Отъ неба нисходитъ и душу любимца тревожитъ:
Въ часъ утра златаго, какъ день загарался на небѣ
И все на землѣ воскресало для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багровыя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, смотря и, безмолвный, дивуясь
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба,
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юныя листья на вѣткахъ.

Въ одномъ изъ альманаховъ 1823 г. Гнѣдичъ напечаталъ граціозное стихотвореніе *Перстень* и, посвятивъ весь 1824 г. труду ученому, издалъ въ 1825 г. *Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ*, а въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» помѣстилъ *Отрывокъ изъ пѣсни XIX*. Въ томъ же 1825 г. Гнѣдичъ, по совѣту врачей, ѣздилъ на Кавказъ, пользоваться тамошними минеральными водами, но возвратился съ бо́льшимъ противъ прежняго разстройствомъ: къ недугамъ, одолѣвавшимъ его съ 1809 г., присоединился еще катарръ въ груди. И хотя Гнѣдичъ намѣревался бодро продолжать прежнія занятія, но, изготовивъ для альманаха «Сѣверные Цвѣты» 1826 г. новый *Отрывокъ изъ пѣсни XIV «Поясъ Киприды»*, онъ нашелся вынужденнымъ обратить серьезнѣйшее вниманіе на свое здоровье и, въ августѣ того же 1826 г., по совѣту врачей, поѣхалъ лѣчиться въ Одессу, откуда былъ присланъ имъ въ Петербургъ *Отрывокъ изъ пѣсни XXIII «Ристаніе на колесницахъ»*, напечатанный въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ» 1827 г.—Возвратившись изъ Одессы въ 1828 г., съ здоровьемъ, значительно возстановленнымъ, Гнѣдичъ дѣятельно принялся за изданіе конченной имъ Иліады, читалъ отрывки ея имп. Маріи Ѳедоровнѣ, помѣстилъ еще *Отрывокъ изъ пѣсни XVIII «Щитъ Ахиллесовъ»* въ Московскомъ Телеграфѣ 1829 г. (№ 18) и, взысканный милостями имп. Николая I, посвятилъ ему свой 20-ти-лѣтній трудъ, напечатанный впервые въ томъ же 1829 г., въ 2 частяхъ, съ приложеніемъ *Карты полей Троянскихъ* и головъ семи главнѣйшихъ героевъ Иліады: Ахиллеса, Агамемнона, Діомеда, Нестора, Одиссея, Париса и Менелая, выгравированныхъ извѣстнымъ Уткинымъ.—Въ предисловіи къ этому своему труду Гнѣдичъ писалъ: «Требованія перемѣнятся; вкусъ вѣка пройдетъ, между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ вѣковъ, требующій отъ переводчика не новой Иліады, какъ Попева; но, такъ сказать, слѣпка, который бы, сколько позволяетъ свойство языка, былъ подобенъ слѣпкамъ ваятельнымъ. Плѣненный образомъ Гомерова повѣствованія, котораго прелесть нераздѣльна съ формою языка, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какія получилъ я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ; и вотъ что̀ дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столпа стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ».—Появленіе Иліады Гомера въ русской печати было встрѣчено искреннимъ сочувствіемъ всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей, представитель которыхъ, А. С. Пушкинъ, въ бѣглой, газетной статейкѣ, отозвался о трудѣ Гнѣдича такъ: «Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады!.... Съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность».—Кромѣ

такого лестнаго отзыва объ Иліадѣ, Пушкинъ написалъ слѣдующее, прекрасное двустишіе Гнѣдичу:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Позднѣйшіе отзывы о трудѣ Гнѣдича были менѣе снисходительны—и одинъ изъ нихъ, принадлежащій г. Ордынскому, формулированъ такъ: «Гнѣдичъ скорѣе переводилъ Фосса (нѣмецкій переводчикъ Гомера), нежели Гомера; слѣпо держался подлинника, уродовалъ свой языкъ для языка подлинника, обременялъ его множествомъ чуждыхъ ему формъ и оборотовъ, образовалъ по своему непонятныя слова. Мы потеряли въ Гнѣдичѣ ту нѣжность, игривость и простодушіе, которыя столь свойственны Гомеру».—Для образчика языка Иліады Гомеровой, въ переложеніи Гнѣдича, вотъ нѣсколько стиховъ изъ *Пѣсни VII: Единоборство Гектора и Аякса* (по 3 изд. 1861 г.):

Рекъ онъ (Гекторъ) и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику,
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,
Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала!
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала разсѣкши бурная пика,
Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь, украшеньемъ изящную, быстро пронзила,
И на чревѣ, подъ ребрами, самый хитонъ растерзала
Бурная: Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгнули вновь длиннотѣнныя копья, и разомъ
Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, не легко одолимые вепри—и пр.

Во всякомъ случаѣ, Иліада Гомера, понятная въ русскихъ гекзаметрахъ только избраннымъ, составляетъ капитальный трудъ и неумирающую славу Гнѣдича, здоровье котораго, ослабленное усидчивою дѣятельностью и постояннымъ умственнымъ напряженіемъ, въ 1830 г. разстроилось на столько, что въ 1831 г. Гнѣдичъ долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи искуственныхъ минеральныхъ водъ и, съ этою цѣлью, отправился въ Москву, гдѣ онъ, присутствуя на погребеніи А. А. Дельвига, предчувственно отнесся къ почившему поэту слѣдующимъ двустишіемъ:

Другъ, до свиданія! Скоро и я насляждусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить.

Въ 1832 г. Гнѣдичъ издалъ въ Петербургѣ первое собраніе своихъ *Стихотвореній*, разсѣянныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, при чемъ многія изъ нихъ онъ передѣлалъ, иныя совсѣмъ выкинулъ, а слѣдующее написалъ вновь, озаглавивъ его *Думою:*

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ;
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Съ наступленіемъ 1833 г., въ альманахѣ «Альціона», явилось новое, прекрасное стихотвореніе Гнѣдича *Ласточка*, начинающееся такимъ воззваніемъ поэта:

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вешнія пѣсни!
Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой и веселый.
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу—

Это граціозное стихотвореніе было и лебединою пѣснію поэта: пораженный гриппомъ, Гнѣдичъ умеръ 3 февраля 1833 г., въ Петербургѣ, ровно 49 лѣтъ, продиктовавъ наканунѣ свое духовное завѣщаніе, исполнителю котораго, М. Е. Лобанову, онъ тогда же сказалъ: «Вспоминайте иногда обо мнѣ».—Тѣло его погребено на новомъ кладбищѣ александро-невской лавры.—«Природа—говоритъ одинъ изъ друзей лучшаго русскаго переводчика Гомера—надѣлила Гнѣдича прекрасною душею и свѣтлымъ умомъ. Довѣрчивый, пламенный и постоянный въ дружбѣ, онъ былъ отмѣнно пріятенъ въ дружескихъ бесѣдахъ. Все доброе, все изящное находило въ немъ восторженнаго любителя... Довольно было одного звука изъ твореній Гайдновъ и Моцартовъ, одного взгляда на созданія Рафаэлей и Микель-Анджеловъ, одного счастливаго стиха великихъ поэтовъ, чтобы страстная, пылкая душа его пришла въ восторгъ и упоеніе. Съ младенческимъ радушіемъ онъ ободрялъ литературныя начинанія молодыхъ писателей, оживлялъ ихъ дарованія, согрѣвалъ ихъ душу и воображеніе, поддерживалъ ихъ въ преодолѣніи трудовъ, привѣтствовалъ при окончаніи. Зависть, какъ и всякое чувство низкое, не имѣла доступа къ его благородному сердцу: онъ обнималъ соперника въ литературѣ съ такимъ же благородствомъ, съ какимъ умѣлъ чтить и превосходящее дарованіе». Печатныя доказательства всеобщаго расположенія, какимъ пользовался Гнѣдичъ, сохранились въ стихотворныхъ посланіяхъ къ нему Е. А. Баратынскаго, К. Н. Батюшкова, А. Ѳ. Воейкова, М. Н. Загоскина, И. И. Козлова, П. А. Плетнева, А. С. Пушкина, гр. Д. Н. Хвостова. Лучшимъ другомъ Гнѣдича былъ сослуживецъ его по имп. публичной библіотекѣ И. А. Крыловъ. Много было у Гнѣдича и такихъ, никому невѣдомыхъ, друзей, которымъ онъ благодѣтельствовалъ, любя дѣлать это втайнѣ. Какъ писатель, Н. И. Гнѣдичъ всегда будетъ занимать мѣсто въ исторіи русской литературы, принадлежащее ему по праву. Перелагатель Гомера гекзаметрами, не всѣмъ привычными и нравящимися, онъ тѣмъ не менѣе умѣлъ легко владѣть русскимъ риѳмованнымъ стихомъ—и доказалъ это, напр., слѣдующимъ посланіемъ А. С. Пушкину, по прочтеніи сказки его о царѣ Салтанѣ,—посланіемъ, едва ли не лучшимъ изъ всѣхъ, какія писались Пушкину:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній, иль Гёте, Шекспира,
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же, постигнувшій таинство русскаго духа и міра,
Пой намъ по-своему, Русскій Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Будь на Руси ты пѣвецъ *несравненный*.

Кромѣ Гомера, поэты, изъ которыхъ Гнѣдичъ любилъ заимствовать, были: Анакреонъ, Байронъ, Жильберъ, Мильтонъ, Оссіанъ, Шенье, Ѳеокритъ. Гомерова Иліада, въ переложеніи

Гнѣдича, издавалась трижды: въ 1829 г., въ 1839 г. и въ 1861 г.—Всѣ *Сочиненія* Гнѣдича весьма неполно изданы въ 1854 г. Смирдинымъ (въ одномъ томѣ съ сочиненіями Хемницера). Вся библіотека Гнѣдича, изъ 1250 сочиненій на разныхъ языкахъ, по духовному завѣщанію ея владѣльца, поступила въ собственность полтавской гимназіи. — Самая лаконическая и вѣрная характеристика Гнѣдича, какъ человѣка и писателя, заключается въ слѣдующей надписи на могильномъ памятникѣ, воздвигнутомъ ему друзьями и почитателями:

Гнѣдичу,
обогатившему
Русскую словесность
переводомъ Омира.
«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися». Иліада
Пѣснь I стих. 249.

НАДЕЖДИНЪ, Николай Ивановичъ, русскій писатель. Родился въ 1804 г. отъ бѣднаго священника въ селѣ Бѣлый-Омутъ, рязанской губерніи зарайскаго уѣзда, и тутъ, подъ призоромъ отца, провелъ свое дѣтство до 11-ти-лѣтняго возраста. Поступивъ, съ 1815 г., въ рязанскую семинарію, Надеждинъ, въ 1820 г., какъ отличный студентъ, былъ переведенъ въ московскую духовную академію, изъ которой, 20 октября 1824 г., выпущенъ магистромъ богословія, съ опредѣленіемъ въ рязанскую семинарію профессоромъ русской и латинской словесностей, а также нѣмецкаго языка, и 14 февраля 1825 г. утвержденъ отъ семинарскаго правленія въ должности библіотекаря.—Но дѣятельность въ провинціи, стѣсняемая принципами сословія, къ которому по рожденію и воспитанію принадлежалъ Надеждинъ, не могла удовлетворить молодаго ученаго, полнаго жизни, силъ, стремленія къ знаніямъ, наконецъ, самыхъ знаній—и 9 октября 1826 г. Надеждинъ, согласно его прошенію, по болѣзни, уволенъ коммиссіей духовныхъ училищъ отъ семинарскихъ должностей, а вмѣстѣ, и изъ духовнаго званія, для поступленія въ гражданскую службу.—Пробывъ нѣкоторое время на своей родинѣ, Надеждинъ въ 1827 г. пріѣхалъ въ Москву, кипѣвшую тогда самой разнообразной литературно-полемической дѣятельностью, здѣсь пристроился къ партіи М. Т. Каченовскаго и съ 1828 г. началъ печатать въ «Вѣстникѣ Европы» свои статьи, подъ псевдонимомъ *Надоумко*. Статьи эти, продолжавшіяся и въ 1829 г., были, большею частью, обширные и неблагопріятные разборы сочиненій Пушкина и поэтовъ его школы, писанные тяжело и безвкусно, хотя съ учеными пріемами и грубою оригинальностью, что дало поводъ Пушкину, въ его извѣстной эпиграммѣ: *Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ*, напечатанной бар. Дельвигомъ въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1830 г., осмѣять Надеждина, назвавъ его рецензіи «лакейскими диссертаціями».—Кромѣ разборовъ сочиненій Пушкина въ «Вѣстникѣ Европы» 1829 г., Надеждинъ тогда же напечаталъ въ №№ 14—16 «Московскаго Вѣстника» статью *О переводѣ Гораціевыхъ одъ В. Орловымъ*, а въ 1830 г. помѣстилъ въ ч. V «Трудовъ и лѣтописей общества исторіи и древностей въ Москвѣ» свое любопытное *Предначертаніе историко-критическаго изслѣдованія древне-русской системы удѣловъ*. Готовясь однако, между этими занятіями, къ дѣятельности болѣе сосредоточенной, Надеждинъ въ 1830 г. выдержалъ въ словесномъ отдѣленіи московскаго университета экзаменъ на степень доктора этико-филологическихъ наукъ и, по этому случаю, напечаталъ разсужденіе на латинскомъ языкѣ: De origine, natura et fatis Poëseos, quae Romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica, по защищеніи тезисовъ котораго публично, на латинскомъ же языкѣ, утвержденъ, 24 сентября 1830 г., въ степени доктора. — Тогда уже занятый мыслью посѣтить чужіе краи, неосуществимою безъ средствъ матеріальныхъ, Надеждинъ, для пріобрѣтенія себѣ такихъ средствъ, въ размѣрѣ, достаточномъ на заграничную поѣздку, съ 1831 г. началъ издавать въ Москвѣ *Телескопъ*, «журналъ современнаго просвѣщенія», и при немъ *Молву*, «газету модъ и новостей», выходившіе: журналъ—дважды въ мѣсяцъ, а газета—еженедѣльно, иногда и ежедневно. Появленіе новаго московскаго журнала было сочувственно встрѣчено публикой, особенно молодежью, даже петербургской, между тѣмъ какъ самъ издатель «Телескопа» и «Молвы», въ томъ же 1831 г., съ 5 декабря, по приглашенію дирекціи имп. московскихъ театровъ, преподавалъ въ московской театральной школѣ логику, россійскую словесность и миѳологію, а 26 декабря—утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора теоріи изящныхъ искуствъ и археологіи въ московскомъ университетѣ. 27-милѣтній журналистъ и профессоръ, избранный съ 1832 г. членомъ университетскихъ комитетовъ: училищнаго и для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, назначенный, кромѣ того, завѣдывать университетскимъ минцъ-кабинетомъ, Надеждинъ, скоро привлекъ къ себѣ вниманіе и читателей и слушателей, изумлялъ однихъ обширностью и разнообразіемъ знаній, сильно дѣйствовалъ на другихъ рѣдкимъ умѣньемъ сочетать любовь къ истинѣ ученой съ искуствомъ внушать эту любовь мало посвященнымъ—и не замедлилъ стяжать общее уваженіе, хотя «его критическія статьи въ «Телескопѣ», подъ псевдонимомъ *Надоумки*, замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ, не смотря на много дѣльнаго, высказывавшагося въ нихъ, не нравились въ Петербургѣ по своему тону, отзывавшемуся нѣсколько бурсою».—Независимо отъ того или другого тона, иныя статьи «Телескопа» и по самому содержанію не нравились лицамъ высокопоставленнымъ, изъ которыхъ, напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ (тогда еще не графъ) очень вознегодовалъ на издателя «Телескопа» за помѣщеніе въ послѣднемъ безъименной статьи: *О первой раздачѣ Демидовскихъ наградъ* (написанной Н. А. Мельгуновымъ), но посѣтивъ безъ предваренія, въ бытность свою въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1832 г., лекцію Надеждина объ ученіи Канта и Фихте, заслушался краснорѣчиваго профессора и, при выходѣ изъ аудиторіи, громко сказалъ окружающимъ: «Въ первый разъ вижу, чтобы человѣкъ, который такъ дурно пишетъ, могъ говорить такъ прекрасно!»—Избранный съ 1833 г. секретаремъ московскаго университета, Надеждинъ, въ томъ же году, составлялъ *Опытъ теоріи изящныхъ искуствъ*, для руководства студентовъ, и *Энциклопедическій курсъ словесности*, для учебнаго заведенія профессора Павлова, при чемъ, на университетскомъ актѣ 6 іюля, произнесъ свою извѣстную рѣчь: *О современномъ направленіи изящныхъ искуствъ*, а въ 1834 г. онъ, кромѣ служебной визитаціи нѣкоторыхъ гимназій и училищъ московскаго учебнаго округа, участвовалъ въ изданіи «Ученыхъ записокъ московскаго университета», за что, 6 августа, ему объявлено высочайшее благоволеніе. — Со введеніемъ новаго университетскаго устава, которымъ, между прочими измѣненіями, упразднялась каѳедра эстетики и археологіи, Надеждинъ, 29

мая 1835 г., по собственному прошенію, былъ уволенъ отъ университетской службы и, поручивъ изданіе «Телескопа» съ «Молвою» одному изъ своихъ пріятелей, осенью же, вмѣстѣ съ гг. Погодинымъ, Кирѣевскимъ и Княжевичемъ, посѣтилъ Кіевъ, оттуда, уже съ однимъ Княжевичемъ, проѣхалъ въ Крымъ и на берега Чернаго моря, а въ началѣ 1836 г. увидѣлъ Парижъ.—Но съ возвращеніемъ Надеждина изъ-за границы, надъ нимъ стряслась бѣда: «Телескопъ», за помѣщеніе въ немъ статьи предосудительнаго содержанія по отношенію къ православной церкви, былъ запрещенъ и прекращенъ, а самъ Надеждинъ, допрошенный въ Петербургѣ, приговоренъ къ удаленію на жительство въ Устьсысольскъ, уѣздный городъ вологодской губерніи. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Надеждинъ, приневоленный грозившею ему въ ссылкѣ нуждою, поспѣшилъ заручиться у Сеньковскаго и Плюшара, прежде съ нимъ незнакомыхъ, заказами литературныхъ работъ въ «Библіотеку для Чтенія» и «Энциклопедическій лексиконъ», а въ Москвѣ распорядился печатаніемъ, отъ его имени, выборки изъ всѣхъ шести лѣтъ «Телескопа», изданной въ 1836 г. подъ названіемъ: *Сорокъ одна повѣсть лучшихъ иностранныхъ писателей*, въ 12 частяхъ,—и въ 1837 г. былъ уже въ Устьсысольскѣ, куда, по забавной игрѣ случая, ему пришлось въѣхать въ годовщину того самаго дня, въ который, всего годъ назадъ, онъ въѣзжалъ въ Парижъ.—Поселясь въ Устьсысольскѣ, Надеждинъ занялся преимущественно археологическими изслѣдованіями края, трудился надъ изысканіемъ зырянскихъ древностей, завелъ литературныя сношенія съ редакціей «Воскреснаго Чтенія» въ Кіевѣ и, кромѣ группы статей для VIII—XII томовъ «Энциклопедическаго лексикона»—каковы напр., статьи, по русской и славянской исторіи, географіи и этнографіи: *Великая Россія*, *Великій князь*, *Великій царь*, *Венеды*, *Венды*, *Винды*, *Весь*, *Вогуличи*, *Великій Устюгъ*, *Вологодская губернія*, *Вологда*, *Вымь*, *Вычегда* и проч.—выслалъ въ «Библіотеку для Чтенія» 1837 г. болѣе или менѣе любопытныя изслѣдованія, а именно: *Объ историческихъ трудахъ въ Россіи*, *Объ исторической истинѣ и достовѣрности*, *Опытъ исторической географіи Россіи*, наконецъ, даже въ «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» того же 1837 г. сообщилъ замѣтку: *Съ чего должно начинать исторію?* и живо-написанную статейку: *Очерки Швейцаріи*.—Въ январѣ 1838 г. Надеждинъ былъ переселенъ изъ Устьсысольска въ Вологду и, обрадованный этимъ, писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Гнѣвъ провидѣнія начинаетъ прелагаться на милость. Я уже тысячью верстами ближе къ свѣту. Я уже опять на Руси, между людьми, а не въ Лукоморьѣ, среди Югры, языка нѣма». Тутъ, въ Вологдѣ, Надеждинъ продолжалъ писать статьи для «Энциклопедическаго лексикона» и, въ апрѣлѣ 1838 г., получилъ совершенную свободу, пользуясь которою онъ, лѣтомъ того же года, пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда увезенъ другомъ своимъ, Д. М. Княжевичемъ, въ Одессу «отогрѣваться отъ вологодской прохлады». Но, преобразованный ссылкою изъ бывшаго эстетика въ настоящаго историка-этнографа, Надеждинъ и въ Одессѣ, подъ кровомъ дружбы, не измѣнялъ новому роду своей дѣятельности, что доказываютъ тогда же написанныя имъ статьи: *Народная поэзія у Зырянъ*—для альманаха «Утренняя Заря» 1839 г., *Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ* и *Русская Альгамбра* (Бахчисарай)—обѣ для «Одесскаго Альманаха» 1839 г.—Въ половинѣ 1839 г. Надеждинъ, отдохнувшій и поправившійся, съѣздилъ въ Москву и на родину, въ рязанскую губернію, а по возвращеніи въ Одессу изготовилъ статью: *Черногорцы*, для альманаха «Утренняя Заря» 1840 г., и обширную статью, почти книгу: *Прогулка по Бессарабіи*, для «Одесскаго Альманаха» 1840 г., изготовилъ также рѣчь: *О важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго края*, которую и произнесъ лично, 5 февраля 1840 г., въ торжественномъ собраніи одесскаго общества исторіи и древностей, праздновавшаго тогда свое открытіе.—Затѣмъ, написавъ для журнала «Сынъ Отечества» опытъ историко-біографическаго этюда: *Палладій Роговскій, первый русскій докторъ*, Надеждинъ собрался во второе заграничное путешествіе: «Ѣду я далеко—писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, отъ 16 іюня 1840 г., изъ Одессы. Хочу объѣхать Балканъ и Карпатъ, эти родимыя гнѣзда нашего доблестнаго рода и могучаго языка. Ѣду черезъ Молдавію, Валахію, Седмиградію, Сербію и Венгрію—сначала до Вѣны; потомъ, побывши въ Прагѣ и Минхенѣ,—спускаюсь въ Италію до Неаполя. Оттуда хочу пробраться черезъ Адріатику—до Рагузы (Дубровника) и Черной Горы, и по Далматскому берегу, черезъ Кроацію и Стирію, опять въ Вѣну. Изъ Вѣны уже обыкновенною дорогою проѣду во Львовъ, и думаю заглянуть къ венгерскимъ руснякамъ въ сѣверо-восточные комитаты; буду и на развалинахъ Галича».—Это путешествіе, такъ умно задуманное и продолжавшееся почти годъ, значительно увеличило и безъ того обширный запасъ разнообразныхъ свѣдѣній самого путешественника, который, въ это двухлѣтіе, заявилъ свою учено-литературную дѣятельность интересною замѣткою: *Письмо изъ Вѣны о сербскихъ пѣсняхъ*—въ «Москвитянинѣ» 1841 г., и капитальною статьею *О нарѣчіяхъ русскаго языка*, въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Litteratur», замѣчательною въ особенности тѣмъ, что она писалась въ дорогѣ, безъ источниковъ подъ руками, съ приведеніемъ ссылокъ на память.—Главнымъ же плодомъ заграничной поѣздки Надеждина въ 1840—1841 г. было, кромѣ изученія славянской этнографіи, близкое знакомство пытливаго изслѣдователя съ бытомъ австрійскихъ липовановъ, послужившее ему впослѣдствіи богатымъ матеріаломъ для его высоко-интересныхъ (хотя, къ сожалѣнію, составляющихъ еще канцелярскую тайну) трудовъ по объясненію новѣйшей исторіи русскаго раскола.—Возвратившись изъ-за границы, Надеждинъ остановился въ Одессѣ, у Княжевича, тутъ написалъ повѣсть *Сила воли*, напечатанную во II томѣ сборника «Сто русскихъ литераторовъ» 1841 г.; тутъ же, въ Одессѣ, издалъ, въ 1842 г., книжку: *Родъ Княжевичей*—и отправился въ Петербургъ, гдѣ тогда же печаталась въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» его *Записка* о путешествіи совершенномъ имъ въ 1840—1841 г.—Приглашенный въ 1843 г. снова на службу, чиновникомъ по особымъ порученіямъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Надеждинъ съ 1844 г. принялъ на себя редакцію «Журнала министерства внутреннихъ дѣлъ» и, продолжая оставаться ревностнымъ сотрудникомъ одесскаго общества исторіи и древностей, явился замѣчательнѣйшимъ, по своему времени, русскимъ историко-этнографомъ, дѣятельность котораго, въ какіе нибудь четыре года, выразилась многочисленными учено-литературными трудами, положительно полезными дѣлу русской науки. Изъ этихъ трудовъ, въ промежутокъ времени отъ 1844 до 1848 г,, были напечатаны слѣдующія болѣе или менѣе обширныя изс-

канія, описанія и замѣтки: въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ»—*Новороссійскія степи; Сѣверо-западный край имперіи въ прежнемъ и настоящемъ видѣ* (двѣ статьи); *Племя русское въ общемъ семействѣ Славянъ*; *Пержавскій монастырь въ Бессарабіи; Избраніе верховнаго патріарха католикоса-армяно-григоріанской церкви*; *На что должно обращать вниманіе при исчисленіи народонаселенія? Изслѣдованіе о городахъ русскихъ* (три статьи); *Объемъ и порядокъ обозрѣнія народнаго богатства, составляющаго предметъ хозяйственной статистики*; *Городъ Зарайскъ, въ старину и нынѣ*; въ «Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей»—*Геродотова Скиѳія, объясненная чрезъ сличеніе съ мѣстностями*; *О мѣстоположеніи древняго Пересѣчена, принадлежавшаго народу Угличамъ*; критическій разборъ сочиненія *доктора Линднера: Skythien und die Skythen des Herodot*; *Разборъ путешествія Всеволожскаго*; Отчетъ о путешествіи (своемъ), *совершенномъ въ 1840—1841 г. по южно-славянскимъ землямъ*. Съ учрежденіемъ, въ 1845 г., русскаго географическаго общества, Надеждинъ избранъ его дѣйствительнымъ членомъ и «былъ однимъ изъ тѣхъ членовъ—говоритъ г. Срезневскій, которыя, понимая высокое назначеніе географическаго общества въ Россіи, содѣйствовали развитію его благотворной дѣятельности по тому счастливому направленію, которое пріобрѣло ему теперь общее уваженіе во всей Россіи». Труды Надеждина, какъ дѣйствительнаго члена русскаго географическаго общества, обозначились особенно съ 1848 г., когда онъ напечаталъ въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ» обширное *Дополненіе къ розысканіямъ Погодина о городахъ и предѣлахъ древнихъ русскихъ княжествъ* и сдѣлался первымъ редакторомъ «Географическихъ извѣстій», новаго изданія, предпринятаго русскимъ географическимъ обществомъ. Между срочными хлопотами по этому изданію, Надеждинъ не оставилъ помѣстить въ «Запискахъ географическаго общества» 1849 г. изслѣдованіе *Объ этнографическомъ изученіи русской народности*, а въ редактируемыхъ имъ «Географическихъ извѣстіяхъ» 1850 г.—назидательное *Извѣстіе о жизни и трудахъ преосвященнаго Іакова, архіепископа нижегородскаго и арзамасскаго*, съ чѣмъ вмѣстѣ, онъ, по случаю своего избранія предсѣдательствующимъ отдѣленія этнографіи русскаго географическаго общества, въ томъ же 1850 г. составилъ *Программу для лицъ, желающихъ доставлять этнографическія описанія въ имп. русское географическое общество*, дважды разсылавшуюся по всей Россіи. Съ наступленіемъ 1851 г., Надеждинъ измѣнилъ «Географическія извѣстія» въ «Вѣстникъ имп. русскаго географическаго общества», и, въ теченіе года, при всѣхъ другихъ занятіяхъ, напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» критическую статью *О философическихъ наблюденіяхъ Павскаго надъ составомъ русскаго языка*, которую, подъ тѣмъ же названіемъ, но въ другомъ видѣ, онъ внесъ и въ «Вѣстникъ русскаго географическаго общества» 1852 г., украшенный его же разборомъ извѣстнаго сочиненія К. А. Неволина: *О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ*.—Въ 1853 г. изданъ географическимъ обществомъ I томъ «Этнографическаго Сборника», вышедшій подъ редакціей Надеждина и К. Д. Кавелина, но задуманный, собранный и систематизированный Надеждинымъ, который, для дальнѣйшихъ томовъ этаго, во всѣхъ отношеніяхъ, дѣльнаго изданія, уже подобралъ громадный матеріалъ изъ древнихъ русскихъ лѣтописей, долженствовавшій подвергнуться этнографической разработкѣ. Послѣднюю однакожъ не удалось довершить самому Надеждину, съ которымъ, въ августѣ того же 1853 г., случился нервный ударъ, едва не стоившій ему жизни, но лишавшій его возможности работать пристально и усидчиво впредь. И хотя, черезъ три мѣсяца послѣ этаго случая, Надеждинъ могъ уже, явившись въ засѣданіе географическаго общества, восхитить сочленовъ чтеніемъ своей прекрасной замѣтки *О значеніи русскихъ народныхъ преданій въ ихъ примѣненіи къ географіи и этнографіи*, хотя, съ наступленіемъ весны 1854 г., онъ самъ одушевился надеждою выздоровѣть совершенно,—дни его были сочтены. Весна 1855 г. уже не принесла Надеждину никакихъ надеждъ. Больной тѣломъ и разслабленный духомъ, онъ усиливался еще ежедневно посвящать нѣсколько утреннихъ часовъ переводу одного изъ томовъ географіи Риттера и, по просьбѣ друзей, писать, большею частью, въ постелѣ, свою *Автобіографію* (доведенную до 1841 г.), а 27 декабря—даже собралъ у себя на квартирѣ членовъ этнографическаго отдѣленія, съ которыми имѣлъ засѣданіе. Но страданія одолѣли мощную натуру Надеждина и 11 января 1856 г. онъ умеръ, въ Петербургѣ, на 52-мъ году дѣятельной жизни. Тѣло его погребено тамъ же, на Смоленскомъ кладбищѣ.—«Наружность Надеждина—пишетъ одинъ изъ знавшихъ его уже послѣ ссылки—была мало привлекательна. Черты болѣзненнаго, осунувшагося и побагровѣвшаго лица его были рѣзки; у него былъ длинный красный носъ, ротъ почти до ушей, раскрывавшійся совсѣмъ не только при смѣхѣ, даже при улыбкѣ, и обнаруживавшій не только зубы, даже десны. Манеры его были неуклюжи и аляповаты, голосъ крикливъ. Въ минуты одушевленія, онъ издавалъ какіе-то звуки, похожіе на рычаніе, и дикія восклицанія, въ родѣ: «а-га-га-га!» Но не смотря на все это, онъ имѣлъ въ себѣ много симпатическаго. Такова сила ума».—«Надеждинъ—говорится въ одной изъ некрологическихъ замѣтокъ о немъ,—при глубокомъ, обширномъ, всестороннемъ образованіи, владѣлъ замѣчательнымъ даромъ слова и не былъ сухимъ спеціалистомъ, а принималъ живое, пылкое участіе во всѣхъ современныхъ вопросахъ, касались ли они науки, искуствъ или политики. Въ бесѣдѣ съ пріятелями, съ людьми близкими и короткими, онъ былъ увлекателенъ въ высшей степени. Рѣчь его была всегда разнообразна, одушевлена, исполнена тонкихъ и мѣткихъ наблюденій и свѣтлаго, блестящаго ума. Въ немъ не было ни малѣйшаго признака ученой ограниченности и сухости, ни малѣйшей тѣни педантизма. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы, тяжкая болѣзнь, томившая и угнетавшая его, потушила въ немъ заживо этотъ свѣтъ и блескъ».—Какъ писатель и ученый разносторонній, Надеждинъ былъ усерднымъ вкладчикомъ въ сокровищницу самостоятельной русской науки—и этаго не забудетъ ему исторія русскаго просвѣщенія. Горячій сочувственникъ всякому научному начинанію, неутомимый подвижникъ въ дѣлѣ кабинетнаго труда, просвѣщенный вожатай на пути практически полезныхъ изслѣдованій, Надеждинъ могъ бы, можетъ быть, оставить по себѣ слѣдъ несравненно глубже, еслибъ онъ, при убѣжденіяхъ болѣе твердыхъ, опредѣленнѣе сосредоточилъ на чемъ-нибудь свою кипучую дѣятельность, не расходуя ее безразлично то на ученыя, то на литературныя, то на служебныя занятія,—одинаково обличавшія въ немъ дѣятеля, на все способнаго.—Изъ напечатанныхъ сочине-

ній Надеждина, кромѣ перечисленныхъ выше, извѣстно еще чрезвычайно любопытное, но, къ сожалѣнію, весьма мало распространенное, изслѣдованіе *О скопческой ереси*—трудъ знатока, имѣвшаго подъ руками документы, далеко не всѣмъ доступные. По смерти Надеждина, найдены въ его бумагахъ и остаются неизданными: 1) *Духовная статистика Сиріи и Палестины*—большое сочиненіе, повидимому, оконченное; 2) *Исторія православной церкви въ Молдавіи, Валахіи, Булгаріи и матеріалы для полной исторіи православія внѣ Россіи*»; 3) *Путешествіе его за границу*, въ видѣ дневныхъ записокъ.—Н. И. Надеждинъ женатъ не былъ.

МАЙКОВЪ, Аполлонъ Николаевичъ, русскій поэтъ, родился, 23 мая 1821 года, въ Москвѣ, а дѣтство свое провелъ частью въ нашей древней столицѣ, частью же въ деревнѣ своего отца, въ 60 верстахъ отъ Москвы по Троицкой дорогѣ. Такимъ образомъ, будущему поэту съ дѣтства были знакомы и близки какъ образы русской старины, сохраненные въ московскихъ достопамятностяхъ, такъ и картины народной русской жизни. Онъ самъ разсказываетъ первыя впечатлѣнія своего дѣтства въ слѣдующихъ стихахъ изъ поэмы «Рыбная ловля»:

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою.
Бывало, въ вечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ дѣтей
Сидимъ на берегу подъ елкою густою,
Руками изъ ведра добычу достаемъ
И шепотомъ объ ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ.
Съ лѣтами за отцемъ, по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать.... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря по небесамъ струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится.

Отецъ поэта, извѣстный живописецъ Николай Аполлоновичъ Майковъ, началъ службу офицеромъ въ славный годъ отечественной войны. Раненый подъ Бородинымъ, онъ лѣчился въ Ярославской губерніи, въ деревнѣ своего дяди и, отъ нечего дѣлать, вздумалъ заняться рисованіемъ. Два года спустя, когда онъ, состоя въ дѣйствующей арміи, посѣтилъ Парижъ, то здѣсь между прочимъ купилъ себѣ краски, до которыхъ однако не дотрогивался семь лѣтъ. Въ 1820 г., случайно открывъ у себя эту заграничную покупку, Николай Аполлоновичъ Майковъ снова принялся за кисть и уже не покидалъ ее болѣе. Съ этихъ поръ въ семействѣ Майковыхъ водворилась любовь къ искусству, и подъ ея вліяніемъ образовались художественныя дарованія Аполлона Николаевича Майкова. Въ 1833 году онъ былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и помѣщенъ въ пансіонъ къ своему дядѣ, который приготовлялъ молодыхъ людей въ военноучебныя заведенія. Здѣсь собственно Аполлонъ Николаевичъ началъ учиться и, между прочимъ, обнаружилъ большія способности къ математикѣ. Въ три года онъ прошелъ весь гимназическій курсъ и, въ 1836 г., поступилъ на юридическій факультетъ с.-петербургскаго университета. Юридическій факультетъ былъ избранъ по совѣту одного изъ друзей Николая Аполлоновича,—Владиміра Андреевича Солоницына (*), который окончательно подготовилъ Аполлона Николаевича къ поступленію въ университетъ, развилъ въ немъ вкусъ и возбудилъ интересъ къ литературѣ,—въ чемъ не мало содѣйствовалъ ему и будущій авторъ «Обыкновенной Исторіи» и «Обломова», тогда молодой кандидатъ московскаго университета Иванъ Александровичъ Гончаровъ; онъ преподавалъ Аполлону Николаевичу русскую словесность. Съ первыхъ лѣтъ пребыванія своего въ университетѣ Майковъ сблизился съ нѣсколькими молодыми людьми, которые впослѣдствіи, подобно ему, выступили на литературное поприще. Въ числѣ ихъ назовемъ С. С. Дудышкина, М. П. Заблоцкаго, Я. А. Соловьева, В. А. Солоницына, П. М. Цейдлера.—Но для самого Майкова литература была въ то время еще дѣломъ постороннимъ: съ дѣтства еще онъ обнаружилъ способности въ живописи и, развивая ихъ подъ руководствомъ своего отца, съ жаромъ занимался тогда этимъ искусствомъ, такъ что одна изъ картинъ его, изображающая Распятіе, была куплена въ устраивавшуюся тогда католическую капеллу для бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны. Въ эту пору молодой человѣкъ такъ былъ преданъ занятіямъ живописью, что даже первый стихотворный опытъ, написанный имъ по 16-му году, стоялъ въ связи съ ними. Мотивомъ для перваго стихотворенія Аполлону Николаевичу послужило разочарованіе,—не то искусственное разочарованіе, которое было въ модѣ въ 30-хъ годахъ, а совершенно личное чувство, порожденное какой-то неудачей въ дѣлѣ живописи. Даже по выходѣ изъ университета, Аполлонъ Николаевичъ думалъ посвятить себя этому искусству и съ такою цѣлью предполагалъ отправиться за границу, но близорукость и слабость зрѣнія принудили его навсегда разстаться съ любимымъ искусствомъ; а въ то же время, успѣхъ нѣсколькихъ его стихотвореній, которыми онъ еще на университетской скамьѣ обратилъ на себя вниманіе профессоровъ П. А. Плетнева и А. В. Никитенко, побудилъ его заняться литературою. Въ 1840 г. впервые стихотворенія Аполлона Николаевича появились въ печати, а въ 1842 г., черезъ годъ по выходѣ Майкова изъ университета, изданъ имъ первый сборникъ его стихотвореній, заслужившій молодому поэту самыя горячія похвалы Бѣлинскаго. Въ томъ же году Аполлонъ Николаевичъ отправился за границу, гдѣ пробылъ до 1844 года, при чемъ болѣе года провелъ въ Италіи.—Прежнія занятія Майкова древностью и живописью послужили ему хорошей школой, которая подготовила его для пониманія художественныхъ сокровищъ Италіи. Кромѣ того, Аполлонъ Николаевичъ прожилъ около полугода въ Парижѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валеріаномъ, и здѣсь молодые люди посѣщали лекціи Сорбонны и Collège de France. Высокодаровитый второй братъ поэта много содѣйствовалъ дальнѣйшему его научному образованію. Но между тѣмъ какъ по возвращеніи въ Россію Валеріанъ Николаевичъ вступалъ на поприще публициста и критика, для Аполлона Николаевича плоды научныхъ занятій выразились не въ научной формѣ. Въ 1845 — 1847 годахъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ напечаталъ поэму «Двѣ Судьбы» и сборникъ стихотвореній «Очерки Рима», въ которыхъ выразились его впечатлѣнія отъ пребыванія въ Италіи. Почти въ тоже время имъ написано еще нѣсколько большихъ пьесъ, въ которыхъ онъ впервые коснулся мотивовъ изъ русской жизни. Таковы: «Грезы», «Машенька», «Барышня». Кромѣ того, съ 1847 г. по 1852 г., А. Н. Майковъ напечаталъ нѣсколько прозаическихъ разсказовъ, изъ которыхъ наиболѣе удачный «Пикникъ во Флоренціи» (въ «Современникѣ», 1848 г.), участвовалъ въ

(*) В. А. Солоницынъ одно время былъ соредакторомъ О. И. Сенковскаго, въ изданіи Библ. для Чтен., и помѣщалъ въ ней свои критическія статьи и переводы англійскихъ романовъ.

критическомъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ» и написалъ нѣсколько статей о художественныхъ выставкахъ (въ «От. Зап». и «Соврем.»). Но чисто поэтическое творчество по прежнему оставалось преобладающею дѣятельностью поэта. Въ этотъ періодъ времени имъ написана поэма «Савонарола» и первая половина драматическаго очерка «Три Смерти». — Въ слѣдующія за тѣмъ десять лѣтъ талантъ Майкова окончательно опредѣлился и окрѣпъ, и поэтъ подарилъ русской литературѣ длинный рядъ произведеній, въ которыхъ мелькаютъ самыя разнообразныя пережитыя имъ впечатлѣнія — начиная отъ образовъ природы русской и итальянской (въ 1858—1859 годахъ Аполлонъ Николаевичъ снова былъ за границей) до разныхъ событій современности и даже до грандіозныхъ историческихъ картинъ. Наконецъ въ самые послѣдніе годы поэтъ, все болѣе и болѣе отдаваясь изученію русской исторіи, почти изъ одного только этого источника черпаетъ свое вдохновеніе. Въ теченіе послѣдняго періода Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ написаны, кромѣ множества мелкихъ стихотвореній, слѣдующія капитальныя вещи: вторая часть драмматическаго отрывка «Три смерти», поэма «Сны», «Жрецъ», «Исповѣдь Королевы», «Констанцкій Соборъ», «Бабушка и Внучекъ», «Упраздненный Монастырь», «Ломоносовъ» драматическая сцена «Странникъ», заимствованная изъ исторіи раскола; «Переложеніе восьми главъ изъ апокалипсиса», «Карамзинъ», «Стрѣлецкое сказаніе о царевнѣ Софьѣ»; кромѣ того имъ переданы по-русски нѣкоторыя изъ пѣсенъ сербскаго эпоса, и проч. Какъ лучшія изъ прежнихъ стихотвореній Майкова, такъ и произведенія послѣднихъ лѣтъ собраны имъ въ двухъ сборникахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ 1858 г. въ 2-хъ частяхъ, подъ заглавіемъ «Стихотвореній; а другой въ 1864 г. въ одной книжкѣ, подъ заглавіемъ «Новыхъ Стихотвореній». — Что касается до служебнаго поприща Аполлона Николаевича Майкова, то, по окончаніи курса въ университетѣ, онъ былъ опредѣленъ въ департаментъ государственнаго казначейства, потомъ служилъ библіотекаремъ въ румянцовскомъ музеѣ, а въ 1852 году (годъ его женитьбы) перешелъ въ комитетъ иностранной цензуры младшимъ цензоромъ, гдѣ служитъ и по настоящее время.

БОГДАНОВИЧЪ, Ипполитъ Ѳедоровичъ, рускій писатель. Происходилъ изъ малороссійскихъ дворянъ, родился, 23 декабря 1743 г., полтавской губерніи въ м. Переволочно, и получая первоначальное образованіе подъ руководствомъ своихъ родителей, съ дѣтства обнаруживалъ страстную любовь къ чтенію, рисованію, музыкѣ, стихотворству, а въ 1754 г., т. е. 10-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, былъ уже отправленъ въ Москву, гдѣ, по желанію отца, снискивавшаго пропитаніе службою въ Переволочнѣ, опредѣленъ въ юстицъ-коллегію юнкеромъ. Тогдашній президентъ этой коллегіи, Н. А. Желябужскій, замѣтивъ въ отрокѣ-малороссѣ положительную склонность къ наукамъ, дозволилъ ему, вмѣсто переписыванія бумагъ, учиться въ математической школѣ, существовавшей при сенатской конторѣ. Но отрокъ-малороссъ, вмѣсто того, чтобъ углубляться въ ариѳметику и геометрію, заучивалъ наизусть стихотворенія Ломоносова и усердно посѣщалъ театральныя представленія, возбудившія въ немъ самомъ желаніе быть актеромъ. Съ заявленіемъ такого желанія Богдановичъ явился однажды къ директору московскаго театра, М. М. Хераскову, который, полюбовавшись юношескою пылкостью просителя, не только отсовѣтовалъ ему вступать на сцену, но тутъ же записалъ его въ университетъ, а для большаго удобства въ занятіяхъ — предложилъ ему помѣщеніе у себя въ домѣ. — Подъ ближайшимъ надзоромъ Хераскова и руководствомъ университетскаго профессора А. А. Барсова, Богдановичъ на столько развилъ свои литературныя способности, что могъ уже съ успѣхомъ выступить на писательское поприще въ журналѣ *Полезное Увеселеніе*, выходившемъ при университетѣ въ 1760—1762 гг. Печатавшіяся тутъ стихотворенія Богдановича, хотя и были еще весьма несовершенными опытами, но уже обличали въ авторѣ талантъ не дюжинный, а потому снискали Богдановичу еще одного мецената — въ лицѣ кн. М. И. Дашкова. Впрочемъ, независимо отъ надеждъ въ будущемъ, личность юноши-поэта была сама по себѣ привлекательна: «Осьмнадцати лѣтъ — говоритъ одинъ изъ современниковъ Богдановича — онъ казался еще младенцемъ въ свѣтѣ; говорилъ, что думалъ; дѣлалъ, что хотѣлъ; любилъ слушать умные разговоры и засыпалъ отъ скучныхъ. Къ счастію, поэтъ жилъ у поэта, который требовалъ отъ него хорошихъ стиховъ, а не рабскаго наблюденія свѣтскихъ обыкновеній, и забавляясь иногда его невинностію, любилъ въ немъ какъ дарованіе, такъ и рѣдкое добродушіе. Богдановичъ отъ искренности своей казался иногда смѣлымъ; но если слово его оскорбляло человѣка, то онъ готовъ былъ плакать отъ раскаянія; чувствовалъ нужду въ осторожности и, черезъ десять минутъ, слѣдовалъ опять движенію своей природной откровенности...». Въ 1761 г., Богдановичъ, благодаря милостивому вниманію своихъ покровителей, былъ опредѣленъ въ число университетскихъ надзирателей, съ чиномъ офицера, а въ 1762 г., по воцареніи имп. Екатерины II, онъ избранъ въ члены коммиссіи торжественныхъ пріуготовленій, гдѣ сочинялъ *надписи для тріумфальныхъ воротъ* или — по выраженію завистливаго Штелина, извѣстнаго своею пустотою *профессора аллегоріи* — «цѣлыя рѣчи въ стихахъ, вмѣсто надписей». Въ 1763 г., Богдановичъ, по ходатайству княг. Е. Р. Дашковой, причисленъ къ штату гр. Н. И. Панина и, съ того же года, началъ самъ издавать журналъ *Невинное Упражненіе*, въ которомъ поэтическое дарованіе издателя, блеснувъ удачнымъ переводомъ разныхъ стихотвореній Вольтера, особенно же поэмы его *На разрушеніе Лиссабона*, не переставало выражаться многими оригинальными произведеніями, по тому времени, довольно граціозными, какъ напр. эта выдержка изъ стиховъ *Къ Климень*:

> Чтобъ щастливымъ намъ быть,
> Я буду жить за тѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить,
> А ты меня люби за тѣмъ, чтобъ могъ я жить.

Въ 1764 г. Богдановичъ перемѣщенъ изъ штатныхъ чиновниковъ канцеляріи гр. Н. И. Панина въ иностранную коллегію переводчикомъ и, въ 1765 г., издалъ, въ Петербургѣ, свою поэму *Сугубое блаженство*, посвященную авторомъ наслѣднику престола, вел. кн. Павлу Петровичу. Въ 3-хъ пѣсняхъ этой небольшой поэмы разсыпано много недурныхъ стиховъ, напр. въ слѣдующемъ описаніи наслажденій человѣка до грѣхопаденія:

> Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
> Природою одной и сердцемъ наученъ;
> Какъ всякій взоръ ему казалъ его блаженство
> И всякимъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ;
> Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
> Которое его ко щастію вело,

И чувства лишь къ его довольствію служили;
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти;
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ;
Желалъ того, что онъ всегда имѣлъ во власти,
И, слѣдственно, имѣлъ онъ все, чего желалъ.

«Но поэма сія—говоритъ одинъ изъ біографовъ Богдановича—не произвела ощутительнаго впечатлѣнія въ публикѣ потому, что важный предметъ оной требовалъ зрѣлости дарованій». Въ 1766 г. покровители Богдановича выхлопотали своему protégé мѣсто секретаря при русскомъ посольствѣ въ Саксоніи — и Богдановичъ, вмѣстѣ съ министромъ кн. А. М. Бѣлосельскимъ, отправился въ Дрезденъ, гдѣ онъ провелъ два года, которые всегда считалъ счастливѣйшими въ своей жизни и до смерти вспоминалъ съ особымъ удовольствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, любезность кн. Бѣлосельскаго, блестящія собранія въ его домѣ, хорошія знакомства, живописныя окрестности города и драгоцѣнности искуствъ, въ немъ соединенныя,—не могли не повліять благотворно не только на воспріимчивую натуру Богдановича, но и на самое развитіе его піитическаго и другихъ талантовъ. «Гуляя по цвѣтущимъ берегамъ Эльбы—пишетъ современникъ Богдановича—и мечтая о нимфахъ, которыхъ они достойны; плѣняясь одушевленною кистью Корреджіо, Рубенса, Веронеза, и собирая въ ихъ картинахъ милыя черты для своей *Душеньки*, которая уже занимала его воображеніе, онъ въ то же время описывалъ конституцію Германіи и соглашалъ удовольствія человѣка свѣтскаго, любителя искуствъ, поэта, съ должностью ученаго дипломата». Въ 1768 г. Богдановичъ возвратился въ Россію—и тогда же въ журналѣ «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste», издававшемся съ 1765 г. въ Лейпцигѣ, явилось любопытное *Извѣстіе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ* (Nachricht von einigen russischen Schriftstellern u.s.w.), гдѣ о будущемъ авторѣ *Душеньки* сдѣланъ слѣдующій отзывъ: «Ипполитъ Богдановичъ, секретарь русскаго посланника при саксонскомъ дворѣ, князя Бѣлосельскаго, подарилъ намъ дидактическую поэму, подъ заглавіемъ: *Счастіе народа* (т. е. Сугубое блаженство), посвященную великому князю. Стихи въ ней плавныя, мысли благородны и сильны. Богдановичъ помѣстилъ также нѣсколько мелкихъ стихотвореній въ московскихъ ежемѣсячникахъ; элегіи его текучи и нѣжны. Онъ перевелъ комедію Вольтера: *Нанина*».—По возвращеніи своемъ въ Россію, Богдановичъ, окончательно посвятивъ себя словесности, началъ переводить разныя статьи изъ *Энциклопедіи*; передалъ по-русски *Мысли аббата Сенъ-Пьера о вѣчномъ мирѣ*; переложилъ русскими стихами *Пѣснь Екатеринѣ II Микеля Анджело Джіанетти*, за что удостоился быть представленнымъ императрицѣ; съ 1771 г. печаталъ переводъ Вертотовой *Исторіи бывшихъ перемѣнъ въ Римѣ*, а въ 1772 г. уже занялъ мѣсто въ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», гдѣ безпристрастный Н. И. Новиковъ отозвался о новомъ русскомъ писателѣ такъ: «Богдановичъ, Ипполитъ, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ переводчикъ, человѣкъ молодой, но искусный во словесныхъ наукахъ; также во французскомъ, итальянскомъ и россійскомъ языкахъ. Сочинилъ поэму *Сугубое блаженство*, довольно торжественныхъ, духовныхъ и анакреонтическихъ одъ, епистолъ, стансовъ, басенъ, сказокъ, сонетовъ, еклогъ, елегій, идиллій, эпиграммъ, писемъ и другихъ сатирическихъ сочиненій, которыя всѣ напечатаны въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, *Полезномъ Увеселеніи* 1760, 1761, 1762 г. въ Москвѣ, и другихъ книгахъ. Перевелъ съ италіянскаго языка *г. Мишеля Анжело Жіанети пѣснь*, ея императорскому величеству, съ совершеннымъ искуствомъ. Означенныя его поэма, пѣснь и нѣкоторыя оды напечатаны въ Петербургѣ и похваляются много знающими людьми». Продолжая до 1775 г. изданіе русскаго перевода «Исторіи» Вертота, въ 3 ч., Богдановичъ, въ 1776 г. былъ произведенъ въ ассессоры, въ 1777 г. напечаталъ *Историческое изображеніе Россіи*, произведеніе довольно слабое, о чемъ самъ авторъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ академику Миллеру, свидѣтельствуетъ такъ: «Ne recevant que des complimens de toutes parts, qui ne sont guére instructifs pour celui qui veut les mériter des Connoisseurs en Histoire, je ne me suis pourtant pas aveuglé sur ces complimens, et bien loin de croire mon ouvrage au dessus de critique, j'ai senti son imperfection même avant de le commencer, sur le plan que je devois choisir pour suivre le goût de la plupart de mes Compatriotes (*)». Равнодушный къ столь же невыгодному отзыву объ «Историческомъ изображеніи Россіи» въ журналѣ «С.-Петербургскій Вѣстникъ», начавшемъ выходить съ 1778 г., подъ редакціей Брайко, Богдановичъ, самъ сотрудникъ этаго журнала, уже былъ занятъ другимъ дѣломъ—писаніемъ своей знаменитой *Душеньки*. «Онъ жилъ тогда—повѣствуетъ его современникъ—на Васильевскомъ Острову, въ тихомъ, уединенномъ домикѣ, занимаясь музыкою и стихами, въ щастливой безпечности и свободѣ; имѣлъ пріятныя знакомства; любилъ иногда выѣзжать, но еще болѣе возвращаться домой, гдѣ Муза ожидала его съ новыми идеями и цвѣтами».... Въ томъ же 1778 г. *Душенька* была издана или, по картинному выраженію Карамзина, положена на алтарь Грацій—и Богдановичъ разомъ сталъ на чреду писателей первостепенныхъ, сдѣлался поэтомъ, о которомъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ спустя печатно возвѣщали, что

Зефиръ ему перо изъ крылъ своихъ давалъ;
Амуръ водилъ рукой: онъ *Душеньку* писалъ.

Дѣло въ томъ, что поэтическій миѳъ Психеи, унаслѣдованный, по всей вѣроятности, отъ временъ александрійскаго неоплатонизма и впервые разсказанный Апулеемъ въ IV, V и VI книгахъ его «Золотаго Осла», а потомъ повторенный—и прозой и стихами—французомъ Лафонтеномъ, явился въ формѣ русской *Душеньки*, какъ нельзя болѣе во время, т. е. когда соотечественники Богдановича не имѣли еще ни знаній, ни вкуса, а самъ Богдановичъ, какъ представитель эпохи, считалъ французскую передѣлку Лафонтена не только прекраснѣйшею, но и единственно прекрасною. И если, двадцать пять лѣтъ спустя, Карамзинъ, какъ представитель критики своего времени, не затруднялся печатно возвѣщать, что «Душенька есть легкая игра воображенія, основанная на однихъ правилахъ нѣжнаго вкуса, для которыхъ нѣтъ Аристотеля; въ такомъ сочиненіи все правильно, что забавно и весело, остроумно выдумано, хорошо сказано», то можно судить о впечатлѣніи, какое произ-

(*) Переводъ: «Получая отвсюду только похвалы, которыя вовсе не назидательны для желающаго заслужить ихъ отъ знатоковъ исторіи, я отнюдь не ослѣпляюсь этими похвалами и, далекій отъ разумѣнія моего труда превышающимъ критику, еще до начала его я уже чувствовалъ ошибочность плана, избраннаго мною единственно для того, чтобъ удовлетворить вкусу большинства моихъ соотечественниковъ».

вела *Душенька* на русскую читающую публику екатерининскаго вѣка, зараженную беззавѣтнымъ поклоненіемъ всему французскому. Первымъ доказательствомъ этого впечатлѣнія было то, что гр. М. Ѳ. Каменскій, въ томъ же 1778 г., поспѣшилъ издать 1-ю книжку *Душеньки* на свое иждивеніе, а **А. А.** Ржевскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, издалъ въ 1783 г. всю *Душеньку*, что, въ 1803 г., сдѣлалъ и гр. **А. И.** Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный дѣятель на поприщѣ русскаго просвѣщенія. — Но, говоря собственно, *Душенька* Богдановича, и языкомъ и слогомъ, положительно уступаетъ Психеѣ Лафонтена, сказка котораго хороша и для настоящаго времени, тогда какъ произведеніе Богдановича уже устарѣло и «цвѣты любезнаго поэта», нѣкогда восхищавшіе сантиментальнаго Карамзина, неспособны плѣнять современныя и грядущія поколѣнія русской читающей публики. Карамзину, напр., особенно нравилась «щастливая игра мыслей» Богдановича, по поводу слѣдующаго истолкованія «любезнаго» имени *Душенька*,— которой, по мнѣнію Карамзина, могъ бы позавидовать и самъ Лафонтенъ:

Звалась она *душа*, по толку мудрецовъ;
А послѣ въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У русскихъ *Душенькой* она именовалась;
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово
Которое еще для слуха было ново.
Во славу *Душенькѣ* у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь въ своемъ законѣ.

Сравнивая далѣе—и шагъ за шагомъ—выраженія Лафонтена и Богдановича, Карамзинъ находитъ у перваго:

Tous les vents attentifs retiennent leurs haleines;
Le seul Zéphir est libre, et d'un souffle amoureux
Il caresse Vénus, se joue à ses cheveux;
Contre ses vêtemens par fois il se courrouce.
L'onde pour la toucher à longs flots s'entrepousse,
Et d'une égale ardeur chaque flot à son tour
S'en vient baiser les pieds de la mère d'Amour,—

а у послѣдняго:

Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы.
Иной власы ея взвѣваетъ;
Но вдругъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,
И съ ними спутавшись летитъ.
Гонясь за нею, волны тамъ
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ—

и находитъ это сказаннымъ «игривѣе и живѣе» предыдущаго. Совсѣмъ тѣмъ, *Душенька* Богдановича, безспорно, имѣетъ свои неотъемлемыя красоты, понятныя и въ наше время, когда едва ли можно сказать что нибудь лучшее слѣдующаго обращенія поэта къ своей красавицѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу-ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ —
И только ты одна прекраснѣе портрета.

Или—какъ не признать поэтически живописнымъ и забавнымъ изображеніе того момента, когда въ Тартарѣ, съ появленіемъ Душеньки, все затихло....

Церберы перестали лаять,
Замерзлый Тартаръ началъ таять.
Подземна царства темный царь,
Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ... начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый разъ
Въ то время улыбнулся!

Появленіе *Душеньки* пріятно поразило всѣхъ. «Но тогда же— пишетъ, со словъ своего отца, одинъ «заслуженный литераторъ»—носилась молва, что Богдановичъ въ созданіи ея ни мало не участвовалъ. Жилъ-де у него подъ протекціею молодой человѣкъ, поручившій себя руководству такого именитаго писателя, какъ Богдановичъ. Ипполитъ Ѳедоровичъ этаго молодаго человѣка выдавалъ за переписчика своихъ сочиненій, а молодой человѣкъ, уже въ своемъ кругу, тайкомъ читалъ и свои сочиненія, на которыя дерзалъ, въ томъ числѣ читалъ и отрывки своей *Душеньки*. Этотъ молодой человѣкъ, отъ занятій, потерялъ здоровье, и вскорѣ умеръ. Всѣ бумаги достались Богдановичу. Вскорѣ за тѣмъ вышла *Душенька* и доставила вѣчную славу Богдановичу за даромъ». Очень жаль, что г. Погодинъ, напечатавшій это извѣстіе въ своемъ Москвитянинѣ (за 1842 г., № 1. с. 176. «Подозрѣніе о Богдановичѣ»), скрылъ имя «заслуженнаго литератора». Во всякомъ случаѣ, слава, такъ или иначе доставленная *Душенькою*, осталась за Богдановичемъ.—Имп. Екатерина, прочитавъ *Душеньку*, выразила Богдановичу свое удовольствіе. Вельможи, всегда ревностные подражатели государей, старались окружить поэта знаками уваженія, а тогдашніе стихотворцы осыпали своего счастливаго собрата хвалебными эпистолами, одами, мадригалами. Самая карьера Богдановича измѣнилась къ лучшему: въ 1780 г. онъ, вслѣдствіе своего челобитья, поданнаго 23 іюня, поступилъ членомъ въ новоучрежденный тогда государственный с.-петербургскій архивъ; въ 1785 г. издалъ въ Петербургѣ, по порученію императрицы, *Собраніе русскихъ пословицъ*, искаженныхъ однако сообщеніемъ имъ стихотворной формы; въ 1788 г. написалъ комедію *Радость Душеньки*, съ балетомъ, по представленіи которой получилъ отъ императрицы золотую табакерку; за тѣмъ, по случаю совершившагося 25-ти-лѣтія царствованія Екатерины II, сочинилъ и поставилъ на сцену драму *Славяне*, за что награжденъ брилліантовымъ перстнемъ, и въ томъ же 1788 г. назначенъ предсѣдателемъ государственнаго архива, въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Но наступившія тогда бѣдствія Европы, колеблемой французскою революціей, настроили воспріимчивую натуру Богдановича къ желанію уединенія—и авторъ *Душеньки*, взявъ въ 1795 г. отставку съ полнымъ пенсіономъ, въ 1796 г. уѣхалъ изъ Петербурга въ Сумы, чтобъ поселиться тамъ подъ родственнымъ кровомъ своего роднаго брата. Но здѣсь, не смотря на свой слишкомъ 50-ти-лѣтній возрастъ, Богдановичъ испыталъ такое мучительное чувство любви, что долженъ былъ разстаться съ братомъ и, въ

1798 г., переѣхалъ на житье въ Курскъ, откуда онъ, въ 1801 г., послалъ нововоцарившемуся имп. Александру I привѣтственное пѣснопѣніе, за которое и былъ пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ. Эта награда была для пѣвца *Душеньки* послѣднею: заболѣвъ въ декабрѣ 1802 г. Богдановичъ, послѣ 4-недѣльныхъ страданій, угасъ 6 января 1803 г. въ своей Курской деревнѣ, на 60-мъ году дѣятельной и полезной жизни. Надъ прахомъ его воздвигнутъ курскимъ губернаторомъ П. И. Демидовымъ изящный мраморный памятникъ. «Всѣ знакомые и пріятели Богдановича — свидѣтельствуетъ современникъ послѣдняго — единогласно хвалятъ его моральныя свойства, тихой нравъ, чувствительность, безкорыстіе и какую-то невинную веселость, которую онъ сохранилъ до старости и которая дѣлала его пріятнымъ въ дружескомъ обществѣ. Никто не замѣчалъ въ немъ авторскаго самолюбія. Богдановичъ даже рѣдко говаривалъ о поэзіи и литературѣ, и всегда съ нѣкоторою застѣнчивостію, бывшею природнымъ свойствомъ его. Не мудрено, что онъ не любилъ критики, пугающей всякое нѣжное самолюбіе, и признавался, что она своею грубою строгостію могла бы совершенно отвратить его отъ авторства». По другому свидѣтельству, Богдановичъ, также, какъ впослѣдствіи Батюшковъ, отличался осторожнымъ обращеніемъ, осторожнымъ разговоромъ, наблюденіемъ приличій и вообще наружною скромностью, отъ которой онъ однако отступалъ въ своей *Душенькѣ*. Какъ русскій писатель, И. Ѳ. Богдановичъ первый печатно заговорилъ легкимъ, мелодическимъ, игривымъ, такъ сказать, искусно-простымъ слогомъ, и хотя увлекался господствовавшею въ его время подражательностью корифеямъ французской литературы, но уже постигалъ силу и достоинство народнаго духа и языка. Кромѣ сочиненій, названныхъ въ настоящей статьѣ, Богдановичъ написалъ *Старинную повѣсть Добромыслъ*, отрывокъ *Берегъ* и множество *пѣсней*, которыя, въ свое время, пользовались извѣстностью и даже считались русскими, хотя всѣ, болѣе или менѣе, походили на извѣстнѣйшую изъ нихъ: *Мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ*, любимую всѣми за слѣдующіе куплеты:

«Дала бъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться.
Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ.
Овечку дать ему я рада
Когда бы не считали стада».
Пастушка говоритъ тогда:
«Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не было убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду!»

Всѣ сочиненія Богдановича, собранныя вмѣстѣ, издавались два раза: въ 1809—1811 гг., Бекетовымъ, въ 6 частяхъ,—и въ 1819 г., съ жизнеописаніемъ автора, соч. Карамзинымъ, и его портретомъ, въ 4 частяхъ.

УТКИНЪ, Николай Ивановичъ, заслуженный профессоръ гравированія. — Родился 8 мая 1780 г., въ Твери, въ домѣ сенатора Никиты Артемоновича Муравьева, при которомъ отецъ Уткина, Иванъ Степановичъ, состоялъ служителемъ. Перевезенный, около 1782 г., въ Петербургъ, Н. И. Уткинъ, 21 апрѣля 1785 г. былъ уже помѣщенъ въ число воспитанниковъ академіи художествъ, гдѣ онъ, на первыхъ порахъ, не отличался ничѣмъ особеннымъ, но, по свидѣтельству отмѣтокъ тогдашняго академическаго инспектора, Головачевскаго, оказывался «кротокъ и боязливъ», учился же «исправно и радѣтельно». Не ранѣе 1794 г., т. е. съ переходомъ въ «четвертый возрастъ», замѣтили въ рисункѣ Уткина, какъ выражается «Отчетъ имп. академіи художествъ» за 1862/1863 академическій годъ, «плавность и чистоту штриха» (с. 93),—вслѣдствіе чего мальчика назначили въ классъ гравированія. Классомъ этимъ завѣдывалъ тогда почтенный, но весьма престарѣлый, профессоръ Радигъ, подъ руководствомъ котораго Уткинъ пробылъ всего годъ, успѣвъ однако, въ теченіе этого времени, награвировать этюдъ *Портрета* съ Фанъ-Дейка, найденный въ портфелѣ Уткина послѣ его смерти.—Въ 1795 г. старца Радига замѣнилъ С. Ѳ. Ивановъ, въ бытность котораго наставникомъ класса гравированія, 15-ти-лѣтній Уткинъ изготовилъ три гравюры: *Апостолъ Петръ въ темницѣ*, *Вакханка*, Караччи (Phoebe lave), и *Четыре рѣки*, Рубенса,—всѣ съ эстамповъ. Вскорѣ однако академическій классъ гравированія поступилъ въ вѣдѣніе Игнатія Себастіана Клаубера, выписнаго аугсбургскаго нѣмца, прославившагося въ Парижѣ блестящимъ воспроизведеніемъ оригиналовъ. Явившись въ академію 1 августа 1796 г., Клауберъ, для перваго знакомства, далъ Уткину гравировать начальные этюды (слѣдки, кисточки съ гипса), которыхъ и выполнено Уткинымъ цѣлыя двѣ доски. За этими начальными этюдами, въ теченіе 1797—1798 гг. слѣдовали гравюры: виньетка *Амуръ въ розахъ* и Корреджіевъ *Меркурій учащій читать Амура*—обѣ съ эстамповъ; *Видъ Москвы* и *Олень*, для какого-то герба—обѣ же съ собственныхъ рисунковъ Уткина. Труды эти удостоились, въ 1798 г., присужденія серебряной медали исполнителю. Въ 1799 г. произведены Уткинымъ еще три гравюры: *Лошадь Петра Великаго* (для 2-го изданія «Кабинета Петра Великаго», Осипа Бѣляева, 1800 г.); *Лошадь съ Орломъ* (для президента академіи, графа Шуазель-Гуфье); и *Орелъ* — къ портрету вел. княг. Елизаветы Алексѣевны (впослѣдствіи императрица), гравированному самимъ Клауберомъ съ Г-жи Лебрэнъ (La Vigée Lebrun.) Эти три гравюры—также удостоились награды серебряной медалью. Къ тому же 1799 г., какъ полагаетъ выше указанный «Отчетъ», должны быть отнесены слѣдующія два произведенія Уткина: *Голова Людовика XVIII* (въ медальонѣ) и *Портретъ Михаила Десницкаго*, бывшаго впослѣдствіи с.-петербургскимъ митрополитомъ, — небольшой, теперь чрезвычайно рѣдкій эстампъ, съ подписью на гравированномъ полѣ: «М. Д. священно-служитель греко-россійской церкви».—Въ 1800 г., Уткинъ, кромѣ *Портрета Петра I* (въ овалѣ)—для «родословнаго древа царствующаго дома», исполнявшагося, подъ наблюденіемъ Клаубера, нѣсколькими художниками,—награвировалъ: *Чортовъ мостъ* въ Швейцаріи, *Аллегорію на переходъ Суворова черезъ Альпы*, четыре *Головы дикихъ* (къ «Кругосвѣтному Путешествію» капитана Сарычева) и изображеніе *Россійскаго герба* по новому рисунку.—Въ публичномъ собраніи академіи художествъ 30 августа того же 1800 г., Уткинъ получилъ 2-ю золотую медаль и, съ тѣмъ вмѣстѣ, право оставаться при академіи еще три года, для того, чтобъ, въ этотъ срокъ, исполнить программу на 1-ю золотую медаль, дававшую новое право—пансіонерства за-границей. Завершивъ, съ такимъ успѣхомъ, свое академическое ученіе, Уткинъ, въ томъ же 1800 г., награвировалъ *Портретъ имп. Павла I* (en pointillé) и *Портретъ Би-*

бикова, а въ началѣ 1801 г. окончилъ, съ собственнаго рисунка, *Портретъ Муравьева*—и ревностно принялся за выполненіе программы, которою, на этотъ разъ, была избрана академіей картина Рафаэля Менгса: *Іоаннъ Креститель проповѣдующій*.—«Нельзя сказать, замѣчается въ академическомъ «Отчетѣ» 1862/1863 г., чтобы это произведеніе было лучшее для гравированія; нашлось бы, конечно, много вещей, и въ то время, выше его, по композиціи, рисунку и выраженію; къ тому же, не имѣя высокихъ достоинствъ, картина эта представляла молодому граверу много трудностей въ выполненіи. Энергическій рисунокъ у таланта, менѣе обработаннаго, вышелъ бы угловатымъ; выраженіе, и въ оригиналѣ имѣющее мало благородства, могло сдѣлаться, при меньшей изящности рисунка воспроизводителя, даже тривіальнымъ. Уткинъ миновалъ всѣ кажущіяся, съ перваго взгляда, невыгоды болѣе, чѣмъ счастливо. Эстампъ его порядочной величины (0,360 метр. выш., 0,265 метр. шир.), отличается полнотою эффекта, мастерскимъ исполненіемъ и, что случается видѣть не часто, въ самомъ выраженіи лица пророка (какъ, по крайней мѣрѣ, кажется) болѣе религіозности, чѣмъ въ картинѣ» (с. 96—97). Награжденный, въ публичномъ собраніи академіи 1802 г., золотою медалью перваго достоинства, Уткинъ, 1 ноября 1803 г., съ курьеромъ кабинета и рекомендательнымъ письмомъ къ графу Моркову, русскому посланнику при первомъ французскомъ консулѣ, отправился въ Парижъ. Академическою инструкціею Уткину, между прочимъ, предписывалось: отыскать профессора гравированія Бервика, согласившагося, по письму Клаубера, руководствовать молодаго гравера. Клауберъ же просилъ Уткина свезти поклонъ знаменитому Виллю (Wille), своему учителю. Срокъ пребыванія Уткина за-границей назначался четырехъ-лѣтній, съ тѣмъ однако, чтобъ онъ, передъ возвращеніемъ въ Россію, побывалъ въ Англіи. Найдя ласковый пріемъ у Вилля, Уткинъ пристроился къ Бервику и сблизился съ чиновниками русскаго посольства, людьми высшаго свѣтскаго образованія, въ этомъ отношеніи, полезными для молодаго художника, который однако не миновалъ знакомства и съ И. Я. Пескорскимъ, русскимъ художникомъ, оставшимся навсегда въ Парижѣ. Этотъ Пескорскій, блеснувшій нѣкогда, еще въ началѣ 1770-хъ гг., картиною «Жертвоприношеніе Авраамово», уже покинулъ искуство, велъ разгульную жизнь и втянулъ молодаго Уткина въ картежную игру. Но Уткинъ, проигравъ однажды кушъ, для него порядочный, взялся за умъ—и «вліяніе искусителя, сказано въ «Отчетѣ» перестало дѣйствовать». Лѣтомъ 1804 г. Уткинъ сдѣлалъ—было чистый рисунокъ съ картины Гвидо-Рени «Отдыхъ на пути въ Египетъ», для гравированія, но почему-то отложилъ эту работу и, 10 сентября, доносилъ академіи объ участіи своемъ въ классическомъ изданіи Висконти: «Iconographie grecque», а вскорѣ за тѣмъ прислалъ въ академію и оттиски съ перваго произведенія для этаго дорогаго изданія, именно *четыре бюста философовъ* (на 1 листѣ). Между тѣмъ, новый разрывъ Россіи съ Франціей грозилъ прекращеніемъ художественной дѣятельности Уткина за-границей, гдѣ Уткинъ тогда же получилъ порученіе гравировать съ картины Доминикино: «Эней выноситъ отца изъ горящей Трои». Извѣстивъ объ этомъ академію, Уткинъ получилъ вызовъ въ Петербургъ, такъ какъ «возвращеніе его въ отечество—объясняла конференція академіи художествъ—нужно и полезно и для него лично». Но, чувствуя громадную пользу дальнѣйшаго пребыванія въ Парижѣ, Уткинъ спѣшилъ отклониться отъ поѣздки въ Петербургъ и, 26 октября 1806 г., доносилъ академіи: «Я награвировалъ анатомическую голову Аполлона болѣе для упражненія и знакомства съ профессоромъ, у котораго я слѣдовалъ преподаваемую имъ лекцію анатоміи. Впрочемъ, все сіе мнѣ лишь служило опытомъ вырѣзать иглою на мѣди, ибо главное мое упражненіе, съ картины Доминикино, я произвожу все грабщикомъ (sic), по совѣту г. Бервика, и уже привожу къ окончанію. Но желательно мнѣ совершить сіе здѣсь, также и портретъ его пре—ва тайнаго совѣтника Михаила Никитича Муравьева, начатой съ рисунка моего, чтобъ и въ семъ родѣ искусства имѣть лучшее понятіе въ отдѣлѣ портретовъ. Для чего осмѣливаюсь просить имп. академію художествъ дозволенія пробыть здѣсь еще нѣсколько времени, для окончанія сихъ работъ». Просьба Уткина была принята, такъ-какъ, по словамъ опредѣленія конференціи отъ 27 апрѣля 1807 г., «академія полагала, что самое порученіе ему работъ, служа къ доставленію ему средствъ содержанія, служитъ вмѣстѣ и ободреніемъ его таланта; что академія съ удовольствіемъ усматриваетъ изъ его донесеній». Независимо отъ дозволенія остаться въ Парижѣ, Уткину, по ходатайству Толстаго, русскаго посланника при Наполеонѣ, продолжено, еще на годъ, и пансіонерское содержаніе.—Обезпеченный, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ, Уткинъ тѣмъ дѣятельнѣе занялся гравированіемъ картины Доминикино—и трудъ его, 1 ноября 1809 г., предсталъ, на выставкѣ, глазамъ парижанъ. Трудъ этотъ, по словамъ «Отчета» 1862/1863 гг., «не поражаетъ съ перваго взгляда, но добросовѣстное исполненіе мастерски передаетъ оригиналъ и, чѣмъ болѣе смотришь на него, тѣмъ дѣлается привлекательнѣе» (с. 103).—«На выставку, продолжаетъ тотъ же «Отчетъ», въ мартѣ 1810 г. пріѣхалъ Наполеонъ. Проходя по заламъ, остановился онъ передъ гравюрою Уткина и сталъ ее внимательно разсматривать. Картину онъ помнилъ, художникъ случился тутъ же.—«Изъ какого департамента?» спросилъ императоръ Уткина, окинувъ его взглядомъ, на этотъ разъ, милостивымъ....—«Я русскій, пансіонеръ с.-петербургской академіи художествъ»—отвѣчалъ онъ императору. Наполеонъ расхвалилъ произведеніе, наговорилъ много лестнаго граверу и, удаляясь, нѣсколько разъ оглядывался на него» (с. 103—104).—Черезъ нѣсколько времени, комитетъ парижской выставки назначилъ Уткину золотую медаль. На этой медали, принесенной Уткинымъ въ даръ имп. музею, изображены: съ одной стороны—портретъ Наполеона, съ другой—надпись: Exposition au Salon de MDCCCX. Outkine Graveur» (Художественная выставка 1810 г. Уткинъ граверъ). Но еще до полученія французской медали, Уткинъ послалъ въ Петербургъ оттискъ гравюры, выставленной имъ въ Парижѣ,—и конференція академія опредѣлила: произвесть Уткина въ «назначенные академики», т. е. въ кандидаты на званіе академика. Извѣщая объ этомъ новоназначеннаго академика, президентъ академіи гр. А. С. Строгановъ, письмомъ отъ 10 апрѣля 1811 г., увѣдомлялъ Уткина, что эстампъ его съ Доминикино представлялъ онъ имп. Александру I, который пожаловалъ художнику осыпанный брилліантами перстень, уже отправленный въ Парижъ. «Для меня—заключалъ президентъ—весьма пріятно думать, что сія монаршая щедрота послужитъ не только къ вящему (sic) поощренію васъ къ дальнимъ трудамъ, но и къ поспѣшному возвращенію въ отечество, которому вы, будучи обязаны образованіемъ своимъ, обязаны также и посвятить

труды свои». На заключеніе это Уткинъ почтительно отвѣчалъ, что въ Парижѣ его «удерживаетъ новый трудъ, тоже серьезный,—порученіе отъ посланника князя Куракина гравировать портретъ его. По окончаніи же или, можетъ быть, только по приготовленіи себя къ отдѣлкѣ онаго подъ руководствомъ г. Бервика, я непремѣнно возвращусь». Окончивъ этотъ портретъ, Уткинъ уже готовился возвратиться въ Петербургъ, куда пригласилъ его ѣхать съ собою кн. Куракинъ. Но новый разрывъ Россіи съ Франціей случился такъ быстро, что русскій посланникъ не имѣлъ времени вывезти изъ Парижа даже всѣхъ своихъ чиновниковъ. Сначала отечественной войны положеніе Уткина въ Парижѣ, благодаря поручительству членовъ французскаго института, было хорошо: художникъ могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Но, осенью 1812 г., когда Наполеону рѣшительно не везло въ Россіи, Уткинъ былъ потребованъ въ домъ военнаго министерства. «Я ничего не зналъ, разсказывалъ онъ впослѣдствіи; но сердце щемило, какъ передъ несчастіемъ». Неспрошенный никѣмъ и ни о чемъ въ домѣ военнаго министерства, Уткинъ вышелъ въ кофейную позавтракать, а подъвечеръ явился за нимъ жандармъ, который, предъявивъ ему предписаніе объ удаленіи изъ Парижа, пригласилъ художника слѣдовать за собою—и повелъ его, черезъ Буржъ, Шалонъ на Марнѣ etc., въ Оксонь (Oxonne), зâмокъ въ Бургоніи. Тамъ, сдавъ своего арестанта, жандармъ получилъ отъ него же условленную плату за сопровожденіе и возвратился въ Парижъ, а Уткинъ, послѣ нѣсколько-дневнаго пребыванія въ домѣ коменданта, переведенъ въ самый зâмокъ, гдѣ оставленъ въ совершенномъ одиночествѣ, которое продолжалось ровно два мѣсяца. По истеченіи этаго времени, въ товарищи заключенія Уткина присоединилось еще четверо русскихъ—и всѣ они, плохо содержимые французами, часто нуждались во многомъ. Но положеніе Уткина не замедлило улучшиться заботливостью князя Куракина, который, распорядившись о переводѣ черезъ банкировъ Перигё, Лафитъ и К° Уткину, въ мѣсто его заключенія, ежемѣсячно по 165 франковъ, ходатайствовалъ и въ Петербургѣ о назначеніи художнику вспомоществованія отъ казны. Съ приближеніемъ союзниковъ къ предѣламъ Франціи, Уткина и его товарищей, подъ надзоромъ особаго чиновника, перевезли изъ Оксоня въ другую тюрьму, потомъ въ третью и такъ далѣе, углубляясь все на западъ. Наконецъ, у надзирателя плѣнниковъ истощились всѣ финансовыя средства, а новыхъ, при тогдашней неурядицѣ во Франціи, взять было негдѣ, и узники потребовали, чтобъ везли ихъ въ Парижъ. Тутъ, спутникамъ Уткина, принадлежавшимъ къ посольству, удалось достать у банкира значительную сумму; но всѣ они, вскорѣ же, принуждены удалиться изъ Парижа въ Иссудэнъ (въ Берри), гдѣ Уткина обрадовало извѣстіе о взятіи союзниками столицы Франціи. Явившись въ Парижъ, Уткинъ исполнилъ *Портретъ имп. Александра* (сепіею) и рисунокъ на камнѣ *Князь Пожарскій*. Тогда же, при посредствѣ Лагарпа, воспитателя имп. Александра I, Уткинъ получилъ отъ государя средства на путешествіе въ Англію и, пробывъ въ Лондонѣ два мѣсяца, въ августѣ 1814 г., послѣ 11-ти-лѣтняго отсутствія, возвратился въ Петербургъ, какъ разъ передъ художественной выставкой, на которой были представлены публикѣ два произведенія Уткина: портретъ кн. Куракина, въ рисункѣ и въ гравюрѣ, и рисунокъ съ картины Гвидо-Рени. Произведенія эти, по свидѣтельству К. Н. Батюшкова, извѣстнаго поэта, описавшаго выставку того года, «привлекали общее вниманіе мастерскимъ исполненіемъ», вслѣдствіе чего, въ торжественномъ собраніи академіи художествъ, 19 сентября 1814 г., Уткинъ признанъ «по представленнымъ работамъ» академикомъ гравированія историческаго на мѣди, а 16 октября 1815 г., академика Уткина, «какъ искуснаго гравера, отличившагося своимъ искуствомъ между иностранными художниками въ Парижѣ», назначили въ гравировальный классъ, помощникомъ совѣтнику Клауберу, «чтобы способствовать къ вящимъ (sic) успѣхамъ учениковъ сего класса»,— и дали Уткину казенную квартиру въ зданіи академіи. Но все это не обезпечивало художника, который, для снисканія средствъ денежныхъ, долженъ былъ заняться работами маловажными и, въ теченіе 1815 г., награвировалъ: *Портретъ И. А. Крылова*, съ Кипренскаго, и *Памятникъ Пожарскому и Минину*, съ Мартоса,—оба для книгъ. Но, въ томъ же 1815 г., Уткинъ началъ и кончилъ одну изъ своихъ лучшихъ работъ—*Портретъ генералисимуса князя Суворова*, съ Шмита, а не съ Мюллера, какъ ошибочно указывается въ «Отчетѣ» 1862/1863 гг.—Для того же, чтобъ пояснить обстоятельства по поводу этаго портрета, очевидно спутываемыя «Отчетомъ» 1862/1863 гг., приводимъ имѣющійся у насъ подъ рукою подлинный документъ—такого содержанія: «Свидѣтельство. Дано сіе по желанію г. состоящаго по министерству иностранныхъ дѣлъ, Двора Е. И. В. каммеръ-юнкера, коллежскаго совѣтника барона Ѳедора Андреевича Бюлера въ томъ, что находящійся у него нынѣ портретъ генералисимуса князя италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, рисованный съ натуры живописцемъ курфирста саксонскаго Шмитомъ (въ Прагѣ, а не въ Дрезденѣ, какъ повѣствуетъ «Отчетъ» 1862/1863 гг.), пастельными красками, и на коемъ свѣтлѣйшій изображенъ въ мундирѣ австрійскаго фельдмаршала, есть тотъ самый, который принадлежалъ покойному его родителю, дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, барону Андрею Яковлевичу Бюлеру, и по которому я, съ согласія его высокопр—ства, гравировалъ изданный мною въ 1815 г. портретъ знаменитаго вождя обѣихъ императорскихъ армій. Въ удостовѣреніе чего подписуюсь на семъ, съ приложеніемъ моей печати. С.-Петербургъ. Ноября 29 дня 1855 года (Далѣе собственноручно Уткинымъ): При семъ представляю замѣчаніе въ томъ, что его высокопревосходительство г. президентъ академіи художествъ, А. Н. Оленинъ, тогда принялъ живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи; по его убѣжденію сдѣлано отступленіе отъ оригинальнаго рисунка, рисованнаго Шмитомъ, въ томъ, что, вмѣсто *бѣлаго мундира австрійскаго фельдмаршала*, я сдѣлалъ россійской имперіи темнозеленаго цвѣта мундиръ; рисунокъ (копія) мною сдѣланъ и хранится за рамою, въ публичной императорской библіотеки, (sic), по приказанію е. в. А. Н. Оленина; впротчемъ какъ ордена, такъ и самый портретъ соблюдены съ точностію съ рисунка Шмита. (М. П.). Заслуженный профессоръ имп. академіи художествъ Николай Уткинъ. (Еще приписка): Что замѣчаніе, начиная со словъ: «При семъ представляю замѣчаніе» и т. д. писано рукою заслуженнаго профессора имп. академіи художествъ Николая Ивановича Уткина, и собственноручно имъ подписано, въ томъ свидѣтельствую съ приложеніемъ печати академіи. Апрѣля 3 дня 1856 г. (М. П.) дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Григоровичъ».— Портретъ Суворова, выгравированный Уткинымъ, поступилъ въ продажу не ранѣе 1819 г., когда, въ № 22 «Сына Оте-

чества», по этому поводу, говорилось: «Портретъ Суворова удовлетворитъ требованіямъ сыновъ отечества: они увидятъ въ немъ изображенныя вѣрною и искусною рукою черты героя, который прославилъ имя русское по всему земному шару, и котораго слава съ каждымъ днемъ возрастаетъ болѣе и болѣе. Русскому же предлежало сохранить для потомства обликъ великаго; г. Уткинъ въ совершенствѣ исполнилъ долгъ сей. Отечественной публикѣ можно будетъ при семъ случаѣ на самомъ дѣлѣ опровергнуть оскорбительное мнѣніе, будто она равнодушна къ отличнымъ произведеніямъ собственныхъ художниковъ» (с. 134).—Однако положенію Уткина грозила крайность—и художникъ обратился къ князю А. Н. Голицыну, тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, запискою, въ которой, указывая на свою обязанность «вспомоществовать нуждающимся роднымъ», просилъ князя: «не найдетъ ли онъ справедливымъ, по примѣру художниковъ иностранныхъ (Карделли, Саундерса, Вендрамини), исходатайствовать и для русскаго гравера содержаніе изъ кабинета, если не въ награду его заслуги, то въ поощреніе отечественныхъ дарованій». «Я же—заключаетъ Уткинъ—не находя, съ своей стороны, долга признательности выполненнымъ, если не передамъ познаній въ искуствѣ молодымъ питомцамъ, счастливѣйшимъ бы себя почелъ, если бы могъ образовать школу гравировальнаго искуства». Результатъ записки Уткина былъ тотъ, что кн. Голицынъ, 29 августа 1816 г., сдѣлалъ академіи запросъ: чѣмъ-бы можно пособить просителю? и получивъ въ отвѣтъ, что проситель опредѣленъ безъ жалованья «по трудному состоянію академической казны», немедленно назначилъ Уткину по 600 руб. годоваго жалованья. Въ 1817 г. мая 13 умеръ Клауберъ—и Уткинъ, заступивъ его мѣсто въ академическомъ классѣ гравированія, указомъ, даннымъ придворной конторѣ 17 мая, опредѣленъ въ должность помощника хранителя эстамповъ при имп. эрмитажѣ, съ жалованьемъ по 1500 руб. въ годъ. Это мѣсто исходатайствовалъ Уткину А. Н. Оленинъ, по убѣжденію котораго, Уткинъ, въ томъ же 1817 г., награвировалъ *Портретъ гр. А. А. Аракчеева*, поднесенный оригиналу самимъ Оленинымъ, но доставившій художнику—только одну честь: отобѣдать за столомъ его графскаго сіятельства.—Въ 1818 г., лѣтомъ, Уткину была оказана другая честь: императрица Марія Ѳеодоровна, пригласивъ его и Шебуева къ себѣ, въ Павловскъ, указала имъ на портретъ имп. Александра I въ ростъ, работы Жерара, и изъявила желаніе, чтобъ Уткинъ изготовилъ съ него рисунокъ для гравюры. «Граверъ—сказано въ «Отчетѣ» 1862/1863 гг.—намекнулъ на неудобство работать за-городомъ, далеко отъ мѣста его жительства и служенія. Тотчасъ отданъ приказъ перевести портретъ въ эрмитажъ, гдѣ поставили его въ особой комнатѣ, очень удобной для работы. Часто сама императрица посѣщала эту временную мастерскую и почти всегда приходила около 3-хъ часовъ по-полудни, когда Уткинъ оканчивалъ занятія.... Рисунокъ находила государыня прекраснымъ, справлялась скоро ли будетъ онъ готовъ, сама, такъ сказать, вызывала на откровенность, но при всѣхъ этихъ знакахъ благорасположенія, скромный художникъ не смѣлъ сказать: во сколько обойдется самое гравированіе въ величину рисунка—и уклончиво отговаривался множествомъ занятій. Тѣмъ дѣло и кончилось. Рисунокъ остался».—Сдѣлавъ, въ теченіе того же 1818 г., гравюры: *Медузина голова* и *Старецъ-наставникъ*, Уткинъ, 7 декабря, за оттискъ съ портрета Суворова, представленный частному собранію академіи, возведенъ въ достоинство совѣтника, а съ наступленіемъ 1819 г. судьба Уткина начала устраиваться болѣе и болѣе. 21 февраля этаго года, А. Н. Оленинъ, напомнивъ кн. А. Н. Голицыну желаніе его: «сдѣлать что либо въ пользу Уткина, для поощренія его къ дальнѣйшему упражненію и усовершенствованію», представлялъ, что «цѣль его сіятельства будетъ достигнута совершенно, если бы можно было исходатайствовать Уткину званіе гравера его императорскаго величества, каковое прежде носили Саундерсъ, Кетерлинусъ и Карделли, которые, если говорить по совѣсти—изъяснялся Оленинъ, сколько я могу судить о семъ художествѣ, гораздо менѣе Уткина имѣли способностей и искуства. Обязанность въ званіи гравера Е. И. В. должна состоять въ томъ, чтобъ въ теченіе года или не долѣе двухъ лѣтъ выгравировать грабштихомъ, по крайней мѣрѣ, одну небольшую картину. Сіе время необходимо нужно, ибо превосходное гравированіе грабштихомъ весьма медленно производится по существу своему. Если съ званіемъ гравера Е. И. В. будетъ сопряжено и то жалованье, которое упомянутые его предшественники получали изъ кабинета Е. И. В., т. е. по 1200 руб. въ годъ, то сіе будетъ приличнымъ награжденіемъ превосходнаго таланта г. Уткина, удостоеннаго и въ Парижѣ золотой медали, что иностранцы весьма рѣдко тамъ получали».—Къ этому своему письму А. Н. Оленинъ приложилъ сильный аргументъ—портретъ Суворова, работы Уткина, тогда же поднесенный кн. Голицынымъ имп. Александру I, который, 2 марта 1819 г., пожаловалъ художнику бриллiантовый перстень, а 23 мая того же года далъ указъ кабинету о назначеніи Уткина граверомъ его величества, съ жалованьемъ по 3 тыс. руб. въ годъ изъ суммъ кабинета.—Болѣе, чѣмъ обезпеченный въ своихъ нуждахъ, Уткинъ могъ отнынѣ всецѣло предаться искуству—и, въ томъ же 1819 г., независимо отъ рисунка карандашемъ съ картины Бронзино «Св. Семейство», находившейся въ Павловскомъ дворцѣ и состоявшей изъ трехъ фигуръ, произвелъ вновь двѣ гравюры: *Портретъ Карамзина*, съ рисунка Варнека (для IV тома «Исторіи государства россійскаго», 2 изд. Слѣнинымъ) и *Притча о Самарянинѣ*, а въ 1820 г. началъ, но не кончилъ, гравировать *портреты: генералъ штабъ-доктора Лейтона* и *Митрополита Михаила Десницкаго* (второй). Прибавимъ, что, 21 октября 1820 г., Уткинъ получилъ, при письмѣ Дивова, управлявшаго тогда коллегіей иностранныхъ дѣлъ, дипломъ на достоинство члена стокгольмской академіи художествъ, присужденный послѣднею за портретъ Суворова. Занимаясь весь 1821 г. только портретомъ Михаила Десницкаго, Уткинъ, въ теченіе 1822 г. успѣлъ еще выгравировать *другой портретъ Іоганна Генриха Мюллера*, члена с.-петербургскаго филармоническаго общества и одного изъ своихъ друзей, а въ 1823 г. окончилъ портретъ Михаила Десницкаго и исполнилъ гравюру *портрета Антонія Кановы* (въ медальонѣ). Всѣ эти произведенія явились на академической выставкѣ 1824 г., гдѣ публика увидѣла также работы даровитыхъ Олещинскаго и Ѳ. И. Іордана, учениковъ Уткина, изъ которыхъ первый умѣлъ гравировать и «лѣвою рукою», какъ видно это изъ его подписи на маленькомъ портретѣ Ж. Одрана. Полякъ по рожденію, назначенный тогда за-границу, Олещинскій, въ бывшемъ, по закрытіи выставки, публичномъ собраніи академіи, произнесъ рѣчь, въ которой онъ, обратясь къ Н. И. Уткину, торжественно сказалъ замѣчательныя слова: «Стократъ я счаст-

ливъ, что въ избранномъ мною искуствѣ имѣлъ я тебя наставникомъ и руководителемъ».—Съ 1825 г. Уткинъ принялся за большую гравюру *Екатерина II въ саду* и исполнилъ *портретъ Муравьева*, а въ 1826 г. кончилъ *портретъ Варнека* (en face) и продолжалъ большую гравюру, которая, еще въ недодѣланномъ видѣ, была, вмѣстѣ съ обоими портретами, на выставкѣ 1827 г., къ которому относятся также и *два штемпеля* (печати), обработанные Уткинымъ для императрицы Маріи Ѳеодоровны. Тѣмъ же характеромъ, такъ сказать, ремесленнаго исполненія, какъ эти штемпели, отличаются и выгравированные Уткинымъ рисунки: въ 1828 г.—*греческихъ монетъ*, для книги Келлера, въ 1829 г.—*операцій каменной болѣзни*, для книги И. В. Буяльскаго, а въ 1830 г.—*Антропометріи* В. К. Шебуева, никогда не выходившей въ свѣтъ. Но, одновременно съ такими произведеніями, Уткинъ не забывалъ и чисто-художественныхъ, какими были: въ 1829 г.—*портретъ Грибоѣдова* (для книги) и заглавная *гравюра къ «Иліадѣ» Гнѣдича*, а въ 1830 г.—*портретъ Эссена* и *портретъ генералъ-штабъ-доктора Лейтона*, тогда же додѣланный окончательно и выставленный передъ публику, которая въ немъ, по словамъ отчета А. Н. Оленина за 1828—1830 г., «любовалась искуствомъ и чистотою исполненія».—Изъ того же отчета видно, что, кромѣ названныхъ работъ, Уткинъ, въ періодъ времени 1828—1830 гг. выгравировалъ *портретъ А. С. Пушкина* (небольшой) и *бюстъ Озерова* (Сынъ Отеч. 1830. № XLIV. с. 214). Повышенный, 10 января 1831 г., изъ совѣтниковъ академіи въ профессоры 3-й степени, Уткинъ, по свидѣтельству академическаго отчета за этотъ годъ, выгравировалъ: *портретъ Державина* (для книгопродавца Смирдина); *портретъ Дмитрія Самозванца* (для изданія г. Устрялова); *портретъ г. президента*, А. Н. Оленина (съ рисованнаго Александромъ Брюловымъ съ натуры); началъ гравировать *портретъ г. профессора Варнека*; выгравировалъ на пробу *одинъ рисунокъ* «Начальныхъ правилъ рисованія» г. Шебуева» (Сынъ Отеч. 1831. № XLIII. с. 296).—Въ теченіе 1832 г. Уткинъ произвелъ: *портретъ кн. И. Ѳ. Варшавскаго, гр. Паскевича-Эриванскаго*; *портретъ адмирала А. С. Шишкова* (съ Дау); *портретъ Екатерины II* (съ Левицкаго); *портреты: Іоанна Грознаго* и *Марины* (оба къ «Сказаніямъ о Дмитріѣ-Самозванцѣ», изд. Устряловымъ).—За тѣмъ изъ-подъ Уткинскаго грабштиха послѣдовательно являлись гравюры: въ 1833 г.—*Акинфій* (sic) *Никитичъ Демидовъ* (для книги Спасскаго: «Біографія рода Демидовыхъ») и *Илья Васильевичъ Буяльскій* (съ Теребенева); въ 1834 г.—*Ломоносовъ*; въ 1835 г.—(вице-адмиралъ) *П. И. Рикордъ* и (для календаря на 1836 г.) *В. К. Константинъ Николаевичъ*. На академическую выставку 1836 г. Уткинымъ предъявлено всего семь гравюръ, изъ которыхъ три уже указаны подъ 1834 и 1835 гг., а остальныя четыре, относящіяся къ 1836 г., были: *портретъ С. С. Уварова*—одинъ изъ chef-d'oeuvr'овъ Уткина; *портретъ Жуковскаго* (изображеннаго стоящимъ у окна); *портретъ А. Н. Оленина* и *Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ* (по проекту Мартоса).—Кромѣ того, Уткинъ, въ теченіе 1835—1836 гг., по свидѣтельству академическаго отчета за этотъ періодъ времени, «занимался дѣланіемъ контура для диплома академіи художествъ» (Худож. Газета 1836. № 11 и 12 с. 13).—Къ концу 1836 г. Уткинъ взялся было за продолженіе «Святаго Семейства», не тронутаго имъ съ 1817 г., но потомъ занялся исполненіемъ поколѣннаго *портрета в. к. Маріи Николаевны* (съ Гау), для альманаха «Утренняя Заря» на 1838 г., и кончивъ эту работу въ 1837 г., началъ гравировать *портретъ А. С. Пушкина* (съ Кипренскаго), для посмертнаго изданія его сочиненій,—при чемъ, 27 апрѣля, получилъ орденъ св. Станислава 2 степени.—Въ 1838 и 1839 гг. Уткинъ произвелъ: *двѣ доски* къ «Антропометріи» Шебуева, гравюру *Аморъ греческій* (для А. Н. Оленина) и гравюру же *Св. Митрофанъ Воронежскій*, не считая приступа къ работѣ по гравированію *портрета Н. Д. Черткова*, заказаннаго Уткину въ 1838 г.—Между тѣмъ, въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 г. явилась статья П. Каменскаго: «Мастерскія русскихъ художниковъ», гдѣ, на страницахъ, посвященныхъ обозрѣнію почтенной дѣятельности Н. И. Уткина, встрѣчается такое извѣстіе: «Въ мастерской его теперь немного новыхъ произведеній; нѣкоторыя изъ нихъ только что начаты, другія доведены до половины, и говорить о нихъ столь же трудно, какъ о картинѣ, которая не только не подмалевана; но даже и не набросана на полотнѣ. За то мы съ новымъ, возродившимся восхищеніемъ разсматривали прежнія произведенія его творческаго рѣзца. Здѣсь «Эней, выносящій отца» своего изъ горящей Трои, тамъ «Святое Семейство», потомъ безчисленный рядъ портретовъ, нашихъ отечественныхъ знаменитостей, представителей нашей родной славы; потомъ множество аллегорическихъ фронтисписовъ, красивыхъ и вѣрныхъ рисунковъ къ классическимъ сочиненіямъ—все увлекало насъ, все возбуждало въ насъ по-перемѣнно и истинно-ученое вниманіе и новое, отрадное патріотическое чувство, и чисто-эстетическій восторгъ. Если г. Уткинъ не преслѣдовалъ своей наклонности къ высокому историческому роду, которая столь блистательно развилась въ его «Энеѣ», еще въ 1812 г. составлявшемъ уже украшеніе парижскаго музеума; то не онъ причиною уклоненія, а тысячи обстоятельствъ, въ продолженіе, можетъ быть, 20-ти лѣтъ разстроивавшихъ стремленіе его таланта къ любимому имъ роду гравернаго искуства, именно историческому. И «апатическое» невниманіе его современниковъ, уничтожившее не одинъ уже талантъ, по преимуществу должно занять первое мѣсто въ числѣ этихъ обстоятельствъ. Но оно могло только отклонить, оттолкнуть талантливаго человѣка отъ любимаго имъ рода, а не совершенно уничтожить святой пламень, зажженный свыше въ груди художника. Этотъ пламень ищетъ и находитъ всегда новый путь для проявленія....» Перечисляя затѣмъ содержаніе мастерской Уткина, П. Каменскій, кромѣ произведеній, указанныхъ выше, именуетъ еще слѣдующія: *четыре бюста Сципіона Африканскаго*, въ разныхъ поворотахъ; *четыре бюста греческихъ мудрецовъ Віаса и Ѳалеса*, по два каждаго; изображеніе *древностей Геркуланума*; портреты: доктора *Буяльскаго*, актрисы *Семеновой-старшей*, вице-адмирала *Розенвейга*, полковника *Ливена*, *Гамалея*; *Лица греческихъ героевъ изъ «Иліады»*; *Лошадь* (для графа Шувалова); *Нѣсколько дипломовъ*; *20 медалей*, изображающихъ достопамятныя побѣды 1812 г., для вице-президента академіи художествъ гр. Ѳ. П. Толстаго (Отеч. Зап. 1839, т. II Отд. IV. с. 7—10).—Въ 1840 г. явилось новое произведеніе Уткина—гравированный, по заказу воронежскаго дворянства, *портретъ Н. Д. Черткова* (0,26 метр. выш. и 0,20 метр. шир.), съ изображенными: внизу эстампа—фасадомъ Михайлов-

скаго-Воронежскаго кадетскаго корпуса, основаннаго, Н. Д. Чертковымъ; еще ниже--словами: «признательное дворянство Воронежской губерніи на память потомству».—Въ 1841 г., апрѣля 15, Уткинъ получилъ орденъ св. Станислава 2 степени, съ короною, и въ третій разъ взялся за «Святое Семейство», но отложилъ эту работу до 1842 г., въ которомъ снова покинулъ ее для выполненія академическаго заказа—гравюры *Св. Василій Великій* (съ Шебуева), долженствовавшей увѣковѣчить память творца этой картины, маститаго ректора Шебуева. Занятый исполненіемъ этаго заказа, Уткинъ, 3 декабря 1844 г., получилъ орденъ св. Владиміра 4 класса, а въ 1845 г. отправился, съ Ѳ. И. Іорданомъ, за-границу, гдѣ, проѣхавъ по Германіи, былъ въ Римѣ и Неаполѣ.—«Это путешествіе, сказано въ «Отчетѣ $^{1862}/_{1863}$ гг., сблизивъ нашего художника съ собратіями по искуству въ посѣщенныхъ странахъ, имѣло благодѣтельное вліяніе и на укрѣпленіе здоровья достойнаго профессора, передъ тѣмъ приходившее въ слабость. Въ эту поѣздку, между прочимъ, Н. И. Уткинъ на столько сошелся съ нѣмецкими граверами Френцелемъ и Фельсингомъ (особенно съ послѣднимъ), что корреспонденція между ними не прерывалась и удобство превосходнаго печатанія у г. Фельсинга совершенно успокоило маститаго художника на счетъ полученія оттисковъ прекраснаго колера, когда «Василій Великій» будетъ оконченъ» (с. 136). Окончивъ эту гравюру ровно черезъ 10 лѣтъ, Уткинъ, лѣтомъ 1856 г., отправился въ Дармштадтъ, на шесть мѣсяцевъ, для печатанія своего эстампа. Но такъ какъ къ заботамъ о печатаніи присоединилось и леченіе застарѣвшихъ недуговъ, то Уткинъ получилъ разрѣшеніе пробыть за-границей, вмѣсто шести мѣсяцевъ, всю зиму 1856—1857 гг.—и отпечатанные эстампы «Василія Великаго» впервые явились на академическую выставку только въ 1858 г.— Въ слѣдующемъ 1859 г., Уткинъ, отягченный старчествомъ, сложилъ съ себя званіе хранителя эстамповъ при имп. эрмитажѣ и, по царской милости, оставленъ въ званіи, почетнаго хранителя, а 12 декабря 1860 г. академія художествъ праздновала 50-ти-лѣтній юбилей европейской извѣстности своего маститаго сочлена. «Мирное торжество почтенія таланта и труда - говоритъ «Отчетъ» $^{1862}/_{1863}$ гг.—началось въ 4 часа по-полудни, съ прибытіемъ въ залы музея (античную галерею и библіотеку) самаго юбиляра, сопровождавшагося профессоромъ Іорданомъ. Почетный вольный общникъ академіи В. В. Стасовъ, въ рѣчи, обращенной къ собравшимся на праздникъ, разсказалъ заслуги профессора Уткина искуству, такъ полно и безкорыстно имъ любимому. Въ числѣ почитателей таланта, вмѣнившихъ себѣ въ обязанность почтить личнымъ присутствіемъ юбилей нашего гравера, были не только художники и любители, но и представители высшей администраціи—С. С. Ланской, А. М. Княжевичъ, Ѳ. И. Прянишниковъ. Первый изъ поименованныхъ нами лицъ обмѣнялся съ юбиляромъ медалью, изготовленною на его юбилей, отпразднованный въ 1851 г. Послѣ рѣчи Стасова, конференцъ-секретарь академіи прочелъ отношеніе г. министра императорскаго двора о пожалованіи юбиляру ордена св. Владиміра 3 степени, тутъ же врученнаго ему г. вице-президентомъ академіи. За обѣдомъ, когда очередь тоста дошла до А. Н. Струговщикова, онъ также сказалъ рѣчь, въ которой развивалъ идею, что одна любовь къ искуству и служеніе ему постоянное—могутъ быть поруками успѣховъ въ трудномъ искуствѣ гравированія. За рѣчью, прочелъ онъ стихотвореніе, первая строфа котораго:

> Суровъ и жесткъ стальной рѣзецъ,
> Рѣзецъ упорнаго искуства;
> За то—изъ розъ ему вѣнецъ
> И дань признательнаго чувства;
> Тѣсна ль семья его друзей,—
> Тепла и смысла много въ ней.

За Струговщиковымъ, въ свою очередь говорили тронутому юбиляру привѣтствія Н. И. Гречъ и Ѳ. И. Іорданъ. Праздникъ длился долго, было весело; всѣ разошлись довольные» (с. 137—138).—Прошло еще два года, въ теченіе которыхъ маститый граверъ, бодрый не по лѣтамъ, если слабѣлъ, то непримѣтно и, время отъ времени, принимался за «Святое Семейство» (съ Бронзино)—гравюра, которой суждено было длиться съ 1817 г. и остаться не конченною.—Въ послѣдніе дни февраля 1863 г. Уткинъ захворалъ и, послѣ непродолжительной болѣзни, 5 марта, закрылъ глаза на вѣки. «Онъ умеръ по христіански— сказано въ одномъ изъ его некрологовъ, — съ тихою покорностью, простясь со всѣми друзьями и передавъ свои послѣднія желанія и распоряженія г. Іордану, своему душеприкащику.—Не задолго до смерти онъ заплакалъ; но окружающіе его знали, что это—слезы артиста, завѣщавшаго окончить свое послѣднее произведеніе («Святое Семейство«), чтобы передать его августѣйшей особѣ, которая всегда относилась съ уваженіемъ къ его прекрасному таланту» (Сѣв. Почта 1863. № 58). Любовью Уткина къ искуству проникнуто и послѣднее его распоряженіе въ духовной, гдѣ онъ, между прочимъ, написалъ: «Оставляя проценты съ капитала 25,000 руб. сер. четыремъ своимъ родственницамъ, по кончинѣ ихъ весь сей капиталъ, съ наростающими процентами, я завѣщаю навсегда имп. академіи художествъ, *исключительно на поощреніе и вспомоществованіе художниковъ, посвятившихъ себя гравированію на мѣди*, коимъ художествомъ я занимался съ любовью во все продолженіе моей долговременной жизни, дарованной мнѣ Провидѣніемъ». Далѣе въ завѣщаніи прибавлено: «при жизни же вышеозначенныхъ четырехъ родственницъ, академія не имѣетъ никакого права ни на капиталъ, ни на проценты» (изъ матеріаловъ П. Н. Петрова).—Тѣло Н. И. Уткина погребено въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ. «Кромѣ прекраснаго таланта, говоритъ указанный выше некрологъ «Сѣверной Почты», у Уткина была прекрасная душа, во всѣхъ отношеніяхъ, что, конечно, засвидѣтельствуютъ всѣ, провожавшіе его до могилы. Къ нему можно бы было примѣнить эту средневѣковую эпитафію: «Послѣ смерти.... живетъ добрая слава».—Какъ художникъ, Уткинъ никогда не умретъ въ исторіи русскаго искуства. «Вмѣсто того, чтобъ быть историческимъ граверомъ, говоритъ авторъ статьи «Мастерскія русскихъ художниковъ», Уткинъ сдѣлался портретнымъ—и здѣсь тотъ же успѣхъ, то же искуство, ловкость, чистота и оконченность навсегда сдѣлались его спутниками и отличительными качествами его произведеній.— Изъ современныхъ портретныхъ граверовъ одинъ только Тоски, по нашему мнѣнію, можетъ поспорить въ вѣрности, силѣ и точности исполненія всѣхъ требованій истиннаго граверпаго искуства съ г. Уткинымъ. Товарищи между собой и ученики Бервика, они не посрамятъ славы рѣзца своего наставника и до сихъ поръ остаются единственными и достойнѣйшими представителями древней классической школы гравированья» (Отеч. Зап. 1839, т. II. Отд. IV. с. 9).

ВОЛКОВЪ, Θедоръ Григорьевичъ, основатель русскаго театра.— Принадлежалъ къ купеческому сословію, родился 9 февраля 1729 г., въ г. Костромѣ, и рано потерявъ отца, переселился въ г. Ярославль, куда мать его вышла въ замужество за мѣстнаго купца и сѣрнозаводчика Θед. Полушкина. Любя дѣтей своей жены, какъ родныхъ, Полушкинъ, замѣтившій свѣтлый умъ и природныя дарованія старшаго пасынка, Θедора, отправилъ его въ Москву, гдѣ будущій основатель русскаго театра обучался въ Заиконоспасской академіи музыкѣ, ариѳметикѣ и нѣмецкому языку, при чемъ участвовалъ и отличался своею игрою въ сценическихъ представленіяхъ нѣкоторыхъ духовныхъ драмъ и мольеровыхъ комедій, исполняемыхъ заиконоспасскими студентами на полуславянскомъ языкѣ.—Обогащенный большими свѣдѣніями въ изящныхъ наукахъ и словесности, а также въ музыкѣ, хоральномъ пѣніи и живописи, особенно ландшафтной, Волковъ, по возвращеніи своемъ въ Ярославль, мало прилежалъ къ торговымъ дѣламъ отчима, но все свободное время посвящалъ рѣзьбѣ на деревѣ, живописи, лѣпной работѣ, скульптурѣ и вообще трудамъ въ области изящнаго.—Памятникомъ этихъ трудовъ остаются до сихъ поръ: 1) въ ярославской церкви Николы Надѣина—царскія врата, съ рѣзною на нихъ Тайною Вечерею, работы Волкова, и тамъ же, въ холодномъ храмѣ, иконостасъ, устроенный по его рисунку, 2) вообще въ Ярославлѣ—много картинъ, рисованныхъ Волковымъ. Что касается Полушкина, онъ, не препятствуя изящнымъ увлеченіямъ своего пасынка, все-таки полагалъ необходимымъ исподоволь пріучать его къ торговому дѣлу и, въ 1746 г., отправилъ юношу Волкова, съ кожевеннымъ товаромъ, въ Петербургъ, гдѣ будущій основатель русскаго театра, уже чувствовавшій отвращеніе ко всему торговому, не замедлилъ, вмѣстѣ съ полюбившимъ его хозяиномъ, побывать въ придворной итальянской оперѣ—и съ разу запылалъ неодолимою страстью къ сценическимъ зрѣлищамъ. Вскорѣ затѣмъ Волкову удалось пробраться за кулисы кадетскаго театра, во время представленія трагедіи Сумарокова: *Синавъ и Труворъ*,—и вотъ что впослѣдствіи самъ Волковъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ И. А. Дмитревскому: «Увидя Никиту Аѳанасьевича Бекетова въ ролѣ Синава, я пришелъ въ такое восхищеніе, что не зналъ, гдѣ былъ: на землѣ или на небесахъ? Тутъ родилась во мнѣ мысль завести свой театръ въ Ярославлѣ».—Одушевляемый этой мыслью, Волковъ свелъ знакомство съ содержателями иностранныхъ театровъ, особенно съ нѣмцемъ-Аккерманомъ; сталъ учиться итальянскому языку и переводить на русскій итальянскія и нѣмецкія пьесы; вникалъ въ театральные распорядки; записывалъ размѣры сценъ и декорацій, срисовывая послѣднія и проч. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Волковъ не забывалъ торговыхъ порученій своего отчима и, покончивъ ихъ къ удовольствію Полушкина, возвратился въ Ярославль, гдѣ былъ встрѣченъ своими съ восхищеніемъ и благодарностью. Тутъ, въ Ярославлѣ, Волковъ тотчасъ же приступилъ къ осуществленію ласкавшей его мечты и подобравъ себѣ нѣсколькихъ товарищей—двухъ младшихъ братьевъ своихъ, Григорія и Гаврила, сосѣднихъ молодцовъ Василія и Михаила *Поповыхъ*, Михаила *Чулкова*, Ванюшу *Нарыкова* (впослѣдствіи И. А. Дмитревскій), Ивана *Соколова*,—началъ обучать ихъ драматическому искусству, музыкѣ и живописи. Когда же импровизированные актеры понаторѣли въ своемъ дѣлѣ, Волковъ, къ дню имянинъ своего отчима, преобразилъ кожевенный сарай въ порядочный театръ съ кулисами, машинами, оркестромъ изъ двухъ скрипокъ о шелковыхъ струнахъ, гуслями, плошками—и, къ изумленію приглашенныхъ зрителей, розыгралъ съ своими товарищами драму *Есфирь* и пастораль *Евмондъ и Берѳа*, имъ же переведенную съ нѣмецкаго. Имянинникъ, восхищенный этимъ сюрпризомъ, удивлялся особенно облакамъ, свободно опускавшимся и поднимавшимся, какъ настоящія; мать была внѣ себя отъ радости, что у нея такой разумный сынъ; ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ, свидѣтели зрѣлища, до тѣхъ поръ ими невиданнаго, приняли участіе въ стремленіяхъ молодаго антрепренера и, пожертвовавъ значительныя суммы, склонили къ тому же ярославскихъ дворянъ и купцовъ, съ содѣйствіемъ которыхъ тогда же приступлено къ постройкѣ и обзаведенію деревяннаго театра. По свидѣтельству г. А. Карабанова, «Волковъ былъ самъ основателемъ, архитекторомъ, декораторомъ, машинистомъ, капельмейстеромъ, авторомъ, переводчикомъ и директоромъ этаго театра. Продолжая представленія, онъ бралъ за мѣста: на переднихъ скамейкахъ по пятаку, въ среднихъ по алтыну (3 коп.), а въ заднихъ по одной копейкѣ».—Постройка театра въ Ярославлѣ, на берегу Волги, продолжалась до 1750—1751 г., когда онъ былъ открытъ представленіемъ оперы *Титово милосердіе*, переведенной съ итальянскаго самимъ Волковымъ. Потомъ тутъ игрались разныя пьесы, въ родѣ *Евдоксіи вѣнчанной* и друг., при оркестрѣ изъ помѣщичьихъ музыкантовъ, съ хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Въ этомъ-то театрѣ часто бывалъ сенатскій экзекуторъ Игнатьевъ, присланный изъ Петербурга въ Ярославль, для изслѣдованія какихъ-то злоупотребленій. Возвратясь въ Петербургъ, Игнатьевъ донесъ о видѣнной имъ новизнѣ своему начальнику, генералъ-прокурору кн. Н. Ю. Трубецкому, а тотъ, при случаѣ, доложилъ о томъ имп. Елизаветѣ, которая немедленно повелѣла привезти Волкова съ его товарищами въ Петербургъ, къ высочайшему двору.—Во исполненіе этаго повелѣнія, сенатскій экзекуторъ Дашковъ, зимою 1752 г., поскакалъ на почтовыхъ въ Ярославль и забралъ оттуда Волкова съ его 14-ю товарищами, одѣленныхъ, ради дорожнаго случая, казенною теплою одеждою. Передъ отъѣздомъ изъ Ярославля, Волковъ если вѣрить извѣстію «Русскихъ Вѣдомостей», перепечатанному въ «Народной Газетѣ» (1869 г. № 19), поставилъ на своемъ театрѣ комедію своего же сочиненія: *Всякой Еремѣй про себя разумѣй*.—По прибытіи ярославцовъ въ Петербургъ, императрица приказала имъ показать опытъ своего искуства на комнатномъ театрѣ царскосельскаго дворца—и тутъ всѣ они дебютировали трагедіей Сумарокова: *Хоревъ*, потомъ повторили *Хорева*, а затѣмъ послѣдовательно разыграли трагедіи Сумарокова: *Синавъ и Труворъ*, *Артистона* и *Гамлетъ*. Въ *Хоревѣ* Волковъ выполнялъ роль *Кія*; въ *Синавѣ*, особенно восхитившемъ императрицу, и въ другихъ трагедіяхъ—главныя роли. Стяжавъ успѣхъ вполнѣ заслуженный, Волковъ былъ оставленъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ продолжалъ играть на придворномъ театрѣ съ своими товарищами, частью помѣщенными въ кадетскій корпусъ, а также, по свидѣтельству г. И. Снегирева, «пользовался и другими средствами, какія можно было найти въ новой столицѣ: музыка и живопись смѣняли упражненія его въ наукахъ историческихъ и математическихъ. Тогда онъ узналъ Ломоносова, читалъ его оды и вышедшую тогда русскую Грамматику и Риторику. Въ свободное отъ ученія время онъ самъ сдѣлалъ маленькій кукольный театръ».—

Съ обнародованіемъ высочайшаго указа сенату, отъ 30 августа 1756 г., объ учрежденіи русскаго театра, Волковъ наименованъ первымъ актеромъ—и на первыхъ же представленіяхъ, въ домѣ бывшемъ гр. Головкиныхъ, обнаружилъ свое дарованіе во всемъ блескѣ; даже иностранцы не иначе отзывались о немъ, какъ о великомъ актерѣ. Репертуаръ того времени, кромѣ оригинальныхъ пьесъ Сумарокова, составляли, переведенныя съ французскаго, трагедіи: *Поліевктъ*, *Андромаха*; комедіи: *Амфитріонъ*, *Гарпагонъ*, *Лекарь по неволѣ*, *Мѣщанинъ во дворянствѣ*, *Тартюфъ*, *Ученыя женщины*, *Игрокъ* и друг. Къ этому, Волковъ, по соизволенію государыни, прибавилъ возобновленную имъ мистерію: *Кающійся грѣшникъ*, соч. св. Дмитрія Ростовскаго, и поставилъ ее на придворную сцену съ великолѣпіемъ, напоминавшимъ аѳинскія времена Перикла. Въ 1757 г. Волковъ, вмѣстѣ съ Шумскимъ, отправленъ въ Москву, для заведенія и тамъ театра, который, съ изумительною быстротою, открытъ въ томъ же году, подъ вѣдѣніемъ московскаго университета и управленіемъ его директора, Мих. Матв. Хераскова; первоначальную труппу этаго театра составляли тогда студенты университета, между которыми лучшими актерами были: Як. Ив. Булгаковъ и Ден. Ив. Фонвизинъ,—люди, извѣстные впослѣдствіи совсѣмъ на другихъ поприщахъ. Тутъ же играли и Троепольскіе, мужъ и жена, знаменитые артисты своего времени. Возвратясь въ Петербургъ, Волковъ, въ качествѣ перваго актера, ставилъ на сцену: въ 1758 г.—трагедію Сумарокова: *Ярополкъ и Димиза*, а къ 5 сентября 1759 г.—прологъ Сумарокова: *Новые лавры*, сочиненный на случай побѣды, одержанной русскими, 1 августа, при Франкфуртѣ. Но такъ какъ между тѣмъ, въ Москвѣ, кромѣ казеннаго театра, завелся частный, открытый въ 1759 г. итальянцемъ Локателли, то Волковъ представилъ имп. Елизаветѣ о присоединеніи актеровъ московской труппы къ штату придворной—и Троепольскіе, а также знаменитая драматическая артистка и пѣвица Евд. Мих. Михайлова, съ 1761 г. сдѣлались достояніемъ петербургской сцены. —Имп. Екатерина II, при своемъ воцареніи, въ 1762 г., благоволила пожаловать Волкова дворянскимъ достоинствомъ и отчиною въ 700 душъ; но онъ, со слезами благодарности, просилъ государыню удостоить этою наградою женатаго брата его, Гавріила, а ему позволить остаться въ томъ званіи, которому онъ обязанъ своею извѣстностью и самыми монаршими милостями. Затѣмъ, сънгравъ на сценѣ только разъ—роль Оскольда, въ трагедіи Сумарокова: *Семира*,—Волковъ занялся высочайше-порученнымъ Сумарокову и ему сочиненіемъ и устройствомъ подвижнаго маскарада, долженствовавшаго, подъ именемъ *Торжествующей Минервы*, дивить собою Москву въ масляничные дни 1763 г. «По приготовленіи костюмовъ и машинъ, гласитъ «Лѣтопись русскаго театра», необычайный и блистательный маскарадъ открытъ былъ торжественнымъ шествіемъ, по большимъ московскимъ улицамъ, на 200 колесницахъ, запряженныхъ разукрашенными волами; этотъ маскарадъ состоялъ изъ множества различныхъ группъ и кадрилей, представлялъ разнообразныя живыя картины; дѣйствовавшихъ въ немъ было до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Въ этомъ подвижномъ маскарадѣ были всевозможныя миѳологическія изображенія: и Минерва и Аполлонъ съ Музами, и Вакхъ съ Сатирами, и картины изъ современнаго быта—пьяницы, подъячіе, невѣжды—были представлены здѣсь въ комическомъ видѣ. Сумароковъ истощилъ все свое воображеніе, чтобъ выразить въ ѣдокой сатирѣ всѣ пороки людей». Но Волкову маскарадъ этотъ обошелся не дешево. Разъѣзжая верхомъ, въ теченіе дней 30 января, 1 и 2 февраля, по всѣмъ отдѣленіямъ «Торжествующей Минервы», для наблюденія за порядкомъ въ ея цѣломъ, Волковъ простудился, схватилъ гнилую горячку и, послѣ двухъ-мѣсячныхъ страданій, умеръ 4 апрѣля 1763 г., въ Москвѣ, на 35 г. дѣятельной и полезной жизни. Тѣло его съ великолѣпіемъ погребено въ московскомъ Спасо-Андрониковѣ монастырѣ. Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ,—судя по портрету, гравированному Чемесовымъ, —былъ роста средняго, нѣсколько плотенъ, осанки благородной и величавой; лицо имѣлъ исполненное необыкновенной пріятности, а каріе глаза—выразительности; темнорусые волосы носилъ локонами до плечь.— «Сей мужъ—свидѣтельствуетъ о Волковѣ Н. И. Новиковъ—былъ великаго, обымчиваго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсужденія, и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прилежнымъ чтеніемъ наилучшихъ книгъ. Театральное искуство зналъ онъ въ вышнемъ степенѣ; при семъ былъ изрядный стихотворецъ, хорошій живописецъ, довольно искусный музыкантъ, на многихъ инструментахъ, посредственной скульпторъ и, однимъ словомъ, человѣкъ многихъ знаній въ довольномъ степенѣ. Съ перваго взгляда казался онъ нѣсколько суровъ и угрюмъ; но сіе исчезало, когда находился онъ съ хорошими своими пріятелями, съ которыми умѣлъ онъ обходиться и услаждать бесѣду разумными и острыми шутками. Житія былъ трезваго и строгой добродѣтели; друзей имѣлъ немногихъ, но наилучшихъ, и самъ былъ другъ совершенный, великодушный, безкорыстный и любящій вспомоществовать». Фонвизинъ отзывается о Волковѣ, какъ «о мужѣ глубокаго разума, наполненномъ достоинствами, имѣвшемъ большія знанія и который могъ бы быть государственнымъ человѣкомъ». Сумароковъ имѣлъ въ Волковѣ друга и оплакалъ его въ «Элегіи», которая, бывъ посвящена Дмитревскому, начинается стихами:

> Пролей со мной потокъ, о Мелпомена, слезный:
> Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
> Преставился мой другъ; прости, мой другъ любезный!
> На вѣки Волкова пресѣклися часы!

Какъ актеръ, Волковъ былъ превосходенъ въ роляхъ героевъ: съ чувствомъ и жаромъ соединялъ онъ необыкновенное величіе и благородство, красоту и выразительность лица, чистый и звучный голосъ. —Какъ стихотворецъ, Волковъ, по выраженію Новикова, сообщалъ своимъ сочиненіямъ «весьма много остроты» и извѣстенъ особенно похвальною одною Петру I, предположенною въ 40 куплетахъ, но остановившеюся на 15-мъ. Изъ другихъ сочиненій Волкова, большею частью, утраченныхъ, остались извѣстными двѣ пѣсни (съ его же музыкой): *Ты проходишь мимо кельи, дорогая* и *Станемъ, братцы, пѣть старую пѣсню*, да слѣдующая, весьма остроумная, эпиграмма:

> Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ!
> Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ!
> Полно, не спорьте: и конь и дѣтина—
> Оба красивы, да оба скотина.

Образчикомъ скульптурныхъ трудовъ Волкова остался сработанный имъ изъ мрамора грудной бюстъ Петра I.

ХОМЯКОВЪ, Алексѣй Степановичъ, извѣстный русскій писатель. Родился, 1 мая 1804 г., въ Москвѣ,

гдѣ росъ, воспитывался и получилъ отличное образованіе въ домѣ родительскомъ, имѣя сверстниками и друзьями своей юности такихъ людей, каковы, напр.: Д. В. Веневитиновъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, братья И. В. и П. В. Кирѣевскіе, А. И. Кошелевъ и друг. Вліяніе ли этихъ, безспорно, счетныхъ личностей, общее ли впечатлѣніе окружавшей среды, но Хомяковъ, уже 16-ти-лѣтнимъ мальчикомъ, умѣлъ живо сочувствовать побужденіямъ къ народной независимости, даже въ иноплеменникахъ, и, воспѣвъ греческое возстаніе 1821 г., самъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, чтобъ сражаться за святое для него дѣло грековъ. Возвращенный отцу внушеніями благоразумія, 17-ти-лѣтній Хомяковъ началъ писать стихи, преимущественно библейскаго содержанія, и въ 1822 г. опредѣлился на службу л. гв. въ конный полкъ, здѣсь, въ 1824 г., былъ произведенъ въ корнеты, а 7 марта 1825 г. уже получилъ увольненіе отъ службы, «по домашнимъ обстоятельствамъ», съ чиномъ поручика. Въ 1826 г. лирическія стихотворенія Хомякова начали появляться въ печати порознь, а въ 1827 — 1828 гг. группами, между тѣмъ какъ самъ авторъ ихъ почти два года путешествовалъ за-границей и, голосомъ общественнаго мнѣнія, уже причислялся къ поэтамъ Пушкинской плеяды, блиставшей именами Баратынскаго, Веневитинова, Дельвига и Языкова. Съ открытіемъ Турецкой войны 1828 г., Хомяковъ снова надѣлъ эполеты, всю кампанію 1828—1829 гг. отслужилъ при извѣстномъ храбрецѣ генералъ-лейтенантѣ кн. В. Г. Мадатовѣ, а по заключеніи мира—вторично вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ. Здѣсь возмужало, окрѣпло и упрочилось то литературное значеніе Хомякова, которое осталось за нимъ навсегда и, различествуя съ современными ему направленіями музы Жуковскаго и Пушкина, ярко выражается, напр., въ слѣдующей строфѣ его «оды», написанной въ 1831 г.:

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ, въ преступный часъ!
Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ;
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

Этотъ смѣлый голосъ противъ взаимныхъ отношеній Россіи и Польши былъ, въ свое время, заслугою, конечно, большею, нежели отдѣльное изданіе, въ слѣдующемъ же 1832 г., пятиактной трагедіи *Ермакъ*, въ прекрасныхъ стихахъ, блеску и выразительности которыхъ Хомяковъ пожертвовалъ всѣми требованіями исторической правды и критики. «Ермакъ и всѣ *добрыя* лица его (автора) трагедіи—справедливо замѣтилъ, въ свое время, еще Полевой—нисколько не похожи на дерзкихъ, мужественныхъ казаковъ: это нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по-русски. Еслибы на завоеваніе Сибири отправился какой-нибудь буршъ геттингенскаго университета, съ толпою товарищей и филистеровъ, то въ трагедіи г. Хомякова была бы истина. Но теперь—ея нѣтъ и слѣда». Въ 1833 г. Хомяковъ издалъ новую пяти-актную трагедію, въ стихахъ, подъ названіемъ: *Димитрій Самозванецъ*,—и тотъ же Полевой писалъ въ томъ же «Телеграфѣ»: «Это произведеніе почитаемъ мы самымъ утѣшительнымъ для нашей драматургіи, во-первыхъ по собственному достоинству онаго, во-вторыхъ по тѣмъ надеждамъ, какія возбуждаетъ оно. Тутъ видно уже дарованіе гораздо болѣе зрѣлое, и болѣе могущественное, нежели въ «Ермакѣ»; виденъ взглядъ мужа, а не юноши». Заключая свой отзывъ похвалою стихамъ новой трагедіи, Полевой, для образчика, выписываетъ цѣлую сцену между Димитріемъ и царицей Мароой, начинающуюся слѣдующимъ признаніемъ Самозванца:

Да—я не царскій сынъ. Но благодатью силы
Помазанъ я и духомъ славныхъ дѣлъ;
Самъ Іоаннъ изъ глубины могилы
Мнѣ завѣщалъ державный свой удѣлъ.
Онъ мой теперь! покойники во гробѣ—
И крѣпко спятъ. Онъ мой! я не отдамъ
Плода трудовъ, отчаянныхъ сраженій
И долгихъ думъ и тяжкихъ ухищреній:
Не уступлю презрительнымъ врагамъ.

Стихъ Хомякова, въ самомъ дѣлѣ, пріобрѣталъ красоту и силу, обличающія мастера дѣла, и безукоризненность внѣшней формы выраженія становилась отличительнымъ достоинствомъ его музы. То и другое доказывается, напр., слѣдующимъ стихотвореніемъ Хомякова, написаннымъ въ 1834 г.

Благодарю тебя. Когда любовью нѣжной
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мятежной
Порывъ души моей.
Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ,—и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!
И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила;
Все въ груди тишина, все сердце разцвѣло;
И пѣсенъ благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!
Такъ, послѣ ярыхъ бурь, моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинъ краса,—
Такъ, раненый слегка, орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!

Но, за безукоризненностью внѣшней формы, муза Хомякова уже не говорила много ни воображенію, ни чувству, и если могла производить впечатлѣніе, то развѣ панславистскими тенденціями, находившими сочувствіе въ самомъ ограниченномъ кружкѣ, центромъ котораго искалъ быть—и впослѣдствіи былъ—самъ же Хомяковъ, съ 1836 г. женатый на сестрѣ поэта Языкова. Наконецъ, муза Хомякова имѣла еще ту особенность, что она вдругъ смолкала на нѣсколько лѣтъ, какъ случилось это, напр., по смерти Пушкина, со времени которой, т. е. 1837 г., Хомяковъ, въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, не написалъ почти ничего, кромѣ стихотворенія «Къ Дѣтямъ», замѣчательнаго именно преобладаніемъ чувства, разумѣется, сравнительно съ другими произведеніями того же автора. Въ 1844—1845 гг. Хомяковъ вторично путешествовалъ за-границей, не принимая никакого участія въ изданіи книжки, вышедшей въ 1844 г., въ Москвѣ, подъ названіемъ: «кд҃ (24) стихотворенія А. С. Хомякова» и напечатанной родственникомъ его, Д. Валуевымъ, который изъ всѣхъ стихотвореній Хомякова выбралъ 24 по своему личному вкусу: «Есть сочиненія—писалъ тогда Бѣлинскій,—при чтеніи которыхъ съ перваго раза поражаетъ читателя мысль, рѣзко выходящая наружу, нескрываемая подъ многосложнымъ прибо-

ромъ словъ. Есть, наоборотъ, сочиненія, въ которыхъ больше всего, прежде и послѣ, бросается вниманію отдѣлка рѣчи, внѣшняя форма мысли, блистательный стихъ или нарядная проза. Къ отдѣлу послѣднихъ непосредственно принадлежитъ книжечка стихотвореній г. Хомякова». За тѣмъ, всѣ 24 пьесы Хомякова Бѣлинскій подраздѣляетъ на два разряда и находитъ, что въ первомъ «нѣтъ опредѣленной мысли, которая занимала бы стихотворца исключительно: онъ поетъ, потому что поется». Сюда принадлежатъ пьесы: *Къ Дѣтямъ*, *Желаніе*—обѣ онѣ лучшія,—*Поэтъ*, *Сонъ*, *Изола-Белла*, *Два часа*, *На сонъ грядущій*, *Клинокъ*, *Просьба*, *Вдохновеніе*, *Къ**, *Жаворонокъ*, *Орелъ и Поэтъ*, *Nachtstück*, *Русская пѣсня*, *7 Ноября*, *Милькѣеву*, *Видѣніе*, *Давидъ*. Къ пьесамъ втораго разряда,—которыя «выражаютъ одну и ту же, кажется, завѣтную мысль стихотворца, обнаруживаютъ его стремленія и надежды»,—относятся: *Ключъ*, *Островъ*, *Россіи*, *Мечта*, *Кіевъ*, *На перенесеніе Наполеонова праха*. Усматривая въ этомъ второмъ разрядѣ пьесъ «славянское» направленіе сочинителя, Бѣлинскій подсмѣивается надъ грозными приговорами Хомякова западу вообще и Англіи въ особенности, приговорами, драпирующимися въ величественное прорицаніе «близокъ день», но не сбывающимися на дѣлѣ. «*Мечта* ваша—пишетъ Бѣлинскій—явилась въ тридцатыхъ годахъ, напечатана въ «Московскомъ Наблюдателѣ», и вотъ—тридцатые годы прошли, «Московскій Наблюдатель» замолкъ, а западная царица морей стоитъ крѣпко: по прежнему развѣвается гордый флагъ ея, цвѣтетъ ея торговля, приноситъ земля плодъ, безостановочно идутъ искуства и науки... Гдѣ же, говоримъ, исполненіе гибельнаго предвѣщанія? Что значатъ слова: «близокъ день?» и проч. Но въ той же «западной царицѣ морей» находилъ Хомяковъ полное сочувствіе своимъ завѣтнымъ мечтамъ, надеждамъ и стремленіямъ: не далѣе какъ въ 1845 г. членъ англійской церкви діаконъ В. В. Пальмеръ издалъ, въ Оксфордѣ, свои Short poems and Hymns, the latter mostly translations» (мелкія стихотворенія и гимны, изъ коихъ послѣднія, большею частію, переводы), съ русскимъ заглавіемъ на оберткѣ: *Стихотворенія діакона В. В. Пальмера. Оксфордъ 1845*, съ эпиграфомъ по-англійски: *О свышнемъ мірѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и соединеніи всѣхъ, Господу помолимся*, наконецъ, съ слѣдующимъ объясненіемъ по-русски: *Эти стихотворенія и гимны посвящаются А. С. Хомякову и прочимъ знакомымъ автора въ Россіи, и всѣмъ тѣмъ, которые свѣдущи въ англійскомъ языкѣ—въ знакъ вѣчнаго воспоминанія и уваженія*». Возвратясь, въ 1845 г., изъ-заграницы, Хомяковъ уже постоянно жилъ: зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ, большею частію, въ своемъ тульскомъ имѣніи. Съ этаго времени, онъ исключительно посвятилъ себя дѣятельности литературной, которую ознаменовалъ многочисленными статьями самаго разнообразнаго содержанія, возбуждавшими много споровъ и сдѣлавшими имя Хомякова извѣстнымъ публикѣ—не по однимъ трагедіямъ «Ермакъ» и «Димитрій Самозванецъ» или стихотворнымъ произведеніямъ библейскаго содержанія. Послѣднія, впрочемъ, составляя всегда любимѣйшій предметъ и едва ли не блистательнѣйшую сторону музы Хомякова, съ каждымъ годомъ становились лучше и лучше, какъ доказываетъ это, напр., слѣдующая превосходная характеристика исторіи еврейскаго народа, написанная въ 1851 г.:

«Мы родъ избранный, говорили
Сіона дѣти встарину,
Намъ Божьи силы осушили
Морей волнистыхъ глубину.
«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
И дымъ, и огнь, какъ Божье знамя,
Въ пустыняхъ намъ казали путь.
«Намъ камень лилъ воды потоки,
Дождили манной небеса;
Для насъ законъ, у насъ пророки,
Въ насъ Божьей силы чудеса».
Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми онъ, кто говоритъ:
«Мы соль земли, мы столбъ святыни,
«Мы Божій мечъ, мы Божій щитъ!»
Не съ тѣми онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Въ 1852 г., Хомяковъ потерялъ любимую жену—и лира его, настроившись молитвенно, пробряцала слѣдующую «Вечернюю Пѣснь»:

Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою;
Тихо сіяетъ струей золотою
Западный край.
Господи, путь нашъ межъ камней и терній,
Путь нашъ во мракѣ: Ты, свѣтъ невечерній,
Насъ осіяй!
Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
Въ тяжкой борьбѣ,
Всюду сіяніе солнца святаго,
Божія Мудрость и Сила и Слово...
Слава Тебѣ!

Съ начала войны 1853—1856 гг. Хомяковъ уже не покидалъ поэтическаго поприща, а съ основанія въ 1856 г. журнала «Русская Бесѣда»—сдѣлался особенно извѣстенъ публикѣ тѣми статьями, которыя, благодаря своему, часто одностороннему, панславизму, обличали въ Хомяковѣ главу и представителя московскаго славянофильства. На проповѣдь этаго страннаго ученія, силившагося воплотить въ современной Россіи старую Русь, Хомяковъ смотрѣлъ какъ на подвигъ, достойный стремленій его энергической, даровитой души, что и старался онъ выразить въ написанномъ имъ въ 1859 г., стихотвореніи «Подвигъ»—стихотвореніи, не смотря на свой докторальный тонъ, безсильномъ до крайности и не выдерживающемъ никакой критики. Тотъ же докторальный тонъ слышится и въ послѣднемъ стихотворномъ произведеніи Хомякова, которое г. Лонгиновъ почитаетъ «поэтическимъ пророчествомъ», должно быть, потому, что оно заключается слѣдующими строфами:

И теперь съ полудня темной
Тучей кроетъ небеса:
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.
Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ, въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной:
Чтобъ страданьями—свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Слову истины внимать;

Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ востока
Грѣетъ влажный тукъ полей.

Это стихотвореніе было написано въ 1859 г., а 23 сентября 1860 г., Хомяковъ, схваченный холернымъ припадкомъ, умеръ въ имѣніи своемъ, селѣ Ивановскомъ, рязанской губерніи Данковскаго уѣзда.—Какъ человѣкъ, Хомяковъ, по свидѣтельству знавшихъ его хорошо, «съ нравственнымъ характеромъ, стоявшимъ на высотѣ, недоступной никакимъ нареканіямъ и клеветамъ», соединялъ глубокія убѣжденія, разностороннія, обширныя свѣдѣнія, увлекательный даръ слова, тонкую, энергическую діалектику, былъ, по выраженію одного изъ его друзей, «неизсякаемымъ родникомъ живой воды». Общественное значеніе Хомякова было обширно, а имя его, какъ писателя, питавшаго и энергическипроповѣдывавшаго въ теченіе долгихъ лѣтъ сочувствіе и участіе къ западнымъ и южнымъ единоплеменникамъ русскихъ, сдѣлалось близкимъ и дорогимъ во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Значеніе Хомякова, какъ поэта, пунктъ спорный. «Муза г. Хомякова, говоритъ Бѣлинскій, состоитъ въ близкомъ сходствѣ съ музою г. Языкова... Въ стихотвореніяхъ г. Языкова (прежнихъ) нельзя отрицать поэтической струи, которая болѣе или менѣе сквозитъ черезъ ихъ риторизмъ; въ стихотвореніяхъ г. Хомякова есть не только струя, но полный и блестящій талантъ, только отнюдь не поэтическій.... Въ искуственности и поддѣльности г. Хомяковъ далеко опередилъ г. Языкова. Имѣя способность изобрѣтать и придумывать звучные стихи, онъ рѣшился ее употребить въ пользу себѣ, пріобрѣсти ею себѣ славу не только поэта, но и прорицателя, который проникъ въ дѣйствительность настоящаго и постигъ тайну будущаго, и который гадаетъ на своихъ стихахъ не о судьбѣ частныхъ личностей (какъ это дѣлаютъ ворожеи на картахъ), но о судьбѣ царствъ и народовъ.... Г. Хомяковъ, какъ болѣе свободный (нежели Языковъ) отъ всякаго внутренняго, непосредственнаго стремленія версификаторъ, выбралъ для своихъ стихотворскихъ занятій предметы гораздо выше. Пушкинъ, напримѣръ, не выбиралъ, потому что поэтъ по призванію, поэтъ великій, лишонъ не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ пѣснопѣній и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе.... Г. Хомякову нельзя было не выбирать, онъ не былъ поэтомъ и ему было все равно, что бы ни пѣть. Онъ не долго думалъ, и рѣшился посвятить свои посильные труды на гимны старой до-Петровской Руси. Намѣреніе похвальное, хотя и лишонное всякаго художественнаго такта, потому что живое, современное всегда ближе къ сердцу поэта. Чтобъ довершить ошибку направленія, г. Хомяковъ рѣшился въ современной Россіи видѣть старую Русь».—Защитники Хомякова, на котораго Бѣлинскій нападалъ преимущественно за направленіе, говорятъ, что «во всѣхъ поэтическихъ искрахъ натуры Хомяковъ есть и свѣтъ и огонь, но сосредоточивался свѣтъ и огонь этой высокой натуры въ другой дѣятельности».... Посмертное изданіе стихотвореній Хомякова, вышедшее въ 1861 г., въ Москвѣ, заключаетъ въ себѣ 75 пьесъ.—От брака съ Екатериной Михайловной Языковой, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ оставилъ шесть человѣкъ дѣтей.

ХЕМНИЦЕРЪ, Иванъ Ивановичъ, русскій баснописецъ. Родился, въ 1744 г., въ Петербургѣ, гдѣ отецъ его, саксонскій выходецъ, прослужившій Россіи болѣе 50 лѣтъ, находился тогда надзирателемъ сухопутнаго госпиталя. Съ дѣтства готовимый отцомъ къ тому же медицинскому поприщу, молодой Хемницеръ прилежно занимался преподаваемыми ему науками, учился языкамъ: русскому, французскому, нѣмецкому, «нѣсколько итальянскаго и латинскаго», но, вмѣстѣ съ успѣхами, оказывалъ непреодолимое отвращеніе къ анатомическимъ опытамъ, вслѣдствіе чего старикъ-отецъ, убившій послѣднія деньги на образованіе единственнаго сына, благословилъ 13-ти-лѣтняго Хемницера вступить въ военную службу. Принятый, 27 іюня 1757 г., въ Нашебургскій пѣхотный полкъ солдатомъ, будущій баснописецъ, до наступленія слѣдующаго 1758 г., получилъ одно за другимъ званія: 24 августа—капрала, 14 сентября—подпрапорщика, 12 ноября—сержанта. А такъ какъ въ то самое время Россія принимала дѣятельное участіе въ кровопролитной войнѣ, названной послѣ Семилѣтнею, то Хемницеръ, попавъ, по собственному его выраженію, «изъ анатомической залы на обширный хирургическій театръ», съ 1759 г. сражался на поляхъ Пруссіи. По заключеніи мира съ королемъ Фридрихомъ II, сержантъ Хемницеръ, 11 мая 1762 г. назначенъ въ адъютанты къ г. м. Остерману, 1 января 1766 г. пожалованъ чиномъ поручика, и потомъ участвовалъ въ начальныхъ бояхъ первой турецкой войны. Въ томъ же 1769 г., августа 12, Хемницеръ оставилъ полевую службу и, согласно требованію Бергъ-коллегіи, переименовался въ гиттенфервальтеры при горномъ кадетскомъ корпусѣ. Быть можетъ также, что къ этой перемѣнѣ службы побудила Хемницера и необходимость содержать собственными трудами овдовѣвшую безъ него старуху-мать съ двумя дочерьми,—необходимость, въ силу которой Хемницеръ, проводя цѣлые дни въ корпусѣ, а ночи за книгами, рѣшился даже выступить на литературное поприще. Первыми опытами Хемницера, какъ писателя, были двѣ *Оды*, напечатанныя въ Петербургѣ, въ 1769 и 1770 г.; трагедія *Бланка*, въ 3 дѣйствіяхъ, оставшаяся не напечатанною; наконецъ, «много стиховъ», какъ выражается Н. И. Новиковъ, упоминая о Хемницерѣ въ своемъ «Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» 1772 г. Но любимѣйшимъ занятіемъ Хемницера было изученіе Лафонтена и, по временамъ, подражанія этому баснописцу—до того таинственныя, что Хемницеръ скрывалъ ихъ даже отъ своихъ ближайшихъ друзей, В. В. Капниста и Н. А. Львова, изъ которыхъ послѣднему онъ посвятилъ переводъ *Письма Барнвеля къ Труману изъ темницы*, напечатанный въ 1774 г., съ акростихомъ, начинающимся такъ:

Любезный другъ!
Нелестной дружбѣ трудъ усердный посвящаю,
И знанью правому судити предлагаю;
Когда я переводъ сихъ малыхъ строкъ свершилъ,
О чувствованіи твоемъ я вобразилъ....—и проч.

Между тѣмъ, 5 декабря 1773 г. Хемницеръ получилъ чинъ капитанъ-поручика, съ званіемъ маркшейдера и, наименованный, съ 10-ю другими горными чиновниками, членомъ ученаго собранія при горномъ корпусѣ, участвовалъ въ переводахъ на русскій языкъ разныхъ минералогическихъ сочиненій. Въ 1776 г. Хемницеръ произведенъ, 5 іюня, въ капитаны, а 9 сентября въ премьеръ-маіоры, и взятъ президентомъ бергъ-коллегіи и первымъ директоромъ горнаго корпуса, тайн. сов. М. Ѳ. Соймоновымъ, въ заграничную поѣздку, для поправленія разстроеннаго здоровья. Посѣтивъ съ своимъ начальникомъ — благодѣ-

телемъ Германію, Голландію и Францію, Хемницеръ, черезъ годъ слишкомъ, возвратился въ Петербургъ, гдѣ онъ немедленно зажилъ иначе, сталъ пудриться, одѣваться по модѣ, выѣзжать въ общества, но съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ служебные труды и не далѣе какъ въ 1778 г. издалъ переведенное имъ съ нѣмецкаго *Леманово кобальтословіе*, или описаніе красильнаго кобальта, въ 2 частяхъ. Между тѣмъ, друзья Хемницера, слушая его разсказы о заграничныхъ впечатлѣніяхъ— и остроумно придуманныя имъ опредѣленія: Германіи — ульемъ, наполненнымъ трудолюбивыми пчелами; Голландіи — страною, гдѣ двигаются только сундуки и деньги, а Франціи—жилищемъ нестарѣющаго легкомыслія,—съумѣли однако провѣдать тайну Хемницерова баснописанія и, пораженные прелестью открытыхъ ими образчиковъ послѣдняго, начали уговаривать своего даровитаго, но черезъ-чуръ скромнаго, друга не скрывать отъ публики сочиненій, которыми онъ долженъ гордиться. Пойманный, такъ сказать, съ поличнымъ, Хемницеръ, по свойственной ему робости, сначала не внималъ представленіямъ друзей, возражая, «что многіе будутъ понимать его басни въ дурную сторону, что это повредитъ его службѣ, что онъ, современемъ, намѣренъ измѣнить явные намеки» и т. д.—«Но дружба—повѣствуетъ Бантышъ-Каменскій—восторжествовала надъ скромностію: сначала Хемницеръ согласился прочесть свои басни Львову (Н. А.) и Капнисту (В. В.), потомъ изъявилъ согласіе напечатать ихъ, только *не выставляя имени*, взялъ съ друзей честное слово, *что они не выдадутъ его*». Такимъ образомъ, въ 1778 г., были изданы въ свѣтъ *Басни и Сказки N.N.*, въ одной книжкѣ, заключающей въ себѣ только XXVII басень, а именно: 1) *Дерево*; 2) *Конь и Оселъ*; 3) *Умирающій отецъ*; 4) *Скворецъ и Кукушка;* 5) *Строитель*; 6) *Отецъ и сынъ его;* 7) *Гадатель;* 8) *Мужикъ и Корова*; 9) *Два сосѣда*; 10) *Тѣнь мужняя и Харонъ*; 11) *Кащей*; 12) *Крестьянинъ съ ношею*; 13) *Два семейства*; 14) *Совѣтъ стариковъ*; 15) *Хозяинъ и Мыши*; 16) *Лжецъ*; 17) *Баронъ;* 18) *Медвѣдь плясунъ*; 19) *Орлы*; 20) *Усмирительный способъ*; 21) *Ребята своевольныя*; 22) *Оселъ невѣжа*; 23) *Счастливый мужъ*; 24) *Конь верховой;* 25) *Богачъ и Бѣднякъ;* 26) *Обозъ*; 27) *Левъ, учредившій совѣтъ*. Но большинство современниковъ Хемницера, привыкнувъ восхищаться баснями Сумарокова, тогда только что умершаго, не замѣтило появленія маленькой книжечки *Басень и Сказокъ N.N.*, хотя въ ней французъ Лафонтенъ передавался по-русски языкомъ до того времени неслыханнымъ, почти нынѣшнимъ, какъ доказываетъ это, напримѣръ, слѣдующая басня:

КОНЬ И ОСЕЛЪ.

Конь, всадникомъ гордясь,
И выступкой храбрясь,
Рѣзвился
И какъ-то оступился.
На ту бѣду оселъ случился—
И говоритъ коню: ну, еслибы со мной
Грѣхъ сдѣлался такой!
Я, ходя цѣлой день, ни разу не споткнуся;
Да, полно, я и берегуся.
—Тебѣ ли говорить!
Конь отвѣчалъ ослу: и ты туда жъ несешься!
Твоею выступкой ходить—
И въ вѣкъ не спотыкнешься.—

Понятыя и оцѣненныя по достоинству, на первый разъ, только критическими статьями «С.-Петербургскаго Вѣстника», издававшагося тогда совокупными трудами Брайко и И. Ѳ. Богдановича, *Басни и Сказки N.N.*, словно поглотились моремъ тогдашняго одопѣнія, между тѣмъ какъ самъ творецъ ихъ, извѣстный въ этомъ качествѣ пока тѣсному кружку друзей, продолжалъ изощрять свое удивительное дарованіе и, въ параллель съ французомъ Лафонтеномъ, принялся перекраивать на русскій ладъ нѣмца Геллерта. Впрочемъ, и тѣсный кружокъ друзей Хемницера, около того же времени, добавился крупною личностью—Г. Р. Державина, который, познакомившись съ Хемницеромъ у Капниста, до такой степени полюбилъ образованный умъ, добродушіе и скромность новаго русскаго баснописца, что сдѣлалъ его однимъ изъ своихъ литературныхъ судей: «Въ 1779 г.—свидѣтельствуетъ самъ Державинъ—избралъ я совершенно особый путь, будучи предводимъ наставленіями Батте и совѣтами Львова, Капниста и Хемницера». Но, достигнувъ такого значенія, какъ писатель, Хемницеръ потерялъ всякое какъ чиновникъ, когда онъ, хотя и пожалованный въ томъ же 1779 г., іюля 12, чиномъ надворнаго совѣтника, вслѣдъ за своимъ начальникомъ Соймоновымъ, тоже подалъ въ отставку, которую и получилъ 18 декабря 1780 г., съ чиномъ коллежскаго совѣтника и, разумѣется, безъ всякихъ средствъ къ жизни.—Это-то обстоятельство побудило Хемницера или друзей его напечатать, въ томъ же 1781 г., второе изданіе *Басенъ и Сказокъ N.N.*, уже въ двухъ книжкахъ, изъ которыхъ вторая заключила въ себѣ XXXIV новыя басни, а именно: 1) *Дворовая Собака*; 2) *Великанъ и Карлики;* 3) *Волчье разсужденіе*; 4) *Желаніе Кащея;* 5) *Паукъ и мухи;* 6) *Черви*; 7) *Привязанная собака*; 8) *Хитрецъ;* 9) *Соловей и Вороны*; 10) *Оплошалая лисица*; 11) *Мальчикъ и Птичка*; 12) *Домовой*; 13) *Слѣпцы*; 14) *Друзья*; 15) *Западня и Птичка*; 16) *Заслуженой конь*; 17) *Зеленый оселъ*; 18) *Соловей и Чижъ*; 19) *Лошадь и Оселъ;* 20) *Счастливое супружество;* 21) *Стряпчій и Воры*; 22) *Стрекоза*; 23) *Діонисій и Министръ его*; 24) *Два богача*; 25) *Лѣстница*; 26) *Благодѣяніе*; 27) *Дѣлежъ львиный*; 28) *Воля и Неволя*; 29) *Воинъ*; 30) *Стадникъ*; 31) *Праздникъ деревенскій*; 32) *Оселъ, приглашенный на охоту*; 33) *Лошадь съ возомъ*; 34) *Попугай*.—Ровно половину этихъ добавочныхъ басень Хемницеръ заимствовалъ у Геллерта, нѣкоторыя же изъ остальныхъ, напр. *Друзья*, *Праздникъ деревенскій*, создалъ самъ, примѣняясь къ русскому народному духу, чѣмъ, по справедливому замѣчанію Бантышъ-Каменскаго, онъ «проложилъ дорогу къ безсмертію Крылову».—А чтобы судить, въ какой степени развился творческій талантъ и выработался литературный языкъ Хемницера ко времени втораго изданія его *Басень и Сказокъ*,—вотъ басня, изъ напечатанныхъ въ 1781 г.:

ПАУКЪ И МУХИ.

Постой, паукъ сказалъ:
Я чаю, я нашелъ причину
За чѣмъ еще большой я мухи не поймалъ
А попадается все мелочь: дай раскину
По-шире паутину;
Авось либо тогда поймаю и большихъ.
Раскинувъ, нажидаетъ ихъ:
Все мелочь попадаетъ;
Большая муха налетитъ,
Прорвется и сама, и паутину мчитъ.

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись,—бѣда:
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькой наказанъ остается.

Это второе изданіе *Басень и Сказокъ N.N.*, какъ и первое, не обратило на себя большаго вниманія современниковъ и не улучшило матеріальнаго положенія Хемницера, недостаточность котораго, близкая къ нищетѣ, побудила его друзей пуститься на поиски ему какого нибудь служебнаго занятія. Послѣднее было найдено черезъ посредство извѣстной княгини Е. Р. Дашковой, которая, любя оказывать покровительство всѣмъ занимающимся науками, особенно же отечественною словесностью, охотно приняла участіе въ судьбѣ даровитаго баснописца и, въ 1782 г., выхлопотала Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ.—Принужденный покинуть Петербургъ, а въ немъ своихъ друзей, Хемницеръ горестно поѣхалъ на чужую сторону—и тамъ, отъ перемѣны ли климата, отъ тоски ли одиночества, умеръ 20 марта 1784 г., всего 40 лѣтъ, бывъ за мѣсяцъ до своей смерти (именно 24 февраля) избранъ въ дѣйствительные члены россійской академіи. Тѣло его, перевезенное въ Россію, погребено въ г. Николаевѣ, подъ скромнымъ памятникомъ, съ слѣдующею, сочиненною самимъ Хемницеромъ, надписью:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился —
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Въ бумагахъ Хемницера были найдены еще XXIII басни, а именно: 1) *Муравей и Зерно;* 2) *Лѣнивые и Ретивые кони*; 3) *Куры и Голубка;* 4) *Невѣжество и Скупость*; 5) *Слѣпой левъ*; 6) *Лисица и Сорока*; 7) *Стрѣлка часовая*; 8) *Оселъ въ уборѣ*; 9) *Услуга;* 10) *Левъ сватъ*; 11) *Домъ*; 12) *Пчела и Курица*; 13) *Вдова*; 14) *Перепелка и Крестьянинъ*; 15) *Поборъ львиной*; 16) *Чужая бѣда*; 17) *Статуя*; 18) *Имѣніе и Ссора*; 19) *Буквы*; 20) *Привилегія;* 21) *Метафизикъ*; 22) *Собака и Мухи*; 23) *Муракъ и Тѣнь*. Басни эти, составившія третью книжку, были напечатаны не ранѣе 1799 г., когда Н. А. Львовъ, желая почтить память своего талантливаго друга, не только издалъ всѣ *Басни и Сказки* Хемницера, въ трехъ книжкахъ, и впервые подъ настоящимъ именемъ ихъ автора, но присоединилъ къ этому, украшенному виньетами, изданію «Жизнь сочинителя»—коротенькую статейку, въ которой, между скудными біографическими данными, личность Хемницера характеризуется такъ: «Рожденный съ добрымъ сердцемъ, легко заимствовалъ онъ отъ родителей своихъ коренныя добродѣтели, наипаче: простосердечіе, воздержность, безкорыстіе и горячность въ дружбѣ; а наконецъ съ такими расположеніями пущенный въ самыхъ молодыхъ годахъ на свою волю въ свѣтъ, котораго опасности ему живо изображаемы были, изострилъ онъ всегдашнею осторожностію наблюдательный умъ, причины и дѣйствія вещей испытующій, которому обязаны мы большею частію басень и сказокъ его, одной токмо природѣ подражающихъ».—Въ той же коротенькой статейкѣ повѣствуется, что Хемницеръ, отличавшійся знаніемъ разныхъ наукъ и языковъ, былъ крайне скроменъ, робокъ и забавно разсѣянъ: впервые увидѣвъ, напр. на сценѣ парижскаго театра, въ роли Танкреда, славнаго актера Лекеня, Хемницеръ, пораженный величіемъ видимаго, забылъ гдѣ онъ, вскочилъ съ креселъ и началъ кланяться Лекеню,—разумѣется, при громкомъ хохотѣ всего партера. Какъ русскій баснописецъ, имѣвшій предшественникомъ только Сумарокова, Хемницеръ, можно сказать, изумителенъ. Конечно, въ басняхъ его, не совсѣмъ свободныхъ отъ формъ и пріемовъ тогдашняго классицизма, есть свои недостатки, и самый замѣтный изъ нихъ—обиліе глагольныхъ риѳмъ, доходящее до того, что, напр., въ баснѣ *Счастливый мужъ* (кн. I № 23), изъ *43* строкъ только 7 не оканчиваются на такія риѳмы. Другимъ недостаткомъ басень Хемницера, пожалуй, можно признать излишество разсказа, уменьшающее силу впечатлѣнія, напр. въ баснѣ *Тѣнь мужняя и Харонъ* (кн. I № 10), послѣ строкъ:

Тѣнь говоритъ: Харонъ! куда моя жена
Тобою перевезена,
Въ рай или въ адъ?—«Въ рай».—Можно ль статься?
Меня жъ куда везешь?—«Туда жъ, гдѣ и она».—
Ой, нѣтъ: такъ въ адъ меня. Я въ адѣ радъ остаться—

помѣщено еще нѣсколько почти не нужныхъ, а между тѣмъ заключительныхъ, т. е. самыхъ видныхъ строкъ. Наконецъ, въ укоръ Хемницеру ставятъ и частое употребленіе одностопныхъ стиховъ, напр. въ баснѣ *Крестьянинъ съ ношею* (кн. № 12):

Я эту ношу
Сброшу
И на легкѣ безъ ноши я пойду;
Добра я этаго вездѣ, куда приду,
Найду—

укоръ, дѣйствительно, справедливый, если такіе одностопные стихи (у французовъ—avortons de la poésie) повторяются, какъ въ приведенной баснѣ, безъ особенной надобности.—Но, при такихъ недостаткахъ, въ басняхъ Хемницера еще болѣе достоинствъ. «Справедливость требуетъ сказать—замѣчаетъ позднѣйшій баснописецъ А. Е. Измайловъ,—что Хемницеръ первый началъ у насъ писать въ стихахъ настоящимъ простымъ слогомъ въ то время, когда языкъ не былъ еще очищенъ и когда не имѣли понятія о хорошей *версификаціи.* Удивительно, какъ онъ могъ, безъ основательнаго ученія словесности и безъ образцовъ на отечественномъ языкѣ, достигнуть совершенства въ столь трудномъ родѣ стихотвореній, какимъ признается басня, получившая отъ Лафонтена новую форму. Разсказъ у Хемницера безподобенъ; нигдѣ почти у него не видно принужденія; кажется, что онъ писалъ безъ всякаго труда и невольно забавлялъ читателей своею простотою; но сія-то мнимая простота (bonhomie), или правильнѣе *простодушіе*, есть въ баснѣ и сказкѣ верхъ дарованія и искуства».—Такимъ именно простодушіемъ исполнены почти всѣ басни Хемницера, а нравоучительныя заключенія многихъ изъ нихъ—такъ и просятся въ пословицы, напр.

Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ (*Гадатель.* кн. I № 7).
Кто ползать родился, тому ужъ не летать (*Мужикъ и Корова.* кн. I № 8).

Зачѣмъ достоинствамъ, уму,
Богатство свѣтъ предпочитаетъ?
«Легко, мой другъ, понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякой занимаетъ» (*Богачъ и Бѣднякъ.* кн. I № 25).

Кто плутнями живетъ и плутнямъ потакаетъ,

От нихъ и погибаетъ (*Стряпчій и Воры*. кн. II № 21).
Бѣда попасть съ умомъ
Къ невѣждѣ въ домъ (*Попугай*. кн. II № 34).
На свѣтѣ часто такъ идетъ,
Что счастія иной отвагой доступаетъ;
И смѣлый тамъ найдетъ,
Гдѣ робкій потеряетъ (*Куры и голубка*. кн. III № 3).
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство (*Поборъ львиной*. кн. III № 15).

Философія басень Хемницера, вообще очень мѣткая, особенно хороша, напр., въ баснѣ *Умирающій отецъ* (кн. I № 3), заключающейся слѣдующимъ монологомъ между умнымъ сыномъ, единымъ преемникомъ всего отцовскаго наслѣдія, и самимъ отцомъ:

—А брату чѣмъ же жить,
Когда мнѣ одному въ наслѣдство,
Съ его обидою, имѣнье получить?
—О братѣ нечего, сказалъ отецъ, тужить:
Дуракъ ужъ вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть.

Быстрота и живость разсказа, безъ которыхъ басня теряетъ много своей прелести, тоже давались Хемницеру легко, напр.

Встревожился весь домъ,
И въ домѣ бѣганье, содомъ!
Собакъ, собакъ сюда! домашніе кричали.
Изъ избъ всѣ люди побѣжали,
И свинью ну травить!
Швырять въ неё, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой:
Обычай на Руси такой! (*Два Сосѣда*. кн. I № 9).

Лучшими баснями Хемницера признаютъ: А. Е. Измайловъ—*Воля и Неволя* (кн. II № 28); составитель русской антологіи англичанинъ Боурингъ (John Bowring)—*Левъ, учредившій совѣтъ* (кн. I № 27); общественное мнѣніе русскаго читающаго люда—*Метафизикъ* (кн. III № 21).—Хемницерова басня: *Стрѣлка часовая*—дала мысль Крылову написать прекрасную басню: *Листы и Корни*.—Съ четвертаго изданія *Басень и Сказокъ* Хемницера, вышедшаго въ 1811 г., къ книгѣ началъ прилагаться портретъ автора, неизвѣстно когда, съ чего и кѣмъ снятый. Всѣхъ изданій *Басень и Сказокъ* Хемницера, по настоящее время, было до *пятнадцати*, если даже не болѣе, и цифра эта положительнѣе всякихъ аргументовъ выражаетъ то значеніе, какимъ имя Хемницера, навсегда почтенное въ исторіи русской литературы, донынѣ продолжаетъ пользоваться въ массѣ читающаго русскаго люда.

ИВАНОВЪ, Александръ Андреевичъ, профессоръ исторической живописи императорской академіи художествъ—(высочайшее утвержденіе его въ этомъ званіи получено впрочемъ по смерти художника), родился въ Петербургѣ 16 іюля 1806 г. Онъ былъ сынъ академика (послѣ профессора) исторической живописи Андрея Ивановича Иванова (1777—1848 г.), достойнаго сверстника Егорова, Шебуева и Варнека. А. А. Ивановъ оказывалъ способности къ живописи повидимому очень рано: на 12 году отъ роду сталъ онъ уже посѣщать гипсовый классъ академіи, а 1824 г. конкурировалъ съ А. А. Нотбекомъ и А. Т. Марковымъ (старшими его 3—4 годами), по программѣ «Пріамъ проситъ у Ахиллеса тѣла Гектора». Критика находила впрочемъ въ опытѣ самомышленія и художественной эрудиціи 18-лѣтняго художника больше капитальныхъ достоинствъ, чѣмъ у конкурентовъ съ нимъ. На слѣдующемъ конкурсѣ (1827 г). получилъ Ивановъ 1-ю золотую медаль за исполненіе программы «Іосифъ въ темницѣ». Здѣсь ясно обозначилась преобладающая особенность дарованія художника—довольно удачное выраженіе страстей, тонко и съ разсчетомъ отличающихъ каждое изъ трехъ лицъ. Съ этою же картиною выставлялъ Ивановъ еще картонъ карандашемъ съ извѣстной группы «Лаокоонъ», вполнѣ удовлетворившій цѣнителей академіи. Ранѣе этого, ко дню коронаціи императора Николая I, 20-ти-лѣтній художникъ тщательно скомпоновалъ аллегорическій сюжетъ «Благоденствіе Россіи». На это приношеніе неожиданно получено было нелестное царское замѣчаніе: «въ исторіи нашей есть довольно предметовъ для живописца; полезнѣе было бы молодому Иванову заниматься ими». Этотъ приговоръ или, возбудившая его по всей вѣроятности,—неудачность композиціи, сдѣлали аллегорическій опытъ Иванова единственнымъ для него, и послѣднимъ. Полученіе 1-ой золотой медали за «Іосифа» скоро уничтожило вѣроятно непріятность результата аллегоріи, открывъ глазамъ юноши обширный горизонтъ художественнаго образованія въ Италіи. Первая золотая медаль, назначаемая академіею, обезпечиваетъ нынѣ, получившему ее, пенсію на нѣсколько лѣтъ, для житья за границею, Ивановъ же воспользовался щедростью не правительства, а частнаго общества поощренія художниковъ, основаннаго въ 1820 г. Но видѣть небо Италіи удалось Иванову послѣ долгихъ колебаній и потери почти трехъ лѣтъ времени; Петербургъ оставилъ онъ только въ маѣ 1830 г. Въ трехлѣтній промежутокъ времени (отъ полученія первой преміи до отъѣзда) Ивановъ испыталъ разъ въ жизни сердечное увлеченіе, остановленное въ самомъ началѣ твердою волею художника. Живя у отца въ академіи, страстно влюбился онъ въ дочь своего музыкальнаго учителя, дѣвицу Гюльпенъ. Первая любовь почти всегда приводитъ жертвъ своихъ къ необдуманнымъ рѣшеніямъ; такъ было съ отцомъ Иванова, для страсти пожертвовавшимъ артистическою будущностью. На тоже обрекалъ себя и будущій творецъ «Мессіи», еслибы совѣты высокоцѣнимаго имъ въ то время друга—пейзажиста Рабуса, не помогли влюбленному одержать побѣду надъ чувствомъ къ женщинѣ, въ пользу равносильной страсти къ искусству. Съ годами, она только усиливалась и подъ вліяніемъ ея художникъ обрекъ себя на затворничество, предавшись исключительно идеѣ своей, развитіе которой заняло два лучшихъ десятилѣтія его труженической жизни. Идея эта--извѣстна: созданіе библейскаго момента «Явленіе Мессіи народу», во время Іоанновой проповѣди на Іорданѣ.—Художникъ пришелъ къ своей господствующей мысли не вдругъ, впрочемъ. Весной 1829 г.—конечно отъ совершеннаго самозакланія любви—художникъ перенесъ тяжкую болѣзнь и оправившись, Ивановъ, первое время, не находилъ въ себѣ достаточной свѣжести фантазіи, но работалъ упорно. Опытный глазъ и покорная рука дали ему возможность мастерски нарисовать карандашемъ громадный картонъ античнаго «бойца (сферіста), играющаго въ мячь». Зато композиція «Беллерофонта, отправляющагося въ походъ противъ Химеры» (какъ и «боецъ» заказанная обществомъ поощренія художниковъ), оказалась уже на столько слабою, послѣ «Іосифа», что покровители — члены О.П.Х.—сдѣлали ему, незаслуженный во всякомъ случаѣ, рѣзкій выговоръ за *неслушанье совѣтовъ ихъ въ разсужденіи композиціи*. Это, какъ думалъ Ивановъ, произошло отъ неудовольствія членовъ

..аго пансіонера ихъ К. П. Брюллова, разорвавшаго связь съ обществомъ, давшимъ ему средства провести ..выя восемь лѣтъ въ Италіи. Члены, недовольные однимъ, ..мѣняли другому въ вину, можетъ быть вполнѣ естественную, невозможность—заставить мозгъ работать, при обстоятельствахъ, имъ въ то время пережитыхъ; мало того, —присоединили даже угрозу безвинному, инструкціей и отказомъ покровительства съ малѣйшимъ отступленіемъ отъ ней. Эта непріятность снова уложила въ постель не вполнѣ еще укрѣпившагося нервами художника. Больной уже, онъ писалъ иконостасъ, читалъ Зульцера и бралъ уроки французскаго языка. Въ этихъ невеселыхъ упражненіяхъ проводилъ Ивановъ послѣдніе мѣсяцы на родинѣ, не забывая карандаша, которымъ, для О. П. Х., выполнилъ еще картонъ съ статуи «Венеры Медичи». Эта работа, да «боецъ», выставлены были въ академіи (лѣтомъ 1830 г.) уже безъ художника, спѣшившаго къ цѣли поѣздки своей—къ Риму. Осмотрѣвъ здѣсь все въ первую половину года, Ивановъ снова берется за карандашъ и копируетъ въ Сикстинской капеллѣ, по заказу О. П. Х., картонъ «Микель Анджело» «Сотвореніе человѣка». Почтенный трудъ этотъ, украсившій выставку 1833 г., теперь хранится въ академіи.—Когда здѣшніе цѣнители судили вкось и вкривь эту послѣднюю работу Иванова, онъ въ первый разъ принялся въ Римѣ за композицію «Мессіи». Параллельно съ ней шла, между тѣмъ, и подмалевка «Явленія Спасителя Магдалинѣ», украсившаго выставку 1836 г. и занявшаго почетное мѣсто въ Эрмитажѣ. Для «Мессіи», Ивановъ перекомпоновалъ сначала пять эскизовъ, добиваясь простоты композиціи и бросая послѣдовательно идеи свои подъ впечатлѣніемъ замѣчаній Торвальдсена, Овербека, Корнеліуса и Камуччини. Время за этими попытками летѣло незамѣтно: истекъ и четырехлѣтній (съ 1834 г.) срокъ, на который первоначально дана Иванову пенсія отъ общества. Артистъ, въ отчаяніи, рѣшился умолять Общество (письмомъ 27 ноября 1834 г.)—продолжить пенсію, обѣщая поспѣшить, сколько можно, окончаніемъ «Явленія Магдалинѣ Господа». Болѣе обѣщать не могъ онъ и не хотѣлъ, занимаясь въ то же время небольшой картиной «Аполлонъ среди любимцевъ своихъ, Гіацинта и Кипариса». Окончивъ масляными красками эскизъ для нея, Ивановъ счелъ нужнымъ присмотрѣться къ работамъ великихъ колористовъ сѣверной Италіи, и для того совершилъ поѣздку изъ Рима во Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ и Венецію. По возвращеніи въ Римъ художника ждала радость—милостивый отвѣтъ Общества о сохраненіи пенсіи. Съ свѣжими силами, подъ живымъ еще ощущеніемъ высокихъ образцовъ колорита, Ивановъ дописываетъ къ концу 1835 г., свое «Явленіе» и посылаетъ поспѣшно въ Петербургъ,—далеко неувѣренный въ успѣшномъ принятіи труда отечественными цѣнителями. Неожиданно, полный успѣхъ, о которомъ не смѣлъ онъ и мечтать, награждаетъ его произведеніе.—Академія признаетъ творца «Магдалины» членомъ своимъ, Общество же предлагаетъ ему продолженіе пенсіи еще на два года. Извѣстія эти, заставъ художника больнымъ, ощутительно вліяли на оживленіе силъ его. Ивановъ, до болѣзни, успѣлъ уже подмалевать большую свою картину; оправившись, съѣздилъ въ Ассизи и Орвіэто, изучить характеръ старыхъ мастеровъ: Джотто, Гирландайо, Фіэзоле и Синьорелли. Изъ этой поѣздки вывезъ художникъ свой удивительный этюдъ группы деревьевъ для лѣваго угла пейзажа картины. Принявшись затѣмъ съ жаромъ за работу, скоро почувствовалъ Ивановъ недостатокъ средствъ для найма натуры, при умѣренномъ окладѣ пенсіи, который производился ему. Чтобы сколько-нибудь помочь новой бѣдѣ, художникъ готовъ былъ взять заказъ,—написать для Общества копію съ фрески Рафаэля «умѣренность, сила и благоразуміе»; но и здѣсь пришлось ему обмануться въ разсчетѣ. Но, когда выяснилось, что за копію не дадутъ больше 3,000 р. на ассигнаціи,—Ивановъ отказался и рѣшился лучше обратиться прямо съ просьбою въ Общество, указавъ цѣль потребности и своихъ затрудненій. Въ этихъ видахъ посланъ имъ туда эскизъ «Мессіи» при письмѣ отъ 20 апрѣля 1838 года. Откровенность художника не произвела однако всѣхъ ожидаемыхъ результатовъ, а дала только продолженіе пенсіи еще на 1 годъ, въ *послѣдній разъ*.—Въ это время пріѣхалъ въ Римъ Цесаревичъ (благополучно царствующій Императоръ). Ивановъ увѣдомилъ Общество, что рѣшился «картину отдать Государю за трехлѣтнее пенсіонерское содержаніе», что и состоялось. Художникъ работалъ еще три года, но все еще не успѣвъ кончить закрытой для публики своей картины, сдѣлалъ ее только доступною для каждаго, когда,—лѣтомъ 1842 г.—почувствовалъ въ первый разъ омраченіе зрѣнія, миновавшее тогда счастливо, но, потомъ не разъ возвращавшееся, отрывая художника отъ любимаго труда на цѣлые мѣсяцы. Въ такихъ обстоятельствахъ, единственнымъ утѣшителемъ и подкрѣпителемъ упавшаго духомъ Иванова, является Гоголь, знакомство съ которымъ свелъ художникъ въ 1838 г. въ Римѣ же. Въ 1843 г. для работъ въ Исакіевскомъ соборѣ, правительство думало вызвать нашихъ художниковъ изъ Италіи. Но Ивановъ желалъ остаться въ Римѣ и работать тамъ по прежнему, брался исполнить работы для храма Спасителя по заказу Тона. Это не состоялось, но все поправило покровительство Цесаревича (нынѣ царствующаго Государя) черезъ посредство Жуковскаго: Ивановъ получаетъ четырехлѣтнюю пенсію отъ правительства, и, затѣмъ, только предложеніе объ окончаніи картины, неисполненной имъ и послѣ того еще въ продолженіи 10 лѣтъ.—Такой продолжительности труда своего не видѣлъ одинъ творецъ, влюбленный въ свое твореніе, *оканчивая на немъ свое артистическое воспитаніе*—какъ выражался Гоголь въ своей перепискѣ (въ письмѣ къ М. Ю. Віельгорскому). За то и доработался художникъ до того, что «все, что относится «до умнаго и строгаго размѣщенія группъ въ картинѣ, испол«нено въ совершенствѣ»; лица у него—типы, согласные съ евангельскимъ разсказомъ и чисто еврейскіе. Не даромъ просиживалъ онъ въ пустынныхъ Понтинскихъ болотахъ цѣлые дни, изучая всякой камешекъ, листокъ; не даромъ старался на лицахъ всѣхъ людей ловить душевныя движенія, и, оставаясь по долгу въ церквахъ, слѣдилъ за *молитвою человѣка*. Такой подвигъ проложилъ новую дорогу отечественному искусству, но художникъ видѣлъ, какъ все безсильно и недостаточно, и эта мысль нанесла Иванову снова тяжкія душевныя страданія, на долго затягивая его картину. Отрываясь отъ нея, время отъ времени, художникъ заявлялъ желаніе взяться за другія работы; но дѣло какъ-то неустраивалось. Въ 1845 г. въ Римъ пріѣхалъ Тонъ, и, на обѣдѣ, данномъ ему художниками, предложилъ Иванову, написать Евангелистовъ, въ храмъ Спасителя. Творецъ «Мессіи», по разговорамъ за два года назадъ, разсчитывалъ исполнить *запрестольный образъ* и предложеніе, писать «паруса», встрѣтило отказъ, заставившій его нѣсколько времени прострадать. За болѣзнью, однако, послѣдовала присылка денегъ изъ Петербурга и, снабженный средствами, художникъ слѣдующіе два года работалъ привольно. Въ 1848 г. посѣтило его вновь болѣзненное изнеможеніе, изъ-за котораго потерялъ онъ лучшее время для работъ. А тамъ—послѣдовала извѣстная осада Рима, заставившая оставить на долго исполненіе

картины. Возвращенный снова въ свою студію, Ивановъ не оставлялъ уже ее до окончанія своего произведенія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно у насъ теперь, въ московскомъ музеѣ, которому подарено Государемъ Императоромъ, въ 1864 г. Слухъ, что картина Ивановымъ окончена, дошелъ до Петербурга въ началѣ 1858 г.; затѣмъ узнали, что возвращается и художникъ по двадцати-восьми-лѣтнемъ отсутствіи. Въ маѣ Ивановъ былъ уже здѣсь и представлялъ свой трудъ Государю. Милостиво принятый, онъ мечталъ теперь передать молодымъ преемникамъ по искусству практическое устраненіе встрѣченныхъ имъ затрудненій; но судьба судила иначе. На похоронахъ строителя Исакіевскаго собора (28-го іюня) почувствовалъ Ивановъ первые припадки холеры, и 3-го іюля 1858 г.—его нестало. Ко времени житья въ Римѣ послѣ осады, относится знакомство и дружество Иванова съ Боткинымъ, на рукахъ котораго, здѣсь, онъ скончался.—Незабвенный художникъ нашъ воротился на родину какъ бы для того только, чтобы прахъ свой пріютить на кладбищѣ здѣшняго Новодѣвичьяго монастыря, построеннаго его товарищемъ по Риму Н. Е. Ефимовымъ.—Замѣтимъ еще, что А. А. Ивановъ первый устроилъ у насъ выставку эскизовъ въ академіи. Подобныя выставки, кромѣ общаго интереса, открываютъ зрителю весь ходъ идеи композитора, выразившейся въ его окончательномъ созданіи. Это чрезвычайно важно для опредѣленія достоинства новаго обширнаго труда и сильно помогаетъ нашему *разгадыванію сущности таланта* лица, дарящаго насъ новою страницею художественной исторіи.

ТОНЪ, Константинъ Андреевичъ, И. А. Х. профессоръ и ректоръ архитектуры, тайный совѣтникъ, родился въ С.-Петербургѣ 10 апрѣля 1794 г.—12 октября 1803 года принятъ онъ въ академію художествъ, гдѣ первыми композиціями, по избранной имъ отрасли искусства, были программы: «великолѣпное и обширное зданіе среди сада, удобное для вмѣщенія въ немъ всякаго рода рѣдкостей» (въ декабрѣ 1811 г.) и «планъ для общественнаго увеселенія жителей столичнаго города» (6 мая 1812 г.). Того же года 21 декабря получилъ Тонъ вторую серебряную медаль за архитектурную композицію—«Инвалидный домъ», а 1813 г. 2 декабря—первую серебряную медаль за проектъ «монастыря».—1815 г. 19 января задана ученикамъ архитектурнаго класса программа—«прожектировать зданіе сената» на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится нынѣ. Участвуя въ конкурсѣ, К. А. Тонъ кончилъ академическій курсъ и удостоенъ за проектъ «Сената» второй золотой медали 1 сентября 1815 г. Затѣмъ Тонъ былъ оставленъ при академіи въ числѣ шестнадцати «отличившихся, получившихъ награжденіе и пожелавшихъ продолжать ученіе на правахъ и обязанностяхъ учениковъ академіи»; но, съ наступленіемъ другого порядка вещей, вначалѣ 1817 г., вмѣстѣ съ другими оставивъ Академію, опредѣлился въ комитетъ гидравлическихъ работъ.—Служа тамъ, въ первое время Тонъ составилъ проектъ увеселительнаго заведенія (нѣмецкаго трактира) на Крестовскомъ островѣ; послѣ же того, по порученію графа Зубова, произвелъ паровую ананасную оранжерею съ прачешною, нагрѣваемою одною и тою же машиною посредствомъ привода. Это устройство, надѣлавшее въ то время много шума, какъ первое въ нашей столицѣ, было издано съ детальными рисунками, въ 1819 г.—Годъ 1818 съ первыхъ же мѣсяцевъ обрадовалъ художниковъ давно ожидаемымъ и чуть неуничтоженнымъ пансіонерствомъ.—8 декабря того же года К. А. Тонъ представилъ свою программу «ярмарка», съ тѣмъ чтобы, «если трудъ заслужитъ вниманія совѣта, удостоить его посылкою, для усовершенствованія, въ чужіе края на казенномъ содержаніи». Просьба эта увѣнчалась успѣхомъ.—Въ засѣданіи совѣта академіи, 24 мая 1819 г. объявлено высочайшее повелѣніе, объ отправленіи за границу, по ходатайству президента Оленина, пансіонеровъ: художника 14 класса К. Тона и коллежскаго секретаря П. Басина, съ производствомъ каждому по 300 червонцевъ въ годъ. Въ сентябрѣ отправились они въ Римъ. Осмотрѣвъ въ первое же время все достойное вниманія, К. А. Тонъ занялся въ столицѣ искусствъ разсматриваніемъ (въ городѣ и окрестностяхъ) древнихъ зданій и сравненіемъ храмовъ первыхъ христіанъ съ церквами новѣйшаго времени. Онъ составилъ этотъ планъ изученія, имѣя уже личный оригинальный взглядъ на памятники искусства, какъ видно изъ замѣчаній, изложенныхъ въ дневной запискѣ, «на пути изъ Берлина въ Римъ».—Проживъ въ Римѣ до весны, Тонъ, согласно своему плану, отправился въ Неаполь и Сицилію, имѣя намѣреніе ѣхать затѣмъ въ Аѳины.—Въ это путешествіе посѣщены имъ древніе города: Геркуланъ, Помпея, Пестумъ, Сиракузы, Агригентъ и Сегестъ. По возвращеніи же, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Римѣ занялся онъ проектомъ церкви, въ формѣ древней базилики, но съ приспособленіемъ къ богослуженію восточной церкви, давъ ей и наружный видъ греческихъ храмовъ.—За окончаніемъ этого проекта, удостоеннаго одобренія нѣкоторыхъ видѣвшихъ его художниковъ, слѣдовало компонованіе «гошпиталя», по задачѣ римской Академіи, который тоже былъ представленъ на разсмотрѣніе профессоровъ «и снискалъ ихъ одобреніе, какъ и всѣхъ прочихъ художниковъ, его видѣвшихъ». Оставивъ 1 марта 1822 г. вторично Римъ, Тонъ во Флоренціи представилъ труды свои въ мѣстную академію и принятъ въ число ея членовъ. Потомъ, побывавъ въ Генуѣ, Равеннѣ, Болоньи, Миланѣ, Павіи, чрезъ Симплонъ, прибылъ онъ въ Женеву, гдѣ составилъ проектъ загороднаго дома г-ну Дювалю; а за тѣмъ отправился, чрезъ Дижонъ, въ Парижъ. Здѣсь началъ-было Тонъ слушать лекціи по своей части, но онѣ скоро прекратились, давъ пріѣзжему до ноября,—роздыхъ и возможность приступить къ рисованію начисто этюдовъ изъ путешествія по Неаполю и Сициліи. Художникъ думалъ сдѣлать тогда изъ работъ своихъ и В. А. Глинки,—особое изданіе, въ которое должны были войти 8 древнихъ храмовъ и нѣсколько видовъ мѣстности; но это не состоялось.—Воротясь потомъ въ Римъ, Тонъ занялся реставраціями, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны и доставили композитору репутацію ученаго художника,—проекты на возобновленіе: храма Фортуны въ Пренесте и дворца Цесарей въ Римѣ, на горѣ Палатинской. Послѣдній обратилъ на него лестное вниманіе покойнаго императора Николая I. По представленію академіи, возведшей своего достойнаго пансіонера въ званіе академика (1830 г.), Тонъ за эту реставрацію высочайше былъ причисленъ къ кабинету Государя, съ содержаніемъ по 3,000 р. въ годъ (1828 г. 18 февраля).—Въ томъ же году, 23 декабря, онъ возвратился въ С.-Петербургъ. Извѣстность, пріобрѣтенная имъ въ Римѣ, предшествовала его появленію. Тотчасъ по возвращеніи его, президентъ Оленинъ, обративъ на художника благосклонное вниманіе, занялъ его проектами внутренней перестройки академическаго зданія, согласно видамъ Государя. Въ засѣданіи И. А. Х. 10 мая 1829 г., объявлено высочайшее повелѣніе, чтобъ конференцъ-зала была обращена въ галлерею для размѣщенія гипсовыхъ слѣпковъ, хранящихся въ античной и круглой

галлереяхъ, и министръ двора поручилъ исполнить это возвратившемуся пансіонеру академіи архитектору Тону. Проектъ представленъ былъ прямо министру, который, уже по высочайшемъ утвержденіи, прислалъ его въ академію для разсмотрѣнія смѣты. При этомъ не обошлось безъ указанія мнимыхъ невозможностей исполненія, ничего конечно не перемѣнившихъ въ положеніи дѣла, но еще болѣе выяснившихъ знанія Тона, какъ техника-строителя. При введеніи въ законную силу прибавленія къ уставу академіи, Тону въ 1830 г. даны ученики, съ порученіемъ исправленія должности профессора второй степени по части архитектуры. Въ томъ же году, прихожане церкви св. Екатерины (у Калинкина моста), по случаю ветхости приходскаго ихъ храма, возымѣли желаніе соорудить новую церковь съ возможнымъ благолѣпіемъ, но составленные, на конкурсъ, архитекторами проекты не удостоились утвержденія: Государь желалъ видѣть въ новомъ храмѣ характеръ, ближе свойственный духу православія. Случай доставилъ возможность принять участіе въ составленіи проекта этой церкви Тону. Онъ придалъ храму форму, напоминавшую древніе московскіе пятикупольные соборы. Мысль эта встрѣчена была милостивымъ поощреніемъ Государя, повелѣвшаго, при утвержденіи проекта, самому композитору и произвести постройку. Еще ранѣе, въ 1829 г., переданъ на рѣшеніе въ академію художествъ, вопросъ о храмѣ Спасителя въ Москвѣ. Специалистами, по разнымъ причинамъ, первая мѣстность найдена неудобною. Высочайше выбранъ другой пунктъ и составленіе проекта для обширнѣйшаго и великолѣпнаго храма поручено Тону, съ непремѣннымъ условіемъ *сочиненія въ старинномъ русскомъ стилѣ*.—Удостоенный утвержденія проектъ Тона, онъ же самъ, уже четвертое десятилѣтіе, приводитъ въ исполненіе.—Одновременно съ проектомъ храма Спасителя составилъ Тонъ, въ томъ же вкусѣ, проектъ церкви въ Воронежѣ, новоявленному чудотворцу св. Митрофану (1832 г.) и, продолжая строить храмъ св. Екатерины и отдѣлку античныхъ галлерей въ академіи, тогда же, составилъ проектъ Невской набережной съ пристанью противъ зданія академіи для постановки здѣсь двухъ сфинксовъ, добытыхъ въ развалинахъ Ѳивъ и купленныхъ правительствомъ въ Александріи, при посредствѣ извѣстнаго паломника, краснорѣчиваго описателя св. мѣстъ—А. Н. Муравьева. На званіе профессора 2-й степени, составлялъ онъ тогда же: проектъ монастыря на 100 монаховъ и по высочайшей волѣ—конкурсный проектъ серебрянаго иконостаса въ Казанскій соборъ, для выполненія изъ металла, пожертвованнаго Донцами изъ своей добычи, отбитой у французовъ въ отечественную войну. Затѣмъ, по конкурсу на сооруженіе памятника Державину въ Казани, композиція Тона найдена лучшею изъ трехъ выбранныхъ для исполненія и, въ іюнѣ 1833 г., онъ опредѣленъ членомъ комитета о строеніяхъ и гидравлическихъ работахъ, а въ годовомъ собраніи 27 сентября признанъ—*профессоромъ архитектуры*. Затѣмъ участвовалъ Тонъ въ конкурсѣ на сооруженіе зданія Пулковской обсерваторіи, и составилъ проекты церквей св. Екатерины въ Царское Село и св. апостоловъ Петра и Павла въ Петергофъ, которые, по утвержденіи, ему же поручено было и построить. Къ началу 1836 г., Тонъ съ другими профессорами, составлялъ конкурсный проектъ памятника Димитрію Донскому на Куликово поле—и составилъ проектъ церкви Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, для лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. Все, чего строитель храма св. Екатерины (у Калинкина моста), не успѣлъ выразить или обозначилъ неполно, въ этомъ основательно обдуманномъ произведеніи получило уже округленность и законченность; такъ что, храмъ Введенія можетъ быть названъ полнымъ представленіемъ того основного характера новѣйшихъ греко-россійскихъ церквей, который, совершенно справедливо и для всѣхъ понятно, называютъ именемъ изобрѣтателя. Одновременно съ этимъ, Тонъ составилъ еще проекты церквей: во имя св. равноапостольнаго Владиміра въ Таврисѣ для русскаго посольства, и въ Свеаборгъ, выполнивъ нѣсколько другихъ композицій, какъ то: въ Новгородѣ дворянскаго собранія, оборонительной казармы въ Свеаборгѣ и главнаго фасада Лѣсного Института, церкви для Сенявина—здѣсь. Тогда же составлены имъ нормальные проекты церквей на 1000, на 500 и на 200 человѣкъ, по оффиціальному порученію. Въ московскомъ Кремлѣ существовалъ дворецъ, мало-помѣстительный и испытавшій нѣсколько пожаровъ. Не разлучныя съ этимъ неудобства и недостатокъ простора, побудили Николая I, въ 1837 г., построить здѣсь новый дворецъ, обширный и великолѣпный. Положеніемъ о сооруженіи кремлевскаго дворца 5-го мая 1838 г. главнымъ архитекторомъ его назначенъ Тонъ. Задачею при этомъ сооруженіи была высочайше начертанная программа *совмѣщенія въ его окружности всего, что въ памяти народной тѣсно слито съ представленіемъ обиталища Государей въ стѣнахъ* царственнаго *Кремля*—дворцовые храмы, боярская площадка, грановитая палата и терема. Соединивъ въ одно стройное цѣлое, выполнить это въ стилѣ русской старины избранъ былъ Тонъ. А. Ѳ. Вельтманъ, подробный описатель кремлевскаго дворца, трудъ Тона называетъ первымъ и *лучшимъ памятникомъ возстановленія стариннаго* русскаго *зодчества*. Если къ суду просвѣщеннаго современника и очевидца работъ, присоединимъ мы признательность монарха, то нельзя не согласиться, что для своего времени данную задачу строитель выполнилъ достойно.—Друзья искусства найдутъ обильную пищу для любознательности, посѣтивъ дворецъ и осмотрѣвъ оконченные фасады храма Спасителя, который вошелъ вмѣстѣ съ другими композиціями церквей Тона въ 1-й альбомъ его чертежей въ листъ (17 листовъ), изданный въ 1838 г. Сюда вошли, кромѣ него, между прочимъ, планы, фасады и разрѣзы храмовъ, построенныхъ Тономъ же въ С.-Петербургѣ, равно нормальные проекты для сооруженія *городскихъ* церквей. Разсматривая этотъ отдѣлъ, обозрѣватель найдетъ проекты церквей, построенныхъ: въ Саратовѣ, Петергофѣ, Царскомъ Селѣ, Новгородѣ (евангелическую) и въ Москвѣ—колокольню Симонова монастыря. Въ 1844 г. вышло прибавленіе къ первому альбому. Въ немъ помѣщены и деревянныя церкви. Отдѣлъ этотъ, не смотря на скромность размѣровъ зданій, отличается разнообразіемъ. Здѣсь, по благообразію, первое мѣсто занимаетъ церковь въ гор. Ельцѣ; также иконостасы петербургскихъ храмовъ: Преображенія на Аптекарскомъ острову и Благовѣщенія въ лейбъ-гвардіи конномъ полку.—Въ 1842 г., окончивъ постройку церкви св. великомученицы Екатерины въ Царскомъ Селѣ и малый театръ въ Москвѣ, Тонъ (по высочайшему повелѣнію) составилъ нормальные чертежи на постройку крестьянскихъ домовъ въ казенныхъ селеніяхъ и, сверхъ другихъ своихъ трудовъ, выполнилъ проектъ иконостаса для церкви во имя св. царевича Іоасафа въ селѣ Измайловѣ, гдѣ онъ сооружалъ и инвалидный домъ».—Въ 1847 г., высочайше возложено было на Тона порученіе, построить въ С.-Петербургѣ и Москвѣ станціи николаевской желѣзной дороги съ таможнею, при московской станціи; равно и—постройка церкви въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку.—Съ окончаніемъ большого кремлев-

скаго дворца, Государь поручилъ зодчему его составить проекты: на возобновленіе колокольни Ивана Великаго, *въ томъ видѣ, какъ была она до 1812 г.*, на устройство платформъ для помѣщенія 12 орудій надъ Тайницкими воротами и—казармъ для одного баталіона пѣхотнаго полка.—Въ 1850 г. достроена Тономъ станція царскосельской желѣзной дороги въ С.-Петербургѣ; почти одновременно съ нею послѣдовало и окончаніе оружейной палаты. Проекты работъ по Кремлю между тѣмъ продолжались: состоялось предположеніе о перестройкѣ Николаевскаго дворца и палаты мvроваренія (*). Въ слѣдующемъ году, приступивъ къ перестройкѣ малаго кремлевскаго дворца, Тонъ построилъ надгробный памятникъ князю Пожарскому въ Суздалѣ и составилъ проектъ церкви для Тифлиса.—Въ 1853—1854 гг., съ окончаніемъ вчернѣ храма Спасителя, составленъ былъ строителемъ его проектъ на внутреннее украшеніе собора, удостоенный высочайшаго утвержденія; въ Николаевскомъ же дворцѣ построенъ главный входъ и галлерея, соединяющая его съ Чудовымъ монастыремъ, также исправленъ главный куполъ собора въ Нововоскресенскомъ монастырѣ (въ Новомъ Іерусалимѣ), грозившій разрушеніемъ. Въ Кремлѣ окончена перестройка церкви двѣнадцати апостоловъ, патріаршей ризницы и шатра надъ палатою мvроваренія, да еще составленъ проектъ храма при тивдійской мраморной ломкѣ (Олонецкой губерніи). Всѣ занятія эти шли, можно сказать, параллельно, и сверхъ того производилась Тономъ еще постройка егерской церкви въ С.-Петербургѣ, за окончаніе которой уважаемый зодчій награжденъ орденомъ св. Анны 1 степени.—Позднѣйшіе годы жизни профессора Тона, по смерти А. И. Мельникова, возведеннаго въ званіе ректора императорской академіи художествъ,—представляютъ дѣятельность композитора не менѣе плодовитую. Имъ составлены проекты: постановленія статуи св. Георгія, въ залѣ того же имени (въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ), воротъ съ рѣшеткою для николаевской военной богадельни, въ селѣ Измайловѣ, нѣсколькихъ церквей для казенныхъ заводовъ въ Сибири, храмовыхъ иконостасовъ, въ томъ числѣ—иконостаса и для храма Спасителя, за который, въ 1858 г., при утвержденіи проекта, композиторъ получилъ орденъ св. Анны 1 ст., украшенный императорскою короною. Важнѣйшимъ изъ проектовъ Тона въ настоящее царствованіе есть, безъ сомнѣнія, металлическій шпиль для Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ. По этому проекту работы производилъ инженеръ Журавскій, а составитель проекта получилъ высочайшее благоволеніе. Такая обширнѣйшая производительность не отвлекала Тона отъ класснаго руководства учениковъ, которыхъ въ 24-хъ-лѣтнюю профессуру, до назначенія въ ректоры, смѣло можно насчитать до 200; изъ этаго числа, прибавимъ, большая часть удостоенія пансіонерства за границею выпала на долю учениковъ его. Ученики и почитатели таланта К. А. Тона испросили разрѣшеніе и отпраздновали въ И. А. Х. *пятидесятилѣтній юбилей* дѣятельности этого достойнаго художника, въ день исполненія полувѣка отъ выпуска его изъ академіи—1 сентября 1865 г. При этомъ поднесена была юбиляру исполненная на этотъ случай медаль съ его портретомъ и альбомъ фотографическихъ изображеній лицъ, участвовавшихъ въ устройствѣ праздника.

(*) Тогда же составлены имъ проекты иконостасовъ для церквей: 12 апостоловъ въ Кремлѣ, Свеаборгѣ и Брестъ-Литовскѣ.

ПОЛОНСКІЙ, Яковъ Петровичъ, русскій писатель. Родился 6-го декабря 1820 г., въ городѣ Рязани. Отецъ его Петръ Григорьевичъ Полонскій, родомъ изъ малороссійскихъ дворянъ, служилъ, въ то время, въ канцеляріи рязанскаго генералъ-губернатора Балашева. Онъ женатъ былъ на Натальи Яковлевнѣ, происходившей изъ дома старинныхъ русскихъ дворянъ Кафтыревыхъ, и принесшей съ собою въ приданое очень значительное состояніе. Она умерла въ 1830 г., оставивъ шесть человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Я. П. Полонскому, было тогда около десяти лѣтъ. Вскорѣ послѣ смерти ея П. Г. Полонскій былъ переведенъ на службу въ гор. Эривань совѣтникомъ казенныхъ сборовъ и податей. Предъ отъѣздомъ въ Эривань онъ опредѣлилъ старшаго сына въ рязанскую гимназію, поселивъ его вмѣстѣ съ остальными дѣтьми въ домѣ родныхъ сестеръ покойной своей жены, Кафтыревыхъ.—Я. П. Полонскій обнаруживалъ свой поэтическій талантъ еще во время пребыванія въ рязанской гимназіи: будучи ученикомъ шестаго класса, онъ за свои стихи отъ Государя Наслѣдника (нынѣ царствующаго Государя Императора) во время проѣзда его чрезъ городъ Рязань, удостоился получить въ подарокъ золотые часы. По выходѣ изъ гимназіи, Я. П. Полонскій поступилъ въ московскій университетъ, по юридическому факультету; но не имѣя особеннаго призванія къ юридическимъ наукамъ, онъ, числясь по юридическому факультету, слушалъ лекціи почти по всѣмъ факультетамъ и, можно сказать, менѣе всего по юридическому. Во время университетской жизни, Я. П. Полонскій, вслѣдствіе почти совершеннаго разстройства состоянія и здоровья отца, встрѣтился лицемъ къ лицу съ тяжелою нуждою. Чтобы поддержать свое существованіе онъ принужденъ былъ удѣлять большую часть времени отъ своихъ университетскихъ занятій на уроки въ частныхъ домахъ. Но нужда, все-таки, не помѣшала Я. П. Полонскому сблизиться съ самымъ образованнымъ, въ то время, московскимъ обществомъ и заниматься поэзіею. Въ 1844 г. онъ кончилъ курсъ въ университетѣ и въ этомъ же году издалъ первое собраніе своихъ 32 стихотвореній, подъ заглавіемъ *Гаммы*, о которыхъ покойный Бѣлинскій отозвался въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ большою похвалою.—Вскорѣ послѣ окончанія университета Я. П. Полонскій уѣхалъ въ Одессу. По прибытіи въ этотъ городъ, онъ, не имѣя ни состоянія, ни занятій, попалъ было почти въ безвыходное положеніе. Къ счастію, онъ скоро встрѣтился съ своимъ школьнымъ товарищемъ А. Бакунинымъ, бывшимъ въ то время профессоромъ Ришельевскаго лицея, который снабдилъ его всѣмъ необходимымъ и доставилъ ему уроки. Въ Одессѣ Я. П. Полонскій издалъ новое собраніе своихъ стихотвореній, въ числѣ 22, подъ заглавіемъ: *Стихотворенія 1845 г.*, и вслѣдъ за симъ уѣхалъ на Кавказъ, гдѣ былъ опредѣленъ въ канцелярію намѣстника, князя М. С. Воронцова, помощникомъ редактора газеты *Закавказскій Вѣстникъ*. Не смотря на многочисленныя занятія по этой должности, Я. П. Полонскій все-таки занимался и поэзіею, и въ 1849 г. издалъ въ Тифлисѣ третье собраніе своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: *Сазандаръ* (*), въ составъ котораго вошли 12 стихотвореній. Кромѣ того, въ 1851 г., по случаю открытія тифлисскаго театра, онъ написалъ стихи, и въ слѣдъ за симъ издалъ новыя свои произведенія, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько стихотворе-*

(*) *Сазандаръ*—грузинское слово, по-русски пѣвецъ.

нiй Я. П. Полонскаго. 1851 г. Наконецъ въ 1852 г. онъ написалъ на Кавказѣ еще историческую драму: «*Дареджана Имеретинская*», напечатанную въ 7 № «Москвитянина» 1852 г. Во время своего пребыванiя на Кавказѣ, Я. П. Полонскiй въ 1850 г. посѣтилъ южный берегъ Крыма, куда ѣздилъ для купанья въ морѣ по совѣту доктора, и на пути въ Крымъ объѣхалъ почти всю Гурiю и Мингрелiю. Живописныя мѣстности Крыма и Кавказа возбудили въ немъ сильное желанiе заниматься живописью. Онъ принялся за это новое занятiе съ сильнымъ жаромъ и въ теченiи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказалъ столь быстрые успѣхи, что могъ очень вѣрно рисовать ландшафты. Въ 1852 г., взявъ отпускъ, Я. П. Полонскiй выѣхалъ изъ Тифлиса въ Рязань, гдѣ въ это время находился больной отецъ его, съ которымъ онъ не видался около семи лѣтъ. Изъ Рязани онъ уже не возвратился на Кавказъ а, отправился въ Петербургъ, въ надеждѣ здѣсь получить мѣсто. Но по прибытiи въ Петербургъ Я. П. Полонскiй встрѣтилъ почти тоже, что приходилось ему испытать на первыхъ порахъ въ Одессѣ. Не имѣя собственныхъ средствъ и должности, онъ долженъ былъ бѣгать по частнымъ урокамъ, которые до того разстроили его здоровье, что онъ принужденъ былъ отправиться лѣчиться сначала въ Гапсаль, а потомъ въ Гельсингфорсъ. Но болѣзнь и нужда не помѣшали Я. П. Полонскому продолжать свои поэтическiя занятiя: въ 1855 г. онъ издалъ новое собранiе своихъ поэтическихъ произведенiй, подъ заглавiемъ: *Стихотворенiя Я. П. Полонскаго. Спб. 1855 г.* Въ это новое собранiе вошла большая часть стихотворенiй, изъ изданныхъ уже прежде сего, исключены только пять стихотворенiй изъ *Гаммъ* и тринадцать изъ изданныхъ въ Одессѣ. Въ 1856 г. Я. П. Полонскiй провелъ зиму въ Варшавѣ, а весною 1857 г. отправился за границу, гдѣ прожилъ три мѣсяца въ Баденъ-Баденѣ, три мѣсяца въ Женевѣ и къ зимѣ прiѣхалъ въ Римъ, поселясь здѣсь въ улицѣ *via felice,* въ которой жилъ Гоголь. Въ Римѣ онъ познакомился съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, съ которымъ уѣхалъ первоначально въ Неаполь, а потомъ въ Парижъ. Живя въ Парижѣ, Я. П. Полонскiй встрѣтился случайно въ домѣ своихъ знакомыхъ съ одной дѣвушкой и рѣшился искать ея руки. Избранная имъ подруга жизни (въ настоящее время уже покойная) была дочь русскаго пѣвчаго Устюжскаго, человѣка бѣднаго и имѣвшаго большое семейство, который, кромѣ хорошаго воспитанiя своей дочери, не могъ ничего болѣе дать ей въ приданое.—По возвращенiи въ Петербургъ Я. П. Полонскiй издалъ въ 1859 г. новыя свои стихотворенiя подъ заглавiемъ: *Стихотворенiя Я. П. Полонскаго. Спб. 1859 г.* Кромѣ того въ этомъ же году напечаталъ: *Кузнечикъ-музыкантъ, шутка въ видѣ поэмы*; и *Разсказы.* Оба эти произведенiя изданы особыми книжками. Въ 1864 г. въ № 4 журнала «Эпоха» напечатана была поэма Я. П. Полонскаго, подъ заглавiемъ: *Разладъ*, въ ней представлены сцены изъ послѣдняго польскаго возстанiя. Эта поэма въ 1865 г. вышла отдѣльною брошюрою. Въ 1864 же году была поставлена на сцену пiеса Я. П. Полонскаго «*Свѣтъ и тѣни*». Эта пьеса была принята съ восторгомъ публикою какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ. Наконецъ въ 1866 г. напечатанъ сборникъ новыхъ стихотворенiй Я. П. Полонскаго подъ названiемъ: «Оттиски».—Какъ истинно-талантливый современный поэтъ-писатель, Я. П. Полонскiй слишкомъ извѣстенъ. Тонкая способность ловить поэтическiе моменты жизни, оригинальная прелесть формъ, гармонiя и музыкальность составляютъ отличительную черту почти всѣхъ стихотворенiй его. «Такъ чувствовать, такъ владѣть стихомъ и такъ распоряжаться словомъ, какъ г. Полонскiй,—замѣчаетъ статья «Современника» (1855 г. кн. 11)—можетъ только поэтъ истинный, несомнѣнный, умѣющiй жить, мыслить, глядѣть на природу проницательнымъ глазомъ и передавать ея физiономiю теплыми словами человѣка, призваннаго для дѣла и сознающаго свое призванiе... Читатель тонко развитый, прочитавъ книгу стихотворенiй его, ощутитъ то самое чувство, которое можно ощутить только послѣ неожиданнаго, но прочнаго знакомства съ истинно-благороднымъ, истинно-незлобнымъ и истинно-любящимъ человѣкомъ». Дѣйствительно, Я. П. Полонскiй, испытывая почти въ теченiи всей своей жизни нужду и всякаго рода непрiятности, ни въ одной строкѣ своихъ стихотворенiй не выразилъ что-нибудь сумрачное, ѣдко-насмѣшливое и злое. Въ своихъ стихотворенiяхъ онъ даже ни на кого не жалуется, но всю тоску на свою судьбу сосредоточилъ въ себѣ самомъ; въ стихотворенiи *Воспоминанiе* поэтъ говоритъ:

> Надъ жизнiю смѣяться въ слухъ
> Не смѣя,
> Смѣялся внутренно....
> Я не скажу ему (пѣвцу)
> Что мнѣ въ огромномъ этомъ
> Мiрѣ
> Не весело, что, можетъ быть,
> Я лишнiй гость на этомъ пирѣ
> Гдѣ собрался ѣсть и пить.

Будучи по натурѣ своей воспрiимчивый, Я. П. Полонскiй иногда увлекался другими поэтами, но гдѣ направленiе этихъ поэтовъ шло на перекоръ его незлобной натурѣ, онъ чисто и свято сохранялъ свою самостоятельность, и всегда былъ далекъ отъ пристрастiя, негодованiя и проклятiй въ своихъ поэтическихъ произведенiяхъ. Въ одномъ стихотворенiи 1855 г. онъ писалъ:

> Поэтъ въ минуты вдохновенья,
> Будь отъ пристрастiя далекъ;
> Язви насмѣшкою порокъ;
> Насмѣшка громче наставленья,—
> Когда ее на кару зла
> Святая правда родила!

«Еслибъ въ талантѣ г. Полонскаго—сказано въ статьѣ «Современника» 1859 г. (кн. 7)—было менѣе мягкости, то онъ при своемъ грустномъ настроенiи, могъ бы извлекать изъ своей лиры страшные звуки негодованiя и проклятiя. Но проклинать онъ не умѣетъ и недовольство его выражается въ тихой, задумчивой жалобѣ. Муза его взросла, окрѣпла посреди строгихъ трудовъ и горькаго опыта практической жизни, въ противность музѣ многихъ поэтовъ, напоминающей собою арабскую легенду о вызванномъ духѣ, который, соскучившись отъ бездѣйствiя, сталъ дѣлать одни вредныя шалости. Оттого въ его стихахъ есть жизнь и послѣдовательность». Нѣтъ сомнѣнiя, что Я. П. Полонскiй займетъ въ исторiи поэзiи нашего времени самое почетное мѣсто.

БЕНЕДИКТОВЪ, Владимiръ Григорьевичъ, русскiй поэтъ. Родился 5 ноября 1807 г., въ С.-Петербургѣ, отъ брака Григорiя Степановича Бенедиктова, впослѣдствiи коллежскаго совѣтника, съ дѣвицей Пелагеей Яковлевной Винокуровой, дочерью придворнаго кофешенка, и, вскорѣ затѣмъ,

былъ перевезенъ въ гор. Петрозаводскъ, гдѣ его отецъ получилъ мѣсто совѣтника губернскаго правленія. (*) Здѣсь, въ Петрозаводскѣ, будущій поэтъ, на 8 году возраста, сталъ учиться, дома, чтенію и письму, а на 9 году—закону Божію, грамматикѣ, ариѳметикѣ, которые, вмѣстѣ съ началами исторіи и географіи, преподавалъ ему домашній учитель Гребенщиковъ. Въ 1817 г., 9-лѣтній ученикъ Гребенщикова поступилъ въ олонецкую губернскую гимназію и тутъ, пройдя 4 класса, окончилъ курсъ. «Въ гимназіи—говоритъ самъ В. Г. Бенедиктовъ—съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ онъ уроки учителя словесности г. Яконовскаго, который писалъ иногда и самъ стихи, для произнесенія ихъ учениками при публичныхъ ежегодныхъ экзаменахъ, при домашнихъ праздникахъ и разныхъ другихъ случаяхъ. Способность писать стихи всегда казалась В. Бенедиктову завидною, съ самаго ранняго его возраста; и самъ онъ неоднократно пробовалъ дѣтское перо свое, изъ подъ котораго не выходило ничего такого, чѣмъ бы онъ могъ быть, по тогдашнимъ его понятіямъ, сколько-нибудь доволенъ». Въ 1821 г. будущій поэтъ, снова привезенный отцомъ своимъ въ Петербургъ, отданъ въ бывшій 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ, по экзамену, принятъ въ одинъ изъ среднихъ классовъ. «Во время пребыванія своего въ корпусѣ—говоритъ опять самъ В. Г. Бенедиктовъ,—вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами своими, упражнялся въ писаніи стиховъ на разные предметы и участвовалъ въ домашнихъ журналахъ и альманахахъ, издававшихся рукописными тетрадками и читавшихся только между воспитанниками. Преподаватели словесности въ корпусѣ были, въ то время, такъ плохи, что служили только предметомъ насмѣшекъ для учениковъ своихъ, изъ которыхъ наиболѣе способные и умѣвшіе написать что-нибудь не хотѣли показывать дѣтскихъ своихъ произведеній наставникамъ, а только сообщали ихъ другъ другу и пользовались одинъ отъ другаго взаимно критическими замѣчаніями. Впрочемъ, главнымъ предметомъ занятій В. Бенедиктова въ кадетскомъ корпусѣ были: математика и военныя науки». Окончивъ въ кадетскомъ корпусѣ курсъ первымъ воспитанникомъ, В. Г. Бенедиктовъ, 25 іюня 1827 г., былъ выпущенъ лейбъ-гвардіи въ измайловскій полкъ прапорщикомъ; 6 апрѣля 1830 г. произведенъ въ подпоручики, а 3 января 1831 г. отправился при двухъ батальонахъ полка въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ и участвовалъ во всѣхъ тогдашнихъ военныхъ передвиженіяхъ и дѣйствіяхъ измайловцевъ, за которые награжденъ орденомъ св. Анны 4 степени, съ надписью: «за храбрость» и получилъ медаль, установленную въ память этого похода. Къ тому же «походному времени», какъ свидѣтельствуетъ самъ В. Г. Бенедиктовъ, относятся первыя изъ его напечатанныхъ стихотвореній: *Бивакъ*, *Ночь близь м. Якацъ*, *Бранная красавица* и *Прощаніе съ саблею*—сдѣлавшіяся однако извѣстными публикѣ спустя нѣсколько лѣтъ. Для того, чтобъ познакомить читателей съ тогдашними пріемами В. Г. Бенедиктова, какъ поэта, вотъ начальныя строки его перваго по времени стихотворенія «Бивакъ»:

Темно. Ни звѣздочки на черномъ неба сводѣ.
Подъ проливнымъ дождемъ на длинномъ переходѣ
Промокнувъ до костей, до сердца, до души,
Пришли на мѣсто мы—и мигомъ шалаши
Возстали, выросли. Ну, слава Богу: дома!
И—роскошь!—вносится въ отрадный мой шалашъ
Сухая, свѣжая, упругая солома.
«А чайникъ что?»—Кипитъ.—О чай—спаситель нашъ!
Онъ тутъ. Идетъ денщикъ—служитель ратныхъ становъ,
И слаще музыки привѣтный звонъ стакановъ
Вдали ужъ слышится;—и чайная струя
Спѣшитъ стакановъ рядъ наполнить по края.
Садишься и берешь—и съ сладострастной дрожью
Пьешь нектаръ, радость пьешь, глотаешь милость Божью....

По возвращеніи измайловскаго полка, черезъ Ригу, въ Петербургъ, В. Г. Бенедиктовъ подалъ въ отставку изъ военной службы и, 23 апрѣля 1832 г., былъ уволенъ «по домашнимъ обстоятельствамъ» для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Причисленный немедленно къ канцеляріи министра финансовъ, съ командированіемъ, для служебныхъ занятій, въ собственную канцелярію по секретной части, В. Г. Бенедиктовъ, въ томъ же 1832 г., іюня 24, переименованъ коллежскимъ секретаремъ, а декабря 16, назначенъ въ помощь при занятіяхъ по особой части секретной канцеляріи; 2 апрѣля 1833 г. произведенъ въ титулярные совѣтники и, 21 мая 1834 г., опредѣленъ столоначальникомъ въ канцелярію министра финансовъ по секретной части. Но, въ теченіе всего этаго времени, В. Г. Бенедиктовъ уже не оставлялъ бесѣдовать съ музами, хотя не печаталъ своихъ произведеній до самаго 1835 г., когда, наконецъ, вышли въ С.-Петербургѣ, особой книжкой: *Стихотворенія В. Бенедиктова*, умѣстившіяся на 106 страничкахъ маленькаго формата. «Появленіе стихотвореній Бенедиктова—замѣчаетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» покойный Панаевъ—произвело страшный гвалтъ и шумъ не только въ литературномъ, но и въ чиновничьемъ мірѣ. И литераторы и чиновники петербургскіе были въ экстазѣ отъ Бенедиктова.... Жуковскій, говорятъ, до того былъ пораженъ и восхищенъ книжкою Бенедиктова, что нѣсколько дней сряду не разставался съ нею и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашалъ воздухъ Бенедиктовскими звуками.... Пушкинъ... на вопросы: какого онъ мнѣнія о новомъ поэтѣ?—отвѣчалъ, что «у него есть превосходное сравненіе неба съ опрокинутой чашей» (Соврем. 1861 № 1, отд. 1, ст. 188). Независимо отъ общаго экстаза, «Стихотворенія» В. Бенедиктова вызвали прекрасную, хотя строгую, рецензію въ московскомъ журналѣ Надеждина «Телескопѣ» (1835 ч. XXVII, стр. 357—387), принадлежащую перу извѣстнаго впослѣдствіи В. Г. Бѣлинскаго, сходственно съ которымъ отзывался о новомъ поэтѣ и Н. А. Полевой въ «Сынѣ Отечества». А такъ какъ критическія мнѣнія покойнаго Бѣлинскаго до сихъ поръ еще всецѣло пріемлются большинствомъ читающей публики, то замѣтимъ, что, изъ вышедшихъ въ 1835 г. произведеній музы В. Г. Бенедиктова, В. Г. Бѣлинскій находилъ: «чудомъ по красотѣ стиховъ»—стихотвореніе *Къ Полярной звѣздѣ;* «милыми, какъ поэтическія игрушки»—стихотворенія: *Озеро*, *Прощаніе съ саблею*, *Ореллана*, *Незабвенная*, *къ Н—му;* «особенно ему (Бѣлинскому) понравившимся»—стихотвореніе ***Два Видѣнія***. Вотъ, для наглядной оцѣнки мнѣнія самаго Бѣлинскаго, 2-я и 5-я (заключительная) строфы стихотворенія «Къ Полярной звѣздѣ», впослѣдствіи положеннаго на музыку (кажется, гр. Матв. Юр. Віельгорскимъ).

(*) Эти и другія подробности сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, самимъ Владиміромъ Григорьевичемъ Бенедиктовымъ, которому считаю себя обязаннымъ заявить здѣсь мою признательность. ***М. Д. Хмрв.***

2-я) Тихо горишь ты, дочь неба прелестная,
После докучнаго дня;
Кротко, таинственно, дева небесная,
Смотришь съ высотъ на меня.
Жителя севера ночь необъятная
Вержетъ на долго во тьму:
Ты—безвосходная, ты—беззакатная—
Солнце ночное ему.

5-я) Вижу: светилъ хороводъ обращается—
Ты-жъ въ свою высь вкреплена;
Видъ неба звезднаго чудно меняется—
Ты неизменна одна.
Не отъ того ли такъ сердцу мечтателя
Милъ твой серебряный лучъ?
Молви: не ты ли въ десниц Создателя,
Звездочка, вечности ключъ?

Вотъ и выдержка изъ стихотворенія В. Г. Бенедиктова «Озеро», почти автобіографическаго:

Съ детскихъ летъ я полюбилъ
Пенистую влагу;
Я, играя въ ней, ростилъ
Волю и отвагу.
Въ полдень, съ берега спустясь
Въ глубь волны холодной,
Обнимался я не разъ
Съ нимфою подводной.
Какъ любилъ я съ ней играть,
И съ волною чистой
Встретясь, грудью разшибать
Гребень серебристый!
Какъ мне нравилось потомъ
Мчаться надъ водою,
Гордо действуя весломъ
Детскою рукою,
И, закинувъ съ челнока
Уду роковую,
Приманить на червяка
Рыбку молодую!

Вотъ, наконецъ, начальная и заключительная строфы стихотворенія В. Г. Бенедиктова «Два Виденія», особенно нравившагося Белинскому:

Я дважды любилъ: две волшебницы-девы
Сіяли мне въ жизни средь божьихъ чудесъ;
Оне мне внушали живые напевы,
Знакомили душу съ блаженствомъ небесъ.
Одну я любилъ, какъ слезою печали
Ланита прекрасной была нажжена;
Другую,—когда ея очи блистали
И сладко, роскошно смеялась она.
. . . .
Предъ лаской судьбы и грозой ея гнева
Одна изъ предвестницъ всегда прилетитъ;
Но редко мне видится первая дева,—
Последняя часто мне смехомъ гремитъ:
И въ жизни я вижу не многія розы,
По многу блуждаю въ тернистыхъ путяхъ;
Но въ радостяхъ редкихъ даются мне слезы,
При частыхъ страданьяхъ—есть хохотъ въ устахъ.

Всехъ стихотвореній В. Г. Бенедиктова, въ изданіи 1835 г., счетомъ *сорокъ восемь*, которыя помещены тамъ въ такомъ порядке: 1) *Смерть розы*. 2) *Золотой векъ*. 3) *Жалоба дня*. 4) *Три вида*. 5) *Чудный конь*. 6) *Озеро*. 7) *Бранная красавица*. 8) *Мой выборъ*. 9) *Сознаніе*. 10) *Къ Полярной звезде*. 11) *Скорбь поэта*. 12) *Смерть въ Мессине*. 13) *Моей звездочке*. 14) *Облака*. 15) *Напоминаніе*. 16) *Степь*. 17) *Къ Очаровательнице*. 18) *Буря и тишь*. 19) *Н. Н—ой*. 20) *Радуга*. 21) *Черныя очи*. 22) *Ночь близь м. Якацъ*. 23) *Наездница*. 24) *Сослуживцы*. 25) *Предчувствіе*. 26) *Прощаніе съ саблею*. 27) *Ореллана*. 28) *Праздникъ на биваке*. 29) *Разлука*. 30) *Къ М—ру*. 31) *Незабвенная*. 32) *Новое признаніе*. 33) *Люблю тебя*. 34) *Две реки*. 35) *Роза и дева*. 36) *Утесъ*. 37) *Къ Н—му*. 38) *Два виденія*. 39) *Могила*. 40) *Песнь соловья;* сонеты: 41) *Природа*. 42) *Комета*. 43) *Вулканъ*. 44) *Гроза*. 45) *Цветокъ*. 46, 47 и 48—безъ заглавій. —Въ предисловіи къ этой книжечке, издатель говоритъ, что стихотворенія В. Г. Бенедиктова достались ему случайно, и прибавляетъ: «Мы однако же благодарны этому случаю: онъ доставилъ намъ удовольствіе, давно нами не испытываемое, удовольствіе читать на русскомъ языке стихотворенія, въ которыхъ есть поэзія и которые (*sic*) состоятъ не изъ общихъ местъ сердечной жизни, сделавшихся пошлыми отъ того, что на нихъ пишутъ (?) многіе, какъ въ школе на заданную тему, безъ всякой идеи, безъ одушевленія». Книжечка «Стихотвореній» В. Бенедиктова, ставшая теперь библіографической редкостью, была покупаема на расхватъ, такъ что въ следующемъ 1836 г. уже потребовалось и вышло ея второе изданіе, которому, вместе со всей читающей публикой, радовалась и редакція «Журнала Министерства Народнаго Просвещенія», рекомендовавшая «Стихотворенія» В. Бенедиктова, именно по поводу ихъ втораго изданія, «прелестными, полными энергіи и высокихъ мыслей» (Ж. М. Н. Пр. 1838, декабрь, стр. 589).—Въ томъ же 1836 г. еще пять стихотвореній В. Г. Бенедиктова: *Возвращеніе незабвенной*, *Возвратись*, *Къ Алине*, *Две сестры* и *Ватерлоо*—были напечатаны въ журнале О. И. Сенковскаго: «Библіотека для Чтенія» (томы XV, XVI, XVII, XVIII и XIX) между темъ, какъ самъ авторъ ихъ, 7 августа, произведенъ въ коллежскіе ассессоры.—Въ теченіе 1837 г., изъ стихотвореній В. Г. Бенедиктова—назначеннаго, съ 1 іюня, старшимъ секретаремъ въ общую канцелярію министра финансовъ—явились напечатанными: въ «Библіотеке для Чтенія»—*Пожаръ* (январь), *Искра* (февраль), *Певецъ* (апрель), *Радость и горе* (ноябрь); въ «Современнике»—*Горы* (т. V, стр. 238); а въ теченіе 1838 г. В. Г. Бенедиктовъ, поместивъ въ т. IX «Современника» стихотвореніе *Москва* (стр. 133) и въ № 1 «Сына Отечества» посланіе *В. П. К—му* (стр. 22), издалъ вторую книжку своихъ *Стихотвореній*, рецензія которой вышла въ № 2 «Библіотеки для Чтенія» 1839 г., где можно найти и стихотвореніе «Бенедиктову», написанное Е. Шаховой. Что касается самого изданія 1838 г., въ книжку его вошли следующія *двадцать девять* стихотвореній В. Г. Бенедиктова: 1) *Горныя выси*. 2) *Перлъ*. 3) *Развалины*. 4) *Кудри*. 5) *Певецъ*. 6) *Море*. 7) *Искра*. 8) *Возвратись*. 9) *К—му*. 10) *Холодное признаніе*. 11) *Заря*. 12) *Пожаръ*. 13) *Предостереженіе*. 14) *Горячій источникъ*. 15) *Услышанная молитва*. 16) *Жизнь и смерть*. 17) *Возвращеніе незабвенной*. 18) *Къ ней же* (передъ разлукою). 19) *Прости*. 20) *За-Невскій край*. 21) *Радость и горе*. 22) *Къ черноокой*. 23) *Бездна*. 24) *А. Б—ну*. 25) *Къ Алине*. 26) *Жажда любви*. 27) *Отрывки* (изъ книги любви). 28) *Я не люблю тебя*. 29) *Ватерлоо*. Наступившій 1839 г. В. Г. Бенедиктовъ на-

чалъ помѣщеніемъ въ № 1 «Библіотеки для Чтенія» своего стихотворенія: *Напрасныя жертвы* (стр. 5), а въ сборникѣ М. А. Максимовича «Кіевлянинъ» (кн. 1 стр. 1)—другаго стихотворенія *Кіевъ*, гдѣ поэтъ такъ привѣтствуетъ историческій Днѣпръ:

Здравствуй Днѣпръ, поитель дивный
Незабвенной старины!
Чу! на звонъ моей струны
Сердце слышитъ плескъ отзывный
Удалой, многоразливной,
Святославовой волны.

Затѣмъ, условившись съ А. А. Краевскимъ, новымъ редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», издававшихся до 1830 г. включительно П. П. Свиньинымъ, В. Г. Бенедиктовъ отправился, по служебно-секретному порученію, въ Новороссійскія губерніи, гдѣ и оставался съ мая по сентябрь. Награжденный за эту командировку, 9 сентября, чиномъ надворнаго совѣтника, В. Г. Бенедиктовъ возвратился въ Петербургъ уже сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», на страницахъ которыхъ, въ его отсутствіе, явились его стихотворенія: *Обновленіе* (т. II, стр. 139), *Слезы и звуки* (т. II, стр. 166), *Италія* (т. III, стр. 85). Но, въ его же отсутствіе, редакція «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» выразила печатно свое недовольство послѣдними стихотвореніями г. Бенедиктова (Ж. М. Н. Пр. 1839, іюль, стр. 76), въ подражаніи которому она однакоже, два мѣсяца спустя, ничуть не обвиняла хвалимаго ею Щеткина, сочинителя патріотическихъ стиховъ на оффиціальные случаи (Ж. М. Н. Пр. 1839, сентябрь, стр. 286).—Произведеніями музы В. Г. Бенедиктова въ 1840 г. были стихотворенія, напечатанныя: *Къ *, при доставленіи стиховъ моихъ*—въ февральской, *Грѣхопаденіе*—въ мартовской книжкахъ «Библіотеки для Чтенія» и *Къ женщинѣ*—въ № 9 журнала «Сына Отечества». Это послѣднее стихотвореніе также не совсѣмъ удовлетворило редакцію «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», хотя находившую въ стихотвореніи «Къ женщинѣ»—«много истинно-прекрасныхъ мѣстъ, много удивительно гармоническихъ стиховъ» (Ж. М. Н. Пр. 1840, ноябрь, стр. 101). Наконецъ, въ томъ же 1840 г., нѣкто А. М. напечаталъ въ № 6 «Сына Отечества» стихотвореніе: «Владиміру Григорьевичу Бенедиктову».—Въ теченіе 1841 г. публика узнала слѣдующія стихотворенія В. Г. Бенедиктова, напечатанныя: *Вальсъ*—въ № 1 «Современника»; *Стихъ*—въ № 2, *Могила любви*—въ № 9, *Недовѣрчивость*—въ № 11, *Рѣки*—въ № 12 «Библіотеки для Чтенія»; а 17 октября, самъ В. Г. Бенедиктовъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.—Въ 1842 г. В. Г. Бенедиктовъ доставилъ стихотворенія: *Дружба*—въ № 1, *Вотъ какъ это было*—въ № 3, *Чатырдагъ* въ № 5, *Монастыркамъ*, «при выпускѣ 1842 г.»—въ № 11 «Библіотека для Чтенія», наконецъ, *Маленькой Женни*—въ № 10 «Сына Отечества» и, награжденный, по службѣ, выдачею ему единовременно 700 р. сер., издалъ вторично вторую книжку своихъ *Стихотвореній*, разборъ которой помѣщенъ въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ» того же 1842 г. (отд. VI, стр. 38).—А такъ какъ книжечки «Стихотвореній» В. Бенедиктова, вышедшія въ 1835, 1836, 1838 и 1842 гг., найти теперь довольно трудно, то прибавимъ кстати, что все, написанное В. Г. Бенедиктовымъ по 1842 г. включительно, вошло въ составъ I тома его «стихотвореній», изданныхъ въ 1856 г., въ 3 томахъ. «Стихотворенія—говоритъ самъ авторъ въ предисловіи къ этому изданію,—которыя были изданы первоначально въ двухъ книжкахъ въ 1835, 1836, 1838 и 1842 гг., собраны и помѣщены имъ нынѣ въ первомъ томѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, съ исключеніемъ тѣхъ піэсъ, которыя призналъ онъ слишкомъ слабыми, и со включеніемъ другихъ, остававшихся съ давняго времени въ его портфели».—Въ такомъ видѣ, I томъ изданія 1856 г., кромѣ стихотвореній В. Г. Бенедиктова, указанныхъ настоящей статьей, представляетъ еще слѣдующія: *Горныя выси*; *Жалоба дня*; *Развалины*; *Утесъ*; *Черныя очи*; *Кудри; Возвращеніе; Петербургская сторона*; *Чудный конь*; *Три вида*; *Золотой вѣкъ*; *Сослуживцу*; *Горячій источникъ*; *Пучина*; *Моей звѣздочкѣ; Мой выборъ*; *Смерть въ Мессинѣ*; *Прости*; *Помнишь ли; Наѣздница* (на которое особенно нападалъ В. Г. Бѣлинскій); *Опроверженіе; Смерть розы; Море*; *Не вѣрю*; *Холодное объясненіе*; *Роза и дѣва*; *Новое признаніе*; *Позволь*; *Степь; Предостереженіе; Услышанная молитва*; *Радуга; Скорбь поэта; Лестный отказъ* (напечатано въ № 1 «Финскаго Вѣстника» 1845 г.); *О, не играй; Пѣснь соловья*; *Люблю тебя*; *Я не люблю тебя*; *Буря и тишь*; *Заря; Казни меня*; *Черный цвѣтъ*; *Облака; Передъ бокалами*; *Жизнь и смерть*; *Калифъ и рабъ; Жажда любви*; *Могила*; *Новая дружба*; четыре *Отрывка изъ книги любви*; посланія *Къ М—ру* и *Къ Б—ну*; сонеты: *Природа*; *Комета*; *Вулканъ; Гроза*; *Цвѣтокъ*; *Слеза и улыбка*; *Жемчужина*.—Начавъ 1843 г. стихотвореніями: *Пиръ*—въ № 1 «Библіотеки для Чтенія» и *Къ товарищамъ дѣтства*—въ № 3 «Маяка», В. Г. Бенедиктовъ тогда же имѣлъ случай найти посильную оцѣнку своей литературной дѣятельности въ статьѣ покойнаго московскаго профессора С. П. Шевырева: «Краткій перечень произведеній русской словесности за 1842 г.» (Москвитянинъ 1843, №№ 1 и 2) и, 9 іюля, сдѣланъ директоромъ правленія экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, а 17 октября получилъ чинъ статскаго совѣтника.—Въ 1844 г. В. Г. Бенедиктовъ не заявлялъ себя печатно; но въ 1845 г. ознаменованный для него смертью матери († 18 января), далъ въ альманахъ «Метеоръ» стихотвореніе *Тостъ*, разобранное въ № 5 «Отечественныхъ Записокъ» (отд. VI, стр. 13—15); помѣстилъ въ III томъ смирдинскаго сборника, подъ названіемъ «Сто русскихъ литераторовъ», пять стихотвореній, рецензію которыхъ можно найти въ № 9 «Отечественныхъ Записокъ» (отд. VI, стр. 13—15); наконецъ, участвовалъ въ сборникѣ гр. В. А. Соллогуба «Вчера и Сегодня», гдѣ напечатано его стихотвореніе: *Ревность*, начинающееся такъ:

Есть чувство адское; оно вскипитъ въ крови
И, вызвавъ демоновъ, вселитъ ихъ въ рай любви,
Лобзанья отравитъ, оледенитъ объятья,
Вздохъ нѣги превратитъ въ хрипящій вопль проклятья;
Отниметъ все—и свѣтъ и слезы у очей,
Въ прельстительныхъ власахъ укажетъ свитыхъ змѣй,
Въ улыбкѣ алыхъ устъ—геены осклабленье,
И въ тихомъ шопотѣ—эхиднино шипѣнье!

Добавимъ, что въ іюльской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» того же 1845 г. помѣщено стихотвореніе К. Доводчикова, надписанное: «В. Г. Бенедиктову».—Замолкнувъ, какъ кажется, на весь 1846 г., муза В. Г. Бенедиктова и въ теченіе трехъ

слѣдующихъ лѣтъ показывалась въ публику не часто. Но бесѣды съ нею поэта все-таки продолжались непрерывно—и В. Г. Бенедиктовъ, получившій, 22 августа 1847 г. орденъ св. Анны 2-го класса, а въ 1848 г. знакъ отличія за безпорочную 20-тилѣтнюю службу, успѣлъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, отъ 1842 по 1850 г., создать цѣлый томикъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, составившихъ II томъ изданія 1856 г. Стихотворенія этого періода, кромѣ указанныхъ настоящей статьей, суть: *Туча*; *Казаку-поэту*; *Морозъ*; *Земная ты*; *Порывъ*; серія путевыхъ замѣтокъ и впечатлѣній (въ Крыму), къ которой принадлежатъ: 1. *На морѣ*. 2. *Близъ береговъ*. 3. *На южномъ берегу*. 4. *Между скалъ*. 5. *Могила въ Марсандѣ*. 6. *Домъ въ цвѣтахъ*. *Алупка*. 7. *Оріанда*. 8. *Потоки*. 9. *Обвалы*. 10. *Пещеры Кизиль-Коба*. 11. *Чатырдагскіе ледники*. 12. *Коса*. *Древности Керчи* и 13. *Прости*; *Южная ночь* (писано въ Одессѣ); *А—ѣ П—ѣ Г—гъ* (по возвращеніи изъ Крыма); *Е. Н. Ш—вой* (при доставленіи гербаріума); *Еще черныя*; *О еслибъ*; *Отвѣтъ*; *Старой Знакомкѣ*; *Желаніе быть ваятелемъ*; *Быть можетъ*; *Напрасно*; *Какъ хороша*; *И тщетно все*; *Ужинъ у кардинала Ришелье*; *Два клада*; *Кокетка*; *Она была добра*; *Юной мечтательницѣ*; *Не тайное признаніе*; *Тоска*; *Благовѣщеніе*; *Безумная*; *Къ поэту*; *Богачъ*; *Горемычная*; *Звѣздочетъ*; въ альбомы: 1. *На первой страницѣ непочатаго еще альбома*. 2. *А. А. И—ой*. 3. *Л. Е. Ф.* 4. *Е. Н. Ш—ой*; переводы: *Стихи, вырѣзанные на чашѣ, сдѣланной изъ черепа*; *Не обвиняй ее*; *Просьба*; *Два зрѣлища*; *Колыбель и могила*; *Ангелъ и младенецъ*; *Къ Миннѣ*; *Пусть*; *Всегда*; *Дантъ*.—15 октября 1850 г. В. Г. Бенедиктовъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 14 февраля 1854 г. назначенъ совѣтникомъ правленія государственнаго заемнаго банка, и, въ теченіе всего этого времени, онъ, на служебномъ досугѣ, не покидалъ своихъ поэтическихъ занятій, плодами которыхъ, напр. въ 1855 г., были стихотворенія, напечатанныя: *Звѣздочка*—въ № 2, *Мелочи жизни*—въ № 3, *Воспоминанія о Крыловѣ* (при воздвигнутомъ ему памятникѣ)—въ № 6, *Къ отечеству и врагамъ его*—въ № 8, *Малое слово о великомъ*—въ № 9 «Библіотеки для Чтенія»; *Послѣ праздника*—въ № 2 «Пантеона». Разборъ стихотворенія *Къ Россіи*, напечатаннаго, кажется, въ «Сѣверной Пчелѣ», помѣщенъ въ № 12 «Современника» этого же года (см. Зам. о журн).—Встрѣтивъ 1856 г. стихотвореніемъ *Человѣкъ*, напечатаннымъ въ № 1 «Библіотеки для Чтенія», В. Г. Бенедиктовъ далъ въ № 2 «Пантеона» еще стихотвореніе: *Бахусъ* (списокъ съ картины Рубенса, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ) и написалъ *Стансы по случаю мира*, явившіеся въ № 6 «Сына Отечества», а за тѣмъ приступилъ къ третьему изданію своихъ *Стихотвореній*, которое и вышло въ мартѣ 1856 г., въ трехъ томахъ.—Послѣдній изъ этихъ томовъ, по свидѣтельству самаго автора въ его предисловіи къ изданію, наполнился произведеніями, оригинальными и переводными, созданными В. Г. Бенедиктовымъ отъ 1850 г. по мартъ 1856 г.—Такимъ образомъ, сюда, кромѣ указаннаго настоящей статьей, вошли слѣдующія стихотворенія: *Къ моей Музѣ*; *Переходъ*; *Выпущенная птичка*; *Ѳ. Н. Глинкѣ*; *Извиненіе*; *Разоблаченіе*; *Островъ*; *Распутіе*; *Воспоминаніе о Крымѣ*; *Его не стало* (написано на смерть В. А. Каратыгина); *Письма*; *Благодарю васъ за цвѣты* (посвящ. М. Ѳ. Ш); *Кипарисъ* (напечатано въ № 5 «Пантеона» 1856 г.); *Неотвязная мысль*; *Прежде и теперь*; *Н. Б. Вележеву* (при посылкѣ собранія стихотвореній); *Рашель* (написано послѣ появленій ея въ роляхъ Федры и Герміоны); *Вьющееся растеніе*; *Три власти Рима*; *Что-то будетъ?*; *Исходъ*; *Лебедь*; *Грустная пѣсня*; *Чувство*; *Я знаю*; *Смѣйтесь!*; *Воспоминаніе* (посвящено памяти Жуковскаго и Пушкина); *Сновидѣніе* (написано послѣ посѣщенія Гостилицъ); *Послѣ похоронъ А. А. К.*; *Прометей*; *Діонисій и Филоксенъ*; *Вечеръ въ саду*; *Поэзія*; *Встрѣчное слово* (собранію выпускныхъ дѣвицъ); *Отзывъ на вызовъ* (тѣмъ же дѣвицамъ); *Письмо Абдель-Кадера*; *И. А. Гончарову* (передъ кругосвѣтнымъ его путешествіемъ); *Молитва* «Спаси, Господи, люди Твоя»; *Сознаніе силы*; *Ребенку*; *Благодарю*; *Любительницѣ спокойствія*; *Просьба*; *Dahin* (туда); *День и двѣ ночи*; *Раздумье*; *Христіанскія мысли* передъ битвами (въ дни св. Пасхи 1855 г.); *Послѣдній пиръ*; *Посланіе о визитахъ* къ М. Ѳ. Ш.; *Чесменскіе трофеи*; переводы: *Наѣздникъ*; *Возвращеніе тяти*; *Рыбка*; *Альманзоръ*; *Сонъ*; *Женщина-поэма* (напечатано въ № 4 «Пантеона» 1856 г.); *Старая пѣсня юнаго времени*; *Къ Фанни П.*; *Она сказала*; *Что слава?*; *Дѣтство*.—Двѣ строгія рецензіи этаго изданія «Стихотвореній» В. Бенедиктова, помѣщены: одна въ № 10 «Современника» (отд. IV, стр. 54—72), другая въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ» (отд. VI, стр. 18—30) 1856 г., причемъ первый рецензентъ нападаетъ, между прочимъ, на слѣдующее мѣсто въ стихотвореніи «Лебедь»:

Жизнь мою переплывая,
Я въ водахъ омытъ отъ зла,
И не давитъ грязь земная
Мнѣ свободнаго крыла.
Отряхнусь—и сухъ я стану;
Встрепенусь—и серебристъ;
Запылюсь—я въ волны пряну;
Окунусь—и снова чистъ.....

А рецензенту «Отечественныхъ Записокъ» не нравится, напр., и это мѣсто изъ стихотворенія «Малое слово о Великомъ».

(Петръ Великій): Къ мужику придетъ: «Богъ помочь!»
Тотъ трудится, лобъ въ поту.
«Что ты дѣлаешь, Пахомычъ?»
Лапти, батюшка, плету;—
Только дѣло плоховато,—
Ковыряю, какъ могу,
Черезъ пятое въ десято.—
«Дай-ка, я тѣ помогу!»
Сѣлъ. Продернетъ,—стянетъ дырку—
Знаетъ, гдѣ и какъ продѣть,
И плететъ въ частоковырку,
Такъ что любо поглядѣть.

Въ томъ же 1856 г. В. Г. Бенедиктовъ, 26 августа, получилъ орденъ св. Владиміра 3 класса, а 25 сентября, назначенъ членомъ правленія государственнаго заемнаго банка, и закончилъ этотъ годъ новымъ стихотвореніемъ: *Встрѣчный голосъ при торжественномъ въѣздѣ Е. И. В. Государя Императора Александра II въ С.-Петербургъ*, которое напечатано въ № 30 «Сына Отечества».—Литературная дѣятельность В. Г. Бенедиктова въ теченіе 1857 г. выразилась рядомъ стихотвореній, изъ которыхъ напечатаны: въ «Сынѣ Отечества—*На новый 1857 г.* (стр. 82, перепечатано и въ № 16 «Мо-

сквитянина), *Н. Ѳ. Щербинѣ* (стр. 129), *Что шумишь* (стр. 293), *Улетѣла* (стр. 317, съ отвѣтомъ: «В. Г. Бенедиктову», подписаннымъ М., стр. 409), *Нельзя* (стр. 337), *И туда!* (стр. 394), *Когда бы!* (стр. 461), *Онъ* «посвящается тѣмъ, которые его любятъ и чтятъ его память» (стр. 845), *Посѣщеніе* (стр. 869), *Современная молитва* (стр. 965); въ «Библіотекѣ для Чтенія» — *Призывъ*, изъ Виктора Гюго (№ 5), *Бездарный*, *У рѣки*, изъ Виктора Гюго, *Вѣрю* (№ 6); *Къ лѣсу* (№ 12); въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» — *Я помню* (№ 2), *Старому пріятелю* (№ 3), *Къ ней* (№ 12), *Плачъ остающагося въ городѣ, при видѣ переѣзжающихъ на дачи* (№ 16); въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» — *Къ портрету Государя Императора* (№ 234). — Большая часть этихъ стихотвореній, на половину патріотическихъ, вошла въ *Новыя стихотворенія* В. Бенедиктова — книжку, изданную въ томъ же 1857 г. и «служащую — пишетъ самъ Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ — дополненіемъ къ собранію стихотвореній того же автора, изданному въ 1856 г. въ трехъ томахъ». Рецензія этой книжки помѣщена въ № 3 «Отечественныхъ Записокъ» 1857 г., гдѣ, между прочимъ, сказано, что «въ «Новыхъ Стихотвореніяхъ» В. Бенедиктова — вся исторія послѣднихъ двухъ лѣтъ царствованія Императора Александра II» (отд. VI, стр. 15). — Въ самомъ концѣ 1857 г., именно 20 декабря, вышло забавное объявленіе объ изданіи «Весельчака», издатель котораго, перечисляя «благодѣтелямъ-подписчикамъ» будущихъ сотрудниковъ изданія и свои у нихъ похожденія, писалъ: «Былъ и у неподражаемаго, несравненнаго Бенедиктова. «Владиміръ Григорьевичъ!... говорю: вы не смѣхотворецъ: но отъ вашихъ чудныхъ, популярныхъ стихотвореній, которыя вся Россія повторяетъ наизусть, русской душѣ становится весело. Бросьте намъ, изъ щедротъ своихъ, горсть этого чистаго золота. Будьте съ нами. Вѣдь мы не по-нѣмецки смѣяться намѣрены, не полуртомъ, и не сквозь злые зубы, а чисто по-русски, прямымъ русскимъ смѣхомъ, добродушнымъ, громкимъ, сердечнымъ». Не отвергъ моего ходатайства и несравненный Бенедиктовъ: радушно принялъ предложеніе». — Кромѣ «Весельчака», В. Г. Бенедиктовъ объявленъ на 1858 г. и сотрудникомъ «Искры». Въ теченіе этого 1858 г. напечатаны слѣдующія стихотворенія В. Г. Бенедиктова: *Мысль* и *Надъ гробомъ О. И. Сенковскаго* — въ №№ 1 и 16 «Русскаго Вѣстника»; *Капля*, изъ Виктора Гюго, и *Голубь*, изъ Корнера — въ № 4 «Подснѣжника»; *Къ портрету Государя Императора* и *Къ портрету Государыни Императрицы* — оба въ томѣ IV «Живописнаго Сборника»; *Къ ней* — тамъ же, въ № 11; *И. А. Гончарову* — въ № 10 «Отечественныхъ Записокъ»; *На оборотъ* и *Къ новому поколѣнію* — въ №№ 48 и 49 «Сына Отечества»; *Дорогимъ именинникамъ: Ѳедору Николаевичу Глинкѣ и графу Ѳедору Петровичу Толстому, 17 февраля 1858 г.* — въ № 46 «Сѣверной Пчелы». — Въ томъ же 1858 г. вышла въ Москвѣ книга, подъ титуломъ: «Пѣсни Беранже, Некрасова, Полежаева, Цыганова, барона Дельвига, Бенедиктова, А. Пушкина, Кольцова, Языкова, Батюшкова, Л. Мея», гдѣ, неизвѣстно для чего, помѣщено стихотвореніе В. Г. Бенедиктова, *Посѣщеніе правды*, занявшее двадцать одну страницу. — Изъ стихотвореній В. Г. Бенедиктова, напечатанныхъ въ 1859 г., можно назвать: *Привѣтъ старому 1858 г.*, *Отвѣтъ*, *Разбитый Кумиръ* — въ №№ 1, 17 и 36 «Сына Отечества»; *Чортова башня* — въ № 15 «Шехерезады». — 31 октября 1860 г. В. Г. Бенедиктовъ уволенъ отъ службы, за штатомъ, съ мундиромъ и пенсіей по 2,801 р. 44 к. въ годъ. — Объявленный тогда же постояннымъ сотрудникомъ зачинавшагося изданія «Вѣкъ», В. Г. Бенедиктовъ не переставалъ сообщать свои стихотворенія во многія періодическія изданія, изъ которыхъ не названы здѣсь (если не ошибаюсь) только «Иллюстрація», «Русскій Міръ», да «Литературная Библіотека». — Перечислять же всѣ позднѣйшія стихотворенія В. Г. Бенедиктова, до сихъ поръ встрѣчающіяся въ печати, — было бы лишнимъ, такъ какъ это, удлинивъ настоящую статью, дастъ читателю не больше, какъ сухой перечень произведеній, вѣроятно, ему извѣстныхъ и не успѣвшихъ еще забыться. — В. Г. Бенедиктовъ женатъ не былъ.

ПИСЕМСКІЙ, Алексѣй Ѳеофилактовичъ, русскій писатель. Принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи, встрѣчающейся въ государственныхъ актахъ XVI вѣка, родился 20 марта 1820 г., костромской губерніи, чухломскаго уѣзда, въ усадьбѣ Раменьѣ, отъ брака полковника Ѳеофилакта Гавриловича Писемскаго съ дѣвицей Евдокіей Алексѣевной Шиповой, дочерью чухломскаго предводителя дворянства (*) «До тринадцатилѣтняго возраста — говоритъ самъ А. Ѳ. Писемскій — я воспитывался въ деревнѣ, и первый учитель мой былъ Николай Иванычъ Бекеневъ, старичекъ, по преимуществу учившій меня латинскому языку, рисованію и разбору грамматическому». Въ 1833 г., А. Ѳ. Писемскій, тогда 13-ти-лѣтній мальчикъ, отданъ былъ въ костромскую гимназію. «Здѣсь — продолжаетъ онъ — развилась во мнѣ страсть къ ученію. Я прочитывалъ почти всѣ, выходившіе тогда въ огромномъ количествѣ, романы, русскіе и переводные, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, участвовалъ во всѣхъ домашнихъ театрахъ, которые гимназисты затѣвали, и исполнялъ всегда при этомъ комическія роли». — Изъ числа гимназическихъ преподавателей, имѣвшихъ большое вліяніе на его умственное развитіе, А. Ѳ. Писемскій признательно называетъ: Никиту Павловича Самойловича, читавшаго математику; Александра Ѳедоровича Окатова, учившаго словесности, и Павла Потаповича Знаменскаго, лектора латинскаго языка. Въ 1840 г., послѣ семи-лѣтняго пребыванія въ костромской гимназіи, А. Ѳ. Писемскій поступилъ въ московскій университетъ, на математическій факультетъ, и здѣсь, въ 1844 г., окончилъ курсъ, съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Тогда же опредѣлившись на службу въ костромскую палату государственныхъ имуществъ, онъ, въ 1845 г., перешелъ въ таковую же московскую, но въ 1846 г. оставилъ службу и поселился въ деревнѣ. Тутъ, А. Ѳ. Писемскій, снова обратясь къ чтенію, въ 1847 г. написалъ повѣсть: *Боярщина*, напечатанную 11 лѣтъ спустя, и повѣсть же: *Тюфякъ*, сдѣлавшуюся извѣстной публикѣ только черезъ три года, а въ 1848 г. женился на Екатеринѣ Павловнѣ Свиньиной, дочери извѣстнаго писателя и издателя первыхъ «Отечественныхъ Записокъ», Павла Петровича Свиньина (†1839 г.). Въ томъ же 1848 г. А. Ѳ. Писемскій вторично поступилъ на службу, чиновникомъ особыхъ порученій къ костромскому военному губернатору, должность котораго временно исправлялъ тогда г. м. и ген. ад. свѣтлѣйшій князь А. А. Италійскій,

(*) Эти и другія подробности сообщены мнѣ, по моей просьбѣ, самимъ Алексѣемъ Ѳеофилактовичемъ Писемскимъ, которому считаю себя обязаннымъ заявить здѣсь мою признательность. — *М. Д. Хмрв.*

графъ Суворовъ Рымникскій. Этой службѣ А. Ѳ. Писемскій посвятилъ, какъ самъ говоритъ, «почти исключительно», около двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ напечаталъ въ №№ 19—21 «Москвитянина» 1850 г. свою повѣсть «Тюфякъ», изданную тогда же отдѣльно, въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и разобранную въ майской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» 1851 г. (отд. VI с. 1—13). Выступивъ разъ на литературное поприще, А. Ѳ. Писемскій, не далѣе какъ въ 1851 г., началъ печатать свои произведенія и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, потому что тогда явились: въ «Москвитянинѣ»— его романъ: *Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Марья Ступицына. Бракъ по страсти* (№№ 4—7) и разсказъ *Комикъ*, а въ «Современникѣ»—первая часть романа: *Богатый женихъ* (№№ 10—12). Въ теченіе 1852 г. А. Ѳ. Писемскій окончилъ въ «Современникѣ» романъ: «Богатый женихъ» (№№ 1—5), рецензія на который помѣщена въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» того же года (отд. VI, с. 34), и напечаталъ въ «Москвитянинѣ» комедію *Ипохондрикъ*, въ 4 дѣйствіяхъ (№ 1), повѣсть *М-г Батмановъ* (№№ 17 и 18) и очеркъ *Питерщикъ* (№ 23), разобранный въ № 2 «Отечественныхъ Записокъ» 1853 г. (отд. V, с. 87).—Въ 1853 г. А. Ѳ. Писемскій вторично оставилъ службу, но не покидалъ литературныхъ занятій, результатомъ которыхъ, за этотъ годъ, были: комедія *Раздѣлъ*, въ дѣйств. и разсказъ *Лѣшій*, напечатанные въ №№ 1 и 11 «Современника». Рецензію разсказа «Лѣшій» можно найдти въ январьской, а комедіи «Раздѣлъ» въ февральской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1853 г. (отд. IV, с. 87—97 и отд. V, с. 87). Въ томъ же 1853 г. изданы, въ Москвѣ, *Повѣсти и разсказы* А. Ѳ. Писемскаго, въ 3 частяхъ, изъ которыхъ въ 1-ю ч. вошли: «Тюфякъ» (363 с.) и «Питерщикъ» (65 с.); въ 2-ю ч.—«Ипохондрикъ» (206 с.) и М-г Батмановъ (196 с.); въ 3 ч. «Бракъ по страсти» (276 с.) и «Комикъ» (135 с.).—Рецензіи «Повѣстей и разсказовъ» А. Ѳ. Писемскаго помѣщены въ № 4 «Репертуара и Пантеона» 1853 г. (с. 23—28), въ № 7 «Отечественныхъ Записокъ» 1853 г. (отд. V, с. 15) и въ № 2 «Библіотеки для Чтенія» 1854 г. (отд. V, с. 41—70).—Къ 1854 г. относятся два произведенія А. Ѳ. Писемскаго: разсказъ *Фанфаронъ* («одинъ изъ нашихъ снобсовъ»), напечатанный въ № 7 «Современника», а разобранный въ № 9 «Отечественныхъ Записокъ» (отд. V, с. 68—72), гдѣ помѣщенъ и драматическій очеркъ: *Ветеранъ и Новобранецъ* (изъ событій 1854 г.).—Въ томъ же 1854 г. А. Ѳ. Писемскій переселился въ Петербургъ, гдѣ, съ наступленіемъ 1855 г., онъ напечаталъ въ № 2 «Современника» повѣсть *Виновата ли она?* разобранную въ № 3 «Отечественныхъ Записокъ» (отд. IV, с. 57), и помѣстилъ въ № 9 тѣхъ же «Отечественныхъ Записокъ» разсказъ: *Плотничья артель* («деревенскія записки») и критическую статью: *Сочиненія Н. В. Гоголя, найденныя послѣ его смерти. Похожденія Чичикова или Мертвыя души. 5 главъ* (отд. III, с. 57—76).—Между тѣмъ, въ № 15 и 16 «Москвитянина» явилась статья покойнаго А. А. Григорьева: «Обозрѣніе наличныхъ литературныхъ дѣятелей» (с. 173—209), гдѣ, между прочими, оцѣнивается и А. Ѳ. Писемскій (с. 190—191), а въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» была напечатана маленькая замѣтка на комедію «Ипохондрикъ» (отд. V с. 40—42).—Въ 1856 г. А. Ѳ. Писемскій, по приглашенію морскаго министерства, ѣздилъ, съ литературною цѣлью, въ Астрахань и, сообщивъ въ № 6 «Морскаго Сборника» статейку: *Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и пріемъ ихъ астраханскими жителями*, издалъ въ Москвѣ, *Очерки изъ крестьянскаго быта*, въ 1 томѣ, гдѣ помѣщены: «Питерщикъ», «Лѣшій» и «Плотничья Артель».—На это изданіе явились двѣ рецензіи, покойныхъ: С. С. Дудышкина—въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ» 1856 г. (отд. III, с. 71—77) и А. В. Дружинина—въ № 1 «Библіотеки для Чтенія» (отд. V, с. 1—20). Въ 1857 г. А. Ѳ. Писемскій напомнилъ себя публикѣ только дважды: повѣстью *Старая барыня*—въ № 1 «Библіотеки для Чтенія» и статьей *Бирючья коса*—въ № 4 «Морскаго Сборника» (отд. III, стр. 232—250).—Съ наступленіемъ 1858 г. А. Ѳ. Писемскій принялъ участіе въ редакціи «Библіотеки для Чтенія» и, помѣстивъ въ №№ 1 и 2 этого журнала свою повѣсть *Боярщина*, написанную прежде всѣхъ другихъ его произведеній—еще въ 1847 г., началъ печатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» романъ: *Тысяча душъ*—одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній А. Ѳ. Писемскаго. Романъ этотъ, помѣщавшійся частями въ №№ 1, 2, 3, 5 и 6 «Отечественныхъ Записокъ», былъ тогда же изданъ (Кожанчиковымъ) въ С.-Петербургѣ, въ 4 частяхъ, и вызвалъ слѣдующія рецензіи: С. С. Дудышкина—въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» 1859 г. (отд. II, стр. 1—21); г. Эдельсона—въ № 1 «Русскаго Слова» 1859 г. (отд. II, стр. 49—66); П. В. Анненкова—въ № 2 «Атенея» 1859 г. (статья: «О дѣловомъ романѣ въ нашей литературѣ» стр. 242—266); А. В. Дружинина—въ № 2 «Библіотеки для Чтенія» 1859 г. (отд. II, стр. 1—15); не подписанная—въ кн. II «Московскаго Обозрѣнія» (стр. 42—107), съ «дополнительною замѣткою» тамъ-же (стр. 263—268); въ сборникѣ «Весна» 1859 г. (стр. 242—344). Романъ «Тысяча душъ» упрочилъ литературную извѣстность А. Ѳ. Писемскаго, и безъ того громкую. Къ тому же 1858 г. относятся два очерка А. Ѳ. Писемскаго: *Татары* и *Астраханскіе армяне*, оба этнографическаго характера, напечатанные: первый—въ № 10, послѣдній въ № 11 «Библіотеки для Чтенія» 1858 г.—Къ 1859 г. относится другое капитальное произведеніе А. Ѳ. Писемскаго—драма *Горькая Судьбина*, въ 4 дѣйствіяхъ, напечатанная въ № 11 «Библіотеки для Чтенія» и въ 1860 г. изданная отдѣльно (Кожанчиковымъ) въ Петербургѣ.—Изъ многихъ рецензій этого произведенія выставляются: сдержанная, С. С. Дудышкина,—въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» 1860 г. (отд. II, с. 37—57); хвалебная, г. Михайлова,—въ № 2 «Русскаго Слова» (отд. II, с. 1—9) и карающая—въ № 7 «Современника» 1863 г. (Петерб. театры, с. 90—106), написанная послѣ перваго представленія драмы, также непонравившагося рецензенту.—Совсѣмъ тѣмъ, драма «Горькая Судьбина» доставила автору большую золотую медаль, присужденную имп. академіей наукъ 25 сентября 1860 г., въ день четвертой раздачи, такъ-называемыхъ, уваровскихъ наградъ за сочиненія драматическія. Золотая же медаль выдана и приглашенному академіей рецензенту драмы «Горькая Судьбина» Н. Д. Ахшарумову.—Начавъ 1860 г. помѣщеніемъ въ № 1 «Библіотеки для Чтенія» литературно-этнографическаго очерка *Калмыки*, А. Ѳ. Писемскій, въ теченіе этого года принялъ участіе въ редакціи журнала «Искуство», въ сентябрѣ объявленъ сотрудникомъ возникавшаго тогда періодическаго изданія «Вѣкъ», а въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» напечаталъ разсказъ *Старческій грѣхъ*, перепечатанный и въ газетѣ «Русскій Міръ» 1861 г.—Въ этомъ же

1861 г. началось и кончилось изданіе *Сочиненій* А. Θ. Писемскаго, въ 3 томахъ, предпринятое г. Стелловскимъ. Въ первый томъ этихъ «Сочиненій» вошли: повѣсти «Боярщина», «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», разсказъ «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ»; во второй—романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «М-г Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ» и критическая статья 2-й части о «Мертвыхъ душахъ» Гоголя; въ третій—разсказъ «Плотничья артель» и «Старая барыня», романъ «Тысяча душъ», съ передѣланными двумя главами 2 и 3 части; драма «Горькая Судьбина» и разсказъ «Старческій грѣхъ».—Первый и второй томы этого изданія — вызвали двѣ обширныя рецензіи покойнаго Д. И. Писарева: одну въ ноябрьской, а другую, подъ названіемъ: «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго», въ декабрьской книжкахъ «Русскаго Слова» 1861 г. (отд. II, с. 1—48 и с. 1—52).—Около того же времени, у А. Θ. Писемскаго, подъ псевдонимомъ Никиты Безрылова, завязалась азартная полемика съ нѣкоторыми петербургскими періодическими изданіями средней руки, особенно съ «С.-Петербургскимъ Вѣстникомъ» полемическая неумѣренность котораго доходила до напечатанія—въ своемъ прибавленіи, именовавшимся «Ерундою»—напр. такого двустишія:

.... Не то бы было,
Когда бы ты свое не спряталъ рыло...

Встрѣтивъ 1862 г. разсказомъ *Батька*, напечатаннымъ въ № 1 «Русскаго Слова» и подвергшимся нападеніямъ въ мартовской книжкѣ журнала «Свѣточъ» (отд. III, стр. 1—13), А. Θ. Писемскій переселился изъ Петербурга въ Москву, гдѣ пристроился къ «Русскому Вѣстнику» и, на страницахъ этого журнала, въ 1863 г. представилъ публикѣ свое новое произведеніе—романъ *Взбаламученное море* (№№ 3—8), тогда же изданный въ Москвѣ отдѣльно, въ 3 книгахъ, и различно обсужденный, между прочимъ, двумя рецензіями: П. В. Анненкова—въ фельетонѣ № 250 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», и В. Зайцева въ статьѣ «Взбаламученный романистъ», въ № 10 «Русскаго Слова» 1863 г. (отд. II, стр. 23—44). Въ 1864 г. А. Θ. Писемскій не представилъ публикѣ ничего, за то въ 1865 г. наполнилъ первое полугодіе «Отечественныхъ Записокъ» очерками *Русскіе лгуны*, вызвавшими нѣсколько жесткихъ словъ въ «Книжномъ Вѣстникѣ» того же года (№ 13, стр. 259). Покончивъ съ этими очерками, А. Θ. Писемскій сдѣлался сотрудникомъ и, кажется, постояннымъ—періодическаго изданія г. Хана «Всемірный Трудъ», на страницахъ котораго имъ напечатаны: въ 1866 г. драма *Самоуправцы*; въ 1867 г. драма *Поручикъ Гладковъ*; наконецъ, въ 1868 г. драма *Бѣлые Соколы*.

ТУРГЕНЕВЪ, Иванъ Сергѣевичъ, русскій писатель. Принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи золото-ордынскаго происхожденія, члены которой служили по городамъ воеводами преимущественно въ XVII вѣкѣ, и родился 28 октября 1818 г., въ гор. Орлѣ, отъ брака полковника Сергѣя Николаевича Тургенева съ дѣвицей изъ дворянъ Варварой Петровной Лутовиновой.—Сынъ родителей достаточныхъ, Ив. Серг. Тургеневъ провелъ первое дѣтство въ имѣніи своей матери, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, орловской губерніи мценскаго уѣзда, гдѣ онъ росъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ, старшимъ его двумя годами (и живымъ до сихъ поръ). Въ 1821 г. у Тургеневыхъ родился третій сынъ, Сергѣй (†1837) а въ слѣдующемъ 1822 г. Тургеневы отправились за границу, съ дѣтьми, вслѣдствіе чего будущему писателю, на 4-мъ году возраста, пришлось побывать въ Германіи, Швейцаріи и Франціи. Это путешествіе едва не стоило жизни Ивану Сергѣевичу: въ Бернѣ, онъ чуть не упалъ въ яму къ медвѣдямъ—и обязанъ спасеніемъ своему отцу, который, къ счастію, успѣлъ схватить и поддержать сына. Такая близость смерти не была единственнымъ случаемъ въ дѣтствѣ Ивана Сергѣевича: на томъ же 4-мъ году возраста онъ заболѣлъ такъ отчаянно, что съ него уже снимали мѣрку для гроба (*). По возвращеніи на родину, Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ воспитываться дома, подъ призоромъ гувернеровъ, большею частью Французовъ или Нѣмцевъ, почему съ-измала выучился языкамъ французскому и нѣмецкому. «Знакомство съ русской литературой—свидѣтельствуетъ самъ И. С. Тургеневъ—началось съ «Россіяды» (поэма М. М. Хераскова), которую одинъ каммердинеръ моей матушки читалъ мнѣ украдкой, повторяя каждый стихъ, сперва на черно, потомъ на бѣло». Окончивъ домашнее воспитаніе, Иванъ Сергѣевичъ былъ отвезенъ въ Москву и тамъ отданъ сперва въ частный пансіонъ Вейденгаммера, а потомъ жилъ, пансіонеромъ же, у директора Армянскаго Лазаревыхъ Института, Краузе, гдѣ выучился и по-англійски, уже на 15-мъ году возраста. Изъ своихъ пансіонскихъ наставниковъ, «вліяніе которыхъ оставило наибольшіе слѣды», И. С. Тургеневъ благодарно называетъ: П. Н. Погорѣльскаго, профессора математики; И. П. Клюшникова—преподавателя исторіи, и Д. Н. Дубенскаго—читавшаго русскую словесность. Въ 1834 г., Иванъ Сергѣевичъ поступилъ въ московскій университетъ, по словесному факультету; тогда же, 30 октября, потерялъ отца, а въ слѣдующемъ 1835 г. перешелъ въ петербургскій университетъ, изъ котораго, въ 1837 г. выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ, но уже въ 1838 г. держалъ и выдержалъ экзаменъ на кандидата. Изъ своихъ петербургскихъ профессоровъ И. С. Тургеневъ признательно вспоминаетъ гг. Греффе и Плетнева. Въ томъ же 1838 г. И. С. Тургеневъ вторично отправился за границу—и чуть не погибъ во время пожара на пароходѣ «Николай I», близъ Любека.—За границей, И. С. Тургеневъ прослушалъ три семестра въ берлинскомъ университетѣ, изъ котораго, какъ самъ говоритъ, вынесъ наиболѣе вліятельное впечатлѣніе лекцій: Вердера—по философіи Гегелевой, Цумпта и Бёка—по словесностямъ греческой и латинской, Ганса и Ранке—по исторіи.—Возвратясь изъ-за границы, И. С. Тургеневъ не замедлилъ выступить на литературное поприще, хотя еще невѣдомо для публики: въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г. были напечатаны, безъ подписи его стихотворенія: *Старый помѣщикъ*, (№ 9, стр. 57) и *Баллада* (№ 12, стр. 308). За этими первоначальными опытами послѣдовалъ, въ 1842 г., болѣе капитальный—*Параша*, поэма въ стихахъ, подписанная буквами Т. Л. (т. е. Тургеневъ-Лутовиновъ), тогда же напечатанная отдѣльно и весьма понравившаяся читателямъ, мнѣніе которыхъ раздѣлялъ и В. Г. Бѣлинскій, судя по его критическому от-

(*) Всѣ эти и другія подробности, по моей просьбѣ, сообщены мнѣ самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, которому спѣшу заявить здѣсь мою искреннюю признательность.—*Примѣч. автора.*

зыву въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1842 № 12, отд. VI, стр. 12).—Еще ранѣе этого отзыва, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1842 г. было напечатано стихотвореніе И. С. Тургенева: *Похищеніе* (№ 3 стр. 66), а въ 1843 г. явились тамъ же стихотворенія И. С. Тургенева: *Цвѣтокъ* (№ 8 стр. 296), *Нева* (№ 9, стр. 1), *Весенній вечеръ* (№ 11, стр. 53), «Когда съ тобой разстался я» и *Человѣкъ, какихъ много* (№ 12 стр. 189 и 191), наконецъ, *Неосторожность*, драматическій очеркъ, въ 1 дѣйствіи (№ 10, стр. 221—252). Всѣ эти произведенія, не выключая и поэмы *Священникъ*, остающейся неизданной, тѣснѣе и тѣснѣе сближали Тургенева съ Бѣлинскимъ—и послѣдній, какъ выражается г. Лонгиновъ, «восторгался тѣми юношескими грѣхами Тургенева, которые не признаются теперь самимъ ихъ авторомъ» (Русск. Вѣстн. 1861, іюнь, Лит. Обозр. и Зам. стр. 128). Къ тому же 1843 г. относятся стихотворенія И. С. Тургенева: «Когда такъ радостно, такъ нѣжно» (іюль), *Ахъ, давно ли гулялъ я съ тобой* (іюль), *Въ дорогѣ*—«Утро туманное, утро сѣдое»—(ноябрь) и «Къ чему твержу я стихъ унылый» (декабрь),—напечатанныя всѣ вмѣстѣ, подъ названіемъ: *Варіяціи*, въ сборникѣ гр. Соллогуба: «Вчера и Сегодня» (1845)—Наконецъ, въ томъ же 1843 г., И. С. Тургеневъ поступилъ на службу въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ (гр. Л. А. Перовскаго), подъ начальство директора В. И. Даля, «но—какъ самъ говоритъ—на службу почти не ходилъ, только числился»—и уже въ 1844 г. вышелъ въ чистую отставку, съ чиномъ коллежскаго секретаря.—Свободный на всѣ четыре стороны, И. С. Тургеневъ, прилично впечатлительному, образованному и даровитому юношѣ, весь отдался поэзіи и, въ теченіе 1844 г., написалъ и напечаталъ стихотворенія: въ «Отечественныхъ Запискахъ»—*Толпа* (№ 1, стр. 46), «Когда давно забытое названье» (№ 1, стр. 48), *Конецъ жизни* (№ 2, стр. 165), *Ѳедя* (№ 3, стр. 2), *«Я васъ зналъ тому давно»* (№ 4 стр. 158), *«Въ ночь лѣтнюю....»* (№ 4, стр. 160), *Тюрьма*, послѣдняя сцена Фауста (№ 6, стр. 220; перепечатано въ статьѣ г. Думшина: «Гете и его жизнь», Библіотета для Чтенія 1858); въ «Современникѣ», издававшемся тогда Плетневымъ: *В. Н. Б.* (т. XXXIII, стр. 347), «Замѣтила ли ты» (т. XXXIII, стр. 349), *Осень* (т. XXXVI, стр. 108) и *Гроза промчалась* (т. XXXVI, стр. 3). Кромѣ этихъ стихотвореній, И. С. Тургеневъ, въ томъ же 1844 г., написалъ еще два, напечатанныя позже: *Къ* *—въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 г. (№ 12, стр. 136) и «Брожу надъ озеромъ.. .»—въ сборникѣ «Вчера и Сегодня», подъ рубрикой: *Варіяціи*. Изъ прозаическихъ произведеній И. С. Тургенева, къ 1844 г. относится повѣсть: *Андрей Колосовъ*, тогда же напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 10, стр. 109—134). Въ 1845 г., И. С. Тургеневъ, давъ въ «Отечественныя Записки» стихотворенія: *Откуда вѣетъ тишиною* (№ 1, стр. 239), *Признаніе* (№ 2, стр. 345) и критическую статью о «Фаустѣ», въ переводѣ Врончeнко (№ 2, отд. V, стр. 43), издалъ отдѣльно, впервые подъ своимъ именемъ, поэму *Разговоръ*, критическіе разборы которой, заслуживающіе вниманія, помѣщены тогда же въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 1, отд. VI, стр. 47) и «Финскомъ Вѣстникѣ» (№ 2, отд. V, стр. 17).—Для того же, чтобъ дать нашимъ читателямъ образчикъ метрическаго языка И. С. Тургенева, какъ будто (судя по послѣднему изданію его «Сочиненій») отказывающагося отъ своихъ стихотвореній, приводимъ изъ поэмы «Разговоръ», совершенно на выдержку, слѣдующее мѣсто монолога, которымъ старикъ упрекаетъ молодаго человѣка:

Въ разгарѣ юношескихъ силъ
Ты, какъ старикъ, и вялъ и хилъ....
Но Боже! развѣ никогда,
Не зналъ ты жажду мыслей, дѣлъ,
Тоску глубокаго стыда,
И не рыдалъ и не блѣднѣлъ?
Любилъ-ли ты кого-нибудь?
Иль никогда нѣмая грудь,
Блаженства горькаго полна,
Не трепетала, какъ струна?

Въ теченіе 1846 г. литературная дѣятельность И. С. Тургенева не измѣнялась и плодами ея были: въ «Отечественныхъ Запискахъ»—*Андрей*, поэма въ стихахъ (№ 1, стр. 1) и *Безденежье, сцены изъ петербургской жизни молодаго дворянина* (№ 10, стр. 249—270), а въ «Петербургскомъ Сборникѣ», изданномъ Н. А. Некрасовымъ,—*Помѣщикъ*, повѣсть въ стихахъ (стр. 167—202), заслужившая невыгодный отзывъ г. Шевырева въ «Москвитянинѣ» того же года (№ 2, стр. 174—179), но, нѣсколько лѣтъ спустя, перепечатанная Давыдовымъ въ «Библіотекѣ для легкаго чтенія»; *Три портрета*, повѣсть въ прозѣ (стр. 445—482); одинъ переводъ изъ Байрона и нѣсколько стихотвореній.—Въ томъ же 1846 г. написана И. С. Тургеневымъ повѣсть въ прозѣ *Бреттеръ*, явившаяся въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847 г. (№ 1, стр. 1—42), и начаты «Записки Охотника», одна глава которыхъ, именно *Хорь и Калинычъ*, заняла скромное мѣсто въ «Смѣси» первой же книжки возобновленнаго «Современника» 1847 г. (стр. 55). За этой главой, обозначившей удачный поворотъ литературной дѣятельности И. С. Тургенева къ описанію крестьянскаго быта, въ «Современникѣ» 1847 г., печатались и слѣдующія главы «Записокъ Охотника»: въ № 5—*Ермолай и Мельничиха*; *Мой сосѣдъ Радиловъ*; *Однодворецъ Овсянниковъ*; *Льговъ* (стр. 130—176); въ № 10—*Бурмистръ*; *Контора* (стр. 197—227). Кромѣ того, въ «Современникѣ» 1847 г. помѣщены два разсказа И. С. Тургенева: въ № 2—*Петръ Петровичъ Каратаевъ* (стр. 197—212), а въ № 11—*Жидъ* (стр. 138—154), и въ «Смѣси» № 3—*Письмо изъ Берлина* (стр. 45). Наконецъ къ тому же времени относятся послѣднія стихотворенія И. С. Тургенева, напечатанныя въ первой книжкѣ «Современника» 1847 г. и состоящія изъ слѣдующихъ пьесъ, подъ общимъ заглавіемъ *Деревня*: 1) *Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подъѣзжать*; 2) *На охотѣ лѣтомъ* (бѣлыми стихами); 3) *Безлунная ночь*; 4) *Дѣдъ*; 5) *Гроза* (бѣлыми стихами); 6) *Другая ночь*; 7) *Кроткіе льются лучи съ небесъ на согрѣтую землю* (бѣлыми стихами); 8) *Передъ охотой*; 9) *Первый снѣгъ* (бѣлыми стихами).—Въ 1848 г., И. С. Тургеневъ напечаталъ въ № 1 «Современника» продолженіе «Записокъ Охотника», именно главы: *Малиновая вода*; *Уѣздный лекарь*; *Бирюкъ*; *Лебедянь*; *Татьяна Борисовна и ея племянникъ* (стр. 148—), въ № 9 того же журнала повѣсть *Пѣтушковъ* (стр. 5—46), а въ 11—новый драматическій опытъ—комедію *Гдѣ тонко, тамъ и рвется*, въ 1 дѣйствіи (стр. 5—38), посвященную авторомъ Нат. Ал. Тучковой и позже перепечатанную Давыдовымъ въ «Библіотекѣ легкаго чтенія».—Слѣдуя отнынѣ, такъ сказать, двумъ направленіямъ,

И. С. Тургеневъ, въ 1849 г., продолжалъ въ № 1 «Современника» свои «Записки Охотника» главами: *Смерть*; *Гамлетъ щигровскаго уѣзда*; *Чертопхановъ и Недопюскинъ*; *Лѣсъ и степь* (стр. 248—), а въ № 9 «Отечественныхъ Записокъ» напечаталъ еще комедію—*Холостякъ*, въ 3 дѣйствіяхъ, игранную въ первые 14 октября 1849 г., на Александринскомъ театрѣ, и дѣльно разобранную, мѣсяцъ спустя, въ ноябрьской книжкѣ «Современника» (стр. 132). Что касается комедіи «Студентъ», въ 5 дѣйствіяхъ, тогда же обѣщанной Иваномъ Сергѣевичемъ «Современнику», она, кажется, осталась не писанною.—Въ 1850 г. И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ № 4 «Отечественныхъ Записокъ» очеркъ: *Дневникъ лишняго человѣка* (стр. 323—332), а въ № 11 «Современника» двѣ главы продолженія «Записокъ Охотника»: *Пѣвцы*; *Свиданье* (стр. 97—122) и, похоронивъ свою мать, умершую 16 ноября, былъ проѣздомъ въ Москвѣ, гдѣ познакомился съ Н. В. Гоголемъ, къ которому привезъ его М. С. Щепкинъ.—Вотъ любопытныя подробности этого перваго свиданія двухъ нашихъ писателей, записанныя со словъ М. С. Щепкина: «Знаете-ли, говорилъ Щепкинъ Гоголю,—съ вами хочетъ познакомиться одинъ русскій писатель, но я не знаю, желаете ли вы этаго?—Кто же? спрашивалъ Гоголь. — Да человѣкъ теперь у насъ довольно извѣстный и, вѣроятно, вы слыхали. Это—Тургеневъ.—Услыхавъ фамилію, Гоголь вдругъ началъ говорить, что очень радъ и что проситъ меня завтра же пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ 3 часа дня. Я удивился (продолжалъ М. С.) этому скорому согласію, потому что Гоголь послѣднее время держалъ себя очень странно и былъ слишкомъ неподатливъ на новыя знакомства. Позднѣе разрѣшилась для меня эта загадка. Въ четвертомъ часу на другой день, мы пріѣзжаемъ. Гоголь встрѣтилъ насъ очень любезно. Когда Тургеневъ сказалъ, что его повѣсти, переведенныя на французскій языкъ и читанныя Тургеневымъ въ Парижѣ, произвели сильное и прекрасное впечатлѣніе, Гоголь былъ замѣтно доволенъ и, съ своей стороны говорилъ любезности Тургеневу; но вдругъ онъ поблѣднѣлъ, перемѣнился въ лицѣ и, обратившись къ Тургеневу въ страшномъ безпокойствѣ, спросилъ: «скажите, зачѣмъ N. N. позволяетъ себѣ оскорблять меня своими выходками въ иностранныхъ журналахъ?» Тутъ понялъ я, прибавилъ добрый Михаилъ Семеновичъ, почему Гоголю такъ хотѣлось видѣться съ Тургеневымъ. — Послѣ отвѣта Тургенева, «правда, сказалъ Гоголь, и я во многомъ раскаяваюсь, что послушался друзей, меня окружавшихъ; и еслибъ можно было воротить назадъ сказанное, я сжегъ бы и уничтожилъ свою «Переписку съ друзьями».—Такъ кончился разговоръ и мы разстались» (Библ. для Чтенія 1861, августъ, Статья: «Замѣтки о М. С. Щепкинѣ», стр. 5—6).—При самомъ наступленіи 1851 г. И. С. Тургеневъ дважды печатно явился передъ публикой, давъ въ учено-литературный альманахъ «Комету», изд. Щепкинымъ, *Разговоръ на большой дорогѣ* (стр. 205—230), а въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» — новую комедію *Провинціалка*, въ 1 дѣйствіи (стр. 1—32), разобранную въ № 3 того же журнала (отд. VIII, стр. 57), перепечатанную потомъ въ «Библіотекѣ легкаго чтенія» и до сихъ поръ не сходящую съ репертуара Имп. театровъ. Кромѣ этихъ двухъ произведеній, И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ «Современникѣ» 1851 г. еще двѣ главы «Записокъ Охотника»: въ № 2—*Бѣжинъ лугъ* (стр. 319—) и въ № 3—*Касьянъ съ Красивой Мечи* (стр. 121—140). Дѣятельность И. С. Тургенева въ 1852 г. выразилась помѣщеніемъ въ № 1 «Современника» разсказа *Три встрѣчи* (стр. 140—170) и критической статьи: *Племянница, романъ г-жи Туръ* (крит. 1- 14), а въ № 3 того же журнала — другой критической статьи: *Нѣсколько словъ о комедіи Островскаго*: *Бѣдная невѣста* (крит. стр. 1 —). Наконецъ, первое изданіе *Записокъ Охотника*, вышедшее тогда въ Москвѣ, въ 2 частяхъ (628 стр.), положительно упрочило литературную извѣстность И. С. Тургенева, который однако тогда же, за *Письмо о Гоголѣ*, напечатанное въ № 32 «Московскихъ Вѣдомостей», навлекъ на себя цензурныя непріятности. Вытребованный въ Петербургъ, онъ содержался нѣкоторое время при полиціи, арестованнымъ, и потомъ удаленъ на житье въ орловскую деревню, гдѣ, осенью того же года, написана имъ критическая статья: *Записки ружейнаго охотника. Аксакова*, напечатанная въ № 1 «Современника» 1853 г. (Крит. стр. 33—44. Другихъ печатныхъ произведеній И. С. Тургенева въ 1853 г. кажется, не являлось.-За то въ 1854 г. русская публика не разъ вспоминала опальнаго, уже любимаго писателя, читая въ «Современникѣ» слѣдующія, всѣмъ извѣстныя, вещи И. С. Тургенева: въ № 1—*Два пріятеля*, повѣсть (стр. 79—134); въ № 3—*Муму*, разсказъ (стр. 9—36) и критическую статью: *О стихотвореніяхъ г. Тютчева* (крит. 23—26); въ № 11—*Затишье*, повѣсть (стр. 13—80). Около этого времени, опальный, но уже любимый публикой, авторъ «Записокъ Охотника», какъ кажется, былъ освобожденъ изъ своего деревенскаго заточенія. По крайней мѣрѣ, комедія И. С. Тургенева: *Мѣсяцъ въ деревнѣ*, помѣчена авторомъ: «Декабрь 1854. С.-Петербургъ». Другіе же полагаютъ, что И. С. Тургеневъ получилъ дозволеніе на выѣздъ изъ деревни только съ восшествіемъ на престолъ имп. Александра II. Какъ бы то ни было, комедія *Мѣсяцъ въ деревнѣ* въ 5 дѣйствіяхъ, явилась въ № 1 «Современника» 1855 г. (стр. 20—170), а въ № 4 «Отечественныхъ Записокъ» того же года публика встрѣтила съ удовольствіемъ новый очеркъ И. С. Тургенева: *Яковъ Пасынковъ*. *Изъ воспоминаній человѣка въ отставкѣ* (стр. 195—230). Остановившись на время въ Москвѣ, И. С. Тургеневъ сообщилъ С. Т. Аксакову, для напечатанія въ «Разсказахъ и воспоминаніяхъ охотника», свою замѣтку *О соловьяхъ* и обѣщалъ редакціи «Русскаго Вѣстника» повѣсть *Призраки*, а по возвращеніи въ Петербургъ, далъ въ № 11 «Современника» повѣсть *Постоялый дворъ* (стр. 1—49) и замѣтку: *Два слова о Грановскомъ*, помѣченную 8 октября (Науки, стр. 83—86), наконецъ, 23 ноября, въ числѣ другихъ петербургскихъ литераторовъ, подписалъ привѣтственный адресъ М. С.-Щепкину по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея его артистической дѣятельности. — Съ наступленіемъ 1856 г. И. С. Тургеневъ явился передъ читающей публикой разомъ съ двумя трудами: въ № 1 «Современника» напечатана 1-я часть его повѣсти *Рудинъ* (стр. 5—68), 2-я часть которой слѣдовала въ № 2 того же журнала (стр. 159—220), а въ № 1 «Отечественныхъ Записокъ» помѣщена другая повѣсть И. С. Тургенева—*Переписка* (стр. 1—28). Въ тоже время П. В. Анненковъ издалъ въ Петербургѣ *Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева, съ 1844 по 1856 г.*, въ 3 частяхъ, появленіе которыхъ вызвало двѣ замѣчательныя рецензіи: блестящую—покойнаго А. В. Дружинина (Библ. для Чтенія 1857 г. №№ 2, 3 и 5) и болѣе сжатую—покойнаго же С. С. Дудышкина (Отеч. Зап. 1857 г. №№ 1 и 4). Въ августѣ 1856 г.

И. С. Тургеневъ уѣхалъ за-границу, между тѣмъ какъ въ августовской же книжкѣ (№ 8) «Современника» печаталась его новая комедія: *Завтракъ у предводителя*, въ 1 дѣйствіи (стр. 207—236), за которою, въ октябрьской книжкѣ (№ 10) того же журнала, слѣдовалъ и его разсказъ: *Фаустъ*, въ 9 письмахъ (стр. 91—). Но въ концѣ того же 1856 г. И. С. Тургеневу пришлось печатно объясняться съ М. Н. Катковымъ, который, не дождавшись обѣщанной Тургеневымъ повѣсти «Призраки», не удержался, въ своемъ объявленіи о подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ» 1857 г., кольнуть автора «Записокъ Охотника», сходствомъ плана обѣщанныхъ «Призраковъ» съ содержаніемъ уже напечатаннаго «Фауста». Вотъ отзывъ И. С. Тургенева къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», отъ 4 (16) декабря 1856 г., изъ Парижа: «М Г., я на дняхъ получилъ № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ насчетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни непріятно мнѣ занимать публику подробностями дѣла, лично до меня касающагося,—я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.—Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю «Русскаго Вѣстника» повѣсть подъ названіемъ «Призраки», за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года, я заключилъ съ г. издателями «Современника» условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику». Слѣдовательно вся вина моя состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ «Фаустъ» въ № X «Современника» тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово— и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что непоявленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, никѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что дѣйствіе мое въ одномъ журналѣ — ни значительно способствовать его распространенію, ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ «Русскаго Вѣстника» — лучшее тому доказательство. — Примите и пр. Тургеневъ» (Рус. Вѣстн. 1857., № 2, Совр. Лѣтоп., стр. 152—153).—Такъ наступилъ 1857 г., въ самый первый день котораго, И. С. Тургеневъ, въ отвѣтъ на новое объясненіе М. Н. Каткова, написалъ къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей» слѣдующее письмо, изъ Парижа: «М. Г. Получая снова отъ меня письмо, въ которомъ идетъ рѣчь о моей повѣсти, обѣщанной «Русскому Вѣстнику» и т. д. вы, вѣроятно, подумаете, что игра не стоитъ свѣчъ. Это мнѣніе раздѣлитъ съ вами публика, раздѣляю и я. Но дѣлать нечего; надобно очистить этотъ вопросъ. Ограничусь двумя словами.—Я готовъ сознаться, что въ первомъ письмѣ моемъ изъ Парижа мнѣ бы слѣдовало къ словамъ: не назначая опредѣленнаго срока, прибавить слово: обязательнаго; я дѣйствительно надѣялся доставить мою повѣсть г. Каткову въ началѣ прошлаго года;—но въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало, и повѣсть моя осталась неконченной. Это не мѣшаетъ мнѣ объявить, что всю отвѣтственность за эту неисправность (если только стоитъ употреблять такія громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла) я принимаю на себя.—Что же касается до выговореннаго мною (при заключеніи условія съ «Современникомъ») права исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику», то г. Каткову стоитъ обратиться къ редактору «Современника», у котораго хранится оригиналъ нашего условія, чтобы убѣдиться въ совершенной справедливости моихъ словъ. Сожалѣю, что этотъ запросъ г-ну Панаеву не былъ сдѣланъ г-мъ Катковымъ раньше; это бы избавило и его, и меня, отъ новаго сомнѣнія и намека.—Въ надеждѣ, что этимъ объясненіемъ прекратится возникшее недоразумѣніе, прошу васъ принять, м. г., увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ которыми остаюсь и пр. Иванъ Тургеневъ («Рус. Вѣстн.» 1857., № 2, «Совр. Лѣтоп.» стр. 156).—Покончивъ, такимъ образомъ съ призракомъ «Призраковъ», И. С. Тургеневъ, въ томъ же 1857 г., далъ въ № 4 «Современника» одно-актную комедію *Чужой хлѣбъ*, а въ № 10 «Библіотеки для Чтенія» очеркъ, подъ названіемъ: *Поѣздка въ Полѣсье*, долженствовавшій заключить собою «Записки Охотника», которыя, кстати сказать, тогда же вышли въ Парижѣ въ переводѣ Делаво (Delaveau), подъ титуломъ: «Recits d'un chasseur». Въ 1858 г. И. С. Тургеневъ заявилъ себя печатно только дважды: въ № 1 «Современника» — повѣстью *Ася* и въ № 6 «Атенея» — письмомъ *Изъ за-границы*. Повѣсть «Ася» вызвала два обширные разбора: Н. Г. Чернышевскаго, въ статьѣ «Русскій человѣкъ на rendez-vous» (Атеней, 1858 г. № 18, стр. 65—89) и П. В. Анненкова, въ статьѣ: «О литературномъ типѣ слабаго человѣка» (Атеней, 1858 г. № 32, стр. 322—350). Въ томъ-же 1858 г. «Записки Охотника», переведенныя на нѣмецкій языкъ, вышли въ Берлинѣ, въ 2-хъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Aus dem Tagebuche eines Jägers». Эти два нѣмецкіе тома переводили два разныя лица, изъ которыхъ выставилъ свое имя, на 2-мъ томѣ, Августъ Больтцъ (Boltz), наполнившій свой трудъ, какъ выражается—и справедливо—одинъ изъ русскихъ рецензентовъ перевода, «неисчерпаемою пропастью безсмыслицъ« (Моск. Обозр. 1859 г. кн. I, стр. 77—85).—1859 годъ принесъ И. С. Тургеневу новую дань вниманія русской публики, жадно читавшей его романъ *Дворянское гнѣздо*, напечатанный въ № 1 «Современника» и вызвавшій много устныхъ толковъ и печатныхъ рецензій, изъ которыхъ замѣчательнѣе прочихъ: рецензія: покойнаго А. А. Григорьева, въ его обширной статьѣ: И. С. Тургеневъ и его дѣятельность по поводу романа: «Дворянское гнѣздо» (Рус. Слово 1859 г. № № 4, 5, 6 и 8), и рецензія П. В. Анненкова, въ № 16 «Русскаго Вѣстника» 1859 г. (стр. 508—538). Даже «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», не часто посвящавшій свои страницы вопросамъ чисто литературнымъ, уступилъ, въ майской книжкѣ 1859 г. цѣлыхъ два печатныхъ листа статьѣ о романѣ «Дворянское гнѣздо», составленной А. П. Пятковскимъ (отд. VI, стр. 95—111). Впечатлѣніе «Дворянскаго гнѣзда» было такъ живо, что явившіяся вслѣдъ за этимъ романомъ, статьи того же автора: *Обѣдъ въ обществѣ литературнаго англійскаго фонда* (Библ. для Чтенія т. CLIII) и *Воспоминанія о Бѣлинскомъ* (Моск.

Вѣстн. № 21) помнятся, сравнительно немногими. Въ томъ же 1859 г., одновременно съ петербургскимъ 2-мъ изданіемъ, безъ перемѣнъ, «Записокъ Охотника», издали отдѣльными книжками: А. И. Глазуновъ, въ Москвѣ «Дворянское гнѣздо», а Д. Е. Кожанчиковъ, въ Петербургѣ, *Украинскіе народные разсказы*, Марко Вовчка, переведенные съ малороссійскаго нарѣчія И. С. Тургеневымъ.—Въ 1860 г. сдѣлались извѣстными публикѣ слѣдующія сочиненія И. С. Тургенева: въ январьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» (№ 1 и 2)—повѣсть *Наканунѣ* (стр. 69—212); въ январьской же книжкѣ «Современника»—критическая статья: *Гамлетъ и Донъ-Кихотъ;* въ мартовской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» — повѣсть *Первая любовь*. Рецензіи на первую изъ этихъ повѣстей напечатаны: въ № 3 «Современника» 1860 г. (стр. 31—72) и въ № 4 «Свѣточа» (стр. 1—44), а на обѣ повѣсти вмѣстѣ въ № 5 «Русскаго Слова» 1860 г. (стр. 1 — 38). Къ тому же 1860 г. относятся: петербургскія изданія комедій И. С. Тургенева: «Провинціалка» и «Холостякъ», въ томъ видѣ, какъ она дается на сценахъ Имп. театровъ, и московское изданіе Н. А. Основскаго, *Сочиненій* И. С. Тургенева, «исправленныхъ и дополненныхъ», но по словамъ самаго автора, «весьма дурное». Впрочемъ, г. Основскій издалъ въ 1860 г. только два тома, куда вошли: въ томъ I — «Записки Охотника», съ статьями: «Поѣздка въ Полѣсье» и «О соловьяхъ», а въ томъ IV—повѣсть «Рудинъ», романъ «Дворянское гнѣздо» и повѣсть «Наканунѣ». — Изданіе «Сочиненій» Тургенева, предпринятое Осповскимъ, окончилось въ 1861 г. выпускомъ II тома, послѣдняго изъ четырехъ, а въ февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1862 г. поклонники И. С. Тургенева встрѣтили съ восторгомъ его новый романъ: *Отцы и дѣти* (стр. 473—663), тогда же изданный отдѣльно въ Москвѣ, К. Солдатенковымъ, и долго занимавшій всю читающую публику. Самая бойкая рецензія на этотъ романъ явилась въ мартовской книжкѣ «Современника» 1862 г., въ статьѣ г. Антоновича: «Асмодей нашего времени» (отд. II, стр. 65—114). Другими рецензіями на новый романъ И. С. Тургенева въ журналистикѣ 1862 г. были: въ мартовскихъ же книжкахъ: «Отечественныхъ Записокъ»—статья «Принципы и ощущенія» (отд. III, стр. 97—126), «Русскаго Слова»—статья «Базаровъ» покойнаго Д. И. Писарева (отд. II, стр. 1—54), въ апрѣльской книжкѣ «Свѣточа»—статья П. Кускова (отд. III, стр. 1—40), въ майской и іюльской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» статьи: «Романъ Тургенева и его Критики» (№ 5, стр. 393—424) и «О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева» (№ 7, стр. 403—426).—Въ томъ же 1862 г. изданъ въ Петербургѣ, Серно-Соловьевичемъ, «Дневникъ Дѣвочки», соч. Буташевской, съ *предисловіемъ* И. С. Тургенева.—5 января 1863 г. въ № 4 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», подъ рубрикой «Литературныя новости», между прочимъ, говорилось: «Носятся слухи о новомъ произведеніи г. Тургенева, которое появится въ «Времени».—Мы съ своей стороны, надѣемся въ скоромъ времени предложить читателямъ статью г. Тургенева «О Пушкинѣ». Какая это статья «О Пушкинѣ» и была ли она писана,—мы не знаемъ. Но «новое произведеніе», т. е.— не романъ и не повѣсть, а скорѣе фантазія—*Призраки* напечаталось уже въ 1864 г., въ № 1 и 2 «Эпохи», замѣнившей «Время», и было читано самимъ авторомъ—на литературныхъ вечерахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. По этому поводу въ № 14 «Еженедѣльныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» 1864 г., передавался слухъ, что этимъ произведеніемъ («Призраками») г. Тургеневъ закончитъ свое литературное поприще. Если это такъ сообщали отъ себя «Прибавленія»,—онъ разстается съ публикою далеко до утраты къ нему ея сочувствія, симпатіи, интереса». Но уже въ № 262 «Сѣверной Почты» того же 1864 г. объявлялось, что «нашъ даровитый писатель И. С. Тургеневъ, въ настоящее время живущій въ Парижѣ, написалъ новую вещь, подъ названіемъ *Собака*. «Говорятъ, добавляло это объявленіе,—что И. С. Тургеневъ предполагаетъ написать цѣлый рядъ юмористическихъ очерковъ, подобныхъ «Собакѣ». Читавшіе новое произведеніе г. Тургенева утверждаютъ, что это вещь прелестная, хотя и не изъ капитальныхъ произведеній автора. Въ петербургской корреспонденціи газеты «Nord» сообщаютъ, что «Собака» будетъ напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ началѣ будущаго года. Это говоритъ авторъ сообщенія въ «Русскій Инвалидъ»—не совсѣмъ справедливо: Тургеневъ не назначилъ въ этомъ отношеніи никакого срока; онъ хотѣлъ еще подумать надъ «Собакою», но, во всякомъ случаѣ, если она будетъ напечатана, то не иначе, какъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», которому онъ также обѣщалъ и другое свое произведеніе, если только таковое будетъ имѣться». Совсѣмъ тѣмъ, «Собака» И. С. Тургенева, столько интересовавшая русскихъ газетчиковъ, явилась хотя и въ началѣ 1865 г., но не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ фельетонѣ № 85 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1865 г., съ помѣтой автора, что она написана еще въ 1863 г. — Кромѣ «Собаки», И. С. Тургеневъ, въ 1865 г. написалъ еще очеркъ *Довольно*, напечатанный тогда же въ 3-мъ (Карлсруэскомъ) изданіи его «Сочиненій», въ 5 частяхъ сдѣланномъ братьями Салаевыми.— Не ранѣе ноября 1866 г. вышли въ свѣтъ *Волшебныя сказки Перро*, переведенныя съ французскаго И. С. Тургеневымъ, напечатанныя г. Вольфомъ въ Лейпцигѣ, съ рисунками француза Дорэ, и посвященныя Государынѣ Императрицѣ, — а въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1867 г. явилась новая повѣсть И. Тургенева *Дымъ* (стр. 5—60), читанная также какъ и «Призраки», самимъ авторомъ, на литературномъ утрѣ въ Москвѣ, 29 марта, и на литературномъ вечерѣ въ Петербургѣ, 3 апрѣля, въ пользу «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Кромѣ неважныхъ статей Н. Страхова, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1867 г. (№ 9, стр. 157—180 и № 14, стр. 52—57) рецензія «Дыма», подписанная: Незнакомецъ, помѣщена въ фельетонѣ №№ 117—124 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1867 г., а также въ одномъ изъ іюньскихъ (отъ 6 числа) нумеровъ лондонскаго критическаго журнала «Athenaeum» за 1868 г., гдѣ критикъ «отзывается объ этомъ произведеніи съ большою похвалой и сравниваетъ Тургенева, по таланту, манерѣ и направленію, съ Тэккереемъ (Спб. Вѣд. 1868 г. № 148). — «Дымъ» И. С. Тургенева нравится и остзейскимъ нѣмцамъ, которые возвѣстили въ «Rigaische Zeitung», что намѣреваются изящно издать его въ Митавѣ, въ нѣмецкомъ переводѣ, разумѣется, съ согласія автора. (Гол. 1868, № 87). — Въ томъ же 1867 г. И. С. Тургеневъ опять уѣхалъ за-границу, откуда, именно изъ Баденъ-Бадена, онъ прислалъ слѣдующее письмо, отъ 17 (29) апрѣля, на имя Е. П. Ковалевскаго, предсѣдателя «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ»: «М. Г. Егоръ Петровичъ. Я сейчасъ получилъ письмо, которымъ вы меня почтили отъ имени комитета нашего общества, и спѣшу принести и ему и вамъ мою искреннюю благодарность. Выраженіе вашего общаго

дружескаго сочувствія къ моимъ трудамъ меня глубоко тронуло. Я горжусь своимъ участіемъ въ основаніи нашего общества, и дорожу моею тогдашнею дѣятельностью, какъ однимъ изъ лучшихъ моихъ литературныхъ воспоминаній; мнѣ особенно пріятно заявить это чувство теперь, когда самыя имена членовъ комитета, въ настоящемъ его составѣ, живо переносятъ меня въ ту прекрасную эпоху, о которой вы говорите.—Почитаю себя счастливымъ, что могъ моимъ чтеніемъ принести посильную лепту литературному фонду, и прошу комитетъ, а равно и васъ, достойнаго его предсѣдателя, быть увѣреннымъ, что и впредь я съ особеннымъ удовольствіемъ готовъ буду дѣлать все, отъ меня зависящее, для возвышенія значенія нашего общества и усиленія его средствъ. — Прошу васъ еще разъ передать комитету выраженіе моей сердечной благодарности и принять увѣреніе въ нелицемѣрной преданности и искреннемъ уваженіи, которое я столь давно питаю къ вашему лицу. — Ив. Тургеневъ» (Гол. 1867 г. № 160).—Въ томъ же 1867 г., братья Салаевы начали въ Москвѣ 4-е изданіе «Сочиненій» Тургенева, продолжающееся до сихъ поръ и имѣющее состоять изъ 7 томовъ, въ томъ числѣ одного, посвящаемаго исключительно комедіямъ.—Въ 1868 г. И. С. Тургеневъ, находясь за-границей, не оставилъ прислать оттуда: въ № 1 «Русскаго Вѣстника»—очеркъ подъ названіемъ: *Исторія лейтенанта Ергунова* (стр. 241—274), въ № 1 «Вѣстника Европы» — разсказъ: *Бригадиръ* (стр. 1—22) и въ № 9 того же журнала—переводъ нѣмецкаго—романа Б. Ауэрбаха: «Дача на Рейнѣ», съ собственнымъ *предисловіемъ* (стр. 5—10). Изъ нихъ разсказъ «Бригадиръ» уже переведенъ на англійскій языкъ въ журналѣ «Intelligencer of Europe» и такъ понравился англійской публикѣ, что скоро будетъ изданъ отдѣльно (Нов. Время 1868 г. № 64). Прибавимъ кстати, что въ нынѣшнемъ же году, изданъ въ Нью-Іоркѣ и англійскій переводъ романа «Отцы и дѣти», сдѣланный Евг. Шюйлеромъ и одобренный авторомъ (Спб. Вѣд. 1868 г. № 212). Случается однако, что иностранцы, уважая вообще литературную дѣятельность И. С. Тургенева, какъ писателя, позволяютъ себѣ невыгодно истолковывать смыслъ его лучшихъ произведеній. Такъ напр., въ № 1450 австрійской газеты «Neue freie Presse» 1868 г. (отъ 13 сентября), напечатана статья «Russische Social-Demokratie», авторъ которой, придравшись къ русской брошюркѣ («Народное дѣло»? Die Sache des Volkes), тиснутой въ Женевѣ, начинаетъ статью замѣчаніемъ, что «самый лучшій писатель Россіи геніальный Тургеневъ, охарактеризовалъ всю жизнь и дѣятельность современной Россіи словомъ: «Дымъ, одинъ только дымъ» — и находитъ это замѣчаніе совершенно справедливымъ, потому что «кому же— продолжаетъ онъ—лучше знать свой народъ, какъ не лучшему изъ представителей его» (Спб. Вѣд. 1868., № 254). Къ началу настоящаго же года относится и не русское либретто, написанное И. С. Тургеневымъ на музыку фантастической оперетки «Ogre, conte de fée» (людоѣдъ, волшебная сказка), сочиненной извѣстной пѣвицею Полиною Віардо-Гарсіа. Оперетка эта, въ февралѣ, была разыграна на домашнемъ театрѣ Віардо, а въ маѣ—повторена на собственной виллѣ И. С. Тургенева, Тиргартенѣ, близь Бадена, о чемъ въ «Constitutionnel» писали оттуда слѣдующее: «Г. Иванъ Тургеневъ, столь любимый французскими читателями, возымѣлъ счастливую мысль открыть снова театръ на своей виллѣ Тиргартенъ, спеціально посвященной вечернимъ празднествамъ. 23 мая избранное общество, въ числѣ котораго находились: королева прусская, великая герцогиня баденская, принцеса Марія Максимиліановна и многія знатныя лица, присутствовали при первомъ представленіи фантастической оперетки «Людоѣдъ, волшебная сказка», въ 2 актахъ, слова которой написаны авторомъ «Дыма», а музыка г-жей Полиной Віардо, Исполнителями были: самъ г. Тургеневъ, г-жа Полина Віардо, принявшая на себя главную роль принца Сафира, дѣвица Бальойдзъ (Baillodz) изъ Бреславля, молодая пѣвица съ огромнымъ талантомъ, занимавшая роль принцессы Аллели; въ спектаклѣ участвовали двѣ прелестныя дочери г-жи Віардо, Клавдія и Маріанна, и меньшой сынъ ея, хорошенькій мальчикъ Павелъ, тащившій за собой саблю адъютанта Эстамбордоса. Хоры исполнялись девятью дѣвицами, ученицами г-жи Віардо.—Г. Эккертъ, штутгартскій капельмейстеръ, дирижировалъ исполненіемъ и аккомпанировалъ пѣвцамъ на фортепіано. Шутка эта, полная ума и юмора, имѣла блистательный успѣхъ. Зрители рукоплескали словамъ, музыкѣ, исполненію. Г. Тургеневъ, который не пѣлъ въ ролѣ Людоѣда, и г-жа Віардо, спѣвшая очаровательный любовный дуэтъ съ дѣвицей Бальйодзъ, вызвали восторженныя похвалы» (Моск. Вѣдомостей 1868 г. № 113).—Лѣтомъ 1868 г. И. С. Тургеневъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ, 9 іюля, прислалъ редактору «С.-Петербугскихъ Вѣдомостей» такое письмо: «М. Г. Сегодня проѣздомъ черезъ Петербургъ, прочелъ я вашъ воскресный фельетонъ (отъ 7 іюля, № 183), въ которомъ упоминается мое имя, и прошу у васъ позволенія сказать два слова по этому поводу.—Я и прежде зналъ, что князю П. В. Долгорукову заблагоразсудилось выкопать старый анекдотъ о томъ, какъ, 30 лѣтъ тому назадъ (въ маѣ 1838 г.), я находясь на «Николаѣ I», сгорѣвшемъ близь Травемюнде, кричалъ: «спасите меня, я единственный сынъ у матери!» (Острота тутъ должна состоять въ томъ, что я назвалъ себя единственнымъ сыномъ, тогда какъ у меня есть братъ). Близость смерти могла смутить девятнадцати-лѣтняго мальчика—и я не намѣренъ увѣрять читателя, что я глядѣлъ на нее равнодушно—, но означенныхъ словъ, сочиненныхъ на другой день однимъ остроумнымъ княземъ (не Долгоруковымъ), я не произнесъ. Видно, князю Долгорукову, желавшему сдѣлать мнѣ оскорбленіе, нечего было сказать про меня, коли онъ рѣшился повторить такую старую и вздорную сплетню.—Вы совершенно вѣрно указали настоящую причину, заставившую меня избѣгать встрѣчи съ княземъ Долгоруковымъ; со многими другими эмигрантами, политическія мнѣнія которыхъ я не раздѣляю, но въ жизни которыхъ не было процессовъ въ родѣ брюссельскаго и парижскаго, — я остался и остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ.—Князь Долгоруковъ грозился напечатать всѣ мои бывшіе съ нимъ разговоры: я, съ моей стороны, даю ему на это полное и безусловное разрѣшеніе. Я не раскаяваюсь ни въ одномъ изъ сказанныхъ мною ему словъ; но, признаюсь, не могу не раскаяваться въ томъ, что вообще вступилъ въ знакомство съ княземъ П. В. Долгоруковымъ.—Примите и пр.—Ив. Тургеневъ» (Спб. Вѣд. 1868 г. № 186).—Жосткія выраженія недовѣрія къ доводамъ этого письма—читатели найдутъ въ № 30 газеты «Недѣля» 1868 г.—Намъ же остается добавить, что однимъ изъ самыхъ послѣднихъ, по времени заявленій И. С. Тургенева въ русской печати было его *Письмо* къ редактору «Спб. Вѣдомостей»—въ защиту памяти Артура Бени, русскаго писателя, высланнаго за-границу по распоряженію русскаго правительства раненаго случайно, но смертельно, подъ Ментаной (Спб. Вѣд. 1868 г. № 52). И. С. Тургеневъ женатъ не былъ.

ФОНЪ-БЭРЪ, Карлъ-Эрнстъ (Карлъ Максимовичъ), знаменитый естествоиспытатель. Родился 17 февраля 1792 г., въ Іервскомъ округѣ Эстляндской губерніи, въ помѣстьи Пинъ, отъ дворянина и ландрата Магнуса фонъ-Бэра и жены его Юліи, происходившей изъ той же фамиліи. Такъ какъ у Магнуса состояніе было невелико, а семейство значительно, то онъ съ радостью воспользовался предложеніемъ своего роднаго бездѣтнаго брата—отдать ему на воспитаніе двухъ сыновей. Выборъ палъ на Карла и его брата, Фридриха, которые и были отправлены къ дядѣ, въ Вирландію. Здѣсь будущій ученый пробылъ до 1779 года. По возвращеніи въ этомъ году въ родительскій домъ, Бэръ началъ свое образованіе подъ руководствомъ сначала гувернантки, а потомъ учителя, который зажегъ въ немъ первую искру любви къ естествознанію и вообще своею прекрасною методою преподаванія немало содѣйствовалъ къ развитію его счастливыхъ природныхъ способностей. Когда Бэру минуло четырнадцать лѣтъ, его опредѣлили въ ревельское дворянское училище, находившееся тогда въ отличномъ состояніи. Проведя три года въ этомъ заведеніи, Бэръ, въ 1810 году, восьмнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ въ число студентовъ дерптскаго университета, по медицинскому факультету. Здѣсь въ числѣ его наставниковъ были люди, составившіе себѣ имя въ наукѣ: очень хорошій по тогдашнему времени физикъ Перро, ботаникъ, Ледебуръ, авторъ извѣстнаго сочиненія о русской флорѣ, и знаменитый анатомъ и физіологъ Бурдахъ. Блестящимъ образомъ окончивъ университетскій курсъ, Бэръ выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины, и 29 августа 1814 г. публично защищалъ написанную для полученія этой степени диссертацію о болѣзняхъ, встрѣчающихся у эстонцевъ (*De morbibus inter Ehstonos indemis*). Не чувствуя въ себѣ призванія къ карьерѣ практикующаго врача и ища дальнѣйшаго усовершенствованія въ своей наукѣ, новый докторъ, по совѣту своихъ друзей и наставниковъ, отправился въ Вѣну, славившуюся своимъ медицинскимъ институтомъ, гдѣ вошелъ въ сношеніе съ нѣкоторыми изъ извѣстныхъ ученыхъ и производилъ изслѣдованія подъ руководствомъ опытныхъ анатомовъ; затѣмъ онъ посѣтилъ Вюрцбургъ и Берлинъ, продолжая пополнять свои знанія слушаніемъ лекцій и практическими занятіями въ тамошнихъ университетахъ. Проведя такимъ образомъ три года за-границею, Бэръ, лѣтомъ 1817 года, ненадолго возвратился на родину, дабы снова отправиться въ чужіе края, куда влекла его любовь къ наукѣ и приглашеніе кенигсбергскаго университета занять въ немъ каѳедру. Въ томъ же году Бэръ приступилъ къ чтенію въ этомъ университетѣ лекцій о строеніи позвоночныхъ животныхъ. Заботы по анатомическому и физіологическому кабинету отнимали у него много времени; но не смотря на то, онъ не переставалъ заниматься, кромѣ своихъ профессорскихъ обязанностей, и спеціальными изысканіями. Лѣтомъ 1819 г. Бэръ впервые посѣтилъ Петербургъ, но къ началу зимняго семестра возвратился въ Кенигсбергъ. Его ученые труды, относящіеся къ этому періоду его жизни, состояли въ изученіи сѣверо-прусской флоры и фауны, особенно же въ наблюденіяхъ надъ видоизмѣненіями медузы и въ изслѣдованіяхъ о строеніи осетра, о яичникахъ нѣкоторыхъ рыбъ и о стоячихъ водахъ и ихъ обитателяхъ. Большую пользу городу Бэръ принесъ основаніемъ въ немъ зоологическаго музея, что удалось ему исполнить почти безъ всякой поддержки правительства, благодаря только собственному усердію и сочувствію нѣсколькихъ образованныхъ жителей Кенигсберга и мѣстныхъ ученыхъ. Въ 1822 году, когда въ кенигсбергскомъ университетѣ открылась вакансія ординарнаго профессора естественной исторіи, Бэръ, бывшій до тѣхъ поръ сперва доцентомъ, а потомъ профессоромъ экстраординарнымъ, занялъ эту вакансію, послѣ публичнаго защищенія написанной по этому случаю диссертаціи объ ископаемыхъ остаткахъ млекопитающихъ животныхъ въ Пруссіи (*De fossilibus mammalium reliquiis in Prussia repertis. Regiomontis 1823.*). Въ этомъ новомъ званіи, Бэръ съ прежнею усидчивостью занимался и преподавательскою обязанностью, и спеціальными анатомическими, зоотомическими и физіологическими изысканіями, которыхъ результаты издавалъ въ различныхъ ученыхъ журналахъ. Излишне было бы перечислять эти сочиненія; довольно будетъ сказать, что многія изъ нихъ и теперь не утратили своего значенія, по остроумію пріемовъ изслѣдованія и по важности добытыхъ результатовъ. Но самымъ замѣчательнымъ изъ трудовъ Бэра, относящихся къ этому времени, надо считать его наблюденія надъ развитіемъ зародыша, описанныя въ двухъ сочиненіяхъ: *De ovi mammalium et hominis genesi* (изд. 1827 г.) и *Ueber Entwickelungs geschichte der Thiere. Erster Theil* (изд. 1828 г.); вторая часть этой послѣдней книги вышла въ свѣтъ въ 1857 году. Они произвели совершенный переворотъ въ господствовавшемъ тогда ученіи объ исторіи развитія животныхъ и составили автору громкое имя въ ученомъ мірѣ. Его извѣстность была столь велика, что когда въ 1828 году въ нашей академіи наукъ, по смерти Пандера, открылось мѣсто академика зоологіи, то она не нашла кандидата, болѣе достойнаго для занятія онаго, чѣмъ кенигсбергскій профессоръ, уже состоявшій ея членомъ-корреспондентомъ съ 1826 года. Какъ ни лестно было сдѣланное Бэру предложеніе занять кресло въ высшемъ ученомъ учрежденіи Россіи, онъ не рѣшался однако разстаться съ Кенигсбергомъ, гдѣ у него были подъ руками имъ же самимъ приготовленные матеріалы для начатыхъ изслѣдованій, для которыхъ онъ боялся не найдти въ Россіи всѣхъ удобствъ. При всемъ томъ, въ 1829 г., онъ отправился въ Петербургъ, сначала одинъ, безъ семейства, для того, чтобы узнать объ ожидающей его здѣсь обстановкѣ. Когда въ Кенигсбергѣ разнесся слухъ, что Бэръ намѣренъ покинуть Пруссію, то ученые и учащіеся пришли въ уныніе и стали изыскивать средства, чтобы удержать его у себя. Само правительство не желало потерять столь талантливаго профессора. Поэтому, когда Бэръ, въ 1830 г., возвратился въ Кенигсбергъ, дабы окончить тамъ свои дѣла и перевезти съ собою въ Петербургъ семейство, ему были предложены такія выгодныя условія для его ученыхъ занятій, что неловко было ихъ отвергнуть; пришлось отказаться отъ званія академика и остаться на кенигсбергской каѳедрѣ. Однако онъ не покинулъ мысли посвятить себя Россіи, которую считалъ своимъ отечествомъ, и которая представлялась ему страною, болѣе интересною въ естественно-историческомъ отношеніи, чѣмъ изслѣдованная со всѣхъ сторонъ Германія. Къ тому же жизнь въ Кенигсбергѣ день ото дня становилась непривлекательнѣе: сначала явилась холера, во время которой Бэръ выказалъ себя прекраснымъ медикомъ, а затѣмъ начались смуты и борьба консервативной партіи и прогрессистовъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, Бэръ съ радостію принялъ вторичное приглашеніе петербургской академіи на кресло, уже однажды ему предоставленное, и въ 1834 г. прибылъ въ нашу столицу. Съ этого времени жизнь и дѣятельность его принадлежатъ всецѣло Россіи. Въ изданіяхъ академіи по нѣскольку разъ въ годъ стали помѣщаться ученыя

статьи новаго академика, и каждая изъ нихъ вносила въ науку новые факты и мысли или была любопытна для ученыхъ по остроумному изложенію. Предметомъ этихъ сочиненій были преимущественно животныя, водящіяся или водившіяся въ Россіи, ихъ географическое распредѣленіе, а также другія условія ихъ существованія. Особаго вниманія заслуживаетъ предпринятый Бэромъ, вмѣстѣ съ его сочленомъ по академіи Гельмерсеномъ, сборникъ статей могущихъ служить къ познанію Россіи (*Beiträge zur Kentniss des Russischen Reiches*), котораго до сего времени вышло въ свѣтъ 26 томовъ. Кромѣ того Бэръ доставлялъ свои сочиненія для изданій различныхъ русскихъ ученыхъ обществъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни одного, въ учрежденіи коего онъ не принималъ бы дѣятельнаго участія, какъ основатель, или горячій соучастникъ основателей. Считая утомительнымъ для читателей перечислять даже важнѣйшія изъ этихъ трудовъ Бэра, отсылаемъ желающихъ познакомиться съ ними къ составленной имъ автобіографіи (*Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimrathes D-r Karl Ernst v. Baer, mitgetheilt von ihm selbst. St.-Petersburg 1865.*), къ которой приложенъ подробный списокъ всего, что вышло изъ-подъ пера нашего ученаго, а сами возвращаемся къ его жизнеописанію.—Вскорѣ по занятію имъ академическаго кресла, на него была возложена другая обязанность по академіи, а именно управленіе вторымъ отдѣленіемъ академической библіотеки, состоящимъ изъ книгъ, изданныхъ на иностранныхъ языкахъ. Въ 1837 г. онъ совершилъ ученое путешествіе на Новую Землю и на берега Лапландіи, при участіи офицера корпуса штурмановъ Цывольскаго и ботаника Лемана. Въ 1840 г. Бэръ вторично посѣтилъ эти мѣста, вмѣстѣ съ гг. Миддендорфомъ и Панкевичемъ, при чемъ путешественники не безъ умысла посѣтили Новую Землю уже въ августѣ, т. е. въ такую пору года, когда опасно пускаться въ суровый сѣверный климатъ, рискуя быть затертымъ пловучими льдами. Въ промежуткахъ этихъ двухъ экспедицій, Бэръ ѣздилъ въ южную Финляндію для зоологическихъ и палеонтологическихъ изслѣдованій. Въ 1841 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ императорской медико-хирургической академіи, которымъ и состоялъ до 1853 г. Желаніе произвести наблюденія надъ морскими животными южнаго климата побудило Бэра предпринять, въ 1846 г., поѣздку къ берегамъ Адріатическаго и Средиземнаго морей. Въ слѣдующемъ году, еще до возвращенія изъ этой поѣздки, онъ былъ, по собственному желанію, перемѣщенъ съ мѣста ординарнаго академика по зоологіи, на открывшуюся, по смерти Загорскаго, вакансію академика по части сравнительной анатоміи и физіологіи. Постепенное уменьшеніе количества рыбы въ Чудскомъ озерѣ побудило правительство предпринять, въ 1851 г., изслѣдованіе причинъ этого факта; Бэръ былъ назначенъ ученымъ членомъ отправленной туда коммиссіи. По окончаніи трудовъ ея, онъ предложилъ нѣкоторыя мѣры противъ оскудѣнія рыбы въ упомянутомъ озерѣ, и вообще для заведенія нѣкоторой правильности въ мѣстныхъ рыбныхъ промыслахъ. Чрезъ годъ Бэръ былъ командированъ съ подобною же цѣлью въ Остзейскій край и на приморскіе берега Финляндіи, при чемъ, совмѣстно съ шведскими учеными, изслѣдовалъ вопросъ о рыболовствѣ въ Балтійскомъ морѣ. Наконецъ, въ 1853 г., было предпринято изслѣдованіе Волги и Каспійскаго моря, съ тою же самою цѣлью, порученное также Бэру. Эта экспедиція продолжалась до 1857 г., съ небольшими перерывами на зимнее время, въ которое Бэръ и его сотрудники возвращались въ Петербургъ. Кромѣ этихъ путешествій Бэръ совершилъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ, а именно: въ 1862 г. къ берегамъ Азовскаго моря—для изученія вопроса объ его обмелѣніи и объ уменьшеніи въ немъ рыбнаго промысла, и въ чужіе края, въ 1858, 1859 и 1861 гг.—для совѣщанія съ иностранными учеными и обзора естественно-историческихъ музеевъ. Кромѣ того онъ исполнялъ нѣкоторыя другія порученія правительства и участвовалъ въ комитетахъ по различнымъ ученымъ и учебнымъ вопросамъ. Такая усиленная и обильная плодами дѣятельность упрочила почетъ, пріобрѣтенный Бэромъ еще въ его цвѣтущихъ годахъ; многія ученыя общества въ Россіи и за границей считали для себя лестнымъ вносить его имя въ списокъ своихъ членовъ, а правительство, во вниманіе къ его заслугамъ и пользѣ, принесенной имъ государству, щедро надѣляло его наградами: въ 1836 г. ему высочайше пожалованъ перстень, украшенный брильянтами, въ 1836 г. — орденъ св. Владиміра 4-й степени, въ 1841 г.—орденъ св. Станислава 2-й степени, въ 1844 г.—тотъ же орденъ съ императорскою короною. Въ 1847 онъ произведенъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Затѣмъ слѣдовали награды орденами: св. Владиміра 3 ст. въ 1852 г., св. Станислава 1 ст. въ 1856 г. и св. Анны 1 ст. въ 1861 г. Кромѣ того король шведскій, за участіе Бэра въ изслѣдованіи рыболовства въ Балтійскомъ морѣ, пожаловалъ ему кавалерскій крестъ ордена Полярной Звѣзды.—Чувствуя на плечахъ своихъ бремя лѣтъ и утомленіе послѣ столькихъ трудовъ и путешествій, значительно разстроившихъ его здоровье, а главное—не желая заграждать служебной карьеры другимъ, молодымъ дѣятелямъ, заслуженный ученый, въ 1862 году, попросилъ увольненія отъ званія академика. Эта просьба была уважена; но такъ какъ его знанія и опытность могли еще быть полезны для правительства, то онъ не былъ уволенъ въ отставку, а причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, съ производствомъ въ тайные совѣтники и съ сохраненіемъ содержанія, которое онъ получалъ на прежней службѣ. Академія, съ своей стороны, не желая вполнѣ разстаться съ ученымъ бывшимъ столь долго ея украшеніемъ, предложила ему званіе почетнаго члена и оставила за нимъ право присутствовать въ ея засѣданіяхъ и имѣть голосъ въ ея конференціи наравнѣ съ прочими академиками. Такимъ образомъ, и переставъ быть дѣйствительнымъ членомъ академіи, Бэръ продолжалъ участвовать въ ея занятіяхъ и обогатилъ ея изданія еще нѣсколькими своими сочиненіями.—Уваженіе ученаго міра и ревнителей просвѣщенія къ этому замѣчательному дѣятелю выразилось самымъ блестящимъ образомъ въ 1864 г., по случаю празднованія 29 августа пятидесятилѣтія со времени полученія имъ докторской степени. Къ этому дню, друзья и почитатели юбиляра собрали по подпискѣ до 8790 руб., на которыя съ высочайшаго соизволенія учреждена на вѣчныя времена «Бэровская» премія для награжденія трудовъ по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Присужденіе этой преміи ввѣрено коммиссіи, избираемой изъ академиковъ и которой предсѣдателемъ предоставлено быть пожизненно самому Бэру. Въ день юбилея, въ скромную квартиру виновника празднества явились депутаціи отъ многихъ ученыхъ учрежденій и обществъ съ поздравительными адресами и съ извѣщеніями объ избраніи въ члены этихъ учрежденій и обществъ. Сверхъ того было прислано немало и заочныхъ привѣтствій. Ему была поднесена выбитая въ его честь золотая медаль, серебряные экземпляры которой были розданы членамъ его семейства, а бронзовые — всѣмъ участникамъ въ

подпискѣ на Бэровскую премію. Въ тотъ же день, въ одной изъ лучшихъ гостинницъ Петербурга, происходилъ обѣдъ, на которомъ представители русскаго ученаго сословія и весь цвѣтъ петербургской интеллигенціи пили за здоровье юбиляра и привѣтствовали его множествомъ рѣчей, на которыя онъ отвѣчалъ со своимъ обычнымъ остроуміемъ и задушевностью. Государь Императоръ благоволилъ также выразить свое высочайшее вниманіе къ пятидесятилѣтней ученой дѣятельности почтеннаго старца, пожаловавъ ему, вмѣсто аренды, на двѣнадцать лѣтъ, по 3000 р. сер. въ годъ. Эта награда была для Бэра не только пріятна, но и полезна, такъ какъ онъ, подобно бо́льшей части людей, посвятившихъ себѣ наукѣ, не умѣлъ подъ старость составить себѣ состоянія. Подробное описаніе этого празднества издано особою книгою—подъ заглавіемъ: *Das fünfzigjährige Doctor, Jubilеum des Geheimraths Karl Ernest von Baer am 29 August 1864. St.-Petersburg 1865*, съ приложеніемъ портрета юбиляра и снимка съ поднесенной ему медали.—Въ 1867 году, Бэръ, ища болѣе полнаго покоя, чѣмъ тотъ, который могла доставить ему жизнь въ столицѣ, и болѣе благопріятнаго для его преклонныхъ лѣтъ климата, переселился на свою родину, Эстляндію, гдѣ продолжаетъ слѣдить за наукою и трудиться въ ней, на сколько позволяютъ его лѣта и потрясенное здоровье.—Онъ былъ женатъ на Августѣ фонъ-Медемъ, скончавшейся въ 1864 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до его юбилея; отъ ихъ брака произошли три сына, которые съ честью трудятся на различныхъ поприщахъ, и дочь, вышедшая замужъ за одного извѣстнаго медика.

СТРУВЕ, Василій Яковлевичъ, директоръ главной Николаевской астрономической обсерваторіи (Пулковской).—Родился 4/15 апрѣля 1793 г. въ Альтонѣ, въ Голштиніи, и получилъ первоначальное образованіе въ альтонской гимназіи, директоромъ которой былъ его отецъ. По окончаніи гимназическаго курса, молодой Струве пріѣхалъ въ Дерптъ; здѣсь, въ 1808 г., поступилъ въ университетъ по филологическому факультету и, занявшись изученіемъ писателей греко-римскаго міра, успѣлъ настолько, что его разсужденіе: *De studiis criticis et grammaticis apud Alexandrinos* (О критическихъ и грамматическихъ трудахъ Александрійской школы), написанное въ 1810 г., удостоено отъ дерптскаго университета золотой медали. Въ качествѣ будущаго филолога, юноша Струве готовился къ дѣятельности педагогической частнымъ преподаваніемъ, которое однако не мѣшало ему посѣщать, на досугѣ и единственно изъ любознательности, университетскія лекціи: Паррота, читавшаго физику, и Гута, профессора астрономіи.—Но увлеченный этими лекціями, Струве, по совѣту Паррота, замѣтившаго въ немъ необыкновенныя способности къ математикѣ и особенно къ астрономіи, рѣшилъ посвятить себя этимъ наукамъ—и уже въ 1813 г., защитивъ диссертацію: *De geographica positione speculae astronomicae dorpatensis* (О географическомъ положеніи дерптской астрономической обсерваторіи), получилъ степень доктора философіи, а 25 ноября того же 1813 г., тотъ же Парротъ доставилъ Струве мѣсто экстраординарнаго профессора астрономіи въ дерптскомъ университетѣ, съ званіемъ астронома-наблюдателя при дерптской обсерваторіи, далеко не имѣвшей тогда всего того, чѣмъ снабжена она теперь. Несмотря на это важное неудобство, Струве, не далѣе какъ въ 1814 г., началъ вести ученыя «Лѣтописи» дерптской обсерваторіи и, кромѣ того, тогда же, нестѣсняясь отсутствіемъ многихъ необходимыхъ инструментовъ, занялся изслѣдованіемъ вопроса о сложныхъ звѣздахъ, а именно обнаружилъ относительныя перемѣщенія этихъ звѣздъ въ нѣкорыхъ системахъ и, для двухъ изъ нихъ, вывелъ даже періоды полныхъ оборотовъ. Продолжая оба эти дѣла съ равнымъ усердіемъ, Струве, уже въ 1815 г., по свидѣтельству министерскаго доклада 1820 г., «астрономическими наблюденіями своими обратилъ на себя вниманіе ученаго свѣта», а въ теченіи 1816—1818 г., какъ гласитъ тотъ же докладъ, «по предположенію лифляндскаго экономическаго общества, съ дозволенія начальства своего, совершенно окончилъ астрономическо-тригонометрическое измѣреніе Лифляндіи» (Сборн. Постановл. по Мин. Народн. Просв. т. I. 1802—1825. Дополн. стр. 35).—Въ этотъ же промежутокъ времени, именно въ 1817 г., Струве успѣлъ издать первый томъ «Лѣтописей» дерптской обсерваторіи, подъ титуломъ *Observationes astronomicae institutae in specula univ. Dorpatensis* (Астрономическія наблюденія, произведенныя въ обсерваторіи дерптскаго университета). Съ окончаніемъ, въ 1819 г., геодезическихъ работъ въ Лифляндіи, Струве былъ порадованъ ассигновкою слишкомъ 28 тысячъ рублей, изъ экономической суммы дерптскаго университета, для постройки помѣщенія профессору астрономіи, а въ 1820 г. высочайше награжденъ, за свои ученые труды, брилліантовымъ перстнемъ. Тогда же, 4 мая, объявлено комитету министровъ высочайшее соизволеніе на «командированіе профессора дерптскаго университета Струве въ Германію, для предполагаемаго имъ тригонометрическаго измѣренія Остзейскихъ провинцій». Высочайшее соизволеніе это было вызвано докладомъ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который, упомянувъ о тригонометрическомъ измѣреніи, уже произведенномъ въ Лифляндіи, объяснялъ, что профессоръ Струве «желалъ бы нынѣ предпринять таковое же, весьма полезное для наукъ, измѣреніе прочихъ нашихъ Остзейскихъ провинцій. Но чтобы—продолжаетъ докладъ—вѣрнѣе успѣть въ означенномъ, толико важномъ для наукъ предпріятіи своемъ, котораго пользу признали Франція, Англія и Данія, производя у себя подобныя измѣренія, и имѣть нужныя (*sic*) для того инструменты, профессоръ Струве желалъ бы напередъ посовѣтоваться съ главными математиками и астрономами, докторомъ Гаусомъ и профессоромъ Шумахеромъ въ Геттингенѣ и Гамбургѣ, и воспользоваться ихъ обширными свѣдѣніями и наставленіями. Кромѣ сего, есть и другая причина, побуждающая профессора Струве къ отъѣзду въ Германію. За годъ предъ симъ знаменитому художнику Рейхенбаху въ Мюнхенѣ заказанъ большой полуденный кругъ для дерптскаго университета. Струве находитъ нужнымъ имѣть изустное сношеніе съ упомянутымъ художникомъ, дабы ускорить заготовленіе заказаннаго инструмента и видѣть на практикѣ у самого художника, какимъ образомъ правильнѣе и цѣли сообразнѣе поставить сей большой и весьма важный новаго рода инструментъ, и какъ онъ поставленъ въ Геттингенѣ». Вслѣдъ за тѣмъ, Струве отправленъ въ Германію, «срокомъ на три мѣсяца, съ оставленіемъ при немъ жалованья и выдачею ему, на путевыя издержки, двухъ сотъ червонныхъ изъ суммы, по штату университета на путешествіе по ученымъ предметамъ назначенной». Кромѣ того, Струве, по его представленію, отпущено 2,969 рублей изъ суммъ государственнаго казначейства, на которые поручено заказать въ механическомъ мюнхенскомъ институтѣ слѣдующіе семь инструментовъ: 1) Угломѣръ репетичный въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ, 470 руб. сер.; 2) Астрономическій репетичный циркуль 2 фута

1082 р. сер.; 3) Приборъ для измѣренія простаго отвѣса, 71 р. сер.; 4) Два пассажъ-инструмента въ 3½ фута, 800 р. сер.; 5) Двои часы съ маятникомъ, 300 р. сер.; 6) Двои часы съ терціями, 96 р. сер. и 7) Приборъ нужный для мѣры базиса, служащаго для повѣрки, 150 р. сер. Итого 2,969 р. сер.» (Сбор. Постан. по Мин. Нар. Просв. т. I. 1802 — 1825. Дополн. стр. 35—36 и 44).—Возвратившись изъ этой поѣздки Струве, въ 1821 г., совершилъ другую туда же,—и составилъ двѣ статьи: *Путешествіе въ Германію* и *Донесеніе о вторичномъ путешествіи, для приготовленія себя къ тригонометрическому измѣренію Остзейскихъ губерній*, — напечатанныя въ «Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія» 1822 г. (ч. V. стр. 199 и 220). — Облегченный ассигновкою 60 тыс. руб. на измѣреніе дуги меридіана въ 3° 35', между островомъ Гохландомъ, въ Финскомъ заливѣ, и городомъ Якобштадтомъ, въ Курляндіи, Струве началъ эту работу въ 1821 г. и, продолжая ее съ помощью бар. Врангеля, въ 1822 г. былъ избранъ корреспондентомъ имп. Академіи Наукъ; съ 1823 г. читалъ лекціи офицерамъ генеральнаго штаба, флота и корпуса топографовъ, являвшимся, по распоряженію генерала Шуберта, въ дерптскій университетъ для усовершенствованія своихъ астрономическихъ и геодезическихъ познаній, а въ 1825 г., когда на дерптскую обсерваторію привезли Фрауенгоферовъ рефракторъ, Струве написалъ объ этомъ знаменитомъ инструментѣ цѣлое сочиненіе, изданное тогда же, подъ титуломъ: *Beschreibung des grossen Refractors von Frauenhofer* (Описаніе большаго Фрауенгоферова рефрактора), и въ 1826 г. избранъ почетнымъ членомъ имп. Академіи Наукъ.—Окончивъ, въ 1827 г., измѣреніе дуги меридіана между Гохландомъ и Якобштадтомъ, Струве началъ готовить этотъ капитальный трудъ къ изданію въ свѣтъ, а между тѣмъ, тогда же напечаталъ свое сочинніе: *Catalogus novus stellarum duplicium et multiplicium* (Новый каталогъ двойныхъ и сложныхъ звѣздъ), посвященное подробному, съ помощью Фрауенгоферова рефрактора, разсмотрѣнію 120,000 звѣздъ, изъ числа которыхъ Струве насчиталъ 3,112 двойныхъ. — Высочайше награжденный, въ томъ же 1827 г., двумя брилліантовыми перстнями, Струве, въ январѣ 1828 г., имѣлъ въ Дерптѣ совѣщаніе съ генераломъ Теннеромъ, только что измѣрившимъ дугу меридіана въ 4° 32' между Бристеномъ, въ Курляндіи, и Белиномъ, въ Гродненской губерніи,—совѣщаніе, на которомъ рѣшено: соединить дуги Теннера и Струве, сравнивъ напередъ основный туазъ измѣренія, опредѣленный Теннеромъ помощью дерптскихъ микроскоповъ Пистора, съ Фортеневскимъ туазомъ (*à bouts*), принятымъ Струве въ измѣреніи его дуги.—Сравненіе это произведено Струве лѣтомъ 1829 г.—и, такимъ образомъ, получилась, между другими, *русская дуга меридіана*, въ 8°32', между Белиномъ и Гохландомъ, занимающая, по величинѣ, третье мѣсто послѣ индѣйской и французской, а потому принесшая не мало пользы астрономической наукѣ вообще. Въ 1830 г. Струве представилъ кн. Ливену, бывшему тогда министромъ народнаго просвѣщенія, записку о продолженіи измѣренія русской дуги черезъ Финляндію,—и имп. Николай I, одобривъ мысль Струве, повелѣлъ отпускать ежегодно въ его распоряженіе по 3,000 руб. сер., въ теченіи десяти лѣтъ. «Предпріятіе это—разсказываетъ самъ Струве— потребовало поѣздки въ Мюнхенъ, съ цѣлію заказать тамъ инструменты, предназначаемые для вышеупомянутыхъ работъ, и ввести въ нихъ нѣкоторыя важныя улучшенія, долженствовавшія увеличить точность измѣренія угловъ и ускорить ходъ работы. Порученіе это было возложено на меня.—Прибывъ въ С.-Петербургъ, по возвращеніи изъ этой поѣздки, я имѣлъ счастіе представляться Государю Императору, для доклада результатовъ моего путешествія. Эта аудіенція, происходившая въ присутствіи г. министра народнаго просвѣщенія , возъимѣла непредвидѣнныя послѣдствія, потому что, независимо отъ учетвереція годоваго бюджета дерптской обсерваторіи, во время этой аудіенціи, Его Величеству угодно было повелѣть устроить обсерваторію въ окрестностяхъ столицы.—Государь, по выслушаніи донесенія о моемъ путешествіи, удостоилъ меня слѣдующимъ вопросомъ: «Какого вы мнѣнія на счетъ с.-петербургской обсерваторіи»?—Я не поколебался отвѣчать, съ полною откровенностью и сообразно дѣйствительности, что академическая обсерваторія нисколько не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки и, въ этомъ отношеніи, раздѣляетъ судьбу подобныхъ учрежденій, помѣщенныхъ среди большихъ городовъ, какъ Вѣна, Берлинъ и проч., даже Парижъ, гдѣ меридіональные инструменты сняты съ колоссальнаго зданія, построеннаго въ царствованіе Людовика XIV, и помѣщены въ тѣсныхъ боковыхъ пристройкахъ. По выслушаніи этого отвѣта, Его Величество изволилъ объявить министру, что, по его мнѣнію, «учрежденіе первоклассной обсерваторіи по близости столицы—есть дѣло величайшей пользы и важности для чести науки въ Россіи». Министръ не преминулъ довести до свѣдѣнія Государя, что академія наукъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимается проектомъ новой обсерваторіи, и что только ожидается окончаніе плановъ и смѣты, для представленія Его Величеству. Тогда Государь, приказавъ, чтоб проектъ, по тщательномъ обсужденіи, былъ ему представленъ, изволилъ обратить вниманіе на выборъ мѣстности. На слова князя Ливена, о пожертвованныхъ академіи четырехъ десятинахъ, на сѣверъ отъ города, Его Величество изволилъ замѣтить: «Какъ? Академія думаетъ устроить новую обсерваторію совершенно близь города, по сѣверную сторону, и на мѣстѣ песчаномъ и болотистомъ? Это неудобно. Я назначу другое мѣсто. Обсерваторію нужно устроить на Пулковской горѣ». Затѣмъ Его Величество удостоилъ меня слѣдующими словами: «Господинъ астрономъ, вамъ покажется, можетъ быть, страннымъ, что Императоръ дѣлаетъ замѣчанія академіи, въ ученомъ предметѣ. Но знаете ли вы Пулково, и что думаете вы объ этомъ мѣстѣ?»—Мой отвѣтъ заключался въ томъ, что еще въ 1828 г., проѣзжая въ первый разъ черезъ Пулково, съ ученымъ морякомъ барономъ Врангелемъ, я былъ такъ пораженъ мѣстностію, что воскликнулъ, какъ бы по предвѣдѣнію: «Здѣсь, на Пулковскомъ холмѣ, увидимъ мы когда-нибудь с.-петербургскую обсерваторію», (Моск. Вѣд. 1856. № 101, стр. 883).—Въ ожиданіи этого, Струве продолжалъ свои обычныя занятія, между которыми онъ, въ 1831 г., издалъ, наконецъ, въ двухъ большихъ томахъ, съ атласомъ въ листъ, капитальное сочиненіе, подъ титуломъ: *Beschreibung der.... Breitengradmessung in den Ostsee-provinzen Russlands* (Описаніе... измѣренія градусной широты въ Остзейскихъ губерніяхъ Россіи). — Избранный, въ 1832 г., дѣйствительнымъ членомъ имп. Академіи Наукъ, Струве, въ 1833 г., напечаталъ въ С.-Петербургѣ книжку: *Anleitung zum Gebrauche des Durchgangs Instruments* (Руководство къ употребленію пассажнаго инструмента), позже переведенную Шіановымъ на французскій (Sur l'emploi de l'instrument des passages etc. 1838), а Бѣлымъ на русскій языкъ, и вообще отличился многообразною ученою дѣятельностью, ко-

торая въ оффиціальной статьѣ: «Извѣстіе о разныхъ трудахъ профессоровъ и другихъ преподавателей вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, почерпнутое изъ отчета за 1833 г.», поясняется такъ: «Занятія профессора Струве весьма обширны. Онъ почти привелъ къ окончанію свой долговременный трудъ: микрометрическія измѣренія двойныхъ звѣздъ, и точнѣйшимъ образомъ опредѣлилъ мѣста, чрезъ кои проходила комета Бѣлы; принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ ученой экспедиціи, занимающейся измѣреніемъ меридіана въ Остзейскихъ и Литовскихъ губерніяхъ, въ хронометрической экспедиціи генералъ-лейтенанта Шуберта на Балтійскомъ морѣ» (журн. Мин. Нар. Просв. 1834. сентябрь, стр. 453). Наконецъ, къ тому же 1833 г. относится указъ 2 октября, которымъ Имп. Николай I рѣшалъ учрежденіе Пулковской обсерваторіи, повелѣвая министру народнаго просвѣщенія составить планъ и смѣту послѣдней въ особой коммиссіи, изъ академиковъ: Струве, Ленца, Вишневскаго и Фуса, подъ предсѣдательствомъ адмирала Грейга. По дѣламъ этой коммиссіи, Струве, въ 1834 г., снова ѣздилъ заграницу, заказывать инструменты для будущей обсерваторіи извѣстнѣйшимъ художникамъ: Эртелю, Мерцу и Малеру въ Мюнхенѣ, братьямъ Репсольдамъ въ Гамбургѣ, Кессельсу въ Альтонѣ и др.—Пожалованный, 29 января 1835 г., чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Струве, въ теченіе того же года, наблюдалъ Галлееву комету и, 21 іюня, присутствовалъ на торжественной закладкѣ зданія Пулковской обсерваторіи; въ 1837 г. издалъ новое свое сочиненіе: *Stellarum duplicium et multiplicium mensurae micrometricae in specula Dorpatensi institutal* (микрометрическія измѣренія двойныхъ и сложныхъ звѣздъ, сдѣланныя въ дерптской обсерваторіи); въ 1838 г. опять ѣздилъ за границу, для повѣрки заказанныхъ тамъ инструментовъ, и напечаталъ еще сочиненіе: *Fedorow's vorläufige Berichte über die in Westsibieren ausgeführte astr. geogr. Arbeiten, herausg. von Struve* (Предварительныя извѣстія Ѳедорова объ астр. геогр. работахъ въ западной Сибири, изд. Струве), явившееся также на французскомъ языкѣ, а въ 1839 г. издалъ, въ Петербургѣ свою книгу: *Beobachtungen des Halleyschen Cometen bei seiner Erscheinung im Jahre 1835*. (Наблюденія надъ Галлеевой кометой при ея появленіи въ 1835 г.) и закончилъ осьмымъ томомъ изданіе «Лѣтописей» дерптской обсерваторіи, въ первыхъ шести томахъ котораго, между прочимъ, приведены наблюденія надъ 405 различными сложными звѣздами. 7 августа того же 1839 г., въ день открытія Пулковской обсерваторіи, Струве назначенъ ея директоромъ и, вслѣдъ затѣмъ 26 сентября, въ день посѣщенія обсерваторіи Государемъ Императоромъ, получилъ единовременно 10,000 рублей, а 1 октября—орденъ св. Станислава 1 степени, «въ изъявленіе—сказано въ рескриптѣ—Монаршаго благоволенія за усердные труды при сооруженіи главной обсерваторіи на Пулковской горѣ и снабженіи ея астрономическими снарядами».—Поселившись въ Пулковѣ, Струве съ тою же ревностію служилъ дѣлу, которому посвятилъ въ Дерптѣ цѣлыя двадцать пять лѣтъ. Отнынѣ Пулковская обсерваторія сдѣлалась средоточіемъ, гдѣ обдумывались и откуда направлялись всѣ астрономическія предпріятія въ Россіи. Между ними, на первомъ мѣстѣ стояло пока измѣреніе Финляндіи,еще не конченое. По предложенію Струве, имп. Академія Наукъ, вѣдавшая Пулковскую обсерваторію, приняла подъ свое покровительство и дальнѣйшее измѣреніе дуги меридіана въ Финляндіи, упрочивъ, такимъ образомъ, успѣхъ работы. Что касается самаго Струве, ученая дѣятельность его, по переселеніи въ Пулково, выразилась, прежде всего, помѣщеніемъ въ «Mémoires de l'academie» (Записки академіи) 1840 г., *Additamentum* (Прибавленіе) къ сочиненію «Stellarum duplicium et multiplicium mensurae micrometricae etc. (Микрометрическія измѣренія двойныхъ и сложныхъ звѣздъ etc.), изд. въ 1837 г.—Затѣмъ, въ 1843 г., Струве, кромѣ изданія перваго точнаго списка широтъ и долготъ русскихъ городовъ, основаннаго на строгой критикѣ источниковъ, напечаталъ: *Catalogue de 514 étoiles doubles et multiples* (каталогъ 514 двойныхъ и сложныхъ звѣздъ) и, съ мая мѣсяца, руководилъ хронометрической экспедиціей между Пулковомъ и Альтоной, съ цѣлью опредѣлить математически точно долготу Пулковской обсерваторіи въ отношеніи Альтонской. Имѣя въ своемъ распоряженіи до ста лучшихъ хронометровъ, Струве, въ теченіе лѣта 1843 г., совершилъ десять переѣздовъ отъ Пулкова до Альтоны и обратно, при чемъ тридцатью хронометрами изслѣдовалъ долготу важнѣйшаго пункта русскихъ тригонометрическихъ съемокъ—дерптской обсерваторіи, вышедшую равною 44° 23' 13",94 и, по званію члена королевско-ученаго общества въ Лондонѣ, лично склонялъ своихъ сочленовъ-англичанъ къ точному, посредствомъ хронометрической же экспедиціи, опредѣленію гринвичской обсерваторіи отъ альтонской. Цѣль этаго послѣдняго предпріятія заключалась въ точномъ назначеніи долготы Пулкова отъ Гринвича, чрезъ что пріобрѣлась бы возможность издавать отъ русской центральной обсерваторіи, вмѣсто гринвичскихъ и другихъ, собственныя эфемериды,—таблицы, опредѣляющіе ежедневно мѣсто на небѣ: солнца, луны, планетъ и фундаментальныхъ звѣздъ, т. е. ихъ склоненіе и прямое восхожденіе, или широту и долготу ихъ. Результаты первой половины этихъ трудовъ Струве, составившіе книгу подъ титуломъ: *Expédition chronométrique entre Poulkova et Altona* (хронометрическая экспедиція между Пулковомъ и Альтоной), были изданы въ 1844 г., когда самъ Струве, приглашенный къ совѣщанію съ генераломъ Теннеромъ о мѣрахъ, какія нужно принять для южнаго продолженія дуги русскаго меридіана на 3°25', участвовалъ въ составленіи проекта предполагаемыхъ работъ. Изъ пяти пунктовъ этаго, тогда же высочайше утвержденнаго, проэкта, пунктъ третій уполномочивалъ генерала Теннера сообщать директору главной обсерваторіи копіи и экстракты журналовъ и вычисленій по геодезическимъ и тригонометрическимъ съемкамъ, произведеннымъ, въ предшествовавшіе годы, между Бристеномъ возлѣ Двины, и Супрунковцами, на Днѣстрѣ, а пунктъ пятый гласилъ: «На директора главной обсерваторіи возложены вычисленія, которыя приведутъ къ ученымъ результатамъ всей работы, а также редакція сочиненія, которое обниметъ всю дугу, измѣренную между Лапландіею и Дунаемъ. Онъ представитъ эти вычисленія въ Академію Наукъ, гдѣ они подвергнутся надлежащему разсмотрѣнію». Исполненіемъ этого порученія Струве занимался около трехъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ, однородно и строго вычисляя, отъ самыхъ угловъ, весь рядъ треугольниковъ на Днѣстръ между Торнео и Супрунковицами, не покидалъ учено-литературной дѣятельности и успѣлъ издать слѣдующія сочиненія: въ 1845 г.—*Description de l'observatoire central de Poulkova* (описаніе центральной Пулковской обсерваторіи), съ атласомъ чертежей, и *Librorum in Bibliotheca speculae Pulcoviensis contentorum catalogus systematicus* (Систематическій каталогъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ Пулковской обсерваторіи); въ 1846 г.—*Expédition chronométrique entre*

Altona et Greenvich (Хронометрическая экспедиція между Альтоной и Гринвичемъ) и *Positiones mediae stellarum fixarum in zonis Regiomontanis etc., auctore M. Weisse. Ed: curavit et prefatus est W. Struve* (Среднія положенія неподвижныхъ звѣздъ въ регіомонтановомъ и пр. кругахъ, соч. М. Вейссе. Издалъ съ своимъ предисловіемъ В. Струве); наконецъ, въ 1847 г.—*Etudes d'astronomie stellaire* (курсъ звѣздной астрономіи)—сочиненіе, принятое съ самымъ живымъ сочувствіемъ всѣми учеными.—Награжденный, въ этотъ же промежутокъ времени, орденами: 5 февраля 1845 г. св. Анны 1 ст. и въ 1847 г. прусскимъ «за заслуги» Струве, въ томъ же 1847 г. былъ отправленъ Академіею Наукъ въ Англію, для опредѣленія прямого отношенія между линейными мѣрами: индѣйскою и пулковскою. «Путешествіе это, по свидѣтельству самаго Струве, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ». Полковникъ Эверестъ, начальникъ индѣйскихъ работъ, доведшихъ дугу до колосальнаго протяженія въ 21°21', говоритъ въ сочиненіи своемъ, изданномъ въ 1847 г., что онъ употреблялъ при измѣреніи двѣ мѣры: *A*. и *B*. Мѣра *A* оставлена была въ Индіи, для употребленія при предстоящихъ работахъ, а мѣра *B*, по тщательномъ сравненіи ея съ мѣрою *A*, привезена въ Европу, самимъ Эверестомъ. Вслѣдствіе этого, Струве обратился въ совѣтъ директоровъ Остъ-Индской компаніи въ Лондонѣ—и это просвѣщенное общество изъявило свое согласіе на то, чтобы мѣра *B* передана была въ руки Струве и отвезена въ Россію, для сравненія ея съ пулковскою мѣрою. Сравненіе это, считая и время, потраченное на самое приготовленіе точнаго подобія индѣйской мѣры *B*—желѣзнаго масштаба, съ означеніемъ, двумя очень правильными точками на двухъ серебряныхъ цилиндрикахъ длины 10 англ. футовъ,—длилось болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ, именно въ 1849 г., Струве издалъ книгу подъ титуломъ: *Beschreibung der zur Ermittelung des Hohenunterschiedes zwischen dem Schwarzen und Caspischen Meere ausgeführten Messungen* (описаніе измѣреній, произведенныхъ для отысканія разницы между уровнями морей: Чернаго и Каспійскаго), а въ 1850 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1 степени, императорскою короною украшеннымъ. Отправивъ, лѣтомъ того же 1850 г., индѣйскую мѣру *B* обратно въ Англію, Струве, въ 1851 г., получилъ два иностранные ордена: австрійской Желѣзной Короны и шведской Полярной Звѣзды, а въ 1852 г., награжденный ежегодною прибавкою къ жалованью по 285 руб. сер., издалъ еще сочиненіе, подъ названіемъ: *Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium positiones mediae pro epocha 1830, reductae ex obs meridianis annis 1822 ad 1843* (Среднія положенія неподвижныхъ звѣздъ, въ особенности двойныхъ и сложныхъ, въ эпоху 1830, вычисленныя изъ наблюденій надъ меридіаномъ въ 1822—1843 г.); 12 декабря присутствовалъ на 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ дерптскаго университета, гдѣ представлялъ привѣтственный адресъ на латинскомъ языкѣ, подписанный пулковскими астрономами изъ дерптскихъ студентовъ, и произносилъ заключительную благодарственную рѣчь; наконецъ, помѣстилъ въ прибавленіи къ французскому астрономическому мѣсяцеслову (Connaissance des temps) на 1853 г. свои изслѣдованія о способахъ для изысканія преломленія лучей свѣта при опредѣленіи высоты горъ и другихъ земныхъ предметовъ помощью тригонометрическаго нивеллированія,—изслѣдованія, впрочемъ, подробнѣе развитыя въ сочиненіи о разностяхъ уровней Чернаго и Каспійскаго морей.—Въ теченіе 1853 г., Струве, награжденный орденомъ св. Владиміра 2 степени, издалъ еще сочиненіе: *Recueil de Mémoires présentés à l'academie des sciences par les astronomes de Poulkova* (собраніе записокъ, представленныхъ академіи наукъ пулковскими астрономами) и получилъ командорскій крестъ шведскаго ордена Полярной Звѣзды, а въ 1854 г. присоединилъ къ своимъ регаліямъ: знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ, прусскій орденъ Краснаго Орла и шведскій Олафа большаго креста 1 степени.—Прочитавъ въ публичномъ засѣданіи академіи наукъ 29 декабря 1855 г. брошюру своего сочиненія: *Fondation de l'observatoire Central de Russie par l'Empereur Nicolas I de glorieuse mémoire* (Учрежденіе центральной обсерваторіи въ Россіи блаженной памяти императоромъ Николаемъ I), Струве, 26 августа 1856 г., былъ пожалованъ въ тайные совѣтники и, около того же времени, получилъ португальскій орденъ Башни и Меча, а въ 1857 г. издалъ 1-й томъ своего ученаго труда: *Arc du méridien de 25°20' entre le Danube et la Mer glaciale* (Дуга меридіана въ 25°20' между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ), но въ 1858 г. заболѣлъ и поѣхалъ лѣчиться въ чужіе края. По возвращеніи въ Россію, Струве, въ 1860 г., издалъ 2-й и послѣдній томъ сочиненія: Arc de méridien etc., увѣнчаннаго тогда отъ русскаго географическаго общества константиновскою золотою медалью, а въ 1861 г. оставилъ службу и, отпраздноваВъ, въ августѣ 1864 г., 25-ти-лѣтній юбилей Пулковской обсерваторіи, умеръ 17 ноября того же года, въ С.-Петербургѣ, слишкомъ 70 лѣтъ отъ рода.—Тѣло его погребено тамъ же, на Смоленскомъ кладбищѣ.—Трудолюбиво-ученая дѣятельность В. Я. Струве стяжала ему извѣстность въ Россіи и громкую славу въ Европѣ. Измѣреніе дуги русскаго меридіана, отъ Дуная до Ледовитаго моря, навсегда сохранитъ въ лѣтописяхъ русской науки имя Струве, достойное, за одинъ новый каталогъ двойныхъ звѣздъ, стоять на ряду съ знаменитымъ именемъ Гершеля, изслѣдованія котораго, кстати сказать, значительно пополнены трудами Струве. Въ числѣ русскихъ писателей, хотя бы спеціально ученыхъ, Струве считаться не можетъ, потому что всѣ сочиненія его писаны не по-русски. Отъ этого почтенная личность Струве, къ сожалѣнію, долго еще будетъ оставаться почти невѣдомою большинству русскаго люда. Образованное же меньшинство—всегда отнесется къ памяти этого ученаго дѣятеля съ тѣмъ уваженіемъ, какого она заслуживаетъ. Изъ сочиненій Струве, въ настоящей статьѣ указывались только изданныя отдѣльно. Всѣхъ же его печатныхъ трудовъ, разсѣянныхъ въ русскихъ академическихъ и заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ, насчитывается *сто семь*, перечень которыхъ, извѣстный спеціалистамъ, но здѣсь излишній, желающіе могутъ найдти въ статьѣ г. Савича: «Воспоминаніе о В. Я. Струве», напечатанной въ книгѣ: «Торжественное собраніе Имп. Академіи Наукъ 29 декабря 1864 г.» (Спб. 1865).—Сынъ В. Я. Струве, *Оттонъ*, занимаетъ теперь мѣсто своего отца при Пулковской обсерваторіи.

КИПРЕНСКІЙ, Орестъ Адамовичъ, профессоръ живописи.—Происходилъ отъ полу-русскаго отца, Адама Карлова Швальбе, крѣпостнаго человѣка бригадира Алексѣя Степановича Дьяконова, и родился, 13 марта 1783 г., въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ, а крещенъ въ соборной Преображенской церкви городка Копорья, по которому носилъ первоначально прозвище *Копорскій*, произвольно измѣненное потомъ въ фамилію *Кипренскій*.—Достигнувъ 5-ти-лѣтняго возраста, Кипренскій, въ 1788 г., былъ опредѣленъ своимъ бариномъ въ число воспитанниковъ Академіи Художествъ, при чемъ бригадиръ Дьяконовъ

далъ ему отпускную.—Въ Академіи, Кипренскій, еще мальчикомъ, вздумалъ проситься въ солдаты, къ чему побудила его любовь. «Онъ —разсказываетъ одинъ изъ друзей Кипренскаго—вообразилъ, что влюбленъ въ одну дѣвицу. Она была красавица, и слухи носились, что ей лучше нравятся военные; и вотъ нашъ Орестъ захотѣлъ быть ея рыцаремъ» (Художеств. Газета 1840. № 13, стр. 27).—Что касается первыхъ успѣховъ Кипренскаго въ живописи, они особенно расположили въ его пользу тогдашняго президента академіи, графа А. С. Строгонова, который, кажется, въ 1801 г., за исполненный Кипренскимъ *эскизъ памятника* покойному профессору скульптуры Козловскому, выдалъ юному художнику, въ видѣ личной отъ себя награды, вторую золотую медаль. И благодарный Кипренскій не переставалъ называть графа А. С. Строгонова (†1811 г.), «великимъ благотворителемъ своимъ, всегда живущимъ въ его памяти» (Сынъ Отеч. 1817. № XLV, стр. 18).—Удостоенный на третныхъ экзаменахъ 1802 г., за рисунки съ натуры, второй и первой серебряныхъ медалей, Кипренскій, 11 декабря того же года, за исполненную имъ программу *Филемонъ и Бавкида*, получилъ вторую золотую медаль, а 1 сентября 1803 г. кончилъ академическій курсъ, съ званіемъ художника и правомъ на XIV классъ. Но Кипренскій, по собственному желанію, остался при Академіи для дальнѣйшаго усовершенствованія, и въ 1805 г., за исполненіе другой программы: *Дмитрій Донской, найденный раненымъ послѣ Мамаева побоища* (картина эта и теперь еще находится въ залахъ Академіи)—награжденъ первою золотою медалью.—Поощренный этою, лестною для художника, наградою, Кипренскій вскорѣ же, по порученію графа А. С. Строгонова и къ совершенному его удовольствію, написалъ превосходную копію съ картины Ванъ-Дейка: *Испанецъ*, замѣчательной своимъ необыкновеннымъ колоритомъ,—и за трудъ этотъ получилъ, по опредѣленію совѣта Академіи, 350 рублей.—Въ 1806 г. Кипренскій былъ назначенъ въ число пансіонеровъ Академіи, для отправленія за границу, но, неизвѣстно почему, оставался въ Россіи безвыѣздно еще 10 лѣтъ. Въ теченіе этого періода времени, Кипренскій имѣлъ случай посѣтить Москву и находиться при особѣ вел. кн. Екатерины Павловны въ Твери, по возвращеніи откуда, представилъ совѣту Академіи нѣсколько превосходныхъ *портретовъ* своей работы, какъ-то: *принца Голштейнъ-Ольденбургскаго*, *князя Гагарина*, *Д. В. Давыдова* и коммерціи совѣтника *Кусова*. За эти и другіе труды, Кипренскій, въ 1813 г., признанъ академикомъ, а 1 сентября 1815 г. произведенъ въ совѣтники академіи, и, нося такія званія, блистательно продолжалъ свою художественную дѣятельность, плодами которой, до его перваго отъѣзда за-границу, были портреты: *отца Кипренскаго* (купленъ имп. Николаемъ I для эрмитажа въ 1835); *вел. князей Николая и Михаила Павловичей*, *князя Вяземскаго*, *С. С. Уварова*, *В. А. Жуковскаго*, наконецъ, генеральши *К. С. Авдулиной*, поражающій изумительною оконченностью.—Первый отъѣздъ Кипренскаго заграницу, на счетъ имп. Елизаветы Алексѣевны, послѣдовалъ весною 1816 г. и описанъ самимъ Кипренскимъ такъ: «Мая 21 дня съ утра, при благополучномъ вѣтрѣ, мы пустились въ море. Корабль нашъ летѣлъ на всѣхъ парусахъ, презирая Бальтъ. Величественное зрѣлище сіе производило во мнѣ нѣкоторое трепетаніе сердца. День былъ прекрасный; но еще не насталъ вечеръ, какъ вдругъ все перемѣнилось: нахмурилось небо, разгнѣвались волны и все пошло вверхъ дномъ. Кой-какъ добились мы до Любека въ 14 дней, и то съ безпрестанно повторяющимися бурями. Капитанъ корабля увѣрялъ, что подобныя бури весьма рѣдко встрѣчаются.» Оставивъ, 19 іюня, Любекъ, Кипренскій, черезъ Гамбургъ и Ганноверъ, прибылъ, 24 іюня, въ Кассель, тутъ осмотрѣлъ картинную галлерею, ночью пустился далѣе, по неподалеку отъ первой же станціи, опрокинулся, съ экипажемъ, въ канаву; и «семь радужныхъ цвѣтовъ — пишетъ самъ Кипренскій—ознаменовали подъ глазами паденіе мое». Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней, Кипренскій, ѣхавшій съ Дювалемъ, миновалъ Марбургъ, Франкфуртъ (на Одерѣ), Дармштадтъ, Гейдельбергъ и «Брухсаль» (Брюссель). — «Отсюда— продолжаетъ самъ Кипренскій—мы ѣхали далѣе, и, какъ теперь вижу, изъ Брухсаля выѣзжая, по лѣвую сторону невысокая гора, на подобіе вала, покрытая высокими орѣховыми деревьями. Сія гора намъ долго лежала по пути и усугубляла темноту ночи. Подъ ея сумракомъ, я предался размышленіямъ и говорилъ самъ себѣ: «Есть ли на землѣ человѣкъ, счастливѣе меня? Кто благотворитъ мнѣ? Великая жена душою и саномъ (имп. Елизавета Алексѣевна)! Супруга величайшаго въ мірѣ человѣка! Что болѣе остается къ дополненію счастія моего»! Потомъ сталъ размышлять о своей должности, о благодарности, о любезной Россіи и друзьяхъ. Въ такихъ пріятныхъ размышленіяхъ настигъ меня всепобѣждающій богъ сна. Проснулся ужъ тогда, какъ мы очутились у прекраснѣйшихъ воротъ Карлсруэ».—Проѣхавъ Карлсруэ, Офенбургъ, Раштадтъ и Фрейбургъ, Кипренскій «въ ясный полдень увидѣлъ Рейнъ величественный», 29 іюня взбирался на колокольню въ Базелѣ, гдѣ «начерталъ» свое имя и число посѣщенія, 30 іюня карабкался по швейцарскимъ горамъ и, увидавъ бѣлую березу, «очень ей обрадовался», а 1 іюля, мимо Женевскаго озера и Лозанны, пріѣхалъ въ Женеву, мѣстопребываніе Дюваля. «Тамъ—продолжаетъ Кипренскій—написалъ я *портретъ славнаго Дюмона*, котораго представилъ ораторствующимъ, какъ обыкновенно женевцы привыкли видѣть его въ совѣтѣ; вдали изобразилъ снѣжные Альпы; кромѣ этого *нѣсколько портретовъ фамиліи г-на Дюваля* написалъ и нарисовалъ:—все сіе выставлено было въ экспозиціи въ Женевѣ. Здѣсь весьма лестно, да и вездѣ пріятно, заслуживать доброе имя». Прогостивъ около трехъ мѣсяцевъ у Дювалей въ Женевѣ, Кипренскій направился, черезъ Симплонъ, въ Италію, 1 октября увидѣлъ Lago Maggiore и любовался Борромейскими островами, 2 октября пріѣхалъ въ Миланъ, гдѣ цѣлые 15 дней разсматривалъ «Тайную Вечерю» Леонардо-да-Винчи, Рафаэлевъ картонъ аѳинской школы, «Святое Семейство» Люини (всѣ три въ соборной церкви), «святыхъ Петра и Павла», лучшее произведеніе Гвидо-Рени (въ Миланскомъ дворцѣ), наконецъ, художественную выставку, посѣтилъ даже амфитеатръ, гдѣ представлялись гимнастическія игры, и, 7 октября, выѣхалъ изъ Милана. Въ Пармѣ, Кипренскій нашелъ, въ академіи художествъ, картины Каррачи, Скидоны и пять большихъ произведеній Корреджіо; въ Моденѣ, въ герцогскомъ дворцѣ,—знаменитую галлерею итальянской школы; 14 октября,—прибылъ во Флоренцію, откуда, въ одномъ экипажѣ съ Ал. Льв. Нарышкинымъ, 26 октября, достигнулъ Рима. «На другой день—досказываетъ самъ Кипренскій—смотрѣли Капитолію; видимъ Форумъ Романумъ, амфитеатръ Титовъ, видимъ, что Римляне не любили посредственнаго; всѣ планы ихъ были велики, обширны, настоящей мѣры не было ни въ чемъ; точно также и въ порокахъ. Благодарю Бога, что я не рожденъ въ тѣ времена, когда люди,

облеченные въ тоги, болѣе походили на чудовищъ, нежели на людей. Мои герои Греки! Ѳемистоклы и Периклы, вы будете всегда образцами всѣмъ народамъ!—Но я радуюсь, что родился рускимъ (*sic*) и живу въ счастливой вѣкъ Александра Перваго и Елизаветы Несравненной». «Ваше превосходительство!—заключаетъ Кипренскій: когда предстанете благодѣтельному свѣтилу нашему, доложите государынѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, что я съ благоговѣніемъ повергаюсь къ стопамъ Ея Императорскаго Величества; скажите, что словъ не достаетъ произнесть благодарность, и что я чувствую всю цѣну своего блаженства подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества». Но изъ P. S. того же письма видно, что, въ Римѣ, Кипренскій, «три мѣсяца искалъ себѣ студіи, гдѣ бы работать» и, за сильнымъ наплывомъ иностранцевъ, не безъ труда «нашелъ нѣсколько отдаленный домъ отъ шуму, подлѣ Капуцинскаго монастыря, на Тринито-де-Монти, Strada St. Isidoro № 18».—«Ничто—добавляетъ Кипренскій—здѣсь не отвлекаетъ меня отъ работы, и я очень счастливъ» (Сынъ Отеч. 1817. № XLVI, стр. 5—25). Поселившись въ Римѣ, Кипренскій, въ іюнѣ 1817 г., былъ польщенъ извѣстіемъ о избраніи его, на ряду съ живописцемъ Жераромъ и ваятелемъ Кановой, въ члены женевскаго Общества любителей искусствъ, а за тѣмъ, благодаря связямъ своимъ съ путешествовавшими тогда русскими вельможами, старался, между дѣломъ, поддерживать, въ глазахъ римлянъ, блескъ и пышность, которые онъ всегда любилъ. Изъ работъ Кипренскаго, произведенныхъ въ это первое путешествіе его за-границу, наиболѣе замѣчательны: *Отдыхающій садовникъ*, *Дѣвочка въ маковомъ вѣнкѣ*, *Цыганка съ миртовой вѣткой*, портреты *самого художника* (находится въ Флорентинской галлереѣ), *Берлинскаго*, *Лагарпа* и др. Къ этому же періоду времени относятся портретъ графа *Ѳ. В. Ростопчина*, нарисованный Кипренскимъ на камнѣ, въ Парижѣ, и картина: *Анакреонова гробница*—трудъ, весьма теряющій отъ излишней, до сухости доведенной оконченности, не смотря на то, что Кипренскій употребилъ для этого много тщанія и не мало времени. Картина «Анакреонова гробница» (принадлежавшая потомъ А. П. Брюллову) любопытна и въ другомъ отношеніи: создавая ее, Кипренскій отыскалъ натурщицу, маленькую римлянку Маріуччи, къ которой по немногу привыкъ до того, что не разъ откупалъ ее у матери и родныхъ, нахально пользовавшихся увлеченіемъ художника, потомъ, при содѣйствіи римскаго правительства, помѣстилъ свою Маріуччи въ одно изъ казенныхъ заведеній, наконецъ, женился на ней,—о чемъ скажемъ ниже. Помимо отношеній къ Маріуччи, пребываніе Кипренскаго въ Римѣ не могло не льстить самолюбію художника: «написанные имъ тамъ въ началѣ портреты—говоритъ другъ Кипренскаго—такъ удивили итальянцевъ, что его превознесли Вандикомъ и Тиціаномъ; а Камуччини и другіе были съ нимъ, какъ товарищи». Впрочемъ, обстановка Кипренскаго въ Римѣ скоро же измѣнилась. «Другое несчастное приключеніе—досказываетъ (не объясняя какое именно) тотъ же другъ художника—вдругъ всѣхъ отъ него отдалило, и я не берусь оправдать его въ этой исторіи—а можно. Общее мнѣніе было противъ него до такой степени, что долго не смѣлъ онъ одинъ по улицѣ пройти. Очень вѣроятно, что это имѣло вліяніе на послѣдующія его работы, и римляне имъ уже не удивлялись. Можетъ быть онъ самъ то видѣлъ и искалъ наградиться чрезвычайною силой колорита и излишнею оконченностью. Одинъ пріятель нашъ сказалъ ему въ Римѣ: «а что, Орестъ Адамовичъ, я думаю вы ничего лучше не написали, какъ своего отца?»—Онъ подумалъ и а mezzovoce (въ полголоса) отвѣчалъ: «я и самъ тоже думаю» (Худож. Газ. 1840. № 13, стр. 31—32.). Въ августѣ 1828 г. Кипренскій возвратился въ Петербургъ, а спустя мѣсяцъ, въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій, явилась статейка, подъ титуломъ: «Картины Кипренскаго въ эрмитажѣ», гласившая, между прочимъ, слѣдующее: «Наконецъ мы дождались знаменитаго нашего художника Ореста Адамовича Кипренскаго, дождались для удовольствія и украшенія россійской школы: онъ возвратился изъ Парижа въ прошедшемъ мѣсяцѣ и выставилъ въ Мальмезонской галлереѣ шесть живописныхъ произведеній своихъ и нѣсколько портретовъ, рисованныхъ карандашемъ... Предметы живописныхъ картинъ его суть: 1) историческая, изображающая *Пляску вакханки*; 2) *Голова спящейся женщины*; 3) *собственный портретъ художника*,—указанный выше; 4) *Портретъ дитяти;* 5) *Портретъ пожилаго человѣка* (отца Кипренскаго?) 6) *портретъ генеральши К. С. Авдулиной*,—также указанный выше. Изъ рисовальныхъ портретовъ намъ извѣстны: *ген. адъют. Храповицкаго*, генераловъ *Башилова*, *Алединскаго* и *Желтухина*, посланника *г. Италинскаго* и *Н. Б. Голицына...* Признаемся, что главное чувство, овладѣвшее нами при первомъ взглядѣ на картины сіи—было одно удивленіе. Мы поражены были чѣмъ-то необыкновеннымъ и не могли вдругъ постигнуть тому причины. Но, вникая болѣе и болѣе въ нихъ, начинали постепенно открывать, какъ сквозь завѣсу (*выноска:* Вѣроятно, пробивающійся цвѣтъ бакана или кармина, на коемъ, кажется, писаны фигуры,—дѣлаетъ сію завѣсу для непривычныхъ глазъ!), истинныя красоты, вкусъ чистый, колоритъ сильный, яркій и—сверхъ всего сего—оригинальность, налагающую на кисть Кипренскаго печать генія, печать, отличающую произведенія мастеровъ». (Отеч. Зап. 1823, сентябрь, стр. 440—442).—Удививъ и восхитивъ жителей Петербурга этими произведеніями, Кипренскій, въ теченіе 5-ти-лѣтняго пребыванія своего въ Петербургѣ, создалъ рядъ весьма замѣчательныхъ вещей, напр.: *коллосальную фигуру, изображающую Россію* (со статуи Аполлона Бельведерскаго), портреты: адмирала *А. С. Шишкова* (для россійской академіи), графа *Д. Н. Шереметева*, съ перспективою комнатъ, *А. С. Пушкина*, *М. А. Лобанова*, *Н. С. Шишмаревой*, *А. Ѳ. и М. В. Шишмаревыхъ*, генерала *Албрехта* и друг. «Многія изъ этихъ произведеній—замѣчаетъ авторъ статьи въ «Художественной Газетѣ» 1840 г.—превосходны и ставятъ Кипренскаго на ряду, если не съ первѣйшими портретистами, то, покрайней мѣрѣ, съ замѣчательнѣйшими послѣ нихъ. Сходство, строгость рисунка, сила, чистота и пріятность колорита—суть неотъемлемыя качества его живописи» (№ 13, стр. 24).—Особенно нравился всѣмъ портретъ А. С. Шишкова—произведеніе, о которомъ сохранился въ тогдашней періодической печати такой отзывъ: «Со стороны художества, въ семъ портретѣ соблюдены всѣ достоинства рисунка, колорита и правильности тѣней, такъ что портретъ сей останется навсегда счастливѣйшимъ произведеніемъ кисти Кипренскаго» (Отеч. Зап. 1825, апрѣль, стр. 172—173).—Въ то же время, жители Петербурга имѣли случай любоваться и литографіями Кипренскаго, о чемъ, въ періодической печати 1825 г., находимъ такое извѣстіе: «Кипренскій завелъ у себя литографный станокъ и уже отпечаталъ на немъ, съ неподражаемымъ искусствомъ, два отлично замѣчательныя произведенія

мастерскаго карандаша своего: *Двадцать пятый годъ царствованія императора Александра* (аллегорія, которой «мысль — исполнена поэзіи, а рисунокъ достоинъ славы Кипренскаго») и *образъ Спасителя, представившійся Аннибалу Каррачи во снѣ*, съ единственнаго оригинала, хранящагося въ кабинетѣ кардинала Альбани», (Отеч. Зап. 1825, декабрь, стр. 462—463). Но, занятый, въ Петербургѣ, по видимому, только художественной дѣятельностью, Кипренскій не переставалъ думать и заботиться о своей маленькой римлянкѣ Маріуччи. «Живучи въ Питерѣ — разсказываетъ другъ Кипренскаго — онъ черезъ письмо поручалъ мнѣ отыскать эту дѣвочку, ежели можно, то увѣрить ее, что онъ думаетъ о ней, никогда ее не покинетъ и пр. Когда здѣсь (въ Петербургѣ) былъ посланникъ папскій, монсиньоръ N. N., Орестъ подавалъ ему записку объ этомъ своемъ дѣлѣ, и я три раза, по этому же дѣлу, былъ у кардинала. Не смотря на ласковыя обѣщанія, кардиналъ ничего для насъ не сдѣлалъ; не только не доставилъ мнѣ свѣдѣнія, но и ничѣмъ не облегчилъ мнѣ отыскать, гдѣ она содержалась. Съ большимъ трудомъ и послѣ долгаго времени, я ее нашелъ; но строгій присмотръ не допускалъ ни слова ей шепнуть» (Худож. Газ. 1840. № 13, стр. 31).—Въ 1828 г. Кипренскій вторично отправился за-границу, откуда уже не возвращался, и 10 января 1831 г., во время своего отсутствія переименованъ изъ совѣтниковъ академіи въ профессоры 2-й степени, по живописи.— Живя попеременно въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи, Болоньѣ и другихъ городахъ Италіи, Кипренскій, въ теченіе 1833 и 1834 г., написалъ: портреты: *Торвальдсена* (находится въ залахъ Академіи), братьевъ *кн. Голицыныхъ* (?), *г-жи Жадимировской съ дочерью*, *Г-жи Пуччи* (Риссі) и *графини М. А. Потоцкой*, въ ростъ, съ сестрою и негритянкою, — лучшее, въ этомъ родѣ, произведеніе художника; картины: *Сибиллу Тибуртинскую*; *Пажа*, въ испанскомъ костюмѣ, съ черною маскою въ рукѣ; *Мальчика лацzарони*; *Дѣвочку съ плодами*; *Русскихъ молодыхъ людей, читающихъ газету*; наконецъ, пейзажъ *Видъ изъ окна его квартиры* (находился у имп. Николая I). Замѣчали однако, что любимымъ сюжетомъ картинъ (не портретовъ) Кипренскаго начинала становиться Сибилла, при вечернемъ освѣщеніи (Библ. для Чтенія 1843, февраль, отд. III, стр. 52). Въ іюнѣ 1835 г., Кипренскій женился на Маріуччи и началъ писать картину: *Ангелъ хранитель дѣтей* (лицо ангела—портретъ Маріуччи), мистически-сантиментальную, которая однако осталась неконченною: 5/17 октября 1836 г., черезъ три мѣсяца послѣ женитьбы, Кипренскій умеръ въ Римѣ, отъ болѣзни, родившейся вслѣдствіе разныхъ огорченій.—Въ 1837 г., имп. академія художествъ поспѣшила пріобрѣсти отъ вдовы Кипренскаго, за 7,000 рублей, работы ея покойнаго мужа: *подмалевокъ портрета съ натуры имп. Елизаветы Алексѣевны* и портреты «Торвальдсена» и «Давыдова» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1839 г. мартъ, отд. III, стр. 51).—«Орестъ Адамовичъ Кипренскій — пишетъ покойный скульпторъ С. П. Гальбергъ—былъ средняго росту, довольно строенъ и пригожъ, но еще болѣе онъ любилъ far si bello (охорашиваться); рядился, завивался, даже румянился, учился пѣть и играть на гитарѣ, и пѣлъ прескверно! Все это, разумѣется, чтобы нравиться женщинамъ. Не знаю, былъ ли онъ счастливъ; но доволенъ собою былъ. Однажды онъ упрекалъ меня въ дикости, застѣнчивости и когда, въ свое извиненіе, я представлялъ, что не могу переломить себя, что невольно боюсь женщинъ, онъ отвѣчалъ: «да, правда; бѣда съ ними познакомиться, кто не Кипренскій» — и тѣмъ кончилъ проповѣдь. Сколько я знаю, онъ до самаго конца, страстно любилъ женщинъ и, между друзьями, можно бы въ этомъ смыслѣ поразсказать о немъ нѣсколько проказъ, но писать....» (Худож. Газ. 1840. № 13, с. 27).—Какъ художникъ, Кипренскій занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго искусства. Вотъ, напр., два разновременныя печатныя отзыва о талантѣ Кипренскаго: въ статьѣ В... «О состояніи художествъ въ Россіи» — «Варнекъ и Кипренскій, два превосходные портретиста наши, не многихъ имѣютъ соперниковъ въ Европѣ. Они идутъ разными дорогами въ своемъ искусствѣ къ одной цѣли: совершенству. Варнекъ рисуетъ чрезвычайно вѣрно; въ выполненіи свѣта и тѣни, въ переходѣ и точности тоновъ, въ знаніи воздушной перспективы и сочиненіи неподражаемъ. Публика не всегда справедливо осуждаетъ его за колоритъ. Кипренскій рисуетъ не столь строго, но его кисть весьма пріятна, краски блестящи, отработка чрезвычайна. Въ перспективѣ онъ весьма силенъ. Варнекъ удивляетъ знатоковъ безпристрастныхъ; Кипренскій нравится вообще. Произведенія Варнека превосходны, Кипренскаго — прекрасны» (Сѣверные Цвѣты, альманахъ на 1828 г., стр. 83); въ статьѣ (неподписанной) «Выставки художественныхъ произведеній въ 1836 г.» — «Оконченность портретовъ Кипренскаго всегда поражала терпѣніемъ и знаніемъ художника. Казалось, онъ желалъ истощить натуру и уничтожить ту линію, которая раздѣляетъ природу отъ искусства. Почему въ работахъ своихъ онъ, говорятъ, *спѣшилъ медленно*, требовалъ для портрета многочисленныхъ и продолжительныхъ присѣстовъ (séance)... Кипренскій, вопреки нѣкоторымъ неосторожнымъ мнѣніямъ, никогда не думалъ поддѣлываться подъ копоть и лакъ многихъ вѣковъ, густо покрывающіе произведенія стариннаго живописца, списывалъ всегда и все съ натуры, часто съ щепетильною тщательностію. Иногда, за нѣсколько миль изъ Рима отлучался Кипренскій, чтобы найти цвѣтокъ или травку, и въ мельчайшихъ подробностяхъ остаться вѣрнымъ природѣ» (Худож. Газ. 1836. № № 11 и 12, стр. 172). Наконецъ, въ книгѣ «Императорская Академія Художествъ», изд. 1842, помѣщена подъ буквою *К*, слѣдующая характеристика Кипренскаго, какъ художника: «Кипренскій, профессоръ живописи, умершій за-границею, принадлежитъ къ числу нашихъ избранныхъ портретистовъ, и не безъ выгоды можетъ быть сравниваемъ со многими лучшими иностранными художниками этого рода, тѣмъ болѣе, что не будучи слѣпымъ подражателемъ чужихъ достоинствъ и создавъ особенный характеръ живописи, представляетъ самобытныя стороны. Онъ имѣлъ умъ весьма пытливый и склонный къ отвлеченнымъ изысканіямъ, и его горячее воображеніе, кажется, часто представляло ему возможность разрѣшенія самыхъ несбыточныхъ проблемъ математики и естественныхъ наукъ. Тогда онъ съ жаромъ и на долгое время предавался изслѣдованіямъ, совершенно отвлекавшимъ его отъ искусства. Но въ подобномъ направленіи, кажется, можно предполагать и источникъ характера его живописи. Въ ней онъ, особенно въ послѣднее время, какъ будто искалъ чего-то новаго въ механическихъ пріемахъ, и хотѣлъ въ наивозможно тщательной отдѣлкѣ найти новое средство для полнаго выраженія жизни въ своихъ произведеніяхъ. Кажется, онъ предполагалъ, что эту отдѣлку можно довести до того совершенства, которое совершенно скроетъ живопись, скроетъ слѣды движенія кисти, сольетъ краски въ неуловимые переходы оттѣнковъ

цвѣтовъ и произведетъ въ картинѣ тотъ же самый нерукотворный видъ, какой имѣютъ предметы въ природѣ. Къ этому совершенству живописи, должно замѣтить, онъ не шелъ путемъ подражанія. Создавъ самъ себѣ задачу, онъ и разрѣшалъ ее по своему. Въ немъ вы не увидите точной копировки, такъ сказать—волосокъ къ волоску, какъ въ Теннерѣ или въ Жераръ-Довѣ.—Онъ старательность сосредоточивалъ въ колоритѣ, въ накладкѣ красокъ, и изображалъ болѣе прозрачность кожи на тѣлѣ, нежели ея наружные оттѣнки. Рѣшеніе вопроса, куда бы привела его такая манера, прекращено преждевременною кончиной. Что же касается до тѣхъ качествъ живописи, которыя всегда составляли и составляютъ предметъ изученія художниковъ, именно рисунка, освѣщенія и выраженія, Кипренскій, съ своимъ дарованіемъ и искусствомъ, не могъ не оказать въ нихъ большихъ успѣховъ, которые видны въ большей части его картинъ».—Добавимъ въ заключеніе, что Кипренскій, какъ видно изъ его римскихъ писемъ, имѣлъ въ Петербургѣ связи, болѣе или менѣе тѣсныя, съ людьми болѣе или менѣе замѣчательными, каковы, напр.: С. С. Уваровъ, А. И. Тургеневъ, В. А. Жуковскій, А. Н. Оленинъ, И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ, Н. М. Карамзинъ, К. Н. Батюшковъ, А. Х. Востоковъ, Ек. Ѳед. Муравьева и другіе.

ЩЕРБИНА, Николай Ѳедоровичъ, русскій стихотворецъ, родился 2-го декабря 1821 года въ Міусскомъ Округѣ земли Войска Донскаго, въ поселкѣ Грузко-Еланчинскомъ, въ 60 верстахъ отъ Таганрога. Отецъ его былъ изъ дворянъ Харьковской губерніи, а съ материной стороны онъ происходитъ отъ дворянъ Войска Донскаго. Первыя годы своего дѣтства Щербина провелъ въ упомянутомъ имѣніи, принадлежавшемъ его матери. Такъ какъ его бабка по женской линіи была природная гречанка, переселившаяся въ Таганрогъ изъ Мореи при императрицѣ Екатеринѣ II, то греческій элементъ игралъ немаловажную роль въ жизни и обстановкѣ его родителей и незамѣтно всасывался въ кровь будущаго поэта. Еще болѣе сблизился Щербина съ греческимъ преданіемъ и бытомъ попавъ въ Таганрогъ, куда его, на восьмомъ году жизни, отправили учиться, и гдѣ онъ нашелъ цѣлую колонію грековъ. Вслѣдъ за нимъ и родные, продавъ свое имѣніе, переселились въ этотъ городъ. Поступивъ въ мѣстную гимназію, Щербина съ такимъ рвеніемъ принялся за изученіе греческаго языка, что, недовольствуясь преподаваніемъ его въ гимназіи, посѣщалъ одну частную греческую школу, въ которой познакомился съ твореніями Гомера и другими поэтами и прозаиками классической Эллады. Подъ впечатлѣніемъ ихъ произведеній, онъ, будучи всего 13-ти лѣтъ отъ роду, написалъ поэму «*Сафо*», впослѣдствіи имъ уничтоженную. Къ этому же періоду его жизни относится первое явившееся въ печати стихотвореніе его «*Къ морю*» (Сынъ Отечества на 1838 г.) Въ шестнадцати-лѣтнемъ возрастѣ онъ отправился въ Москву, чтобы приготовиться къ поступленію въ университетъ; но вскорѣ обстоятельства заставили его промѣнять древнюю столицу на Харьковъ. Черезъ четыре года послѣ того, онъ поступилъ въ студенты харьковскаго университета по юридическому факультету; но непредвидѣнныя случайности опять помѣшали правильному его образованію: онъ долженъ былъ покинуть университетъ, заручиться дипломомъ на званіе домашняго учителя и давать уроки въ деревняхъ у помѣщиковъ, а по временамъ возвращаться въ Харьковъ для преподаванія въ женскихъ пансіонахъ. Эти неудачи, эти частыя переѣзды съ мѣсто на мѣста, не помѣшали Щербинѣ продолжать изученіе любимой имъ Греціи, ея искусства и литературы, а также заниматься поэзіей и сочиненіемъ прозаическихъ статей. Изъ этихъ трудовъ заслуживаютъ особенно вниманія стихотворенія: «*Клефты*» (От. Зап. 1841), «*Ночь въ Венеціи*» и «*Эллада*» (Москвитянинъ 1845). Кромѣ того онъ участвовалъ въ украинскомъ литературномъ сборникѣ, который издавалъ Бецкій, подъ заглавіемъ «Молодикъ», и напечаталъ въ двухъ его книжкахъ много стихотвореній, изъ которыхъ нѣкоторыя были съ подписью имени автора, и другія подписаны псевдонимомъ. Къ тому же времени относится статья Щербины *о Новогреческихъ пѣсняхъ*, съ переводомъ въ прозѣ сорока четырехъ пѣсень. Это сочиненіе было случайно напечатано въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ, весьма мало извѣстномъ и отличавшемся странностью своихъ воззрѣній, со вставкою такихъ сужденій, которыя совершенно искажали ее и были діаметрально противуположны убѣжденіямъ автора. Предполагая сдѣлать путешествіе въ столь любимую имъ Грецію и, кромѣ того, увидѣть Италію и нѣкоторыя другія страны Европы, Щербина, въ 1849 г., пріѣхалъ въ Одессу, чтобы оттуда отправиться въ это путешествіе вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ пріятелей. Однако новыя неотразимыя затрудненія, постоянно преслѣдовавшія поэта, воспрепятствовали исполненію этого намѣренія, и ему пришлось оставить мысль о заграничномъ путешествіи. Во время своего пребыванія въ Одессѣ, продолжавшагося окола года, Щербина издалъ свои сочиненія отдѣльною книжкою, подъ названіемъ: «*Греческія стихотворенія*», которая была благосклонно принята и публикою, и критикою. Въ различныхъ журналахъ на 1850 г. можно найти одобрительныя рецензіи этихъ стихотвореній, а именно: въ Одесскомъ Вѣстникѣ, Современникѣ (№ 6, статья А. Дружинина), въ От. Запискахъ (№ 6, ст. А. Майкова) въ Библіотекѣ для Чтенія (№ 8, ст. Сенковскаго) въ Сынѣ Отечества и Москвитянинѣ. Въ 1850 г. Щербина отправился въ Москву и поступилъ тамъ на службу въ губернское правленіе, въ должность редактора Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Болѣе двухъ лѣтъ онъ занималъ эту должность, а потомъ вышелъ въ отставку и, оставаясь въ Москвѣ, занимался преподаваніемъ уроковъ дѣвицамъ изъ высшаго тамошняго общества, собираніемъ и записываніемъ пѣсень изъ устъ народа—что̀ дѣлалъ и въ то время, когда еще находился на службѣ. Кромѣ того онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ Москвитянина. Редакціи и другихъ журналовъ съ удовольствіемъ печатали на страницахъ своихъ изданій произведенія поэта, который, со времени изданія «Греческихъ стихотвореній», пользовался извѣстностью. Такимъ образомъ его произведенія появлялись въ Отечественныхъ Запискахъ, Современникѣ, Библіотекѣ для Чтенія, Сынѣ Отечества и въ другихъ журналахъ. — Въ мартѣ 1855 г., Щербина прибылъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ вновь на службу, по министерству народнаго просвѣщенія, чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ товарищѣ министра, князѣ П. А. Вяземскомъ, а потомъ занялъ кромѣ того мѣсто дѣло производителя въ одномъ еврейскомъ ученомъ комитетѣ. По преобразованіи министерства, онъ остался за штатомъ и цѣлый годъ былъ безъ мѣста, а потомъ причислился къ министерству внутреннихъ дѣлъ и былъ прикомандированъ къ Главному Управленію по дѣламъ печати, при которомъ и состоялъ до самой кончины своей. На второй годъ по переселеніи своемъ въ Петербургъ, въ 1857 году, Щербина издалъ полное собраніе своихъ сочиненій въ двухъ томахъ, которое

критика почти единогласно встрѣтила сочувственными отзывами; изъ нихъ укажемъ на рецензіи: Н. Чернышевскаго (Современникъ 1857 № 3), статью В. Корша (Московскія Вѣд.), В. Зотова (Сынъ Отечества) и И. Л. (въ Библiот. для Чтенія). Впослѣдствіи онъ издалъ составленный имъ *Сборникъ лучшихъ произведеній русской поэзіи*, и книгу для народнаго чтенія и употребленія въ начальныхъ школахъ, которой далъ названіе *Пчелы*, и которая еще при жизни составителя выдержала три изданія. Независимо отъ того, Щербина печаталъ въ журналахъ и отдѣльными брошюрами статьи по части народнаго образованія и по порученію академіи наукъ написалъ нѣсколько рецензій драматическихъ пьесъ, поступавшихъ на соисканіе Уваровскихъ премій; однажды за подобную рецензію онъ получилъ отъ академіи золотую медаль. Наконецъ, изъ-подъ его пера вышло значительное число сатирическихъ стихотвореній, которыя бо̀льшею частью остались ненапечатанными и ходятъ по рукамъ въ рукописяхъ. — Послѣдніе три года своей жизни Щербина страдалъ тяжкою хроническою болѣзнью, при которой онъ однако усердно исполнялъ свои служебныя обязаноности, слѣдилъ за русскою и иностранною литературами, и продолжалъ по временамъ бесѣдовать съ музою. Друзья и врачи совѣтывали ему оставить Петербургъ, климатъ котораго вредно дѣйствовалъ на его здоровье, и хотя на время переселиться на югъ Россіи; но больной медлилъ и все только собирался уѣхать. Наконецъ, въ матрѣ 1869 г., онъ уполномочилъ одного изъ своихъ пріятелей хлопотать о зачисленіи его въ распоряженіе новороссійскаго генералъ-губернатора, въ Одессу. Эти хлопоты увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но извѣстіе о согласіи министра внутреннихъ дѣлъ на переводъ Щербины въ Одессу дошло до поэта въ самый день его смерти. Онъ скоропостижно умеръ 10-го апрѣля 1869 года отъ задушенія полипомъ въ горлѣ, и погребенъ на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ покоятся останки многихъ знаменитыхъ дѣятелей русской литературы.—Главнымъ достоинствомъ стихотвореній Щербины надо считать большую пластичнось представляемыхъ имъ образовъ, которою онъ обязанъ близкому знакомству съ изящными произведеніями классической Эллады; силу и звучность стиха, рельефно и сжато выражающаго мысль поэта, и неподдѣльное вдохновеніе, которое осѣняло его, когда онъ выражалъ свой порывъ къ идеалу общества, къ гармоніи индивидуальной жизни съ общественной, и съ сатирической грустью относился къ современнымъ несовершенствамъ и диссонансамъ жизни. Но эта грусть и это негодованіе смягчались въ его душѣ незыблемою вѣрою въ прогрессъ и въ осуществленіе его идеала. Такъ въ одной изъ своихъ элегій онъ говоритъ:

От знанья пришли мы къ сомнѣнью
И раненой пали душой;
Мы знаньемъ дойдемъ къ примиренью
И къ жизни родимся иной.

Въ другомъ стихотвореніи онъ утѣшаетъ себя тѣмъ,

Что мы къ блаженству возрожденья
Ступеней нужною легли.

Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ Щербина касается природы, а также въ его антологическихъ пьесахъ, обставленныхъ древнегреческою жизнью, отражаются этическія ученія древняго міра и нѣсколько смутныя воззрѣнія раціонализма. Онъ убѣжденъ въ существованіи неразрывной связи между духомъ и матеріею и въ присутствіи духовнаго начала во всѣхъ явленіяхъ природы. По его мнѣнію:

Всюду единая царствуетъ мысль, и душа обитаетъ
Въ глыбахъ камней бездыханныхъ и въ радужныхъ листьяхъ растеній.

Какъ на образецъ пластичности, съ которою Щербина умѣетъ рисовать свои образы и картины, можно указать на стихотвореніе, навѣянное ему чтеніемъ «Пѣсни пѣсней»; въ немъ, описывая радостную тревогу восточной женщины, которая встаетъ съ ночнаго ложа, чтобы впустить къ себѣ стучащагося въ ея дверь возлюбленнаго, онъ ярко рисуетъ ее ея собственными словами:

Какъ я встану, какъ я двери отворю?...
. . . .
Съ смуглыхъ плечъ моихъ покровъ ночной скользитъ,
Жжетъ нога моя холодный мраморъ плитъ,
Съ черныхъ косъ моихъ струится ароматъ,
На рукахъ запястья цѣнныя звучатъ.

Что̀ касается до сатирическихъ сочиненій Щербины, то они запечатлѣны то неподдѣльнымъ юморомъ, то горькою ироніею, или горячимъ негодованіемъ нѣкоторыя однако чрезъ-чуръ рѣзки и бранчливы. Эти сочиненія преимущественно имѣютъ стихотворную форму, хотя извѣстны и такія, которыя написаны въ прозѣ, какъ напримѣръ еще нигдѣ ненапечатанные «Атестатъ Семинаристамъ» и «Сонникъ русской литературы».

РУБИНШТЕЙНЪ, Антонъ Григорьевичъ, замѣчательный современный піанистъ-композиторъ, родился въ Бессарабской области въ селѣ Вехвотынцѣ 18 ноября 1829 года. Несмотря на то, что въ фамиліи Рубинштейна звучатъ нѣмецкія слова, онъ по происхожденію коренной русскій, православнаго вѣроисповѣданія. Отецъ его, Григорій Романовичъ, былъ московскимъ третьей гильдіи купцомъ, принадлежалъ къ числу очень образованныхъ людей, и всегда имѣлъ весьма вѣрный взглядъ на вещи. Несмотря на то, что сынъ его всегда могъ попасть въ податное сословіе и подвергнуться неразлучной съ этимъ сословіемъ рекрутчинѣ, онъ не хлопоталъ, по примѣру своихъ собратій купцовъ, о выводѣ его въ привилегированное сословіе извѣстнымъ родомъ воспитанія, но примѣтивъ въ ребенкѣ музыкальныя способности, не щадилъ ничего для развитія даннаго отъ природы таланта. Такимъ образомъ А. Г. Рубинштейнъ получилъ первоначально домашнее образованіе, въ которомъ главнымъ образомъ было обращено вниманіе на развитіе его музыкальныхъ способностей. Домашнимъ и первымъ учителемъ музыки была мать его Валерія Христофоровна; затѣмъ А. Г. Рубинштейнъ учился музыкѣ у француза А. И. Вилуанъ, подъ руководствомъ котораго сдѣлалъ столь быстрые успѣхи, что въ 1838 году, на девятомъ году возраста, далъ самъ первый публичный концертъ въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ того А. Г. Рубинштейнъ отправился, совершенно случайно, съ учителемъ своимъ г-мъ Вилуанъ заграницу, гдѣ пробылъ четыре года, объѣздивъ въ это время почти всю Европу, и давая вездѣ концерты. Въ 1842 году онъ возвратился въ Россію, но въ скоромъ времени снова отправился за границу для усовершенствованія себя въ музыкѣ. Въ эту вторую поѣздку онъ прожилъ первоначально два года въ Берлинѣ, гдѣ учился теоріи музыки у знаменитаго *Дена*, у котораго также учился и извѣстный нашъ композиторъ М. И. Глинка. Изъ Берлина А. Г. Рубинштейнъ отправился въ Вѣну, гдѣ прожилъ полтора года, давая частные уроки. Изъ Вѣны возвратился снова въ Берлинъ, проживъ и здѣсь полтора года, занимаясь частными уроками.

Въ 1848 году А. Г. Рубинштейнъ возвратился въ Россію и началъ тоже давать частные уроки музыки. Въ часы досуга онъ занимался составленіемъ задуманной имъ русской оперы, «*Куликовская битва*». Эта опера окончена имъ и издана въ 1849 году, а въ первый разъ играна въ С. Петербургѣ въ 1852 году. Текстъ для оперы составленъ гр. Соллогубомъ и В. Зотовымъ. За тѣмъ въ 1852 году А. Г. Рубинштейнъ написалъ три новыя оперы: «*Ѳомка дурачекъ*»—текстъ М. И. Михайлова; «*Сибирскіе охотники*»—текстъ Жеребцова и «*Месть*»—текстъ Жемчужникова. Изъ нихъ: «Ѳомка дурачекъ» была играна въ Петербургѣ; «Сибирскіе охотники» въ Веймарѣ, а послѣднюю пьесу «Месть» только репетовали, но не играли. Съ 1854 по 1858 годъ А. Г. Рубинштейнъ проживалъ то за границею, то въ Россіи. Въ этомъ промежутокъ времени онъ написалъ много симфоній, между которыми особенно замѣчательная симфонія «Океанъ». Кромѣ того въ 1857 году А. Г. Рубинштейнъ написалъ ораторію «Потерянный рай», въ 1859 году оперу «Сыны Степей», игранную въ Вѣнѣ и Веймарѣ, а въ 1862 году оперу «Фераморсъ», играную въ Дрезденѣ. Въ 1858 году А. Г. Рубинштейнъ основалъ, вмѣстѣ съ другими лицами въ С.-Петербургѣ, первое въ Россіи музыкальное общество. Наконецъ въ 1862 году, при содѣйствіи музыкальнаго общества, подъ покровительствомъ Е. И. В. великой княгини Елены Павловны, основалъ въ С. Петербургѣ первую въ Россіи музыкальную консерваторію, въ которой состоялъ директоромъ по 1867 г. А. Г. Рубинштейнъ первый у насъ въ Россіи талантливый артистъ-музыкантъ, вышедшій изъ низшаго сословія; онъ первый возвелъ музыку на степень науки и положилъ для нее прочныя основанія. Какъ композиторъ, Рубинштейнъ замѣчателенъ въ особенности глубокимъ, основательнымъ знаніемъ законовъ музыки и мастерскою разработкою темъ въ гармоническомъ отношеніи. Какъ музыкантъ-фортепіанистъ онъ, по смерти Дрейшока, едва ли имѣетъ соперниковъ въ отношеніи къ побѣжденію механическихъ и техническихъ трудностей, и его блестящее, энергическое исполненіе въ концертахъ, привлекающихъ всегда многочисленную публику, извѣстно всѣмъ любителямъ фортепіанной музыки и почитателямъ дарованія А. Г. Рубинштейна, сожалѣющимъ о томъ, что онъ принужденъ былъ оставить Петербургъ и управленіе консерваторіею.

ПЕТРОВЪ, Осипъ Аѳанасьевичъ извѣстный оперный актеръ, родился 3 ноября 1806 года, въ уѣздномъ городѣ Елисаветградѣ, Херсонской губерніи. Отца онъ не помнитъ: оставшись послѣ него двухмѣсячнымъ ребенкомъ, жилъ съ матерью у дяди, родного брата ея, который велъ довольно большую торговлю и мальчика держалъ очень строго. Уже лѣтъ 8-ми, Петровъ очень любилъ пѣть на клиросѣ (голосъ у него былъ сильный, и высокій сопрано) и музыку балалайки,—первый инструментъ, на которомъ онъ выучился играть. Съ нимъ жилъ полковой капельмейстеръ, нѣмецъ; видя въ мальчикѣ такую страсть къ музыкѣ, сталъ онъ учить его на кларнетѣ: ученикъ въ четыре мѣсяца хорошо выучилъ ноты, и на кларнетѣ сдѣлалъ такіе успѣхи, что добрый нѣмецъ подарилъ ему кларнетъ, а впослѣдствіи выучилъ его играть по нотамъ на гитарѣ. Всѣ занятія эти скрывались отъ дяди, который жестоко наказывалъ мальчика за страсть къ музыкѣ, пріучая племянника къ торговлѣ. Съ лѣтами страсть усиливалась, отвращеніе къ торговлѣ еще болѣе. Когда Петровъ сталъ молодымъ человѣкомъ, терпѣнье его истощалось: онъ сталъ думать, какъ бы вырваться отъ дяди. По счастію, въ 1827 году пріѣхала въ Елисаветградъ провинціяльная труппа и стала давать спектакли. Когда О. А. въ первый разъ увидѣлъ театральное представленіе, въ немъ загорѣлось неодолимое желаніе поступить на сцену. На другой же день пошелъ онъ къ антрепренеру, просить принять его въ труппу; тотъ, послѣ дебюта въ опереткѣ «*Казакъ стихотворецъ*», принялъ его для маленькихъ ролей. Судьба юноши была рѣшена; онъ пріѣхалъ въ Харьковъ, поступилъ въ труппу Штейна, и сталъ разъѣзжать съ ней по провинціяльнымъ театрамъ. Въ 1830 году, труппа, пріѣхавъ въ Курскъ, на Коренную ярмарку, начала представленія. Въ тоже время туда прибылъ изъ Петербурга режиссеръ Лебедевъ, посланный директоромъ театра княземъ С. С. Гагаринымъ по Россіи, искать хорошихъ голосовъ для петербургской сцены. Онъ увидѣлъ О. А. въ драмѣ «*Амстердамскій палачъ*»; роль была не велика, но были куплеты, которые дилетантъ пѣлъ такъ удовлетворительно, что Лебедевъ, по окончаніи спектакля, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ оперу. О. А., по скромности, не довѣряя своимъ способностямъ, не рѣшался ѣхать для новыхъ дебютовъ, соглашаясь ѣхать на годъ, для испытанія, съ тѣмъ, что если въ годъ онъ окажется неспособнымъ, то дирекція отправитъ его на казенный счетъ обратно въ Харьковъ. Лебедевъ принялъ условіе и въ 1830 году, 28 іюля, О. А. пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ директору, потомъ къ Кавосу, тогдашнему дирижеру, репетитору и учителю. Испытавъ его, Кавосъ сказалъ, что если О. А. будетъ учиться съ любовью и стараніемъ, то въ скоромъ времени можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ. Отзывъ знающаго человѣка ободрилъ молодого провинціала и возбудилъ въ немъ горячее желаніе доучиться. Послѣ вторичнаго испытанія, дирекція заключила съ нимъ контрактъ на годъ, за 1000 р. асс. Учился юноша старательно: черезъ три мѣсяца дебютировалъ онъ въ оперѣ Моцарта *Волшебная флейта*, въ роли Зороастра. Второй дюбютъ его былъ въ оперѣ Боальде *Жанъ Парижскій*, третій въ оперѣ *Монтенерскій замокъ*. Публика принимала дебютанта благосклонно; Кавосъ, наставникъ его, оказывалъ ему постоянно самое живѣйшее участіе. Вспомнимъ, что О. А. въ провинціи не имѣлъ понятія о хорошей оперѣ и хорошихъ пѣвцахъ, примѣра ни въ комъ не видалъ и долженъ былъ добиваться всего собственными силами. По истеченіи года, дирекція, видя его стараніе и успѣхи, предложила заключить контрактъ на три года, по 1500 р. асс. въ годъ. На эти деньги существовать въ Петербургѣ даже тогда было трудно; О. А. предложилъ свои условія: чтобы первый годъ получать ему 1500 р., второй годъ 2000 р., третій 2,500 р. Это показалось дирекціи требованіемъ чрезмѣрнымъ и дѣло чуть не разошлось; Петровъ сталъ придумывать, какъ бы возвратиться въ провинцію, но въ тотъ же вечеръ дирекція подписала контрактъ на три года на тѣхъ условіяхъ, которыя предложилъ О. А. Объ успѣхахъ его можно судить по тѣмъ операмъ, которыя онъ игралъ. Въ 1830 году онъ только началъ учиться, а въ 1831 могъ уже пѣть оперы Россини: *Ченерентолу*, *Севильскій цирюльникъ* и другія. Успѣхъ и старанія его были такъ очевидны, что въ 1832 году дирекція назначила ему полубенефисъ, котораго не было предложено въ контрактѣ. Въ первый бенефисъ дана опера Обера *Невѣста*, съ большимъ успѣхомъ. Тогда же О. А. игралъ въ драмахъ и водевиляхъ; опера русская шла не очень шибко. Въ 1833 году

былъ назначенъ директоромъ театра А. М. Гедеоновъ, обратившій на русскую оперу и балетъ особенное вниманіе. Въ 1834 году поставлена была опера *Цампа*, имѣвшая большой успѣхъ, и въ ней О. А. показалъ себя пѣвцомъ съ хорошимъ голосомъ и опытнымъ актеромъ. Въ 1835 г. поставлены были оперы: *Баядерка* и *Робертъ*. Въ послѣдней онъ имѣлъ такой громадный успѣхъ, что съ этихъ поръ сталъ пользоваться постояннымъ вниманіемъ публики. За первое представленіе «Роберта» онъ получилъ отъ императора Николая брилліантовый перстень. Роберта давали очень часто, многіе персонажи перемѣнялись, но Бертрамомъ былъ все тотъ же Петровъ. Въ *пятидесятое* представленіе Государь опять пожаловалъ ему перстень. О. А. трудился чрезвычайно много, тѣмъ болѣе, что, несмотря на огромный репертуаръ (не было ни одной оперы, въ которой онъ не былъ бы занятъ), онъ игралъ въ драмахъ и трагедіяхъ, водевиляхъ, игралъ почти каждый день, а между тѣмъ не получалъ поспектакльной платы. Въ 1836 году, 30 января была поставлена *Семирамида*, для двухъ пѣвицъ, вышедшихъ изъ театральнаго училища: для сопрано Степановой и контральто Воробьевой. О. А. исполнилъ трудную роль Ассура, опера имѣла громадный успѣхъ, трудно было достать билеты. Съ представленія Семирамиды, оперныхъ артистовъ перестали занимать въ драматическихъ спектакляхъ. Въ томъ же 1836 году явился новый композиторъ, М. И. Глинка, съ его новой оперой «*Жизнь за Царя*», игранной въ первый разъ 27 ноября. Объ успѣхахъ ея говорить нечего; расположеніе къ ней публики въ продолженіи тридцати трехъ лѣтъ говоритъ само за себя. Роль Сусанина была вполнѣ создана Петровымъ; замѣчательно, что эту роль О. А. съигралъ двѣсти-девяносто-два раза, не считая тѣхъ спектаклей, въ которые онъ игралъ въ Москвѣ. Въ продолженіи трехъ зимъ дирекція посылала русскую оперу въ Москву. Послѣ перваго представленія «Жизни за Царя» М. И. Глинка давалъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ директоръ театровъ и О. А.; по окончаніи обѣда директоръ объявилъ ему, что дирекція, видя постоянные труды и необычайные успѣхи Петрова, желая еще болѣе поощрить молодого артиста, назначаетъ ему, сверхъ контракта, по 25 р. асс. за спектакль. Въ то время труды О. А. дѣйствительно были замѣчательны; кромѣ оперъ уже поставленныхъ на сцену, ставились еще въ годъ по три, четыре оперы новыхъ; игралъ онъ по четыре и по пяти оперъ въ недѣлю, а на масляницѣ случалось и по двѣ оперы въ день; напр. утромъ «*Бронзовый конь*», а вечеромъ «*Семирамиду*», на другое утро *Жизнь за Царя* и т. д. Какъ это все сходило съ рукъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, онъ и самъ не зналъ. Много было оперъ, въ которыхъ онъ, въ теченіи службы исполнилъ нѣсколько ролей, напр. въ *Волшебномъ стрѣлкѣ* въ началѣ онъ пѣлъ партію *Киліана*, крестьянина, потомъ роль *Куно*, потомъ *Каспара* и наконецъ *Отшельника*. Много было подобныхъ оперъ, гдѣ онъ появлялся въ разныхъ роляхъ. Во все продолженіе службы, съ 1830 г. онъ постоянно пользовался особеннымъ расположеніемъ публики и ни въ одной оперѣ не случалось фіаско. Въ 1837 году Петровъ женился на пѣвицѣ Воробьевой. Въ 1843 г. началась итальянская опера, пріѣхали только трое: Рубини, Віардо и Тамбурини. Съ ними О. А. пѣлъ очень часто, не зная итальянскаго языка: онъ пѣлъ партію Базиліо въ *Севильскомъ цирюльникѣ*, за что получилъ отъ Государя перстень, и Лепорелло въ *Донъ-Жуанѣ*. Это былъ такой трудъ, что даже итальянцы удивлялись ему; они всегда отдавали справедливость его стараніямъ. Пока не было нынѣшняго огромнаго состава итальянской труппы, О. А. постоянно пѣлъ на русской и итальянской сценахъ. Въ 1846 году, 6 мая, получилъ онъ званіе почетнаго потомственнаго гражданина. 4 мая 1856 г. была дана въ первый разъ опера Даргомыжскаго «Русалка». Объ исполненіи О. А. роли мельника писали во всѣхъ газетахъ, а Ростиславъ издалъ объ этомъ особую брошюру. А. С. Даргомыжскій, до самой своей кончины, оказывалъ О. А. постоянно горячее расположеніе и отдавалъ должную справедливость его артистическимъ заслугамъ. Въ 1861 году была дана опера «Жизнь за Царя», въ бенефисъ О. А. 27 ноября, этой оперѣ исполнялось 25 лѣтъ; столько же лѣтъ онъ исполнялъ Сусанина. Въ этотъ день выразилось къ нему общее сочувствіе; спектакль удостоила своимъ посѣщеніемъ вся царская фамилія и Государь пожаловалъ Петрову брилліантовый перстень. Театръ былъ такъ же полонъ, какъ и въ первое представленіе 1836 года. Публика, кромѣ вѣнковъ, поднесла ему серебряный жбанъ, и товарищи артисты оперной и драматической труппы также выразили ему свое сочувствіе. Черезъ пять лѣтъ, въ 1866 г., исполнилось оперѣ «Жизнь за Царя» тридцать лѣтъ, и 27 ноября опять опера эта дана была въ бенефисъ О. А. Во время спектакля, къ нему въ уборную явились директоры русскаго музыкальнаго общества, въ главѣ которыхъ былъ А. Г. Рубинштейнъ, и поднесли ему дипломъ на званіе почетнаго члена русскаго музыкальнаго общества. Потомъ князь Оболенскій вручилъ ему отъ Е. В. великой княгини Елены Павловны рескриптъ. Отъ публики тогда же получилъ Петровъ серебряную стопу на золотомъ блюдѣ. Роль Сусанина была всегда его любимою ролью; играя ее въ продолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ, Петровъ постоянно видѣлъ общее къ себѣ сочувствіе; любимою его мечтой было съиграть эту роль триста разъ, и потомъ, передать ее тому, кого назначитъ дирекція. Въ послѣднее представленіе онъ хотѣлъ проститься и съ ролью и съ публикой. Это былъ бы подвигъ, небывалый въ лѣтописяхъ всѣхъ европейскихъ театровъ; оставалось съиграть только восемь разъ, потому что въ концѣ 1867 года онъ съигралъ ее 292-й разъ, но въ декабрѣ 1867 же года, роль была передана другому лицу совершенно неожиданно для О. А., и мечтѣ, лелѣянной много лѣтъ, не суждено было осуществиться.

ЗОТОВЪ, Владиміръ Рафаиловичъ, русскій писатель и журналистъ, сынъ Р. М. Зотова, писателя изъ дворянъ Псковской губерніи. Родился 22 іюня 1821 года въ Петербургѣ; первоначальное образованіе получилъ сначала во второй, потомъ въ первой петербургской гимназіи, откуда перешелъ въ царскосельскій лицей, гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1841 г. и поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства, помощникомъ секретаря. Канцелярскія занятія, соединенныя съ военною дисциплиною и ношеніемъ на службѣ мундира, не соотвѣтствовали мирнымъ наклонностямъ лицеиста—и онъ оставилъ мѣсто, на которомъ легко могъ сдѣлать видную карьеру. Директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ Д. Н. Масловъ, лицейскій товарищъ Пушкина, предложилъ ему спокойное, почти пенсіонное мѣсто контролера въ своемъ департаментѣ, и Зотовъ оставался на немъ до смерти Маслова; а при его преемникѣ, оставивъ окончательно службу въ 1861 году, посвятилъ себя исключительно литературѣ, которою занимался еще въ Лицеѣ,

где до сихъ поръ еще памятны его «лицейскія пѣсни» и прологъ «Была пора», написанный имъ въ 1840 году, въ день лицейской годовщины (19-го октября), и прочитанный имъ передъ спектаклемъ, въ которомъ самъ принималъ участіе, вмѣстѣ со своими товарищами, лицеистами XI-го курса. Въ томъ же году онъ напечаталъ первыя свои стихотворенія въ «Маякѣ» и «Сѣверной Пчелѣ», а на выпускномъ публичномъ экзаменѣ 1841 года прочелъ и потомъ напечаталъ отдѣльно небольшую поэму «Двѣ колонны» (Александровская и Вандомская). Еще въ 1-й гимназіи издавалъ онъ журналъ; а въ Лицеѣ, болѣе года, подъ его редакціей выходили рукописныя тетради журнала «Вообще» и тамъ же написаны имъ, кромѣ многихъ стихотвореній, трилогія «Клитемнестра» и драматическая фантазія «Любовь и развратъ», впослѣдствіи напечатанныя въ «Репертуарѣ» и «Иллюстрированномъ Семейномъ Листкѣ». Лицеисты помнятъ своего поэта и доказали это, встрѣтивъ съ одобреніемъ стихи его, написанные на полувѣковой юбилей лицея, отпразднованный въ 1861 году. Получивъ энциклопедическое образованіе и пополнивъ его изученіемъ предметовъ и языковъ, не входившихъ въ обширную программу лицейскаго курса, Зотовъ писалъ во всѣхъ родахъ ученыя, беллетрическія и критическія статьи, историческія изслѣдованія, монографіи, этюды, драматическія произведенія, стихотворенія, фельетоны. Мы можемъ указать только на главнѣйшія, разсѣянныя въ разныхъ журналахъ. *Пьесы*: ихъ напечатано до сорока, играно 27. Драмы въ стихахъ: *Святославъ* (1842 г.) Новгородцы, *Король Энціо* (передѣлка изъ Раупаха), *Чума въ Миланѣ*, *Дочь Карла Смѣлаго*, *Шкиперъ Цикута* (передѣлка), *Герцогиня д'Эзильонъ*, *Наполеоновскій гвардеецъ*, *Дочь короля Рене*, *Расинъ* (драма-біографія въ стихахъ и прозѣ. Драмы въ прозѣ: *Мольеръ*, *Однофамильцы*, *Дочь Корсара*, *Семь милліоновъ*, *Греческій философъ* (Діогенъ), *Дочь управителя*; комедіи: *Мѣщанинъ дворянинъ* (*Мольера*), *Наука и женщина*. *Учитель*, *Двѣ невѣсты*, *Комедія въ окнѣ и на балконѣ*, *Какъ нынче любятъ*, *Какъ нынче ненавидятъ*. Водевилей не перечисляемъ; съ итальянскаго переведены имъ же три оперы: «Лукреція Борджія», «Ломбарды», «Біанка и Гвальтіеро»; съ французскаго «Сирена» Обера; кромѣ того имъ написано вмѣстѣ съ гр. Соллогубомъ либретто первой оперы Рубинштейна «Куликовская битва», и въ 1856 году написанъ и изданъ отдѣльно драматическій прологъ къ стихахъ на столѣтній юбилей русскаго театра, за который онъ получилъ на конкурсѣ премію. Изъ повѣстей и романовъ назовемъ слѣдующія: *Черный тараканъ*, о которомъ Бѣлинскій сдѣлалъ одобрительный отзывъ, *Любовь и приличіе*, повѣсть въ 2-хъ частяхъ, *Левъ и барышня* (напечатаны въ «Репертуарѣ» 1842—43 г., *Жизнь и электричество*, *Прихоть*, *Разсказы моего затылка*, *Опекунша* («Литературная Газета» 1848—1849 г.,) *Вольтижерка*, *Коломенская роза* («Отечеств. Записки» 1849 и 1850 г. Послѣдній романъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ «Библіотекѣ для дачъ» изданіе Смирдина и Генкеля), *Старый домъ*, романъ въ 11-ти частяхъ («Отеч. Записки» 1850 и 1851 г.) *Человѣкъ съ характеромъ* романъ въ двухъ частяхъ («Библіотека для Чтенія» 1852 г.,) *Между Петербургомъ и Москвою*, *Первый маскарадъ*, *комедія въ оперѣ*, *Исторія одного Паука* («Пантеонъ» 1853, 54, 55 г.) *Лопухинская легенда* («Петерб. Вѣдомости» 1856 г., *Лѣшій* (поэма въ прозѣ: «Общезанимательный Вѣстникъ»,1857) *Любовь въ городской каретѣ* («Пантеонъ» 1856 г.), *Докторша* («Отеч. Записки» 1865), *Любовь мелкихъ людей* («Сынъ Отечества» 1857). Изъ серьезныхъ статей его обратили на себя вниманіе: «Фаустъ Гете и его русскіе переводчики», «Шекспиръ въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ», «Менандръ и Теренцій», «Рабеле» (въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ») «Ривароль» (въ «Сѣв. Пчелѣ»), «Рашель и классицизмъ»,критическія статьи въ «Спбургскихъ Вѣдомостяхъ» 1855 и 1856 года и въ «Пантеонѣ» 1853 и 1854 г., Заграничныя письма въ «Сынѣ Отечества» 1857 г., театральныя рецензіи въ «Пантеонѣ». Отдѣльно издалъ онъ поэму «Послѣдній Хеакъ», разбирая которую, Сенковскій сравнивалъ автора ея съ Лермонтовымъ. «Театралъ» (Стихотвореніе съ рисунками Тимма). Въ альбомѣ «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ» (изданныя Некрасовымъ), въ первой книжкѣ помѣщена безъ подписи небольшая поэма его «Жизнь и Люди» вмѣстѣ съ юмористическимъ стихотвореніемъ Некрасова, принявшимъ псевдонимъ Бѣлопяткина. Испытавъ свои силы во всѣхъ родахъ литературы, Зотовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что его назначеніе—быть журналистомъ. Съ 1844 года началъ онъ заниматься редактированіемъ періодическихъ изданій, именно «Репертуара», издававшагося Межевичемъ; съ 1847 сдѣлался редакторомъ «Литературной Газеты» и издателемъ ея, по смерти Песоцкаго; провелъ ее черезъ весь 1848 годъ, особенно тяжелый для русской журналистики, но въ 1849 долженъ былъ прекратить; въ 1850 году принялъ на себя редакцію «Сына Отечества» (издатель Жернаковъ), но отказался отъ нея въ томъ же году и принялъ самое дѣятельное участіе въ «Пантеонѣ», подъ редакціею г. Кони, гдѣ завѣдовалъ отдѣлами критическимъ театральнымъ (рецензіи новыхъ пьесъ) и такъ называемой «Смѣси», куда входили всѣ любопытныя,— современныя извѣстія. Въ тоже время работалъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ», а въ 1855 и 1856 году завѣдовалъ критическимъ отдѣломъ, составляя рецензіи книгъ и журнальные обзоры, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (подъ редакціею Краевскаго). Въ 1857 году писалъ рецензіи въ «Сынъ Отечества» (ред. Старчевскаго) и, во время поѣздки за-границу, письма изъ Парижа, Лондона, Ротердама, Манчестера, Брюсселя и др. городовъ. Съ 1858 года, основавъ съ Бауманомъ «Иллюстрацію, Всемірное Обозрѣніе», онъ посвятилъ, если не исключительно, то преимущественно всю свою дѣятельность этому изданію. Онъ убѣдился, что не принадлежа къ первоклассныиъ писателямъ, не обладая особенно блестящимъ, выдающимся изъ ряду дарованіемъ—можно приносить пользу и на поприщѣ журналистики—возможнымъ развитіемъ и популяризированіемъ идей прогреса, просвѣщенія, гуманности. Не принимая на себя роли проповѣдника и наставника, журналистъ можетъ проводить эти идеи во всѣхъ формахъ литературы, преслѣдуя въ тоже время всѣ отсталыя, рутинныя, устарѣлыя понятія и предразсудки, всѣ дикіе взгляды и допотопныя убѣжденія въ сферѣ общественной жизни. Дѣлать общедоступными идеи великихъ мыслителей, вводить въ практику — насколько это возможно при современномъ устройствѣ общества — всѣ сколько-нибудь осуществимыя теоріи, добытыя опытомъ и мышленіемъ, бороться упорно и неустанно со всѣми ненормальными явленіями въ жизни, хотя бы они прикрывались благонамѣренностью и лоскомъ поверхностной образованности; здравой логикой или насмѣшками опровергать всѣ софизмы невѣжества, всѣ громкія фразы фанатической нетерпимости и своекорыстныхъ цѣлей— вотъ цѣль и назначеніе журналиста и цѣль эта скорѣе достигается, когда живое слово облекается въ образы, сопровождается и объясняется рисунками, относящимися до всѣхъ сферъ настоя-

щей и прошедшей жизни человѣчества. Вотъ почему Зотовъ съ особеннымъ жаромъ занялся редакціей—«Иллюстраціи»; но видя, что при дороговизнѣ и обиліи рисунковъ, она не можетъ быть доступна всѣмъ классамъ общества, онъ основалъ другой еженедѣльный журналъ »Иллюстрированный Семейный Листокъ» (въ 1859 году). Шестилѣтній опытъ изданія обоихъ этихъ журналовъ убѣдилъ, что, для бо́льшаго распространенія ихъ въ среднихъ классахъ, необходимо еще уменьшить подписную цѣну, хотя бы съ нѣкоторымъ ущербомъ для внѣшняго вида изданій. Тогда въ 1863 году «Иллюстрація» превратилась въ «Иллюстрированную Газету», а «Семейный Листокъ» въ «Воскресный Досугъ»—съ цѣною на половину меньшею и съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ числа рисунковъ. Но внутреннее содержаніе обоихъ журналовъ осталось тоже и направленіе ихъ, высказанное въ годъ основанія, не измѣнялось ни на іоту. «Твердость убѣжденій, отпоръ ретроградным стремленіямъ, независимость мнѣній, содѣйствіе прогрессу въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, безпристрастіе сужденій, гуманныя отношенія ко всѣмъ, даже къ заблуждающимся», таковы основные пункты направленія этихъ изданій, отъ которыхъ редакторъ не отступалъ ни на шагъ въ теченіи двѣнадцатилѣтняго завѣдыванія ими. Можно найти въ нихъ статьи слабыя, мало интересныя, но не найти ни одной ретроградной или дѣлающей уступки какимъ нибудь общественнымъ предразсудкамъ. Въ самомъ началѣ существованія «Иллюстраціи», она подверглась преслѣдованію нѣкоторой части русской и въ особенности московской журналистики по такъ-называемому «еврейскому вопросу»; но и тутъ вопросъ этотъ былъ непонятъ многими, съ умысломъ затемненъ другими, уже и тогда начинавшими видѣть во всемъ разные сепаратизмы и измѣны русскому дѣлу. Въ протестѣ нѣкоторыхъ журналистовъ смѣшаны были двѣ статьи о евреяхъ: въ одной фельетонистъ «Иллюстраціи» смѣялся надъ восторженнымъ тономъ «Московскихъ Вѣдомостей», разсыпавшихъ восторженныя похвалы одному еврею, нажившему откупами огромное состояніе и дававшему въ Парижѣ, гдѣ онъ купилъ роскошный отель, пиры и балы французскимъ паразитамъ. Въ другой статьѣ о западно-русскихъ евреяхъ говорилось, что положеніе ихъ очень печально, что физическій бытъ ихъ и моральныя свойства находятся на самой низкой степени и для поднятія ихъ необходимо дать имъ права, равныя съ другими русскими подданными. Это мнѣніе почему-то возбудило ожесточенные крики нашихъ псевдо-либераловъ и они стали утверждать, что западно-русскіе евреи – племя въ высшей степени честное, опрятное, благородное, образованное—и поэтому необходимо уровнять ихъ права съ русскими. Два московскихъ фельетониста вступились въ тоже время за откупщика-еврея, и когда имъ было замѣчено, что видно еврей, нажившись на русскія деньги, расположилъ въ свою пользу обѣдами и балами не однихъ французскихъ прихлѣбателей-русскій фельетонистъ подалъ на редактора жалобу за оскорбленіе его чести въ петербургскую уголовную палату, которая, по выслушаніи объясненія Зотова, отказала въ искѣ фельетонисту, произнося рѣшеніе при открытыхъ дверяхъ и предоставляя ему подать апеляцію въ сенатъ, если онъ недоволенъ рѣшеніемъ. Въ сенатъ фельетонистъ обратиться не рѣшился. Мы разсказали этотъ эпизодъ изъ исторіи «Иллюстраціи» потому, что многіе имѣли объ немъ превратное понятіе. Занятіе двумя еженедѣльными журналами, въ которыхъ Зотовъ двѣнадцать лѣтъ сряду работаетъ больше всѣхъ своихъ сотрудниковъ, составляя статьи во всѣхъ родахъ, по всѣмъ отраслямъ науки и литературы, не мѣшало ему въ тоже время принимать на себя и другія работы, въ особенности лексикографическія, къ которымъ онъ болѣе всего способенъ по своему энциклопедическому образованію и знанію многихъ европейскихъ языковъ. Такъ съ 1861 по 1864 годъ онъ былъ помощникомъ редактора въ «Энциклопедическомъ Словарѣ», превосходномъ изданіи, къ сожалѣнію прекратившемся на 6-мъ томѣ; въ 1864 году составилъ почти безъ сотрудниковъ весь третій томъ «Настольнаго Словаря», изданія Ф. Толля — и въ тоже время завѣдовалъ редакціею «Сѣвернаго Сіянія», изданіемъ Генкеля, составляя для него статьи по исторіи русской литературы, живописи и проч.

КАТКОВЪ, Михаилъ Никифоровичъ, извѣстный русскій писатель и публицистъ, родился въ Москвѣ, въ 1818 году. Рано лишившись отца, онъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ своей матери. Затѣмъ поступилъ онъ въ 1-ю московскую гимназію, а оттуда въ пансіонъ профессора М. Г. Павлова. Въ этомъ заведеніи подготовился онъ къ слушанію университетскаго курса и въ 1834 году поступилъ въ словесное (нынѣ историко-филологическое) отдѣленіе московскаго университета. Въ 1838 году окончилъ онъ курсъ съ званіемъ кандидата, въ слѣдующемъ сдалъ экзаменъ на магистра, а въ 1841 году отправился за границу для довершенія своего образованія. Посѣтивъ Германію, Бельгію и Францію, онъ около двухъ лѣтъ провелъ въ Берлинѣ, посѣщая лекціи тамошняго университета, и слушая преимущественно Шеллинга, читавшаго «Положительную философію». Въ 1843 году М. Н. Катковъ вернулся въ Петербургъ, а въ 1845 г. блистательно защитилъ свою диссертацію на степень магистра русской словесности,—*Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка*. Въ томъ же году назначенъ онъ былъ адъюнктомъ московскаго университета, по каѳедрѣ философіи, и занималъ эту должность до 1850 года, когда каѳедра эта была соединена съ каѳедрою богословія. Въ 1850 году тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа сдѣлалъ его редакторомъ, издававшихся при университетѣ, «Московскихъ Вѣдомостей», и М. Н. Катковъ оставилъ свою, такъ удачно начатую, ученую карьеру для журнальной дѣятельности, которой посвятилъ себя вполнѣ. Впрочемъ онъ остался далеко не въ потерѣ и имя его, какъ редактора «Московскихъ Вѣдомостей», скоро сдѣлалось извѣстно въ Россіи. Какъ всякій быстрый успѣхъ, и успѣхъ М. Н. Каткова породилъ и поклонниковъ его и порицателей. Въ настоящее время не только читающая публика, но и вся наша литература рѣзко раздѣлилась, по этому вопросу, на два лагеря. Не принадлежа къ числу ни безусловныхъ поклонниковъ дѣятельности М. Н. Каткова, ни ея крайнихъ порицателей, можно сказать, что ему принадлежитъ большая заслуга:—онъ увеличилъ значеніе нашей прессы и ея вліяніе на общество. Твердо и неуклонно велъ М. Н. Катковъ свое дѣло и если иногда взгляды его бывали односторонніе, то увлеченія свои онъ оправдывалъ патріотизмомъ и желаніемъ возбудить тоже чувство въ индиферентной части публики. Къ заслугѣ М. Н. Каткова можно прибавить и то, что онъ никогда не слѣдовалъ ходячимъ мнѣніямъ толпы, часто ложнымъ и ошибочнымъ, но старался пролагать русской мысли новые пути. И это ему удавалось. Если до него мнѣнія прессы подчинялись мнѣніямъ толпы, или административнымъ взглядамъ, то теперь, на оборотъ, голосъ прессы управляетъ часто мнѣніемъ публики.... Въ 1853 году М. Н.

Катковъ женился на княжнѣ Софьѣ Петровнѣ Шаликовой, дочери извѣстнаго писателя, а въ 1855 году расширилъ свою журнальную дѣятельность, предпринявъ изданіе «Русскаго Вѣстника».—Литературная дѣятельность М. Н. Каткова началась въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Первымъ литературнымъ его опытомъ былъ переводъ шекспировской *Ромео и Юліи*, помѣщенный въ издававшемся тогда «Пантеонѣ». Затѣмъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» помѣщались его мелкія стихотворенія, большею частью переводныя, а въ 1853 году онъ издалъ сочиненіе «*Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи*», первоначально помѣщенное въ сборникѣ профессора Леонтьева «*Пропилеи*» Обладая въ настоящее время тремя періодическими изданіями: ежедневнымъ (Московскія Вѣдомости), еженедѣльнымъ (Современная Лѣтопись) и ежемѣсячнымъ (Русскій Вѣстникъ) онъ безспорно имѣетъ большое вліяніе на читающую публику и твердо отстаиваетъ права и интересъ печати противъ покушеній обскурантовъ—уменьшить ея значеніе. Труды по редакціи трехъ періодическихъ изданій раздѣляетъ съ нимъ, другой профессоръ московскаго университета, Леонтьевъ, alter ego Каткова, по собственному его сознанію, раздѣляющій всѣ его мысли и убѣжденія. Въ теченіи многихъ лѣтъ М. Н. былъ главою и представителемъ московской журналистики и ея направленія. Съ нынѣшняго года онъ обратился и къ педагогической дѣятельности, открывъ въ Москвѣ лицей, для подкрѣпленія практикою своихъ теорій, о необходимости для Россіи классическаго образованія и изученія мертвыхъ языковъ, на которые и безъ того обращено у насъ почти исключительное вниманіе. Выйдетъ ли что нибудь изъ этого «Катковскаго лицея»—покажетъ будущее.

КРАЕВСКІЙ, Андрей Александровичъ, родился въ Москвѣ въ 1810 году. Первоначальное образованіе получилъ дома, потомъ, въ 1824, поступилъ въ московскій университетъ, откуда въ 1828 г. вышелъ кандидатомъ политическихъ наукъ. А. А. Краевскій хотѣлъ посвятить себя ученой дѣятельности, но обстоятельства воспрепятствовали этому намѣренію и въ 1831 г. онъ переѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ и причислился къ министерству народнаго просвѣщенія. Въ 1832 году, сдѣлавшись преподавателемъ исторіи въ Пажескомъ и Павловскомъ кадетскомъ корпусахъ, онъ съ 1834 по 1837 г. былъ помощникомъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенія. Его первыя литературныя статьи печатались въ 1828 и 1829 г. въ «Московскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»; предметомъ ихъ были нѣкоторые вопросы философіи и исторіи русской литературы; между прочимъ въ томъ же журналѣ ему поручено было критическое обозрѣніе литературы, въ особенности обозрѣніе русскихъ журналовъ. Къ этимъ занятіямъ присоединились съ 1835 по 1838 г. труды по Археографической комиссіи, гдѣ А. А. Краевскій занимался въ качествѣ члена ея и участвовалъ въ приготовленіи къ изданію «Актовъ», вышедшихъ въ четырехъ томахъ, въ 1836 г., изъ которыхъ четвертый томъ былъ редактированъ А. А. Краевскимъ. Въ тоже время онъ написалъ для «Энциклопедическаго Словаря», изд. Плюшаромъ, нѣсколько статей относящихся до русской исторіи; изъ нихъ особенно замѣчателенъ «Борисъ Годуновъ». Въ 1837 г. А. А. началъ издавать литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду», переименованныя въ 1836 г. въ «Литературную Газету». Въ эту газету А. А. писалъ постоянно критическія и библіографическія статьи и статьи, относящіяся до исторіи литературы. Въ 1839 г. А. А. началъ издавать журналъ «Отечественныя Записки», въ которомъ участвовали всѣ извѣстные тогда русскіе ученые и литераторы. Ежемѣсячный журналъ былъ задуманъ имъ еще въ 1836 году, съ цѣлью противодѣйствовать единственному въ то время ежемѣсячному періодическому изданію «Библіотека для Чтенія», редакторъ котораго, Сеньковскій, оттолкнулъ отъ себя большую часть писателей того времени—низведеніемъ серьезной критики на степень балагурства и нецеремонными передѣлками въ статьяхъ сотрудниковъ. Краевскій предполагалъ основать журналъ, съ самою широкою програмою, подъ названіемъ: «Русскій Сборникъ». Князь Одоевскій, горячо сочувствовавшій всякому доброму начинанію, обѣщалъ ему самое дѣятельное участіе, въ числѣ многихъ извѣстныхъ писателей. Програма журнала была послана на утвержденіе къ Государю императору Николаю I, находившемуся тогда въ Чембарахъ, гдѣ онъ долженъ былъ нѣкоторое время лечиться отъ поврежденія плеча, вслѣдствіе паденія изъ коляски. На докладъ министра просвѣщенія, графа Уварова, Государь не изъявилъ своего согласія. Тогда графъ Уваровъ сталъ разрѣшать возобновленіе прежде существовавшихъ журналовъ. П. П. Свиньинъ, основатель «Отечественныхъ Записокъ», передалъ свои права А. А. Краевскому на это изданіе и, въ самое непродолжительное время, подъ опытною редакціею А. А., журналъ этотъ достигъ извѣстности и пріобрѣлъ вполнѣ заслуженное вниманіе публики. «Отечественныя Записки», благодаря ихъ независимости и направленію, неизмѣнявшемуся, несмотря ни на какія обстоятельства, также какъ и достоинствамъ произведеній, въ нихъ печатавшихся, занимали одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской періодической печати. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ ихъ существованія (съ 1839 г. по 1846 г.) сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ извѣстный русскій критикъ Бѣлинскій. Въ этомъ же журналѣ началъ, продолжалъ и кончилъ свое блистательное литературное поприще знаменитый поэтъ Лермонтовъ. Въ немъ печатали статьи свои кн. Одоевскій, Грановскій, Кудрявцевъ, гр. Сологубъ, Катковъ, Галаховъ, Ешевскій. Вообще всѣ замѣчательные писатели сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ принимали участіе въ «Отечественныхъ Запискахъ» и не было ни одного успѣха литературнаго, ни одного замѣчательнаго событія въ жизни русскаго общества, въ которыхъ этотъ журналъ не принималъ бы посредственнаго или непосредственнаго участія. Этимъ объясняется продолжительность существованія «Отечественныхъ Записокъ» и то постоянное довѣріе, которымъ этотъ журналъ пользовался въ общественномъ мнѣніи. Въ исторіи русской журналистики, и, вообще, русской литературы, «Отеч. Записки» занимаютъ важное мѣсто, и значеніе ихъ въ развитіи здравыхъ идей и гуманныхъ понятій было велико и плодотворно въ теченіи цѣлыхъ *тридцати* лѣтъ. Такой продолжительный успѣхъ журнала зависѣлъ конечно отъ умѣнья редактора выбирать статьи и сотрудниковъ, и постоянно держать его на одномъ уровнѣ съ требованіями вѣка и общественными стремленіями. Заслуга А. А. Краевскаго въ этомъ отношеніи очень велика и оспоривать ее могутъ только журнальные соперники его, не имѣвшіе десятой доли его успѣха на томъ же поприщѣ. Вслѣдъ за однимъ изъ такихъ рыцарей журналистики безъ страха, но не безъ упрека, враги А. А. распустили клевету объ эксплуатированіи имъ Бѣлинскаго, тогда какъ они оставались всегда въ самыхъ близкихъ и пріязненныхъ отношеніяхъ между собою, и если Бѣлинскій, въ послѣдніе два года своей жизни, оставилъ журналъ

Краевскаго, то потому, что онъ думалъ быть хозяиномъ въ новомъ изданіи, гдѣ поступили съ нимъ совершенно безцеремонно, найдя неудобною критическую статью его о повѣсти Григоровича, помѣщенной въ декабрской книжкѣ «Отеч. Записокъ» 1846 года. Чахотка развилась въ Бѣлинскомъ еще до университета, и если онъ увеличилъ ее журнальной работой, то потому, что усидчивый трудъ былъ въ его натурѣ и онъ предавался ему со всѣмъ жаромъ увлеченія, не умѣя ничего дѣлать въ половину, разсчитывать и соразмѣрять свои силы. Отъ этой же неразсчетливости онъ никогда не жилъ въ довольствѣ и постоянно нуждался, что также заставляло его прибѣгать къ усиленнымъ занятіямъ. Въ 1846 году онъ оставилъ занятія въ «Отеч. Запискахъ» только на время и уѣхалъ въ Крымъ со Щепкинымъ, полечиться. Къ болѣзни и недостаткамъ прибавились и тяжелыя семейныя обстоятельства. Пріятели критика составили для него альманахъ, что бы вывести его изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Статей надарили столько, что составилась бы изъ нихъ огромная книга, тома въ два; ее хотѣли даже назвать «Левіаѳаномъ». Тогда г. Некрасовъ затѣялъ издавать журналъ и, послѣ тщетной попытки пріобрѣсти у Масальскаго принадлежавшій ему «Сынъ Отечества», склонилъ Плетнева передать ему «Современникъ» и купилъ у Бѣлинскаго его альманахъ, съ тѣмъ чтобы критикъ перешелъ въ возобновленный журналъ, гдѣ ему предложены были болѣе выгодныя условія. Съ Краевскимъ Бѣлинскій разстался самымъ пріятельскимъ образомъ, считая себя его должникомъ и, по смерти его, А. А. много сдѣлалъ для устройства дѣлъ покойнаго. Съ 1868 года, потерявъ не задолго передъ тѣмъ своего дѣятельнаго помощника, С. С. Дудышкина, и обремененный занятіями по изданію ежедневной газеты, Краевскій передалъ «Отеч. Зап.» Некрасову, оставаясь отвѣтственнымъ редакторомъ ихъ только передъ правительствомъ. Сверхъ занятій по «Отечественнымъ Запискамъ», А. А. Краевскій исполнялъ должность помощника редактора, а потомъ и редактора «Русскаго Инвалида» съ 1844 по 1848 годъ; въ 1852 г. онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи ежедневной газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» и былъ ея главнымъ руководителемъ до 1863 года. Въ 1858 году А. А. предпринялъ еще изданіе переводовъ новѣйшихъ иностранныхъ историковъ и публицистовъ. Изданіе это имѣло также значительный успѣхъ и возвысилось съ тысячи до девяти тысячъ подписчиковъ, цифра небывалая до того времени въ нашихъ газетахъ. При такомъ блистательномъ веденіи газеты, академія наукъ, въ теченіи десяти лѣтъ, получала ежегодно до 50 тысячъ доходу и, несмотря на это, нашла нужнымъ, не принимая отъ Краевскаго новыхъ предложеній, передать съ 1863 года свою газету, безъ торговъ, новому редактору. Тогда министръ народнаго просвѣщенія, въ самый короткій срокъ, выхлопоталъ А. А. разрѣшеніе издавать свою собственную ежедневную политическую газету «Голосъ», имѣвшую быстрый успѣхъ. Публика, столько лѣтъ уже знавшая А. А. Краевскаго, скоро удостоила своимъ довѣріемъ новую газету, съ самаго начала отличившуюся своимъ серьёзнымъ направленіемъ и своею независимостью. Въ теченіе семи лѣтъ своего существованія «Голосъ» успѣлъ занять первое мѣсто въ петербургской прессѣ. А. А. Краевскій, состоитъ нынѣ гласнымъ въ Общей Городской Думѣ, губернскимъ гласнымъ въ с. петербургскомъ земскомъ собраніи, членомъ-наблюдателемъ комитета въ городскомъ кредитномъ обществѣ и кандидатомъ въ директоры въ обществѣ городского взаимнаго страхованія, членомъ: вольнаго экономическаго и географическаго обществъ, членомъ-учредителемъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, славянскаго комитета и пр.

ОСТРОВСКІЙ, Александръ Ивановичъ, извѣстный, современный, русскій драматическій писатель, родился въ 1820 году. Задумавъ посвятить себя литературной дѣятельности, А. И. Островскій обратился сначала исключительно къ изображенію жизни и нравовъ нашего купечества. Почти всѣ первыя произведенія его взяты изъ этого быта и это даетъ имъ нѣсколько однообразный оттѣнокъ. Но такъ какъ купеческій бытъ изученъ авторомъ серьезно и основательно, и пьесы его полны чуткой жизненной правды и глубокаго драматическаго смысла, то, взятыя вмѣстѣ, онѣ составляютъ замѣчательную страницу въ исторіи русской литературы и даютъ А. И. Островскому право на званіе лучшаго современнаго драматурга.—Первымъ шагомъ А. И. Островскаго на литературномъ поприщѣ была небольшая комедія *Семейная картина*, написанная имъ въ 1846 году. Это первое произведеніе молодого писателя обратило на него общее вниманіе; по поводу этой пьесы разнесся даже слухъ, что она написана не имъ, а какимъ-то безъизвѣстнымъ актеромъ; критика благосклонно отнеслась къ автору, требуя отъ него новыхъ творческихъ попытокъ. Дѣйствительно, за первою пьесою явился цѣлый рядъ послѣдовательныхъ произведеній А. И. Островскаго, все болѣе и болѣе увеличивавшихъ его извѣстность. Такъ, въ 1847 году появились его *Сцены изъ замоскворѣцкой жизни* и небольшой разсказъ. *«Очерки замоскворѣчья.»* Но все это были небольшія, малосерьезныя вещи и только написанная имъ четырехъ-актная комедія *«Свои люди сочтемся»* поставила имя А. И. Островскаго на ряду съ лучшими писателями того времени. Въ этомъ произведеніи видны уже серьезные задатки, строго проводимыя тенденціи; съ другой стороны: новость быта, выводимаго авторомъ, новость отношеній его къ изображаемымъ имъ лицамъ, наконецъ самая новость языка въ произведеніи,—все это подѣйствовало на читающую публику и успѣхъ пьесы въ чтеніи былъ громадный, хотя на сцену поставить ее не позволили. Въ 1850 же году А. И. Островскій написалъ небольшую сцену *Утро молодого человѣка*, въ слѣдующемъ—также сцену *Неожиданный случай*, а въ 1852 г. появилось второе большое его произведеніе—*Бѣдная невѣста*. Пьеса эта была принята нѣсколько холодно, за то появившияся въ 1853 году комедіи *Не въ свои сани не садись* и въ 1854 г. *Бѣдность не порокъ* возвысили еще болѣе литературную репутацію ихъ автора. Далѣе слѣдовало болѣе слабое произведеніе: ложная, натянутая, съ мистической закваской, драма изъ крестьянскаго быта *Не такъ живи какъ хочется*. Комедія изъ чиновничьяго быта: *Въ чужомъ пиру похмѣлье* и сцены *Праздничный сонъ до обѣда* и *Не сошлись характерами* понравились публикѣ, особенно послѣдняя, хотя это только рядъ живыхъ, хорошо веденныхъ сценъ, безъ самостоятельной серьезной идеи. Затѣмъ въ 1857 г. написалъ Островскій *Доходное мѣсто*, имѣвшее громадный успѣхъ, благодаря искусно затронутому въ немъ, живому, современному вопросу и ловко обрисованнымъ темнымъ сторонамъ высшаго и низшаго чиновническаго сословія. Въ 1859 году появились новыя произведенія Островскаго—драма *Гроза*, и комедія *Воспитанница*, которыя смѣло можно причислить къ лучшимъ пьесамъ русскаго репертуара. Увлекательный языкъ и полный драматизма сюжетъ

произвели сильное впечатлѣніе на всѣхъ; но кто понялъ глубоко-прочувствованную и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлую идею первой пьесы, тому она всегда будетъ важна и дорога. Послѣ этихъ прекрасныхъ, истинно-художественныхъ вещей, слѣдующія произведенія Островскаго слабы и представляютъ чисто внѣшній интересъ живыхъ сценъ и блестящаго изложенія. Онъ взялся и за историческія драмы, съ которыми талантъ его не имѣетъ ничего общаго. *Козьма Мининъ* (1860 г.), *Воевода* (1863 г.), *Дмитрій Самозванецъ* и *Василій Шуйскій* (1867 г.) и *Василиса Мелентьева* (1868 г.) слабѣе его бытовыхъ комедій. Въ то же время, впрочемъ, продолжалъ онъ писать произведенія и прежняго характера и такихъ написалъ два въ 1864 г.: *Тяжелые дни* и *Шутники*, въ 1867 г. *Пучина*, въ 1868— *На всякаго мудреца довольно простоты* и въ 1869 — *Горячее сердце*. Встрѣчаются и въ этихъ произведеніяхъ сцены, полныя истиннаго таланта, но въ общемъ онѣ безсодержательны. Наконецъ, къ числу произведеній Островскаго надо причислить и *Заблудшія овцы*, переводъ плохой итальянской пьесы; на ней Островскій не выставилъ даже своего имени.—Вотъ въ короткихъ словахъ очеркъ всей литературной дѣятельности А. И. Островскаго. Несмотря на нѣкоторыя слабыя произведенія, этотъ писатель очень много сдѣлалъ для нашей литературы и сцены и пьесы его до сихъ поръ составляютъ лучшій репертуаръ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ сценъ. Это доказываетъ— какъ много значитъ дѣятельность А. И. Островскаго въ исторіи нашей сценической литературы.

НЕКРАСОВЪ, Николай Алексѣевичъ, современный поэтъ, родился въ 1822 году. Онъ происходитъ изъ старинной дворянской фамиліи Ярославской губерніи и первоначальное образованіе получилъ въ ярославской гимназіи. Въ 1838 г. прибылъ онъ въ Петербургъ и, въ томъ же году, поступилъ въ университетъ. Университетскія лекціи посѣщалъ онъ въ теченіи 1839-1840 гг. и уже въ то время началъ свою литературную дѣятельность, помѣщая небольшія повѣсти и критическіе разборы въ издававшихся тогда журналахъ и газетахъ. Первымъ поэтическимъ опытомъ его было небольшое стихотвореніе *Мысль*, помѣщенное въ журналѣ «Сынъ Отечества» за 1838-ой годъ. Это первое произведеніе шестнадцати-лѣтняго поэта было встрѣчено благосклонно и вниманіе публики придало Н. А. Некрасову новыя силы. Съ этихъ поръ онъ рѣшился избрать поэтическую дѣятельность своей карьерой. Въ скоромъ времени вышелъ первый сборникъ его стихотвореній *Мечты и звуки*. Жуковскій, прочтя эту небольшую книжку, отнесся о ней съ большой похвалой, а Н. А. Полевой принялъ дѣятельное участіе въ молодомъ писателѣ. Съ тѣхъ поръ извѣстность Н. А. Некрасова росла все больше и больше, и каждое новое его произведеніе пріобрѣтало ему все бо́льшую любовь публики. Знакомство съ Бѣлинскимъ и другими литераторами имѣло на него благодѣтельное вліяніе и заставило его обратить вниманіе на серьезную обработку и развитіе своего замѣчательнаго таланта. Значеніе дѣятельности Н. А. Некрасова въ исторіи русской литературы очень велико. Со времени Пушкина и Лермонтова, у насъ не появлялось въ сатирическомъ родѣ болѣе самобытнаго дарованія. Поэтическая дѣятельность Н. А. Некрасова полна глубокаго смысла въ нашу эпоху. Обращеніе съ народомъ, но не натянуто-слезливое, какъ у однихъ писателей, и не дружески-фамильярное, какъ у другихъ, а братское и прямое,—вотъ цѣль дѣятельности Н. А. Некрасова, мотивъ, проходящій чрезъ всѣ его произведенія. Въ своихъ небольшихъ стихотвореніяхъ онъ сказалъ больше, и сказалъ многое дѣльнѣе, чежели многіе наши политико-экономисты. Съ 1847 года Н. А. Некрасовъ началъ издавать, соединившись съ И. И. Панаевымъ, журналъ «Современникъ». Въ 1868 году онъ сталъ участвовать въ редактированіи «Отечественныхъ Записокъ» и въ короткое время, поставилъ этотъ журналъ на степень лучшихъ изъ повременныхъ изданій. Въ этомъ же журналѣ помѣщалъ онъ произведенія, которыя хоть и слабѣе прежнихъ, но все-таки печать таланта видна и въ нихъ. Собраніе стихотвореній Н. А. Некрасова, постоянно увеличиваемое новыми произведеніями, выдержало уже пять изданій и послѣднее изъ нихъ, въ 4-хъ томахъ, появилось въ началѣ нынѣшняго года. (Первыя вышли въ 1856, 58, 61, и 64 годахъ). Уже одна эта цифра изданій, рѣдкая въ нашей литературѣ, доказываетъ ту любовь, которою пользуется Н. А. Некрасовъ въ русской читающей публикѣ и тотъ успѣхъ, который пріобрѣли его произведенія. Въ прозѣ Некрасовъ писалъ немного и не особенно удачно. Изъ повѣстей его въ «Отеч. Запискахъ» и «Современникѣ» помѣщены *Опытная Женщина* (въ 1841 г.), *Необыкновенный завтракъ* (1843г), *Тонкій человѣкъ*, *Три страны свѣта*, *Мертвое озеро* и др.

ПОГОДИНЪ, Михаилъ Петровичъ, извѣстный русскій ученый и исторіографъ, родился 11-го ноября 1800 года. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, а потомъ отданъ въ московскую гимназію. Любовь къ чтенію развилась въ немъ очень рано, и еще мальчикомъ, лѣтъ 10-ти, онъ уже выписывалъ, изъ своихъ небольшихъ средствъ, журналы «Вѣстникъ Европы» и «Русскій Вѣстникъ». Кромѣ того онъ читалъ всѣ книги, какія только могъ достать, а изъ романовъ любимыхъ своихъ авторовъ: Августа Лафонтена, Радклифъ и др. составилъ себѣ довольно обширную библіотеку. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилась у него и страсть къ авторству, но чувствуя себя еще неспособнымъ къ самобытнымъ произведеніямъ, онъ началъ съ переводовъ. Такъ, 11-ти лѣтъ, онъ уже перевелъ съ нѣмецкаго языка пятиактную драму «Юлія Гаргравъ». 1812-ый годъ возбудилъ патріотизмъ въ мальчикѣ и онъ принялся за составленіе стихотвореній, въ которыхъ горячая любовь къ родинѣ выражалась въ довольно сносныхъ стихахъ. Поступленіе въ гимназію, въ 1814 году, дало новый толчокъ его развитію и онъ особенно пристрастился къ исторіи и историческимъ сочиненіямъ. Въ это время Карамзинъ издалъ свою «Исторію государства россійскаго» и Погодинъ не остановился ни передъ какими лишеніями, чтобъ собрать большую для него сумму, въ 55 р. асс., для пріобрѣтенія книги. Въ 1818 году вышелъ онъ изъ гимназіи первымъ ученикомъ и поступилъ, въ августѣ того же года, въ московскій университетъ, въ словесное отдѣленіе философскаго факультета. Кругъ товарищей-студентовъ, превосходные профессора тогдашняго времени, какъ Мерзляковъ, Тимковскій и др., наконецъ самое знакомство съ серьезной, университетской наукой — все это произвело сильное и благотворное вліяніе на впечатлительнаго юношу. Съ новымъ рвеніемъ принялся онъ читать и учиться, и русская исторія, которую онъ избралъ своею спеціальностью, приковала къ себѣ всѣ его силы и способности. Не довольствуясь тѣснымъ кругомъ университетскихъ учебниковъ и руководствъ, онъ принялся за изученіе источниковъ по своему предмету. Изслѣдованія Шлецера особенно заинтересовали его и онъ написалъ, подъ ихъ вліяніемъ, статью «Сатирическій раз-

боръ историческихъ таблицъ Филистри», которую и помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы». Затѣмъ, подъ руководствомъ профессора латинской словесности Давыдова, онъ перевелъ и коментировалъ оды Горація и трудъ этотъ былъ изданъ на счетъ университета. Все это дѣлало имя Погодина извѣстнымъ и внѣ университетскихъ стѣнъ, а коментаріи его на нѣкоторыя мѣста Несторовой лѣтописи, помѣщенные имъ въ «Вѣстникѣ Европы», обратили на него вниманіе графа Румянцева, извѣстнаго покровителя ученыхъ и литераторовъ. Въ 1821 году М. П. Погодинъ окончилъ университетскій курсъ первымъ кандидатомъ и, черезъ два года, представилъ диссертацію свою «Происхожденіе Руси», на степень магистра русской исторіи. Факультетъ съ чрезвычайной похвалой отнесся къ этому труду, хотя гипотеза о происхожденіи Руси съ юга, отъ хазаръ, которой держался преподававшій въ университетѣ профессоръ Каченовскій, въ диссертаціи преслѣдовалась и разбивалась безпощадно. Въ 1825 году Погодинъ занялъ уже каѳедру всеобщей исторіи, а въ 1828 назначенъ адъюнктомъ русской исторіи, въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ. Въ то же время не покидалъ онъ и литературнаго поприща и вниманіе публики обратили на него сперва «Письма къ Лужницкому старцу», помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Европы», а потомъ небольшія повѣсти «Черная немочь», «Нищій», «Какъ аукнется, такъ и откликнется», и др., появившіяся въ издававшемся тогда альманахѣ «Уранія». Въ 1833 г. женился онъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Вагнеръ, а въ 1835, — исполнилось его давнишнее желаніе: ему поручена была каѳедра русской исторіи. Ревностно и съ любовью принялся онъ за преподаваніе любимой науки, и въ то же время занялся разработкою нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ вопросовъ по исторіи Руси. Такъ, въ этотъ промежутокъ времени, появились его изслѣдованія: «О характерѣ Іоанна Грознаго», «Объ участіи Бориса Годунова въ погибели царевича Димитрія», «О жилищахъ древнихъ руссовъ» и др. Кромѣ того, издалъ онъ въ 1837 г. обширное сочиненіе «Псковская лѣтопись» съ подробнымъ предисловіемъ и коментаріями, а въ 1835 г. — «Начертаніе русской исторіи для гимназій», вышедшее вторымъ изданіемъ въ 1837 году. Въ томъ же 1837 году началъ онъ издавать переведенную съ нѣмецкаго «Всеобщую историческую библіотеку» въ 20-ти книгахъ, а изъ журналовъ дѣятельное участіе принималъ въ «Зрителѣ», котораго одно время былъ редакторомъ, въ «Телескопѣ» и «Московскомъ Наблюдателѣ». Среди постоянныхъ своихъ университетскихъ занятій и неутомимыхъ учено-литературныхъ трудовъ, Погодинъ находилъ еще время дѣлать путешествія, которыя не были для него простымъ развлеченіемъ, но всегда сопровождались какою-нибудь серьезною, научною цѣлью. Такъ, въ 1829 году онъ объѣхалъ всю Малоросію; въ 1838 и 1839 гг. посѣтилъ западно-русскій край, и въ 1841 г. побывалъ во всѣхъ, памятныхъ въ древней исторіи сѣверной Руси, мѣстахъ: въ Бѣлозерскѣ, Ростовѣ, Владимірѣ, Переяславлѣ, Кириловѣ и др. Серьезное и самостоятельное изученіе исторіи русскихъ славянъ привело его къ необходимости изучить исторію и другихъ славянскихъ народностей, а при этомъ онъ неминуемо долженъ былъ замѣтить существующее между всѣми ими единство, какъ племенное и общинное, такъ и единство ихъ высшихъ интересовъ и стремленій. Все это повело къ тому, что задачи славянскаго міра исключительно заняли Погодина, и скоро идеи панславизма, въ самомъ крайнемъ ихъ развитіи, пріобрѣли себѣ въ немъ горячаго и безусловнаго послѣдователя. Съ цѣлью болѣе близкаго и подробнаго изученія славянскихъ племенъ, онъ предпринялъ нѣсколько поѣздокъ за границу и объѣхалъ Прагу, Вѣну, Львовъ, Бѣлградъ, Краковъ, Пестъ, Загребъ. Здѣсь онъ близко сошелся съ лучшими представителями обще-славянской интелигенціи: Венелинымъ, Шафарикомъ, Коларомъ, Палацкимъ, Ганкой, Штульцомъ и др. и дружественныя отношенія къ нимъ еще болѣе укрѣпили его воззрѣнія. Въ 1838 г. Погодинъ побывалъ въ Германіи, Италіи, Англіи и Франціи, и въ Римѣ близко сошелся съ Н. В. Гоголемъ, съ которымъ воротился въ Москву. Среди своихъ путешествій, безчисленныхъ знакомствъ и занятій русскою стариною, Погодинъ успѣлъ составить археологическое собраніе, которое достигло вскорѣ чрезвычайно значительныхъ размѣровъ и, въ полномъ своемъ составѣ, въ 1832 году, было пріобрѣтено Государемъ за 150,000 р. а., съ разсрочкою платежа на десять лѣтъ. Археологическое собраніе это, или, какъ его называетъ самъ Погодинъ — «древлехранилище», состоитъ изъ 27-ми отдѣловъ, заключающихъ въ себѣ всевозможные остатки русской старины, число которыхъ доходитъ до 20-ти слишкомъ тысячъ. Тутъ находятся и автографы царской фамиліи, замѣчательнѣйшихъ сановниковъ и писателей, и древнія монеты, жетоны и печати, церковныя вещи и утварь, оружіе и старинныя книги, рукописи и гравюры. Послѣдній отдѣлъ самый богатый; изъ него въ петербургскую публичную библіотеку поступило: 2,019 рукописей, 1,296 книгъ, 1,115 гравюръ и портретовъ, 1,054 грамоты и 589 автографовъ. — Въ 1844 году Погодинъ, упавъ съ дрожекъ, сломалъ себѣ ногу, а вслѣдъ за тѣмъ имѣлъ несчастіе потерять горячо-любимую жену. Все это заставило его отказаться отъ исполненія обязанностей профессора и въ 1844 г. онъ взялъ отставку, получивъ званіе ординарнаго академика. Досугъ свой онъ посвятилъ исторіи и въ это время появились его сочиненія: «Разсужденіе о Петрѣ Великомъ», «Историко-критическіе отрывки», «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи» въ 7-ми томахъ, «Андрей Боголюбскій», «Древнѣйшая русская аристократія», «Изслѣдованія объ историческихъ основаніяхъ крѣпостного права», «Норманскій періодъ русской исторіи» и др. Въ 1842, 1846 и 1856 гг., Погодинъ снова предпринималъ заграничныя путешествія и объѣхалъ всю Европу. Къ 1860 г. относится знаменитый диспутъ М. П. Погодина съ другимъ извѣстнымъ историкомъ — Н. И. Костомаровымъ, по вопросу о происхожденіи Руси. Вопросъ этотъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ въ русской исторіи, постоянно занималъ Погодина и когда появились изслѣдованія Костомарова о литовскомъ происхожденіи варяжскихъ князей, онъ вступилъ съ нимъ въ жаркую полемику. По общему согласію произошелъ между ними словесный диспутъ, 19-го марта, въ залѣ петербургскаго университета. Споръ этотъ, какъ и всѣ споры на свѣтѣ, не повелъ ни къ чему и такъ какъ основанія и доказательства того и другого ученаго равно вѣски и уважительны, то и до сихъ поръ публика не знаетъ, норманской или литовской гипотезѣ отдать преимущество. Въ послѣднее время Погодинъ отстранился отъ ученой дѣятельности, въ которой онъ занималъ видное и почетное мѣсто и занялся журналистикой. Неуспѣхъ «Москвитянина», ежемѣсячнаго журнала, редакторомъ котораго онъ былъ въ теченіи многихъ лѣтъ, не остановилъ Погодина и онъ началъ издавать, въ 1867 году, сначала еженедѣльную, потомъ въ 1868 году ежедневную газету «Русскій». Несмотря на многія, весьма замѣчательныя статьи, изложенныя отрывистымъ, своеобразнымъ языкомъ, составляющимъ особенность редактора, ученый нашъ

убѣдился вскорѣ, что нельзя въ одно время заниматься исторiею и журналистикой, научными изслѣдованiями и полемикой политической и литературной. Въ нынѣшнемъ году онъ остановилъ свою газету и посвятилъ свою дѣятельность, не ослабѣвшую съ годами—наукѣ и идеѣ славянства, къ развитiю которой онъ такъ много содѣйствовалъ своими статьями, путешествiями, сближенiемъ съ представителями славянскихъ племенъ, находящихся подъ игомъ Австрiи и Турцiи. Какъ предсѣдатель славянскаго комитета Михаилъ Петровичъ будетъ всегда памятенъ нашимъ соплеменнымъ братьямъ.

ПИРОГОВЪ, Николай Ивановичъ. Знаменитый современный русскiй врачъ и педагогъ, родился въ 1810 году. Окончивъ съ успѣхомъ специальное медицинское образованiе въ дерптскомъ университетѣ, въ 1832 году, онъ получилъ степень доктора медицины. Въ слѣдующемъ же году, именно 4-го мая 1833 года, онъ былъ отправленъ, съ высочайшаго соизволенiя, за-границу, для дальнѣйшаго усовершенствованiя въ своей специальности, а по возвращенiи оттуда, назначенъ былъ, 6 марта 1837 года, ординарнымъ профессоромъ дерптскаго университета, съ производствомъ въ чинъ надворнаго совѣтника. Въ 1839 году предпринялъ онъ новое ученое путешествiе въ Парижъ, на суммы университета, а въ 1841 году былъ переведенъ изъ дерптскаго университета въ петербургскую медико-хирургическую академiю. Здѣсь занялъ онъ каѳедры госпитальной хирургiи и патологической анатомiи и, въ то же время, былъ назначенъ главнымъ врачемъ хирургическаго отдѣленiя при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ. Кромѣ того онъ сдѣланъ былъ еще вице-директоромъ петербургскаго инструментальнаго заведенiя и членомъ комитета, учрежденнаго при медицинскомъ департаментѣ, для пересмотра и улучшенiя хирургическихъ инструментовъ. Въ 1843 году началъ онъ издавать «Полный курсъ анатомiи человѣческаго тѣла» и за поднесенiе этого труда Государю получилъ брилліантовый перстень въ 500 р. с. Въ этомъ же году появилось и другое его сочиненiе: «Анатомическiя изображенiя наружнаго вида и положенiя органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла», которое было издано вторично въ 1850 году. Въ 1847 году Н. И. Пироговъ получилъ званiе академика, и по высочайшему повелѣнiю былъ отправленъ на Кавказъ, для указанiя тамошнимъ врачамъ способовъ употребленiя эфира при хирургическихъ операцiяхъ. За чрезвычайно успѣшное исполненiе этого, возложеннаго на него порученiя, Н. И. Пироговъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ Анны 2-й степени. Во время крымской компанiи, онъ былъ назначенъ главнымъ докторомъ войскъ, расположенныхъ въ Крыму, а по окончанiи войны пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника и сдѣланъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Въ короткое пребыванiе свое тамъ, а потомъ въ томъ же званiи въ кiевскомъ учебномъ округѣ, Н. И. Пироговъ прiобрѣлъ полное уваженiе всѣхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованiемъ, за тѣ гуманныя и рацiональныя мѣры, которыя онъ принималъ для улучшенiя и поднятiя ввѣреннаго ему дѣла. Въ 1861 году Н. И. Пироговъ сдѣланъ былъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенiя и снова командированъ за-границу, для руководства въ ученыхъ занятiяхъ докторовъ, отправляемыхъ на казенный счетъ за-границу съ научною цѣлью. Хирургическiя знанiя и множество блистательныхъ операцiй сдѣлали имя Пирогова извѣстнымъ цѣлому свѣту. Его приглашали на консультацiи въ самыхъ трудныхъ случаяхъ и совѣты его принимали съ уваженiемъ знаменитости медицинской науки. Онъ былъ и при одрѣ болѣзни покойнаго Цесаревича и у постели Гарибальди, раненаго при Аспромонте. Слава его, какъ врача, огромна и мнѣнiя въ оперативной хирургiи служатъ авторитетомъ. Не меньшею извѣстностью пользуется Н. И. Пироговъ и какъ превосходный, опытный педагогъ. На этомъ поприщѣ дебютировалъ онъ, въ 1852 году, своею статьею «Вопросы жизни», помѣщенною въ «Морскомъ Сборникѣ». Статья эта произвела огромное впечатлѣнiе на публику и возбудила сильную полемику въ нашей ученой литературѣ, но вѣрность и жизненная правда взглядовъ и педагогическихъ прiемовъ Н. И. Пирогова были признаны всѣми. Съ этихъ поръ онъ постоянно, между своихъ непрерывныхъ и утомительныхъ учено-медицинскихъ занятiй, находилъ время для разработки педагогическихъ вопросовъ и всѣ его статьи по этому предмету были собраны въ «Сборникѣ педагогическихъ статей Н. И. Пирогова», имѣвшемъ уже два изданiя. На нѣмецкомъ языкѣ Николай Ивановичъ издалъ огромный трудъ о военной хирургiи, возбудившей удивленiе европейскихъ ученыхъ. Въ настоящее время онъ живетъ въ своемъ помѣстьи, въ Винницѣ, окруженный всеобщимъ уваженiемъ, не отказывая въ медицинской помощи ни окрестнымъ жителямъ, ни съѣзжающимся къ нему за совѣтами со всѣхъ концовъ Россiи.

ЛАЖЕЧНИКОВЪ, Иванъ Ивановичъ, родился 14-го сентября 1794 года въ гор. Коломнѣ. Отецъ его, извѣстный купецъ, совѣтникъ комерцiи, занимался обширною хлѣбною и соляною торговлею и былъ очень богатъ. Дѣтство Ивана Ивановича проходило счастливо и безмятежно; отецъ его не жалѣлъ никакихъ средствъ для воспитанiя сына, и мальчикъ съ молоду получилъ охоту къ чтенiю и наукамъ, развившуюся еще болѣе подъ руководствомъ умнаго и образованнаго француза-гувернера Болье. Но подобное счастливое положенiе было не продолжительно и одного удара было довольно, чтобъ разрушить благосостоянiе цѣлаго семейства. Отецъ И. И. Лажечникова былъ человѣкъ остроумный и злой на языкъ; онъ всегда мѣтко осмѣивалъ слабыя стороны людей, нисколько не стѣсняясь въ этомъ случаѣ ихъ общественнымъ положенiемъ. Одна изъ подобныхъ остротъ надъ лицомъ высокопоставленнымъ дошла до тѣхъ, «кому о семъ вѣдать надлежитъ» и старикъ Лажечниковъ понесъ наказанiе. Однажды ночью его схватили въ его домѣ, въ Коломнѣ, увезли и посадили въ Петропавловскую крѣпость. Хотя чрезъ нѣсколько времени онъ и былъ освобожденъ, но уже не могъ возвратить себѣ прежняго благосостоянiя, дѣла его окончательно разстроились и въ 1811 году все его имѣнiе было продано съ молотка. Въ это время мальчикъ росъ, читалъ все, что ему попадалось подъ руки и, 16-ти лѣтъ, написалъ «Мысли въ подражанiе Лабрюйера», которыя и послалъ въ издававшiйся тогда «Вѣстникъ Европы». Помѣщенiе статьи въ уважаемомъ журналѣ ободрило Лажечникова и рѣшило его литературную судьбу. Однако надо было подумать и о службѣ, которая въ то время составляла необходимое условiе, и молодой Лажечниковъ поступилъ, въ 1810 году, въ канцелярiю московскаго генерал-губернатора. Между тѣмъ время шло и наступилъ 1812 годъ. Сильное возбужденiе патрiотизма, бывшее въ то время господствовавшимъ настроенiемъ, не могло не коснуться и Лажечникова. Онъ возненавидѣлъ враговъ своей родины и съ грустью долженъ былъ покинуть Москву со всѣмъ своимъ семействомъ,

переѣзжавшимъ въ Коломну. Здѣсь, подъ вліяніемъ извѣстій, получаемыхъ съ поля сраженія, воинственное его настроеніе приняло болѣе широкіе размѣры и онъ рѣшился поступить въ ополченіе. Отказъ, который онъ встрѣтилъ въ этомъ отъ родныхъ, еще болѣе утвердилъ его намѣреніе и онъ бѣжалъ изъ отцовскаго дома. Видя непреклонную рѣшимость сына, отецъ простилъ его побѣгъ и молодой Лажечниковъ поступилъ прапорщикомъ въ московское ополченіе, а потомъ перешолъ въ московскій гренадерскій полкъ. Принцъ Карлъ мекленбург-шверинскій, начальствовавшій 2-ю гренадерскою дивизіею, взялъ его себѣ въ адъютанты и съ нимъ Лажечниковъ былъ подъ Бауценомъ и при Гросс-Беренѣ. Въ 1813 г., былъ онъ въ дѣлѣ подъ Бріенномъ, а затѣмъ участвовалъ въ битвѣ при взятіи Парижа и во вступленіи нашихъ войскъ въ столицу Франціи. До 1819 года находился еще И. И. Лажечниковъ въ военной службѣ и только тогда счелъ себя въ правѣ выйти въ отставку, когда затихла обще-европейская война. Удовлетворивъ одному желанію своей молодости, И. И. Лажечниковъ, на свободѣ отъ служебныхъ обязанностей, рѣшился исполнить и другое—выйти на литературную арену. Дѣйствительно, уже въ томъ же 1819 г. появились въ «Вѣстникѣ Европы» его «Походныя записки». Полныя интересныхъ, еще живыхъ въ памяти каждаго русскаго, фактовъ, написанныя превосходнымъ, увлекательнымъ языкомъ, «Записки» эти были приняты восторженно всѣми и императрица Елисавета Алексѣевна согласилась на посвященіе ихъ ея имени и пожаловала автору золотые часы. Съ этихъ поръ карьера И. И. Лажечникова была сдѣлана; «общество любителей русской словесности» удостоило молодого автора званія своего члена, а 20-го ноября 1820 года онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ Пензенской губерніи. Здѣсь познакомился онъ съ В. Г. Бѣлинскимъ, бывшимъ тогда ученикомъ чембарскаго училища и потомъ своимъ вліяніемъ былъ полезенъ ему при его поступленіи въ московскій университетъ. Въ 1823 г. И. И. Лажечниковъ былъ переведенъ, въ томъ же званіи директора училищъ, въ Казанскую губернію. Тутъ онъ имѣлъ частыя столкновенія съ М. А. Магницкимъ, бывшимъ попечителемъ казанскаго учебнаго округа, и пріобрѣтшимъ такую печальную извѣстность своимъ обскурантизмомъ. Это заставило И. И. Лажечникова выйти въ отставку, и онъ, въ 1826 году, поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ задумалъ своего «Послѣдняго Новика», для котораго долго собиралъ матеріалы и даже, чтобъ познакомиться съ мѣстомъ дѣйствія романа, предпринялъ путешествіе по Лифляндіи. Окончательно романъ вышелъ въ свѣтъ въ 1833 г. и съ тѣхъ поръ имѣлъ три изданія. Трудно описать восторгъ, произведенный этимъ романомъ. Лажечниковъ былъ провозглашенъ первымъ русскимъ романистомъ, а Государь и Государыня пожаловали ему по бриллiантовому перстню. Вслѣдъ за тѣмъ въ Твери, въ 1831 году, написалъ онъ «Ледяной домъ», имѣвшій также три изданія, а въ 1837 г., въ деревнѣ подъ Старицей, на берегу Волги, и «Басурмана». Эти три романа составили славу И. И. Лажечникова. Давно признано всѣми его значеніе въ исторіи русской литературы, среди дѣятелей которой ему отведено одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Эти три произведенія извѣстны не только всей Россіи, но и переводились на французскій, англійскій и нѣмецкій языки, а лучшею оцѣнкою ихъ могутъ служить слова А. С. Пушкина: «они будутъ жить до тѣхъ поръ, пока не забудется русскій языкъ». Снова поступивъ на службу, И. И. Лажечниковъ, въ 1853 году, назначенъ былъ витебскимъ вице-губернаторомъ, но уже въ слѣдующемъ году уволенъ отъ этой должности. Наконецъ, въ 1856 году, онъ былъ опредѣленъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета и въ этой должности состоялъ до 28-го мая 1858 года. Этимъ и закончилась его служебная карьера. Кромѣ вышеназванныхъ произведеній, И. И. Лажечниковъ написалъ еще драмы «Горбунъ» и «Дочь еврея» и двѣ историческія трагедіи,—«Опричники» и «Матери-соперницы». Двѣ первыя не прибавили ничего къ славѣ автора, а послѣднія съ большимъ успѣхомъ даваемы были въ 1868—69 годахъ на петербургской драматической сценѣ. Изъ прозаическихъ его произведеній обратили на себя вниманіе романъ «изъ времени послѣдняго польскаго возстанія» «Двѣ сестры», помѣщенный въ «Военномъ Сборникѣ» и потомъ вышедшій отдѣльно, а также романъ «Внучка панцырнаго боярина», помѣщенный во «Всемірномъ трудѣ» за 1868 годъ. — 4-го мая 1869 года праздновался въ Москвѣ 50-ти-лѣтній юбилей литературной дѣятельности И. И. Лажечникова. Многочисленная публика присутствовала на этомъ празднествѣ, подарки, поздравительныя телеграммы и письменныя привѣтствія присылались отовсюду, а Наслѣдникъ Цесаревичъ прислалъ юбиляру рескриптъ, который мы приводимъ здѣсь вполнѣ:

Иванъ Ивановичъ! Узнавъ о совершившемся пятидесятилѣтіи вашей литературной дѣятельности, вмѣняю себѣ въ удовольствіе привѣтствовать васъ въ день, предназначенный къ празднованію этого событія. Мнѣ пріятно заявить вамъ при этомъ случаѣ, что «Послѣдній Новикъ», «Ледяной домъ» и «Басурманъ», вмѣстѣ съ романами покойнаго Загоскина, были, въ первые годы молодости, любимымъ Моимъ чтеніемъ и возбуждали во Мнѣ ощущенія, о которыхъ и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей, въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ не маловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу. Не сомнѣваюсь, что и ваши произведенія, по духу, которымъ они проникнуты, всегда согласовались съ свойственными каждому русскому человѣку чувствами преданности Государю и отечеству и ревности о благѣ, о правдѣ и чести народной.

Препровождаемый при семъ портретъ мой да послужитъ вамъ во свидѣтельство Моего уваженія къ заслугамъ многолѣтней вашей дѣятельности. Доброжелательный вамъ *«АЛЕКСАНДРЪ»*.

Мы не прибавляемъ ни слова къ этому рескрипту, такъ много говорящему и о томъ, къ кому онъ посланъ, и о пославшемъ его. И. И. Лажечниковъ не могъ присутствовать на своемъ юбилеѣ, по причинѣ болѣзни, а 26 іюня уже получено было извѣстіе о его смерти. Похороны его происходили въ Москвѣ, 28-го іюня, и тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Всѣ литераторы и ученые, находившіеся въ Москвѣ, почтили своимъ присутствіемъ печальную процесію, а божественная служба совершена была на его могилѣ архимандритомъ Симеономъ, инспекторомъ московской семинаріи.

Государств. публичная историческая библиотека

Конецъ II-го тома.

E41/73